

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1890 г.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

P Slav 605.25

~~Slav 25.10~~

Harvard College Library
Jan. 1 1902
PIERCE FUND.

А. Вайковъ

ЗАПИСКИ ПАТАЛИИ АЛЕКСѢВНЫ ОГАРЕВОЙ-ТУЧКОВОЙ

1828—1878 гг.

I.

Мой дѣдъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ.—Бабушка Каролина Ивановна.—Братья дѣда.—Затѣи дѣда.—Гостепрѣимство.—Генераль Торкель.— Столкновеніе съ генераломъ Нейдгардтомъ.—Заботы дѣдушки о воспитаніи дѣтей.—Мой дѣдъ по матери, А. С. Жемчужниковъ. — Разореніе отца.—Арестъ. — Переѣздъ семьи въ село Яхонтово.

Рѣшившись писать свои записки, я начну съ того, что слышала отъ своего дѣда, ген.-м. Алексѣя Алексѣевича Тучкова; но прежде скажу два слова о его наружности. Мой дѣдъ не былъ красивъ собою, средняго роста, широкоплечій, съ крупными чертами лица и довольно длиннымъ носомъ, но его голубые глаза выражали такую привѣтливость и доброту, что нельзя было не полюбить его, и дѣйствительно, онъ былъ безконечно любимъ всѣми знавшими его.

Онъ воспитывался сначала у какого-то нѣмецкаго пастора, которому дворяне отдавали своихъ дѣтей для обученія нѣмецкому языку, бывшему въ модѣ послѣ Петра Великаго; по-французски дѣдъ говорилъ очень плохо; позже его помѣстили въ Пажескій корпусъ.

Пажи представлялись императрицѣ; на одномъ изъ придворныхъ баловъ, дѣдъ мой, еще юношею, удостоился чести танцовать съ Екатериною II. Онъ никогда не забывалъ этого событія, любилъ вспоминать о необыкновенной красотѣ Екатерины, объ ея

милостивыхъ словахъ, обращенныхъ къ нему, всю жизнь оставался ея пламеннымъ поклонникомъ, изумлялся ея генію, ея знанію людей и снисходительности къ нимъ, и отсутствію въ ней злопамятности. Хотя и встрѣчаются, быть можетъ, ошибки въ ея царствованіи, но дѣдъ положительно отрицалъ ихъ; любовь къ императрицѣ и къ отечеству слилась въ его душѣ въ одно прочное и глубокое чувство, которое осталось непоколебимымъ всю жизнь и съ которымъ онъ скончался.

Въ 1792 или 1793 году, находясь съ полкомъ въ Вильно, дѣдъ мой прельстился необыкновенною красотою и умомъ Каролины Ивановны Ивановой и женился на ней; въ 1794 г. родилась у нихъ старшая дочь, Марія Алексѣевна Тучкова. Появленіе ея было встрѣчено съ необыкновенною радостью; въ то время семейство дѣда жило роскошно: новорожденную купали въ серебряной ваннѣ, Карамзинъ привѣтствовалъ ея рожденіе слѣдующими стихами:

„Въ сей день тебя любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами,
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами,
Сказала: „Будь мила!“
„Будь счастлива!“ сказать богиня не могла!

Н. Карамзинъ.

4-го декабря 1794 г.
Москва.

Когда не стало Екатерины, все измѣнилось; дворянство третпало передъ императоромъ Павломъ; хотя государю случалось миловать за дурные поступки, но бывало и наоборотъ, и потому нельзя было рассчитать или предугадать послѣдствія каждаго ничтожнаго слова, которое могло не понравиться императору. Въ тѣ времена служба для дворянъ была почти обязательна. Тучковыхъ было пять братьевъ и всѣ они служили въ военной службѣ. Старшій, Николай, любимецъ матери, смертельно раненый подъ Бородинымъ, скончался шесть недѣль послѣ этого сраженія; вторымъ былъ мой дѣдъ; третій, Сергѣй, служилъ въ 1812 г. у адмирала Чичагова. Послѣ бѣгства адмирала, который боялся потерпѣть отъ жестокой клеветы, Сергѣй Алексѣевичъ былъ судимъ въ продолженіи 12 лѣтъ восемь комиссіями, изъ

коихъ ни одна не признала его виновнымъ; наконецъ, императоръ Николай Павловичъ, вступившій уже на престолъ, повелѣлъ закрыть послѣднюю комиссію и призналъ Сергѣя Тучкова не виновнымъ. Послѣдній изъ братьевъ былъ, мнѣ кажется, замѣчательнѣе остальныхъ; онъ занимался, въ ту младенческую эпоху нашей литературы, переводами классическихъ трагиковъ: Корнеля, Расина; переводилъ также и Вольтера, занимался химіею и оставилъ записки, которыя были помѣщены М. П. Тучковымъ въ журналъ „Вѣкъ“; но изданіе этого журнала было приостановлено и поэтому о дальнѣйшей судьбѣ этихъ записокъ мнѣ ничего не извѣстно.

Извѣстный магнатъ и богачъ, Зоричъ, такъ полюбилъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова, что хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь и давалъ ей въ приданое двѣнадцать тысячъ душъ, съ условіемъ, чтобы Сергѣй Алексѣевичъ жилъ всегда при немъ, но тотъ на это не согласился. „Моя свобода не имѣетъ цѣны“, говорилъ онъ.

Впослѣдствіи дочь Зорича, о которой идетъ рѣчь, была выдана безъ такого богатаго приданого, кажется, за офицера Григорья Баранова; у нея родилась дочь Варвара, которая получила отъ матери большое имѣніе и осталась при отцѣ; мать-же ея, Наталья Ивановна Баранова, была увезена Сергѣемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, который женился на ней при жизни Баранова. Я слышала это отъ моего отца и сама знавала уже немолодую Варвару Григорьевну Баранову, по мужу Г.... Она вышла впослѣдствіи за Александра Григорьевича Г., была уже вдовою въ то время, какъ я ее знала, и бывала у насъ, не считая нашу семью постороннею.

Четвертаго Тучкова звали Павломъ Алексѣевичемъ; послѣ 1812 г., онъ находился нѣкоторое время въ плѣну во Франціи, а по возвращеніи въ отечество перешелъ въ гражданскую службу, былъ сенаторомъ и подъ конецъ своей дѣятельности былъ, кажется, членомъ государственнаго совѣта.

Вспоминая о всѣхъ братьяхъ моего дѣда, я отдалилась отъ своего разказа, къ которому теперь возвращаюсь.

Въ 1797 г. моя прабабушка жила въ Москвѣ, съ большимъ мужемъ и двумя незамужними дочерьми; желая находиться при матери, дѣдъ мой, въ то время уже престарѣлый, рѣшился про-

ситься въ отставку. Излагая причины, побудившія его къ этой просьбѣ, дѣдъ повергалъ на милостивое благоусмотрѣніе императора Павла Петровича—которому изъ братьевъ дать отставку; но, какъ извѣстно, и такую просьбу было не совсѣмъ безопасно подавать императору Павлу I, и за нее можно было подвергнуться ссылкѣ въ отдаленную губернію и на неопредѣленный срокъ.

Наконецъ, дѣдъ былъ успокоенъ полученіемъ отставки, за которую онъ благодарилъ государя и просилъ дозволенія представиться лично въ Гатчину, для принесенія благодарности. На эту просьбу послѣдовала официальная бумага слѣдующаго содержанія, которая хранится у насъ:

Гатчино, сентября 23 дня 1797 г.

„Государь императоръ соизволилъ указать объявить вашему превосходительству, что онъ, принимая благодарность вашу, избавляетъ васъ отъ труда прѣзжать въ Гатчино. Генераль-адъютантъ Ростовчинъ“.

При этомъ находится на имя дѣда подорожная, которая обратила мое вниманіе только потому, что она подпѣсана наслѣдникомъ престола Александромъ, а внизу подпѣсалъ „генераль-маіоръ государственной военной коллегіи членъ, с.-петербургскій комендантъ и кавалеръ, князь Долгорукой, 10 февраля 1798 г.“, т. е. четыре мѣсяца послѣ полученія дѣдомъ отставки.

По преданію нашей семьи, императоръ Павелъ, разсердясь на моего дѣда за его просьбу объ отставкѣ, выслалъ его изъ Петербурга.

Въ царствованіе императора Александра I, дворянство дышало свободнѣе, но вскорѣ явился Аракчеевъ, гонитель многихъ честныхъ личностей, и между прочимъ Тучковыхъ. По его проискамъ, ихъ постоянно обходили производствомъ и наградами, не смотря на то, что въ 1812 г. двое изъ братьевъ дѣда обагрили своею кровью Бородинское поле, защищая отечество. Упомянувъ о 1812 годѣ, скажу кстати, что отецъ передавалъ мнѣ не разъ, какъ онъ съ младшимъ братомъ игралъ съ ружьями, брошенными солдатами-французами въ полѣ, близъ сада. Они жили въ деревнѣ, не далеко отъ смоленской дороги, когда проводили плѣнныхъ, которые кричали: „du pain, du pain“; тогда бабушка

выходила имъ на встрѣчу съ дѣтьми и одѣляла ихъ хлѣбомъ, даже бѣлымъ, нарочно испеченнымъ для подаенія плѣннымъ.

Дѣдъ былъ чисто русская, широкая натура; онъ былъ богатъ не столько по наслѣдству, сколько по счастливой игрѣ въ карты, къ которымъ питалъ большую страсть — это былъ единственный его недостатокъ. Онъ былъ страстный поклонникъ и знатокъ живописи и архитектуры; къ послѣдней имѣлъ даже истинное призваніе; въ своихъ деревняхъ и въ подмосковномъ имѣніи онъ строилъ дома, оранжереи, разбивалъ великолѣпные сады, на которые пріѣзжали любоваться знакомые; но когда все было доведено до возможнаго совершенства, онъ скучалъ и начиналъ мечтать о новой артистической работѣ, и нерѣдко продавалъ устроенное имѣніе въ убытокъ, покупалъ новое и съ жаромъ принимался за его устройство. Садовникъ дѣда, нѣмецъ Андрей Ивановичъ Гохъ, очень жалѣлъ великолѣпные сады и, покачивая головою, принимался разбивать новые; онъ всею душою былъ преданъ дѣду.

Въ Москвѣ, дѣдъ Алексѣй Алексѣевичъ также перестраивалъ свои дома до основанія, оставляя однѣ капитальныя стѣны. Въ домѣ, купленномъ у кн. Потемкина, онъ устроилъ для картинной галлерей, которую имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, освѣщеніе сверху, которымъ всѣ знакомые восхищались; его картинная галлерей, замѣчательная для того времени, заключала нѣсколько цѣнныхъ оригиналовъ итальянской и фламандской школы, и много хорошихъ копій съ картинъ этихъ двухъ школъ.

Въ домѣ дѣда жили постоянно разныя постороннія лица: друзья, товарищи его по военной службѣ, даже просто знакомые, находившіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; преслѣдуемый властями, полковникъ Татариновъ прожилъ у дѣда десятки лѣтъ; о немъ сохранилась у насъ офиціальная бумага, свидѣтельствующая объ участіи къ нему дѣда.

Февраля 4-го дня 1803 года.

„Милостивый государь мой Алексѣй Алексѣевичъ! говорится въ этой бумагѣ,—по письму вашего превосходительства, объ отставномъ полковникѣ Татариновѣ, я имѣлъ счастье докладывать государю императору. Его величество высочайше повелѣть соизволило: Татаринову назначить мѣсто для житья въ которомъ-нибудь изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи.

„Сообщивъ о сей монаршей волѣ, для исполненія, г. московскому военному губернатору, честь имѣю васъ, милостивый государь мой, объ оной увѣдомить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, м. г. мой, вашего превосходительства поворнѣйшій слуга князь Лопухинъ“.

Генераль-маіоръ Торкель прожилъ у дѣда 30 лѣтъ, и послѣ разоренія Тучковыхъ переѣхалъ съ ними въ Яхонтово, гдѣ я помню его съ дѣтства и гдѣ онъ скончался въ 1839 году.

Дѣтей своихъ дѣдъ воспитывалъ, по тому времени, замѣчательно; сначала у нихъ были всевозможные учителя, потомъ сыновья его учились въ школѣ колонновожатыхъ старика Муравьева, котораго молодежь чрезвычайно любила и уважала. Это было замѣчательное и лучшее въ то время учебное заведеніе, въ которомъ отецъ мой не только усвоилъ знаніе высшей математики, но и развилъ преподавательскій талантъ, который впоследствии былъ ему очень полезенъ для насъ и для его школы крестьянскихъ дѣтей. Окончивъ курсъ въ школѣ, отецъ мой вступилъ въ московскій университетъ, а впоследствии поступилъ на службу въ генеральный штабъ, не разъ былъ посылаемъ на съемки и проч., былъ произведенъ въ поручики, и въ этомъ чинѣ остался до конца жизни. Пылкій и самостоятельный характеръ отца былъ непригоденъ для военной службы; не разъ у него случались неприятели съ начальствомъ, обращавшимся съ подчиненными подчасъ довольно грубо. Такъ, на примѣръ, однажды, посланный куда-то по казенной надобности, отецъ мой, тоже Алексѣй Алексѣвичъ Тучковъ, стоялъ на крыльцѣ станціоннаго дома, когда подъѣхала кибитка, въ которой сидѣлъ генераль (впоследствии узнали, что это былъ генераль Нейдгардтъ).

Онъ сталъ звать пальцемъ отца моего.

„Эй, ты, поди сюда!“ кричалъ генераль.

— „Самъ подойди, коли тебѣ надо“, отвѣчалъ отецъ, не двигаясь съ мѣста.

„Однако, кто ты?“ спрашиваетъ сердито генераль.

— „Офицеръ, посланный по казенной надобности“, отвѣчалъ ему отецъ.

„А ты не видишь, кто я?“ вскричалъ генераль.

— „Вижу, отвѣчалъ отецъ,—человѣкъ дурнаго воспитанія“.

„Какъ вы смѣете такъ дерзко говорить? Ваше имя?“ кипятился Нейдгардтъ.

— „Генеральнаго штаба поручикъ Тучковъ, чтобы ты не думалъ, что я скрываю“, отвѣчалъ отецъ.

Эта неприятная исторія могла-бы кончиться очень нехорошо, но, къ счастью, Нейдгардтъ былъ хорошо знакомъ со стариками

Тучковыми, потому и промолчалъ, — едва-ли потому, что самъ былъ виноватъ.

Младшій сынъ дѣда, Павелъ Алексѣевичъ, не былъ въ университетѣ, онъ предпочелъ военную службу и четырнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры.

Что особенно замѣчательно для того времени, дѣдъ также ничего не жалѣлъ для образованія своихъ дочерей; профессоръ И. И. Давыдовъ, между прочими учителями, преподавалъ тетѣ Маріи Алексѣевнѣ исторію и словесность, знаменитый живописецъ Куртель давалъ ей уроки рисованія и живописи; она стала хорошею портретистью, превосходно копировала картины, и своими копіями много утѣшала дѣда послѣ его разоренія и продажи его картинной галлерей. Я особенно помню двѣ великолѣпныя копіи: четыре евангелиста и картина съ многими фигурами и съ слѣпымъ Товіемъ. Кажется, эти картины и теперь существуютъ у моего троюроднаго брата, сенатора А. И. Деспотъ-Зеновича.

Вторая дочь дѣда, Анна Алексѣевна, была замѣчательная піанистка; ученица знаменитаго Фильда, она въ совершенствѣ усвоила его мягкую, плавную и выразительную игру. Третья дочь его, Елисавета Алексѣевна, очень умная и замѣчательно красивая, вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, въ тотъ самый годъ (1823 г.), когда отецъ мой женился въ Оренбургѣ, на дочери генераль-лейтенанта Аполлона Степановича Жемчужникова, Наталіи Аполлоновнѣ.

Аполлонъ Степановичъ Жемчужниковъ былъ очень добрый и въ высшей степени честный человѣкъ; онъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Типольдъ, имѣлъ многочисленную семью, состоявшую изъ девяти человѣкъ дѣтей, кромѣ того, у него жила мать и тетка его жены; средства его были ограниченныя, — онъ жилъ однимъ жалованьемъ.

Когда онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Оренбургъ, у вѣзда въ городъ онъ былъ встрѣченъ командиромъ полка, стоявшаго тогда въ Оренбургѣ. Полковникъ подалъ ему рапортъ о состояніи полка, а въ рапортъ было вложено десять тысячъ. Аполлонъ Степановичъ развернулъ бумагу, гнѣвно раскидалъ деньги и сказалъ полковнику:

— „На первый разъ я васъ прощаю, но если это повторится, безъ пощады отдамъ васъ подъ военный судъ“.

Полковникъ, въ большомъ удивленіи, пробормоталъ испуганно извиненіе, говоря:

— „Такъ всегда встрѣчали новаго начальника“.

Мой отецъ учился у Муравьева со старшими братьями моей матери и былъ очень друженъ съ ними; навѣстивъ ихъ однажды въ Оренбургѣ, онъ увидѣлъ мою мать и просилъ ея руки. Бабушка, Каролина Ивановна, нашла, что отецъ слишкомъ молодъ, чтобы жениться; его послали на годъ за границу, но по возвращеніи отецъ не измѣнилъ своего намѣренія и женился на Натальѣ Аполловнѣ Жемчужниковой.

Въ это время дѣла дѣда разстроились: фортуна, какъ говорили тогда, такъ долго улыбавшаяся ему, вдругъ измѣнила,—онъ сталъ проигрывать, проигрывать постоянно, и для уплаты карточныхъ долговъ былъ вынужденъ продавать за безцѣнокъ богато устроенныя имѣнія и московскіе дома; одинъ изъ его домовъ былъ проданъ Головкину, а впоследствии перепроданъ имъ кому-то изъ царской фамиліи, потому что когда намъ показывали этотъ великолѣпный домъ, онъ носилъ названіе „Михайловскаго дворца“, на дворѣ его стояла будка и ходилъ взадъ и впередъ часовой, что насъ, жительницъ деревни, очень поразило.

У дѣда осталось только четыре имѣнія: Сукманово, въ Тульской губ., Фурово—во Владимірской, Ведянцы—въ Симбирской, подаренныя Екатериною II моему прадѣду Алексѣю Васильевичу Тучкову, и отдаленное Яхотово въ Пензенской губерніи; но до отъѣзда семьи въ добровольную ссылку, во время междуцарствія и воцаренія Николая Павловича, наступило 14 декабря. Отецъ мой и женатый продолжалъ жить въ домѣ отца своего, въ Москвѣ, гдѣ и былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

По привозѣ въ столицу, онъ былъ доставленъ прямо въ Зимній дворецъ; его допрашивали въ залѣ, около кабинета императора. Отецъ мой принадлежалъ къ „союзу благоденствія“, былъ друженъ со многими изъ членовъ Сѣвернаго общества и съ нѣкоторыми изъ Южнаго; особенно друженъ онъ былъ съ Иваномъ Пуцинымъ, съ А. Бестужевымъ, Евгениемъ Оболенскимъ, съ братьями Муравьевыми-Апостолами и др. Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ его другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ братъ его тетки, Маргариты Михайловны Тучковой, впоследствии бординской игуменьи. Послѣ допроса, отецъ сказалъ громко:

— „Si vous voulez me mener à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré“¹⁾.

Государь спросилъ что это за шумъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ генеральномъ штабѣ, гдѣ онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца. Такъ какъ его не было въ Петербургѣ во время вооруженнаго возмущенія, то противъ него не нашлось никакихъ важныхъ уликъ. Я спрашивала отца, почему онъ такъ возставалъ противъ заключенія въ крѣпости.

— „Я боялся за твою мать, отвѣчалъ онъ,—боялся, что эта вѣсть дойдетъ до моей семьи... тогда ожидали рожденія твоей старшей сестры“.

Дѣйствительно, во время заключенія отца, родилась, въ 1825 г., старшая сестра моя, Анна Алексѣевна, въ Москвѣ, въ домѣ, нанятомъ дѣдомъ для всей семьи,—своихъ домовъ у него тогда уже не было.

Послѣ возвращенія изъ Петербурга, отецъ выпелъ въ отставку, и вскорѣ вся семья наша переехала на жительство въ село Яхонтово, Пензенской губ., въ маленькій домикъ, крытый соломою, въ которомъ жили прежде приказчики; изъ Москвы перевезли немного мебели, нѣкоторыя сокровища, остатки прежняго величія, множество книгъ съ литографіями картинъ разныхъ галлерей, съ изображеніями разныхъ породъ птицъ и пр.; всѣ эти дорогія изданія хранились въ шкапахъ, на которыхъ были разставлены бюсты разныхъ греческихъ боговъ и богинь; впоследствии старшая сестра рисовала съ нихъ карандашемъ и тушью. У каждаго изъ членовъ семьи было по комнатѣ, и то небольшой, за исключеніемъ тети Марьи Алексѣевны, у которой была маленькая спальня и большая комната, называемая власною, въ которой висѣли ея работы масляными красками, гдѣ она занималась живописью и учила мою сестру. Въ гостиной стоялъ рояль тети Анны Алексѣевны; она играла, какъ я уже говорила, очень хорошо, но, къ сожалѣнію, только по вечерамъ; бывало, няня, Фекла Егоровна, торопитъ насъ идти спать, а намъ не хочется: мы видимъ, какъ зажигаютъ на роялѣ восковыя свѣчи, значитъ, тетя будетъ играть, и начнется у насъ долгій

¹⁾ Переводъ. „Если вы хотите отвести меня въ крѣпость, то вамъ придется стащить меня силою, такъ какъ добровольно я ни за что не пойду“.

торгъ съ Оеклою Егоровною, канчавшійся обыкновенно тѣмъ, что няня согласится оставить дверь въ нашу комнату пріотворенною, чтобы мы могли слушать музыку въ постели; мы бѣжимъ спать счастливыя, но утомленные бѣготнею, и, разумѣется, тотчасъ засыпаемъ...

Осенью дѣдъ нашъ съ тетею Анною Алексѣвною возвращались въ Москву; оба они не могли привыкнуть къ деревенской жизни; особенно невозможнымъ имъ казалось проводить въ деревнѣ зиму.

II.

Друзья отца. — Г. А. Римскій-Корсаковъ. — Mon Repos генерала К. К. Торкеля. — День ангела бабушки. — Сосѣди. — Пресвященный Амвросій въ селѣ Яхонтовѣ. — Смерть бабушки и сестры. — Николай Платоновичъ Огаревъ. — Наша первая гувернантка. — Раадъ въ семьѣ Огаревыхъ.

Кажется, мнѣ было немногимъ болѣе года, когда однажды зимою вся семья наша сидѣла въ гостиной; кромѣ своихъ, тутъ былъ лучший другъ моего отца, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ. Нянюшка подносила меня прощаться къ каждому изъ присутствовавшихъ, а я, по-архіерейски, подносила руку къ ихъ губамъ; также подала я руку и Григорію Александровичу. Онъ покачалъ головою и сказалъ:

— „Это что? Я не хочу“.

Я прижалась къ нянѣ и горько заплакала; она поспѣшила удалиться со мною, но Григорій Александровичъ догналъ насъ и сказалъ:

— „Ну, дай ручку, я поцѣлую, не плачь“.

Но теперь уже я качала головою и показывала, что не хочу. Это мое первое воспоминаніе. Григорій Александровичъ всегда говорилъ:

— „J'aime quand les enfans pleurent, car on les emporte“ ¹⁾, но для меня онъ дѣлалъ исключеніе; между нами съ самаго ранняго дѣтства была какаля-то симпатія; я его любила почти столько-же, какъ и отца.

¹⁾ Переводъ: „Я люблю, когда дѣти плачутъ, потому что ихъ тогда уносятъ“.

Мнѣ труднѣе говорить о Григорѣ Александровичѣ, нежели о всѣхъ выдающихся личностяхъ, съ которыми судьба сталкивала меня на жизненномъ пути, потому что онъ прошелъ незамѣтно, хотя по оригинальному складу ума, познаніямъ, необыкновенной энергіи и рѣдкой независимости характера онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей. Современники удивлялись ему. Если-бы онъ родился на западѣ, то ему выпала-бы на долю одна изъ самыхъ выдающихся ролей въ общественной жизни, а у насъ въ то время не было мѣста такимъ личностямъ.

Григорій Александровичъ былъ старше моего отца; въ 1816 г. онъ былъ уже офицеромъ л.-гв. Семеновскаго полка, въ 1820 г. произведенъ въ полковники; мать выхлопотала ему отпускъ и онъ отправился въ 1823 г. путешествовать въ чужіе края и возвратился только въ 1826 г.; благодаря этой случайности, его не было въ Россіи во время возмущенія 14 декабря 1825 г.; имѣвъ друзей между декабристами, онъ могъ подвергнуться тяжелой участи, въ особенности по причинѣ его неукротимаго нрава.

Странно было явленіе такого независимаго человѣка именно въ Россіи въ ту эпоху. Онъ былъ большой оригиналъ и оригинально вышелъ въ отставку, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Корсаковъ однажды былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими офицерами, въ Зимній дворецъ на обѣдъ, данный государемъ Николаемъ Павловичемъ гвардейскимъ офицерамъ. Въ то время военные ужасно затягивались; послѣ обѣда, Корсаковъ имѣлъ привычку разстегивать одну пуговицу у мундира. Кн. Волконскій, бывший тогда министромъ двора, замѣтивъ это, подошелъ къ Корсакову и очень вѣжливо сказалъ ему по-французски:

— „Colonel, boutonnez-vous, je vous prie“ ¹⁾, и прошелъ далѣе, но Григорій Александровичъ оставилъ это замѣчаніе безъ всякаго вниманія. Обходя еще разъ сидѣвшихъ за столомъ офицеровъ, кн. Волконскій вторично напомнилъ Корсакову, что нельзя разстегиваться во дворцѣ. Онъ говорилъ по-французски, и Григорій Александровичъ отвѣчалъ ему съ раздраженіемъ на томъ-же языкѣ:

— „Voulez-vous, prince, que j'étouffe!“ ²⁾.

¹⁾ Переводъ: „Полковникъ, застегнитесь, пожалуйста“.

²⁾ „Вѣрно вы хотите, князь, чтобы я задохнулся“.

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола и удалился тотчасъ изъ дворца. На другой день онъ подалъ въ отставку и оставилъ службу навсегда. Онъ услышалъ вскорѣ, что мой отецъ, тоже будучи въ отставкѣ, живетъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи и занимается сельскимъ хозяйствомъ, имѣя свеклосахарный заводъ.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Яхонтова находилось имѣніе Корсаковыхъ—Голицыно; оно досталось Григорію и Сергѣю Александровичамъ Римскимъ-Корсаковымъ по наслѣдству. Григорій Александровичъ поселился въ немъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, завелъ также свеклосахарный заводъ, и управлялъ своимъ имѣніемъ до конца жизни. Григорій Александровичъ, какъ все образованное меньшинство общества того времени, былъ поклонникомъ Вольтера и энциклопедистовъ, читалъ все, что было замѣчательнаго на французскомъ языкѣ, и самъ имѣлъ богатую бібліотеку французскихъ книгъ. Не любя никому давать своихъ книгъ, онъ дѣлалъ для насъ исключеніе; когда мы подросли, онъ прислалъ m-lle Michel каталогъ своей бібліотеки, въ которомъ она отмѣтила все, что было нужно для нашего образованія, и онъ прислалъ намъ цѣлый ящикъ съ книгами; черезъ годъ мы возвратили ихъ очень аккуратно; я помню, сколько мнѣ надѣлало хлопотъ маленькое чернильное пятно, сдѣланное мною на оберткѣ одного изъ томовъ „Mémoires d'Adriani“; наконецъ, мнѣ удалось найти подобный экземпляръ въ Москвѣ и я подмѣнила его, а возвратить Григорію Александровичу книгу съ чернильнымъ пятномъ не имѣла духа.

Изъ русскихъ писателей едва-ли Корсаковъ читалъ что-нибудь, кромѣ Пушкина и Гоголя; однако, въ бумагахъ моего отца мнѣ попалась коротенькая критика на „Свои люди—сочтемся“, писанная рукою Григорія Александровича (1850 г.). Умъ его былъ мѣткій, оригинальный, послѣдовательный, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій; онъ былъ остроуменъ и находчивъ. Наружность его была некрасивая, но внушающая; въ аристократическихъ салонахъ Москвы его такъ-же боялись, какъ и въ нашихъ степныхъ гостинныхъ; станціонные смотрителя, ямщики, чиновники, даже губернаторъ—всѣ знали его и всѣ его боялись.

Корсаковъ казался холоднѣе ко всѣмъ, даже и къ моему отцу, хотя чрезвычайно любилъ его; по-русски они были на

ты, а по-французски говорили другъ другу вы, что я замѣтила вообще въ людяхъ того времени. Привязанность Григорія Александровича къ моему отцу обнаруживалась только тогда, когда отецъ серьезно занемогалъ; тогда Корсаковъ дѣлался его сидѣлкою, ходилъ и говорилъ тихо, съ озабоченнымъ видомъ, просиживалъ ночи у его постели; но какъ только ему становилось лучше, Корсаковъ принималъ опять холодный видъ и тотчасъ уѣзжалъ домой.

Отецъ рассказывалъ, что необузданный характеръ его друга много разъ ставилъ послѣдняго на край гибели. Еще въ бытность въ военной службѣ, Корсаковъ зашелъ какъ-то разъ слишкомъ далеко въ шуткѣ съ пріятелемъ, тоже военнымъ; тотъ обидѣлся и дѣло дошло почти до дуэли, но мой отецъ былъ настолько счастливъ, что сумѣлъ уговорить обиженного и помирить ихъ. Отецъ не разъ являлся, такимъ образомъ, его ангеломъ хранителемъ, выручая его изъ бѣды. Въ Голицынѣ случилось однажды весьма непріятное происшествіе, которое могло-бы весьма дурно кончиться для Григорія Александровича. Разсердясь, не помню за что, на какого-то татарина, онъ его такъ избилъ, что тотъ чуть было не умеръ. Прійдя въ себя, Корсаковъ понялъ всю безумную дикость своего поступка. Онъ послалъ за моимъ отцомъ и писалъ ему такъ, по-французски:

„Venez vite, je suis un malheureux“.

Мой отецъ поспѣшилъ къ нему, сталъ самъ ухаживать за татаринномъ и успѣлъ поправить его, хотя не очень скоро. Вышедши къ татарамъ, которые собрались около дома и требовали отъ Григорія Александровича выдачи больнаго или убитаго татарина, отецъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ самъ ходитъ за нимъ. Хотя татары эти были другаго уѣзда, но они знали Тучкова, и спокойно оставили своего больнаго на попеченіи „Лексѣя Лексѣевича“, какъ они называли моего отца, и удалились изъ Голицына. Такъ это дѣло и уладилось.

Иногда на Григорія Александровича находила потребность учинить какую-нибудь чисто школьническую шалость. Однажды, въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ, за обѣдомъ, онъ сказалъ сидѣвшему вправо отъ него пріятелю:

— „Бьюсь о закладъ, что у моего сосѣда слѣва фальшивыя

икры ¹⁾, онъ такой сухой, не можетъ быть, чтобы у него были круглыя икры; погодите, я увѣрюсь въ этомъ“.

Съ этими словами онъ нагнулся, какъ будто что-то поднимая, и воткнулъ вилку въ икру сосѣда. Послѣ обѣда тотъ всталъ и, ничего не подозрѣвая, преспокойно прохаживался съ вилкою въ ногѣ. Корсаковъ указалъ на это своему пріятелю, и оба они много смѣялись. Эта шутка могла-бы также подать поводъ къ большой непріятности, но, къ счастью, одинъ изъ служителей клуба ловко выдернулъ вилку изъ ноги господина, не успѣвшаго замѣтить эту проказу.

У моего отца былъ еще одинъ пріятель, память о которомъ сохранилась до сихъ поръ въ нашемъ губернскомъ городѣ; это былъ Иванъ Николаевичъ Г.; мой отецъ и Корсаковъ были знакомы съ нимъ почти съ дѣтства, и потому поддерживали съ нимъ короткія отношенія, хотя между ними было мало общаго.

Иванъ Николаевичъ былъ уменъ, но умъ его былъ какой-то особенный, легкій, саркастическій. Онъ умѣлъ пересмѣять каждого, замѣтить смѣшныя стороны, и мѣтко задѣвалъ всѣхъ. Онъ былъ арестованъ въ Москвѣ послѣ 14 декабря (1825 г.), но его освободили черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; заточеніе это придало ему незаслуженный вѣсъ. Въ крѣпости онъ написалъ стихи, начало которыхъ я помню до сихъ поръ:

„Ахъ, ахъ, ахъ, какая тоска,
Какъ постель моя жестка.
Всѣ по клѣткамъ ходить
И осматриваютъ насъ,
Будто птичекъ, всѣ насъ кормятъ.
Вотъ житье, ну, чортъ-ли въ немъ!
Не осталось либерала
До послѣдняго жиды ²⁾,
Но намъ кажется все мало—
Такъ пожалуйста сюда“.

Бывало, когда онъ пріѣдетъ въ Яхонтово, всѣ его упрашиваютъ спѣть эти стихи; онъ садеть за рояль, поетъ и аккомпанируетъ себѣ самъ, а мы слушаемъ его съ восторгомъ, видя въ

¹⁾ Въ то время носили шелковые чулки и подблудывали подушки, когда собственныя икры были тонки.

²⁾ На арестъ Ив. Петр. Липранди, который былъ вскорѣ выпущенъ.

немъ также декабриста, но, въ сущности, Иванъ Николаевичъ не раздѣлялъ возвышенныхъ взглядовъ о нравственности и свободѣ этихъ несчастныхъ и даровитыхъ людей; онъ былъ человѣкъ совершенно иныхъ воззрѣній и былъ способенъ на совершенно иные поступки.

Разскажу одинъ случай, характеризующій его. Когда онъ жилъ еще съ родителями, ему казалось, что они тратятъ слишкомъ много на гувернантокъ для его сестеръ; его молодой, но изобрѣтательный умъ придумалъ оригинальное средство избавленія отъ этой ненужной, по его мнѣнью, траты. Какъ наймутъ гувернантку для его сестеръ, онъ начнетъ ей строить куры, какъ тогда говорили; прикидывается влюбленнымъ, разсѣяннымъ, не отходить отъ гувернантки по цѣлымъ днямъ; наконецъ, его поведеніе бросается въ глаза, и родители начинаютъ замѣчать его.

— „Что это Иванъ прохода не даетъ гувернанткѣ, говорятъ они,—все вертится около нея; какъ-бы онъ не женился на мамзели или обезчеститъ нашъ домъ, пожалуй, это нельзя такъ оставить, надо гувернанткѣ отказать“.

И гувернантка, ни въ чемъ неповинная, получала отказъ; Иванъ Николаевичъ показывалъ видъ полнѣйшаго отчаянія, а самъ торжествовалъ; сестры его оставались мѣсяцы безъ наставницы, пока родители отыскивали такую, которая подходила-бы ко всѣмъ требованіямъ. Иванъ Николаевичъ весело потиралъ руки, думая про себя: „нанимайте, нанимайте, а мы и за новою будемъ ухаживать, намъ это ни по чемъ“.

Подобные порывы рано проглядывали въ его корыстолюбивой натурѣ. Такъ прошла вся его жизнь; онъ сознавалъ, что общество не можетъ относиться къ нему съ уваженіемъ, и потому постоянно бравировалъ и задѣвалъ cadaго безпощадно своимъ злымъ языкомъ.

Вспоминаю одинъ анекдотъ, характеризующій Ивана Николаевича. Дѣдъ мой говорилъ всегда, что раздѣлить имѣніе при жизни, чтобы быть покойнымъ, что между его дѣтьми не будетъ непріятностей: незамужнія дочери получили Сукманово и Фурово, сыновья—Яхонтово и Ведянцы. Когда раздѣлъ былъ совершенъ, дядя мой продалъ вскорѣ свою часть Ивану Николаевичу; послѣдній заѣзжалъ часто къ намъ изъ своего новаго имѣнія и постоянно хвалился, что крестьяне любятъ его необыкновенно.

— „Они меня обожают, рассказывалъ онъ однажды Корсакову и моему отцу,—любятъ меня гораздо болѣе прежнихъ владѣльцевъ. Когда я осматривалъ лѣсъ, мнѣ пришлось раза два зайти въ дубовый садъ, широко раскинувшимъ свои вѣтви. Вообразите, друзья, они называли это дерево—Ивановъ дубъ! Это изумительно!“

Моему отцу было непріятно слушать его разглагольствованія, тѣмъ болѣе, такъ какъ онъ зналъ, что все это неправда, но онъ молчалъ; Корсаковъ-же потерялъ терпѣніе, ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ:

— „Laissez-moi tranquille avec vos balivernes! ¹⁾ Не вѣрю я всему этому; ты набавилъ оброкъ, ты сажаешь неплатящихъ въ рабочій домъ; при Тучковыхъ этого никогда не было,—и ты рассказываешь намъ, что они тебя обожаютъ? Да, вѣрю, они назовутъ это дерево Ивановъ дубъ, но знаешь-ли когда?—когда они тебя на немъ повѣсятъ!“

Всѣмъ стало неловко; Иванъ Николаевичъ принужденно засмѣялся, а Корсаковъ спокойно вышелъ изъ комнаты, насвистывая какую-то французскую пѣсню.

Живо помню также нашего добраго генералъ-маіора Карла Карловича Торкеля; мы, дѣти, были очень привязаны къ нему, любили его открытое, доброе лицо, его голубые, вѣчно улыбающіеся глаза; у него была большая рана на ногѣ, такъ что онъ всегда ходилъ съ костылемъ; онъ любилъ, чтобы я его водила, и говорилъ, что мы идемъ, какъ Эдипъ съ Антигоною; не знаю почему, я краснѣла и не любила когда онъ говорилъ это при большихъ.

Карлъ Карловичъ жилъ во флигелѣ, построенномъ по его собственному плану, очень близко отъ нашего дома; надъ входною дверью была крупная надпись: „Mon Repas“. флигель этотъ состоялъ изъ четырехъ крошечныхъ комнатъ, но какъ ни малъ былъ его домикъ, Карлъ Карловичъ чувствовалъ себя въ немъ полнымъ хозяиномъ, и это радовало и тѣшило его, какъ ребенка. Въ маленькомъ палисадникѣ возлѣ дома онъ пилъ въ лѣтнее время кофе поутру и чай послѣ обѣда, но обѣдать ходилъ всегда въ большой домъ, какъ онъ его называлъ. Обыкновенно, онъ усаживался на стулъ въ залѣ, я проворно подвигала другой

¹⁾ Оставьте меня въ покоѣ съ вашими глупостями!

стулъ для его большой ноги, которую онъ не могъ держать на вѣсу. Карлъ Карловичъ имѣлъ особенность ужасно громко чихать; мои тетюшки рассказывали, что имъ бывало очень неловко, когда еще въ Москвѣ Торкель сопровождалъ ихъ въ театръ, потому что его чиханье обращало не разъ особое вниманіе публики на ихъ ложу и однажды ему даже аплодировали. Дома, когда онъ собирался чихать, онъ посылалъ предупредить мою мать и бабушку, которую онъ очень любилъ и называлъ своею „сударынею“.

Тетя Марья Алексѣевна была необыкновенно привязана къ своей матери; въ ея именины или рожденіе она дѣлала ей какой-нибудь сюрпризъ, вечеромъ—иллюминацію; шифръ именинницы на масляной бумагѣ изготовлялъ нашъ другъ Торкель; мы заучивали какіе-нибудь стихи по-русски или по-французски, сцены изъ трагедій Расина; когда я была еще слишкомъ мала, чтобы запомнить что-нибудь, мнѣ все-таки дѣлали какой-нибудь костюмъ, чтобы мнѣ не было обидно. Въ дни приготовленій обѣдали въ официантской, а залу запирали; въ ней настилали полъ для маленькихъ актеровъ, устраивали занавѣсъ, убирали всю залу гирляндами изъ цвѣтовъ; иногда, забывшись, бабушка отворяла дверь въ залу и постѣнно запирала ее, говоря: „я ничего не видала“.

Къ торжественному дню съѣзжались сосѣди; дальніе жили подолгу у насъ; а какъ хорошъ бывалъ Карлъ Карловичъ въ эти дни! Бѣлые воротнички его бѣлой какъ снѣгъ рубашки туго накрахмалены, на немъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами, его бѣлые волосы, съ серебристымъ отливомъ, тщательно приглажены, голубые глаза торжественно улыбаются, въ рукахъ у него букетъ или-какой нибудь подарокъ своей работы—не даромъ онъ нѣмецъ. Забывая свою застѣнчивость, я подаю ему руку и не безъ гордости веду его къ именинницѣ; тамъ, сказавъ свое привѣтствіе и вручивъ подарокъ, онъ садится и отдыхаетъ, прежде чѣмъ отправиться на свое обычное мѣсто въ залу...

Въ нашемъ сосѣдствѣ жила Александра Петровна С***; моя бабушка очень любила ее за умъ и любезность; имѣніе ея Ру—опаходилось всего въ 15 в. отъ Яхонтова; рассказывали, что весь облодокъ трепеталъ передъ ея мужемъ, Николаемъ Петровичемъ С***; онъ былъ человекъ очень сердитый и вспыльчивый, держалъ верховыхъ, которые день и ночь разѣзжали и доносили

ему все, что дѣлалось, кто проѣзжалъ черезъ Ру—о, и куда. Тогда онъ приказывалъ привести проѣзжающаго, иногда милостиво отпускалъ его, а иногда случалось заставлялъ бесѣдовать съ собой, и лишь только что-нибудь ему не понравится, сдѣлаетъ знакъ людямъ, проѣзжаго схватятъ и потащатъ въ тюрьму, гдѣ однажды долго высидѣлъ какой-то исправникъ. Онъ запиралъ такимъ образомъ разныхъ мелкихъ чиновниковъ: засѣдателей, приказныхъ и т. п., но дворянъ не трогалъ. Въ саду, недалеко отъ великолѣпнаго господскаго дома, находилось высокое, тоже каменное, зданіе, которое и служило тюрьмою; окна были только вверху и то съ крѣпкою желѣзною рѣшеткою; говорили, что когда этотъ злодѣй умеръ, кажется это было въ 1800 г., то жена его выпустила изъ тюремъ много несчастныхъ; говорили, будто человекъ до трехсотъ, хотя число это, вѣроятно, преувеличено.

Николай Петровичъ С*** писалъ стихи, хотя очень плохіе, восхваляя въ нихъ Екатерину II; дѣдъ мой рассказывалъ, что императрица прислала ему брилліантовый перстень, съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе стиховъ не писалъ. Насъ изрѣдка возили въ Р—о къ старушкѣ Александрѣ Петровнѣ С***, къ ней собирались ея внуки, съ которыми мы играли и бѣгали по саду. Домъ, въ которомъ она жила, былъ очень большой, мрачной наружности; комнаты отъ высокихъ и узкихъ оконъ казались также угрюмы; въ двухъ гостиныхъ мебель была съ бронзовою отдѣлкою на ручкахъ и ножкахъ, обита малиновымъ штофомъ и всегда подъ бѣлыми чехлами; вездѣ висѣли фамиліальные портреты; въ углубленіи большой гостиной, надъ диваномъ, висѣлъ, въ позолоченой рамѣ, портретъ самого Николая Петровича, въ мундирѣ, парикѣ съ пудрою и косою, съ дерзкимъ и вызывающимъ выраженіемъ лица, и рядомъ, тоже въ позолоченой рамѣ, портретъ Александры Петровны С***, тогда еще молодой и красивой, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ фижмѣ, съ открытою шею и короткими рукавами. Изъ гостиной была дверь на балконъ; по широкимъ ступенямъ его мы спускались въ большой, тоже очень мрачный, садъ, разбитый на правильныя аллеи; вдали отъ дома былъ лабиринтъ, который насъ забавлялъ и пугалъ отчасти, потому что нелегко было изъ него выбраться.

Внуки страшнаго Николая Петровича подводили насъ къ тюрьмамъ, которыя тогда (въ 1836 г.) представляли рядъ развалинъ; въ стѣнахъ виднѣлись обрывки желѣзныхъ цѣпей.

„Вашъ дѣдушка въ цѣпяхъ держалъ своихъ заключенныхъ?“ спрашивали старшія изъ насъ.

— „Конечно, прикованными къ стѣнамъ, а то-бы они ушли“, весело и съ нѣкоторою гордостью отвѣчали внуки.

У Николая Петровича С*** было много дѣтей; двое изъ сыновей его печально кончили свое поприще: одинъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство двороваго человѣка, другой былъ самъ убитъ крестьяниномъ. Это было въ голодный годъ; крестьянамъ было очень тяжело, многіе питались одною мякиною и дубовою корою. Александръ Николаевичъ С*** запрещалъ своимъ крестьянамъ ходить по міру, а между тѣмъ самъ не давалъ имъ достаточно хлѣба. Однажды, онъ воротилъ крестьянина Семена, котораго встрѣтилъ съ сумою; черезъ день или черезъ два дня, Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ поле; ему опять попался на встрѣчу тотъ-же крестьянинъ съ сумою..... Въ самый полдень лошадь его пришла домой безъ сѣдока; послали верховыхъ узнать, что случилось, и нашли помѣщика въ полѣ съ отрубленною головою. Нѣкоторое время не знали, кѣмъ онъ убитъ, наконецъ догадались, что это сдѣлалъ, вѣроятно, тотъ самый Семень, съ которымъ онъ встрѣтился два дня тому назадъ. На эту мысль навело слѣдующее обстоятельство: у крестьянъ существуетъ обычай надѣвать чистую рубашку исключительно по субботамъ, послѣ бани; Семень-же смѣнилъ рубашку въ четвергъ, въ день убійства Александра Николаевича С***. Это была единственная, но весьма вѣсская улика противъ Семена; послѣ сдѣланнаго ему вопроса онъ самъ во всемъ сознался.

Отъ семьи С***, по боковой линіи, произошелъ извѣстный поэтъ Александръ Полежаевъ.

Въ семи верстахъ отъ Яхонтова находится большое базарное село Исса, гдѣ намъ показывали довольно просторную землянку, состоящую изъ двухъ маленькихъ комнатъ; въ ней скрывался Емельянъ Пугачевъ; не знаю, существуетъ-ли эта землянка теперь.

Упомяну здѣсь встать, что къ намъ ѣздило семейство Ш.....; имѣніе ихъ находилось за Саранскомъ, и потому они гостили у насъ подолгу. Однажды насъ возили къ нимъ; тамъ я

видѣла главу семьи—Николая Ивановича Ш.; это былъ совершенно сѣдой, молчаливый старикъ. Рассказывали, что Пугачевъ въ его присутствіи велѣлъ повѣсить его отца и мать; ему было въ то время не болѣе семи, восьми лѣтъ, но такъ какъ онъ былъ грамотный, то Пугачевъ взялъ его къ себѣ въ писцы. Николай Ивановичъ такъ былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ, что навсегда остался какимъ-то испуганнымъ и мрачнымъ.

Вспоминая свое дѣтство, я часто переношусь мысленно къ тому дню, когда насъ посѣтилъ въ Яхонтовѣ пензенскій архіерей Амвросій; почему этотъ день воскресаетъ въ моей памяти особенно ярко и живо, потому-ли, что я была поражена пѣніемъ нѣжныхъ дѣтскихъ голосовъ архіерейскихъ пѣвчихъ, или потому, что этимъ днемъ заканчивается то безоблачное время, когда несчастія не касались еще нашей семьи—не знаю.

Лѣто 1838 года было необыкновенно жаркое; въ комнатахъ было нестерпимо душно; къ намъ стѣхались сосѣди со всѣхъ концовъ уѣзда и встрѣтили архіерея на крыльцѣ; дамы цѣловали у него руки. У преосвященнаго Амвросія было умное и немного хитрое лицо; онъ самъ служилъ обѣдню; его пѣвчіе пѣли въ церкви, которая была переполнена народомъ. Послѣ обѣдни всѣ возвратились къ намъ въ домъ; дамы ужасно суетились, ухаживали за архіереемъ, одна бабушка держала себя съ достоинствомъ, была привѣтлива и любезна какъ хозяйка. Всѣ размѣстились въ гостиной, куда и мы съ сестрою вышли передъ обѣдомъ; архіерей разговаривалъ съ моимъ отцомъ, который сказалъ ему, между прочимъ, почтительно улыбаясь:

— „Вотъ что плохо, преосвященный, крестьянъ-то не учать Закону Божьему; они очень суевѣрны, а религіи вовсе не знаютъ; объ Евангеліи и не слыхивали; вѣдь мы ваше стадо, вы должны печься о насъ грѣшныхъ“.

Амвросій усмѣхнулся.

Во время обѣда хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ пѣлъ „Многія лѣта“. Какъ я помню бабушку въ этотъ день! Образъ ея, какъ живой, поситя передъ моими глазами. Она была небольшого роста, съ довольно большимъ лбомъ, необычайно красивой формы съ маленькими какъ смоль черными глазами, живыми и въ то-же

время серьезными и правильными чертами лица; одѣта была всегда въ темное платье, сверху накинута турецкая шаль, въ бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго видѣлась черная шелковая шапочка, тщательно скрывавшая сѣдые волосы. Въ движеніяхъ ея, въ словахъ, во всѣхъ пріемахъ проглядывала простота, достоинство и какая-то спокойная грація. Бабушку вездѣ уважали и дорожили ея мнѣніемъ; когда она говорила, все смолкало.

Бабушка очень любила пѣніе и въ этотъ день была особенно довольна и весела. Архіерей отправился дальше съ пѣвчими и со всею своею свитою; онъ объѣзжалъ всю губернію.

На другой день бабушка не совсѣмъ хорошо себя чувствовала и не встала; насъ не пустили къ ней; намъ хотѣлось играть какъ всегда, но мы видѣли, что большіе что-то очень серьезны, и старались подладиться подъ общій тонъ. Бабушка всегда была слабого здоровья, однако, никогда не лежала цѣлый день въ постели, это-то и тревожило всѣхъ; какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, говорили, что она простудилась въ церкви; жаръ подтверждалъ это предположеніе; ночью сдѣлался бредъ, а подъ утро ея не стало.

Справедливо, что несчастье, разъ постучавшись въ дверь до-толѣ спокойнаго дома, не скоро отойдетъ отъ его порога. Едва мы начали свыкаться съ нашею утратою и возвратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ, какъ насъ постигло новое, еще болѣе сильное, испытаніе: годъ спустя скончалась моя старшая сестра Анинька; ее сразила нервная горячка, и нашу Аниньку отвезли въ Саранскъ и положили рядомъ съ бабушкою въ оградѣ монастыря.

Скоро тетя Марія Алексѣевна уѣхала съ дѣдушкою въ Москву; нашъ домъ опустѣлъ, сдѣлался мраченъ и унылъ, отецъ не могъ оставаться въ немъ долѣе; каждая вещь, каждая комната напоминала ему потерянную дочь; онъ рѣшился переѣхать со всею семьею въ новый домъ, который еще при жизни бабушки началъ строить возлѣ сахарнаго завода.

Мы были небольшія съ сестрою, когда, послѣ нашихъ несчастій, нами стали усиленно заниматься; смерть сестры, кромѣ горя, произвела страшный испугъ. Насъ стали беречь, кутать, маман запиралась и плакала въ своей комнатѣ, отецъ искалъ облегченія въ дѣятельности. Однако, и онъ не могъ долго выдержать

въ деревнѣ, въ этой новой обстановкѣ; мы поѣхали въ Москву, гдѣ пробыли съ полгода. Приискивая для насъ хорошую наставницу иностранку, нашли m-me Moreau de la Meltière. Она была уже старушка, хитрая и большая говорунья, но съ нами скучала и предпочитала разговаривать со старшими, въ особенности съ моимъ отцомъ, въ совершенствѣ владѣвшимъ французскимъ языкомъ. До этого времени мы почти не учились и вдругъ намъ пришлось цѣлый день сидѣть надъ книгою, къ тому-же лѣтомъ, на душномъ и пыльномъ Арбатѣ.

Мы занимали тогда домъ, нанятый для Николая Платоновича Огарева съ его первою женою Марією Львовною, рожденною Рославлевою. Это было въ 1840 году; они уѣзжали изъ Москвы болѣе для того, чтобы незамѣтно пожить врозь; тогда уже между ними были большія несогласія; Огаревъ проводилъ время съ друзьями, съ Герценомъ, Кетчеромъ, Евг. Фед. Коршемъ, Мих. Сем. Щепкинымъ и друг. Тоже близкая съ ними въ перепискѣ, живя въ Москвѣ, Марья Львовна не ладила съ кружкомъ Огарева, ревновала къ нему мужа и, желая втянуть его въ аристократическій кругъ, задавала балы, на которыхъ Огаревъ отсутствовалъ. Онъ не мѣшалъ ей бросать деньги какъ она хотѣла, но отстаивалъ свою личную свободу, и не раздѣляя ея вкусовъ, уѣзжалъ къ друзьямъ; но объ этомъ знали только въ кружкѣ; отъ постороннихъ Огаревъ тщательно скрывалъ свой домашній разладъ.

Я была лѣтъ шести, когда видѣла Огарева въ первый разъ; онъ былъ тогда совсѣмъ молодой человекъ. Вскорѣ онъ пріѣхалъ къ намъ съ женою. Онъ любилъ разсуждать съ моимъ отцомъ, слушать его рассказы о 14-мъ декабря, о друзьяхъ декабристахъ; иногда они играли въ шахматы. Марья Львовна всегда слѣшила уѣхать, торопила мужа. Она была довольно пикантная брюнетка, бойкая, живая; меня, вѣроятно, какъ младшую въ семьѣ, ласкала болѣе другихъ.

Она была племянницею Александра Алексѣевича Панчулидзева, пензенскаго губернатора, въ канцеляріи котораго числился на службѣ Огаревъ, во время своей ссылки; въ домѣ губернатора онъ и познакомился съ Марією Львовною и скорѣ женился на ней. Въ то время отецъ Огарева, разбитый параличемъ, жилъ постоянно въ деревнѣ. Быть можетъ, онъ мечталъ

объ иномъ бракѣ для единственнаго сына, который, кажется, по матери ¹⁾, находился въ родствѣ съ аристократическимъ домоу Гогенлое, но отецъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ желанію сына; вскорѣ послѣ его женитьбы онъ умеръ.

Возвращаясь къ нашей жизни въ Москвѣ, я вспоминаю, какъ намъ было тяжело съ m-me МогEAU; она не умѣла насъ заинтересовать и только, чтобы занять насъ, задавала намъ много читать изъ исторіи и миеологіи, и требовала, чтобы мы дѣлали извлеченія, за которыя мы не знали какъ и приняться; при отцѣ называла насъ „ses pauvres petits anges“, а въ его отсутствіе вовсе не обращала на насъ вниманія. Но скоро наступила счастливая для насъ развязка: когда мы стали собираться обратно въ деревню, она не согласилась ѣхать съ нами и рекомендовала на свое мѣсто весьма образованную и начитанную особу—m-lle Michel, воспитавшую двухъ дочерей Екатерины Аркадьевны Столыпиной. Эта достойная личность провела у насъ восемь лѣтъ и была для насъ не только наставницею, но и другомъ, и осталась имъ до конца своей жизни.

III.

Отецъ мой, какъ предводитель дворянства.—Деревенская школа.—Воспоминанія отца о декабристахъ.—Норовъ.—Свиданіе съ М. М. Нарышкинымъ.—Отношенія отца къ крестьянамъ.—Выборы бургомистра.—Рекрутскіе наборы.—Штрафъ, наложенный на отца.—Новый священникъ нашего села.—Столкновеніе отца съ губернаторомъ.—Слѣдствіе у сосѣдней помѣщницы.—Шипковъ.—Встрѣча Перваго съ Герценомъ въ Вяткѣ.—Нравы того времени.—Желтухины.—Спектакль.

1840—1846.

Наконецъ, мы вернулись въ село Яхонтово; мы рѣдко ѣздили въ гости, только на такіе праздники, отъ которыхъ нельзя было отказаться; отецъ тоже никуда не ѣздилъ; онъ былъ предводителемъ дворянства, кромѣ того, занимался имѣніемъ и сахарнымъ заводомъ и во всемъ не имѣлъ другихъ помощниковъ, кромѣ своихъ крестьянъ.

¹⁾ Елисавета Ивановна Баскакова, единственная наслѣдница своихъ родителей; она получила въ приданое богатѣйшее село Бѣлоомуть, Рязанской губерніи; въ имѣніи было лѣса на два милліона. Огаревъ отпустилъ на волю это село за 300,000 руб. ассигнаціями.

Я уже говорила объ отцѣ въ третьемъ томѣ „Изъ дальнихъ лѣтъ“,—Записки покойной Татьяны Петровны Пассекъ, и въ началѣ этихъ записокъ рассказывала объ его дѣтствѣ и молодости, но этимъ далеко не исчерпано все, касающееся его служебной дѣятельности и его жизни „между крестьянами“. Я выражаюсь такъ потому, что все его время было посвящено ихъ образованію и заботамъ о нихъ; онъ не желалъ вести той празднои жизни, которую вели помѣщики той эпохи, и былъ, въ то время, однимъ изъ весьма немногихъ людей въ Россіи, считавшихъ серьезнымъ дѣломъ то, что онъ дѣлалъ для крестьянъ, и не будучи богатъ, не гнался ни за отличіями, ни за наградами по службѣ.

Мнѣ было года четыре или пять, когда отецъ былъ избранъ въ первый разъ инсарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ эту должность его избирали четыре раза подрядъ, и въ эти пятнадцать лѣтъ онъ заслужилъ довѣріе и уваженіе дворянъ, безконечную любовь крестьянъ и ненависть со стороны чиновниковъ-взяточниковъ. Крѣпостные и казенные крестьяне безпрестанно съ полнымъ довѣріемъ обращались къ нему по поводу разныхъ недоумѣній и жалобъ. Онъ выслушивалъ ихъ съ большимъ терпѣніемъ, исполнялъ немедленно все то, что отъ него зависѣло, а если нужно было искать правосудія далѣе, то самъ писалъ имъ прошенія,—онъ зналъ наизусть большую часть статей свода законовъ.

Характера отецъ былъ пылкаго, горячаго до самозабвенія, всегда готовый оказать помощь другимъ. Какъ-то разъ ему доложили, что на селѣ упала въ колодезь дѣвушка, въ припадкѣ помѣшательства; услышавъ это, отецъ позабылъ о своихъ больныхъ ногахъ и побѣжалъ къ мѣсту происшествія, гдѣ уже собралось много народа.

— „Привяжите къ кому-нибудь крѣпкую веревку! кричалъ онъ торопливо,—и спустите туда поскорѣе! Какъ, никто не хочетъ? Ну, такъ ко мнѣ привязывайте веревку, я самъ спущусь!“

Всѣ присутствовавшіе восторженно закричали, что готовы исполнить желаніе отца; одинъ молодой парень спустился въ колодезь, и дѣвушка была спасена.

У отца была школа, въ которой было до 40 учениковъ; старшихъ онъ училъ самъ не только ариѳметикѣ, но и алгебрѣ, геометріи, училъ ихъ снимать планы и пр., а они учили младшихъ;

во время урока, не было человѣка терпѣливѣе отца, и онъ готовъ былъ десять разъ объяснить непонятное ученикамъ, которые его очень любили. Насъ онъ также училъ математикѣ, но болѣе всего любилъ разговаривать съ нами, рассказывая о своей молодости и о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ, о своемъ путешествіи во Францію въ 1830 году; много говорилъ о декабристахъ, объ ихъ мечтахъ; онъ вздыхалъ, вспоминая о нихъ и думая, сколько пользы могли-бы принести Россіи эти образованные и высоконравственные люди, если-бы несчастная случайность не увлекла ихъ въ водоворотъ декабрьской смуты, который выбросилъ ихъ навсегда изъ общества; слыша такъ много о нихъ, объ ихъ страданіяхъ, о лишеніяхъ, перенесенныхъ ими доблестно, мы относились, конечно, съ дѣтства къ нимъ восторженно.

Вотъ что рассказывалъ отецъ объ одномъ декабристѣ, Норовѣ. Офицеры и даже солдаты привыкли, при Александрѣ I, къ гуманному обращенію со стороны самого государя; однажды одинъ изъ князей присутствовалъ при ученіи полка, въ которомъ служилъ Норовъ. Шефъ былъ не въ духѣ, остался всѣмъ недоволенъ, кричалъ на солдатъ и офицеровъ; погода была дождливая, и князь, топая ногою передъ Норовымъ, въ порывѣ гнѣва, забрызгалъ его; когда онъ удалился, Норовъ вложилъ шпагу въ ножны и сталъ позади солдатъ. На слѣдующій день великій князь узналъ, что Норовъ подаетъ въ отставку; опасаясь заслужить отъ государя замѣчаніе за свою горячность, великій князь послалъ за Норовымъ и, убѣждая его взять свое прошеніе обратно, сказалъ, между прочимъ:

„Ah! mon cher, si vous saviez comme Napoléon traitait quelquefois ses maréchaux!“

— „Mais, votre altesse, il y a aussi loin de moi à un maréchal de France, que de votre altesse à Napoléon“, отвѣчалъ Норовъ.

Говорятъ, что Норову не прощены были эти слова и ихъ припомнили ему, когда Норовъ былъ арестованъ 14-го декабря 1825 г.

Не помню хорошо, въ которомъ году, государь Николай Павловичъ повелѣлъ нѣкоторыхъ сосланныхъ декабристовъ перевести рядовыми на Кавказъ. Проѣздомъ, имъ удалось повидаться со своими и съ друзьями; помню, что мы были тогда у дѣда

въ Москвѣ, и всею семьєю поѣхали для свиданья съ М. М. Нарышкинымъ, на дачу его сестры, княгини Авдотьи Михайловны Голицыной, у которой онъ провелъ дня два. Тутъ была и игуменья Тучкова, живое лицо которой сіяло счастьемъ въ этотъ день. Черты лица Нарышкина носили слѣды преждевременной старости; оно было худое, желтое; на немъ была солдатская шинель; онъ очень обрадовался всѣмъ намъ, особенно отцу, и насъ онъ очень ласкалъ, съ чисто отцовскимъ чувствомъ. У него не было дѣтей; въ Сибири онъ взялъ приемыша, дѣвочку-„сибирячку“, которую мы видѣли потомъ въ его имѣніи „Высокомъ“. Этотъ разъ онъ не имѣлъ времени много рассказывать о Сибири, только хвалилъ начальниковъ за ихъ гуманность, говорилъ, что декабристы постоянно боялись навдечь на нихъ неудовольствіе государя.

Начавъ самостоятельно управлять своимъ имѣніемъ Яхонтовымъ, отецъ мой отмѣнилъ всѣ поборы съ крестьянъ, но въ сосѣднихъ имѣніяхъ они существовали и позже. У насъ крестьяне ходили на барщину только съ тягла, т. е. надѣленные землею, неженатые и дѣвушки не знали барщины, мальчики и старики назначались въ карауль, тогда какъ у другихъ владѣльцевъ всѣ поголовно выходили на барщину. На сахарномъ заводѣ крестьяне жили „братъ на брата“, какъ они говорили, т. е. одинъ братъ жилъ постоянно на заводѣ на нашей пищѣ, а другой жилъ постоянно дома, не зная никакой барщины; крестьяне не тяготились такимъ распоряженіемъ и жили на заводѣ очень охотно. Отмѣна поборовъ имѣла большое вліяніе на благосостояніе крестьянъ: они не только перестали даромъ отдавать барановъ, свиней, поросятъ, куръ, яйца и т. п., но стали намъ продавать всѣ эти продукты для домашняго обихода, для содержанія дворовыхъ; наше село стало равняться благосостояніемъ съ имѣніями князя Мих. Сем. Воронцова, который владѣлъ возлѣ насъ селомъ Иссою и деревнею Симанкою.

Я никогда не видѣла этого замѣчательнаго и достойнаго сановника, но уважала его съ самаго дѣтства, за умъ, во время крѣпостнаго права, сдѣлать своихъ крестьянъ счастливыми и богатыми; онъ отдавалъ всю господскую землю міру и взымалъ за нее легкой оброкъ. Имѣніемъ его завѣдывалъ управляющій, но крестьяне не боялись его, а скорѣе онъ боялся

крестьянъ; едва доходила до Воронцова какая-нибудь жалоба крестьянъ на управляющаго, послѣдній немедленно удалялся.

У отца не было управляющаго; сельскимъ хозяйствомъ завѣдывалъ, подѣ его руководствомъ, одинъ изъ крестьянъ, называвшійся бургомистромъ, котораго прочіе крестьяне, съ разрѣшенія отца, избирали каждый годъ. Я помню сходки крестьянъ передъ нашимъ крыльцомъ и разговоры ихъ съ отцомъ передъ выборомъ новаго бургомистра. Они благодарили отца за дозволеніе избрать его: „будетъ, говорили они прежнему, посидѣль въ бургомистрахъ, пусть другой посидитъ“. Это считалось большою честью.

Когда бывалъ объявленъ рекрутскій наборъ, отецъ собиралъ всѣхъ молодыхъ людей, бывшихъ на очереди, и говорилъ имъ: „Мнѣ васъ очень жаль, но дѣлать нечего, это вашъ долгъ; я долженъ повиноваться правительству и вы также. Надѣюсь, вы не будете ни бѣгать, ни увѣчить себя, я не буду сажать васъ въ кандалы, какъ это дѣлаютъ другіе, но впередъ говорю вамъ: кто отрубитъ себѣ палецъ или убѣжитъ, того отдамъ, хотя послѣ, хотя безъ зачета. Идите-же домой и живите тихо до требованія“.

Дѣйствительно, будущіе рекруты не бѣгали и оставались дома до послѣдней ночи передъ отъѣздомъ; тогда, по приказанію бургомистра, они собирались въ контору, а поутру отправлялись въ уѣздный городъ, гдѣ находилось рекрутское присутствіе.

Это было очень тяжелое время для всѣхъ насъ, потому что матери, сестры и жены приходили просить насъ, со слезами, заступиться за нихъ, попросить моего отца освободить ихъ близкихъ отъ рекрутской повинности. Проводы рекрутъ ничѣмъ не отличались отъ проводовъ на кладбище: тѣ-же рыданья, обмороки, та-же безнадежность... вѣдь разставались на 25, на 30 лѣтъ; солдаты рѣдко возвращались, а если и приходили, то стариками.

Возвращаясь изъ уѣзднаго города домой, по субботамъ, потому что присутствіе закрывалось до понедѣльника, отецъ рассказывалъ намъ, со слезами на глазахъ, о тяжелыхъ сценахъ, происходившихъ почти каждый день во время присутствія. Когда наборъ бывалъ оконченъ, нерѣдко у моего отца дѣлалась нервная горячка отъ усилія казаться хладнокровнымъ, когда внутренно онъ бывалъ глубоко потрясенъ. Кромѣ очередныхъ, отецъ отдавалъ иногда въ солдаты сиротъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда

никто не принималъ ихъ въ зятя, за лѣнь или другія дурныя свойства; они были бобылями и некому было о нихъ плакать.

Въ то время взяточничество достигло баснословныхъ размѣровъ: рекрутскіе наборы обогащали сразу многихъ: всѣ брали зятки съ испуганныхъ крестьянъ, и все это дѣлалось необыкновенно ловко; если-бы отецъ не пользовался такимъ безграничнымъ довѣріемъ со стороны крестьянъ, онъ не могъ-бы такъ мѣтко разрушать хитрые планы взяточниковъ. Помню одинъ выдающійся фактъ: окружной, забравъ деньги у богатыхъ, счумѣлъ сфальшивить въ жеребьевкѣ, и поставилъ все одинокихъ рекрутъ. Мой отецъ, предупрежденный крестьянами, забрилъ затылки всѣмъ этимъ рекрутамъ, т. е. цѣлой волости. Окружной, видя, что отецъ разрушаетъ всѣ его тонкія плутни, пришелъ въ неописанное отчаяніе, растерялся, заговорилъ съ отцомъ по-французски, но послѣдній напомнилъ ему, что это русское присутствіе и что здѣсь онъ не понимаетъ иностранныхъ языковъ, но если кто-нибудь находитъ неправильнымъ, что онъ забраковалъ цѣлую волость, то онъ просить внести этотъ фактъ въ журналъ; однако, въ журналъ никто не вписалъ этого поступка: взяточники слишкомъ боялись огласки. Окружной поставилъ другихъ рекрутъ, а зятки (40 тыс. ассигн.) возвратилъ, не безъ тайнаго озлобленія противъ безпокойнаго предводителя.

У отца было много враговъ, но они не могли вредить ему, а скорѣе сами боялись его, какъ доказываетъ слѣдующій случай. Въ то время не было войны, а рекрутскіе наборы, все учащаясь, стали ежегодными. Отецъ въ высшей степени жалѣлъ отнимать столько здоровыхъ и молодыхъ силъ у хлѣбопашной Россіи и сожалѣніе это простиралъ такъ далеко, что старался принимать людей похуже, едва выходящихъ въ мѣру; одинъ разъ онъ набралъ такихъ малорослыхъ и невзрачныхъ рекрутъ, что это не могло пройти незамѣченнымъ. Отецъ долженъ былъ заплатить 30 тыс. ассигн. штрафа, что было-бы для насъ совершеннымъ раззореніемъ, но къ счастью, прежде нежели взыскать эту сумму, государь велѣлъ спросить у губернатора, не изъ корыстныхъ-ли видовъ Тучковъ принималъ такихъ рекрутъ, и губернаторъ, который-бы все сдѣлалъ, чтобы погубить отца, если-бы это было въ его силахъ (что онъ и доказалъ впоследствии), могъ только отвѣчать отрицательно; тогда государь простилъ этотъ штрафъ.

Когда, по совѣту стариковъ, отецъ освобождалъ отъ набора очереднаго изъ богатаго дома, то послѣдній долженъ былъ внести въ мѣръ выкупныя деньги отъ семисотъ до тысячи рублей ассигнаціями. Въ постоянныхъ заботахъ о своихъ крестьянахъ, отецъ завелъ мѣрсвой капиталъ, который составился изъ вышеупомянутыхъ суммъ, изъ денегъ, уплачиваемыхъ женихами за яхонтовскихъ невѣстъ, когда онѣ выходили за крѣпостныхъ; кажется, они платили въ мѣръ по пятидесяти рублей ассигн., отецъ-же выдавалъ дѣвушкамъ отпускную на случай вдовства; эта предусмотрительная мѣра вовсе не нравилась помѣщикамъ, а когда наши дѣвушки выходили за казенныхъ крестьянъ, то ничего не платили въ мѣръ. Капиталъ этотъ дошелъ почти до пяти, шести тысячъ ассигнаціями. Богатые крестьяне брали изъ него ссуды на торговлю и платили проценты, бѣднымъ-же выдавались на ихъ нужды деньги безъ процентовъ, но съ обязательствомъ возратить ихъ міру.

При освобожденіи крестьянъ, о капиталѣ этомъ позабыли, и онъ остался въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ находился въ моментъ освобожденія.

Помню, что когда овдовѣлъ тотъ священникъ, который былъ въ Яхонтовѣ, когда наше семейство поселилось тамъ, и который крестилъ насъ двухъ меньшихъ дѣтей, то архіерей приказалъ уволить его въ заштатные, а намъ далъ молодаго семинариста, весьма гордаго и требовательнаго съ крестьянами. Мы, дѣти, были очень огорчены удаленіемъ нашего добраго старика. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Пензу, отецъ мой жаловался архіерею на новаго священника и просилъ его смѣнить; преосвященный отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать это, но что для него будетъ удобнѣе, если отецъ мой укажетъ, какаго именно священника онъ желаетъ. Поблагодаривъ архіерея за это позволеніе и возвратившись домой, отецъ сказалъ старикамъ, чтобы они послали двухъ выборныхъ по уѣзду, узнать, нѣтъ-ли гдѣ добросовѣстнаго священника, который не обижаетъ мѣръ. Послѣ продолжительныхъ странствованій по уѣзду, выборные нашли такого священника, въ лицѣ Ивана Ивановича Добрынина, въ Неѣловѣ, близко отъ насъ; тогда они были посланы вторично, чтобы узнать у этого священника, согласенъ-ли онъ перейти въ нашъ приходъ, по приглашенію отца, на что онъ съ радостью согласился.

Вскорѣ Иванъ Ивановичъ былъ переведенъ, по прошенію отца, въ наше Яхонтово, гдѣ онъ прослужилъ 25 лѣтъ и гдѣ похороненъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно любящій и весьма доброй души, жадности къ деньгамъ не питалъ, за вѣнчаніе бралъ съ крестьянъ всего одинъ рубль. Когда онъ обходилъ село съ какими-нибудь требами, на похоронахъ или на крестинахъ, онъ никогда не упоминалъ о вознагражденіи, бралъ, не глядя, что давали, и часто, идя по селу, ласкалъ ребятіишекъ и раздавалъ имъ мѣдныя деньги, полученныя съ ихъ отцовъ; правда, вѣнчанья бранила его за это, но онъ не обращалъ вниманія на ея брань. Видя его истинно христіанскую доброту, отецъ много помогалъ ему, выстроилъ ему хорошенькій домикъ, а по зимамъ бралъ всю его скотину и содержалъ ее бесплатно вмѣстѣ со своею.

Иногда до моего отца доходили слухи о жестокомъ обращеніи съ крестьянами или дворовыми кого-либо изъ помѣщиковъ его уѣзда; онъ тотчасъ являлся на мѣсто самъ, спрашивалъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ съ владѣльцами, внимательно выслушивалъ большею частью неосновательныя жалобы помѣщиковъ; если дѣло касалось кого-либо изъ дворовыхъ, то онъ убѣждалъ помѣщика дать отпускную, говоря, что душевное спокойствіе дороже какого-нибудь непріятнаго лица изъ дворовыхъ, и нерѣдко успѣвалъ убѣдить своего собесѣдника, а иногда, по пословицѣ, „куй желѣзо пока горячо“, заручившись согласіемъ владѣльца, вынималъ изъ кармана гербовый листъ и приказывалъ своему протоколисту написать отпускную, которая тутъ-же и подписывалась помѣщикомъ. Когда-же дѣло касалось крестьянъ, то онъ выслушивалъ обѣ стороны внимательно и порознь, и оставшись наединѣ съ помѣщикомъ, убѣждалъ его отмѣнить жестокости и несправедливости, угрожая, въ противномъ случаѣ, взять имѣніе въ опеку, что иногда и случалось.

Много хлопотъ и огорченій надѣлало отцу село Яковлецево; оно принадлежало малолѣтнимъ, по смерти ихъ матери, и управлялось мужемъ покойницы. Какъ ни убѣждалъ отецъ крестьянъ не бунтовать, обѣщая назначить другаго опекуна, они его не послушали.

„Не хотимъ принадлежать его дѣтямъ, говорили они,—дѣти растутъ у него, такіе-же будутъ. Пусть возьмутъ годныхъ въ солдаты, остальныхъ пусть сшлютъ въ Сибирь!“

Для усмиренія бунта была прислана военная команда; два человѣка умерли въ больницѣ отъ послѣдствій наказанія.

Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ, бывшій двадцать или двадцать пять лѣтъ губернаторомъ въ Пензенской губерніи, ненавидѣлъ отца за независимый характеръ, за свободный образъ мыслей, и считалъ его человѣкомъ „безпокойнымъ“¹⁾. Исполняя свой долгъ, отецъ невольно постоянно мѣшалъ губернатору. Однажды, въ голодный годъ, Панчулидзевъ созвалъ въ Пензу всѣхъ уѣздныхъ предводителей для того, чтобы убѣдить ихъ не просить у правительства никакого вспомошествованія; когда собраніе открылось, нѣсколько предводителей изъявили тотчасъ на это свое согласіе, но когда очередь дошла до моего отца, то онъ изобразилъ весьма основательно бѣдственное положеніе народа и прибавилъ, что будетъ просить помощи у правительства.

„Но правительство не въ состояніи оказать большую помощь“, запальчиво возразилъ губернаторъ.

— „Удрученное населеніе будетъ довольно и немногимъ; самое ничтожное пособіе покажетъ участіе правительства къ несчастнымъ, внесетъ успокоеніе въ души крестьянъ, измученныхъ всякими лишеніями и голодомъ, этимъ худшимъ изъ всѣхъ бѣдствій“, отвѣчалъ отецъ.

Вслѣдъ за этими словами и остальные предводители стали требовать пособія для своихъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, вмѣшательствомъ „безпокойнаго“ Алексѣя Алексѣевича Тучкова былъ разрушенъ планъ губернатора получить крестъ за умѣніе обойтись безъ пособія отъ правительства въ столь критическую минуту.

Иногда помѣщикамъ удавалось склонить губернатора въ свою пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вовсе не зналъ сущности ихъ дѣла съ крестьянами, но считая себя дворяниномъ, считалъ своимъ долгомъ стоять всегда за помѣщиковъ. Панчулидзевъ удивлялся взглядамъ отца и никогда не могъ его вполне понять; между ними было не мало ссоръ и непріятностей. Однажды отецъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: „вы мнѣ вовсе не начальникъ, я непосредственно подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ“.

Однажды, по настоятельной просьбѣ помѣщицы Тре—вой,

¹⁾ Объ этомъ Панчулидзевъ см. въ „Русской Старинѣ“, въ „Запискахъ Ильи Васильевича Селіванова“, изд. 1880 г. т. XXVIII., стр. 289—300.

губернаторъ послалъ чиновника особыхъ порученій вмѣстѣ съ уѣзднымъ исправникомъ произвести у нея слѣдствіе, безъ вѣдома моего отца; однако, крестьяне тотчасъ дали ему знать объ этомъ, и онъ отправился немедленно въ домъ г-жи Тре—вой.

— „Господа, сказалъ входя отецъ,—вы забыли, кажется, меня предупредить, вѣдь я здѣсь хозяинъ, это мой уѣздъ“.

Чиновники отвѣчали сконфуженно, что имъ не было приказано приглашать его на слѣдствіе.

„О чемъ-же вы производите слѣдствіе?“ спросилъ отецъ.

Въ отвѣтъ на эти слова, чиновники объяснили ему сущность жалобы г-жи Тре—вой на шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку, которая будто-бы отравила ее. Обвиняемая стояла испуганная, заплаканная и босая, а дѣло было зимою.

„Господа, заявилъ отецъ,—прикажите обуть и одѣть подсыдимую, какъ слѣдуетъ зимою, иначе я, по закону, не имѣю права ее допрашивать“.

Тре—ва поблѣднѣла:

— „Да вѣдь это за ея вину“... начала было она.

„Сударыня, возразилъ отецъ,—когда вы пригласили насъ разбирать это дѣло, то должны подчиниться требованію закона. Какъ вижу, продолжалъ онъ,—г-жа Тре—ва здорова“.

— „Меня рвало тогда тотчасъ послѣ обѣда“, заявила Тр—ва.

„Это не есть еще доказательство отравленія, гдѣ-же рвота? только химическій анализъ можетъ доказать, было-ли это отравленіе, или просто желудочное расстройство“, сказалъ мой отецъ.

Разумѣется, рвота не была сохранена, и благодаря присутствію отца, слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Уѣзжая, онъ убѣждалъ помѣщицу избавиться отъ подозрѣваемой дѣвушки, давъ ей отпускную,—не помню, однако, успѣлъ-ли онъ въ этомъ.

Много замѣчательныхъ фактовъ слышала я отъ отца; между прочимъ, онъ рассказывалъ о молодомъ Шишковѣ, который воспитывался въ домѣ у своего дѣда; должно быть, въ то время многіе считали безопаснѣе для юношей воспитаніе въ Москвѣ, нежели въ Петербургѣ. Дѣдъ Шишкова нѣкогда занималъ важный постъ министра народнаго просвѣщенія. Въ числѣ портретовъ, писанныхъ тетушкою Марьею Алексѣвною, я помню прекрасный портретъ молодого Шишкова. Совсѣмъ еще юноша, блондинъ, онъ имѣлъ мелкія и живыя черты лица и быстрый взглядъ. Онъ

написалъ стихотвореніе, въ которомъ высказалъ очень свободныя мысли; объ этомъ узнали, онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ привезти его во дворецъ и спросилъ его, указывая на это стихотвореніе:

„Это ты писалъ?“

— „Я, ваше в—во“, живо отвѣчалъ Шишковъ.

„Читай“, сказалъ государь.

Молодой человѣкъ прочелъ свое сочиненіе съ одушевленіемъ. Государь разсердился и приказалъ заключить его въ домъ умышленныхъ; однако, изъ уваженія къ дѣду, неосторожный юноша былъ вскорѣ выпущенъ. Это было, должно быть, самое тяжелое наказаніе, какое можетъ постигнуть человѣка; въ молодости я знавала старинную знакомую Тучевыхъ, г-жу Перваго (незаконную дочь Стрешнева-Глѣбова), которая была подвергнута подобному-же наказанію за какія-то неосторожныя рѣчи. По ея словамъ, трудно себѣ представить какое вліяніе имѣетъ на здороваго человѣка общество психически больныхъ, и дѣйствительно, у нея осталось что-то странное на всю жизнь. По выходѣ изъ сумасшедшаго дома, она была сослана въ Вятку, куда прибылъ, тоже не по своей волѣ, Александръ Ивановичъ Герценъ.

Узнавъ объ его пріѣздѣ, г-жа Перваго, не знавшая его лично, обратилась къ нему письменно съ предложеніемъ заказать вмѣстѣ панихиду по Рылѣевѣ и его товарищамъ, но Герценъ отклонилъ это предложеніе, считая его ребячествомъ, которое могло направить его еще дальше, безъ всякой цѣли, безъ всякой пользы. Г-жа Перваго очень разсердилась за его отказъ и никогда не могла простить ему этого факта, считая это признакомъ трусости; извѣдавъ всякія невзгоды и не ожидая ничего отъ жизни, она не боялась никакихъ наказаній, и находила отраду въ подражаніи властей.

Однажды, ѣхавши изъ деревни въ Москву, мы обогнали много подводъ, на которыхъ виднѣлись исключительно дѣтскія лица; ихъ сопровождали солдаты; это было зимою. Отецъ, любопытствовалъ узнать что это такое, спросилъ одного изъ солдатъ: откуда эти дѣти?

„Изъ Польши“, коротко отвѣчалъ солдатъ.

— „Куда везете ихъ?“

„Въ Тобольскъ“, былъ отвѣтъ.

Дѣти, на взглядъ отъ трехъ до десяти лѣтъ, принимали подавнiе отца, улыбаясь сквозь слезы. Многiя-ли изъ нихъ доѣхали до мѣста назначенiя? Одни говорили, что это дѣти шляхтичей, другiе—что это дѣти евреевъ, взятыя у родителей для того, чтобы они скорѣе обрусѣли.

.....

Не помню, въ 1845 или 1846 г., поселились въ нашѣмъ сосѣдствѣ премилые люди: Алексѣй Дмитриевичъ Желтухинъ и жена его, Елисавета Николаевна. Отецъ Желтухина, Дмитрiй Алексѣевичъ, бывалъ у моего дѣда, поэтому, вѣроятно, молодые Желтухины и прiѣхали познакомиться съ нами. Съ перваго свиданiя мы сошлись съ ними; они оба пѣли очень мило и были большiе охотники до любительскихъ спектаклей; отецъ мой также очень полюбилъ Желтухина, который звалъ его, какъ и мы, „папа“. Мы подружились и съ его женою, Елисаветою Николаевною, стали всею семьею ѣздить къ нимъ; по субботамъ они прiѣзжали къ намъ, оставались до понедѣльника; ихъ отѣздъ каждый разъ очень огорчалъ насъ. Они привозили съ собою много книгъ съ драмами, комедiями, Желтухинъ читалъ намъ вслухъ по вечерамъ, мы обсуждали вмѣстѣ какую пьесу выбрать, какую роль взять и проч. Желтухинъ былъ человѣкъ весьма умный и симпатичный, съ необыкновенно привлекательною наружностью; у него были темные, очень густые волосы, красивый лобъ, прекрасные глаза и милая, слегка насмѣшливая улыбка; дамы бредили имъ, увидѣвъ его только одинъ разъ. Удивительно, что онъ при всемъ этомъ былъ необыкновенно скромнъ, даже немного застѣнчивъ.

Въ то время намъ писали изъ Москвы, что Огаревъ тамъ пируетъ съ друзьями; они провожали Александра Ивановича Герцена, который уѣзжалъ со всею семьею за границу на неопредѣленный срокъ. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ уже скончался, и Герценъ чувствовалъ себя вполне свободнымъ.

Намъ было любопытно посмотрѣть на Огарева послѣ его семи-лѣтняго отсутствiя, и хотѣлось видѣть человѣка, только-что возвратившагося изъ чужихъ краевъ. Когда Огаревъ прiѣхалъ, наконецъ, въ деревню, мой отецъ очень обрадовался ему, а мы съ нимъ дичились, да и репетиции поглощали все наше время:

мы были очень заняты постановкою двухъ пьесъ къ 27 ноября, дню рожденія моей сестры Елены, который праздновался всегда торжественно.

Въ то время намъ жилось очень весело и легко, ученье не имѣло всей своей правильности, за то мы много читали; но въ описываемое мною время были всецѣло поглощены театромъ: Желтухинъ былъ славный актеръ, жена его тоже хорошо играла, меня хвалили; признаюсь, внутренно я гордилась только похвалою Желтухина.

Наконецъ, торжественный день 27-го ноября насталь; въ домѣ поднялась страшная суетня; какой-то маляръ дорисовывалъ наверху декораціи, m-lle Michel писала афишки, а мы... мы ничего не дѣлали.

Давно не было въ Яхонтовѣ такого праздника; гостей было человѣкъ до пятидесяти; незнакомыя намъ дамы просили черезъ другихъ позволенія пріѣхать на спектакль; причиною этого съѣзда была, вѣроятно, игра Желтухина. Будучи еще пажемъ, онъ игралъ при царской фамилии и былъ замѣченъ своею игрою; впоследствии онъ игралъ въ Казани и былъ признанъ за отличнаго актера любительскаго театра.

Къ нашему крыльцу подѣзжали безпрестанно возки и изъ нихъ высаживались многочисленныя семьи нашихъ сосѣдей; дамы, въ нарядныхъ чепцахъ и платьяхъ, отправлялись въ моей матери и усаживались на диванѣ въ гостиной; ихъ мужья, еще менѣе ихъ интересные, рассланившись съ обществомъ въ гостиной, спѣшили въ отцовскій кабинетъ. Мы встрѣчали дочерей и, устроивъ ихъ въ уютномъ уголкѣ, спѣшили отъ нихъ отдѣлаться, подѣ предлогомъ разныхъ актерскихъ занятій и репетицій. Не имѣя ни одной общей мысли съ ними, мы ужасно скучали, занимая ихъ. Какъ веселье былъ нашъ актерскій обѣдъ: профановъ мы не допускали; кромѣ актеровъ, въ немъ участвовали только наша хорошая знакомая Нина Николаевна Юрлова (рожденная Нечаева) и Николай Платоновичъ Огаревъ. Онъ очень оживился, и въ концѣ обѣда показывалъ намъ какъ, выпивая бокаль шампанскаго лѣвою рукою за здоровье сестры, правою онъ ловко, съ одного удара, разбивалъ тарелку о свою кудрявую голову; подражателей нашлось много, и дюжины двѣ тарелокъ были уничтожены въ этотъ памятный день...

IV.

Николай Платонович Огаревъ.—Сборы къ отъѣзду.—Остановка въ Москвѣ и Петербургѣ.—Первыя заграничныя впечатлѣнія. — Италия. — Свиданіе съ И. П. Галаховымъ въ Ниццѣ.—Римъ.—А. И. Герценъ и его семья.—Неаполь.—Пропажя портфеля.—Извѣстіе о революціи во Франціи.—Отголоски революціи въ Италіи.

1848—1849.

Послѣ окончанія спектаклей, гости разъѣхались, и наша жизнь пошла опять своимъ обычнымъ чередомъ; однако, начинали поговаривать о нашемъ путешествіи въ чужіе края на цѣлый годъ. Огаревъ пріѣзжалъ къ намъ часто и оставался по нѣскольку недѣль.

Постараюсь передать его наружность въ то время: онъ былъ выше средняго роста, не худъ и довольно широкъ въ плечахъ, черты его лица были неправильны, но очень пріятны; большіе сѣрые глаза имѣли очень умное и кроткое, подчасъ немного задумчивое, выраженіе, волосы его были темно-русые, кудрявые и очень густые. Онъ былъ безконечно любимъ крестьянами и дворовыми какъ въ его имѣніяхъ, такъ и въ нашемъ. Когда мы обѣ, сопровождаемая Огаревымъ, прогуливались по нашему саду, то крестьяне вбѣгали иногда къ намъ радостно и говорили: „мы варимъ брагу къ празднику, попробуйте, Николай Платоновичъ“.

Огаревъ бралъ стаканъ изъ ихъ рукъ, выпивалъ брагу и хвалилъ ее, улыбаясь со своимъ обычнымъ добродушіемъ.

Помню, какъ однажды мы подошли къ избѣ моей кормилицы; увидавъ насъ, она высунула торопливо голову изъ маленькаго окошечка и сказала:

„Погодите, Николай Платоновичъ, не ходите на дворъ, у насъ злая собака, пожалуй, она васъ укуситъ“.

Огаревъ отвѣчалъ уже со двора и очень спокойно:

— „Не беспокойся, Марѳа Ивановна, она ужъ укусила меня“.

Надобно было что-нибудь слишкомъ необыкновенное, чтобы Огаревъ потерялъ терпѣніе и разсердился, и то на равныхъ, а не на подчиненныхъ; онъ былъ олицетворенный покой и кротость. Понемногу мы привыкали къ нему; онъ жилъ у насъ въ верхнемъ этажѣ. Не имѣя возможности послать за Огаревымъ, чтобы звать его на прогулку, когда наши занятія съ m-lle Michel

Галахова: за исключеніемъ его, въ то время не было иностранцевъ въ Ниццѣ. Иванъ Павловичъ принадлежалъ къ московскому кружку Герцена и Огарева, онъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный, въ деревнѣ бывалъ рѣдко и жила въ подолгу, посѣщая только насъ, а съ прочими сосѣдами не былъ даже знакомъ.

По приѣздѣ въ Ниццу, вечеромъ, мы отправились всѣ къ Ивану Павловичу. Недавно еще онъ былъ стройный, прямой, имѣлъ то, что я не умѣю назвать по-русски:— „un air de grande distinction“, теперь-же мы увидали больнаго, слабаго, немного скорбленнаго Ивана Павловича, съ заостренными чертами лица; сердце невольно сжималось, глядя на него. И на что его женила сестра? Она наивно, вѣрила, что ему лучше быть женатому.... Посидѣвъ немного, мы простились съ Иваномъ Павловичемъ и уложили все съ вечера, чтобы ранѣе выѣхать изъ Ниццы, обратно въ Геную, по живописной дорогѣ „Corniche“, смиренно подчиняясь всѣмъ неудобствамъ дилижанса.

Изъ Генуи мы отправились моремъ въ Чивита-Векіа, а оттуда, опять въ дилижансѣ, въ Римъ. Вечеромъ, усталые, разбитые ѣздой въ дилижансѣ, мы вѣхали, наконецъ, въ „вѣчный городъ“ и остановились въ гостиницѣ „Императоръ“, на улицѣ Бабуинѣ; поутру отецъ мой узналъ адресъ Герцена, и мы, нетерпѣливые, отправились всѣ къ нимъ. Они жили тогда al Corso.

Семейство Герцена въ то время было многочисленное: Александръ Ивановичъ, съ женою Натальею Александровною, мать ея, Луиза Ивановна Гагъ съ Марьею Каспаровною Эрнъ и Марья Ѳедоровна Коршъ, старшая сестра Евгенія и Валентина Ѳедоровичей Коршъ. Дѣтей было тогда у Александра Ивановича трое, и по слабости здоровья его жены, они были раздѣлены, для ухода, между дамами: старшій, мальчикъ лѣтъ семи, былъ неразлученъ съ матерью, второй, глухонѣмой, былъ постоянно у бабушки и Марьи Каспаровны, третья—дѣвочка лѣтъ трехъ, была на попеченіи Марьи Ѳедоровны.

Съ того дня, какъ мы встрѣтились съ Герценами, мы стали неразлучны; осматривали вмѣстѣ все примѣчательное въ Римѣ,— а это не малая задача,—и каждый вечеръ проводили у нихъ; тутъ составлялись планы для слѣдующаго дня; иногда Александръ Ивановичъ читалъ намъ то, что онъ писалъ въ то время о Франціи;

иногда Наталья Александровна уводила меня въ свою комнату и читала мнѣ стихотворенія Огарева, бесѣдуя со мною постоянно о немъ.

— „Какая глубокая натура, какое сродство между моею душою и его!“ говорила она восторженно.

Тогда я много вспоминала объ Огаревѣ и жалѣла, что его нѣтъ съ нами. Герценъ оживлялъ всѣхъ насъ своимъ веселымъ юморомъ, рѣдкою подвижностью, добродушнымъ смѣхомъ. Онъ прожилъ около года во Франціи и ужасно въ ней разочаровался, поэтому у него были безконечные споры съ моимъ отцомъ, который относился пристрастно къ Парижу и французамъ; ни тотъ, ни другой не сдавались въ этихъ спорахъ; только утомившись, они расходились и заговаривали о другомъ. Въ одно изъ этихъ преній, отецъ мой, выведенный изъ терпѣнія безнадежностью взглядовъ Герцена на Францію, сказалъ ему:

„Позвольте вамъ сказать, Александръ Ивановичъ, что вы не знаете этой страны, вы ее не понимаете; одна электрическая искра падеть и все измѣнится; чѣмъ хуже вамъ кажется все, тѣмъ ближе къ развязкѣ.“

— „Изъ вашихъ словъ о томъ, что дѣлается во Франціи, я заключаю, что мы не далеки отъ провозглашенія республики“.

„Я пари держу, вскричалъ онъ, — что Франція прогонитъ этого мѣщанскаго короля, который правитъ ея судьбами, и провозгласитъ республику“.

— „Хотѣлось-бы вамъ вѣрить, сказалъ Герценъ съ ироніею, — но едва-ли. Когда-же все это будетъ? Я принимаю ваше пари на бутылку шампанскаго“.

— „Когда? повторилъ съ живостью отецъ, — скоро. Готовьте шампанское; на мое рожденіе мы будемъ пить за французскую республику!“

Этотъ горячій разговоръ, обратившій тогда мое вниманіе, былъ вскорѣ позабытъ.

Рѣшено было ѣхать дней на десять въ Неаполь; въ Римѣ оставалась только Марья Федоровна Коршъ съ маленькими дѣтьми Герцена, а старшаго мать взяла въ Неаполь.

Никогда не забуду этой поѣздки, такъ мнѣ было хорошо тогда! Мы ѣхали въ дилижансѣ; я сидѣла въ купе съ Натальею Александровною и съ маленькимъ Сашею. Александръ Ивановичъ часто подходилъ къ намъ на станціяхъ съ разными вопро-

сами: не хотимъ-ли поѣсть чего-нибудь, или попробовать мѣстнаго кисленькаго вина, или выйти походить, пока перепрыгаютъ лошадей. Ночи были лунныя; мы выходили иногда полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на море.

Навонецъ, на второй или на третій день мы прибыли въ Неаполь, въ десять часовъ вечера, и остановились, разумѣется, всё въ одномъ отелѣ на Кьяѣ. вмѣсто окна, въ каждой комнатѣ была стеклянная дверь, выходившая на маленький балконъ съ видомъ на море; вдали краснѣлъ огонекъ и виднѣлась темная струйка дыма на Везувіи. Не знаю, можетъ-ли кто-нибудь увидѣть равнодушно Неаполь въ первый разъ въ жизни? На насъ всёхъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе; въ природѣ и на душѣ было такъ хорошо, что мы вдругъ стали необыкновенно веселы, болѣе того—даже счастливы, не смотря на нашу страшную усталость.

Изъ Неаполя мы ѣздили въ Сорренто; дорога туда, Сорренто и его окрестности прелестны. Въ Сорренто намъ посоветовали съѣздить въ „Лазуревый гротъ“, говорили, что до него недалеко; однако, это неправда: мы наняли большую лодку съ шестью гребцами, и намъ пришлось плыть до грота шесть часовъ въ открытомъ морѣ, въ этотъ день далеко не покойномъ.

Какъ всё путешественники, мы поднимались на Везувій, частью на ослахъ, частью пѣшкомъ. Везувій представлялъ въ то время видъ огненной рѣки, что было необыкновенно красиво; нѣкоторые изъ насъ прожгли сапоги, ступая на горячую лаву.

Весьма живо сохранился въ моей памяти слѣдующій случай изъ нашего пребыванія въ Неаполѣ.

Однажды я съ отцомъ пришли, по приглашенію нашего знакомаго доктора Циммермана, къ нему въ гости; семейство Герцена оставалось въ отелѣ. Отъ Циммермана мы возвратились поздно, однако, я все-таки зашла проститься съ Натальею Александровною. Когда я вошла, она стояла среди комнаты, встрѣвоженная, съ раскраснѣвшимся лицомъ,—она, которая всегда была блѣдна; Луиза Ивановна, обыкновенно веселая и добродушная, смотрѣла гнѣвно; Александръ Ивановичъ стоялъ у своего письменнаго стола, задумчивый и молчаливый. Я глядѣла на всёхъ съ недоумѣніемъ, не зная, какъ уйти и что дѣлать, но Наталья Александровна вывела меня скоро изъ неловкаго положенія.

„Не подходи ко мнѣ, я преступница, сказала она съ ироніею, — я потеряла все наше состояніе! Я не шучу, это правда“.

— „Полно, Наташа, сказалъ Александръ Ивановичъ съ упрекомъ,—ты знаешь, я не боюсь, я провормлю свою семью“.

— „Слушай, сказала мнѣ Наталья Александровна съ оживленіемъ,—когда вы пошли къ Циммерману, я занялась съ Сашею, вдругъ гарсонъ постучалъ и сказалъ Александру, что на улицахъ демонстрація, большое волненіе; Александръ заторопилъ меня. Ты знаешь темно-зеленый портфель, въ немъ были ломбардные билеты, векселя на разные банкирскіе дома, словомъ, все наше состояніе и маменькино тоже. Я не знала, куда его дѣвать, оставить въ отелѣ боялась, наконецъ, второпяхъ, сунула его въ карманъ, но карманъ былъ малъ и портфель однимъ угломъ высовывался изъ него. Много разъ я ощупывала его, стоя въ толпѣ, онъ былъ тутъ, вдругъ я почувствовала, что кто-то дернулъ меня, ощупала карманъ,—онъ пустой“...

На другое утро, Герценъ съ моимъ отцомъ занялись практическою стороною этого дѣла. Они написали письма къ банкирамъ, на имя которыхъ были бланки, прося ихъ, по случаю кражи, не платить по нимъ до новаго увѣдомленія; потомъ пошли сами къ неаполитанскому банкиру, графу Торлони, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о мѣропріятіяхъ для отысканія портфеля, но, къ сожалѣнію, Торлони, не смотря на графскій титулъ, оказался очень тупымъ. Болѣе всего помогли имъ знакомые журналисты: они тотчасъ напечатали о потерѣ портфеля, объ его содержаніи и о вознагражденіи тому, кто принесетъ его; потомъ одинъ изъ нихъ пошелъ съ Герценомъ въ полицію, гдѣ ими было заявлено о пропажѣ, и пр. Все это было сдѣлано такъ быстро, что воры не могли получить крупной суммы по векселямъ, а по ломбарднымъ билетамъ еще менѣе.

Черезъ нѣсколько дней, къ журналистамъ явился подозрительный нищій, объяснилъ шепотомъ, что портфель найденъ бѣдными людьми и что они просятъ вести переговоры съ самимъ сеньоромъ, потерявшимъ портфель, но отнюдь не мѣшать въ это дѣло полицію. Журналисты дали нашъ адресъ.

На слѣдующій день, къ крыльцу нашего отеля подошелъ старикъ, о которомъ доложили Герцену. Старикъ ни за что не

хотѣлъ войти въ отель, а просилъ Герцена выйти къ нему на улицу, на что послѣдній согласился.

— „Портфель найденъ, сказалъ старикъ,—мы его отдадимъ, конечно, за вознагражденіе; мы люди бѣдные, только не надо мѣшать въ это дѣло полицію; если вы согласны, я найду за вами ужо и провожу васъ къ нашему старшему, вы съ нимъ столкуетесь, а потомъ вамъ принесутъ портфель, а вы отдадите вознагражденіе“.

Герценъ согласился. Въ назначенное время старикъ пришелъ за нимъ и они отправились. Богъ знаетъ, по какимъ трудностямъ ему пришлось идти, едва-ли сама полиція проникала туда когда-нибудь; на пути имъ встрѣтились люди мрачной наружности, едва прикрытые какими-то лохмотьями, лежавшіе на дорогѣ и не пропускавшіе ихъ дальше; завязался горячій споръ, котораго Герценъ не могъ понять; наконецъ, ихъ пропустили. Александръ Ивановичъ не имѣлъ никакого оружія въ рукахъ; эта мысль безпокоила его, когда огненные глаза со всѣхъ сторонъ устрѣмлялись на него; наконецъ, преодолевъ всѣ препятствія, они дошли до дѣли; это было нѣчто въ родѣ главнаго штаба воровъ; Герцена провели къ старшему, тотъ надменно кивнулъ ему головою и велѣлъ подать портфель.

„Тотъ-ли вы ищете?“ спросилъ онъ.

— „Да, отвѣчалъ Герценъ, узнавъ портфель,—только я не вижу, цѣлы-ли бумаги, находившіяся въ немъ“.

„Все цѣло, отвѣчалъ старшій.—Вы безоружный находитесь всецѣло въ нашей власти, и уйдете отсюда какъ пришли, никто не тронетъ волоска вашего, за это я ручаюсь головою“.

Потомъ начались переговоры, окончившіеся тѣмъ, что за сто скудій портфель принесутъ къ нашему отелю, а Герценъ вынесетъ деньги и получитъ его.

„Но, говорилъ старшій,—мы честные люди, дайте и вы намъ честное слово, что не замѣшаете въ это дѣло полицію, мы не воры, но мы не любимъ полицію“.

Герценъ обѣщалъ. Молодой парень, явившійся на другой день съ портфелемъ, не имѣлъ кармана, куда положить сто скудій, по той простой причинѣ, что на немъ не было никакой одежды; онъ былъ только прикрытъ кускомъ стараго корабельнаго паруса; однако, это не помѣшало обмѣну совершиться благополучно. Герцена вездѣ поздравляли со счастливымъ окончаніемъ дѣла, и ему приходилось расплачиваться за поздравленія.

„Надобно скорѣе убираться отсюда, говорилъ онъ смѣясь,—конца нѣтъ поздравленіямъ, право, они принимаютъ меня за какого-то Монтекристо“.

Этотъ эпизодъ немного омрачилъ наше веселое житье въ Неаполѣ, и мы поспѣшили возвратиться въ Римъ.

Вскорѣ наступило 12 (24) февраля 1848 г.; мы собирались вечеромъ праздновать день рожденія моего отца; дамы семейства Герценъ были уже у насъ, чтобы сѣсть за столъ,—мы ожидали только появленія Александра Ивановича, который, по обыкновенію, отправился читать передъ обѣдомъ вечернія газеты. Вдругъ послышались на лѣстницѣ торопливые шаги; то былъ Герценъ съ знакомымъ журналистомъ, Спири. Герценъ не шелъ, а бѣжалъ.

.

Съ этого дня газеты были наполнены вѣстями о возмущеніяхъ, о возстаніяхъ, происходившихъ въ разныхъ странахъ.

Въ Римѣ демонстраціи были ежедневно; народъ, очень взволнованный провозглашеніемъ французской республики, собирался въ большомъ порядкѣ и ходилъ по улицамъ Рима, прося реформъ, напоминая о страждущихъ братьяхъ въ Ломбардіи, говоря сочувственныя рѣчи французскому послу, который, какъ представитель монархіи, вовсе не зналъ, что имъ отвѣтить, тѣмъ болѣе, что онъ не получалъ еще никакихъ инструкцій изъ Парижа; у

австрійскаго посланника сломали гербъ и раздѣлили между присутствующими эту черную птицу, въ память черныхъ дѣлъ.

Видя часто римскихъ демократовъ-журналистовъ, мы спрашивали ихъ—всѣ-ли вѣсти о возстаніяхъ справедливы; они отвѣчали улыбаясь, что далеко нѣ всѣ: „мы ихъ предчувствуемъ, предугадываемъ, а черезъ нѣсколько дней они въ самомъ дѣлѣ подтверждаются“, говорили они.

.....

Когда волонтеры стали собираться въ Миланъ, устроилась огромная демонстрація, которая, направляясь изъ Корсо въ Колизей, по дорогѣ остановилась передъ церковью, гдѣ происходило богослуженіе, и просила священника благословить итальянское знамя, отправлявшееся въ Ломбардію. Часть насъ вошла въ церковь, гдѣ всѣ стали на колѣна; мы не знали, что намъ дѣлать, и стояли какъ постороннія; тогда къ намъ подошелъ одинъ изъ революціонныхъ начальниковъ или руководителей демонстраціи и попросилъ насъ встать тоже на колѣни, чтобы не оскорблять религіознаго чувства толпы.

..... Когда мы достигли, наконецъ, Колизея, намъ пришлось долго ожидать Чичеровакіо; онъ былъ простой работникъ и въ то время главный и любимый трибунъ народа. Почти всѣ жители Рима собрались въ Колизеѣ; со всѣхъ сторонъ тянулись пестрыя толпы, въ которыхъ виднѣлись и женщины съ дѣтьми.

Наконецъ, толпа заколыхалась, потомъ все затихло, явился Чичеровакіо. Онъ сталъ говорить народу съ жаромъ о необходимости подать скорую помощь угнетеннымъ братьямъ въ Ломбардіи, и въ концѣ своей рѣчи, представляя народу своего шестнадцати-лѣтняго сына, добавилъ:

— „У меня только одинъ сынъ, онъ мнѣ дороже всего на землѣ, и я отдаю его на служеніе народу, пусть онъ идетъ съ волонтерами въ Миланъ“, и, обратившись къ юношѣ, добавилъ „иди съ нашими, проливай свою кровь за отечество, за народъ“

Къ сожалѣнію, я не могу идти самъ въ Ломбардію, я остаюсь здѣсь, стеречь васъ отъ внутреннихъ враговъ“.

Сказавъ это, Чичеровакіо отеръ укладкою слезу; ему не легко было принести эту жертву. Всѣ были глубоко тронуты; тѣ, которые стояли ближе, восторженно жали ему руки, остальные кричали со всѣхъ силъ: „E viva Chichero vachio!“ Долго гудѣлъ въ толпѣ этотъ возгласъ, и эхо повторяло его.....

....Въ эти дни всеобщаго возбужденія мы не знали никакого отдыха и были по цѣлымъ днямъ на ногахъ, удивляясь и радуясь тому, что на нашихъ глазахъ совершалось пробужденіе Италіи, создавалась всемірная исторія.....

V.

Въ Парижѣ.—Соотечественники.—Нѣмецкій революціонеръ Гервегъ.—Іюньскіе дни 1848 г.—Обыскъ у Герцена и у моего отца А. А. Тучкова.—П. В. Анненковъ и И. С. Тургеневъ.—Послѣдняя ночь въ Парижѣ.—Встрѣча съ М. А. Бакунинимъ въ Берлинѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Графъ П. Д. Киселевъ.—К. Д. Кавелинъ.—Московскій кружокъ Герцена и Огарева.—Астраковъ.

1848—1849.

Вскорѣ намъ пришлось оставить Италію, къ тому-же интересно было взглянуть на республиканскій Парижѣ. Мой отецъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть наяву свои мечты; однако, намъ было очень жаль разстаться съ Герценами, но они обѣщали скоро присоединиться къ намъ въ Парижѣ. Оказалось, что въ новой республикѣ не такъ хорошо, какъ это думалось издали: смѣнили заглавіе: слово „монархія“ на слово „республика“, а содержаніе осталось то-же. Въ экономическомъ отношеніи благосостояніе народа ничуть не улучшилось и никто о немъ не думалъ; народъ бѣдствовалъ, особенно рабочій классъ Парижа; онъ требовалъ работы, а испуганное мѣщанское сословіе сокращало всѣ производства, сводило на мѣнѣйшій всѣ требованія и заказы.

Недѣли черезъ двѣ-три послѣ нашего пріѣзда, мы были свидѣтелями необычайнаго явленія: рабочіе (увѣряли, будто тысячь до семнадцати) шли въ мѣрію просить работы, шли въ большомъ порядкѣ и пѣли марсельезу. Я никогда не слыхала ничего подобнаго; всякій, кто слышалъ марсельезу, можетъ себѣ представить, какъ она должна была глубоко потрясти присутствовавшихъ, исполненная семнадцатью тысячами голосовъ и при такой обстановкѣ: рабочіе шли голодные, унылые, мрачные...

Въ то время у насъ часто бывали Павелъ Васильевичъ Анненковъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ; они сопровождали насъ въ картинную галерею и вообще помогали намъ осматривать все интересное въ Парижѣ. Вскорѣ пріѣхали и Герцены;

они помѣстились на Елисейскихъ поляхъ, въ нижнемъ этажѣ того дома, въ которомъ мы занимали второй этажъ. У Александра Ивановича бывали еще Николай Ивановичъ Сазоновъ и Илья Васильевичъ Селивановъ, кажется, старый знакомый Кетчера¹⁾; у насъ устроилось чисто русское подворье. Бывало хорошо и даже весело въ этихъ непринужденныхъ бесѣдахъ съ соотечественниками, но хорошему расположенію мѣшало разочарованіе во Франціи. Герценъ опять сталъ нападать на нее, отецъ мой не защищалъ ее болѣе. Разочарованіе становилось все сильнѣе и сильнѣе; впрочемъ, чего-же было и ожидать отъ французовъ, кромѣ громкихъ словъ и общихъ мѣстъ?.. Больно было Герцену и отцу моему сознавать, что они ошиблись.

Вездѣ обнаруживалась реакція; въ Австріи, въ Германіи, вездѣ преслѣдовали свободомыслящихъ людей, послѣдніе скрывались. Въ это время явился въ Парижъ бѣжавшій изъ Германіи революціонеръ и писатель Георгъ Гервегъ, послѣдователь Маркса. Онъ былъ довольно высокаго роста, худощавый, гладко остриженный, съ выдающимся длиннымъ носомъ и черными, неприятно сверкавшими, глазами; впрочемъ, человекъ весьма начитанный, изучившій основательно философію, исторію и литературу. Жена его была совершенный контрастъ съ нимъ: средняго роста, съ некрасивыми и невыразительными чертами лица—типъ нѣмецкой мѣщанки. Гервегъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ чудеснымъ спасеніемъ. Онъ рассказывалъ намъ, какъ онъ бѣжалъ, какъ скрывался на чердакѣ у одного крестьянина, который чуть было не заплатилъ жизнью за свой великодушный поступокъ. Герценъ слушалъ его рассказъ съ волненіемъ. Когда онъ умолкъ, Александръ Ивановичъ спросилъ:

„Какъ зовутъ того, кто вамъ спасъ жизнь?“

— „Я и не спросилъ“, отвѣчалъ Гервегъ съ пренебреженіемъ.

Эту черту я никогда не могла забыть и считала ее доказательствомъ его эгоистичнаго и неблагодарнаго характера.....

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ „Воспоминанія Ильи Васильевича Селиванова“, нынѣ покойнаго. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXVIII, XXIX; 1881 г., т. XXXI; изд. 1882, т. XXXIII.

Герценъ и мой отецъ становились угрюмы, молчаливы. И въ самомъ дѣлѣ, легче было молчать: негодованіе, безсильный гнѣвъ въ нихъ брали верхъ надъ всѣми другими чувствами.

Нѣсколько дней мы не видались съ нашими знакомыми, ихъ не пропускали къ намъ, а когда Александръ Ивановичъ и отецъ мой пошли посмотрѣть, что дѣлается въ центрѣ Парижа, то ихъ много разъ останавливалъ караулъ и чуть было не арестовалъ. Не буду рассказывать, какъ я одна пыталась дойти до баррикадъ въ предмѣстьи св. Антонія, какъ выстрѣлы на Вандомской площади произвели на меня тяжелое впечатлѣніе,—потому что все это было рассказано мною въ третьемъ томѣ воспоминаній моего друга, покойной Т. П. Пассекъ, „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

Въ одинъ изъ этихъ печальныхъ дней, Наталья Александровна Герценъ, моя сестра и я пошли погулять взадъ и впередъ по Елисейскимъ полямъ. Мы замѣтили на улицѣ трехъмужчинъ, въ синихъ блузахъ, которые также ходили взадъ и впередъ, какъ мы. Принявъ ихъ за рабочихъ, мы недоумѣвали, какъ они не боятся показываться такъ при солдатахъ. Когда мы ушли къ „Круглой Точкѣ“ (Rond Point), мнимые рабочіе позвонили у нашихъ дверей. Увидавъ это, мы поспѣшили домой; три блузника были уже въ квартирѣ Герцена, когда намъ отперли дверь. Работники узнали насъ и улыбнулись.

„Ma foi, mesdames, veuillez nous excuser, nous avons attendu toute la matinée que vous éloignez du logis, nous avons fait notre possible pour vous éviter ce désagrément—et voilà que vous rentrez“¹⁾, сказали они.

— „En quelle qualité venez vous?“²⁾, спросилъ Герценъ, болѣе опытный и болѣе догадливый, нежели мы.

Они растегнули блузы и показали полицейскій шарфъ.

„Par mandat du préfet de police“, отвѣчали они.— „Nous venons faire une perquisition domiciliaire chez m-r Alexandre Herzen, citoyen russe; c'est vous, monsieur?“³⁾, продолжалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Герцену.

¹⁾ Переводъ: „Извините насъ, сударыни, мы все утро поджидали, чтобы вы удалились изъ дома, мы сдѣлали все возможное, чтобы избавить васъ отъ этой неприятности, а вотъ вы возвратились“.

²⁾ „Въ качествѣ чего являетесь вы?“

³⁾ „По приказанію полицейскаго префекта, мы явились пронавестить домашній обыскъ у г. Александра Герцена, русскаго гражданина; это вы, милостивый государь?“

Тотъ кивнулъ слегка головою. Тогда они прошли въ его кабинетъ и тамъ перевернули все вверхъ дномъ, осматривали каминъ, трогали золу, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли сожженныхъ бумагъ въ каминѣ, а Герценъ имѣлъ привычку жечь ненужныя бумаги каждый день, по окончаніи занятій. Видя, что полицейскіе осматриваютъ бумаги ея мужа, Наталья Александровна вошла также въ кабинетъ, стала иронически хвалить республику, въ которой такъ свободно жить, потомъ предложила полицейскимъ освидѣтельствовать и ея бумаги, но они спокойно отвѣчали, что исполняютъ только то, что имъ поручено, что съ нихъ и этого довольно.

Мой отецъ былъ въ отчаяніи; онъ понималъ важную роль, которую играла полиція въ эти страшные дни, и чувствовалъ, что жизнь Герцена въ рукахъ этихъ мнимыхъ блузниковъ. Полицейскіе, видимо, еще чего-то искали, но не говорили чего; вѣроятно, русскаго золота. Окончивъ съ осмотромъ бумагъ Александра Ивановича, одинъ изъ полицейскихъ обратился къ моему отцу съ вопросомъ:

„Вы тоже русскій и живете во второмъ этажѣ, надъ англійскимъ семействомъ?“

— „Да“, отвѣчалъ отецъ, немного удивленный этими точными свѣдѣніями.

„Потрудитесь намъ указать дорогу къ вамъ, сказалъ полицейскій, вѣжливо наклоняя голову, — потому что теперь очередь за вами“.

У отца они также тщательно все переглядѣли и унесли статью о революціи 1848 года, писанную имъ по-французски, о чемъ отецъ очень жалѣлъ, потому что не имѣлъ другаго экземпляра; она такъ и осталась въ префектурѣ. Во время осмотра бумагъ, мы показывали полицейскимъ разныя каррикатуры на тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, они смотрѣли на нихъ, почти-тельно сдерживая улыбку.

Вѣсти приходили все печальнѣе; эмигранты прибывали, а французы, принимавшіе участіе въ баррикадахъ и случайно уцѣлѣвшіе, спѣшили скрыться за туманы сосѣдней Англій. Про Чичеровакію и сына его пронесся слухъ, что они оба въ плѣну въ Австріи; не вытерпѣлъ любимецъ народа, горячій трибунъ, ушелъ по слѣдамъ сына. Было какое-то тяжелое затишье, какъ

бываетъ послѣ похоронъ; близился срокъ нашего возвращенія домой, и, признаться, легче было вернуться, когда всѣ страны превратились въ какія-то обширныя тюрьмы. Всѣ наши соотечественники начинали поговаривать также о возвращеніи въ Россію; одинъ Герценъ упорно молчалъ, а иногда говорилъ:

— „Надо оставаться на западѣ, хотя онъ и разлагается; можетъ придется и погибнуть съ нимъ, все-же тутъ борьба, жизнь...“.

Рѣшено, мы уѣзжаемъ; настали послѣдніе дни съ ихъ утомительною суетою. Мы должны были выѣхать изъ Парижа очень рано, прямо въ Берлинъ; всѣ рѣшили не ложиться спать, а провести вмѣстѣ послѣднюю ночь, роковую для меня, потому что я не видала болѣе Натальи Александровны. Тургеневъ, какъ болѣе избалованный и болѣе нѣжный, пришелъ нарочно проститься и рано ушелъ домой. Провожали насъ, кромѣ Герценовъ, Гервеги, Павелъ Васильевичъ Анненковъ и Николай Ивановичъ Сазоновъ. Послѣдній былъ очень умный, многознающій человекъ, но весьма несимпатичный и очень уже офранцуженный. Мужчины выпили много шампанскаго въ эту прощальную ночь; отъ недостатка сна и излишка вина, они имѣли страшныя, зеленовато-блѣдныя лица, говорили о свиданіи, но безъ особенной вѣры, а какъ будто для ободренія себя; въ особенности, глядя на Наталью Александровну, трудно было надѣяться на очень отдаленное будущее; она сама говорила: „Я чувствую, что не доживу до старости, жаль только, что не увижу дѣтей большими. О, дѣти, дѣти, говорила она,—дорогія цѣпи; пожила-бы для себя, да нельзя“.

Вотъ сидимъ уже въ вагонѣ и смотримъ на провожающихъ насъ. Какъ теперь вижу блѣдное лицо Натальи Александровны, опирающейся на руку сіяющаго здоровьемъ Александра Ивановича, и все исчезаетъ.

Узнавъ о нашемъ приѣздѣ въ Берлинъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ пришелъ къ намъ вечеромъ; я о немъ слышала и желала увидѣть его сама. О немъ говорили такъ много противоположнаго; говорили какъ о человекѣ безконечно умномъ, начитанномъ и знающемъ въ совершенствѣ нѣмецкую философію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о дѣтски избалованномъ, бестактномъ и любящемъ заниматься сплетнями; однако, въ одинъ вечеръ

нельзя было узнать такого замѣчательнаго человѣка. Онъ пришелъ любезно и развязно съ нами познакомиться, и много насъ разспрашивалъ о нашихъ общихъ друзьяхъ, оставшихся въ Парижѣ. Отъ избытка энергіи, онъ никогда не упывалъ, а смотрѣлъ на революціонное дѣло нѣсколько по-дѣтски; прощаясь, жаль намъ крѣпко руки, говоря: „До свиданія въ славянской республикѣ“. Всѣ смѣялись его выходкѣ.

Однако, послѣ нашего отъѣзда, Бакунинъ поселился въ Дрезденѣ, завелъ тамъ страшную агитацію, устроилъ съ тамошними демократами баррикады, послѣ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; его хотѣли разстрѣлять, потомъ взаменъ передали Австріи, которая хуже всѣхъ другихъ странъ обращалась со своими плѣнными. Полный надеждъ, quand-même, и физическихъ силъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ былъ заключенъ въ крѣпость и прикованъ къ стѣнѣ. Впослѣдствіи онъ рассказывалъ намъ, что пробовалъ отравиться спичками и ѣлъ ихъ безъ всякаго ущерба для своего рѣдкаго здоровья.

— „Подлая страна, говорилъ онъ,—не умѣетъ ни покончить съ человѣкомъ, котораго считаетъ вреднымъ, ни смягчить его человѣческимъ обращеніемъ. Откровенно говоря, я радъ былъ, продолжалъ онъ,—что меня выдали Россіи; австріяцы и кандалы-то пожалѣли—сняли свои“.

Осенью 1848 года мы вернулись изъ чужихъ краевъ, тоже моремъ, черезъ Кропштадтъ; тогда это было самое удобное средство передвиженія. Вещи наши осматривались снисходительно; въ тамошнѣ были предупреждены о нашемъ приѣздѣ, контрабанды у насъ не было, но были французскія газеты, кажется „Le Rap-
 pel“, „Le Peuple“ Прудона, „La voix du peuple“, „La liberté“ и проч.; были литографіи французскихъ выдающихся дѣятелей, каррикатуры... За нихъ-то мы и опасались, однако, все обошлось благополучно; но по всему было замѣтно, что настало время большихъ строгостей. Нашей гувернанткѣ, m-lle Michel, не было дозволено вѣхатъ вмѣстѣ съ нами въ Петербургъ, ей пришлось ждать въ Кропштадтѣ. Она плакала, опасаясь, что ее вовсе не пустятъ; пятнадцать лѣтъ провела она въ Россіи совершенно безвредно, занимаясь исключительно воспитаніемъ вѣранныхъ ей дѣтей. Мой отецъ хлопоталъ о ней въ Петербургѣ, и черезъ нѣсколько дней ей былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Россію, но, ка-

жется, года черезъ два она была вынуждена принять русское подданство, во избѣжаніе высылки изъ предѣловъ Россіи.

Въ эту эпоху было рѣшено русскихъ не пускать за границу, кромѣ рѣдкихъ исключеній, по очень серьезнымъ болѣзнямъ, а иностранцевъ, въ особенности французовъ, не впускать въ Россію; тѣ-же иностранцы, которые уже были въ Россіи, должны были или оставить Россію, или принять русское подданство; мѣра эта продолжалась лѣтъ семь. Въ 1855 году, уже въ царствованіе императора Александра II, эта строгость была отмѣнена; нашъ заграничный паспортъ первый, помню, былъ выданъ по мнимой болѣзни Огарева.

Въ Петербургѣ отецъ мой замѣтилъ, что Л. А. Перовскій, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, хорошій его знакомый и вмѣстѣ съ тѣмъ его начальникъ, какъ-то раздражительнъ и холоденъ съ нимъ. Между прочими знакомыми, отецъ былъ у пріятели дѣда моего, графа П. Д. Киселева, который имѣлъ репутацію очень либеральнаго человѣка. Графъ любилъ моего отца и принялъ его, какъ всегда, очень любезно; болышею частью они бесѣдовали по-французски. Вдругъ графъ говоритъ отцу:

„Ah, mon cher Toutschkoff, je ne sais si votre nom est inscrit en rouge ou en blanc, mais il est noté dans le livre noir, c'est sûr“.

— „Pourquoi cela, comte?“ спросилъ отецъ.

„C'est un fait, продолжалъ графъ, — mais je ne sais trop comment vous l'expliquer, en un mot: vous sentez les barricades à une lieue. Oui, mon cher, il ne fallait pas rester à Paris pendant les journées de juin“.

— „Mais il est impossible de tout prévoir, возражалъ отецъ, quand l'insurrection du faubourg St. Antoine éclata, il était trop tard pour quitter Paris. Il est heureux encore que nous n'ayons pas été fusillés comme agents russes. Nous avons eu tous des perquisitions domiciliares et si l'on eut trouvé de l'or russe chez nous, notre affaire eut été très mauvaise, car dans les journaux on ne faisait que parler des agents russes, qui à l'aide de l'or russe, faumentaient tous ces troubles; un heureux hazard nous a sauvés; une heure avant la visite de la police chez nous, Herzen a pris tout l'or que nous possédions pour l'échanger chez Rothschild et dans ce but l'a laissé chez sa mère, qui demeurait dans une autre rue; l'a il n'y eut pas de perquisition“.

„Ah! c'est curieux, вскричалъ Киселевъ, „perdu des deux côtés!“

— „Oh non, mon comte, ici je ne suis pas encore perdu ¹⁾“ возразилъ горячо мой отецъ;—все ограничилось тѣмъ, что у меня взяли мою статью о революціи 1848 года, которую мнѣ очень жаль“.

— „Спросите Перовскаго, какъ на васъ смотрять, сказалъ графъ,—онъ долженъ знать“.

Отецъ видѣлся съ Перовскимъ, но послѣдній былъ непроницаемъ.

Я забыла сказать, что Марія Федоровна Коршъ, проживши въ семействѣ Герцена за границую полтора года, возвратилась съ нами въ Россію и ѣхала съ нами до Москвы, къ своему брату, Евгенію Федоровичу Коршъ. Въ Петербургѣ къ ней часто хаживалъ ея зять, Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ; онъ былъ знакомъ съ моимъ отцомъ еще въ Москвѣ, и бывалъ у насъ, но тогда мы были слишкомъ молоды, чтобы обратить на него серьезное вниманіе. Тутъ мы познакомились съ нимъ короче; онъ намъ много рассказывалъ о московскомъ кружкѣ, о Бѣлинскомъ, объ его кончинѣ, хотѣлъ даже подарить мнѣ слѣпокъ съ Бѣлинскаго,

¹⁾ Переводъ: „А, мой милый Тучковъ, не знаю уже,—красными или бѣлыми чернилами записано ваше имя въ черной книгѣ, но что оно записано въ ней, это фактъ“.

— „Почему это?“ спросилъ отецъ.

„Это вѣрно, сказалъ графъ Киселевъ,—но я не знаю какъ вамъ это объяснить; однимъ словомъ, отъ васъ за версту пахнетъ баррикадами. Да, другъ мой, не слѣдовало оставаться въ Парижѣ во время июньскихъ дней“.

— „Да вѣдь невозможно все предвидѣть, возразилъ отецъ;—когда началось возстаніе въ предмѣстьѣ св. Антонія, было уже поздно оставлять Парижъ. Счастье еще, что насъ не разстрѣляли, какъ русскихъ агентовъ. У насъ у всѣхъ были обыски на дому, и если-бы у насъ нашли русское золото, то наше положеніе было-бы весьма плохо, потому что въ газетахъ безпрестанно писали о русскихъ агентахъ, которые, будто-бы, съ помощью русскаго золота, подстрекали рабочихъ къ возстанію; счастливая случайность спасла насъ. За часъ до прихода полиціи, Герценъ взялъ все мое золото, чтобы обмѣнять его у Ротшильда, и оставилъ его у своей матери, жившей въ другой улицѣ и у которой не было обыска“.

— „Ахъ, какъ это все странно, погибель съ обѣихъ сторонъ!“ вскричалъ Киселевъ.

— „О, здѣсь я еще не погибъ“.

Н. Т.

снятый по кончинѣ его. Мнѣ очень хотѣлось его имѣть, но странны бывають понятія въ молодости: мнѣ казалось, что, не зная Бѣлинскаго лично, я была недостойна получить такой драгоценный подарокъ и даже негодовала на Кавелина за то, что ему вздумалось подарить мнѣ такую безцѣнную вещь. Вѣроятно, Кавелинъ заподозрилъ, что я не дорожу слѣшкомъ Бѣлинскаго, такъ какъ это не осуществилось.

Приходя къ намъ, Кавелинъ иногда опаздывалъ, а мы съ Марьею Ѳедоровною Коршъ, усталыя отъ морскаго путешествія, ложились довольно рано. Разъ Кавелинъ постучалъ въ дверь нашего номера послѣ девяти часовъ; мы отвѣчали, что легли, тогда онъ просилъ позволенія разговаривать черезъ дверь, сѣлъ на стулъ въ корридоръ у запертой на ключъ двери и мы бесѣдовали такимъ образомъ. Но Марья Ѳедоровна, боясь оскорбить щепетильность англійскаго пансіона, въ которомъ мы остановились, запретила Кавелину ходить къ намъ послѣ девяти часовъ, и это не повторилось. Я думаю, рѣдко можно встрѣтить столько доброты и вротости въ соединеніи съ замѣчательнымъ, пытливымъ умомъ, какъ у Константина Дмитріевича Кавелина; не было никогда благороднаго порыва, на который онъ-бы тотчасъ не отозвался, не раздумывая о своихъ личныхъ интересахъ. Извѣстно, какъ онъ оставилъ московскій университетъ и тѣмъ, быть можетъ, повредилъ своей карьерѣ навсегда, но мнѣ придется позже говорить о немъ; онъ являлся нѣсколько разъ въ моей жизни до 1855 года, когда мы,—Огаревъ и я, — окончательно оставили Россію, не зная, увидимъ-ли мы ее еще разъ.

Я одна увидѣла ее, увидѣла дорогое Яхонтово....

Проѣздомъ изъ Петербурга въ наше имѣніе, мы побывали у дѣда моего, генераль-маіора Алексѣя Алексѣевича Тучкова; онъ намъ очень обрадовался, такъ-же, какъ и мы ему. Въ это время намъ очень хотѣлось видѣть знаменитый кружокъ Герцена и Огарева, теперь мы уже понимали его значеніе. Мой отецъ всегда бывалъ тамъ, и былъ всѣми очень чествуемъ, какъ декабристъ, и къ нему ѣздили эти господа, но мы тогда были почти дѣтьми. Наконецъ, мы увидали всѣхъ, или почти всѣхъ. Въ семьѣ Герцена я уже слышала о характерѣ Николая Христофоровича Кетчера, объ его выходкахъ, обидчивости, о непріятностяхъ, возникающихъ болѣе всего отъ его строптиваго характера, и потому

немудрено, что я смотрѣла на него не совѣмъ безпристрастно и что онъ мнѣ съ перваго взгляда не понравился.

Евгеній Ѳеодоровичъ Коршъ, тогда редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, былъ дѣйствительно такимъ, какимъ мнѣ его описывали; умный и холодный какъ сталь; его заиканіе не только не вредило ему, а какъ будто придавало болѣе мѣткости его остротамъ. О Грановскомъ и его женѣ я также много слышала; между прочимъ, Герценъ говорилъ, что не смотря на замѣчательный умъ Грановскаго, его идеализмъ былъ иногда преградой въ философскихъ преніяхъ съ друзьями. Однажды, посреди горячаго спора о вѣроятности несуществованія загробной жизни, Грановскій вдругъ всталъ и отошелъ. На вопросъ нѣкоторыхъ друзей—что съ нимъ, Грановскій отвѣчалъ:

— „У меня умерла сестра, которую я горячо любилъ, я не могу допустить, что я съ нею не увижусь“.

Эта выходка многимъ показалась малодушіемъ. Съ другой стороны, несогласіе съ Кетчеромъ, заступничество Грановскаго все это указывало на необходимость отдаленія хотя на время. Мало по малу кружокъ сталъ разъединяться; Герценъ уѣхалъ за границу, Огаревъ—въ деревню. Жена Грановскаго тоже меня очень интересовала. Она была ближайшимъ другомъ Наталии Александровны Герценъ и вдругъ, безъ замѣтной причины, безъ объясненія, отдалилась отъ нея,—почему это произошло, осталось тайною навсегда. Мнѣ казалось, что всѣ эти личности знали, что я много о нихъ слышала и потому какъ-то сдержанно относились ко мнѣ.

Еще мы познакомились съ Астраковыми; помню, какъ мы отправились къ нимъ вдвоемъ съ сестрою, съ запискою Наталии Александровны Герценъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ Астраковой. Она жила близъ Дѣвичьяго поля, на Плющихѣ, въ собственномъ деревянномъ домѣ. Астраковыхъ было нѣсколько братьевъ; старшаго, Николая Ивановича, мужа Татьяны Алексѣевны, уже не было въ живыхъ; изъ остальныхъ всѣхъ ближе съ Огаревымъ и Герценомъ былъ Сергій Ивановичъ,—съ нимъ-то мы короче и познакомились. Онъ и Татьяна Алексѣевна приняли насъ такъ радушно и просто, что намъ стало свободно и казалось, что мы давно знакомы, и такъ это осталось навсегда. Мы съ Татьяною Алексѣевною остались какъ два вѣстовыхъ того времени, и до сихъ поръ (1889 г.) переключаемся иногда.

Когда мы прѣзжали къ Астраковымъ, насъ встрѣчалъ всегда ихъ слуга, отставной солдатъ Никифоръ; онъ насъ очень полюбилъ и называлъ все „голубчиками“. Когда впоследствии мы навѣщали Астраковыхъ, прѣзжая въ двухъ пролеткахъ: я съ Огаревымъ, а сестра со своимъ женихомъ, Николаемъ Михайловичемъ Сатиннымъ, Никифоръ качалъ головою и говорилъ: „Разлучили голубчиковъ, прежде лучше было!“

Сергѣй Ивановичъ Астраковъ былъ человекъ замѣчательно умный и знающій, очень хорошій математикъ, а между тѣмъ судьба-мачиха не дала ему возможности сдѣлать многого для отечества и для собственнаго существованія. Онъ является въ моихъ глазахъ одною изъ тѣхъ молчаливыхъ жертвъ, неугаданныхъ другими, которыя у насъ встрѣчаются чаще, нежели въ другихъ странахъ; жилъ онъ какъ-то отщепенцемъ, хотя и принадлежалъ къ кружку. Впоследствии, кажется, въ 1866 г., отъ неудовлетворенія-ли, или съ отчаянія, этотъ духовно и физически сильный человекъ угасть въ чахоткѣ, и не стало существа самаго преданнаго добру и правдѣ! За исключеніемъ Герцена, никто изъ друзей не любилъ и не цѣнилъ Огарева такъ, какъ Сергѣй Ивановичъ Астраковъ.

Въ наше пребываніе въ Москвѣ, я слышала отъ тети Марьи Алексѣевны Тучковой о весьма неприятномъ случаѣ, бывшемъ съ троюроднымъ братомъ моимъ, полякомъ, который, вступивъ въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ, жилъ въ домѣ моего дѣда. На ваникулы онъ поѣхалъ навѣстить своихъ родителей въ Вильно; дорогою, на какой-то станціи, громко распѣвалъ польскія пѣсни съ товарищемъ студентомъ, ѣхавшимъ тоже въ Вильно; вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась и въ ней появилось гнѣвное лицо какого-то генерала.

„Какъ вы смѣете такъ шумѣть, когда моя жена лежитъ больная въ сосѣдней комнатѣ?“ обратился онъ къ моему родственнику, грозно поглядывая на обоихъ студентовъ.

— „Почему-же мы можемъ знать, что ваша жена больна? Эта комната для проѣзжающихъ, а проѣзжающіе всѣ равны, я думаю“, отвѣчалъ мой троюродный братъ.

— „Вы думаете? возразилъ запальчиво генераль,—вы скоро узнаете—что такое беспокоить и раздражать меня“.

Мой троюродный братъ, по донесенію этого генерала, былъ взятъ подъ арестъ въ Вильнѣ и отправленъ въ Сибирь.

VI.

Наше сближеніе съ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ. — Хлопоты его о разводѣ съ Маріею Львовною Огаревою. — Поѣздка въ С.-Петербургъ. — Пріатели и друзья Огарева. — Ив. Павл. Арапстовъ. — К. Д. Кавелинъ. — И. С. Тургеневъ. — Мих. Александр. Языковъ. — Собранія у М. В. Буташевича-Петрашевскаго. — Вечеръ у Н. П. Огарева. — Спѣшневъ. — Аресты въ Петербургѣ. — Отъѣздъ въ Москву. — Розыскъ священника для обвиненія. — Мой отказъ вѣнчаться съ Огаревымъ безъ его развода. — Поѣздка въ Одессу. — Намѣреніе уѣхать за границу. — Пребываніе въ Крыму. — Возвращеніе въ деревню. — Запрещеніе Огареву поситъ бороду. — Обыскъ въ деревнѣ. — Арестъ и увозъ отца. — Вѣсть къ Огареву. — Тяжелыя встрѣчи въ Москвѣ и черныя дни въ Петербургѣ. — Освобожденіе отца, Огарева и Сатина. — Веселые проводы. — Ссылка отца въ Москву. — Нашъ отъѣздъ въ деревню. — Сожженіе книгъ и бумагъ. — Поджогъ крестьянами писчебумажной фабрики. — Смерть Н. А. Герценъ. — Приглашеніе за границу. — Смерть М. Л. Огаревой и Т. Н. Грановскаго. — Новое царствованіе. — Заграничный паспортъ.

1849—1855 гг.

.....Послѣ тяжелыхъ объясненій съ моимъ отцомъ, который сначала не могъ слышать о нашемъ бракѣ, было рѣшено ѣхать всѣмъ въ Петербургъ, гдѣ Огаревъ надѣялся уладить дѣло развода съ своею первою женою, Маріею Львовною Огаревою. Она была въ то время за границею; тамъ было поручено А. И. Герцену узнать у нея, можно-ли надѣяться на ея согласіе?

И тамъ, и тутъ, все оказалось безуспѣшно: въ Петербургѣ, въ эту строгую административную эпоху, было почти немислимо устроить такое трудное дѣло.

Мы остановились въ Петербургѣ, такъ-же, какъ и Огаревъ, въ гостинницѣ Кулона, въ то время одной изъ лучшихъ или даже лучшей. Огаревъ почти ежедневно былъ посѣщаемъ своими многочисленными друзьями, которыхъ онъ нерѣдко приводилъ и къ намъ; между прочими чаще бывали Сатинъ, Кавелинъ, Арапетовъ, Михайль Александровичъ Языковъ, Ив. Ив. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ. Тургеневъ находился въ то время въ своей деревнѣ „Спасское“; тогда говорили, что онъ былъ посланъ туда за то, что былъ въ Парижѣ во время баррикады. Не соображали, какъ опасно было оставить Парижъ въ то смутное время, — стоило быть принятому за русскаго агента — и можно было быть разстрѣланному; современемъ узнали-бы, что это было

по ошибкѣ—и только; благоразуміе повелѣвало выждать сповойствія для отъѣзда, и такъ сдѣлали всѣ русскіе, застигнутые реакціонною бурей въ Парижѣ.

Но, возвращаясь къ петербургскимъ пріятелямъ Огарева, вспоминаю Михаила Александровича Языкова, который обладалъ необыкновеннымъ даромъ веселить, смѣшнить свой интимный кружокъ, сохраняя при томъ очень серьезный видъ, что придавало еще болѣе пивантности его насмѣшкамъ и каламбурамъ. Находчивость его была поразительна — онъ никогда не пропускалъ случая съострить. Разъ на какомъ-то обѣдѣ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ:

— „Разъ думалъ я, друзья“.... всѣ слушали его въ нетерпѣливомъ ожиданіи.— „Раздумалъ я“, сказалъ онъ, и сѣлъ внезапно на свое мѣсто.

Всѣ весело смѣялись надъ этою выходкою. Михаилъ Александровичъ былъ очень маленькаго роста, слегка хромалъ, съ мелкими, довольно правильными чертами лица, всегда остриженъ подъ гребенку.

Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, помню одинъ случай, въ которомъ я, случайно или по какому-то женскому инстинкту, спасла Огарева и нѣкоторыхъ друзей его.

Въ началѣ страстной недѣли (1849 г.) у насъ собралось нѣсколько друзей Огарева, между прочими помню Сатина, Кавелина и Арапетова. Послѣдній рассказывалъ съ большимъ жаромъ о собраніяхъ М. В. Петрашевскаго: къ нему собирались даже личности, пріѣхавшія въ столицу только на короткій срокъ. Знакомые Петрашевскаго привозили къ нему своихъ знакомыхъ; вообще доступъ въ эти сборища былъ очень легокъ, и потому собранія были весьма многолюдны; особенно обращалъ на себя вниманіе обычай разговляться въ страстную пятницу, и это происходило (какъ говорили тогда) уже нѣсколько лѣтъ, посреди Петербурга.

„А полиція?“ спросила я не безъ удивленія.

— „Вѣроятно, полиціи давно все извѣстно, отвѣчалъ Арапетовъ, — но она ничего не находитъ особенно важнаго въ этихъ собраніяхъ“.

„О чемъ-же говорится? Что дѣлается на этихъ вечерахъ?“ допытывалась я.

— „О! не знаю, какъ вамъ сказать; порицають многое, хвалятъ то, что для насъ запрещенный плодъ, говорилъ шути Арапетовъ,—а главное: мужчины одни, дамъ нѣтъ, mille pardons, вина хорошия, весело, легко на душѣ, а положительной цѣли, говорятъ, никакой нѣтъ“.

Однако, мнѣ не нравилось описаніе этихъ вечеровъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ не быть тайной полиціи и какъ такъ рисковать, безъ всякой опредѣленной цѣли?

Арапетовъ звалъ всѣхъ присутствовавшихъ мужчинъ ѣхать разговляться въ пятницу въ Петрашевскому, а я стала ихъ уговаривать не ѣздить, потому что глупо такъ шутить своею жизнью.

— „Но вѣдь тутъ нѣтъ никакого риска, возразилъ Иванъ Павловичъ Арапетовъ,—это вамъ, пріѣхавшимъ изъ степи, кажется опасно, а намъ это только забавно. Поѣдемъ, Огаревъ, если ты не поѣдешь, и я не поѣду“.

Кавелинъ подошелъ ко мнѣ, и съ свойственною ему мягкостью старался убѣдить меня не страшиться такого безразличнаго поступка. Какъ болѣе близкій другъ Огарева, онъ былъ посвященъ въ наши планы и мечты и зналъ, какъ дорого было для меня существованіе Огарева, но и онъ не могъ меня убѣдить въ безопасности посѣтителей этихъ бесѣдъ.

Прощаясь, Арапетовъ сказалъ Огареву:

— „Ухожу, ничего отъ тебя не добившись, заѣзжай за мною въ пятницу, вечеромъ, у меня будетъ человѣкъ, который насъ представитъ Петрашевскому; ну, смотри, пріѣзжай, а то ты мнѣ испортишь славный вечеръ, безъ тебя я не поѣду“.

Огареву очень хотѣлось обѣщать, но бросивъ бѣглый взглядъ на мое смущенное, взволнованное лицо, онъ молча пожалъ руку Арапетову.

— „Не ожидалъ я отъ васъ такой осторожности, сказала мнѣ Кавелинъ улыбаясь,—а еще сами ходили на баррикады“.

Однако, никто изъ присутствовавшихъ не былъ на вечерѣ у Петрашевскаго; я съ радостью приняла эту жертву.

На слѣдующій день этой роковой пятницы у Огарева былъ тоже вечеръ, собралось довольно много его друзей; Кавелинъ, познакомившись съ Спѣшневимъ, привезъ его къ Огареву. Новый собесѣдникъ обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ пра-

вильныя черты лица, темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе, сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью. Рассказывали, что онъ только-что вернулся изъ чужихъ краевъ, гдѣ недавно похоронилъ женщину, для которой въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставлялъ свою страну, свою престарѣлую мать. Онъ вернулся убитый этою потерею, съ двумя дѣтьми, которыхъ его мать взяла на свое попеченіе.

— „Вотъ, говорилъ мнѣ съ упрекомъ Кавелинъ,—г. Спѣшневъ разговлялся вчера у Петрашевскаго, однако, онъ цѣль и невредимъ, и говорить, что тамъ было очень оживленно, а вы намъ помѣшали, это упрекъ вамъ навсегда!“

Я чувствовала себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы виноватою, и молча, опустивъ голову, выслушивала нравоученіе Константина Дмитріевича, хотя все-таки оставалась при своемъ мнѣніи, потому что у Петрашевскаго велись книги, гдѣ записывались имена посѣтителей за нѣсколько лѣтъ.

Вечеръ у Огарева былъ весьма удаченъ, оживленъ, самъ хозяинъ былъ очень доволенъ; изъ дамъ были только Авдотья Яковлевна Панаева, моя мать и я съ сестрою; мы только потому тутъ были, что жили въ одномъ этажѣ, и такъ какъ было много гостей, отворили двери въ нашу квартиру; намъ любопытно было посмотрѣть на этотъ праздникъ, гдѣ было такъ много мужчинъ и такъ много дорогихъ винъ, которые лились рѣкою.

Послѣ ужина Михаилъ Александровичъ Языковъ, прихрамывая, подхватилъ Кавелина вмѣсто дамы и понесся съ нимъ вальсируя по всей амфиладѣ комнатъ. Мы были удивленными зрительницами съ сестрою и играли ту-же роль, какъ въ 1848 г. въ Римѣ, на маскарадѣ; тогда мой отецъ взялъ ложу съ Герценомъ, но намъ захотѣлось посмотрѣть маскарадъ поближе; мы надѣли маски, домино и сошли въ залу, гдѣ было страшное оживленіе. Черезъ нѣкоторое время къ намъ подошелъ какой-то толстый итальянецъ, очевидно, наблюдавшій за нами нѣкоторое время: „Милыя маски, сказалъ онъ,—вамъ здѣсь не весело, какъ другимъ, видно, что вы въ первый разъ въ маскарадѣ, вдобавокъ вы сестры, да еще иностранки“. Мы невольно засмѣялись и вернулись въ ложу. Жена Герцена, напротивъ, провела въ то время очень хорошо вечеръ — она разговаривала съ какимъ-то симпатичнымъ брюнетомъ-полякомъ и пресерьезно совѣтовала мужу познакомиться съ нимъ, но это не осуществилось.

Вспоминаю, что тогда въ Римѣ насъ очень поражала одна личность, но, къ сожалѣнію, мы никогда не узнали ея имени; это былъ сози Герцена, какъ мы его называли; такое сходство рѣдко можно встрѣтить. Казалось, онъ замѣчалъ это, потому что улыбался, встрѣчая нашу многочисленную компанію, разнаго возраста дамъ и только двухъ кавалеровъ—моего отца и Герцена. Сози сталъ даже носить шляпы и плащи, цвѣтомъ и формою во всемъ подобныя тѣмъ, которые были на Герценѣ. Сози отличался отъ Герцена только ростомъ и годами, онъ былъ нѣсколько повыше и казался лѣтъ на пятнадцать старше Герцена. Меня удивляло тогда, что Герценъ не старался узнать, кто онъ, но это не потому, чтобы онъ не замѣчалъ сходства, напротивъ, онъ первый обратилъ на него вниманіе и часто, шутя, говорилъ женѣ:

— „Ты смотри, не ошибись, дашь ему руку и исчезнешь, какъ свидѣніе“.

Тогда въ Италіи все пробуждалось, дышало революціоннымъ духомъ, народъ говорилъ только о Миланѣ и Венеціи, которые находились въ когтяхъ Австріи. Когда намъ случалось брать наемную коляску, то только сдѣлаемъ знакъ ветурино подѣзжать, онъ, прежде чѣмъ взять возжи въ руки, оправляя свою большую черную шляпу съ широкими полями и дѣлалъ въ ней рукою двѣ ямы, потомъ подѣзжалъ къ намъ.

„Зачѣмъ вы дѣлаете эти ямы?“ спросила одна изъ насъ.

— „А какже? развѣ синьоры не знаютъ? всѣ ветурины такъ дѣлаютъ; это значитъ: „Senza Milano e Venezia“. А когда мы ихъ возьмемъ, тогда не будемъ дѣлать ямъ“, говорилъ ветурино съ большимъ оживленіемъ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Вечеръ Огарева кончился въ пятомъ часу; хотя мы двѣ и ушли раньше, но не могли заснуть отъ веселаго гула раздающихся голосовъ. На другой день было Свѣтлое Христово Воскресеніе. Пасха—съ дѣтства мой любимый праздникъ...

Я сидѣла съ матерью и сестрою за чайнымъ столомъ: было часовъ девять. Огаревъ еще не показывался, такъ какъ ему было необходимо спать около восьми часовъ, иначе онъ подвергался нервному припадку. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, блѣдный, разстроенный; однако, мы отнесли его наружный видъ къ утомленію послѣ безсонной ночи.

Поздоровавшись съ нами, Константинъ Дмитриевичъ спросилъ, видѣли-ли мы Огарева? На нашъ отрицательный отвѣтъ, онъ выразилъ желаніе велѣть его разбудить.

„Хорошо, сказала я, — сейчасъ скажу его камердинеру, но прежде посидимъ немного; что вы такъ блѣдны, устали?“

— „Нѣтъ, не отъ того, но тутъ совершаются страшныя вещи, сказалъ онъ, понизивъ голову. — Петрашевскій арестованъ, Спѣшневъ тоже; тамъ книги велись, записывались имена всѣхъ посѣтителей; говорить, аресты не ограничатся Петербургомъ, они будутъ производиться по всѣмъ концамъ Россіи, много жертвъ будетъ, и все это изъ пустяковъ. Несчастливая, роковая пятница, продолжалъ онъ задумчиво и, поднявъ голову, прибавилъ съ какимъ-то нервнымъ подергиваніемъ губъ:—а вы насъ спасли!“

Я молча слушала, смущенная; я не находила словъ, чтобы выразить тотъ ужасъ, который овладѣлъ мною; какъ вчера я вмѣстѣ съ другими восхищалась прекраснымъ выраженіемъ симпатичнаго, благороднаго лица Спѣшнева, и можетъ онъ навсегда исчезнуть для своей страны, для своей семьи... А старая мать его, которая прижала къ сердцу его дѣтей, вѣроятно, незаконныхъ, безъ имени, безъ правъ на наслѣдство!.. Этотъ ударъ убьетъ его мать, а дѣти? Что съ ними станетъ тогда?

Впослѣдствіи Кавелинъ намъ передавалъ, что при обыскѣ у Спѣшнева была найдена тетрадка „Проектъ конституціи или республиканской формы правленія“, написанная имъ когда-то въ ранней юности, теперь-же ему было около тридцати лѣтъ. Эта тетрадь много способствовала къ его осужденію.

Послѣ этихъ арестовъ и толковъ, въ Петербургѣ стало невыносимо тяжело; дѣло развода было оставлено, напротивъ, надо было стараться не обращать на себя вниманія. Мы вернулись въ Москву.

Тутъ мой отецъ требовалъ только одного, чтобы мы хотя тайно обвѣнчались.

Огаревъ и Сатинъ,—послѣдній былъ тогда уже женихомъ моей сестры,—обѣхали всѣ окрестности Москвы, отыскивая податливаго священника, и постоянно возвращались безъ успѣха. Въ то время я встрѣтила въ домѣ моего дѣда какого-то чиновника, по фамиліи Цвѣткова, знающаго хорошо законы. Мнѣ не трудно было, подъ предлогомъ любознательности, вывѣдать отъ

него, какія послѣдствія могутъ постигнуть двоеженца. Убѣдившись изъ наивнаго разказа Цвѣткова, что за такой поступокъ слѣдуетъ строгое наказаніе въ видѣ заключенія въ Соловецкій монастырь или еще куда-то, я рѣшилась ни за что не вѣнчаться съ Огаревымъ,—легче было разстаться, чѣмъ подвергать его явной опасности.

Когда, по обыкновенію, оба друга пріѣхали къ намъ съ своихъ поисковъ, они казались очень веселы: „Побѣда, побѣда!“ кричали они издали.

„Что такое?“ спросила я.

— „Наконецъ, сказалъ Николай Михайловичъ Сатинъ,—мы розыскали стараго священника, который согласенъ васъ вѣнчать безъ бумагъ; конечно, онъ догадывается, что что-нибудь не въ порядкѣ; старикъ говоритъ: я старъ, пусть накажутъ какъ знаютъ, только дайте денегъ, много денегъ, у меня живетъ впучка-сирота, я ей оставлю“.

„Но я, Сатинъ, раздумала, сказала я тихо,—я не хочу вѣнчаться“.

Оба друга посмотрѣли на меня, какъ на больную.

„А мы хотѣли идти обрадовать папа, сказалъ Огаревъ;—что это за сюрпризъ?“

— „Пожалуйста, не говорите папа ни слова, пусть онъ думаетъ, что согласнаго священника не нашли. Помните, какъ я васъ, противъ вашей воли, сберегла отъ роковой пятницы Петрашевскаго, ну, наше вѣнчаніе еще тысячу разъ опаснѣе“.

Пришлось уговаривать отца отпустить насъ въ Одессу, гдѣ у Огарева были тоже друзья; тамъ надо было найти капитана англійскаго корабля, который-бы согласился взять насъ безъ паспорта. Паспортовъ за границу въ то время не выдавали. Мой отецъ настаивалъ только на томъ, чтобы, пріѣхавши куда-бы то ни было за границу, непременно вѣнчаться, хотя-бы въ лютеранской или католической церкви.

Послѣ свадьбы сестры, которою спѣшили въ виду приближенія поста, о которомъ сначала всѣ позабыли, былъ, наконецъ, назначенъ день нашего отъѣзда; родители мои уѣзжали въ деревню, мы—въ Одессу, а сестра съ мужемъ оставались въ Москвѣ. Ахъ, эти тяжелыя прощанія! Сколько ихъ въ жизни каждаго человѣка, сколько ихъ досталось и на мою долю! Помню, что въ

этотъ день была страшная гроза, потомъ дождь ливнемъ лилъ... говорить, это счастливая примѣта...

Когда мы добрались до Одессы, Огаревъ занялся пріискиваніемъ англійскаго капитана, но ему не было и въ этомъ удачи: исторія Петрашевскаго съ многочисленными арестами напугала всѣхъ: никто не рѣшался ни на какой смѣлый поступокъ; въ то время все было запугано. Друзья Огарева, между которыми помню Александра Ивановича Соколова, совѣтовали Огареву ѣхать въ Крымъ и тамъ выждать, пока благопріятный случай представится уѣхать за границу.

Итакъ, совершенно случайно, мы поселились на нѣкоторое время въ Крыму и провели тамъ восемь мѣсяцевъ.

Я была въ восторгѣ отъ климата, отъ величественной природы; благоуханіе распускающихся почекъ на миндальныхъ деревьяхъ въ нашемъ саду, виноградныя лозы,—все мнѣ напоминало наше пребываніе въ Италіи, мою страстную симпатію къ Наташѣ Герценъ, отъ которой получались нетерпѣливыя письма, требовавшія, чтобы мы ѣхали къ нимъ, скорѣе, скорѣе..

Въ то время я много ходила съ Огаревымъ по руслу быстрыхъ и неглубокихъ рѣчекъ въ окрестностяхъ Ялты; тамъ мы находили бездну окаменѣлостей, часть которыхъ впоследствии привезли въ Яхонтово. Въ одну изъ этихъ прогулокъ, я сильно промочила ноги и тяжело захворала воспаленіемъ въ груди; сначала Огаревъ самъ меня лечилъ, но, замѣтивъ, что болѣзнь принимаетъ болѣе серьезный характеръ, онъ пригласилъ тамошняго врача. Я была близка къ смерти, но молодыя силы побѣдили болѣзнь и судьба сберегла меня для невѣроятныхъ, тяжкихъ испытаній. Я выздоровѣла, медленно поправляясь и, быть можетъ, отъ слабости, впала въ ностальгію,—я только и думала о моей семьѣ, о свиданіи съ нею... Огаревъ былъ глубоко потрясенъ моимъ душевнымъ состояніемъ и рѣшился ѣхать обратно въ Яхонтово, тѣмъ болѣе, что въ то время невозможно было ѣхать за границу.

Мы вернулись домой въ глубокую осень; верстъ за сто моя сестра съ Ѳеклою Егоровною выѣхала намъ на встрѣчу; мы и плакали, и смѣялись, и не могли наговориться.

Мои родители занимали первый этажъ нашего дома, а мы расположились наверху. Къ сожалѣнію, какъ зимній путь от-

крылся, мой зять уѣхалъ съ сестрою въ Москву, и мы остались одни наверху. Огаревъ развѣсилъ портреты своихъ родителей и дѣда, превосходно писанные масляными красками, покрылъ стѣны литографіями любимыхъ поэтовъ и друзей своихъ съ рисунковъ Рейхеля и Горбунова,—тутъ былъ весь московскій кружокъ; посреди комнаты стояло его роялино, на которомъ онъ такъ любилъ фантазировать по ночамъ.

Отецъ мой былъ въ печальномъ настроеніи духа; онъ былъ очень нелюбимъ взятчиками и ждалъ доносовъ, по поводу нашего смѣлаго поступка. Съ губернаторомъ А. А. Панчулидзевымъ онъ никогда не ладилъ; кромѣ того, Панчулидзевъ былъ дядя Марьи Львовны Огаревой.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія, пришла официальная бумага отъ губернатора къ Огареву, относительно его бороды; въ бумагѣ было сказано, что „дворянину не прилично носить бороду“ и, слѣдовательно, Огаревъ долженъ ее сбрить. Огареву очень не хотѣлось подчиниться этому требованію, онъ обрилъ только волосы на подбородкѣ, что очень не шло къ нему.

У Огарева была писчебумажная фабрика въ Симбирской губерніи, и хотя онъ только изрѣдка наѣзжалъ туда, но ему приходилось много развѣзжать, для помѣщенія бумаги—то на нижегородскую ярмарку, то въ Симбирскъ и въ другія мѣста.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Огарева въ Симбирскъ, можетъ черезъ мѣсяць или два, не помню, въ февралѣ (мартѣ) 1850 года, моя мать вошла ко мнѣ наверхъ, часовъ въ десять утра, и сказала мнѣ испуганно: „Къ намъ пріѣхалъ жандармскій генераль!“

— „Это я причина всѣхъ этихъ бѣдъ!“ вскричала я, и полились упреки себѣ. Слезы градомъ катились по раскраснѣвшемуся лицу; я ихъ наскоро утерла и послѣдовала за моею матерью въ кабинетъ отца, въ ту самую комнату, гдѣ я нынѣ, шестидесяти лѣтъ, пишу эти строки.

Отецъ мой былъ съ двумя мужчинами: одинъ изъ нихъ былъ жандармскаго корпуса генераль, невысокаго роста, съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, другой былъ чиновникъ особыхъ порученій Панчулидзева, *son âme damnée*, какъ говорятъ французы, кривой К—въ, ¹⁾, о которомъ рассказывали столько анекдотовъ

¹⁾ Онъ имѣлъ обыкновеніе опускать въ стаканъ воды фарфоровый глазъ на ночь; разъ, смѣнивъ привычнаго слугу, онъ легъ въ постель и велѣлъ но-

по поводу его фарфороваго глаза. Послѣдняго я знала. Отецъ мнѣ протянулъ руку съ своею вроткою, очаровывающею улыбкою и познакомилъ меня съ генераломъ, но все мое вниманіе было поглощено Карауловымъ. Я не вытерпѣла и подошла прямо къ нему; онъ отступилъ.

— „Это вы съ вашимъ п...мъ губернаторомъ сдѣлали доносъ на моего отца!“... сказала я, не помня себя отъ гнѣва.

Онъ пробормоталъ какое-то извиненіе. Генералъ взялъ меня подъ руку и просилъ успокоиться.

— „Пойдемте въ залу, мнѣ нужно съ вами поговорить“, сказалъ онъ учтиво.

Мы вышли и сѣли рядомъ въ залѣ.

„Въ какихъ вы отношеніяхъ съ дворяниномъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ?“ былъ первый вопросъ.

— „Въ близкихъ отношеніяхъ, отвѣчала я,—я не могу обманывать, да и въ чему?“

„Стало быть, вы вѣнчаны? гдѣ? когда?“ спросилъ поспѣшно генералъ Ку.....

— „Нигдѣ, никогда!“ вскричала я съ жаромъ.

„Въ третьемъ отдѣленіи не вѣрятъ, чтобы Тучкова была не вѣнчана; это не можетъ быть, сказалъ генералъ Ку.....,—будьте откровенны“.

— „Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣнчана, будьте вполне въ этомъ увѣрены. Огаревъ не двоеженецъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ нашими законами; я предпочла пожертвовать именемъ, семьею, чѣмъ подвергнуть его такой отвѣтственности“.

Тогда я ему рассказала откровенно всѣ наши планы и какъ я сама возстала противъ нашего брака; рассказала, что Огаревъ разстался съ Марьею Львовною уже семь лѣтъ, но что она ни за что не соглашалась на разводъ, только чтобы мучить насъ.

Генералъ Ку..... слушалъ и удивлялся моему безыскусственному разсказу. Потомъ онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о моемъ отцѣ:

„Правда-ли, что онъ возмущаетъ крестьянъ?“

вому подать себѣ стаканъ воды, въ который, по обычаю, опустилъ фарфоровый глазъ. Молодой парень все стоялъ у постели. „Чего ты ждешь?“ спросилъ Б-въ. „Пожалуйте другой“, отвѣчалъ слуга.

Н. О

— „Мой отецъ, любимецъ народа, о! нѣтъ, напротивъ, онъ ихъ учить надѣяться на законы, на правосудіе, не отчаяваться... онъ за каждаго хлопочеть, онъ заставляетъ взяточниковъ отдавать награбленное, я горжусь своимъ отцемъ, для меня его служба лучше всякой другой“, говорила я съ одушевленіемъ.

Я рассказала генералу Ку....., какъ мы слышали разъ съ Огаревымъ, въ дорогѣ, не помню, въ Тамбовской или Симбирской губерніи, отъ простаго человѣка, что на Руси только одинъ человѣкъ жалѣетъ крестьянъ; на мой вопросъ: какъ его зовутъ? онъ отвѣчалъ: „Его имя слышно далеко, неужели вы не слышали: Тучковъ!“ — „Вотъ наша награда“, сказала я съ жаромъ.

„Да вы все увлекаетесь, возражалъ генералъ Ку....., — но вотъ это-то и вредитъ вашему отцу; его выставляютъ какъ человѣка вреднаго образа мыслей, слишкомъ любимаго крестьянами, говорятъ, что онъ позволяетъ своему бургомистру сидѣть въ его присутствіи, говорятъ еще, что онъ на сходѣ говорилъ что-то о религіи“.

— „Это все мнѣ извѣстно и я могу это объяснить: отецъ сажалъ при себѣ бургомистра, потому что у послѣдняго болѣла нога; на сходѣ онъ говорилъ, чтобы бабы давали молока дѣтямъ, когда отнимаютъ ихъ отъ груди, потому что во время постовъ царствуетъ большая смертность между малолѣтними; въ подтвержденіе своихъ словъ, отецъ повторилъ слова Іисуса: „не то грѣхъ, что въ уста входитъ, а то, что изъ устъ выходитъ“. Что-же тутъ предосудительнаго, что его любятъ? Это только потому, что онъ одинъ не грабитъ въ своемъ уѣздѣ, а можетъ и во всей губерніи. Если-бъ всѣ были такіе, какъ мой отецъ, народъ не обратилъ-бы на него особеннаго вниманія“.

Мнѣ казалось, что мое увлеченіе благотворно подѣйствовало на генерала Ку.....

Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ съ чувствомъ:

„Я самъ изъ вѣрнопостныхъ, дослужился до этихъ эполетъ, это бываетъ очень рѣдко. Благодарю васъ, что вы не судили меня по моему мундиру, вѣдь и въ немъ можно иногда служить добру“, сказалъ генералъ Ку.....

— „Теперь мой чередъ, воскликнула я, — сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: вѣроятно и Огаревъ будетъ арестованъ? Скажите правду“.

„Я не имѣю такого порученія, я не думаю“... отвѣчалъ онъ.

Я встала, въ моихъ глазахъ, вѣроятно, видѣлось недовѣріе къ словамъ генерала Ку.....

„Пойдемте въ кабинетъ, посмотрѣть на гіену, радующуюся своей жертвѣ“, сказала я.

Генераль всталъ и пошелъ въ кабинетъ, а я вернулась въ залъ и постучала въ комнату моей матери. Я ей рассказала мое намѣреніе предупредить Огарева, и просила ее приготовить для посланнаго рублей сто. Она одобрила мой планъ. Я написала нѣсколько словъ къ Огареву для предупрежденія объ его вѣроятномъ арестѣ, передала записку и деньги, полученные мною отъ моей матери, молодому парню, грамотному, изъ служащихъ въ конторѣ, Варламу Андрееву и велѣла ему ѣхать на перекладныхъ въ Симбирскъ, къ Огареву, не теряя ни минуты и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Все было исполнено въ точности.

На большой дорогѣ мой посланный сѣхался съ военнымъ, ѣхавшимъ изъ Пензы по одному направленію съ нимъ. На станціяхъ они оба требовали скорѣ лошадей, и молча примѣтили черты другъ друга. Конечно, офицеръ получалъ скорѣ лошадей, но тотчасъ за нимъ выѣзжалъ и Варламъ Андреевъ; магическое слово: „на водку“ мчало его не хуже офицера. Диккенсъ говорить: „двѣ тайны рядомъ сидѣли въ дилижансѣ, потому что человекъ для другаго человека всегда тайна“, такъ было и въ этомъ случаѣ: двѣ эти тайны ѣхали по одному пути, имѣя одну цѣль, но не зная о томъ. Разница была только въ томъ, что достигнувъ, наконецъ, Симбирска, военный долженъ былъ представиться симбирскому губернатору, объявить ему объ особомъ повелѣніи и, взявъ съ собою губернаторскаго чиновника особыхъ порученій, ѣхать съ нимъ отыскивать квартиру Огарева, тогда какъ мой посланный, прочитавъ на конвертѣ адресъ, взялъ извозчика и тотчасъ прибылъ въ квартиру Огарева, котораго разбудилъ и успѣлъ предупредить, подавъ ему мою записку ¹⁾. Все это было сдѣлано точно, но немного рѣзко, второпяхъ. Первый припадокъ былъ послѣдствіемъ этихъ извѣстій. Когда

¹⁾ „Огаревъ, писала я,—у насъ жандармскій генераль, вѣроятно арестуетъ и увезетъ пана въ Петербургъ по особому повелѣнію, готовься къ тому-же, не теряя ни минуты“.

Огаревъ пришелъ въ себя, онъ сталъ готовиться въ дорогу съ ожидаемымъ жандармскимъ посланникомъ. Писать было некогда, онъ отослалъ въ Яхонтово то, что ему не нужно было брать въ Петербургъ.

Наконецъ, офицеръ явился къ Огареву, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій губернатора, и объявилъ ему повелѣніе арестовать его и везти въ Петербургъ. Огаревъ съ своею кроткою улыбкою и добродушнымъ видомъ, попросилъ позволенія сдѣлать свой туалетъ и позавтракать. Офицеръ охотно согласился и самъ позавтракалъ съ нимъ. Мой посланный стоялъ еще передъ Огаревымъ, когда офицеръ вошелъ; они узнали другъ друга, глаза ихъ встрѣтились, и мимолетная улыбка освѣтила черты офицера.

Грустно мы сѣли въ Яхонтовъ за столъ; отецъ мой, какъ всегда съ гостями, былъ очень предупредителенъ съ генераломъ Ку..... и съ Карауловымъ, но мы трое дѣлали только видъ, что обѣдаемъ,—у каждаго изъ насъ было много тяжелаго на душѣ. Когда кончился обѣдъ, генераль вѣжливо попросилъ позволенія осмотрѣть бумаги и книги отца, но онъ видимо очень неохотно исполнялъ эту обязанность, тогда какъ Карауловъ сопъ амогерылся по всѣмъ столамъ. Потомъ генераль Ку..... подошелъ къ моему отцу и сказалъ ему, смягчая по возможности неприятную вѣсть:

„Теперь намъ-бы пора въ дорогу, Алексѣй Алексѣвичъ, ужъ не рано“.

— „Куда?“ спросилъ разсѣянно мой отецъ.

„Въ Петербургъ, по особому повелѣнію“, былъ отвѣтъ генерала Ку.....

Отецъ мой скоро собрался; мы обѣ съ матерью помогали укладывать его вещи; только онъ настоялъ, чтобъ ѣхать въ его кожаной кибиткѣ и взять съ собою камердинера, Ивана Анисимова Колоколова. Генераль Ку..... соглашался на всѣ его желанія, сѣлъ въ кожаную кибитку съ отцемъ, на облучкѣ возлѣ ямщика помѣщался жандармскій солдатъ. Нашъ служащій Иванъ ѣхалъ позади, въ кибиткѣ генерала Ку.....

Уѣзжая, отецъ мой много разъ повторялъ: „*restez ici, ne quittez pas la maison, promets moi, Natalie*“, говорилъ онъ мнѣ. Я молча дѣловала его руки, потому что чувствовала, что не буду имѣть силы исполнить его желаніе.

Едва кибитки сѣрылись изъ нашихъ глазъ, какъ мы вернулись въ домъ, заплаканныя, встревоженные. Мы отпустили людей, и, оставшись одни, утерли слезы и рѣшили ѣхать тотчасъ въ Петербургъ, чтобы узнать ихъ участь, быть можетъ, помочь имъ или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ ними то, что судьба имъ готовила. Матан послала по утру за бургомистромъ и занялась съ нимъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ для нашего отъѣзда, а я наскоро приготовила восемь писемъ къ сестрѣ въ Москву; письма эти должны были высыдаться безъ насъ, чтобы ея не тревожить молчаніемъ, такъ какъ она въ концѣ февраля должна была родить. Замѣтивъ приготовленія къ скорому отъѣзду, старая няня наша Ѳекла Егоровна стала просить насъ, чтобы мы ее взяли съ собою; она на это имѣла полное право, потому что была такъ-же убита нашимъ горемъ, какъ и мы сами.

Вѣсть объ арестѣ и увозѣ моего отца въ Петербургъ быстро разнеслась по уѣзду: въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами въ сборахъ, по ночамъ пріѣзжали изъ многихъ селъ крестьяне: русскіе, мордва, татары, спросить у насъ—правда-ли, вѣрно-ли это? Мы выходили къ нимъ съ матерью и видѣли ихъ неподдѣльное горе, слышали ихъ плачь; днемъ они не смѣли уже ѣздить къ ихъ защитнику: „неужто враги его погубятъ? говорили они простодушно,—нѣтъ, царя не обманешь, онъ увидитъ правду и выпуститъ Лексѣя Лексѣевича“.

Услышавъ роковую вѣсть, наши ближайшіе сосѣди пріѣхали навѣстить насъ. Они были люди стараго закала, грубые, невѣжественные, обирали своихъ крестьянъ, водили дворовыхъ въ самотканяхъ и босикомъ. При насъ они ужасались нашему несчастію, но едва мы выходили для приготовленій къ нашему отъѣзду, какъ они говорили нашимъ служащимъ: „И давно-бы надо его сослать, вашъ баринъ дворянинъ, а самъ все за мужиковъ! Вотъ и дошло, наконецъ!“

Наконецъ, усѣвшись всѣ три рядомъ, а буфетчикъ нашъ, Александръ Михайловъ, на облучѣѣ, возлѣ ямщика, мы выѣхали изъ Яхонтова, и на четвертый день, усталыя, измученныя, прибыли въ Москву и остановились въ гостинницѣ „Дрезденъ“. Мы тотчасъ-же послали за Сергѣемъ Ивановичемъ Астраковымъ, короткимъ пріятелемъ Огарева и Сатина. Онъ могъ намъ передать о состояніи здоровья сестры, которое насъ очень тревожило.

Хотѣлось-бы тотчасъ ее видѣть, но мы боялись слишкомъ потрептать ее. Астраковъ тотчасъ явился, а я, стоя у окна въ нетерпѣливомъ ожиданіи, думала, что за причина, что онъ очень долго не ѣдетъ. Тутъ пошли разспросы съ обѣихъ сторонъ и обмѣнъ дурныхъ вѣстей. Астраковъ передалъ намъ, что зять мой арестованъ и увезенъ въ Петербургъ, о чемъ сестра скрывала въ своихъ письмахъ, и что 24-го февраля у сестры родилась дочь, которую назвали Натальей, въ честь насъ обѣихъ.

Желаніе увидать сестру еще усилилось отъ этихъ извѣстій, но теперь для нея всякое волненіе было еще опаснѣе. Я попросила Астракова узнать въ московскомъ кружкѣ, у Кетчера или Грановскаго, не опасно-ли для сестры свиданіе съ нами, и сказать, что если это рисковано, то мы уѣдемъ въ Петербургъ, не повидавшись съ нею. Но едва Астраковъ произнесъ мое имя, какъ полились враждебныя рѣчи: „Она погубила своего отца и Огарева, да и Сатина тоже, а теперь ей мало, пріѣхала сюда, чтобы убить сестру!“ вскричалъ одинъ изъ нихъ.

Астраковъ потерялъ терпѣніе, наговорилъ имъ вучу колкостей и уѣхалъ, сказавъ, что я не поѣду къ сестрѣ. Тѣмъ и кончилась эта бурная конференція друзей московскаго кружка о моемъ свиданіи съ сестрою. Послѣ Астракова, насъ навѣстили лучшій другъ моего отца, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ. Онъ вошелъ печальный и, пожимая наши руки, сказалъ:

— „Dans quel temps vivons-nous!“ ¹⁾

Я отозвала его въ другую комнату и сказала ему:

— „Je vous connais depuis mon enfance, je vous aime presque à l'égal de mon père, dites, est-ce que vous ne pouvez m'estimer parce que j'aime un homme marié? Je tiens à connaître votre opinion“ ²⁾.

Очевидно, онъ не ожидалъ этого вопроса, смутился и отвѣчалъ нерѣшительно:

— „Vous ne portez pas mon nom, c'est très malheureux...“ ³⁾.

¹⁾ Переводъ: „Въ какія времена мы живемъ!“

²⁾ „Я васъ знаю съ дѣтства, я васъ люблю почти какъ моего отца, неужели вы можете не имѣть уваженія ко мнѣ, потому что я люблю женатаго человѣка? Я хочу знать ваше мнѣніе.“

³⁾ „Вы не носите моего имени—это большое несчастье.“

Я встала и положила конецъ этому разговору. Корсаковъ желалъ загладить сказанное имъ, но я не слушала его рѣчи, а вернулась къ моей матери, около которой и сѣла. Корсаковъ послѣдовалъ за мною. Тогда явился другой посѣтитель, не другъ, а пріятель моего отца или, лучше сказать, давнишній знакомый его, Иванъ Николаевичъ Горскинъ. На словахъ, онъ показывалъ большое участіе къ намъ, но проглядывало какое-то чувство зависти, даже затаенной радости:

„Вы не должны беспокоиться о нихъ, говорилъ онъ намъ развязно,—Закревскій мнѣ передалъ, что ихъ ожидаетъ: одного въ Вятку сошлютъ, другаго—въ Пермь, третьяго...“

Я не дала ему докончить, я чувствовала, какъ кровь бросилась мнѣ въ голову.

— „Извините меня, Иванъ Николаевичъ, если я васъ перебиваю, но Закревскій едва-ли могъ вамъ это сказать, я этому не вѣрю...“

„Но ему сказалъ генералъ Ку....., который ѣздилъ за вашимъ отцомъ“, возразилъ Иванъ Николаевичъ.

— „Едва-ли генералъ самъ знаетъ, а если и знаетъ, то не можетъ ни съ кѣмъ говорить о государственной тайнѣ; я видѣла его, онъ слишкомъ остороженъ, чтобы сдѣлать подобную ошибку“, сказала я сухо.

„Да, да, подхватилъ обрадованно Корсаковъ, — Наталья Алексѣевна справедливо замѣтила, что это все вздоръ: кто можетъ угадать наказаніе, когда никому неизвѣстно въ чемъ состоитъ обвиненіе“.

Выходка Ивана Николаевича бросала на него не совсѣмъ выгодный свѣтъ; посидѣвъ немного, онъ удалился и болѣе къ намъ не являлся въ Москвѣ.

Убѣдившись, что мы не можемъ видѣться съ сестрою, мы поѣхали въ Петербургъ, не выдавшись тоже и съ моимъ дѣдомъ, отъ котораго скрывали арестъ моего отца, потому что дѣдъ былъ въ преклонныхъ годахъ.

Въ Петербургѣ, остановившись въ гостинницѣ, мы извѣстили о своемъ пріѣздѣ дядю Павла Алексѣевича Тучкова-младшаго, брата моего отца. Мы подѣлились съ нимъ всѣми своими тревожными новостями, погоревали вмѣстѣ. Онъ насъ ободрялъ, но самъ казался очень печальнымъ по поводу ареста старшаго брата,

котораго онъ горячо любилъ. Дядя нашель для насъ квартиру, въ которую совѣтоваль поскорѣ переѣхать, что мы тотчасъ привели въ исполненіе.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ навѣщаль насъ ежедневно; онъ мнѣ постоянно твердилъ, что меня скоро арестуютъ, и очень беспокоился о моихъ стриженныхъ волосахъ, уговариваль меня даже носить фальшивую косу, но я не согласилась. Тогда уже начинали обращать вниманіе на стриженные волосы и на синія очки дамъ, но настоящихъ нигилистокъ еще не было.

Разъ Кавелинъ засталъ меня перечитывающею послѣднія письма Огарева, которыя я носила всегда въ карманѣ. Кавелинъ пришелъ въ ужасъ отъ возможности для меня быть арестованною съ письмами въ карманѣ. Онъ взялъ ихъ и имѣлъ сердечную доброту ежедневно приносить мнѣ ихъ для прочтенія. Мнѣ такъ наскучило слышать отъ него, что говорятъ, будто меня непременно арестуютъ, что я разъ съ отчаяніемъ воскликнула:

— „Да, Боже мой, пусть ужъ лучше арестуютъ, чѣмъ это вѣчное ожиданіе!“

Такъ провели мы десять мучительныхъ дней, въ продолженіи которыхъ мы ѣздили въ двоюроднымъ братьямъ моей матери, генераламъ Типольдъ. Я желала видѣть генерала Ку....., чтобы узнать что-нибудь объ Огаревѣ, съ которымъ не могла переписываться, тогда какъ съ отцомъ и зятемъ я обмѣнивалась письмами; мнѣ тоже очень хотѣлось, чтобы Огаревъ узналъ, что мы въ Петербургѣ. Типольды пригласили генерала Ку....., съ которымъ были дружны, и дали мнѣ знать объ этомъ. Мы встрѣтились очень дружески. Я просила генерала Ку..... сказать Огареву о нашемъ пріѣздѣ сюда, но онъ отказывался видѣть его наединѣ, говоря: „Могутъ думать, что я дѣйствую изъ корыстныхъ цѣлей; все мое достояніе—моя честность; я ни за что не могу подвергнуть ее сомнѣнію“.

Тогда я придумала другое: я сняла съ пальца золотое кольцо, на срединѣ котораго былъ золотой узелъ, и подала его генералу Ку....., прося его, хоть при свидѣтеляхъ, перелистывать бумаги въ присутствіи Огарева, такъ чтобы обратить его вниманіе на кольцо; тогда, думала я, онъ самъ отгадаетъ, что я здѣсь. Генераль Ку..... взялъ кольцо, надѣлъ его на палецъ и добродушно обѣщаль сдѣлать все возможное, чтобы обратить на него

взглядъ Огарева, но генералу не суждено было увидать еще разъ Огарева; въ III-мъ отдѣленіи....

Разъ мы сидѣли съ матерью въ небольшой гостиной нашей квартиры. Оекла Егоровна была съ нами; она старалась ободрить меня своими простыми, безхитростными надеждами. Въ отвѣтъ на ея слова, я только грустно качала головою. И она, и моя мать очень беспокоились тогда на мой счетъ, потому что, со времени ареста моего отца, я лишилась почти совершенно сна и аппетита, и находилась въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Вдругъ раздался сильный звонокъ. Я послала Оеклу Егоровну посмотреть кто это, потому что мы никого не хотѣли идѣть п осторонняго; вошелъ мой дядя Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, который на этотъ разъ весело улыбался. Мнѣ это показалось очень непріятнымъ. Онъ поздоровался съ моею матерью, потомъ подошелъ ко мнѣ и, цѣлуя меня, сказалъ:

„Я тебѣ гостей привезъ, Наташа“.

— „Ахъ, дядя, отвѣчала я съ легкимъ упрекомъ,—вѣдь я васъ просила теперь никого къ намъ не возить“.

„А можетъ къ этимъ гостямъ ты будешь снисходительнѣе“, сказалъ онъ весело.

Дверь слегка отворилась, и на порогѣ стоялъ мой отецъ, за нимъ Сатинъ, потомъ ужъ Огаревъ и моя тетка Елисавета Ивановна Тучкова..... Я не могла прийти въ себя отъ изумленія, отъ счастья. Оекла Егоровна, вся въ слезахъ и улыбающаяся, старалась схватить прибывшихъ за руки, чтобы прижать ихъ къ своимъ губамъ,—они не давали цѣловать руки, а цѣловали ее въ щеки. Всѣ вдругъ стали необыкновенно веселы, то молчали и глядѣли другъ на друга, то всѣ разомъ рассказывали и прерывали другъ друга. У меня голова кружилась, я чувствовала, какъ будто была гдѣ-то далеко отъ всего дорогаго, въ какой-то безлюдной пустынѣ и вдругъ вернулась домой; о, это чувство такое полное, что можно годы отдать за одинъ часъ подобный!

Когда всѣ немного успокоились, отецъ намъ передалъ кое-что изъ своего путешествія съ генераломъ, изъ жизни въ III-мъ отдѣленіи, также и о вопросахъ, предложенныхъ ему, и объ его отвѣтахъ.

Дорогою генералъ Ку..... спрашивалъ иногда жандармскаго солдата—дастъ-ли онъ на водку ямщикамъ?

— „Даваль, отвѣчалъ почтительно жандармскій солдатъ, — но хуже везуть, ваше превосходительство“.

Въ третьемъ отдѣленіи, отъ скуки, отецъ выучилъ Ивана Анисимова играть съ нимъ въ шахматы,—его любимую игру. Иногда онъ посылалъ Ивана гулять по городу, для покупки книгъ или французскаго нюхательнаго табаку, къ которому отецъ имѣлъ большую привычку. Иванъ ходилъ по городу не иначе, какъ между двухъ жандармскихъ солдатъ.

Потомъ отецъ разсказалъ намъ свиданіе съ графомъ (впослѣдствіи князь) Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Орловымъ. Отецъ занималъ въ III-мъ отдѣленіи двѣ большія комнаты, очень хорошо меблированныя, а Огаревъ и Сатинъ занимали по одной комнатѣ.

Первымъ потребовали къ Орлову моего отца, потомъ явились туда и Огаревъ съ Сатинымъ. Они всѣ трое бросились въ объятія другъ друга, какъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ. Графъ былъ очень любезенъ съ ними, объявилъ имъ, что они свободны, но сказалъ отцу, что хотя онъ тоже свободенъ, но ѣхать въ деревню не можетъ, онъ долженъ жить въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Отецъ мой былъ очень пораженъ этими словами.

„За что-же это, графъ? спросилъ онъ печально. — Мнѣ помнится, помѣщикамъ запрещаютъ жить въ своихъ помѣстьяхъ за жестокое обращеніе съ крестьянами. Я-бы желалъ, чтобы было назначено слѣдствіе по этому поводу“.

— „Ah! mon cher Toutschkoff, vous-êtes toujours le même, — сказала графъ Орловъ, который былъ пріятелемъ моего дѣда, а потому зналъ коротко и отца моего,—будьте довольны и этимъ; вамъ, конечно, не за то запрещенъ вѣздъ въ имѣніе, скорѣе наоборотъ; представили, что васъ слишкомъ любятъ и цѣнятъ тамъ,—это все пройдетъ, уляжется, два года скоро пролетятъ можетъ, мы васъ и раньше выпустимъ“.

Потомъ графъ обратился къ моему зятю и къ Огареву:

— „Вы, кажется, знакомы или даже дружны съ Герценомъ, я долженъ васъ предупредить, что онъ государственный преступникъ, а потому, если вы получите отъ него письма, то вы должны ихъ представить сюда... или... изорвать“.

⁴⁾ Переводъ. „А, милый Тучковъ, вы все тотъ-же“.

Огаревъ и Сатинъ наклонили головы въ знакъ согласія на послѣднее предложеніе.

— „Господа,—сказалъ графъ А. Ѳ. Орловъ, прощаясь съ ними,—я забылъ вамъ сказать, что вы должны обязательно сегодня хоть въ ночь выѣхать отсюда: въ столицѣ много говорили о вашемъ заключеніи, умы взволнованы... я полагаюсь на вашу аккуратность“.

Затѣмъ графъ повернулся къ моему отцу и сказалъ ему съ улыбкою:

— „А какая у васъ дочка, провела моего генерала!“

Мой отецъ не зналъ, на что намекаетъ графъ, вѣроятно, на то, что я успѣла предупредить Огарева объ его арестѣ; у него не было найдено никакихъ компрометирующихъ бумагъ.

Мой дядя Павелъ Алексѣевичъ намъ посовѣтовалъ оставить квартиру тотчасъ и переѣхать на этотъ послѣдній вечеръ въ гостинницу Кулона. Ѳеклѣ Егоровнѣ было поручено уложить всѣ наши пожитки. Пока она все собирала, Огаревъ вышелъ въ другую комнату, снялъ одинъ сапогъ и вынулъ изъ него стихотвореніе, написанное имъ въ III-мъ отдѣленіи, „Арестантъ“, которое вручилъ мнѣ; впоследствии оно нѣсколько разъ было напечатано. Пока укладывались и переѣзжали, вечеръ насталъ. Быстро разнеслась по городу молва объ освобожденіи нашихъ дорогихъ узниковъ, и всѣ знавшіе ихъ хоть сколько-нибудь спѣшили въ гостинницу Кулона съ поздравленіями: тутъ были и друзья, и родственники, литераторы, генералы: были Типольдъ, Тучковы, Плаутины, Сабуровы, Милютины, а между ними добрѣйшій, благороднѣйшій генералъ Ку....“

— „Ну, говорилъ онъ рѣшительно, — пусть думаютъ, что хотятъ, не могъ утерпѣть, хотѣлось посмотрѣть на васъ съ Огаревымъ! Что? Теперъ хорошо на бѣломъ свѣтѣ? Да вотъ кольцо-то надо вамъ возратить, мнѣ не пришлось его употреблять,—тѣмъ лучше. Ну, познакомьте-же меня съ Огаревымъ“.

Я успѣшила исполнить его желаніе, позвала Огарева, и они тепло, искренно пожали другъ другу руку.

До утра оставалось уже немного времени, кто-то напомнилъ о необходимости ѣхать, подали шампанское и всѣ пили за счастливый исходъ дѣла, съ пожеланіемъ добраго пути въ Москву; всѣ оживились, даже генералы.

Мы выехали изъ Петербурга счастливые, довольные; мой отецъ ѣхалъ тоже съ нами въ Москву. Только порою, при воспоминаніи о томъ, что отцу не дозволено сопровождать насъ въ деревню, пробѣгала какая-то туча, но не надолго, и безслѣдно исчезала.

Опять мы остановились въ „Дрезденѣ“, но теперь мы пріѣзжали туда только почевать; бывали у дѣдушки, у друзей Огарева и, наконецъ, у моей сестры, которую осторожно приготовили ко всѣмъ новостямъ. Теперь бояться нечего было: всѣ близкіе были на лицо. Мы остались до крестинъ моей старшей племянницы: четыре пары крестныхъ отцовъ и матерей были ея восприемниками; въ первой парѣ стоялъ ея прадѣдъ. Послѣ этого торжества, мы уехали въ Яхонтово съ маман, Огаревымъ и Феоклю Егоровною, а сестра моя, отъ сильныхъ потрясеній, слегла въ постель на полгода; очень можетъ быть, что эта болѣзнь положила начало той, которая впоследствии свела ее преждевременно въ могилу.

Въ деревнѣ мы наслушались самыхъ разнообразныхъ толковъ и легендъ о нашихъ бывшихъ узникахъ: не удивлялись тому, что нѣтъ моего отца; напротивъ, не вѣрили, что онъ свободенъ, но удивлялись, что Огаревъ вернулся.

Узнавъ о нашемъ возвращеніи въ Яхонтово, казенные крестьяне стали опять навѣдываться по ночамъ о томъ, что случилось съ Тучковымъ? Мы говорили имъ, что онъ свободенъ и скоро будетъ опять съ нами, но они недовѣрчиво качали головами и тихо утирали слезы; они оплакивали его, какъ покойника.

Безъ насъ пріѣзжалъ исправникъ, рылся въ бумагахъ и книгахъ отца и увезъ ихъ полный чемоданъ; библіотека отца очень пострадала за это время; намъ было жаль книгъ, разныхъ остатковъ письменныхъ воспоминаній о декабристахъ; мы придумали спрятать всѣ эти драгоценности въ пружины дивана, стоявшаго у насъ наверху: съ недѣлю старая няня помогала намъ переносить наши сокровища по ночамъ. Мы оторвали у книгъ крышки и, свернувъ все трубочками, помѣстили въ диванъ очень много книгъ и бумагъ; потомъ, какъ обойщикъ, Огаревъ обтянулъ пружины холстомъ, такъ что ничего не было видно; но моя мать впала въ какое-то нервное состояніе, ей чудились колокольчики; она входила къ намъ наверхъ испуганная, съ искаженными чер-

тами лица, говоря безсвязно: „найдутъ, найдутъ!“ Напрасно мы пытались ее успокоить. Наше одиночество тоже дѣйствовало на нее: сосѣди къ намъ не ѣздили въ то время. Дѣйствительно, колокольчикъ теперь всегда означалъ какую-нибудь неприятность; приѣзжалъ становой приставъ, или исправникъ, прямо въ контору, узнавать и записывать кто изъ сосѣдей былъ у насъ; вотъ почему и перестали ѣздить къ намъ. Разъ, послѣ такого нервнаго испуга моей матери, Огаревъ сказалъ мнѣ печально: „По-жертвуйте книгами и бумагами для спокойствія твоей матери, я серьезно боюсь за нее; ея нервное напряженіе все усиливается“. Такъ было рѣшено и исполнено. Моя мать совершенно успокоилась. Въ продолженіи недѣли, Оекла Егоровна по ночамъ носила книги и бумаги внизъ и жгла ихъ въ большихъ печахъ.

Наконецъ, два года миновали и отецъ мой вернулся къ намъ всеобщая радость была безпредѣльна, но долго отецъ не могъ смотрѣть на свою библіотеку.

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ въ Москву мы узнали, что Марья Львовна Огарева скончалась; тогда мы поѣхали въ Петербургъ и тамъ вѣнчались. Впослѣдствіи мы поселились въ Симбирской губерніи, на Тальской писчебумажной фабрикѣ, и прожили тамъ года два; писчебумажное производство мнѣ очень нравилось, но, къ несчастію, фабрика скоро сгорѣла: говорили, что крестьяне желали, чтобы Огаревъ возобновилъ ручную фабрику, какъ было прежде, и потому подожгли ее.

Въ 1852 году Наталіи Александровны Герценъ не стало, а мужъ ея не переставалъ звать Огарева, и потому, послѣ пожара фабрики, было рѣшено, что мы поѣдемъ за границу на неопредѣленное время.

19-го февраля 1855 года наступило новое царствованіе. Всѣ такъ радовались вошествію Александра Николаевича на престолъ, что незнакомые обнимали и поздравляли другъ друга на улицахъ Петербурга, чего очевидцемъ былъ Павелъ Васильевичъ Анненковъ, который мнѣ о томъ не разъ рассказывалъ.

Въ Симбирской губерніи мы познакомились съ нѣкоторыми интересными личностями, но тогда еще очень молодыми. Огаревъ былъ очень любимъ всѣми этими благородными юношами: Кашперовъ, композиторъ и впослѣдствіи директоръ консерваторіи въ Москвѣ, Н. Н., человекъ весьма умный, уже

тогда обнаруживавшій большія способности будущаго государственнаго дѣятеля; Бутковскій, прелестный юноша.....

Для полученія паспорта, мы пріѣхали въ Петербургъ, часто видались съ литературнымъ кружкомъ, особенно съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, съ Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ, съ К. Д. Кавелинымъ и другими.

Не безъ хлопотъ получили, наконецъ, паспортъ на воды, по мнимои болѣзни Огарева, для подтвержденія которой Огаревъ разѣзжалъ по Петербургу опираясь на костыль,—но тогда все было по новому въ Петербургѣ и для юнаго правительства въ сущности было вполне безразлично: ѣдетъ-ли Огаревъ въ деревню или за границу.

Н. А. Тучкова-Огарева.

1-го декабря 1889 г.

Село Яхонтово.

Примѣчаніе. Одновременно съ А. А. Тучковымъ и Огаревымъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ, въ мартѣ 1850 г., Илья Васильевичъ Селивановъ, весьма образованный помѣщикъ, бывшій въ должности уѣзднаго предводителя, а впоследствии судья, предсѣдатель палаты, талантливый писатель („Провинц. очерки“). Селивановъ былъ арестованъ въ Москвѣ и поѣздку совершилъ въ одномъ кортежѣ съ А. А. Тучковымъ, подъ конвоемъ того же прекраснодушнаго генерала К***. Арестъ и поѣздка въ Петербургъ и пребываніе въ III-мъ отдѣленіи для покойнаго И. В. Селиванова окончились такъ-же благополучно, какъ и для Тучкова, Огарева и Сатина.

И. В. Селивановъ подробно разсказалъ весь этотъ эпизодъ изъ своей жизни въ интересныхъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 299—316.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ИНВАЛИДА

о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку

1828—1835.

I.

Выпущенный въ 1827 году, передъ масляницею, изъ московскаго кадетскаго корпуса, который тогда не назывался еще первымъ московскимъ, я, по заведенному въ то время порядку, былъ прикомандированъ съ товарищами къ Дворянскому полку, яко-бы для узнанія фронтальной службы; въ дѣйствительности-же узнали мы только то, что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію. Первый баталіонъ полка щеголялъ, по крайней мѣрѣ, темпистикою и шириною скорого шага; но мы были прикомандированы ко второму баталіону, который ходилъ въ классы писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе.

Въ такой-то храмъ просвѣщенія отправляли насъ океанчивать свое образованіе! А между тѣмъ, мы пробѣдствовали тутъ болѣе года, оставаясь истинными пасынками у тамошняго начальства, которое не знало даже нашихъ фамилій; а если нужно было кого-нибудь изъ насъ позвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: «Эй, ты, болванъ, осель!» или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку.

Наконецъ-то, 25 марта 1828 года, въ первый день Пасхи, часу во второмъ дня, состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ

привезъ высочайшій приказъ о производствѣ моемъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи павловскаго полка. «Ну, надѣвай мундиръ, свазалъ онъ,—и поѣдемъ къ намъ обѣдать!» Но не тутъ-то было: до объявленія производства по Дворянскому полку строго запрещалось надѣвать офицерскіе мундиры. Имѣвшій главное наблюденіе за Дворянскимъ полкомъ, директоръ втораго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Андрей Ивановичъ Маркевичъ, съ полнѣйшимъ старческимъ добродушіемъ говаривалъ обыкновенно, при каждомъ выпускѣ: «Подождите, батеньки, недѣлку-другую объявлять молодымъ офицерамъ объ ихъ производствѣ; пусть напроказничаютъ что-нибудь, тогда можно будетъ шалуновъ двухъ-трехъ представить въ солдатики, да дюжинку-другую простегать хорошенечко; право, это послужитъ не дурнымъ примѣромъ для будущихъ выпусковъ». Командиръ Дворянскаго полка генералъ-маіоръ Вилькенъ всегда одобрялъ, самымъ густѣйшимъ басомъ, шепелявое наставленіе своеобразнаго гуманиста-генерала Маркевича, и принимался нанусерднѣйшимъ образомъ осуществлять его желаніе: при каждомъ выпускѣ, всѣхъ каптенармусовъ и половину служителей полка обращалъ онъ въ гончихъ ищеекъ для преслѣдованія и ловли новаго сорта двуногихъ звѣрковъ, покрытыхъ шкурою разныхъ офицерскихъ формъ.

Въ то время уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушившихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы; а на утро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не менѣе ста розогъ, и приговаривая съ особеннымъ злорадствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой немного на-веселѣ или осмѣлился разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше, смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачъ, виновать, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабъ-капитана.

И беззащитные бѣдняги, уже видѣвшіе приказъ о своемъ производствѣ, поневолѣ должны были покоряться безобразной мѣрѣ, измышленной совокупными мозгами двухъ генераловъ-воспитателей, иначе имъ грозили оставленіемъ еще на цѣлый годъ въ омутъ всяческихъ истязаній. А кто-бы не предпочелъ временной пытки, хотя и варвар-

свой, годовой мукѣ, ничѣмъ не гарантированной ни отъ новыхъ розогъ, ни отъ солдатской лямки!

На основаніи такихъ порядковъ, принятыхъ въ полку, я попросилъ Ростовцова уѣхать, общаясь явиться на обѣдъ къ его матушкѣ, по прежнему, кадетомъ. Для этого я тщательно оправилъ кутасы на киверѣ, положилъ португеею свинымъ зубомъ, потеръ толченымъ кирпичикомъ, разумѣется при помощи собственной ладони, рукоятку и наконечникъ тесака, смахнулъ разъ-другой пуговицы на мундирѣ,— и отправился обѣдать, по образу гнѣшаго хожденія, уволенный только до 7 часовъ вечера. Переходя Тучковъ мостъ, я отдалъ честь нѣсколькимъ офицерамъ, произведеннымъ, быть можетъ, въ тотъ-же день, только изъ другихъ заведеній; отчеканилъ полновѣсный фронтъ прапорщику служительской роты Дворянскаго полка, приставленному къ дровамъ. Этотъ трехъ-полѣнный герой уже успѣлъ порядочно пропустить за галстухъ и потому съелъ требованіемъ службы обозрѣть меня юпитеровскимъ взглядомъ и къ чему-нибудь придратъся; но вдругъ, какъ-то произвольно, отшатнулся отъ меня въ сторону и чуть не полетѣлъ съ мостоваго тротуара въ грязь... Ну и Богъ съ нимъ!

По возвращеніи въ 7 часовъ въ полкъ, я засталъ тамъ ужасную суматоху: приказано было вновь-произведеннымъ офицерамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка прибыть въ Михайловскій дворецъ за часъ до развода. Только тутъ осмѣлились мы примѣрить свои мундиры съ эполетами и надѣть полусабли; но и тутъ дежурный по ротѣ, какой-то злокачественный прапоръ, сталъ тремко приказывать, чтобы никто не смѣлъ въ офицерской формѣ ходить черезъ улицу въ другія роты; встрѣтя-же неповиновеніе, онъ побѣжалъ съ доносомъ къ капитану, дежурному по полку, человѣку, по счастью, не безъ такта, и возвратился оттуда злѣю поруганнымъ и кроткимъ; онъ ужъ болѣе не смѣлъ высунуть носа изъ дежурной комнаты.

По прибытіи на слѣдующее утро въ Михайловскій дворецъ, намъ приказано было начальствомъ Дворянскаго полка имѣть каски на головахъ, при такомъ, въ дополненіе, назиданіи, что: «на смотръ великому князю представляетесь не вы сами, какъ офицеры, а только пригнанная на васъ офицерская обмундировка; но что о васъ самихъ ничего еще не было въ приказѣ по полку. Вамъ позволили нарядиться въ мундиры только се-годня, для показу, а потомъ... вы знаете Андрея Ивановича!...» Насъ поставили по ранжиру и ввели въ пріемный залъ строемъ, рядами; причемъ введшій насъ офицеръ не могъ воздержаться, чтобы не прокомандовать, хоть и не во весь голосъ: «Въ ногу, господа!» Вслѣдъ за нами влетѣлъ въ залъ командиръ

перваго баталіона Дворянскаго полка полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: «что вы какими дураками стоите!» Въ залѣ уже было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ и должностей; всѣ они подняли вопросительно глаза на Бородина; тотъ сконфузился и хотѣлъ поправить свое невѣжество, прибавя: «я хотѣлъ сказать, какими дурными вы стоите!» Всѣ почти фыркнули; только мы, многогрѣшные, стояли неподвижно, какъ подобаетъ строевымъ единицамъ, то есть: вытянувъ, въ первый разъ облеченныя въ перчатки, руки плотно по швамъ и смотря бодро и вытараща глаза прямо въ портретъ своему неперемонному начальнику. Станнымъ показалось мнѣ, что тутъ не было ни Маркевича, ни Вилькена; ужъ не разсердились-ли они, что не удалось имъ кого-нибудь изъ насъ выпоротъ?

Вскорѣ вышелъ великій князь; нахмурился было, увидя насъ въ каскахъ, но, поискавъ кого-то глазами, промолчалъ; обошелъ фронтъ, повернулъ насъ налѣво кругомъ, поправилъ у одного шарфъ и приказалъ отвести насъ въ дворцовый арсеналъ, гдѣ мы узнали, что передъ разводомъ изволилъ прибыть въ Михайловскій дворецъ государь императоръ. И дѣйствительно, минутъ черезъ 10 раздался чей-то возгласъ: «Государь!». Двери въ сосѣднюю съ арсеналомъ комнату распахнулись настезь, и изъ нихъ изволилъ выйти государь, въ сопровожденіи великаго князя.

Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такъ близко государя, не собственно Николая Павловича, но вообще русскаго самодержца.

Я впился глазами въ величественный образъ личности, которая въ ту минуту представлялась моимъ глазамъ не чѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ понятія объ идеѣ: «все и вся!». Я думалъ, что я упаду или разревусь; однако-жь, осилилъ себя, сѣумѣлъ на мгновеніе одеревенѣть, подавая напоръ внутреннихъ ощущеній, — и устоялъ, хотя и чувствовалъ, что по обѣимъ щекамъ моимъ ползли тихонько слезы.

Государь милостиво окинулъ насъ взглядомъ и поздравилъ офицерами; мы всѣ инстинктивно, но какъ-то неувѣренно, подняли руки къ каскамъ; государь улыбнулся, приказавъ ихъ снять и сказавъ: «ну, милости просимъ на службу!» изволилъ удалиться. «Съ завтрашняго-же дня!», прибавилъ великій князь, обращаясь къ командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка генераль-маіору Арбузову, и послѣдовалъ за государемъ. Генераль Арбузовъ тутъ-же прошелъ по нашему фронту, указывая рукою поочередно на каждого изъ насъ и говоря: «въ роту его высочества, въ первую, во вторую, въ третью,

во вторую гренадерскую, и т. д., по порядку ротъ; за генераломъ, словно изъ земли выросъ, его полковой адъютантъ штабсъ-капитантъ Стахievъ, со списочкомъ нашихъ фамилій въ рукѣ, проставилъ карандашемъ противъ каждаго нумеръ названной генераломъ роты и, получа отъ него какія-то приказанія, исчезъ; а генераль предложилъ намъ заѣхать въ полковую канцелярiю, чтобы тамъ записать свои адреса, и ожидать вечеромъ полковаго приказа. Адресъ нашъ былъ общій: «Дворянскій полкъ», потому что мы еще не имѣли позволенія разѣхаться по квартирамъ. Тутъ вошелъ въ комнату какой-то генераль-адъютантъ; Арбузовъ почтительно представилъ ему всѣхъ насъ; оказалось, что это былъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Нейтгардтъ; онъ посовѣтовалъ отправиться намъ въ разводъ, гдѣ командиръ полка представилъ насъ подходившимъ къ намъ съ распросами генераламъ: Бистрому, Шеншину и Мартынову; это были начальники: гвардейской пѣхоты, 2-й дивизіи и 3-й бригады, состоящей тогда изъ полковъ Измайловскаго и Павловскаго. Послѣ чего генераль Арбузовъ объявилъ намъ, что мы уже могли не ѣхать къ этимъ начальникамъ, для представленія имъ на дому.

При назначеніи насъ въ роты полка, я, какъ стоявшій по ранжиру на лѣвомъ флангѣ, попалъ въ 9-ю роту, т. е. въ третій баталіонъ, который оставался отъ турецкаго похода; это огорчило было меня сначала, но послѣдствія показали, что все дѣлается къ лучшему: было-бы не легко начать офицерскую службу, да еще въ гвардіи, прямо походомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ. Къ пробитію вечерней зари, мы всѣ собрались въ Дворянскій полкъ и сидѣли въ своей невзрачной казармѣ, стѣснившись въ кучку; мы уже чувствовали надъ собою вліяніе новаго начальства, которое было выше прежняго, отравлявшаго такъ долго около насъ воздухъ.

«А что, сказалъ кто-то изъ насъ, — не соберется-ли намъ завтра куда-нибудь вмѣстѣ, чтобы хорошенько закусить и спрыснуть мундиры?»

— «Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла! прогнусилъ, вошедшій къ намъ въ камеру, дежурный по полку капитантъ; — смотрите, чтобы васъ не спрыснули здѣсь въ корридорѣ! Развѣ былъ приказъ по полку? А?»

«Принесъ павловскій солдатъ», сказалъ одинъ изъ дворянскихъ унтеръ-офицеровъ, подавая мнѣ полу-листовую писанную книгу.

То былъ дневной приказъ, отданный по лейбъ-гвардіи Павловскому полку, присланный изъ 9-й роты на мое имя, такъ какъ я назначался на другой день дежурнымъ по 3-му баталіону. Тутъ объявлялось

о нашемъ производствѣ¹⁾, о распредѣленіи по ротамъ и о приказаніи прибыть намъ всѣмъ, на другой день, къ 10 часамъ утра, въ квартиру его превосходительства командира полка. При книгѣ находилась записка изъ полковой канцеляріи, въ которой было сказано, чтобы приказъ, присланный отъ 9-й роты, былъ объявленъ всѣмъ молодымъ офицерамъ, съ распискою каждаго изъ нихъ на приложенной запискѣ.

Я прочиталъ этотъ приказъ во всеуслышаніе подъ носомъ у шипѣвшаго отъ злости капитана и, вынувъ изъ стола чернильницу и перо, начерталъ на запискѣ въ первый разъ вождѣльнное слово: «Прапорщикъ». Всѣ расписались вслѣдъ за мною и, оборотаясь къ капитану, пожелали ему доброй ночи; тотъ ужасно обидѣлся и ушелъ; вѣстовой, принесшій приказъ, получилъ полтинникъ на водку.

II.

Мы всѣ начали собирать свои вещи, потому что никто не захотѣлъ провести и одной лишней ночи въ отвратительномъ чистилищѣ. Тутъ пришелъ къ намъ родственникъ одного изъ насъ, павловскій офицеръ; онъ разъяснилъ намъ, что еще наканунѣ вечеромъ гвардейскій штабъ сообщилъ генералу Демидову, чтобы всѣхъ произведенныхъ изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ гвардейскіе полки немедленно отправили на службу, и что объ ихъ производствѣ въ офицеры состоялся уже приказъ по гвардейскому корпусу. Мы въ тотъ-же вечеръ перебрались на квартиры, куда кто могъ, и оставили мѣсто своего окончательнаго усовершенствованія чуть не бѣглецами, безъ малѣйшаго участія начальства. Разумѣется, никто изъ насъ не подумалъ потомъ отправиться къ инквизиторамъ-воспитателямъ для выраженія чувствъ признательности за слишкомъ опутительныя назиданія; всѣ были радехоньки, что близость похода неожиданно вырвала насъ изъ дворянской пытални, и съ такою послѣшностью, что не дала времени мѣстному тиранству поглумиться надъ нами въ послѣдній разъ. Безъ этого-же обстоятельства насъ-бы непремѣнно заставили, въ видахъ принесенія благодарности за убійственное вниманіе, обивать пороги у всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ власть

¹⁾ Высочайшій приказъ 25 марта 1828 года. Мих. Александр. Марковъ оставилъ л.-гв. Павловскій полкъ; штабъ-капитаномъ, 22 октября 1835 г., онъ поступилъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и скончался около 1876 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

и душевную потребность неустанно пороть насъ; водили-бы отъ одного къ другому гуськомъ, покриывая: «Въ ногу, господа!» И каждый изъ нихъ, навѣрно, поперхнулся-бы отъ нашей благодарности и сдумѣлъ-бы сказать намъ только одно, что теперь насъ перестануть съчь.

Насъ было произведено въ прапорщики Павловскаго полка 12 чело-вѣкъ: 8—изъ Дворянскаго полка: Пастовскій, Симановъ, Петровъ, Свѣтлицкій, Судейкинъ, Щелкуновъ, Дышлевскій и Зенгбушъ, и 4—изъ московскаго кадетскаго корпуса: два брата Ельчаниновыхъ, баронъ Дельвигъ и я; Пастовскій изъ фельдфебелей, а всѣ прочіе изъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелей тогда еще не было; слѣдовательно, Пастовскій и долженъ былъ стоять по старшинству первымъ, а за нимъ унтеръ-офицеры кадетскаго корпуса, какъ выдержавшіе съ особеннымъ отличіемъ офицерскій артиллерійскій экзаменъ, вслѣдствіе чего и состоялось ходатайство о производствѣ насъ въ гвардію; но какъ въ то время полки старой гвардіи были переполнены сверхкомплектными офицерами, въ Павловскомъ-же полку было только три прапорщика, передъ самымъ выступленіемъ гвардіи въ турецкій походъ, то насъ всѣхъ четверыхъ и назначили въ этотъ полкъ, но какъ и того оказалось недостаточно, то приказано было: офицерскій комплектъ л.-гв. Павловскаго полка пополнить лучшими воспитанниками изъ полка Дворянскаго, которые все-таки не держали никакого экзамена, даже въ чтеніи и правописаніи; однако-жь, Дворянскій полкъ поставилъ ихъ выше насъ. Изъ этого видно, какъ высоко цѣнилась этимъ полкомъ шагистика и какая была неурядица въ управленіи главнаго директора военно-учебныхъ заведеній; по милости существовавшей тамъ возмутительной небрежности, привезенный годомъ прежде насъ изъ Москвы цѣлый выпускъ былъ просто забытъ при производствѣ, и прошлогодніе московскіе па-сынки петербургскаго начальства уже были произведены только вмѣстѣ съ нами, т. е. годомъ позже, чѣмъ-бы слѣдовало; въ числѣ этихъ забытыхъ былъ и нашъ старшій Ельчаниновъ.

Какъ послѣ этого не воскликнешь: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!», и какъ не вспомнешь самую теплую благодарностью энергическихъ трудовъ неустоимаго и добродушнаго Якова Ивановича Ростовцова, зная, что онъ сдѣлалъ для военно-учебныхъ заведеній, изъ какого хаоса образовалъ онъ порядокъ и на какихъ развалинахъ воздвигъ новое зданіе, пользуясь благотворною эгидою своихъ августѣйшихъ начальниковъ!

Я нѣсколько распространился о Дворянскомъ полку въ томъ со-ображеніи, чтобы дать понятіе о той непроходимой трущобѣ, гдѣ

получилъ воспитаніе и образованіе тогдашній командиръ л.-гв. Павловскаго полка генераль-маіоръ Алексѣй Федоровичъ Арбузовъ; но прежде, чѣмъ представится ему, на основаніи полученнаго нами приказанія, необходимо, для уразумѣнія нѣкоторыхъ явленій, забѣжать впередъ и очертить характеристику тѣхъ лицъ, которыхъ мы должны были встрѣтить при поступленіи въ полкъ и подъ чьимъ вліяніемъ предстояло намъ начать и продолжать дѣйствительную службу.

Генераль Арбузовъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1810 году, л.-гв. въ Егерскій полкъ. Въ отечественную войну, окруженный на bivуакахъ обществомъ образованныхъ товарищей, онъ сумѣлъ значительно сгладить угловатость приемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной труппы, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ; онъ, какъ человекъ умный и вполнѣ способный понимать условія житейской практики, скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, гдѣ всѣ бублики останутся навсегда не болѣе, какъ бубликами; бубликами называли товарищей Арбузова, выпущенныхъ съ нимъ изъ Дворянскаго полка, потому, что у одного изъ нихъ была фамилія Бубликъ. Арбузовъ избралъ для себя свою собственную дорогу, хотя и не новую: онъ всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ сдѣлался профессоромъ по этой части; онъ зналъ и видѣлъ что такіе профессора были въ ходу и покровительствовались высшимъ военнымъ начальствомъ, и что за ними обезпечивалась военная карьера вѣрнѣе, чѣмъ за иными блестящими баловнями именитыхъ бабушекъ, то есть за тѣми свѣтскими шаргунами, которые достигали почестей, шута, такъ сказать, вприпрыжку, выдѣлывая на пути разные антраша и кунштюки. Арбузовъ расчетливо направился къ тѣмъ-же самымъ цѣлямъ, но пошелъ учебнымъ шагомъ въ три приема; шелъ не торопясь, но твердо и настойчиво, и обогналъ не одного быстроногого полу-французика; онъ сумѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ, и по праву сталъ пользоваться авторитетомъ фронтоваго знахаря.

Этого и было тогда достаточно, чтобы служащему во фронтѣ стать на ноги, и Арбузовъ прочно установился на собственныхъ своихъ ногахъ: ему, въ полковничьемъ чинѣ, дали гвардейскій полкъ.

Но ни званіе полковаго командира, ни впоследствии генеральскія эполеты не могли заслонить грубости первоначальнаго воспитанія. Генераль Арбузовъ усвоилъ себѣ такую дикую фразеологію съ подчиненными ему офицерами, особенно во фронтѣ, что она прославилась въ цѣлой гвардіи, даже въ то время, когда начальники вообще не очень заботились о деликатности фразъ при обращеніи къ подчинен-

нымъ. Напримѣръ, ему ничего не стоило сказать полковнику: «Что вы, сударь, архіереемъ-то развѣзжаете передъ баталіономъ,—командуйте!» или закричать на другаго полковника, который, ровняя офицеровъ въ колоннѣ, въ косу, назвалъ кого-то Иваномъ Ивановичемъ: «Какого вы, полковникъ, нашли въ строю Ивана Ивановича? Тутъ офицеры, имѣющіе только чины и фамилии: капитанъ такой-то, вправо! Поручикъ такой-то, влѣво! Вотъ какъ долженъ приказывать знающій свое дѣло баталіонный командиръ, а вамъ все мерещатся какіе-то Иваны Ивановичи. Полковникъ, полковникъ! А еще баталіонъ получили! Сдѣлайте-же ваше одолженіе, не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!» Или, наконецъ, при ошибкѣ на линейномъ ученіи третьяго полковника, чуть не заревѣтъ, оборотаясь къ полковому адъютанту: «Святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ валать палочьемъ!» Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виноватый и не слышалъ, но довольно, что его слышали два-три офицера и два-три десятка разныхъ ротозѣевъ, которые обыкновенно торчатъ у хвоста лошади всякаго начальника, производящаго ученье на Царицыномъ лугу.

Но это фразы только для образца, пришедшія скорѣе другихъ на память; случались-же и гораздо почище этихъ; и сколько подобныхъ прелестей было переслушано подчиненными и расточено своеобразнымъ краснорѣчіемъ генерала, изучившаго ихъ въ омутѣ Дворянскаго воспитанія!

Но если-бъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генераль Арбузовъ былъ наотличнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Онъ былъ неутомимъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за солдатскою пищею, за помѣщеніемъ солдата въ казармахъ; предоставлялъ ему разные удобства, напримѣръ: въ городѣ—бани, устройство съ полнымъ вниманіемъ пріемнаго покоя для заболѣвающихъ, а при зимнихъ походахъ—обиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; все это показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманикамъ; но все это парализировало опять-таки первоначальное воспитаніе, почерпнутое въ извѣстной трущобѣ: на основаніи добытыхъ именно тамъ принциповъ, самый, повидимому, попечительный начальникъ находилъ для себя возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ оберегаемыхъ имъ солдатиковъ пороло каждое благородіе очерта голову; а самъ видѣлъ въ комфортабельномъ покоѣ для заболѣвшихъ и слабыхъ одного полковаго музыканта, который лежалъ на животѣ, уткнувшись носомъ въ подушку и тяжело дышалъ. «Что съ нимъ?» спросилъ и у фельд-

шера.—«Наказанъ адъютантомъ», отвѣтилъ тотъ. «И какъ видно порядочно?» доспросилъ я.—«Жестоко, ваше благородіе: отъ поясницы до подколѣнокъ вся шкура изорвана розгами!» пояснилъ фельдшеръ. Я вышелъ и невольно вздохнулъ, видя, какъ недостатокъ воспитанія въ человѣкѣ разрушаетъ его-же собственныя распоряженія, внушенныя здравымъ разумомъ. Можно-ли послѣ этого признать вполне достигающимъ цѣли покойное помѣщеніе для больныхъ, если въ числѣ больныхъ являются туда личности съ ободранною розгами шкурою!

Что-же касается до подготовительнаго образованія солдата въ казармахъ, веденія его на службѣ, правильной постановки въ строй и блестящаго щегольства цѣлаго строя, то Арбузовъ являлся тутъ истиннымъ жрецомъ фронтובה дѣла.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ однажды представлялъ свой полкъ на инспекторскій смотръ дивизионному начальнику, назначенному изъ арміи; тутъ онъ былъ просто великолѣпенъ. Дивизионный начальникъ поминутно ступевывался передъ капитальнымъ знаніемъ полковаго командира, вертѣлся передъ нимъ, какъ бѣсъ передъ заутренею, робѣлъ вдаваться въ подробности и затруднился дѣлать распросы, боясь какъ-бы въ чемъ нибудь не опростоволоситься въ виду подчиненныхъ и былъ радъ-радехонекъ, когда могъ безъ нарушенія приличія окончить смотръ и улепетнуть во свояси отъ подобнаго доки.

И впоследствии, когда ген. Арбузовъ имѣлъ несчастіе лишиться аксельбанта за бездѣйствіе въ комитетѣ о раненыхъ, та-же строевая специальность вывезла его и тутъ: онъ торжественно получилъ аксельбантъ во второй разъ именно за то, что сдумѣлъ образовать, въ самый короткій срокъ, резервные гвардейскіе полки и представилъ ихъ на смотръ Государю Императору въ отличномъ видѣ. Словомъ: въ казармахъ, на плацу, въ экзерциргаузѣ, въ лагерѣ подъ Краснымъ — генер. Арбузовъ пользовался полнѣйшимъ авторитетомъ закаленнаго фронтובה и распоряжался въ полку такъ-же твердо и самоувѣренно, какъ распоряжается старый мельникъ на собственной мельницѣ, въ которой все до малѣйшей мелочи улажено имъ собственноручно. На маневрахъ-же, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, гдѣ уже требовались нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, онъ былъ совершенно другой—онъ былъ просто жалокъ; но объ этомъ послѣ.

Генераль Арбузовъ, въ качествѣ полковаго командира, имѣлъ возлѣ себя двухъ помощниковъ или, вѣрнѣе, двухъ агентовъ-наперсниковъ; одного—по строевой части и личному составу полка, другаго—по хозяйственно-финансовымъ оборотамъ и соображеніямъ.

Первымъ былъ полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Стахивъ, по природѣ, человѣкъ съ хорошими на-

чалами, весьма не глупый и даже довольно начитанный. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, но дѣлалъ все какъ будто насильственно, со злостью; можетъ быть потому, что въ сущности онъ былъ лѣнивъ, какъ хомякъ; относительно лично себя онъ оставался безпечнымъ до идиотства и дома впадалъ въ неравешество; кромѣ какъ по дѣламъ службы, нигде не выѣзжалъ, и такую жизнь, замѣную въ районѣ служебно-казарменной обстановки, былъ перепорченъ до того, что не шутя считалъ необходимымъ условіемъ для каждаго истиннаго служаки пороть нижнихъ чиновъ за каждую вину, большую и малую, отнюдь не допуская зловреднаго словотолченія, какъ-то: замѣчаній, внушеній, выговоровъ и другихъ «чисто-дамскихъ» пріемовъ, которые, по его мнѣнію, вовсе неумѣстны въ военномъ быту и только ведутъ къ порчѣ людей. При такихъ понятіяхъ, при потворствѣ и неограниченномъ довѣрїи къ нему генерала, Стахїевъ былъ какимъ-то полковымъ пугаломъ. Съ младшими офицерами онъ обходился просто деспотически; по одной его прихоти, негодный ему офицеръ маршировалъ въ караулъ или на Костыльскій вѣздъ, или къ Нарвской заставѣ, или долженъ былъ, противъ воли, пользоваться слишкомъ свѣжимъ воздухомъ, не сходя цѣлый день съ платформы у сената или главнаго адмиралтейства; излюбленные-же адъютантомъ отправлялись въ караулы на покой: въ ордонансъ-гаузъ или въ комиссаріатъ; а избраннымъ предоставлялись въ караулъ и покой, и даровой столъ, и даже общество товарищей — на главной гауптвахтѣ. И все это дѣлалось положительно по одной прихоти Стахїева, безъ соблюденія какой-либо правильной очереди; а кто заявлялъ претензію, тому готова была въ отвѣтъ стереотипная фраза: «Если не угодно идти туда въ караулъ, такъ пойдете туда-же подъ караулъ!» И никакой апелляции противъ подобной формулы не было. Къ старшимъ офицерамъ Стахїевъ относился заносчиво, стараясь дать понять каждому, что онъ-то одинъ и есть настоящая сила въ полку, вліяніе которой охотно поддерживаетъ генералъ, а верѣдко и самъ ей подчиняется; и это проявлялъ онъ чрезвычайно комично, чему много способствовала его непрезентабельная наружность: онъ былъ маленькій, кругленькій офицерикъ съ низколобымъ черепомъ, длиннымъ туловищемъ, толстенькими ножками и коротенькими ручками; и когда, возложивъ на чело свое остроконечную каску, онъ передъ кѣмъ-нибудь принималъ внушительную позу, то своею фигурою напоминалъ прескверно сдѣланную свайку, обороченную острымъ концомъ къ верху. Все это, однако-жъ, нисколько не мѣшало Стахїеву быть въ полку маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безгранич-

нымъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придирчивостью и безошадною жестокостью; на основаніи такихъ данныхъ, Стахіевъ и откалывалъ зачастую предиковинныя колѣнца; одно изъ нихъ онъ выкинулъ лично со мною.

Къ матушкѣ Ростовцова явилась какая-то знакомая, весьма состоятельная провинціалка, съ просьбою похлопотать объ опредѣленіи сына ея на службу въ Павловскій полкъ, но съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ на жительство къ кому-нибудь изъ благонадежныхъ офицеровъ, преимущественно къ небогачу, такъ какъ она можетъ предоставить сыну хозяйственную обстановку вполне достаточную для двоихъ; офицеръ-же съ своей стороны уже съ избыткомъ вознаграждаетъ ее за это своимъ добросовѣстнымъ наблюденіемъ надъ ея сыномъ. Ростовцовъ переговорилъ объ этомъ съ Арбузовымъ, указавъ на меня; тотъ одобрилъ выборъ, и дѣло между нами сладилось. Я былъ представленъ провинціальной барынѣ, которая, очевидно, хотѣла пустить мнѣ пылъ въ глаза своими брилліантовыми перстнями и пошлою говорливостью съ претензіями на остроуміе; но сынъ показался мнѣ мальчикомъ неглупымъ и неиспорченнымъ для того, чтобы можно было безъ опасенія принять добросовѣстный надзоръ за нимъ. Два черезъ три, квартира моя была приспособлена для двухъ жильцовъ, убрана и меблирована отлично. Распорядившійся этимъ дворецкій барыня объявилъ моему деньщику, что онъ принесетъ на другой день разную посуду и приведетъ повара для прислуги молодому барину, и что сама барыня пріѣдетъ завтра ко мнѣ, когда уже будетъ все готово, чтобы обо всемъ хорошенько условиться, и привезетъ хлѣбъ-соль на новоселье.

На другой день я безъ очереди выбрился, одѣлся и сталъ поджидать визита; но прошелъ день, прошелъ другой, третій—ни слуху ни духу, ни о дворецкомъ съ посудой, ни о самой барынѣ! Я пошелъ въ канцелярію справиться, не извѣстно-ли тамъ чегонибудь? Полковой писарь не зналъ ничего; но за то зналъ кое-что писарь казначейскій: онъ сообщилъ мнѣ, что названный мною дворянинъ вѣроятно въ полкъ не поступитъ, потому что на-дняхъ онъ, вмѣстѣ съ матерью, что-ли, встрѣтился на лѣстницѣ полковому адъютанту, который сказалъ барынѣ, чтобы она ни за что не отдавала сына подъ мой присмотръ, если не хочетъ послѣ горько раскаяваться. Барыня, замахавъ руками, сказала: «Ну васъ, прости Господи! Такъ и совсѣмъ не надо!» И побѣжала съ лѣстницы, крестясь и отплевываясь на обѣ стороны.

Когда я спросилъ Стахіева, на чемъ основалъ онъ свое мнѣніе, что если-бы мать отдала подъ надзоръ ко мнѣ своего сына, то стала-бы потомъ раскаяваться, онъ отвѣчалъ на это:

— «А развѣ трудно было напередъ спроситься меня? Нѣтъ—вамъ прямо къ генералу! Ну, вотъ вамъ и генералъ! Всегда, если захочется остаться навѣрное съ носомъ, начинайте не съ меня, а съ генерала».

Надо-ли было что нибудь говорить въ опроверженіе подобной логики!

Душевно радуюсь, что представился мнѣ въ жизни случай расквитаться со Стахіевымъ по-своему. Когда, въ послѣдствіи, онъ потерялъ мѣсто кронштадтскаго полиціймейстера и принужденъ былъ выйти со всѣмъ въ отставку, сильно терпя отъ недостатковъ, а я служилъ въ штабѣ у Ростовцова и имѣлъ уже возможность выхлопывать кой-кому пособіе, то я не затруднился надѣлать Якову Ивановичу просьбами за Стахіева, и когда однажды я вручилъ ему сумму гораздо значительнѣе той, на которую можно было рассчитывать, онъ, со слезами на глазахъ, протянулъ мнѣ руку и, потупясь, пробормоталъ: «я съ тобой поступалъ прежде иначе...» Я горячо пожалъ протянутую мнѣ руку и почти убѣдился, что Стахіевъ былъ человѣкъ не дурной по натурѣ, но безхарактерный въ высшей степени, не имѣвшій настолько нравственной силы, чтобы охранить человѣческое достоинство отъ вліянія грубыхъ побужденій пѣтушьяго самолюбія,—онъ увлекся ролью казарменнаго тиранчика, поддался ей и проржавѣлъ насквозь ¹⁾.

Говоря о Стахіевѣ, невозможно умолчать объ его крѣпостномъ слугѣ «Мишкѣ», извѣстномъ, въ свое время, подъ этимъ именемъ не только всему полку, но почти цѣлому красносельскому лагерю. Мишка дополнялъ собою характеристику своего барина, которому служилъ онъ усердно и преданно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно своеобразно. Стахіевъ ругалъ Мишку съ утра до вечера, но однако-жъ никогда не билъ, и Мишка стойко исполнялъ предназначенное ему дѣло, распоряжаясь личностью своего барина и не обращая ровнехонько никакого вниманія на его крикъ и ругательства. Стахіевъ, напримѣръ, очень трудно пробуждался утромъ, особенно по зимамъ, а между тѣмъ каждое утро, въ 11 час., онъ обязанъ былъ являться въ Михайловскій дворецъ, съ рапортомъ къ великому князю; Мишка-же возненавидѣлъ-бы самого себя, если-бы допустилъ барина опоздать, а потому и принимался всегда заблаговременно будить его; но на первый разъ получалъ обыкновенно въ отвѣтъ: «Пошелъ вонъ, дуракъ!» Спустя нѣсколько минутъ, Мишка принимался будить вторично; отвѣтъ былъ тотъ-же

¹⁾ Александръ Александровичъ Стахіевъ изъ португей-прапорщиковъ произведенъ въ офицеры въ л.-гв. Павловскій полкъ въ 1819 г.; въ чинѣ полковника—назначенъ въ Кронштадтъ полиціймейстеромъ въ 1840 г.

самый съ прибавленіемъ какого-нибудь ругательства; Мишка будилъ и въ третій разъ, но ужъ тутъ сыпался на него цѣлый потокъ непечатныхъ фразъ. «Да что это будетъ и въ самомъ дѣлѣ!» восклицалъ Мишка, бросался къ бритвенному столу, хваталъ оловянную лаханочку, разводилъ въ ней бритвенною кисточкою мыло, напѣнивалъ ее до самыхъ краевъ и, уже не говоря ни слова, принимался мазать соннаго барина по бородѣ, по губамъ, по носу, словомъ—гдѣ попало, не жалѣя мыльнаго матеріала; а чуть раздавалось рычаніе, онъ зажималъ барину ротъ мыльною кисточкою. Стахіевъ бѣшено вскакивалъ съ постели, проворно опускалъ ноги въ туфли-шлепалы, подбѣгалъ въ одной рубашкѣ къ бритвенному столу, отплеываясь отъ попавшаго въ ротъ мыла, и поневолѣ принимался очищать бороду бритвою; послѣ чего Мишка, для выигранія времени, уже не подавалъ барину умываться, а собственноручно обтиралъ ему лицо, какъ младенцу, сперва мокрымъ концомъ полотенца, а потомъ сухимъ, и потомъ, не давая много разговаривать, принимался одѣвать его, подавая, что слѣдовало, одно за другимъ, не переводя духа. Стахіевъ брыкался коротенькими ручками, ворчалъ, но покорялся, и, наконецъ, схватя съ конторки дневной рапортъ, подписанный имъ съ вечера, подставлялъ плечи подъ шинель; Мишка нахлобучивалъ на него шляпу, а онъ хваталъ перчатки и отправлялся учащенными шажками по галлерей; Мишка шелъ съ нимъ рядомъ до саней и всю дорогу поилъ его остуженнымъ чаемъ изъ фаянсовой кружки; остатокъ чая Стахіевъ проглатывалъ уже сидя въ саняхъ. Тутъ Мишка считалъ свои утреннія обязанности передъ баринкомъ оконченными, бралъ отъ него кружку и возвращался домой бѣгомъ; а Стахіевъ, крикнувъ кучеру обычное: «пошелъ живѣй!» скрывался за воротами казармъ.

Но былъ-ли маленькій Аракчеевъ «преданъ безъ лести» своему патрону, этого, я думаю, онъ и самъ не зналъ хорошенько, по той простой причинѣ, что провѣрка внутреннихъ оцущеній къ обязанностямъ полковаго адъютанта не относилась, а этого и было для него довольно.

Другимъ наперсникомъ ген. Арбузова, по хозяйственной части, былъ полковой квартирмейстеръ, губернской секретарь Василій Никитичъ Поповъ, возникшій изъ старинныхъ фельдфебелей того-же полка. Это былъ преоригинальный господинъ, діаметрально противоположный маленькому Аракчееву; во-первыхъ, онъ былъ чуть не въ печатную сажень ростомъ; его громадная голова съ круглою лысиною, на подобіе опрокинутого чайнаго блюдечка, была острижена подъ гребенку, по-солдатски; лицо его, всегда гладко пробритое только по срединѣ бороды, красовалось такою могучею растительностью, что ее, казалось,

удобнѣе было расчесывать граблями, нежели гребенкою; у Василья Никитича даже въ ухахъ произрасталъ какой-то сѣрый кустарникъ; большіе глаза его, подъ навѣсомъ бурныхъ бровей, отсвѣчивались зеленою штофнаго стекла и, по совершенному отсутствію всякой экспрессіи, скорѣе походили на стеклышки, вставленные въ переносную панораму, чѣмъ на человѣческій органъ, способный выражать мысли безъ помощи словъ; губы Василья Никитича, изображая двѣ толстыя сосиски темно-брусничнаго цвѣта, сильно выдавались впередъ и были придавлены широчайшимъ носомъ съ приподнятыми къ сторонамъ ноздрями; зубы, повывитые отчасти прежнимъ начальствомъ Василья Никитича, походили на погорѣлую деревню; въ сходствѣ этомъ легко было убѣдиться, когда брусничныя сосиски широко разверзались для отданія какого-нибудь приказанія или для частнаго смѣха: по службѣ Василій Никитичъ не смѣялся. Верхняя часть спины Василья Никитича, съ вѣчно приподнятыми плечами, представляла часть прямоугольника, похожаго фигуροю и размѣрами на задній фась одномѣстной кареты, а средняя часть его туловища была развита до того благодатно, что если-бы Василья Никитича мысленно разсѣчь параллельно горизонту, по самой срединѣ живота, и нижній отрѣзокъ накрыть салфеткою, то представился-бы круглый столъ, достаточный для трапезы четырехъ полу-голодныхъ прапорщиковъ. Въ цѣломъ, Василій Никитичъ, особенно, когда онъ стоялъ неподвижно въ размышленіи надъ водосточною рѣшоткою казарменнаго двора въ своей вылинялой до желтизны шинели, напоминалъ малороссійскій тюкъ съ шерстью, поставленный на распутьи торчкомъ, и на которомъ, по срединѣ, сидѣла большая птица, прикрытая форменною фуражкою.

Все въ казармахъ, что относилось къ хозяйству, подлежало вѣдѣнію и прозорливому наблюденію Василья Никитича: дрова, обозъ, кухня, швальня, весь провіантъ и всяческая провизія, словомъ—все. Главная дѣятельность Василья Никитича сосредоточивалась обыкновенно въ предѣлахъ конюшеннаго двора казармъ; дворъ этотъ, хотя и не былъ изъятъ отъ свирѣпствовавшей эпидеміи поротья, но какъ Василій Никитичъ, во время долготнѣйшей служебной опытности, изучилъ весьма тонко впечатлѣнія всѣхъ отгнѣнковъ, производимыя на человѣческую организацію поротьемъ, то и имѣлъ свой собственный взглядъ на этотъ предметъ, и далеко не сочувствовалъ ему; вслѣдствіе чего, на конюшенномъ дворѣ только въ минуты посѣщеній маленькаго Аракчеева раздавались вопли отъ березоваго уязвленія, и потому они были рѣдки. Взамѣнъ того, на богоспасаемомъ дворѣ безпрестанно раздавался зычный голосъ самого Василья Никитича, выходившій то изъ низменностей вонючихъ погребовъ съ кислою

капустою, то съ пространной долины обознаго сарая, то съ высоты благовоиннаго по временамъ сѣновала, то изъ вѣчно сыраго и неопрытнаго проулка между полѣнницами дровъ. Населеніе, окружающее конюшенный дворъ, состоявшее изъ кучеровъ, фурлейтовъ, мастеровыхъ двадцати названій и разныхъ прислужниковъ, благоговѣло передъ именемъ Василія Никитича никакъ не менѣе того, насколько благоговѣли двадцать европейскихъ народовъ передъ именемъ Наполеона I. Если-бы Василій Никитичъ, изъ какихъ-нибудь полковыхъ соображеній или отъ простаго головокруженія, захотѣлъ только, чтобы его признали непогрѣшимымъ, то весь этотъ разнохарактерный, подвѣдомственный ему людъ призналъ-бы его таковымъ единогласно—на всемъ протяженіи конюшеннаго двора.

Жаль, что этотъ краеугольный камень полковаго хозяйства, въ концѣ-концовъ, все-таки надломился отъ шаткости нравственныхъ началъ бурбонскаго закала; долго и стойко держался онъ противъ грошевыхъ корыстныхъ соблазновъ казарменнаго круговорота; но не смогъ устоять противъ крупнаго обольщенія корысти внѣ хозяйства: въ одну изъ ночей, вѣроятно очень бурную для него, онъ, подъ влияніемъ русскаго «авось!», продулъ въ карты нѣсколько тысячъ генеральскихъ денегъ, бывшихъ случайно при немъ.

На другой-же день, утромъ, Василій Никитичъ, смятенный, растрепанный, въ порывѣ бесплоднаго раскаянія, палъ на колѣни передъ своимъ патрономъ и положилъ къ стопамъ его превосходительства виновную голову; тотъ, словно ужаленный, взвылъ отъ негодованія, отвѣтилъ собственнымъ карманомъ за чужой грѣхъ, а грѣховнаго наперсника подвергнулъ остракизму; но безъ особеннаго позора, потому что Василій Никитичъ могъ вскорѣ очутиться геродничимъ въ г. Вольскѣ, Саратовской губерніи, гдѣ уже отличался только тѣмъ, что считалъ непремѣнною для себя обязанностью повергаться всею тучностью на церковный полъ, когда священникъ провозглашалъ многолѣтгіе градоначальникамъ.

Кромѣ двухъ описанныхъ официальныхъ агентовъ полковой власти, ген. Арбузовъ имѣлъ всегда подъ рукою и частнаго домашняго агента изъ фронтовыхъ офицеровъ, который съ необыкновенною быстротою и точностью передавалъ все, что говорилось и дѣлалось въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ офицерскихъ квартиръ.

Нельзя не удивляться, что ген. Арбузовъ, обладая хорошимъ практическимъ умомъ, не могъ уразумѣть самой простой истины, что начальникъ, допуская къ себѣ наушника, добровольно отдаетъ себя подъ влияніе такой зазорной личности, самая профессія которой уже ругается за полнѣйшее отсутствіе въ ней всякихъ нравственныхъ до-

стоинство; а почтенный жрецъ строевой мудрости былъ особенно падокъ на интимныя свѣдѣнія, которыя, не принося никакой служебной пользы, раздражали только въ немъ самомъ напрасную подозрительность противъ офицеровъ и ставили его въ какія-то враждебныя отношенія къ подчиненнымъ, безъ всякой причины и надобности. Генераль, при воспитаніи въ извѣстномъ омутѣ, не могъ приобрѣсть умѣнья владѣть собою настолько, чтобы молча презирать сплетни; напротивъ, онъ считалъ полезно-эффектнымъ дѣломъ и правомъ военной власти оглашать домашнія дразги публично передъ цѣлымъ полкомъ. Этотъ печальный результатъ крайняго невоспитанія совершался обыкновенно подобно слѣдующему случаю:

Однажды, поручикъ Б. провелъ у себя въ квартирѣ веселенькій вечерокъ, въ сообществѣ двухъ театральныхъ сестрицъ, весьма не дурныхъ изъ лица, очень откровенныхъ въ одеждѣ и чрезвычайно ласковыхъ въ осязательномъ обращеніи; того-же вечера, въ другомъ углу казармъ, воспитанный въ лицей, подпоручикъ Н. сказалъ товарищамъ, зашедшимъ разговоръ о научномъ образованіи своего генерала:

— «Да полноте, господа, онъ первыхъ четырехъ правилъ ариметики не знаетъ!»

Домашній агентикъ, пользуясь всевозможными связипками и ласкательными, какъ-бы онъ грязны и гнусны ни были, разумѣется, не дремалъ. Въ слѣдующее же утро, на репетиціи развода, когда офицеры, наряженные въ караулы, подходили являться генералу, онъ сказалъ подпоручику Н.:

— «Господинъ подпоручикъ Н., помните, что вы держите въ рукахъ офицерскую полусаблю, а не дворническую метлу; извольте-же держать ее по офицерски и салютовать какъ слѣдуетъ. Дурно! извольте еще разъ... Скверно, никуда не годится! То-то и есть, сударь, вы обучались въ лицей, вѣроятно сдумаете пересчитать всѣ звѣзды на небѣ! Значитъ, вы ученый, умникъ! А я вотъ простофиля, не знающій четырехъ правилъ ариметики, но все-таки я вашъ начальникъ, и потому, за незнаніе вами своего дѣла, назначаю васъ на дежурство безъ очереди!»

Стахивъ при этихъ словахъ склонилъ голову и приложилъ руку къ шляпѣ—это былъ ему подарокъ.

— «А если вы и завтра, продолжалъ генераль къ подпоручику Н.,—будете салютовать такъ-же скверно, то ужъ, извините, я пошлю васъ доучиваться не въ лицей, а на гауптвахту. Извольте идти, г. профессоръ!»

Затѣмъ, только-что офицеры пришли къ своимъ мѣстамъ и каждый изъ нихъ, сосчитавъ рукой ряды своего караула, сталъ на

флангъ, генераль, спрятавъ голову въ плечи, такъ что шляпа, надѣтая по формѣ, легла концами на эполеты, направился, тихимъ подходцемъ съ перевальчикомъ, прямо на поручика Б. Эти подходы, выражая какое-то хищное недоброжелательство, не предвѣщали ничего добраго для тѣхъ, на кого были направлены; ихъ называли зловѣщими.

Приблизясь къ избранной на этотъ разъ жертвѣ, генераль заговорилъ насмѣшливымъ тономъ:

— А позвольте полюбопытствовать, господинъ поручикъ Б., сколько вы изволили насчитать рядовъ въ вашемъ караулѣ?

Надобно замѣтить, что провѣрка рядовъ, которыхъ нельзя уже было измѣнить и которые были рассчитаны прежде, производилась только для формы и въ дѣйствительности ихъ никто не считалъ.

Поручикъ Б. переконфузился, опустил полусаблю и отвѣчалъ на обумъ:

— 12 рядовъ, ваше превосходительство!

— Анъ неправда, сударь, не 12, а 14, засмѣялся генераль;—зачѣмъ-же это, позвольте спросить васъ, вы изволили разгуливать по фронту, да махать противъ каждаго ряда руками? Не вчерашнихъ-ли своихъ красавицъ считали вы мысленно, господинъ поручикъ? Такъ, что-ли? Это, сударь, не бабы ваши, а гренадеры, имѣю честь доложить! Стыдно, поручикъ—старый офицеръ!

Тутъ онъ отвернулся отъ Б., выпустилъ голову изъ плечъ и заплѣлъ подъ носъ: «По-взводно, направо-ди!» Стахievъ ловко подхватилъ командирскія слова и заоралъ ихъ, какъ говорится, во всю ивановскую.

Грустно было видѣть, какъ начальникъ, во всеоружіи военной власти, желчно глумился надъ подчиненнымъ, и гдѣ-же? — передъ строемъ, когда офицеръ обязанъ былъ оставаться безотвѣтнымъ истуканомъ. Вотъ до чего можетъ довести иногда недостатокъ воспитанія въ начальникѣ!

Тягостна была для офицеровъ злобственная фразеологія ген. Арбузова, отъ которой онъ не могъ отрѣшиться, пока хоть чѣмъ-нибудь командовалъ; онъ позволялъ себѣ говорить волкости своимъ подчиненнымъ даже въ чужихъ домахъ, если ему казалось, что его подчиненный относится къ нему не довольно подобострастно.

Но если ни одинъ изъ офицеровъ полка не избѣжалъ неприятностей отъ ген. Арбузова на словахъ, то нельзя не сказать, что существеннаго зла онъ не дѣлалъ. У себя въ дому онъ являлся радушнымъ хозяиномъ, былъ очень расчетливъ, а можетъ и не безкорыстенъ въ приглашеніи гостей, но уже для приглашенныхъ отличался

широкимъ хлѣбосольствомъ. Когда онъ былъ уже генераль-адъютантомъ и въ большихъ чинахъ, то нерѣдко приглашалъ и меня, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцовымъ,—то на дикую козу, то на живую стерлядку, и это все сопровождалось достаточнымъ количествомъ разныхъ питій высокаго достоинства. Въ своемъ домашнемъ кругу, онъ былъ попечительнымъ отцомъ многочисленнаго семейства, изобиловавшего преимущественно дочерьми. Все его семейство легко опредѣлить однимъ словомъ—прелестъ!

III.

Очертивъ характеристику главнаго полковаго созвѣздія, подъ вліяніемъ котораго предстояло мнѣ начать и продолжать службу, я возвращаюсь къ 27 числу (25) марта 1828 года, когда произведеннымъ л.-гв. въ Павловскій полкъ офицерамъ приказано было явиться въ квартиру полковаго командира. Мы предварительно собрались въ полковой канцеляріи, откуда Стахіевъ отвелъ насъ къ генералу, который сдѣлалъ каждому изъ насъ два вопроса: какъ фамилія и есть-ли состояніе? Оказалось, что фамиліи были у всѣхъ, а состоянія—ни у кого!

Генераль скривился и плачевно произнесъ: «Да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надоѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!» И практичный генераль не ошибся въ своемъ заключительномъ выводѣ: тутъ-же, всѣ предназначенные въ турецкій походъ обратились къ нему съ просьбою о выдачѣ денегъ въ счетъ жалованья. «Велико и все-то ваше прапорщичье жалованье!» презрительно возразилъ генераль и началъ отговариваться неимѣніемъ денегъ; однако-жь, наконецъ, умиловившись и поручилъ Стахіеву передать казначею приказаніе: удовлетворить всѣхъ просившихъ, что и было исполнено только въ самой мизерной пропорціи; послѣ чего всѣ разъѣхались; одинъ я отправился въ дежурную комнату, какъ наряженный дежурнымъ по 3-му баталіону; тутъ я спросилъ у одного офицера, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать вслѣдствіе моего наряда? Оказалось, что нужно было сперва ѣхать къ разводу, явиться тамъ дежурному по полку, а потомъ обойти баталіонъ по всѣмъ ротамъ. Я отправился къ разводу и, возвратясь, пошелъ по казармамъ. Меня, при входѣ въ каждую роту, встрѣчалъ унтеръ-офицеръ, рапортуя о благополучномъ состояніи чего-то, а чего именно—я не вслушался, потому что это

былъ первый рапортъ, принятый мною по вступленіи на службу его величества.

Пользуясь дежурствомъ, я обошелъ всѣ офицерскія квартиры, чтобы представиться моимъ будущимъ сослуживцамъ, и хотя не засталъ почти никого изъ нихъ дома, но заслужилъ чрезъ это, благодаря собственно дежурству, аттестацію благовоспитаннаго молодого человѣка, такъ какъ другіе новички не догадались въ первый же день сдѣлать визиты старшимъ.

Тогдашній кругъ офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка жилъ, какъ удостоверялся я, пооглядѣвшись въ этомъ полку, поладливо, и если не составлялъ одной плотной дружеской семьи, то и враждебныхъ отношеній не было слышно ни тогда, ни послѣ. Недостаточность средствъ къ жизни была поголовною офицерскою болѣзнью въ полку: всѣ жили почти однимъ жалованьемъ; не слышно было ни о какихъ веселыхъ сборищахъ ни дома, ни ввѣ казармъ; не было въ полку ни одного представителя золотой молодежи, ни одного блестящаго дѣятеля на свѣтской аренѣ, ни одного обладателя хоть какого-нибудь рысачка. Не потому-ли весь полкъ, не исключая и штабъ-офицеровъ, состоялъ изъ холостяковъ? Трудно было прискаты охотницъ поступить въ жены на казенное жалованье; а жалованье тогда было очень умѣренное: прапорщикъ, напримѣръ, получалъ всего 440 рублей ассигнаціями въ годъ, что составляетъ на нынѣшнія (1875 г.) деньги только 130 рублей. Тутъ не на что было разгуляться или заводить жену! А что говорить, будто прежній ассигнаціонный рубль былъ равенъ при покупкахъ нынѣшнему серебряному, то это не болѣе, какъ словоизверженіе досукихъ людей: многіе предметы первой потребности были гораздо цѣннѣе, чѣмъ теперь: чай, напримѣръ, тогда нельзя было пить ниже 10 рублей за фунтъ и то онъ былъ хуже нынѣшняго 'двухъ-рублеваго; сахаръ, свѣчи были дороже теперешняго, а карманные часы, также необходимая потребность для офицера, были вчетверо дороже, чѣмъ нынче. Вздорожали преимущественно квартиры и только одні онѣ дошли отъ ассигнаціоннаго рубля до серебрянаго; но квартиры у офицеровъ были казенныя, каковы ужъ ни были, но все-таки были, а чаю у иныхъ прапорщиковъ не бывало по цѣлымъ недѣлямъ, о рысачахъ-же имъ не видѣлось и во снѣ.

Тогда во всемъ полку, кромѣ генеральскаго семейнаго экипажа, было всего двое дрожекъ старинной конструкціи, прозванныхъ потомъ гитарами, у которыхъ сидѣнье было продольное, такъ что первый сѣдокъ помѣщался на нихъ верхомъ, а второй садился поперекъ дрожекъ, между кучеромъ и колѣнами перваго сѣдока, а въ случаѣ своей мясистости, захватывалъ и колѣни перваго.

Одну изъ этихъ гитаръ возила сивая лошадь, принадлежавшая полковнику Мандерштерну, кому-же принадлежала другая гитара—это покрыто мракомъ неизвѣстности; на ней выѣзжалъ каждый день Стахѣевъ съ рапортомъ, ѣздилъ полковой казначей за жалованьемъ, катался домашній агентикъ, ѣздилъ, наконецъ, и самъ генераль, — иногда одинъ, иногда съ адъютантомъ на колѣняхъ, и тогда направление поѣздки было непременно къ Михайловскому дворцу; если-же все пространство гитары, отъ самой груди генерала вплоть до кучерской спины, наполнялось мясистыми членами Василя Никитича, то поѣзда направлялась преимущественно въ далекія Чекуши, гдѣ и отецъ-командиръ, и его сподручникъ рылись часа три въ разныхъ сырыхъ шкурахъ, отдавали ихъ въ выдѣлку, приторговывались къ шкурамъ уже выдѣланнымъ, и вслѣдствіе этого шкуро-обзорнаго процесса, сапожная статья въ Павловскомъ полку была всегда превосходная; другіе полки много приплачивали на эту статью, но все-таки не достигали сравненія съ Павловскимъ полкомъ; а Василій Никитичъ, раскраивая на солдатскіе сапоги шкуры, добытыя изъ первыхъ рукъ, умѣлъ и тутъ выкраивать маленькую экономію. Да и все хозяйство у ген. Арбузова совершалось точно такимъ порядкомъ, опровергая на каждомъ предметѣ старинную пословицу: «И дешево, да гнило!» У него, напротивъ, дѣлалось все и дешево, и мило.

Вскорѣ послѣ моего производства въ прапорщики л.-гв. Павловскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны выступили въ турелкій походъ; съ ними ушли и командиръ полка, и маленькій Аракчеевъ, и домашній агентикъ; изъ всего главнаго созвѣдія остался дома только хозяйственный запѣвало, какъ собственный глазъ ген. Арбузова, Василій Никитичъ, на котораго были возложены и обязанности нашего казначея. Представителемъ-же полка въ Петербургѣ явился командиръ 3-го баталіона, полковникъ Августъ Егоровичъ Мандерштернъ.

Въ то-же время были назначены командующими: всѣми войсками, расположенными въ столицѣ — ген.-адъютантъ Николай Ивановичъ Демидовъ, всюю пѣхотою—ген.-адъют. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, всѣми гвардейскими баталіонами—ген.-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Неѣловъ.

Такимъ образомъ, моя офицерская служба началась въ отдѣленномъ отъ полка баталіонѣ, подъ начальствомъ полковника Мандерштерна, котораго я очень хорошо могъ изучить, потому что черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ къ нему баталіоннымъ адъютантомъ, на мѣсто выбывшаго подпоручика Палибина, назначеннаго въ должность старшаго адъютанта въ дежурство къ ген. Неѣлову. Этимъ назначеніемъ я былъ обязанъ указанію офицеровъ, которымъ такъ удачно сдѣлалъ визиты по милости своего дежурства.

Полковникъ Мандерштернъ не отличался представительною наружностью: былъ маленькаго роста, съ широкими плечами, съ хохлатою головою желтаго цвѣта, съ желтыми-же громадными бровями; глаза его имѣли цвѣтъ лососинной шкуры и онъ любилъ ихъ выпучивать, чтобы казаться строгимъ начальникомъ; всегда гладко выбритое и лоснившееся лицо его напоминало цвѣтомъ недоспѣлую рябину и было все одинаково ровнаго колорита, за исключеніемъ сочныхъ губъ, которыя красовались яркостью рябины уже совершенно поспѣлой.

Передъ баталіономъ Августъ Егоровичъ былъ, какъ говорится, суета изъ суеть; начавъ службу морякомъ, онъ пѣхотный строй зналъ не особенно густо; это, однако-жъ, нисколько не мѣшало ему, когда проходили передъ нимъ взводы, вздергивать руки надъ головою и взмахивать ими тактъ, или присѣдать на корточки, вглядываясь въ солдатскій шагъ, и уже выколачивать тактъ не жалѣя ляшекъ, или вдругъ выскакивать передъ взводъ и, скрючась въ три погибели, маршировать передъ нимъ задомъ, обозначая тактъ дрыганьемъ всѣхъ суставовъ.

Больно было видѣть, какъ хорошій человѣкъ гаерствовалъ, по указанію современной рутины, а подъ этою каррикатурною пляскою скрывался именно хорошій человѣкъ, добрѣйшій въ душѣ и честнѣйшій до ребячества во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ. Къ несчастію, любимымъ конькомъ полковника было желаніе разыгрывать постоянно роль сердитаго командира, и вслѣдствіе именно этого непонятнаго принципа, отвратительные поронцы сохранились для 3-го баталіона во всей ихъ язвительной силѣ и со всею спектакльною обстановкою. Дѣйствующихъ-же лицъ для представленія экзекуціонныхъ зрѣлищъ искать было недолго: весь баталіонъ состоялъ преимущественно изъ новобранцевъ, такъ что гвардейскихъ баталіоновъ не велѣно было посылать въ караулы, пока не приучатся въ строй; а тогда было немислимо приготовленіе рекрутка въ строй безъ пособія палки. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, полковникъ Мандерштернъ имѣлъ возможность выѣзжать очень часто на своемъ любимомъ конькѣ: бывало, во время ружейныхъ приемовъ, кто-либо въ строю поторопится или отстанетъ, сейчасъ-же его, раба Божія, передъ строй; изъ-за фронта, словно ястребы, вылетятъ два унтеръ-офицера, велѣтъ неопытному зѣвакъ поставить передъ собой ружье и опереться на него руками, а сами, загнувъ ему суму на спину, примутся обнаженными тесаками отшлепывать его плашмя по мягкимъ частямъ; рекрутикъ, взвизгивая подавленнымъ голосомъ, сперва неистово втаптывается каблуками въ землю, потомъ начинаетъ вспрыгивать какимъ-то козерогомъ и, наконецъ, принимается выкидывать ногами

разныя колѣнна дрыгательнаго свойства и орать во всю глотку, пока не послѣдуетъ вождѣнное слово: полно! Фронтъ стоитъ испуганно, съ вытянутыми лицами, имѣя въ виду всю возможность каждому запрыгать сейчасъ-же козерогомъ, а добродушный по натурѣ Августъ Егоровичъ важно приподнимаетъ голову, какъ будто говоря строго: «Видите-ли, какой я строгій, со мною не шутите!» И все это дѣлалось безъ малѣйшаго побужденія къ жестокости, безъ всякаго убѣжденія въ надобности подобной мѣры; дѣлалось такъ, развѣ только для поддержанія гнусной мысли, что будто, въ виду солдатскаго назиданія, необходимо имъ показывать почаще козло-дрыгательныя спектаклики передъ строемъ.

Да трудно было тогда и не заразиться мелкому начальнику этою варварскою эпидеміею; однажды я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ генералъ Храповицкій, командовавшій 3-ю гренадерскою дивизіею, прѣхавъ на репетицію развода одного изъ баталіоновъ своей дивизіи, послѣ перваго-же ружейнаго приѣма, сказалъ:

«Тутъ мнѣ смотрѣть нечего, учите! А вотъ завтра я ужъ посмотрю по своему: приготовьте-ка палокъ!»

И такое приказаніе не показалось тогда никому дивнымъ. Впрочемъ, эта палочная фраза глубоко засѣла въ мою голову, такъ что по прошествіи почти 50 лѣтъ она свѣжо припомнилась мнѣ, какъ будто сказанная вчера.

Были, однако-же, случаи, когда и Мандерштернъ злился не на шутку и выходилъ изъ себя отъ негодованія—это побѣги рекрутиновъ, что бывало довольно часто и, разумѣется, бросало тѣнь на служебное достоинство ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Въ то время, первый изъ службы побѣгъ, если не было никакихъ другихъ вигъ, оканчивался обыкновенно прогнаніемъ севозъ строй черезъ 500 человѣкъ.

И солонь-же приходились эти 500 шпипрутенонъ трусливымъ пасникамъ военной службы; тутъ сердитый полковникъ выказывалъ себя, что называется, на славу: онъ ѣхалъ верхомъ сзади карающаго строя, съ мѣломъ въ рукѣ, и за малѣйшее послабленіе удара ставилъ добродушному солдатикѣ мѣловой крестъ на спинѣ; отмѣченныя спины, вслѣдъ за парадною эзекуціею, были немедленно и тутъ-же покрываемы сине-багровыми узорами отъ палокъ. Свирѣпствовавшій полковникъ обыкновенно приказывалъ мнѣ ѣхать съ другой стороны строя, вооружась тоже обличительнымъ мѣломъ; но съ моей стороны какъ-то мѣловыхъ крестовъ на спинахъ вовсе не оказывалось, за что онъ грозно сверкалъ на меня своими лососинными глазами, выдуляя ихъ до послѣдней возможности изъ орбитъ, и

даже однажды пробурчалъ себѣ подъ носъ: «Право, барышня!» Я не счелъ нужнымъ разслушать эту фразу и, съ самымъ наивнымъ участіемъ, спросилъ его: «Вы, кажется, Августъ Егоровичъ, сегодня что-то особенно не въ духѣ?» Ему, очевидно, хотѣлось захохотать и заругаться въ одно и то-же время, но онъ счелъ за лучшее колнуть лошадь шпорами и дать отъ меня стрелка: онъ побаивался немножко продолжительной со мною діалектики, что, однако-жъ, не помѣшало ему очень скоро посягнуть на мою личную свободу.

Какъ-то вечеромъ, зная, что баталіонъ на другой день рано уйдетъ на вольныя работы, я отправился, по обыкновенію, пѣхтурой на Аптекарскій островъ къ семейству Ростовцовыхъ, гдѣ очень долго въ ихъ добродушномъ обществѣ гулялъ по островамъ и, въ виду пріятнаго ужина и накрапывавшаго дождя, рѣшился остаться и ночевать на дачѣ. Утромъ я проснулся очень поздно, а потому и отправился въ казармы, позволи себѣ нанять извозчика. Весело припрыгивалъ я на тряской гитарѣ и, вдыхая весенній воздухъ полною грудью, напѣвалъ что-то, выражавшее внутреннее самодовольствіе, присущее молодости, а солнце, приближавшееся уже къ полудню, такъ и окачивало меня благодатною теплотою, электризовавшею весь организмъ мой какимъ-то животворнымъ настроеніемъ. Незамѣтно миновалъ я Каменноостровскій проспектъ, крѣпость, оканчивалъ уже Троицкій мостъ, какъ вдругъ увидѣлъ знакомую сивую лошадку, бѣжавшую трускомъ по набережной, отъ Лѣтнаго сада; надъ гитарою свѣтились двѣ остроконечныя каски. Что-бы это значило? подумалъ я, и мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко. Сѣхавъ съ моста, извозчикъ мой столкнулся почти носъ къ носу съ сивою лошадкой: на гитарѣ сидѣлъ грозный полковникъ, у него на козляныхъ торчалъ достопочтенный капитанъ Гурбайтъ, оба въ парадной формѣ. Капитанъ не такъ привѣтливо, какъ обыкновенно, отвѣтилъ на мой поклонъ, а полковникъ, грозно кивая изъ стороны въ сторону остроконечнымъ головнымъ уборомъ, скривившимся на бокъ, что-то бормоталъ, очевидно, энергически, потому что заключилъ рѣчь такимъ порывистымъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ указательный палецъ воткнуть въ небо. Сивая лошадка отправилась къ воротамъ казармъ, я—то же. Мой благосклонный Августъ встрѣтилъ меня подъ воротами положительнымъ сентябремъ: онъ приблизился ко мнѣ, очевидно, подражая командиру полка, ехиднымъ подходцемъ, уперъ мнѣ чуть не въ глаза свои желтыя брови и, казалось, хотѣлъ убить меня единымъ взглядомъ, но лососинныя кружки, сколько онъ ни выдулилъ ихъ, не могли положительно свергнуть огнемъ тропической грозы, и новый Катонъ только покачалъ рябиновѣтвнымъ обликомъ,

простеръ горизонтально десницу и изрекъ: «Извольте отправляться въ дежурную комнату, подь арестъ, до утра!» Изрекъ—и потонулъ во чревѣ объемистой храминны, именуемой павловскими казармами.

Придя въ дежурную комнату, я послалъ вѣстового за баталіоннымъ писаремъ, чтобы узнать, наконецъ, по какому поводу и какая именно возникла безъ меня тревога? Оказалось, что ночью пріѣхалъ въ Петербургъ фельдмаршалъ графъ Савенъ, и что утромъ, когда люди уже выходили на работы, было прислано изъ дежурства гвардейскихъ баталіоновъ приказаніе о нарядѣ къ фельдмаршалу ординарцевъ отъ нашего баталіона, которымъ и велѣно было прибыть въ Таврической дворецъ къ 11 часамъ утра; унтеръ-офицеру и рядовому тотчасъ-же приказано готовиться, а изъ офицеровъ назначенъ въ ординарцы былъ я, не по какому-либо соображенію моихъ способностей, достойныхъ представлять параднаго ординарца, а потому, что у меня имѣлись лѣтніе штаны со штрипками, безъ тогдашнихъ штиблетныхъ оконечностей, бывшихъ у панталонъ фронтовыхъ офицеровъ, а также были у меня и сапоги со шпорами; эти-то два атрибута гардеробнаго снадобья и были нужны въ данную минуту, какъ неизбѣжная принадлежность ординарческой формы.

Въ семь часовъ утра Мандерштернъ заглянулъ ко мнѣ въ квартиру; тогда случайно былъ у меня мой старшій дядька, готовый положить душу за своего барченка; такіе слуги уже вывелись въ Россіи.

«Что, еще спать?» спросилъ полковникъ.

— «Почиваютъ-съ», отвѣчалъ старикъ, полагая, что я скоро возвращусь домой.

«Черезъ полчаса начинай будить!», прибавилъ ранній посѣтитель, и ушелъ.

Ровно черезъ полчаса онъ явился опять и спросилъ:

«Что еще не будилъ? Ну, такъ и самъ разбужу!»

Тутъ мой старикъ признался, что меня дома нѣтъ. Полковникъ окривился, поднялъ кулаки, заскрежеталъ зубами и убѣжалъ куда-то опрометью.

Всѣ офицеры ушли съ людьми на работы по настоянію самого-же Мандерштерна, оставался на лицо одинъ капитанъ Гурбантъ, маленкій, худенькій, болѣзненный, дышачій, такъ сказать, на ладанъ; его-то, въ неизбѣжной крайности, и долженъ былъ смятенный полковникъ завербовать въ ординарцы. Приступили къ облаченію: принесли мои сапоги со шпорами—широконьки оказались, капитанъ ихъ надѣлъ, словно чулки. Это-бы еще куда ни шло, но когда капитана Гурбанта погрузили въ мои панталоны, то они хватили ему чуть не до горла; ихъ кое-какъ подтянули сверху, обтянули съ боковъ, пере-

шивъ и окоротивъ затяжку съ пряжкой, и подшили вершка на полтора снизу; къ счастью, старикъ мой былъ хорошій портной и усердствовалъ отъ души, чтобы какъ-нибудь выручить барина изъ бѣды; все это онъ исполнилъ проворно и, по возможности, успѣшно передъ нахмуреннымъ лососиннымъ взоромъ, который сталъ повемногу проясняться, и хотя изъ почтеннаго капитана вышелъ такой невзрачный, зелено-сморщенный ординарецъ, какого, вѣроятно, не представляло фельдмаршалу ни одно войско, но все-таки ординарецъ былъ, что и требовалось доказать!

Ровно къ 11 часамъ сивая лошадка ввезла на дворъ Таврическаго дворца свою родную гитару, съ двумя пассажирами—тучнымъ и тощимъ. По счастью, фельдмаршалъ выслалъ адъютанта сказать, что онъ усталъ съ дороги и сегодня ординарцевъ принять не можетъ, но что его сіятельство желалъ-бы ихъ видѣть завтра, въ эти-же самые часы. Мандерштернъ воскресъ, Гурбантъ придержалъ руком сползавшія панталоны, и оба пассажира сивой лошадки отправились во своимъ прежнимъ порядкомъ; дорогою они сознались другъ другу, что поѣздка ихъ завершилась полнѣйшимъ успѣхомъ. Я досадовалъ на себя до грусти, тотчасъ-же написалъ къ Гурбанту самую теплую извинительную записку въ моей неосторожности, какъ человѣку, стоившему вполне человѣчныхъ отношеній и уваженія, потомъ, успокоившись немного, я велѣлъ принести въ дежурную комнату свою рисовальную доску, съ наклеенною на ней картиною, и шкатулку съ красками; я тогда рисовалъ что-то акварелью; но полковникъ, встрѣтя на дворѣ казармъ эти артистическія принадлежности, оборотилъ ихъ назадъ и самъ пришелъ ко мнѣ. Тутъ онъ прочиталъ мнѣ длиннѣйшую радею на тему, что такое лицо, какъ баталіонный адъютантъ, не долженъ оставлять своей квартиры безъ распоряженія, чтобы его можно было отыскать въ каждую данную минуту, и проч., и проч.; въ заключеніе онъ принялъ такую свирѣпую позу, что я сталъ опасаться, чтобы онъ не разразился какимъ-нибудь невѣжествомъ, но онъ только повелительно прогремѣлъ:

— «Извольте, сударь, отправляться въ свою квартиру и быть въ ней подъ арестомъ до утра!»

Онъ исчезъ, а я невольно разинулъ ротъ отъ удивленія, по поводу строгости позитуры и тона при объявленіи полковникомъ такой совсѣмъ не строгой вещи.

Придя домой, я уже не захотѣлъ рисовать и завалился на боковую до самаго обѣда. Старикъ мой все еще побаивался, чтобы фельдмаршалъ не посадилъ меня какъ-нибудь въ крѣпость. О, патриархальная простота, но простота задушевная! гдѣ ты?

Вечеромъ, когда я сидѣлъ за самоваромъ, ко мнѣ вошелъ неожиданно полковникъ; я было хотѣлъ надѣть сюртукъ, но онъ не допустилъ и, присѣвъ къ столу, объявилъ, что я долженъ завтра явиться къ фельдмаршалу въ качествѣ ординарца; я поклонился въ знакъ того, что понялъ приказаніе, и предложилъ непрошенному гостю стаканъ чаю, который тотчасъ-же налилъ и дополнилъ отличнымъ ромомъ, вытщепеннымъ изъ погребца, въ граненомъ флаконѣ. Полковникъ сдѣлалъ замѣчаніе, что ромъ въ прапорщичьемъ чинѣ не полагается; я отвѣчалъ, что держу его на случай простуды и для почетнаго гостя; онъ выпилъ стаканъ молча, всталъ и, кивнувъ мнѣ головою, пошелъ, но, взявшись уже за ручку двернаго замка, оборотился и сказалъ:

— «Если вамъ нужно и нынѣшній вечеръ провести гдѣ-нибудь, то я не препятствую, только помните распоряженіе на завтрашнее утро».

Я отвѣчалъ, что было-бы съ моей стороны не деликатно воспользоваться такъ скоро его снисходительностью послѣ моей недавней вины. Онъ выпучилъ на меня свои лососинные кружки, долго и неподвижно наблюдалъ меня и, наконецъ, ни къ селу, ни къ городу, прощѣдилъ сквозь зубы: «Щеголы!» и ушелъ. Я проводилъ его до выходныхъ дверей, которыя старикъ мой распахнулъ настезь.

На слѣдующее утро, ординарцы въ Таврическомъ дворцѣ были представлены съ отличнымъ успѣхомъ. Фельдмаршалъ былъ особенно привѣтливъ: онъ, обратясь къ Мандерштерну, говорилъ очень долго, припоминалъ заслуги Павловскаго полка, спросилъ меня, изъ какой я губерніи, гдѣ воспитывался, давно-ли корпусъ въ Москвѣ, откуда переведенъ и гдѣ основанъ?—и на все получалъ удовлетворительные отвѣты. Словомъ, все обстояло благополучно до того, что колоритъ лица Мандерштерна сдѣлался нѣсколько цвѣтистѣе обыкновеннаго.

Послѣ моего полу-комическаго ареста, я сталъ строже къ себѣ относительно своей должности; къ эполетамъ я уже привыкъ, служебная жизнь моя потянулась невозмутимо, день исчезалъ за днемъ, не представляя ничего интереснаго; сходили, въ свое время, въ лагерь подъ Красное-Село и пришли назадъ, точнехонько такъ-же, какъ многія тысячи военныхъ личностей ходили туда и вернулись обратно. Все было тихо, пока не послѣдовало приказаніе готовить гвардейскіе баталіоны къ разводамъ по 1-му отдѣленію, въ высочайшемъ присутствіи. Вотъ тутъ-то мой желтобровый «суета изъ суетъ» ударился уже въ суету всяческую, и доказалъ это нагляднѣйшимъ образомъ при первомъ-же разводѣ своего баталіона, а именно: когда выровненный окончателно баталіонъ держалъ ружье подъ прикладъ,

въ ожиданіи высочайшаго прибытія, и когда махальный закричалъ: «Государь императоръ изволить ѣхать!»—Мандерштернъ тотчасъ-же, ни дай, ни вынеси, скомандовалъ: «Ружье къ ногѣ!». По этой командѣ, одни сдѣлали на караулъ, другіе опустили ружья къ ногѣ; генераль Храповицкій закричалъ, чуть не на весь эзерпиргаузъ: «Что онъ дѣлаеть, сумасшедшій!» По счастью, входная дверь еще не отворилась; баталіонъ, внушенный офицерами, быстро взялъ на плечо; Мандерштернъ пришелъ въ себя, и когда въ воротахъ распахнулась извѣстная калитка и въ ней показался государь императоръ, то раздалась, какъ слѣдуетъ, команда: «Слушай! На кра-улъ!». Гранула музыка и все пошло своимъ чередомъ.

Мнѣ въ этотъ день предстояло разыгрывать роль солиста передъ самымъ лицомъ государя, котораго я имѣлъ счастье увидѣть вблизи только во второй разъ: я, за отсутствіемъ полковаго адъютанта, долженъ былъ командовать разводомъ. Признаюсь, что я ни живъ, ни мертвъ стоялъ передъ всемогущею фигурою императора. Но, Господи, прости мои великія согрѣшенія, не боги-же горшки дѣлають! подумалъ я, и вышелъ съ честью изъ перваго служебнаго испытанія въ высочайшемъ присутствіи.

Разводъ удался: пожаловано было по рублю, по фунту и по чаркѣ на человѣка; когда я сообщилъ объ этомъ своему полковнику, передавъ ему пароль, то онъ тогда только смогъ поправить съѣхавшую совсѣмъ на затылокъ каску, и только тутъ, въ первый разъ отъ начала развода, перевелъ духъ нормальнымъ образомъ.

Около того-же времени въ Павловскихъ казармахъ произошелъ ночной переполохъ: въ первомъ часу, все живущее тамъ стало на ноги, при зловѣщемъ крикѣ: «пожаръ!» Всѣ выбѣжали на воздухъ разузнать—гдѣ и что горитъ. Дымилась, какъ сопка, трехъ-этажная башня на первомъ казарменномъ дворѣ, устроенная для помѣщенія ретирадныхъ мѣстъ: что именно горѣло въ ней, еще не было извѣстно, однако-же, пожаръ былъ неизбѣженъ, потому что башня была деревянная, проконопаченная паклею и, сверхъ того, вся обшита смоленными досками; огонь, по всѣмъ вѣроятіямъ, скрывался гдѣ-нибудь за обшивкою. Мандерштернъ послалъ меня извѣстить объ этомъ Николая Ивановича Демидова. Я въ минуту былъ готовъ; но, на бѣду мою, не могъ докликаться извозчика; въ то самое время, какъ я дралъ понапрасну горло, догадливый кучеръ полковника подвелъ мнѣ мою верховую лошадь; я-бы расцѣловалъ его на мѣстѣ за такую смѣтливость, но было некогда, и я полетѣлъ на Васильевскій островъ. Демидовъ жилъ тогда въ зданіи перваго кадетскаго корпуса, вверху, гдѣ нынѣ (1875 г.) помѣщается главное управление военно-

учебныхъ заведеній. Я прискакалъ къ подъѣзду со двора, который обнесень теперь чугуною рѣшоткою, привязалъ кое-какъ лошадь къ одному изъ двухъ фонарей, стоявшихъ у самаго подъѣзда, и вбѣжалъ на верхъ. Къ крайней моей радости, прихожая была освѣщена; въ ней сидѣлъ дремавшій лакей, а въ комнатахъ раздавалась визготня скрипки. Я, сообщивъ наскоро причину моего пріѣзда, просилъ доложить генералу; человѣкъ ушелъ, а я въ щель неотворенныхъ дверей увидѣлъ, какъ Николай Ивановичъ пробѣжалъ черезъ залъ въ одной очень длинной рубашкѣ и со скрипкою въ рукѣ. Человѣкъ, доложившій обо мнѣ, шмыгнувъ черезъ прихожую; а было хотѣлъ остановить его, но онъ, проговоривъ на бѣгу: «карету велѣно подавать!» — стремглавъ исчезъ на лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ меня позвали къ генералу: онъ уже надѣлъ мундиръ и, торопливо застегивая пуговицы и выправляя ордена, спрашивалъ меня отрывисто, что такое случилось? Потомъ, застегнувъ послѣднюю пуговицу, побѣжалъ въ переднюю; камердинеръ бѣжалъ возлѣ него, неся шпагу, шляпу съ перчатками и фуражку; я бѣжалъ за ними слѣдомъ; лѣстница и подъѣздъ уже были ярко освѣщены. Николай Ивановичъ, осторожно спускаясь по ступенькамъ, вдѣлъ шпагу въ портунею, надѣлъ фуражку и взялъ въ руки шляпу съ перчатками; на послѣдней площадкѣ швейцаръ накиннулъ на него шинель. Карета стояла уже у крыльца. «Ѣдемъ вмѣстѣ!» сказалъ онъ мнѣ, и потомъ, оборотась къ стоявшему на подъѣздѣ старшему адъютанту дежурства кадетскихъ корпусовъ, подполковнику Свѣтлову, закричалъ ему, указывая на мою лошадь:

— «Что, батюшка, изволишь попусту глазами-то хлопать! Не видишь, что-ли? Вели принять, да отвести въ павловскія казармы!»

Мы понеслись во весь духъ; я невольно побаивался за прочность экипажа. Дорогою Демидовъ разспрашивалъ кое-что относительно пожара; онъ все время поминутно крестился и, перекрестясь, каждый разъ хватался за который-нибудь изъ своихъ орденовъ. Мы подкатились къ главнымъ воротамъ казармъ; Демидовъ выскочилъ, швырнувъ шинель и фуражку лакею и неся въ рукахъ свою шляпу, которую надѣлъ уже подъ воротами.

Первый казарменный дворъ, ярко озаренный огнемъ, бѣгавшимъ волнами по обшивкѣ башни, былъ наполненъ пожарными и работающими солдатами, изъ среды которыхъ раздавался громкій и внятный голосъ государя императора, приказывавшаго что-то оберъ-полицеймейстеру. Демидовъ, немного скрючась, побѣжалъ на этотъ всемогущій голосъ, который отозвался тутъ-же словами:

— «Николай Ивановичъ, не бѣгай!»

Войдя на освѣщенный дворъ, я увидѣлъ, что крыша надъ верхнею галлерейкою, соединявшею казарменный чердакъ съ чердакомъ башни, была совершенно разобрана; отъ нея остались только продольныя балки, да отверстіе на казарменной крышѣ; въ этомъ-то отверстіи, на одной изъ балокъ, утвердился полковникъ Мандерштернъ, въ крайне головоломномъ положеніи; онъ былъ безъ суртука, въ рукахъ держалъ мѣдный наконечникъ отъ рукава какой-то пожарной трубы, и дѣйствовалъ имъ такъ отчаянно, что языки огня, лизавшіе оконечности балокъ изъ-подъ башенной кровли, видимо укорачивались и вскорѣ совсѣмъ перестали высовываться. Я схватилъ у стоявшаго на дворѣ полковничьяго-же кучера его кушакъ и побѣжалъ на верхъ, думая подхватить имъ полковника подъ мышки и поручить солдатамъ держать концы кушака, чтобы не допустить полковника до паденія, если-бы онъ пошатнулся и потерялъ равновѣсіе, но уже не засталъ его на опасномъ посту. Мандерштернъ имѣлъ личный интересъ такъ самоотверженно усердствовать: противъ загорѣвшейся башни, на казарменномъ чердакѣ, хранилось нѣсколько десятковъ тысячъ солдатскихъ патроновъ, и если-бы огонь какъ-нибудь пробрался на чердакъ, то храбрый полковникъ, уцѣлѣвшій отъ паденія внизъ, могъ очень легко полетѣть кверху, хотя онъ и не былъ ни душой, ни тѣломъ виноватъ въ несвоемѣстномъ храненіи патроновъ,—это все накуралесилъ Василій Никитичъ; за то онъ, признавъ себя грѣшнымъ и недостойнымъ даже взглянуть на пожаръ, забился въ самый отдаленный уголокъ своей квартиры, гдѣ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и усердно колотился лбомъ о полъ, моля Бога, чтобы пороховая буря не разразилась надъ его грѣховною головою.

Между тѣмъ, на казарменный дворъ въ ворота нахлынули бочки съ водою и начали окачивать виновницъ тревоги такими жирными душами, что наружный огонь мигомъ погасъ, а внутри башни закричали рабочіе, что пожаръ можно считать прекращеннымъ, но они еще оставались тамъ для наблюденія по разнымъ щелямъ.

Вскорѣ все разошлось и успокоилось. Я отправился въ канцелярію заготовить свѣдѣнія въ разныя начальственныя мѣста, отдалъ ихъ переписывать и, приказавъ принести для подписи къ себѣ на квартиру, пошелъ домой; на дворѣ встрѣтился мнѣ какой-то кучеренокъ, съ моею верховою лошадыю; замѣтя на галлерей своего старика, поджидавшаго моего возвращенія, я поручилъ ему отвести лошадь на конюшню къ ея обычному кормильцу и поильцу, а самъ зашелъ сprovѣдать Мандерштерна.

«Что, еще не легли?» спросилъ я у чистившаго сапоги лакея.
— «Нѣтъ, еще не легли!» закричалъ изъ другой комнаты самъ

полковникъ, и отворилъ мнѣ дверь; онъ, въ одномъ бѣльѣ и въ гарусныхъ туфляхъ на босу ногу, шагаль по комнатѣ.

— «Вы сегодня, Августъ Егоровичъ, очень усердно и не безъ риска отправляли должность смѣльчака пожарной команды», сказалъ я.

Онъ остановился передо мною, совершилъ обычное вылупление глазъ и произнесъ крайне драматически:

— А знаешь-ли ты, неопытный птенецъ, что такое было на казарменномъ чердакѣ противъ проклятой башни?

— Знаю, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ и знай, да помалчивай.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку; это было первое задушевное «ты», сказанное мнѣ сердитымъ начальникомъ. Я заявилъ, что не лягу спать, пока не разошлю всѣхъ нужныхъ свѣдѣній.

— Пожалуйста, не присылай только ничего подписывать ко мнѣ, я положительно одурѣлъ и ничего не пойму.

Я ушелъ.

Во время службы моей въ 3-мъ баталіонѣ, я однажды имѣлъ счастье быть смѣненнымъ на служебномъ посту лично августѣйшимъ шефомъ нашего полка цесаревичемъ, въ послѣдствіи императоромъ Александромъ Николаевичемъ; этотъ, вѣроятно, единственный случай совершился слѣдующимъ образомъ: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, я относилъ знамя въ Зимній дворецъ; въ нынѣшнемъ Петровскомъ залѣ встрѣтился мнѣ государь Николай Павловичъ, шедшій изъ Гербоваго зала вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, государь сказалъ:

— «Подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто».

Я остановился и отступилъ въ сторону; его высочество изволилъ надѣтъ каску, взялъ подъ козырекъ и, ставъ на мое мѣсто, понесъ знамя черезъ Гербовый залъ въ портретную галерею; государь въ это время сорвалъ съ головы небольшую накладку и швырнулъ ее въ тулю своей шляпы. Комендантъ Вапуцкій, вошедшій въ другія двери и видя распоряженіе государя съ своею накладкою, счелъ весьма замысловатою любезностью снять, при встрѣчѣ съ государемъ, свой хохлатый парикъ, причемъ не преминулъ распространить лицо свое въ самую широчайшую улыбку. Государь милостиво кивнулъ ему и направился къ малому аванъ-залу.

Я прошель въ Георгіевскій залъ, чтобы наблюсти, исправно-ли подастъ знаменщикъ темлякъ его высочеству для перевязки знаменнаго полотна; все было исполнено съ точностью, и 10-лѣтній августѣйшій шефъ нашъ, въ подпоручичьемъ мундирѣ л.-гв. Павловскаго

полка, изволилъ цоспѣшить по слѣдамъ державнаго своего родителя къ внутреннимъ покоямъ.

Тутъ, считая свои служебныя обязанности оконченными, я деликатно освѣдомился у камеръ-лакея: гдѣ находится то вожделенное вмѣстѣлице, въ которомъ сервированъ завтракъ для адъютантовъ, бывшихъ на Невѣ со знаменами? Мнѣ указали; я вошелъ, и какъ понятно всякому, не остался празднымъ тамъ, гдѣ все такъ пріятно льстило обочоду—вкусу и обонянію.

IV.

Наконецъ, воротился изъ похода и полкъ, ознаменовавъ свое прибытіе крайнимъ стѣсненіемъ офицерскихъ квартиръ. Мои товарищи по выпуску принесли въ память о турецкой войнѣ по серебряной медали на груди и по желѣзной обуви разныхъ долговыхъ счетовъ на шеѣ. Съ прибытіемъ полка, главное полковое созвѣздіе тотчасъ-же вступило, по прежнему, въ свои права и обычаи, и все пошло заведеннымъ порядкомъ, по указанной и однообразной дорогѣ военно-мирной жизни.

Весною 1830 года я заболѣлъ очень серьезно перемежающеюся лихорадкою; Я. И. Ростовцовъ выпросилъ у ген. Арбузова увольненіе меня отъ лагеря, чтобы взять къ себѣ на дачу для леченія. Я передалъ свою верховую лошадь назначенному исправлять мою должность барону Дельвигу и просилъ Мандерштерна, чтобы меня не отчислили изъ баталіонныхъ адъютантовъ во время моей болѣзни; но когда полковникъ доложилъ объ этомъ генералу, то маленькій Аракчеевъ замѣтилъ, что офицеръ, въ чинѣ прапорщика, не долженъ и смѣтъ заболѣвать во время лагеря; полковому командиру, вѣроятно, показался очень логичнымъ такой выводъ его сподручника,—и я тутъ-же былъ отчисленъ.

1830 годъ тянулся крайне безцвѣтно до конца ноября мѣсяца, какъ вдругъ, и не въ табельный день, 19 числа, приказано было собраться къ разводу офицерамъ всей гвардіи; въ разводъ былъ выведенъ одинъ изъ баталіоновъ л.-гв. Московскаго полка. Никто не зналъ причины офицерскаго сбора и все, казалось, шло обыкновеннымъ порядкомъ.

По окончаніи развода, государь, Николай Павловичъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ, сказалъ: «Господа офицеры, пожалуйста ко мнѣ!» Офицеры приложили руки къ шляпамъ, но съ перваго раза не поняли приказанія. «Окружите меня!» прибавилъ государь. Офицеры довольно

робко приблизились со всѣхъ сторонъ. Государь объявилъ о возмущеніи въ Варшавѣ, объ опасности, которой подвергался великій князь Константинъ Павловичъ, объ убійствѣ лицъ близкихъ и преданныхъ его высочеству. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанная мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы!» При этомъ словѣ петербургскій военный генераль-губернаторъ графъ Эссенъ крикнулъ: «Ура!». Офицеры какимъ-то неистовымъ воплемъ подхватили этотъ крикъ и нахлынули на государя уже безъ малѣйшаго стѣсненія; въ этотъ моментъ лошадь подъ государемъ, почему-то, вдругъ опустила на переднія ноги, а потомъ и на заднія, такъ что государь, продолжая сидѣть верхомъ, касался шпорами земли.

Услыша офицерскій крикъ, московскій баталіонъ, стоявшій послѣ развода, какъ и всегда, въ углу экзерциргауза и не знавшій положительно, что передъ нимъ происходитъ, тоже равкнулъ «ура!» Крикъ этотъ фактически оправдалъ характеристику русскаго строя, въ которомъ офицеры даютъ камеръ-тонъ всей массѣ: если офицеръ закричитъ ура—и солдатъ не побережетъ горла; если офицеръ, очертя голову, кинется на батарею—и солдатъ не пожалѣетъ лба; а спросите у него—по какому побужденію онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ? «Офицерству такъ угодно!» отвѣтитъ онъ, безъ всякихъ умствованій.

А между тѣмъ, офицеры продолжали толпиться вокругъ государя; цѣловали его со всѣхъ сторонъ, цѣловали колѣни, ловили руки и стиснули до того, что верхняя фалдочка у самой талии государева мундира оказалась оторванною вершка на полтора. «Ну, полноте, полноте, господа! Довольно!» сказалъ государь мягко, но повелительно. Офицеры нѣсколько отступили. Его величество поднялъ на ноги лошадь и поѣхалъ шагомъ къ воротамъ, прикладывая поминутно къ глазамъ носовой платокъ.

Тутъ вся масса офицеровъ накинулась на великаго князя Михаила Павловича. Его высочество растерялся: шляпа его свалилась назадъ и повисла на шеѣ, на ремешкѣ; султанъ вылетѣлъ подъ ноги офицеровъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ. Его высочество хотѣлъ казаться недовольнымъ: насунился, покраснѣлъ и кричалъ: «Что это съ вами, господа! Что вы дѣлаете? Перестаньте!» А между тѣмъ, самъ цѣловалъ каждого, кто приближался къ его сердитымъ бровямъ. Толпа офицеровъ, стиснувъ между собой великаго князя, придвинула его высочество къ самому государю, освободила его отъ шляпнаго ремешка, вложила на мѣсто полурастрепанный черный султанчикъ, разступилась на обѣ стороны, приложивъ руки къ шляпамъ, и открыла широкій проходъ къ государю. Его величество, надѣвая шинель, еще разъ милостиво кивнулъ всѣмъ намъ и протянулъ руку

къ брату. О, какъ знаменательно посмотрѣли августѣйшіе братья другъ другу въ глаза!—и отбыли вмѣстѣ.

Уже караулы московскаго баталіона давно распозлились по городу, а гвардейскіе офицеры все еще оставались въ эзерциргаузѣ, громко толкуя въ разныхъ кучвахъ о происшедшемъ передъ ихъ глазами; всѣмъ хотѣлось идти въ походъ и всѣ держались того мнѣнія, что гвардія пойдетъ непременно. Пророчество ихъ оправдалось: вскорѣ приказано было готовиться къ выступленію.

Обрадованный предстоявшимъ походомъ, я, однако-жъ, сильно свонфузился, ощутивъ съ точностью свой карманъ; надобно было сочинить благополучный исходъ изъ денежнаго затрудненія. Я обратился къ своей задушевной любимицѣ—литературѣ; но до 1834 года ни одна редакція не платила денегъ за статьи, печатаемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Оставалось одно: составить и издать книгу въ двухъ-мѣсячный срокъ. Легко сказать! А пойдетъ-ли еще она? Но смѣлымъ Богъ владѣетъ! Я толкнулся къ нѣкоторымъ литературнымъ пріятелямъ за статьями, принялся усердно работать самъ,—и къ половинѣ декабря (1830 г.) напечаталъ дѣтскій альманахъ, подъ названіемъ «Утренняя заря».

Тогдашніе добродушные книгопродавцы: Сленинъ, Смирдинъ, Глазуновъ и Заикинъ купили разомъ все изданіе, 1,200 экземпляровъ, съ уступкою трети объявленной цѣны, и заплатили тотчасъ-же наличными деньгами.

Я съ удовольствіемъ узналъ послѣ, что къ слѣдующей святой недѣлѣ уже не было ни одного экземпляра моего альманаха въ продажѣ; слѣдовательно, книгопродавцы не потеряли своего; а я, между тѣмъ, купилъ двухъ лошадей—верховую и вьючную, обзавелся необходимыми вещами для зимняго похода и, сверхъ того, привѣсилъ себѣ на шею не совсѣмъ жиденькій мѣшочекъ съ новенькими червонцами.

V.

1-й и 3-й баталіоны выступили въ польскій походъ въ самомъ концѣ декабря и встрѣтили новый 1831 годъ въ Кипени.

Полкъ направился по шоссе на Ригу и Ковно и шель по-ротно. Ген. Арбузовъ каждый день обгонялъ всѣ роты на походѣ, прилежно всматриваясь: не терпѣлъ-ли кто-нибудь изъ солдатъ отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распорядился удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ и гдѣ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Роты имѣли ночлеги по деревнямъ вблизи главнаго пути, на который и выходили съ разсвѣтомъ для слѣдующаго перехода.

Я, назначенный исправлять временно должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, шель до Риги съ ротой его высочества, а отъ Риги до Ковны былъ полковымъ квартиргеромъ. Вотъ тутъ-то натерпѣлся я отъ заботливаго полковаго командира мѣки, что называется, по самое горло! Онъ, обыкновенно, обогнавъ роты, пріѣзжалъ въ полковой штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все не довольно исправнымъ: то нехорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло; я однажды получилъ распеканцію за то, что на занятой штабомъ мызѣ была нехороша вода, какъ будто я въ состояніи былъ перемѣнить мызу или улучшить воду; словомъ—онъ поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ на отвалъ, хотя не изысканными блюдами; а-же, съ своей стороны, не смѣя выказаться генералу существомъ зубастымъ, притуплялъ изощренные зубы на его съѣдобныхъ припасахъ и уничтожалъ ихъ со всею алчностью прапорщичьяго желудка на походѣ; а какъ желудокъ есть резервуаръ всей человѣческой организаціи, то успокоенный резервуаръ сообщалъ нѣкоторое спокойствіе и нервамъ, по крайней мѣрѣ на остатокъ дня.

Время двигалось, какъ двигался и полкъ, совершая въ урочные часы свои дневные обиходы. Около генерала появился новый офицеръ-агентикъ, собственно по мясной части: гдѣ, какимъ способомъ, по какой цѣнѣ онъ добывалъ телятъ, барановъ, свиней и разное другое мясо?—это знали только онъ, да генералъ, который очень благоволилъ къ мясному агенту, и за его телячье усердіе чуть было не украсилъ его анненскою шпагою съ надписью «за храбрость».

Одинъ случай изъ походной жизни глубоко врѣзался въ мою память. Это было во время дневки на какой-то очень красивой мызѣ.

Подъ конецъ дня, проведеннаго на отдыхѣ, генераль и всѣ штабные пошли осматривать, отъ нечего дѣлать, мызныя строенія и увидѣли превосходную русскую баню, облицованную внутри липовыми досками.

«Вотъ-бы гдѣ попариться-то!» вскричалъ генераль.

— «Я было и думалъ вчера, отвѣтилъ мясной агентикъ,—да тутъ остались только ванны да котлы, а чаны и бочки владѣлецъ перевезъ въ другую усадьбу; положительно не въ чемъ было навозить воды, а вода съ полверсты отсюда».

— «Жаль, жаль, жаль!» воскликнули всѣ по очереди, и пошли далѣе.

Когда-же генераль отошелъ отъ бани, то одинъ старикъ-гренадеръ, изъ роты его высочества, сказалъ:

«Эхъ! не грѣшно-ли его превосходительству не объявить было объ этомъ вчера съ прихода: наша рота манерками могла-бы нанести столько воды, что ее хватило-бы на вымывку не только самому генералу, но и всему офицерству. Грѣшно, право! Неужели у начальства пропала и вѣра въ наше усердіе къ нему?».

Этотъ задушевный возгласъ добряка-гренадера былъ произнесенъ такъ, что, очевидно, составлялъ не единичный его вызовъ но мнѣніе цѣлой массы; въ этомъ добродушномъ вызовѣ ясно сказались и привязанность къ полковому командиру, и уваженіе къ значенію офицерства. Такъ дѣйствительно и было въ полку. Не случилось мнѣ подмѣтить ни разу за павловскимъ солдатомъ, чтобы онъ какимъ-нибудь движеніемъ или даже взглядомъ выразилъ что-нибудь похожее на ослушаніе противъ старшаго; а что всего важнѣе, такъ это именно то, что подобное достоинство онъ сохранялъ за собою одинаково и въ казармахъ, и въ мирномъ лагерѣ, и въ походѣ, и на боевомъ bivуакѣ, и подъ самыми ядрами. Эта невозмутимая ни чѣмъ ровность дисциплинарныхъ отношеній солдата къ офицеру и составляетъ завидную характеристику или, вѣрнѣе, духъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, и это не какое-нибудь переходное явленіе, навѣянное временно благопріятными обстоятельствами,—это коренная закваска полка, наслѣдственный его фундаментъ, къ которому онъ приросъ. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ не умѣетъ ни понимать, ни слушать никакихъ зловредныхъ внушеній; все не освященное законностью отскакиваетъ отъ него безслѣдно, какъ отъ стѣны горохъ. Острокопечныя шапки способны окружить своимъ несокрушимымъ палисадомъ только то, что укажетъ имъ одна законная власть. И тогда уже эти продыравленные пулями шапки не уронятъ ни своей боевой славы, ни

своего наследственнаго сокровища—разумной дисциплины, вошедшей въ бровь и мозги цѣлаго полка.

Но далѣе. Приблизясь къ Ковнѣ, полкъ расположился на тѣсныхъ квартирахъ; велѣно было выставить пикеты. Не такой былъ полковой командиръ ген. Арбузовъ, чтобы не удостовѣриться лично въ исправности этихъ пикетовъ; вотъ онъ и отправился однажды осматривать ихъ верхомъ, такъ какъ начавшаяся распутица не дозволяла употребленія экипажей; съ нимъ отправились оба командира баталіоновъ, Стахіевъ и я; за нами плелся долговязый полу-старикъ въ деньщицкѣй формѣ, по имени Иванъ Алексѣевъ, неизмѣнный спутникъ генерала въ походахъ и маневрахъ, когда тотъ являлся верхомъ. Иванъ Алексѣевъ былъ нѣчто въ родѣ генеральскаго коннаго маркитанта; онъ вѣдѣлъ всегда на рыжемъ конѣ почтеннаго возраста, который самъ видѣлъ много такого, что маленькій Аракчеевъ зналъ по преданію. Въ огромныхъ кобурахъ при сѣдлѣ Ивана Алексѣева помѣщалось отнюдь не убійственное огнестрѣльное оружіе, но предметы болѣе полезные для человѣчества, какъ-то: разнаго рода испивомое и съѣдобное, весьма достаточное для заморенія червяка на перепутьи, а также и принадлежности для курева.

Проѣзжая по грязной дорогѣ, оваймленной лѣсочкомъ, ген. Арбузовъ, вѣхавшій впереди, вдругъ остановилъ своего Буцефала: онъ увидѣлъ на пути трехъ всадниковъ.

— Александръ Александрычъ, кракусы! возопилъ онъ.

— Какіе кракусы! Это прусскій офицеръ съ двумя провожатыми, замѣтилъ Стахіевъ, приближаясь къ генералу.

— Видно, во снѣ вамъ пригрѣзился прусскій офицеръ! Откуда ему взятъ и для чего онъ тутъ будетъ! завопилъ генералъ на Стахіева.

— Пруссія не за горами. Возвращается откуда-нибудь верхомъ по распутицѣ—вотъ и все. Я очень ясно вижу, что у провожатыхъ привязаны по бокамъ чемоданы, а на немъ киверъ прусской формы.

— А киверъ-то ему тутъ на коего чорта?

— Да потому, быть можетъ, что его гораздо удобнѣе везти на головѣ, чѣмъ въ чемоданѣ.

— Ну, васъ, прости Господи, и съ чемоданами-то! занылъ генералъ.

— Да взгляните хорошенько, ваше пр—во, какіе-же это кракусы! закричалъ Стахіевъ: прицѣтившись, и отъѣхалъ въ сторону.

Тутъ генералъ, пристально воззрившись, направился шагомъ на встрѣчу офицеру; онъ снялъ свою клеенчатую треуголку, перекрестился, опять надѣлъ ее и, протанувъ руку офицеру, громко закричалъ:

«Руссишень и пруссишень брудеры!» Тотъ учтиво поклонился, почтительно отвѣтилъ на пожатіе руки, вновь поклонился и, взявъ подъ козырекъ, отправился далѣе; сопровождавшіе его вѣжливо приподняли фуражки.

Ген. Арбузовъ простоялъ съ минуту неподвижно, глядя вслѣдъ уѣзжавшимъ и потомъ запѣлъ:

«Иванъ Алексѣевъ!»

Онъ обыкновенно выпѣвалъ это имя не хуже деревенскаго дьячка.

Рыжій конь съ Иваномъ Алексѣвичемъ очутился возлѣ генерала. «Сигару!» скомандовалъ его пр—во. Конный маркитантъ, съ привычною ловкостью досталъ и обезглавилъ толстую сигару, досталъ огниво и кремень, оторвалъ кусокъ трута и, зажегши его по второму удару, подставилъ къ генеральскому носу на кремешкѣ, вмѣсто блюдечка. Раскуривъ сигару, генераль направился къ своей квартирѣ; онъ ѣхалъ впереди, одинъ, вѣроятно, рассуждая, какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ, казалось, остался очень доволенъ своимъ объясненіемъ съ нѣмцемъ и былъ особенно въ духѣ, а это легко было понять изъ того, что онъ курныкалъ себѣ подъ носъ любимую пѣсню, въ которой говорилось что-то объ «улицѣ Фурштатской». Эту пѣсню онъ усвоилъ еще въ омутѣ Дворянскаго воспитанія; ее дворяне очень любили пѣть хоромъ, возвращаясь изъ лагеря.

Въ полковомъ штабѣ мы узнали, что въ Ковну прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а дня черезъ три полкъ нашъ двинулся черезъ Ковну, по направленію къ Ломжѣ и Остроленѣ.

Между Ломжею и Остроленкою, я, какъ исправлявшій должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, т. е. офицеръ, имѣвшій верховую лошадь, былъ назначенъ, по очереди, въ ординарцы къ начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералу Ушакову; я прибылъ и явился въ дивизионный штабъ въ 10 часовъ утра, не припомню, въ какое именно мѣсто, знаю только, что мнѣ приказано было помѣститься гдѣ-нибудь и быть на готовѣ; однако-жь, приличнаго для помѣщенія мѣста, подъ названіемъ «гдѣ-нибудь», въ дивизионной квартирѣ не оказалось, и я пріютился на полуразрушенномъ крыльцѣ стараго амбара, будучи доволенъ и тѣмъ, что оно согрѣвалось солнцемъ. Часовъ около трехъ пополудни, въ генеральскую квартиру пронесли большую кастрюлю и нѣсколько блюдъ, а за ними пошли туда-же и штабные чины. Я ждалъ, что меня, по крайней мѣрѣ, накормятъ, но весьма ошибся: этой чести для ординарцевъ у генерала Ушакова не полагалось. Меня не пригласили, и я, получившій формальное приказаніе помѣститься гдѣ-нибудь, долженъ былъ уже безъ всякаго приказанія питаться чѣмъ-нибудь.

Лошадь моя была счастливейше меня: на дворѣ появился какой-то казакъ, притащившій своему коню охабку сѣна; я далъ ему злотъ и онъ охотно допустилъ мою лошадь къ участию въ сѣнѣ и даже не полѣнился напоить ее, а попавшійся мнѣ случайно корпусный товарищъ, артиллерійскій офицеръ, прислалъ ей въ подарокъ полъ-торбы ячменя, который она и скушала съ подобающимъ аппетитомъ, во славу корпуснаго товарищества. Жаль только, что мой товарищъ не догадался прислать мнѣ самому ломоть хлѣба или хоть сухарь; это было-бы очень кстати, потому что просить сухарей у казака не поворачивался языкъ, а если-бы алчущее горло не выдержало и попросило на генеральской кухнѣ, то я перетянулъ-бы его нагаечнымъ ремнемъ прежде, чѣмъ далъ проглотить хоть одну крошку отъ позорнаго куска. Скверная вещь голодать вообще; но голодать, слушая стукъ тарелокъ въ сосѣдномъ домѣ за генеральскою трапезою — это уже просто звѣрское нахальство... судьбы, вѣроятно, потому что на нее одну сваливаютъ всѣ человѣческія мерзости.

Уже передъ вечеромъ вынесли мнѣ пакетъ на имя генераль-адъютанта Вистрома, съ приказаніемъ отвезти въ авангардный штабъ. Провожатымъ у меня очутился уже знакомый мнѣ казакъ; онъ былъ присланъ зачѣмъ-то изъ авангарда и, отдохнувши, поѣхалъ со мною назадъ. Этимъ и оканчивалось мое ординарчество въ дивизионномъ штабѣ, которое показалось мнѣ тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь. Я и теперь еще, уже почти 70-ти-лѣтній старикъ, часто вспоминаю о немъ, особенно, когда захочется возбудить аппетитъ.

Мы съ казакомъ отправились въ Остроленку, гдѣ находился штабъ авангарда гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ начальникъ гвардейской пѣхоты ген.-адъют. Карлъ Ивановичъ Вистромъ. Въ Остроленку прибылъ я, когда генералъ Вистромъ садился за ужинъ. Меня тотчасъ-же позвали къ нему. На концѣ длиннаго, уставленнаго приборами, стола сидѣлъ самъ Карлъ Ивановичъ, въ бѣломъ канифасномъ халатѣ; по сторонамъ его помѣщались: адъютантъ Крутовъ, старшій адъютантъ дежурства пѣхоты Степановъ, поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Герасимовъ и два безсмѣнныхъ ординарца, оба подпоручики л.-гв. Егерскаго полка; на другомъ концѣ стола, противъ генерала, видѣлась какая-то узколобая, слезоточивая фізіономія, припавшая къ столу и смотрѣвшая на всѣхъ исподлобья; это былъ не кто иной, какъ полковой докторъ лейб-гвардіи Павловскаго полка Слонецкій-Михайловскій, прикомандированный къ авангардному штабу; вылечилъ-ли онъ тамъ кого-нибудь — слуховъ объ этомъ не состоялось, но что онъ тамъ всѣхъ перессорилъ — объ этомъ зналъ весь авангардъ.

Войдя въ столовую, я низко поклонился и, протянувъ руку съ пакетомъ, сказалъ: «Изъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи».

Адъютантъ Степановъ принялъ пакетъ, распечаталъ его, перелистовалъ, стоя, бумаги и, на вопросительный взглядъ генерала, отвѣтилъ: «Ничего особеннаго, одни дневныя свѣдѣнія».

Я опять поклонился и хотѣлъ выйти, но генераль остановилъ меня словами:

— «Куда это? Ухъ какой прыткой! Я надѣюсь, что господинъ молодой прапорщикъ не уронитъ себя, если выпьетъ стаканъ вина у боеваго товарища».

Я вытаращилъ глаза отъ изумленія, насилу смогъ поклониться и то самымъ неуклюжимъ образомъ.

Карлъ Ивановичъ, очевидно, забавлялся моимъ смущеніемъ. «Подвиньтесь немного, господа!» сказалъ онъ сидѣвшимъ у него съ лѣвой стороны и указалъ рукою мѣсто возлѣ себя; слуга тотчасъ-же поставилъ тутъ приборъ и подаль мнѣ стулъ.

— «Вотъ и мѣсто молодому гостю, какъ разъ возлѣ ветерана-хозяина», сказалъ генераль, приглашая меня рукою сѣсть.

Я сѣлъ и съ восторгомъ увидѣлъ, что начинаютъ ужинъ горячимъ супомъ; это былъ истинный сюрпризъ моему необѣдавшему желудку. Во время стола, Карлъ Ивановичъ очень много разговаривалъ со мною, преимущественно въ шуточномъ тонѣ: спрашивалъ, не съ музыкаю-ли у меня эполеты? и т. п.

Послѣ усердной работы ножами и вилками, долго не прерывавшейся ни однимъ словомъ, Карлъ Ивановичъ вдругъ спросилъ меня:

«Ты умѣешь дѣлать практическія съемки и чертить ситуационные планы?»

— «Учился въ корпусѣ», отвѣтилъ я.

«Учился... протянулъ генераль, — это хорошій отвѣтъ; всегда отвѣчай такъ—учился! А научился-ли, это увидать начальники. Михайло Васильичъ, приказалъ онъ, обращаясь къ Степанову, — напиши въ Павловскій полкъ, что я оставляю его прикомандированнымъ къ авангардному штабу, для исправленія должности офицера генеральнаго штаба».

Я привсталъ, чтобы благодарить, но онъ посадилъ меня за руку, сказавъ:

— «Словесныхъ благодарностей не нужно; служи безъ всякихъ хитростей, да не бойся пули — и мы навѣрно останемся пріятелями. Вотъ тебѣ и ученикъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Герасимову, — сдѣлай изъ него хорошаго себѣ помощника».

Тутъ онъ приподнялся со стула и всѣ встали.

— «Распорядись, Михайло Ивановичъ, сказалъ генераль Крутову,— чтобы новобранцу указали порядочный ночлегъ, а завтра назначили квартиру, и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:—а все твое столовое продовольствіе будетъ у меня, въ моей боевой семьѣ; мнѣ много хорошаго говорилъ о тебѣ заика, а я ему вѣрю».

Заикой называлъ онъ Я. И. Ростовцова, который прежде былъ у него старшимъ адъютантомъ, а тогда состоялъ адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, въ штабъ-капитанскомъ чинѣ.

Карлъ Ивановичъ ушелъ въ свою комнату; вся компанія, за исключеніемъ доктора, пожала мнѣ привѣтливо руку, поздравляя со вступленіемъ въ ея кругъ. Призванный Крутовымъ остроленскій квартирный староста помѣстилъ меня до утра въ своемъ домѣ и очень удобно; у него даже нашелся кормъ для моей лошади.

Мнѣ дали въ распоряженіе того-же знакомаго мнѣ казака, чтобы послать его утромъ въ Павловскій полкъ за моимъ деньщикомъ и вещами.

Утромъ отвели мнѣ чистенькую квартиру съ пріятнымъ сосѣдствомъ, и назначили меня завѣдующимъ авангардною канцелярією, гдѣ я былъ незамѣтенъ днемъ, но за то единолично дѣйствовалъ ночью, и не смыкалъ глазъ, когда всѣ другіе спали. Это было необходимо, потому что очень часто стали присылать по ночамъ донесенія, требовавшія немедленныхъ распоряженій; при этомъ надобно было кого-нибудь будить изъ старшихъ для совѣта, а иногда и самого Карла Ивановича.

Вскорѣ началось тягостное броженіе авангарда взадъ и впередъ около Остроленки; потомъ наступила ежедневная жизнь въ боевомъ огнѣ, при отступленіи гвардейскаго корпуса отъ Старога-Якапя къ Тыкочину; потомъ опять движеніе впередъ, заверщенное остроленскимъ побоищемъ 14 мая 1831 г.

Послѣ остроленскаго дѣла гвардейскую пѣхоту поставили бивуакомъ на берегу Нарева, вблизи Остроленки; луговая мѣстность вдоль Нарева, усѣянная разною кудрявою растительностью, была очень красива днемъ, но оказалась убійственною ночью; она послѣ полуночи такъ отсырѣла, что холера не преминула къ утру-же насѣсть на войска съ особенною жестокостью. Продрогшіе до костей офицеры очень рано утромъ принялись кипятить свои походные чайники и самоварчики, чтобы какъ-нибудь согрѣться. Приѣхавъ навѣстить полковыхъ товарищей, я засталъ ихъ за всеобщимъ чаепитіемъ. Въ это время прошелъ слухъ, что ночью умеръ отъ холеры прапорщикъ Преображенскаго полка князь Порюксъ Визапурскій; офицеры, соединясь въ порядочную толпу, пошли узнать на мѣстѣ, что и какъ

случилось? Дорогою насъ извѣстили, что умеръ и другой братъ Визапурскій, тоже преображенскій прапорщикъ. Мы прибавили шагу, но, приблизясь къ мѣсту происшествія, гдѣ стояла собственная небольшая палатка Визапурскихъ, узнали, что сейчасъ умеръ и денщикъ ихъ. При этомъ извѣстїи обуяла всѣхъ поголовная паника; посоловѣли даже фізіономїи и у случившихся тутъ личностей, смѣло перешедшихъ, въ остроленскомъ аду, губительный мостъ черезъ этотъ самый Наревъ, который катился передъ нашими глазами и по которому еще обильно плыли тѣла храбрецовъ, положившихъ животъ за честь роднаго знамени.

Въ моментъ всеобщаго ошеломленія, въ толпу офицеровъ ворвался исправлявшій должность полковаго врача лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, Ѳеодоръ Семеновичъ Похвалинскій; онъ принялся горячо доказывать, что холера прилипчива условно и что въ комъ нѣтъ предрасположенія къ ея принятію, того она не тронетъ ни во вѣки вѣковъ. Всѣ какъ-то очень холодно отнеслись къ врачу-оратору и никто не удостоилъ его сколько-нибудь осмысленнымъ вниманіемъ.

— «Что-жъ вамъ, господа, нужно доказательствъ что-ли? Извольте!» вскричалъ Похвалинскій.

Сбросивъ съ себя сюртукъ, жилетку, галстухъ и подтяжки и разстегнувъ воротъ, онъ вошелъ въ палатку Визапурскихъ, снялъ съ одного изъ умершихъ рубашку и, напяливъ ее на себя, предсталъ передъ офицерами:

— «Я не сумасшедшій, господа! сказалъ онъ,—не сталь-бы рисковать жизнью для того, чтобы порисоваться передъ вами! Завѣряю васъ всѣми святыми, что холера прилипчива только условно, что болѣться ея слѣдуетъ не болѣе, какъ и всякой другой болѣзни; но что именно упадокъ духа всего болѣе содѣйствуетъ ея свирѣпости».

Тутъ Похвалинскій высвободилъ правую руку изъ своей рубашки и, всунувъ ее, голую, въ рукавъ рубахи съ мертвеца, вскричалъ:

«Довольны-ли вы, господа? Послѣ этого можете не вѣрить мнѣ!».

Есть-же между людьми благодатныя личности, которыя исполненіе своего долга способны довести до размѣровъ героическаго подвига; таковъ и былъ Ѳ. С. Похвалинскій. Да будетъ благословенна память его!

Послѣ смѣлаго поступка энергичнаго доктора, всѣ лица видимо просвѣтлѣли; паника разомъ упала до точки замерзанія; только самыя мнительныя, возвращаясь въ полки, боязливо оглядывались на зловѣщую палатку несчастныхъ князей Визапурскихъ.

Гвардейскую пѣхоту въ тотъ-же день сняли съ позиціи и направили на Маковъ, гдѣ она простояла довольно долго. Тамъ скончался

бывшій главнокомандующій графъ Дибичъ и пріѣхалъ графъ Паскевичъ.

Изъ-подъ Макова, какъ извѣстно, пошли къ Вислѣ, перешли ее безъ выстрѣла, и потомъ очутились въ Надаржинѣ, въ 20-ти верстахъ передъ Варшавою, гдѣ и сдѣланы были всѣ приготовленія къ штурму.

На второй день варшавскаго штурма, 26-го августа 1831 г., начавшагося ровно въ два часа пополудни, гвардейская пѣхота, за исключеніемъ Егерскаго и Финляндскаго полковъ, которымъ предстояло драться у Іерусалимской заставы, стояла въ 3-й боевой линіи, т. е. она занимала ту мучительную позицію, стоя на которой солдатъ ровно ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ въ колоннахъ сносить головы ядрами. Тяжелое положеніе стоять, опустя руки, безъ всякаго развлеченія, и думать каждую минуту: а вотъ, можетъ быть, сейчасъ меня хватить!

Передъ началомъ въ этотъ день штурма Карлъ Ивановичъ подѣхалъ со свитою къ лейбъ-гвардіи Павловскому полку и сталъ у него на правомъ флангѣ. «Вотъ скоро и два часа, сказалъ онъ, —какой-то отвѣтъ пришлютъ бунтовщики?». Съ этимъ словомъ бухнулъ съ варшавскихъ укрѣпленій выстрѣлъ, другой, третій, четвертый — снесъ голову правому фланговому солдату передней шеренги 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; стоявшій возлѣ него на флангѣ офицеръ, помнится, поручикъ Регенкамфъ, покачнулся только тогда, когда на него рухнулъ трупъ убитаго; солдаты-же—ни стоявшій рядомъ съ убитымъ, ни стоявшій сзади его, котораго обрызгало кровавою слякотью,—не шевельнули ни усомъ, ни носомъ.

Я былъ при этомъ случайно, находясь въ свитѣ генерала Бистрома, но все-таки имѣю право съ гордостью сказать, что я былъ подъ ядрами и со своимъ роднымъ полкомъ.

Въ штурмовыхъ колоннахъ, съ охотниками, были отъ Павловскаго полка: подполковникъ Федяевъ, подпоручикъ Брискорнъ и прапорщики Ельчаниновъ 2-й, баронъ Дельвигъ и Гринъ. У Федяева пробило каску надъ самымъ черепомъ; баронъ Дельвигъ былъ смертельно раненъ и черезъ три дня умеръ; Федяевъ и Брискорнъ получили георгіевскіе кресты, а Ельчаниновъ и Гринъ—анненскіе съ бантомъ.

VI.

Простоявъ довольно времени на бивуакахъ въ Варшавѣ, полкъ нашъ пошелъ прямо на зимнія квартиры, Курляндской губерніи, въ городъ Гольдингенъ. Я сдѣлалъ походъ этотъ съ полкомъ, такъ какъ генераль Вистромъ собирался за границу для леченія и его временный штабъ былъ уже распущенъ. Изъ Гольдингена я уѣхалъ въ отпускъ, въ Петербургъ, гдѣ и дождался возвращенія полка изъ похода.

Петербургская казарменная служба пошла прежнимъ порядкомъ. Я былъ переведенъ во 2-й баталіонъ, къ полковнику Семену Петровичу Степанову, не только фронтовику современнаго закала, но и литературному рецензенту, какъ оказалось впоследствии.

Въ началѣ 1833 года я напечаталъ большую повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ «Мятежники». Почти единственный тогдашній критическій органъ «Сѣверная Пчела» отозвался о моей повѣсти съ большою похвалою, и она пошла удачно, особенно между военными. Я рѣшился молчать о ней и не подносить никому почетныхъ экземпляровъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, меня потребовали къ полковнику Степанову; я, разумѣется, явился тотчасъ-же.

«Вы напечатали книгу безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія вашего ближайшаго начальства, сказалъ онъ,—а знаете-ли, какую вы нагородили въ ней дичь и про поляковъ, и про русскихъ? Предвидя неминуемую за васъ отвѣтственность, я вынужденнымъ нашелся купить вашу книгу, хотя отъ роду не дѣлалъ подобной глупости. Спасибо еще, что мнѣ во-время сказалъ объ этомъ... онъ указалъ на домашняго агентика. — Извольте идти и не ожидать ничего пріятнаго для себя, господинъ писака».

Получивъ на свое литературное произведеніе такую фронтую рецензію, я побѣжалъ къ генералу, чтобы разъяснить непонятный для меня выговоръ, сдѣланный мнѣ полковникомъ Степановымъ.

Генераль Арбузовъ, слышавшій отъ Я. И. Ростовцова, что я началъ писать во время войны какую-то повѣсть о польскихъ мятежникахъ и что отрывки изъ этой повѣсти были прочитаны еще въ Маковѣ великому князю и заслужили одобреніе, — отвѣчалъ мнѣ уклончиво:

— «Я, вы знаете, не литераторъ, на мѣдные гроши русской грамотѣ обучился, и не могу быть въ вашемъ дѣлѣ судьей, побѣжайте къ дивизионному начальнику, генераль-адъютанту Мартынову, тамъ старшій адъютантъ, князь Шаховской, считается докою по писатель-

ской части: онъ съумѣетъ доложить объ этомъ какъ слѣдуетъ Павлу Петровичу».

Я бросился къ князю Шаховскому; онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, объявилъ мнѣ, что уже прочиталъ мою повѣсть, которую прислалъ ему М. А. Офросимовъ, и что онъ готовъ стоять за нее. Я привезъ съ собою экземпляръ, переплетенный въ сафьянъ, и просилъ, если возможно, представить его государю императору, чтобы избавиться отъ нелѣпыхъ нареканій, въ родѣ тѣхъ, которыя измышляетъ на меня полковникъ Степановъ. Князь Шаховской общался похлопотать обо всемъ и просилъ не беспокоиться понапрасну, а ожидать спокойно отвѣта, который получу въ свое время.

Каково-же было мое удивленіе, когда, недѣли черезъ двѣ, я получилъ сафьянный футляръ за кабинетскою печатью, при письмѣ отъ князя Шаховскаго, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что о всемилоствѣйшемъ пожалованіи мнѣ подарка за повѣсть «Мятежники» уже сообщено въ полкъ, а самый подарокъ препровождается прямо ко мнѣ.

Черезъ минуту послѣ полученія подарка, я уже былъ съ нимъ у генерала; онъ долго разсматривалъ перстень, пригласилъ взглянуть и маленькаго Аракчеева, но тотъ съ негодованіемъ прорычалъ только: «Непротитительное баловство!». Генералъ, возвращая мнѣ перстень, сказалъ:

— «Ну, поздравляю! Вотъ и покажите полковнику Степанову, чтобы успокоить его».

Я, однако-жъ, побоялся идти къ этому суровому рецензенту, чтобы какою-нибудь ироническою улыбкою не раздражить его, и попросилъ показать ему перстень одного изъ капитановъ. Полковникъ, говорили, страшно осерчалъ при этомъ: онъ выругалъ безграмотнымъ дуракомъ агентика, но о себѣ умолчалъ. А меня все-таки, по поводу моей повѣсти, перевели въ другой баталіонъ; это уже было вторичнымъ подаркомъ за мое сочиненіе.

Въ слѣдующемъ году, по приглашенію нѣкоторыхъ благоволившихъ ко мнѣ старшихъ лицъ въ гвардіи, я написалъ стихотвореніе на открытіе памятника императору Александру I; стихотвореніе понравилось и ген. Арбузову, когда ему прочиталъ его М. А. Офросимовъ. «Право, хорошо сказано!» отозвался мой начальникъ. Я вновь получилъ всемилоствѣйшій подарокъ.

Въ это время я былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ въ 4-ю гвардейскую пѣхотную бригаду, когда уже Павловскій полкъ былъ въ бригадѣ не съ Измайловскимъ, а съ Финляндскимъ полкомъ. Бригадою командовалъ тотъ-же А. Ѳ. Арбузовъ, продолжая командовать и полкомъ; онъ долго не могъ перестать ухмыляться, подписывая

предписаніе командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. «Какъ это, братецъ, я самъ себѣ предписываю? говариваль онъ обыкновенно, принимаясь за перо; но, по крайней мѣрѣ, мои бумаги подписываль самъ, тогда какъ на бумагахъ отъ полка, зачастую у него подъ носомъ, Стахіевъ очень искусно выцарапываль: генераль-майоръ Арбузовъ.

Бригадное адъютантство нѣсколько отдалило меня отъ полковыхъ товарищей; я тогда уже былъ женатъ и переѣхаль изъ казармъ на вольнонаемную квартиру. Во фронтъ я обязанъ былъ являться только тогда, когда была въ строю вся бригада; но я выѣзжалъ и на полковыя ученья своего полка, въ видѣ любезности къ Алексѣю Федоровичу Арбузову, который очень любилъ, когда за нимъ ѣздилъ адъютантъ съ аксельбантомъ.

На маневрахъ-же этому адъютанту представлялась вся возможность измучить лошадь до упаду, безъ всякой въ томъ надобности. Я уже сказалъ выше, что при исполненіи служебныхъ обязанностей, которыя требовали нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній, Алексѣй Федоровичъ терялся до жалости.

Однажды онъ командоваль на маневрахъ значительнымъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, бригады кавалеріи и трехъ батарей артиллеріи. Въ отрядъ былъ присланъ, за начальника штаба, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Тавастъ, офицеръ образованный по настоящему, серьезно; онъ не считаль для себя обязанностью думать, ради достоинства своего мундира, что онъ умѣе всѣхъ прочихъ смертныхъ, не численныхъ къ генеральному штабу; онъ не допустилъ привиться къ себѣ ничему отталкивающему, столь обыкновенному свойству людей чему-то научившихся и посылаемыхъ руководить другими, при полнѣйшемъ отсутствіи общественнаго образованія; онъ былъ со всѣми ровень и учтивъ; не выѣзжалъ на сбивчивыхъ принципахъ для оправданія противуположныхъ безобразій; не надѣдалъ никому непрерывною постановкою премудрыхъ вопросовъ, замѣчательныхъ только заносчивымъ пустозвонствомъ, но разрѣшеніе которыхъ не вело ни къ чему и ни кому не было нужно; онъ твердо и честно исполняль свое дѣло, и въ то-же время былъ постоянно скромень. Его сразу полюбилъ весь отрядъ и приняль съ дружескимъ радушіемъ, назвавъ съ какимъ-то почтительнымъ уваженіемъ «отряднымъ капитаномъ».

Капитанъ Тавастъ былъ не изъ тѣхъ крикливыхъ стратегиковъ, которые любятъ читать проповѣди, не понюхавъ пороховаго дыма. Онъ видаль боевой огонь и былъ чудно счастливо раненъ: пуля попала ему позади уха и прошла сквозь всю голову навывлетъ; но

онъ оставался здоровъ и, по словамъ его, даже невредимъ; онъ не умѣлъ рисоваться своею раною: не носилъ фуражки вмѣсто шляпы—на что имѣлъ полное право; не украшалъ головы разными замшевыми ремешками съ серебряными застѣжками. Словомъ, это былъ достойнѣйшій человѣкъ и дѣльнѣйшій офицеръ генеральнаго штаба, безъ малѣйшей доли оскорбительнаго чванства.

Генераль Арбузовъ, получивъ въ свое командованіе отдѣльный отрядъ на маневрахъ, считалъ неизбѣжнымъ крушеніе своей служебной ладьи. Капитанъ Тавастъ подоспѣлъ къ нему въ видѣ спасительной лодки, и дѣйствительно спасъ его, потому что дѣйствія отряда были осыпаны похвалами послѣ маневровъ; но капитанъ Тавастъ на всѣ похвалы лично ему, отвѣчалъ одно, что онъ исполнялъ только приказанія начальника отряда; онъ считалъ ниже своего достоинства кричать: «Мы сбили, мы рѣшили!» Такихъ-то вотъ людей всегда уважить человѣчество, какой-бы ни былъ надѣтъ на нихъ мундиръ,—и уважить по душевному внушенію.

За то ужъ и листифониль-же отрядный командиръ передъ начальникомъ своего штаба! Онъ разсыпался въ разныхъ угожденіяхъ, не жалѣя, исключительно только для своего милаго наставника, даже гаванскихъ сигаръ; это-бы еще ничего: угощеніе—весьма позволительное задабривающее средство; но онъ листифониль уже вовсе не по чину; онъ представлялъ изъ себя нѣчто похожее на ливретку, граціозничашую передъ барынею, у которой въ карманахъ сахаръ.

Однимъ утромъ прекраснаго дня, отрядъ нашъ передвинулся на весьма пріятную позицію: тутъ былъ огромный выкошенный лугъ, усѣянный и окруженный разными перелѣсками, съ кучею грибовъ; вблизи протекалъ широкій ручей съ превосходною ключевою водою; за ручьемъ видѣлась чистенькая деревенька съ огородами и садами.

Когда войска отряда размѣстились на новой позиціи, къ генералу подѣхалъ, смотря на свои часы, капитанъ.

«Я отвѣчаю, сказалъ онъ,—что здѣсь никто не побезпокоитъ ваше превосходительство часа три по меньшей мѣрѣ; теперь непріятель далеко: онъ всѣ свои силы сосредоточилъ, чтобы не допустить до насъ нарвскаго отряда; но это ему не удастся; отрядъ принялъ неожиданное направленіе, показавъ непріятелю только разѣзды, а мы сами приблизились къ нему и стали у него на пути; вечеромъ соединимся мы и, послѣ дневки, начнемъ общее наступательное движеніе. Я полагаю, что и завтрашнюю дневку мы останемся здѣсь-же, проведя весь нынѣшній день безъ тревоги».

— «Чтобы вашими устами да медъ пить!» отвѣтилъ генераль, смотря на капитана заигрывающимъ котомъ.

«А теперь, продолжалъ капитанъ, — я отлучусь часа на два, осмотрѣть правый флангъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь черезъ болотины удобной дороги, чтобы выслать къ нарвскому отряду разъѣздъ на-встрѣчу».

Онъ уѣхалъ.

Иванъ Алексѣевъ, между тѣмъ, успѣлъ уже смастерить съ рабочими весьма изрядный шалашъ для генерала; разостлалъ въ немъ коверъ, поставилъ складной столъ и нѣсколько такихъ-же стульевъ; а за шалашомъ врылъ въ землю небольшой ящикъ со льдомъ, въ который погрузилъ три бутылки шампанскаго, бутылку мадеры и бутылку сотерну, а бутылку лафиту зарылъ возлѣ ящика въ теплый песокъ и все это густо прикрылъ ельникомъ.

Генераль, предвидя трехъ-часовой отдыхъ, послалъ Стахѣева въ обозъ, чтобы придвинуть его къ отряду и начать варить кашу, а самъ сталъ разъѣзжать по лугу, курныча свою облюбованную пѣсенку—объ «улицѣ Фурштадтской».

Но вдругъ, о боги! не обманывается-ли командующаго отрядомъ его командирское зрѣніе? Въ полуверстѣ отъ позиціи, на опушкѣ лѣса, показались вражескіе уланы: вотъ очень ясно мелькаютъ на солнцѣ ихъ цвѣтистые флюгера; правда, что улановъ показалось всего съ полъ-взвода; но это не остановило генерала закомандовать на весь отрядъ: «Становись!».

— «Что-жь вы не стрѣляете! заплакалъ онъ, подскакавъ къ батарейному командиру стоявшей на возвышеніи батареи,—не видите, что-ли?»...

Тотъ покосился исподлобья, сердито прогнулъ команду, и началась пушечная жарня.

Тутъ, вѣроятно, вспомнилъ отрядный начальникъ, что въ пѣхотномъ уставѣ есть построение: каре противъ кавалеріи; кавалерія была передъ носомъ — чего-же тутъ зѣвать; бывшимъ подъ рукою тремъ пѣхотнымъ баталіонамъ приказано построить каре противъ кавалеріи и открыть огонь. Ген. Арбузовъ выскакалъ на пригорокъ совершеннѣйшимъ фельдмаршаломъ и гордо обрисовался въ пороховомъ дыму. Я за нимъ; но онъ вдругъ накинута на меня, закричавъ:

«Что вы, сударь, ѣздите безъ всякаго толку? Скачите въ хвостъ и въ гриву къ конной бригадѣ, чтобы она сломя голову неслась на выручку».

Я оборотилъ коня и далъ шпоры.

Услыша негаданную пальбу, прискакалъ, словно одурѣлый, Стахѣевъ; онъ-таки понималъ кое-что на маневрахъ; разузнавъ въ чемъ именно было дѣло, онъ, не спрашиваясь генерала, прекратилъ пальбу

на батареѣ и, замахавъ поднятою кверху каскою, прекратилъ и ружейную стрѣльбу въ баталіонахъ.

— «Что вы это срамитесь! упрекнулъ онъ сердито генерала, — развѣ не видите, что это какой-то заблудившійся развѣздъ?»

Между тѣмъ, уланскій офицеръ, останоивъ свой маленькій полувзводикъ шаговъ за полтораста отъ батареи и, подскакавъ къ генералу на разстояніе звука голоса, закричалъ:

«Извините, ваше превосходительство, что обезпокоилъ васъ! Я посланъ для провѣрки открытой въ лѣсу дороги и проѣхалъ нѣсколько даѣе, не предполагая никакъ застать васъ на этомъ мѣстѣ. Извините!»

Онъ возвратился къ уланамъ и повелъ ихъ обратно маленькою рощою.

Ген. Арбузовъ словно приросъ къ мѣсту; онъ проводилъ глазами противный развѣздъ, пока не скрылся въ лѣсу послѣдній флюгеръ; потомъ отправился въ кусты, говорили, для того, будто-бы, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало-ли что говорить, можетъ быть и вовсе не за тѣмъ; достовѣрно только одно, что я, возвратясь отъ кавалерійской бригады, засталъ генерала верхомъ стоявшимъ на лугу, съ неподвижно устремленнымъ взоромъ на опушку предательскаго лѣса.

«Бригада сейчасъ будетъ», донесъ я, приложивъ къ шляпѣ руку.

— «Ну васъ и съ бригадою-то!» прошипѣлъ взволнованный начальникъ, углубляя голову въ плечи.

Вслѣдъ за мною вылетѣлъ на луговину во весь карьеръ командиръ кавалерійской бригады.

— «Бригада готова! отрапортовалъ онъ, — что угодно вашему превосходительству приказать?»

Генералъ Арбузовъ разсыпался въ извиненіяхъ, говоря, что произошла фальшивая тревога.

Кавалеристъ замѣтилъ, что онъ ужасно перемучилъ своихъ лошадей, пройдя 4 версты въ такую жару и по скверной дорогѣ на полныхъ рысяхъ.

— «Да я никогда и не приказывалъ идти на полныхъ рысяхъ! возопилъ ген. Арбузовъ;—это все перепуталъ онъ», прибавилъ, указавъ на меня, воспитанный въ Дворянскомъ полку начальникъ.

Прискакавшій генералъ началъ ворчать о томъ, какъ много стрѣдаютъ кавалерійскія лошади отъ неточной передачи начальническихъ приказаній молодыми адъютантами.

Ген. Арбузовъ относительно меня былъ правъ только буквально: онъ дѣйствительно никогда не приказывалъ мнѣ, чтобы бригада шла на полныхъ рысяхъ, но приказалъ, чтобы она сломя голову неслась

на выручку. Слыша неприятную буркотню кавалерійскаго генерала, я не могъ воздержаться, чтобы не сдвинуть судорожно бровей. Генераль Арбузовъ замѣтилъ это я, зная мою глупѣйшую натуру, что я не полѣзу за словомъ въ карманъ, когда приходится возстановити правду, тотчасъ-же подхватилъ подчиненнаго ему гостя подъ руку и потащилъ его верхомъ по направленію къ шалашу, говоря: «Перестаньте гнѣваться, мой почтенный генераль, съ кѣмъ не бываетъ ошибокъ! А вотъ не хотите-ли освѣжиться стаканчикомъ холодной шишучки? Это будетъ не вредно въ такую жару! Иванъ Алексѣевъ!»

Послѣ переговоровъ между генералами, прїѣзжій, не сходя съ лошади, осушилъ добрую граненую кружку шампанскаго и отправился легонькимъ галопомъ къ бригадѣ, а хозяинъ усѣлся въ дверяхъ шалаша.

Я наблюдалъ издали сцену импровизованной попойки, какъ услышалъ за собой топотъ скачущей лошади; это былъ нашъ отрядный капитанъ, прискакавшій на взмыленномъ конѣ.

— «Что за канонада произошла здѣсь? Что такое случилось?» обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я объяснилъ какъ было дѣло и просилъ его не конфузить генерала разспросами. Онъ пожалъ плечами и мы поѣхали шагомъ къ шалашу.

«Вотъ, очень кстати! закричалъ генераль капитану, — а мы тутъ безъ васъ чуть не попались въ просакъ: вообразите, на опушкѣ лѣса показались уланы; ихъ, конечно, было не болѣе полу-взвода»..

— «Но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ? Осторожность никогда не лишняя», отвѣчалъ капитанъ, избѣгая моихъ взглядовъ.

«Вотъ, умнаго-то человѣка видно и по одному слову! вскричалъ генераль.—Поцѣлуйте! Иванъ Алексѣевъ, подавай закуску!»

Закуска была обильна, даже съ чашкою бульона, что на маневрахъ составило весьма привлекательную статью; мы были удовлетворены вполне, осушивъ до-чиста погребокъ Ивана Алексѣева. А какъ ген. Арбузовъ побаивался на маневрахъ разныхъ тѣлесныхъ разстройствъ, то къ его трапезамъ постоянно приглашался и отрядный врачъ.

Послѣ закуски, всѣ улеглись на отдыхъ, такъ какъ минувшая ночь была проведена въ передвиженіи, безъ сна. Пробудясь-же, увидѣли, что обѣщанные капитаномъ три часа покоя прошли уже съ большою надбавкою, что жаръ давнымъ-давно своротилъ и что Иванъ Алексѣевъ, присѣвъ за шалашомъ на корточки, усердно пыхтѣлъ, раздувая толстопузый самоваръ.

За чаемъ было, дѣйствительно, получено приказаніе, чтобы на завтрашнюю дневку войска оставались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заставеть приказаніе.

Возлѣ нашей позиціи, въ перелѣскѣ, на большой дорогѣ, нашелся домикъ, въ родѣ корчмы; его сейчасъ-же заняли подѣ отрядный штабъ; тутъ проживалъ лѣтомъ одинъ только лѣсничій, а какъ по зимамъ онъ держалъ тутъ и постоянный дворъ, то у него оказались порожними двѣ комнати, удобныя для пріюта генерала, и широкая, крытая галлерей, вдоль всего домика со двора,—очень удобная для всѣхъ насъ; сверхъ того, пространный дворъ былъ обнесенъ кругомъ навѣсами, съ двумя пустыми сараями, изъ которыхъ одинъ заняла наша прислуга, а другой—генеральскій поварь, радуясь, что на убитомъ глиняномъ полу сарая можно будетъ развести огонь, который не потревожить вѣтеръ. Лошади нашли широкое помѣщеніе подѣ навѣсами и хорошій кормъ. На ночь къ этому-же пункту подрядчикъ подвезъ дрова и солому; но мы угнѣздились еще задолго до заката солнца.

Стахievъ, считавшій себя записнымъ охотникомъ, хотя и не былъ грѣшенъ въ убійствѣ какого-либо пернатого существа, нашелъ очень удобнымъ поохотиться до сумерекъ по окрестнымъ болотамъ. Всѣ принадлежности для охоты у него были наилучшія: двустволка Лебеды, собака отличнѣйшей породы, очень дорого заплаченная, но вовсе не натасканная подѣ ружьемъ, сапоги до самыхъ паховъ, патронташъ и ягташъ съ серебряными пряжками и гербами хозяина, и наконецъ, изумруднаго цвѣта кафтанчикъ, съ ярко вызолоченными пуговицами, изъ которыхъ каждая представляла особой породы собачью морду.

Во всѣхъ болотныхъ походахъ, за Стахievымъ слѣдовалъ его неизмѣнный Мишка, также въ охотничьихъ сапогахъ, хотя порядочно прорванныхъ, но все-таки въ охотничьихъ, выше колѣна; черезъ то и другое плечо у Мишки висѣло по баклагѣ: одна прохладительная—съ квасомъ, другая горячительная—съ травникомъ, а на груди красовались изъ тюленьей шкуры сумки, съ запасными патронами, булкою и кускомъ колбасы, обернутыми въ рапортчики отъ разныхъ частей отряда. Курева не имѣлось вовсе, потому что Стахievъ никогда ничего не курилъ. И зачѣмъ только онъ бралъ съ собою Мишку! Мишка былъ, конечно, человекъ, вѣрный, но все-таки человекъ, слѣдовательно, могъ проговориться, что его баринъ стрѣляетъ бекасовъ не дробью и не на болотахъ, а двугривенными и пятиалтыянными въ ягташахъ деревенскихъ стрѣлковъ, бродящихъ съ ружьемъ по однимъ съ нимъ болотамъ.

Стахievъ проохотился, какъ и предполагалъ, до самаго вечера и возвратился торжествующій, съ цѣлою полудужиною бекасовъ; онъ тотчасъ-же отдалъ ихъ генеральскому повару для приготовления на ужинъ, въ видѣ сюрприза для генеральскихъ застольниковъ.

Поваръ немедленно оципалъ ихъ, разложилъ на сковороду и поставилъ на огонь; но, къ общей невыгодѣ, въ это время по близости остановился боченокъ съ водкою для солдатъ, поваръ явился къ знакомому каптенармусу за подачкою, но честный виночерпій общалъ ее въ такомъ только случаѣ, когда останется водки по удовлетвореніи извѣстной части солдатъ; поваръ не имѣлъ силы оторваться отъ волшебнаго боченка; онъ порывался убѣжать и все ждалъ; ждалъ долго и, наконецъ, дождался, но каковъ-же былъ его ужасъ, когда на сковородѣ, вмѣсто бекасовъ, нашель онъ какія-то промасленные головешки! Онъ только растопырилъ руки, разинулъ ротъ и остался безмолвенъ и неподвиженъ. На эту грустно-комическую сцену подошелъ отрядный докторъ; онъ, предвидя, какой переполохъ произведетъ за ужиномъ оплошность кухмейстера, спросилъ, есть-ли большая сковорода и яйца? Оказалось то и другое. Докторъ принесъ кусокъ собственной ветчины и заказалъ громадную глазунью.

Начался ужинъ: выпили водки и закусили кильками, отѣли великолѣпные лѣнвивые щи, Стахievъ привсталъ съ мѣста и проговорилъ съ гордою скромностію спичъ о своихъ охотничьихъ успѣхахъ, о своемъ удовольствіи, что онъ могъ приготовить его прев—ву сюрпризъ; въ это самое время Иванъ Алексѣевъ подалъ на продолговатомъ блюдѣ извѣстныя масляныя головешки.

Генераль, разсмотрѣвъ ихъ, вскричалъ: «Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ!» и, разразившись истерическимъ смѣхомъ, вѣрный своему дворянскому воспитанію, немилосердо поднялъ ошеломленнаго Стахieва на зубки, придвинулъ къ нему блюдо, заключивъ словами:

— «Кушай, братецъ, свой сюрпризъ самъ.»

Стахievъ, словно ошпаренный, молча опустился на стулъ.

«Нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь еще, хоть сливокъ, что-ли?» спросилъ генераль, очевидно, оставившій довольно мѣста въ желудкѣ для помѣщенія втораго блюда.

— «Обязанность врача ослаблять по возможности всяческіе недуги», сказалъ докторъ, и отворилъ дверь Ивану Алексѣеву, который внесъ на сковородѣ еще трещавшую глазунью съ ветчиною.

«Браво, докторъ!» вскричалъ генераль.

Всѣ напали на яичницу, за исключеніемъ Стахieва, который сидѣлъ буря-бурею и не дотронулся до нея. Наконецъ, онъ взялъ съ

блюда въ руки одну изъ обугленныхъ засушичь, разсмотрѣлъ ее у свѣчки, понюхалъ и, бросивъ назадъ, проворчалъ: «Этакое животное! Вотъ бы стояло самого порядкомъ прожарить».

— «Дѣйствительно, стоятъ! Разрѣшаю тебѣ и уполномочиваю! отвѣтилъ генераль, въ видѣ извиненія передъ Стахievымъ за свое неумѣстное глумленіе.—Иванъ Алексѣевъ! Достаь-ка намъ бутылочку за зеленою печатью, да подай сыр!»

Бутылка и сыръ явились немедленно, ячница была запита отличнымъ лафитомъ и заѣдена сочнымъ швейцарскимъ сыромъ. Послѣ чего всѣ встали изъ-за стола; генераль ушелъ въ сосѣднюю каморку, а мы вышли на галерею, гдѣ была настлана свѣжая солома, прикрытая разными коврами и одѣялами, у кого что нашлось въ багажѣ; каждый угадалъ назначенное для него логовище по своей походной подушкѣ; мы улеглись почти въ повалку, прикрывшись шинелями; Стахievъ помѣстился съ краю. Мишка, сверхъ шинели, накрылъ его какою-то попоною; баринъ ворчалъ, но слуга не обращалъ на это вниманія, говоря, что къ утру будетъ холодно и продолжая, стоя на колѣняхъ, подтыкать края попоны подъ солону; наконецъ, приподнявъ уголь попоны надъ головою барина, спросилъ:

— «Рожу-то закрыть, что-ли?»

Стахievъ припрыгнувъ, словно укушенный, Мишка исчезъ метеоромъ; мы долго не могли заснуть отъ душившаго насъ прилива смѣха, по милости Мишки.

Утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, насъ разбудилъ отчаянный вопль, выходившій изъ поварскаго сарая; нѣкоторые изъ насъ приподняли головы и вопросительно переглянулись; Стахieва не было на мѣстѣ; тутъ отворилось окно изъ генеральской каморки; генераль высунулся, съ разстегнутымъ воротникомъ у рубашки и съ накинутымъ на плеча халатомъ, и закричалъ:

— «Александръ Александрычъ! Да брось ты этого подлеца, спать не даетъ, каналья: ореть, проклятый, словно съ него шкуру деруть».

Окно захлопнулось; Стахievъ нехотя прохрипѣлъ: «Довольно!»

И, дѣйствительно, было довольно: оплошнаго кухаря уже нѣсколько минутъ донимали съ востока и съ запада такихъ два специалиста, что подъ ихъ опытною рукою концы розогъ, казалось, вросли въ шкуру и оставляли на ней бѣловатя борозды, словно послѣ терпуга, которыя и наполнялись тотчасъ-же кровью. Генераль напрасно только въ видѣ сравненія употребилъ фразу: «словно съ него шкуру деруть!»—съ него сдирали шкуру буквально.

Поруганный кухмейстеръ, послѣ слова «довольно», вскочилъ на ноги и зашатался, пожегся, крикнувъ, кое-какъ подтянувшись, и

стремглавъ побѣждалъ къ знакомому каптенармусу искать у него наптка для забвенія житейскихъ горестей.

Маневры окончились благополучно: ген. Арбузовъ получилъ благодарность, Стахѣва представили къ наградѣ, а я рѣшился окончательно посвятить свою послѣднюю служебную дѣятельность вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ и начальствомъ Я. И. Ростовцова, что вскорѣ и исполнилъ на самомъ дѣлѣ.

Въ бытность мою въ полковой средѣ я не могъ не отнестись особенно сочувственно къ нѣкоторымъ личностямъ, рѣзко выдававшимся изъ уровня общей массы; о нихъ и до сихъ поръ (1875 г.) сохранилъ я самыя пріятныя воспоминанія и съ душевнымъ удовольствіемъ называю ихъ имена. Двое чрезвычайно замѣтны были блестящимъ образованіемъ, свѣтскимъ лоскомъ и крайнимъ умѣнемъ держать себя съ достоинствомъ въ высшемъ кругу; первый изъ нихъ былъ баронъ Иванъ Ивановичъ Мункъ, впоследствии командиръ л.-гв. Преображенскаго полка, директоръ финляндскаго кадетскаго корпуса и скончавшійся вице-канцлеромъ Александровскаго университета въ Финляндіи; второй—Эмилій Карловичъ Шерваль, выѣхъ (1875 г.) баронъ Шерваль-Валевъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ и служащій товарищемъ у министра, статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго. Двое другихъ отличались въ кругу полковой семьи высокими челоувѣческими достоинствами: невозмутимою правдивостью, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и честнѣйшимъ, чуждымъ всякаго эгоизма, отношеніемъ ко всякому, кто къ нимъ обращался; они заботливо сглаживали, подъ рукою, заводившіяся въ полку шероховатости; приходившіе къ нимъ за совѣтомъ были заранѣе увѣрены, что совѣтъ этотъ дастся отъ чистаго сердца и принесетъ всегда пользу; одинъ изъ этихъ двоихъ былъ баронъ Николай Антоновичъ Зальцъ, впоследствии командиръ л.-гв. Литовскаго полка, скончавшійся с.-петербургскимъ комендантомъ; другой—Алексѣй Александровичъ Тулубьевъ, выѣхъ (1875 г.) служащій членомъ въ комитетѣ о раненыхъ, полный генераль. Изъ прежнихъ павловцевъ, состоящихъ до сихъ поръ (1875 г.) на службѣ, Тулубьевъ остается самымъ старшимъ офицеромъ, по времени поступления л.-гв. въ Павловскій полкъ, потомъ генераль Регенкамфъ, а за нимъ и азъ многогрѣшный, писавый строки сіи. Сверхъ того, сколько достойнѣйшихъ людей встрѣчаешь и въ прежнихъ товарищей, которымъ жмешь руку истинно по братски.

Я, промѣнявъ строевую службу на письменную, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ его императорскаго высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, гдѣ вскорѣ началъ ѣздить съ докладами къ его высочеству и сопровождать вел.

кн. Михаила Павловича въ вояжахъ, а потомъ сдѣлался постояннымъ чтецомъ литературныхъ произведеній у его высочества, но чтецомъ собственно лѣтнимъ, потому что меня очень часто приглашали, по вечерамъ, для чтенія въ Павловскъ, но въ Петербургѣ подобныхъ приглашеній не было.

Когда-же, по кончинѣ вел. кн. Михаила Павловича, вѣдомство военно-учебныхъ заведеній перешло подъ начальство е. и. в. государя наследника цесаревича, то я, будучи его высочествомъ избранъ въ дежурные штабъ-офицеры штаба, достигъ, наконецъ, счастья служить подъ личнымъ начальствомъ августѣйшаго шефа нашего полка.

При воцареніи-же государя императора Александра Николаевича, я былъ осчастливленъ назначеніемъ во флигель-адъютанты къ его величеству, продолжая, по прежнему, числиться л.-гв. въ Павловскомъ полку, въ которомъ и имѣлъ честь состоять по день производства моего въ генералъ-маіоры, т. е. по 30 число августа 1858 года.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Александровичъ Марковъ, въ Вильнѣ.

3-го августа 1875 г.

Друскенны.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше «Воспоминанія» сообщены намъ лично покойнымъ ихъ составителемъ, М. А. Марковымъ, 30-го декабря, 1875 г. Человѣкъ просвѣщенный и весьма добродушный, Михаилъ Александровичъ былъ довольно извѣстный въ свое время писатель (1830—1840-ые года); портретъ его помѣщенъ въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ».—См. въ нашемъ альбомѣ «Знакомые»—изд. 1888 г., стр. 68, басню М. А. Маркова.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

На святой-то Руси, въ Кременной Москвѣ,
 Было то на площади,
 Собирались тамъ стрѣльцы-бойцы
 Во единый кругъ.
 Какъ увидалъ ихъ съ высока-герема
 Атаманушка,
 Онъ подходитъ къ нимъ,
 Низко кланяется:
 — „Да и здравствуйте вы, ребятушки,
 Вы стрѣльцы-бойцы!
 Да и что это у васъ у стрѣльцовъ-бойцовъ
 Да за кругъ собрать?“
 — „Собралъ-то насъ стрѣльцовъ-бойцовъ
 Православный царь,
 Онъ да прежде насъ дарилъ жалованьемъ,
 А теперь казнить велить:
 Какъ и пятого, и десятого
 Кнутомъ сѣчь,
 Какъ и третьяго, и четвертаго
 Казнить—вѣшать.
 Попроси царя, Атаманушка,
 Чтобъ простилъ стрѣльцовъ“.
 — „Если васъ простить, такъ бояръ казнить“.

Во матушкѣ, во Россіюшкѣ,
 Во Россіюшкѣ, въ кременной Москвѣ,
 У крыльца то дворца было, у царскаго,
 Часовой стоитъ, какъ свѣча горитъ,
 Слезно плачетъ, приговариваетъ:
 — „Вы подуйте, вѣтры буйные,
 Пошатните горы крутыя, лѣса темныя,
 Разнесите, вѣтры, царскую могилушку.
 Ты возстань, возстань, Грозный царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ.
 Посмотри-ка на свою Россіюшку,
 Посмотри на свою арміюшку:
 Стоитъ не по старому, стоитъ не по прежнему,
 Ужь усы-то да бородушки повыбриты,
 Кудри длинныя поострижены“.

Собрлц. 31-го декабря 1874 г. г. Морозъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1859 г. ¹⁾.

Январь 1. Четвергъ. Обѣдалъ вчера у Г., гдѣ собралось нѣсколько литераторовъ, а именно: Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ, Панаевъ, Некрасовъ, Полонскій, Дружининъ. Обѣдъ былъ роскошный и довольно оживленный. Между прочимъ, былъ выпитъ тостъ: „въ честь лучшаго гражданина“, которымъ хотѣли почтить меня.

Послѣ обѣда Некрасовъ прочелъ свое замѣчательное стихотвореніе „Кладбище“, а затѣмъ, я съ Боткинымъ отправился въ театръ, гдѣ меня уже ожидала моя семья. Давали оперу „Зора“, Россини. Она шла превосходно. Особенно восхитила меня Лотти своимъ очаровательнымъ пѣніемъ и игрою. Она очень мила — проста и граціозна.

Послѣ театра заѣхали къ намъ Звегинцевы, еще кое-кто изъ родственниковъ и пріятелей, и мы-таки, наперекоръ всѣмъ невгодамъ минувшаго года, встрѣтили новый шампанскимъ.

2. Пятница. Для привлеченія въ уѣздныя училища дѣтей

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626.

низшаго званія почему-бы не постановить, что кончившіе въ нихъ съ успѣхомъ курсъ ученія освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія? Это значило-бы не принуждать ихъ насильно къ ученію, а призывать ихъ къ нему, такъ сказать, голосомъ чести.

Литературный обѣдъ у Некрасова. Были почти всѣ наши наличныя извѣстности: Панаевъ, Полонскій, Чернышевскій, Г., Тургеневъ, и т. д. Изъ московскихъ былъ (Н. Ѳ.) Павловъ. къ которому я питаю антипатію и котораго старался здѣсь избѣгать, какъ въ Дрезденѣ его жены. Человѣкъ, который въ печати съ такимъ жаромъ проповѣдуетъ нравственныя начала, а на дѣлѣ топчетъ ихъ въ грязь и самъ необузданно слѣдуетъ влеченію страстей подъ предлогомъ требованій широкой природы — такой человѣкъ не можетъ возбуждать къ себѣ уваженія, хотя бы онъ обладалъ умомъ и талантомъ. Есть моральныя вѣрованія и принципы, которые человѣкъ долженъ признавать. Никакой умъ и талантъ, никакая широта природы никого отъ нихъ не увольняютъ.

Горбуновъ читалъ свои драматическія сцены изъ народной жизни—съ обыкновеннымъ искусствомъ.

Вчера и сегодня занимался обдумываніемъ и составленіемъ подробной программы публичныхъ лекцій. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы онѣ сошли хорошо.

6. Вторникъ. По секрету получено въ университетѣ высочайшее повелѣніе, чтобы не дѣлать подписки на денежное вспоможеніе отставленному московскому цензору [Н. Ѳ.] Крузе.

Много убилъ свободнаго времени на публичныя лекціи, которыя теперь готовы. А что изъ этого? Если онѣ будутъ хороши, то поговорятъ о нихъ дня два, да и забудутъ, а если будутъ дурны, то побранятъ меня, да и не забудутъ этого никогда.

8. Четвергъ. Въ 29 № „Колокола“ прочиталъ письмо къ Герцену, приписываемое Чичерину, въ которомъ Герцена упрекаютъ отъ имени всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи за рѣзкій тонъ и радикализмъ. Это, конечно, отчасти и справедливо, и Герценъ вредитъ этимъ своему вліянію на общество и на правительство. Но возраженіе, ему сдѣланное, кажется, еще вреднѣе: оно какъ-бы оправдываетъ крутыя мѣры и вызываетъ ихъ.

Сильно занятъ моими публичными лекціями. Матеріалъ готовъ, планъ обдуманъ. [Д. В.] Полѣновъ прислалъ мнѣ записки Дер-

жавина, которая, впрочемъ, будутъ печататься скоро въ „Русской Бесѣдѣ“. Въ нихъ о поэтической дѣятельности Державина почти нѣтъ ничего, а все говорится объ администраціи и службѣ. Видно, это Державина болѣе занимало, чѣмъ поэзія. Я кое-чѣмъ воспользовался для біографіи его.

11. Воскресенье. Мы болжны комитетами. Сейчасъ получилъ отъ генерала Левшина приглашеніе быть членомъ комитета для начертанія подробныхъ программъ наукъ въ училищахъ военнаго вѣдомства и избранія руководствъ. А между тѣмъ, у меня въ головѣ такъ и ходитъ мысль, какъ-бы съ началомъ моей эмеритурѣ бросить всѣ эти комитеты, бесполезные для дѣла и для меня самого.

Разумѣется, отказался отъ этого любезнаго приглашенія. Но все-таки просили меня хоть взглянуть на то, что будетъ сдѣлано другими, и чтобы я хоть числился членомъ. Это послѣднее желаніе забавно.

12. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ театальной комиссіи, отъ которой сильно мнѣ хочется отдѣлаться. Я это теперь-же сдѣлалъ-бы, если-бы не нужно было докладывать государю, потому что я опредѣленъ по высочайшему повелѣнію. Сегодня сильныя пренія происходили о пенсіонахъ артистамъ. Боятся все, чтобы не слишкомъ много дать. Я всѣми силами стою за права артистовъ. Но что значить мой голосъ противъ тѣхъ, которые боятся разорить казну двумя, тремя тысячами въ пользу, напримѣръ, круглыхъ нищихъ сиротъ, остающихся послѣ этихъ бѣдныхъ людей.

14. Среда. Странная зима. Безпрерывная оттепель. Сегодня, напримѣръ, около трехъ градусовъ тепла.

16. Пятница. Вчера (была) первая моя публичная лекція. Не знаю, какъ публика, а я ею крайне недоволенъ.

Говорятъ, „Парусъ“ запрещенъ. Его вышло всего еще два нумера.

Дѣло студентовъ, побитыхъ солдатами, по приказанію командира, на пожарѣ, изслѣдовано особою комиссіею, назначенною по высочайшему повелѣнію. Оказалось, что студенты ни въ чемъ не повинны. Они дѣйствительно только спасали имущество товарища, квартира котораго горѣла. Комиссія заключила, что единственное виновное въ этомъ дѣлѣ и подлежащее суду лицо есть

офицеръ, который дѣйствительно далъ приказаніе солдатамъ бить прикладомъ студентовъ, когда тѣ обратились къ нему съ жалобою на то, что одинъ солдатъ ударилъ или толкнулъ ихъ товарища.

(П. К.) Щебальскому министръ поручилъ дѣлать для государя ежемѣсячно обзорѣніе замѣчательнѣйшихъ статей въ нашихъ журналахъ съ выписками изъ нихъ, какъ это дѣлалось при Норовѣ съ книгами, съ цѣлью знакомить государя съ нашими лучшими литературными и учеными произведеніями.

17. Суббота. Сегодня совершилось двадцатипяти-лѣтіе моея профессорской дѣятельности. Итакъ, я уже эмеритъ! Совѣтъ университета, въ слѣдующее засѣданіе, разсудитъ: оставаться-ли мнѣ еще на пять лѣтъ профессоромъ. Какъ скоро прошли эти двадцать пять лѣтъ! Пошлое восклицаніе! Его повторяютъ всѣ миллионъ разъ. О, жизнь! Что ты, и какое твое назначеніе?...

У меня былъ одинъ изъ моихъ четверговыхъ слушателей. Онъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе и пересказалъ мнѣ все содержаніе лекціи. Значитъ, я что-нибудь сказалъ, что не потерялось въ воздухѣ. Можетъ быть и такъ, но я самъ недоволенъ, недоволенъ, тысячу, миллионъ разъ недоволенъ!

„Парусъ“ не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, то есть третій, номеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

Между студентами ходитъ листъ съ именами тѣхъ профессоровъ, которыхъ они хотятъ выжить изъ университета.

18. Воскресенье. Оттепель продолжается. Снѣга въ городѣ почти нѣтъ.

22. Четвергъ. Моя вторая публичная лекція въ университетѣ. Я ею нѣсколько довольнѣе, чѣмъ первую.

23. Пятница. Нынче у насъ расплодилось масса періодическихъ изданій. Пересматривать всѣ становится просто непосильнымъ, да, правду сказать, и бесполезнымъ трудомъ. Всѣ эти новыя изданія не даютъ ничего новаго. Умственными кормильцами общества по прежнему остаются: „Русскій Вѣстникъ“, „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Библіотека для Чтенія“, а изъ газетъ—„С.-Петербургскія Вѣдомости“. „Дневникъ“ еще не опредѣлился. Если онъ пойдетъ путемъ, какимъ идетъ теперь, то есть путемъ сухихъ статистическихъ цифръ и данныхъ, съ

перечнемъ извѣстій о пожарахъ и убійствахъ въ губерніяхъ, то изъ него, пожалуй, выйдетъ своего рода полезная спеціальная газета, но сухая, скучная и неспособная дѣйствовать на умы.

Говорятъ, *** изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель „Паруса“, [И. С.] Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы государь на это согласился. Это была-бы большая ошибка.

26. Понедѣльникъ. Публичная лекція М. М. Стасюлевича. Онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ Франціи при Людовикѣ XIV. Зала была биткомъ набита слушателями. Первая лекція его, говорятъ (я на ней не присутствовалъ), изобиловала прозрачными намеками на современное положеніе вещей у насъ, и это разлакомило публику.

Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ. Мнѣ передавалъ Краевскій любопытный разговоръ Аксакова съ ***, гдѣ, между прочимъ, Аксаковъ сказалъ:

„Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы—намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики“.

— „Какъ? спросилъ съ ужасомъ ***,—гдѣ они?“

„Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ“.

29. Четвергъ. Моя третья и послѣдняя публичная лекція сегодня имѣла большой успѣхъ, и я самъ доволенъ ею. Получилъ много благодарностей и рукопожатій.

Горлову не позволено читать лекцій изъ политической экономіи. Это успѣхъ гласности! Мы, кажется, не шутя вызываемъ тѣнь Но теперь это можетъ быть и опасно. Правительство нехорошо дѣлаетъ, что, принимая начало, не допускаетъ послѣдствій.

Назначенный въ Москву попечителемъ, [Н. В.] Исаковъ объяснялся съ государемъ, желая узнать, какому направленію онъ долженъ слѣдовать, особенно въ цензурѣ.

— „Я убѣжденъ, сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима“.

— „И я тоже, отвѣчалъ государь, — только у насъ дурное направленіе“.

Въ чемъ оно состоитъ, однако, ни тотъ, ни другой не могли сказать. Такъ дѣло и остается нерѣшеннымъ, и не въ этомъ одномъ отношеніи.

Вчера я подалъ предсѣдателю театральной комиссіи Жихареву письмо, съ просьбою исходатайствовать мнѣ у министра императорскаго двора увольненіе отъ должности члена въ этой комиссіи. Жихаревъ просилъ меня, вмѣсто официальной бумаги, написать ему дружескую записку, чтобы онъ могъ предварительно переговорить съ министромъ.

Меня не забываютъ старые пріятели: Краевскій, Панаевъ и Катковъ прислали мнѣ билеты на свои журналы.

Нельзя сказать, чтобы человѣческая природа не была способна къ добру. Но между способностью что-либо дѣлать и самимъ дѣломъ—разстояніе огромное. Свойство добра таково, что оно неизбѣжно соединено съ трудомъ и пожертваніями. Не достаточно стремиться къ нему, а надо еще ради него дѣйствовать, преодолевать препятствія. Вотъ этого-то болѣею частью и недостаетъ людямъ. Потому-то главная задача воспитанія не столько въ томъ, чтобы возбуждать добрыя намѣренія, сколько въ томъ, чтобы развивать и укрѣплять силу, нужную для ихъ осуществленія.

30. Пятница. Чтобы твердо стоять на почвѣ общественной дѣятельности, надо питать увѣренность, что мы нужны обществу. Приобрѣсти эту увѣренность на основаніи довѣрія къ своимъ заслугамъ и способностямъ—по крайней мѣрѣ для меня—невозможно. Надо имѣть на то какія-нибудь ручательства со стороны самого общества; надо, чтобы послѣднее признало въ васъ и то, и другое. А чтобы получить это ручательство и это признаніе, надо служить обществу не такъ, какъ ты хочешь, а какъ хочетъ оно. Правда, ты можешь навязать ему свои виды, заставить его принять твои идеи, но для этого надо быть или гениемъ, или шарлатаномъ.

Всю систему моей жизни я основалъ на нравственныхъ принципахъ, на идеяхъ высшаго человѣческаго достоинства и совершенства. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать на людей этими силами, которыми я старался придать и внѣшнюю привлекательность, за-

имствуя ее опять-таки отъ одного изъ нравственныхъ началъ— отъ изящнаго. Поступки мои соразмѣрялись не съ требованіемъ лицъ и обстоятельствъ, а съ личнымъ моимъ одушевленіемъ. Выходило, что я иногда обращалъ на себя вниманіе, но такъ какъ во мнѣ мало было соответствія съ тѣмъ, что составляло насущную нужду или къ чему клонились страсти и намѣренія людей моей среды, то меня скоро забывали. Мною, при случаѣ, пользовались, но, по минованіи нужды, бросали. Я не хотѣлъ, или не умѣлъ дѣлать уступокъ, но это не изъ гордости или непониманія вещей, а въ силу принциповъ и наклонностей, выработавшихся во мнѣ съ дѣтства. Однимъ словомъ, я всегда былъ, есть и, кажется, навсегда останусь тѣмъ, что называется доктринеромъ...

Въ концѣ концовъ, однако, стоитъ-ли сама жизнь того, что человекъ о ней передумаетъ или для нея предприметъ? Вѣдь это только наши страсти, наши пристрастія и привычки заставляютъ насъ такъ много цѣнить и уважать то, что не заслуживаетъ, въ сущности, ни цѣны, ни уваженія. Надо-же быть мужемъ и справляться со всѣмъ этимъ, какъ подобаетъ мужу.

Февраль 1. Воскресенье. Отношенія мои къ П. П.—ву давно уже, какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, натянуты. Въ теченіи двадцати пяти-лѣтнихъ увѣреній въ дружбѣ онъ не разъ подставлялъ мнѣ ногу, и теперь, по пріѣздѣ моемъ изъ заграницы, опять хотѣлъ исподтишка устроить мнѣ новую неприятность. Я успѣлъ это замѣтить, сталъ въ оборонительное положеніе, и дружескія отношенія замѣнилъ приличными. Такъ и до сего дня. Но мнѣ претитъ такимъ образомъ встрѣчаться часто съ человекомъ, съ которымъ нѣкогда мы все-таки дѣлились насущнымъ духовнымъ хлѣбомъ, хотя, правду сказать, я рѣдко получалъ отъ него хлѣбъ чистый и вполне доброкачественный. У меня давно мелькала мысль объясниться съ нимъ откровенно, дать ему возможность оправдаться, съ тѣмъ, чтобы съ моей стороны совершенно забыть его кошачьи покушенія. Сегодня, поутру, я окончательно на это рѣшился и поѣхалъ къ нему. Дома нѣтъ—у обѣдни. Досадно. На возвратномъ пути я заѣхалъ къ З., гдѣ случайно узналъ нѣчто, что совсѣмъ охладило мой сентиментальный порывъ и еще разъ доказало мнѣ, что я имѣю дѣло съ сухимъ холоднымъ эгоистомъ, испорченнымъ долгимъ

трениемъ о всякія житейскія мерзости, съ лицемѣромъ, который внутренно осмѣетъ твой порывъ и, при случаѣ, все-таки опять тебя обманетъ, расточая сладкія рѣчи, а на дѣлѣ вреда тебѣ. Я не поѣхалъ вторично къ П—ву.

4. Среда. Я избранъ вчера совѣтомъ (университетскимъ) въ профессоры, заслуженные, еще на пять лѣтъ. Получилъ тринадцать утвердительныхъ шаровъ противъ десяти отрицательныхъ. Видно сильно поработалъ П., чтобы на меня упало столько черныхъ шаровъ. Странное дѣло! Откуда взялось у меня въ университетѣ десять враговъ? Правду сказать, я этого не ожидалъ. И вѣдь ни одного изъ нихъ нѣтъ, рѣшительно ни одного, который не расточалъ-бы мнѣ всевозможныхъ любезностей, и ни одного, съ которымъ-бы я не былъ, по крайней мѣрѣ, въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

Въ одно время со мною баллотированъ и Устряловъ—и не выбранъ. Но бѣдный Устряловъ, послѣ бывшаго съ нимъ удара, въ полномъ упадкѣ силъ.

6. Пятница. Обѣдалъ у нашего министра (Ковалевскаго). Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что комитетъ наблюденія надъ печатью (А., М. и ***) желаетъ со мною посоветоваться насчетъ своего устройства и дѣлѣ. Евграфъ Петровичъ не далъ вымолвить мнѣ слова въ отвѣтъ, и, взявъ меня за руку, прибавилъ:

„Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь“.

Я отвѣчалъ, что трудно что-нибудь совѣтовать тамъ, гдѣ цѣль самаго учрежденія не опредѣлена, или гдѣ она вращается въ безграничномъ кругу.

— „Но вы все-таки не отказывайтесь, явитесь къ нимъ, — сказалъ министръ, — и прочтите имъ лекцію. Вы найдете между ними одного человѣка, понимающаго вещи: это графъ А.“

То-же подтвердилъ послѣ и Тютчевъ.

Въ заключеніе я сказалъ, что пусть они назначатъ время и я къ нимъ явлюсь.

Говорилъ со мною еще и товарищъ нашего министра, М., намекая на что-то, что я услышу отъ министра.

М. пользуется милостью двора, но въ публикѣ онъ извѣстенъ какъ человѣкъ пустой. Нынче я говорилъ съ нимъ въ первый разъ и, проговоривъ съ четверть часа, подумалъ, что обществен-

ное мнѣніе врядъ-ли ошибается на его счетъ. Онъ говорилъ избитыя общія мѣста, но съ видомъ высокаго уваженія къ себѣ и къ своимъ словамъ.

Между тѣмъ, комитетъ, какъ я и опасался, грозитъ превратиться въ новый „негласный“, а судя по людямъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, изъ него выйдетъ гласная и чудовищная нечестность. И вотъ чѣмъ и какъ думаютъ они направлять умы.

7. Суббота. Вечеръ у [П. К.] Щебальскаго. Онъ живетъ ужасно далеко, на дачѣ за Нарвскою заставою. Мы отправились туда съ Дубровскимъ. Ихъ живетъ тамъ цѣлая колонія—три родныя сестры жены Щебальскаго со своими семействами. Всѣ очень милые люди. Тамъ былъ, между прочимъ, [П. И.] Мельниковъ, редакторъ „Дневника“, человекъ умный и очень лукавый, какъ кажется. Онъ принадлежитъ къ типу русскихъ умныхъ людей—булаковъ.

Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Муханову дано, между прочимъ, право задерживать, до его разрѣшенія, выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже Бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото! Что-же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе.

Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, что мыслить въ Россіи, съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію (1859 г.), какъ ни мало у насъ средствъ....., но тутъ неизбежно зло и зло великое. Съ одной стороны быстрое послѣдовательное погруженіе въ хаосъ всяческихъ административныхъ беспорядковъ и неурядицы, съ другой—разливъ мнѣній, ужъ совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію---

миѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ, опаснымъ всегда, даже и у насъ. А наверху, плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ,—вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно!

8. Воскресенье. Студентскій обѣдъ. Собралось человѣкъ шестьдесятъ, въ домѣ одного изъ бывшихъ студентовъ Тимоѣева. Все происходило шумно, весело, но пристойно. Сахаровъ произнесъ рѣчь. Послѣ былъ провозглашенъ тостъ въ честь университета, потомъ тостъ за меня. Я, въ отвѣтъ, предложилъ тостъ въ честь Тургенева и притомъ сказалъ: „Господа! судьба раскидала насъ по разнымъ поприщамъ дѣятельности, но каждый изъ насъ, гдѣ бы онъ ни былъ и какимъ бы путемъ ни шелъ, носить въ сердцѣ своемъ глубокую любовь къ русской мысли и къ русскому слову—слѣдовательно и къ литературѣ. Выпьемъ-же въ честь одного изъ лучшихъ строителей этой литературы—въ честь Ивана Сергѣевича Тургенева, который, въ своихъ произведеніяхъ, такъ вѣренъ художественной красотѣ и національному духу, что не знаешь, чтѣ онъ больше любитъ — искусство или Россію. По моему, онъ любитъ ихъ равно“. Потомъ, въ теченіи обѣда еще разъ пили за мое здоровье и даже за здоровье моей жены. Потомъ пѣли и развѣхались въ десять часовъ.

9. Понедѣльникъ. Обѣдъ у Тургенева по случаю проекта о фондѣ или „Обществѣ для пособія бѣднымъ литераторамъ и ихъ семействамъ“. Какъ обыкновенно, всѣ наши проекты общественные должны быть спрыснуты шампанскимъ. Я мало вѣрю въ русскія ассоціаціи, однако-же я писалъ и проектъ устава общества пособія, къ которому первую мысль подалъ Дружининъ, заимствовавъ ее въ англійскихъ журналахъ, такъ какъ онъ занимается англійскою литературою. Всѣ мы сегодня подписали нашъ проектъ и просьбу на имя министра народнаго просвѣщенія. [Егоръ Петровичъ] Ковалевскій, братъ министра, взялся представить ихъ ему.

13. Пятница. Сейчасъ получилъ приглашеніе на похороны

Маріи Антоновны Корсини или Быстроглазовой. Это одна изъ моихъ бывшихъ ученицъ, съ которой у насъ до послѣдней минуты сохранились самыя теплыя дружескія отношенія. Она была тогда, да и теперь еще рѣдкой красоты. А какой возвышенный умъ, какое прекрасное сердце! И всего лѣтъ тридцать семь или восемь она жила. И этого ничего нѣтъ уже! Мелькнула какъ падучая звѣзда — и погасла! Бѣдная Марія Антоновна! Какъ все это жалко, ничтожно—красота, умъ, высшія качества сердца!

„Смертный! силъ насъ гнетущей,
„Покоряйся и терпи“.

Въ этомъ вся наука жизни.

14. Суббота. Похороны Маріи Антоновны Корсини. Она еще не начала разлагаться. Лицо ея приняло величественное, строгое выраженіе. Я былъ у обѣдни и на панихидѣ и проводилъ ее до могилы. Ее похоронили на Волковомъ кладбищѣ, направо, между малою и большою новыми церквами. Послѣ я зашелъ поклониться праху моихъ дѣтей...

Непонятно, какъ можно предаваться пошлымъ житейскимъ сплетнямъ послѣ того, какъ встрѣтишься со смертью и побесѣдуешь съ могилами!

Двѣ живыя развалины подошли ко мнѣ на похоронахъ: [Леонтій Вас.] Дуббельтъ, столь нѣкогда страшный,—впрочемъ, страшный только своимъ мѣстомъ, а не сердцемъ и характеромъ,—и [Николай Ив.] Гречь, тоже нѣкогда знаменитый. Обмѣнявшись общими мѣстами, мы разстались.

15. Воскресенье. Ростовцевъ написалъ мнѣ великолѣпную благодарность за разсмотрѣніе руководства географіи, составленнаго Шульгинымъ для военно-учебныхъ заведеній. Совершенно не за что: работала вся комиссія, гдѣ я былъ предсѣдателемъ. А сдѣлай настоящее полезное дѣло, сдѣлай его собственнымъ бодрымъ и разумнымъ трудомъ—никто не скажетъ спасибо.

17. Вторникъ. Получилъ официальную бумагу, что „государь императоръ, въ уваженіе причинъ, изложенныхъ мною въ письмѣ къ Жихареву, изъявилъ высочайшее соизволеніе свое на увольненіе меня отъ званія члена комитета для преобразования театровъ“. Итакъ, мало по малу, я отсѣваю у моего официаль-

наго древа вѣтви, отъ которыхъ никому ни тѣни, ни цвѣта, ни плода не было и нѣтъ, а которыя, однако, поглощаютъ много соковъ изъ самаго корня моей жизни. При другихъ обстоятельствахъ совѣсть не допустила-бы меня отказаться отъ общественной обязанности, но въ данномъ случаѣ, право, никто не думаетъ объ искусствѣ. Тутъ будутъ только слова, проекты, цифры, а тамъ дѣло отложится и умретъ въ канцеляріи. Да и нужно мнѣ, наконецъ, побольше сосредоточиться. Много истрачено времени и силъ на эпизоды.

18. Среда. Занимаюсь давно задуманнымъ трудомъ объ изученіи философіи и необходимости преподаванія ея въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

19. Четвергъ. Хорошему еще можно довѣрять, но не довѣрай ничему очень хорошему—ни очень хорошему здоровью, ни очень хорошему обращенію людей, ни очень хорошимъ обстоятельствамъ. Тутъ непремѣнно скрывается или коварство природы, или коварство людей, или коварство судьбы. Это для того, чтобы напасть на тебя врасплохъ.

20. Пятница. Меня призывалъ министръ народнаго просвѣщенія для объясненій. Явился къ нему въ часъ.

„Дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати, сказалъ мнѣ министръ, — приняло серьезный и щекотливый оборотъ. На это изъявилъ свое желаніе государь, и теперь я вамъ это передаю именно какъ его желаніе, о которомъ мнѣ сообщилъ гр. А.“

— „Да, отвѣчалъ я, — это дѣйствительно ставить меня въ большое затрудненіе. Я готовъ на всякій трудъ, который давалъ-бы хоть тѣнь надежды на пользу дѣлу, столь дорогому для меня, какъ наука и литература. Но у этого комитета нѣтъ почвы, если онъ, какъ говорятъ его члены, созданъ для нравственнаго наблюденія надъ литературою, и тутъ не на чемъ стоять. Если-же онъ долженъ превратиться въ негласный комитетъ, то почва его грязная, и я не хочу на ней выпачкаться“.

Мы долго еще объ этомъ толковали, и, наконецъ, я обѣщавъ Евграфу Петровичу попытаться, нельзя-ли дать всему этому дѣлу по возможности благопріятный оборотъ.

Пока мы разсуждали, пріѣхалъ Мухановъ. Тутъ у меня завязался съ нимъ отдѣльный разговоръ.

М. старался доказать, что комитетъ не имѣетъ никакихъ

ретроградныхъ намѣреній; что въ немъ ничего нѣтъ похожего на комитетъ 2-го апрѣля; что государь слишкомъ далеко отъ подобнаго учрежденія.

— „Меня лично, ваше превосходительство, отвѣчалъ я,—не смущаетъ мысль о комитетѣ 2-го апрѣля: я считаю его невозможнымъ. Даже думать объ его возможности я считалъ-бы противнымъ духу нашего времени и оскорбительнымъ для духа нашего просвѣщеннаго государя. Но не могу скрыть отъ васъ, что общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ этого новаго комитета“.

26. Четвергъ. Всѣ эти дни я былъ занятъ размышленіями и переговорами о моемъ предполагаемомъ участіи въ комитетѣ. Въ понедѣльникъ, 23-го, я былъ приглашенъ въ него. Тутъ увидѣлъ я лицомъ къ лицу графа А., Т*** и Муханова.

Принять я былъ крайне вѣжливо, особенно графомъ А. Я рѣшился открыто высказать имъ какъ мои убѣжденія, такъ и взглядъ мой на комитетъ, дабы они сами могли рѣшить, могутъ ли я участвовать въ дѣлахъ ихъ. Они слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ.

Я говорилъ имъ, какое невыгодное мнѣніе составила себѣ публика о комитетѣ; что она считаетъ его комитетомъ 2-го апрѣля; что я, съ своей стороны, полагаю этотъ послѣдній совершенно невозможнымъ въ настоящее время и думаю, что ихъ комитетъ не можетъ быть гасительнаго и ретрограднаго свойства; что его единственно возможное назначеніе — быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи.

Они торжественно подтвердили мой взглядъ.

Я изложилъ имъ также мои политическія вѣрованія. Я полагаю необходимымъ для Россіи всякія улучшенія, считая главными началами въ нихъ: гласность, законность и развитіе способовъ народнаго воспитанія и образованія, другими словами, или говоря модными словами, я вѣрую въ необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ сломя голову, который часто проскакиваетъ мимо цѣли, и другой—умѣренно, постепенно, но вѣрными шагами идущій къ цѣли; я поборникъ послѣдняго—и неуклонный.

Все это они приняли очень хорошо. Затѣмъ я сказалъ, что если-бы мнѣ пришлось участвовать въ комитетѣ, то не иначе, какъ съ правомъ голоса.

Это ихъ смутило. Мухановъ замѣтилъ, что такъ какъ государь уже утвердилъ положеніе комитета и составъ его, то трудно внести въ него новое начало.

На это я возразилъ, что другой характеръ, характеръ дѣлопроизводителя бюрократическаго, для меня невозможенъ, ни по положенію моему, ни по убѣжденію.

Положено было, чтобы я составилъ записку въ духѣ того, что говорилъ, и въ четвергъ принесъ-бы ее съ собою. Тѣмъ засѣданіе было кончено.

Сегодня, въ четвергъ, я прочиталъ имъ мою записку, гдѣ тѣ-же идеи изложены подробнѣе. Распространившись о томъ, что литература вообще не питаетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, я стоялъ на томъ, что подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ; что для нея вполне достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ; что стѣснять литературу посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій невозможно и не должно, и что комитету слѣдуетъ развѣ только, по волѣ государя, наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять въ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе.

Я забылъ сказать, что въ понедѣльникъ еще, послѣ моихъ объясненій въ комитетѣ, я поѣхалъ къ министру и сообщилъ ему, что требую права голоса въ комитетѣ. Онъ совершенно это одобрялъ, и убѣждалъ меня принять на этомъ условіи мѣсто директора-правителя дѣлъ, такъ какъ съ этимъ правомъ я несомнѣнно буду въ состояніи дѣлать добро.

Онъ сказалъ мнѣ тоже, что въ воскресенье, на балѣ, говорилъ съ государемъ обо мнѣ и указывалъ на меня, какъ на лицо, которое, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ дѣйствовать съ пользою въ комитетѣ. Государь обратился къ А. и сказалъ: „Слышишь, Александръ?“ Министръ и прежде, при самомъ образованіи комитета, предлагалъ меня въ члены, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, П. А. Плетневымъ и Егоромъ Петр. Ковалевскимъ, братомъ своимъ.

Записка моя, послѣ всего, была принята, и завтра пойдетъ докладъ къ государю. Жребій брошенъ. Я на новомъ поприщѣ

общественной дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но нехорошо, не честно было-бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ; возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ-то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вождельнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь.

Во всякомъ случаѣ, я твердо намѣренъ до послѣдней крайности противиться мѣрамъ стѣснительнымъ. Но въ то-же время я убѣжденъ, что и литература, въ данную минуту, не можетъ, не должна расторгнуть всякую связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное ему положеніе. Если я правъ, то необходимо, чтобы кто-нибудь изъ насъ явился представителемъ этой связи и взялъ на себя роль, такъ сказать, связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ.

Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что на дѣла подобнаго рода надо смотрѣть широкимъ государственнымъ глазомъ; что комитету не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературою, ни съ чѣмъ: онъ не партія, а общественный дѣятель; что не слѣдуетъ раздражать умы; что на немъ, комитетѣ, большая отвѣтственность передъ Россією, Государемъ и потомствомъ, и что въ силу этой отвѣтственности онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ литературныхъ дразгахъ, а смотрѣть дальше и видѣть въ литературѣ общественную силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу. Если-же съ этимъ добромъ соединяются также и неизбежные спутники всѣхъ человѣческихъ дѣяній—ошибки, заблужденія, увлеченія, то ихъ ослаблять слѣдуетъ не гнѣтомъ на самое добро, а разумнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Можетъ быть удастся, нѣтъ—такъ не я первый, не я послѣдній изъ обманувшихся въ чистыхъ намѣреніяхъ. Долгъ мой будетъ исполненъ. Да, я приму на себя эту новую обязанность, если мнѣ будетъ предоставлено право голоса.

Тютчевъ, Г. . . . овъ, Маркъ Николаевичъ (Любощинскій) сильно одобряютъ мое рѣшеніе.

Да и комитетъ, кажется, понялъ чистоту моихъ намѣреній. Въ немъ ни слова не было сказано ни о какихъ-либо выгодахъ,

ни отличіяхъ. А что касается жалованья—я удовлетворюсь первою цифрою, какаѣ будетъ названа. Что-же касается моихъ другихъ занятій, ихъ, само собою разумѣется, придется нѣсколько посократить.

27. Пятница. Правда-ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты, Огрызко, посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ [кн. М. Д.] Горчакова, намѣстника Царства Польскаго, который теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля.— письмо само по себѣ можетъ быть и невинное, но преступное по тому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе. Это первая жесткая мѣра по отношенію къ печати въ нынѣшнее царствованіе.

Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было—ошибка. Возставая цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ее, а сдѣлалъ оппозиціонною правительству.

Объ Огрызкѣ и польской газетѣ „Слово“ все справедливо.

Мартъ 1. Воскресенье. Получилъ бумагу съ высочайшимъ утвержденіемъ меня директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ печати. Благослови Боже дѣйствовать на пользу мысли и литературы въ духѣ соглашенія и примиренія!

Поутру былъ у министра и сообщилъ ему содержаніе моей записки, читанной въ четвергъ въ комитетѣ. Онъ былъ очень доволенъ и говорилъ, что теперь онъ спокоенъ, такъ какъ видитъ во мнѣ опору и защитника литературы. Мы долго съ нимъ говорили въ этомъ духѣ. Честный, благородный человекъ!

2. Понедѣльникъ. Поутру былъ у Д. Онъ рассказалъ мнѣ процедуру запрещенія „Слова“ и заключеніе Огрызко въ крѣпость. Эта кара постигла послѣдняго за его сношеніе съ государственнымъ преступникомъ. Д. сильно ходатайствовалъ за него у [кн. Василя Андр.] Долгорукова, считая себя единственнымъ виновникомъ появленія статьи въ печати.

Заѣзжалъ къ ректору римско-католической академіи Яку-

бильскому заявить, что мнѣ, можетъ быть, придется оставить ее. Онъ очень огорчился и настаивалъ, чтобы я какъ нибудь остался. Въ самомъ дѣлѣ, пятнадцать лѣтъ служилъ я въ этой академіи, и всѣ въ ней, отъ швейцара до главнаго начальника, оказывали мнѣ неизмѣнное расположеніе. Мнѣ самому грустно разстаться съ нею.

Въ три часа отправился къ М., гдѣ было назначено засѣданіе комитета. Меня привѣтствовали уже какъ сочлена. Государь прочелъ всю мою записку и, говорятъ, остался чрезвычайно доволенъ ею. Это уже очень хорошо, ибо тамъ много сказано въ защиту литературы. Графъ А., между прочимъ, объявилъ мнѣ, что я долженъ буду представиться государю.

4. Среда. До меня доходятъ слухи, что назначеніе меня въ комитетъ вообще встрѣчено съ радостью въ литературномъ кругу. Нѣкоторые изъ крайнихъ полагаютъ, однако, что поступленіемъ моимъ въ комитетъ я утвердилъ его существованіе; что если-бы я отказался отъ него, то, увидѣвъ невозможность привлечь къ себѣ какую-либо изъ благородныхъ силъ литературы, онъ принужденъ былъ-бы закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное. Ну, а если-бъ этого не случилось? Не принялъ-ли бы тогда комитетъ характера вполнѣ подавляющаго? Врядъ-ли бы онъ могъ такъ добродушно посягнуть на самоубійство. Не увидѣлъ-ли бы онъ, напротивъ, въ такомъ рѣшительномъ отчужденіи литературы отъ правительства новаго повода пугать ею послѣднее, и не счелъ-ли бы своею обязанностью дѣйствовать противъ нея всячески, какъ противъ явнаго врага. Правительство, пожалуй, опять стало-бы прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ, и запрещенія посыпались-бы то на тотъ, то на этотъ журналъ. Что тогда? Не лучше-ли попытаться достигнуть желаемаго путемъ мирныхъ соглашеній. Если я имѣлъ мужество принять на себя трудную роль посредника между литературою и правительствомъ, то это съ цѣлью отстаивать интересы первой, если они будутъ подвергаться опасности.....

Литературѣ можетъ угрожать еще одинъ сильный врагъ, противъ котораго ей нуженъ союзъ съ правительствомъ—это ретроградныя, ультра-консервативныя и обскурантскія покушенія д.....хъ в..... (1859 г.).

7. Суббота. Читалъ записку мою Д. Онъ выслушалъ съ большимъ одобреніемъ.

Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ. Заключеніе его въ крѣпость и запрещеніе журнала вызвали въ публикѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Говорять, государь согласился на эту мѣру только потому, что Горчаковъ (варшавскій) объявилъ, что не поѣдетъ обратно въ Варшаву, если Огрызко не будетъ посаженъ въ крѣпость.

Въ совѣтѣ министровъ за Огрызко сильно стояли: Ковалевскій, Ростовцевъ и князь [Вас. Андр.] Долгорукій.

9. Понедѣльникъ. Мнѣ крайне тяжело отъ всѣхъ этихъ толковъ. Но все надо превозмочь: и совѣты доброжелателей, и козни враговъ, и трудности предстоящаго дѣла. Да, многіе краснорѣчиво говорятъ: вотъ то-то и то-то надо сдѣлать для литературы. Я не хочу говорить, но хочу дѣлать. Проповѣдывать вообще легче, но дѣлать—немного труднѣе. Не я основалъ комитетъ. Но сознавъ гнетъ, какимъ онъ долженъ лечь на литературу, я взялся поворотить его оглобли въ сторону общественнаго мнѣнія и поставить его лицомъ къ лицу съ нимъ на почвѣ гласности.

Это попытка быть примирителемъ между мыслью и правительствомъ. Мнѣ, можетъ, не удастся. Но не сдѣлать попытки было-бы трусостью, больше того—было-бы измѣною лучшимъ надеждамъ общества.

Не корыстолюбіе и не тщеславіе руководятъ мною. Я опираюсь на мои человѣческія идеи и на силу воли.

Да и надеждамъ моимъ данъ довольно сильный толчекъ. Въ то время какъ на литературу сыпятся обвиненія въ революціонныхъ замыслахъ, когда противъ нея раздаются вопли Паниныхъ, Чевкиныхъ и таяь далѣе, я уже успѣлъ склонить комитетъ къ признанію, что это ложь, и заставилъ его передать это государю.

Я представляюсь государю, но послѣ чего? Послѣ того, какъ онъ прочелъ мою апологію литературы, гласности и мысли; послѣ того, какъ я высказалъ мнѣніе, что комитетъ можетъ дѣйствовать развѣ только путемъ той-же гласности, и не на литературу, а на общественное мнѣніе.

10. Вторникъ. Обѣдъ у Дюссо, данный литераторами въ честь актера Мартынова. Собралось человѣкъ сорокъ. Мартынову поднесли письмо, подписанное всѣми присутствовавшими,

и портреты ихъ въ прекрасно переплетенномъ альбомѣ. Письмо прочиталъ за обѣдомъ Дружининъ, во время тоста. Потомъ Некрасовъ прочелъ стихи въ честь Мартынова. Обѣдъ былъ веселъ и оживленъ, но безъ криковъ, возгласовъ и всякихъ излишествъ, какими обыкновенно отличаются наши триумфальные обѣды. Все было искренно, просто и потому хорошо. Да, я забылъ еще, что [А. Н.] Островскій произнесъ довольно длинную рѣчь отъ имени драматическихъ писателей. Я за обѣдомъ сидѣлъ между Шевченко и Языковымъ.

Всѣ литераторы приняли меня радушно, по-братски. Многіе выражали удовольствіе по случаю моего новаго назначенія. Это было мнѣ пріятно, какъ свидѣтельство, что они понимаютъ мои намѣренія и отдають имъ справедливость. Послѣ обѣда я поѣхалъ на представленіе въ театральную школу.

Въ понедѣльникъ я былъ на вечерѣ у графа Блудова, гдѣ многіе тоже выражали мнѣ свое сочувствіе и одобряли планъ объ изданіи правительственнаго журнала.

Да, да и да, я примирю комитетъ съ литературою и съ общественнымъ мнѣніемъ.

11. Среда. Замѣчательный день: я представлялся государю. Я пріѣхалъ во дворецъ въ половинѣ перваго часа. Въ пріемной залѣ, обращенной къ адмиралтейству, находилось нѣсколько генераловъ и флигель-адъютантовъ. Въ сторонѣ, генераль-губернаторъ [Пав. Н.] Игнатьевъ разговаривалъ съ графомъ Блудовымъ. Я объявилъ дежурному флигель-адъютанту, зачѣмъ пріѣхалъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ Игнатьевъ и осыпалъ меня любезностями. Немного спустя, изъ кабинета государя вышелъ министръ народнаго просвѣщенія. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ.

„А мы только-что говорили о васъ съ государемъ, сказалъ онъ, — я бранилъ васъ“.

— „Знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, — что ваша брань не во вредъ мнѣ“.

За Ковалевскимъ пошелъ въ кабинетъ государя графъ Блудовъ. Прошло съ часъ времени. Явился графъ А., поговорилъ немного и куда-то ушелъ.

Въ ожиданіи, отъ нечего дѣлать, я рассказывалъ по залѣ, поглядывая то въ окна, то на стѣны, то на знамена, висѣвшія въ углу.

Наконецъ, часа въ два, графъ А. позвалъ меня къ Государю.

— „Очень радъ познакомиться съ вами“, сказалъ мнѣ государь съ невыразимою любезностью.

Я поклонился и ожидалъ, что его величеству еще угодно будетъ мнѣ сказать. Онъ продолжалъ:

— „Я съ вниманіемъ и съ удовольствіемъ читалъ вашу записку. Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ“.

„Это, ваше величество, отвѣчалъ я, — конечно, есть единственный путь, которымъ можно идти къ величію и благоденствію Россіи. Употреблю всѣ силы мои для служенія этому дѣлу“.

— „Есть стремленія, продолжалъ Государь,—которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики“.

Государь особенно налегъ на словѣ политика.

„Государь, отвѣчалъ я, — осмѣлюсь сказать, основываясь на продолжительныхъ моихъ наблюденіяхъ и опытѣ, что лучшіе, и слѣдовательно имѣющіе наиболѣе вліянія, умы въ литературѣ не питаютъ никакихъ враждебныхъ правительству замысловъ. Если встрѣчаются какія-нибудь въ этомъ родѣ ошибки и заблужденія, то развѣ только въ немногихъ еще шаткихъ и неопытныхъ умахъ, которые не заслуживаютъ исключительнаго вниманія“.

— „Не надо думать, замѣтилъ Государь, — что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики.“

„Моя роль, какъ я ее понимаю, ваше величество, быть примирителемъ обѣихъ сторонъ“.

— „Опять повторяю, сказалъ еще Государь,—что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ мои виды, то, не смотря на трудности, можетъ все-таки что-нибудь сдѣлать“.

При словахъ: „если комитетъ понимаетъ мои виды“, Государь значительно взглянулъ на гр. А. В. Адлерберга.

Было сказано еще нѣсколько словъ объ изданіи предполагаемой правительственной газеты, а затѣмъ Государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и чрезвычайно ласково проговорилъ: „постарайтесь!“ поклонился и оставилъ меня.

Во все время разговора я стоялъ противъ него, а графъ А. сбоку, возлѣ меня.

Трудно передать кротость, благородство и любезность, съ какими Государь говорилъ. Меня особенно поразило во всемъ тонѣ его, въ улыбка, которая почти не сходила съ его устъ, по временамъ только смѣняясь какою-то серьезною мыслью, во всемъ лицѣ, въ каждомъ словѣ—какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ душѣ. Въ немъ ни малѣйшаго напускнаго царственнаго величія. Видно, что это человекъ любви и благодати, и онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сердца. О, подумалъ я, уходя отъ него, сколько-бы можно дѣлать съ тобою добра и сколько-бы ты сдѣлалъ его, если-бы былъ окруженъ людьми болѣе достойными тебя и болѣе преданными тебѣ и благу Россіи!

При выходѣ изъ дворца я еще разъ встрѣтился съ Адлербергомъ и выразилъ ему, какъ я очарованъ государемъ.

— „Государь на васъ надѣется“, сказалъ онъ мнѣ.

Утѣшительно также видѣть, что Государь понимаетъ трудности дѣла. Онъ нѣсколько разъ повторилъ это. Я боялся слишкомъ высокаго тона, который былъ-бы похожъ на приказаніе дѣлать во что-бы то ни стало, и который говорилъ-бы, что все можно, что велѣно. Между тѣмъ, онъ только изъявлялъ свои желанія, свои виды и совѣтовалъ, а не высочайше повелѣвалъ. Онъ, кажется, тоже понимаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ мѣста для обычной сухой административной формальности.

Изъ дворца я прямо отправился къ министру, но узнавъ, что онъ занятъ докладами и что у него М., я не пошелъ къ нему.

12. Четвергъ. Поутру былъ у министра и подробно разсказалъ ему про свое свиданіе съ государемъ.

— „Видите-ли, сказалъ мнѣ Ковалевскій, — каковъ онъ. Нельзя не быть ему преданнымъ отъ всего сердца. Не разъ мнѣ приходилось такъ тяжело, что я готовъ былъ бросить все, но, поговоривъ съ нимъ, опять примирался. Не далѣе вотъ какъ по дѣлу Огрызко. Я въ совѣтѣ министровъ сильно возставалъ

противъ мѣры, которая надѣлала столько непріятнаго шума. Меня поддерживалъ одинъ Ростовцевъ. Но оба Горчаковы съ такою яростью нападали на Огрызко и его газету, и всѣ прочіе такъ были съ ними согласны, что моя защита не помогла. Мнѣ даже не дали прочитать приготовленной мною записки. Нѣсколько дней Государь, видимо, былъ на меня сердитъ, и я помышлялъ уже объ удаленіи. Но не далѣе какъ вчера я прямо и откровенно высказалъ ему мои убѣжденія, и онъ опять очаровалъ меня своимъ благородствомъ и своею добротою. Силъ нѣтъ ему противиться. О, если-бъ ему немного побольше твердости, да лучшихъ помощниковъ!“.....

Послѣ я откровенно высказалъ министру мое мнѣніе о М. Мои мысли были совершенно согласны съ его. Въ дѣлѣ Огрызко онъ игралъ неблаговидную роль. Онъ былъ подстрекателемъ Горчаковыхъ, а когда увидѣлъ, какое впечатлѣніе это произвело на общественное мнѣніе, онъ началъ осуждать самъ крутую мѣру.

— „А что-же говорили вы мнѣ тому назадъ нѣсколько дней?“ замѣтилъ ему министръ.

Вообще я предвижу большія затрудненія съ этимъ господиномъ. На графа А., кажется, можно будетъ дѣйствовать сердцемъ, на ***—умомъ, а на М—ва ни тѣмъ, ни другимъ, потому что у него нѣтъ ни сердца, ни ума.

Въ комитетѣ М. свирѣпствовалъ противъ „Искры“, на которую сперва попалъ *** за стихи: „На Невскомъ проспектѣ“ (№ 9). Но *** полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а М. бредилъ все гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на сильныя мѣры.

Послѣ я рассказалъ о приѣмѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера Государь, и особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры, и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя.

Теперь на первомъ планѣ забота о газетѣ. Надо склонять комитетъ къ мысли, что онъ можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе только этимъ путемъ, то есть, путемъ гласности, а никакихъ другихъ мѣропріятій.

М., кажется, доставитъ мнѣ всего больше хлопотъ: онъ не способенъ внимать ни голосу разсудка, ни голосу сердца. У него

одна мысль въ головѣ—имѣть вліяніе. Другіе два настолько должны быть умны, чтобы понять, что собственные выгоды ихъ требуютъ не презирать общественнымъ мнѣніемъ.

Еще надобно доказать имъ, что ихъ честь требуетъ противо-дѣйствія такимъ людямъ, какъ Чевкинъ, Панинъ и прочіе.

13. Пятница. Вечеромъ у графа Блудова. Тамъ встрѣтилъ я Егора Петровича Ковалевскаго. Онъ противъ моего назначенія.

„Въ благихъ намѣреніяхъ вашихъ, сказалъ онъ, — никто не сомнѣвается, но вы ничего не успѣете сдѣлать“.

— „Если я ничего не въ состояніи буду сдѣлать, такъ оставлю. Зла отъ попытки никакого не будетъ, а добро можетъ быть“.

„Нѣтъ! возразилъ онъ, — будетъ зло“.

— „Какое-же?“

„Трудно сказать вдругъ“.

— „Но было-бы трусостью съ моей стороны не дѣйствовать“.

Егоръ Петровичъ умный, благородный человекъ, но иппохондрикъ и раздражительнъ.

15. Воскресенье. Сегодня былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Я прочиталъ ему мою записку. Онъ сильно ее одобрилъ.

Всякій человекъ носить въ самомъ себѣ или врага, или помощника своимъ дѣламъ. Онъ долженъ умѣть справляться съ первымъ и исполнѣ пользоваться послѣднимъ. Мой врагъ — слишкомъ живое воображеніе, которое часто преувеличиваетъ опасности и забѣгаетъ впередъ съ своими мрачными изображеніями. Отъ того чувствую по временамъ сильный упадокъ духа. Конечно, это проходитъ, но, тѣмъ не менѣе, такое состояніе и неприятно, и вредно. Съ нимъ надо бороться.

Ни честныя намѣренія, ни добросовѣстный трудъ еще не руются за успѣхъ дѣла: для этого нужны еще способность, тактъ.

Я даю большое сраженіе—не знаю, будетъ-ли оно выиграно или проиграно. Но я даю его, во имя чести русскаго ума, за право мысли и просвѣщенія. Упадокъ духа теперь особенно не встаетъ. Я стараюсь выбиться изъ него всѣми силами. Но надо нѣкоторое время, чтобы равновѣсіе силъ установилось, колеблющійся духъ утвердился снова и внутри меня водворились спокойствіе и рѣшимость идти своимъ путемъ.

Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что я могу принадлежать къ той или другой литературной котери. Я прежде всего и исключительно принадлежу моему убѣжденію, самому себѣ. Я признаю литературныхъ людей нашихъ за лучшихъ людей Россіи. Въ нихъ больше образованія, а слѣдовательно, должно полагать, и стремленія къ лучшему, чѣмъ у другихъ. Это умъ общества, болѣе развитая часть нашихъ нравственныхъ силъ. Сельскій людъ—это почва, почва сочная, плодобоющая. Но настоящіе сѣятели въ ней—это люди мысли, дѣйствующіе печатнымъ словомъ, и мысли ихъ необходимо дать больше простора. Я не отдѣляю отъ литературы на этотъ разъ и въ этомъ смыслѣ ни публицистики, ни науки. Но люди, принадлежащіе къ этому кругу, одержимы своего рода заблужденіями и способны къ важнымъ ошибкамъ. Ни этихъ ошибокъ, ни этихъ заблужденій я не раздѣляю. Люди эти часто забываютъ, что для нѣкоторыхъ реформъ мы еще не созрѣли. Всему есть время, всему должны быть соблюдены постепенность и мѣра. Прогрессъ слома голову, я убѣжденъ, никуда не годится. Но постепенный, ровный прогрессъ есть цѣль, къ которой необходимо стремиться.

Крайность этихъ людей состоитъ въ томъ, что они хотятъ: все вдругъ, все скорѣе. Сначала сдѣлаемъ, а послѣ будемъ додумывать заднимъ умомъ!

Обойдемся-ли мы безъ революціи? Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исторіи. Но если исторія ничего не даетъ даромъ, то надо стараться купить у нея то, чего она не даетъ даромъ, елико возможно меньшею цѣною.

28. Суббота. До сихъ поръ я не вижу въ комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія никакихъ особенно враждебныхъ покушеній. Было у нихъ намѣреніе направлять литературу и располагать цензурою посредствомъ внушеній и страха. Но это, теперь для меня очевидно, было скорѣе слѣдствіемъ непониманія вещей, чѣмъ систематически организованнаго замысла. Что касается до направленія литературы, то мнѣ удалось совсѣмъ уничтожить эту мысль, а теперь удалось уже и сильно поколебать покушеніе на литературу.

Въ послѣднемъ засѣданіи (въ четвергъ) я сильно и много говорилъ членамъ о неприкосновенности цензуры и о необходимости сосредоточить ее въ министерствѣ. Цензора сбиты съ толку

и мы не должны еще больше сбивать ихъ своимъ вмѣшательствомъ. Притомъ, что мы за сыщивы, чтобы гоняться за статейками, и пр.? Наше дѣло государственное, задача коего дѣйствовать на общественное мнѣніе и соглашать его стремленія съ видами правительства посредствомъ открытыхъ, разумныхъ и благородныхъ убѣжденій. „Между правительствомъ, сказалъ я,— и расположеніемъ лучшихъ умовъ въ литературѣ есть точки соприкосновенія, есть стороны, гдѣ возможно соглашеніе. На этихъ-то точкахъ и между этими сторонами надо стоять комитету и приводить ихъ въ гармонію, а не разбединять возбужденіемъ неудовольствій и раздраженій“.

Я даже начинаю думать, что комитетъ можетъ быть обращенъ противъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя враждуютъ съ мыслью и образованіемъ. Надъ этимъ я и работаю.

Пріѣхалъ Ребиндеръ, чтобы вступить въ управленіе департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія. Я видѣлся съ нимъ и мы много говорили о многомъ. Онъ вздумалъ было меня упрекать за комитетъ. Но когда я ему объяснилъ ходъ и сущность дѣла, онъ не только примирился со мною, но еще сталъ усердно поддерживать меня въ моихъ намѣреніяхъ.

29. Воскресенье. У министра. Ему писали изъ Москвы, что тамъ уже начинаютъ чувствовать хорошія послѣдствія моего участія въ комитетѣ, что, по словамъ Евграфа Петровича, дѣйствительно замѣтно и здѣсь, и тамъ. Такъ это или нѣтъ, но дурнаго, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего не вышло.

Продолжительный разговоръ съ Струговщиковымъ, въ которомъ я заѣхалъ отъ министра.

Меня упрекаютъ въ одномъ—что я задерживаю кризисъ, ибо, будто-бы, отстраняю тѣ мѣры, которыя сильнѣе всѣхъ доводовъ доказали-бы невозможность ретроградныхъ дѣйствій. Мысль эта, повидимому, не лишена основаній. Но развѣ ретроградная партія уже такъ слаба, что окончательно сдалась-бы послѣ одной, другой неудачи? И неужели, съ другой стороны, либеральная партія такъ сильна, что можетъ вѣрно рассчитывать на успѣхъ своего оппозиціоннаго движенія? Вѣдь у первой все-таки въ рукахъ власть, и что, если она вдругъ захочетъ воспользоваться ею и начнетъ прихлопывать то одинъ, то другой органъ мысли?

Неужели настало время совершеннаго разрыва между партіею мысли и движенія и правительствомъ? Неужели нѣтъ выбора, какъ между ультрами? Я не вѣрю этому. А если, какъ говорятъ, я ошибаюсь? Можетъ быть. Но мнѣ надо въ этомъ убедиться на самомъ дѣлѣ. Слѣпая ненависть была-бы преступленіемъ. Не должно легкомысленно предаваться гнѣву и рѣшать такіе важные вопросы въ порывахъ страсти или увлеченія.

Я убѣжденъ, что мы еще не созрѣли для кризиса. Зрѣлостью я называю то, когда-бы кризисъ въ состояніи былъ привести вещи къ опредѣленному положенію и ручаться за какую-нибудь благоустроенную будущность. А гдѣ для этого элементы? „Но кризисъ-бы ихъ и произвелъ“. Нѣтъ! кризисъ произвелъ-бы навѣрно хаосъ и больше ничего. Знаю, что есть люди, рассчитывающіе и на хаосъ. Но хаосъ ведетъ непремѣнно или къ анархіи, или къ усиленному деспотизму.

Надо сказать въ комитетѣ: истинный патриотизмъ и государственннй образъ дѣйствій состоятъ въ томъ, чтобы охранять основныя начала нашего общественнаго порядка, а не заниматься мелочами. Вѣрно то, что десятокъ мелочей, какъ-нибудь проскользнувшихъ въ печати, никогда не сдѣлаютъ столько вреда, сколько одно поднятое на нихъ гоненіе. Мелочи эти на мигу заставятъ поговорить и исчезнутъ, тогда какъ всякое гоненіе возбуждаетъ негодованіе и держитъ умы въ постоянномъ раздраженіи.

Министръ мнѣ сказалъ, что Ник. Ал. Мухановъ безпрестанно твердитъ о какой-то борьбѣ сословіи.

Несомнѣнно то, что многіе наши, такъ называемые, передовые люди, при всѣхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ, не прочь отъ того, чтобы сдѣлаться настоящими вождями движенія и отодвинуть подальше всѣхъ другихъ отъ арены, если эти другіе не подчинятся безусловно ихъ вліянію или ихъ пачаламъ.

Стремленіе къ возстановленію національностей, кажется, составляетъ одну изъ задачъ нашего времени. Война съ Австріею можетъ окончиться отторженіемъ отъ нея славянскихъ племенъ. Но что тогда станется съ Польшею? Славянофилы мечтаютъ о федераціи славянъ. Какую-же роль тогда будетъ играть Россія? Откажется-ли она добровольно отъ Польши...

30. Понедѣльникъ. Пусть развивается

гласность, осуществится публично словесное судопроизводство, устроится кассационный судъ,—это, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, образуетъ уже значительные начатки новаго порядка вещей. При такомъ ходѣ вещей выработаются не только элементы для новаго порядка вещей, но и люди.

Правительство должно открыто и смѣло удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ образованнаго класса, какъ оно открыто и смѣло удовлетворило нуждамъ низшаго, посредствомъ эмансипаціи.

Апрѣль 1. Среда. Получилъ изъ совѣта университета бумагу о назначеніи меня исправляющимъ должность декана. Приходится отказаться, хотя я никому и ничему не служу такъ охотно, какъ университету. Но ни силъ, ни времени нѣтъ. Теперь я весь углубился въ проектъ газеты.

Надо привести въ систему либеральныя идеи и высказать прямо: чего должно и можно хотѣть.

2. Четвергъ. Правительство никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства.

Должно указать настоящей путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его.

4. Суббота. Вечеромъ былъ у ***. Если онъ не притворяется со мной, то онъ гораздо выше своей репутаціи, т. е. той репутаціи, какою онъ пользуется въ литературномъ кругу, и мнѣ во многомъ приходится смягчить мое первоначальное о немъ мнѣніе. Онъ оказывается либеральнѣе многихъ и многихъ изъ тѣхъ сановниковъ, съ которыми мнѣ случалось разсуждать и имѣть дѣло. Напримѣръ, онъ прямо сказалъ государю, что правительство его не пользуется довѣріемъ, и что довѣріе это можетъ быть приобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не насилуваніемъ послѣдняго. Онъ читалъ мнѣ свою записку, гдѣ эта мысль выражена. Потомъ онъ вообще показываетъ себя далекимъ отъ кру-

тыхъ мѣръ и совершенно соглашается съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, вовсе не ретроградъ, не реакціонеръ, но не скрываетъ, впрочемъ, что, по его мнѣнію, надо останавливать слишкомъ яркаго стремленія ультра-либераловъ. Словомъ, въ немъ видѣнъ умный человѣкъ, понимающій потребности времени и сознающій необходимость улучшеній. Онъ говоритъ, что онъ вовсе не противъ гласности, а только противъ ея злоупотребленій.

7. Вторникъ. Большой комитетъ у И. Д. Д., гдѣ разсуждали объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ при университетѣ. взаимнѣ уничтоженнаго педагогическаго института, и объ открытіи новой шестой гимназіи. Комитетъ былъ слишкомъ многочисленъ, и потому много было пустыхъ толковъ и споровъ. М. С. Куторга, по обыкновенію, выходилъ изъ себя, доказывая, что учитель исторіи долженъ въ совершенствѣ знать греческій и латинскій языки. Пусть въ этомъ своя доля правды, но способъ, какимъ поддерживалъ это Куторга, сильно отзывался прѣлымъ самолюбіемъ и педантизмомъ. Онъ по прежнему доказывалъ, что единственный историкъ въ мірѣ Фукидидъ, и что всѣ новѣйшіе историки, не исключая и Макколея, въ сравненіи съ нимъ—дѣти. Такая парадоксальность, конечно, никого не могла убѣдить.

12. Свѣтлое Христово Воскресенье. Заутреня въ церкви театральной школы. Ужасная духота, и я страшно усталъ, а къ усталости присоединилось еще и неудовольствіе на церковную службу. Какъ они скомкали эту великолѣпную мистерію! Въ гнѣніи и во всемъ скачутъ на пропалую, и отъ того все великое, присущее идеи этого торжества изъ торжествъ, пропадаетъ.

Утромъ былъ у министра и графа Блудова; заѣзжалъ къ Ребиндеру, у котораго просидѣлъ довольно долго, вмѣстѣ съ Струговщиковымъ и Галаганомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ для присутствованія въ крестьянскомъ комитетѣ. Возвратился домой въ четвертомъ часу, очень усталый.

13. Понедѣльникъ. У министра съ поздравленіемъ. Много-

численное собраніе. Я со всѣхъ сторонъ получалъ привѣтствія. Много было тутъ расточено іудиныхъ лобзаній. Министръ былъ очень любезенъ. Въ углу стоялъ блѣдный и злой К — скій, которому есть отъ чего блѣднѣть и злиться: дни его въ департаментѣ, гдѣ онъ надѣлалъ столько мерзостей, говорятъ, сочтены. Да и меня видѣть, въ моемъ настоящемъ положеніи, для него скорбь великая. Ну, Богъ съ нимъ! Отъ министра заѣзжалъ къ Блудову и Ростовцеву.

16. Четвергъ. Всѣ эти дни занимался проектомъ газеты, и по случаю праздниковъ заѣзжалъ къ нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей. Погода гнуснѣйшая — страшный холодъ и дождь со снѣгомъ.

Отправилъ письмо къ моему старому наставнику, полюбившему и пригрѣвшему меня еще въ бытность мою въ уѣздномъ училищѣ — Александру Ивановичу Морозову. У меня становится тепло на сердцѣ при одномъ имени этого добраго, благороднаго человѣка.

19. Воскресенье. Обѣдалъ у Некрасова. Разказъ Панаева о П., который отдалъ ему и Некрасову въ аренду „Современникъ“, когда новые журналы не разрѣшались, и получалъ съ нихъ по 3,000 рублей ассигнаціями и по 4% послѣ 1,400 экземпляровъ. Въ дѣлѣ этомъ участвовалъ и я, потому что издателями-хозяевами были Некрасовъ и Панаевъ, а редакторомъ — я. Теперь времена перемѣнились; право изданія журнала ничего не значитъ, потому что его можетъ получить всякій, а П. все-таки требуетъ съ Некрасова и Панаева денегъ — и теперь уже по 3,000 рублей серебромъ въ годъ. Они старались его усовѣстить тѣмъ, что за тѣнь, за имя журнала — это дорогая плата; предлагали ему даже 1,000 рублей въ годъ. Онъ не соглашается. Надо знать, что издатели „Современника“ ничего, кромѣ имени журнала, въ сущности отъ П. не получили: у него тогда было всего двѣсти подписчиковъ, они-же имѣютъ ихъ теперь (1859 г.) пять тысячъ пятьсотъ. Но тогда тутъ былъ смыслъ: это было право, а теперь — ничто. Это юридическій казусъ. Кто-то совѣтовалъ имъ перемѣнить заглавіе журнала и просить позволенія издавать его какъ новый. Тогда (Ш. А.) П. — ву придется ловить дымъ.

Всѣхъ очень обрадовало отрѣшеніе отъ должности Закревскаго. Онъ сдѣлалъ вещь невѣроятную по своей наглости и

презрѣнію всѣхъ законовъ

Ни одинъ священникъ не хотѣлъ ихъ вѣнчать. Наконецъ, Закревскій нашелъ одного, который, подъ угрозою ссылки въ Сибирь, согласился, наконецъ, ихъ перевѣнчать. Объ этомъ Закревскій имѣлъ дерзость самъ извѣстить государя. Вслѣдъ за тѣмъ и состоялось его увольненіе.

21. Вторникъ. Былъ у министра. Разговоръ о цензурѣ. (Андрей) Муравьевъ жаловался на „Современникъ“ (4-я книжка) за рѣзкій разборъ его сочиненія. Вообще объясненія мои съ министромъ доставили мнѣ большое удовольствіе. Онъ выразилъ такъ много благороднаго и сильно поддерживалъ меня въ моемъ образѣ мыслей и дѣйствій по комитету.

Педанты обыкновенно придаютъ исключительную важность только своему роду занятій, своей наукѣ, своему ремеслу, своему призванію и т. д., ни мало не заботясь объ отношеніи этихъ занятій къ другимъ и общимъ интересамъ людей, или къ другимъ началамъ. Съ забавною чопорностью гѣшатся они формулами и словами, придавая имъ особенный вѣсъ. Педанты не хотятъ вѣрить, что въ мірѣ все имѣетъ свою важность, свой смыслъ и свое ничтожество, и что умъ состоитъ въ томъ, чтобы не считать на землѣ ничего ни слишкомъ великимъ, ни слишкомъ малымъ.

Итальянскія дѣла очень всѣхъ занимаютъ. Въ прошедшую пятницу нѣкоторые изъ моихъ посѣтителей сговорились при первой-же неудачѣ австрійцевъ выпить шампанскаго за успѣхи итальянскаго оружія.

Сегодня такая отвратительная погода, какую не часто насылаютъ на людей даже петербургскій климатъ. Холодъ, дождь, снѣгъ, грязь.

Да, народомъ должно управлять посредствомъ его самого.

24. Пятница. Заѣхалъ вечеромъ къ графу Блудову. Почтенный старецъ немного живѣе, но вообще нынѣшнюю зиму онъ не такъ бодръ и свѣжъ, какъ былъ еще недавно.

„Куда поѣдете вы на лѣто?“ спросилъ я его.

— „Не знаю, отвѣчалъ онъ,—можетъ быть на Невское“.

„Ну, возразилъ я,—если не именно на Невское (кладбище), то въ подобное ему мѣсто намъ всѣмъ предстоитъ путь“.

— „Только мнѣ раньше всѣхъ васъ“, сказалъ онъ.

25. Суббота. Что я буду дѣлать съ мелочными умами, которые отцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюда?... Я хочу спасти великую существенную вещь, политическій принципъ общества, дѣлая для этого необходимыя уступки и полагая, что этимъ упрочится спокойное, ровное развитіе общества, а они явятся изъ-за пустяковъ и думаютъ, что спасаютъ общество отъ бурь, когда успѣваютъ потормозить какую-нибудь статейку или фразу.

30. Четвергъ. Обѣдалъ у Дюссо, вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Ребиндеромъ и нѣкоторыми другими. Провожали Тургенева за-границу.

Май 1. Пятница. Прекрасный день, а вчера еще я долженъ былъ ѣздить въ шубѣ.

Москва, говорятъ, сильно жалѣетъ объ отставкѣ Закревскаго. Если это правда, то вотъ вамъ и общественное наше мнѣніе! А не она-ли вопила прежде: когда мы отъ него избавимся!

Самое трудное дѣло—переубѣждать людей, зараженныхъ предразсудками, особенно тамъ, гдѣ они лишены того возвышеннаго взгляда на вещи, который въ состояніи былъ-бы измѣрить, не только близкое и настоящее, но и отдаленное, и отношеніе настоящаго къ будущему.

Всѣ требуютъ мѣръ, забывая, что правильная мысль есть тоже мѣра, только внутренняя, безъ которой, однако-жъ, всѣ внѣшнія мѣры ничего не значать.

У насъ ужасно привыкли успокоиваться на распоряженіяхъ, комитетахъ, предписаніяхъ. Опредѣленные начала, убѣжденія, основныя истины мало принимаются въ соображеніе.

Такъ называемый прогрессъ историческій есть не иное что, какъ работа Данаидъ. Едва человѣчество успѣло поднять одну массу усовершенствованій, новыхъ идей, открытій, какъ другая масса готова, и ее также надо поднять и т. д. до безконечности.

Но надо вѣрить въ прогрессъ настолько, насколько нужно, чтобы не дать заснуть себѣ и другимъ.

3. Воскресенье. Нѣтъ, это не правда, что Москва сожалѣть о Загревскомъ. Напротивъ, она въ восторгѣ отъ его паденія. Сегодня я былъ у Д. П. Хрущова, и онъ читалъ мнѣ письмо одного изъ московскихъ своихъ пріятелей, человѣка правдиваго и серьезнаго. Онъ пишетъ, что радость была всеобщая; многіе обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ этимъ событіемъ, и благодарили государя. Недовольныхъ было только нѣсколько чиновниковъ.

Хорошо, если-бы въ разговорахъ почаще вспоминали изреченіе Фокіона, который сказалъ, что каждое слово, прежде произнесенія его, должно обмакнуть въ умъ.

6. Среда. Экзаменъ въ университетѣ. Экзаменовался второй курсъ филологовъ. На этотъ разъ молодые люди очень удовлетворительно разрѣшали трудные вопросы изъ философіи литературы. Это успѣхъ.

7. Четвергъ. Экзаменъ нѣкоторыхъ юношей, вступающихъ въ университетъ.

Есть люди, конечно, немногіе, особенно женщины, у которыхъ, не смотря на разныя невзгоды жизни, на бѣдствія и преслѣдованія судьбы, всегда найдется теплое, привѣтливое слово для ближнихъ, улыбка, участіе къ бѣдамъ, и прочія хорошія вещи, доказывающія здоровую, богатую натуру, которую не такъ-то легко сломить и раззорить въ конецъ.

8. Пятница. Ѣздилъ въ Царское-Село къ графу (А. В.) Адлербергу. Много говорилъ съ нимъ о литературѣ и цензурѣ, стараясь разъяснить разныя предубѣжденія, которыхъ довольно. Онъ человѣкъ съ умомъ и благородными наклонностями, насколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда.

10. Воскресенье. Представлялся въ Царскомъ-Селѣ Государю, для принесенія благодарности за ленту. Мы поѣхали въ десять часовъ утра съ Ребиндеромъ, который также долженъ былъ благодарить за чинъ тайнаго совѣтника. У дебаркадера желѣзной дороги въ Царскомъ-Селѣ насъ ожидали придворные экипажи. Мнѣ пришлось ѣхать во дворецъ вмѣстѣ съ моимъ почтеннымъ домовладѣльцемъ, барономъ Фридериксомъ, и генераломъ Броневскимъ. Кареты были очень встаты, потому что

шелъ сильный дождь и ѣхать на лирѣ или на гитарѣ значило-бы подвергать крайней опасности отъ грязи бѣлые штаны и съ золотымъ позументомъ шляпу.

Государь принялъ насъ послѣ обѣдни, въ небольшой залѣ, наверху. Была порядочная тѣснота. Меня поставили возлѣ князя (С. Н.) Урусова, исправляющаго должность оберъ-прокурора синода, и мы тутъ-же познакомились. Недалекѣ отъ меня стоялъ и Ребиндеръ.

Государь вышелъ въ половинѣ перваго. Онъ былъ въ бѣломъ мундирѣ и въ брюкахъ съ желтыми лампасами. Однихъ онъ удостоилъ улыбкою, другихъ только поклономъ, а съ иными сказалъ нѣсколько словъ. Ребиндеру онъ сказалъ:

— „Благодарю за прошедшее и надѣюсь на будущее“.

Наконецъ, дошла очередь и до меня.

— „Благодарю васъ, сказалъ онъ и мнѣ съ привѣтливою улыбкою.—Занимаетесь вы вашимъ трудомъ?“

„Занимаюсь, ваше величество“, отвѣчалъ я.

— „Какъ скоро вы надѣетесь кончить?“

— „Я надѣюсь лѣтними мѣсяцами кончить планъ, а съ новаго года можно будетъ начать самое изданіе“.

Онъ съ новою улыбкою поклонился и обратился къ другимъ. Минутъ черезъ пять, Государь обошелъ весь кругъ и раскланялся со всѣми.

Изъ дворца я заѣхалъ къ моему старому знакомому Цылову, который теперь состоитъ полиціимейстеромъ въ Царскомъ-Селѣ, а отъ него уже отправился на желѣзную дорогу. Оставалось еще полчаса до отхода машины. Мы соединились съ Ребиндеромъ и поѣхали обратно.

Сегодня былъ большой выходъ и потому во дворцѣ собралась толпа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, особенно много военныхъ. Лентами—хоть мостъ мости. Смотря на этихъ людей, я еще разъ пришелъ къ заключенію, какъ трудно въ этихъ головахъ, подъ этими блестящими мундирами, зародиться мысли объ общественномъ благѣ, о которомъ, если въ эту минуту здѣсь кто-нибудь думалъ, то одинъ только Государь. Имъ некогда заняться серьезно этою мыслью; они всѣ поглощены заботами о выставленіи себя, о представленіяхъ, о своихъ мѣстахъ, лентахъ, мундирахъ и т. д. Нѣтъ! Не отсюда, а изъ нѣдръ

народа могутъ вытекать истины о нуждахъ его, и слагаться мысли, какъ удовлетворяютъ этимъ нуждамъ.
 Но надо, чтобы и народъ созрѣлъ Иначе представители чортъ знаетъ чего нагородятъ или перессорятся за то, чье мнѣніе должно быть главнымъ, и все-таки кончится тѣмъ, что рѣшить долженъ будетъ одинъ, старшій.

Вечеромъ провожалъ министра, который ѣдетъ осматривать университеты. Онъ былъ очень любезенъ.

11. Понедѣльникъ. Французы и сардинцы немножко покотили австрійцевъ, чему я сердечно радуюсь; за то мнѣ цѣлую ночь снилась Пруссія, будто она собрала войска свои и Германскаго союза, чтобы двинуться на Рейнъ. А вѣдь это можетъ быть.

Вечеромъ совѣтъ въ университетѣ и комиссіи о приготовленіи въ университетѣ учителей взаимнѣ тѣхъ, какихъ давалъ закрывшійся Педагогическій институтъ. И это собраніе походило на большинство нашихъ собраній, которыя представляютъ изъ себя нѣчто похожее на жидовскій кагалъ. Одинъ хочетъ говорить и не хочетъ позволить этого другому, а какъ этотъ другой того-же хочетъ, и всѣ хотятъ этого-же, то поднимается крикъ, отъ котораго трещать уши, болить голова и отъ котораго одно средство—бѣжать, что я на этотъ разъ и сдѣлалъ.

Въ совѣтѣ былъ споръ между Кавелинымъ и юридическимъ факультетомъ. Кавелину хочется опредѣлить въ университетъ своего пріятели Б. И. Утина и для этого онъ предлагаетъ учредить новую кафедру: всеобщей исторіи положительныхъ законовъ. Факультетъ ему доказываетъ, что этой науки нѣтъ, а Кавелинъ утверждаетъ, что хотя и нѣтъ, но ей слѣдуетъ быть. Ему опять возражаютъ, что изъ того, что слѣдуетъ быть, еще не слѣдуетъ то, что она есть; онъ продолжаетъ свое. Онъ ссылается на нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, благопріятствующихъ, по его заявленію, защищаемой имъ каедрѣ; ему доказываютъ, что онъ цитируетъ фальшиво и т. д., и т. д. А совѣтъ долженъ рѣшить кто правъ, кто виноватъ. Надо, однако, сказать, что Кавелинъ какъ-то младенчески утопиченъ и либераленъ. Онъ принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ либераловъ, которые хлопочутъ о свободѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ были свободны

отъ деспотизма того, другаго, но не отъ деспотизма ихъ самихъ. Этотъ послѣдній они считаютъ вполне законнымъ, и за свободу повиноваться ему они на все готовы.

14. Четвергъ. Убѣжалъ на дачу въ Павловскъ. Май удивительный! Главное, въ немъ нѣтъ никакого коварства, то есть онъ даетъ избытокъ тепла и свѣта безъ всякаго намека на неожиданныя дуновенія сѣвернаго вѣтра. Прельщенные прелестями дня, вы выходите на прогулку въ легкомъ платьѣ и не подвергаетесь опасности вернуться домой съ насморкомъ или ревматизмомъ.

19. Вторникъ. Со среды до понедѣльника провелъ на дачѣ въ объятіяхъ прекраснаго мая, который, если чѣмъ не хорошъ, то только тѣмъ, что слишкомъ жарокъ. Поутру въ тѣни граду-совъ за двадцать. Вчера пріѣхалъ я въ городъ. Сегодня здѣсь надо заняться кое-какими служебными дѣлами, или, лучше сказать, дѣлишками. Завтра въ Царское-Село и уже оттуда домой въ Павловскъ. Все работаю надъ проектомъ газеты, но въ эти дни мало сдѣлалъ. Приходилъ Гончаровъ проститься. Онъ ѣдетъ за границу на четыре мѣсяца. Счастливецъ. И свобода, и югъ, и горы Шварцвальда, и Рейнъ!

Отъ Дружинина письмо изъ Москвы: тамъ, по его словамъ, всѣ окончательно убѣдились въ пользѣ моего поступленія въ комитетъ.

Какъ избѣгать колебаній, происходящихъ отъ различныхъ настроеній духа? Держаться крѣпче за основную мысль и не обращать вниманія на приливы и отливы внутреннихъ ощущеній. Крѣпкая воля состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно рѣшить что-либо, а на остальное не обращать вниманія.

Случалось, конечно, что я подавалъ поводъ къ враждѣ; но чаще случалось, что мнѣ оказывали неприязнь, слѣдующую изъ гадости безъ всякаго отъ меня повода. Но причина все-таки должна быть. Различіе влусовъ, мнѣній, положеній — вотъ достаточныя причины вражды между людьми. Все это, однако, ужасно мелко, ужасно нелѣпо!

Рѣдко въ борьбѣ и враждахъ люди возвышаются до идей общаго добра, а чаще всего они прикрываютъ ими самыя презрѣнныя, эгоистическія побужденія, самыя маленькія страсти. Лицемеріе и лживость самыя обыкновенныя, но и самыя гнусныя пороки человѣческаго сердца.

22. Пятница. Послѣ вчерашняго сильнаго дождя и грозы—холодъ. Вчера, во время обѣда, было еще двадцать пять граду-совъ тепла, а вечеромъ—восемь. Сегодня пять. Всѣ одѣлись въ теплое, въ комнатахъ топятъ.

25. Понедѣльникъ. Всѣ эти дни былъ сильный холодъ. Сегодня опять потеплѣло.

Въ канцеляріи министра финансовъ, куда приходилъ за нѣкоторыми справками, нечаянно встрѣтился съ Катковымъ. Мы не видались года четыре. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ, къ знаменитому врачу Греффе, посоветоваться насчетъ своихъ глазъ, которые у него очень слабы. Онъ не можетъ читать. Къ сожалѣнію, онъ завтра уже садится на пароходъ и мы могли только вскользь кое о чемъ переговорить, отложивъ все прочее до его возвращенія въ сентябрѣ. Получивъ въ канцеляріи министра бумагу для полученія золота, онъ простился со мною, чтобы отправиться въ казначейство.

Кстати, о золотѣ: его совсѣмъ нѣтъ въ обращеніи и очень мало въ казнѣ; поэтому его съ большимъ затрудненіемъ выдаютъ ѣдущимъ за границу; ѣдущихъ-же туда нынѣшнее лѣто безчисленное множество. Курсъ на наши деньги за границую страшно упалъ, и здѣсь золотой полуимперіаль стоитъ 6 руб. 20 коп. и болѣе.

Въ Петербургѣ были рѣзкіе случаи холеры.

29. Пятница. То въ городѣ, то въ Павловскѣ. Опять былъ дождь, опять гроза и опять холодъ.

Графъ Кутузовъ умеръ отъ холеры, поѣвъ ботвиньи, когда уже до того былъ нездоровъ.

30. Суббота. Странно и справедливо, что ничто столько не вводитъ въ заблужденіе людей, какъ примѣры. „Такъ-то было тогда-то, такъ должно и можетъ быть и теперь“, а между тѣмъ, никогда вещи не бываютъ такъ, какъ были прежде. Мы обольщаемся аналогіею главныхъ обстоятельствъ, а міръ управляется мелочами, и общій законъ есть не иное что, какъ *summa summa-rum* этихъ мелочей.

Іюнь 10. Среда. Лѣто, кажется, небывалое въ Петербургѣ. Роскошная теплота юга, умѣряемая, но не парализуемая частыми дождями, которые сопровождаются довольно сильными, по здѣшнему, грозами; богатая зелень, все прелестно! Я мало,

однако, пользуюсь этими прелестями, работая надъ моимъ дѣломъ. Я сижу у себя въ кабинетѣ до самаго обѣда, а вечеромъ чувствую какую-то физическую усталость и не могу наслаждаться прогулкою. Дѣло, впрочемъ, подвигается впередъ. Но сколько предстоитъ еще трудовъ и трудностей! Главное затрудненіе—гдѣ достать людей и довольно талантливыхъ, и довольно благородныхъ, и довольно благоразумныхъ, которые поняли-бы, что среди современныхъ стремленій можно и должно, не влонаясь ни въ ту, ни въ другую сторону, твердо стоять на почвѣ собственныхъ безкорыстныхъ убѣжденій; что намъ еще рано думать о радикальныхъ переворотахъ; что много хорошаго еще возможно на постепенномъ пути къ нимъ; что наша безалаберность и политическая незрѣлость еще не въ состояніи теперь-же, сейчасъ, вынести полного разрыва съ сильною, сосредоточенною властью? А не найдя такихъ людей, можно-ли выполнить и мой планъ?

Часто одолеваетъ меня такіа сомнѣнія, что я почти готовъ бываю лишиться бодрости. Къ счастью, эти часы искушенія и упадка духа проходятъ, и я снова проникаюсь энергіею, готовый все исполнить, не смотря на шаткость и неувѣренность успѣха.

Не будь пороковъ, страстей, заблужденій и бѣдствій — изъ чего-же бы состояла исторія человѣчества?

11. Четвергъ. Въ городѣ. Послѣ академическаго засѣданія я остался въ Петербургѣ и часовъ въ шесть отправился на Черную рѣчку, къ Марку (Николаевичу Любощинскому). Тамъ нашелъ (С. И.) Заруднаго и (Д. П.) Шубина. Отъ нихъ, какъ отъ служащихъ въ государственномъ совѣтѣ, узналъ, что государь велѣлъ въ нѣсколько дней рассмотреть мой цензурный уставъ и не расходиться безъ этого даже для каникулъ. Возможное-ли это дѣло? И притомъ безъ министра народнаго просвѣщенія, который теперь въ отлучкѣ. Совѣтъ не знаетъ, что ему дѣлать. Мнѣ пришла идея—ѣхать къ Муханову и сказать ему, что уставъ имѣетъ связь съ нашимъ комитетскимъ дѣломъ, и что, пока не кончено послѣднее, нельзя разсматривать первый. Зарудный и Шубинъ одобрили эту мысль.

Я дѣйствительно былъ у Муханова. Онъ обѣщаль воспользоваться этою мыслью и, между тѣмъ, напомнить Государю объ обѣщаніи Ковалевскому, когда тотъ убѣждалъ, до его возвращенія не разсматривать устава.

А что побудило къ такой скорости? Вернадскій, въ своей газетѣ, въ смѣси, между разными слухами, напечаталъ, будто Клейнмихелю хотятъ воздвигнуть памятникъ. Это, говорятъ, взволновало власть. Правду сказать, Вернадскій поступилъ, какъ школьникъ: не слѣдовало дразнить цензуру. Но, въ сущности, что-же тутъ ужаснаго и стоило-ли изъ-за этого подвергать опасности, скомкать такое важное дѣло, какъ цензурный уставъ?

Я называю мой цензурный уставъ, но такъ-ли это? Онъ проходилъ черезъ многія руки и, между прочимъ, черезъ руки такихъ людей, какъ, напримѣръ, Берте, правитель канцеляріи главнаго правленія цензуры, — и каждый изъ этихъ господъ считалъ долгомъ своимъ оставить на немъ слѣды своихъ рукъ. Можно себѣ представить какимъ чистымъ въ заключеніе вышелъ онъ! А министръ не имѣлъ, кажется, твердости дѣйствовать какъ должно. Вотъ отъ какихъ людей и обстоятельствъ зависить у насъ рѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ!

12. Пятница. Случайно сегодня на музыкѣ встрѣтился съ Мухановымъ. Онъ мнѣ говорилъ, что сильно хлопочетъ о томъ, чтобы уставъ о цензурѣ не былъ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ до возвращенія Ковалевскаго, и что есть надежда успѣть въ этомъ.

Ребиндеръ мнѣ говорилъ, что М. вообще вовсе не такъ дурень, какъ о немъ толкуютъ; что онъ доступенъ хорошимъ идеямъ, и хотя не глубоко, но понимаетъ вещи. Иной разъ и мнѣ начинаетъ такъ казаться.

15. Получено по телеграфу извѣстіе, что австрійцы снова разбиты, и страшно разбиты въ генеральномъ сраженіи французо-сардинцами. Говорятъ, легло страшное множество людей съ обѣихъ сторонъ.

19. Пятница. Засѣданіе въ комитетѣ въ Царскомъ-Селѣ. Насъ было только трое: графъ А., М. и я. *** въ отпуску. Положено было приступить къ чтенію моего проекта, который почти конченъ. Чтеніе дѣйствительно начато. И вотъ я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ, напримѣръ: что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва-ли оно и возможно; что толки, какіе мы ежедневно слышимъ и читаемъ въ журналахъ, не составляютъ его, и т. д. Это говорилъ

графъ А. Ему возражалъ М. и, надо сказать, довольно умно и удачно. Откуда набрался этихъ понятій графъ — не понимаю. Не въ томъ дѣло, что онъ не высокаго мнѣнія о нашемъ общественномъ мнѣніи, а въ томъ, что онъ въ этотъ разъ вообще обнаружилъ какое-то сопротивленіе, какую-то непріязнь ко всему мыслящему, чего я прежде въ немъ не замѣчалъ. Очевидно, это навѣяно на него какимъ-нибудь недавнимъ событіемъ. Всего важнѣе то, что тутъ надо подразумѣвать.

Мы прочитали немного, а все разсуждали и спорили, такъ что изъ этого засѣданія ничего путнаго не вышло. Для меня, однако, оно было очень важно. Я вижу, что мнѣ надо измѣнить мою тактику. Я думалъ дѣйствовать прямо, силою истины, но мы стоимъ не на одинаковой почвѣ и надо маневрировать. Мнѣ хотѣлось разъяснить имъ вещи, чтобы они пришли сами къ извѣстнымъ убѣжденіямъ,—теперь надо, чтобы они приняли ихъ противъ воли. Они и примутъ ихъ, если не захотятъ опустить руки и предоставить все судьбѣ. Жаль! Они люди недурные, особенно графъ А., но до того заменутые въ кругу тѣсныхъ—идей, что почти совершенно неспособны понимать того, что происходитъ на широкомъ полѣ жизни, вѣка и исторіи. Я, между прочимъ, сказалъ: „положимъ, что все это такъ, и что вы совершенно правы въ вашемъ недовѣріи къ общественному мнѣнію, но вѣдь то, на что вы теперь нападаете, вѣдь уже не мнѣніе только, не идея, а фактъ. И какъ этотъ фактъ есть сила въ обществѣ и сила значительная, то вопросъ уже не въ томъ, хороша она или дурна, а въ томъ, въ какое отношеніе поставить себя къ ней; какъ сдѣлать, чтобы она была, по возможности, не только безвредна, а и полезна“.

Положено завтра продолжать чтеніе.

20. Суббота. Прогрессъ, о которомъ нынѣ такъ много хлопчуть—чистая иллюзія. Но то несомнѣнно, что неперемѣнность состояній невозможна на землѣ, и люди всегда будутъ стремиться къ чему-то, чего нѣтъ или чего еще не было, думая, что они идутъ впередъ. Въ сущности, такъ называемый, прогрессъ заключается въ перемѣнѣ состояній, въ переходѣ изъ одного изъ нихъ въ другое, какъ скоро въ первомъ истощено все, что въ немъ есть, и, наконецъ, въ извлеченіи изъ множества золь каждаго изъ состояній немножко добра, которое отличается отъ прежняго не количествомъ, а качествомъ.

Засѣданіе наше сегодня не состоялось, потому что Государь позвалъ къ себѣ графа А. обѣдать.

Іюль 4. Суббота. Былъ въ Петергофѣ, но засѣданія опять не было. Пробылъ тамъ до половины седьмага часа. Попробовалъ пообѣдать въ трактирѣ вокзала, и получилъ за полтора рубля нѣчто очень плохое. Возвратился въ Павловскъ въ одиннадцать часовъ.

Итакъ, миръ: сѣверная Италія полу-свободна; Наполеонъ заключилъ его, никого не спрося и безъ всякихъ посредничествъ.

12. Воскресенье. Въ Петергофѣ. Читалъ планъ газеты. Одобрень. Споръ такой-же, какъ и въ прошлое засѣданіе, о революціонномъ направленіи умовъ. Я всѣми силами старался доказать, что такого направленія на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни въ нашей литературѣ, ни въ нашемъ обществѣ; что у насъ нѣтъ элементовъ для революціи — ихъ не выработала исторія; что если намъ чего надо бояться, такъ это полнаго хаоса общественныхъ отношеній и администраціи, и все-таки и это не произведетъ политическаго переворота, а развѣ только такъ, неурядицу, рѣзню безъ опредѣленной цѣли. Но до хаоса слѣдуетъ и должно не допустить.

Обѣдалъ у графа Адлерберга.

17. Пятница. Ёду въ Москву недѣли на двѣ.

18, 19, 20, 21, 22. Въ Москвѣ. Въ субботу, 23-го, я возвратился изъ Москвы. Зачѣмъ туда ѣздилъ я? Что тамъ дѣлалъ? Цѣль поѣздки была, во-первыхъ, отдохнуть отъ непрерывной умственной работы вдали отъ вызывающихъ ее обстоятельствъ. Во-вторыхъ, я имѣлъ тоже намѣреніе проѣхать оттуда въ Муромъ, къ брату, который хотѣлъ пріѣхать за мною въ Москву. Мнѣ очень хотѣлось видѣться съ братомъ. Кромѣ того, я хотѣлъ посмотрѣть на московскихъ литераторовъ и сдѣлать маленькую рекогносцировку, нельзя-ли кого пріобрѣсти въ сотрудники для будущей газеты. Ничто изъ этого не достигнуто: братъ въ Москву не пріѣхалъ; вѣроятно, онъ не получилъ моего письма. Литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которыхъ я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся. Москва показалась мнѣ какою-то грязноватою, пустынною и скучноватою. Если-бы не мысль, что, авось, подѣдетъ братъ, я уже на третій день

уѣхалъ-бы назадъ. Единственный день, проведенный мною пріятно, былъ съ моимъ милымъ Шоромъ, въ Петровско-Разумовскомъ, куда я ѣздилъ къ нему въ среду.

Ультра-либералы и не подозрѣваютъ, какіе они сами деспоты и тираны: какъ эти желаютъ, чтобы никто не смѣлъ шагу сдѣлать безъ ихъ вѣдома или противу ихъ воли, такъ и они желаютъ, чтобы никто не осмѣливался думать иначе, чѣмъ они думаютъ. А изъ всѣхъ тираній самая ужасная—тиранія мысли. Почему такой-то господинъ считаетъ себя въ правѣ думать, что только тотъ способъ служить дѣлу человѣчества хорошъ, который онъ предлагаетъ, и что всѣ мыслящіе не такъ, какъ онъ, должны быть прокляты.

Я желалъ-бы быть понятымъ друзьями нашего, такъ называемаго, прогресса, какъ слѣдуетъ; желалъ-бы, чтобы они отдали и мнѣ справедливость. Но если это невозможно, то мнѣ остается идти своею дорогою, опираясь на свою совѣсть, и въ ней одной искать вознагражденія за мои чистые и безкорыстные труды для той-же великой общественной пользы, къ которой, повидимому, и они стремятся.

„Въ дому Отца моего обители мнози суть“.

Я полагаю, что если мысль наша и литература должны по роковой необходимости стать въ открытую вражду съ правительствомъ, то теперь еще не пришло къ тому время.

Между дѣятелями или вождями нашего общества лежитъ бездна, которая всегда будетъ мѣшать ихъ соединенію для общихъ интересовъ, бездна эта — самолюбіе. Мелочность наша и незрѣлость обнаруживаются и въ томъ, что никто не старается судить другъ друга безпристрастно; никто не хочетъ признать заслугъ другаго, если онѣ состоялись не по той методѣ или не тѣмъ способомъ, какіе онъ считаетъ лучшими.

Каждый изъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей говорить другому: „иди по моей дорогѣ и иди за мною. Проклять ты, если выберешь другую или пойдешь впереди самъ“.

Если правительство имѣетъ благія намѣренія—помочь ему; если не имѣетъ—всегда время уйти.

Государь, въ личномъ со мною объясненіи, высказалъ такія благія и прекрасныя намѣренія, что это рѣшительно возбудило во мнѣ надежды. Но если, (вслѣдствіе того, что онъ) окруженъ

людьми ограниченными и своекорыстными, (мои) ожиданія (не осуществятся, то), я, по крайней мѣрѣ, останусь чистъ передъ своею совѣстью: она не станетъ упрекать меня ни въ малодушіи, ни въ нерадивости; я до конца пройду путь, который считаю правымъ.

Главное, у меня нѣтъ помощниковъ. Такъ называемые, передовые умы наши до того враждебны правительству, что и на меня даже смотрятъ холодно; не потому, говорятъ они, чтобы сомнѣвались въ чистотѣ моихъ намѣреній, а потому, что я будто-бы содѣйствую задержкѣ кризиса.

Но, вонецъ концовъ, господа, чего-же хотите вы достигнуть? Какихъ ближайшихъ результатовъ? Революціи?
. Но такія революціи глупы и безнравственны!

Редакціонный комитетъ изъ нѣсколькихъ литераторовъ и другихъ компетентныхъ лицъ и съ нимъ слить комитетъ книгопечатанія.

Сентябрь 27. Переѣхалъ съ дачи 12-го, въ пятницу. Весь августъ прошелъ въ занятіяхъ по комитету книгопечатанія. Съ той поры, какъ я высказалъ и постоянно поддерживалъ мысль, что комитетъ есть ошибка, онъ ничего не дѣлалъ. Онъ выслушалъ только часть моего проекта о газетѣ. Мухановъ непрерывно порывался къ проявленію силы комитета по цензурѣ, которая, по его мнѣнію, допускала и допускаетъ страшныя послабленія въ литературѣ. Но какъ графъ Адлербергъ и *** отвѣчали на эту рьяность молчаніемъ, а я повторялъ, что намъ тутъ нечего дѣлать, то слова Муханова пропадали въ воздухъ бесплодно и онъ обращался къ рассказыванію анекдотовъ и пр. Наконецъ, бездѣйствіе его утомило, и въ одномъ изъ засѣданій онъ горячо выразилъ мысль, что намъ ничего не остается дѣлать, какъ слиться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этого только я и ждалъ. Вся моя стратегія къ этому и вела. Но я не хотѣлъ отъ себя высказывать этой мысли. Мнѣ хотѣлось, чтобы эту мѣру, вслѣдствіе очевидной необходимости, предложилъ кто-нибудь изъ членовъ. Такъ и случилось. Теперь я употребилъ всю мою діалектику, чтобы поддержать это благое намѣреніе, и въ слѣдующее-же засѣданіе прочиталъ уже приготовленный мною проектъ превращенія комитета въ главное управленіе цензуры, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ одобренъ, прочитанъ послѣднему, снова одобренъ, и сегодня, 27-го числа, я везу его къ *** для представленія Государю черезъ графа Адлерберга.

Въ засѣданіи главнаго управленія допущены цензора и литераторы. Я вѣрно боялся, что это встрѣтитъ сопротивленіе, особенно допущеніе литераторовъ. Но я заранѣе мѣру эту оградилъ такими доводами и причинами, что сопротивленія не было.

Весь августъ меня преслѣдовали головныя боли, являвшіяся каждый день послѣ работы. Приходилось, подчасъ, оставлять письменный столъ и ходить: это нѣсколько облегчало тяжесть въ головѣ.

28. *** спѣшилъ въ Царское-Село, гдѣ государынѣ долженъ представляться Шамиль, и потому бумагъ мы не отправили государю.

Былъ у Позена. Туда пріѣзжалъ кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ сильнѣйшемъ негодованіи на крестьянскій комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли-бы обязать крестьянъ къ большому денежному вознагражденію за землю, чего комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу и проч.

Говорятъ, депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но Государь очень спокойно отвѣчалъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются.

Говорятъ также, что въ первомъ совѣщаніи главнаго крестьянскаго комитета, гдѣ присутствовалъ государь, князь Орловъ выразилъ свои опасенія

.

29. Можетъ быть на комитетъ нашъ могутъ быть возложены какія-нибудь другія обязанности—только не въ отношеніи цензуры, потому что его исключительная роль по отношенію къ ней, по смыслу нашего-же проекта, кончилась. Дѣло все въ томъ-то и состояло, чтобы цензуру централизовать и освободить отъ всякаго въ нее вмѣшательства сторонней власти.

Началомъ новаго проекта принято: централизація и сближеніе цензурной власти со своими агентами и литераторами.

Сказать: потребность въ централизаціи была такъ очевидна, что вы сами (Мухановъ) первые предложили мысль о соединеніи комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры.

Согласіе министра на проектъ было необходимо, иначе не могла состояться централизація.

Что комитетъ лишается всякой возможности дѣйствовать, и что самостоятельно онъ существовать не можетъ—это съ первой до послѣдней строчки говорится въ проектѣ. Въ немъ только нѣтъ фразы: онъ закрывается—и это потому только, что комитету было неловко ее произнести самому о себѣ. Но больше всякой фразы сущность новой организаціи это говорить.

Перемѣна вѣтра. Министръ меня позвалъ и съ великимъ негодованіемъ и прискорбіемъ мнѣ объявилъ, что Мухановъ вовсе не думаетъ объ ослабленіи или прекращеніи дѣйствій комитета.

30. Былъ у министра. Есть точка соглашенія: на нее указывалъ ***. Министръ ничего противъ этого не имѣетъ. Всю бурю воздвигъ Мухановъ. Онъ не хочетъ, повидимому, никакъ признаться въ негодности комитета, который есть отчасти и его созданіе.

Всѣ злоупотребленія нашей печати, вмѣстѣ взятыя, не сдѣлали столько вреда, какъ употребленное противъ нихъ это средство. Лекарство хуже болѣзни.

Я увѣренъ, что М. будетъ настаивать на измѣненіи редакціи проекта, какъ слишкомъ рѣзкой. Въ немъ слишкомъ сильно говорится о невозможности существованія комитета въ его настоящемъ видѣ, слѣдовательно, онъ оскорбителенъ для его учредителей, между которыми главный, кажется, былъ Горчаковъ, министр иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ очень друженъ М.

Причины всякой отѣмны прежняго въ проектѣ должны быть указаны ясно и точно. Иначе, почему-же бы предлагать эту отѣмну?

Увѣрены-ли вы, что никто не станетъ возставать противъ новой мѣры, предлагаемой въ проектѣ? А какъ устранить это возраженіе, не объявивъ, почему настоящей комитетъ не можетъ существовать.

Не должно принимать такихъ мѣръ: а) которыя поссорили-бы правительство съ общественнымъ мнѣніемъ, б) которыя, вмѣсто здѣшней, усилили-бы печать заграничную.

Октябрь 1. (Н. А.) Мухановъ сдѣлался кротокъ, какъ ягненокъ. Онъ теперь не прочь даже и отъ совершеннаго закрытія комитета. Онъ говорилъ со мною объ этомъ. Станный человѣкъ. Въ немъ ни въ чему нѣтъ ни заклѣтой ненависти, ни живой любви; онъ вертится, какъ вѣтренная мельница, по дуновенію въ данную минуту дѣйствующихъ на него мнѣній.

8. Я боялся, что захотятъ измѣнить редакцію проекта. Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось-бы рѣзко воспротивиться. Къ счастью, этого не произошло. Было предложено нѣсколько мелкихъ измѣненій, и на эти я согласился безъ возраженія.

Положено ждать графа Адлерберга, и послѣ общаго совѣщанія съ министромъ придти къ окончательному рѣшенію.

Сегодня вечеромъ читанъ былъ снова проектъ соединенія комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры. Ему оставлена одна тѣнь значенія, и то, если министръ немного понатужится, то можетъ и совершенно его сломить, въ чемъ, впрочемъ, кажется, нѣтъ особенной надобности: онъ окончательно будетъ обезсиленъ.

М. и *** сильно озлоблены противъ литературы, особенно противъ, такъ называемой, обличительной литературы, послѣдними выходками ея. Они, кажется, расположены къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. М., на мои возраженія, замѣтилъ, что во мнѣ виденъ литераторъ; впрочемъ, весьма любезно, шутя. Я отвѣчалъ ему что я вѣрю въ то, что не Россія для литературы создана, а литература для Россіи, и что такъ какъ это сила, призванная ей на службу, то надо, чтобы она дѣйствовала. Вырыва вая плевелы, не должно уничтожать пшеницы.

Всякая революція нехороша, но нѣтъ ничего хуже, какъ революція ускоренная, преждевременная. Она опасна, какъ преждевременные роды.

У меня, можетъ быть, не меньше ненависти къ деспотизму, безправію и всякому произволу, какъ у любого изъ красныхъ, но они только ненавидятъ, а этого мало—надо дѣйствовать; дѣйствовать-же по какому-бы то ни было слѣпому чувству, хотя-бы то по ненависти ко злу, не значитъ дѣйствовать ни разумно, ни справедливо. Жизнь требуетъ управленія, и кто беретъ на себя роль дѣятеля, тотъ принимаетъ на себя и отвѣтственность за послѣдствія.

17. Боленъ.

23. Пятница. Полегче. Засѣданіе у министра народнаго просвѣщенія по дѣлу о сліяніи комитета по дѣламъ печати съ главнымъ управленіемъ цензуры. Присутствовали: министр, ***, графъ Адлербергъ и я. Важное дѣло сліянія комитета по дѣламъ книгопечатанія съ главнымъ управленіемъ цензуры состоялось. Положено на-дняхъ поднести о томъ докладъ государю. Въ запискѣ, писанной для того мною, комитетъ самъ въ точныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ говорить не только о своей бесполезности, но и вредности.

Говорено у министра о новой драмѣ (А. Ѳ.) Писемскаго, которую пропустилъ было (С. Н.) Палаузовъ. Драма изъ крестьянскаго быта. Въ ней помѣщикъ соблазняетъ жену крестьянина, и послѣдній, въ порывѣ ярости, убиваетъ перваго. Въ настоящую минуту, когда крестьянскій вопросъ въ самомъ разгарѣ, печатать эту драму найдено неблагоразумнымъ. Но какъ драма дѣйствительно, говорятъ, хороша, то ея не слѣдуетъ запрещать, а только остановить на время.

Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ, будтобы, явно стремятся къ конституціи.

26. Министръ призывалъ къ себѣ Писемскаго, очень хвалилъ его драму, далъ слово пропустить ее, только спустя нѣкоторое время.

Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о большей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло-бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, Государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ передать ее на разсмотрѣніе государственному совѣту¹⁾. Но отчего-же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?

Ноябрь 1. Былъ поутру у доктора (Н. Ѳ.) Здекауера, посоветоваться о своемъ здоровьѣ, которое сильно пошаливаетъ...

Сегодня-же собраніе главныхъ учредителей общества пособія

¹⁾ Слухъ невѣренъ — подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ.

нуждающимся литераторамъ—у [Егора Петр.] Ковалевскаго. Тутъ, по свойственной намъ привычкѣ, каждый хотѣлъ быть первымъ со своимъ мнѣніемъ, изъ чего вышло много крику по пустякамъ. Положено всѣмъ собраться для открытія Общества и для выборовъ членовъ комитета 8-го ноября. Мнѣ поручено составить протоколь этого собранія, чтобы потомъ передать его министру.

5. Четвергъ. Въ Царскомъ-Селѣ, у графа Адлерберга. Государь совершенно согласенъ съ нашимъ проектомъ о слияніи комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры. Одною онъ не одобрилъ только: чтобы президентъ академіи наукъ былъ членомъ главнаго управленія.

8. Воскресенье. Открытіе „Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ происходило въ квартирѣ министра народнаго просвѣщенія. Въ собраніи было человѣкъ пятьдесятъ. По прочтеніи параграфовъ устава, имѣющихъ отношеніе къ акту открытія и выбора членовъ комитета, общество провозглашено открытымъ и приступлено было къ выбору этихъ членовъ. Выбранъ и я. Мнѣ дали 29 голосовъ. Москва прислала 15, чего я вовсе не ожидалъ.

Потомъ комитетъ выбралъ предсѣдателемъ Ковалевскаго Егора Петровича; помощникомъ его—Кавелина; секретаремъ—Галахова; казначеемъ—Краевскаго. Предложили листъ, и затѣмъ было рѣшено поблагодарить министра за его радушное участіе въ нашемъ дѣлѣ. На меня возложили сказать ему привѣтствіе.

Мы, то есть члены комитета, всѣ отправились къ министру, которому я и сказалъ отъ лица всѣхъ небольшое привѣтствіе. Поговоривъ немного со всѣми, министръ, при прощаніи, оставилъ меня у себя и здѣсь онъ разсказалъ мнѣ, что происходило въ четверговомъ засѣданіи совѣта министровъ по поводу цензурнаго проекта. Были сильныя пренія. Впрочемъ, слияніе „бюро де прессъ“ съ главнымъ управленіемъ цензуры не встрѣтило сопротивленія. Это дѣло, повидимому, рѣшенное.

Но вообще въ ходѣ цензуро-литературныхъ дѣлъ являются два неприятныя обстоятельства. Во-первыхъ, государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородныя, разумныя и справедливыя доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большаго впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія. Во-вторыхъ,

цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это будетъ важная мѣра, но едва-ли полезная самому правительству. Тутъ одно изъ двухъ: новая власть должна или прямо пойти противъ всякаго движенія, что опасно; или ничего новаго не сдѣлать—и тогда, гдѣ-же и за кѣмъ останется побѣда?

Хуже всего то, что этимъ правительство совершенно отдѣлится отъ мыслящей и просвѣщенной части общества. Отдавъ интересы ея подъ надзоръ полиціи, какой-бы то ни было, тайной или явной,—министерство внутреннихъ дѣлъ,—оно тѣмъ прямо противопоставитъ ее себѣ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, о разумномъ уравнишеніи. Съ одной стороны лозунгъ: держи, останавливай, съ другой — прорывайся, обходи, ухищрайся, словомъ, дѣйствуй всѣми средствами, дозволенными и недозволенными. Это весьма неудачное подражаніе французскому порядку.

Все зависитъ отъ системы, которую правительство избереть, и отъ послѣдовательности и умѣнья, съ которыми оно будетъ ей слѣдовать.

Я полагаю возможнымъ соединеніе въ одномъ началѣ здравыхъ и свѣтлыхъ умовъ, откуда бы они ни приходили.

15. Воскресенье. Большіе толки объ отдѣленіи цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Я говорилъ графу Адлербергу мои мысли о политическомъ неудобствѣ этого отдѣленія. Впрочемъ, прибавилъ я, все дѣло въ томъ, чтобы послѣдовательно держаться какихъ-либо началъ, да не пугаться всякой статьи, несогласной съ принятыми и утвердившимися понятіями. Цензура должна главное—оберегать основной принципъ нашего государственнаго строя; прочее принадлежитъ къ обыкновеннымъ процессамъ вырабатывающейся и развивающейся жизни.

21. Суббота. Ѳздилъ въ Царское-Село къ графу Адлербергу. Роль моя по комитету книгопечатанія кончена, и баронъ (М. А.) Корфъ набираетъ своихъ членовъ въ новый главный комитетъ.

Корфъ ищетъ популярности. Можетъ быть, не слѣдовало-бы съ этого начинать, чтобы не пришлось потомъ поворотить оглобли.

22. Воскресенье. Очень тяжелое состояніе головы. Сегодня мнѣ даже сдѣлалось дурно. Опять былъ за совѣтомъ у Здекауера. Отъ него поѣхалъ къ ***.

*** утвердительно пророчески говорить, что управление Корфа больше года не просуществует.

Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ. Онъ такимъ образомъ возбудилъ надежды и притязанія, которыхъ самъ не будетъ въ состояніи выполнить. Тогда придется повернуть назадъ. Корфъ слишкомъ поспѣшилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться.

Уже начинается коалиція противъ новаго направленія.

Причина отдѣленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія, ходять слухи, самъ министръ. А за мѣсяцъ передъ этимъ вотъ что онъ мнѣ говорилъ:

— „Какъ Ковалевскій, я могу желать отдѣлаться отъ цензуры, потому что это тяжкое бремя. Но какъ гражданинъ, какъ русскій, я всѣми силами буду противодѣйствовать всякому покушенію отдѣлить ее отъ министерства народнаго просвѣщенія, потому что это можетъ имѣть пагубныя слѣдствія для литературы“.

И между тѣмъ, онъ-же первый, говорятъ, въ совѣтѣ министровъ, и предложилъ эту мѣру.

Дѣло въ томъ, что оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе зарятся на нее и затѣваютъ возни противъ Корфа, и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы пророчество *** оправдалось. Тогда, чего добраго, цензура, пожалуй, угодить и въ III-е отдѣленіе. Вообще, она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда-либо, игрищемъ случайностей. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше нахожу, что нашъ проектъ былъ самый разумный и наиболѣе сообразный съ выгодами литературы и самого правительства.

24. Вторникъ. Болѣзнь моя продолжается. Я даже нѣсколько дней не выхожу.

Вчера писалъ ко мнѣ баронъ Корфъ, прося меня къ себѣ по дѣламъ службы. Я отвѣчалъ, что уже пятый день болѣзнь препятствуетъ мнѣ выходить изъ комнаты, но какъ скоро получу облегченіе, буду имѣть честь явиться къ нему.

Министръ зоветъ меня завтра къ себѣ. Докторъ позволяетъ завтра выѣхать.

27. Пятница. Все еще дурно идутъ дѣла моего здоровья. Теперь жду доктора, а тамъ пушусь къ министру и къ Корфу.

Зачѣмъ звалъ меня Корфъ? Не понимаю! Не полагалъ-ли онъ, что я буду просить его взять меня въ новый цензурный комитетъ? Въ такомъ случаѣ онъ ошибся. Въ заключеніе онъ просилъ меня повидаться съ Тройницкимъ (Александромъ Григорьевичемъ) для объясненій—какихъ, о чемъ? Покрыто мракомъ невѣстности.

Отъ Корфа поѣхалъ къ Адлербергу который все время говорилъ о Корфѣ и его дѣйствіяхъ. Графъ хотѣлъ быть у него.

Министръ объяснилъ мнѣ, какъ произошло отдѣленіе цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это инициатива самого Государя, а внушеніе графа (С. Г.) Строгонова.

А. В. Нивитенко.

ЕПИСКОПЪ КИРИЛЛЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ.

Письма къ высокопреосвященному Макарію Булганову.

XIV ¹⁾).

13-го сентября 1861 г. Іерусалимъ.

Вы имѣете полное право погнѣваться на меня: такъ ужъ много ушло времени, а я все молчу, не отвѣчая даже на ваше дорогое письмо, полученное мною еще въ Яффѣ. Уповаю, впрочемъ, на милость вашу и смиреннѣйше испрашиваю прощенія. Съ своей стороны могу только увѣрить васъ, что не лѣнь была причиною медленности моего отвѣта. Любезное письмо ваше застало меня въ Яффѣ въ послѣдней борьбѣ съ недугомъ, который мучилъ меня съ половины февраля до половины іюля, и домучилъ до того, что я и пера держать въ рукахъ былъ не въ силахъ. Страданіе печени, сопровождавшееся почти ежедневною рвотою желчью и почти постояннымъ разстройствомъ нервовъ, довело меня до такого истощенія силъ.....

Очень благодаренъ о. Антонію, что онъ познакомилъ васъ съ нашимъ житьемъ-бытьемъ. Это избавляетъ меня отъ необходимости вспоминать, чего не хочется вспоминать и писать, о чемъ трудно писать. Невыразимо благодаренъ вамъ за сочувствіе и соучастіе въ моемъ положеніи. Не легко нго жизни вездѣ, но дружеское доброе слово не мало улаживаетъ горечь жизни. Особенно цѣнишь это въ глубокомъ одиночествѣ. Какъ-бы желалъ я, въ свою очередь, провести день-другой у васъ, и въ тиши вашего кабинета отвести душу въ бесѣдѣ съ вами — на старинный ладъ! Какъ-бы тепло намъ поговорилось! Сколько-бы горечи сшло съ души! Очень-очень понимаю скуку однообразія, тягость постоянного одиночества при разнообразіи житейскихъ дрягъ, и — вѣрьте —

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 796—804; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 131—142; т. LXVI, апрѣль, стр. 211—220.

чѣмъ больше о васъ думаю, тѣмъ горячѣе молюсь за васъ своею грѣшною молитвою.

Мысль ваша о прогулкѣ куда нибудь подальше казалась мнѣ не несущественною. Я все думалъ, что вамъ придется прокатиться въ Парижъ для освященія храма. Не знаю, какъ рѣшили этотъ вопросъ, вертѣвшійся около насъ съ вами: больше двухъ мѣсяцевъ ничего не получаю изъ Питера, но очень-очень пожалѣю, когда услышу, что выборъ обошелъ васъ. Въ такомъ случаѣ пожалуйста-ка къ намъ. Право, не хорошо у насъ дѣлаютъ, что такъ закупаютъ людей.

Что вашъ журналъ? Разрѣшенъ? Начать? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій объ этомъ, хоть, извините, не какъ сотрудникъ жду. Не беру своего слова назадъ и, если чѣмъ смогу послужить, всегда буду радъ. Но въ настоящую пору меня интересуетъ особенно вашъ собственно взглядъ на ваше предпріятіе. Изъ нашей дали многое кажется измѣнившимся въ видѣ и характерѣ въ любезномъ отечествѣ нашемъ,—журнальное дѣло во-первыхъ. Требования ужъ не тѣ, не тѣ и условия, что прежде, если не брать въ расчетъ плѣсеня неподвижнаго болота, именуемаго.... ну, извѣстно, какъ именуемаго. Мнѣ очень хотѣлось-бы знать, что вы хотите провести вашимъ журналомъ, вѣдь не желаніе-же занимать типографію лежитъ въ основѣ предпріятія, нынѣ болѣе серьезнаго, чѣмъ когда-нибудь. Что до меня касается, такимъ ретивымъ сотрудникомъ, какъ въ старыя годы, я уже быть не могу; безъ секретаря едва справляюсь съ корреспонденціею. Да и то сказать, только для васъ я разрѣшу немножко обѣтъ молчанія на все время пребыванія здѣсь, — обѣтъ, которому до сихъ поръ я былъ вѣренъ. И не знаю еще, гожусь-ли на что, втянувшись въ здѣшнюю жизнь, которая, правду сказать, мало имѣетъ общаго съ тамошнею. Во всякомъ случаѣ, для васъ я — покорнѣйшій слуга, только скажите, что вы хотите дѣлать и чего желаете отъ меня? Старѣть начинаю, вотъ бѣда!

Сію минуту (14 ч., 11 ч. у.) получилъ письмо изъ Петербурга. Пишутъ, что въ Парижъ отправился пр. Леонтій, хотя, къ чести его, весьма неохотно. Такъ вотъ-съ какъ! Ну, кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.

Видѣлись-ли вы съ Татьяною Борисовной? Много я виноватъ передъ ней сталъ, по милости своей болѣзни. Впрочемъ, надѣюсь, помирился. Съ слѣдующею почтою буду писать къ ней. Сегодня рѣшительно не въ состояніи: такъ уходилъ меня крестный ходъ въ храмъ Воскресенія. Ноги какъ будто бамбуками отбиты и весь нисуда не гождь.

Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

XV.

7-го декабря 1861 г. Иерусалимъ.

Любезное посланіе ваше отъ 2-го ноября получилъ я 3-го декабря. Сидшу отвѣчать на любезныя строки ваши. Простите мнѣ, мой добрый и безцѣнный владыка, старую вину. Буду стараться другой разъ быть исправнѣе, какъ теперь, напримѣръ. Но ту вину вы уже простили; непрощенною осталась та, которая, на мой взглядъ, казалась меньшею и даже почти не существовавшею. Сколько помнится мнѣ, я, обѣщая быть вашимъ (и только вашимъ, опять повторяю) сотрудникомъ въ созданномъ вами вновь журналѣ, просилъ предварительныхъ указаній и—статьи не обѣщала. Само собою разумѣется, что она и не явилась къ вамъ доселѣ, и не только къ вамъ, но и предъ мои свѣтлыя очи. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ вашего отвѣта на мои запросы, отъ которыхъ и теперь, извините, не отступаюсь. Прочелъ программу «Духовнаго Вѣстника»,—просторное поле! На мой взглядъ, одной мелочной лавочкой (гдѣ найдешь «чай, сало, сѣно и помаду, и все, что человѣку надо») больше, и признаюсь, душевно радуюсь, что вы много уже оборвали ее и запачкали. Только при этомъ условіи, да и то только именно при васъ мелочная лавочка можетъ обратиться въ чистый, опрятный и умно устроенный магазинъ, въ которомъ каждый можетъ, напередъ уже зная, найти что ему нужно и какого качества, и какой цѣны, безъ обмѣру и безъ обмѣсу.

Пишутъ мнѣ и изъ Петербурга, что ждутъ писемъ съ востока въ харьковскомъ журналѣ. Куда, какъ мнози возрадуются! А еще больше, сколь многіе найдутъ поводъ придратъ и ко мнѣ, и къ вамъ. Я отвѣчаю въ П., что именно, чтобы позвать способныхъ злиться при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, даже безъ всякаго случая, буду писать для харьковского журнала, и только для него.

Много-ли напишу и какво, самъ не знаю. Правду сказать, я подавленъ работою: вѣдь все на однихъ плечахъ,—службы, приемы, визиты, соображенія, донесенія и доклады, вся частная, полу-официальная и официальная переписка. Иногда голова кругомъ идетъ и мѣсяцевъ не видишь, какъ они проходятъ, не очищая всѣхъ долговъ. Потому-то и говорю, что не знаю, много-ли напишу. Буду стараться,—вотъ все, что могу сказать. Не знаю и какво напишу. Вѣдь ужъ и старѣть начинаю, и отъ прежней работы отвыкъ, разжился новыми воззрѣніями на вещи; а можетъ статься и приемы пера стали ужъ не тѣ, что вамъ прежде нравились. Правду сказать еще, не скоро поймешь, что и у васъ тамъ дѣлается. Того и смотри, придется не подъ ладъ; а вѣдь это весьма возможно тамъ, гдѣ нѣтъ ладу никакого. Буду тѣмъ радъ, чѣмъ буду богатъ. Побесѣдовать-бы—иное дѣло, нашлось-бы о чемъ. Но не надѣюсь скоро.

И отсюда меня не легко выпустили-бы; по глазу пришелся. Мѣсяцъ назадъ прибылъ сюда блаженнѣйшій. Теперь мы съ нимъ мѣняемся любезностями. Надобно сознаться, что большаго вниманія, расположенія и довѣренія нельзя было-бы и желать. Вчера мы отслужили съ нимъ втроемъ. Мило бы смотрѣть на старца, который затвердилъ-таки: «Господи, Господи (такъ здѣсь говорятъ сообразно греческому тексту), призи съ небесе», и произнесъ это изъ трехъ разъ (какъ обыкновенно здѣсь) два. Обѣдня шла пополамъ, и гречески и по-славянски; молебенъ и литія по императору Николаю—чисто по-славянски; только патріархъ прочиталъ на молебнѣ Евангеліе и сказалъ несколько возгласовъ по-гречески. На досугѣ я опишу вамъ эти службы.

А. С. Норовъ, гостящій теперь здѣсь, не нарадуется на мои отношенія къ патріарху. А ему-то въ Петербургѣ напѣвалъ К. и прочіе мои друзья не вѣсть что!

На Василья Андренча (который живетъ теперь у меня и вашему пресвященству усерднѣе приносятъ выраженіе своего почитанія) въ литературномъ отношеніи надежды мало.

Я не видалъ человѣка болѣе воспримчиваго и гибкаго въ своихъ соображеніяхъ, но и менѣе положительнаго, и менѣе способнаго сдѣлать хоть что нибудь годное къ дѣлу. Ради самого себя, при всѣхъ мнѣхъ настоянїяхъ, не хочетъ и не можетъ сдѣлать ничего путнаго, не смотря на множество запасовъ. Самъ ритянскій текстъ его съ ума сводить.

Я прошусь на время (на полгода или этакъ) въ Абиссинію, куда мнѣ проложена уже дорога. Тогда могу быть занимателенъ и съ особеннымъ удовольствіемъ буду сообщать вамъ свои впечатлѣнія, соображенія и, если Богъ поможетъ, нѣкоторые успѣхи. Не знаю только, позволятъ-ли, а жаль, если не позволятъ. Теперь время и обстоятельства самыя благопріятныя. По возможности посмотрѣлъ-бы и на коптовъ, съ которыми дружба ужъ есть. Постараюсь исполнить вашу волю. Если не помѣшаютъ дѣла, пришлю вамъ къ половинѣ января заглавную статейку.

Глубоко радусь, что вы здоровы и благодумствуете. Молю Господа, будетъ такъ всегда. Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

Пресвященный Мелетій сѣтуетъ на васъ, что вы ему не отвѣтили. Онъ, добрѣйшій и почтеннѣйшій старецъ, котораго я люблю, какъ отца роднаго, васъ уважаетъ глубоко.

XVI.

15-го іюня, 1862 г. Яффа.

Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что васъ можно поздравить съ новымъ
Усердно поздравляю. Спасенбо, спохватились, добрые люди!
Здѣсь все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Съ патріархомъ я
какъ нельзя лучше, и онъ оказалъ мнѣ двѣ огромныхъ услуги по
Сиріи и Египтѣ. Собственно въ св. градѣ одна громадная новость.
помогъ мнѣ, наконецъ, одолѣть вопросъ о куполѣ Гроба Господня.
принять въ Петербургѣ и Парижѣ, окончательно утверждены въ
нополѣ. Черезъ нѣсколько недѣль, можетъ быть, мы слышимъ
ота. Я не знаю мѣры своему вседушевному восторгу. Теперь, если
изъ Іерусалима, душа будетъ спокойна. Довольно, если хоть одно
сдѣлается... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

журнала написать хотѣлось хоть воспоминанія о путешествіи въ
. Не знаю, когда удастся. Да и не загрызли-бы!

XVII.

17-го генваря 1863 г. Іерусалимъ.

Пріятныя извѣстія о васъ ииѣю довольно часто; желаю, чтобы
да не было. Моя возня — обычная. Въ послѣднее время много при-
опотать по дѣлу о куполѣ Гроба Господня, которое надо-же при-
концу на основаніи тѣхъ началъ, которыя приняты и утверждены,
и вѣсь перетолковываются нашими пріятелями. Богъ милостивъ,
добрыя надежды, отправивъ самого старѣйшину въ Константинополь
ихъ хлопотъ. Старѣйшина отправился туда кавалеромъ св. Александра
что удалось мнѣ выхлопотать, равно какъ и орденъ св. Влад иміра
преосвященному Мелетію. Надо было утѣшить стариковъ; слава Богу,
сь. Изъ Петербурга только одну новость ииѣю, что братъ отпра-
да Кавказъ съ великимъ княземъ. Добрый часъ! Тамъ ему хорошо
Баль только старца-батюшку. Ему, чай, скучненько провожать и дру-
въ такую даль. Странная судьба нашей семьи! Впрочемъ, видно,
людна!.. Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XVIII.

18-го марта 1863 г. Іерусалимъ.

О. Аѳанасій, прибывшій сюда на поклоненіе, много порадовалъ меня, доставивъ вашъ портретъ и побесѣдовавъ со мною о васъ. За портретъ приношу вамъ усерднѣйшую благодарность: онъ много хорошаго сказалъ мнѣ о васъ. Видно, что здоровье ваше, слава Богу, хорошо; только сѣдины-то, правду сказать, у васъ порядочно прибыло, что, впрочемъ, также не некраситъ.

О. Аѳанасій не могъ мнѣ сказать, получили-ли вы мое письмо, которое, по моимъ расчетамъ, должно было быть у васъ гораздо ранѣе отправленія богомольца изъ Харькова. Досадно, если не дошло. Особеннаго въ этомъ письмѣ, правда, ничего не было; но, все-же, зачѣмъ ему пропадать?

Приношу вашему высокопреосвященству искренній привѣтъ съ праздникомъ Христова Воскресенія. Да пріосвѣтитъ васъ и да пріосвѣняетъ всегда радость Христова. Молюсь о семъ у св. гроба Воскресшаго съ живымъ и неизмѣннымъ усердіемъ, прося у Подателя жизни и сохраненія дорогихъ силъ вашихъ для продолженія многоплодныхъ трудовъ вашихъ на пользу св. церкви.

О насъ особенно написать нечего. Вѣчно одна и та же возня. Покончили дѣло греко-унитское въ Египтѣ, гдѣ, впрочемъ, мнѣ не удалось побывать доселѣ,—не удастся-ли послѣ Пасхи. Но только одни гости со двора—другіе на дворъ. По сосѣдству, въ окрестностяхъ Назарета и въ немъ самомъ поднялась возня. 77 печатей—подъ бумагой, грозящей онѣмеченьемъ добрыхъ сотенъ. Да вѣдь съ ножомъ къ горлу пристають. Толкуемъ теперь, что дѣлать. Охъ, край дорогой! Здоровье мое теперь, слава Богу, хорошо. Вчера помолился въ Геесиманіи; народу было, какъ въ праздникъ Успенія, полнохонекъ храмъ Владычицы, и чего-чего тутъ не было! Русскіе, греки, арабы, молдавы, валахи, сербы, болгаре, отъ востока и запада, и сѣвера, и моря... Да, бываютъ здѣсь минуты невыразимаго утѣшенія, какихъ въ другомъ мѣстѣ не найдешь. Оно можетъ, и по дѣломъ: бываютъ иногда и такіе тиски, что поискать, да поискать въ другомъ мѣстѣ. Вотъ только сію минуту свалилъ съ плечъ одну гору послѣ немалой возни. А эти исторіи—то и дѣло, иногда откуда и не ждешь. Не спитъ врагъ.

На-дняхъ попалось мнѣ произведеніе нашего приснопамятнаго Дм. Ив. Ростиславова, изданное не дома¹⁾. Трактуетъ онъ «объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи». Я узналъ его съ первыхъ строкъ, а потомъ и самъ онъ проговорился. Та же хандра, что и прежде, и въ идеяхъ впередъ не много

¹⁾ Профессоръ с.-петербургской духовной академіи Дмитрій Ивановичъ Ростиславовъ; портретъ его и Записки напечатаны въ «Русской Старинѣ».

подвинулся; не попятился назадъ и въ своей злости. Теперь пока — первый томъ въ 500 страницъ. Объявятся еще два. Посмотримъ и дальше, что будетъ пѣть. Особенно замѣчательнаго въ I-мъ томѣ мало; больше всего, разумеется, брани на монаховъ. Анекдотамъ объ Акимѣ Семеновичѣ и о пр. Варлаамѣ, которыми, бывало, пробаивался Дм. Ив. въ академіи, нашелся, наконецъ, сбытъ; они теперь красуются въ печати. Нашлось мѣстечко для хвалы приятелямъ, начиная съ Фортинскаго, и нѣсколько плоскихъ остротъ для не-любимцевъ; бѣдному Левисону достался-таки толчокъ: какая злопамятная голова! Теоретическія замѣчанія есть и дѣльныя. Я думаю, впрочемъ, что книга появится скоро и тамъ; найдутся сочувствующіе, не обойдется дѣло и безъ нотаций.

О. Николай Софроновъ (виновать, отчество забылъ) писалъ мнѣ письмо и просилъ объ устройствѣ иконы Успенія Божіей Матери. Съ удовольствіемъ готовъ исполнить его порученіе, но надо потерпѣть немножко; теперь много поклонниковъ и много хлопотъ у иконописцевъ. Послѣ Пасхи, Богъ дастъ.

О. Аванасій сказалъ мнѣ, что вамъ угодно было имѣть мою карточку. Были, да неудачны; теперь и этихъ не осталось. На-дняхъ сниму вновь, кстати-же фотографія у меня въ домѣ, у одного изъ моихъ пѣвчихъ. Не высокой артистѣ этотъ господинъ, но для самоучки онъ сдѣлалъ большіе успѣхи; подчасъ удается ему и хорошо. Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

XIX.

12 іюня 1863 г. Іерусалимъ.

..... Портретъ мой, о которомъ вы пишете, сказалъ вамъ не всю правду. Постарѣлъ и я, насколько можетъ постарѣть такая недоношенная натура, какъ моя. Года берутъ свое, а ихъ и у меня насчиталось ужъ 39 съ половиною.

Помогай вамъ Богъ въ трудахъ вашихъ! Многое не сразу удастся. При-мѣры преесв. Димитрія, а теперь и Кіевского, весьма поучительны. Но не все-же такъ будетъ идти, особенно послѣ такихъ нотаций свше, до какихъ дожили, наконецъ, доклады нашего вѣдомства. И дай Богъ, чтобъ теперешнее благопріятное время не было потеряно для серьезныхъ и истинно-полезныхъ улучшеній. Теперь слово развязано. Вѣрно, много правды скажется въ назиданіе авторитетамъ: и надобно! Хорошо-бы, если-бы печаталось то, что пишется и пишется во всѣхъ углахъ.

Братъ Александръ Петровичъ пишетъ мнѣ, что отъ петербургскаго духовенства отъ всего требуютъ мнѣнія, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Любопытно только узнать, будетъ-ли общимъ для всѣхъ мнѣній складомъ перво-престольная столица, или обличать ея труды..

На счетъ вашего назначенія въ синодъ, простите великодушно, я не раздѣляю вашей мысли. Что и говорить, не большая сладость сидѣть тамъ.

Но для дѣла нужно, чтобы ужь если сидѣть, сидѣли-бы люди... Мнѣ много пришлось поговорить съ прежнимъ оберъ-прокуроромъ. Расписалъ онъ мнѣ те-перешнихъ тамошнихъ сидѣльцевъ. Одинъ беретъ уступками вездѣ, гдѣ только уступка не явно... другой — добрый человекъ, но (слабъ); третій умонъ, но страшный интриганъ... (1863 г.). При вопросахъ, какіе нынѣ возникаютъ, такая обстановка дѣла положительно вредна, и нельзя не желать и не про-сить Бога, чтобы онъ послалъ на жатву достойныхъ дѣлателей.. Жатва много! Справедливо-ли, что теперь вызывается Смоленскій? Специалистъ въ своемъ родѣ, нечего сказать, но теперь-то ко времени-ли онъ?..

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XX.

4 декабря 1863 г. Иерусалимъ.

..... Я сижу покажѣсть еще здѣсь, — извините, — на безсмертно-разумной, полупечатной, полуписанной бумагѣ, которая и гонитъ меня отсюда неме-дленно, и приказываетъ подождать еще кой-какихъ распоряженій. Сижу и отъ скуки перечитываю нѣкія словонизверженія нѣкоторыхъ — «украинскихъ вое-водъ», какъ пишутъ. Хоть убей, не съумѣлъ-бы нарочно (а они вѣдь не нарочно пишутъ! Какъ пишутъ!) такъ написать, чтобы въ одно время видѣнъ былъ и лисій хвостъ, и волчій ротъ, — чтобы въ одной фигурѣ представились живьемъ и краснорѣчивое благочестіе смиреннѣйшаго Андрея Николаевича Муравьева, и воинскія доблести (царство небесное!) гр. Протасова, и эхидничество «исполнявшаго обязанности исправлявшаго должность», и (не-дальновидность) дальнѣйшей компаніи. Перечитываю и отвѣтное словонизвер-женіе четверицею, и жду, какъ говорятъ, погоды.

Что впереди? А Богъ вѣсть! Того, что было, нельзя было предусмотрѣть или предугадать; зачѣмъ-же хлопотать слишкомъ о будущемъ? Ничто не дѣ-лается въ мірѣ такъ себѣ; а тутъ есть ужь не ничто, а нѣчто... Угото-вихся и не смутихся, — вотъ пока все, что могу сказать о своихъ воззрѣ-ніяхъ на будущее; куда-же нибудь ведетъ Господь. Въ яму — съ слѣплыми поводырами? Пожалуй, и въ яму, лишь-бы указалъ ее перстъ Божій. Пока благодареніе Господу Богу и за тѣ великія милости, какими Онъ посѣщаетъ немощнаго и недостойнаго въ дни испытанія. И не безъ друзей и мы, и чужеродная дружба и участіе въ десять кратъ кажутся слаще среди горестей, испытываемыхъ со стороны своихъ. Какъ видите, все идетъ какъ слѣдуетъ идти въ семъ мірѣ коловратномъ...

Простите, мой безцѣнный владыка, все-таки я заболтался и, что хуже всего, о себѣ, да о себѣ; навывѣ, что-ль, послѣднихъ временъ, или ужь такая натура! Примите съ свойственною вамъ любовью мой сердечный привѣтъ съ

приближающимся праздникомъ Р. Х., въ который надѣюсь еще помолиться за васъ, съ вѣдомымъ вамъ горячимъ усердіемъ, въ пещерѣ вилеямской. Приношу мой искренне благожелательный привѣтъ вамъ и съ наступающимъ новымъ годомъ. Чего именно пожелать вамъ, право, не знаю; скажу свою мольбу Вѣдущему вся... Трудны времена наши; зрячимъ пожелаешь всей душой быть впереди стада; а бѣда и то, если глаза бросаются въ глаза... Вдали отъ центровъ могучей дѣятельности «званыхъ», пробываясь иногда изъ года въ годъ брызгами морской пѣны, доносящей до насъ кой-какія крупницы, «упавшія со стола» и потоптанныя порядочно подъ столомъ, не знаешь, право, о чемъ пожалѣть и чего пожелать: пожалѣть-ли о «котлетахъ» постническаго стола в. Антонія, или пожелать, чтобы попало подъ руки «рубцовъ» дѣйствительно постническое мясо, изъ котораго нельзя было-бы сдѣлать, съ перваго-же разу, по крайней мѣрѣ, «котлетъ». Грустные слухи и вѣсти о «наѣздахъ» на «правоправящихъ», особенно, когда ихъ слышишь здѣсь. Они путаютъ умы дальнихъ, смущаютъ сердца ближнихъ, утверждаютъ упорство своенравныхъ сектъ, ставятъ въ тупикъ самыхъ доброжелательныхъ. Мудрено-ль, что не знаешь иной разъ, о чемъ пожалѣть и чего пожелать? Но опять я заговорился, хотъ ужъ и не о себѣ. Двѣ ночи сряду вижу я во снѣ васъ и родныхъ... Еп. Кирилль Мелитопольскій.

XXI.

2-го августа 1864 г. Казань.

..... Последнее время въ Іерусалимѣ было столько хлопотъ, что, и изъ силъ выбываясь, едва-едва могъ справиться со всѣмъ; переписку вообще необходимость вынуждала отложить до поры до времени. Расчитывалъ было на досугъ и удобства морскаго путешествія; не удалось и тутъ: снѣвившееся нѣсколько разъ, но съ каждымъ почти разомъ болѣе и болѣе интересовавшееся мною и интересовавшее меня общество насильно вытягивало изъ каюты на палубу и завладѣвало всѣмъ моимъ временемъ. Въ Константинополѣ то-же самое. Прогостилъ я тамъ волею-неволею почти мѣсяцъ, но, ей-ей, не видалъ времени и не имѣлъ никакой возможности заняться чѣмъ-нибудь путнымъ образомъ. Жилъ попеременно въ двухъ квартирахъ—у патріарха Іерусалимскаго и въ нашемъ посольствѣ, и ни тамъ, ни тутъ не могъ провести получаса наединѣ, а и оттуда, и отсюда нужно еще было шнырять по разнымъ мѣстамъ и лицамъ....

Прибылъ я сюда какъ разъ кстати, къ самому празднику Казанской; только-что начали благовѣсть къ праздничной всеобщей, я тутъ и былъ. Съ владыкою Аванасіемъ увидѣлся я въ самый праздникъ. Добрый старецъ, смущаемый сначала страшною дичью разныхъ слуховъ, прокатившихъ

меня черезъ Римъ въ Лондонъ, передъ самымъ прибытіемъ моимъ не мало огорченъ былъ вѣстью, что я уѣзжалъ къ вамъ, мой добрый владыка, и у васъ остался (хорошъ постоялецъ!), отказавшись рѣшительно ѣхать въ Казань къ его высокопреосвященству. За то ужъ, когда свидѣлись, ласкѣ и привѣту конца нѣтъ. Видимся чуть ни каждый день, и какъ сойдемся, говоримъ - не наговоримся. Трижды отслужили вѣстѣ; дважды одному мнѣ предоставилъ онъ «явить себя мірови» въ церемоніяхъ. Спасибо и обществу казанскому всѣхъ слоевъ, и оно всячески старается приласкать и приголубить странника и пришельца. Сначала-то присматривались ко мнѣ, какъ къ диву какому заморскому, теперь и любить немножко начинаютъ.

Благодареніе Господу Богу за все! Благодареніе, между прочимъ, и за вѣсть, что васъ вызываютъ въ Петербургъ. Дай вамъ Богъ счастливаго пути и помощи вамъ въ трудахъ на пользу церкви святой, крѣпко нуждающейся, особенно въ наши тяжкіе дни, въ такихъ дѣятеляхъ, какиихъ даровалъ Господь быть вамъ. Не изъ нашего угла и не со вчерашняго дня несется къ вамъ это желаніе, вдали и давно приходилось мнѣ слышать его отъ людей, которые близко знали нужды церкви...

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXII.

28-го августа 1864 г. Казань.

А сердце-то вѣдь не то говоритъ, что предсказывало ваше посланіе отъ 19-го числа, вчера мною полученное. И не только обо мнѣ, но и о васъ. Какъ ни строго посланіе ваше или, вѣрнѣе, по тому самому, что оно строго, сердчишко мое говоритъ, что вы еще любите меня и что далеко еще до того, чтобъ мы стали другъ другу чужими. Обо мнѣ-же и толковать нечего. Чтобы попусту словъ не тратить, скажу только отъ сердца, что вы тогда мнѣ станете чужимъ, когда я выкину чтимое и возлюбленное имя ваше изъ своей вседневной молитвы, въ которую и родныя имена не всѣ входятъ, а ваше вошло лѣтъ 17-тъ назадъ, занявъ въ ней одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

Надѣюсь, вы не примете предыдущихъ строкъ за попытку доказывать то, чего нѣтъ, и колебать убѣжденія, по счастью, у васъ еще новыя. Я вовсе не такой словоохотливый болтуны, который-бы искалъ только случая поговорить, и вовсе не куртизанъ, который находилъ-бы удовольствіе въ угаживаньи за каждымъ встрѣчнымъ, въ вербованіи себѣ друзей на словѣ. Своенравенъ, упрямъ, горячъ—все, что хотите, но никогда не лгунъ и не фальшивый человѣкъ.

Иного не договорю, — подчасъ это бываетъ, когда говоришь чего не

должно: каюсь. Такъ было и есть въ отношеніи къ самой-то сути мое оригинальной исторіи. Я понимаю, какъ при вашемъ участіи ко мнѣ, желательно было-бы вамъ знать всю эту суть; не понимаю только одного, откуда закралась къ вамъ мысль, будто я не давалъ вамъ знать ея по неоткровенности передъ вами. Владыко мой, владыко мой, думаете-ли вы, что мнѣ легко было выносить все одному въ своей тощей груди, безъ возможности подѣлиться словомъ съ кѣмъ-бы то ни было, не исключая отца роднаго, безъ вреда для дѣла, не моего личнаго дѣла? А такъ было, отчасти такъ еще и есть... до времени. Судите, какъ хотите, браните, сколько угодно, пожалуй—разлюбите на мѣсяць-другой, все перенесу, а что не можно, то не можно.

Если-бъ заѣхалъ къ вамъ, было-бы немножко иначе; слово—не письмо, но и при немъ иначе было-бы только немножко. Да заѣхать-то было не должно. Время объяснить все, и придетъ часъ, когда вы не только не побраните, но еще и похвалите меня. Меня увѣрять въ этомъ уже бывалый опытъ: точь въ точь, какъ съ вами, была у меня исторія; только тотъ господинъ былъ нетерпѣливѣе моего дражайшаго владыки, съѣлъ хорошаго гриба, да потомъ уже въ толкъ вошелъ и сталъ благодарить.

Грустно мнѣ, и очень, очень грустно, что и на сей разъ не затянули васъ въ правительствующій... Именно теперь-то нужно было-бы вамъ именно быть тамъ. Что и говорить, вамъ собственно не радость сидѣть тамъ; да церкви-то Божіей было-бы это куда благопотребно въ нынѣшнее время; годомъ позже, быть можетъ, будетъ уже поздно. Не я одинъ такъ разсуждаю, но и другіе, которые получше меня знаютъ, кто и кого, зачѣмъ и какъ тамъ вызываютъ.

Весьма и весьма опечалило меня словцо ваше о вашемъ здоровьѣ. Господь съ вами! Что такое съ вами дѣлается? Родной климатъ, всѣ удобства движенія и покоя: зачѣмъ и отъ чего ивораете? Путный-ли докторъ-то у васъ? Мнѣ, признаюсь, немножко страннымъ показалось, что васъ врачуютъ желѣзными ваннами,—сколько ни ломаю голову, никакъ въ толкъ не возьму, что-бы это значило. Еще-бы внутрь давать желѣзо, туда-сюда; но ванны,—ей-ей, не постигаю.

Отъ всей души молю Господа, да хранить онъ васъ на благо и радость церкви своей, усерднѣе прося и вашей святой молитвы обо мнѣ грѣшномъ, да упредить путь мой, хоть-бы пролесть онъ и черезъ Соловецкій, или Спасо-Бвфиміевскій, гдѣ какъ будто нарочно вѣдь насажены коноводами мои пріатели.

• Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXIII.

3-го февраля 1865 г. Казань.

..... Времени вовсе не видится, а немочи даютъ иногда себя чувствовать вотъ и все. Говорятъ, что монахи въ монастыряхъ только «воду толкутъ». Кажись, и правду говорятъ, если взять во вниманіе однообразіе монастырской жизни, какъ каткомъ сглаживающей дни, между которыми не видишь разницы: все, кажется, понедѣльникъ тянется, хоть на дѣлѣ, смотришь, и пятница прошла; такъ и недѣли за недѣлями мелькаютъ, складываясь въ мѣсяцы, когда уже пройдутъ. На мою долю выпала «честнѣйшая» обитель Казанская, самая древняя по Казани и самая досточтимая по святынѣ. Но стѣны—развалины, а братцы мои хуже стѣнъ; такъ, по крайней мѣрѣ, засталъ я. Все тутъ было пьяно, самъ монастырь не имѣлъ другаго званія, кромѣ «нѣяный монастырь», и кромѣ черемисъ да чувашей никто туда не заглядывалъ, да и у тѣхъ обирали гривенники за святыми воротами, обѣщая отслужить молебень послѣ.... послѣ, т. е. того, какъ пристроютъ гривенникъ въ ближайшемъ «на выносъ». Сначала и руки было опустились; но Богъ подавъ свою помощь и терпѣнія нѣкую долю. Я отдался монастырю, какъ будто въ немъ и для него родился. Словомъ ничего не подѣлаешь; я рѣшился сдѣлаться вполне монахомъ и за собой тащить вытревляющуюся братію. По немножку, слава Богу, дѣло пошло на ладъ, даже безъ сиѣны старыхъ отцовъ (одного только выкурить, ученаго, доказывавшаго мнѣ, что пошь служить обѣдню не для себя, а для народа и, слѣдовательно, можетъ пріобрѣненіе отложить и до другаго дня, коли почувствуетъ, что онъ уже достаточно пьянъ). Приструнилъ старичковъ; изъ молодежи образовалъ хоръ, приличный и архiereю; устроилъ чинъ Богослуженія по-монастырски, какъ быть слѣдуетъ,—и народъ сталъ ходить, да еще какъ усердно, и Спасскій монастырь сталъ зваться только Спасскимъ...

Все это куплено недорогою цѣною — собственнаго притѣра. Но тутъ-то и бѣда. Утрени, обѣдни и вечерни поглощаютъ много времени, а иногда и утомляютъ маленько: вотъ и первая изъ причинъ несправности моей по другимъ частямъ, и по части корреспонденціи между прочимъ. Пожалуй, можно-бы прибавить словцо и о разныхъ посѣщеніяхъ, окрадывающихъ промежутки между службами; но это не такъ существенно. Поважнѣе на-бѣгающая по временамъ хворь, хоть и не такая, на которую-бы можно особенно жаловаться. Монастырскимъ трудамъ она не мѣшаетъ, но трудно съ ней бываетъ ладить, когда возьмешься за перо. Семи-лѣтняя теплынь повзвѣжила насъ; а Казань нѣженокъ не разбираетъ. Морозы-бы еще и такъ, и сакъ, но эти гнилые безсолнечные дни, въ которые дышешь какииъ-то паромъ, ломаютъ спину, разгоняютъ сонъ и тревожатъ нервы, доводя до мучи-

тельной истомы—хуже смерти. Хандра—слово для меня не совсѣмъ ясное; но состояніе разстроенныхъ нервовъ бываетъ хуже хандры: ни писать, ни читать не хочется; не хочется ни ходить, ни сидѣть, ни лежать, ни говорить, ни молчать. По несчастью, такую штуку сыграла со мной наша зимушка на самыхъ святкахъ, съ Крещенья, надѣливъ меня какой-то глухой простудой, отразившейся на печени: почти три недѣли я былъ, что называется, самъ не свой. Вотъ другая причина моей неисправности по части корреспонденціи, вспомагаемая подчасъ и любезною братією, которая нѣтъ-нѣтъ, да и удружить.

Наилучшее утѣшеніе нахожу я для себя въ бесѣдахъ съ своими почтеннѣйшими сосѣдомъ, здѣшними старцемъ. Онъ полюбилъ меня и заботится обо мнѣ съ трогательнымъ участіемъ. Виднися мы часто, и ужъ какъ сойдемся, не считаемъ часовъ; иногда за полночь забесѣдуемъ, а все еще не наговоримся. Въ дѣла епархіальныя я не мѣшаюсь; досугъ свой наполняю чтеніемъ, въ которомъ, при огромной библіотекѣ владыки, недостатка нѣтъ; онъ-же и новинками со мною дѣлится. Читаю—не начитаюсь, теперь, Черниговской догматики, дѣлясь впечатлѣніями со старцемъ. Ну, блеснулъ новый Зерникавъ-Черниговецъ, какъ читаетъ это прозвище пр. Филаретъ. Какія прелести разсыпаны по мѣстамъ, сущіе маргариты (напр. т. 1, стр. 110, пр. 28)! За нынѣ высшія соображенія, пожалуй даже, не поглядели-бы по холкѣ (стр. 246, строка 17 и пр.); въ догматиѣ-то, дескать, можно-бы и обойтись безъ соображеній высшей политики. Отъ «писанія» покажѣсть воздерживаюсь—по причинамъ, о которыхъ повѣдаю вамъ послѣ: теперь ужъ и безъ того заболтался... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXIV.

23-го апрѣля 1865 г. Казань.

Христосъ Воскресе! При всемъ желаніи, при всей внутренней потребности, все-таки не удалось мнѣ написать вамъ мой сердечный привѣтъ къ празднику. Боли, да службы, изъ которыхъ сложился мой нынѣшній великій постъ, тяжелый для всѣхъ казанцевъ, но въ особенности тяжкій для насъ—азіатцевъ, заставили меня удовольствоваться привѣтомъ вамъ молитвеннымъ.

Но вотъ приближается и день вашего ангела. Радуюсь, что хоть на сей разъ имѣю возможность быть поисправнѣе. Примите, дорогой и возлюбленнѣйшій владыка, мое вседушевное поздравленіе.

О себѣ что написать вамъ? Вотъ ужъ тишь-то да гладь, да Божья благодать! Хлопоты только съ обителю, да и то небольшія и весьма пріятныя (потому что успѣшны), а затѣмъ—вольный казакъ. Мѣрно, какъ маятникъ, и мирно идутъ дни за днями, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ

капли воды. Мирствую и я душою, наполняя свободное время разнообразными занятіями по своему вкусу. Если-бъ еще климатъ хорошій, лучше-бы ничего и не пожелать. А то климатъ-то столько-же непривѣтливъ, сколько привѣтливъ люди... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXV.

19-го декабря 1865 г. Казань.

..... На болѣзнь какую-нибудь жаловаться не могу. Чувствуется только общее ослабленіе физическихъ силъ, не мѣшающее, впрочемъ, умственной дѣятельности, держащее только меня, какъ на привязи, дома, откуда и отлучаюсь только черезъ день къ ближайшему сосѣду—владыкѣ; да на прошлой рискнулъ выѣхать отслужить обѣдню для дворянъ (по случаю выборовъ) за внозапную,—слава Богу, кратковременною,—болѣзнию владыки. Теперь и пописать, хоть немножко, и можется, и хочется. Хочется въ духѣ прежней любви привѣтствовать васъ, дорогой мой владыко, съ наступающимъ праздникомъ Христовымъ и новымъ годомъ. Радость міра, Христось да укрѣпляетъ васъ благодатными утѣшеніями своими въ вашихъ непрерывныхъ, такъ мало впомоществуемыхъ, трудахъ на пользу церкви вообще и предстоятельствующей вами въ особенности. Онъ же, Владыка времянь, да благословитъ для васъ и новое лѣто и благоплодіемъ жатвы отъ посѣянаго, и благовременіемъ сѣянія для будущаго.

Хочется и еще, и крѣпко хочется, испросить вашей молитвенной помощи моему неможению, лишшающему меня многихъ и изъ подручныхъ утѣшеній. Прошу и уповаю и проч.

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

О. М. Бодянский къ архимандриту, впоследствии митрополиту Макарію Булганову.

I.

29-го сентября 1847 г.

Ваше высокопреподобіе, почтеннѣйшій отецъ архимандритъ! Съ чувствомъ особеннаго удовольствія и искреннѣйшей благодарности получилъ я ваше послѣднее сочиненіе «Введеніе въ Православное Богословіе»; одинъ экземпляръ его поднесъ, по вашему желанію, «Историческому обществу», а другой оставилъ у себя. Дай Богъ отблагодарить мнѣ васъ чѣмъ-либо подобнымъ, хоть и въ совершенно другой области вѣдѣнія! Сколько могу судить о богословіи, не занимаясь имъ съ самаго выхода изъ семинаріи, и судить

но отрывкамъ, прочитаннымъ тамъ и сямъ въ вашемъ сочиненіи, вы послѣднимъ производите новую эпоху въ нашей богословской литературѣ. Давно-бы уже пора нашимъ богословамъ подарить насъ, православнаго словесія въ подобномъ объѣмѣ, а не какихъ-либо тощихъ книжонгословіемъ, которое-бы не стыдно было намъ показать католическимъ гаванскимъ богословамъ. Особенно нынѣ, при такомъ напряженномъ и соплеменниковъ нашихъ, православныхъ и неправославныхъ, и азваннаго запада къ нашей церкви, когда вѣроисповѣдныя вопросы ляются на первомъ планѣ въ современномъ движеніи. Вы, по всему, требованія своего вѣка и сдѣлали превосходное начало выполненія коннаго требованія. Дай Богъ вамъ силъ и терпѣнія на славу церкви, самихъ себя!

ите мою чувствительнѣйшую благодарность еще за доброе ваше мнѣннхъ трудахъ по изданію «Чтеній Общества». Добрый отзывъ одей, подобныхъ вамъ, вливаетъ въ меня всякій разъ новую охоту и эти дѣло, однажды начатое, по крайнему своему разумію. При семъ сть препроводить къ вамъ, какъ № 9-й за прошлый годъ (который, нѣ сложной и кропотливой раскраски приложенныхъ при немъ изо, доселѣ не былъ вамъ высланъ, какъ и многихъ другихъ членамъ), такъ равно и № 1-й третьяго года, вышедшій на этихъ дняхъ. о, дѣлаю дѣло какъ разумію; сдѣлалъ-бы лучше, если-бы зналъ, а ольше—имѣлъ возможность.

непритворнымъ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

О. Водянский.

II.

17-го февраля 1849 г. Москва.

ятно, до васъ дошли уже слухи изъ Москвы о прекращеніи «Чтеній ствѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ универси- Да, «Чтеній» нѣтъ уже болѣе, и не будетъ! Въ «Обществѣ» выступили а позорище; секретарь и предсѣдатель сложили съ себя свои званія лись во-своаяси. Не знаю, что и какъ станется съ «Обществомъ», по о не принимаю и не приму отнынѣ никакого въ немъ участія, ни ни косвеннаго. Говорятъ, что оно собирается что-то издавать, даже печатно прокричало уже о вступленіи своемъ въ «новый фазъ жизни». Богъ ему всего хорошаго! Но, желая хорошаго, я, однако-же, вовсе отъ мысли поступиться ему своимъ добромъ, и рѣшился матерьялы, енные для слѣдующихъ книжекъ, внесши за нихъ слѣдующее, удер- собою и потомъ выпустить въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ есть нѣсколько а памятниковъ на церковно-славянскомъ (или древне-бугарскомъ) языкѣ,

печатанныхъ церковныхъ писемъ, которые нуждаются для появленія своего въ свѣтъ въ одобреніи духовной цензуры. Могу-ли обратиться объ этомъ съ покорнѣйшей просьбой къ вамъ, какъ члену духовнаго цензурнаго комитета? Здѣшняя духовная цензура отличается, не говоря о прочемъ, въ особенностяхи, какъ извѣстно, своею медлительностью, ни на что не похожую. Избѣгая этой бѣды, я намѣреваюсь прибѣгнуть къ с.-петербургской духовной цензурѣ, и просить васъ похлопотать о моемъ дѣтищѣ у нея. Памятники эти извѣстны намъ въ переводахъ новѣйшихъ съ греческаго, но тутъ представляются въ переводѣ X—XI столѣтій, что важно для насъ въ филологическомъ отношеніи. Можетъ-ли духовная цензура разрѣшить изданіе ихъ въ ученое отношеніи, не обязывая печатаніемъ въ духовной типографіи? Последнее было-бы величайшимъ затрудненіемъ, потому что половина ихъ уже отпечатана для предполагавашагося помѣщенія въ «Чтеніяхъ» подъ цензурой Общества (т. е. съ его опредѣленія). Если духовная цензура разрѣшитъ печатаніе, то я вышлю въ нее, по вашему наставленію, половину въ корректурныхъ листкахъ, а другую въ спискахъ. Не считаете-ли вы тутъ нужнымъ обратиться съ просьбой въ св. синодъ или къ его оберъ-прокурору? Или же и безъ того можно обойтись гораздо проще и вѣрнѣе? Всякое вразумленіе и совѣтъ вашъ въ этомъ, столько для меня важно, дѣлѣ приму съ величайшею благодарностью горячо признательнаго человѣка, и почту себя счастливымъ, если когда-либо представится мнѣ случай сдѣлать вамъ угодное.

Съ отличнѣйшимъ уваженіемъ и проч. О. Бодянской.

III.

15-го марта 1849 г. Москва.

..... Отъ всей души благодарю ваше высокопреподобіе за то теплое участіе, какое вы выразили къ теперешнему моему положенію въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 1-го марта текущаго года. Есть-же, однако, люди, кои сумѣли оцѣнить доселѣшнія мои дѣйствія на полѣ отечественной словесности и исторіи. Дай Богъ мнѣ сохранить и впередъ ихъ расположеніе и доброе мнѣніе!

Другое спасибо приношу вамъ за готовность вашу быть посредникомъ мнѣ въ сношеніи съ с.-петербургской духовной цензурой. Все, какъ вы изволили написать мнѣ въ своемъ письмѣ, будетъ сдѣлано мною точь въ точь. Теперь я кончиваю кое-что къ назначеннымъ къ отправленію статьямъ, потомъ велю каждую переплести въ особую книгу и послѣ Святой вышлю въ Петербургъ на ваше имя съ прошеніемъ въ «комитетъ духовной цензуры при сиб. духовной академіи». Вы сдѣлаете чрезвычайно доброе дѣло посредничествомъ своимъ въ этотъ случаѣ. Если-бы что-либо понадобилось представить на разрѣшеніе св. синода, то я просилъ-бы убѣдительнѣйше объ одномъ, чтобы, не

я еще къ тому, извѣститъ меня предварительно, въ чемъ именно встрѣ-
омнѣніе, и я тотчасъ, съ своей стороны, отнесся-бы о томъ къ нѣ-
членамъ синода и, буде нужно, къ самому оберъ-прокурору. По-
то такая мѣра принесетъ свой плодъ добрый.

ятно, вы получили уже 1-ю книгу «новофазной» дѣятельности
историческаго общества, подъ именемъ «Временникъ». Всего луч-
паю ему, особенно признанія заслугъ другихъ. Между 14-ю листами,
ющими нынѣшнюю книгу «Временника», цѣлыхъ 9-ть изготовлены
и «Чтенія», и однако-же, хоть-бы гдѣ ни есть одно словцо о томъ:
влено было для Чтеній». Такой образъ дѣйствій еще болѣе утвер-
ня въ необходимости взять поскорѣе запасъ свой назадъ отъ подоб-
бросовѣстныхъ и выпустить его особо.

совершеннымъ почтеніемъ и проч. О. Бодянской.

Дм. Ив. Ростиславовъ къ епископу Манарію Булганову.

3-го ноября 1852 г.

е преосвященство!.. Нынѣ я получилъ двѣ выписки изъ академиче-
авленія; при одной изъ нихъ препровожденъ ко мнѣ аттестатъ о
жбѣ, а другою меня извѣщаютъ о назначеніи мнѣ полнаго профес-
жалованья въ пенсіонъ. Последнее извѣстіе было для меня очень,
еще множество очень пріятно; продолжительная моя болѣзнь, забота
іе за свою будущность слишкомъ много меня беспокоили; теперь,
я добрымъ людямъ, я безбѣдно и спокойно могу доживать оставшіеся

е преосвященство! Я теперь уже не принадлежу къ академіи, не служу
ду служить нигдѣ, не имѣю и не могу имѣть никакихъ видовъ спе-
этому мнѣ нѣтъ нужды предъ вами лицежѣрить, нѣтъ никакой пользы
вамъ; примите-же мои слова, какъ слова человѣка совершенно сво-
независимаго, не имѣющаго никакихъ надеждъ, ни на что не расчи-
аго, а желающаго только высказать вамъ свои чувства.

одарю васъ, ваше преосвящ—о, благодарю искренно отъ всей моей души,
о моего сердца, отъ всего моего дряхлаго существа, благодарю за
астіе, которое вы приняли во мнѣ. Участіе это тѣмъ больше требуетъ
ности съ моей стороны, что я при васъ, какъ начальникѣ, почти во-
служилъ, а вамъ, какъ человѣку, дѣлалъ даже много несприятностей;
одна доброта вашего сердца, одно благородство характера могли васъ
гь дѣйствовать въ мою пользу. Притомъ, мнѣ кажется, что только
съ я и могъ получить полную пенсію; только ваше ходатайство
ышшимъ начальствомъ могло дать такой благопріятный оборотъ моему

дѣлу; при вашемъ предшественникѣ я, разумѣется, не получалъ-бы того, что теперь имѣю, хотя-бы онъ и сталъ ходатайствовать.

Позвольте мнѣ еще повторить вамъ полную, сердечную, искреннюю мою благодарность. Жалѣю только о томъ, что состояніе моего здоровья и мое положеніе едва-ли позволятъ мнѣ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ словъ, отблагодарить васъ. Но если-бы, ваше преосвященство, я на что-нибудь оказался годнымъ для васъ, Бога ради, требуйте отъ меня всего, къ чему я еще способенъ; исполненіе вашихъ желаній будетъ для меня истиннымъ удовольствіемъ, настоящимъ наградою.

Не желаю больше утомлять васъ, хотя въ душѣ у меня много еще остается, что мнѣ слѣдовало-бы высказать вамъ; но позвольте мнѣ еще, еще и еще благодарить васъ, ваше преосвященство, за ваше доброе и благородное ходатайство обо мнѣ. Съ искреннимъ уваженіемъ, сердечною преданностію и благодарностію остаюсь, и проч. Статскій совѣтникъ Дмитрій Ростиславовъ.

Петръ Александровичъ Плетневъ епископу Манарію Булганову.

I.

26-го іюня 1852 г. Спб. университетъ.

Не зная, къ кому обратиться по дѣлу, чрезвычайно близкому къ моему сердцу, я беру смѣлость беспокоить васъ, преосвященнѣйшій владыко, предчувствуя, что вы не откажетесь раздѣлить сердечныя мои заботы.

Мнѣ удалось устроить, что тѣло покойнаго В. А. Жуковскаго, котораго я всю жизнь любилъ, какъ отца, перевезено будетъ въ Россію и предано землѣ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Я больше всего желаю, чтобы могила Жуковскаго была рядомъ съ могилою Карамзина, или, по крайней мѣрѣ, близко, такъ какъ они равно великіе писатели и прагъ ихъ равно дорогъ для всѣхъ образованныхъ людей.

Покорнѣйшая просьба моя къ вашему преосвященству состоитъ въ слѣдующемъ: не соблагovolите-ли вы помочь мнѣ для извѣщенія вдовы Жуковскаго, чтобы я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, во 1-хъ, что никакого не встрѣтятся препятствія получить мѣсто близъ могилы Карамзина; во 2-хъ, сколько вдова обязана будетъ внести въ монастырскую кассу за означенное мѣсто; въ 3-хъ, какую сумму, примѣрно, платять за хорошій (конечно, безъ притомъ роскоши и тщеславія) мраморный памятникъ надъ могилою?

Если я буду такъ счастливъ, что ваше преосвященство, собравъ эти свѣдѣнія, удостоите сообщить ихъ мнѣ, то я приму это одолженіе съ чувствомъ истинной признательности и того почтенія, и проч. П. Плетневъ.

II.

17-го іюля 1852 г.

ска искреннѣйшую благодарность за сообщеніе мнѣ свѣдѣній, необходимо случаю приближающагося срока похоронъ В. А. Жуковскаго, долгаю донести вашему пресвященству, что тѣло покойнаго изъ Штета-Петербургъ на пароходѣ должно прибыть въ слѣдующій вторникъ, 17-го текущаго іюля, разумѣется, ежели чего-либо особеннаго не провъ пути.

Я позволяю себѣ оставаться въ полномъ убѣжденіи, что указанное вашимъ пресвященствомъ мѣсто для погребенія Жуковскаго въ ногахъ у могилы Каменнаго будетъ никѣмъ занято, и что новая тутъ могила тотчасъ будетъ выстроена, и лишь будетъ сообщено о томъ по принадлежности монастырскому

управленію, и проч. П. Плетневъ.

III.

14-го апрѣля 1855 г.

Ваше высокопревосходительство! Примите искреннѣйшую благодарность мою за этотъ подарокъ, который отъ васъ я имѣлъ честь получить сегодня. Цененіе ваше, «Исторія русскаго раскола», для нашихъ ученыхъ служитъ образцомъ, какъ надобно собирать историческіе матеріалы, и водить ихъ къ единству прагматическаго сочиненія, и наконецъ, вѣрять исторію въ высокомъ ея значеніи.

Видя талантъ вашъ, какъ историка и вообще какъ писателя, я довольно надивился вашему терпѣнію, трудолюбію вашему и умѣнью для кабинетныхъ трудовъ время посреди непрерывныхъ занятій, которыми возложены на васъ разныя должности. Читая новое сочиненіе ваше, я остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли, будучи еще молодѣе, извлечь совершенно изъ новыхъ источниковъ, никѣмъ не извѣстныхъ, столько подробныхъ свѣдѣтельствъ о предметѣ, можно сказать, не тронутымъ, и внести столько занимательности и убѣдительности въ сочиненіе чисто специальное.

Подкрѣпите Господь силы ваши и любовь къ труду! Цѣните и храните себѣ то и другое! Вами начинается новый свѣтъ въ духовной литературѣ нашей. Прекрасная утренняя заря вызвала всѣхъ къ пріятнѣйшимъ занятіямъ роскошнаго дня и сладостнаго вечера. Но безъ крѣпости силъ и любви къ труду ничего нельзя достигнуть. Итакъ, будьте трудолюбивы

умѣренно, и наслаждайтесь успѣхами въ блаженной независимости отъ суда мірскаго.

Прося благословенія вашего, и проч. П. Плетневъ.

IV.

15-го ноября 1859 г. Спб.

Пресвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастыр! Получивъ сегодня почтеннѣйшее письмо вашего пресвященства отъ 8-го ноября, спѣшу принести вамъ сердечную благодарность за эти драгоценныя для меня строки.

Касательно приказаній вашихъ, долгомъ считаю донести вамъ единожды навсегда, что немедленное и усерднѣйшее исполненіе ихъ составлять будетъ не только пріятнѣйшую для меня обязанность, но и душевное удовольствіе, по чувству неизмѣннаго моего къ вамъ уваженія и преданности. Итакъ, покорнѣйше прошу почаще снабжать меня ими.

Сію-же минуту (не смотря на воскресенье) я отправляю записку къ академическому чиновнику, завѣдывающему разсылкою изданій нашихъ, чтобы онъ немедленно справился, не отправлена-ли по ошибкѣ V-я книга «Ученыхъ Записокъ» отдѣленія (последняя изъ явившихся въ свѣтъ, а VI-я еще печатается и не ранѣе явится, какъ въ 1860 году), вмѣсто Харькова, въ Тамбовъ, по прежнему вашему мѣстопробыванію тамъ.

До сентября съ начала весны я находился заграницею. Вотъ почему могли случиться нѣкоторыя неисправности по отдѣленію. Если V-я книга «Уч. Зап.» не была къ вамъ отправлена, то завтра-же ее пошлютъ въ Харьковъ. О сочиненіи вашемъ: «Русская митрополія» и подумать невозможно, чтобы не только редакторъ, но и все отдѣленіе съ восторгомъ не пожелало видѣть его въ числѣ своихъ ученыхъ трудовъ. Замедленіе появленія его произошло отъ небольшого разстройства финансовъ нашихъ, по причинѣ котораго мы вынуждены были въ 1859 году, вмѣсто V-го и VI-го томовъ «Ученыхъ Записокъ», ограничиться выпускомъ въ свѣтъ пока одного только V-го. Я теперь особенно занятъ возстановленіемъ разстроившагося немножко порядка въ распредѣленіи суммъ отдѣленія, и надѣюсь на милость Божию, что это мнѣ удастся сдѣлать въ непродолжительномъ времени.

Позвольте надѣяться мнѣ на продолженіе благорасположенія вашего пресвященства къ отдѣленію, котораго вы составляете подпору и украшеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и ко мнѣ, всегдашнему искреннему читателю вашихъ доблестей, ученыхъ заслугъ и христіанской кротости.

Съ отличныиъ почтеніемъ, и проч. П. Плетневъ.

V.

19-го октября 1862 г. Спб.

о честь довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, что мною бумага ваша съ перечисленіемъ ученыхъ и литературныхъ вашихъ въ продолженіи текущаго 1862 года.

но мнѣ доложить вамъ, что состояніе здоровья моего въ девять по-мѣсяцевъ такъ было разстроено, что я по дѣламъ моимъ въ качествѣ сельствующаго въ отдѣленіи русскаго языка и словесности сносился посредствомъ пересылки бумагъ, не будучи въ состояніи лично при-ти въ засѣданія.

неблагопріятное обстоятельство оказалось для меня самымъ огорчи-по отношенію къ вышеупомянутой вашей бумагѣ. Я, виѣсть съ официальными бумагами, отправилъ ее съ казеннымъ нашимъ раз-къ къ письмоводителю отдѣленія для предьявленія ея въ засѣданіи. ставьте-же, ваше высокопреосвященство, мое огорченіе и отчаяніе, ѣ сдѣлалось черезъ нѣсколько дней извѣстнымъ, что этой бумаги не между посланными съ нею. Разносчикъ или письмоводитель не до-ва цѣлостью посланнаго мною въ связкѣ бумагъ—до сихъ поръ я не могу.

ду тѣмъ, чтобы не терять болѣе драгоцѣннаго времени, можетъ быть, сныхъ разысканія, я рѣшился обратиться съ покорнѣйшею прос-вашему высокопреосвященству и умолять васъ, не можете-ли вы при-готовить другую копію съ утратившейся бумаги и доставить ее

те великодушны и простите человѣка, который по причинѣ болѣзни предъ вами столь виновнымъ.

тличнымъ почтеніемъ, и проч. П. Плетневъ.

нъ Ивановичъ Давыдовъ—къ высокопреосвященному Манарію.

5-го октября 1858 г. Спб.

е преосвященство! Съ неизяснимымъ удовольствіемъ получилъ я вашего преосв—ва, виѣсть со статью: «Русская митрополія въ ходный періодъ». Радостно было также узнать, что вы, послѣ и утомительныхъ заботъ, теперь здоровы и спокойны.

менно сообщилъ я объ этомъ отдѣленію, и всѣ члены поручили мнѣ но принести вашему преосв—ву искреннѣйшую благодарность за

теплыя чувствованія и литературное приношеніе. Мы часто говоримъ о васъ, гордимся вами, какъ сочленомъ своимъ, и лишь только о томъ сожалѣемъ, что лишены вашей сладостной бесѣды.

Упомянутая статья будетъ напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ»; воспоминаніе-же объ Иннокентіи, вмѣстѣ съ моимъ отчетомъ, уже помѣщено въ нихъ, но безъ оттисковъ того и другаго, по небрежности типографской. Теперь вновь набираются и мой отчетъ, и ваше воспоминаніе; по отпечатаніи, я ихъ доставлю вашему преосв.—ву.

О благотворныхъ дѣйствіяхъ вашихъ по нравѣ тамбовской я получаю свѣдѣнія отъ добрыхъ знакомыхъ моихъ, Федоровыхъ, которыхъ вы удостоили своимъ посѣщеніемъ и благословеніемъ. Всѣ отъ васъ и отъ слова вашего въ восхищеніи,—а академикамъ это и любо.

Занятія наши продолжаются попрежнему—въ мирѣ и тишинѣ; трудяся для русскаго слова, сколько другія служебныя обязанности позволяютъ. По четвергамъ и субботамъ въ бесѣдѣ нашей мы отдыхаемъ. Надѣемся къ празднику академическому издать новый томъ «Ученыхъ Записокъ» и дополненіе къ «Областному словарю».

Досточтимый и любимый всѣми президентъ нашъ возвратился изъ заграницы, слава Богу, съ обновленнымъ здоровьемъ. На третій день по приѣздѣ онъ уже былъ въ общемъ собраніи любезной для него академіи.

Испрашивая архипастырскаго благословенія вашего и поручая себя молитвамъ вашимъ, съ глубочайшимъ уваженіемъ и безпредѣльною преданностью имѣю честь остаться навсегда, и проч. Иванъ Давыдовъ.

Сообщ. Е. Н. Булгакова.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АУСТЕРЛИЦКАГО БОЯ.

1805 г.

Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя, по разсказу князя Репнина, давно уже извѣстенъ въ печати. Имъ уже воспользовался Михайловскій-Данилевскій въ своемъ сочиненіи: «Описаніе первой войны императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году. — С.-Петербургъ, 1844 г.». Но по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, нашъ историкъ могъ только отчасти воспроизвести этотъ драгоцѣнный историческій документъ, т. е. письмо къ нему участника Аустерлицкаго сраженія, князя Репнина, отъ 15-го апрѣля 1844 года. — Въ настоящее время, письмо это впервые печатается, на стр. «Русской Старины», полностью, безъ всякихъ пропусковъ.

Н. Е. Шильдеръ.

Яготинъ, 15-го апрѣля 1844 года.

М. г. Александръ Ивановичъ. Во время тяжелой болѣзни получилъ я благосклонное письмо вашего пр—ва, отъ 30-го января, а потому не причтите поздній отвѣтъ мой равнодушію, читалъ, напротивъ того, строки, коими вы меня почтили, съ чувствомъ сильнѣйшей благодарности; я принялъ ихъ, какъ знакъ лестной для меня дружбы вашей, и вы, милостивый государь, среди скромнаго моего уединенія и страданій всякаго рода, утѣшили меня доказательствомъ, что люди съ благородными качествами, съ отличнымъ умомъ, съ честью и усерднымъ прохожденіемъ службы государю, вспоминаютъ еще иногда о прежнемъ своемъ товарищѣ.

Согласно съ желаніемъ вашего пр—ва, обратясь къ временамъ давнимъ, изложу одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ жизни моей, ибо онымъ приобрѣлъ я особенное благоволеніе покойнаго государя нашего.

При выступленіи гвардіи нашей изъ Кракова, она раздѣлена была на три эшелона; послѣдній составленъ изъ Кавалергардскаго полка, батарейныхъ гвардейскихъ орудій и лейбъ-гренадерскаго полка; отрядъ нашъ прошелъ чрезъ Ольмюць два дня послѣ движенія нашей арміи къ Вишау, за которою мы, не останавливаясь, послѣдовали. 19-го ноября ночевали мы въ двухъ миляхъ отъ Аустерлица, влѣво отъ большой дороги, столь мало помышляя о сраженіи, что Кавалергардскому полку приказано было готовиться къ инспекторскому смотру; зачали чиститься, одѣваться, пудриться, придѣлывать чепраки, вновь привезенные изъ Петербурга, но съ разсвѣтомъ услышали мы пушечный гулъ, и едва выступили, какъ получили повелѣніе отъ великаго князя Константина Павловича поспѣшить на рыхахъ. Пройдя Аустерлицъ, увидѣли мы весь горизонтъ, покрытый боемъ, и, открывъ мѣсто, занимаемое гвардейскимъ корпусомъ, поспѣшили къ оному въ соединеніе; шаговъ за 300 не доходя, встрѣтили мы великаго князя, (который) сказалъ намъ: «выручайте пѣхоту».

Я командовалъ 4-мъ эскадрономъ; предшествовавшіе три, пройдя плотину, двинулись вправо, но я, увидя, что французская кавалерія дѣйствительно передо мною на плечахъ Семеновскаго полка въ рукопашномъ боѣ около его знаменъ, рѣшился идти прямо; за мною послѣдовалъ 5-й эскадронъ и штандартный конвойный взводъ, отвозившій ихъ въ Аустерлицъ. Почти въ то-же время подоспѣлъ къ намъ полковникъ Оленинъ съ двумя эскадронами конно-гвардейскаго полка — и мы совокупно исполнили приказаніе великаго князя и выручили пѣхоту, но сами попали въ жесточайшій бой: на насъ устремилъ Наполеонъ весь свой гвардейскій резервъ, и прямо на меня ударилъ генералъ Раппъ съ конно-гренадерами, гидами, мамелюками и жандармами. Я былъ раненъ въ то время, и вообще всѣ офицеры Кавалергардскаго полка, бывшіе въ семъ бою, запечатлѣли кровью своею мѣсто сраженія; солдаты почти также, ибо изъ моего эскадрона вышло только 18 человекъ невредимыхъ.

Генералъ Раппъ собралъ свѣдѣнія объ именахъ раненыхъ офицеровъ, приказалъ перевести насъ въ амбулансъ главной квартиры, а самъ поскакалъ съ денесеніемъ къ Наполеону.

Вскорѣ увидѣли мы и сего знаменитаго вождя; онъ началъ разговоръ свой слѣдующими словами: «Votre nom, Monsieur?»

— «Prince Repnin».

N. Vous commandiez la garde de l'Empereur de Russie?

R. Je suis colonel et chef d'escadron dans le régiment des chevaliers gardes.

N. Votre régiment a fait noblement son devoir.

R. C'est une belle recompense que d'avoir l'approbation d'un grand homme.

N. Je vous l'accorde avec plaisir; quel est ce jouvenceau à côté de vous?

R. C'est le fils du général Souchtelen, il sert comme lieutenant dans mon escadron.

N. Il est venu bien jeune se frotter à nous.

Souchtelen. On n'a pas besoin d'être vieux pour être brave.

N. Bien répondu, jeune homme, vous ferez votre chemin. Qu'on aie soin de ces messieurs, qu'on les mène à mon bivouac et qu'on dise à Larrey de visiter leurs blessures. Au revoir, prince Repnin.

Приказаніе Наполеона было въ точности исполнено; мы нашли въ шалахахъ, выстроенныхъ для его главной квартиры, самый радушный пріемъ и попеченіе о нашихъ ранахъ; но это не долго продолжалось. При сумерняхъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ немедленно укладываться и отправить тотчасъ плѣнныхъ въ Брюннъ; послѣ узналъ я, что эта суматоха произошла отъ появленія предъ Аустерлицемъ шедшаго прежде съ нами лейбъ-гренадерскаго полка и гвардейскихъ батарейныхъ орудій. Ихъ почли французы за авангардъ Бенингсенова корпуса, и какъ въ то-же время Наполеонъ получалъ донесенія о сближеніи эрцъ-герцога Карла къ Вѣнѣ, о движеніи эрцъ-герцога Фердинанда изъ Иглау къ Цнайму и о поголовномъ возстаніи венгерцевъ, то онъ, оставивъ наступательныя дѣйствія, отправилъ маршала Сульта въ Никольсбургъ, Давута—къ Пресбургу и генерала съ баварцами и другими нѣмецкими ополченіями—къ Цнайму; самъ-же съ гвардией и Удинотовскими гренадерами перешелъ въ Брюннъ, оставивъ единственно Мюрата съ кавалеріей предъ нашими аванпостами.

Но на разсвѣтѣ явился князь Лихтенштейнъ въ бивуакъ къ Наполеону съ предложеніемъ свиданія съ императоромъ Францомъ, чѣмъ австрійская монархія болѣе была поражена, нежели Аустерлицкимъ сраженіемъ.

Въ Брюннѣ собралось насъ раненыхъ 6 кавалергардскихъ офицеровъ и 17 уланскихъ, съ храбрымъ ихъ начальникомъ Егоромъ Ивановичемъ Меллеръ-Закомельскимъ; по всей справедливости, мы не могли довольно нахвалиться обращенію съ нами; почтеннѣйшіе французскіе генералы посѣщали насъ часто, особенно генераль Раппъ, который, удостовѣрившись, наконецъ, что мнѣ возможно было выѣхать, объявилъ мнѣ приглашеніе Наполеона явиться къ нему на другой день въ полдень; меня ввели во внутренніе покои занимаемаго имъ архіерейскаго

дома. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Наполеонъ и, оставшись одинъ со мною, началъ разговоръ слѣдующими словами:

N. «Comment vont vos blessures, prince Repnin?»

R. «Bien, Sire».

N. «Je vous ai fait venir pour vous charger de porter encore une fois des paroles de paix à l'Empereur Alexandre; pourquoi nous faisons-nous la guerre, quand nous...»

R. «Excusez, Sire, mon audace de vous interrompre pour vous dire, que je suis uniquement soldat, complètement étranger à la politique et même à la cour de l'Empereur, ainsi que je ne puis vous faire la moindre réponse».

N. «Je ne vous demande que de rendre à l'Empereur Alexandre mot à mot ce que je vais vous dire».

R. «C'est un devoir de fidélité envers mon souverain».

N. «Ecoutez-moi donc bien; vous pourrez rejoindre l'Empereur dans quelques jours s'il suit son armée; dites lui que s'il avait écouté mes propositions et accepté une entrevue entre les avant-postes, je me serais soumis à sa belle âme, il m'aurait déclaré ses intentions pour procurer le repos à l'Europe et j'y aurai souscrit; mais à sa place il m'a envoyé un freluquet impertinant qui a osé l'être avec le chef d'une armée française au milieu de ses colonnes. Qu'en est-il résulté? Nous nous sommes battus et c'est actuellement moi, qui a le droit de dire mes intentions. Mais nous pouvons nous rapprocher encore, qu'il m'envoie un plénipotentiaire à Vienne, pas un de ces courtisans qui forment son état-major. La vérité est loin des souverains; Alexandre est né pour le trône, je le suis devenu et mes anciens camarades, mes ci-devant chefs n'osent plus me la dire.

«Mais parlons de la bataille, quelle idée de vous étendre comme vous l'avez fait, de séparer vos colonnes; il faut masser son armée, l'avoir pour ainsi dire dans ses poignées pour la jeter toute entière à la face de son ennemi».

R. «Mais, Sire, j'ai eu l'honneur de vous dire que je ne suis que colonel, mon rôle est de voir et de combattre ce qui est devant moi et non au delà, surtout d'obéir et de ne point raisonner».

N. «Repnin, vous êtes l'opposé de Dolgorouki, vous êtes trop modeste, mais au reste Alexandre devait bien perdre cette bataille, c'était sa première et ma quarantième».

R. «Je suis persuadé, Sire, qu'après la leçon que vous lui avez donné il n'aura pas besoin de venir à ce nombre pour prendre sa revanche».

N. «Monseur se fâche».

Je n'oserai le faire, mais un soldat ne peut être indifférent que l'on dit de son souverain».

Allons, faisons la paix, colonel, entre nous cela sera facile, nous estime».

Un bonheur de plus pour moi; je conserverai toute ma vie le souvenir de votre bienveillant accueil».

Adieu, Repnin, je vous rend à votre souverain, comme preuve que j'ai de rétablir nos anciennes relations d'amitié».

Выходъ отъ Наполеона приглашенъ я былъ къ роскошному ужину съ маршалами и генераль-адъютантами, по окончаніи котораго вручилъ мнѣ пропускной билетъ чрезъ аванпосты въ Парижъ и обратно, прося меня извѣстить его объ успѣхѣ дѣлаемаго доклада для доклада Наполеону.

Ольмюцъ нашель я князя Чарторижскаго, ожидающаго ежеденно отъ государя уже изъ Петербурга; онъ взялся немедленно его величеству разговоръ мой съ Наполеономъ и мнѣ сообщить маршалу Бертье, что ему, какъ управляющему дѣломъ иностранныхъ дѣлъ, извѣстна всегдашняя склонность нашего къ миру, но не иначе, какъ принявъ за основаніе предложенія, сдѣланныя изъ Берлина г. Новосильцова, нѣкоторыми однако-жъ измѣненіями по послѣднимъ обстоятельствамъ. Съ этимъ отвѣтомъ возвратился я черезъ два дня въ Парижъ, но, не нашедъ уже тамъ главной квартиры, извѣстилъ писаря маршала Бертье.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ ко мнѣ подполковникъ французскаго генеральнаго штаба Regault съ словеснымъ отвѣтомъ отъ Бертье, императору Наполеону угодно видѣть меня и офицеровъ, подполковниковъ моихъ бывшихъ, въ Парижѣ, и что ему приказано сопровождать насъ, съ запрещеніемъ останавливаться въ Вѣнѣ и окрестностяхъ ея.

Въ Вѣнѣ ни обходились со мною благосклонно, но содѣлавшись вновь свидѣніемъ, я извѣстилъ о семъ посла нашего при австрійскомъ дворѣ находившагося тогда въ Ольмюцѣ, и старался медлить сколько возможно отъѣздомъ. Наконецъ, мы отправились, но вскорѣ были остановлены проѣздомъ флигель-адъютанта Ланскаго, котораго благоволеніемъ государю императору послать для размына нашего; по прибытіи нашемъ въ Линцъ, Ланской объявилъ намъ, что ему удалось достигнуть на размынъ маршала Бертье, и вручилъ намъ пропуска, съ которыми поспѣшили мы въ Вѣну, очищенную уже французами.

Въ описаніе одного изъ важнѣйшихъ происшествій жизни моей, несмотря на 38-ми-лѣтнюю отдаленность, я сохранилъ въ памяти

всѣ подробности онаго; но дряхлая и грустная старость помѣшала мнѣ въ скорости исполнить приглашеніе вашего пр—ва, въ чемъ вторично прошу у васъ извиненія.

Собравшись съ силами, постараюсь сообщить еще нѣкоторыя свѣдѣнія, достойныя быть упомянутыми въ общемъ историческомъ отношеніи. Васъ, милост. государь, избралъ е. и. в. составить живой памятникъ предшественнику своему, который передастъ потомкамъ нашимъ примѣры твердаго упованія на Бога, пламенной любви къ отечеству и непоколебимой вѣрности государю,—незыблемыя основы величія Россіи.

Окончу длинное письмо это искреннимъ увѣреніемъ въ тѣхъ чувствахъ совершеннаго почтенія и душевной преданности, съ коими имѣю честь быть вашего пр—ства покорнѣйшимъ слугою. Князь Репнинъ.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА

1807 г.

Въ дополненіе къ подробнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ мартовской и августовской книгахъ «Русской Старины» изд. 1890 г., о благотворительной дѣятельности императрицы Маріи Теодоровны, подъ заглавіемъ: «Смоленскій монастырь 1797—1805 гг.», считаемъ весьма полезнымъ указать на мнѣніе, выраженное по тому-же предмету, съ европейской точки зрѣнія, генераломъ Савари, однимъ изъ ближайшихъ и извѣстныхъ сотрудниковъ Наполеона I-го.

Въ 1887 г. основано въ Парижѣ ученое общество дипломатической исторіи (Société d'Histoire diplomatique), которое съ тѣхъ поръ издаетъ журналъ, подъ заглавіемъ: «Revue d'Histoire diplomatique», въ видѣ четырехъ книжекъ въ годъ. Въ послѣднемъ его выпускѣ, № 3-мъ, помѣщено, съ предисловіемъ французскаго историка графа Вандаля (Albert Vandal) ¹⁾, нѣсколько донесеній, найденныхъ имъ въ Archives nationales, которыя въ 1807 г. были отправлены Наполеону I-му изъ С.-Петербурга его адъютантомъ Савари (Savary).

Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, на генерала Савари возложена была чрезвычайная миссія въ С.-Петербургъ, иначе сказать, онъ былъ отправленъ, какъ это обыкновенно выражается официально, съ особымъ порученіемъ къ императору Александру I. Вандаль, по изученіи документовъ, найденныхъ въ Palais du Quai d'Orsay (французское министерство иностранныхъ дѣлъ), прямо говоритъ, что генералу Савари приказано было произвести при російскомъ дворѣ

¹⁾ Въ 1882 г. онъ издалъ въ Парижѣ очень любопытное изслѣдованіе: Louis XV et Elisabeth de Russie, étude sur les relations de la France et de la Russie au XVIII siècle.

дипломатическую рекогносцировку, en explorateur, т. е. посредством внимательных наблюдений. Рекомендую ему, между прочимъ, направить всѣ усилія свои къ тому, чтобы въ петербургскомъ высшемъ кругу образовать «французскую партію», Талейранъ оканчивалъ его инструкціи знаменательнымъ наставленіемъ: «Tâchez de savoir beaucoup, en demandant peu» (старайтесь узнавать многое, отнюдь не пускаясь въ разпросы).

Но послѣ Аустерлица и Тильзита общественное мнѣніе въ Россіи было сильно возбуждено противъ Наполеона. Наиболѣе негодовала на сближеніе съ нимъ государя его мать, вдовствующая императрица, а она-то именно давала тонъ двору и всей аристократіи. Императоръ выказывалъ самое благоговѣйное вниманіе къ своей родительницѣ. На большихъ выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ онъ велъ ее подъ руку, а царствующая императрица, Елисавета Алексѣевна, одиноко шествовала за ними. Усаживались высочайшія особы въ четырехъ-мѣстную карету такъ: императрица Марія Феодоровна занимала въ глубинѣ экипажа правую сторону, императрица Елисавета Алексѣевна—лѣвую, а государь садился на переднюю банкетку или сопровождалъ обѣихъ государынь верхомъ. Онъ никогда не начиналъ парада войскамъ, не дождавшись своей матери. Два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ къ ней на поклонъ въ Павловскъ и иногда оставался ночевать тамъ. Въ Петербургѣ была, какъ и теперь, одна только труппа французскихъ актеровъ. Иногда императрица вызывала ихъ къ себѣ дня на три. Тогда столица оставалась безъ французскаго театра. Многіе вельможи зачастую ѣзжали въ Павловскъ, хотя имъ оттуда приходилось возвращаться ночью.

Положеніе наполеоновскаго посланца, при такихъ условіяхъ, оказалось чрезвычайно труднымъ. Аудіенціи у императрицы Маріи Феодоровны данъ былъ характеръ, нѣкоторымъ образомъ, частный. Приѣмъ состоялся въ почти загородномъ Таврическомъ дворцѣ и при весьма скромной обстановкѣ. Савари сознается, что приѣмъ былъ сухъ и продолжался нѣсколько менѣе одной минуты ¹⁾.

¹⁾ Нерасположеніе императрицы Маріи Феодоровны къ генералу Савари могло быть усилено тѣмъ, во-первыхъ, что онъ въ 1804 году, въ качествѣ полковника жандармеріи, распорядился исполненіемъ смертнаго приговора надъ герцогомъ Англенскимъ, по которомъ нашъ Дворъ надѣлъ трауръ, и во-вторыхъ, что, послѣ Аустерлица, Савари былъ временно губернаторомъ Пруссіи. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Наполеона I, начиная съ египетскаго и, за командованіе дивизіей, получилъ титулъ герцога Ровиго. Въ 1808 году онъ былъ главнокомандующимъ въ Испаніи, а въ 1810 г. былъ назначенъ министромъ полиціи. Въ 1815 г. онъ послѣдовалъ за Наполеономъ на островъ св. Елены, но былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и 7 мѣсяцевъ спустя бѣжалъ съ острова

мъ, проходили недѣля за недѣлю, и положительно всѣ бар-
 въ Петербургѣ оставались для него закрытыми. Взрывъ
 ма былъ общій, но наполеоновскому служакѣ казалось порою,
 іе вельможи брезгали имъ, между прочимъ, оттого, что онъ
 жаль къ чуждой имъ, необтесанной средѣ. Этого онъ и впо-
 не простилъ российскому дворянству, отзываясь о немъ
 неуважительно въ своихъ депешахъ. Графъ Вандаль, вида
 личность, строго осуждаетъ за это генерала Савари.

ослѣдному во что-бы то ни стало необходимо было добиться
 исполнить тѣмъ возложенное на него порученіе. Онъ тер-
 овель свои траншеи и, мало по малу, навязался ¹⁾ въ из-
 степени нѣсколькимъ семьямъ, проникнувъ въ ихъ дома-
 мъ, государь постоянно былъ ласковъ съ нимъ и благоскло-
 нему, и это не оставалось безъ вліянія на высшее петер-
 общество.

о-же, для Савари всего важнѣе было сблизиться съ тѣми,
 ыли взысканы расположеніемъ вдовствующей императрицы и
 и ея интимный дворъ. Изъ числа ея постоянныхъ собесѣд-
 му всего болѣе помогъ оберъ-шенкъ и президентъ академіи
 ѣ, кн. А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, бывший передъ
 ѣйскимъ посланникомъ въ Дрезденъ и Туринъ ²⁾. За то
 ревозносить его свѣтлый умъ, его всестороннее образованіе,
 ть его приверженцемъ Наполеона (*enthousiaste de notre*
).

о болѣе мѣсяца со времени пріѣзда французскаго посланца
 бургъ, когда онъ узналъ отъ нѣсколькихъ придворныхъ, что
 ца Марія Ѳеодоровна начинаетъ снисходительно отзываться
 и французамъ. Тогда онъ рѣшился весьма ловко коснуться

ъ 1831 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Африкѣ и,
 въ 1774 г. въ Арденнахъ, скончался въ мѣстѣ служенія своего
 ду. Онъ издалъ въ 1828 г. „*Mémoires pour servir à l'Histoire de*
Napoléon“. Эти записки считаются весьма важнымъ историческимъ
 ѣ. (См. Bouillet, *Dictionnaire d'Histoire et de Géographie*, Paris,
 1607).

nit par s'imposer dans une certaine mesure.

концѣ XVIII столѣтія онъ былъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ, Дидро,
 Даламберомъ и вообще съ энциклопедистами; онъ имѣлъ прекрас-
 ную галерею, устраивалъ у себя домашніе спектакли; въ его домѣ
 ецъ Е. П. В. вел. кн. Сергія Александровича) собирались эмигранты.
 лъ нѣсколько сочиненій на французскомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ.

В. О. В.

ея чувствительной струны и рискнулъ (j'ai hasardé) обратиться оберъ-гофмаршалу съ просьбою быть допущеннымъ къ посѣщенію Смольнаго монастыря, Екатерининскаго института, Маріинской больницы, Воспитательнаго дома и другихъ заведеній, которымъ оказывала особенное покровительство.

Сутки спустя, Савари получилъ увѣдомленіе, что императрица приказала показать ему эти учрежденія во всѣхъ подробностяхъ какъ ихъ показываютъ ей самой. Онъ успѣвши побывать всюду, и нашелъ возможность довести до ея свѣдѣнія свое восхищеніе (admiration) всѣмъ имъ видѣннымъ.

Мы знаемъ, что пріемомъ ея онъ не былъ къ тому подкупленъ и вотъ въ какихъ, уже вполне безпристрастныхъ, выраженіяхъ Савари донесъ о своихъ впечатлѣніяхъ императору Наполеону:

— «Le nom de cette souveraine commande ici la vénération publique. La pratique de toutes les vertus honore sa vie; tous les grands établissements de charité, de bienfaisance et d'humanité, tels que les Orphelins, les enfants-trouvés, les pauvres, les femmes en couche, l'éducation des demoiselles nobles, orphelines ou pauvres, et, en général tout ce qui appartient en Russie à cette partie, porte son nom; elle en est la fondatrice ¹⁾, la première directrice et le premier administrateur. J'ai vu tous ces établissements et dans chacun on reconnoît la marque d'une puissante protection. Quand elle est à S.-Pétersbourg elle visite régulièrement toutes ces maisons; elle préside elle-même les conseils d'administration, réforme les dépenses, dirige les maîtres et les professeurs, donne les instructions, assiste aux cours à la fin de l'année, distribue même les récompenses et fait les mariages. On voit dans ses appartemens des meubles brodés par ses petites pensionnaires. Il n'y a pas d'officier général ou particulier tué, dont les enfants ne deviennent les siens. Aussi sa puissance en Russie est établie sur la reconnaissance, l'amour et le respect de toute la nation».

Переводъ. Имя этой государыни обязываетъ здѣсь всѣхъ къ благоговѣнію. Исполненіе всѣхъ подвиговъ добродѣтели сдѣлало жизнь ея почтенною. большія благотворительныя и человеколюбивыя заведенія, какъ напр. сиротскій училища, воспитательные дома, богадѣльни, пріюты для роженницъ, воспитаніе

¹⁾ Говоря, что всѣ эти заведенія называются Маріинскими и что императрица Марія Феодоровна ихъ основательница, Савари ошибается. Это дѣлываетъ только, какъ великъ былъ тогда ея престижъ. Оба Воспитательнаго дома, Смольный монастырь и оба Екатерининскіе института были основаны Екатериною II, и лишь послѣ кончины императрицы Маріи Феодоровны всѣ эти заведенія императоромъ Николаемъ I присвоено было наименованіе учреждений императрицы Маріи.

ихъ дѣвицъ, сиротъ, бѣдныхъ и вообще все, что касается въ Россіи до верднн, называется Маріинскимъ. Императрица есть основательница ая ихъ начальница и первый администраторъ. Я посѣтилъ всѣ эти . Во всѣхъ видны слѣды могущественнаго покровительства. Когда тво бываетъ въ Петербургѣ, она постоянно посѣщаетъ всѣ эти заве- предѣдательствуетъ сама въ мѣстныхъ совѣтахъ, опредѣляетъ рас- правляетъ учителей въ преподаваніи, присутствуетъ на выпускныхъ , сама раздаетъ награды и выдаетъ своихъ воспитанницъ замужъ. та мебель въ ея покояхъ. Осиротѣвшія дѣти каждаго убитаго на ерала или умершаго на службѣ чиновника тотчасъ-же становятся . Велѣдствіе всего этого, могущество императрицы Маріи Теодоровны въ Россіи на благодарности, любви и почтеніи всей націи.

дствіи Савари говорить: «Я исчислилъ средства, какими ождать вдовствующей императрицѣ и настаиваю на томъ, Франціи чрезвычайно важно снискать ея расположеніе». Въ ля нея подарковъ, какъ напр. гобеленовъ, севрскаго фарфора, и ліонскихъ тканей, онъ совѣтуетъ осторожно соображаться усомъ, и т. п.

ременному характеру своей миссіи, Савари все смотритъ объясняетъ, какими, по его мнѣнію, долженъ обладать и постоянный французскій посолъ въ Петербургѣ, и пред- прислать съ нимъ секретарей изъ высшаго общества, обра- и съ талантами, дабы они могли соперничать въ успѣхахъ съ нашими гвардейскими офицерами, пріобрѣтали-бы такимъ вліяніе и были полезны своему правительству.

йно также вниманія, что съ самоувѣренностью наполеонов- движника, Савари не стѣсняется называть тѣхъ посланни- званія конхъ изъ Петербурга, на его взглядъ, надо было , какъ агентовъ, враждебныхъ Франціи. Замѣчательно, что я на это, изъ числа ихъ, датскій и неаполитанскій послан- афъ Бломъ и герцогъ Серракапріола, сохранили свои посты о во все царствованіе Александра I, но и въ началѣ цар- императора Николая Павловича.

Баронъ Э. А. Бюлеръ.

ГЕРОЯМЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Печатаемое здѣсь стихотвореніе покойной поэтессы Юліи Валеріановны Жадовской, подъ названіемъ „Героямъ Севастополя“, не вошло ни въ одно полное собраніе ея сочиненій и явилось лишь въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ части неофициальной, № 38, 1856 года, на стр. 273, и въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ того же года.

А. П. Полетаевъ.

24-го августа 1890 г.

Г. Кострома.

Вамъ глубокой отъ насъ и поклонъ и почетъ,
Наша русская хлѣбъ-соль съ привѣтомъ,
Вы народа краса, Руси крѣпкій оплотъ,
Ваша слава гремитъ передъ свѣтомъ.

И встрѣчаемъ мы здѣсь васъ, гостей дорогихъ,
И гордимся присутствіемъ вашимъ,
И чего не доскажетъ смиренный мой стихъ,
Полнимъ сердцемъ доскажется нашимъ.

Мы молились за васъ, были съ вами душой,
Какъ вы твердо предъ смертью стояли,
И ни день, и ни часъ,—цѣлый годъ роковой,
Вы въ лицо ей безстрашно взирали....

Отдаленныхъ потомковъ сыны затвердятъ
Имена ваши, славныя вѣчно.
Отъ конца до конца вашихъ подвиговъ рядъ
Пронесется молвой безконечной.

Здѣсь же, каждый изъ насъ, и теперь и позднѣй,
Съ восхищеніемъ и гордостью скажетъ:
„Я ихъ видѣлъ героевъ, желанныхъ гостей“.
И гдѣ видѣлъ, то мѣсто покажетъ.

Юлія Жадовская.

КЪ ИСТОРИИ С.-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО НАВОДНЕНІЙ

1703 — 1890 гг.

Мѣсто, на которомъ построенъ Петербургъ, было въ послѣднотопное время — дномъ обширнаго моря, простиравшагося на СВ. до Ледовитаго океана, а на ЮЗ. до нынѣшняго Балтійскаго моря. Съ С. его ограничивали высокія горы нынѣшнихъ Швеціи и Финляндіи, а съ Ю. горныя возвышенности (нынѣ до 50—80 сажень высоты надъ уровнемъ моря). Это обширное море имѣло естественное и сильное теченіе по направленію съ СВ. на ЮЗ., вслѣдствіе изліянія въ него водныхъ массъ Ледовитаго океана. Съ ходомъ времени, въ теченіи многихъ вѣковъ, по естественнымъ законамъ природы, съ постепеннымъ поднятіемъ дна моря, пониженіемъ уровня воды въ послѣднемъ и возвышеніемъ, по его сторонамъ, высотъ материка, образовались два моря, одно на СВ., другое на ЮЗ., соединенныя широкимъ морскимъ проливомъ; по этому-то проливу въ 862 году отъ Р. Х. и приплыли „изъ-за моря“, на морскихъ судахъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, въ Ладогу, (нынѣ Старая Ладога, на р. Волховѣ), которая тогда стояла на берегу моря. Позже изъ сѣверо-восточнаго моря обособилось уже обширное и глубокое озеро, получившее финское названіе „Нево“ (по сказанію нашего перваго лѣтописца Нестора въ IV-мъ вѣкѣ). Воды этого озера, изливаясь въ морской проливъ между нимъ и Финскимъ заливомъ юго-западнаго Варяжскаго моря (нынѣ Балтійскаго), съ постепеннымъ ограниченіемъ пролива въ ширину и глубину, образовали рѣку, названную, по имени озера „Нево“ (нынѣ Ладожское), „Невою“.

Таково происхожденіе рѣки Невы, на которой, при устьяхъ ея, въ 1703 году Петръ I началъ строить городъ, названный имъ Санкт-петербургъ. Причины и цѣль построенія его при устьяхъ Невы въ Финскій заливъ были исторически естественны и понятны, —

именно, открытіе, наконецъ, для Россіи выхода въ Балтійское море и въ западную Европу.

Все это, повторяемъ, было весьма естественно и понятно и съ историческими стремленіями и выгодами Россіи вполне согласно. Но этого Петру I показалось мало—и онъ, въ новозавоеванный имъ на отдаленномъ сѣверо-западѣ край и въ новостроенный на Невѣ городъ перенесъ изъ Москвы—„сердца Россіи“, столицу послѣдней. Вотъ это уже далеко не такъ естественно и понятно, если только не объяснить того нелюбовью Петра I къ Москвѣ изъ дѣтства, положительнымъ намѣреніемъ его порѣшить съ русскою стариною и создать изъ Петербурга новую европейскую столицу.

Но и независимо отъ этого, выборъ мѣста для новой столицы былъ, во многихъ отношеніяхъ, не удаченъ. Начать съ того, что, съ самыхъ первыхъ лѣтъ построенія Петербурга, Нева стала чуть не ежегодно затоплять его своими наводненіями, въ 1706 г. даже повредила постройки крѣпости, а въ 1721 г. почти смыла и крѣпость, и строившійся Ладожскій каналъ ¹⁾.

И это первое и главное неудобство съ тѣхъ поръ и донныѣ не переставало постоянно угрожать Петербургу и часто наносить ему сильный вредъ.

Другое затѣмъ неудобство, въ связи съ первымъ, заключалось въ свойствахъ низменной, болотной и сырой почвы, въ сыромъ же воздухѣ осенью, зимою и весною, и въ постоянныхъ, переменныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ, сквозныхъ, какъ въ горномъ ущельѣ, вѣтрахъ со всѣхъ направленій, особенно съ З., съ моря, и съ В., съ озера. При этомъ, въ новомъ городѣ, только-что начавшемъ обстроиваться, жители его, кромѣ знатныхъ и богатыхъ, жили въ плохихъ небольшихъ, деревянныхъ домикахъ, плохо защищавшихъ ихъ отъ сырости и зимняго холода, тогда гораздо болѣе

¹⁾ По поводу этого приведу здѣсь слышанную мною лѣтъ 50 тому назадъ легенду о высотѣ воды, когда-то бывшей у Пулковской горы. Петръ I, по основаніи Петербурга, осматривая Пулковскія и нынѣшнія Царскосельскія высоты, для выбора мѣста подъ постройку на немъ царской мызы, между прочимъ на Пулковской горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ, спросилъ жившаго на ея вершинѣ стараго дровосѣка, была-ли тутъ когда-нибудь вода Невы? Дровосѣкъ отвѣчалъ, что самъ того не видалъ, но отъ отца своего слышалъ преданіе, что вода доходила до большого дерева на серединѣ высоты Пулковской горы. Петръ велѣлъ ему показать это дерево и до какой вышины его доходила вода. Дровосѣкъ указалъ большой сукъ на высотѣ роста Петра. Послѣдній велѣлъ подать себѣ топоръ, и, однимъ махомъ отрубивъ сукъ, сказалъ: „Теперь вода уже никогда не дойдетъ до этой вышины“.

чѣмъ нынѣ. Все это весьма вредно отзывалось на здолей и было причиной большой болѣзненности и смертности промѣ Н. М. Карамзинъ сказалъ (въ извѣстной своей Древняя и Новая Россія“), что „Петербургъ построенъ въ слезахъ“, къ чему можно было-бы прибавить: „и на же подъ водою“ (при наводненіяхъ).

того, окрестный край былъ крайне непривѣтливъ, пустынаселенъ полудикими финнами, съ неплодородною почвою, удобныхъ путей сообщенія, ни вблизи, ни особенно вдали, или менѣе отдаленными городами Россіи и администрацентрами ея, начиная съ Москвы.

ке, при всѣхъ этихъ важныхъ неудобствахъ и невыгодахъ,алось положеніе новой столицы обширнаго русскаго госуотдаленномъ сѣверо-западномъ углу его? „Исключительноымъ обстоятельствомъ“ — какъ значитъ въ одномъ учеѣ нашего времени объ этомъ ¹⁾, что „здѣсь именно впаБалтійское море стокъ обширной рѣчной и озерной сика Нева, и что рѣка эта, будучи связана“ („нынѣ“) „тремяпутями съ обширнѣйшею въ европейской Россіи рѣчноюВолги, служить для сей послѣдней единственнымъ выхорю, не замкнутому со всѣхъ сторонъ, какъ Каспійское,ертому льдами въ теченіи большей части года, какъе“. На это должно, однако, замѣтить, что указанное вышеостоятельство относится болѣе къ новѣйшимъ временамъ,къ начальной эпохѣ Петербурга. Конечно, оно было несожно, но какую цѣною?—о томъ можно судить по исчисывше невыгодамъ и неудобствамъ и по нижеслѣдующимъь о Невѣ и ея теченіи и уровнѣ.

Невы ограничена съ С. возвышенностями южнаго берега, а съ Ю. такими-же, начиная съ Дудергофской горыовъ, или 81 сажень выше уровня моря) и отъ нея дой горы (252 фута или 36 сажень) и Царскаго Села. или 32 сажени и 1 футъ). Въ этой глубокой долинтѣ,режде дномъ моря, течеть Нева отъ истока своего изъо озера у Шлиссельбурга (на высотѣ 59 футовъ илинадъ уровнемъ моря) до устья своего въ Кронштадтскуюаго залива (на нулѣ высоты надъ уровнемъ моря). Длина

ктпетербургъ. Исслѣдованія по исторіи, топографіи и статпстикѣаданіе центрального статистическаго комитета министерства внуль. Томъ второй. Исслѣдованія по топографіи Сиб.—Сиб. 1870 г.“.Кн. Н. С. Г.

теченія ея въ прямомъ направленіи=41 верстѣ, въ излучистомъ-же, дугою, вогнутая сторона которой обращена къ Ю.=63 верстамъ. Изъ взаимнаго сравненія этихъ цифръ легко себѣ представить, что Нева извергаетъ собою массу водъ громаднаго Ладожскаго озера внизъ къ устью, какъ-бы въ родѣ водопада, а потому имѣеть значительное обиліе воды и сильное теченіе. Въ нормальныхъ обстоятельствахъ, обыкновеннымъ уровнемъ воды въ ней считается высота отъ нуля до 5 футовъ надъ уровнемъ моря. Но вліяніе вѣтровъ, дующихъ въ долину Невы, болѣе или менѣе измѣняетъ уровень воды въ этой рѣкѣ. Вѣтры съ С. и Ю. не имѣютъ вліянія на него, но вѣтры съ востока и особенно съ ЮЗ., З. и СЗ., напротивъ, оказываютъ на это значительное вліяніе, и изъ нихъ чаще и болѣе всего вѣтеръ съ ЮЗ. и Финскаго залива, а въ него съ Балтійскаго моря. Тогда напоръ массы воды изъ сего послѣдняго въ заливъ, а изъ залива въ рѣку, встрѣчаясь въ ней съ напоромъ воды изъ Ладожскаго озера, возвышаетъ уровень воды въ Невѣ выше 5 футовъ (даже до 10 футовъ 7 дюймовъ, какъ было въ 1777 г., и до 13 футовъ 7 дюймовъ въ 1824 г.—въ два самыя высокія возвышенія уровня воды въ Невѣ въ 187 лѣтъ существованія Петербурга). Возвышеніе этого уровня до 5 футовъ уже производитъ наводненіе въ самыхъ низменныхъ частяхъ Петербурга и острововъ Невы въ ея устьѣ;—возвышеніе-же воды выше 5 футовъ наводняетъ уже всѣ острова и среднія части Петербурга, не далѣе, впрочемъ, возвышенныхъ частей его: Литейной, Рождественской, Александровской и противоположныхъ: Выборгской и Охтенской, которыя не были затоплены даже въ наводненіе 1824 г.

Изъ имѣющихся нынѣ свѣдѣній о наводненіяхъ въ Петербургѣ, въ 187 лѣтъ существованія его, нѣкоторыя полны, другія неполны, а за иные годы и вовсе ихъ не имѣется или-же они не опубликованы. Такъ, по порядку годовъ, свѣдѣнія болѣе или менѣе неполны съ 1703 г. по 1721 г., полны съ 1821 г. до 1833 г., неполны или неизвѣстны съ 1833 г. до 1851 г., полны съ 1851 г. до 1866 г. и неполны или неизвѣстны съ 1866 г. донинѣ. Изъ полныхъ и извѣстныхъ свѣдѣній съ 1721 г. до 1833 г. и съ 1851 г. до 1866 г., всего 127 лѣтъ, вода въ Невѣ поднималась выше 5 футовъ и производила наводненія 105 разъ, въ томъ числѣ, какъ сказано, въ 1777 г. до 10 ф. 7 д. и въ 1824 г. до 13 ф. 7 д. Если пропорціонально примѣнить къ этому числу 105-ти наводненій въ 127 лѣтъ число наводненій за 35 лѣтъ съ 1834 г. до 1850 г. и съ 1866 г. до 1886 г., да съ 1703 г. до 1721 г., свѣдѣній о которыхъ не имѣется или они неизвѣстны,—то можно примѣрно положить, что въ 187 лѣтъ всего

было отъ 133 до 140 наводненій (изъ нихъ нѣкоторыя отъ 1 даже до 8 разъ въ годъ, какъ было въ 1863 г.). По всѣмъ этимъ причинамъ здѣсь невозможно привести достоверно числа всѣхъ наводненій въ 187 лѣтъ, но очень желательно было-бы, чтобы это было исполнено и сдѣлано извѣстнымъ специалистами по этому вопросу. А до того, все-таки можно предположить примѣрно, что изъ 187 лѣтъ въ 138—140 лѣтъ было по 1 и болѣе до 8 разъ въ годъ наводненій. А что въ остальные годы вода поднималась до 5 ф. ежегодно, преимущественно въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, и всегда при ЮЗ. вѣтрѣ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Вотъ эти-то неудобства и невыгоды положенія Петербурга на Невѣ, при устьѣ ея, и должно поставить во главѣ всѣхъ другихъ. Эти осеннія возвышенія воды въ Невѣ до 5 ф. и наводненія выше этой мѣры не улаждаютъ жизни въ Петербургѣ. А въ соединеніи съ постоянными вѣтрами и иногда бурями, переменами погоды, ясной въ пасмурную, сухой въ сырую, теплой въ холодную, и, вслѣдствіе того, съ болѣзненностью и смертностью (особенно дѣтей), для перенесенія чего нужно имѣть желѣзное здоровье—всѣ эти неудобства и невыгоды дѣлаютъ жизнь въ Петербургѣ очень тяжелою.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь, весьма естественно можетъ возникнуть вопросъ: „Неужели-же въ 187 лѣтъ не могли быть придуманы и исполнены тѣ или другіе способы обезпеченія Петербурга отъ страха и бѣдствій наводненій?“—Нѣтъ, „они не разъ вызывали, какъ правительство, такъ и многихъ ученыхъ людей, къ присканію средствъ для защиты отъ наводненій или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія страшнаго дѣйствія ихъ, стоившаго жизни и раззоренія не одной сотнѣ“ (не тысячамъ-ли?) людей. Такъ, послѣ опустошительныхъ наводненій 1777 и 1824 годовъ, явилось нѣсколько проектовъ касательно защищенія мѣстности Петербурга отъ наводненій; но ни одинъ изъ нихъ не былъ исполненъ, такъ какъ всѣ они требовали затраты огромныхъ капиталовъ, вслѣдствіе чего правительство ограничилось изданіемъ нѣсколькихъ правилъ, исполненіе коихъ если и не защищаетъ городъ отъ наводненій, то тѣмъ не менѣе ограничиваетъ силу опустошеній, ими производимыхъ“ (такъ значитъ въ указанномъ выше изданіи: „С.-Петербургъ“ и проч., томъ II).

На все это слѣдуетъ замѣтить:

Во-1-хъ, что проекты защиты Петербурга отъ наводненій были составляемы не только послѣ 1777 и 1824 годовъ, но и едва-ли не въ каждое царствованіе, даже начиная съ Петра I. Но и кромѣ требованія ими огромныхъ денежныхъ затратъ, проекты эти были

неисполнимы по большей или меньшей непригодности ихъ, — полагая въ томъ числѣ и разные „отводные“ и „обводные“ каналы.

Во-2-хъ, что касается нѣсколькихъ правилъ, изданныхъ для ограниченія будто-бы силы опустошеній, производимыхъ наводненіями, то объ этихъ правилахъ серьезно говорить невозможно. Это не что иное, какъ правила полицейскія на случай возвышенія воды въ Невѣ, доннынѣ существующія, всѣмъ слишкомъ извѣстныя и заключающіяся въ пальбѣ изъ крѣпости, сигналахъ флагами днемъ и фонарями ночью, только наводящія на жителей всеобщій страхъ, постепенно увеличивающійся при возвышеніи воды до 3, 4, 5, 6 и 7 футовъ и при учащенной пальбѣ. Особенно любопытны послѣднія строки этихъ правилъ: „Всѣ живущіе въ подвалахъ и нижнихъ частяхъ города должны выбираться изъ своихъ покоевъ (?), когда вода прибудетъ выше 6 футовъ, т. е. когда въ с.-петербургской крѣпости производится пальба каждую четверть часа“. — Легко сказать и производить пальбу, но не такъ-то легко исполнить. Въ подвалахъ и нижнихъ частяхъ города живутъ вовсе не въ „покояхъ“ и вовсе не „богачи“, а „бѣдный людъ“, большею частью въ деревянныхъ, одноэтажныхъ домикахъ. Спрашивается: куда-же имъ выбраться? На крыши? а съ крышъ? развѣ только на воздухъ; куда и улетаютъ души несчастныхъ утопшихъ. Страдаютъ отъ наводненій и богачи, но они живутъ въ каменныхъ, многоэтажныхъ палатахъ, въ которыхъ имъ есть куда взобраться повыше.

Нѣтъ, не въ бывшихъ непригодныхъ проектахъ, ни въ теперешнихъ полицейскихъ правилахъ слѣдовало бы, конечно, не теперь, а гораздо ранѣе, съ самаго начала Петербурга, искать вѣрной и надежной на вѣчныя времена защиты его отъ наводненій. Если-бы Петръ I съ самыхъ первыхъ опытовъ наводненій въ Петербургѣ (а ихъ при немъ было до 9), пришелъ къ мысли оградить Петербургъ и его острова „дамбами“, подобно тому, какъ столь любимая имъ Голландія была ограждена и спасена ими отъ ярости океана, и если-бы онъ началъ постройку дамбъ еще при жизни своей и завѣщалъ своимъ преемникамъ продолжать ее до конца, разложивъ денежныя затраты на то, по мѣрѣ средствъ и возможности, на каждый годъ, то, почему знать?—не могли-ли-бы мы теперь, черезъ 187 лѣтъ, быть вполне обезпечены отъ наводненій, какъ обезпечена отъ нихъ Голландія и какъ никогда не обезпечать насъ полицейскія правила.

Но, по французской поговоркѣ: „что отложено, то не потеряно“, отчего бы не начать теперь того, что не было сдѣлано въ 187 лѣтъ? Благая цѣль стоитъ, кажется, денежныхъ затратъ, разложен-

ь по годамъ, положимъ, хотя и не на новыя 187 лѣтъ, а и по
е, принимая во вниманіе, что въ 187 лѣтъ и наука, и техника,
кое другое въ Россіи далеко ушли впередъ противъ времени
а I и его преемниковъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. А если
этомъ принять въ соображеніе, сколько потрачено миллионъ
же миллиардовъ на построеніе, расширеніе, благоустроеніе и
енно украшеніе Петербурга въ 187 лѣтъ, то затрата впредь,
-бы и большихъ денежныхъ суммъ на обезпеченіе этого города
олицы государства отъ наводненій, (которыя впредь могли-бы
и свыше 13 ф. и 7 д., какъ въ 1824 г.), то не было-ли бы
дѣломъ истинно христіанскаго милосердія и благодѣянія для
щихъ поколѣній населенія Петербурга? Оно несомнѣнно и не-
нѣнно было-бы такимъ и изъ-за одного этого стоитъ серьезно о
подумать.

Князь Н. С. Голицынъ.

С.-Петербургъ, 16-го августа 1890 г.

Къ разсказу „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, августъ).

Съ большимъ любопытствомъ прочелъ я въ августовской книгѣ „Русской Старины“ 1890 г. разсказъ покойнаго Н. Н. Жеденова. По особымъ съ нимъ отношеніямъ (общіе родные), я эту исторію зналъ еще съ 1850-хъ годовъ и съ подробностями, не напечатанными. Хотя главный интересъ эпизода заключается въ высочайшихъ особахъ, которыя на мгновеніе пришли въ соприкосновеніе съ долею скромнаго офицера, но для характеристики той эпохи, не лишнее добавить къ разсказу прологъ съ эпилогомъ.

Не странно-ли, что на безобиднаго скромнаго офицера разразилась вдругъ такая клевета? Уже семейнымъ старикомъ, Жеденовъ, можетъ быть, не пожелалъ вдаваться во всѣ подробности воспоминаній молодости; но у французовъ, въ темныхъ дѣлахъ, говорятъ, надо искать женщину, и она была въ данномъ случаѣ. Въ молодости Жеденовъ мало того, что былъ хорошій танцоръ, но былъ красивъ. Я помню, на одной серебряной свадьбѣ, онъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, въ мазуркѣ, заставилъ другія пары, бросивъ танецъ, любоваться на себя. Его полковой командиръ приревновалъ Жеденова къ одной дамѣ, и доносчикъ былъ дѣломъ злобнаго и коварнаго грека Саллоса. Скорому освобожденію Жеденова способствовало, во-первыхъ, то, что ежели Жеденовъ былъ и сердцеѣдъ, то за то очень боялся нечистой силы и въ забранныхъ агентами его бумагахъ оказался цѣлый пукъ не то молитвъ, не то заклятій отъ діавола на разные случаи, а второе—письмо, бывшее противъ него уликою, оказалось поддѣланнымъ подъ его руку и поддѣлка до того была искусна, что Жеденовъ призналъ было въ немъ свою руку и, прочитавъ, задился слезами... Когда графъ А. Ѳ. Орловъ спросилъ его, чтó можетъ онъ сказать въ оправданіе? Жеденовъ все-таки нашелся и отвѣчалъ: „ужъ если, ваше сіятельство, подписывать такія письма, такъ нечего коверкать фамилію, я—Жеденовъ, а здѣсь подписано Жиденовъ“.

Эпилогъ былъ такой:

Жеденову было официально объявлено, что письмо князя А. И. Чернышева къ матери Жеденова (см. „Русск. Ст.“ авг., стр. 313) писано не для разглашенія, но хитрый грекъ, Саллосъ, полковой командиръ, черезъ одну прелестницу, добылъ копію съ этого писема, копію руки самого Жеденова, и представилъ ее, какъ доказательство ослушанія этого офицера. Жеденовъ вышелъ въ отставку, а генераль-командиръ, коль не мытьемъ, такъ катаньемъ, выжилъ изъ полка неприятнаго лично для него, командира, человѣка.

А. Слѣпцовъ.

Сердобоскій уѣздъ,
ст. Беково.

по Надеждино и архивъ вн. О. А. Куракина

въ 1888 и 1890 гг.

Саратовской губернии, въ Сердобскомъ уѣздѣ, на берегахъ Хопра, раскинулась вотчина князя Федора Алексѣевича Кура- заключающая нынѣ въ себѣ болѣе одиннадцати тысячъ де- земли за надѣломъ крестьянъ. Вотчина эта богата всякими и прекраснымъ боромъ, на живописномъ берегу Хопра, инающимъ дремучие корабельные лѣса, покрывавшіе эту страну оху Петра Великаго.

7208-мъ году, т. е. въ 1700-мъ году, января въ 12-й „отказано по грамотѣ изъ приказа казанскаго дворца“ пра- нынѣшняго владѣльца этой вотчины—изъ „дикопорожней“ стольнику князю Борису Ивановичу Куракину до 17,000 де- земли на этихъ рѣкахъ—Хопрѣ и Сердобѣ, по урочищамъ, этой-то землѣ скоро явилось село Борисоглѣбское-Куракино, нынѣ Надеждино, съ деревнями. Это пожалованіе изъ „дикихъ обширныхъ пространствъ было продолженіемъ царскаго жа- ія земель въ XVII вѣкѣ, именно въ этомъ краю, о чемъ сви- ствуетъ цѣлый рядъ селъ и деревень, въ своихъ названіяхъ няющихъ до сихъ поръ фамиліи тѣхъ бояръ, которымъ про- ились эти пожалованія, таковы села и деревни Ртищево, Дол- ово, Голицыно, Салтыково и многія другія.

нятый государевою службою и притомъ многіе годы неся эту у за рубежомъ отечества, князь Борисъ Ивановичъ, какъ ка- , мало вѣдалъ свои земли на Хопрѣ и Сердобѣ; но уже сынъ преемникъ на посту представителя Россіи въ Парижѣ, князь андрѣ Борисовичъ въ 1734 году началъ дѣло объ отмеже- ему „противу отказныхъ книгъ и по самымъ написаннымъ хъ урочищамъ“ — той жалованной его отцу вотчины. А и уже пора хлопотать по сему предмету, такъ какъ сосѣд- ные помѣщики уже вдвигались своими владѣніями самопроиз- о въ Куракинскую вотчину. Несмотря на то, что князь Але- рь Куракинъ, а затѣмъ его сынъ Борисъ второй и внукъ

князь Александръ Борисовичъ занимали видныя мѣста и имѣли большое значеніе въ средѣ лицъ, у власти стоявшихъ, тѣмъ не менѣе межевое дѣло, начатое въ 1734-мъ году, окончилось лишь 24-го ноября 1801 года, именно весь споръ о землѣ былъ рѣшенъ по высочайшему повелѣнію въ пользу вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина. Этому-то князю, товарищу дѣтскихъ игръ цесаревича Павла Петровича, искреннему другу императрицы Маріи Ѳеодоровны, принадлежитъ приведеніе въ порядокъ этой вотчины и сооруженіе въ ней, въ началѣ 1780-хъ годовъ, дворца, двухъ, даже трехъ при немъ церквей и всей при немъ усадьбы.

Мы посѣтили село Надеждино лѣтомъ 1888 года и вновь были здѣсь гостемъ въ 1890 году. Что за прелесть этотъ домъ, истинно княжескій дворецъ—столѣтній памятникъ быта вельможи Екатерининскаго вѣка!

На крутой и весьма живописной горѣ, подымающейся надъ извилистою Сердобою, за прекрасною дубовою рощею, стоитъ каменный обширный домъ въ три этажа, съ каменными-же флигелями и галлерейми, обхватившими огромный дворъ; на этотъ дворъ ведутъ высокія съ колоннами каменные ворота. Въ домѣ съ двумя ближними флигелями 64 комнаты; всѣ онѣ прекрасно сохраняются, что представляетъ нынѣ большую рѣдкость между барскими старинными домами, болѣею частью запущенными и обращенными въ развалины. Въ этомъ зданіи покойный владѣлецъ села Надеждина, князь Алексѣй Борисовичъ († 1872 г.), отецъ нынѣшняго, соединилъ болѣе 400 живописныхъ поясныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей обоего пола; тутъ-же, въ роскошныхъ залахъ дворца, стѣны которыхъ выложены искусственнымъ мраморомъ, находится девять портретовъ, также живописныхъ, во весь ростъ, государей и государынь, таковы: Петръ Великій, Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна, Павелъ I, Александръ I, Александръ II.... Если многіе изъ здѣшнихъ портретовъ принадлежать кисти „крѣпостныхъ живописцевъ“, каковы: Поповъ, Думковъ и др., то зато въ Куракинскомъ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей имѣются произведенія кисти славныхъ художниковъ, каковы Левицкій — портретъ графа Н. И. Панина, Боровиковскій—князя А. Б. Куракина, Жераръ (Gerard) — портретъ Александра I, и проч. Весьма также хорошъ портретъ императора Павла Петровича, въ четверть натуральной величины, — государь въ треугольной шляпѣ, опершись на трость; этотъ портретъ, какъ видно изъ подписи подъ нимъ, утверждень Павломъ I 19-го декабря 1796 года какъ образецъ для воспроизведенія портретовъ Павла Петровича и тогда-же подаренъ имъ генераль-прокурору князю

ю Борисовичу Куракину. Во дворцѣ нѣсколько прекрасныхъ говъ вице-канцлера князя Александра Борисовича, любив-
бя передавать и въ кисти, и въ гравюрѣ, и въ бюстахъ, и
здѣсь сохранилось, особенно хорошъ онъ подписывающій
тскій міръ 1807 года.

пройдемте по нѣкоторымъ покоямъ этого прекраснаго дома.
большой залъ съ хорами, гдѣ виситъ помянутый портретъ
Александра Борисовича, имѣются двѣ большія и хорошо
енныя картины — Михайловскій дворецъ, 1800 года, нынѣ
ерный замокъ. Въ аванъ-залѣ или парадной приѣмной на вы-
педесталѣ стоитъ очень хорошій мраморный бюстъ Але-
а I-го.

тъ бюстъ доставленъ сюда около 1852-го года, вмѣстѣ съ бю-
ругихъ лицъ и съ портретами изъ Орловскаго имѣнія кня-
акина. На доскахъ чернаго мрамора, вдѣланныхъ въ пье-
ь этого бюста, мы читаемъ слѣдующую надпись, — на лице-
ронѣ:

1825 года
Се Ангель на небеси,
Благодѣтель
всѣмъ
особенно
мнѣ.

правой сторонѣ пьедестала:

Кого спѣшимъ встрѣчать?
Чей гробъ слезами орошаемъ?
Прошло столѣтіе... опять
Великаго мы погрѣбаемъ!
Народы... Александра нѣтъ!
Онъ тамъ, нашъ другъ и благодѣтель,
Онъ тамъ, гдѣ лучезарный свѣтъ
Одну вѣнчаетъ добродѣтель!
Все человѣчество въ слезахъ!
Вездѣ отзвѣвы скорбныхъ стоновъ.
Священъ Того и бранный прахъ,
Кто жилъ для щастія мильоновъ!
Душа великая! воззри:
Въ слезахъ сихъ дань Тебѣ святая,
И въ утѣшеніе намъ пари,
Какъ Богъ, надъ трономъ Николая!

На лѣвой сторонѣ пьедестала:

„Кончина блаженной памяти Государя Императора послѣдовала въ Таганрогѣ 1825 года ноября 19-го дня, въ 11 часовъ 50 минутъ пополудни. Тѣло сего Великаго Государя, съ подобающимъ кортежомъ, отправлено въ столичный городъ Святаго Петра“.

„По назначенному тракту прибыло оно въ Куракино ¹⁾ 19-го января 1826 г., гдѣ въ храмѣ Божіемъ было на приготовленномъ Амбонѣ (sic) для ночлега поставлено и по отправленіи въ то время панахиды Пресвященнымъ со всѣмъ духовенствомъ, въ присутствіи стекшихся во многомъ числѣ дворянъ и народа, во всю ночь читано было Евангеліе. А на другой день, то есть 20-го января, по отслуженіи Пресвященнымъ Божественной Литургіи и панахиды, тѣло покойнаго Государя, препровождаемое духовенствомъ и со всѣмъ кортежомъ, изъ Таганрога идущимъ и отъ губерніи наряженнымъ, отправлено въ путь“.

На задней сторонѣ пьедестала читаемъ:

„Объ отношеніи 12-го числа къ почивающему въ Бозѣ блаженной памяти государю императору Александру Павловичу:

1. Родился 12 декабря 1777 года, то есть 12-го числа 12-го мѣсяца въ году.

2. Шведы во время войны съ флотомъ подступили къ Кронштадту въ 1789 году, то есть на 12-мъ году его возраста или одинъ разъ 12.

3. На престолъ взошелъ 12-го марта 1801 года, то есть на 24-мъ году возраста или два раза 12.

4. Нашествіе французовъ на Россію воспослѣдовало 1812 года, то есть на 36-мъ году его возраста или три раза 12.

5. Скончался въ 1825 году, имѣлъ 48 лѣтъ или четыре раза 12.

6. Боленъ былъ 12 дней.

7. Царствовалъ 24 года или два раза 12“.

Этотъ интересный памятникъ поставленъ въ апрѣлѣ 1828 г. д. т. с. княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, который въ слѣдующемъ году, 30-го декабря, скончался.

Строитель дворца въ селѣ Надеждинѣ, какъ извѣстно, былъ преданнѣйшій другъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, вотъ почему ея портретъ имѣется здѣсь въ нѣсколькихъ экземплярахъ; памятью пребыванія въ званіи посла въ Парижѣ князя Александра Куракина служить большой портретъ-картина первой

¹⁾ Имѣніе въ Орловской губерніи.

императора Наполеона Жозефины Богарне—во весь ростъ (сидящая). Члены фамилии князей, княгинь и княженъ Курыхъ представлены здѣсь во множествѣ портретовъ. Въ столовнико́го этажа покойный владѣлецъ села Надеждина, князь Борисовичъ († 1872 г.), соединилъ до 60-ти поясныхъ портретовъ членовъ своей фамилии и ихъ родичей, въ числѣ которыхъ можно видѣть Петра Великаго, какъ свояка князя Бориса Ивановича Куракина, и царевича Алексѣя Петровича, какъ родственника по матери князя Бориса Ивановича Куракина графовъ Никиты Ив. и Петра Ив. Паниныхъ, гр. Никиты Ивановича Панина, кн. А. А. Безбородко, гр. О. В. Ростовчина, гр. Суворова, Голенищева-Кутузова, П. М. Волконскаго, М. С. Щербатова, И. О. Паскевича, и множество другихъ лицъ. Знаменитой своимъ амурнымъ походомъ, княгиня Елена Степановна († 1769 г.) бывшая невольной виновницей (если вѣрить легендѣ о кн. М. М. Щербатова) дарованія извѣстнаго указа, 18-го октября 1762 г., Петромъ III о вольности,—представлена здѣсь въ числѣ портретовъ, какъ живописныхъ, такъ и въ гравюрѣ. Замѣтимъ, что мужъ Елены Степановны, князь Борисъ Андреевичъ Куракинъ, на 31 году отъ роду, бывши генерал-лейтенантомъ, сенаторомъ, кавалеромъ св. Александра Невского по неизвѣстной намъ причинѣ, постригся въ монашество; не ли тутъ какого-нибудь романа? Во всякомъ случаѣ, въ виду разнообразия портретовъ бояръ и боярынь XVIII вѣка великолѣпнаго дворца, фантазія романиста могла-бы очень оживиться. Но въ стѣнахъ этого дворца, въ виду этой мебели, помнящей отжитое барство, этихъ кроватей подъ балдахинами, вѣнчаемыхъ коронами, этого тайнаго хода на верхъ въ 3-й этажъ, гдѣ въ большихъ свѣтелкахъ, выходящихъ въ тѣнистый садъ, преобладаютъ артистки, пѣвицы и прочія весталки сластолюбиваго князя Борисовича Куракина († 1818 г.), у котораго, если верить А. М. Тургеневу, было до семидесяти побочныхъ дѣтей, не либо плодовитый творецъ историческихъ романовъ, на которого теперь большая мода, могъ бы написать очень интересный романъ! Улыбающійся ликъ бывшаго канцлера всѣхъ российскихъ императоровъ, Мальтійскаго кавалера, а потому и сохранившаго свое безвѣстіе кн. А. Б. Куракина († 1818 г.) и теперь смотритъ въ оттискахъ своей гравюры со стѣны каждой комнаты третьяго этажа бывшего замка... Точно для воспоминанія сладости любви воркують въ этомъ этажѣ, въ одной изъ комнатъ, нѣсколько паръ отличныхъ голубей, для прилета которыхъ радушно отворено окно.

Къ оградѣ двора примыкаетъ съ задняго фасада дворца бо-
шой густой паркъ или „англинской“ садъ; онъ и теперь весь
хорошъ для прогулокъ, но около ста лѣтъ тому назадъ, ка-
можно судить изъ изданнаго въ 1795 году гравированнаго пла-
въ немъ всѣ дорожки, затѣйливо пересѣкавшія садъ, имѣли св-
названія, а на площадкахъ и перекресткахъ возвышались „храмъ
бесѣдки“, Эти названія переносятъ насъ въ тотъ вѣкъ сантимен-
тальности и романтизма, нѣжныхъ чувствъ дружбы и любви,
а вмѣстѣ и барства, когда идеи, французскимъ либерализмомъ и
вѣянныя, мирно уживались съ деспотизмомъ владѣтеля многи-
тысячъ душъ, но вотъ „имена просѣкъ“: 1—цесаревичевъ, 2—сла-
ныхъ дѣлъ, 3—Нелидовой, 4—Антуанетинъ,—кстати скажемъ, ч-
на этой просѣкѣ стоялъ прекрасный мраморный бюстъ короле
Маріи-Антуанеты или, какъ ее называли мужички—„Марья Ан-
товны“; бюстъ этой „барыни“ перенесенъ покойнымъ княземъ въ сл-
ловую замка, а кирпичный пьедесталъ разбитъ на щебенку д-
укрѣпленія дорожекъ. Но вотъ еще просѣки: 5—твердости, 6—Кал-
шинъ, 7—Софьинъ, 8—Аленинъ, 9—Броницкой, 10—ожиданіе бла-
денствія, 11—пріятнаго наслажденія, 12—отрады, 13—милой тѣ-
А вотъ и имена дорожекъ: 14—удовольствія, 15—удединія, 16—н-
ожиданнаго утѣшенія, 17—преодолѣваемыхъ трудностей, 18—ж-
каго любовника, 19—истиннаго разумѣнія, 20—частаго повторен-
21—воспоминанія прошедшихъ утѣхъ, 22—спокойствія душевна
23—постояннаго друга, 24—веселой мысли, 28—скорого достижен-
29—вѣрныхъ любовницъ, 36—Гатчинская, 42—услажденіясамого се

Храмовъ въ этомъ паркѣ, какъ видно изъ того-же пла-
было девять и они сооружены были въ честь: славы, терп-
нія, лады, дружбы, благодарности, ворота красиваго вида,—вм-
стилище чувствій вѣчныхъ, истины и новая китайская бесѣд-
Деревянные эти храмы съ теченіемъ времени разрушились и
тѣмъ, хотя одинъ изъ владѣльцевъ, именно отецъ нынѣшняго, пр-
бовалъ возобновить нѣкоторые, но и затѣмъ время взяло свое, лѣтъ
большой павильонъ, находившійся въ паркѣ, отданъ въ одно село по
церковь, а храмы, за обветшаніемъ, разобраны, частию и потому
что нѣкоторые изъ нихъ стали представлять въ дѣйствительност-
по ночамъ, весной да лѣтомъ, для дворни княжеской—„вмѣстилище
чувствій вѣчныхъ“. Взамѣнъ храмовъ празднаго барства, возни-
храмъ обученія народа. Мы говоримъ про училище, уже нѣсколь-
лѣтъ открытое въ прекрасномъ домикѣ, выстроенномъ и содерж-
момъ княземъ Ѡ. А. Куракинымъ. Это училище находится у сам-
подошвы горы, на которой возвышается дворецъ князя.

чилищѣ мы нашли болѣе 80 дѣтей обоого пола, раздѣ-
на три группы, и со всѣми ими прекрасно справляются
хорошо знающая свое дѣло, учительница и уважаемый
священникъ, отецъ Василій.

Иду замка, далеко протянулись громаднѣйшія два села—Але-
вское—Ростовка тожь, и Надеждино—Куракино тожь. Оба
селахъ сооружены вице-канцлеромъ княземъ А. Б. Кура-
въ 1810 году... Мы, какъ напр. пишуцій эти строки, родомъ
евской губерніи, гдѣ сельскія поселенія мелки, понятія не
о громадности сельъ, подобныхъ Александровскому и На-
кому. Каждое изъ нихъ тянется версты по двѣ, и хо-
мики, съ толстыми соломенными крышами, окаймляютъ
шую „зеленую“ улицу, на которой посреди кой-гдѣ по-
я не то кухоньки, не то кладовушки для домашняго оби-
стьянъ; широта этихъ улицъ и у нѣкоторыхъ крестьянъ
ны на нихъ кухоньки представляютъ единственное противо-
е средство; насажденіе же деревъ передъ и между избами,
и энергично рекомендуемое просвѣщеннымъ и полнымъ
пательства нынѣшнимъ начальникомъ губерніи А. И. Коси-
лохо по деревнямъ прививается. Мѣра эта въ дѣности и
крестьянъ встрѣчаетъ пассивное, но упорное противодѣй-

расно идетъ хозяйство въ славномъ имѣніи кн. Ѳ. А. Ку-
въ которомъ его владѣльцы, и князь и княгиня, давно
съ пребывая, лично заботятся обо всемъ ¹⁾). Само собой раз-
что плуги и паровыя машины нашли здѣсь полное и
успѣшное примѣненіе. Тысяча десятинъ запахивается; бо-
тка тысячъ овецъ испанской породы пасется на роскош-
ливныхъ лугахъ, далеко, далеко раскинувшихся.....

Обобщно замѣтить, что гостепріимный, добрый и радушный князь
Александръ Куракинъ и его достойнѣйшая супруга княгиня Софія
овна, относительно своихъ гостей, а частью и распредѣленія дня
деждинѣ, слѣдуютъ правиламъ, какъ-бы завѣщаннымъ прадѣдомъ
го владѣльца этого имѣнія. Правила эти напечатаны въ 1780 годахъ
ны у входа на парадную лѣстницу дворца; по точной ихъ силѣ,
встаютъ въ семь часовъ утра, обѣдаютъ въ часъ, ложатся спать
яти (въ 10-ть). Вотъ, напр., свято исполняемыя здѣсь статьи этихъ
перепечатаны въ „Русской Старинѣ“, изд. 1887 г., томъ LVI, стр. 618):

„Хозяинъ почитаетъ хлѣбосоольство и гостепріимство основаніемъ
наго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ
для себя должности“.

„Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято
вствіемъ и признаніемъ совершеннымъ“ и проч.

Но вернемся, однако, въ домъ; въ немъ мы не обозрѣли еще много замѣчательнаго, вотъ, напримѣръ, среди картинъ небольшой рисунокъ, какой-то ландшафтъ, сенью исполненный цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ съ его собственноручною подписью: „его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину — Александру“. Множество гравюръ англійскихъ и французскихъ XVIII вѣка, отличные портреты графа, впоследствии князя, Безбородко, члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ Собакина и др. Портретъ намѣстника смоленскаго князя Ивана Григорьевича Куракина († 1682 г.), два портрета царевича Алексѣя Петровича, акварельный большой рисунокъ Екатерина II съ своимъ семействомъ въ виду бюста Петра Великаго; множество разныхъ альбомовъ, иные вполне художественные, разныхъ статуэтокъ, вывезенныхъ однимъ изъ кн. Куракиныхъ изъ Парижа, и проч. и проч. Но наиболѣе интересною принадлежностью княжескаго дворца служить его Архивъ.

Извѣстно, что въ ряду фамилій русскихъ бояръ фамилія князей Куракиныхъ одна изъ древнѣйшихъ, происхожденіе ея восходитъ до нѣдръ семьи Владиміра Святаго. Отъ Изяслава, сына Владиміра Святаго, потянулись впоследствии литовскіе князья, а отъ одного изъ нихъ—Гедимина, въ седьмомъ колѣнѣ, появляются два брата — князь Михаилъ Ивановичъ Булгаковъ-Голиця, московскій бояринъ († 1558 г.), родоначальникъ князей Голицыныхъ, и князь Андрей Ивановичъ Булгаковъ-Курака, родоначальникъ князей Куракиныхъ. Въ то время, какъ князья Голицыны развѣтлились до чрезвычайности и выдвинули сотни своихъ представителей, князья Куракины въ теченіе тысячелѣтняго бытія своего рода, веди его отъ князя Полоцкаго Изяслава до настоящихъ дней, въ 30-ти колѣнахъ насчитываютъ лишь до 89 мужескихъ представителей. Многіе между ними въ XV, XVI и XVII вѣкахъ прославились службою московскому государству и на ратномъ полѣ, и при оборонѣ городовъ, и на воеводствахъ. Многіе изъ нихъ носили высшее званіе бояръ и окольныхихъ, правили посольство, двое погибло отъ жестокаго царя Іоанна Васильевича. Архивъ, однако, въ этомъ куракинскомъ дворцѣ ничего не сохранилъ за помянутыя три столѣтія: онъ начинается съ петровской эпохи, когда въ челѣ этой фамилии появляется князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Крестникъ царя Ѳедора Алексѣевича, племянникъ его воспитателя князя Ѳедора Куракина и сынъ намѣстника Смоленскаго князя Ивана Григорьевича—князь Борисъ четыремя лишь годами былъ моложе царя Петра, но съ ранняго дѣтства настолькоъ былъ близокъ его семьѣ, что въ нѣсколько дней единодержавія отрока Петра до большой

кой смуты, князь Борисъ былъ сдѣланъ спальникомъ государя; мы видимъ кн. Куракина участникомъ военныхъ потѣхъ офицеромъ Семеновскаго полка; князь Борисъ Ивановичъ славу полка въ двукратной осадѣ Азова до вѣкторіи подъялъ, но уже въ 1707 году царь Петръ посылаетъ его въ Италию важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Князь Борисъ Ивановичъ волю же государя, своего свояка (оба они были женаты на сестрахъ Лопухиныхъ, Авдотѣ и Аксиныѣ), зналъ еще съ 1697 года, когда обучился тамъ разнымъ наукамъ; получивъ оное царское порученіе у двора „папѣжскаго“ вполнѣ хотѣвъ въ 1710 году князь Борисъ окончательно выступаетъ на дипломатическое поприще и не оставляетъ его до самой своей кончины 7 октября 1727 года. Вотъ этому замѣчательному дипломату принадлежитъ до 85 томовъ бумагъ въ архивѣ села Надеждино. Эти бумаги составляютъ наиболѣе драгоцѣнную часть настоящаго архива рукописей, причемъ весь архивъ вмѣщаетъ въ себѣ 897 томовъ, большая ихъ часть принадлежитъ бумагамъ князей Александра Борисовича († 1818) и Алексѣя Борисовича († 1829). Предшественники владѣльцы села Надеждина—князь Ѳ. А. Куракинъ и княгиня С. В. Куракина озаботились приведеніемъ въ порядокъ этого архива, а петровский отдѣлъ, по ихъ желанію, сдѣланъ предметомъ подробнаго описанія—трудъ В. Н. Смольянинова, П. П. Петрова и А. О. Лебедева,—а съ настоящаго года архивъ началъ появляться въ печати. О выходѣ перваго тома мы уже говорили въ 8-й книгѣ „Русской Старины“ изданія сего года, но по желанію князя Ѳ. А. Куракина, редакторомъ этого историческаго сборника, мы пріостановили выпускъ въ свѣтъ первой части архива князя Куракина, такъ какъ оказалось необходимо пополнить сборникъ и въ особенности помѣщенное въ немъ сообщеніе этой фамиліи нѣкоторыми новыми свѣдѣніями. Эта книга „Архивъ князя Ѳ. А. Куракина“ поступаетъ въ продажу и должна познакомить читателей съ этою новинкою по исторіи Петра Великаго, мы, съ согласія издателя сборника, князя Ѳ. А. Куракина, приводимъ отрывокъ изъ „Гисторіи о Петрѣ Великомъ“; эта „Гисторія“—собственноручный трудъ князя Бориса Ивановича, напечатанная въ упомянутомъ Сборникѣ, сохранилась въ 36 параграфахъ изъ 344-хъ задуманныхъ, а быть можетъ и болѣе, и какъ увидитъ читатель, прекрасно согласна со взглядами свояка Петра I на время и дворъ этого государя, а также съ изложеніемъ автора „Гисторіи“.

Ред.

Гисторія о Петрѣ І и ближнихъ къ нему людяхъ

1682—1695 гг.

.....

.....

.....

Правленіе царевны Софіи Алексѣвны началось со всякою прилежностію и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольствію народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было ¹⁾. И все государство пришло во время ея правленія, чрезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языка; также и политесъ возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго—и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и въ столахъ.

И торжествовала тогда довольность народная, такъ что всякой легко могъ видѣть, когда праздничной день въ лѣтъ, то всѣ мѣста кругомъ Москвы за городомъ, сходные къ забавамъ, какъ Марьины рощи, Дѣвичье поле и прочее, наполнены были народомъ, которые въ великихъ забавахъ и играхъ бывали, изъ чего можно было видѣть довольность житія ихъ.

И въ первыхъ, начала она, царевна Софія Алексѣвна, дѣла внѣ государства — подтверждать аліансы (съ) своими сосѣдственными потенціи, а именно со Швеціею подтвердила миръ, учиненной отца ихъ, царя Алексѣя Михайловича. Съ Польшею также подтвердила

¹⁾ Въ Москву дворецъ возвратился изъ Троицко-Сергіевой лавры 6-го ноября 1682 года, и съ этого дня кн. Б. И. начинаеть правленіе царевны Софіи Алексѣвны.

миръ отпа ихъ, царя Алексѣя Михайловича, и брата своего, царя Ѳедора Алексѣевича. И чрезъ тотъ миръ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, со всѣми принадлежностями, остался въ вѣчное владѣніе къ Имперіи Россійской.

И въ тожь время съ поляки учинила алліансъ противу Крымскаго хана.

И понеже царевна Софья Алексѣевна была великаго ума и великой политикъ, хотя себя укрѣпить вѣчно въ правленіи подъ именемъ своего брата царя Іоанна Алексѣевича, взяла резолюцію его, брата своего, женить. И женила на дочери Ѳедора Салтыкова, изъ добраго шляхетства, которой былъ тогда воеводою въ Енисейскѣ, въ Сибирскомъ королевствѣ. И сію женитьбу въ томъ видѣ учинила, чтобъ видѣть сыновой отъ брата своего и наслѣдниковъ къ коронѣ.

Однакожь, Богъ опредѣляетъ все по своей волѣ, и достигнуть пожеланнаго не могла. И усмотря, что дочери родятся, тогда начала планъ свой дѣлать, чтобъ ей самой корону получить и выйти-бъ замужъ за князя Василя Васильевича Голицына. О семъ упомянуто тожмо какъ разглашеніе было народное, но въ самомъ дѣлѣ сумнѣваюсь, ежели такое намѣреніе было справедливое.

Правда-жь, подозрѣніе взято въ семъ на нее, царевну Софью, отъ ея самыхъ поступокъ.

Первое, что принадлежитъ до полученія ей короны, она, царевна начала ходить во всѣ процессіи церковныя и публичныя съ братьями своими, что было противно царю Петру Алексѣевичу. И единожды ¹⁾ такъ публично вражда случилось, что былъ ходъ къ Казанской Богородицѣ, и сперва, по обыкновенію, пришли оба государи и она, царевна Софія Алексѣевна, въ соборную церковь, откуда пошли въ ходъ. И вышедъ изъ соборной церкви, царь Петръ Алексѣевичъ просилъ сестру свою, чтобъ она въ ходъ не ходила. И между ими происходило въ словахъ многое. И потомъ царь Петръ Алексѣевичъ понужденъ былъ, оставя ходъ, возвратиться въ свои апартаменты, понеже сестра его, царевна Софья, не послушала и по волѣ своей въ ходъ пошла съ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ.

Также она, царевна Софія, начала дѣлать червонныя подъ своею персоною, и въ коронѣ, и имя свое внесла титула государственнаго.

¹⁾ 8-го іюля 1689 г. Записки А. А. Матвѣева, изд. 1841 г., стр. 52.

Также учинила себѣ корону и давала овдѣнціи публичныя посламъ польскимъ и шведскимъ и другимъ посланникамъ въ золотой палатѣ,—что все то принято было за великую противность отъ брата ея, царя Петра Алексѣевича.

Во вторыхъ, что принажить (принадлежить) до женитьбы съ княземъ Василюмъ Голицынымъ, то понимали все для того, что оной князь Голицынъ былъ ее весьма голантъ; и все то государство вѣдало и потому чаяло, что прямое супружество будетъ учинено ¹⁾.

По вступленіи въ правленіе, царевна Софья ²⁾ для своихъ плезировъ, завела пѣвчихъ изъ поляковъ, изъ черкасъ, также и сестры ея по комнатамъ, какъ царевны: Екатерина, Марѳа и другія, между которыми пѣвчими избирали своихъ голантовъ и оныхъ набогашали, которые явно отъ всѣхъ признаны были ³⁾.

Надобно-жь и о томъ упомянуть, что въ отбытіе князя Василя Голицына съ полками на Крымъ, Ѳедоръ Щегловитой весьма въ амурѣ при царевнѣ Софіи профитоваль, и уже въ тѣхъ плезирахъ ночныхъ былъ въ бѣльшей конфиденціи при ней, нежели князь Голицынъ, хотя не такъ явно. И предусматривали всѣ, что ежели бы правленіе царевны Софіи еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было отъ нея паденіе или бѣ содержанъ былъ для фигуры за перваго правителя, но въ самой силѣ и дѣлѣхъ бы былъ помянутой Щегловитой ⁴⁾.

Помянутой Щегловитой, во время прошенія выдачи его въ Троицкой монастырь, былъ содержанъ въ комнатахъ у царевны Софіи, и при выдачѣ его былъ исповѣданъ и приобщенъ Святыхъ Таинъ отцемъ его духовнымъ, ключаремъ Іаковомъ.

Въ 7197-мъ (1689) царица Наталья Кирилловна ⁵⁾, видя сына своего въ возрастѣ лѣтъ полныхъ, взяла резолюцію женить царя Петра Алексѣевича. И къ тому выбору многія были изъ знатныхъ персонъ привожены дѣвицы, а особливо княжна Трубецкая, которой былъ свойственникъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ,

¹⁾ На полѣ замѣтка автора: „NB. Надобно вписать погодно всѣхъ дочерей рожденія царя Иоанна Алексѣевича“.

²⁾ На полѣ замѣтка автора: „NB. Приписать надобно къ правленію царевны Софіи“.

³⁾ Царевна Марѳа Алексѣевна, род. 1652 г., ум. 1707 г.; царевна Екатерина Алексѣевна, род. 1658 г., ум. 1-го мая 1718 г.

⁴⁾ Авторъ пишетъ вездѣ эту фамилію такъ: „Щцагловитой“.

⁵⁾ На полѣ замѣтка автора: „NB. въ которомъ году пристойно сіе написать“.

ался всячески, чтобъ на оной женить. Но противная ему, Голицыну, партія Нарышкины и Тихонъ Стрешневъ того не дали, опасаяся, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ убѣдкими и другими своими свойственниками великихъ фамилей въ повоірѣ (rouvoir) и всѣхъ другихъ затеснять.

По ради, Тихонъ Стрешневъ искалъ изъ шляхетства малаго и изъ одну дѣвицу изъ фамиліи Лопухинныхъ, дочь Ѳедора, Лопухина, на которой его царское величество сочетался законнымъ бракомъ (1).

Именовалась царица Евдокія Ѳедоровна и была принцесса изъ изрядная, токмо ума посредняго и правомъ несходная къ своему супругу, отчего все свое счастье потеряла и весь свой родъ оставила, какъ будемъ о томъ впредь пространно упоминать.

Тихонъ же ихъ, Лопухинныхъ, былъ изъ шляхетства средняго, но на площади знатнаго, для того что въ дѣлѣхъ непрестанно занимался по своей квалиты знатныхъ, а особливо по старому обычаю были причтены за умныхъ людей ихъ роду; понеже были причтены въ приказныхъ дѣлѣхъ, или, просто назвать, ябедники. Тихонъ же ихъ былъ весьма людной, такъ что чрезъ ту причину крества ко двору царскаго величества было введено мужскаго и женскаго болѣе тридцати персонъ. И такъ, оной родъ сначала своего времени такъ несчастливъ, что того-жъ часу возненавидѣли и почали разсуждать, что ежели-придутъ въ митрополию то всѣхъ погубятъ и всѣмъ государствомъ завладѣютъ. И, по сказати, отъ всѣхъ были возненавидимы и всѣ имъ злая и или опасность отъ нихъ имѣли.

Характеръ принципиальныхъ ихъ персонъ описать, что были злое, скупые ябедники, умовъ самыхъ низкихъ и незнающіе о во обхожденіи дворовомъ, ниже политики-бъ оной знали. Тихонъ же выступили ко двору, всѣхъ уничтожили, и Тихона Стрешнева въ краткое время дружбу потеряли, и первымъ себѣ злодѣемъ считали.

Истина, сначала любовь между ими, царемъ Петромъ и супругою его, была изрядная; но продолжилась развѣ токмо годъ. Но любовь пресѣклась; къ тому-жъ царица Наталья Кирилловна не имѣла свою возненавидѣла и желала больше видѣть съ мужемъ ее не по согласію, нежели въ любви. И такъ дошло до конца такого, что всѣмъ сего супружества послѣдовали въ государствѣ Россійскомъ

великія дѣла, которыя были уже явны на весь свѣтъ, какъ впредь въ Гисторіи увидишь.

И понеже царь Петръ Алексѣевичъ склонность свою имѣлъ къ войнѣ отъ младенчества лѣтъ своихъ, того ради имѣлъ всегда за-баву экзерцією военною. И началъ сперва спальниками своими—какъ о томъ и чинахъ ихъ увидишь въ томѣ живота царя Петра Алексѣевича—а къ тому присовокупилъ и конюховъ потѣшной ко-нюшни, и потомъ началъ изъ вольныхъ чиновъ шляхетства и вся-кихъ прибирать въ тотъ полкъ, и умножилъ до одного баталіона, и назывались потѣшныя, которыхъ было съ триста человекъ.

А другой полкъ началъ прибирать въ Семеновскомъ изъ соколь-никовъ и къ нимъ также прибирать, и набрано было съ триста жъ человекъ.

И первыхъ назвалъ полкъ Преображенской, а второй—Семеновской.

И такъ помалу привелъ себя тѣми малыми полками въ огра-неніе отъ сестры или началъ приходить въ силу. Также съ тѣми полками своими дѣлалъ непрестанно экзерцію, а изъ Стрѣлец-кихъ полковъ возлюбилъ Сухарева полкъ, и всякое имъ награжденіе давалъ, и къ себѣ привлечь, или сказать, вѣрными учинилъ.

И во время того правленія царевны Софіи Алексѣевны и другаго двора царя Петра Алексѣевича ретираты въ Преображенскомъ, министры съ одной и другой стороны интриги производили, а именно: стороны царя Петра Алексѣевича токмо единъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, да при немъ держалися Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ, Тихонъ Стрешневъ, поддядька, да постельничей Гаврила Головкинъ, да изъ бояръ походныхъ, хотя въ тотъ секретъ допущены не были, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасской, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

А съ другой стороны, двора царевны Софіи Алексѣевны, князь Василей Васильевичъ Голицынъ, Ѳедоръ Щегловитой, которой единъ въ секретѣ самомъ былъ у царевны Софіи Алексѣевны, также Алексѣй Ржевской, Семень Толочановъ и нѣкоторые изъ шляхетства посредняго, а изъ большихъ родовъ никто не мѣшался.

И такъ тѣ интриги со обоихъ сторонъ были употреблены: всякая партія къ полученію себѣ стрѣльцовъ, понеже во оныхъ вся сила состояла, для того, что оныхъ было на Москвѣ жилыхъ полковъ болѣе 30,000 и весь дворъ въ ихъ рукахъ былъ, и между которыми главные были: много людей умныхъ и богатыхъ и купечествомъ своимъ богатство не малое имѣли.

И чрезъ тѣ интриги дошло до того, что въ 7197 году царь

Петръ Алексѣевичъ понужденъ былъ въ ночи изъ Преображенскаго, мѣсяца маія, уйти къ Троице-Сергіевъ монастырь, верхомъ только съ пятью человекъ ¹⁾. А мать его царица Наталья Кирилловна, со всѣмъ дворомъ, той же ночи бѣгомъ понуждена быть послѣдовать туда жъ. И въ шесть часовъ скорымъ походомъ въ тотъ монастырь пришли. И той же ночи помянутые полки потѣшныя или гвардія туда послѣдовали, также и полкъ Стрѣлцкой Сухаревъ, которой тогда въ Преображенскомъ гвардію имѣлъ, туда прибылъ также. И многіе бояре и другіе чины, принадлежащіе къ тому двору, туда прибыли.

И со всѣми оними его царское величество Петръ Алексѣевичъ будто почитай въ томъ монастырѣ въ осаду сѣлъ. И ворота были нѣсколько дней заперты, и пушки на стѣнахъ въ готовности, и вся та гвардія по ночамъ была въ ружьѣ по стѣнѣ, ожидая приходу съ полками Стрѣлцкими царевны Софіи Алексѣевны.

Топерь будемъ объявлять для чего оной походъ учинился незапной?

Для того, что царевна Софія Алексѣевна, собравъ той ночи ²⁾ полки Стрѣлцкіе нѣкоторые въ Кремль, съ которыми хотѣла послать Щегловитаго въ Преображенское, дабы оное шато зажечь и царя Петра Алексѣевича и мать его убить, и весь дворъ побить, и себя деклеровать на царство.

И о томъ собраніи пріѣхавъ стрѣльцы главные полку Стремлянаго въ Преображенское, царю Петру Алексѣевичу объявили.

И по тому доношенію оной походъ того жъ часу незапной учинился.

И по приходѣ въ Троицкой монастырь, царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ отъ двора своего одного къ брату своему царю Иоанну Алексѣевичу со объявленіемъ той притчины, для чего онъ понужденъ ретироваться, объявля притомъ всѣ злые умыслы сестры его, царевны Софіи, противу его.

И прося его о содержаніи братской дружбы и дабы сестру его, царевну Софію, отъ двора отлучить, и правленія государства отнять и ретироваться бы ей въ монастырь. А безъ того не можетъ придти къ Москвѣ, въ свою резиденцію, и будетъ понужденъ искать способъ къ своему обнадеживанію вооруженною рукою.

Равнымъ же образомъ тожъ объявлено было обѣимъ его величества теткамъ, сестрамъ отца его, царевнамъ Аннѣ и Татьянѣ

¹⁾ Петръ ускакалъ въ Троице-Сергіевъ монастырь не въ маѣ, а въ ночь на 8-е августа 1689 г.

²⁾ Въ ночь на 8-е августа 1689 г.

Михайловнамъ, также и патриарху Іоакиму, требуя онаго, дабы прибылъ въ Троицкой монастырь.

Также спальникъ князь Иванъ Гагинъ былъ отправленъ съ грамотами по всѣмъ полкамъ Стрѣлецкимъ, которымъ повелѣно было прислать выборныхъ стрѣльцовъ въ Троицкой монастырь отъ всякаго полку.

Также по всѣмъ ближнимъ городамъ посланы грамоты, а велѣно всему шляхетству собираться вооруженнымъ въ Троицкой монастырь и всѣмъ офицерамъ иноземцамъ изъ(ть) слободы.

Также во всѣ (сло)боды московскія торговымъ и гостямъ грамотами о притчинѣ походу его величества объявлено было.

А къ боярамъ и всей палатѣ указъ былъ посланъ, дабы ѣхали въ Троицкой монастырь.

И притомъ же требовано было у царя Іоанна Алексѣевича, дабы Ѳедоръ Щегловитой, главной того бунту, и стрѣльцы нѣкоторые были выданы и за карауломъ присланы въ Троице-Сергіевъ монастырь.

И наусупротивъ того, присланнаго стороны царя Іоанна Алексѣевича, былъ присланъ къ Троицевъ-Сергіевъ монастырь бояринъ и дядька князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, которой былъ человекъ набожной и справедливой и весьма противной царевни Софіи Алексѣевны, со всякимъ братскимъ обнадеживаніемъ и дружбы, соболѣзнуя о такой притчинѣ и прочее, и что будетъ стараться всячески все учинить ко удовольствію его—любимаго брата своего.

Которой князь Прозоровской былъ принятъ со всякимъ почтеніемъ и, по двухъ дняхъ, возвратился съ тою жъ комиссією, дабы Щегловитова выдать и стрѣльцовъ заводчиковъ, и царевнѣ Софіи ретироваться въ монастырь дѣвичей.

И по возвращеніи князя Прозоровскаго къ Москвѣ, царь Іоаннъ Алексѣевичъ позволилъ патриарху, и бояремъ, и всей палатѣ ѣхать къ брату своему, также и выборнымъ стрѣльцамъ изъ полковъ идти. Которые по приѣздѣ въ монастырь Троицкой записывали свои приѣзды; къ чему былъ опредѣленъ думной дьякъ Автономъ Ивановъ.

Еще забылъ упомянуть, что царевна Татьяна Михайловна, тетка царя Петра Алексѣевича, также въ Троицкой монастырь пришла и была во всю ту бытность.

И такъ, по приѣздѣ патриарха Іоакима и бояръ и всѣхъ знатныхъ, уже дворъ царя Петра Алексѣевича пришелъ въ силу и тѣмъ начало отнято правленію царевны Софіи и осталось въ ру-

царя Петра Алексѣевича и матери его, царицы Наталіи Кивны.

пріѣздѣ жъ помянутой князь Прозоровской къ Москвѣ, учинявъ царю Іоанну Алексѣевичу, которой былъ въ его, Прозоровского, рукахъ и волѣ, началъ онъ, Прозоровской, стараться, Щегловитова царевна Софія выдала и сама жъ также ретирася въ монастырь.

по многихъ противностяхъ и спорахъ она, царевна Софія, сдана была Щегловитова выдать, котораго князь Прозоровъ принявъ въ ея каморѣ изъ рукъ ея, повезъ съ собою въ ту монастырь за карауломъ, съ которымъ сидѣли два полка по перемѣнкамъ.

привезши въ Троицкой монастырь, [вн. Прозоровской] вручилъ царю Петру Алексѣевичу [Щегловитова], а о царевнѣ Софіи объявилъ, что взяла резолюцію ретироваться въ дѣвичей монастырь. Когда бояре почали въ Троицкой монастырь съѣзжаться, между ними пріѣхалъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ, также Ѳей Ржевской, Семень Толочановъ и другіе подобные, явились къ воротамъ монастырскимъ отъ полковника дневалъ-были остановлены и на монастырь не пущены и велѣно имъ жить на квартиры свои и такъ быть до указу.

по трехъ дняхъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ былъ сидѣлъ въ монастырь. И на крыльцѣ у палаты царскаго величества предъ всѣми боярами были ему чтены вины его, которыя касались токмо въ худомъ правленіи государства и прочее, не касаясь ничего о бунтѣ или какихъ замысловъ противу персоны царскаго величества. И чинъ боярства его отнять и добры его братья на государя, а ему сказано въ ссылку со всѣми его братьями и фамилією. И того жъ дня отправленъ въ провинцію города Псковскаго ¹⁾.

Алексея Ржевскаго и Семена Толочанова послали по дальнимъ городамъ также вмѣсто ссылки.

потомъ начался розыскъ съ Щегловитымъ и другими привезенными стрѣльцами, какъ Амбросимъ бѣлаго полку и другими, которые были привезены отъ выборныхъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ. И по многимъ розыскамъ Щегловитову и его собесѣдникамъ

На полѣ замѣтка автора: „NB. Надобно знать, что ссылка князю Голицыну учинена по прошенію князя Бориса Алексѣевича Голицына, а не по его заслугамъ, тобъ, конечно, былъ взятъ къ розыску такъ же и Щегловитой“.
Кн. К.

стрѣльцамъ тутъ-же на площади, въ слободѣ Клементьевской, голы были отсѣчены, а другихъ въ ссылку сослали. И тѣмъ все замѣшаніе окончалось.

И потомъ были призваны всѣхъ полковъ выборные на крыльяхъ къ палатамъ царскаго величества, гдѣ сидѣли царское величество и мать его, царица Наталья Кирилловна, и патриархъ Іахимъ. Которымъ чтены были разпросныя рѣчи Щегловитова и другихъ бунтовщиковъ, и весь розыскъ объявляя въ народъ нарочно.

И тѣ выборные отъ полковъ увѣрены милостивымъ словомъ учинено награжденіе и отправлены въ свои дома.

Потомъ новое правленіе государства началось, и посольской приказъ отданъ Льву Кирилловичу Нарышкину, брату царицы Натальи Кирилловны, а во дворецъ Петру Аврамовичу Лопухину, а въ большую казну—князя Петра Ивановича Прозоровскаго, а въ иноземскую приказъ—князя Ѳедора Семеновича Урусова, а въ разрядъ Тихона Никитича Стрешнева, которой наиболѣе въ дѣлѣхъ былъ и секретъ всѣхъ дѣлъ вѣдалъ со Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ

И въ ту бытность въ Троицкомъ монастырѣ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ тутъ привелъ въ милость иноземцовъ, какъ Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбургскаго, Ивана Чамбурса и другихъ многихъ, то-есть начала вступить въ милость и фамиліариту иноземцомъ.

И по приходѣ къ Москвѣ началъ его величество въ слободѣ ѣздить чрезъ предвожденіе его-жъ князя Бориса Алексѣевича Голицына. Потомъ его царское величество прибылъ со всѣмъ дворомъ къ Москвѣ, и начала мать его править государство, а онъ проводить свое время непрестанно въ экзерциціяхъ военныхъхъ.

Топерь будемъ описывать о начатомъ правленіи царицы Натальи Кирилловны и порядкахъ двора и про превоженіи времени царя Петра Алексѣевича, и состояніи житія брата его, царя Іоанна Алексѣевича, и бытности въ монастырѣ царевны Софіи.

Во-первыхъ, начнемъ писать о характерѣ царицы Натальи Кирилловны.

Сія принцесса добраго темпераменту, добродѣтельнаго, токмо не была ни прилежная и не искусная въ дѣлѣхъ, и ума легкаго. Того ради, вручила правленіе всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину, и другимъ министрамъ.

И помянутой Нарышкинъ былъ судьей въ посольскомъ приказѣ

дѣ нимъ въ томъ приказѣ правилъ Еоельянъ (Емельянъ) инцевъ, думной дьякъ, человекъ искусной въ своихъ дѣлѣхъ, въ тѣхъ дѣлѣхъ подѣ княземъ (Вас. Вас.) Голицынымъ ннымъ.

Кже къ нему всѣ министры принадлежали и о всѣхъ дѣлѣхъ или, кромѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и Тихона нева.

мянутаго Нарышкина кратко характеръ можно описать, а то: что былъ человекъ гораздо посредняго ума и неводержной тью, также человекъ гордой, и хотя не злодѣй, токмо не чивой и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизарии о гумору.

яринъ Тихонъ Стрешневъ былъ въ правленіи въ разрядѣ три правленія государственнаго большую часть онъ дѣла ѣ.

характерѣ его описать можемъ только, что человекъ лукавой го нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего су такимъ образомъ, понеже былъ въ поддѣбахъ у царя Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его и, такимъ образомъ, былъ интригантъ дворовой.

язь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ сидѣлъ въ Казанскомъ ѣ и правилъ весь Низъ такъ абсолютно, какъ-бы былъ госу ѣ, и былъ въ кредитѣ при царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и ея, царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, по своимъ заслугамъ, для того, аль корону въ руки онъ сыну ея. Былъ человекъ ума вели а особливо остроты, но къ дѣламъ непрележной, понеже ѣ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питію. И оной есть ѣ, которой началъ съ офицерами и купцами-иноземцами ѣться. И по той своей склонности къ иноземцамъ оныхъ ѣ въ откровенность ко двору и царское величество склонилъ ѣ въ милость; о чемъ будемъ впредь обстоятельно писать.

врило Головкинъ въ то время былъ постельничимъ, которой юю милость и конфиденцію у царя Петра Алексѣевича имѣлъ ѣ въ какія дѣла не мѣшался. Однако-жъ, въ царскомъ вели ѣ великую силу имѣлъ и былъ партіи вмѣстѣ помянутаго князя ѣна.

отчіе жъ бояре первыхъ домовъ были отчасти судьями и ѣами, однако-жъ безъ всякаго повоіре (pouvoir) въ консилиѣ ѣ палатѣ токмо были спектакулеми.

въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ ѣей, а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно

и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были для того, что всѣ оныя господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головинъ были домовъ самага низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилей. Къ тому-жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоіръ весь и учинить-бы себя наибольшимъ сувреномъ.

Правленіе оной царицы Натальи Кирилловны было весьма не-порядочное, и недовольное народу, и обидимое. И въ то время началось неправое правленіе отъ судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донинѣ продолжается съ умноженіемъ, и вывести сію язву трудно.

Другая жъ комната царя Іоанна Алексѣевича содержала себя въ тишинѣ; токмо его величество отправлялъ церемоніи церковныя и публичныя, а въ правленіе никакое не мѣшались. И той стороны токмо дядька его, бояринъ князь Петръ Прозоровской, сидѣлъ въ Большой казнѣ, и вѣдалъ Денежной дворъ, и управлялъ со всякою вѣрностію и безъ мздоимства, понеже былъ человекъ набожной, которой до своей смерти былъ содержанъ честно и такъ скончалъ свою жизнь.

Во время жъ того правленія царицы Натальи Кирилловны съ потенціями сосѣдственными была тишина, и никакихъ знатныхъ дѣлъ не происходило, токмо война на Украинѣ продолжалася съ татарами отъ курсовъ обыкновенная, гдѣ на Украинѣ тогда былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, а въ Черкасахъ — гетманомъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

Топерь будемъ писать о забавахъ Петра Алексѣевича.

По возвращеніи изъ Троицкаго походу 7197 (1689) году, его царское величество оставилъ свое правленіе, какъ мы упомянули, матери своей, а самъ препровождалъ время свое въ забавахъ екзерцией военныхъ, а именно: началъ набирать свои два полка Преображенской и Семеновской формально. И въ первомъ, Преображенскомъ, учинилъ 4 баталіона, а во второмъ, Семеновскомъ, 3 баталіона. И надъ обоими тѣми полками учинилъ генераломъ Автомона Головина, человекъ гораздо глупаго, токмо что оной изъ спальниковъ первой, которой зналъ солдатскую екзерцицію.

И непрестанно время свое проваждалъ его царское величество, уча оныя полки въ недѣлю по трижды.

И въ помянутыя полки набирали вольницу, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ другихъ чиновъ. И первое начало о вольности

и боярскимъ учинено и дана свобода въ тѣ полки идти. И
годы были дѣланы военныя екзерциціи и бои между пол-
хотными; и конница изъ шляхетства была сбирана ротами.
Аменты были военные на Семеновскомъ полѣ, гдѣ стояли дня
и больше, и были чинены подѣзды, также и даваны баталіи.
Иногда оныя, подъ именами двухъ государей названныхъ, съ
одной стороны князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановской названъ
царь и государь Плесъпурхъской, котораго резиденція была
въ Преображенскомъ, на острову рѣки Язы (Язузы), горо-
дъ Плесъпурхъ.

Князь былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ
и нравомъ злой тиранъ; превеликой нежелатель добра никому;
по вся дни; но его величеству вѣрной такъ былъ, что никто
И того ради, увидишь ниже, что оному (царь Петръ Але-
ксѣевичъ) во всѣхъ деликатныхъ дѣлахъ повѣрилъ и вручилъ все
государство.

Съ другой-же сторонѣ былъ Иванъ Бутурлинъ-Ватупичъ (sic);
онъ былъ царь и государь Семеновской. А Семеновское его
имѣніе было, Соколей дворъ на Семеновскомъ полѣ. Человѣкъ
порядной, и пьяной, и мздоимливой, которой обиды многимъ

въ то время тѣхъ екзерцицей иноземцы офицеры имѣли окацію
и повороту искать при его величествѣ, понеже они все устано-
вили и рассказывали, какъ оныя екзерциціи отправлять, для того
что русскихъ никого знающихъ не было.

Въ то время названной Францъ Яковлевичъ Лефорть при-
даннымъ къ царю имѣлъ крайнюю милость и конфиденцію интригъ амурныхъ.
Приданной Лефорть былъ человѣкъ забавной и роскошной или
дебощанъ французской. И непрестанно давалъ у себя въ
обѣды, супе и балы. И тутъ въ (его) домѣ первое начало
стало, что его царское величество началъ съ дамами инозем-
ными обходиться и амуръ началъ первой быть къ одной дочери
русской, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, дѣвица
неблагая и умная.

Въ-же въ домѣ (Лефорта) началось дебошство, пьянство такъ
велико, что невозможно описать, что по три дня запершись въ
домѣ бывали пьяны, и что многимъ случалось оттого умирать.
Въ то время и по сіе число и донынѣ (1727 г.?) пьянство
считается, и между великими домами въ моду пришло.

Приданной-же Лефорть съ того времени пришелъ до такого гра-
дуса, что учиненъ былъ генераломъ отъ инфантеріи, и потомъ адми-
раломъ, и отъ пьянства скончался.

Топерь возвратимся на екзерціи военныя.

Объ екзерціяхъ военныхъ можемъ сказать, что были весьма къ прогрессу обученія его величеству и всѣмъ молодымъ людямъ, также и народу или ко обученію солдатства и отчасти политикою, для того, что съ одной стороны всегда были полки гвардіи Преображенской и Семеновской и два полка старыхъ и первыхъ солдатскихъ Бутырской и Шепелевской или потомъ названной Лефортовской, а къ нимъ присовокуплены были изъ полковъ стрѣльцкихъ, которые вѣрны были его величеству, какъ полкъ Сухарева и нѣкоторые подобные тому. А съ другой стороны были полки стрѣльцкіе, какъ Стремянной и Бѣлой полкъ и другіе, которые были ему всегда противны и въ интересъ сестры его, царевны Софіи.

И такъ чрезъ тѣ екзерціи положена была вражда между тѣми полками, а особливо между солдатъ и стрѣльцами, что не могли другъ друга (не) ненавидѣть и непрестанно между ними драки бывали на всѣхъ сходбищахъ.

Правдажъ не надобно забыть о тѣхъ екзерціяхъ, что были великой магнификціи и назвать надобно, что забавы императора и государя великаго, и нѣчто являлося изъ того великаго.

А особливо, какъ я напомяну о той потѣхѣ, которая была подъ Кожуховымъ въ Коломенскихъ лугахъ, о которой могу сказать, что едва которой монархъ въ Европѣ можетъ учинить лутче того.

Понеже оная потѣха началась послѣ Успеньева дня и продолжалась 6 недѣль до самаго октября мѣсяца. И (бы)ло войскъ собрано, какъ съ одной стороны, такъ и съ другой по 15,000 пѣхоты и конницы, которыя войски были командированы помянутыми потѣшными или шутошными государи и цари, княземъ Ромодановскимъ, Иваномъ Бутурлинымъ.

И къ нимъ были во всѣ чины дворовые и военныя, по старому обыкновенію, росписаны всѣ изъ первыхъ персонъ бояре и окольничіе, также и всѣ подъячіе и дѣяки изъ приказовъ были посажены на лошадей и подъ команду Бутурлина служили, отъ которыхъ оной немалой себѣ профиктъ отъ нихъ получалъ.

И при Москвѣ рѣкѣ, на Кожуховскомъ лугу, была учинена фортеція; а войско Бутурлина стояло при ней въ транжиментѣ для обороны, а царь Ѳедоръ Пleshпурской пришелъ съ войски своими отъ Москвы, и перебирался Москву рѣку и, перебравшись чрезъ живой мостъ, взялъ свой лагерь и учинилъ также транжementъ; а потомъ началъ атаку чинить къ городу и вести обыкновенныя опроши, на которые откуль бывали частыя вылазки; и также фаль-

пшвыми бомбами бомбардировали и пушечною стрѣльбою, напримѣръ, стрѣляли будто бреши дѣлали.

И по нѣкоторыхъ недѣляхъ не могли взять того города, для того что царь Семеновской былъ при томъ съ войски своими и всегда перемѣнялъ гварнизоны. Того ради была взята резолюція стороны царя Ѳедора Плешпурскаго дать баталію генеральную и аттаковать траншментъ.

И баталія была дана въ полѣ, понеже царь Семеновской не хотѣлъ сидѣть въ траншментѣ.

И царь Ѳедоръ Плешпурской царя Ивана Семеновскаго побилъ ж его взялъ въ полонъ.

И потомъ на другой день городъ взять приступомъ. И такъ тѣмъ оная потѣха или военная экзерциція окончалоса.

Во все то время хотя доброй порядокъ былъ учиненъ, однакожь съ обѣихъ сторонъ убито съ 24 персоны пыжами и иными случаи, и ранены съ пятьдесятъ.

Во время всего того правленія царицы Натальи Кирилловны, царевна Софія была въ дѣвичьемъ монастырѣ и содержана была по обыкновенію со всѣми дворцовыми domestici.

Также и братъ ея—царь Іоаннъ Алексѣевичъ и сестры ея къ ней свободно ѣздили.

И въ 0000 (sic) ¹⁾ году родился царевичъ Алексѣй Петровичъ, котораго рожденіе принесло великое порадованіе въ народѣ, понеже сукцесія была весьма кратка.

А на другой годъ родился царевичъ Александръ Петровичъ ²⁾, изъ котораго наибольшее порадованіе было.

И при тѣхъ рожденіяхъ послѣдніи церемоніи дворовыя отправлялися, какъ обыкновенно: патриархъ и бояре и всѣ стольники, гости и слободы были съ приносомъ, и протчіе.

Чтоже касается до церемоній придворныхъ, уже въ то время начало самое настало имъ изсякнуть. А наивверныхъ выходы въ соборную церковь отставлены были, и единъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ началъ ходить; также одѣяніе царское отставлено и въ простомъ платьѣ ходить. Также публичныя авдіенціи многимъ отставлены, какъ были даваны авдіенціи приѣзжимъ архіереямъ, посланникамъ гетманскимъ, для которыхъ бывали выходы народные, но уже онымъ даваны были авдіенціи при выходахъ просто. И топерь о всѣхъ

¹⁾ Царевичъ Алексѣй Петровичъ родился въ Москвѣ 18-го февраля 1680 года.

²⁾ Царевичъ Александръ род. въ Преображенскомъ селѣ 23-го октября 1691 года, умеръ 14-го мая 1692 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

тѣхъ дворовыхъ церемоніяхъ не упоминаемъ, для того какъ выше о всѣхъ тѣхъ церемоніяхъ обстоятельно упомянули ¹⁾.

Топерь будемъ говорить, что при наборахъ потѣшныхъ въ Преображенской и Семеновской полкъ произошло.

Многіе изъ рабать (ребяты) молодыхъ, народу простаго, пришли въ милость къ его величеству, а особливо Бужениновъ, сынъ одного служки Новодѣвичья монастыря, также и Лукинъ, сынъ одного подъячаго Новгородскаго, и многіе другіе, которые кругомъ его величества были денно и ночно. И отъ того времени простаго народу во всѣ комнатныя службы вошли, а знатныя персоны отдалены.

И помянутому Буженинову былъ домъ сдѣланъ при сѣзжей Преображенскаго полку, на которомъ домъ его величество сталъ ночевать и тѣмъ первое разлученіе съ царицею Евдокіею началось быть; токмо въ день пріѣзжалъ къ матери во дворецъ, и временемъ обѣдовалъ во дворцѣ, а временемъ на томъ дворѣ Буженинаго ²⁾. И такъ продолжалось до смерти царицы Наталіи Кирилловны ³⁾.

Помянутая царица Наталья Кирилловна возненавидѣла царицу Евдокею и паче къ тому разлученію сына своего побуждала, нежели унимала.

Его же царское величество началъ быть склоненъ къ морскому хожденію. И во время (правленія) матери своей, началъ въ Преображенскомъ на Яузѣ и на Москвѣ рѣкѣ дѣлать суды морскія и яхты, а потомъ самыя корабли на озерѣ Переславскомъ объ 24-хъ пушкахъ, гдѣ была чинена военная экзерція на карабляхъ.

И по такой своей склонности къ морскому ходу и по своей куріезите обыкновенной ходилъ дважды къ городу Архангельскому видѣть море. И тамъ на приуготовленныхъ карабляхъ ходилъ моремъ въ Соловецкой монастырь и въ море Бѣлое, гдѣ единожды отъ великаго штурму были всѣ въ великомъ страхѣ.

И то первое начало самое къ морскому дѣлу.

¹⁾ Изъ этихъ строкъ видно, что кн. Б. А. Куракинымъ была написана глава о церемоніяхъ московскаго царскаго двора; въ Куракинскомъ архивѣ однако, этого описанія не найдено.

²⁾ Моисей Степан. Бужениновъ—сержантъ Преображ. полка. Григорій Лукинъ—солдатъ того же полка. Лукинъ умеръ отъ ранъ подъ Азовомъ, сентября 1695 года.

³⁾ Наталья Кирилловна Нарышкина род. 22 августа 1651 года, повѣнчана съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 22 января 1671 г., † 25 января 1694 г., погребена 26 января, въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ.

также и первое начало къ ношенію платья нѣмецкаго въ то время началось, понеже былъ единъ агличенинъ торговой Андрей Стельсъ ¹⁾, которой всякія вещи его величеству закупаля, изъ за чего выписывалъ и допущенъ былъ ко двору. И отъ онаго первое начало носить шляпочки аглинскія, какъ сары (галерные работницы) носить, и камзолъ, и кортики съ портупейми.

Также и во время всѣхъ потѣхъ оба шутошныя помянутые го-сподина и при нихъ знатныя персоны были одѣты въ нѣмецкое платье.

тому жъ непрестанная бытность его величества началась быть въ Слободѣ Нѣмецкой не токмо днемъ, но и ночевать какъ у Леопольда, такъ и по другимъ домамъ, а особливо у Анны Монсовны. Въ Слободѣ многіе купцы агленскіе и голанскіе, какъ Андрей Стельсъ, Христофоръ Брантъ, Иванъ Любсь ²⁾ пришли въ его величества по милости и конфиденцію, и начали имѣть свой свободной торговли. Также всѣ въ Слободѣ офицеры знатные изъ иноземцовъ и купцы, такъ и (на) Поганомъ прудѣ не могли единой свадьбы учинить, чтобъ его величество не звать и при немъ знатныхъ персонъ на свадьбу. И особливые банкеты чинили, и балы, и супе давали, и такъ и ко многимъ на погребеніе зывали, гдѣ его царское величество присутствовалъ со всѣми своими дворовыми, по чину ихъ, и въ банкахъ черныхъ.

по склонности своей его величество къ иноземческому всему началъ учиться всѣхъ экзерцией и языку голанскаго. Мастеръ того языка былъ дьякъ Посольскаго приказа, порочинскій, Андрей Виніусъ, человекъ умной и состоянія доброй. А для экзерцией на шпагахъ и лошадяхъ—датчанинъ сынъ Якоба Бутенанта ³⁾, а для математики и фортификаціи и дружины артиллеріи, какъ токарнаго мастерства и для огней артофициаль-ныхъ—единъ гамбурченинъ Францъ Тимарманъ ⁴⁾, а для экзерцией солдатскаго строю еще въ малыхъ своихъ лѣтѣхъ обучился отъ капитана стрѣльца Присвова, Обросима Бѣлаго полку, а по барабанному отъ старосты барабанщиковъ Ѳедора Стремяннаго полку, а по польски съ одной практикой въ домѣ Лефорта помянутаго.

¹⁾ Креть (Крефтъ), Андрей Юрьевичъ, переводчикъ посольскаго при-каза. См. многія письма къ нему Петра Великаго въ сборникѣ академика Бычкова: „Письма и бумаги Петра I“, изд. 1887 г.

²⁾ Любсь, Иванъ, голландскій купецъ.

³⁾ Бутенантъ фонъ Розенбушъ (Ботвемантъ, Бутманъ), Андрей Ива-новичъ, комиссаръ датскаго короля.

⁴⁾ Тиммерманъ, Францъ Ѳедоровичъ.

Его жъ величество имѣлъ великую охоту къ артиллернымъ дѣламъ и къ огню артофиціальному и самъ своими руками работалъ по вся зимы.

Какъ тогда обычай былъ на конецъ кроновала или на масляницѣ на Прѣснѣ, въ деревнѣ ихъ величества, по вся годы, потѣхи огненныя были дѣланы. И, правда, надобное сіе описать, понеже дѣлано было съ великимъ издивеніемъ, и забава прямая была мажесте.

Ихъ величества и весь дворъ въ четвергъ на масляницѣ съѣзжали въ шато свое на Прѣснѣ, и живали дня по два; гдѣ на обоихъ дворцахъ бывали приуготовленія потѣхъ: на одномъ дворцѣ съ Пушкинаго двора, а другомъ дворцѣ съ Потѣшнаго дворца строенія рукъ его величества. Тутъ же сваживали пушекъ, по полтораста, для стрѣльбы въ цѣль. И въ назначенной день тѣмъ потѣхамъ поутру начнется стрѣльба изъ пушекъ въ цѣль и продолжается до обѣду; и которой пушкаръ убьетъ въ цѣль бывало награжденіе каждому по 5 рублей денегъ и по сукну красному или зеленому на кафтанъ.

И потомъ обѣдъ даванъ былъ всѣмъ палатнымъ людямъ, а по обѣдѣ до вечера чинится приуготовленіе потѣхъ огненныхъ и, чѣмъ ночь настанетъ, начинаются оныя потѣхи и продолжаются временемъ за полночь.

И на завтріе ихъ величества возвращаются къ Москвѣ.

Топерь невадно сего забыть и описать коимъ образомъ потѣшной былъ патріархъ учиненъ, и митрополиты, и другіе чины духовныя изъ придворныхъ знатныхъ персонъ, которыя кругомъ его величества были, болѣе ко уничтоженію оныхъ чиновъ, а именно: былъ названной Матвѣй Филимоновичъ Нарышкинъ окольничей, мужъ глупой, старой и пьяной, которой названъ былъ патріархомъ; а архіереями названы были отъ разныхъ провинцій изъ бояръ нѣкоторыя и прочіе другіе чины и дьяконы изъ спальниковъ. И одѣяніе было подѣлано нѣкоторымъ образомъ шутошное, а не такъ власное, какъ на прикладъ патріарху: митра была жестяная, на форму митръ епископовъ католицкихъ, и на ней написанъ былъ Бахусъ на бочкѣ, также по одѣянію партіи игрышныя нашиты были; также вмѣсто нагаеи флаги глинины надѣваны были съ колокольчиками. А вмѣсто Евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколько стглянокъ съ водкою. И все состояло тамъ въ церемоніяхъ празденство Бахусово.

И во время дня Вербнаго воскресенія также процессія послѣ

правлялась на потѣшномъ дворѣ. Оной патриархъ шутошной
визитъ на верблюдѣ въ садѣ набережной къ погребу фряжскому.
Потѣшныи, довольно напившись, разтѣзжались по домамъ.

Сіе и постановленіе тѣмъ патриархамъ шутошнымъ и архіе-
пископамъ въ городѣ помянутомъ Пleshпурхѣ, гдѣ была сложена
трагедія въ терминахъ такихъ, о которыхъ заповѣдно нахо-
дилось распространять, но кратко скажемъ къ пьянству, и къ
всѣмъ дебошамъ ¹⁾.

Въ то же время патриархъ съ Рождества Христова и во всю зиму до
весны продолжалъ славленіе по всѣмъ знатнымъ дворамъ на
улицѣ и въ слободѣ, и у знатныхъ купцовъ съ воспѣніемъ обык-
новеннымъ церковнымъ, въ которыхъ домѣхъ приготавливали столы
съ кушаніемъ, и гдѣ прилучится обѣдали всѣ, а въ другихъ
не обѣдали, а во оныхъ токмо пивали. И продолжалось каждой день
ночи и разтѣзжались всегда веселы. Сіе славленіе многимъ
нравилось и къ наказанію отъ шутокъ не малому: многіе отъ
шутокъ были биваны, облиты и обруганы.

Будемъ напоминать о началѣ придворныхъ дураковъ и о со-
судахъ во пьянствѣ между бояры.

Обычай былъ издавно имѣть придворныхъ дураковъ для
веселья, а временемъ оны служили и для политики, какъ мы по-
яснимъ въ сей Исторіи, чему были явные свидѣтели.

Изъ первыхъ взятъ былъ ко двору дворянинъ новгородецъ,
Тимофѣевичъ Долгорукой назывался; мужикъ старой и
простой и пренпростой, которой больше не имѣлъ шутокъ ника-
кихъ, токмо вздоръ говаривалъ и зла никому не капабель былъ

и не шутокъ. Взятъ былъ Яковъ Тургеневъ, изъ дворянъ, также му-
жикъ старой и безъ зла, токмо утѣшенъ былъ своими поступки и
шутками.

Въ то время многіе были другіе взяты, какъ Филать Шанской.
Въ то время и оной же. Сей пьяной человекъ, и мужикъ пронырливой,
взятъ былъ за ушника, и при обѣдахъ, будто въ шуткахъ
и разговорахъ, на всѣхъ министровъ рассказывалъ явно, что кто
кого обидялъ, и какъ крадутъ.

¹⁾ Нашъ очеркъ, составленный по собственноручнымъ царя Петра
I замѣткамъ и шуткамъ: „Петръ Великій какъ юмористъ“, въ
словѣ и дѣло!“, истор. очерки М. И. Семеваго, Спб. 1884 года,
Ред.

Потомъ были взяты многіе, и собраніе немалое, какъ было изъ знатныхъ персонъ, такъ изъ простыхъ. А особливо топерь упомянемъ о князѣ Шаховскомъ, которой былъ ума немалаго и читатель книгъ, токмо самой злой сосудъ и пьяной, и всѣмъ злодѣйство дѣлалъ, съ перваго до послѣдняго. И то дѣлалъ, что провѣдывалъ за всѣми министры ихъ дѣлъ; и потомъ за столомъ, при его величествѣ, явно изъ нихъ каждаго лаевалъ и попрекалъ 'всѣми тѣми ихъ дѣлами, чрезъ которой каналъ его величество все вѣдалъ.

Оной-же, Шаховской, во время славленія, которой чинъ носилъ архидіакона, и ему были приказаны все выславленіе расписывать, наживалъ отъ того себѣ великіе пожитки, понеже власть имѣлъ писать въ то славленіе изъ стольниковъ, и изъ гостей, изъ дьяковъ, изъ всякихъ чиновъ, изъ чего ему давали великіе подарки.

Оные-жъ дураки, какъ лепень (прилипало?) Шаховской и другіе прочіе, были употреблены для наказанія многимъ знатнымъ персонамъ и министрамъ, будто во пьянствѣ и отъ ихъ самага произволенія.

И когда его величеству на котораго министра было досадно и чтобъ онаго пообругать, то при обѣдахъ и другихъ банкетахъ онымъ дуракамъ было приказано котораго министра или которую знатную персону напоить, и побить, и побранить; то тотчасъ чинили, и на оныхъ никому обороны давано не было.

Возвращусь топерь описывать о забавахъ святошныхъ, которыя при дворѣ бывали, внесены и начаты чрезъ одного вымысломъ изъ спальниковъ Василья Алексѣева сына Соковнина.

Старой обычай есть въ народѣ россійскомъ, что предъ праздникомъ Рождества Христова и послѣ играютъ святки, то-есть въ домъ друзья между собою собираются въ вечеру и изъ подлыхъ людей сами одѣваются въ платье машкараты. А у знатныхъ людей люди ихъ играютъ всякія гисторіи смѣшныя.

И по тому обыкновенію царское величество при дворѣ своемъ также игралъ святки (съ) своими комнатными людьми, и одного избрали за главу и установителя той потѣхи Василья Соковнина, котораго назвали пророкомъ.

Сей мужъ былъ злой и всякихъ пакостей наполненъ.

И въ тѣхъ святкахъ, что происходило, то великою книгою не описать, и напишемъ, что знатнаго. А именно: отъ того начала ругательство началось знатнымъ персонамъ и великимъ домомъ, а особливо княжескимъ домомъ многихъ и старыхъ бояръ: людей толстыхъ протаскивали съвозъ стула, гдѣ невозможно статься; на многихъ платье дирали и оставляли нагишемъ; иныхъ гузномъ

яици на лохани разбивали; инымъ свѣчи въ проходъ забивали; инымъ на ледъ гузномъ сажали; иныхъ въ проходъ мѣхомъ надували, отчего единъ Мясной ¹⁾, думной дворянинъ, умеръ. Инымъ многія другія ругательства чинили.

И сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многіе къ тѣмъ днямъ приуготовливались, какъ-бы къ смерти.

И сіе продолжалось до ѣзды заморской въ Голандію.

Топерь возвращаюся на правленіе царицы Натальи Кирилловны.

Въ правленіе ея знатнаго ничего не происходило, токмо всѣ дѣла происходили съ великими взятки.

И въ 7200 году ²⁾ скончалась.

Тогда весь говерноменътъ премѣнился.

И по смерти ея вступилъ въ правленіе его величество царь Петръ Алексѣевичъ самъ. И когда его величество получилъ извѣстіе о смерти своей матери, бывъ въ домѣ своемъ въ Преображенскомъ, тогда былъ въ великой печали, и на погребеніи у матери своей не былъ; токмо присутствовалъ братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

Сія смерть принесла паденіе Льва Нарышкина, понеже онъ отъ его царскаго величества всегда былъ мепризированъ и принятъ за человѣка глухаго.

И по смерти царицы Натальи Кирилловны, хотя его царское величество самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, однако-жъ, труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего государства правленіе министрамъ своимъ.

И сперва объявился было въ фаворѣ и какъ-бы быть за перваго князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Токмо сіе не продолжалось болѣе, какъ недѣли двѣ, понеже былъ человѣкъ забавной и отлучался часто по своимъ деревнямъ. И такъ въ краткомъ времени потерялъ; однако-жъ остался въ прежнемъ градусѣ и правилъ или владѣлъ всѣмъ Низомъ. Но во всѣ дѣла внутреннія его величество положилъ и далъ управлять на Тихона Стрешнева, хотя котораго внутренно и не любилъ ³⁾, ниже эстимовалъ.

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „окольничей“.

²⁾ Царица Наталья Кирилловна скончалась не въ 7200-мъ г., т. е. не 1692-мъ отъ Р. Х., а въ 1694-мъ, 25-го января.

Ред.

³⁾ На полѣ замѣтка автора: „NB. Для того не любилъ, что ему, Стрешневу, причиталъ свою женитьбу въ родѣ Лопухиныхъ“.

Кн. Б. К.

Топерь будемъ упоминать, кто вступилъ тогда въ правленіе первыхъ шаржей по смерти царицы Натальи Кирилловны ¹⁾.

Братъ ея величества умершей — Левъ Нарышкинъ, правилъ посольской приказъ. И первой годъ онъ, Нарышкинъ, правилъ тотъ посольской приказъ и во всю ѣзду его величества въ чужестранные края. Но по возвращеніи, отъ всѣхъ дѣлъ его, Нарышкина, его величество отставилъ; и посольской приказъ отданъ со всѣмъ правленіемъ Ѳедору Алексѣевичу Головину, которой былъ уже потомъ фаворитомъ.

А Казанской дворецъ правилъ и весь Низъ съ великою ауторією князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, которой, по смерти царицы Натальи Кирилловны, вступилъ было во все правленіе государственное, какъ бы быть первымъ министромъ, въ томъ надѣяніи, что его величество къ нему естиму великую имѣлъ за всѣ его прежнія показанныя службы во время царевны Софіи Алексѣевны; также и для другой притчины, что оной князь Голицынъ былъ другъ душевной генералу Лефорту, которой былъ великимъ фаворитомъ у его величества. Однакожъ, помянутой князь Голицынъ въ своемъ проектѣ весьма обманулся, и былъ тѣмъ правителемъ генеральнымъ нѣсколько дней, понеже былъ человекъ, правда, ума великаго, токмо погрѣшенія многія имѣлъ: первое, пилъ непрестанно, и для того всѣ дѣла negliжировалъ; второе, великой мздоимецъ, такъ что весь Низъ раззорилъ. Однакожъ, за его заслуги великія его величество содержалъ его въ своей милости по смерти, и нѣкоторые годы оставилъ ему въ правленіе, почитай суверанное, весь Низъ. И когда его величество вступилъ самъ во все правленіе государства и началъ уставлятъ новое опредѣленіе правленія, тогда Низъ весь и оной приказъ отъ него, Голицына, взять. И опредѣлено править по губерніямъ и прочее, какъ о семъ будемъ ниже пространнѣе писать.

Протчіе же министры, или судьи остались всякой въ своемъ правленіи, токмо всѣ принадлежали до Тихона Стрешнева, какъ мы выше упомянули.

Въ тожъ время фаворъ къ Лефорту продолжался, токмо былъ для однихъ вечеринокъ и пировъ, а въ дѣлахъ оной Лефортъ силъ не имѣлъ и не мѣшался, и правленія никакого не имѣлъ, токмо имѣлъ чинъ адмирала и генерала отъ инфантерін. И понеже былъ

¹⁾ Эта замѣтка до характеристики Ромодановскаго писана авторомъ въ другомъ мѣстѣ его записокъ, именно на 32—34 стр. рукописи; она является позднѣйшею вставкою кн. Б. И. Куракина.

къ слабому уму и не казавель всѣхъ тѣхъ дѣлъ править по чинамъ, то все управляли другіе вмѣсто его. Помянутой и денно и ночью былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты, иная игра, дебошъ съ дамами, и питье непрестанное, оттого въ время своихъ лѣтъ подѣ пятьдесятъ.

въ тожъ время Александръ Меншиковъ почалъ приходить къ нему въ милость, и до такого градуса взошелъ, что все государство правилъ почитай, и дошелъ до градуса фельдмаршала, и отъ себя отъ цесаря сперва графомъ имперскимъ, а потомъ вскорѣмъ, а отъ его величества дукомъ ижерскимъ. И тожмо ему давалось на письмѣ и на словахъ свѣтлость. И былъ великой фаворитъ, что развѣ въ римскихъ гисторіяхъ нахождеться награжденъ былъ такимъ великимъ богатствомъ, что при своихъ земляхъ имѣлъ по полторасту тысячъ рублевъ, также и другихъ трезоровъ великое множество имѣлъ, а именно: въ казенныхъ считалось на полтора милліона рублей, а особливо знатнѣе имѣлъ—яхонтъ червчатой, великой цѣны по своей величине и тяжелиѣ, и цвѣту которой считался токмо единъ въ

актеръ сего князя описать кратко: что былъ гораздо среднѣе человекъ не ученой, ниже писать что могъ, кромѣ своего умомъ выучилъ подписывать, понеже былъ изъ породы самой ниже шляхетства.

нищенствіе житія его описана будетъ ниже, и всѣ его авантюры при полки счастливыя и не счастливыя.

для самой конфиденціи къ своей персонѣ (царь Петръ Алексѣевичъ) всегда любилъ князя Федора Юрьевича Ромодановскаго, шуточнаго названнаго царя Плешпурхскаго, которому ученой приказъ въ Преображенскомъ и далъ ему всѣ розыскныя дѣла государственныхъ дѣлъ, то-есть, что касается до его персоны, до бунтовъ и прочее, также и другія розыскныя дѣла. Также оной правилъ судомъ всю гвардію Преображенскаго полку, также оному далъ власть: во время своего отъѣзда съ Москвы и вѣдѣнія государства, какъ на прикладъ въ бытность его въ Голандіи, и въ Англіи, и въ Вѣнѣ, также и въ дру- гихъ мѣстахъ править Москву, и всѣмъ бояремъ, и судьямъ при- казомъ до него, Ромодановскаго, и къ нему съѣзжаться всѣмъ и вѣдѣть, когда онъ похочеть.

другимъ образомъ опредѣлено было съѣзжаться на дворецъ приказъ Счетной, гдѣ сидѣлъ Никита Зотовъ, думной прежде

бывшей дьякъ, а потомъ думной дворянинъ, которой былъ учителемъ его величества писать.

О власти-же его, Ромодановскаго, упоминать еще будемъ, что принадлежитъ до розысковъ, измѣны, доводовъ, до кого-бъ какой квалиты и лица женскаго полу или мужскаго не пришло, могъ всякаго взять къ розыску, арестовать, и розыскивать, и по розыску вершить.

И еще болѣе, ежели-бъ изъ фамиліи его величества есть какая притчина, на которую явилась, чтобъ касалася къ предосужденію самой его величества персоны, могъ-бы, взявъ, сослать въ монастырь. Оной же князь Ромодановской вѣдалъ монастырь дѣвичей, гдѣ царевна Софія, заключенная, сидѣла, и содержалъ ее въ великой крѣпости. И когда розыски самыя царевны Софіи были, то его величество самъ спрашивалъ ее въ присутствіи его, князя Ромодановскаго, и кромѣ его въ тѣхъ дѣлѣхъ никому конфиденціи не имѣлъ.

Оной-же имѣлъ власть къ своей собственной забавы всю его величества охоту соколю содержать на коштѣ дворцовомъ; и какъ въ лугахъ Коломенскихъ, такъ и въ другихъ мѣстѣхъ заказъ былъ тою охотою никому ѣздить. Сіе токмо чинилось для его одного. Оной-же имѣлъ власть, какъ изъ бояръ, такъ изъ другаго шляхетства, и изъ всякаго чину брать къ себѣ и содержать для своей забавы, понеже былъ человекъ къ характеру партикулярнаго, а именно: любилъ пить непрестанно, и другихъ поить, и ругать, и дураковъ при себѣ имѣлъ, и ссоривалъ, и приводилъ въ драку, и съ того себѣ имѣлъ забаву.

Кн. Б. И. Куракинъ.

1723 и 1727 гг.
Гага и Парижъ.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Воспоминанія Евгенія Скайлера.

Eugene Schuyler, въ „Scribner's Magazine“.

(Окончаніе).

VI.

Толстой глубоко оплакивалъ смерть Тургенева и, говоря объ его вѣжной, любящей натурѣ, скорбѣлъ, что писатель, столь художественный въ высшемъ смыслѣ и столь преданный Россіи, долженъ былъ провести лучшіе и зрѣлые годы за границею, вдали отъ искреннихъ друзей и вдали отъ собственнаго семейства.

— „Это былъ независимый, до конца жизни, пытливый умъ, выразился графъ Л. Н. Толстой о Тургеневѣ г. Данилевскому,—и я, не смотря на нашу когда-то мимолетнюю размолвку, всегда высоко чтилъ его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный художникъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолетнимъ потребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его заблужденія были искренни“. (Данилевскій: „Поѣздка въ Ясную Поляну“).

Помогая Толстому приводить въ порядокъ его библіотеку, я помню, что собранію сочиненій Ауэрбаха было дано первое мѣсто на первой полкѣ, и, вынувъ два тома „Ein neues Leben“, Толстой сказалъ мнѣ, чтобы я прочелъ ихъ, когда лягу спать, какъ весьма замѣчательную книгу, и прибавилъ:

— „Этому писателю я былъ обязанъ, что открылъ школу для моихъ крестьянъ и заинтересовался народнымъ образованіемъ. Когда

и во второй разъ вернулся въ Европу, я посѣтилъ Ауэрбаха, не называя себя. Когда онъ вошелъ въ комнату, я сказалъ только: „Я Евгений Бауманъ“, и когда онъ показалъ сомнѣніе, я поспѣшилъ прибавить: „не дѣйствительно по имени, но по характеру“; и тогда я сказалъ ему кто я, какъ сочиненія его заставили меня думать и какъ хорошо они на меня подѣйствовали“.

Случай привелъ меня слѣдующею зимою провести нѣсколько дней въ Берлинѣ, гдѣ въ гостепріимномъ домѣ американскаго посланника Банкрофта я имѣлъ удовольствіе встрѣтить Ауэрбаха, съ которымъ во время моего пребыванія я хорошо познакомился. Въ разговорѣ о Россіи мы говорили и о Толстомъ, и я напомнилъ ему объ этомъ случаѣ.

— „Да, сказалъ онъ, — я всегда вспоминаю, какъ я испугался, когда этотъ странно глядѣвшій господинъ сказалъ мнѣ, что онъ Евгений Бауманъ, потому что я боялся, что онъ будетъ грозить мнѣ за пасквиль или диффамацию“.

„Ein neues Leben“ естественнымъ образомъ подало намъ поводъ говорить о крестьянскихъ школахъ и вообще о крестьянскомъ словіи, о результатахъ эмансипаціи. Графъ говорилъ мнѣ о крестьянской деревнѣ, прилегающей къ разрушеннымъ столбамъ большихъ воротъ парка.

„Дома были—бѣдныя одно-этажныя лачуги“—я выписываю изъ письма моего, писаннаго тогда изъ Ясной Поляны, — „выстроенныя вообще изъ бревенъ; каменные дома не считались теплыми¹⁾“.

„Входъ былъ внутри двора, съ одной стороны котораго были сараи для скота и лошадей изъ плетеныхъ лозъ и покрытые соломою; съ другой стороны—дверь въ избу, которая обыкновенно состоитъ изъ одной комнаты въ два маленькія окна, каждое съ двойною рамою отъ холода. Здѣсь нѣтъ потолка и комната открыта къ покрывающей избу соломенной крышѣ. Полъ въ нѣкоторыхъ земляной, но большею частью кирпичный или деревянный. Большая кирпичная печь содержитъ тепло въ домѣ. Рѣдко здѣсь болѣе одного стула, но шероховатыя скамьи расположены по бокамъ комнаты и одинъ или два стола. За ширмами обыкновенно нѣчто въ родѣ кровати для хозяина дома и люлька—квадратная доска, висящая на перекладинѣ на четырехъ веревкахъ, привязанныхъ къ четыремъ концамъ и прикрѣпленныхъ узлами, похожая на чашку вѣсовъ. Здѣсь въ одномъ углу маленькая полка съ обычными образами, и маленькая лампада, горящая передъ ними. Кромѣ деревянной посуды,

¹⁾ Напечатано въ „Evening Post of New York“, 27 ноября 1868 г.

другой утвари. Семейства всегда большія, и люди спятъ на скамьяхъ или на полу. Здѣсь въ обычаѣ, что молодые члены семейства спятъ въ сараяхъ или на дворѣ. Это выходитъ даже зимою, не смотря на то, что поутру они покрыты снѣгомъ. Крестьянскія избы въ этой части Россіи можетъ быть хуже чѣмъ другихъ. На сѣверѣ Россіи, гдѣ лѣсъ въ изобиліи, хотя крестьяне въ настоящее время бѣднѣе, они имѣютъ большія и лучшія избы и болѣе утвари. Всѣ крестьянскія избы, которыя я видѣлъ на Волгѣ или даже на сто миль далѣе въ Самарской губерніи, гдѣ лѣсъ такъ рѣдокъ, что для топлива употребляютъ навозъ, гораздо больше, обыкновенно въ двѣ или даже три комнаты; въ каждой болѣе домашней утвари, и есть хорошіе рѣзные шкапы для посуды и для глиняной посуды.

Однажды, вечеромъ, я посѣтилъ стараго крестьянина въ одной изъ этихъ избы. Комната была освѣщена лучиною или березовымъ свѣчкомъ, который ярко горѣлъ. Это узенькая полоска дерева, прибитая тремя гвоздями къ верхушкѣ деревяннаго бруска, а каждая лучина горитъ не болѣе двухъ минутъ, тогда новая дѣвочка должна безпрестанно перемѣнять ихъ. Плетель собирается въ глиняный сосудъ. Старуха ткала грубое льняное полотно грубою машиною. Старикъ чисто и ловко плетъ сапоги или башмаки изъ липовой мочалы, какіе крестьяне обыкновенно употребляютъ. Всего интереснѣе было видѣть, какъ одинъ крестьянинъ колотилъ шерсть. Онъ прикрѣпилъ къ стѣнѣ большую деревянную дугу, натянутую большою крѣпкою веревкою. Онъ держалъ веревку въ постоянномъ размахѣ, ударяя въ нее, т. е. въ шерсть, длиннымъ кускомъ дерева съ зарубинами и при каждомъ ударѣ веревка подхватывала и рвала шерсть, отбрасывая ее на полъ въ видѣ бѣлоснѣжныхъ хлопковъ, какъ мыльная вода. Это такъ-же хорошо расчесано, какъ если-бы было сдѣлано машиною¹⁾. Это составляло предметъ ремесла этого крестьянина, который ходилъ изъ дома въ домъ и наживалъ, можетъ быть, полтора рубля въ день, если работалъ постоянно. Приходъ шерстопрядки — настоящій праздникъ въ домѣ, потому что онъ обыкновенно веселый малый и поетъ подъ музыку своей тетивы. Зима — умственный сезонъ для русскихъ крестьянъ, какъ и во всѣхъ свѣтѣ. Они начинаютъ жечь свѣчи съ 15-го (27-го) сентября, и съ этого времени они работаютъ по вечерамъ, въ то время

¹⁾ Совершенно такой-же инструментъ употребляется въ Средней Азій для прядки хлопчатой бумаги.

какъ старуки рассказываютъ сказки, а молодые поютъ. Обыкновенно молодыя дѣвушки сходятся для пѣнія и пряденія; онѣ каждый вечеръ ходятъ изъ дома въ домъ. Въ этой избѣ былъ весьма умный мальчикъ лѣтъ 14-ти, который зналъ нѣчто объ Америкѣ и имѣлъ прекрасное начальное образованіе.

„Въ деревнѣ нѣтъ церкви, но на полдорогѣ отъ нея до деревни ближайшаго помѣщика есть красивая старая церковь во имя св. Николая Муравейника, отъ чудотворной иконы св. Николая, найденной будто-бы въ муравейникахъ въ сосѣдствѣ. Мнѣ говорили, что пощѣ не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на свою паству. Крестьяне набожны, но почитаютъ болѣе помѣщиковъ, чѣмъ священниковъ, и подчиняются вліянію обоихъ на добро и зло. Здѣсь, какъ и во всѣхъ деревняхъ, близкихъ къ большой дорогѣ, нравственность не хороша. Женщины рано развращены проходящими солдатами. Что касается до пьянства, оно ни хуже, ни лучше, чѣмъ въ другихъ. Мужчины почти всѣ ямщики и извозчики и имѣютъ недостатки этого сословія. Поэтому вся земля обрабатывается болѣею частью женщинами.

„Я спросилъ графа Толстого, что онъ думаетъ о вліяніи на народъ эмансипаціи? Онъ отвѣтилъ, что онъ былъ одинъ изъ поддерживавшихъ эту мѣру и одинъ изъ исполнителей—мировой посредникъ—но что теперь (1868 г.) онъ думаетъ, что мѣра эта принята слишкомъ рано, что она принята только по обсужденіи теоретиками, а не какъ въ западной Европѣ, по требованію народа или по необходимости обстоятельствъ. На сколько дѣло идетъ до матеріальнаго положенія крестьянъ, онъ полагаетъ, что эмансипація была вредна. Онъ всегда судилъ о благосостояніи деревни по количеству скота, и всегда считалъ его, когда проѣзжалъ по деревнѣ, и что онъ всегда замѣчалъ, что число это постоянно уменьшалось. Крестьяне его имѣютъ три десятины земли на душу въ общемъ владѣніи, за которыя платится по три рубля съ десятины подати. Имъ предоставлено право выкупить эту землю по 50 руб. за десятину и даже могутъ купить за 30 руб.; но, насколько ему извѣстно, ни одинъ крестьянинъ въ его уѣздѣ не приобрѣлъ земли и не поселился на ней, какъ въ другихъ деревняхъ, хотя многіе изъ нихъ не имѣютъ недостатка въ средствахъ. Крестьяне рады работать какъ можно менѣе и предпочитаютъ проводить болѣшую часть времени въ кабакахъ. Къ несчастію, около самаго времени эмансипаціи, цѣны на водку были очень понижены, и это увеличило пьянство. Нынѣ предлагаютъ вновь поднять цѣны и ограничить свободу торговли виномъ“.

Такъ какъ романъ Ауэрбаха въ особенности направилъ мысли Толстого на предметъ народнаго образованія, то въ открытіи школы

онъ согласовался только съ духомъ времени — филантропія тогда была въ модѣ—для удовлетворенія своихъ собственныхъ личныхъ желаній дѣлать добро,—желаній, общихъ всѣмъ либеральнымъ людямъ въ тотъ періодъ эмансипаціи. Въ 1862 году, въ этомъ маленькомъ уѣздѣ, имѣющемъ около 10 тысячъ жителей, было 14 хорошихъ школъ, кромѣ 10 маленькихъ, гдѣ преподавали церковные служители или старые солдаты, или которыя были просто для дѣтей дворовыхъ различныхъ имѣній.

Основанная Толстымъ школа помѣщена въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ въ его имѣніи, отдѣленномъ отъ деревни маленькимъ оврагомъ. Она была открыта утромъ и вечеромъ и имѣла среднимъ числомъ около 40 учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ; нѣкоторые приходили издалека, даже изъ другихъ деревень, привлекаемые тѣмъ, что ученіе было свободное и что школа пользовалась хорошою репутаціею. Въ послѣдній ея годъ было четыре учителя, но Толстой часто самъ училъ,—одно время онъ проводилъ тамъ всѣ свои вечера,—русскому языку и особенно библейской исторіи, пѣнію и рисованію, такъ какъ онъ тогда страстно любилъ музыку и искусство. Школа эта процвѣтала около трехъ лѣтъ и умерла естественною смертію, не столько отъ недостатка интереса со стороны Толстого, какъ отъ того, что каждый ребенокъ въ деревнѣ, имѣвшей только 150 жителей, выучивался читать и писать и пріобрѣталъ всѣ другія знанія, которыя казались достаточными для хозяйства, а новыхъ учениковъ не набиралось довольно, чтобы стоило содержать школу. Годъ школа прозябала и была потомъ закрыта; кажется, вслѣдствіе нѣ котораго ошибочнаго толкованія циркуляра министра народнаго просвѣщенія, —новыя школы запрещено было открывать, если число учениковъ казалось неудовлетворяющимъ правительству.

Въ связи съ этою школою Толстой издавалъ маленькій журналъ, подъ названіемъ „Ясная Поляна“, въ которомъ онъ описывалъ какъ самую школу, такъ и принятую въ ней методу преподаванія; также и виды его на образованіе вообще и образцы сочиненій и темъ для учениковъ. Журналъ этотъ, коего экземпляръ онъ отыскалъ и далъ мнѣ, теперь сдѣлался рѣдкостью; но нѣкоторыя части его вмѣстѣ съ статьями, напечатанными въ двухъ журналахъ, нынѣ включены въ четвертомъ томѣ собранія его сочиненій. Три статьи, описывающія школу въ ноябрѣ и декабрѣ 1862 г., переведены по французски и весьма заслуженно читаются даже тѣми, которые вовсе не интересуются образованіемъ, потому что онѣ содержатъ въ себѣ описанія дѣтей и жизни въ русской деревнѣ и схожи съ лучшими романами Толстого. Здѣсь есть также интересныя статьи, болѣе

длинные, которыя еще не переведены, но болѣе потому, что онѣ бросаютъ свѣтъ на развитіе характера Толстого, чѣмъ потому, что онѣ или другіе говорятъ объ образованіи русскихъ крестьянъ, имѣющемъ менѣе значенія для насъ, живущихъ въ совершенно отличномъ фазисѣ цивилизаціи ¹⁾).

Школа Толстого было свободна во многихъ отношеніяхъ, потому что не было никакого покушенія вводить порядокъ или дисциплину,

¹⁾ Толстой въ своей „Исповѣди“ нисколько не тотъ-же самый въ отношеніи самого себя, какъ въ отношеніи своего школьнаго дѣла. Онѣ говоритъ: „Вернувшись изъ заграницы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая мнѣ уже рѣзала глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершается неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности-же, я вертѣлся все около одной и той-же неразрѣшенной задачи, состоящей въ томъ, чтобы учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понималъ, что нельзя учить, не зная чему учить, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному, и спорами между собою скрываютъ только сами отъ себя свое познаніе; здѣсь-же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы предоставить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школою, я другой разъ поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ-бы это такъ сдѣлать, чтобы самому ничего не зная, умѣть учить другихъ.

„И мнѣ казалось, что я этому выучился за границею, и, вооруженный всею этою премудростію, я, въ годъ освобожденія крестьянъ, вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ—въ школахъ, и образованныхъ людей—въ журналѣ, который началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я-бы тогда-же можетъ быть пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ въ пятнадцать лѣтъ, если-бы у меня не было еще одной стороны живни, неизвѣданной еще мною и общавшей мнѣ спасеніе: это была семейная жизнь.

„Въ продолженіи года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ, и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась дѣятельность моя въ школахъ, такъ противно мнѣ стало мое вліяніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ-же—въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ станъ къ башенирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

подавались только такіе предметы, которые интересовали
 ковъ и только насколько этотъ интересъ продолжался. Боль-
 вопросомъ по его мнѣнію было: чему можно учить и какъ
 ?

Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ мнѣ помогаль родъ педа-
 ескаго такта, какой я имѣль особенно вслѣдствіе моей рев-
 къ дѣлу.

Войдя тотчасъ въ самыя тѣсныя личныя сношенія съ сорока
 ѣскими людьми, составлявшими мою школу (я называю ихъ
 ѣскими людьми, потому что нашель въ нихъ тѣ-же самыя черты
 щательность и большое знаніе практичной жизни, веселость,
 оту, прямую скороспѣлость, присущія вообще русскимъ крестья-
); усматривая ихъ впечатлительность и готовность приобрѣсти
 аніе, которое имъ нужно, я немедленно почувствовалъ, что
 е церковное ученіе отжило свой вѣкъ и не послѣдовалъ ему.
 ѣ этого я пробоваль методы, предлагаемыя педагогическими
 елями, особенно нѣмецкими, и нашель, что они не годятся, и
 болѣе—особенно, гдѣ старались учить наглядно или по слуху—
 не по вкусу ученикамъ, которые часто надъ этимъ смѣялись.
 ужденіе было противно моему взгляду, и поэтому, когда я
 щель, что предметъ не нравится, я искаль нѣчто такое, чему
 ки были рады учиться. Въ то-же время я испытываль, какимъ-бы
 ть лучше обучить даже этимъ предметамъ. Тѣ, которые лично
 и мою школу, одобряли и примѣняли нѣкоторыя изъ моихъ
 аженій, кои я иногда обнаруживаль весьма пространно въ

Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной
 совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла
 . Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ
 ѣ, а потому—въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе
 овершенствованію, подмѣненное уже прежде, къ усовершенствованію
 е, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому,
 мнѣ съ семьей было какъ можно лучше.

Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ.

Не смотря на то, что я считаль писательство пустяками въ продолженіи
 15 лѣтъ, я все-таки продолжалъ писать. Я вкусиль уже соблазна писа-
 ва, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за
 жный трудъ и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего мате-
 аго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ
 и моей и общей.

Я писалъ, поучая тому, что для меня было единою истиною, что надо
 такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше“.

каковымъ описываль себя гр. Л. Н. Толстой, какиимъ онъ былъ въ то
 , когда я посѣтилъ его въ „Ясной Полянѣ“.

А в т.

основанномъ мною съ этою цѣлью журналѣ. Но я долженъ сознаться, что мнѣ надобно—я былъ тогда моложе—не столько то, что мои идеи не принимались, какъ то, что тѣ, которые были официально призваны къ интересамъ образованія, не считали достойнымъ возражать, а обращались къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ“.

При обсужденіи методъ преподаванія, Толстой указалъ на три начала, какъ основныя: „учитель всегда невольнымъ образомъ при преподаваніи употребляетъ ту методу, которая ему самому болѣе удобна. Болѣе удобная для учителя, всегда менѣе удобная для учениковъ. Единственно хорошая метода та, которая удовлетворяетъ учениковъ“.

Что всегда особенно озабочивало его и занимало его вниманіе, — было найти лучшую методу для обученія дѣтей чтенію. Онъ много разспрашивалъ меня о новыхъ методахъ, употребляемыхъ въ Америкѣ, и по его просьбѣ, я могъ доставить ему—я думаю, благодаря любезности г. Гаррисона, изъ „Nation“—хорошій выборъ американскихъ начальныхъ и элементарныхъ способовъ обученія чтенію. Въ одномъ изъ нихъ я помню, что произношеніе различныхъ гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ было представлено наглядно буквами, въ общемъ видѣ похожими на обыкновенныя буквы, но съ особенными отличительными чертами, которыя тотчасъ бросались въ глаза. Эти книги Толстой пробовалъ примѣнить при изготовленіи своей азбуки, на что онъ употребилъ много времени, но изданіе или употребленіе которой въ школахъ было запрещено министромъ народнаго просвѣщенія.

Толстой не одобрялъ экзаменовъ или даже индивидуальныхъ повтореній, по крайней мѣрѣ, для русскихъ крестьянскихъ дѣтей. Онъ, казалось, предпочиталъ нѣчто схожее съ арабскою и вообще восточною методою для всѣхъ учениковъ, повторяющихъ вмѣстѣ. Усилія его при обученіи исторіи и географіи были вполнѣ недостаточны, какъ мало успѣха имѣлъ онъ отъ употребленія руководствъ Петра Парлеа, переведенныхъ на русскій языкъ 15 лѣтъ тому назадъ. Рассказывая исторію и взывая къ русскимъ патриотическимъ чувствамъ, которыя скоро доводили до тревоги, „такъ-же, говорилъ онъ, какъ и общее правило, я не вижу надобности обучать мальчика исторіи и географіи, до поступленія его въ университетъ, и въ этомъ я вижу большой вредъ. Послѣ, не знаю“. Одно исключеніе онъ дѣлалъ для священной исторіи и вообще Библии, особенно ветхаго завѣта. Не могу отказать себѣ въ приведеніи заключенія одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ его отчета о Библии:

„Для того, чтобы ученикъ могъ отдаться весь учителю, нужно

тъ ему одну сторону того покрыва, который скрывалъ отъ него прелесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно было войти его ученье... Какія-же средства имѣемъ мы для того, чтобы показать передъ учениками этотъ край завѣсы?... Какъ я говорилъ, я думаю, какъ и многіе думаютъ, что находясь самъ въ томъ мірѣ, который мнѣ надо ввести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣлать и я училъ грамотѣ, я объяснялъ явленія природы, я рассказывалъ, какъ въ азбучкахъ, что плоды ученья сладки,—но ученики не пришли мнѣ и все чуждались. Я попробовалъ читать имъ Библию, но мнѣ завладѣлъ ими. Край завѣсы былъ поднятъ, и они отдались мнѣ совершенно. Они полюбили книгу, и ученье, и меня. Мнѣ пришлось только руководить ими дальше... Можетъ быть, это была случайность. Можетъ быть, начавъ другимъ способомъ, въ другой формѣ, достигнуты были-бы тѣ-же результаты. Можетъ быть; но случившаяся эта повторялась слишкомъ неизмѣнно во всѣхъ школахъ и въ всѣхъ семьяхъ, и объясненіе этого явленія слишкомъ для меня важно, чтобы я согласился признать его случайностью. Для того, чтобы открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его познать это знаніе, нѣтъ книгъ, кромѣ Библии. Я говорю даже для техъ, которые не смотрятъ на Библию, какъ на откровеніе. Нѣтъ, никакой мѣры, я не знаю произведенія, которое-бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библия. Всѣ вопросы изъ области природы объяснены этою книгою, всѣ первоначальныя отношенія людей между собою, семьи, государства, религіи,—въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщеніе мыслей, мудрость, въ такой простой формѣ, въ первый разъ захватываетъ своимъ обаяніемъ ученика. Лиризмъ псалмовъ Давида дѣйствуетъ не только на взрослыхъ учениковъ, но, сверхъ того, каждый изъ этой книги въ первый разъ узнаетъ всю прелесть эпоса въ неподражаемой простотѣ и силѣ. Кто не плакалъ надъ исторіею Іосифа и не плакалъ съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не рассказывалъ исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинами развалиннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми насыщена Библия, какъ молокомъ матери?... Пускай тѣ, которые отрицаютъ воспитательное значеніе Библии, которые говорятъ, что Библия не книга,—пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе рассказы, объясняющіе явленія природы или изъ общей исторіи, или изъ воображенія, которые-бы воспринимались такъ-же, какъ библейскіе,—и мы согласимся, что Библия отжила... Я повторяю свое, выве-

денное, можетъ быть, изъ односторонняго опыта, убѣжденіе. Безъ Библии немислимо въ нашемъ обществѣ, такъ-же, какъ не могло быть мыслимо безъ Гомера въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка... Простонародный переводъ Библии былъ-бы лучшая народная книга. Появленіе такого перевода въ наше время составило-бы эпоху въ исторіи русскаго народа“.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о способѣ заставить дѣтей любить ученіе, и какъ ихъ чувства постепенно вліяютъ на ихъ семейства, онъ пишетъ:

„Одинъ отецъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ цѣлую свѣчу разъ сжегъ, держа ее надъ книгою сына, и очень хвалилъ и сына, и книгу. Это было Евангеліе“.

Въ учебныхъ сочиненіяхъ Толстого, изъ коихъ большая часть написаны въ 1862 г., есть случайный параграфъ, предзнаменующій послѣдній фазисъ гр. Толстаго, и въ одной статьѣ, написанной не позже 1865 г., онъ сознается, что онъ придерживается всего того, что говорилось ранѣе. Таковы, между прочимъ:

„...Можетъ быть и то, что народъ не понимаетъ и не хочетъ понимать нашего литературнаго языка, потому что нечего ему понимать, потому что вся наша литература для него не годится и онъ вырабатываетъ самъ для себя свою литературу“.

Кромѣ того, разбирая вопросъ, нужно-ли учить крестьянъ искусству, онъ говоритъ: „Каждое дитя народа имѣетъ точно такія-же права—что я говорю?—еще большія права на наслажденія искусствомъ, чѣмъ мы, дѣти счастливаго сословія, не поставленныя въ необходимость того безустаннаго труда, окруженныя всѣми удобствами жизни.“

Лишить его права и наслажденія искусствомъ, лишить меня, учителя, права ввести его въ ту область лучшихъ наслажденій, въ которую всѣми силами души просится все его существо,—еще болъшая бессмыслица. Я пришелъ къ убѣжденію, что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ, все сдѣлано по ложному, исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ-же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ на примѣръ: „Я помню чудное мгновенье“, произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена,—не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсни о „Ванькѣ Ключникѣ“ и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“; что Пушкинъ и Бетховенъ правятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ-же испорчены, какъ

нъ и Бетховень, потому что Пушкинъ и Бетховень одина-
 ьстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей сла-

VII.

гда я гостилъ цѣлую недѣлю въ Ясной Полянѣ, я надѣялся
 ении вечеровъ говорить о моемъ путешествіи по Волгѣ и раз-
 ь, какъ я былъ призванъ въ Казань генераломъ Юшковымъ,
 гр. Толстого, къ которому онъ любезно далъ мнѣ письмо.
 ѣ участвовалъ въ кампаніи 1812 г., бывши уже генераломъ, хотя
 дымъ человѣкомъ, и графъ говорилъ мнѣ, что я, можетъ быть,
 у отъ него нѣкоторые рассказы о Бородинскомъ сраженіи,
 ступленіи французовъ, и какой видъ имѣла Москва послѣ
 ого пожара. Толстой, вѣроятно, воспользовался нѣкоторыми изъ
 зовъ Юшкова для „Войны и мира“. Итакъ, я объяснилъ, что
 въ этомъ родѣ не слыхалъ; въ Казани я былъ принятъ въ
 хорошемъ и зажиточномъ домѣ, и подалъ мою визитную кар-
 и рекомендательное письмо слугѣ, который, возвратившись,
 ѣ меня немного подождать. Пока я ждалъ, я замѣтилъ, что
 , еще не распечатанное, положено на стулъ. Наконецъ, во-
 генераль, старый, но крѣпкаго сложенія и съ выраженіемъ
 ой доброты и симпатіи. Онъ просилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ,
 ѣ нѣсколькихъ словъ, сказалъ:

ы привезли мнѣ, я полагаю, письмо отъ моего племянника
 Гдѣ оно?

„Я думаю, что вы на немъ сидите.

ь всталъ, нашелъ письмо и, протягивая его мнѣ, сказалъ:
 удьте такъ добры прочесть мнѣ его. Я совершенно слѣпъ“.
 оженіе было неловкое, но этому нельзя было помочь, хотя
 было весьма лестно и благосклонно ко мнѣ; я счелъ долгомъ
 тить цѣлый параграфъ. Теперь я сожалею, что вмѣсто того,
 отдать его старику, я не положилъ его въ карманъ и не
 илъ на память. Въ другой комнатѣ были два фортепiano, и
 ѣтъ на нѣкоторые вопросы генераль сказалъ мнѣ, что онъ
 былъ страстный любитель музыки, почему онъ училъ всѣхъ
 дѣтей играть и пѣть, но что теперь онъ старъ и слѣпъ и
 адать въ Петербургъ на всю зиму и всѣ оставляютъ его од-
 Я уговорилъ его сыграть что-нибудь на память изъ Бетхо-
 Моцарта; потомъ мы пошли въ садъ и сидѣли на солнцѣ.

и въ теченіи двухъ часовъ, проведенныхъ мною у него, онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго, но не то, что мнѣ было нужно.

На слѣдующее утро, въ 4 часа, послѣ передачи мною этого разсказа графу Толстому, я былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ въ корридорѣ, когда внезапно дверь моей спальни отворилась, и полагая, что по какой-то необъяснимой причинѣ слуга вошелъ, чтобы разбудить меня, я крикнулъ: „Что такое?“ Дверь заперлась и я услышалъ голосъ, по-французски: „Илья, въ кровати моей человѣкъ!“ Дверь вновь отворилась и какой-то господинъ появился со свѣчею въ рукѣ, и спросилъ: „Сережа! это ты?“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ я,—я гость въ этомъ домѣ“. Онъ засмѣялся, извинился и ушелъ; чуткость моя тогда была такъ сильна, что я слышалъ распоряженіе, что „она-де пойдетъ въ гостиную и будетъ спать на диванѣ, покуда семейство наверху; она пока можетъ лечь на диванѣ въ кабинетѣ графа“. Я немедленно сообразилъ, въ чемъ вся сущность. Я занималъ комнату г-жи Юшковой, тетки графа, и былъ приглашенъ оставаться тамъ около недѣли, до ея возвращенія. Она вернулась нечаянно, не предупредивъ о томъ, и привезла съ собою подругу. Такъ какъ двери въ русскихъ деревенскихъ домахъ рѣдко запираются на ночь, онѣ пріѣхали, не подозрѣвая, что разбудятъ кого-либо другаго.

Я узналъ истину, когда Иванъ принесъ мнѣ утренній чай, и я тотчасъ-же уложилъ свои вещи, чтобы быть готовымъ уѣхать въ тотъ-же день. Когда я сошелъ внизъ въ 11 ч., къ утреннему кофе, я нашелъ въ гостиной г-жу Юшкову одну и долженъ былъ представиться самъ. Очевидно, ей разсказали,—можетъ быть, для объясненія случившагося,—мою исторію прошедшей ночи, потому что она улыбнулась и сказала:

— „Такъ вы были въ Казани прошедшею весною и видѣли моего мужа, который вамъ говорилъ, что онъ совсѣмъ слѣпъ. Увѣряю васъ, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Онъ видитъ такъ-же хорошо, какъ вы и я. Это только одна изъ его привычекъ казаться интереснымъ“.

Я утверждалъ, что, по моему мнѣнію, онъ, дѣйствительно, слѣпъ, но не могъ убѣдить ее. Гр. Толстой въ послѣдствіи говорилъ мнѣ, что хотя она находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ (съ мужемъ), она давно уже въ разлукѣ съ мужемъ и не видала его нѣсколько лѣтъ. Я увѣрился, что въ послѣднее время онъ ее не видѣлъ.

Утро было темное и дождливое, но послѣ показалось солнце, и посторонній господинъ, который выдавалъ себя за стараго друга семейства и съ которымъ жила г-жа Юшкова, довезъ меня до Тулы

Хотя мы и обмѣнивались иногда письмами, гр. Толстой не пріѣзжалъ въ Москву во время моего тамъ пребыванія, такъ что это было въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ.

Послѣсловіе.

Судя по прошедшему, мнѣ никогда не казалось, чтобы были какія-либо причины думать, что настоящій фазисъ мистическо-религіознаго энтузіазма, черезъ который проходитъ гр. Толстой, продержится всю его жизнь или чтобы онъ былъ навѣки потерянъ, для литературы. Большая часть посѣтившихъ его иностранцевъ описавшихъ свои впечатлѣнія, болѣе интересовались его социальными и религіозными теоріями, чѣмъ русскою литературою. Поэтому пріятно найти въ разсказѣ романиста Г. П. Данилевскаго, посѣтившаго Ясную Поляну осенью 1886 г., что гр. Толстой не настолько измѣнился во всемъ противъ того, чѣмъ онъ былъ прежде, и что старому другу онъ готовъ высказать весь интересъ къ искусству и литературѣ, который имъ овладѣваетъ.

*Август не у нас
6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31*

Приведу нѣкоторые отрывки:

„Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, красивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяина.

— Это не Ласка? спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ каждый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій за простымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою, рубанкомъ или инымъ инструментомъ.

„Я вспомнилъ объ ящичкѣ съ сапожными колодками, подъ окномъ пріемной графа.

— А работа съ сохой! продолжалъ графъ;—вы не повѣрите, что за удовольствіе пахать! Не тяжкій искусь, какъ многимъ кажется,—чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело переливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чувствуешь, а аппетитъ потомъ, а сонъ? Если вы не устали, не хотите-ли пока, до обѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перепали дожди: должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я.

„Графъ надѣлъ свою круглую мягкую шляпу и взялъ лукошко;

я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ палокъ за этажервою. Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невадали отъ котораго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

„— Это также для васъ? спросилъ я графа, указывая на станокъ.

„— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія упражненія, отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ виднѣлась гряда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

„Не удивительно, что при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ такъ сохранилъ свое здоровье. Этому въ значительной степени помогло и то обстоятельство, что большую часть своей жизни Л. Н. Толстой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урожденной княжны Волконской, онъ девяти лѣтъ отъ роду, въ 1837 году, былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ въ деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультетамъ, съ 1851 по 1855 годъ провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно живетъ въ Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ провелъ въ деревнѣ.

„Пройдя черезъ смежный съ усадьбою, молодой плодовый садъ, насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, виднѣлись другіе лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долиною, мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце выглянуло и опять спряталось за легкія пушистыя облачка. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотившійся листь медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

„Я шелъ рядомъ съ графомъ, любяся его легкою походкою, живостью его рѣчи, и простотою и прелестью всей его такъ сохранившейся, могучей природы. „Боже мой, думалъ я, глядя на него и слушая его,—его прославили потеряннымъ для искусства, мрачнымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли-бы на этого мистика!“

„Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ.

„Коснувшись Гоголя, котораго Л. Н. въ своей жизни никогда не видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

„— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, сказалъ Л. Н.,—когда нѣкоторые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только

работать, — въ стомилліонномъ русскомъ государствѣ грамотные считались десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ и городскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліонами. И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живаго литературнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ-же лубочныхъ Еруслановъ Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи. Простой и честный русскій народъ стоитъ того, чтобы мы отвѣтили на призывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много думалъ и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ“.

„Мы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ рассчитывалъ найти много хорошихъ бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

„— Какъ тепло и какъ пахнетъ листвою! сказалъ онъ, подходя къ ветхому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей; — удивительная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И какъ я люблю и цѣню художниковъ, черпающихъ все свое вдохновеніе изъ этого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и правда.

„При этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его рассказъ „Севастополь въ маѣ, 1855 г.“ „Герой моей повѣсти, сказалъ въ заключеніе этого рассказа Л. Н., — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда“.

„Мы разговорились о различныхъ художественныхъ приемахъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ.

„— Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу, сказалъ, между прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками, перекинутыми черезъ ручей; — это были стихотворенія одного умершаго, молодаго испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованія этого писателя, меня заняло его жизнеописаніе. Его біографъ приводитъ рассказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ, съ тревогою замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи безъ сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какія-то слова, уходилъ при мѣсяцѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ. Однажды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съ ума. Молодой человекъ всталъ, приодѣлся впотьмахъ и пошелъ къ ближайшему колодезю. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведро воды и сталъ ее понемногу выливать на землю, вылилъ, снова

зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: „спятилъ малый съ ума“. А молодой человѣкъ это продѣлывалъ съ цѣлью—ближе видѣть и слышать, какъ въ тихую ночь, при лунномъ сіяніи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенія. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и заронившія въ нее поэтическія впечатлѣнія тою-же природою, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособію натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенія и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто фальшивитъ. Иного моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, какъ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказаніемъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть иного автора...

„Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шести-семи верстъ. Графъ послѣ такого движенія смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнныя графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

„— Вы не устали?, спросилъ Л. Н., весело поглядывая на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома;—для меня ежедневное движеніе и тѣлесныя работы необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ, въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я пашу землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время, — бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ тротуаровъ и мостовыхъ,—въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ; пахать и косить тамъ негдѣ—я пилю и рублю дрова. При усидчивой умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай ногами и руками въ теченіи одного дня, вечеромъ я уже никуда не гожусь: ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ,—голова кружится, а въ глазахъ звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна“.

Данилевскій въ заключеніе говоритъ:

„Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ-же великимъ и мощнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполне здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, внѣ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ „Войнѣ и миру“ и „Аннѣ Карениной“. Скажу

болѣе. Какъ затишье и перерывъ, послѣ „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Севастопольскихъ разсказовъ“ (когда онъ занялся вопросами педагогіи и издавалъ „Яснополянскій журналъ“), были не апатією и не ослабленіемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ отдыхомъ, въ теченіи котораго въ его душѣ зрѣли образы „Войны и мира“, — такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ подлинникѣ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ свои досуги разсказамъ для народа,—онъ, очевидно, лишь готовится къ новымъ крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешнее настроеніе—только новая ступень, только приближеніе къ инымъ, еще болѣе высокимъ образамъ его творчества“.

Евгеній Скайлеръ.

Сообщ. и перев. съ англ. А. Ф. Г—ръ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

10 ¹).

Ой далеченько православный царь
 Убирается,
 Въ которую землюшку
 Снаряжается.
 Какъ и всё-то князья-боляре
 Провожать идутъ,
 Провожали они царя бѣлаго,
 Слезно плакали.
 Какъ одинъ изъ нихъ Долгоруковъ князь
 Усмѣхнулся,
 Какъ на ту пору православный царь
 Оглянулся.
 — „Допросите-ка Долгорукова князя
 О чемъ онъ усмѣхнулся?“
 Долгоруковъ князь не винится
 О чемъ усмѣхнулся.
 — „Отрубите ему праву руку, лѣвую ногу!“
 Долгоруковъ не винится.
 — „Отрубите ему лѣву руку, правую ногу!“
 Долгоруковъ не винится.
 — „Отрубите Долгорукову буйну голову!“
 Долгоруковъ повинился:
 — „Ты не ѣзди, православный царь,
 На край моря;
 Приготовлена для тебя артиллерьяца
 Заряженная.
 Пропадетъ твоя буйная головушка
 Не за денежку;
 Изваляется твое бѣлое тѣло
 По чистому полю;
 Поразвѣютъ твои черныя кудри
 Вѣтры буйныя,
 Порастащатъ твои ребра-кости
 Черныя вороны!“

Созбщ. 31-го декабря 1874 г. г. Морозъ.

¹) См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656.

Л

АКАДЕМИКЪ

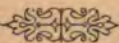
ВАНАСІЙ ФЕДОРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ.

Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность

1840 $\frac{\text{ОКТАБРЯ}}{7}$ 1890.

Очеркъ жизни. — Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій.

Портретъ-гравюра на мѣди художника А. О. Шеймана.

„РУССКАЯ СТАРИНА“,
т. LXVIII, кн. X, 1890 г.

7-го октября 1890 года минетъ полвѣка со дня вступленія на государственную службу директора Императорской Публичной библіотеки, академика Аванасія Федоровича Бычкова, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ и вполне заслуженныхъ ученыхъ дѣятелей въ области отечественныхъ археографіи, археологіи, библиографіи и исторіи.

Представитель старинной дворянской фамиліи, Ярославской губерніи, Аванасій Федоровичъ родился 15-го декабря 1818 г., въ Фридрихсгамѣ, и дѣтство свое провелъ въ Финляндіи, гдѣ тогда состоялъ въ военной службѣ, именно въ артиллеріи, его отецъ (умершій въ отставкѣ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, въ 1883 г.). Благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ въ Ярославлѣ, присоединенный затѣмъ къ Ярославской гимназіи, былъ мѣстомъ образованія, полученнаго А. Ф., каковое онъ окончилъ въ этой гимназіи въ 1836 г., какъ отличнѣйшій ученикъ, причемъ его имя было занесено на такъ называемую „золотую доску“¹⁾. Въ томъ-же 1836 году Бычковъ поступилъ въ Московскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета.

Усердный слушатель лекцій столь достойныхъ профессоровъ, каковы были: Крюковъ, Погодинъ, Грановскій, А. Ф. горячо полюбилъ отечественную исторію, и еще будучи студентомъ втораго курса, по предложенію М. П. Погодина, составилъ указатель къ сочиненію Арцыбашева: „Повѣствованіе о Россіи“. Въ 1839 г., за диссертацию па тему „О вліяніи внѣшней природы на народъ и государство“, студентъ Бычковъ получилъ сереб-

¹⁾ Звонниковъ: „Историческая записка о Ярославской гимназіи“. Ярославль, 1881 г., стр. 48.

ряную медаль ¹⁾ и въ 1840 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата, притомъ окончилъ настолько блестяще, что московскій университетъ, спустя три года, ходатайствовалъ, по предложенію Погодина, предъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ, о назначеніи молодаго ученаго адъюнктомъ по кафедрѣ русской исторіи ²⁾. Попечитель, однако, нашель, что профессоръ Погодинъ настолько еще молодъ, что не нуждается въ адъюнктѣ, съ чѣмъ согласился и министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, почему назначеніе Бычкова на профессорскую кафедру не состоялось ³⁾.

Въ то время, когда молодой человекъ усердно занимался въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета науками, причеиъ явилъ особенную любовь къ отечественной исторіи, въ С.-Петербургѣ переживало свои ранніе годы учрежденіе, съ которымъ вскорѣ на всю жизнь соединилась дѣятельность нашего ученаго, мы говоримъ объ Археографической комиссіи.

Въ 1834 году, въ заботахъ о сохраненіи памятниковъ отечественнаго бытописанія, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ учредить при департаментѣ народнаго просвѣщенія особую комиссію, впоследствии наименованную Археографическою. Высочайшею волею на это учрежденіе возложены были труды по систематическому изданію въ свѣтъ источниковъ русской исторіи. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, озабоченный привлеченіемъ молодыхъ тружениковъ въ среду Комиссіи, воспользовался указаніемъ профессора М. П. Погодина на двухъ его слушателей по университету, Бычкова и Н. В. Калачова, какъ особенно способныхъ для научныхъ работъ, и опредѣлилъ обоихъ молодыхъ людей на службу въ Археографическую комиссію.

¹⁾ Краткій отчетъ о состояніи Моск. университета, за 1838—1839 акад. годъ, стр. 86—87.

²⁾ См. письмо А. П. Елагинной къ А. Н. Попову, 1843-го года, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., книга I, стр. 338.

³⁾ Достойно, однако, вниманія, что А. Ѧ. все-таки довелось потрудиться на поприщѣ педагогическомъ. Съ 1841 по 1850 г. онъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскомъ полку. Мы не были слушателемъ А. Ѧ., но по словамъ его учениковъ, это былъ преподаватель съ обширными знаніями, въ высшей степени добросовѣстный, отличію читавшій русскую словесность („Русская Старина“, изд. 1889 г., т. LXII, рассказъ генерала М. Г. Черняева, стр. 492).

Это опредѣленіе состоялось 7-го октября 1840 года, и вотъ 7-го октября текущаго 1890 года — минетъ полвѣка, какъ Аѳанасія Ѳеодоровича тѣсно соединилось съ дѣятельностью географической комиссіи.

Въ теченіе всего этого полулѣтїа Археологическая комиссія неустанно трудилась надъ обнародованіемъ лѣтописей, историческихъ и юридическихъ актовъ, произведеній старинной славяно-русской письменности и сказаній иностранцевъ о Россіи. Недавно, въ 1885-мъ году, съ высоты трона, предъ лицомъ императора и всего ученаго міра, было признано, что „Археологическая комиссія своими изданіями оказала важныя заслуги русской исторической наукѣ и непрерывно способствовала ея успѣхамъ“.

„Труды комиссіи пролили свѣтъ на многое, оставшееся до сихъ поръ не вполне изслѣдованнымъ въ прошлыхъ судьбахъ дорогой намъ родины, и облегчили раскрытіе внутренней и внѣшней жизни русскаго народа, устанавливая болѣе вѣрные взгляды на событія и на взаимныя отношенія разныхъ областей, постепенно входившихъ въ составъ Россійскаго государства“. [Высокій рескриптъ на имя Археологической комиссіи отъ 8-го января 1885 года].

Въ тѣсномъ кругу членовъ этого поистинѣ славнаго учрежденія, оказавшаго столь важныя заслуги отечественной наукѣ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ—изъ году въ годъ полулѣтковой исполнѣ государственной своей службы—сталъ занимать своими непрерывными трудами все болѣе и болѣе почетное мѣсто; съ 1854-го года онъ былъ главнымъ редакторомъ лѣтописей, съ 1865-го по 1873-й годъ—правителемъ дѣлъ комиссіи, а въ послѣдніе годы онъ является и ея руководителемъ, нерѣдко заступая мѣсто ея предсѣдателя, причемъ онъ постоянно оставался и остается въ числѣ болѣе дѣятельныхъ, непосредственныхъ ея тружениковъ-работниковъ.

Всѣ безъ изыятія члены Археологической комиссіи издавна знавали большія заслуги А. Ѳ. и еще въ 1873 году единогласно, въ полномъ своемъ составѣ, комиссія выразила Аѳанасію Ѳеодоровичу свои чувства признательности и уваженія въ особомъ рескриптѣ, представленномъ ему по случаю оставленія имъ должности правителя ея дѣлъ.

....., Всѣ мы, члены Комиссіи,—сказано было въ этомъ документѣ,—считаемъ себя вамъ, АѦанасій Ѧедоровичъ, обязанными глубокою благодарностію за тѣ добрыя совѣты и указанія, которые вы такъ радушно и съ такою пользою удѣляли намъ, благодаря вашей учености, вѣрному взгляду и обширнымъ свѣдѣніямъ въ русской древней письменности“¹⁾.

Важнѣйшая и труднѣйшая часть въ дѣятельности Комиссіи— есть изданіе лѣтописей. Къ напечатанію полнаго собранія ихъ— Археографическая комиссія приступила еще въ 1841 году, а такъ какъ первые томы этого монументальнаго собранія оказались впоследствии не чуждыми значительныхъ недостатковъ, то комиссія въ 1870-хъ годахъ переиздала древнѣйшія наши лѣтописи въ совершенно новой обработкѣ текста, согласно вновь установленнымъ ею правиламъ, соответствующимъ строгимъ требованіямъ современной исторической и филологической критики. Въ этомъ громадномъ трудѣ АѦанасій Ѧедоровичъ — принялъ живѣйшее участіе и подъ его редакціею изданы лѣтописи Лаврентіевская, вторая и третья Новгородскія, и сверхъ того шесть томовъ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей“, именно: лѣтописи Воскресенская, часть Никоновской, Тверская и лѣтопись Авраамки — послѣдняя совмѣстно съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; составлены указатели къ Актамъ Историческимъ и къ восьми томамъ „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“²⁾.

¹⁾ „Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи, 1872—1875 гг.“, выпускъ шестой. Сиб. 1877 г., выписка изъ протоколовъ, стр. 55—56.

²⁾ Послѣдній указатель составленъ вмѣстѣ съ Н. П. Барсуковымъ. Для лицъ малознакомыхъ съ дѣятельностію Археографической комиссіи упомянемъ здѣсь о главнѣйшихъ ея изданіяхъ: „Акты Историческіе“—5 томовъ; „Дополненія“ къ нимъ, 12 томовъ; „Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи“; „Акты Русско-Ливонскіе“; „Грамоты, относящіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригею и Ганзейскими городами“; — „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ“; — „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года“; — „Акты историческіе, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ“ — 3 тома; — „Акты, объясняющіе юридическій бытъ древней Россіи“; — „Новгородскія писцовыя книги“; — „Писцовыя книги Ижорской земли“; — „Письма русскихъ государей“ XVI и XVII вѣва; — „Выходы государей“; — „Русская историческая библіотека“— 12 томовъ, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщены собранія памятниковъ русскаго церковнаго законодательства, памятники западно-русской полемической литературы и акты Иверскаго монастыря. — Лѣтописи: Ипатьевская и Густынская, Новгородскія 2-я, 3-я и 4-я, Псковская, Тверской лѣтописный

Почти одновременно съ началомъ службы своей въ Археографической комиссіи, именно въ 1844 году, А. Ѳ. Бычковъ поступилъ въ Императорскую публичную библіотеку хранителемъ отдѣленія рукописей и старо-печатныхъ церковно-славянскихъ книгъ, на мѣсто знаменитаго въ русской наукѣ А. Х. Востокова, а съ 1848 по 1862 г. на Бычкова возложено было одновременно и завѣдываніе русскимъ отдѣленіемъ библіотеки, каковой отдѣлъ онъ привелъ личнымъ трудомъ въ большой порядокъ, составилъ алфавитный ему каталогъ и личными заботами и стараніями значительно пополнилъ пробѣлы этого отдѣленія,—во многихъ случаяхъ весьма рѣдкими книгами и брошюрами.

Значеніе для русскаго просвѣщенія этого главнѣйшаго государственнаго книгохранилища въ Россіи хорошо извѣстно. Не менѣе извѣстенъ и быстрый ростъ этой библіотеки и вся превосходная организація, сдѣлавшая эту библіотеку въ высокой степени доступною для пользованія всѣхъ классовъ грамотнаго люда. Невозможно обозрѣть безконечный рядъ дѣятелей на полѣ книжнаго труда, воспользовавшихся сокровищами императорской публичной библіотеки во всѣхъ сферахъ науки, литературы и художествъ.

Аѳанасій Ѳеодоровичъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ директоровъ этой библіотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А. Корфа и графа И. Д. Делянова; съ 1853-го года Аѳанасій Ѳеодоровичъ часто исправлялъ должность помощника директора, въ 1868 г. назначенъ помощникомъ директора, наконецъ,

сборникъ, Александрo-Невская лѣтопись (такъ именуется лѣтописное сказаніе изъ времени Іоанна Грознаго);—Лѣтопись Сибирская;—нѣсколько выпусковъ „Великія Миней Четвѣ“,—громаднаго сборника XVI-го вѣка, составленнаго Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ, впоследствии митрополитомъ; — „Хожденіе Даниіла Паломника во Святую землю“;—„Сказанія иностранцевъ о смутномъ времени“, каковы—Буссовъ, Петрей, Масса, Германъ. Указатели къ „Актамъ историческимъ“, къ „Дополненіямъ“ къ нимъ и къ первымъ восьми томамъ „Полнаго собранія лѣтописей“;—„Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви“; — „Сравнительныя хронологическія таблицы, служащія пособіемъ при критическомъ разборѣ и повѣркѣ русской исторіи съ византійскою“;—„Лѣтопись занятій комиссіи“ и проч.

Всѣ труды Археографической Комиссіи настолько почитаются всѣми лицами, занимающимися и интересующимися отечественною исторіею, что ея изданія, какъ уже давно всѣми признано, — служатъ главною основою для новыхъ изысканій въ области русской исторіи, русскаго права и древностей.

при назначеніи И. Д. Деянова министромъ народнаго просвѣщенія, Аеанасій Федоровичъ занялъ въ 1882 г. мѣсто директора.

Обширѣйшіе каталоги славяно-русскихъ рукописей, хорошо извѣстные всѣмъ обращавшимся къ нимъ въ императорской публичной библіотекѣ, высокаго интереса ея отчеты за время 1850—1879 гг.,—въ каковыхъ отчетахъ печатались постоянно (что и понынѣ дѣлается) много сообщений по новой русской исторіи и исторіи русской литературы,—составленіе и изданіе „Описанія славяно-русскихъ рукописныхъ сборниковъ“ изъ древлехранилища М. П. Погодина, а также изданіе отъ имени библіотеки нѣсколькихъ, весьма цѣнныхъ по значенію, сборниковъ¹⁾,—представляютъ непосредственные труды А. Ф. Бычкова въ этомъ учрежденіи, помимо массы самыхъ разнообразныхъ заботъ, издавна сопряженныхъ первоначально съ должностью помощника, а потомъ и директора этого обширнаго государственнаго книгохранилища.

Издавна замѣчено, что наиболѣе выдающіеся у насъ на государственной службѣ труженики, въ области умственнаго труда, привлекаются обыкновенно къ работѣ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ.

Указанныхъ трудовъ въ двухъ таковыхъ учрежденіяхъ, каковы Археографическая комиссія и Императорская публичная библіотека, казалось, было-бы болѣе чѣмъ достаточно для одного лица, но бывшее II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. Величества канцеляріи, въ лицѣ ея главноуправлявшаго графа Д. Н. Блудова, привлекло Аеанасія Федоровича, въ 1850 году, на службу и въ это учрежденіе, возложивъ на него изданіе обширнаго и весьма важнаго историческаго памятника „Дворцовыхъ разрядовъ“ XVII вѣка (4 тома и 1 томъ дополненій, изд. 1850—1855 гг.). Изданіе это удостоилось особаго вниманія и одобренія императора Николая Павловича, пожаловавшаго А. Ф. Бычкову, при представленіи перваго тома, орденъ св. Анны 2-й степ., помимо другихъ орденовъ, что дѣлалось въ то время очень рѣдко. Тогда-же отъ

¹⁾ Таковы, между другими: „Первыя Русскія Вѣдомости“ 1703 г.; „Письма Петра Великаго“, хранящіеся въ библіотекѣ, и описаніе ея рукописей, относящихся къ эпохѣ Преобразователя Россіи; „Письма и бумаги императрицы Екатерины II“; сборникъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“ и друг.

II-го Отдѣленія были изданы Бычковымъ: „Походные жур-
налы Петра Великаго“ и рядъ выпусковъ „Камеръ-фурьерскихъ
записокъ“¹⁾. Съ преемникомъ гр. Блудова, по управленію
Отдѣленіемъ, графомъ М. А. Корфомъ—Аѳанасій Фе-
одоровичъ болѣе года трудился надъ исправленіемъ русскаго
закона о третьей части „Свода мѣстныхъ узаконеній губерній
и уѣздовъ“, содержащей гражданскіе законы; трудъ этотъ
оконченъ въ 1864 г.²⁾.

Въ 1856-мъ году на графа М. А. Корфа было воз-
ложено покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ
собрать матеріаловъ къ жизнеописанію и исторіи царствова-
вшаго императора Николая Павловича—А. Ф. Бычкова, вмѣстѣ
съ В. Стасовымъ, о. М. Я. Морозкинымъ и другими ли-
цами, былъ назначенъ состоять для участія въ этомъ обширномъ
дѣлѣ при гр. Корфѣ. Трудъ этотъ продолжался и при преем-
никѣ гр. Корфа, по этому Высочайшему порученію,—кн. С. Н.
Трубецкой и гр. И. Д. Деляновъ. Все рукописное собраніе тру-
довъ этой комиссіи, исполнѣнное драгоцѣнное для новѣйшей русской
исторіи, передано, какъ извѣстно, по волѣ нынѣ благополучно
живущаго Государя Императора, „Императорскому Русскому
Историческому Обществу“, состоящему подъ покровительствомъ
Его Величества Императорскаго Величества Монарха.

Широкое, всестороннее изученіе А. Ф. Бычковымъ государ-
ственныхъ и бытовыхъ основъ Россіи въ минувшихъ судьбахъ
исторіи сказалось весьма полезнымъ при начавшихся пре-
образованіяхъ Царя-Освободителя. Отсюда понятно, почему мы
находимъ Аѳанасія Феодоровича, въ 1862—1864 гг., членомъ

Слѣдуетъ замѣтить, что гр. Д. Н. Блудовъ, бывши предсѣдателемъ Вы-
сочайше учрежденнаго въ 1855 г. Комитета для цензурнаго разсмотрѣнія
рукописныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго, пригласилъ А. Ф. Бычкова въ
изводители Комитета и возложилъ на него приготовленіе къ печати
своихъ послѣднихъ томовъ (X, XI, XII и XIII) пятаго изданія сочиненій
Жуковскаго, которыя и вышли въ свѣтъ подъ редакціей А. Ф. Бычкова въ
Спб.

См. біографическій очеркъ гр. М. А. Корфа въ „Древней и Новой
Россіи“, 1876 г., томъ I, стр. 327.

комиссіи для составленія законоположеній, относящихся до пре-
образования судебной части въ имперіи, и въ 1863 г. въ комиссіи
для обработки проекта устава о книгопечатаніи въ Россіи.

Эпоха возрожденія и полнаго оживленія умственной дѣятель-
ности образованнаго русскаго общества въ царствованіе Але-
ксандра II вполне отразилась и въ сферѣ научной дѣятельности
въ Россіи; между прочимъ, дѣло обнародованія и изученія па-
мятниковъ отечественной старины весьма расширилось. А такъ
какъ этотъ трудъ составляетъ дѣло излюбленное А. Ѣ. Вычкова,
то вполне понятно, что съ 1866 года онъ является предсѣдате-
лемъ комиссіи для разбора и описанія дѣлъ Архива Св. Синода;
подъ его непосредственною редакціею изданы два тома „Описанія“
дѣлъ и два тома „Полнаго собранія постановленій и распоряженій
по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи“...

Съ 1846 года членъ „Русскаго, впоследствии Императорскаго
Русскаго Археологическаго общества“, АѢанасій Ѣедоровичъ съ
1874-го по 1885 г. былъ управляющимъ Отдѣленіемъ славяно-
русской археологіи, каковое время ознаменовалось полнымъ
оживленіемъ дѣятельности Общества, вызовомъ къ труду мно-
гихъ археологическихъ предпріятій, поощреніемъ научныхъ тру-
довъ и изысканій молодыхъ русскихъ археологовъ и проч., лич-
нымъ участіемъ въ редакціи трудовъ II-го археологическаго
съѣзда и „Записокъ отдѣленія славяно-русской археологіи“ (т. III),
ближайшимъ наблюденіемъ за изданіемъ нѣкоторыхъ отдѣль-
ныхъ трудовъ, какъ, напримѣръ, сборникъ Ю. Б. Иверсена:
„Медали“ и др.

Русское Археологическое общество еще 8-го марта 1880 г.
почтило заслуги А. Ѣ. единодушнымъ присужденіемъ ему золотой
медали. Въ прочитанной, по сему предмету, въ засѣданіи 8-го
января 1880 г., секретаремъ общества, проф. И. В. Помялов-
скимъ, запискѣ слѣдующими яркими чертами охарактеризованы
заслуги АѢанасія Ѣедоровича по отношенію къ этому обществу:

...«Въ маѣ 1874 года отдѣленіе русской и славянской археологіи получило
новую организацію, и въ управляющіе онымъ былъ избранъ А. Ѣ. Вычковъ.
Съ неутомимою ревностію и рѣдкимъ самоотверженіемъ нашъ достоуважаемый
сочленъ приступилъ къ воссозданію дѣятельности отдѣленія и достигъ въ
этомъ рѣдкихъ успѣховъ. Благодаря своей общительности, снискавшей ему

исленныхъ почитателей, обширнымъ ученымъ связямъ, рѣдкой любви къ разнообразнымъ отдѣламъ отечественной археологіи, необычайной внимательности и опытности во всемъ, что касается старины и древности.

А. Θ. сразу далъ отдѣленію организацію, возбудилъ къ дѣятельности своихъ членовъ его и вызвалъ много новыхъ дѣятелей въ области отечественной археологіи; многіе изъ нихъ пожелали вступить въ наше общество. Ясно просмотрѣть списокъ гг. сочленовъ, вступившихъ въ общество въ прошедшія шесть лѣтъ, для того, чтобы убѣдиться, что большинство изъ нихъ вступило въ нашу среду, по предложенію и избранію русскаго отдѣленія.

Какъ многіе изъ нихъ, такъ не мало и постороннихъ лицъ обогатили наше общество своими учеными вкладами, большинство которыхъ, предварительныхъ помѣщенія въ изданіяхъ общества, читалось и обсуждалось въ отдѣленіяхъ русскаго отдѣленія. Было бы утомительно и бесполезно перечислять здѣсь — достаточно указать, что почти весь IX т. «Извѣстій Общества» за немногими исключеніями, состоитъ изъ этихъ вкладовъ. Не могу умолчать о нѣкоторыхъ выдающихся изданіяхъ общества, обязанныхъ своимъ существованіемъ, отчасти появленіемъ вліянію Аванасія Федоровича. Къ нимъ относятся: 3-й т. Записокъ Отдѣленія, входящія въ который статьи: о древнихъ регалияхъ Д. И. Прозоровскаго, о Царь-Колоколѣ Троицкой лавры Арсенія, о Словѣ о Полку Игоревѣ Д. И. Прозоровскаго, описаніе древнихъ памятниковъ Калужской губерніи г. Рошфора отпечатаны при непосредственномъ участіи и надзорѣ Аванасія Федоровича... Затѣмъ имъ же оставлена обществу для изданія замѣчательная рукопись архимандрита Кирилла: Поѣздка въ Румелію, обстоятельныя рецензіи которой, представленныя г. Сырку и Г. С. Дестунисомъ, показали всю важность и весь интересъ этого любопытнаго труда нашего почтеннаго археолога. Наконецъ, по предложенію русскаго отдѣленія общество обязано тѣмъ, что помѣщаетъ въ приложеніи своимъ «Извѣстіямъ» капитальное сочиненіе Ю. В. Иверсена: «Историческія замѣтки въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», сочиненіе, которое представляетъ цѣнный вкладъ въ науку о русскихъ дѣятеляхъ. Не считаю себя въ правѣ умолчать о томъ участіи, которое принималъ и принимаетъ Аванасій Федоровичъ въ этомъ изданіи, участіи, о которомъ безъ сомнѣнія засвидѣтельствуетъ и достоуважаемый авторъ труда, г. Иверсенъ: ни одного листа (этого весьма объемистаго труда) не вышло изъ печати Аванасій Федоровичъ безъ корректуры, постоянно весьма внимательной и осторожной: въ немаломъ количествѣ мѣстъ онъ внесъ дополненія и указанія, бывшія неизвѣстными почтенному составу при всей его начитанности и рѣдкомъ трудолюбіи, которыя онъ внесъ въ свое сочиненіе.

Въ заключение не посредственное участіе Аванасія Федоровича въ трудѣ г. Иверсена не позволяетъ мнѣ перейти къ упоминанію о томъ, что сдѣлано А. Θ. вообще

въ изданіяхъ Общества. Могу говорить объ этомъ, основываясь на личномъ опытѣ, ибо, въ качествѣ секретаря Общества, я поставленъ къ его изданіямъ довольно близко. Не проходило почти ни одного мѣсяца, чтобы я не обращался къ А. Ѧ. за какою-нибудь справкою, совѣтомъ, указаніемъ, и постоянно А. Ѧ. съ рѣдкою, по счастью многимъ изъ насъ извѣстною, внимательностью выслушивалъ всѣ мои недоумѣнія и разрѣшалъ ихъ ясно, отчетливо и положительно. Кромѣ того, и самъ онъ жертвовалъ и жертвуетъ много труда и времени для изданій Общества: такъ, окончаніе Трудовъ втораго съѣзда легло, послѣ кончины А. И. Артемьева ¹⁾, на него, и только благодаря его неустанной энергіи редактированіе протоколовъ съѣзда (окончено). Не всякому изъ гг. сочленовъ извѣстно, съ какими трудностями долженъ былъ бороться Аванасій Ѧедоровичъ для того, чтобы представить черезъ девять лѣтъ обстоятельный рефератъ о засѣданіяхъ съѣзда, отъ которыхъ, кромѣ малосодержательныхъ газетныхъ замѣтокъ, не сохранилось ничего. Упомяну далѣе, что Аванасію Ѧедоровичу принадлежитъ предисловіе къ изданной Обществомъ рукописи Констанцскаго собора, что онъ принималъ живое участіе въ издаваемыхъ Обществомъ рисункахъ съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора и т. д.

«Наконецъ всѣмъ изъ гг. присутствующихъ извѣстно, какое дѣятельное участіе принималъ и принимаетъ А. Ѧ. въ жизни нашего общества: проходить рѣдкая коммиссія—будетъ-ли то коммиссія по присужденію большихъ медалей, или по равнѣн кассы Общества, или по какому-либо другому вопросу, въ которой онъ не былъ бы—если не предсѣдателемъ, то однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ» ²⁾.

Золотая медаль, какъ сказано нами выше, была знакомъ единодушной признательности Русскаго Археологическаго общества Аванасію Ѧедоровичу за заслуги, оказанныя имъ обществу. Президентъ общества, его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, съ своей стороны тогда-же почтилъ нашего ученаго слѣдующимъ рескриптомъ:

«Аванасій Ѧедоровичъ. Императорское Русское Археологическое Общество довело до моего свѣдѣнія о своемъ желаніи почтить вашу многополезную для

¹⁾ А. И. Артемьевъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о подъятой Аванасіемъ Ѧедоровичемъ работѣ по изданію трудовъ этого археолог. съѣзда (см. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., т. I, стр. 413, письма Артемьева къ К. Н. Тихонравову). Труды эти появились въ свѣтъ благодаря А. Ѧ. Вычкову и И. В. Помяловскому.

²⁾ См. „Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, изд. 1884 г., т. X, вып. 3—6, стр. 335—338, 347—348.

ства дѣятельностью золотою медалью. Какъ предсѣдателю онаго, мнѣ прі-
выразитъ вамъ и свою признательность за содѣйствіе, которое вы ока-
н и продолжаете оказывать Археологическому Обществу въ разработкѣ
ственной археологіи. Усердіе и любовь, которыя вы приложили къ ру-
ству трудами отдѣленія археологіи русской и славянскои, уже дали бо-
результаты, и я не могу не выразитъ искренняго желанія, чтобы еще
логіе годы продлилась ваша полезная для Археологическаго Общества
льность».

«Константинъ».

Съ 1885-го года А. Θ. Бычовъ состоитъ помощникомъ пред-
тателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Послѣдній, по времени, Археологическій Сѣздъ въ Москвѣ,
но въ 1890 году, избралъ А. Θ. Бычова своимъ предсѣ-
темъ какъ дань всеобщаго уваженія и признательности рус-
ь археологовъ къ его ученымъ заслугамъ.

Съ 1855 года членъ-корреспондентъ Императорской Ака-
и наукъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ съ 1866 года былъ избранъ
академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Избра-
то состоялось по предложенію нынѣ покойнаго академика
офессора Измаила Ивановича Срезневскаго, записка кото-
по сему предмету, внесенная въ академію, представляетъ
на важное свидѣтельство объ ученыхъ заслугахъ А. Θ.
ова.

Сотъ выдержка изъ этого доклада знаменитаго слависта и
аго:

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ давно сознаетъ
бность имѣть въ своей средѣ ученаго, который-бы съ общимъ филолого-
ическимъ знаніемъ русскаго языка и словесности и приготовленностью къ
-научнымъ изслѣдованіямъ соединялъ въ себѣ особенное знаніе языка и
ности средняго періода (XV—XVII вѣковъ), менѣе другихъ изслѣдованнаго
ѣмъ вмѣстѣ представляющаго въ огромной массѣ памятниковъ очень многое
бъясненія не только состоянія времени, къ которому они относятся, но и
а древняго (до XV вѣка) и болѣе позднихъ явленій. Само собою разу-
и, что желаемое знаніе средняго періода предполагаетъ близкое знаком-
съ памятниками его, между прочимъ и палеографическое и археологи-
е, съ памятниками въ подлинникахъ или въ старыхъ спискахъ, потому
съ памятниковъ этого періода изданы очень немногіе и притомъ изданы
ею частію неудовлетворительно.

«Въ числѣ весьма немногихъ нашихъ ученыхъ, имѣвшихъ случаи и охоту близко и основательно ознакомиться съ этими памятниками, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ хранитель рукописей (нынѣ директоръ) Императорской публичной бібліотеки, членъ-редакторъ археографической комиссіи А. Ф. Вычковъ.

«Общее уваженіе всѣхъ занимающихся русскою древностью и стариною г. Вычковъ приобрѣлъ издавна. Одни не могли не почитать его, какъ изслѣдователя и издателя памятниковъ, другіе—какъ знатока дѣла, полезнаго указаніями и совѣтами.

«Изъ изданій г. Вычкова съ особенною признательностію должно вспомнить:

— Четыре тома Дворцовыхъ разрядовъ XVII тома, напечатанные въ 1850—1855 гг.

— Два тома Путевыхъ и походныхъ журналовъ Петра Великаго, 1695—1725 г., съ примѣчаніями, напечатанные въ 1853—1855 гг.

— Четыре тома полного собранія лѣтописей, VII—IX и XV тома, заключающіе въ себѣ лѣтопись Воскресенскую, часть Никоновской и лѣтопись Тверскую, напечатанныя въ 1857—1863 гг.

«Какъ г. Вычковъ понимаетъ и исполняетъ обязанности издателя памятниковъ, особенно видно изъ этого послѣдняго труда. Изданіе русскихъ лѣтописей, особенно тѣхъ, которыя не сохранились въ древнихъ спискахъ, представляетъ значительныя трудности. Объ изданіи палеографическомъ едва ли и думать можно; списковъ много, въ каждомъ есть значительныя ошибки переписчиковъ и въ каждомъ есть свои достоинства. Естественно придти къ мысли объ изданіи, такъ сказать, эклектическомъ, въ которомъ-бы явился текстъ, исправленный посредствомъ сличенія списковъ. Но такое изданіе допускаетъ въ издателѣ личный произволъ и болѣе или менѣе случайныя измѣненія подлинника. Г. Вычковъ вступилъ при изданіи Воскресенской лѣтописи на другой путь, гораздо болѣе удовлетворяющій общимъ требованіямъ.

«Изучивши внимательно списки лѣтописи, онъ нашелъ списокъ Парижскій самымъ удовлетворительнымъ и взялъ его какъ основной¹⁾. При изданіи его онъ рѣшился сохранить всѣ его особенности синтаксическія и орфографическія. Но въ отношеніи къ содержанію нельзя было довольствоваться Парижскимъ спискомъ, нельзя было оставить неисправленными его разныя описки, и чтобы сдѣлать чтеніе лѣтописи для всѣхъ удобнымъ, нельзя было

¹⁾ Достоиню вниманія, что стараніями А. Ф. Вычкова этотъ драгоценный для отечественной исторіи памятникъ въ 1887 году уступленъ Парижскою національною бібліотекою нашему отечественному книгохранилищу. См. „Отчетъ Библиотеки“ за 1887 годъ, стр. 87—89.

читать исправленія только въ примѣчаніяхъ: напротивъ того, надо было вляемое замѣнять болѣе правильныхъ въ самомъ текстѣ; а чтобы не имѣть этихъ измѣненій съ тѣмъ, что осталось, какъ было въ спискѣ, всѣ измѣненія обозначены въ особыхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ такъ, что съ помощью ихъ можно возстановить чтеніе Парижскаго списка. Другаго лучшаго для изданія лѣтописей, подобныхъ Воскресенской, кажется, нѣтъ, и онъ осподоствовавшихъ не только въ началѣ 1830-хъ годовъ, но еще и позже науки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тѣхъ-же основныхъ прадержался г. Бычковъ и при изданіи другихъ лѣтописей, и вообще никовъ, имъ изданныхъ.

Исслѣдованія г. Бычкова были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, между прочимъ, въ журналѣ «Министерства народнаго просвѣщенія» въ «Извѣстіяхъ Академіи», въ «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ Археологическаго общества». Каждое изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ первыхъ опытовъ его, было съ осторожностью и опредѣлительностью знанія и критическаго такта. примѣра можно вспомнить о разборѣ надписи на серебряной, открытой чарѣ князя Владиміра Давидовича, окончательно опредѣлившемъ время, которому принадлежитъ этотъ любопытный остатокъ XII вѣка. Не менѣе ценно исслѣдованіе Клиріановскаго отрывка Евангелія XI вѣка.

Въ числѣ заслугъ г. Бычкова нельзя опустить труда, знакомаго многимъ изъ пользовавшихся рукописями публичной бібліотеки. Это обширное изданіе славянскихъ и русскихъ рукописей, въ которомъ изложено и ихъ происхожденіе. Образецъ подобнаго труда былъ данъ еще Востоковымъ въ его изданіи рукописей Румянцовскаго музея». Давно настояла надобность въ описаніи несравненно важнѣйшихъ сокровищъ Императорской публичной бібліотеки. Но дѣло это представляло гораздо болѣе трудностей какъ по отношенію къ каталогу хранилища, такъ и по разнообразію находящихся въ немъ рукописей. Съ самаго того времени, какъ г. Бычковъ въ 1844 г. принялъ на себя заведеніе отдѣла бібліотеки въ свое завѣдываніе, онъ болѣе и болѣе знакомился съ рукописями, держаніемъ его и составилъ обширный каталогъ рукописей, давно существовавшихъ въ этой бібліотекѣ, которые пользовались этимъ отдѣломъ бібліотеки. Впослѣдствіи приступивъ къ описанію его богатствъ, онъ началъ свой трудъ не съ описаніемъ рукописей, надъ которыми выполненіе задачи было бы всего легче, а съ описаніемъ сборниковъ, имѣющихъ разныхъ составителей, относящихся къ разнымъ эпохамъ и весьма разнообразныхъ какъ по содержанію, такъ и по языку. Такое предпріятіе не могло быть осилено безъ долговременныхъ и трудныхъ работъ палеографическихъ, историческихъ, филологическихъ и литературныхъ, которыми г. Бычковъ дѣйствительно занимался съ 1841 г. Благодаря этимъ обширнымъ познаніямъ въ славяно-русской письменности, напечатанію и редкое трудолюбіе Аѳанасія Федоровича Бычкова — такъ и называющагося своимъ докладъ покойный академикъ Срезневскій — высоко

пѣнятся всѣми знатоками, и мы считаемъ своею обязанностию предложить его въ экстраординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ полной увѣренности, что онъ своею ученою дѣятельностію оправдаетъ выборъ академіи ¹⁾»:

Ожиданія покойнаго подвижника науки вполнѣ оправдались.

Избранный въ члены Академіи наукъ, АѦанасій Ѧедоровичъ много потрудился и неустанно продолжаетъ трудиться въ этомъ высшемъ для ученаго званіи. Ему принадлежитъ нѣсколько изслѣдованій и статей въ „Сборникѣ“ отдѣленія русскаго языка и словесности, въ „Запискахъ“ академіи и нѣсколько разборовъ сочиненій, представлявшихся на соисканіе Уваровскихъ наградъ; всѣ эти сообщенія и труды АѦанасія Ѧедоровича переименованы въ подробномъ спискѣ, который мы помѣщаемъ вслѣдъ за симъ. Между прочимъ, какъ членъ Академіи Наукъ, А. Ѧ. Бычковъ привелъ въ порядокъ и напечаталъ „Библіологическій словарь“ Строева; подъ редакціей АѦ. Ѧед. изданъ „Бѣлорусскій словарь“ Носовича (Спб., 1870 г., 756 стр., въ большую 4-ю д.); онъ же наблюдалъ за изданіемъ „Памятниковъ древне-русскаго языка и письма“ И. И. Срезневскаго (изданіе второе), „Бѣлорусскаго сборника“ П. В. Шейна, „Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ“ И. И. Срезневскаго, вып. I, буквы А—Г, Спб. 1890 г. (Работы по изданію этого громаднаго и весьма важнаго труда раздѣляется А. Ѧ. дочь покойнаго нашего слависта—О. И. Срезневская).

Говоря о трудахъ АѦанасія Ѧедоровича по Академіи Наукъ,—нельзя не напомнить нашимъ читателямъ тѣ полныя жизни и правды характеристики, которыя нашъ уважаемый академикъ представилъ въ своихъ отчетахъ по Второму Отдѣленію, читанныхъ въ годовыхъ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, о такихъ выдающихся русскихъ людяхъ, каковы были академики: Александръ Васильевичъ Никитенко и Измаиль Ивановичъ Срезневскій, а также воспоминанія его о знаменитомъ археографѣ А. Е. Викторовѣ и незабвенномъ исторіографѣ Сергіѣ Михайловичѣ Соловьевѣ. Замѣтимъ здѣсь, что авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ былъ введенъ въ среду нашей ака-

¹⁾ См. „Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности“ за 1852—1865 гг. Спб. 1866, стр. 463—467.

деи А. Ѳ. Бычковымъ, представившимъ о заслугахъ и трудахъ этого ученаго мастерски составленную записку.

Въ 1866-мъ году энергіею и личнымъ починомъ А. А. Половцова, при высококомъ покровительствѣ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора—всегда принимавшаго и принимающаго близко къ сердцу успѣхи и развитіе науки Русской исторіи,—учреждено „Русское историческое общество“, нынѣ Императорское. Въ числѣ первыхъ, по времени, оказавшихъ новому обществу полнѣйшее содѣйствіе личнымъ трудомъ и многолѣтнею опытностью былъ А. Ѳ. Бычковъ. Онъ является однимъ изъ его членовъ-основателей, членомъ совѣта общества, а нынѣ и помощникомъ предсѣдателя (съ 1882 г.); подъ его редакціей вышли томы первый, одиннадцатый и тридцать пятый (часть тома) „Сборника Русскаго историческаго общества“,—важные томы посвящены весьма интереснымъ матеріаламъ къ исторіи Екатерины II (т. I, изд. 1867 г.) и къ исторіи Петра I (т. XI, изд. 1873 г., и т. XXXIV, изд. 1881 г.).

По Императорскому Географическому Обществу А. Ѳ. Бычковъ былъ нѣсколько разъ избираемъ въ члены совѣта и въ комисіи по присужденію медалей и ревизіонныя, а такъ какъ это не такой человекъ, который способенъ числиться лишь номинально въ составѣ того или другаго учрежденія, то легко себѣ представить, что и по этому Обществу, пользующемуся европейскою извѣстностью, Аѳанасій Ѳедоровичъ потрудился не мало.

Не станемъ перечислять всѣ тѣ русскія и иностранныя археологическія, историческія и проч. ученныя общества и учрежденія, которыя имѣютъ честь видѣть А. Ѳ. Бычкова своимъ дѣйствительнымъ или почетнымъ членомъ,—таковой перечень былъ бы слишкомъ длиненъ.

Послѣднимъ по времени трудомъ А. Ѳ. Бычкова, но—можно смѣло сказать—колоссальнымъ по его значенію, является собраніе и редакція имъ сборника „Письма и бумаги императора Петра Великаго“.

Этотъ трудъ возникъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1872 году, благодаря почину графа Д. А. Толстаго—и возложенъ былъ

на особую комиссію изъ нѣсколькихъ профессоровъ и академиковъ; но душою всего дѣла и исполнителемъ былъ и остается А. Ѧ. Бычковъ, который продолжалъ этотъ трудъ и тогда, когда на нѣсколько лѣтъ комиссія, по разнымъ причинамъ, какъ-бы перестала вовсе существовать (1877—1885).

Восемнадцать лѣтъ (съ 1872 г.) употреблено на розысканіе и собраніе всѣхъ этихъ драгоценныхъ документовъ во всевозможныхъ архивахъ, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ,—въ Россіи и за границей; нѣсколько лѣтъ самаго кропотливаго труда употреблено нашимъ славнымъ археографомъ на самоличную, во многихъ случаяхъ, переписку, систематизацію, дешифровку и самую тщательную провѣрку копій съ подлинниками ¹⁾ и обстановку документовъ массой примѣчаній—историческихъ, біографическихъ и проч., въ которыхъ что ни страница, то матеріалъ весьма цѣнный; а обширные указатели къ нимъ представляютъ прекрасные ключи къ этому истинно монументальному изданію ²⁾. Вообще этотъ сборникъ есть самое драгоценное достояніе для каждаго образованнаго русскаго, такъ какъ заключаетъ въ себѣ главное наслѣдіе, завѣщанное Великимъ Преобразователемъ самоотверженно любимой имъ Россіи! Здѣсь, въ этихъ собственноручныхъ замѣткахъ, наброскахъ, письмахъ, наказахъ, указахъ, грамотахъ, журналахъ и сказаніяхъ, Петръ Великій открываетъ всю свою душу, свои завѣтныя пожеланія и предначертанія къ возвеличенію и славѣ новой Россіи! И съ какою любовью А. Ѧ. Бычковъ посвящаетъ свой трудъ на изданіе этихъ перловъ отечественной исторіи! Еще недавно, именно въ прошломъ году, посѣтивъ АѦанасія Ѧедоровича утромъ, мы застали его за работой. На нашъ вопросъ — чѣмъ онъ занятъ, АѦанасій Ѧедоровичъ, съ обычнымъ добродушіемъ, отвѣчалъ:

— „А вотъ отдыхаю за указателемъ къ письмамъ и бумагамъ Петра Великаго,—вѣдь сегодня праздникъ“...

¹⁾ Уже къ 1877 г. собрано было въ помянутой комиссіи до десяти тысячъ писемъ и бумагъ Петра Великаго.

²⁾ Вышло въ свѣтъ два громадныхъ тома „Писемъ и бумагъ Петра Великаго, за время съ 1688 г. по 1703 г.“, т. I, изд. 1887 г., стр. XXIII + XXXII + 888 + I. III. — Томъ II, изд. 1884 г., стр. XXIII + 721 + LXII. Въ этихъ двухъ томахъ напечатано 616 писемъ и прочихъ бумагъ Петра Великаго и сотни отвѣтныхъ ему писемъ, послѣднія въ примѣчаніяхъ.

быль, дѣйствительно, праздникъ—день Свѣтлаго Христова
сенія!

шь бѣглый очеркъ былъ-бы неполонъ, если-бы мы не
или его выраженіемъ глубокой нашей личной признатель-
маститому академику, признательности отъ „Русской
ны“.

личностью А. Θ. Бычкова издавна и неразрывно соеди-
звѣстность не только ученаго подвижника науки, но и
снодушнаго, самаго доброжелательнаго, и притомъ вполнѣ
го человѣка.

я это и раздѣляя общее къ нему уваженіе, мы, двадцать
годъ тому назадъ приступая къ изданію нашего истори-
журнала „Русская Старина“, смѣло обратились за со-
добреніемъ и содѣйствіемъ къ Аванасію Фодоровичу.

зотъ „Русская Старина“ съ тѣхъ поръ, да будетъ позво-
намъ такъ выразиться, нашла въ Аванасіи Фодоровичѣ
добраго своего крестнаго отца.

овымъ онъ остается по отношенію къ „Русской Ста-
болѣе двадцати одного года, украшая время отъ времени
раницы сообщеніями, нерѣдко имѣющими весьма важное
е либо для отечественной исторіи, либо для русской сло-
ги, такъ напр. читатели, конечно, помнятъ, на страницахъ
ой Старины“, въ сообщеніи А. Θ. Бычкова, вновь откры-
ть строфы „Евгенія Онѣгина“.

ончимъ пожеланіемъ, безъ сомнѣнія раздѣляемымъ всѣми,
лько знаетъ Аванасія Фодоровича Бычкова (а кто его не
изъ нашихъ соотечественниковъ, сколько нибудь при-
хъ наукѣ!),—да сохранить его Господь на многіе годы,
звѣточа знанія, какъ выразителя непрерывнаго труда и
на славу науки и дорогаго отечества!

Р е д .

3-го сентября 1890 г.

Спб.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВODOBЪ И ИЗДАНИЙ

АКАДЕМИКА

А. Ө. БЫЧКОВА.

1838 г.

1. Указатель къ сочиненію Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи“. Приложенъ ко второму тому сочиненія Арцыбашева (Москва. 1838). XXVII стр., in 4°.

1842 г.

2. О шведскомъ переводѣ сочиненія Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, исправляющемъ ошибки назданнаго русскаго текста. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, 1842 г., ч. XXXIV, отд. III (выписки изъ протоколовъ засѣданій Археограф. комиссіи), стр. 34—35.

3. „Пилскални (Pilskalni) или такъ называемыя баттарен въ Лифляндіи“. (Переводъ съ нѣмецкаго статьи Гагемейстера). „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. V, смѣсь, стр. 22—26.

4. Обзорніе шведской литературы. „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. V, смѣсь, стр. 33—56.

5. Христіанія. (Переводъ съ французскаго). „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. VI, разныя извѣстія, стр. 223—232.

1843 г.

6. Обзорніе русскихъ газетъ и журналовъ за первое трехмѣсячіе 1843 года. „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“,

1843 г., ч. XXXIX, отд. VI, стр. 69—142. (Помѣщено обзорніе статей по философіи, педагогикѣ, правовѣдѣнію, политическимъ наукамъ, географіи, статистикѣ, путешествіямъ и этнографіи, исторіи всеобщей и русской).

7. Происходятъ-ли Руссы отъ Вендовъ, и именно отъ Руговъ, обитавшихъ въ Сѣверной Германіи? Ординарнаго профессора Дерптскаго университета Крузе. (Переводъ съ нѣмецкаго). „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1843 г., ч. XXXIX, отд. II, стр. 38—64.

8. Рецензія на трудъ А. X. Востокова „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума“. „Москвитянинъ“ 1843 г., ч. II, стр. 516—524, и ч. III, стр. 195—217.

9. Отзывъ объ изслѣдованіи Н. Г. Устрялова „Именитые люди Строгановы“. „Маякъ“, 1843 г., томъ восьмой, глава IV. Критика, стр. 99—106.

10. Указатель къ Актамъ Историческимъ, изданнымъ Археографическою Комиссіею. Спб. 1843. 4°. 1 вѣн. л. и 218 стр.

1844 г.

11. О среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1844 г., ч. XLI, отд. IV, стр. 1—52.

енія на „Остромирово Еван-
—1057 г., изданное А. Восто-
„Журналъ Мин. Нар. Просв.“,
XLI, отд. VI, стр. 1—16.
енія на „Русскія Достопа-
издаваемыя императорскимъ
исторіи и древностей россій-
московскомъ университетѣ.
ая“. „Журналъ Мин. Нар.
44 г., т. XLI, стр. 162—172.

1845 г.

вомъ законѣ во Франціи отно-
торостепеннаго воспитанія.
Мин. Нар. Просв.“, 1845 г.,
д. IV, стр. 1—26.

1846 г.

рическія замѣтки. Статья I
скомъ посадникѣ Михаилѣ
нѣ). „Чтенія Моск. Общ.
вностей“, 1846 года, № 4,
47—50.

1847 г.

зія на три первые тома
тій, замѣчавій и лекцій по
торіи“ М. П. Погодина.
н. Нар. Просв.“, 1847 года,
VI, стр. 22—48.

зія на сочиненіе П. Саве-
ухаммеданская нумизматика
и къ русской исторіи. Томъ
Мин. Нар. Просв.“, 1847 г.,
VI, стр. 105—128.

сколько статей по русской
букву А въ „Справочномъ
ическомъ Словарѣ“ А. Стар-
въ 1-мъ томѣ. Спб. 1847).

1849 г.

нествіе казацкихъ атамановъ
рова и Бурнаша Елычева
1867 года. Во 2-мъ томѣ „Ска-
го народа“ Сахарова, Спб.
33—186.

1850—1855 гг.

●●. Дворцовые разряды, по Высочай-
шему повелѣнію изданные II-мъ отдѣле-
ніемъ Собственной Его Императорскаго
Величества Канцеляріи.

Томъ первый (съ 1612 по 1628 годъ)
Спб. 1850. 8°. 3 нум. л., XXXVI стр.
(предисловіе, написанное А. Θ. Бычко-
вымъ, совместно съ Александромъ Ник.
Поповымъ), 1224 столбца и XII столб-
цовъ.

Томъ второй (съ 1628 по 1645 г.).
2 нум. л., IV стр., 976 столбцовъ и
II стр.

Томъ третій (съ 1645 по 1676 г.).
Спб. 1852. 2 нум. л., IV стр., 1 н. л.,
1656 столбцовъ и 2 нум. листа.

Дополненія къ тому III-му. Спб.
1854. 2 нум. л., 484 столбца и 1 н. л.
стр.

Томъ четвертый (съ 1676 по 1701 г.).
Спб. 1855. 2 нум. л., II стр., 1158 столб-
цовъ и 1 нум. стр.

1851 г.

●●. О серебряной чарѣ XII вѣка, при-
надлежавшей черниговскому князю Вла-
диміру Давыдовичу. „Записки Императ.
Русск. Археолог. Общества“, томъ III
(Спб. 1851), стр. 157—159.

1851—1880 гг.

●●. Свѣдѣнія о церковно-славянскихъ
и русскихъ рукописяхъ, автографахъ и
актахъ, старопечатныхъ церковно-сла-
вянскихъ енигахъ и изданіяхъ, напеча-
танныхъ гражданскимъ шрифтомъ при
Петрѣ Великомъ, поступавшихъ въ Им-
ператорскую Публичную Библиотеку, по-
мѣщавшіяся въ отчетахъ Библиотеки за
1850—1879 годы.

(Между прочимъ помѣщены: въ отчетѣ
за 1852 годъ обзоръ Древлекранилища
Погодина и описаніе рукописнаго собра-
нія П. Θ. Коробанова; въ отчетѣ за
1860 годъ свѣдѣнія о собраніи рукописей

и печатныхъ книгъ Трехлѣтова; въ отчетѣ за 1863 годъ описаніе рукописей, принадлежавшихъ И. П. Сахарову; въ отчетѣ за 1867 годъ описаніе собранія рукописей, принадлежавшихъ Н. М. Карамзину; въ отчетѣ за 1868 годъ описаніе собранія юго-славянскихъ рукописей А. О. Гильфердинга, а въ отчетѣ за 1876 описаніе собранія рукописей О. Г. Сокурова).

1852 г.

23. О приобрѣтеніи въ казну Древле-хранилища проф. Погодина. „Сѣверная Пчела“ 1852 г., № 198, и „Слб. Вѣдом.“ 1852 г., № 199.

1853 г.

24. О хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ Вѣдомостяхъ 1705, 1706 и 1707 годовъ. „Сѣверная Пчела“ 1853 г., №№ 161 и 162.

25. Библиографическая замѣтка (по поводу статьи академика Броссе въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ: „Свѣдѣнія о Грузинской царицѣ Тамарѣ въ древней русской литературѣ). „Слб. Вѣдом.“ 1853 г., № 165. (Въ замѣткѣ этой указаны рукописи Императорской Публичной Библіотеки, содержащія въ себѣ: „Слово о дщери Иверскаго царя Динарѣ“).

1853—1855 гг.

26. Журналы и походные журналы Петра Великаго, съ 1695 по 1725 годъ и походный журналъ 1726 года. (Съ историческими и географическими примѣчаніями).

Журналъ за каждый годъ имѣлъ свою особую пагинацію (см. статью С. А. Соболевскаго: „Журналы и камеръ-фурьерскіе журналы 1695—1774 гг.“ въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ 1867 г.).

1853—1857 гг.

27. Камеръ-фурьерскіе журналы за 1726—1772 годы.

Эти журналы печатались подъ редакцію А. О. Вычкова и Б. М. Федорова.—Журналъ за каждый годъ имѣлъ особую пагинацію (см. указанную статью Соболевскаго).

1855 г.

28. Первые Русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Слб. 1855. 12°, 3 нумер. л., 30 стр. (предисловіе, въ которомъ показаны значеніе Вѣдомостей, ихъ исторія, и исчислены напечатанныя о нихъ статьи), 1 нумер. л., 262 стр., 4 нумер. стр., 51 стр. (указатель лицъ и географическихъ мѣстностей) и 3 нумер. стр.

Это изданіе Императорской Публичной Библіотеки было приготовлено къ празднованію столѣтняго юбилея московскаго университета и ему посвящено.

29. Библиографическіе отрывки. IV. Посольство въ Россію графа Карлейля. „Отеч. Записки“ 1855 года, т. III (№ 11), науки и художества, стр. 47—86.

30. Замѣчанія на статью П. П. Каркарскаго „Планъ и образцы библиографическаго обзоровъ русскихъ книгъ Петровскаго времени“. „Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго яз. и словесности“, Слб. 1855. 4°, т. IV, вып. 6, столбцы 326—330.

31. Дополнительные статьи къ Судебнику царя Іоанна Васильевича, издаваемые въ первый разъ по списку Эрмитажной Библіотеки. „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“, изд. Н. В. Калачовымъ, книги второй половина первая (М. 1855), отд. II, стр. 71—120.

1856 г.

32. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Комиссіею. Томъ седьмой. VII. Лѣтопись по Воскресенскому списку. Слб. 1856. 4° 1 нен., л. X и 345 стр.

редакцію А. Ѳ. Бычкова на
вторая часть тома, именно стр.
5, страницы же 1—120 были на-
ны подъ редакцію Я. И. Беред-

Извѣстіе о Супрасльской рукописи
а. „Извѣстія Императ. Академіи
по отдѣл. русск. языка и сло-
и“, Спб. 1856, т. V, вып. 6, стр.
6.

1857 г.

Очиненія В. А. Жуковского.
пятое. Томы 10, 11, 12, 13. Спб.

отовленіе къ печати этихъ то-
ыло возложено графомъ Д. Н.
вымъ на А. Ѳ. Бычкова, подъ
ею котораго они и были изданы.

1859 г.

Полное собраніе русскихъ лѣто-
Томъ осьмый. VII. Продолженіе
и по Воскресенскому списку.
59, 4°, VIII, 301 и 1 нenum. стр.
Замѣтка о житіи преп. Кирилла
ерскаго. „Журналъ Мин. Народ.
, 1859, ч. CIV, отд. III (выписки
отоколовъ засѣданій Археограф.
и), стр. 26—30.

Житіе преп. Ирнарха Ростов-
съ выдержками изъ рукописнаго
житія). „Журн. Мин. Нар. Просв.“,
CIV, отд. III, выписки изъ про-
съ засѣданій Археограф. комиссіи,
еніе, стр. 38—48.

О двухъ неизвѣстныхъ изданіяхъ,
анныхъ въ Долгомъ Полѣ. (Объ
сіонѣ 1643 года и Псалтири 1650 г.)
графическія Записки“ 1859 года,
249—258.

Остромирово Евангеліе (Новыя о
свѣдѣнія. Замѣтка). „Спб. Вѣдо-
1859 г., № 9.

1860 г.

Обзоръ хода изданія лѣтописей въ

Россіи. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1860 г.,
ч. CV, отд. II, стр. 1—26.

11. Описание Петербурга и Кроншлота
въ 1710-мъ и 1711-мъ годахъ. Переводъ
съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями. Изданіе
Императорской Публичной Библіотеки.
Спб. 1860. 16°. 1 нenum. л., XIV и 108 стр.

Переводъ этого описанія былъ пере-
печатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1882 г.,
т. XXXVI.

12. Два новые матеріала для биогра-
фіи Котошихина. „Архивъ историче-
скихъ и практическихъ свѣдѣній, отно-
сящихся до Россіи“, изд. Н. В. Ка-
лачовымъ, книга первая, Спб. 1860,
отд. V, стр. 3—5.

13. Наказъ, данный 5 ноября 1771 г.
Екатериною II генераль-аншефу вн. М. Н.
Волконскому, при назначеніи его мос-
ковскимъ генераль-губернаторомъ. „Ар-
хивъ историч. и практич. свѣдѣній, отно-
сящихся до Россіи“, изд. Н. В. Ка-
лачовымъ, книга вторая, Спб. 1860,
стр. 24—42.

1861 г.

14. О весьма рѣдкой брошюрѣ, вы-
шедшей изъ братской Львовской типо-
графіи (напечатанной въ 1591 году въ
честь митрополита Михаила Рогозкія).
„Библіографич. Записки“ 1861 года, т. III,
ст. 578—581.

15. Біографія Авраамія Палицына и
біографическія замѣтки объ Авраамѣ,
тысяцкомъ новгородскомъ, и объ Авраа-
мѣ Степановичѣ, тысяцкомъ новгород-
скомъ. „Энциклопедическій Словарь, со-
ставленный русскими учеными и лите-
раторами“, т. I, Спб. 1861, 8°, стр. 266—
269 и 271.

16. Новое приобрѣтеніе Император-
ской Публичной Библіотеки. (Говорится
о собраніи старопечатныхъ книгъ И. П.
Каратаева). „Спб. Вѣдомости“ 1861 г.,
№ 101.

17. Каталогъ монетъ, пожертвован-
ныхъ Императорскому Археологическому
Обществу тайнымъ совѣтникомъ Х. Я.

Лазаревымъ. „Извѣстія Императорск. Археол. Общества“, т. III, Спб. 1861, ст. 63—69.

48. Матеріалы, напечатанные въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1861 года: 1. Письмо Ивана Перфильевича Елагина къ князю Г. А. Потемкину-Таврическому; 2. Письмо В. С. Сопкиова къ К. О. Калайдовичу; 3. Письмо Д. В. Давыдова къ М. Н. Загоскину (о партизанѣ Фигнерѣ); 4. Эниграмма М. Ю. Лермонтова на О. И. Сенковского. „Библиограф. Записки“ 1861 г., т. III, ст. 548—556.

1862 г.

49. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ девятый. VIII. Лѣтописный сборникъ, именуемый патріаршею или Никоновскою лѣтописью. Спб. 1862. 4 д. 1 нумер. л., XI и 256 стр.

50. Житіе преподобнаго Мартиніана Вѣлозерскаго. „Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи“, выпускъ первый, Спб. 1862, отд. II, стр. 1—7.

51. Старинные „формулярники“. „Лѣтопись занятій Археогр. комиссіи“, вып. первый, Спб. 1862, отд. II, стр. 34—40.

52. Указатель актовъ и документовъ, напечатанныхъ въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ въ 1860 году. „Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи“, вып. первый, Спб. 1862, отд. III—IV, стран. 41—64.

53. Домострой Каріона Истомина. „Лѣтопись занятій Археограф. комиссіи“, вып. второй, Спб. 1862, отд. II, стран. 126—132.

54. Указатель актовъ и документовъ, напечатанныхъ въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ 1861 г. „Лѣтопись занятій Археограф. комиссіи“, вып. второй, Спб. 1862, отд. III—IV, стр. 47—88.

1863 г.

55. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ пятнадцатый. Лѣтописный

сборникъ, именуемый Тверскою лѣтописью. Спб. 1863. 4 д. 1 нумер. VII стр., 504 столбца и 1 нумер. стр.

56. Письма императрицы Екатерины II къ разнымъ государственнымъ новикамъ. „Чтенія въ Московск. исторіи и древностей“, 1863 года, третья, отд. V, смѣсь, стр. 158—184.

1864 г.

57. Повѣсть о убіеніи царевича Дмитрія. „Чтенія въ Московск. исторіи и древностей“, 1864 года, четвертая, отд. V, смѣсь, стр. 1—4.

1865 г.

58. Отрывки евангелія XI-го вѣка (Извѣстіе о такъ называемомъ Буновскомъ отрывкѣ евангелія XI вѣка, помеченными знаками). „Извѣстія Императорск. Археол. Общества“, томъ пятый, 1865, стр. 29—37.

59. Краткій лѣтописецъ Святослава Сергіевича Лавры. „Лѣтопись занятій Археографической комиссіи“, вып. первый, Спб., 1865, приложения, стр. 18—20.

60. Замятка о лѣтописныхъ извѣстіяхъ о мѣстѣ кончины Олега. „Лѣтопись занятій Археографической комиссіи“, третий, Спб. 1865, отд. IV, стр. 38—40.

1865—1872 гг.

61. Матеріалы по русской исторіи русской литературы, напечатанные въ „Русскомъ Архивѣ“.—1865: Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ. В. Гоголя. Первоначальная редація (1775—788); 1866 года: Письма и записки А. В. Суворова къ его дочери, Д. И. Хвостову и О. М. Рибасу, съ примѣчаніями и объясненіями, ст. 1030; Челобитная И. И. Бедкаго о увольненіи его въ отпускъ загранично (ст. 1567—1569); 1868 года: Письма Дмитріева и двѣ записки Н. М. Языкова къ Д. И. Языкову (съ примѣчаніями, ст. 1081—1102); Письма

перанскаго къ его дочери (ст. 1212 и 1681—1811); 1870 года: И. В. Лопухина къ М. М. Спемму (ст. 609—622); Письмо М. М. Спемму къ И. В. Лопухину (ст. 623—630); Письмо князя П. М. Волконскаго къ А. А. Закревскому о конч. Александра I (ст. 627—630); Новые стихи Жуковскаго „Смерть“ (ст. 1237—1246); Автобиографическая замѣтка императрицы Екатерины II, 1763 года (ст. 1155—1156); Письма И. В. Лопухина къ Д. П. Тютчеву (ст. 1215—1236); 1871 года: Николай Иванович Новиковъ къ Руничу (ст. 1013—1094); Письмо А. А. Баратынскаго къ барону Г. П. Тютчеву (ст. 1093—1095); Письмо Е. А. Баратынскаго къ П. А. Полевому о своихъ сочиненіяхъ (ст. 351—352).

1866 г.

Космографія Раува и о перепискѣ о ней извѣстій о Московіи Г. В. Императ. Академіи Наукъ, 1866 г., книжка I, Спб. 1866, стр. 1—10. Сборникъ статей, читанныхъ въ Импер. Академіи Наукъ, т. I, стр. 1—XXX.

Письма Н. М. Карамзина къ П. А. Палайдовичу, съ примѣчаніями П. А. Палайдова. Въ „Письмахъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными К. Гротомъ и П. П. Пекарскимъ“ (Спб. 1866, стр. 444—450 и 451—486).

1867 г.

Каталогъ хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ издаваемыхъ напечатаннымъ гражданскимъ способомъ при Петрѣ Великомъ. Спб. 1867, 2 нум. л., 4 нум. стр., 1—10, 274 и XXXI стр.

65. Замѣтка о славянскомъ палимпсестѣ. Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. русск. яз. и сл. Импер. Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1867 г., стр. XXVII—XXXIX и Записки Императорской Акад. Наукъ, 1867, т. IX, кн. 2, стр. 191—193.

66. Разборъ сочиненія Д. И. Прозорова „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол.“. Отчетъ о девяти томъ присужденія награды графа Уварова (Спб. 1867), стр. 115—122.

67. Замѣтки о нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ рукописяхъ библиотеки Ярославскаго Спасскаго монастыря. Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XII, кн. I, Спб. 1867, стр. 80—84, и Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ, томъ второй, Спб. 1868, стр. VIII—XII.

68. Замѣтка о „Сборникѣ Муханова“. „Русскій Архивъ“, 1867 г., ст. 1180—1181.

69. Разъясненіе къ статьѣ „Нѣсколько словъ о лѣтописи Абрамека“. Современная Лѣтопись 1867 г., № 7, и Виленскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 19.

70. Каталогъ книгъ Императорской Публичной Библиотeki, касающихся Россіи, на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. На память посѣщенія Импер. Публ. Библиотeki славянскими гостями. Спб. 1867, 16°, 55 стр.

71. Собственноручное письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову 1757 года. Сборникъ статей, читанъ въ отдѣл. русскаго яз. и словесности Импер. Академіи Наукъ, томъ первый, стр. LXI—LXII, и Записки Импер. Акад. Наукъ, томъ десятый, книжка вторая, Спб. 1867, стр. 186—187.

72. Примѣчанія къ рескриптамъ письмамъ императрицы Екатерины II на имя графа Алексѣя Григорьевича Орлова Чесменскаго, напечатаннымъ въ I томѣ Сборника Русск. Историч. Общества (Спб. 1867), на стр. 1—114.

73. О словаряхъ русскихъ писателей митрополита Евгенія. Сборникъ статей,

читанныхъ въ отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, томъ пятый, вып. I, Спб. 1869, стр. 217 — 288. (Въ приложеніи I напечатана переписка митроп. Евгенія съ А. И. Ермолаевымъ, а въ приложеніи II подробный перечень „Матеріаловъ къ словарю Евгенія о русскихъ писателяхъ“).

74. Записка о трудѣ Горскаго и Невоструева „Описание славянскихъ рукописей московской патриаршей, нынѣ синодальной бібліотеки“. Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской премии, Спб. 1868, 8°, стр. 81—106 (помѣщ. въ Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. т. VII, № 1) и Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIII, кн. 2, стр. 275—300.

75. Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ первый (1542—1721). Спб. 1868, 8°. 6 нenum. стр., 776, CCCCLXXVI и 87 столбцовъ, 6 и IV стр.

А. Ѳ. Бычковъ принималъ участіе въ составленіи и редакціи этого тома.

1868—1869—1875 гг.

76. Указатель къ осьми томамъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію Археографическою Комиссіею. Томъ первый, А — I, Спб, 1875. 4°, VI стр., нenum. л., 459 стр. и 4 нenum. стр.

Указатель составлялся А. Ѳ. Бычковымъ и Н. П. Барсуковымъ. Первый томъ выходилъ выпусками, изъ которыхъ первый явился въ свѣтъ въ 1868 г., йвторо въ 1869-мъ, а третій въ 1875-мъ.

1869 г.

77. О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностранные языки. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1869, стр. 81—108, и Записки Академіи Наукъ, т. XV, кн. I, Спб. 1869. стр. 33—60.

78. Разборъ сочиненія В. И. Сергѣевича „Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей“. Отчетъ объ одинадцатомъ присужденіи награды графа Уварова, Спб. 1869, стр. 39—57.

79. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ I. 1721. Спб. 1869. 8 д. 1 нenum. л., 4 нenum. стр., 349, 16 и 33 стр.

Редакціею этого тома занимались А. Ѳ. Бычковъ и А. П. Крыжинъ; указатель-же составленъ Н. И. Григоровичемъ.

1870—1880 гг.

80. Матеріалы по русской исторіи и исторіи русской литературы, помѣщенные въ „Русской Старинѣ“.—1870 года: Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 года (т. I, стр. 48—57); Отрывокъ изъ записанныхъ разсказовъ сенатора Ив. Дан. Данилова о десаревъ. Константиѣ Павловичѣ 1826 г. (т. I, стр. 279—280); Письмо Н. Н. Новосильцова къ военному губернатору, управлявшему Кіевскою и Минскою губерніями, А. П. Тормасову, 1807 года (о крестьянахъ князя Зубова) (т. II, стр. 304); 1872 года: Графъ М. М. Сперанскій.—Его философскіе отрывки и афоризмы (т. V, стр. 68—79); 1873 года: Записки полковника Ивана Ѳедоровича Вадковскаго о событіяхъ въ старо-семеновскомъ лейбъ-гвардіи полку 1820—1822 гг. (т. VII, стр. 635—652); Письмо Г. Р. Державина къ управляющему его имѣніемъ, 1800-хъ годовъ (т. VIII, стр. 729 — 730); Письмо императрицы Екатерины II къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, 1764 года (томъ VIII, стр. 885); Письмо императрицы Екатерины II къ П. Д. Еропкину (томъ VIII, стр. 886 — 887); Письмо князя Г. А. Потемкина-Таврическаго къ императрицѣ Екатериѣ II (т. VIII, стр. 727—728); Письма графа

обородка, 1784 и 1786 гг., къ А. Потемкину (т. VIII, стр. 887—889); Письма графа П. А. Задувайскаго къ Екатору князю Г. А. Потемкину и А. Зубову (т. VIII, стр. 717—719); Письмо В. Я. Чичагова къ В. Г. Орлову (т. VIII, стр. 732); Письмо И. Бецкаго къ Г. Г. Орлову (т. VIII, стр. 715—717); Письмо Къ Л.-гидею II-го Отдѣленія Канцелярїи (Мнѣшникъ М. М. Сперанскаго) (т. VIII, стр. 430—441 и 586—598); Письмо князя Я. О. Долгорукова къ А. Д. Меншикову, 16-го января 1716 г. (т. XX, стр. 535); Чертежъ герцогини курляндской новныи членамъ верховнаго тайнаго совѣта, 28-го января 1730 г. (т. XVIII, стр. 512); Указъ о шведскомъ нашествїи на Польшу, 1709 г. (т. XIX, стр. 136); Письмо князя графа Б. Х. Миниха къ князю Дмитрїевичу Кантемиру, 1741 г. (т. XVIII, стр. 454); Письмо лейб-хирурга Лестока къ князю Дмитрїевичу Кантемиру, 26-го января 1741 г. (т. XVIII, стр. 480); Письмо князя графа къ князю П. А. Зубову, 1741 г. (т. XX, стр. 34); Письмо И. В. Панина къ М. М. Сперанскому, 1741 г. (т. XX, стр. 663—664); Письмо князя графа Орлова-Чесменскаго отъ князя графа Орлова, 1801 г. (т. XX, стр. 577—578); Письмо князя графа С. С. Дохтурова къ графу Орлову, 1809 г. (т. XX, стр. 673); Письмо князя графа И. И. Михельсона къ гр. П. К. Орлову (т. XX, стр. 666—667); Письмо князя графа Густава Маврикія Армстронга къ графу П. К. Сухтелену, 1809 г. (т. XX, стр. 699—700); Письмо князя графа С. С. Давыдова къ М. Н. Захарову (о партизанѣ Фигнерѣ) (т. XX, стр. 699); Приказъ графа М. И. Сперанскаго, 1809 г. (т. XX, стр. 673); Письмо князя графа А. О. Мерзлякова къ князю графу Новикову, 1817 г. (т. XXVI, стр. 350); 1880 года: Письмо князя графа къ Наслѣднику Цесаревичу,

1838 г. (т. XXVII, стр. 618); Письма князя графа А. С. Пушкина къ Н. М. Коншину, П. В. Шапокину, Н. А. Полевому и Н. М. Гречу, 1830—31 и 1836 гг. (т. XXVIII, стр. 806—808).

1871 г.

81. Отчетъ А. О. Бычкова объ осмотрѣнныхъ имъ монастырскихъ библиотекъ и архивахъ въ Ярославской губ. (отчетъ прочитанъ въ засѣданїи Археологической комиссїи 27 сентября 1867 г.). „Лѣтопись занятїи Археологической комиссїи“ за четыре года (1867—1870), вып. пятый, Спб. 1871, отд. IV (выписки изъ протоколовъ), стр. 21—30.

82. Воспоминанїе о дѣятельности Авраама Сергѣевича Норова (приложенїе къ протоколу засѣданїа Археологической комиссїи 18 февраля 1869 г.). „Лѣтопись занятїи Археологической комиссїи“ за четыре года (1864—1870), вып. пятый, Спб. 1871, отд. IV, стр. 86—95.

83. Дополненїе къ очерку славяно-русской библиографїи В. М. Ундольскаго, составленное по экземплярамъ церковно-печатныхъ изданїи, находящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Въ Очеркѣ славяно-русской библиографїи В. М. Ундольскаго, съ дополненїями А. О. Бычкова и А. Викторова, М. 1871, 8 д., столбцы 333—388.

84. Матерїалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Томъ I, Спб. 1871, 4 д., 1 нум. л., 2 нум. стр., IV стр., 846 столбцовъ, 014 стр., 28 стр. и карта. (Въ этомъ томѣ напечатаны матерїалы времени царствованїа Петра Великаго).

85. Слова Валдайскаго уѣзда и Владимїрскаго губ., извлеченныя изъ доставленныхъ въ Отдѣленїе (русскаго языка и словесности) матерїаловъ. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 20, кн. I, Спб. 1871, стр. 143—149, и Сборникъ отдѣленїа русскаго языка и словесности, томъ восьмой, Спб. 1872, стр. XLIII—XLVIII.

1872 г.

86. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Спб. 1872, 8 д., XIV, 512, 63 и 1 нenum. стр.

87. Записка объ ученыхъ трудахъ профессора московскаго университета С. М. Соловьева. Записки Императорской Академіи Наукъ, т. XX, кн. II, Спб. 1872, стр. 383—396.

88. Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и описаніе находящихса въ ней рукописей, содержащихъ матеріалы для исторіи его царствованія Спб. 1872, 8 д., 1 нenum. л., XX и 180 стр.

89. Разборъ сочиненія Н. П. Ламбина „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и угличахъ“. Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1872, стр. 89—105.

90. Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго 1772—1872. Спб., 8 д., 1 нenum. л., XXVIII стр., 855 и XXVII стр., и портретъ Сперанскаго.

91. О монетномъ обращеніи. Сочиненіе графа М. М. Сперанскаго. Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1872 г., кн. 4, отд. V, смѣсь, стр. 140—178.

92. Замѣтка по поводу напечатанной въ журналѣ „Бесѣда“ 1872 года статья г. М. Шпилевскаго „Неизданное сочиненіе Ломоносова о комерціи“. „Спб. Вѣдомости“ 1872 г., № 92, и „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка“, томъ десятый, Спб. 1873, стр. IV—V.

93. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ II. 1722 г. Спб. 1872, 8 д., 1 нenum. л., 28 стр., 685 и 73 стр.

Быль напечатанъ подъ редакцію А. П. Крыжина и А. О. Бычкова

1873 г.

94. Бумаги императора Петра I. Спб. 1873. 8 д. (Сборникъ Русскаго Историч.

Общества, т. XI). 1 нenum. л., 23, 565 и 59 стр.

95. Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Спб. 1873, 4 д., 2 нenum. л., 2 нenum. стр., 160 и 10 стр. и 10 л. снимковъ.

1874 г.

96. Рѣчь о трудахъ по русской исторіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, произнесенная въ чрезвычайномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 25-го ноября 1873 г. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XIII (Спб. 1874), стр. VI—XII.

97. Рецензія на трудъ графа А. С. Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1873 г., Спб. 1874 стр. 57—61.

98. Рецензія на „Причитанія сѣвернаго края, собранія Е. В. Барсывмъ. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные“. Отчетъ о шестнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1874, стр. 191—193.

99. „Женитьба“. Комедія Н. В. Гоголя. Разнорѣчія по черновой рукописи Гоголя. „Русская Старина“ 1874 г., т. IX, стр. 323—338.

1875 г.

100. Рецензія на трудъ В. Е. Румянцева „Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ первый“. Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1875, стр. 60—72.

101. Отзывъ о первомъ письмѣ П. О. Бурачкова къ Ф. К. Бруну о древней географіи Новороссійскаго края. Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общества, 1875 г., т. XI, выпускъ третій, стр. 188—190.

1876 г.

102. Графъ М. А. Корфъ (Биографіа-

черкъ). „Древняя и Новая Рос-
сїа“, т. I, стр. 324—341.

Рецензія на трудъ А. Н. Неу-
строева: „Историческое розысканіе о
повременныхъ изданіяхъ и
рукописяхъ за 1703—1802 гг., библио-
теки и въ хронологическомъ по-
испаніи А. Н. Неустрое-
ва. Отчетъ о восемнадцатомъ при-
казаніи графа Уварова, Спб.
1877 г. 21—30.

1877 г.

О вновь найденномъ пергамен-
номъ Евангеліи (О такъ назы-
ваемомъ Архангельскомъ Евангеліи 1092
года). Сборникъ отдѣл. русск. языка и
исторіи, т. XVII. Спб. 1877, стр.
1—11. И Записки Импер. Акад. Наукъ,
т. VII, кн. I, Спб. 1877, стр. 97—112.
О свадьбѣ императора Петра
II со Екатериною Алексѣевною.
„Древняя и Новая Россія“, 1877 г., томъ
II, стр. 23—324.

Отчетъ въ дѣлахъ 1810 г., пред-
ставленный императору Александру I
Сперанскимъ 11-го февраля 1819 г.
Сборникъ Импер. Русск. Истор.
Общ. Дѣл., т. XXI, Спб. 1877, стр. 447—

1878—1880—1882 гг.

Описание церковно-славянскихъ
рукописныхъ сборниковъ
Петербургской Публичной Библиотеки.
Спб. 1882. 8°. 2 пемум.
I, 538, 2 пемум., 152 и 2 пемум.

Часть выходила первоначально вы-
пускными, изъ которыхъ первый явился
въ 1878 году, второй въ 1880-мъ,
и третий въ 1882 году.

1878 г.

Рецензія на книгу: „Первыя со-
отношенія сношеній между Россією и
Западомъ, 1553—1593. Грамоты, собран-

ныя, переписанныя и изданныя Юріемъ
Голстымъ“. Отчетъ о двадцатомъ при-
казаніи наградъ графа Уварова, Спб.
1878, стр. 529—538.

109. Отчетъ отдѣленія русскаго языка
и словесности за 1877 г., читанный въ
торжественномъ собраніи Академіи 29-го
декабря 1877 г. (Здѣсь помѣщенъ очеркъ
дѣятельности академика А. В. Никит-
тенко). Сборникъ отдѣл. русск. языка
и словесности, т. XVIII, Спб. 1878, стр.
XVI—LXVI, и Записки Импер. Академіи
наукъ, т. XXXI, кн. I, Спб. 1878, стр.
31—72.

1879 г.

110. Новгородскія лѣтописи (Такъ
названныя новгородская вторая и нов-
городская третья лѣтописи). Спб. 1879,
8°, XXIV, 488, 113 и 1 пемум. стр.

111. Описание документовъ и дѣлъ,
хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Пра-
вительствующаго Синода. Томъ II, часть
первая. 1722 г. Спб. 1879. 8°.

А. О. Бычковымъ составлены опи-
санія дѣлъ съ № 1 по № 19 и съ № 114
по № 281; приложенія съ № I по № XV
и съ № XVII по № XXXII.—Остальная
часть тома была редактирована И. И.
Верховскимъ, В. В. Никольскимъ
и Н. И. Григоровичемъ.

112. Библиографическій списокъ сочи-
неній и изданій академика И. И. Срез-
невскаго. Спб. 1879. 4°. (Вошелъ въ
приложенія къ отчету II отдѣленія Ака-
деміи Наукъ за 1880 годъ. См. ниже
№ 116).

113. Воспоминаніе о С. М. Соло-
вьевѣ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи
Общаго собранія Академіи Наукъ 2-го
ноября 1879 г. Записки Импер. Академіи
Наукъ, т. XXXVI, кн. I, Спб. 1880,
стр. 225—228.

114. Матеріалы, напечатанные въ
изданіи „Годы ученія Его Император-
скаго Высочества Наслѣдника Цесаре-
вича Александра Николаевича“ (томъ I,
Спб. 1880) (= Сборнику Импер. Русск.

Историч. Общества, томъ XXX, Спб. 1881): „О законахъ. Бесѣды графа М. М. Сперанскаго съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, съ 12-го октября 1835 г. по 10-е апрѣля 1837 г. (стр. 332—491); 2. Письмо В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, 1828 года, съ поднесеніемъ картины, изображающей Св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ отроческомъ возрастѣ (тамъ-же, стр. 167—168); 3. Обзорѣніе окончательнаго курса наукъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 1832 (тамъ-же, стр. 51—59).

1881 г.

115. Отзывъ о „Русско-нищенскомъ словарѣ“ о. Сценуро. Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности, т. XXI, Спб. 1881, стр. XXXIII—XXXIV, и Зап. Импер. Акад. Наукъ, т. XXXVII, кн. II, стр. 198—199.

116. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1880 г. (Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности академика И. И. Срезневскаго и библиографическій списокъ его трудовъ). Сборникъ отдѣл. русскаго языка и словесности, т. XXII, № 6, 126 стр., и Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXXVIII, кн. II, стр. 87—212.

117. Предисловіе къ изданію Импер. Общества любителей древней письменности „Заставки и миниатюры Четвероевангелія 1507 года“. (Спб. 1880—1881). 4°. (Предисловіе на стр. 1—8).

1882 г.

118. Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакцію академика А. Ѳ. Вычкова. Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и словесн.,

томъ XXIX, № 4, 1 нenum. л., 531 стр. и 1 нenum. стр., и Записки Академіи Наукъ, т. XLII, кн. I, № 2. На стр. 1—8 помѣщена записка А. Ѳ. Вычкова „О матеріалахъ къ Библиологическому словарю П. М. Строева“, а на стр. 447—531 составленный А. Ѳ. Вычковымъ алфавитный указатель къ Словарю Строева.

1884 г.

119. Воспоминаніе объ А. Е. Викторовѣ. Записки Император. Академіи Наукъ, т. XLVIII, кн. I, Спб. 1884, стр. 96—103 и въ приложеніи къ Отчету о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ, составленному М. И. Сухомлиновымъ (Сборникъ, т. XXXIII, № 1, Спб. 1884) стр. 46—53.

120. Замятка о бывшемъ въ 1797 году въ Гамбургѣ конкурсѣ на сочиненіе оды на французскомъ языкѣ на кончину Императрицы Екатерины II и о медаляхъ, выбитыхъ въ награду авторамъ этихъ одъ. Извѣстія Императ. Русск. Археолог. Общества, т. X, Спб. 1884, ст. 85—87.

121. Замятка о знаменахъ, оружіяхъ и доспѣхахъ, хранившихся въ первой четверти настоящаго столѣтія въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ. Извѣстія Императ. Русск. Археолог. Общества, т. X, ст. 212—216.

122. Опись стѣнописныхъ изображеній (притчей) въ Золотой Палатѣ Государева Дворца, составленная въ 1672 г., и Опись стѣнописныхъ изображеній (притчей) въ Грановитой Палатѣ, составленная въ 1672 году. Въ изданіи „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, по опредѣленію Московской Городской Думы собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина“, ч. I, Москва. 1884, 4°, столбцы 1238—1271.

1885 г.

123. Полное собраніе русскихъ лѣто-

писей. Томъ десятый. VIII. Лѣтописный сборникъ, именуемый патриаршею или Никоновскою Лѣтописью. (Продолженіе). Спб. 1885. 4°, 1 нenum. л., 4 нenum. стр. и 244 стр.

1886 г.

124. Разборъ рукописнаго сочиненія Р. Зотова: „Къ исторіи черниговскаго княжества. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому Синодику и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время“. Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. (Приложеніе къ LIII тому Записокъ И. А. Н., № 4), Спб. 1886, стр. 79—99.

125. Замѣтка о VIII томѣ издаваемыхъ подъ редакцію П. Н. Батюшкова „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“. Сборникъ Отдѣленія Русск. языка и словесности, т. XXXVIII, стр. V—VI, и Записки Академіи Наукъ, т. LII, кн. I, стр. 101—102.

126. Отзывъ о первомъ томѣ Бѣлорускаго Сборника Е. Романова. Сборникъ Отд. Русск. яз. и словесности, т. XL, стр. II—IV, и Записки Академіи Наукъ, т. LIV, Спб. 1887, стр. 119—121.

127. П. А. Лавровскій. (Некрологъ). „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1886, ч. CCXLIV, соврем. лѣтопись, стр. 54—71.

128. Воспоминаніе о графѣ А. С. Уваровѣ. Записки Импер. Русск. Археол. Общества (новая серія), т. II, вып. первый, стр. I—V.

129. Воспоминанія о Н. В. Калачовѣ. Записки Импер. Русск. Археолог. Общества (новая серія), томъ II, вып. первый, Спб. 1886, стр. LXXXV—XC.

1887 г.

130. Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Томъ первый (1688—1701). Спб. 1887. 8°, 1 нenum. л., XXIII, XXXII, 888 и LIII стр. и 2 портрета. Тотъ-же томъ роскошнаго изданія въ

большую 4-ю д. л., 1 нenum. л., XIX, XXIV, 733, 31 и 1 нenum. стр.

131. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Император. Академіи Наукъ за 1886 годъ. Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и слов., т. XLI, № 4, 24 стр., и Записки Академіи Наукъ, т. LV, кн. I, Спб. 1887, стр. 35—58.

1888 г.

132. Путешествіе Евгенія Овѣгина. Вновь открытыя строфы романа А. С. Пушкина. „Русская Старина“ 1888 года, т. LVII, стр. 233—258.

133. Разборъ разсказовъ и очерковъ А. Чехова „Въ сумеркахъ“. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій, Спб. 1888 (Сборникъ Отдѣленія Русскаго яз. и словесности, т. XLVI, № 1, и прилож. № 3 къ LIX тому Записокъ Академіи), стр. 46—53.

1889 г.

134. Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Томъ второй (1702—1703). Спб. 1889. 8°, V, XXIII, 721 и LXII, стр. и 3 снимка.

Тотъ-же томъ роскошнаго изданія, въ большую 4-ю долю л. XX, 594, 33 и 1 нenum. стр.

135. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамьи. Спб. 1889. 4°.

Подъ редакцію А. Ѳ. Бычкова напечатаны первые 12 листовъ (столбцы 1—192). Остальные же 8 листовъ этого тома изданы подъ редакцію К. Н. Бестужева-Рюмина, указатели-же составлены А. П. Барсуковымъ.

1890 г.

136. Отзывъ объ изданной П. Н. Батюшковымъ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“. Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесности, т. LI, стр. VIII—XIII.

Поправки, описки и опечатки.

Къ статьѣ: «М. Т. Каченовскій».

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., июнь).

Аѳинскія письма, о переводѣ которыхъ моимъ отцомъ упоминается въ названной статьѣ (стр. 687), написаны не современнымъ писателемъ Бартеlemi де-Сентъ-Илеромъ, а писателемъ прошлаго столѣтїя — Бернарденомъ де-Сентъ-Шьеръ.

1-го іюля 1890 г.
Москва.

В. М. Каченовскій.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., августъ).

Въ сообщенной мною статьѣ: „А. А. Андрю“, на стран. 393 и 397, стихотв. И. И. Козлова: „Люби и жизни на разцвѣтѣ“ ошибочно показано неизданымъ—оно напечатано еще въ изд. его стихотвореній 1840 г.

Въ этой же статьѣ, на стран. 391, строка 8 снизу, напечатано: Срединные Деражни вмѣсто: Срединную Деражню; на стран. 395, строка 5-я снизу, напечатано: и вы негрѣшны,—читай: и вы не негрѣшны; на стр. 410 строку 17 снизу слѣд. читать: „Dans un moment de melancholie—черной немочи“.

5-го августа 1890 г.
Варшава.

П. М. Устимовичъ.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., сентябрь).

Въ первой статьѣ воспоминаній Евгенія Скайлера вкралась описка въ фамиліи супруги графа Льва Николаевича Толстого, а именно: на стр. 635, строка 15 снизу, напечатано: графиня Софья Андреевна Толстая, урожденная Борсъ, читай—Берсъ.

В. Т.

ВЫЕ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Спб., Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Вахтіаровъ, А. А. Исторія книги на Руси. Со многими рисун-
ки въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1890 г., д., стр. 277.

1 р. 50 к.

Воспоминанія Теобальда. Часть V. Воспоминанія общія (напе-
чаты въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи).
Вильна, 1890 г., 8 д., стр. 143.

Викторовъ, А. Е. Описи рукописныхъ собраній въ книгохрани-
лищахъ Сѣверной Россіи. Изданіе Археологической комиссіи. Спб.,
1890 г., б. 8 д., стр. 378. Ц. 1 р. 50 к.

Литовско-языческіе очерки. Историческія изслѣдованія Тео-
обальда. Вильна, 1890 г., 8 д., стр. 201.

Никитинъ, В. Н. Несчастные. (По поводу бывшаго тюремнаго
бунта). Спб., 1890 г., 8 д., стр. 54. Ц. 50 к.

**Расходная книга патриаршаго приказа кушаньямъ, подавав-
шаяся патриарху Адриану и разнаго чина лицамъ съ сентября
1698 по августъ 1699 г.** Напечатано подъ редакцію сотрудника
Археологической комиссіи А. А. Титова. Изданіе И. А. Вахрамѣева.
Спб., 1890 г., б. 8 д., стр. 335+22. Ц. 1 р. 50 к.

Ровинскій, Д. Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всеми
надписями въ отпечаткахъ. 1000 фототипій безъ ретуши. Спб., 1890 г.,
д., стр. 125 р.

Романовичъ, П. П. Русская старина въ родной поэзіи. Иллю-
стрированный сборникъ стихотворныхъ образцовъ съ примѣчаніями
и примечаніями. Новгородъ, 1790 г., 4 д., стр. 468 съ рисунками. Ц. 4 р.

Русская Историческая Вибліотека, издаваемая археологическою
комиссіею. Томъ двѣнадцатый. Акты Холмогорской и Устюжской епар-
хий. Часть первая. 1500—1699 гг. Спб., 1890 г., б. 8 д., стр. 740+63.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III. Статьи, диссертациі, лекціи
юридическаго содержанія. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 544. Ц. 2 р.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Изданіе княжны Елены
Горчаковой. Москва, 1890 г., 8 д., стр. 188. Съ портретомъ князя
Д. П. Горчакова.

Энциклопедическій Словарь. Подъ редакціей профессора И. Е.
Шуберта. Томъ 1-й, второй полутомъ, А. Алтай — Арагвай.
Издатели Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ. Спб., 1890 г., 8 д.,
стр. 965. Ц. 3 р.

Изданія Д. А. Ровинскаго.

Азбука 1812 года; Притча о блудномъ сынѣ; Десять сказокъ и Брюсовъ календарь по 5 р.

Русскій гравёръ Чесосовъ. Спб. 1878 г.; въ листъ, съ 17-ю портретами. 17 р.

Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Спб. 1884 г. 8°. 3 р.

Атласъ къ этой книгѣ, съ 33 гравюрами Уткина и его учениковъ. 40 р.

На китайской бумагѣ 60 р.

Одиннадцать гравюръ И. А. Версенева. Спб. 1886 г. 10 р.

Достоверные портреты Московскихъ государей: Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грознаго и посольства ихъ времени. Спб. 1882 г. Въ большой листъ, съ 47-ю рисунками. 25 р.

Отдѣльно изъ этого изданія: посольство Сугорскаго и посольство Колычева, по 10 р.

Виды Соловецкаго монастыря; 51 доска. Спб. 1884 г. 10 р.

Материалы для Русской Иконографіи: портреты, виды, историческія картины, костюмы и карикатуры; шесть томовъ по 40 карточекъ въ каждомъ. Спб. 1884—1886 гг. 120 р.

Печатаются томы VII—XII (последніе). Цѣна за всѣ 6 томовъ 120 руб.

Отдѣльно изъ этого изданія: видъ С.-Петербурга, грав. Пикаромъ, и букварь Каріона Истомина по 10 р.

Апокалипсисъ Прокопія и видъ Заяузы по 5 р.

20 портретовъ изъ Корня 1672 года. 5 р.

Они-же раскрашенные отъ руки 65 р.

Двадцать видовъ изъ Привислянскихъ и Польскихъ губерній, въ большой листъ, гравированы Фреемъ около 1807 года. 13 р.

Подробный словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1886—1889 гг. Четыре тома съ 700 фототипными портретами. 4°. 40 р.

То-же изданіе въ двухъ томахъ безъ портретовъ. 10 р.

Полное собраніе гравюръ Рембрандта, со всеми разницами въ отпечаткахъ, 1000 фототипій безъ ретуши. Одинъ томъ текста, 4°, и Атласъ въ 3 томахъ въ листъ. Спб. 1890 г. 125 р.

То-же изданіе съ двумя Атласами, изъ которыхъ 2-й расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ по Миддлетону. 250 р.

Всѣ вышеназванныя книги и изданія высылаются по заявленіямъ съ наложеннымъ платежомъ немедленно по полученіи требованія.

Софья Ивановна

*Прилож. ко историч журн. „Русская Старина“
1880 г.*

●
Фотомани В. Козлов, С. Мануйлов. Калужские мн. № 7-8.

ПСКОВЪ И ЕГО ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ.

Очеркъ А. С. Князева.

Въ послѣднее десятилѣтіе, любители отечественной исторіи весьма часто обращаются къ Пскову ¹⁾, какъ одному изъ самыхъ древнихъ городовъ въ Россіи, думая найти въ немъ богатый матеріалъ для своихъ ученыхъ изслѣдованій. Точно, почти тысячелѣтнее, полное невзгодъ и славы, существованіе этого прадѣда земли русской, его особенное (вѣчевое) устройство, продолжавшееся не одинъ вѣкъ, его обширныя торговыя связи съ иноземцами, тяжкая борьба съ ними за свое существованіе, частая рознь съ старшимъ братомъ своимъ, великимъ Новгородомъ, его роковое паденіе передъ могуществомъ князей московскихъ,—все это, и многое другое, не могло не оставить въ немъ по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Когда-то ихъ и было много, но что теперь остается въ немъ отъ временъ древнихъ, то далеко не можетъ и чѣ половину удовлетворить ожиданіямъ ученыхъ. Число памятниковъ его прежней жизни, съ теченіемъ времени, отъ разныхъ причинъ, постепенно все болѣе и болѣе сокращалось и продолжаетъ сокращаться.

¹⁾ Въ послѣднее десятилѣтіе были въ Псковѣ, съ цѣлю ознакомиться съ его древностями: Н. И. Костомаровъ, графъ М. В. Толстой, М. И. Сухожлинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. А. Ефремовъ, проф. харьк. университета Г. О. Карповъ, М. П. Погодинъ, В. А. Прохоровъ, М. И. Семевскій, проф. варш. универс. А. И. Никитскій, Д. И. Прозоровскій и многіе другіе. Былъ ученый французъ Gr. S. de Macrijeanu, Administrateur du journal «La Mappemonde illustrée».

А. С. К.

I.

Шестьдесятъ лѣтъ нашего личнаго знакомства съ Псковомъ—большое время, въ сравненіи съ его многолѣтнею жизнью, а сколько въ продолженіи и этихъ лѣтъ, убыло въ немъ предметовъ, замѣчательныхъ по своей древности! Многое, если не погибло совершенно, потеряло первобытный видъ свой и лишилось своего археологическаго значенія. Религіозные памятники болѣе другихъ защищены отъ разрушенія своимъ внутреннимъ достоинствомъ, но и они не свободны отъ него. И ихъ число все болѣе и болѣе сокращается. На наши глаза не стало во Псковѣ церквей: Николаевской на проломѣ Златоустовской Медвѣдскаго монастыря, близъ нынѣшняго костела Воскресенской, на Великолуцкой улицѣ, Стефановской, бывшаго монастыря этого имени, за Іоанно-Предтеченскимъ женскимъ монастыремъ, на Завеличѣ, такъ что изъ 300 церквей, бывшихъ въ Псковѣ во время осады его Баторіемъ, въ 1581 г. ¹⁾, теперь остается и 40.

Немного остается и слѣдовъ, гдѣ какая церковь существовала. И какіе слѣды?—кучи щебня, поросшаго дикою травою, фундаменты, сравнявшіеся съ землею, нижніе, почти разрушившіеся своды, видѣ подземелій, заваленные мусоромъ, куда проникнуть невозможно. О существованіи болѣе части церквей въ Псковѣ мы теперь знаемъ только изъ лѣтописей, а гдѣ именно существовала та или другая церковь—и при помощи лѣтописей съ достовѣрностью сказать не можемъ. Самыя историческія мѣстности псковскія уже не всѣ сохранили для насъ свой прежній естественный видъ. Напр., мѣстность бывшаго Климентовскаго монастыря, на Завеличѣ (нынѣ приходская церковь), въ 1840-хъ годахъ, на значительное углубленіе вынута, составлявшій ее плитнякъ употребленъ на постройку общественной бань.

Изъ древнихъ псковскихъ церквей остаются нынѣ въ цѣломъ на Завеличѣ—Мирожскій монастырь, древнѣйшій изъ всѣхъ священнѣйшихъ памятниковъ псковскихъ (XII в.), замѣчательный по сохранившимся его основанію фрескамъ, виднымъ на стѣнахъ главнаго храма его; Успенская церковь въ Бутырской Слободѣ, Климентовская—бывшаго монастыря, разрушеннаго Густавомъ Адольфомъ въ XVII в., Каменно-градская Николаевская, Пароменская Успенская.

¹⁾ Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, изъ русскаго переводѣ. Псковъ, 1882 г., стр. 91.

я, Иоанно-Предтеченскій женскій монастырь, древнѣйшій по Псковскомъ (XIII в.), Мирососицкая кладбищенская, выстроенная въ томъ мѣстѣ за городомъ, гдѣ погребались несчастныя жертвы чумной болѣзни, иначе чумы, неоднократно поражавшей Псковъ, гдѣ теперь замѣтны общія могилы, уже обваливающіяся. Совершаемая въ Мирососицкомъ кладбищѣ, въ настоящее время, однажды въ годъ, называется, соборная панихида, по всей вѣроятности, ведетъ свое начало отъ тѣхъ поминувеній, которыя совершались здѣсь надъ цѣлыми могилами во время черной болѣзни, когда погребались въ одной могилѣ нѣсколько человекъ, по недостатку времени погребать каждаго отдѣльно. На Запсковьѣ: Варлаамская, Воскресенская, Разская, Ильинская, бывш. Общинская, Космо-Даміановская, Боголюбская, Космо-Даміановская другая, бывшая нѣкогда монастырскою, Иоанно-Богословская, Мишаринская, Царя-Константиновская. Въ главнѣйшей части города: Петропавловская, Михаило-Архангельская, Покровская отъ торга, Николаевская отъ торга, бывш. единовѣрческая, Сергіевская, Анастасіевская, Васильевская на горкѣ, Николаевская на усохи, Одигитріевская на Печерскомъ подворьѣ, Спасская, Ново-Вознесенская, Старо-Вознесенская женскаго монастыря, Георгіевская на взвоза, Иоакимо-Аннинская, Покровская на Проломѣ, Никитская на поля, Алексѣевская, Дмитріевская кладбищенская.

Всѣ остальные церкви псковскія — позднѣйшаго происхожденія. Изъ всѣхъ изъ нихъ Троицкій кафедральный соборъ, но и онъ перестроенъ постройкою въ концѣ XVII ст., а оконченъ въ началѣ XVIII вѣка.

Изъ показанныхъ нами псковскихъ древнихъ церквей, кромѣ Мирососицкаго, Старо-Вознесенскаго и Иоанно-Предтеченскаго монастырей, приписаны къ другимъ церквамъ, 3 составляютъ подворья загонныхъ монастырей, 2 состоятъ въ завѣдываніи учебныхъ заведеній, одна передана православнымъ латышамъ, переселившимся въ Псковскую губернію.

Всѣ эти церкви, приходскія и приписныя, въ настоящее время держиваются хорошо. Почти всѣ онѣ, въ недавнее время, возобновлены. Нѣкоторыя даже очень богато, напр. Николаевская съ усохи, Сергіевская со взвоза, Сергіевская. и др. Но при этомъ, конечно, обошлось безъ замѣтнаго ущерба для археологіи. Одно устранено, другое уже отжившее свой вѣкъ, совершенно обветшавшее, другое перешло въ руки художника, не умѣвшаго сохранить его древній характеръ, третье испытало на себѣ вліяніе предубѣжденія ко всему старому. Впрочемъ, въ общемъ псковскія древнія церкви еще много представляютъ любопытнаго для умѣющихъ понимать и цѣнить родную

старину, особенно чтить священные памятники благочестія предковъ нашихъ. Можно находить, въ немаломъ количествѣ, и старинныя богослужебныя книги, и древнія иконы, и такіе-же предметы, относящіеся къ священнодѣйствию православной церкви. Въ нѣкоторыхъ церквахъ хранятся иконы и другія священные вещи, принадлежавшія церквамъ, которыхъ теперь въ Псковѣ и слѣдствъ нѣтъ. Есть разнаго рода предметы, принесенные въ даръ когда-то той или другой церкви царственными и другими лицами. Что-же касается до древняго церковнаго зодчества, то каждая изъ церквей псковскихъ, выше нами указанныхъ, можетъ служить образцомъ его, хоть и не во всемъ совершеннымъ, въ художественномъ отношеніи.

II.

Памятники древней гражданской жизни города Пскова скорѣе исчезли, чѣмъ церковные. Это и естественно. Гражданская жизнь вообще не такъ устойчива, какъ церковная. Она удобнѣе подчиняется и произволу, и требованію времени.

Мы застали въ Псковѣ изъ древнихъ гражданскихъ построекъ: Владычнія палаты, Тіунскія палаты, намѣстничій домъ, на торговой площади, дома купцовъ Трубинскихъ, одинъ на Запсковѣ, а другой въ главномъ городѣ, домъ Пузырева и домъ купцовъ Постниковыхъ, состоящій въ военномъ вѣдомствѣ, на Запсковѣ, Поганкины палаты, домъ, бывшій купца Драве, и домъ купца Порозова, близъ нынѣшняго дома дворянскаго собранія. Больше мы уже не нашли ничего въ этомъ родѣ зданій. Въ настоящее-же время, нѣтъ бѣльшей части и того, что мы застали. Тіунская палата, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, сама собою обрушилась. На ея мѣстѣ теперь новый домъ, принадлежащій архіерейскому дому. Домъ намѣстничій, въ 1850-хъ годахъ, разломанъ. На его мѣстѣ выстроены мясныя лавки. Домъ Трубинскихъ, находящійся въ главномъ городѣ, въ 1856 г. сгорѣлъ, съ немалымъ числомъ всякихъ рѣдкостей, наследственно въ немъ сохранявшихся. Флигель этого дома существуетъ, хотя въ новомъ видѣ, но главный домъ, и пожаромъ, и временемъ, когда онъ находился безъ всякаго попеченія, дошелъ до того, что изъ него могъ быть выстроенъ только простой сарай. Домъ другихъ Трубинскихъ, домъ Постниковыхъ и домъ Пузырева, на Запсковѣ, приняли уже другой видъ противъ прежняго. Остаются, въ прежнемъ видѣ, дома: Порозова, Драве и Поганкины палаты, и то, кажется, потому, что послѣднія находятся въ провіантскомъ вѣдомствѣ, а первые, въ 1837 г.,

повелѣно сохранять самимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, во время посѣщенія имъ Пскова. Дома эти, дѣйстви-тельно, заслуживаютъ полнаго вниманія любителей отечественной древности. Въ 1861 г., покойный историкъ нашъ Николай Ивано-вичъ Костомаровъ съ восхищеніемъ изучалъ ихъ во всѣхъ подроб-ностяхъ. «Если-бы, говорилъ онъ, осматривая домъ Драве,—я имѣлъ средства, то непременно купилъ-бы его себѣ, и какъ онъ есть, такъ-бы и жилъ въ немъ, воскрешая въ своемъ представленіи глубокую старину псковскую». Жаль, что оба дома, Драве и Порозова, хоть и не терпятъ какого-либо насильственного разрушенія, но и не поль-зуются приличною имъ поддержкою. Первый нынѣ служитъ мѣстомъ для склада льна. Нужно думать, что, при такомъ положеніи, недолго и они просуществовать.

Мало осталось нынѣ въ Псковѣ не только цѣлыхъ древнихъ зда-ній гражданской архитектуры, но и развалинъ ихъ, даже какихъ-бы то ни было слѣдовъ, по которымъ можно было-бы судить о существо-ваніи ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Близъ Порозова дома и По-ганкиныхъ палатъ, существуютъ, застроенныя кругомъ, значительныя развалины какого-то виднаго, въ свое время, дома, но кому онъ при-надлежалъ—неизвѣстно. Въ указателѣ нашемъ древностей псковскихъ, изданномъ въ 1858 г., сказано, что въ этомъ домѣ, во время само-званства, нѣсколько дней жила Марина Мнишекъ. Сказано это, въ первый разъ, печатно, на основаніи только словъ жены псковскаго купца Ладыгина, послѣдней отрасли стариннаго псковскаго купече-скаго дома Постниковыхъ, которая сообщила намъ, что въ ихъ фа-миліи хранилась древняя рукописная лѣтопись, уже въ то время затерянная, гдѣ означенное обстоятельство было записано. Эту лѣ-топись, по ея увѣренію, она сама читала. Невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи ничего нѣтъ. Псковъ былъ вотчиною Марины. Она могла быть въ Псковѣ уже по этому одному. Еще большее побужденіе она имѣла прибыть въ Псковъ послѣ того, какъ счастье ей измѣнило и самозванецъ былъ свергнутъ съ престола. Всего скорѣе, она могла надѣяться найти сочувствіе къ себѣ и своимъ затѣямъ въ томъ городѣ, который ей лично принадлежалъ. Не даромъ въ Псковѣ, одновременно съ воровъ тушинскимъ, явился свой самозванецъ. Все это могло быть, но было-ли дѣйствительно—утверждать нельзя, на основаніи показаній одного частнаго лица, которыхъ и провѣрить нечѣмъ. Ни въ одной лѣтописи, извѣстной ученому міру, не говорится о томъ, что Марина Мнишекъ была когда-нибудь въ Псковѣ. И въ Псковѣ, кромѣ указаннаго свидѣтельства, мы ничего не слышали объ этомъ, равно какъ и о томъ, чтобы Мнишекъ имѣла въ Псковѣ собственный дво-рецъ. Недавно, въ одномъ иллюстрированномъ изданіи былъ помѣщенъ

видъ тѣхъ развалинъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, подъ именемъ развалинъ дворца Марины Мнишекъ, съ такимъ подробнымъ описаніемъ его, какъ будто-бы авторъ имѣлъ передъ глазами самыя точныя и положительныя свѣдѣнія о немъ. Не повнимаемъ, откуда онъ могъ заимствовать такія свѣдѣнія.

Указываютъ еще на Завеличѣхъ развалины, которыя будто-бы составляютъ остатокъ какого-то зданія, принадлежавшаго нѣкогда Ганзейскому союзу. Но и это не болѣе, какъ догадка, основанная на томъ, что на Завеличѣхъ существовали, въ свое время, ганзейскія конторы; письменныхъ-же и даже устныхъ преданій о томъ, что упомянутыя развалины составляютъ остатокъ какого-либо зданія, принадлежавшаго нѣкогда Ганзѣ, никакихъ нѣтъ. Въ Псковѣ немногіе теперь знаютъ и то, что такое Ганза или Ганзейскій союзъ. Въ другихъ историческихъ городахъ есть предметы, названія которыхъ напоминаютъ о томъ или другомъ, важномъ въ ихъ исторіи, событіи, лицѣ, мѣстѣ. Въ Новгородѣ, напр., знаютъ, гдѣ былъ домъ Марыи Посадницы. Есть въ немъ улица Прусская, указывающая на существованіе въ немъ пришельцевъ изъ-за Варяжскаго моря, и т. п. Въ Кіевѣ слышатся названія: Крещатики, Аскольдова могила, Щековица, Хоревца, и т. п. Въ Псковѣ-же почти ничего такого нѣтъ, кромѣ немногихъ названій, соединенныхъ съ именемъ св. Ольги, напримѣръ, Ольгина часовня, Ольгинъ крестъ, и названія стѣны и мѣстности, съ южной стороны Кремля, Довмонтовскими. Гдѣ жилъ въ Псковѣ тотъ или другой его посадникъ, даже гдѣ именно было знаменитое вѣче его, объ этомъ и намекъ нѣтъ въ Псковѣ. Объ этомъ гадаютъ только ученые. Нельзя и удивляться этому. Предки псковитянъ послѣднихъ столѣтій жили не въ Псковѣ; исторія Пскова для нихъ была чужая; ихъ потомки, сдѣлавшіеся пришлымъ населеніемъ псковскимъ, не могли получить отъ нихъ живыхъ преданій о жизни древняго Пскова. Извѣстно, что Псковъ, вслѣдствіе вымиранія его жителей отъ черной болѣзни и другихъ причинъ, неоднократно заселяемъ былъ жителями другихъ городовъ. Болѣе 300 семействъ высшаго класса было выселено изъ него въ Москву, по уничтоженіи вѣча его. Не въ этомъ-ли скрывается причина и того, что псковитяне не особенно дорожатъ своими древностями, о которыхъ больше знаютъ внѣ Пскова, чѣмъ въ самомъ Псковѣ. Замѣчательно, что даже чудотворныя иконы древняго Пскова, въ свое время славныя, въ позднѣйшее время, потеряли прежнее уваженіе, напр., иконы Псковской Богоматери, Знаменія и др. Первая ¹⁾ находится въ соборѣ; 16-го іюля съ нею совершается

¹⁾ Отысканная кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, въ бытность его Псковскимъ архипастыремъ. Онъ же учредилъ и означенное празднество въ честь ея.

ный ходъ вокругъ собора. Вторая находится въ Мирожскомъ стѣнѣ.

III.

амую важную гражданскую древность въ г. Псковѣ составляютъ его каменные стѣны. Прежде ихъ было больше. Прежде всего были стѣнами Кремль, въ которомъ въ началѣ заключался городъ. Съ расширеніемъ его, каждая значительная часть его была стѣнами, изъ опасенія непріятельскихъ нападений, которыя, пограничному положенію, въ былое время, повторялись весьма часто со стороны Ливоніи, то со стороны Литвы. Да и свои не щадили его. Старшій братъ его, Новгородъ, частенько беспокоилъ его. Такимъ образомъ, кромѣ стѣнъ кремлевскихъ, образовались въ немъ стѣны: довмонтовскія, среднія и — вокругъ всего города — окольнія. Довмонтовскихъ укрѣпленій остается теперь только одна западная стѣна, входящая въ составъ стѣны вокругъ всего города. Средняя стѣна также почти вся уничтожена. Осталась небольшая часть стѣны, лишь съ южной стороны духовной семинаріи. Въ одномъ мѣстѣ видны и малыя развалины ея. Такимъ образомъ, остаются только стѣны кремлевскія, да окольнія. И эти стѣны потеряли уже свой прежній видъ и свою прочность. Остаются въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ безъ всякой поддержки, стоявая, въ долгое время своего существованія, разными приспособленіями къ нуждамъ общественнымъ и частныхъ лицъ, кои близъ нихъ жили, онѣ, естественно, должны были придти въ упадокъ. Городъ не имѣлъ средствъ поправлять ихъ, да не видѣлъ и нужды въ томъ. Враги его покоя не нарушаютъ. А если-бы какой врагъ и оселся на него, то онѣ защитить его не могутъ отъ него. Стратегическаго значенія онѣ теперь не имѣютъ. Дороги, однако-жъ, онѣ показываютъ ему, по своей древности и поучительной исторіи. Онѣ живо напоминаютъ ему, указывая на свои язвы, врагами причиненныя, стоила Пскову борьба его съ врагами. Случалось, что ему и мало помогали въ этой борьбѣ, и только одна помощь Божія спасла его отъ бѣды. Въ память этого, издавна совершаются, довольно часто, крестные ходы съ чудотворными иконами и по городу, и въ окрестности его, во время которыхъ то возносятся Господу благодар-

которые, однакожъ, сомнѣваются въ томъ, точно-ли эта икона та самая, о которой упоминается въ псковскихъ лѣтописяхъ.

А. Б.

ственные моленія за спасеніе отъ враговъ, то творятся поминовенія воиновъ, положившихъ животъ свой за родную страну. Какъ много поучительнаго, особенно въ эти минуты, представляютъ намъ стѣны псковскія, свидѣтели и бѣды страшныхъ, висѣвшихъ надъ городомъ, и Божіей милости къ нему, и лютои враговъ, и самоотверженія защитниковъ святой вѣры и родной земли!.. И вотъ, покойный государь императоръ Николай Павловичъ, какъ ревнитель благочестія христіанскаго и отечественной славы, бывши проездомъ въ Псковъ, въ 1837 г., и обративъ на нихъ высочайшее вниманіе, изъявилъ волю свою на поддержаніе ихъ отъ казны. Вслѣдствіе этого, бывший военный губернаторъ г. Пскова и псковскій гражданскій губернаторъ, генералъ-майоръ Бартоломей, самъ очень любившій древности, немедленно по прибытіи своемъ во Псковъ, приступилъ къ осуществленію этой высочайшей воли. По его представленію, и послѣдовавшему затѣмъ высочайшему повелѣнію, сообщенному отъ 27-го апрѣля 1842 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1843—1844 гг., произведено было, прежде всего, исправленіе болѣе уцѣлѣвшей южной стѣны нынѣшняго пригорода Изборска, съ главными вѣздными воротами въ крѣпость, и устроена новая каменная колокольня при соборной Николаевской церкви, такъ какъ колокола этой церкви, до сего времени, висѣли на прилежавшей къ ней крѣпостной башнѣ, пришедшей въ крайнюю ветхость. Работы эти производились, по подряду, однимъ изъ псковскихъ купцовъ на сумму — за стѣны 4,530 р. 36 к., а за новую колокольню 2,569 р. 64 к. Первая отпущена была изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а вторая — изъ строительнаго капитала духовнаго вѣдомства, состоящаго въ распоряженіи св. синода. Но работы эти произведены были и вопреки правиламъ, для сего существующимъ: старыя стѣны уничтожались, а возводились новыя, и крайне не прочно, такъ что въ 1866 г. исправленное уже угрожало паденіемъ, и потребовало, со стороны начальства, неотложныхъ мѣръ для устраненія несчастныхъ случаевъ, могущихъ послѣдовать при этомъ. Постройка производилась не какъ полагалось по смѣтѣ, а какъ выгоднѣе было для подрядчика. Изъ цѣльныхъ плитъ дѣлали только облицовки, вся-же внутренняя часть стѣнъ задѣлывалась щебнемъ, заливаемымъ известковымъ растворомъ. Изборскіе священнослужители, заинтересованные особенно постройкою колокольни, своевременно заявляли о непрочности работъ, но назначенные, вслѣдствіе сего, для освидѣтельствованія доброкачественности ихъ, техники почему-то сочли заявленіе несправедливымъ. На новыя исправленія по смѣтѣ потребовалось 4,342 р. 90 к.

Въ исполненіе той-же высочайшей воли, изъясненной въ пред-

женіи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го апрѣля 1842 г., въ ковской строительной комиссіи начато было дѣло и о возобновленіи псковскаго Кремля, съ его стѣнами, и прочихъ городскихъ стѣнъ. Прежде всего, сдѣлано было распоряженіе о доставленіи въ комиссію подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи кремлевскихъ и другихъ стѣнъ, о составленіи проекта и смѣты на предполагаемаго исправленія. Опись стѣнъ составлялъ губернский архитекторъ, проектъ и смѣту—гражданскій инженеръ, подполковникъ, по личному порученію главноуправляющаго путями сообщенія и публичныхъ зданій, графа Клейнмихеля. Но исполненіе этихъ порученій проходило не слишкомъ поспѣшно. Проектъ представленъ комиссіи 6 го октября 1844 г., а опись стѣнъ уже 1-го ноября 1846 г. Едва-ли она, составленіи проекта и смѣты, и нужна была. Затѣмъ, проектъ и смѣта персылались множество разъ то въ Петербургъ, для утвержденія, изъ Петербурга въ комиссію, для измѣненій, призванныхъ тамъ необходимыми. Наконецъ, выработанные такимъ образомъ проектъ и смѣта, въ 1851 г., были высочайше утверждены. По этому проекту, исправленіе Кремля и стѣнъ псковскихъ, назначалось 52,700 р. Для пополненія этого расхода высочайше повелѣно было требовать отъ государственнаго казначейства, начиная съ 1851 г., въ первые четыре года, по 10,000, а въ пятый—12,700 р. Запасшись такими средствами, комиссія и приступила къ выполненію высочайшей воли; означала нѣсколько разъ торги и переторжки, но на нихъ никто не явился. Пока шла переписка по этому дѣлу, пока составлялись нѣсколько разъ передѣлывались проектъ и смѣта, на исправленіе стѣнъ, послѣднія все болѣе и болѣе ветшали и обнаруживали на себѣ новыя порчи, требовавшія для исправленія новыхъ расходовъ, цѣны-же на всѣ матеріалы и на рабочихъ быстро увеличивались. Въ то время проводилась мимо Пскова варшавская желѣзная дорога. Смѣтное назначеніе суммы, сдѣланное за нѣсколько лѣтъ раньше, стало недостаточнымъ для предполагаемой работы. Увеличить ее высшее начальство затруднялось, и потому, во избежаніе лишнихъ расходовъ, комиссія теперь положила исправить Кремль лишь переднюю, южную сторону его, съ прилегающею къ нему угловою береговою башнею, а исправленіе стѣнъ кругомъ города ограничить исправленіемъ только стѣны, идущей по берегу Великой, отъ собора до Покровской башни. Положено эти работы произвести въ два приѣма: сперва возобновить Кремль, а потомъ уже городскую стѣну. 14-го ноября 1857 г. это предположеніе было высочайше утверждено, съ отпускомъ на возобновленіе собственно Кремля 19,257 р. Но сколько разъ ни назначали торги, по этому распо-

ряженію, на нихъ никто не являлся, считая означенную сумму недостаточною для своей цѣли. Началась переписка объ увеличеніи ея. Она и увеличивалась понемногу: отъ 20-го апрѣля 1860 г. послѣдовало разрѣшеніе главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій увеличить ее до 22,312 р. 87³/₄ к., отъ 14-го декабря того-же года — до 27,605 р., причѣмъ вмѣнялось въ обязанность стараться о пониженіи на торгахъ послѣдняго отпуску до 25,000 р. Ни послѣ одной, однако-же, такой прибавки никто на торги не являлся. Позволено было изъ назначенныхъ 27,000 р. на торгахъ поступиться на 26,000, вмѣсто 25,000. Никто не явился, и послѣ этого, на торги, нѣсколько разъ назначаемые. Едва-едва три промышленника рѣшились взять на себя производство работъ за означенную цѣну, безъ торговъ. Одному изъ нихъ онѣ и были переданы. И при этомъ вышла путаница. Предоставлены были работы, по возобновленію Кремля, псковскому 1-й гильдіа купцу Боровскому—еврею; Боровскій передалъ ихъ рѣжницкому купцу Алейникову, но Алейниковъ скоро умеръ; отъ него работы перешли къ залогодателю его, динабургскому купцу Богданову. Производились онѣ съ 1862 по 1865 г.

Какъ-же произведены? Мы не касаемся здѣсь качества самой работы, а хотимъ только указать на ея соотвѣтствіе требованію правилъ относительно поддержанія древнихъ памятниковъ русскихъ. Въздныя ворота Кремлевскія, съ существовавшимъ на нихъ жилымъ помѣщеніемъ, гдѣ, по преданію, когда-то въ тиши служилъ Богу одинъ изъ подвижниковъ псковскихъ, были сломаны, и вмѣсто нихъ, по образцу прежнихъ, выстроены ворота новыя, съ новымъ на нихъ жилымъ помѣщеніемъ, въ которомъ теперь никто не живетъ. Вся лицевая сторона стѣны, обращенной къ Довмонтовой площади, отъ воротъ до угловой береговой башни, до основанія скрыта, и на новомъ фундаментѣ придѣлана новая плитная облицовка, въ нѣсколько наклонномъ положеніи къ задней части стѣны, поддерживаемая контрфорсами. Стѣна значительно поднята выше противъ той высоты, какую она имѣла до исправленія, и на ней устроены зубцы, такіе-ли, какіе были когда-то на ней прежде, неизвѣстно. Угловая башня передѣлана по новому проекту, и ей данъ видъ другой противъ прежняго. Такъ-ли поддерживаются древности? Конечно, въ этомъ случаѣ, виновать не подрядчикъ, а тѣ, кои проектировали работы и руководили ихъ производителей.

Послѣ возобновленія кремлевской стѣны, приступлено было къ исправленію крѣпостной стѣны, по берегу рѣки Великой, отъ каедед-ральнаго собора до Покровской башни, согласно указанному выше предположенію. Прежде всего, начальникъ губерніи, графъ К. И. Па-

сдѣлалъ распоряженіе, въ 1865 году, относительно составленія сметы на возобновленіе стѣны. Сметою назначено на это возобновленіе 16,722 р. 36 к. Затѣмъ, губернаторъ, отъ 10 ноября того года, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ утвердить этотъ расходъ, съ отнесеніемъ расхода означенной суммы на счетъ остатка ассигнованной на возобновленіе псковскихъ стѣнъ, въ суммѣ 52,700 р. На это представленіе министръ отвѣтилъ предположеніе хорошо, но на указанный источникъ на покрытие по этому предположенію рассчитывать нельзя, по нѣмъ ему обстоятельствамъ. При этихъ обстоятельствахъ, онъ не могъ бы полезнымъ войти въ ближайшее соображеніе о томъ, удастся-ли нѣкоторыя изъ частей крѣпостной стѣны совсѣмъ реставрировать, ограничившись оставленіемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ имѣть наиболѣе важными въ археологическомъ отношеніи. Губернаторъ отвѣтилъ министру, что этого сдѣлать нельзя, какъ по важности археологическаго значенія стѣны, такъ и потому, что императоръ Николай Павловичъ, выражая волю свою о поддержаніи древнихъ стѣнъ, имѣлъ въ виду всѣ стѣны, въ полномъ ихъ составѣ, какую-либо часть изъ нихъ, въ какомъ смыслѣ первоначально она была составлена сметы въ 52,700 р., утвержденная его величествомъ. И потому просилъ у министра скорѣйшаго утвержденія представленнаго проекта и исходатайствованія потребной на этотъ расходъ суммы. Министръ уважилъ представленіе губернатора. По его распоряженію, императоръ Александръ II, согласно съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 23 мая 1866 г. высочайше повелѣть изволилъ: допустить къ кредиту, ассигнованному по 16 § сметы расходовъ министерства на 1866 годъ, отпустить изъ государственнаго казначейства, на счетъ кредита, ассигнованнаго по государственной росписи на 1866 г., на чрезвычайныя по государству издержки, 16,722 р. 36 к. на исправленіе древнихъ каменныхъ стѣнъ города Пскова, съ тѣмъ, чтобы могущіе быть отъ этой суммы остатки были возвращены въ государственное казначейство.

Въ исполненіе таковой высочайшей воли, на 27 число октября 1866 г. назначены были торги, а черезъ три дня—переторжка, но на торги не явился. Поэтому день переторжки, 1 ноября, назначенъ на торги. И на этотъ торгъ явился только 1-й гильдія купецъ Манасевичъ, который заявилъ, что онъ принимаетъ на себя работы за 14,800 р. Несмотря, однако-жь, на такую уступку, предложенной суммы, губернаторъ графъ Паленъ не согласился ставить Манасевичу работы. Онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 31 декабря 1866 г., что находить невыгоднымъ для

казны исполненіе настоящей операціи способомъ подряднымъ, что, по его замѣчанію, всё вообще казенныя постройки по подрядамъ крайне не добросовѣстны. И потому просилъ министра о разрѣшеніи исправленіе стѣнъ произвести хозяйственнымъ способомъ. Отъ 11 мая, 1867 г., министръ изъявилъ свое согласіе на это.

Послѣ этого, оставалось только ждать отпуска денегъ на производство работъ. Прежній кредитъ закрывался. Уладилось и это дѣло. Министръ увѣдомилъ губернатора, что государь, 3-го числа іюля, согласно съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, повелѣть соизволилъ: дѣйствіе кредита, ассигнованнаго, въ числѣ прочихъ суммъ, по 16 § смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, на 1866 г., для удовлетворенія расходовъ по исправленію псковской крѣпостной стѣны, 16,722 р. 36 к., продолжить на два смѣтныхъ періода, т. е. по 30 іюня 1868 г.

Обезпечивъ себя средствами къ производству предположенныхъ работъ, губернаторъ назначилъ для надзора за ходомъ и правильностью послѣднихъ комиссію изъ техниковъ, членовъ городского общества и дѣлопроизводителя. Прежде всего, комиссія поручила архитектору узнать что можно исправить въ стѣнахъ и чего нельзя, и что найдется неисправимаго и опаснаго отъ паденія, то сломать. Вслѣдствіе такого распоряженія, по донесенію архитектора, сломано: близъ Власьевскихъ воротъ — куб. с. 1,5, между Власьевскими воротами и Плоскими — к. с. 0,45, въ Плоскихъ воротахъ — к. с. 1,87, между Плоскими воротами и Печерскимъ подворьемъ — к. с. 1,1, у Покровской церкви — к. с. 0,6, у Пролома — к. с. 0,67, отъ Пролома до Великихъ воротъ — к. с. 1,75, отъ Великихъ воротъ до костела — к. с. 1,5, отъ костела до Петровскихъ воротъ — к. с. 4,15, въ Сергіевскихъ воротахъ — к. с. 2,85, въ Петровскихъ воротахъ — к. с. 6,3, отъ Петровскихъ воротъ до р. Псковы — к. с. 5,75, на Запсковьѣ к. с. 8,75.

Въ то-же время комиссія озаботилась приготовленіемъ необходимаго матеріала для поправки того, что можно было поправить и поддерживать отъ дальнѣйшаго распада. Городскому головѣ поручила отыскать мѣста для ломки плиты, которой по смѣтѣ требовалось 484 куб. саж., и сбора булыжнаго камня, въ количествѣ 83 куб. саж. Для ломки плиты голова указалъ за южною городскою стѣною площадъ, почти у самаго Пролома, а для добыванія булыжнаго камня — низменные берега рр. Великой и Черёхи, у Пантелеймонова монастыря, въ 7 верстахъ отъ города.

Неправильность исправленія стѣнъ изборскихъ и кремлевскихъ во Псковѣ, на которую обратили вниманіе многіе не только въ

Псковъ, но и на сторонѣ, даже въ Петербургѣ, должна была быть комиссію отнестись къ своему дѣлу съ большею обдуман- во избѣжаніе нареканий. Поэтому одно лицо, призванное комиссію, 3 августа 1867 г., для совѣщанія, какъ лучше повести предложило ей обратиться за указаніемъ въ императорское археологическое общество. Комиссія приняла это предложеніе, и она постановила, для болѣе правильнаго испразненія стѣнъ, по волѣ государя императора, просить императорское археологическое общество, сообщить комиссіи свои соображенія по сему предмету такъ какъ оно, по своему спеціальному характеру и при наличности имѣющихся въ его распоряженіи матеріаловъ и свѣдѣній, можетъ дать наилучшія, въ данномъ случаѣ, указанія. Вслѣдствіе этого комиссія, отъ 8 апрѣля 1868 г., императорское археологическое общество, черезъ августѣйшаго своего предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича, испрашивало высочайшаго соизволенія на отправку въ Псковъ дѣйств. ст. сов. Павла Ивановича Потова и академика императорской академіи художествъ Горюхи, съ тѣмъ, чтобы они осмотрѣли на мѣстѣ древнія крѣпостныя стѣны города Пскова, и для предположенныхъ исправленій представили комиссіи свои соображенія и указанія, согласно съ археологическими требованіями. На что, 17 числа іюня, и послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Въ іюль мѣсяцѣ упомянутыя лица прибыли въ Псковъ, и осмотрѣли мѣста, назначенныя къ исправленію, представили отъ себя въ Псковъ записку слѣдующаго содержанія:

Посмотрѣвъ, въ сопровожденіи здѣшнихъ техниковъ гг. архитекторовъ Потова, Гернета и г. губернаторскаго инженера Кассиандера, согласно высочайшему намъ порученію, ту часть древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ Пскова, которую предполагается исправить, мы нашли, что работа заключается, собственно говоря, не въ реставраціи или обновленіи означенныхъ стѣнъ, а лишь въ поддержаніи ихъ мѣстами и въ устраненіи дальнѣйшаго разрушенія.

Проектъ, выработанный комиссіею для исправленія этихъ стѣнъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, представляется заслуживающимъ одобренія. Такимъ образомъ, мѣстами, гдѣ подошва стѣнъ, по причине выкрашивающейся и осыпающейся, образовала углубленія и пещеры, проектъ полагаетъ прямо на плитняковой почвѣ, на этихъ мѣстахъ, на прочномъ основаніи, вывести вновь недостающія части стѣнъ-же на извести, за-подъ-лицо съ остальною поверхностью стѣны, тамъ, гдѣ осыпался цѣлый пластъ стѣны, проектъ полагаетъ не трогать его; а мѣстами, гдѣ замѣтно осѣданіе или отклоненіе отъ вертикальной линіи, предполагается удержать стѣну отъ дальнѣйшаго

движенія помощью немногихъ контрфорсовъ. При этомъ, проектъ не касается ни одной бойницы, не трогаетъ ни одного отверстія, сдѣланнаго для входа или для стрѣльбы.

«Кромѣ подобныхъ отверстій, рѣдко встрѣчающихся, стѣны не имѣютъ никакой архитектурной черты. Верхъ ихъ осыпался, зубцовъ не остается и слѣда. По нашему мнѣнію, проектъ весьма рационально отказывается отъ реставрировки верхней части стѣнъ, ограничиваясь покрытіемъ плитою, положенною по наклонной плоскости на извести; чтобы предохранить ихъ отъ вліянія дождей и снѣга и отъ дальнѣйшаго разрушенія полезно будетъ также оштукатурованіе, впрочемъ, безъ сглаживанія вертикальныхъ поверхностей, какъ необходимое предохранительное средство противъ дальнѣйшаго высланванія и отпаденія мелкихъ частей плиты. Старинная, уцѣлѣвшая мѣстами, штукатурка стѣнъ вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію: тамъ, гдѣ она еще держится, стѣны не подверглись значительному разрушенію. Эта штукатурка можетъ послужить образцомъ для производства и новой штукатурки.

«Единственнымъ отступленіемъ проекта отъ общаго правила не трогать отверстій — является предполагаемая передѣлка Покровскихъ воротъ. Проектъ предполагаетъ разломать ихъ, и снова вывести въ томъ-же видѣ. Здѣсь мы позволяемъ себѣ быть другаго мнѣнія, и полагаемъ возможнымъ поддержаніе воротъ тѣми-же способами, которые приняты для поддержанія остальныхъ стѣнъ.

«Кромѣ того, на башняхъ, такъ называемой Кислинской (древней Мстиславской) и Покровской, было-бы сообразно съ археологическими требованіями устроить шатровыя или коническія высокія крыши, подобныя тѣмъ, какія видны на старинномъ изображеніи стѣнъ Пскова, находившемся прежде въ часовнѣ Владычняго креста, и изданномъ при второмъ томѣ записокъ отдѣленія русской и славянской археологии, и отнюдь не дѣлать стоковъ дождевой воды во внутрь башенъ.

«Тамъ, гдѣ вѣкогда существовала башня съ воротами, или однѣ ворота въ стѣнѣ, которыхъ не осталось и слѣдовъ, но гдѣ, въ настоящее время, предполагается устроить въѣздныя ворота въ городъ (на шоссе отъ станціи варшавской желѣзной дороги), мы полагаемъ-бы не возводить новыхъ построекъ. Если-же таковыя постройки, по какимъ-либо соображеніямъ, окажутся необходимыми, то императорское русское археологическое общество, только по доставленіи въ оное чертежей, будетъ имѣть возможность судить, въ какой мѣрѣ новыя сооруженія будутъ отвѣтствовать характеру древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ города Пскова».

Сдѣлавъ все необходимое для производства предположенныхъ работъ, комиссія не въ продолжительномъ времени и приступила къ дѣлу.

Въ виду того, что на практикѣ оказывается лучшимъ все дѣйствіе по производству сложныхъ работъ предоставлять одному лицу, Императрица, 13 марта 1869 г., назначила производителемъ работъ, въ томъ случаѣ, губернскаго архитектора, поручивъ ему непосредственное наблюденіе за всеми по сему предмету дѣйствіями, подъ личною отвѣтственностью за ихъ исправность, съ тѣмъ, чтобы онъ входилъ въ комиссію съ своими представленіями лишь о тѣхъ, не важныхъ предметахъ, которые, по существу своему, выходятъ изъ предѣловъ его распорядительности, и чтобы по окончаніи работъ онъ оставилъ надлежащую отчетность. Для расплаты съ поставщиками матеріаловъ и на другіе расходы, по производству работъ, комиссия постановила выдавать ему авансы въ 500 р. изъ суммы, отпущенной для исправленія крѣпостныхъ стѣнъ.

IV.

Согласно указанному распоряженію, начались работы по возобновленію стѣнъ, башенъ, воротъ при нихъ и шли до самаго окончанія въ 1872 г. Но производились онѣ, какъ замѣтно, безъ особенно строгаго соблюденія указаній, сдѣланныхъ предварительно членами императорскаго русскаго археологическаго общества, и безъ исключительнаго направленія ихъ на пользу древностей псковскихъ. Кое-что было сделано при этомъ такое, что къ предположенному дѣлу относилось мало, или даже вовсе не относилось къ нему. Устроены, на примѣръ, насыпи стѣны у пароходной пристани (60 саж. пог.), съ засыпкою стѣны ящичковъ землею и осмолкою ихъ, что естественнѣе было бы сдѣлать на себя городу, съ отнесеніемъ расходовъ по сему предмету на городскія суммы. Между тѣмъ, то, что относилось прямо къ подѣлкѣ древностей и положено было сдѣлать, осталось безъ исполненія. Такъ, предполагалось откосы набережной р. Великой, близъ воротъ идти стѣна отъ собора до Покровской башни, выложить ихъ камнемъ, потому что, при разливѣ рѣки, откосы размываются, а съ этимъ вмѣстѣ ослабляется и почва, на которой стоятъ стѣны. В послѣднее время, при вскрытіи р. Великой, вода очень часто стала затоплять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ самыя стѣны. Тѣмъ болѣе необходимо было чѣмъ-нибудь защитить стѣны отъ воды, что въ 1859 г., на устройствѣ набережной, вдоль берега рѣки, отнимались отъ нихъ земляныя насыпи. Стѣны, идущія отъ собора до Покровской башни, стоятъ на обрывѣ естественнаго плитняка, служащемъ для нихъ основаніемъ. Прежде насыпи защищали это основаніе отъ вывѣтриванія, къ чему особенно способенъ, по своему

свойству, псковскій плитнякъ, и отъ другихъ разрушительныхъ для нихъ влiянiй. Теперь-же основанiе стѣнъ остается открытымъ или защищеннымъ слабо, и можетъ свободно подвергаться атмосферному влiянiю на нихъ и разрушительному дѣйствию воды. Откосы, однако-жъ, остались не вымощенными булыжникомъ. Вмѣсто нихъ, вымощена поверхность пристани у ряжевыхъ стѣнъ, близъ нынѣшняго плывучаго моста. Кислинская башня была исправлена вполне и покрыта желѣзомъ, но башня Покровская, болѣе важная въ историческомъ отношенiи, осталась не покрытою, вопреки указанiю ученыхъ археологовъ, командированныхъ въ Псковъ. Штукатурка стѣнъ, которую они признавали полезною въ назначенномъ ими мѣстѣ, также не произведена. Хорошо понимающiй дѣло такихъ упущенiй одобрить не можетъ. Но несравненно хуже ихъ то, что охранители древностей псковскихъ, для поддержанiя одного, что рано-ли, поздно-ли, все-таки должно погибнуть, сокрушили другое, самое лучшее, что могло-бы вѣчно существовать безъ всякихъ поправокъ и обновленiй. Къ чему было позволять для поправки стѣнъ ломать плиту у самаго пролома, на площади, гдѣ сосредоточивались борющiяся силы, при осадѣ Пскова Баторiемъ, гдѣ рѣшалась судьба не только этого города, но и всей тогдашней Россii, гдѣ десятки тысячъ положили животъ свой за вѣру православную и любезное отечество, и гдѣ, въ продолженiи слишкомъ 300 л., во время крестныхъ ходовъ вокругъ города, весной и осенью, торжественно совершаются панихиды по нимъ? Это мѣсто въ высшей степени священное для насъ ¹⁾). Портить его—смертный грѣхъ. Плиту можно было, безъ затрудненiя, найти, не касаясь его. Псковъ и его окрестности всѣ расположены на плитняковой почвѣ.

Какъ исправлялось старое, такъ поддерживается и исправленное. На Кислинской башнѣ давно сорвало желѣзную крышу, устроенную при ея возобновленiи, и не находится такого человѣка, который, по крайней мѣрѣ, убралъ-бы желѣзо, валяющееся около башни и ржавѣющее. Тридцати-лѣтнее исправленiе псковскихъ древностей, кажется, не много прибавитъ имъ долговѣчности.

А. С. Князевъ.

28 мая 1888 г.
Псковъ.

¹⁾ Мы знаемъ патрiота, который однажды весной, прогуливаясь вечеромъ на этомъ мѣстѣ и вспоминая на немъ совершившееся за 300 л., дошелъ до такого возбужденiя, что бросился къ пролomu и поцѣловалъ его задѣланную пробовину.

А. К.

ПИСЬМО ВЪ ТУРИНСКЪ КЪ ДЕКАБРИСТУ ВАС. ПЕТР. ИВАШЕВУ

ВЪ 1838 г.

Воспоминаніе Г. М. Толстого.

Croyez-moi, monsieur, laissez là des critiques qui ne conviennent qu'aux gens sans talents, incapables de rien produire d'eux-mêmes, et qui ne savent chercher de la réputation qu'aux dépens de celle d'autrui.

J.-J. Rousseau.

I.

Спасскій уѣздъ, по справедливости, считается лучшимъ уѣздомъ Казанской губерніи. И точно, все у насъ есть и всего больше: и земли, и воды, и луговъ, и лѣсовъ, и даже болотъ съ рыбами и бегасами. Есть у насъ пристани на Волгѣ и на Камѣ—и все не за горами. Сбывай что хочешь, получай что хочешь—но—хоть изъ-за моря.

Много у насъ прекрасныхъ селъ; но, по моему мнѣнію, самое лучшее изъ нихъ — село Бураково. Оно, со многими другими селами, принадлежало некогда большому барину Александру Васильевичу Толстому, который, живя постоянно зимою въ Симбирскѣ, а лѣтомъ въ 35 верстахъ отъ Симбирска, въ селѣ Бураковѣ—сюда почти и не заглядывалъ.

По смерти Александра Васильевича, Бураково перешло по наследству къ дочери его, Вѣрѣ Александровнѣ, вышедшей замужъ за Петра Никифоровича Ивашева. Она отдала это имѣніе

второй дочери своей—Екатериной Петровнѣ, вышедшей за князя Хованскаго.

Князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, человекъ со вкусомъ изящнымъ, заказалъ архитектору Брюлову планы на домъ и церковь, и черезъ два года въ Бураковѣ, на высокомъ берегу прелестнаго Актая, заблѣлись у моего любезнаго родственника каменные палаты.

Домъ этотъ, съ виду очень нарядный, напоминаетъ нѣкоторыхъ красавицъ, на которыхъ глядѣть хорошо, а жить съ ними неудобно.

Я въ особенности люблю въ Бураковскомъ домѣ балконъ, обращенный на рѣку. Съ него представляется взорамъ горизонтъ верстъ на пятнадцать: всѣ поля, какъ на ладони, и паръ съ пасущимися на немъ стадами, и рожь съ вѣчно колеблющимся колосомъ, и зеленый, какъ изумрудъ, овесъ, и бѣлая, какъ снѣгъ, цвѣтущая греча.

22-го ноября праздновался день рожденія бураковской помѣщицы, и въ 1838 году, къ этому дню, съѣхалось очень большое общество. Всѣ ея сестры, съ мужьями, дѣтьми, мадами, мамзелями, много родныхъ, друзей и пріятелей собрались поздравлять новорожденную.

Праздникъ начался торжественно. Дамы принарядились; мужчины на этотъ разъ одѣлись почище обыкновеннаго; дѣтямъ было позволено шумѣть сколько хотѣть, но на томъ непремѣнномъ условіи, чтобы не драться, не плакать и не жаловаться.

Словомъ, всѣ веселились, смотря по возрастамъ; всѣ наслаждались тѣмъ радостнымъ спокойствіемъ, которое часто бываетъ предвѣстникомъ горя.

Одного гостя, и самаго для насъ милаго, Петра Никифоровича Ивашева, ожидали мы изъ Симбирска, и въ этомъ пріятномъ ожиданіи все общество разсѣлось большимъ полукругомъ около окна, изъ котораго была видна симбирская дорога.

Подходить часъ обѣденный, а старика еще нѣтъ.

„Поздравляю, сказалъ кто-то,—тройка вѣзжаетъ въ околицу!“

— „Это онъ, онъ“, раздались голоса и поднялся шумъ.

„Нѣтъ, не онъ, сказала хозяйка, поглядѣвъ въ подозрительную трубку.—Папа никогда не ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ...“ И оказалось — точно не онъ. Вошелъ человекъ и объявилъ, что пріѣхалъ князь Сергѣй Сергѣевичъ Хованскій.

„Зови его сюда“, сказала хозяйка.

— „Извольте переодѣваться, отвѣчалъ слуга и, подойдя ко мнѣ, онъ шепнулъ:—Князь проситъ васъ пожаловать къ нему какъ можно скорѣе“.

Никто не слышалъ что было мнѣ сказано, а разговоры разомъ затихли и всѣхъ какъ будто передернуло.

Я всталъ и пошелъ торопливо; за мной слѣдомъ отправился пріятель нашъ, Федоръ Ивановичъ Топорнинъ. Входимъ въ ту комнату, гдѣ находился пріѣзжій, и видимъ, что на немъ, какъ говорится, лица нѣтъ.

„Что съ вами?“ спросилъ я князя.

— „Бѣда, отвѣчалъ князь,—старикъ Ивашевъ умеръ“.

„Какъ умеръ? отъ чего?“

— „Умеръ вчера, скоропостижно“.

Сѣли мы всѣ трое рядомъ и задумались; а думали о томъ, какъ объявить дочерямъ умершаго о такомъ страшномъ и неожиданномъ горѣ.

„Распоряжайтесь, какъ знаете, сказалъ я,—а я сію-же минуту скачу въ Симбирскъ, чтобы не опоздать на похороны умершаго“.

— „И я съ вами“, сказалъ Топорнинъ.

Тарантасъ скоро подали; мы прыгнули въ него и поскакали по симбирской дорогѣ.

Быстрый отъѣздъ нашъ произвелъ большое волненіе въ Бураковѣ; женщинамъ сказали, что Петръ Никифоровичъ занемогъ и мы поспѣшили въ Симбирскъ, чтобы завтра-же прислать извѣстіе объ его здоровьи.

Описывать подробности этого происшествія я считаю излишнимъ.

Кто не плакалъ—тотъ не любилъ, а кто не любилъ — тотъ и не жилъ.

Ночью подѣхали мы къ ивашевскому дому; двери съ параднаго крыльца растворены настежь; большія сѣни биткомъ набиты народомъ; сверху пахнуло на насъ ладаномъ и мертвецомъ; слышно протяжное чтеніе заупокойныхъ молитвъ и долетаютъ до насъ вскрикиванья отъ несдерживаемыхъ рыданій.

Мы вошли въ залу, гдѣ стояло тѣло, помолились, поплакали,

простились съ усопшимъ и удалились въ отведенную для насъ комнату, надѣясь отдохнуть отъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Не раздѣваясь, легли мы на диваны; передъ нами на столѣ горѣли свѣчи; мы лежали молча, но заснуть не были въ состояніи.

Вдругъ въ комнату нашу вбѣгаетъ человѣкъ огромнаго роста и бросается передо мною на колѣни.

Нервы мои, и безъ того сильно раздраженные, сжались судорожно; я, вскочивъ съ дивана, сердито сказалъ незнакомцу:

„Встаньте и скажите безъ фигуръ что вамъ нужно, только, Бога ради, поскорѣе, я нахожусь въ совершенномъ изнеможеніи!“

Великанъ поднялся и сказалъ: „Я слугитель Василія Петровича Ивашева. Когда барина моего переводили изъ Петровскаго острога на поселеніе, покойная Вѣра Александровна отравила меня и жену мою въ Туринскъ, чтобы приготовить домъ и все хозяйство къ пріѣзду Василія Петровича. Господа нами довольны, и жена моя осталась въ Туринскѣ, а я пріѣхалъ въ Ундары, чтобы продать домъ и возвратиться къ ней“.

— „Все это прекрасно, сказалъ я, — только для чего-же вы становитесь передо мною на колѣни и дѣлаете такія странныя сцены въ такое горестное время?“

„Извините, что васъ обезпokoилъ, продолжалъ великанъ, — но я боюсь, что внезапное извѣстіе о смерти Петра Никифоровича убьетъ моего добраго барина, и я пришелъ просить васъ позволить мнѣ ѣхать въ Туринскъ и объявить ему объ этомъ несчастіи. Я сумѣю приготовить его къ принятію этого горя“.

— „Разрѣшить поѣздки я не могу, но по пріѣздѣ въ Бураково я сообщу наслѣдникамъ Ивашева о прекрасныхъ вашихъ чувствахъ и увѣренъ, что предложеніе ваше примется съ общою радостью“.

Проситель поклонился и вышелъ.

„Какой прекрасный человѣкъ!“ сказалъ Топорнинъ.

— „Конечно прекрасный, отвѣчалъ — я, только мнѣ удивительно, какъ такая тонкая деликатность пролѣзла сквозь такую толстую шкуру, и такія нѣжности высказаны такимъ густымъ басомъ“.

„А мнѣ кажется, сказалъ Топорнинъ, — что только подъ толстою кожею можетъ сохраниться истинно-доброе сердце“.

— „Все это можетъ быть, однако-же, не худо-бы узнать, отъ

кого-нибудь изъ вѣрныхъ людей, что за личность являлась къ намъ“.

„Пошлите за управляющимъ, сказалъ Федоръ Ивановичъ, — я видѣлъ его въ залѣ у гроба“.

Никита Петровичъ Козловъ, управляющій всѣми Ивашевскими имѣніями, явился въ сопровожденіи Анисима Ивановича, исправляющаго должность домашняго лекаря, медика плохого, но человѣка хорошаго.

Эти господа сказали намъ, что незнакомца нашего зовутъ Федоромъ, что онъ поведенія прекраснаго и заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Когда Козловъ и Анисимъ Ивановичъ ушли отъ насъ, мы снова попробовали уснуть, и такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то между нами завязался слѣдующій разговоръ:

„Знаете-ли, Федоръ Ивановичъ, что мнѣ пришло въ голову?“

— „Нѣтъ, Григорій Михайловичъ, не знаю“.

„Вмѣсто того, чтобъ отправлять Федора, не съѣздить-ли мнѣ самому къ Василю Петровичу?“

— „Прекрасная мысль — и я съ вами!“

„Нужно эту поѣздку хорошенько обдумать“.

— „Намъ не съ женами прощаться, не дѣтей благословлять, чего думать — сѣсть, да ѣхать!“

„Безъ денегъ не далеко уѣдешь, а ихъ въ настоящее время нѣтъ ни у васъ, ни у меня“.

— „Вздоръ! достанемъ“.

„Не въ однѣхъ деньгахъ заключается препятствіе“.

— „Въ чемъ-же еще?“

„А грозный-то царь?“

— „Грозенъ царь — да милостивъ Богъ!“

„Съ Николаемъ Павловичемъ не распутишься“.

— „Кто робѣетъ, тому недоступенъ смѣлый и самоотверженный поступокъ; повѣрьте себя хорошенько, и ежели боитесь, то оставайтесь дома — я уѣду одинъ“.

„Погодите, не горячитесь! Знаете-ли вы рѣшеніе царя на просьбу Вѣры Александровны съѣздить къ сыну въ Сибирь?“

— „Нѣтъ, не знаю“.

„Государь рѣшилъ: ѣхать можетъ, но съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Россію“.

— „Все равно, я непремѣнно ѣду!“

Рѣшимость Федора Ивановича очень меня ободрила; я потянулъ ему руку и сказалъ:

„Ну, другъ, ѣдемъ вмѣстѣ; что будетъ—пусть будетъ!“

Мы позвали Федора и сообщили ему нашу мысль; онъ очутился обрадованъ и обѣщавалъ свозить насъ такъ, что о поѣздкѣ на никто не узнаеть.

У меня было много причинъ для поѣздки въ Туринскъ. Мои родственныя и дружественныя связи съ Василиемъ Петровичемъ и его семействомъ заставляли меня страстно желать свиданія съ нимъ, особенно послѣ 13-ти-лѣтней мучительной разлуки. Мне нужно мнѣ было узнать, какъ хочетъ онъ распорядиться имущественіемъ, оставшимся послѣ его родителей, на которое, по закону онъ не имѣлъ права, но право это предоставлялось ему сестрами.

Еще одинъ вопросъ долженъ былъ разрѣшить Василій Петровичъ. Какъ устроить состояніе одного изъ нашихъ родственниковъ, котораго старуха Вѣра Александровна надѣлила совершенно удовлетворительно.

Занятый этими важными семейными вопросами, я не замѣтилъ, какъ прошла ночь и наступило время, назначенное для похороны.

На похороны собралась большая публика, и такъ какъ церковь переполнилась народомъ, то полиціймейстеръ закричалъ тѣмъ хриплымъ голосомъ, который отличаетъ русскую полицію отъ всѣхъ остальныхъ существъ, созданныхъ по подобію Бога: „Черный народъ не пускать!“

Изъ этого поднялся шумъ, грозившій перейти въ буйство.

„Какъ! заговорили ундаровскіе крестьяне, которыхъ большое множество:—насъ не пускать въ храмъ Божій въ то время, какъ отпѣвають нашего добраго барина! Мы принесли его за 35 верстъ на своихъ рукахъ, да не мы будемъ опускать его на землю! Нѣтъ, ребята, этого терпѣть нельзя!“

Похороны распоряжался бывшій въ то время губернскимъ предводителемъ Григорій Васильевичъ Бестужевъ; онъ вышелъ къ народу и сказалъ:

„Не шумите, ребята! Храмъ Божій не кабакъ. Вспомните, что теперь отпѣвають вашего барина, котораго вы любили; такъ кажется, не время буйнить съ полиціей“.

„Ну! ваше превосходительство, мы ничего, мы только того...
 ть показалось обидно! сказали мужики,—а мы ничего!...“

По окончаніи печальной церемоніи я поѣхалъ въ Бураково;
 съ, разумѣется, слезы.

Разсказавъ всѣ подробности о кончинѣ Петра Никифоровича,
 казалъ о намѣреніи нашемъ съѣздить въ Туринскъ.

Разговоры по этому предмету продолжались нѣсколько дней
 ончилились тѣмъ, что намъ дали денегъ и благословили въ путь.

Въ Буракова выѣхалъ я послѣ ранняго обѣда и часу въ пятомъ
 ѣхалъ къ дядѣ моему, Владиміру Львовичу, въ с. Левашево.

Отворяю дверь въ прихожую—въ ней дымъ столбомъ; меня
 ть и обдало сквернымъ табачнымъ запахомъ.

Нагорѣлая и догорающая сальная свѣча, вставленная въ
 илку, стоитъ на полу. Двое слугъ, Михайло Панферовъ и

тъ его Петрушка, лежатъ на скамейкахъ размертвецки пьяны.

отнесся сначала къ папенькѣ: шевелю его и кричу въ самое
 : „Михайло! Михайло!“ Но труды мои были напрасны. Пан-

ычъ не оказалъ ни малѣйшаго признака жизни.

Перехожу къ сыну, толкаю его и кричу: „Петруша! Петруша!“

тъ какъ будто живъ, только чуть живъ.

Онъ, не раскрывая глазъ, проговорилъ внятно: „Ну, ты, къ
 ту!“—поворотился на другой бокъ и захрапѣлъ молодецки.

Я снялъ съ себя шубу, бросилъ ее на полъ и вхожу въ залу.

залъ темно; только изъ дальней комнаты мерцаетъ какой-то
 тусклѣтъ.

Я иду прямо на огонь; вхожу въ кабинетъ и вижу, что на
 ро, въ которомъ хранятся дядины соевовища, горить свѣча;

оло бюро стоятъ четыре мужика, по два въ рядъ, съ огром-
 ми дубинами и печальными лицами.

„Здравствуйте, православные, сказалъ я.
 — „Здравствуйте, батюшка Григорій Михайловичъ“, отвѣ-

ни мужички.

„Что вы это, ребята, стоите здѣсь на такой вытяжкѣ?“
 — „Да на караулъ, батюшка“.

„На какомъ караулѣ?“
 — „Казну господскую караулимъ“.

„А гдѣ-же баринъ?“
 — „Уѣхалъ къ братцу своему, Павлу Львовичу, въ Мурзиху“.

„Какъ уѣхаль? Дядюшка ужъ 30 лѣтъ нигуда не ѣздитъ“.

— „Знать надумался, сказалъ одинъ изъ часовыхъ,—взялъ, да и поѣхаль“.

„И я поѣду въ Мурзиху! Сходи-ка, часовой, да вели подавать моихъ лошадей, а я за тебя покараулю“.

Крестьянинъ ушелъ; я взялъ его дубину и сталъ на караулъ; часовые расхохотались:

— „Ай, ай! Григорій Михайловичъ, сказалъ одинъ,—больно ты прокурать“!

Отъ села Левашева до Мурзихи верстъ 20 съ небольшимъ, и я скоро туда доѣхаль. Здѣсь нашель я другую обстановку. Господскій домъ ярко освѣщенъ; громъ оркестра слышенъ даже на улицѣ, и народа, слушающаго музыку и глядящаго въ окна, было множество. Дядя Павелъ Львовичъ притворялся большимъ меломаномъ и завелъ порядочный оркестръ изъ крѣпостныхъ своихъ людей. Я былъ очень друженъ съ моими дядями, и появленіе мое произвело большую радость.

„Вотъ какъ хорошо ты подѣхаль, сказалъ Павелъ Львовичъ, мы пріятно проведемъ вечеръ“.

— „Я привезъ вамъ печальную новость: Петръ Никифоровичъ скончался“.

Владиміръ Львовичъ широко перекрестился и сказалъ Павлу Львовичу:

„Mon frèге, отпусти оркестръ: у насъ семейное горе и музыка теперь не встаети. Жаль Петра Никифоровича, онъ былъ совершенно du bon ton и большой мастеръ танцевать“.

„Вотъ, подумаль я,—и біографія готова“.

„Со мною случилось сегодня такое происшествіе, сказалъ я, обращаясь къ дядямъ,—что если суждено намъ прожить еще 1000 лѣтъ, то и тогда это чудо не повторится“.

— „Что такое?“ спросилъ Владиміръ Львовичъ.

„Я былъ у васъ и не засталъ васъ дома“.

— „Полно пустяки-то говорить; ты лучше скажи, все-ли нашель у меня въ порядкѣ?“

„Все, mon cher oncle! Михайло Панферовъ съ сыномъ лежать, а мужики съ дубинами стоятъ около бюро“.

— „Мужики хорошо караулятъ, сказалъ дядя,—это порядокъ, порядокъ настоящій. А что пьяницы валяются на лавкахъ, это тоже своего рода порядокъ—порядокъ вещей!“

— „Однако-же, позвольте васъ спросить, сказалъ я дядѣ,—по какому случаю прѣехали вы сюда совершенно неожиданно?“

„Я сейчасъ открою тебѣ весь секретъ. До меня дошли слухи, мурзинскій баринъ (который сидитъ передъ тобою) открылъ отель, да такой отель, что никто не можетъ проѣхать мимо, спрося чаю, кофе или закусокъ. Я люблю отели; они напоминаютъ мнѣ Германію и отечественную войну. Вотъ я и вздумалъ: да съѣзжу, да погляжу, чего надѣлалъ мой братецъ въ Мурзику? Ты понимаешь, что все было обдуманно, все взвѣшено на чашечкахъ вѣсовыхъ. Я назначилъ караулъ и назвалъ караульныхъ по имени; опредѣлилъ, сколько времени стоять на часахъ, какъ дѣлать смѣну; приказалъ приготовить провожатыхъ, чтобы не сбился съ дороги; взялъ съ собою Петра Голубева, потому, что онъ пьяница, но не горькій; сѣлъ въ кибитку и пошелъ въ Мурзику!“

— „Слушаю, сказалъ кучеръ,—къ Павлу Львовичу?“

„Совсѣмъ не къ Павлу Львовичу! Пошелъ въ Мурзику въ кибитку!“

„Надо было посмотрѣть, какой эффектъ произвели эти слова! Когда я вышелъ изъ отеля и черезъ два часа меня подвезли къ отелю. Оглянулъ и вижу: изба новая, полы чистые, Яковъ Тарасовъ въ кафтанѣ ходитъ совершеннымъ метромъ д'отелемъ. Все мнѣ понравилось.“

„Ну, говорю я Тарасову: нельзя-ли мнѣ получить въ вашемъ отелѣ кофею—только хорошаго кофею?“

— „Можно, батюшка Владиміръ Львовичъ; у насъ всегда все готово для проѣзжающихъ; какъ прикажете подать, въ стаканчикѣ или чашечкѣ?“

„Дай мнѣ маленькую чашечку; я изъ стакановъ не пью; это мнѣ кажется какъ-то еривно.“

Тарасовъ подаль кофе, который я выпилъ съ удовольствіемъ.

„Теперь давай разсчитываться. Сколько слѣдуетъ мнѣ заплатить за мою чашку кофею?“

— „Рубль серебра, батюшка, назначено по таксъ“.

„Вотъ тебѣ рубль; а какъ зовутъ хозяина этой гостинницы, потому, что я тебя не спрашиваю: я по цѣнѣ узнаю брата моего Павла Львовича!“

Этотъ разсказъ очень развеселилъ насъ и мы долго смѣялись.

Когда стали расходиться, я сказалъ дядямъ:

„Прощайте, можетъ быть, надолго! Я ѣду въ Сибирь.“ И сообщилъ имъ причины моей поѣздки.

Это извѣстіе страшно потрясло моихъ стариковъ. Владиміръ Львовичъ съ большимъ жаромъ сказалъ мнѣ:

„Знаете-ли вы, Григорій Михайловичъ, кто сидитъ у насъ на престолѣ? Не Екатерина Алексѣевна, не Александръ Павловичъ и даже не Павелъ Петровичъ; у насъ государствуетъ Николай I, а это такой человѣкъ, который“...

Онъ высоко поднялъ руки и повертѣлъ пальцами надъ головой.

„Какъ-же ты поѣдешь?“ спрашивалъ меня Павелъ Львовичъ.

— „Я думаю ѣхать подъ чужимъ именемъ“, сказалъ я.

„Нѣтъ, этого не дѣлай. Въ несчастномъ случаѣ ты усугубишь вину свою“.

Я поблагодарилъ Павла Львовича, и обѣщалъ непременно выполнить умный его совѣтъ.

Когда началось окончательное разставанье, Владиміръ Львовичъ сказалъ: „Слава Богу, что брата Михаила Львовича нѣтъ на свѣтѣ, его-бы убила эта поѣздка. Прощайте; у васъ всегда были такія идеи, которыя...“

Старики меня благословили; они ушли спать, а я поѣхалъ въ Казань.

Въ ту самую минуту, какъ я вѣхалъ въ Казань, на соборной колокольнѣ ударило къ вечернѣ. Я перекрестился; не знаю, суевѣрное или глубоко религиозное чувство шевельнулось въ моемъ сердцѣ.

Меня подвезли къ старому дому дворянскаго собранія, гдѣ почтенный Егоръ Ивановичъ Гедлеръ содержалъ номера; тутъ нашелъ я Топорнина, съ провожатымъ нашимъ Федоромъ, Александра Ивановича Ермолова и общаго пріятеля нашего Астафьева, бывшаго въ то время флигель-адъютантомъ.

По случаю пріятной компаніи, мы загуляли сильно, но никто изъ насъ не проврался. Мы знали Астафьева за благороднѣйшаго человѣка, но не сказали ему о нашей поѣздкѣ, боясь поставить его въ неловкое положеніе передъ государемъ. Три дня готовились мы къ поѣздкѣ, и 10-го декабря выѣхали изъ Казани.

Мы везли съ собою два сокровища. 1-е—образъ, въ которомъ средина была выпилена, въ отверстіе вложена довольно

ная сумма денегъ и пустота потомъ очень искусно за-
на, и 2-е—письма и бумаги, которыя зашиты были въ во-
нкахъ нашихъ шубъ.

Для чего поднимались мы на такіе фокусы, я понять теперъ
могу. Не проще-ли было положить деньги въ карманъ и при
даніи съ Василиемъ Петровичемъ передать ихъ изъ рукъ въ
руки. Хорошіе мы заговорщики! А вѣдь смѣлы, чортъ побери!
Такое время и съ кѣмъ вздумали играть въ гулюкушки!

Мы ѣхали въ прекрасномъ возкѣ и разсѣлись просторно;
сидящими внутри экипажа сѣлъ мой камердинеръ, мальчикъ лѣтъ
двѣнадцати, а для провожатаго нашего Федора (который одѣлся какъ-
то по-казацки, съ саблею и двумя пистолетами за поясомъ) было
устроено сзади возка отличное помѣщеніе.

Мы подвигаемся сильно, и много станцій проѣхали благо-
душно, безъ приключеній; но по справедливости скажу вамъ
по правдѣ, что я чувствую себя не по себѣ: не то что положи-
то трушу, а нахожусь въ какомъ-то тихомъ элегическомъ
настроеніи.

Товарищъ-же мой, Топорнинъ, отличается самою искреннею
честностью: сидитъ да рассказываетъ, куритъ да поплевываетъ.

Въ Екатеринбургѣ жилъ въ то время большой нашъ прия-
тель Дмитрий Александровичъ Арсеньевъ. Отецъ его жены,
Степанъ Степановичъ Арсеньевъ, былъ тутъ отъщипникомъ, и Арсеньевъ, съ прелест-
ною своею супругою, помѣщался въ домѣ своего тестя.

На послѣдней станціи къ Екатеринбургѣ ямщикъ спросилъ

— Куда прикажете вѣхать въ городѣ?

— „Знаешь Арсеньева?“

— „Знаю“.

— „Вези насъ къ нему, только живѣе, чтобы застать намъ
еще спящимъ“.

Было уже около полуночи, когда мы вѣхали въ городъ;
являлось, что весь Екатеринбургъ почиваетъ: ни одного человѣка
нигде на улицѣ; во всѣхъ домахъ совершенныя потемки.

Вѣхавъ на площадь, мы, къ удивленію нашему, были почти
освѣщены яркимъ освѣщеніемъ. Нѣсколько сотъ площадекъ горѣли
по всей этой площади и она заставлена была экипажами. Одинъ изъ

домовъ былъ очень нарядно освѣщенъ шкваликами снаружи и залитъ свѣтомъ внутри.

„Посмотрите, сказалъ Топорнинъ,—это, должно быть, свадьба“.

Мы хотѣли спросить у ямщика, что это значить, но онъ быстро подвезъ насъ къ крыльцу этого самаго дома и сказалъ:

„Вотъ, слава Богу, доѣхали, и господа, должно быть, еще не спать“.

— „Куда ты завезъ насъ“! закричалъ я съ досадою на ямщика.

„Какъ куда? Къ Дмитрію Александровичу; вѣдь вы сами приказали“.

— „Къ какому Дмитрію Александровичу?“

„Да къ Арсеньеву-то“.

— „Развѣ Арсеньевъ здѣсь живетъ?“

„А гдѣ-же, кажись, здѣсь“.

Мы послали Ѳедора развѣдать хорошенько, чей это домъ и кто въ немъ живетъ. Ѳедоръ скоро возвратился и объявилъ, что домъ г. Бороздина, что у него большой балъ, что Дмитрій Александровичъ дома и изволитъ танцовать.

Мы придумали вызвать Арсеньева, чтобы поздороваться и распрощаться съ нимъ и, не теряя ни минуты, продолжать наше путешествіе. Въ это время морозъ былъ жестокой; Топорнинъ предложилъ войти въ сѣни, чтобы немного обогрѣться.

Нарядный швейцаръ отворилъ намъ двери и мы всѣ разомъ вошли. Въ сѣняхъ лакеевъ было множество; кто-то изъ толпы закричалъ: „Батюшки! Что это за чучелы“, и хохотъ сдѣлался общимъ.

Другой лакей замѣтилъ остроумно: „Это, должно быть, наряженные“.—„И то наряженные“, повторили многіе голоса.

Что мы точно были чучелы, то будетъ видно изъ слѣдующаго описанія.

На насъ были дубленые полушубки, лица наши такъ обвязаны платочками и шарфами, что видны были только одни глаза; на головахъ надѣты были высокія бараньи шапки, называемыя эриванками, на ногахъ огромные мѣховые сапоги,—къ этому должно прибавить, что во мнѣ роста 2 аршина 8 вершк., Топорнинъ на вершокъ выше меня, а Ѳедоръ—на два выше Топорнина.

Взгляните хорошенько, ребята, раздался голосъ:—вѣдь это
оди, а какія-то каланчи пожарныя!“

попросилъ швейцара сказать Арсеньеву, что двое его
елей, проѣздомъ изъ Симбирска, просятъ его сойти къ нимъ
ру словъ. Дмитрій Александровичъ не заставилъ себя долго
и, сбѣгая по лѣстницѣ, кричалъ намъ: „Кто вы, господа?
узнаю!“ Мы назвались, и Арсеньевъ, обнимая насъ, вдругъ
икнулъ: „А, понимаю!“

онъ приказалъ швейцару проводить насъ въ свою комнату.
«Что у васъ за торжество?» спросилъ я.

„Угощаемъ сыновей фельдмаршала, графа Паскевича-Эри-
аго“, отвѣчалъ онъ, и мигомъ улетѣлъ отъ насъ.

насъ повели по парадной лѣстницѣ.

Мельзя-ли, любезнѣйшій, провести насъ по заднему входу,
ной лѣстницѣ, сказалъ я швейцару,—тутъ какъ разъ съ
нибудь встрѣтись!“

„Помилуйте, не беспокойтесь! Ничего-съ!“ проговорилъ
аръ.

омъ Бороздина расположенъ былъ такимъ образомъ: съ
ой лѣстницы дверь въ большую комнату, изъ нея на-
входъ въ залу, а на-лѣво—въ тѣ горницы, которыя зани-
Арсеньевъ.

грѣхъ, первую комнату обратили для бала въ буфетъ и
въ залу были вынуты.

тъ на столахъ, ярко освѣщенныхъ и обставленныхъ цвѣ-
и зеленью, помѣщались чай, шоколадъ, мороженое, всякіе
адительные и горячительные напитки, словомъ—такъ, какъ
ыкновенно бываетъ на всѣхъ большихъ балахъ.

вейцаръ растворилъ дверь и мы очутились въ буфетѣ, то
а балѣ.

несколько нарядныхъ дамъ, кушавшихъ тутъ лимонадъ,
увъ на насъ, взвизгнули и вылетѣли въ залу. Съ электри-
о быстротою пробѣжало по балу извѣстіе о странныхъ
ь, находящихся въ буфетѣ. Танцы остановились, музыка
а и все общество густою массою повалило къ дверямъ
. Я, какъ окаменѣлый, стою, не шевелясь, на одномъ
какой-то старичекъ, оказавшійся впоследствии г. Бо-
ымъ, подскочилъ ко мнѣ и, теребя меня за рукавъ моего
убка, кричалъ неистовымъ голосомъ:

„Кто вы? Говорите, кто вы? Люди! Люди!“

Я какъ будто опомнился, оглянулся назадъ, но никого моихъ нѣтъ. Топорнинъ, Ѳедоръ и глупый швейцаръ, забравъ мое существованіе, задали тягу.

Не будучи въ состояніи промолвить слова, я кинулся жать, но, вмѣсто двери, лѣзу въ окно. Хохотъ, ропотъ, и различныя восклицанія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ, а спасителя моего, Арсеньева, по несчастію, въ это время было въ залѣ: онъ пошелъ въ свои комнаты, чтобы приготовить намъ пріютъ.

Наконецъ, я нашель выходъ, слетѣлъ кубаремъ по лѣстницѣ, выскочилъ на подъѣздъ, гдѣ находился Топорнинъ съ Ѳедоромъ, и, не говоря ни слова, пустился вдоль улицы.

Сопутники мои бѣгутъ за мною, а тройка съ экипажемъ едва насъ догоняетъ. Слышу я, что кто-то кричитъ:

„Ваше благородіе, стойте, помилуйте, сдѣлайте одолженіе!“

Я остановился и ко мнѣ подошелъ проклятый швейцаръ.

„Дмитрій Александровичъ приказали просить васъ въ садъ къ нимъ“.

— „Какъ, опять на балъ?“ сказалъ я задыхаясь.

„Точно такъ-съ“, отвѣчалъ швейцаръ.

— „Убирайся ты со своимъ Арсеньевымъ къ чорту! Скажи ему, что во всѣхъ жилахъ моихъ течетъ не кровь, а огонь. Я чувствую въ себѣ всѣ признаки злой горячки“.

„Ничего-съ, ваше благородіе, будьте спокойны, я покажу васъ съ задняго крыльца; Дмитрій Александровичъ будутъ меня гнѣваться, ежели вы не пожалуете“.

— „Мы не пойдемъ, сказалъ я швейцару рѣшительно. Скажи ты укажи намъ трактиръ, въ которомъ можно переночевать, потому что ѣхать далѣе я сегодня не могу!“

Швейцаръ привелъ насъ въ домъ какого-то чиновника, который далъ намъ препорядочную квартиру. Напившись чаю, я уснулъ, будто оттаялъ и успокоился.

Ѳедоръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, улыбаясь:

„Можно-ли было ожидать, что мы попадемъ на балъ?“

— „Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ я,—вы только видѣли, какъ я такъ былъ на немъ“.

Въ это время явился человѣкъ и объявилъ намъ, что

евъ просить насъ не уѣзжать изъ Екатеринбурга, не повидавъ съ нимъ. „Дмитрій Александровичъ, прибавилъ посланный, сказалъ доложить, что онъ скоро пришлетъ вамъ ужинъ, а ѣхъ поръ посылаетъ закуску, лафиту и шампанскаго“. Мы благодарили, нагрѣли лафитъ, заморозили шампанское и вспомнилъ слова поэта Языкова:

Упоительная влага
 Оживить тебя всего;
 Вспыхнуть гордость и отвага
 Блескомъ взора твоего;
 Самобытными мечтами
 Загуляетъ голова,
 И какъ волны за волнами
 Изъ души польются сами
 Вдохновенныя слова!
 Строены, пышны миръ житейской
 Развернется предъ тобой.
 Много силы чародѣйской
 Въ этой влагѣ золотой!

Арсеньевъ, коротко зная наши семейныя положенія, легко дался, куда мы направляемъ нашъ путь, и, войдя къ намъ, сказалъ:

Что вы дѣлаете? Вы губите себя неминуемо. Въ Екатеринбургѣ всѣ знаютъ, что вы ѣдете къ Ивашеву. Сейчасъ на балѣ говорилъ объ этомъ жандармскій полковникъ, который непременно пошлетъ за вами погоню или подкараулитъ васъ на обратномъ пути; опомнитесь, останьтесь здѣсь и, поживя съ нами, возвратитесь благополучно въ Симбирскъ“.

— „Дудки! братъ Арсеньевъ, сказалъ Топорнинъ,—на пустомъ не собьешь. Не пугай насъ жандармомъ; мы пошли на свою долю, такъ не струсимъ“...

Ну, такъ я на васъ донесу“, сказалъ Арсеньевъ.

— Врешь, возразилъ Топорнинъ,—не донесешь; да и къ чему тебе, когда всѣ знаютъ, куда мы направляемся.

Арсеньевъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

Съ Топорнинымъ говорить невозможно, онъ вѣкъ былъ упрямнымъ, но вы разберите хладнокровно то, что буду я вамъ говорить. Вы знаете, что я самъ нетрусливаго десятка и люблю выходы; но на этотъ разъ, боюсь, что васъ непременно

схватятъ. Я понимаю, что вамъ возвратиться въ Симбирскъ повидавшись съ Василиемъ Петровичемъ, очень неловко, что-же дѣлать, ежели доѣхать до него трудно, а возвратиться невозможно. Отдайте мнѣ всѣ ваши бумаги, я ихъ спрячу; здѣсь, можетъ быть, допросятъ; вы скажете, что пріѣхалъ мнѣ—и дѣлу конецъ. Родные ваши поблагодарятъ васъ за дѣланіе и вдвое за то, что не пошли на вѣрную гибель.

— „Вы говорите очень разумно, сказалъ я;—но я обѣдалъ съ Федору Ивановичу, что ничто не поколеблетъ нашей рѣшимости, и сдержу мое слово; я сдержу его и потому, что если-бы я вздумалъ возвратиться, то Федоръ Ивановичъ непременно уѣдетъ впередъ!“

„Ну, въ такомъ случаѣ говорить нечего; дѣлайте, какъ знаете, но такъ какъ я вижу съ вами въ послѣдній разъ, то выпьемъ хорошенько по случаю вѣчной разлуки“.

Мы такъ хватили, что я не помню ни прощанья съ Арсеньевымъ, ни времени нашего отъѣзда.

Слова Арсеньева произвели на меня сильное впечатлѣніе. Однако-же, мы проѣхали отъ Екатеринбурга довольно бодрѣе, разстояніе не только безъ несчастій, но даже безъ приключеній.

Со дня нашего выѣзда изъ Казани морозы стояли необыкновенные: не было менѣе 26 градусовъ, а нерѣдко случалось и болѣе.

Подъѣзжая къ одной станціи, часу въ седьмомъ вечера мы вздумали тутъ хорошенько отогрѣться. У подъѣзда станціи дома стояла отпряженная кибитка.

„Вотъ и встрѣча“, сказалъ Топорникъ.

Я не очень желалъ встрѣчь—и промолчалъ.

Мы вошли въ чистую горницу; на диванѣ очень комфортно сидѣлъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, маленькаго роста, толстенькаго, пристойно одѣтый, съ Владимірскимъ крестомъ, висѣвшимъ на длинной лентѣ; фигура вообще смѣшная, но довольно важная. Передъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ господинъ, стоялъ столъ, на столѣ двѣ свѣчи, самоваръ, изъ котораго клубился паръ, на самоварѣ чайникъ. Ближе къ господину стоялъ подносъ, на немъ стаканъ, сахаръ и полная бутылка съ ромомъ. Въ углу кавалеръ взглянулъ на насъ грозно и сказалъ отрывкомъ:

„Что за люди?“

Мы съ Топорнинымъ промолчали, а Ѳедоръ сказалъ: „Господа!“

„Что за дурацкій отвѣтъ: „господа“? Всѣ на свѣтѣ господа— и ты господинъ! Отвѣчай опредѣлительно: купцы вы что-ли или купеческіе приказчики?“

— „Дворяне“, сказалъ Ѳедоръ и пошелъ къ смотрителю, чтобы прописать нашу подорожную; незнакомый послѣдовалъ за нимъ, однако-же, очень скоро возвратился и, подойдя къ Ѳедору Ивановичу, спросилъ рѣшительно:

„Какъ ваша фамилія?“

— „Топорнинъ!“ съ примѣтною досадою промолвилъ Ѳедоръ Ивановичъ.

„Топорнинъ, Топорнинъ! фамилія мнѣ что-то знакомая“. И обратясь ко мнѣ сказалъ:

„Куда проѣзжаете?“

— „Въ Ирбитъ“.

„Зачѣмъ въ Ирбитъ?“

— „На ярмарку“.

„Въ Ирбитъ на ярмарку, проговорилъ кавалеръ.—Это что-то мудрено!“

— „Да что-же тутъ мудренаго?“ спросилъ я.

„А вотъ что мудренаго: до ярмарки еще долго, такъ что-же вы будете дѣлать въ Ирбитѣ?“

— „Ну... поглядимъ городъ... осмотримъ окрестности...“ сказалъ я глупымъ голосомъ.

„Какія окрестности можно оглядѣть зимою? Окрестности тамъ, какъ и вездѣ, на три аршина подъ снѣгомъ. Это вздоръ, это не то; вы что-нибудь скрываете! А какъ ваша фамилія?“ спросилъ меня кавалеръ что-то черезчуръ пытливо.

— „Толстой“, отвѣчалъ я.

„Графъ?“

— „Нѣтъ, не графъ, а просто“.

„Просто, просто! Ну, это просто—не очень просто, сказалъ кавалеръ и громко засмѣялся.—Нѣтъ, господа! продолжалъ онъ, садясь на диванъ,—я старый воробей, меня на мякинѣ не поймашь! Вы не въ Ирбитъ, а черезъ Ирбитъ въ Туринскъ пробираетесь“.

Меня вольнуло прямо подѣ сердце.

„Вы направляетесь къ нашимъ“.

— „Къ какимъ вашимъ?“ спросилъ я грубо.

„Извѣстно, кто здѣсь наши! Ивашевъ, да Басаргинъ“.

— „Мы ихъ не знаемъ“.

„Ну, ладно; не знаете, такъ и ладно!“

„Что ты, чортъ этакой, подумалъ я.—Играешь что-ли съ нами въ кошку-мышку? Братъ, такъ бери, къ чему комедию ломать? Или ты, можетъ быть, ожидаешь подрѣзленія?“ Ухъ, скверно! скверно было у меня на сердцѣ.

„Не угодно-ли чаю?“ спросилъ насъ кавалеръ.

Мы отвѣчали, что охотно выпьемъ по стакану.

„А какъ вы пьете, г. Толстой, просто? Съ ромомъ или просто?“

— „Съ ромомъ и съ апетитомъ“, отвѣчалъ я развязно, корча молодца.

„А вамъ, г. Топорнинъ, какъ прикажете налить?“

— „Потрудитесь налить мнѣ полъ-стакана“.

„Что такъ мало?“

— „Вы нальете, а я погляжу; ежели чай покажется мнѣ крѣпко, то я долью стаканъ ромомъ“.

„Вотъ безподобно! Ха-ха-ха, вотъ это такъ! истинно прекрасно! Чудесно! Мысль новая, разжижать чай ромомъ! отлично, отлично“, и кавалеръ принялся цѣловать Топорнина. Не обидѣлъ онъ и меня своими ласками, говоря намъ: „Вижу, что вы ребята теплые! Извините меня, я сначала принялъ васъ за купеческихъ приказчиковъ, потому что съ виду вы показались мнѣ больно молодцоваты; послѣ я подумалъ, что вы золотопромышленники-милліонеры, потому что несловоохотны. А теперь вижу, что вы наша братья, коренные русскіе дворяне“. И онъ поправилъ свой Владимірскій крестъ.

Онъ назвалъ намъ свой чинъ, имя, отчество и фамилію (все сіе я перезабылъ), сообщилъ, что служить въ пермской уголовной палатѣ, имѣетъ въ Перми свой собственный домъ, который извѣстенъ тамъ каждому мальчишкѣ, и прибавилъ: „Полюбите меня такъ, какъ я васъ полюбилъ, то есть всею душою, и утѣшите на старости лѣтъ вашимъ посѣщеніемъ“.

Мы принялись за чай; бесѣда наша пошла шумно и весело. Но вошелъ Федоръ и объявилъ, что лошади готовы. Кавалеръ вскрикнулъ съ отчаяніемъ: „Какъ! уже?“

мы одѣлись, расцѣловались съ новымъ другомъ, коварно
шли захватить къ нему на возвратномъ пути, и разстались
на вѣки. Я сильно подозреваю, что въ то время, какъ
какой-то чиновникъ выходилъ изъ общей комнаты, онъ распро-
силъ насъ у Ѳедора и тотъ проболтался о нашей поѣздкѣ къ
Петровичу; однако-же, Ѳедоръ божился мнѣ, что онъ
не только не говорилъ съ чиновникомъ, но даже и
не видался съ нимъ.

Вѣдь-бы то ни было, а мы по страшному морозу мчимся въ
Сибирь.

Въ то время ѣзда по сибирскому тракту была необыкновенно
опасна, и вотъ какъ она производилась: подъѣзжаете къ стан-
ціи, и сразу встрѣчаетъ толпа ямщиковъ, между ними начинаются
крики и часто драки изъ-за того, кому ѣхать? Когда во-
звращаются, то всѣ они участвуютъ въ закладкѣ лошадей,
и потому что дикія лошади не идутъ ни въ оглобли, ни въ по-
ски. Когда упряжь кончена и пассажиры усядутся, ямщикъ
схватываетъ себя къ козламъ экипажа, чтобы не свалиться, и за-
тѣмъ „пускаетъ“; ямщики, удерживавшіе лошадей, быстро раз-
бѣгаются по сторонамъ, и бѣшеная тройка летитъ во весь духъ,
обходя горы, ни мостовъ, ни ухабовъ, и только на слѣ-
дующей станціи задерживается она новою толпою встрѣчающихся
ямщиковъ.

Въ самый полдень въѣхали мы въ Ирбитъ; намъ оставалось
до Турина всего 60 верстъ, но мы придумали въѣхать туда
сзади, чтобы не сдѣлать огласки, и въ случаѣ крайней опасно-
сти отовидавшись съ Василюмъ Петровичемъ, въ ту-же ночь
вернуться въ обратный путь. Мы пообедали, легли спать, но
спокойно отдохнули.

Внезапно были мы пробуждены страшнымъ крикомъ, доходяв-
шимъ до насъ черезъ перегородку сосѣдственной горницы.

Мы слышимъ, что Ѳедоръ нашъ басытъ неистово и кто-то во все
горло кричитъ: „Батюшки, давятъ! карауль, карауль!“

Мы поспѣшно одѣлись; бѣжимъ въ ту горницу, изъ которой
идетъ шумъ, растолкали собравшійся тутъ народъ и видимъ,
что Ѳедоръ, очень пьяный, схватя хозяина дома за шиворотъ,
пытается его носить на воздухѣ.

—Что ты дѣлаешь? закричалъ я на Ѳедора,—брось!“

Я не буду описывать подробно этой гадкой сцены, с только изъ-за чего она вышла: Ѳедору нашему показалось съ ныхъ глазъ, или, вѣриѣе, онъ сочинилъ, что, вынимая коше съ деньгами, онъ уронилъ двадцатипяти-рублевую бумажку; хозяинъ ее поднялъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Хозяинъ не выходилъ изъ комнаты и требовалъ, чтобы его обыскали. Благодаря Бога, намъ удалось уговорить хозяина, и обошлось безъ полиціи.

На дворѣ становилось темно, когда мы сѣли въ б... чтобы довершить наше странствованіе. Тройка наша впря была „гусемъ“; морозъ былъ почти невыносимый и промерзли лошади наши постоянно дергали экипажъ.

„Далеко-ли до станціи?“ спросилъ я ямщика.

— „Шестьдесятъ верстъ“.

„Какъ? развѣ ты прямо повезешь въ Туринскъ?“

— „Да, въ Туринскъ прямо; по этому тракту за сто в... кругомъ, исключая Туринска, жилья нѣтъ“.

„А дорога какова?“ спросилъ я.

— „Дорога гусевая; трактъ плохой, никто здѣсь не ѣздитъ. Бѣда, какъ разъ собьешься!“

„Вотъ еще удобство“, подумалъ я, влѣзая въ баулъ.

„Пошелъ!“ крикнулъ Ѳедоръ все еще пьянымъ голо... Лошади рванулись и завизжали подрѣза подъ экипажемъ шумъ.

Мы скоро вѣхали въ лѣсъ, вѣковой, дремучій, въ такой... который, за исключеніемъ не большихъ перерывовъ, тянется Туринска до Ледовитаго моря. Несетъ насъ рѣзвая тройка узкой дорогѣ, на которой слѣда почти незамѣтно. Вѣковыя ели и пихты стоятъ по обѣимъ отъ насъ сторонамъ; между ними—тьма кромѣшная, и только узкая полоса звѣзднаго свѣтитъ надъ нашими головами.

Ѳедоръ принялся браниться съ ямщикомъ; лошади по... тише и тише и вдругъ совершенно остановились. Ямщикъ съ козелъ и, подойдя къ намъ, сказалъ:

— „Господа, уймите вашего лакея; онъ ругается, одо... меня совсѣмъ; я брошу лошадей и убѣгу въ лѣсъ!“

Мы просили ямщика не обращать вниманія на слова пья... человека; обѣщали ему дать хорошо на водку, ежели онъ

насъ благополучно до Туринска. Ямщикъ успокоился, съѣзды рядомъ съ Ѳедоромъ и мы опять полетѣли.

Вскоро поднялся крикъ пуще прежняго; оказалось, что Ѳедоръ веревкою привязалъ ямщика къ своему поясу и говорилъ:

— „Ты пугаль господь тѣмъ, что бросишь лошадей и уйдешь въ лѣсъ; попробуй-ка теперь убѣжать отъ меня? Я тебѣ говорю, смиренно, ежели ты осмѣлишься только пошевелиться—я убью изъ этого пистолета“.

Ирритихъ ямщикъ; молчимъ и мы съ Топорнымъ, тревожно ожидая, что будетъ дальше. Пока Ѳедоръ привязывалъ къ себѣ ямщика, а тотъ отъ него отбивался, возжи, разумѣется, были брошены и подобрать ихъ было невозможно. Лошади, почувствовавъ, что никто ими не управляетъ, подхватили насъ жестоко. Экипажъ нашъ, задѣвая отводами за деревья, какъ мячъ леталъ изъ стороны въ сторону. Какими судьбами баулъ нашъ не разбился о деревья—я до сихъ поръ не могу понять.

Въ этомъ положеніи проѣхали мы около часу.

Вдругъ подъ возкомъ нашимъ что-то стукнуло и насъ такъ сильно стукнуло, что мы съ Топорнымъ ударились лбами о переднюю часть нашего экипажа. Лошади остановились, какъ вкопанные. Мы начали вылезать.

— „Что такое?“ спросилъ я ямщика.

Онъ вмѣсто отвѣта горько заплакалъ, приговаривая: „Господи! Господи! Кажись, во всю жизнь не ѣзжалъ я съ такими ямщиками! Развяжите меня Христа-ради! Куда я уйду? Въ лѣсъ едетъ 30 отѣхали отъ Ирбита; теперь въ лѣсъ не уйдешь—убьешь, или медвѣди съѣдятъ!“

Мы развязали ямщика, стали оглядывать и видимъ, что огромное дерево, вѣроятно сломанное вѣтромъ, лежитъ поперекъ дороги.

Что-же теперь дѣлать?“ сказалъ я ямщику.

— „Чего дѣлать-то? Пропали—да и только, ложись—да поспи! Мы и съ дороги-то сбились, прибавилъ онъ. Ничего не поделаешь: ни впередъ, ни назадъ!“

Долго стояли мы въ раздумьи, что предпринять? Наконецъ, ямщикъ сказалъ:

Надо походить по лѣсу, поглядѣть—нѣтъ-ли гдѣ объѣзда“.

Онъ пошелъ въ лѣсъ и просилъ насъ покрикивать ему по чаще, что мы усердно исполняли. Ѳедоръ нашъ что-то очень затихъ, кажется, порядочно струсилъ!

Ямщикъ скоро возвратился и сказалъ, что проѣхать кое-какъ можно—всего сажень пять тѣсновато. Отпрягли переднихъ лошадей, коренную осадили, свернули лѣсомъ налѣво, благополучно объѣхали карягу и выѣхали снова на дорогу.

„Садитесь, господа, сказалъ ямщикъ,—поѣдемъ на волю Божью впередъ, куда Богъ приведетъ“.

Проѣхавъ съ четверть часа, милый нашъ ямщикъ закричалъ намъ радостно:

„Ну, господа, молитесь Богу; мы не сбились съ дороги. Вотъ поляна, на ней есть землянка; огонь разложенъ, видно, народъ тутъ есть. Слава тебѣ, Господи!“

Я почувствовалъ въ душѣ моей такое блаженство, какъ будто самъ Богъ явился предо мною. Землянка, въ которую вошли мы, была очень просторная; стѣны ея обложены толстыми горбылями, закоптѣлыми отъ дыма; въ серединѣ очагъ, на которомъ горѣли дрова, а около дровъ грѣлись шесть человѣкъ проѣзжавшихъ крестьянъ.

Первымъ долгомъ сочли мы позвать ямщика и поднести ему большой стаканъ воды, которая была у насъ въ запасѣ. Онъ выпилъ, согрѣлся и очень весело началъ рассказывать проѣзжавшимъ крестьянамъ о нашихъ приключеніяхъ.

Я, между тѣмъ, расхаживая по землянкѣ, замѣтилъ, что на почернѣвшей отъ копоти стѣнѣ написаны были мѣломъ очень крупными буквами слѣдующія слова:

„Я здѣсь живу-страдаю. Я несчастнѣе всѣхъ твореній на землѣ!“

— „Кто здѣсь живетъ и страдаетъ?“ спросилъ я, усиливъ голосъ.

„Я, ваше благородіе“, отвѣчалъ человѣкъ высокій, стройный, красивый, но уже очень пожилой. Онъ рассказалъ намъ довольно длинную исторію, изъ которой я сообщу только самую сущность.

Онъ уроженецъ туринскій; отданъ былъ въ солдаты, служилъ въ Преображенскомъ полку унтеръ-офицеромъ и, окончивъ срокъ своей службы, возвратился на родину. Родныхъ онъ въ живыхъ не засталъ, отъ крестьянской работы отвыкъ и скучалъ

Туринскѣ. Между тѣмъ, слышитъ, что каждую зиму по до-
ль изъ Туринска въ Ирбитъ мерзнетъ множество народу, и
придумалъ выкопать ту землянку, въ которой мы находи-
мъ. „Все, что вы здѣсь видите, сказалъ добрый этотъ чело-
вѣкъ—все сдѣлано моими собственными руками; долго длилась
работа, но Богъ пособилъ мнѣ ее докончить. Я здѣсь живу
вѣднѣе отъ прїѣзжающихъ, часто голодаю, а благодарю Бога
за то, что хоть кому-нибудь могу быть полезнымъ“.

Топорникъ подарилъ унтеръ-офицеру 25 руб. Между тѣмъ,
отогрѣлись и начали собираться въ походъ. Мужички,
жившіе въ Туринскѣ, взялись проводить насъ; всѣ мы трону-
лись разомъ и несчастная землянка опустѣла.

Радостно забилося мое наболѣвшее сердце, когда мы вѣхали
изъ Туринска.

Мы остановились на постояломъ дворѣ, очень близко отъ дома
Василія Петровича.

Федоръ отправился къ Ивашевымъ объявить о нашемъ прїѣ-
здѣ и долго не возвращался.

Я узналъ впоследствии, что нашъ милый Федоръ надѣлалъ
большой скандалу въ эту ночь: онъ съ страшнымъ шумомъ во-
шелъ въ домъ Ивашевыхъ, перепугалъ, бывшую уже смертельно
больною, жену Василія Петровича, избилъ свою жену и грубо
явилъ, что старикъ Ивашевъ умеръ, а я прїѣхалъ въ Туринскѣ.
Я пошелъ къ Ивашеву; до разсвѣта оставалось часа два, а
легко вопросовъ должны были рѣшить мы въ это время!

Въ сѣняхъ встрѣтилъ меня Ивашевъ и какая-то женщина
зажженною свѣчею въ рукахъ. Онъ обнялъ меня крѣпко и
долго заплакалъ, однако-же, скоро оправился и сказалъ: „Пой-
демъ ко мнѣ“. Женщина со свѣчею пошла впередъ, мы послѣ-
довали за нею.

— „Не взыщи, мой другъ, что я веду тебя такими потемками,
сказалъ Василій Петровичъ,—нельзя зажечь лишней свѣчки, не
удаража все народонаселеніе; но не думай, что это происхо-
дитъ отъ недоброжелательства; нѣтъ, меня здѣсь всѣ любятъ и
жалуютъ; но что-же дѣлать, когда любопытство и сплетни со-
вмѣстѣ являются неодолимыми страсти туринскихъ жителей, а можетъ
быть—и всѣхъ уѣздныхъ городовъ“.

Я засталъ жену Василія Петровича очень страдающею; былъ

девятый день послѣ ея родовъ и разлившееся молоко бросилось ей въ голову. Она почти не могла говорить, а просила, чтобы мы сѣли около ея кровати, чтобы слушать мои рассказы о Россіи.

— „Могу-ли я пожить съ вами хоть нѣсколько дней“, спросилъ я.

„Врядъ-ли, отвѣчалъ Ивашевъ.— Впрочемъ, я послалъ уже за товарищемъ моимъ Николаемъ Васильевичемъ Басаргинимъ; онъ рѣшитъ, что намъ дѣлать“.

Я объявилъ Ивашеву, что со мною пріѣхалъ Топорнинъ; онъ не зналъ его, но очень обрадовался и сказалъ женѣ своей:

— „Можно-ли было ожидать такого сочувствія къ намъ изъ Россіи: люди намъ незнакомые, не смотря на всѣ опасности, пріѣзжаютъ навѣщать насъ“. Гонецъ отправился за Топорнинимъ. Басаргинъ и Топорнинъ явились скоро. Первый предложилъ объявить, по пріятельски, городничему о нашемъ пріѣздѣ и ждать его рѣшенія.

Между тѣмъ, начинало уже свѣтать и Басаргинъ разослалъ насъ по домамъ. На другой день, часовъ въ 9 утра, насъ позвали къ Ивашеву; при входѣ моемъ, Басаргинъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

„Я пошелъ рано къ городничему, но проклятый Ѳедоръ предупредилъ меня; онъ донесъ, что вы пріѣхали, что въ образѣ привезли деньги и въ шубахъ зашитыя письма. Городничій не знаетъ что дѣлать!“

„Однако-же, мы придумали дѣлу дать другой оборотъ. Будутъ распущены слухи, что вы пріѣхали сюда къ откупщику по торговымъ предпріятіямъ. Откупщикъ—человѣкъ очень преданный Ивашевымъ, я его предупредилъ, и онъ проситъ васъ сегодня къ себѣ обѣдать. Однако-же, въ ночь вы непременно отправитесь въ обратный путь“.

Въ это утро семейныя дѣла наши были покончены и мы отправились обѣдать къ откупщику. Намъ показался довольно забавенъ способъ угощенія со стороны хозяина. Онъ послѣ каждаго блюда наливалъ намъ по рюмкѣ водки, приговаривая: „Откушайте, сдѣлайте одолженіе, вино хорошее, 28 градусовъ перегару“. Но грѣхъ было-бы смѣяться надъ такимъ Авраамовскимъ гостепримствомъ. Вечеръ и почти всю ночь провели мы съ нашими ссыльными друзьями. Намъ хотѣлось узнать подробности о томъ, какъ дѣлали имъ допросы, какъ содержали въ

крѣпости, какъ жили они на каторгѣ; но для всего этого не достало времени, потому что намъ приходилось отвѣчать на ихъ разпросы о Россіи. Мы слышали отъ нихъ слѣдующее мнѣніе: — „Всѣ мы благодарны государю; онъ строгъ по принципу, но добръ по природѣ: вручивъ нашу участь въ руки лучшаго изъ людей (генерала Лепарскаго), императоръ Николай Павловичъ проявилъ такое милосердіе, которому могли-бы позавидовать и самые великодушнѣйшіе изъ русскихъ царей“.

Въ эту-же ночь мы выѣхали изъ Туринска, брося тамъ провлятаго Ѳедора.

„Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя...“

Утомленные страшнымъ физическимъ и нравственнымъ потрясеніемъ, мы заснули, какъ блаженные; заснули тѣмъ сномъ, который доставляетъ только вполне успокоенная совѣсть.

Сладкое отдохновеніе наше продолжалось 2 часа. Вдругъ быстро скачущая наша тройка остановилась. Экипажъ ярко освѣтился со всѣхъ сторонъ, застучали въ окна баула и закричали:

— „Господа, выходите скорѣе!“

„Ну, подумалъ я,—на этотъ разъ мы погибли неминуемо!“

Я выпрыгнулъ изъ баула, кто-то бинулся на меня и, крѣпко обхватя меня руками, сказалъ:

„Благополучно-ли съѣздили?“

Что такое? думаю я и не могу прійти въ себя. Вижу, вокругъ меня нѣсколько мужиковъ, съ зажженными лучинами, и вижу, наконецъ, что я нахожусь въ объятіяхъ знакомаго намъ преображенскаго унтеръ-офицера.

„Пожалуйте, господа, отогрѣйтесь, сказалъ онъ,—я поджидалъ васъ во всю ночь и приготовилъ для васъ эту иллюминацію!“

Въ Екатеринбургѣ мы пообѣдали у Арсеньева; Пермь и Казань промелькнули передъ нашими глазами, и 26-го декабря (1838 г.) мы торжественно въѣхали въ Симбирскъ.

Г. М. Толстой.

Сообщ. А. П. Топоркинъ.

Охрана рекрута

1790 г.

По порученію Рязанской ученой архивной комиссіи, я занимаюсь въ настоящее время разборомъ дѣлъ прошлаго столѣтія Рязскаго нижняго земскаго суда.

Въ числѣ бумагъ не особой важности, кои могли-бы быть назначены къ уничтоженію, есть масса явочныхъ разнаго рода прошеній о кражѣ лошадей, побѣгахъ вѣрстанъ, дворовыхъ людей и пр. По дѣлу видно, что земскій судъ цикакихъ почти мѣръ по этимъ прошеніямъ и не принималъ, да, вѣроятно, и не имѣлъ возможности принимать по ихъ многочисленности; но въ числѣ этихъ явочныхъ прошеній мнѣ попалось одно, заслуживающее самаго полнаго вниманія, рисующее картину изъ провинціальной жизни весьма характерно.

Выборный отъ Стрѣлецкой слободы г. Рязска, изъ однодворцевъ, Тимоѣей Чвирокъ, подалъ въ земскій судъ прошеніе, „что въ декабрѣ сего 1790 года той Стрѣлецкой слободы, по общему мірскому всѣхъ однодворцевъ согласію, пойманъ былъ очередной, для отдачи за всѣхъ показанной слободы однодворцевъ въ рекруты, однодворецъ Дмитрій Бороздинъ, который, находясь подъ карауломъ обще съ караульщикомъ, однодворцемъ Савелиемъ Серебрянниковымъ, скованные, не знаемо куда бѣжали.

„И если паче чаянія оные однодворцы явятся гдѣ-либо на воровствѣ или въ другомъ какомъ противномъ закону проступкѣ, то не причтено-бъ было мнѣ и прочимъ той слободы однодворцамъ въ виновность, а равно буде они, убѣгая той отдачи, попортятъ у себя какой-либо членъ—понужденнымъ нашелся просить, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое явочное прошеніе въ Рязскомъ нижнемъ земскомъ судѣ принять и записать впредь для вѣдома.

„Всемилоствѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшенія учинить. Декабря дня 1790 года“.

Такимъ образомъ, изъ этого прошенія явствуетъ, что для окарауливанія рекрута въ глубинѣ Рязанской провинціи употреблялся пріемъ, который практиковался въ древнемъ Римѣ; и сторожа, и окарауливаемого сковывали одною цѣпью, и когда они рѣшались бѣжать, то бѣжали вмѣстѣ...

Было-ли это одиночное явленіе или часто практиковалось, рѣшить, конечно, трудно...

Членъ Рязанской ученой архивной комиссіи А. Мансуровъ.

20-го іюля 1890 года.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 гг. ¹⁾.

Калуга, 22-го мая 1847 г. ²⁾.

Пока еще есть кое-какія силѣнки, пишу вамъ, любезный другъ Николай Васильевичъ. Со дня на день, или лучше съ часа на часъ у родовъ съ величайшимъ страхомъ, потому что чувствую слабость, и нервы въ дурномъ положеніи. Не знаю, что Богъ дастъ; или останусь жива, напишу какъ только силы позволятъ. У насъ едетъ своимъ порядкомъ, т. е. вице-губернаторъ поссорился съ губернаторомъ; видно, для управленія Россіи это нужно, потому что Орлъ та-же штука, въ Нижнемъ тоже и во многихъ другихъ родахъ подобное. Прокуроръ пишетъ доносы, однимъ словомъ—губернія свое дѣло дѣлаетъ. Приѣхалъ ревизоръ изъ Питера—ревизовать юстиціонныя мѣста. Ив. Аксаковъ изъ уголовной палаты переехалъ въ московскій сенатъ. Если Богъ дастъ здоровье и силы у родовъ, я вамъ опишу всю дразгу съ вице-губернаторомъ, которому фамилія К...нъ, и разныя похожденія нашихъ львицъ бернскихъ, всю фізіогномію города, во время гвалта, словомъ—все, все.

Читали-ли вы нѣкогда письма Павлова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ противъ васъ; въ нихъ высказалась вся лакейская натура

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LIII, апрѣль, стр. 31—72; томъ LIV, стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147; т. LXI, 1890 г., т. LXVI, іюнь, стр. 639—656; т. LXVII, іюль, стр. 195—212; т. LXVIII, августъ, стр. 279—291.

²⁾ См. отвѣтъ Гоголя, VI, 406.

Павлова. Вяземскій вамъ, вѣроятно, послалъ свою статью. Жуку дружескій поклонъ. Что его жена? Поправляется-ли лѣтомъ?—жалъ мнѣ ихъ очень. Прощайте, другъ мой, молитесь обо мнѣ, а я васъ никогда не забываю.

Калуга, 25-го іюня 1847 г.

Любезный и добрый Николай Васильевичъ, я получила два вашихъ письма изъ Франкфурта съ тѣхъ поръ, какъ родила, но отвѣчать еще не могу на нихъ, какъ-бы желала. Скажу вамъ, что родила 30-го мая въ ночь, очень благополучно, сына, котораго назвали, 22-го числа іюня, Михайломъ; поправляюсь медленно — нервы слабы ¹⁾. 10-го іюля отправляюсь прямо въ Ревель безъ остановки, но такъ какъ я ночую всякую ночь, то туда доберусь едва къ 25-му іюля. Надѣюсь, что эти ванны, какъ ни слабы, помогутъ мнѣ болѣе, чѣмъ ванны съ разною медицинскою дрянью. Ваши письма для меня отрадны; вижу, что милосердный Богъ укрѣпилъ и духъ вашъ и тѣло. Можетъ быть и то, что духъ такъ бодръ, что забывается немощное тѣло. Молю ежедневно о васъ и благодарю за вашу молитву. Христосъ съ вами.

..... Клементій Осиповичъ какъ-то не очень охотно берется писать къ вамъ, но Лѣва за то вѣрно приготовить длинное и, вѣроятно, нужное вамъ письмо. Онъ очень умный малый. Много возился съ Аксаковымъ, Ивановъ, и знаетъ всѣхъ московскихъ. Вотъ вамъ вопросъ: что лучше, львицы нынѣшнія, или поколѣніе тому назадъ 30 лѣтъ, когда били дѣвокъ по щекамъ? У насъ въ губерніи существуютъ еще оба явленія. Не смѣйтесь моему вопросу; онъ вызванъ разказами моей собесѣдницы бабушки, которая 33 года развѣждала по уздамъ и знаетъ всѣхъ богатыхъ и мелкихъ господъ. Отъ этихъ людей болѣе узнаешь, нежели самъ по себѣ.... Христосъ съ вами! Ваша отъ души и сердца.

Посылаю письмо отъ Над. Ник. Шереметьевой, о которомъ было забыла.

Петербургъ, 17-го мая 1848 г.

Любезный другъ, тяжело мнѣ жить на свѣтѣ!

Господь Богъ продолжаетъ мои страданія. Голова моя плоха, нервы ничто не успокаиваетъ; жду здѣсь помощи въ одиночествѣ. Тоска и страхи одолаваютъ, молитесь за меня, у меня отнялись

¹⁾ См. отвѣтъ Гоголя въ письмѣ отъ 8-го іюля 1847 (VI, 411). В. III.

ы къ молитвѣ. Дѣти въ Калугѣ, а я 8 мѣсяцевъ одна; тяжело и стно. Одно время было лучше, явилась и надежда, но съ весной пропало. Погода ужасная. Ваша отъ души ¹⁾).

Петербургъ, 20-го октября 1848 г.

Я собиралась къ вамъ писать и сѣла у стола, а вы сами подоли. Къ Веневитиновымъ я не догадалась пріѣхать, не догадала и спросить у васъ, съ какимъ дилижансомъ вы ѣхали. Была двухъ заведеніяхъ и пріѣхала въ третье по отъѣздѣ его. Вотъ его мы съ вами не простились ²⁾).

... Меня подь-часъ разбираетъ порядочная досада на немощность моего; мнѣ нужно въ Калугу. Бѣдный Н. М. совсѣмъ упалъ оми, на него такъ и сыплютъ изъ департаментовъ всякую дрянъ разь; онъ имъ слишкомъ горекъ, потому что не даетъ имъ токъ. Какое-бы вы доброе дѣло сдѣлали и мнѣ, и себѣ, и ему, и-бы рѣшились съѣздить въ Калугу на три дня.

... Я право не знаю, что ему и отвѣчать, потому что въ полномъ жденіи, что нельзя служить, а между тѣмъ, виѣ этой дѣятельти онъ пропадетъ, потому что не можетъ ничѣмъ заняться и скутъ, а что еще хуже, начнетъ управлять имѣніями, т. е. вводить кую дрянъ и новость, какъ-то: фабрики и проч. Будь у меня неого силъ, я-бы сладила. Я никого не принимала; а дѣло въ томъ, ко мнѣ никто не ѣздитъ по извѣстной вамъ причинѣ, что въ тѣ ищутъ забавъ, а у меня ихъ не могло быть. Они, какъ всѣ, вутъ еще на устарѣлыхъ началахъ, а передѣлать это мудрено. замъ говорила, что, между прочимъ, дѣти забава, и Соню посаи безъ моего спроса на лошадь. У Віельгорскихъ я была однажды, финя была въ постели и не приняла, а съ тѣхъ поръ не выаю болѣе. Постараюсь исполнить ваше порученіе касательно Нози ³⁾),

¹⁾ Отвѣтъ на это см. VI, 461. Послѣ рожденія сестры (Н. Н) моей, у маи моей была fièvre de lait и она все боялась помѣшательства, т. е. бѣлой ччки,—все это отъ расстройства нервовъ. Хотя она и жалуется, что неетъ читать и писать, а у меня нѣсколько томовъ переписано ея писемъ отцу моему, того времени,—настоящіе мемуары, не хуже Sévigné и St. on, о всемъ, что происходило и о чемъ читала. Печатать ихъ нельзя, тамъ много о высшемъ обществѣ и проч. интимныя вещи.

Ольга Смирнова.

²⁾ Въ 1848 году Гоголь былъ въ Іерусалимѣ, потомъ онъ видѣлся съ Смирной въ Россіи. Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо отъ 14-го октября 1847).

³⁾ VI, 473: „Старайтесь чаще видѣться съ Луизой Карловной (Z Z) и Анной хайловной“ (F Z).

но едва-ли это мнѣ удастся; надобно-бы очень часто видѣться съ ней для этого, а графиня ее одну не пуститъ ко мнѣ, сама-же всегда прѣѣзжаетъ на минуту. Александръ Петровичъ ¹⁾ былъ у меня; онъ спѣшитъ въ Москву. Вамъ надобно видѣться непременно съ Филаретомъ; пожалуйста, ради меня, повидайтесь съ нимъ, у него чувствуешь что-то радостное, такъ онъ высвѣтлѣлъ (это ваше слово ему какъ разъ приходится). Явленіе такое рѣдко въ этомъ санѣ. Вспомните его слова на освященіи скита, когда онъ заливался слезами и всѣ предстоящіе рыдали. Это были послѣднія слезы человѣка тлѣннаго, потому что скитъ открытъ, когда онъ почувствовалъ, что никогда не будетъ въ Петербургѣ и синодѣ. Съ той поры замѣтили въ немъ ту значительную духовную перемену. Меня именно прельщало въ немъ то, что казалось Хомякову и многимъ несносно (т. е. его учтивость и кроткая любезность съ прескучными дамами). Человѣкъ не имѣетъ никакого права отталкивать просящаго у него, и вотъ почему бѣдный владыка сидитъ съ барынями. Вы у него научитесь любить Троицкій посадь и препод. Сергія, а тамъ много утѣшенія возлѣ святаго чудотворца. Не забудьте Михаила Нарышкина отыскать. Какъ хорошъ „Бродяга“ Ивана Аксакова, и какъ онъ самъ мнѣ понравился теперь. Я люблю его трезвость; займитесь его меньшей сестрой Машей ²⁾; бѣдняжка уже теперь хандритъ. Свѣтъ въ дали, а Константинъ, съ топоромъ его разрушающій,—все это на дѣвочку сильно подѣйствовало. Мать озабочена, а отцу лишь до литературы. Аркадій, слава Богу, хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ; вамъ очень усердно кланяется. Вчера ожидали в. кн. Ольгу. Не знаю почему, но не могу оторваться отъ мысли, сколько радости и горя почувствуютъ при этомъ свиданіи Государь и все семейство. Государь было всѣхъ перепугалъ. Упалъ въ комнату, вновь навощенной, такъ сильно, что его вслѣдствіе ушиба рвало желчью очень сильно, а бокъ весь почернѣлъ. Если-бы на головѣ не было каски, то разшибъ-бы себѣ голову. Какъ сильно чувствуется, сколько онъ нуженъ въ такія минуты, если онъ боленъ или хворааетъ. Послѣ васъ очень приторно въ Петербургѣ; одинъ греческій языкъ спасаетъ ³⁾; голова такъ еще слаба, что вечеромъ

¹⁾ Толстой.

²⁾ На это Гоголь отвѣчалъ: „Все, что я сдѣлалъ, было то, что я вслѣдствіе письма вашего постарался узнать, которая изъ дочерей Аксакова (SS) называется Машенькой (NN). См. VI т., стр. 475.

³⁾ А. О. Смирнова училась греческому языку съ цѣлю изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ (Соч. Вяземскаго, VIII, 234—235).

тѣ картъ ничѣмъ не могу заняться. Прочитайте Дебольскаго печеніе церкви“, тамъ для васъ нѣтъ ничего новаго, но прено изложено то, что нужно знать всякому православному. Те-прощайте—я устала; поклонитесь всѣмъ моимъ знакомымъ. а отъ души.

Калуга, 26-го января 1849 г.

Посылаю вамъ съ Бѣлевичемъ ¹⁾ пару носковъ, любезный Ний Васильевичъ. Трудно вамъ сказать, въ какомъ мы положеніи. почти двѣ недѣли, какъ сидитъ у насъ сенаторъ, и ни къ не приступаетъ до сихъ поръ. Сначала были формальности, анаторъ явился къ нему съ почетнымъ рапортомъ, потомъ былъ го получить приказанія, представилъ ему чиновниковъ; послѣ сенаторъ явился ко мнѣ съ дядей своимъ Мацневымъ; даль вствовать, что не приметъ даже официального обѣда, чтобы не ли въ Москвѣ, что онъ съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ. всѣ ждали, что Ершovy тотчасъ вьются и начнется дѣло, но ня Мацневъ пріѣхалъ къ Николаю Михайловичу и сказалъ, они, вѣроятно, будутъ черезъ двѣ недѣли; все это ужасно не-но, ставить насъ въ самое фальшивое положеніе и весьма тя-ю. Повидимому, сенаторъ не знаетъ, какъ начать дѣло, потому оно выбито изъ колеи и никакая статья Свода законовъ не етъ, какъ въ нее войти. Есть обстоятельства такія непости-ия въ жизни, что надобно слишкомъ ухватиться за Бога, чтобы, нецъ, не сомнѣваться въ Его правосудіи. Извѣстный всему міру ецъ подаетъ подлый и скверный доносъ, и въ его угодность ютъ два семейства, мараютъ ихъ честь передъ Государемъ всей и, и даже тѣ, которые посланы ихъ оправдывать, боятся по-тъ истину. Съ нами дѣлаютъ неслыханныя дѣла; примѣру по-го нѣтъ и не бывало. Закревскій противъ насъ попираетъ аконы въ пользу Ершовыхъ, и ни одинъ министръ не имѣлъ этого сказать государю; послѣ этого можно-ли жить въ Россіи, тотъ, который долженъ блюсти законъ, его попираетъ, и за не наказывается. Сенаторъ нашъ такой трусъ, что не стыдится ко говорить, что Закревскій силенъ и что онъ его боится; онъ не переговорилъ съ Перфильевымъ въ Москвѣ, чтобы не по-тъ видъ, что онъ за насъ. Самъ мнѣ сказалъ, что откланиваясь

¹⁾ Бѣлевичъ упоминается въ письмѣ Гоголя отъ 6-го декабря 1849 г. былъ школьный товарищъ Гоголя, племянникъ профессора Бѣлевича.

Государю, онъ ему сказалъ, что знаетъ старика Е...ва за чернаго человѣка, а теперь боится приступить къ дѣлу. Хорошо и министръ внутреннихъ дѣлъ — не могъ имѣть вліянія на выборъ сенатора; если-бы сюда прислали Корнилова, тотъ давно-бы уже это все кончилъ. Одна уже эта медленность его доказываетъ, что онъ хотѣлъ дать время выбрать сына Е...ва въ предводители, и тѣмъ и выградить его отъ суда, потому что, очень естественно, Государь скажетъ: „видно, что сынъ Е...ва честный человѣкъ, что единогласно все дворянство его выбрало“.

Государь вѣдь не можетъ знать, какъ дѣлаются выборы и что значить вліяніе генераль-губернатора, да еще такой с....., какъ Закревскій. И тутъ даже онъ не имѣлъ права допустить его къ выборамъ, потому что онъ подъ судомъ; значить, онъ еще поступилъ противозаконно и смѣется надъ указомъ сената, который мы получили, въ которомъ сказано: „Е—хъ, отданныхъ подъ судъ за клевету на гражд. губерн.“, и прибавлено въ указѣ—предварительно суда сдѣлать формальное изслѣдованіе. Слѣдовательно, судъ не былъ отмѣненъ и Закревскій просто сказалъ: „я на комитетъ министровъ, на рѣшеніе, наконецъ, на указъ правительствующаго сената печатный, и допускаю Е*** къ выборамъ, потому что у меня блянки, а я дѣйствую высочайше дарованною мнѣ властью“, какъ онъ имѣетъ привычку говорить. Теперь-же вообразите наше положеніе; мы имѣемъ противъ себя двухъ п....., которые, пожалуй, пойдутъ подъ колокольный звонъ, имъ это ни по чемъ, и другого п..... Закревскаго, который, какъ ч....., за нихъ лѣзетъ, никого не боится, всѣхъ министровъ своей силой напугалъ. А сила въ томъ, что онъ себя представляетъ охранителемъ Москвы отъ вольнодумцевъ, а вольнодумцами представляетъ тѣхъ, что не любятъ развратъ, который у него дѣлается, который дѣлается вообще въ свѣтѣ. Въ томъ числѣ, вѣроятно, и мы съ вами, а ужъ, кажется, я стою за правду и не заражаюсь ни чѣмъ! Вотъ вамъ, любезный другъ, наши обстоятельства; кажется, трудно вообразить что-нибудь хуже. Одинъ Господь Богъ за насъ, потому что сильныхъ покровителей у насъ нѣтъ. Было время, что вы просили меня молиться за васъ, теперь вамъ надобно молиться за меня, за насъ всѣхъ.

Вчера у меня былъ жандармскій полковникъ, говорилъ мнѣ о Софьѣ Ивановнѣ и послѣднія его слова были: если дойдетъ до того, что ее на очную ставку съ отцемъ, можетъ быть, она тутъ и умретъ, но, конечно, мы до этого не допустимъ, потому что она едва дышетъ. Я держусь кое-какъ, стараюсь не давать волю мыслямъ, по-

у что, можетъ быть, придется ѣхать въ Петербургъ. Николай Михайловичъ тоже боленъ, очень исхудалъ. Однимъ словомъ, мы идемъ въ аду, по милости Закревскаго. Мнѣ ужасно хотѣлось-бы, чтобы вы пріѣхали сюда ¹⁾, выберите тепленькій денекъ, возьмите какой-нибудь дилижансъ и пріѣзжайте; вамъ даже любопытно будетъ все это смотрѣть; да такъ какъ вы сердцевѣдецъ, то можете все это высмотрѣть и узнать, что отъ насъ при теперешнемъ волненіи и ускользнетъ. Подумайте, душа моя, и пріѣзжайте, только будьте осторожны. Ваша отъ души. По почтѣ берегитесь писать, мы окружены слухами о Закревскомъ и письма наши читаются, такъ что я даже письма не пишу. Ваша отъ души, еще разъ.

Графу Александру Петровичу (Толстому) поклонитесь и графинѣ ²⁾ тоже; можете ему кое-что сообщить.

1849 г. ³⁾

Любезный Николай Васильевичъ, отчего вы уже черезчуръ стали молчаливы, или не больны-ли вы? Мнѣ-бы очень хотѣлось васъ видѣть и съ вами поговорить, но невозможно и не хочется, но, по крайней мѣрѣ, вы-бы писали хоть изрѣдка. Мы ждемъ отъ васъ сенатора ежедневно и ежечасно. Сплетень, сплетень-то, поди упаси, сколько! Одинъ и единственный предметъ разговора сенаторъ и его пріѣздъ. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ, что, вопли въ кондитерскую Гартмана, будучи погруженъ въ эту мысль, даже ему совѣтовалъ подумать, чтобы принялъ свои мѣры, какъ выкрасить комнату и проч.; потомъ, говорить, я опомнился, да Гартманъ сказалъ: „А мнѣ что-же до сенатора?“ Губернія въ настоящее время является во всей красѣ своей, т. е. въ постыдной наготѣ. Мы живемъ болѣе и болѣе матушкѣ Россіи, какъ она успѣла, подъ вліяніемъ европейскій, втихомолку, дойти до такого разврата и потерять всякое нравственное чутье. И все и все и вездѣ деньги, и наглости доходитъ обожаніе этого кумира новыхъ временъ. Золотой цѣпъ, который въ мелочи по карманамъ, этотъ болѣе опасенъ чѣмъ божество, которые выливались изъ металла. Если въ древности совершали обряды въ честь грубой чувственности, теперь служатъ чуждой чувственности, и все прикрито и какъ будто благоугодно. На это наводитъ меня слово Евсевія царю Константину.

¹⁾ Гоголь пріѣхалъ, но поздно.

Ольга Смирнова.

²⁾ Женѣ Толстаго—Аннѣ Георгіевнѣ.

³⁾ Письмо это безъ даты; помѣщаемъ его здѣсь, въ виду сходства содержания его съ предыдущимъ.

Я, по вашей рекомендаціи, читаю „Христіанское Чтеніе“, и съ большимъ наслажденіемъ. Странное существо человѣкъ! Читаю и скучаю тѣмъ, что не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ, а писать не умѣю. Вы, можетъ быть, не испытали, что такое такъ быть одною, какъ я въ моемъ положеніи, гдѣ всякое слово, мною сказанное, принимается какъ оскорбленіе, какъ желаніе выказать себя, отличить себя. Мои сношенія съ вами, даже мой греческій языкъ, мнѣ ставятъ въ укоръ. Приправляютъ всѣ рѣчи такъ: „Какъ-же вамъ заниматься дрязгами хозяйства? Съ вашимъ-ли умомъ?“ То есть, на что ты годна, когда у тебя грибы не солены въ пору, и варенья не умѣютъ варить, и люди тебя обираютъ.

Многое хотѣлось-бы вамъ передать поважнѣе этого, но по почтѣ не годится говорить о дѣлахъ семейныхъ. Одно у меня утѣшеніе—пріѣздъ матери невѣстки моей Афросимовой. Она кротка, добра и умна, и дивится многому. Что дѣлалъ *** ¹⁾ съ нами, это уму непостижимо; хороша и жена брата Осипа, нечего сказать! Впрочемъ, говорилъ самъ Христовъ: „а врази человѣку домашніе его“. Напишите мнѣ, знакомы-ли вы съ Назимовымъ ²⁾, который теперь назначенъ вмѣсто Строгонова? Мнѣ это нужно теперь знать по одному дѣлу. Что дѣлаютъ всѣ ваши и мои знакомые, Тентетниковъ и проч.? Графу Александру Петровичу Толстому мое почтеніе. Попросите его вамъ рассказать, что сдѣлалъ съ нимъ въ Твери Топильской; мнѣ очень хочется знать, правда-ли это; мнѣ говорилъ это Барановскій, а ему самъ Топильской ³⁾ не стыдился рассказывать свои гадости. Прощайте, здоровье мое скверно, да какъ и быть иначе при такихъ дрязгахъ. Дай только Богъ вынести все. Прощайте.

¹⁾ Ершовъ, братъ С. Ив.

Ольга Смирнова.

²⁾ Гоголь отвѣчалъ на это въ письмѣ отъ 6-го декабря 1849 г.: „Съ Назимовымъ я мало знакомъ; видѣлся съ нимъ раза два. Отзываются о немъ другіе хорошо“ (VI, 495).

³⁾ М. И. Топильскій, директоръ департамента при министрѣ юстиціи, В. Н. Панинѣ; о немъ и его отношеніяхъ къ Панину см. „Русскую Старину“ 1887 г., тт. XI и XII, и „Русскій Архивъ“ 1887 г., т. XII. В. III

жененія Ольги Николаевны Смирновой къ письму ея матери
отъ 26-го явваря 1849 г.

Калужскій вице-губернаторъ былъ г. N. N. Онъ былъ страшный деспотъ. Первая жена оставила ему двухъ сыновей; онъ ее просто замучилъ; она умерла. Онъ былъ въ Калугѣ уже вдовымъ и велъ очень неладную жизнь. Вторая жена его, кн. Т.....я, развелась съ нимъ; онъ ее чуть не свелъ на.... N*** любилъ музыку, имѣлъ свой оркестръ. Одинъ разъ его chef d'orchestre (нѣмецъ) пришелъ жаловаться къ моему отцу: **—нѣ избилъ почти до смерти одного мальчика-музыканта, 15-ти лѣтъ,—это была первая разсуда моего отца съ нимъ. К* былъ до того жестокъ, что его собственные слуги боялись его до того сильно, что его едва спасъ камердинеръ; это было уже послѣ Калуги. Однако-же, онъ получаетъ мѣсто; Закревскій, особенно графиня, его поддерживали; онъ умеръ въ 1885 г. N—нѣ былъ графъ. Графъ Закревскій имѣлъ свою клику,—это была своего рода аракия въ Москвѣ; онъ игралъ ту-же роль, какъ Аракчеевъ при Алексѣ Павловичѣ въ 1820-хъ годахъ, въ мнѣнн публичн.

Послѣ ссоры съ K***, который надѣялся получить мѣсто калужскаго губернатора черезъ Закревскаго, на моего отца начали посылать доносы. Калугѣ было вездѣ много раскольниковъ, они давали взятки, всѣ богушцы были въ сектахъ. Отецъ безопадно ловилъ взяточниковъ. Даже хлыстовскіе корабли и скопческіе корабли. Закревскій получалъ большой доходъ и былъ недоволенъ, что мой отецъ по дѣламъ комиссiона открывалъ всѣ „корабли“ Московской губ., которые были въ распоряженіи комиссiей, ему этимъ помѣшалъ отецъ. Жандармскій полковникъ подкупленъ хлыстами, отецъ прямо пожаловался Бенкендорфу или Дуббельту; его смѣнили, прислали другаго, нѣмца (замѣтьте, что почти всѣ они были нѣмцы). Преждему жандарму-полковнику Закревскій покровительствова. Онъ не посмѣлъ отмстить Дуббельту, а отцу онъ отплатилъ всякими гадостями. Государь предложилъ отцу въ 1845 г. быть московскимъ губернаторомъ; онъ отказался и выбралъ Калугу, говоря, что не желаетъ служить въ формѣ Закревскаго. Послѣдній это узналъ и, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ прежнимъ калужскимъ губернаторомъ, онъ уже на первыхъ шагахъ возненавидѣлъ отца. Мать моя въ Москвѣ не была съ визитомъ къ Закревскаго. Дядя моего отца, П. П. Смирновъ, жилъ въ Москвѣ и былъ съ Закревскимъ всегда на ножахъ, не ѣздилъ къ нему и не любилъ его „Аракчеевскій капралъ“; все это, мало-по-малу, дошло до истощенія моего отца, онъ требовалъ ревизіи губерніи. Александръ Толстой былъ посланъ Перовскимъ (мин. внутр. дѣлъ) съ княземъ Давыдовымъ, въ Калугу. Жена его была дружна съ Закревской. А государь узналъ, что Корниловъ, а Давыдовъ ревизуетъ, уже къ концу дѣла. Послѣдній дѣла ревизіи въ Калугѣ 1851 года отецъ оставилъ Калугу. Въ 1852 году ему далъ государь Станиславскую ленту; въ 1853 г., меня еще молодой лавкѣ сдѣлали фрейлиной, а въ 1852 г. уже государь послалъ въ Москву для секретнаго дѣла по расколн. дѣламъ Рогожскаго монастыря, помимо Закревскаго, и одинъ Лужинъ зналъ о томъ. Это дѣло кончилось въ 1853—1854 гг., и до смерти государя отецъ мой былъ въ

тайной комиссіи по раскольническимъ дѣламъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а къ Пасхѣ 1855 г. императоръ Александръ Николаевичъ назначилъ моего отца губернаторомъ въ Петербургскую губернію.

Дѣло съ Е***, другомъ Закревскаго, только косвенно касалось моего отца. Братъ моей матери, Ос. Ос. Россетъ, былъ друженъ съ орловскими Плещеевыми (нѣз семейства поэта), а дяди ихъ были дружны съ Лорерами, У Е*** были два сына; съ однимъ онъ рассорился, съ другимъ былъ хорошъ; первый былъ игрокъ. У Е — ва была побочная дочь, которую онъ призналъ и она была узаконена; она была хороша собой. Плещеевы ее видали, она дружна была съ дочерью Плещеевыхъ, которые очень желали выдать свою дочь за дядю моего, а онъ влюбился въ Софью Ив. Е***, а она въ него. Е*** очень обрадовался и далъ ей имѣніе, воелъ своего помѣстья, въ 500 душъ; молодые поселились въ немъ. Софія Ивановнѣ было 22 года, а боялась отца, какъ огня. Въ одинъ прекрасный день Е — въ избилъ до смерти одного мужа своей дочери и пріѣхалъ обѣдать къ ней. Дядя мой, которому дали знать объ этомъ, безъ лишннихъ разговоровъ и при Плещеевыхъ, которые тутъ обѣдали, объявилъ Е***, что онъ не скрываетъ отъ становаго правду, и что его жена вольна принимать отца своего, но что Е*** не въ правѣ засѣвать не только чужихъ, но и своихъ мужиковъ, и что онъ не намѣренъ обѣдать съ палачемъ, и уѣхалъ къ Плещеевымъ, которые взяли его сторону. Началось слѣдствіе; Е*** подкупили становаго, докторъ донесъ правду, исправника подкупили, дѣло дошло до губернатора орловскаго, друга Ершова, который разными путями и страхомъ вынудилъ дочь свою дать ему довѣренность на управленіе имѣніемъ, а дядя, узнавъ это, увезъ ее въ Калугу, гдѣ поселился у насъ-же. Она была беременна; они жили въ Калугѣ до нашего отъѣзда, а потомъ въ Москвѣ. На моего отца явился тогда глупѣйшій доносъ, что онъ будто-бы велѣлъ обоихъ Е*** вывести силой изъ Калужской губерніи и укрывать въ своемъ домѣ дочь Е***, не позволяя ей видаться съ ея нѣжнымъ отцомъ († 1853 г.). Новый жандармскій полковникъ послѣ того устроилъ такъ, что у ней не было очной ставки съ ея отцомъ; мысль, что онъ ее проклянетъ, пугала ее до истерики; она отъ робости, а также отъ нѣкоторой странной привычки къ отцу и его деспотизму, никогда не выговаривалась искренно и таила все, что она знала, и что онъ не въ первый разъ засѣбалъ людей, и что три раза его люди поджигали домъ, и даже его разъ отравили. Е — въ былъ настоящей извергъ и велъ самую безнравственную жизнь. Дядя мой звалъ его се *satrape persan*. Плещеевыхъ мы знали хорошо и уже впоследствии я слышала про Е*** отца и сына ужасныя исторіи, а дѣло это замаяли по милости Закревскаго. Въ 1853 г. мой дядя умеръ уже, и отецъ, чтобы оборонить Софью Ивановну Россетъ отъ ея недоброжелателей, испросилъ для ея дѣтей высочайшую опеку. Она жила у себя въ деревнѣ; вышла замужъ за сосѣда и умерла въ родахъ въ 1863 году.

Сенаторъ Давыдовъ былъ какъ-то въ свойствѣ съ женой Е*** сына и вотъ почему, по интригѣ Закревскаго, не Корнилова, а его, Давыдова, назначили въ ревизію.

Алексѣй Константиновичъ Толстой (поэтъ и романистъ) прожилъ въ Калугѣ все время слѣдствія; онъ читалъ моей матери свой романъ и стихи, охотился съ моимъ отцомъ въ Бѣгичевѣ (наше калужское имѣніе), и Гоголь тутъ съ нимъ сошелся. Толстой читалъ Гоголю первыя главы „Князя Серебрянаго“, планъ трилогіи, стихи и былины, а Гоголь читалъ ему „Мертвыя Души“,

Гоголь очень полюбил графа Алексѣя Толстого. Последній годъ и Гоголя и въ 1850 г. мы его видѣли очень часто и много (болѣе, чѣмъ промежуткомъ съ 1845 до 1849 г.), когда онъ былъ въ Калугѣ съ графомъ Толстымъ, и въ 1849 и 1850 г. также.

Старикъ Плещеевъ (неженатый) былъ друженъ съ Лореромъ, декабри-емъ, роднымъ дядей моей матери, и рассказывалъ намъ, что И. С. Тургеневъ разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Е—ва въ своихъ повѣстяхъ, напр. въ „Трехъ портретахъ“, а также въ лицахъ помѣщиковъ-дворянъ. Повидимому, Е—въ былъ очень извѣстенъ въ околосѣ своихъ экза-менахъ. Я спросила Тургенева, правда-ли это?—Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Я даже не зналъ и десятой доли того, что зналъ про отца Е—ва и про сына, любимца, игрока, а также про К—на, который былъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что онъ былъ уменъ; а Е—въ былъ варваръ донотопныхъ временъ“.

Ольга Смирнова.

Калуга, 24-го июня 1849 г. (1850 ?) ¹⁾.

Русскій человекъ заднимъ умомъ богатъ“. Когда вы мнѣ говорили, что будете просить паспорта на востокъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, я забыла вамъ сказать, что ваше письмо къ министру должно идти съ свидѣтельствомъ отъ инспектора врачебной управы того города, гдѣ вы проживаете. Это первое; второе вотъ что: графа Перовскаго просите единственно о паспортѣ, мнѣ-же о томъ сообщите; тогда отсюда написано будетъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе. А о прочемъ напишите къ его высочеству на-прямую Александру Николаевичу; онъ васъ помнитъ, часто перечи-тываетъ и принимаетъ участіе въ васъ. Знакъ довѣрія и откровен-ности всегда находятъ отголосокъ въ его прекрасной душѣ. Это со-

¹⁾ Письмо это въ копіяхъ, хранящихся въ пражскомъ національномъ архивѣ, ошибочно было отнесено къ 1845 г., но по соображеніямъ О. Н. Смир-новой оно относится къ 1849 г. По этому поводу она сдѣлала слѣдующее замечаніе: „Гоголь былъ въ Малороссіи и пріѣхалъ въ Калугу, къ намъ, и встрѣтилъ гр. А. К. Т., который читалъ ему свои первые стихи. Графъ Толстой воспитывался съ наследникомъ. (Это второе путешествіе Гоголя на востокъ не состоялось). Въ іюнѣ 1845 г. Гоголь былъ на водахъ, а прежде въ Калугѣ Перовскаго и въ Парижѣ, такъ что между 1845 и 1849 г. состоялось первое путешествіе Гоголя на востокъ, а до октября 1845 г. мать моя не была въ Калугѣ, а отецъ до августа 1845 г. былъ въ Цавлинѣ“.

О. С.

Съ своей стороны считаю это и слѣдующее письмо относящимися къ 1849 г., такъ какъ отвѣты на нихъ не безъ основанія отнесены г. Кулишомъ къ тому году: въ одномъ изъ нихъ (отъ 20-го августа) Гоголь говоритъ о томъ, что собирается выѣхать въ половинѣ сентября въ Одессу, что и осуществилось въ октябрѣ 1850 г. (См. Соч. Гоголя, изд. Кул., VI, 512—513).

В. И. Шенровъ.

вѣтъ Т***¹⁾, который у насъ; именно не совѣтоваль писать къ его дядѣ, а прямо къ его высочеству, которому самъ читаль ваши сочиненія и зачастую. Вотъ, душа моя, что имѣю вамъ сообщить, и прошу послушать совѣта! Не пеняйте, что я не говорила съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, удача котораго меня очень занимаетъ. Но вредить я не могла, а узнать, какой путь лучше избрать. Государь, во-первыхъ, такъ занятъ, что трудно ему самому вспомнить, а министръ, не зная васъ лично, не приметъ трудъ вторично беспокоить, и притомъ было недавно подтвержденіе по его министерству не утруждать просьбами о денежныхъ пособіяхъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло о назначеніи суммы пойдетъ черезъ министерство просвѣщенія, такъ какъ тогда шло, но Ширинскій-Шихматовъ, хотя очень добръ, не здоровъ и еще новъ. Всего лучше написать откровенно все его высочеству: вчера вечеромъ мы это рѣшили, а сегодня съ Божіимъ благословеніемъ пускаю къ вамъ письмо. Дождь у насъ не долго погостилъ—едвали поправилъ поля наши. Скажите, что дѣлаютъ ваши домашніе, что урожай? Клементій пріѣхаль, слѣдствіе кончилось. Ершовіада ѣдетъ въ Петербургъ, остается ожидать царскаго правосудія, въ которомъ не могу и не хочу сомнѣваться. Христосъ съ вами, молитесь о насъ, а я васъ никогда не забываю.

А. Смирнова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Т.—графъ Алексѣй Конст. Толстой, авторъ „Смерти Ивана Грознаго“.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ Н. С. ГОЛИЦЫНА.

I.

Янтарная комната Вольшаго Царскосельскаго дворца ¹⁾.

Происхожденіе этой комнаты столько-же любопытно, сколько и художественное значеніе ея.

Въ 1716 г. Петръ I, съ супругой своей Екатериной, въ проѣздъ изъ С.-Петербурга чрезъ Берлинъ въ Амстердамъ, въ Берлиѣ посѣтилъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, и обозрѣвалъ съ нимъ разныя примѣчательности прусской столицы. Между прочимъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на одну античную статую и на янтарный кабинетъ. Въ запискахъ сестры прусскаго короля Фридриха II (сына и преемника Фридриха-Вильгельма I), маркграфини Фредерики-Софіи-Вильгельмины Байрейтской (Baureuth) ²⁾ находятся любопытныя свѣдѣнія по этому предмету. По ея словамъ, „между античными статуями была одна, изображавшая языческую богиню, въ положеніи очень непристойномъ. Такими изображеніями древніе римляне украшали брачныя покои. Статую эту считали весьма рѣдкою и одною изъ лучшихъ въ числѣ всѣхъ существовавшихъ. Петръ очень восхищался ею и, не стѣняясь, выпросилъ ее и многія другія въ подарокъ себѣ, въ чемъ король не могъ отказать ему. Такимъ-же образомъ Петръ

¹⁾ См. также: Янтарная комната Царскосельскаго дворца, К. Щученко, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ноябрь 1877 г. — Русскіе великаны въ Пруссіи, г. Пудилло, М. 1878.

²⁾ Mémoires de la Margrave de Bareith, а также сочиненіе лорда Довера (Dover): Histoire de la vie privée, politique et militaire de Frédéric II.

выпросилъ у короля, въ подарокъ себѣ, одинъ кабинетъ, стѣны котораго были сплошь обиты янтарными досками художественной работы. Этотъ кабинетъ былъ единственный въ своемъ родѣ и стоилъ огромныхъ денегъ прусскому королю Фридриху I, но имѣлъ печальную судьбу быть отправленнымъ въ С.-Петербургъ, къ всеобщему и крайнему сожалѣнію всѣхъ въ Берлинѣ. — Касательно же упомянутой выше статуи, маркграфиня Байрейтская, въ своихъ запискахъ, приводитъ еще любопытный разсказъ, будто „Петръ до того плѣнился этой статуей, что приказалъ Екатеринѣ поцѣловать ее, и видя, что она замялась, крикнулъ „кебабъ“, что и заставило ее исполнить это“. Въ запискахъ маркграфини, за словомъ „кебабъ“ прибавлено въ скобкахъ слово „убью“, но въ статьѣ объ этомъ г. Щученко объяснено, что, вѣроятно, было сказано: эка баба!

Позже, 7 января 1717 года, изъ Амстердама Петръ написалъ Бестужеву-Рюмину въ Курляндію слѣдующее письмо:

„Monsieur, когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берлина отъ графа Александра Головкина ¹⁾ кабинетъ янтарной (который подарилъ намъ королевское величество прусской), и оный въ Мемель приими и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курляндскихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ, съ тѣмъ-же посланнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявить, и придайте ему до Риги въ камвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгунами: такожь дайте сему посланному въ дорогу до Риги на пищу денегъ, дабы онъ былъ доволенъ, и ежели онъ будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ саней, и оныя ему дайте“.

„Петръ“.

Изъ Амстердама,
геваря въ 7-й день 1717 г.
Господину Бестужеву въ Курляндію ²⁾.

Въ томъ-же 1717 г., лѣтомъ, Петръ, возвращаясь изъ Амстердама чрезъ Берлинъ въ Петербургъ, въ Берлинѣ снова имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ, и возобновилъ прежде заключенный между ними союзъ противъ Швеціи.

Въ 1718-же году Петръ, при грамотѣ, отъ 30 іюля, изъ Петербурга, послалъ королю 35 великановъ, токарный станокъ, баржу и собственноручной работы кубокъ, за что именно—въ грамотѣ не

¹⁾ Сынъ канцлера графа Головкина, бывшій посланникомъ при прусскомъ дворѣ.

²⁾ Письмо это приводимъ дословно точно.

но, а только выражено желаніе сдѣлать „особливое удовольствіе“ — но, можетъ быть, въ благодарность за возобновленіе дворца, за гостепріимство, оказанное королею Петру и Елизаветѣ въ загородномъ дворцѣ королевы „Mon Bijou“, и за подаренныя ей янтарной комнаты и статуи.

Янтарная комната, по доставленіи ея въ 1717 г. въ Петербургъ, была первоначально устроена, какъ полагаютъ, въ маломъ дворцѣ, въ которомъ жилъ и умеръ Петръ (тамъ, гдѣ нынѣ Эрмитажный театръ, у Зимней канавки). А въ Большой Царскосельскій дворецъ она была перенесена, вѣроятно, во время царствованія его графомъ Растрелли съ 1744 г.

Янтарная комната, въ художественномъ отношеніи, можетъ быть охарактеризована въ слѣдующемъ понятіи прошлаго столѣтія описью этихъ янтарныхъ досокъ: а именно: 1) двѣ большія стѣнные доски, въ которыхъ двѣ вставлены зеркала; — 2) двѣ такія-же доски, при которыхъ одна вставлена поуже; — 3) четыре такія-же доски, немного поуже и каждая вставлена двумя зеркалами; — 4) два крыла пошире и два другія поуже; всѣ эти 12 досокъ одинаковой вышины; — 5) двѣ особенныя панельныя доски, одинаковой вышины, но разной ширины; — 6) къ этому прибавлены еще, могущія быть употребленными: 1) четырехугольная доска, обложенная янтаремъ, — 2) круглая доска, обложенная палмовой головой (?), — 3) изготовленная изъ дерева большая голова, — 7) маленькія головы, — 14 изготовленныхъ тюльпановъ, — 12 изготовленныхъ розъ, — 3 доски обложенныя янтаремъ, — 2 изготовленные карниза (Gesimise), — 2 маленькие угловыя доски, — 1 маленькая продолговатая доска, съ вставленными или винтами, — 4 маленькія доски, обложенныя янтаремъ, — 23 маленькія доски, слѣдующія къ одному крылу изъ янтаря, отшлифованнаго янтаря, всего 107 малыхъ штукъ; — все это работы мастера француза, сдѣлавшаго это въ Данцигѣ.

II.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ИСПРАВНИКЪ

1820-хъ гг. ¹⁾.

Одинъ коротко знакомый мнѣ почтенный человекъ, А. С. А—въ, уже престарѣлыхъ лѣтъ и достойный всякаго уваженія и довѣрія, начавшій службу свою въ 1810-хъ годахъ, въ корпусѣ корабельныхъ инженеровъ, а кончившій ее въ гражданскихъ чинахъ и умершій въ отставку въ 1857 г., сообщилъ мнѣ словесно, а потомъ и письменно, весьма любопытный разсказъ изъ первоначальной службы своей. Въ письменномъ разсказѣ своемъ онъ не назвалъ ни уѣзда, ни губерніи, гдѣ произошелъ разсказанный имъ случай, ни фамиліи главнаго дѣйствующаго въ немъ лица, а означилъ ихъ только заглавными буквами. Изъ буквъ М. уѣзда О. губерніи я заключаю, что это должны быть или Малоархангельскій, или Мценскій уѣзды Орловской губерніи, такъ какъ изъ всѣхъ нашихъ губерній на О. только въ Орловской—два означенные выше уѣзда на М. Разсказъ моего знакомаго привожу дословно, только съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями въ редакціи.

— „Въ 182... году я долженъ былъ, по обязанностямъ службы, поѣхать въ О. губернію, для осмотра въ ней казенныхъ лѣсовъ и рощъ. О прибытіи моемъ въ нее, допущеніи меня къ дѣлу и оказаніи мнѣ всякаго содѣйствія и помощи было дано знать всѣмъ властямъ, до кого это касалось, и между прочимъ—уѣзднымъ исправникамъ. По расчету моему, при окончаніи моихъ занятій въ сосѣдней губерніи, мнѣ оказалось нужнымъ переѣхать въ М. уѣздъ О. губерніи, черезъ сутки на 3-й день, а потому, въ избѣжаніе остановки и потери времени, я за три дня послалъ, какъ обыкновенно дѣлалъ передъ этимъ, нарочнаго къ

¹⁾ Разсказъ этотъ сообщенъ намъ кн. Н. С. Голицынымъ 14-го ноября 1880 года.

равнику М. уѣзда, съ формальнымъ увѣдомленіемъ. На третій день, рано утромъ, служитель мой докладываетъ, что какой-то крестьянинъ хочетъ видѣть меня. Приказавъ впустить его, я увидѣлъ очень благовиднаго человѣка лѣтъ 35-ти, который, войдя въ комнату и помолясь образамъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня по имени и отчеству, и подалъ мнѣ клочекъ бумаги, говоря: „Петра Петровича“. Осмотрѣвъ этотъ клочекъ съ обѣихъ сторонъ, я увидѣлъ на одной изъ нихъ что-то написанное и прочелъ: „Кто этотъ Петръ Петровичъ?“ — „Это — исправникъ“. — „А это что такое?“ спросилъ я, указывая на клочекъ бумаги. — „Это — письмо къ твоей милости, просить-де пожаловать къ нему, въ городъ М.“. Ничего не понимая въ этомъ, я началъ читать написанное на клочкѣ бумаги, именно: „Любезный Петръ С., я боленъ и не выхожу изъ дому, а потому пріѣзжай, твой безный другъ, прямо ко мнѣ переговорить о дѣлѣ, а моя старшая прислала пирогъ и щи для тебя, да найдется и рюмка вина вничку предстольная, а наливочка застольная, и не одна. Прощай. И даю тебя. Покорный слуга Петръ С.“.

Такого рода посланіе крайне удивило меня: я никакъ не могъ сообразить, что это такое — мистификація или шутка, и, желая разъяснить это, сталъ спрашивать посланца. Онъ сказалъ мнѣ, что Петръ Петровичъ отецъ имъ, что они при немъ видятъ Божій видѣть, что онъ живетъ съ ними уже 20-й годъ и что Боже сохрани съ нимъ разстаться. „Съ первоначала, онъ долженъ былъ, — какъ пріѣхалъ къ намъ на исправничество, онъ началъ на конокрадовъ, да такъ ихъ прижучилъ, что Боже сохрани, а тутъ и на пьяницъ, и ужъ онъ ихъ такъ гнулъ, что мы не знали, куда и дѣваться. Вотъ и чище стало у насъ и вольнѣе“.

Разсказъ этотъ очень заинтересовалъ меня, и какъ рассказчикъ в это время говорилъ стоя, а рѣчь его не прерывалась, то чтобы про-ить ему горло, я спросилъ его — пьетъ-ли онъ чай? „Гдѣ намъ, му-гамъ, пить чай, хоть-бы хлѣбъ-то былъ насущный“. Но когда онъ предложилъ ему выпить со мною стаканъ чаю, то онъ не согласился. Я приказалъ моему служителю придвинуть ко мнѣ скамью и пригласилъ крестьянина сѣсть. Но онъ долго не соглашался. „Какъ можно-де мнѣ, мужику, сидѣть съ твоею милостью“. Но я настаивалъ, грозилъ самъ встать, и тогда онъ

сѣлъ и, положивъ на полъ шапку и рукавицы и прикусывая сахаръ, удостовѣрилъ меня, что пить чай для него не новость. А затѣмъ и рѣчь его полилась рѣкою. „Петръ Петровичъ-то, какъ прошли три года, и задумай уйти отъ насъ: тяжело-де ему стало. Вотъ наши старики и испугались, да и къ губернатору: такъ и такъ, говорятъ, Петръ Петровичъ хочетъ отъ насъ отѣхать, а губернаторъ-то и говоритъ имъ, что долѣе трехъ лѣтъ онъ не имѣетъ власти удержать его. Тогда старики надумали послать отъ всего уѣзда трехъ посланцевъ въ Питеръ къ царю-батюшкѣ, чтобъ онъ оставилъ намъ Петра Петровича: что-де намъ безъ него—хоть въ могилу ложись. Вотъ мѣсяца черезъ три слухъ прошелъ, что Петра Петровича къ губернатору потребовали, а у стариковъ нашихъ сердца-то такъ и замерли. А какъ воротился онъ изъ губерніи, такъ и слышимъ, что онъ получилъ кавалерію и повышень. Ну, эдакимъ манеромъ онъ еще три года пробылъ у насъ, и мы не знали какъ Бога благодарить за посланную намъ благодать. А какъ три-то года начали исходить, старики поотбористѣе и наѣхали къ П. П. провѣдать, какъ онъ думаетъ? А онъ и говоритъ имъ: „довольно я съ вами намалялся“. Вотъ старики-то наши, зная, что губернаторъ съ нимъ не сладить, порѣшили опять писать царю-батюшкѣ, а это потому, что когда въ первый-то разъ трое были въ Питерѣ, такъ имъ сказали, что можно-де по почтѣ писать; такъ вотъ они и написали съ почтой. Ну и въ этотъ разъ П. П. получилъ отъ царя-батюшки награжденіе кавалеріей и повышеньемъ. Въ это время смѣна была губернатору, пріѣхалъ новый, и П. П., воротясь изъ губерніи, былъ очень тогда веселъ, все (какъ у насъ рассказывали) говорилъ: „куда-де мнѣ теперь отъ васъ ѣхать, ужъ видно мнѣ здѣсь до гроба жить“. Такъ-то и до сихъ поръ съ нами живетъ, вотъ ужъ 20-й годъ“.

Такой рассказъ человѣка простаго, безъ всякой хитрости и прикрасъ, крайне заинтересовалъ меня, и я, желая скорѣе увидѣть лицомъ къ лицу такого исправника, какого мнѣ, проѣхавшему слишкомъ 12 губерній, встрѣчать не удавалось, приказалъ своимъ людямъ собираться и запрягать лошадей въ мою бричку. Но, къ крайнему моему удивленію, слышу, что все уже готово и бричка подана. Выхожу и вижу бричку, запряженную тройкою отличныхъ лошадей; спрашиваю: „откуда эти лошади?“ а ям-

къ, парень лѣтъ 25-ти, отвѣчаетъ, что П. П. приказали вашу пость представить къ нему какъ можно скорѣе, такъ мы и повели своихъ лошадей. И точно, приказаніе П. П. было исполнено буквально, потому что меня не везли, а несли лошади, такъ что ямщика нужно было не понуждать, а удерживать, чтобы побережь колеса и оси моей брички. Но ямщикъ сказалъ мнѣ на это: „не бойся, батюшка, П. П. дороги у насъ по всему городу исправилъ, словно скатерть, и ни колесамъ, ни осямъ ямнику не будетъ“. До города М. было верстъ 60, а я, выѣхавъ мѣста въ 7 часовъ, къ 10¹/₂ былъ уже у воротъ дома П. П., привѣсивъ лошадей только одинъ разъ. И вотъ, ворота отворотся, бричка въѣзжаетъ на дворъ, и я вижу направо домъ и крыльцо, а на крыльцѣ стоитъ человѣкъ лѣтъ 45-ти, въ халатѣ сѣрой нанки, подпоясанный такимъ-же поясомъ, и съ колесомъ на головѣ. Онъ кричитъ ямщику: „правѣе, братецъ, вози ближе; нуть-ка, выходи, питерской, дай на себя полюбоваться!“ И когда я подошелъ къ нему, онъ поздоровался со мною по русскому обычаю, поцѣловавъ три раза, и говоритъ: „идемъ скорѣе, моя старуха соскучилась ждавши тебя“. Войдя въ комнату, я увидѣлъ женщину, весьма почтенной и привлекательной наружности, не богато, но чисто и даже изысканно одетую, которая съ своей стороны насаждала мнѣ много любезностей и пригласила идти въ другую комнату къ завтраку. Такой любовью, такая любезность поразили меня: я не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ моимъ и мнѣ чудилось, ужъ не родные-ли это люди, которыхъ я не зналъ и съ которыми такъ нечаянно встрѣтился? Но нѣтъ! это не кровные родные мои, а родные и присяжные по общему нашему отечеству—русскіе люди! Съ такими людьми, при такомъ радушномъ приѣмѣ ихъ, скоро свыкаешься, и языкъ развязывается. Вотъ и сутки прошли, а мы не трогались съ мѣста; на другія сутки П. П. ужъ выводилъ меня по городу М. и показавъ всѣ его примѣчательности, которыя, впрочемъ, ограничились единственнымъ кирпичнымъ, одноэтажнымъ домомъ богатаго купца-татарина, торговавшаго всѣмъ, отъ пошты до дегтя и отъ чайной чашки до досокъ. Вотъ и третьи сутки проходятъ, а дѣло мое все не двигается, и я, наконецъ, решаю просить П. П. отпустить меня. Тутъ-то онъ открылъ мнѣ, что уже разослалъ трехъ моихъ служителей въ разные

мѣста съ инструкціями, для собранія нужныхъ мнѣ свѣдѣній. Они и прибыли въ этотъ-же день и доставили мнѣ весьма дѣльные извѣстія, избавившія меня отъ напрасныхъ поѣздокъ въ такія мѣста, куда мнѣ незачѣмъ было ѣздить. Вотъ новое доказательство стремленія прекрасной души П. П.—ча къ пользамъ общимъ и частнымъ! Въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ я слышалъ отъ исправниковъ слова: „я уже распорядился по уѣзду объ оказаніи вамъ всякихъ нужныхъ пособій“—и только. Этотъ-же не удовольствовался одною формальностью, а указалъ мнѣ особенно замѣчательныя мѣста и тѣмъ мнѣ облегчилъ работу, а казнѣ принесъ прибыль, уменьшивъ расходы. Значитъ—тѣ исправники плохо знали или и совсѣмъ не знали свои уѣзды, а этотъ зналъ свой уѣздъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда меня собирали въ дорогу, онъ, увидя у меня пистолеты и двухствольное ружье, спросилъ, зачѣмъ это оружіе?—а когда я сказалъ, что шатаюсь по лѣсамъ, не знаешь съ кѣмъ встрѣтишься, то онъ, взявъ пистолеты и ружье, вышелъ со мною на крыльцо и выстрѣлилъ изъ нихъ на воздухъ, говоря, что въ его уѣздѣ и малый ребенокъ можетъ безопасно гулять, гдѣ пожелаетъ, и что если меня комаръ или муха обидятъ, то я только увѣдомилъ-бы его, а онъ съ ними справится. Все это крайне удивляло меня.

Изъ разговоровъ съ П. П. я узналъ, между прочимъ, что онъ не только исправникъ въ уѣздѣ, но и указатель крестьянамъ на полезныя для нихъ занятія. „Вѣдь Господь создалъ людей, что листья на деревѣ“—говорилъ онъ мнѣ—„вотъ береза, сорви два, три листа, сорви тысячу—все листья березы, а одинъ отъ другаго разнится; такъ и люди: одинъ любитъ пахать, другой—огородничать, третій—торговать и т. д.; такъ какъ-же не направить мужика именно туда, куда ему самъ Богъ внушилъ идти?—Оттого-то у меня и нѣтъ воровъ, что нѣтъ тунеядцевъ: всѣ заняты, у всѣхъ работы куча, дѣлать не успѣваютъ. Нужны тебѣ кузнецъ и слесарь? ступай въ село П., тамъ тебѣ хоть карету сдѣлаютъ;—нужно плотника, столяра? ступай въ деревню Ж., тамъ тебѣ все справятъ; нужно ткачихъ? иди въ село Ц., тамъ все ткачихи. Да вѣдь ко мнѣ въ уѣздъ изъ другихъ губерній пріѣзжаютъ для подѣлокъ. У меня весь уѣздъ какъ одна семья, всѣ живутъ между собой мирно и дружно. Я старался и стараюсь перероднить крестьянъ между собою, и слава Богу! скажи

крестьянину: съѣзди за это верстъ, и онъ охотно поѣдетъ, потому что увидится тамъ съ родными“.

Мнѣ я не смѣлъ коснуться одного предмета, о которомъ хотѣлось спросить П. П.—ча и который я затрогивалъ, во время переѣзда, въ разговорѣ съ ямщиками, но они наотрѣвъ въ сердцемъ говорили мнѣ: „ну станеть-ли П. П. дѣлать тапакость!“—Наконецъ, я рѣшился-таки спросить П. П.—ча: „какъ я вижу, живете вы въ довольствѣ, хлѣбъ-соль у васъ вкусные; вѣрно у васъ есть гдѣ-нибудь помѣстье?“—На что, усмѣхнувшись, отвѣчалъ: „знаю, другъ, въ какой огорѣ ты лѣзешь, то есть беру-ли я съ крестьянъ поборы?“—„О П. П.“,—перебилъ я,—„мнѣ и крестьяне говорили, что вы не дѣлаете.“—„Солгали они вамъ“,—отвѣчалъ онъ,—„любятъ они этого не сважуть. Да какъ-же мнѣ не пользоваться ими?—вѣдь у меня ни кола, ни двора; жалованье я получаю маленькое, а ко мнѣ заѣзжаютъ люди, которымъ кое-чего дайшь, такъ они могутъ своимъ вліяніемъ вредить имъ-же, яснымъ, и потому, чтобъ отстранить разныя непріятности, я говорю съ крестьянъ, но разсмотрительно. Когда я вступилъ въ должность, они навезли ко мнѣ столько возовъ, что на дворѣ, не помѣстивъ ихъ, онъ ни великъ, всѣ эти возы не умѣстились и многіе оставлены на улицѣ. Я всѣхъ ихъ прогналъ и приказалъ пріѣхать въ село отъ всякаго селенія по старику-довѣренному или старостѣ. А когда они собрались ко мнѣ, я далъ имъ записки, въ которыхъ и чего какое селеніе должно доставить мнѣ; записки-же были составлены на томъ основаніи, что какъ семья моя большая, такъ и изъ меня съ женой и тремя сыновьями, да при насъ въ селеніи три женщины да два мужика, да держимъ корову, лошади да нѣсколько птицъ для своего обиходу, то для насъ нужно муки кулей столько-то, овса столько-то, крупы столько-то, а для одежды намъ всѣмъ нужно сукна, холста и сукна столько-то, а на все это денегъ нужно столько-то. Когда эти мои все это узнали да разжевали, такъ и узнали, что для каждой души пришлось по 2 копѣйки съ долей въ годъ и они ко мнѣ съ просьбой увеличить плату. Я прогналъ ихъ и угрозилъ, что брошу ихъ и уѣду. Они замолчали и теперь исполняютъ мой приказъ. Они не обижены, а я доволенъ“.

Подали мою бричку и я, облобызавъ моихъ милыхъ, по душѣ родственныхъ мнѣ, стариковъ, уѣхалъ отъ нихъ, съ душою, полною умиленія... Какъ я ни желалъ, но въ другой разъ быть у нихъ мнѣ уже не довелось, поклонами-же мы долго пересылались.

П. П., въ мое посѣщеніе, былъ коллежскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ: св. Анны 2-й степени съ брилліантами и св. Владиміра 4-й степени, что въ то время было большою рѣдкостью“.

III.

ДВА СОБЫТІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Отрывокъ изъ записокъ ген. отъ инфант. кн. Н. С. Голицына

1848 — 1849 и 1865—1869 гг.

.... Въ жизни моей два событія имѣли прискорбное значеніе лично для меня и вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе прискорбное значеніе въ общественномъ смыслѣ.

Первое — было назначеніе меня, противъ моей воли, изъ генеральнаго штаба полковника и профессора военной исторіи и стратегіи въ Императорской военной академіи — директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 15-го января 1848 года., пребываніе въ этой должности въ 1848 и 1849 гг., и увольненіе отъ оной, по собственной и непремѣнной моей волѣ, съ назначеніемъ вновь въ генеральный штабъ прежнимъ чиномъ полковника — 7-го декабря 1849 г. Подробности этого событія изложены мною въ рукописныхъ запискахъ моихъ за 1848 и 1849 гг., и я ихъ здѣсь повторять не буду, а приведу вкратцѣ, съ прибавленіемъ лишь нѣкоторыхъ чертъ, служащихъ къ характеристикѣ того времени въ общественномъ отношеніи.

1-го января 1848 г. я былъ торжественно введенъ покой-
 принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ въ училище правовѣ-
 днѣ. Мѣсяць спустя, въ концѣ февраля 1848 г., произошла
 революція во Франціи, съ учрежденіемъ второй французской рес-
 публики, а за этою революціею послѣдовали такія-же въ Берлинѣ,
 Вѣнѣ, Вѣнѣ, Венгріи, Валахіи и Молдавіи—всѣ въ томъ-же
 смыслѣ. Во всѣхъ этихъ революціяхъ приняла дѣятель-
 ное участіе польская эмиграція, сосредоточившаяся, послѣ
 революціи 1830—1831 гг., преимущественно въ Парижѣ
 съ цѣлью возстановленія Польши. Главные агенты
 эмиграціи вездѣ въ западной Европѣ орудовали съ своими
 средствами, особенно на правой сторонѣ Рейна, гдѣ полякъ Миро-
 шинъ сталъ набирать польскіе легіоны, и въ Венгріи,
 бросились всѣ главные польскіе эмигранты 1830—1831 гг.,
 и политическіе и гражданскіе. Ближайшій къ Россіи и самый опасный
 очагъ польско-венгерской революціи былъ въ Венгріи,
 которая угрожавшій Австріи и не менѣе того Царству Польскому
 и западной Россіи. Это и побудило императора Николая Пав-
 ловича послать въ Венгрію, въ 1849 г., русскую армію, которая
 послѣ нѣсколькихъ походъ и положила конецъ польско-венгерской рево-
 люціи и спасла Австрію и наши польскія области отъ угро-
 зы имѣющей опасности. Спасеніе послѣднихъ было главною при-
 чиною вооруженнаго вмѣшательства императора Николая въ рево-
 люцію въ Венгріи, а вовсе не спасеніе Австріи, какъ провозгла-
 шали польскіе, венгерскіе и за ними всѣ западно-европейскіе
 революціонеры и сочувствовавшіе имъ въ Россіи тайные друзья
 революціи и враги императора Николая. Для Россіи опасность
 была между прочимъ, и въ томъ, что польскіе умы людей всѣхъ
 возрастовъ, даже юношей, воспламенялись польскими мечтами о
 возстановленіи Польши до Двины и Днѣпра. Учащееся въ рус-
 скихъ учебныхъ заведеніяхъ польское юношество (изъ западныхъ
 провинцій) воспламенилось тою-же польскою идеею, въ томъ числѣ
 и въ училищѣ правовѣднѣ, гдѣ ихъ было не мало. Можно
 вообразить, въ какое положеніе былъ поставленъ я, только-
 означенный директоромъ училища правовѣднѣ, предшество-
 вавшій 12-ти-лѣтнимъ управленіемъ директора Пошмана
 и пріобрѣтшаго до утраты всякой дисциплины и порядка, къ чему
 въ 1848—1849 гг. присоединилось броженіе умовъ польскихъ

воспитанниковъ. Положеніе мое было до того противно мнѣ, что я уже лѣтомъ 1848 г. помышлялъ бѣжать изъ этого училища, но, конечно, это было невозможно, и я волей-неволей долженъ былъ покориться своей судьбѣ. Къ этому должно еще прибавить, что выпускъ 1848 года изъ училища былъ вообще благонадежный и хорошій, но поступившій съ августа 1848 г. въ 1-й классъ, напротивъ, весьма нехорошій тѣмъ, что въ немъ на половину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты). И съ этими-то дурными элементами пришлось мнѣ бороться въ 1848—1849 учебномъ курсѣ, подобно тому, какъ императоръ Николай въ то-же время боролся съ польскою революціею и внѣ, и внутри Россіи. Внутри ея сугубо усилилось дѣйствіе пресловутаго III отдѣленія, бывшаго въ то время высшаго полицейскаго учрежденія, подъ управленіемъ графа Орлова, но въ сущности генерала Дубельта, души этого отдѣленія. Шпіоны и шпіонство усилились до крайности и имъ подверглись всѣ учебныя заведенія въ Петербургѣ, въ томъ числѣ и училище правовѣдѣнія. Однако, заговоръ Петрашевскаго въ 1848 г. былъ открытъ не Дубельтомъ, а начальникомъ с.-петербургской сыскной полиціи Сяницынымъ, и доложенъ императору Николаю не Орловымъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Открытіе этого заговора еще болѣе усилило шпіонство, особенно со стороны Дубельта и III-го отдѣленія. Вотъ въ какое положеніе я попался по назначеніи меня директоромъ училища правовѣдѣнія. Къ счастью, этотъ злополучный 1848 г. прошелъ для меня благополучно, хотя не безъ борьбы въ училищѣ, много причинившей мнѣ горя стоившей много труда и разстройства здоровья. Но въ концѣ зимы 1848—1849 гг. случилось въ училищѣ прискорбное для меня событіе.

Однажды, является ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса, носившій несчастную фамилію Политковскаго (въ январѣ 1853 г. обличеннаго въ расхищеніи кассы комитета инвалидовъ, а воспитанникъ былъ родственникъ его). Это былъ жалкій идиотъ, вѣчно безъ денегъ и просившій милостыню у товарищей. Явившись ко мнѣ, онъ объявилъ, что получилъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе. „Зачѣмъ?“ спросилъ я. — „Не знаю“. — „Оттуда, когда узнаете, явитесь ко мнѣ и скажите“. Но онъ не явился, а вскорѣ

мнѣ пріѣхали ко мнѣ адъютантъ графа Орлова и два жан-искіе: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, съ предписаніемъ ова немедленно арестовать воспитанниковъ 3-го класса Бѣлича и князя Гагарина, и съ ихъ бумагами, вещами и документами доставить въ III отдѣленіе. Это было исполнено, и я, крайнемъ недоумѣніи, не зналъ, что сей сонъ значитъ, хотя догадывалъ тутъ что-то недоброе. Я ждалъ, не пригласить-ли меня къ себѣ, или не пріѣдетъ-ли самъ ко мнѣ, или-же пришлетъ-ли кого для объясненія со мною. Но напрасно мое ожиданіе въ продолженіи двухъ недѣль или и болѣе. Другъ, какъ бомба, разразилось надъ моею головою нѣчто неслыханное и неожиданное! Принцъ Ольденбургскій пригласилъ меня къ себѣ, и въ присутствіи своего довѣреннаго адъютанта, полковника С. И. Мальцова, показалъ мнѣ дѣло III отдѣленія о воспитанникахъ Бѣликовичѣ и кн. Гагаринѣ, обвиняемыхъ: первый въ томъ, что въ его бумагахъ былъ дневникъ писанный на польскомъ языкѣ, съ сочувствіемъ къ польскому народу мыслями и выраженіями, а второй — въ томъ, что за завтракомъ или обѣдомъ будто-бы сказалъ товарищамъ: „лучше повѣситься“. Сверху была слѣдующая резолюція императора Николая:

— „Вотъ они, поляки, всѣ одинъ какъ другой! Бѣликовича сослать въ рядовые и сослать въ отдаленный Оренбургскій баталіонъ; Гагарина-же опредѣлить юнкеромъ въ одинъ полкъ московскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы отецъ его наказалъ его, а директору училища (т. е. мнѣ) объявить самый выгодный выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ“.

Мало пришлось-бы мнѣ, если-бы добрейшій принцъ Ольденбургскій, самъ лично, черезъ Орлова, не упросилъ императора сослать въ формуляръ мнѣ въ формуляръ. Кн. Гагарина была смягчена потому, что мать его, рожденная Сабурова, была другомъ и пріятельницей принцессы Ольденбургской, и Гагаринъ, прослуживъ нѣсколько времени юнкеромъ, былъ произведенъ въ офицеры на Кавказъ, гдѣ служилъ долго, позже былъ адъютантомъ военнаго министра и умеръ въ чинѣ генерал-майора. Что касается до Бѣликовича, то онъ прослуживъ солдатомъ, кончилъ жизнь на приступѣ одного пограничнаго азіатскаго племени.

Это событіе рѣшило мои недоумѣнія и колебанія: я заль себя, что не останусь болѣе въ училищѣ правовѣдъ, но выжду время, чтобы не подвергнуться сугубому гнѣву болѣе шести мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ выйду въ генеральный штабъ, что и исполнилъ въ декабрѣ 1848 г. зачисленный въ этотъ штабъ прежнимъ чиномъ полковника.

Необходимо, однако, хотя теперь, болѣе сорока лѣтъ спустя послѣ сего происшествія, раскрыть всю подкладку этого событія, завершившагося столь суровымъ судомъ. Бѣликовичъ, 18 лѣтъ, уроженецъ Витебской губ., католикъ, былъ прекраснѣйшій умный мальчикъ, одинъ изъ первыхъ въ классѣ по ученію, съ горячей, пылкой головой, въ сожалѣнію, восторженной политическими идеями, и имѣлъ неосторожность вести откровенно дневникъ на польскомъ языкѣ и оставлять его въ своей книжной лавкѣ, вмѣстѣ съ учебными тетрадами. А воспитатели этого III класса не заботились осматривать тетради воспитанниковъ, что было прямою обязанностью ихъ, а не директора. Они (въ некоторыхъ исключеніяхъ), оберегали болѣе себя, чѣмъ воспитанниковъ и директора, и служили плохими помощниками директору.

Князей Гагариныхъ въ первой половинѣ 1848 г. было трое: братъ, изъ которыхъ одинъ, лѣнтяй и возмутитель другихъ, былъ уволенъ изъ младшихъ классовъ училища, а другой остался въ старшемъ классѣ. Политковскій былъ нищій идиотъ, въ презрѣніи товарищей, и ничего путнаго не обѣщаль. Онъ-то и оказался самымъ удобнымъ орудіемъ Дубельту, чтобы спасти себя и свою репутацію въ слѣдствіе открытія заговора Петрашевскаго. Дубельтъ (le général Double, какъ его звали по-французски), арестованный въ Петербургѣ черезъ Сяницына. Говорили, что императоръ Николай, утромъ послѣ открытія заговора Петрашевскаго, встрѣтившись входявшаго въ кабинетъ государя Орлова словами: „Хорошо открытъ заговоръ, а я узналъ объ этомъ не отъ тебя, а отъ Петрашевскаго! — Узнай и доложи почему?“ Орловъ къ Дубельту, какъ къ казнѣ, которая въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонет, долго думая и не далеко ходя, закинулъ свою удочку по близости училища правовѣдствія, привлекая идиота Политковскаго, выманивъ у него доносъ на товарищей его-же класса,

овича и князя Гагарина, слѣдствіемъ чего и было все жененное выше... Вновь повторяю, если-бъ не добрѣйшій ищъ Ольденбургскій—хвала ему и честь—директоръ училища вѣдѣнія, 23 года съ честью носившій мундиръ генераль-штаба, навсегда сталъ-бы жертвою ужасной случайности, оторой ни въ чемъ не былъ повиненъ. Вѣдь еще у римлянъ, ихъ законамъ, не обвиняли подсудимаго, не выслушавъ оправданія, а въ училищѣ правовѣдѣнія, въ Россіи, въ 1865 году, никто и не потребовалъ объясненія директора.

Второе прискорбное для меня событіе въ моей жизни относится уже къ царствованію императора Александра II. Было участіе мое въ 1-мъ миссіонерскомъ обществѣ—1869 г. Общество это учредилось въ 1865 г., по почину и инициативѣ вѣдѣнія по своему благочестію и благотворительности княжны Борисовны Потемкиной, рожденной княжны Голицыной (умершей въ 1869 г.) и по особому покровительству и заступничеству императрицы Маріи Александровны. По утвержденіи устава общества и собраніи членовъ послѣдняго (въ томъ числѣ и меня), въ ноябрѣ 1865 г., въ домѣ Т. Б. Потемкиной (спб., на углу Милліонной и Мошкова переулка) произошло общее собраніе членовъ общества и въ домовой церкви совершено молебствіе, а потомъ произведены первые выборы членовъ общества. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ вѣдѣній спб. епархіи епископъ Герасимъ, а въ члены совѣта избраны С. О. Бурачекъ, А. П. Башуцкій и др. Совѣтъ началъ собираніе въ домѣ Т. Б. Потемкиной, и вотъ тутъ-то, съ самаго начала, возникли печальныя недоразумѣнія между духовными и светскими членами совѣта и общества. Причиною было настоятельное требованіе свѣтскихъ членовъ, чтобы начальникъ миссіонерской духовной миссіи, протоіерей Ландышевъ, болѣе и болѣе управлявшій ею послѣ извѣстнаго архимандрита Варнава, доставилъ совѣту общества отчетъ о приходѣ, расходахъ и наличности суммъ въ его вѣдѣніи, для приобщенія ихъ къ общему капиталу общества. Ландышевъ воспротивился и отказался рѣшительно и былъ поддержанъ духовными членами общества. Свѣтскіе члены не хотѣли уступать и продолжали

настаивать на своемъ требованіи. Убѣдившись, что достигнуть своей цѣли при предсѣдательствѣ викарія Герасима и сочувствіи его духовенству было невозможно, они произвели, по уставу, 1-го марта 1866 года, новые выборы предсѣдателя и членовъ совѣта — и провели въ нихъ только однихъ свѣтскихъ членовъ, избравъ предсѣдателемъ совѣта меня, противъ моей воли, лишь по усиленнымъ и настоятельнымъ просьбамъ своимъ. И вотъ въ этомъ-то избраніи меня и оказались для меня причины послѣдовавшихъ трехъ-лѣтнихъ огорченій и неприяностей для меня. Борьба между свѣтскими и духовными членами общества съ ходомъ времени разгоралась все болѣе и болѣе, преимущественно по вліянію бійскаго, Томской губерніи, купца Аѳанасія Григорьевича Малькова, который первый, задолго до 1865 г., усиленно хлопоталъ объ учрежденіи миссіонерскаго общества и подчиненіи ему Алтайской миссіи.

1-го марта 1867 г., на новыхъ выборахъ, я отказался отъ званія предсѣдателя совѣта, и избранъ былъ членъ синода епископъ Василій, одинъ изъ главныхъ участниковъ, вмѣстѣ съ епископомъ, потомъ митрополитомъ литовскимъ, Іосифомъ Сѣманко, въ возсоединеніи униатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Я остался членомъ совѣта, прочіе члены котораго были всѣ изъ свѣтскихъ. Но дѣло въ 1867—1868 гг. пошло не лучше, а все хуже и хуже. На выборахъ 1-го марта 1868 г. епископъ Василій отказался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ, и въ предсѣдатели снова избрали меня, противъ моей воли и къ крайнему моему неудовольствію и сожалѣнію. Въ теченіи 1868 г. я нѣсколько разъ отказывался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ, но члены его и общества (свѣтскіе) настоятельно просили и даже требовали, чтобы я оставался предсѣдателемъ совѣта, и почти насильно принудили меня къ тому, въ интересахъ общества. А между тѣмъ, разнь между свѣтскими и духовными членами общества дошла до такой степени, что между ними произошелъ явный расколъ. Всѣ духовные члены крайне неприяженно возстали противъ свѣтскихъ членовъ совѣта и общества, и особенно противъ меня и С. О. Бурачка. Съ августа 1868 г. до 1-го марта 1869 г. было самое бурное время для общества, и враждебное настроеніе противъ свѣтскихъ членовъ общества и его совѣта, особенно меня и С. О. Бурачка, до-

стигло высшей степени. Дошло до того, что въ это вмѣшался синодъ, и между нимъ и совѣтомъ общества возникли официальные пререканія. Неудовольствіе нѣкоторыхъ лицъ изъ среды духовенства сообщилось и императрицѣ, и императору, и коснулось меня лично. Наконецъ, всѣ претерпѣнные мною въ три года огорченія переполнили мѣру моего терпѣнія, и 1-го марта 1869 г. я рѣшительно сложилъ съ себя званіе предсѣдателя совѣта и члена общества, и въ концѣ мая поѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ за границу ¹⁾, и только тамъ отдохнулъ душою отъ всѣхъ бывшихъ тревоженій. Къ счастью, 7-го января 1876 г., по случаю 50-лѣтія моей службы, по доброму ходатайству военнаго министра Д. А. Милютина, государь императоръ продолжилъ мнѣ аренду на 12 лѣтъ, и при представленіи моемъ ему былъ очень милостивъ ко мнѣ; да иначе и не могло быть, потому что мое участіе въ миссіонерскомъ обществѣ было дѣло частное, а по 50-лѣтней службѣ моей я былъ безупреченъ.

Такимъ образомъ, мое двухъ-годичное директорство въ училищѣ правовѣдѣнія и трехъ-лѣтнее участіе въ миссіонерскомъ обществѣ—поистинѣ были горестными для меня событіями въ моей жизни! Это были два тяжелыя для меня испытанія.

Кн. Н. С. Голицынъ.

27-го января 1889 г.

7-го октября 1890 г.

¹⁾ По милости высокоуважаемаго графа Д. А. Милютина, испросившаго мнѣ даже денежное пособіе на леченіе.

Кн. Н. Г.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

[Къ очерку о немъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., кн. IV, и 1890 г., кн. V].

Уважаемая редакція „Русск. Стар.“ сдѣлала примѣчаніе къ моей статьѣ, по поводу котораго считаю необходимымъ сказать нѣсколько сердечныхъ словъ.

Дѣло въ томъ, что уважаемая редакція находитъ, что я, „болгаринъ по происхожденію, отношусь къ налагаемымъ событіямъ съ чисто болгарской точки зрѣнія, поэтому-де моя оцѣнка дѣятельности князя В. А. Черкасскаго нѣсколько односторонняя; что редакція печатаетъ настоящія воспоминанія, какъ любопытный матеріалъ, какъ голосъ болгарина, отнюдь не считая, говоритъ она, сужденія автора судомъ исторіи надъ такимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ и остался до конца покойный князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій“.

Едва-ли съ такимъ выводомъ можно согласиться, тѣмъ болѣе, что я только наложилъ факты, да и то только нѣкоторые изъ множества таковыхъ, имѣвшихъ мѣсто въ событіяхъ въ войну 1877—78 года, наложилъ ихъ вкратцѣ и сдержанно, изъ нежеланія задѣвать авторитетности лицъ, конхъ они касались собственно по гражданскому управленію, оцѣнки-же имъ я не дѣлалъ и „своихъ сужденій“ о нихъ не имѣлъ; не считалъ и не считаю за собою даже права думать, что кто-либо станетъ приписывать моимъ скромнымъ воспоминаніямъ характеръ сужденій объ авторитетности такого государственнаго человѣка, какимъ былъ, бесспорно, князь В. А. Черкасскій и какимъ я самъ считалъ его, какъ это извѣстно редакціи изъ первой моей статьи, напечатанной въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1889 г. Неповятно, откуда редакція взяла, что я дѣлаю оцѣнку дѣятельности кн. Черкасскаго? Мнѣ кажется, что происхожденіе человѣка не служитъ основаніемъ для того, чтобы въ силу его выводить то или другое заключеніе объ его взглядахъ. Согласитесь съ тѣмъ, что было-бы очень странно, если-бы, исходя изъ такой аналогіи, начать доказывать, что и редакція „Русской Старины“ отнеслась къ этой статьѣ такъ потому, что она смотритъ на событія съ чисто русской точки зрѣнія. Въ такомъ случаѣ было-бы равносильно тому, чтобы дѣлать оцѣнку литературнымъ произведеніямъ по происхожденію ихъ авторовъ, а исходя изъ такого взгляда, пришлось-бы считать безусловно пристрастнымъ все, что-бы ни написалъ болгаринъ о дѣлахъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ болгарами, русскій — о дѣлахъ русскихъ, сербъ — о сербскихъ дѣлахъ и проч... Значитъ, взгляды извѣстныхъ писателей, какъ Е. И. Утинъ, В. И. Нежировичъ-Данченко, кн. В. Д. Дабижа и проч. на гражданское управленіе въ Болгаріи въ войну 1877 г. и главу его, князя Черкасскаго, нужно подвести подъ ту-же категорію, въ виду того, что эти лица, по своему происхожденію, русскіе? Да, я болгаринъ по происхожденію, но по своимъ взглядамъ на взаимныя отношенія между собою болгаръ и русскихъ въ общемъ ихъ дѣлѣ я всегда шелъ и иду съ чисто русскими людьми, не переставая желать, добавлю къ этому, возстановленія тѣхъ сердечныхъ связей, коими еще не такъ давно скрѣплено было русско-болгарское дѣло въ смыслѣ ихъ національныхъ и обще-славянскихъ интересовъ.

И. Ивановъ.

24 мая 1890 г.
Кишиневъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1860 г. ¹).

Февраль 3. Среда. Съ 22 ноября прошлаго года не писалъ ни одного письма. Это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ жизни. Меня постигла тяжкая, серьезная болѣзнь. Я былъ гнетомъ такихъ физическихъ страданій, которыя не разъ отводили меня къ мысли, что для меня уже все кончено, что одинъ толчекъ и я буду переброшенъ туда, откуда уже возврата и куда обыкновенно такъ не хочется идти всему этому. Началось какъ будто съ простуды, но по минованіи недѣней потянулись безкончныя нити, обрывки которыхъ и до поръ меня опутываютъ. Слабость всего тѣла, соединенная сносимою тоскою, преслѣдовала меня днемъ, а ночью голова давалась толчками, какимъ-то страннымъ перебираниемъ, поворачиваніемъ, какими-то приливами и отливами... Нравственное состояніе доходило то до полного упадка воли и характера, то возвышалось до мужественной борьбы съ природою. Мысль

См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 342—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—583; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апрѣль, стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 165—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 123—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—60; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 107—130; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 107—130.

о смерти стояла передо мной неотступно. Къ этому присоединялись еще какія-то суевѣрные примѣты, которыя сильно меня тревожили. Очевидно, вся моя нервная система была потрясена. Такъ говорили и оба доктора—Вальцъ и Эдекауеръ, котораго призывали на совѣщаніе. Между тѣмъ, неминуемой опасности въ моемъ положеніи не находили. Однако, полное возстановленіе силъ врачи обѣщаютъ только лѣтомъ, при совершенномъ отсутствіи всякихъ серьезныхъ занятій. Надо ѣхать или за границу, или въ деревню...

6. Суббота. Выздоровленіе мое плохо подвигается впередъ. Я, конечно, чувствую себя лучше, чѣмъ мѣсяць тому назадъ. Но пароксизмы слабости, особенно тоски, и головныя неурядицы почти тѣ-же самыя. Однако, я понемногу приступаю къ занятіямъ.

7. Воскресенье. Вчера былъ въ засѣданіи главнаго управленія цензуры и два часа выдержалъ хорошо. Но въ заключеніе все-таки я попросилъ позволенія удалиться, такъ какъ дѣла было много и засѣданіе обѣщало затянуться. Я ходилъ въ засѣданіе и назадъ пѣшкомъ. Морозъ въ 20°, но день прекрасный—тихий и свѣтлый.

Странный, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ (К. В.) Чевкинъ. Онъ такъ свирѣпствуетъ противъ литературы, что даже Панина далеко оставляетъ за собой. Въ послѣднемъ засѣданіи главнаго управленія цензуры, на примѣръ, читано было его отношеніе къ министру съ такими замѣчаніями на какую-то статью о желѣзныхъ дорогахъ, которыя (то есть замѣчанія) всѣмъ членамъ до единаго показались противными здравому смыслу.—каковы они и есть въ дѣйствительности. Разумѣется, ихъ отвергли и положили представить государю, такъ какъ въ законѣ сказано, что въ случаѣ разногласія управленія съ какимъ-либо министромъ, оно проситъ разрѣшенія у его величества.

Мое мнѣніе о нераздробимости цензуры предложено внести въ общую записку.

Глухой Медемъ что-то толковалъ о неприкосновенности власти. Его никто не слушалъ, такъ какъ онъ не слышалъ никого.

Вообще для литературы настала эпоха весьма неблагоприятная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ.

Министръ объяснялся со мной откровенно и выразилъ мысль,

что въ главномъ управленіи литература врядъ-ли найдетъ другихъ защитниковъ, кромѣ него самого, меня и Д—ва. Докладъ министра государю о преобразованіи цензуры съ начала до конца не иное что, какъ умная и благородная апологія литературы. Государь утвердилъ этотъ докладъ, и онъ былъ прочитанъ въ первомъ засѣданіи, какъ выраженіе принципа, которому цензура должна слѣдовать. Нѣтъ сомнѣній, однако, что ему не послѣдуютъ.

9. Вторникъ. Вотъ и билетъ на похороны Ростовцева, который умеръ въ субботу, въ семь часовъ утра. Сегодня его хоронятъ. Государь самъ закрылъ ему глаза. Онъ, говорятъ, изъясилъ скорбь свою тяжкими рыданіями. Этою смертью глубоко опечалены всѣ, кромѣ враговъ освобожденія крестьянъ. Конечно, это лучшее надгробное слово Ростовцеву.

Жизнь цѣнимъ мы высоко по инстинкту, который питаетъ непреодолимое отвращеніе къ смерти. Но должны-ли мы цѣнить жизнь такъ по разуму? Неужели голосъ разума не долженъ имѣть никакой силы въ рѣшеніяхъ, касающихся нашихъ понятій, нашихъ убѣжденій и взглядовъ. Если инстинтъ имѣетъ свои права, то имѣетъ ихъ и разумъ, который также составляетъ часть нашего существа. А что-же говоритъ разумъ? Онъ говоритъ, что вещь, которой мы должны необходимо лишиться и которой можемъ лишиться ежеминутно, вещь столь преходящая и ненадежная — не заслуживаетъ цѣны, какую мы ей даемъ. Люди храбрые такъ обыкновенно о ней и думаютъ; трусы трепещутъ отъ одной мысли ея лишиться.

Но съ разумомъ сообразно питать высочія вѣрованія въ разумное домостроительство жизни, въ божественное міроуправленіе и мірохраненіе. Въ такомъ случаѣ еще меньше причинъ сокрушаться о жизни.

10. Среда. Невыразимо тяжки эти моменты неопредѣленной тоски, которые постоянно посѣщаютъ меня во время моей болѣзни....

11. Четвергъ. Дѣйствительно, въ жизни такъ много эфемернаго и разочаровывающаго, что давать ей высокую цѣну становится почти смѣшнымъ въ глазахъ разсудка. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди съ высшимъ призваніемъ немного давали ей цѣны, такъ немного, что идею свою всегда ставили выше ея. Не

значить-ли это, однако, что кисель виноградъ? Нѣтъ! я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что въ ней много прекраснаго, особенно много прекраснаго въ дѣятельности мысли, въ возвышенномъ и свѣтломъ возрѣніи на природу, въ нѣкоторыхъ привязанностяхъ сердца, въ самомъ сознаниі, что живешь и дѣйствуешь. Но быстрота, съ которой она все приноситъ и уноситъ, зыбкость и ненадежность почвы, на которой она движется, какая-то случайность ея даровъ и ея лишеній—дѣлають ее чѣмъ-то очень похожимъ на мечту, на сновидѣніе, даже на насмѣшку надъ нашими стремленіями, желаніями и надеждами, такъ что слишкомъ серьезная къ ней привязанность, излишнія заботы о ней и страхъ ее потерять становятся, въ свою очередь, чѣмъ-то смѣшнымъ, малодушнымъ, непростительнымъ, по крайней мѣрѣ, для человѣка съ умомъ и характеромъ.

15. Понедѣльникъ. Сегодня я всталъ съ головою болью, но въ то-же время чувствую какую-то особенную энергію въ душѣ. Можетъ быть и это болѣзненное, нервическое состояніе? Какъ бы то ни было, а это недурно. На зло этимъ преслѣдованіямъ болѣзни, я отправляюсь въ засѣданіе главнаго управленія цензуры къ 12-ти часамъ. Такъ солдатъ, раненный въ битвѣ, перевязавъ кое-какъ свою рану, снова спѣшитъ на бой.

Все-таки не досидѣлъ до конца. Въ главномъ управленіи цензуры занимались не важными дѣлами. Мнѣ отдали для прочтенія мнѣніе Пржецлавскаго ¹⁾ о гласности такого свойства, по словамъ Д., что если ему послѣдовать, сдѣлается рѣшительно невозможнымъ въ литературѣ какое-либо мнѣніе о дѣлахъ общественныхъ. Вообще этотъ господинъ заявляетъ себя отъявленнымъ поборникомъ тьмы и безгласія.

¹⁾ Это тотъ самый тайный совѣтникъ Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій, довольно интересныя записки котораго напечатаны въ „Русской Старинѣ“, см. 1872 г., т. V, стр. 684; 1874 г., т. XI, стр. 451—477, 665—619; 1875 г., т. XIII, стр. 383—402; 1878 г., т. XIV, стр. 684—714; т. XXI, стр. 625—648. т. XXII, стр. 67—92. Особенно любопытна статья покойнаго Пржецлавскаго о цензурѣ въ Россіи въ 1830—1865 гг., изд. 1875 г., т. XIV, стр. 131—160. Его-же „Бѣглыя очерки“ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 545—566; изд. 1883 г., т. XXIX, стр. 377—406, 475—532. О. А. Пржецлавскій родился въ 1799 году, † 10-го декабря 1879 года, на 80-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго Орд.

Вечеромъ пришелъ Маркъ (Николаевичъ Любошинскій) и сообщил мнѣ новость, что на мѣсто Ростовцева по крестьянскому дѣлу назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе поразило насъ громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей графа Панина извѣстенъ. Онъ постоянно противодействовалъ всякому успѣху умственному, вещественному, юридическому и вообще всякому. Его привыкли считать первымъ на поприщѣ безгласія, безправія и прочихъ подобныхъ прекрасныхъ вещей. Какъ-же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется не все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ?

Скоро не придется признавать, что съ Ростовцевымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе. Враги добра и истины, видимо, поднимаютъ головы. Бѣдное мое отечество! Такъ и все благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща истинности, чтобы все опять отодвинулось назадъ.

7. Среда. Опытъ вечерняго выѣзда. Былъ въ засѣданіи общества пособія нуждающимся литераторамъ до 10-ти часовъ. Успѣхъ почти удался.

8. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Я пожалъ его до конца хорошо и возвратился домой безъ особенной усталости. Говорилъ Пржецлавскому, что я совершенно согласенъ съ его мнѣніемъ о гласности, которое въ настоящее дѣло считаю неблагороднымъ и не умнымъ; но написано гладко. У меня съ Пржецлавскимъ завязался горячій споръ, въ которомъ принялъ участіе и Д., разумѣется, поддерживая меня. Но такъ какъ это пока было еще только частное преніе, которое не повело-бы ни къ какому рѣшенію, то я прекратилъ его, живъ, однако, всему собранію, что представлю письменное заключеніе.

9. Вторникъ. Читалъ въ первый разъ послѣ болѣзни, которую я перенесъ въ университетѣ, то есть послѣ трехъ мѣсяцевъ, и я въ некоторомъ страхомъ приступилъ къ этому опыту. Дѣло вышло, однако, хорошо. Я прочелъ лекцію довольно живо и безъ особенной усталости.

10. Вчера вечеромъ, въ 7 часовъ, былъ на публичной лекціи Фридриха Миллера, которую онъ читалъ о Шиллерѣ. Потомъ я говорилъ Миллеру свои замѣчанія, которыми онъ и общалъ воспринимать.

27. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи ц отъ 12-ти почти до 4-хъ часовъ. Я храбро высидѣлъ конца, принималъ участіе въ преніяхъ, читалъ свой до но домой вернулся усталый и съ головою болью.

29. Понедѣльникъ. И все-таки я не могу разстать мыслью, что среди всей этой страшной путаницы, неуряд безтолковщины человѣческой жизни есть что-то доброе умное, примиряющее и покоящееся на прочныхъ вахъ—и что это что-то заключается въ единомъ, всеобъемлющемъ совершенномъ Существовѣ, которое имѣетъ и желаніе, и исправлять недостатки и несовершенства вещей.... Я не объяснить себѣ: какъ это возможно; но еще гораздо менѣе понять, какъ это можетъ быть невозможнымъ. Это, конечно, ясное понятіе, не аксіома разумнаго вѣдѣнія—это только вѣнаніе. Но вѣрованіе также нельзя выкинуть изъ экономіи вѣческой природы, какъ и мысли.

Бываютъ состоянія человѣческой жизни, когда человекъ совершенно лишается всякой возможности управлять своей бой, когда онъ блуждаетъ во мракѣ, не зная куда направитъ свои шаги и что ожидаетъ его въ двухъ шагахъ отъ него. ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя текущему мгновению, не удручая себя мыслью о будущемъ, которая новится мучительною, когда ее нельзя утвердить на основаніи предположеніи или вѣрной надеждѣ.

Я теперь нахожусь точно въ такомъ-же положеніи, человекъ, попавшій подъ судъ. Дѣло его тянется, а онъ сидитъ въ тюрьмѣ и не знаетъ, чѣмъ оно кончится, бѣзъ приговора, или не простятъ-ли его, вѣривъ ему въ на вѣрджанное имъ заключеніе и разныя истязанія, имъ претерпѣнныя.

Мартъ 1. Вторникъ. Болѣзни не прекращаются въ домѣ. Какъ только поправится одинъ членъ семьи, заболитъ другой. Вся нынѣшняя зима досталась намъ на то, чтобы вѣваться ежедневно отъ страданій. Особенно сильно напугалъ племянникъ, опасно болѣвшій скарлатиною.

Такъ называемыя радости—суть призраки; одни страсерьезны и существенны.

Въ судьбѣ человѣческой такъ много нелѣпаго, или,

сказать, такъ все нелѣпо, что разумъ, желающій это объяснить, долженъ придти въ отчаяніе. Вотъ почему необходимы вѣрованія, которыя, конечно, не рѣшаютъ вопроса о человѣкѣ и не разъясняютъ ничего о немъ, но дѣлаютъ ненужнымъ это рѣшеніе и изъясненіе.

Изъ всего смѣшнаго въ человѣкѣ, самое смѣшное—гордость. Положимъ, что въ отношеніи къ способностямъ, онъ превосходитъ всѣ другія существа на землѣ; но въ отношеніи къ своей судьбѣ чѣмъ-же онъ выше какого-нибудь комара, котораго каждое дуновеніе вѣтра можетъ обратить въ ничто?

3. Четвергъ. Вчера вечеромъ засѣданіе въ „Комитетѣ общества пособія нуждающимся литераторамъ“. Споръ съ Кавелинымъ о способѣ выбора въ члены. Я отвергалъ право комитета входить въ разбирательство поведенія и нравственности кандидатовъ, что превращаетъ его въ какую-то цензуру *in omni*. Кавелинъ защищалъ противное. Я требовалъ безмолвной подачи голосовъ. Наконецъ, согласились, чтобы въ случаѣ сомнѣнія отлагать баллотировку на слѣдующее засѣданіе. Такъ какъ мое мнѣніе было такимъ образомъ принято, то я уже не читалъ заготовленной мною записки изъ чувства деликатности, можетъ быть и излишняго. Кавелинъ большой либераль: онъ допускаетъ и проповѣдуетъ до красна свободу, съ правомъ безпрекословнаго повиновенія его мнѣнію.

4. Пятница. У [Н. Г.] Чернышевскаго есть умъ, дарованіе, но, къ сожалѣнію, то и другое затемнено у него крайнею нетерпимостью. Онъ, на бѣду себѣ, считаетъ себя первымъ умникомъ и публицистомъ въ Европѣ.

Не распускайся въ бесплодныхъ жалобахъ о томъ, что есть, а лучше думай о томъ, какъ-бы притупить по возможности жало того, что есть. Все-таки это лучше, чѣмъ усиливать зло усиленнымъ ощущеніемъ его.

9. Среда. Утромъ былъ у (В. Θ.) Адлерберга-старика. Говорено было о театральномъ комитетѣ. Графъ выразилъ сомнѣніе въ его пользѣ, а я защищалъ его, но соглашался съ графомъ въ необходимости произвести нѣкоторыя перемѣны въ его составѣ, а главное—удалить отъ предсѣдательства Жихарева. Комитетъ необходимо отъ него освободить, такъ думаетъ графъ и намѣренъ это сдѣлать. Графъ былъ очень привѣтливъ и дружелюбенъ.

10. Четвергъ. Морозъ около 10 градусовъ и сильный вѣтеръ. Вотъ начало нашей весны.

11. Пятница. Доктора требуютъ, чтобы я непременно ѣхалъ за границу. Это мнѣ мало улыбается. Я предпочелъ-бы ѣхать въ деревню, но врачи и слышать объ этомъ не хотятъ.

13. Воскресенье. Подалъ министру просьбу объ увольненіи меня за границу въ отпускъ, на четыре мѣсяца, съ 15-го мая по 15-е сентября.

Министръ [Евг. П. Ковалевскій] былъ очень ласковъ и откровененъ. Жалобы на неблаговидные поступки Пржецлавскаго, который дѣйствуетъ разными интригами въ пользу своей записки противъ гласности, такъ какъ ему становится очевиднымъ, что онъ встрѣтитъ сильную оппозицію въ главномъ управленіи.

14. Понедѣльникъ. По утру лекція въ университетѣ, вечеромъ засѣданіе въ „Комитетѣ общества для пособія нуждающимся литераторамъ“. Предложилъ оказать пособіе семейству Талызина. Мнѣ поручено навести справки.

15. Вторникъ. Въ университетѣ читалъ лекцію живо, успѣшно и безъ усталости. Оттуда ѣздилъ навести справки о Талзынскихъ, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи окончательно испросить имъ пенсію. Я дѣйствительно нашелъ ихъ вполне заслуживающими покровительства общества.

17. Четвергъ. Вчера простился съ благороднымъ, добрымъ другомъ моимъ В. И. Барановскимъ, который навсегда оставляетъ Петербургъ. Грустная, очень грустная разлука.

Въ молодости человекъ живетъ почти исключительно инстинктами, живетъ какъ животное высшаго разряда. Въ возрастѣ зрѣломъ онъ начинаетъ жить больше по разуму, самостоятельнѣе, человѣчнѣе. Но отъ этого онъ не живетъ счастливѣе.

19. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. У нѣкоторыхъ господъ есть искусство возбуждать такіе вопросы, которые, не бывъ возбуждены, прошли-бы совершенно незамѣченными, но которые, разъ подняты, уже требуютъ рѣшенія, а рѣшенія эти часто бываютъ стѣснительными. Вотъ, на примѣръ, въ сегодняшнемъ засѣданіи баронъ Медемъ возбудилъ одинъ изъ такихъ вопросовъ. Между тѣмъ, съ нимъ объясняться нѣтъ никакой возможности: онъ такъ глухъ, что все, что можно, это

мо сказать ему нѣсколько словъ въ трубу. И при этомъ онъ
нѣ упрямъ.

Профессоръ Калмыковъ умеръ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ
ученыхъ и благородный человекъ! Онъ долго и много страдалъ.
Ему полторы тому назадъ ему отрѣзали ногу, чтобы остано-
вить распространение какого-то сухаго антонова огня. Это не
было бѣднаго. Онъ и мнѣ былъ добрымъ любящимъ товарищемъ.

24. Четвергъ. Съ 12-ти часовъ до 4-хъ на экзаменъ въ
Историческомъ училищѣ. Я не могъ туда не поѣхать по старымъ
обязанностямъ, хотя всѣ эти дни мнѣ опять сильнѣе нездоров-
илось.

Умѣть воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей столь-же не-
возможно, какъ умѣть воздерживаться отъ вредныхъ снѣдъ и
пороковъ.

Меня неотступно преслѣдуетъ мысль о ничтожествѣ человѣ-
чествомъ, пропитанная горечью и ироніею. Мысль эта всегда была
мнѣ присуща, но во время моей болѣзни особенно развилась.
Вѣдь бы ни было въ ней много справедливаго, ей, однако, слѣ-
дуетъ положить предѣлъ, потому что и она такое-же ничтоже-
ство, какъ и все прочее въ человѣкѣ. Не надо отнимать силы
жизни.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Управление сего-
дня было въ очень суровомъ расположеніи духа: оно прису-
тствовало цензора Драшусова къ увольненію отъ должности, а ре-
шеніе редактора „Свѣточа“, (Дм. Ив.) Калиновскаго, опредѣлило пре-
дсѣдательскому суду. Первый подвергся остракизму по докладу члена Трой-
ки, который открылъ многіе его промахи въ „Московскомъ
Слѣдствѣ“ и въ „Развлеченіи“. Графъ Адлербергъ и Пржецлав-
скій, особенно послѣдній, требовали, чтобы бѣдный Драшусовъ
былъ формально отрѣшенъ. Но я, Мухомовъ и министръ воспро-
тивились этому и по нашему настоянію рѣшено было, по край-
ней мѣрѣ, отнестись къ предсѣдателю московскаго цензурнаго
управленія, чтобы онъ посовѣтовалъ Драшусову подать просьбу
объ отставкѣ. Я сильно поспорилъ съ Пржецлавскимъ; этотъ
человекъ дышетъ ненавистью ко всякой мысли и вообще къ
каждому, и онъ предлагалъ самыя жесткія мѣры. Его поддержи-
вали. Я сказалъ ему: „Не думайте дѣйствовать терроромъ:
правительственный, ни другой какой терроръ никогда не

приводили къ добру“. Хуже всѣхъ Пржецлавскій. Онъ, очевидно, добивается какого-то значенія. А впрочемъ, чертъ его знаетъ, онъ можетъ быть хотеть гадить и самому правительству, склонная его къ предосудительной жесткости. Послѣ подвиговъ Огрызко ¹⁾ все кажется возможнымъ.

27. Воскресенье. Въ часъ собраніе Общества для пособія литераторамъ. Прочитанъ былъ отчетъ, выбрано нѣсколько новыхъ членовъ, а потомъ мы, т. е. члены комитета, пошли къ фотографу Кучаеву, который просилъ у насъ позволенія снять съ насъ портреты въ группѣ. Я противился этому: мнѣ вообще не нравится какое-бы то ни было добиваніе популярности, показываніе себя, что составляетъ одну изъ болѣзней нашего времени. Но на этотъ разъ я не могъ, безъ обиды товарищамъ, уклониться, какъ я уже не разъ уклонялся въ подобныхъ случаяхъ отъ изображенія меня между академиками, между литераторами, чтобы портретъ мой не торчалъ въ окнахъ магазиновъ.

Вчера былъ публичный диспутъ между профессорами Костомаровымъ и Погодинымъ. Одинъ защищалъ происхожденіе Руси изъ Литвы (Жмуди), другой изъ Скандинавіи. Диспутъ происходилъ въ большой университетской залѣ и народу собралось великое множество. Студенты разражались неистовыми рукоплесканіями, преимущественно въ честь Костомарова.

Какая въ этомъ спорѣ животворная истина? Никакой. Но тутъ было зрѣлище и толпа собралась. Нехорошо, что брали съ нея деньги. Положимъ, что это въ пользу нуждающихся студентовъ. Но, право, не хорошо штукаами возбуждать общественную благотворительность въ ихъ пользу, да еще въ стѣнахъ университета. Говорятъ, хорошо, что публика дѣлается участницей умственныхъ интересовъ. Да развѣ это участіе въ умственныхъ

¹⁾ Дѣло объ Огрызко въ свое время надѣлало много шума. Благодаря положенію, какое онъ успѣлъ завоевать себѣ въ обществѣ и въ администраціи, первые слухи объ его подпольной дѣятельности были встрѣчены недовѣрчиво и съ полнымъ къ нему сочувствіемъ. Онъ имѣлъ много защитниковъ даже среди лицъ, весьма высоко стоявшихъ въ служебномъ мірѣ. Но когда обнаружили всѣ его козни, общественное мнѣніе, глубоко оскорбленное въ своемъ патріотическомъ чувствѣ, тѣмъ сильнѣе обратилось противъ него, чѣмъ сильнѣе сначала было за него. Такъ было и съ авторомъ „Дневника“, но болѣзнь, въ это время посѣтившая А. В., помѣшала ему занести на страницы своего „Дневника“ всѣ перипетіи этой печальной драмы. С. А. Н.

интересахъ? Тутъ просто зрѣлище, своего рода упражненіе въ эквилибристикѣ. По поводу этого диспута, князь Вяземскій разрѣшился слѣдующей удачной остроотой:— „Прежде мы не знали куда идемъ, а теперъ не знаемъ и откуда“.

Вчера министръ мнѣ объявилъ, что государь согласенъ на мой отпускъ. Кромѣ того, министръ хлопочеть о выдачѣ мнѣ пособія.

28. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ комитетѣ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Просилъ о назначеніи пенсіи дочерямъ Талызина въ 250 рублей, не менѣе. Комитетъ утвердилъ это.

Кавелина можно опредѣлить слѣдующими словами: это милый, способный, но взбалмошный юноша. Странно, какъ распредѣляются природою способности у людей! Кавелинъ, безспорно, очень даровитый человѣкъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то не хватаетъ. Онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно увлекается, но не столько страстностью своей натуры, сколько неспособностью останавливаться и углубляться въ вещи. Онъ гордится, повидимому, тѣмъ, что не отстаётъ отъ времени, а между тѣмъ не замѣчаетъ, что вѣтеръ времени гонитъ его, какъ щепку, и бросаетъ со стороны въ сторону. Ему непремѣнно хочется быть первымъ между, такъ называемыми, передовыми нашими людьми—и онъ готовъ шумѣть, скакать, волноваться и волновать другихъ, чтобы только его замѣтили. Кавелину, подобно многимъ изъ нашихъ передовыхъ людей, кажется, что онъ подвизается единственно за истину, за право, за свободу—а онъ подвизается, въ то-же время, и чуть-ли не больше всего, за свою популярность. Мы крайне незрѣлы во многомъ еще — особенно незрѣлы характеромъ. Насъ безпрестанно увлекаютъ чужіе примѣры; намъ мѣшаютъ спать репутаціи героевъ европейской исторіи. Мы чувствуемъ въ себѣ потребность служить отечеству; но не столько заботимся о томъ, чтобы дѣйствительно для него что-нибудь сдѣлать, сколько о томъ, чтобы казаться сдѣлавшими. Обидно, что на такіа размышленія наводятъ даже люди, подобные Кавелину—богато одаренные природою, но не вырабатывающіе въ себѣ характера.

30. Среда. Получилъ официальную бумагу отъ министра объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца

для излеченія болѣзни и съ выдачею мнѣ пособія, взаимнѣ жалованья, вычитаемаго по Главному управленію цензуры и по университету.

31. Четвергъ. Справлялся на почтѣ о пароходахъ. Росписание рейсовъ еще не сдѣлано — въ 7-му апрѣлю оно будетъ готово.

Апрѣль 3. Воскресенье, день Пасхи. Во всю мою жизнь я, можетъ быть, разъ пять, и то по независящимъ отъ меня причинамъ, не присутствовалъ на заутренѣ и обѣднѣ этого праздника. Я люблю эту величественную драму-мистерію, темою которой служить отрадная глубокая идея возрожденія. Самая торжественность и пышность этой драмы, какими облакаетъ ее наша церковь, вполне соотвѣтствуютъ значенію идеи. Одно меня только часто приводило въ негодованіе: это—небрежность, съ какою это богослуженіе большею частью отправляется въ нашихъ церквахъ. Попы, что называется, отхватываютъ заутреню и обѣдню, искажая ее торопливымъ безучастнымъ исполненіемъ. Присутствующіе за одно съ ними не знаютъ, кажется, какъ дожидаться конца. Никто не одушевленъ, не проникнутъ истинною, великою поэзіею этого священно-дѣйствія, въ которомъ подъ изящными символами духъ человѣческой отыскиваетъ и привѣтствуетъ свою будущность, затерянную въ бурныхъ тревогахъ и превратностяхъ существующаго порядка вещей.

На этотъ разъ я побоялся ѣхать въ церковь: меня пугала страшная духота въ ней и выходъ на холодъ, гдѣ, еще полубольной, я легко могъ встрѣтиться съ простудой, которая ужъ очень не ладитъ съ идеей жизни, такъ радостно звучащей въ словахъ: „Христось Воскресе!“ Моя семья отправилась въ церковь безъ меня, а я остался дома съ Гебгардтомъ старшимъ и встрѣтилъ праздникъ чтеніемъ въ Евангеліи величественно простодушнаго повѣствованія о томъ, какъ воскресъ Христось.

4. Понедѣльникъ. Нельзя обязывать людей ни къ чему болѣе того, что мы сами въ состояніи сдѣлать.

Никто не бываетъ совершенъ, даже изъ тѣхъ, которые требуютъ совершенства отъ другихъ.

5. Вторникъ. Былъ кое у кого съ визитами. Вечеромъ въ семь часовъ гулялъ пѣшкомъ около часу; время превосходное. Весь мартъ былъ довольно хорошъ, а особенно послѣдніе дни

его и первые апрѣльскіе залиты сіяніемъ солнца. Тепла отъ 4-хъ до 6°. Я съ трудомъ хожу въ моей шубѣ, которую докторъ не велѣлъ скидывать до вскрытія Невы.

7. Четвергъ. День тихій и теплый. Нева прошла. Вечеромъ, около пяти часовъ, была значительная гроза и дождь.

Я записался въ почтамтѣ на пароходъ „Владиміръ“ въ Штетинъ на 14-е мая. Итакъ, это рѣшено: отсюда всѣ колебанія и нерѣшимости прочь.

9. Суббота. Мы вздумали перемѣнить 14-е число на 7-е. Я получилъ и билеты уже только не на „Владиміръ“, а на „Орель“. За четыре съ половиною мѣста во второмъ разрядѣ и за одно въ третьемъ я заплатилъ 190 рублей 75 копѣекъ.

10. Воскресенье. Отецъ мой обыкновенно говаривалъ при какой-нибудь новой неожиданной бѣдѣ: „это для того, чтобы не одинъ родъ бѣдствій не оставался для меня чуждымъ“. Дѣйствительно, это была какая-то его привилегія. Я могу сказать то-же о себѣ, начиная съ прошлаго ноября мѣсяца. Все это время болѣзни, одна тяжелѣе другихъ, не переводились въ моей семьѣ. Бремя страданій постоянно перекладывалось въ ней съ однихъ плечъ на другія. Разумѣется, глупо говорить тутъ о судьбѣ или о чемъ-нибудь подобномъ. Все это игра случайностей, проистекающая изъ нищеты нашей природы и условій жизни, среди которыхъ она зыблется.

13. Среда. Сегодня въ первый разъ вздохнулъ полегче, моимъ больнымъ лучше.

Надо отличать въ людяхъ пороки темперамента отъ пороковъ, проистекающихъ изъ нашего высокаго мнѣнія о самихъ себѣ, отъ пороковъ, порождаемыхъ умственнымъ высокомеріемъ. Люди, одержимые первыми, заслуживаютъ сожалѣнія; но вторые невольнo возбуждаютъ чувство отвращенія или, скорѣе, презрѣнія.

Говорятъ, что энергія всегда совпадаетъ съ самонадѣянностью: силѣ свойственно впадать въ преувеличенія. Неужели энергія должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ пріобрѣтать болѣе зрѣлыя и вѣрныя понятія о самомъ себѣ, о людяхъ, о мірѣ и объ отношеніяхъ своихъ къ нимъ. Неужели-же сила исключаетъ истину? Мнѣ кажется, что это скорѣе недостатокъ человѣческаго образованія, чѣмъ законъ.

14. Четвергъ. Спектакль въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ. Игранъ былъ „Ревизоръ“. Писемскій игралъ городничаго. Пьеса шла неблистательно, но денегъ собрано много. Всѣ мѣста почти были заняты. Мы, члены комитета, распорядились спектаклемъ, какъ хозяева. Я пробылъ тамъ до 11-ти часовъ и возвратился домой не почувствовавъ ни малю усталости, несмотря на то, что почти все время пробылъ на ногахъ.

Спектакль посѣтилъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

Тамъ встрѣтился со мной Павловъ и разразился въ ужасныхъ жалобахъ на предсѣдателя московской цензуры (М. П.) Щербинина.

16. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. У меня разбалываться начала отъ него голова, потому что оно продолжалось съ 12-ти часовъ до 4-хъ. Важнаго, впрочемъ, ничего не было. Графъ (А. В.) Адлербергъ пріѣхалъ поздно, но всетаки нашелъ довольно времени, чтобы напасть съ ожесточеніемъ на нѣкоторыя фразы изъ читаемыхъ статей. Съ нѣкотораго времени онъ выражаетъ самыя претительныя мысли...

21. Четвергъ. Вечеромъ у Ребиндера. Тамъ былъ одинъ изъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу и С. Первый разсказывалъ странныя вещи о графѣ Панинѣ и его дѣяніяхъ по комитету — между прочимъ о томъ, какъ графъ сдѣлалъ рисунокъ для стола, за которымъ должны засѣдать члены, считая это весьма важнымъ дѣломъ. Съ другимъ у меня завязался споръ о достоинствахъ нѣкотораго лица. С. обыкновенно вдохновляется кѣмъ-нибудь изъ самыхъ ярыхъ либераловъ — въ данную минуту К., у котораго занимаетъ деньги и, вѣроятно, потому считаетъ его величайшимъ гениемъ русской земли. Я, однако-жъ, поступилъ нехорошо, вдаваясь слишкомъ серьезно въ пренія съ человѣкомъ, которому въ сущности нѣтъ дѣла до настоящаго смысла и значенія вещей.

Надо дѣйствовать такъ, чтобы правительство само помогало хорошимъ реформамъ, потому что безъ помощи его мы не можемъ ихъ дѣлать. Но вмѣсто того, мы его дразнимъ — и для чего? Для того, что нашему самолюбію пріятно выставять себя единственными виновниками всего хорошаго.

22. Пятница. Экзамень IV курса въ университетѣ. Вечеръ былъ въ спектаклѣ, который давался въ пользу нашего общества.

23. Суббота. До сегодняшняго дня погода весь апрѣль была прекрасная. Вчера еще было свѣтло, хотя довольно холодно, а сегодня мокрый снѣгъ съ дождемъ и всего $3\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Большой раутъ у Егора Петровича Ковалевскаго. Тутъ было нѣсколько министровъ: Горчаковъ, министръ народнаго просвѣщенія, министръ финансовъ, нѣсколько литераторовъ, дамъ и прочее. Дѣлалось, что обыкновенно дѣлается на этихъ вечерахъ— варивали, другъ другу кадили, ѣли сласти, пили чай. Я возвратился домой часовъ въ двѣнадцать, пѣшкомъ; Г. довелъ меня до Литейной.

Галейранъ говорилъ, что слово дано намъ, чтобы скрывать свои мысли; къ этому можно прибавить, что умъ данъ намъ, чтобы не вѣрять, для того, чтобы насъ обманывать.

Я вышелъ изъ рядовъ народа; я плебей съ головы до ногъ, и не допускаю мысли, что хорошо дать народу власть. Народъ не можетъ быть ни всеобщаго довольства, ни всеобщаго уваженія, ни всеобщей добродѣтели; изъ многихъ всегда будутъ выдѣляться нѣкоторые съ перевѣсомъ того, чего недостаетъ большинству. Массѣ никогда не будетъ доставать тѣхъ элементовъ, которыми дѣлаютъ власть справедливою, мудрою, просвѣщенною— она по необходимости или употребитъ ее во зло, или передастъ власть въ руки одного и такимъ образомъ неизбежно приведетъ къ деспотизму. Народъ долженъ быть управляемъ, а не управлять. Народъ долженъ имѣть право предъявлять свои нужды, указывать на злоупотребленія и вѣдывать на пороки и злоупотребленія тѣхъ лицъ, которыя назначены для охраненія и исполненія законовъ; но избрѣтательныя законы и постановлять рѣшенія онъ не долженъ: ему для этого недостаетъ ни времени, ни просвѣщенія. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ первенство за аристотелемъ: не многіе или нѣкоторые, которые занимаются дѣлами управленія, должны получать власть по праву избранія, а не по праву привилегій или какихъ либо другихъ случайностей

30. Суббота. Взялъ вчера паспорта за границу.

Если вы раздражаетесь, то откажитесь отъ претензій руководить и управлять другими.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Жаркія пренія по поводу статьи (К. К.) Арсеньева о необходимости гласнаго судопроизводства. Пржецлавскій, разумѣется, былъ противъ этой статьи, съ нимъ за одно Берте. Но всѣ прочіе были за напечатаніе статьи, не исключая *** и Муханова.

Май 1. Воскресенье. Холодъ. Прощальные визиты графу Блудову, Княжевичу, Д—ву и Муханову.

2. Понедѣльникъ. Отвратительный холодъ, такъ что я раскаивался, что не надѣлъ сегодня шубы. Вотъ пріятный спутникъ собирающимся въ путь дорогу, особенно моремъ. Меня пугаютъ холодомъ, совѣтуютъ взять шубы. По утру, непріятный какъ холодъ, экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Вечеромъ засѣданіе въ Комитетѣ для пособія нуждающимся литераторамъ. Бездна хлопотъ передъ отъѣздомъ.

6. Пятница. Сборы, суматоха и скука. И все это дѣлается безъ довѣрія къ будущему и съ досадою, зачѣмъ дѣлается. Я предпочелъ бы, напримѣръ, поѣздку въ деревню, что меньше стоило-бы и денегъ, и времени, и усилій.

Но полно. Мужество состоитъ въ томъ, чтобы уже не колебаться, ступивъ на путь. Итакъ—впередъ, по крайней мѣрѣ съ рѣшимостью и свободою духа, если не съ довѣріемъ къ судьбѣ.

Между прочимъ, вчера случилась нѣкоторая непріятность: изъ мѣшка съ золотомъ, которое приготовлено для дороги и разложено въ пачкахъ, мы не досчитываемся пачки съ 20-ю полумперіалами. Есть сильный поводъ подозрѣвать лакея Осипа, но настоящихъ уликъ нѣтъ, да и некогда дѣлать разысканія. Приходится забыть эту потерю, хотя 20-ть полумперіаловъ для меня не пустая вещь. Надо утѣшать себя и тѣмъ, что бездѣльникъ, присвоившій себѣ эту сумму, могъ-бы присвоить и гораздо больше и посадить меня, какъ говорится, совѣмъ на мель.

А теперъ, листки эти ступайте въ портфель до Берлина.

7. Суббота. Въ часъ мы на Англійской набережной простились съ провожавшими насъ знакомыми и отправились въ Кронштадтъ, гдѣ на рейдѣ пересѣли на пароходъ „Прусскій Орелъ“, на которомъ и должны были плыть въ Штеттинъ. Въ шесть часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и мы понеслись по волнамъ Финскаго залива. Погода была прекрасная и сопровождала насъ до самаго Штеттина. На другой день, то есть

оскресенье, я уже могъ любоваться величественнымъ зрѣлищемъ открытаго безпредѣльнаго моря. Зрѣлище дѣйствительно чистенное—безъ всякаго излишества восторговъ и сентиментальностей. Море слегка рябило волнами и только подъ сами парохода оно сердито шумѣло, слегка вздувалось и выпалось серебристой пѣной. Вѣтеръ былъ противный, и ему мы шли на паряхъ. Иногда онъ, повидимому, перемѣнялъ направление, и тогда тотчасъ ставили паруса. Я съ семействомъ шеею частью сидѣлъ за кормою, гдѣ мы были защищены вѣтра. Съ нами ѣхалъ И. А. Г***. Вообще общество пароходѣ было порядочное. Мы не замедлили сблизиться съ капитаномъ Шульманомъ и его женой и съ премолю дамою З. Вилламовою.

Пароходъ хорошо устроенъ. Все на немъ опратно и порядочно. Одно только дурно: на него было принято много сверхкомплектныхъ пассажировъ; и оттого въ общей каютѣ стояла тѣсная, особенно во время обѣда и ночью, когда всѣ сверхкомплектные собирались сюда. Спать имъ предоставлялось попопало. Иные успѣвали захватить себѣ мѣсто на диванѣ, иные располагались на полу, чуть не другъ на другѣ. Койки до одной были заняты. Мнѣ досталась койка внизу, а семья заняла весь небольшой уголокъ на женской половинѣ. Спать приходилось и безъ комическихъ сценъ. Одинъ пожилой нѣмецъ никакъ не могъ помириться съ своимъ сверхкомплектнымъ положениемъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ забирался въ первую каюту, хозяйинъ которой еще не успѣвалъ въ нее улечься. Но когда хозяйинъ возвращается и, ничего не подозрѣвая, собирается лечь въ свое ложе, а оно уже занято, и на него оттуда выглядываетъ чья-то умильно улыбающаяся рожа и чья-то голова вполночь колпакъ привѣтливо ему киваетъ. Нѣтъ возможности возразиться; онъ такъ и дѣлаетъ. А злополучный сверхкомплектный пассажиръ при первомъ-же требованіи настоящаго пассажира на койки безпрекословно, съ изысканною любезностью уступаетъ ему мѣсто и идетъ дальше искать другое, еще незанятое, мѣсто. Повторяется та-же сцена—и такъ въ теченіи всей ночи. Развѣ этого пассажира кукушкой и съ любопытствомъ подглядывать за невозмутимо-добродушнымъ упорствомъ, съ какимъ онъ посягалъ на чужія мѣста и которое не измѣнило ему до конца Штеттина.

Обѣдъ подавался въ три часа и очень хорошій.

Первыя мѣста отличались отъ нашихъ вторыхъ прекрасно устроенною галлереею на палубѣ, куда сходились обѣдать пассажиры обоихъ классовъ. Сперва тѣснота нашихъ каютъ и койки, висящія по сторонамъ какъ птичьи гнѣзда, сдѣлали на меня непріятное впечатлѣніе, но я скоро къ этому привыкъ.

Въ понедѣльникъ къ вечеру, когда мы поравнялись съ островомъ Гохландомъ, начало покачивать. Многихъ изъ дамъ и мужчинъ также немедленно увачало. Но мы храбро держались. Я не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія, напротивъ, былъ бодръ, веселъ и такъ здоровъ, какъ уже давно себя не чувствовалъ. Ночь съ понедѣльника я почти всю провель на палубѣ, гдѣ трудно было ходить отъ качки.

Въ шесть часовъ утра, во вторникъ, мы были уже въ Свинемюндѣ, а въ девять и въ Штеттинѣ. Въ Свинемюндѣ насъ на пароходѣ осматривали таможенные—весьма учтиво и безъ придирокъ. Мы объявили, что веземъ съ собой нѣсколько фунтовъ чаю, за что и заплатили ничтожную пошлину. Въ Штеттинѣ мы пробыли до двухъ часовъ, а въ четыре пріѣхали въ Берлинъ.

Дорога отъ Штеттина до Берлина по однообразной равнинѣ, но мимо часто мелькаютъ опрятныя деревушки. Переѣздъ изъ Помераніи въ Бранденбургію замѣтенъ тѣмъ, что мѣстность вдругъ становится скучнѣе, песчанѣе и лѣсистѣе.

13. Пятница. Ѣздили съ А. В. Вилламовою и Ф. Г. Шульманомъ въ Потсдамъ, гдѣ вторично осматривали то, что видѣли уже въ 1857 году. Въ Сансуси на этотъ разъ успѣли только заглянуть, а во дворцѣ совсѣмъ не были, потому что тамъ живетъ сумасшедшій король.

15. Воскресенье. Поутру былъ у Фрерикса, знаменитаго берлинскаго доктора. Онъ прочиталъ исторію моей болѣзни, изложенную Вальцемъ, изслѣдовалъ меня самъ, потомъ сказалъ, что болѣзнь моя разстройство нервной системы и печени. Вальцъ отлично меня пользовалъ, и онъ, Фрериксъ, рѣшительно ничего не имѣетъ прибавить, а совѣтуетъ, какъ и Вальцъ, сначала ѣхать въ Киссингенъ, потомъ отдыхать въ Альпійскихъ горахъ и въ заключеніе купаться въ морѣ.

Вечеромъ—прогулка въ Шарлотенбургъ. Длинная аллея съ хорошенькими домиками въ Тиргартенѣ привела насъ къ дворцу,

мы немного погуляли въ саду. Былъ сильный холодъ съ
емь.

6. Понедѣльникъ. Въ семь часовъ утра оставили Берлинъ
двѣнадцать прибыли въ Дрезденъ. Остановились въ отелѣ
вифуртъ“, рекомендованномъ намъ Г., который уже тутъ насъ
дался. Отель не роскошный, но хозяинъ очень усердный и
жливый. Придется остаться тутъ, пока прищемъ квартиру
дѣтей.

7. Вторникъ. Погода ужасная. Безпрерывный дождь, съ
мъ холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ, какой и въ Петер-
вѣ рѣдко бываетъ въ маѣ.

9. Четвергъ. Ѣздили въ Пильницъ къ госпожѣ Б., чтобы
вѣтоваться съ нею насчетъ пребыванія моей семьи въ Дрез-
на время моей поѣздки въ Киссингенъ и въ Швейцарію.
Ѣхали мы по правому берегу Эльбы, среди богатыхъ нивъ,
въ почти непрерывный рядъ деревенокъ, а оттуда возвраща-
лѣвымъ подгорнымъ берегомъ. Что за прелестныя мѣста—
парки, рощи, скаты горъ, деревеньки, дачи! Путь нашъ
чился Шиллеровою улицею съ великолѣпною каштановою
въ, врѣзывающеюся въ самый городъ. Посреди улицы статуя
глера, противъ того домика, гдѣ онъ жилъ со своимъ дру-
Вернеромъ. Тутъ былъ и центръ торжества, происходив-
въ прошломъ году въ честь Шиллера.

2. Воскресенье. Дни проводимъ въ пріисканіи квартиры
прогулкахъ по городу съ Г., который одержимъ неистовою
стью бродить по городу и покупать въ магазинахъ разныя
жныя вещи. Мы перепробовали съ нимъ сигары почти во
съ здѣшнихъ лучшихъ сигарныхъ магазинахъ.

Иаще всего бываемъ мы на Брюлевской террасѣ.

На-двухъ ходили и въ галерею, гдѣ я снова наслаждался
ощаніемъ Сикстинской Мадонны.

Сегодня Ѣздили за-городъ въ Вальдшлѣсенъ. Чудесные
! Вездѣ, по случаю праздничнаго дня, толпы гуляющаго и
хающаго народа, но все чинно, прилично.

3. Понедѣльникъ. Прогулка въ Тарантъ со всей семьей
Г. въ коляскѣ. Отъ самаго Дрездена начинается рядъ де-
нь и непрерывно тянется до самаго Таранта. Мѣстность,
ва лишь слегка холмистая, вдругъ принимаетъ видъ горнаго

ущелья, напоминающаго виды Саксонской Швейцаріи. Самый Тарантъ прижатъ въ углу къ горамъ. Тутъ-же утесъ, на которомъ съ одной стороны расположена церковь, а съ другой возвышаются развалины какого-то стариннаго зданія—все это чудно-прекрасно! Рѣзвый потокъ огибаетъ съ одной стороны уголокъ, гдѣ пріютилась гостинница, и образуетъ изъ него маленькой полуостровъ. Уголокъ этотъ такъ свѣжъ, уютенъ и милъ, что невольно призываетъ въ немъ отдохнуть. Такъ мы и сдѣлали; спросили земляники, молока. Къ обѣду вернулись въ Дрезденъ.

Недаромъ всѣ путешественники твердятъ о Тарантѣ и ѣздятъ имъ любоваться: это одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Дрездена. Я, къ сожалѣнію, мало могъ наслаждаться, такъ какъ весь день очень дурно себя чувствовалъ.

Видѣлся съ докторомъ Вальтеромъ—здѣшнимъ медицинскимъ свѣтиломъ. Главная цѣль моего настоящаго свиданія съ нимъ было совѣщаніе о здоровьѣ дѣтей, которыхъ здѣсь оставляю. Мое намѣреніе поселить ихъ въ Пильницѣ Вальтеръ не одобрилъ, говоря, что Эльба тамъ не такъ удобна для купанья, какъ въ Дрезденѣ, пониже или немного повыше моста. Обо мнѣ онъ повторилъ то-же, что говорили Фрериксъ и Вальцъ.

26. Четвергъ. Переѣхали на квартиру, которую наняли въ Прагеръ-штрассе для дѣтей на время моего отсутствія изъ Дрездена. Квартира очень миленькая, на концѣ новой улицы, и расположена такъ, что находится недалеко отъ центра города, но въ то-же время, стоитъ только завернуть за уголъ налѣво, какъ выходишь въ поле и въ двадцать минутъ ходьбы достигаешь Гросгартена. Въ квартирѣ три чистенькія свѣтлыя комнаты въ нижнемъ этажѣ (по здѣшнему партеръ), кухня, садикъ; вся мебель, бѣлье столовое и на четыре постели, вся посуда — хозяйскіе, и за это 25 талеровъ въ мѣсяць. Домъ № 16.

31. Вторникъ. Выѣхалъ въ Киссингенъ вмѣстѣ съ женою. Г. ѣхалъ съ нами до Плауена, откуда направился въ Мариенбадъ.

Іюнь 1. Среда. Черезъ Лейпцигъ и Гофъ доѣхали мы по желѣзной дорогѣ до Швейнфурта; отсюда въ мальпостѣ продолжали путь до Киссингена. Дорога пролегаетъ по живописной мѣстности. Въ Киссингенъ мы пріѣхали въ семь часовъ вечера и остановились въ отелѣ Сотье.

7. Вторникъ. Киссингенъ прелестное мѣстечко. Сегодня

слѣ обѣда ѣздили вмѣстѣ съ Шульманами въ Боклетъ, на разстояніи часа ѣзды отсюда. Тамъ тоже минеральный источникъ, другого свойства. Мѣсто это очень живописно, хотя уступитъ Киссингену. А посѣщается оно куда меньше послѣдняго: настоящее время въ немъ пребываютъ и пользуются водами его семнадцать человѣкъ. Мы погуляли тамъ съ часъ, а на обратномъ пути насъ застигъ дождь.

Полутру былъ у меня графъ А—нъ и принесъ мнѣ поѣдній номеръ „Колокола“. Въ этомъ номерѣ мало остроумія и правда сильно перемѣшана съ ложью.

8 (20). Среда. Передъ обѣдомъ сдѣлали сегодня прелестнѣйшую прогулку къ развалинамъ замка Боденлаубе, на высокой горахъ, вправо отъ Киссенгена. Туда ведетъ дорожка, довольно пологая, по здѣшнему обыкновенію обсаженная грушами и яблонями; на ней мѣстами встрѣчаются скамейки, такъ что можно безъ малѣйшаго утомленія добраться до вершины горы. У подножія втораго выступа ея стоитъ опрятный домикъ съ садикомъ—это ресторанъ. Обогнувъ его и миновавъ этотъ выступъ, скоро взойшли на самую вершину горы, гдѣ нѣкогда, говорятъ, красовался величественный замокъ. Но теперь тутъ торчатъ только грубые каменные обломки, по виду которыхъ трудно опредѣлить ихъ первоначальное назначеніе. Но виды отсюда очаровательны. Всѣ противоположныя высоты тутъ передъ вами, лежатъ на ладони, и между ними чистенькій миловидный Киссингенъ лежитъ весь на показъ, точно въ корзинѣ зелени и цвѣтенья. Взоръ далеко обнимаетъ безпредѣльный горизонтъ, испещренный холмами, лѣсами, богатыми нивами, виноградниками. Все такъ прекрасно; все производитъ впечатлѣніе довольства и благополучія.

День, хотя сѣренъкій, но теплый и безъ дождя.

12 (24). Воскресенье. Послѣ обѣда гуляли на ближайшей горахъ, гдѣ въ настоящее время на самой вершинѣ, рядомъ съ старымъ, развѣвается виртембергскій флагъ, въ честь королевы виртембергской, которая теперь въ Киссингенѣ. Вся эта вышенность не иное что, какъ прекрасный паркъ, съ отлогими извилистыми дорожками, бесѣдками и скамьями для отдыхающихъ. Со всѣхъ сторонъ очаровательные виды. Мы обошли всю гору, останавливаясь для отдыха на лучшихъ мѣстахъ и

любая живописною мѣстностью и прелестнымъ вечеромъ. Въ семь часовъ мы спустились въ кургаузъ, гдѣ еще послушали хорошей музыки. Тутъ было очень тѣсно. Наѣхало много новыхъ лицъ. Вообще здѣсь замѣтенъ постоянный приливъ и отливъ ихъ. Они быстро смѣняются, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ. Между прочимъ, познакомился съ очень интереснымъ лицомъ, съ бывшимъ нашимъ посланникомъ въ Константинополь, Бутеневымъ.

13 (25). Понедѣльникъ. Послѣ обѣда отправились къ развалинамъ замка Боденлаубе. Было еще довольно жарко, и мы съ нѣкоторымъ трудомъ, два раза отдыхая, добрались до ресторана у подошвы скалы съ развалинами. Здѣсь мы отдохнули и отправились обратно по гребню сосѣдней горы къ такъ называемой Голгоѣ. Съ этого гребня весь Киссингенъ—долина, по которой извиивается шаловливая Саала; каштановая аллея и группы деревьевъ, среди которыхъ она мелькаетъ, окрестныя горы, покрытыя лѣсомъ съ разными оттѣнками зелени—все это составляетъ великолѣпный ландшафтъ, обнимаемый однимъ взглядомъ. Мы углубились въ небольшой сосновый лѣсокъ и намъ представились: налѣво—небольшая часовня, а направо—высокій пьедесталъ съ распятиемъ и скульптурными изображеніями лицъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ страданіяхъ и кончинѣ Христа. Отсюда дорожка ведетъ внизъ по крутому скату, и съ одной стороны ея, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, каменные ниши съ скульптурными изображеніями разныхъ моментовъ скорбнаго пути Иисуса. Надо сказать правду, изображенія эти такъ грубо исполнены, что производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Но вотъ и конецъ лѣсу, и послѣдній спускъ въ долину, къ дорогѣ, ведущей въ какую-то деревеньку. Что за восхитительный сельскій видъ открывается здѣсь на поля и золотистыя нивы, съ обѣщаніями богатѣйшей жатвы. Надъ полями тамъ и сямъ взвивались жаворонки и наполняли воздухъ неумолкаемымъ пѣніемъ, а иногда слышался и крикъ моего земляка перепела. Я присѣлъ на камень и долго любовался этою мирною прекрасною картиною, стараясь, однако, обѣгать взоромъ грубыя изображенія Христовыхъ страстей.

15 (27). Среда. Читалъ русскія газеты. Мало хорошаго. Плутводство и безтолковость нашихъ акціонерныхъ обществъ; пустота дачныхъ увеселеній и т. д.

письма изъ Дрездена: слава Богу, тамъ все благополучно. Курьерныя вѣсти оттуда-же отъ Ребиндера. Жена его быстрыми шагами идетъ къ могилѣ. Уже послали за священникомъ въ воскресенье. Жаль мнѣ бѣднаго Ребиндера! Зло предвидѣно давно, но ничѣмъ не лучше неожиданнаго. Это только другая ва- рьяна на ту-же тему.

6 (28). Четвергъ. Вечеромъ, часовъ около девяти, иллюминація кургауза и фейерверкъ по случаю завтрашнихъ именинъ герцогини виртембергской (Паулины), которая пользуется здѣшними водами. Иллюминація при тихомъ и хорошемъ вечерѣ была прекрасна, а фейерверкъ даже очень хорошъ.

7 (29). Пятница. Все утро провелъ съ графомъ А ———, съ которымъ мы какъ-то сошлись и часто бываемъ вмѣстѣ. Онъ уменъ, но, по обыкновенію нашихъ аристократовъ, не особенно легко образованъ, на что и самъ сильно жалуется и ропщетъ. У него было три гувернера одинъ за другимъ, два французскія и послѣдній нѣмецъ. Отъ нихъ онъ научился курить, волокутъ за женщинами; они не передали ему даже грамматическія знанія своихъ языковъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пажескую школу, гдѣ тоже не многому научился. Теперь онъ старается пополнить недостатки своего образованія основательнымъ чтеніемъ; читаетъ много и серьезныя вещи, но чувствуетъ, что не имеетъ нѣтъ твердой почвы. Жаль! Въ этомъ человѣкѣ много талантовъ, изъ которыхъ могло-бы образоваться что-нибудь хорошее. Умъ его наклоненъ къ серьезному, дѣльному, но недостаетъ твердыхъ опоръ. Въ немъ много стремленій къ самостоятельной, широкой дѣятельности. Но за что и какъ приняться?—онъ не знаетъ. Его взглядъ на самого себя и на современное поколѣніе довольно вѣренъ, хотя неутѣшителенъ.

Вечеромъ былъ, по обыкновенію, въ кургаузѣ. Завелъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, и въ томъ числѣ съ вице-президентомъ с.-петербургской медицинской академіи, Иваномъ Тимофеевичемъ Глѣбовымъ. Все время шелъ дождь. Но показались радуги и одна такая великолѣпная, какую я рѣдко видѣлъ. Я долго любовался ею на лугу за Саалю, прикрывшись зонтикомъ. Но холодный сѣверный вѣтеръ, родной сынъ, если не врагъ, нашего петербургскаго, прогналъ меня домой.

8 (30). Суббота. Въ кургаузѣ видѣлъ замѣчательно не-

пріятную фізіономію: она принадлежитъ герцогу Гессенъ-Кассельскому, извѣстному нѣмецкому реакціонеру. На лицѣ его такъ и отпечатаны надутое высокомеріе, тупость и злость. Отъ него рѣшительно пахнетъ Неаполемъ, Бурбонами и пыткой.

Іюнь 25 (іюль 7). Суббота. Ѣздили къ развалинамъ замка Тримбергъ, на разстояніе часа съ четвертью ѣзды отъ Киссингена. Развалины замка очень живописны, но еще живописнѣе долина, разстилающаяся у подошвы горъ, на одной изъ которыхъ былъ построенъ замокъ. Мы исходили всѣ углы развалинъ.

Вѣрующая простота невѣжества въ неизбѣжныхъ скорбяхъ находитъ свои утѣшенія. Высшій умъ, можетъ быть не безъ основанія отрицая ихъ, неужели-же такъ и осужденъ не имѣть ихъ? Нѣтъ, для него также должны быть свои вѣрованія, потому что его логика оказывается безсильною, а нельзя-же, чтобы онъ оставался безъ всего въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, оставался съ однимъ мрачнымъ, безвыходнымъ отрицаніемъ, потому что, въ концѣ концовъ, и онъ-же что-нибудь значитъ. И если эти вѣрованія не болѣе, какъ инстинкты нашей разумной природы, то слѣдуетъ предаться и имъ. Инстинкты, какъ выраженіе самого закона и силы вещей, благонадежнѣе и жизненнѣе нашихъ умозаключеній.

Іюль 6 (18). Среда. Собираемся ѣхать изъ Киссингена. Зашелъ поутру въ кургаузъ. Толпа новыхъ лицъ. Новое поколѣніе ищущихъ исцѣленія смѣнило старое. По прежнему доктора, стоя подъ деревьями, исповѣдуютъ подходящихъ къ нимъ по очереди своихъ пациентовъ; по прежнему толпятся сотни людей около источниковъ Ракоци и Пандура, протягивая руки къ ставанамъ съ цѣлебною влагою; по прежнему гремитъ музыка, какъ будто въ знакъ веселья, а въ сущности—это чистая ложь, потому что каждому тутъ не до веселья. Я встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; по прежнему тѣ-же разговоры, какъ проведена ночь, сколько кто принялъ ваннъ и сколько еще остается принять, и т. д. По прежнему въ аллеяхъ мелькаютъ женщины въ необъятныхъ кринолинахъ. Тщетно думаете вы уловить на ихъ лицахъ черту дѣйствительной граціи, прелести: это болѣею частью или изнуренныя страданіями лица, или съ поддѣльнымъ цвѣтомъ молодости и красоты. Все ложь. Мнѣ стало досадно и грустно. Я послѣдовалъ въ поле и вышелъ на Голгоескую дорогу. Вотъ

прекрасное, истинно прекрасное! Нивы покрыты богатою; яблони, груши и вишневья деревья обременены плодами; вездѣ пестрѣютъ цвѣты, жужжать насѣкомья, перекликаются птички, раздается звонкая пѣснь жаворонка. Крестьянка несетъ въ корзинѣ сочную траву; волю тянутъ высоко нагруженный сѣномъ возъ — все здѣсь говоритъ о вѣчной гармоніи природы, о невозмутимой радости, довольствѣ, о благополучномъ и благородномъ трудѣ. Воздухъ тепелъ и чистъ; на горизонтѣ висятъ тучки, обѣщая дождь, который еще больше все оживитъ...

Сейчасъ я и уѣзжаю изъ Киссингена, а о восстановленіи здѣсь еще и помину нѣтъ. Хочу еще остановиться въ Вюрцбургѣ, по совѣту И. Т. Глѣбова, повидаться съ знаменитымъ немецкимъ врачомъ Бамбергомъ.

Въ Киссингенѣ мы наняли коляску за семь гульденовъ и въ три часа выѣхали до Швейнфурта къ двумъ часамъ, выѣхавъ въ одиннадцать. Дорога пріятная. День теплый, хотя съ маленькимъ ветеркомъ.

Изъ Швейнфурта до Вюрцбурга всего часъ ѣзды. Остановились въ отелѣ „Кронпринцъ“. Вечеромъ видѣлся съ Бамбергомъ. Онъ предлагаетъ ѣхать не къ морю, купанье въ которомъ онъ полагаетъ для меня слишкомъ сильнымъ, а въ Ипль, и принимать рѣчные ванны—салины. Онъ привелъ меня въ колебаніе, но зрѣломъ размысленіи, въ заключеніе рѣшился не измѣнить первоначальному плану.

Видѣли въ коляскѣ по городу. Онъ тѣсенъ, съ узкими улицами и очень населенъ. Статуи на мосту, исправительное заведеніе для женщинъ, госпиталь, дворецъ съ садомъ, въ которомъ прогулялись нѣсколько съ попавшимся намъ однимъ русскимъ.

(19). Четвергъ. Въ половинѣ десятаго выѣхали изъ Вюрцбурга, а въ два часа были во Франкфуртѣ. Остановились въ отелѣ „Англетеръ“.

(20). Пятница. Сегодня ѣздили въ Соденъ. Встрѣтился съ Ш. и съ милымъ С. Съ послѣднимъ мы горячо обнялись. День проведенъ въ прогулкахъ по полямъ и рощамъ. Жена С. очень милая, молоденькая женщина и отличная музыкантша. Живутъ они въ хорошенькомъ, уютномъ отелѣ.

9 (21). Суббота. Ночь провели въ Соденѣ, а утромъ, распроставшись съ Ш. и С., въ дилижансѣ уѣхали на станцію желѣзной дороги. С. особенно горячо встрѣтилъ и проводилъ меня, и я душою отдохнулъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

Возвратясь во Франкфуртъ, мы вечеромъ посѣтили еще зоологическій садъ, гдѣ было гулянье съ весьма порядочною военною музыкою. Садъ очень хорошъ, хотя не великъ. Большое собраніе птицъ, между которыми особенно замѣчательны водяныя птицы тропическихъ странъ; четыре прекрасныхъ страуса; много крохотныхъ премиленькихъ пичужекъ. Прекрасенъ видъ съ террасы на окрестности города. Гуляющихъ много; но все просто, прилично, хотя и оживленно. Мы пробыли тамъ до восьми часовъ. Заплатили за входъ по флорину.

Но среди всего этого меня не покидаетъ тоскливое расположеніе духа. Грустное воспоминаніе о дѣтяхъ, почти до слезъ, и горячее желаніе увидѣть ихъ. Опять раздумье: ѣхать-ли въ Швейцарію и не лучше-ли возвратиться въ Дрезденъ? Соблазнъ великъ и будь я здѣсь теперь одинъ, сейчасъ-бы махнулъ туда. Въ расположеніи духа, въ какомъ я нахожусь, какую занимательность для меня будетъ имѣть Швейцарія и какая будетъ польза для здоровья?

10 (22). Воскресенье. Осматривали городъ, заѣзжали въ синагогу: это новое великолѣпное зданіе. Завернули въ гнусную Іуденштрассе, этотъ остатокъ средневѣковыхъ жилищъ евреевъ.

Около шести часовъ выѣхали изъ Франкфурта по пути въ Швейцарію.

12 (24). Вторникъ. Миновавъ Дармштадтъ, живописный Гейдельбергъ и патриархальный Оффенбахъ, сегодня прибыли въ Базель.

Мѣстность до Гейдельберга непривлекательна, особенно около Дармштадта. Растительность какая-то хилая. Но отъ Гейдельберга начинаются живописныя мѣста: кудрявыя Шварцвальдскія горы, а внизу долина, простирающаяся далеко до Рейна и вдоль него. Растительность роскошная, сочная, особенно не доѣзжая Апенвейера.

Въ Базелѣ остановились въ „Отель дю-Соважъ“, который выбрали по совѣту печатнаго листка. Оказался плохимъ и дорогимъ. Все плохо: комната, обѣдъ, услуга.

Вообще, надо правду сказать, что въ большихъ городахъ Европы часто поступаютъ съ путешественниками не очень-то добросовѣстно. Въ отеляхъ часто берутъ за все въ три-дорога, правда, прикрывая это вѣжливыми словами и улыбками. Вездѣ проглядываетъ сухой эгоизмъ и жадность къ прибыли.

Вообще честность строго соблюдается между согражданами, но о ней не думаютъ въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это объясняется очень просто. Тутъ каждый боится закона и общественнаго мнѣнія — этихъ двухъ великихъ могуществъ въ западной цивилизаціи. Худо тому, кто въ своемъ городѣ или селѣ изобличить себя въ недобросовѣстности: противъ него возстанетъ вся масса. Но за чужеземца не стойтъ ни сила общественнаго мнѣнія, ни сила закона: его можно обмануть, а пожалуй и притѣснить безнаказанно. Значить, уваженіе къ правамъ другихъ, честность, столь восхваляемая въ Европѣ, особенно въ Германіи, происходятъ вовсе не отъ той высокой гуманности, которую въ ней видятъ наши ультра-западники, а единственно отъ утвердившихся взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Конечно, и это хорошо, потому что членамъ такого общества обезпечивается безопасность. Но той цивилизаціи, гдѣ человѣкъ и все ему принадлежащее уважалось-бы единственно по чувству человѣчности, Европа еще не достигла.

Осматривали городъ. Старинный соборъ съ остатками средневѣковой древности; зала, гдѣ нѣкогда засѣдала духовная конгрегація. За соборомъ съ террасы прекраснѣйшій видъ на Рейнъ.

Въ этихъ старинныхъ городахъ чувствуешь себя придавленнымъ и погребеннымъ въ громадахъ камней: такъ тѣсны улицы и сплошны зданія.

13 (25). Среда. Въ половинѣ перваго мы были на дебаркадерѣ по пути въ Бернъ. Здѣшній вокзалъ рѣшительно похожъ на сарай. Многочисленная толпа тѣснилась въ немъ и ждала звонка къ отъѣзду въ невыносимой духотѣ. Наконецъ, двери открылись и всѣ побѣжали, сломя голову, занимать мѣста въ вагонахъ, которые оказались гораздо хуже нѣмецкихъ. Вообще Швейцарія, въ отношеніи удобства и порядка на желѣзныхъ дорогахъ, далеко уступаетъ Германіи.

Бернъ проѣхали, остановясь въ немъ всего на нѣсколько минутъ. Въ Тунъ прибыли около трехъ часовъ. Изъ Туна на

пароходѣ, по Тунскому озеру, плыли часъ до Интерлакена. Озеро со своими зелеными водами, обрамленное громадными горами, великолѣпно. Въ Интерлакенѣ взяли коляску и пріѣхали въ отель Обера. Намъ отвели премиленькую комнатку, въ хорошенькомъ настоящемъ швейцарскомъ шале, по сосѣдству съ главнымъ зданіемъ отеля, который въ настоящую минуту переполненъ. Прямо передъ моими окнами покрытая снѣгами Юнгфрау, а по сосѣдству съ ней, налѣво—Шейнъ-Блате. Немножко правѣе изъ-за зелени выглядываетъ прелестный домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку.

14 (26). Четвергъ. Поутру всталъ очень рано; гулялъ около своего жилища, любуясь величественною Юнгфрау, блиставшею своими снѣгами въ сіяніи утренняго солнца, а на ребрахъ Шейнъ-Блате ходили облака. Нѣсколько позже мы поднялись на сосѣдную вышину и сѣли отдохнуть возлѣ одного голландца, рисовавшаго виды горъ, и съ нимъ немного побесѣдовали. Пошелъ прелестный тихій, теплый дождикъ, который скоро прошелъ. Мы усѣлись на платформѣ, откуда чудесный видъ на озеро и на деревню Интерлакенъ. Нѣсколько дѣвочекъ предлагали намъ купить у нихъ разныя деревянныя вещицы, но мы попросили ихъ пѣть. Онѣ спѣли намъ премиленькую швейцарскую пѣснь, за что были награждены нѣсколькими мелкими монетами. Мы не замѣтили, какъ подкралась новая туча и разразилась сильнѣйшимъ дождемъ съ грозой. Одинъ ударъ грома былъ особенно силенъ, и величественнымъ грохотомъ прокатился по горамъ. Мы съ грѣхомъ пополамъ пріютились въ какомъ-то пустомъ зданіи, думая переждать дождикъ, долго ждали и все-таки вернулись домой подъ ливнемъ, мокрые и усталые.

18. (30). Понедѣльникъ. Невыносимая погода. Небо, какъ въ Петербургѣ, точно завѣшано тряпками; холодно; мелкій дождь сѣетъ, какъ сквозь сито, сѣетъ, чтобы вырастить грязь. Горы приняли мрачный, суровый видъ и закутались въ дымчатые и бѣловатые облака. Юнгфрау на минуту обнажила свои передніе бѣлоснѣжные члены, и опять, какъ будто застыдась, прикрыла ихъ непроницаемымъ облакомъ. Наслаждайся тутъ какъ хочешь Швейцаріей!

19 (31). Вторникъ. Дождь продолжаетъ лить ливнемъ, холодъ. Альпъ—какъ не бывало за облаками. Точно со всего

свѣта сбѣжались сюда тучи, чтобы вылить цѣлое море воды на бѣдный Интерлакенъ. Въ Петербургѣ не бываетъ сквернѣе этого. Двѣ добрыя старушки англичанки, встрѣчающіяся съ нами въ общей залѣ за чаемъ и обѣдомъ, пріѣхавшія сюда, чтобы вздохнуть свободно и отдохнуть отъ лондонскаго дыма,—чуть не плачутъ съ горя.

Подъ вечеръ дождь немного укротился; стало тихо и не такъ холодно. Мы вышли на дорогу, которая ведетъ въ домикъ, гдѣ пьютъ сывортку. Вдали, на противоположной сторонѣ, мелькали огоньки въ домахъ, а въ долинѣ звучали колокола коровъ. Вдругъ на скатѣ одной изъ горъ вспыхнулъ яркій огонь. Это зажгли костеръ въ честь конституціи Швейцарскаго союза, годовщина которой празднуется перваго августа. Вслѣдъ за первымъ, по ту сторону горы засверкала другой таковой-же огонь— и только, на этотъ разъ. Обыкновенно въ этотъ день костры зажигаются въ большомъ количествѣ на разныхъ высотахъ, и это должно производить великолѣпный эффектъ, но въ настоящемъ году дурная погода помѣшала торжеству.

20 іюля (1 авг.). Среда. Хорошее утро. Солнце льетъ свой свѣтъ на Юнгфрау, и она блеститъ радостно въ своихъ снѣжныхъ одеждахъ, какъ невѣста, приготовляющаяся къ вѣнцу.

Подъ вечеръ сдѣлали прогулку на гору, сосѣдную съ Юнгфрау. Дорога, опоясывающая эту гору, широка, удобна, и съ нея во многихъ пунктахъ открываются восхитительные виды. Особенно хороша отсюда Юнгфрау. По направленію къ ней идетъ узкое, невообразимо грозное ущелье, которое вдругъ расплзается въ прелестную зеленую долину съ группою домиковъ, и она кажется улыбкою на лицѣ гиганта. На заднемъ планѣ масса снѣжныхъ вершинъ. Намъ повстрѣчалось нѣсколько англичанъ, которые обмѣнялись съ нами вѣжливыми поклонами. Вечеръ былъ тихій и теплый. Порывался идти дождь, но останавливался, не рѣшаясь нарушать прелести настоящей минуты. Еще мгновение, и дальнія вершины вспыхнули послѣднимъ сіяніемъ потухающаго дня. Одна цѣпь горъ противъ заходящаго солнца особенно была прекрасна. Она горѣла фіолетовымъ огнемъ съ самыми разнообразными оттѣнками, которые, постепенно погасая, наконецъ слились въ одну синеву надвигающейся ночи. Внизу замелькали огоньки.

21 іюля (2 авг.). Народонаселеніе въ Интерлакенѣ, повидимому не пользуется избыткомъ и довольствомъ. Бѣдность повсюду бросается въ глаза. Жилище ихъ—хижины, столь живописныя на картинахъ и въ декораціяхъ, въ дѣйствительности имѣють печальный видъ. Лица взрослыхъ изнурены, а у дѣтей почти всѣ съ какимъ-то идиотскимъ выраженіемъ. Одежда мужчинъ и женщинъ состоитъ большею частью изъ тряпья въ заплаткахъ. Хотя цирюльникъ, который приходитъ меня брить, и говоритъ, что это здѣсь такая мода, но это всегдашняя мода нищеты. Вообще, сколько привлекательнаго здѣсь въ природѣ, столько, напротивъ, оскорбительнаго для взгляда и чувства въ массѣ жителей-поселянъ. Что-то тупое, грубое и жалкое на лицахъ большинства изъ нихъ.

22 іюля (3 авг.). Пятница. Здѣсь завязался процессъ между содержателемъ отеля Фишеромъ и квартировавшими у него тремя русскими—Вережкинымъ и братьями Губаревыми. Этотъ Фишеръ кормилъ ихъ отвратительно и за все дралъ непомѣрные цѣны; напримѣръ, онъ взялъ съ нихъ шесть франковъ за переноску ихъ вещей отъ него къ Оберу, что составляетъ полверсты. Когда-же они замѣтили ему о несообразности всего этого, онъ отвѣчалъ имъ очень грубо и, между прочимъ, сказалъ, что „безчестно могутъ поступать только русскіе“. За эти-то собственно слова и начался процессъ. Наши молодые люди принесли жалобу въ судъ и взяли адвоката.

Вчера было первое засѣданіе суда по этому дѣлу. Фишеръ долженъ былъ сознаться во всемъ, въ чемъ его обвиняли, хотя долго отпирался и увертывался мошеннически. Я познакомился съ этими молодыми людьми, которые занимаютъ теперь въ отелѣ Обера сосѣднія со мною комнаты: они вполнѣ порядочные люди.

23 іюля (4 авг.). Суббота. Опять дождь; опять горы совершенно скрылись въ облакахъ. Одно утѣшеніе остается—полное равнодушіе къ этимъ гадостямъ природы, такъ-же, какъ и къ человѣческимъ.

Но вѣдь природа, какъ прямое несомнѣнное бытіе, какъ истина, всегда изящна, съ какой-бы то ни было стороны и въ какомъ-бы то ни было отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, не глупо-ли хмуриться, какъ это небо, на

то, что день не прекрасенъ, что Альпы потонули въ облакахъ и что дождь льетъ, какъ будто ему не было начала и не будетъ конца?

Развѣ для того эти величественныя Альпы возносятся въ небо свои снѣжныя вершины и у подножія ихъ растилается богатая растительность; для того атмосфера наполняется разными испареніями; для того бѣлая грудь Юнгфрау, то сверкаетъ въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, то прячется въ облакахъ,—развѣ это и всѣ другія безчисленныя чудеса и измѣненія природы дѣлаются для того, чтобы человѣкъ находилъ это для себя пріятнымъ, хорошимъ и удобнымъ? Да и самъ онъ развѣ для того существуетъ, чтобы существованіе свое находить счастливымъ? Вѣчная дѣятельность силъ, не знающихъ иной цѣли, какъ дѣйствовать; вѣчная производительность, смѣняющая одни явленія другими по однимъ и тѣмъ-же законамъ, но въ безконечно разнообразномъ измѣненіи оттѣнковъ, степеней, частныхъ— вотъ то, чему быть должно и что влечетъ за собою человѣка неотразимымъ могуществомъ и погружаетъ его въ волны, гдѣ онъ, немного поплескавшись и побарахтавшись, въ силу того-же всеобщаго великаго процесса жизни, исчезаетъ навсегда, какъ капля дождя, какъ атомъ паровъ.

А ты хмуришься, негодуешь: зачѣмъ дурна погода? Зачѣмъ льетъ дождь? Зачѣмъ Альпы прячутся отъ тебя за тучами? Не долженъ-ли ты, напротивъ, какъ мыслящее существо, принимать это за выполненіе всеобщаго закона, за необходимость, за цѣль явленій, въ которой и ты служишь маленькимъ звеномъ?

Ужасно трудно человѣческому эгоизму примириться съ тѣмъ, что не служитъ прямо къ его выгодамъ и удовольствіямъ. А между тѣмъ, онъ долженъ-же убѣдиться, что ничто такъ мало не входило и не входитъ въ планъ всеобщаго порядка вещей, какъ его выгоды и удовольствія.

Процессъ нашихъ русскихъ съ мошеникомъ трактирщикомъ рѣшенъ не въ ихъ пользу. Они подали на аппеляцію въ бернскій судъ.

24 іюля (5 авг.). Воскресенье. Долго любовался сегодня съ Малаго Рюгена чудною Юнгфрау, которая блеститъ по праздничному. Всѣ путешественники за нею волочатся. Обрадовавшись перерыву въ дурной погодѣ, они гурьбою высыпали на нее смотрѣть.

Поразительная противоположность: глубокая зима на вершинѣ Юнгфрау, а по бокамъ ея и по сватамъ другихъ Альпъ роскошная лѣтняя зелень. Снѣга почти врѣзываются въ нее.

Послѣ полудня мы отправились въ Лаутербрунень, вмѣстѣ съ В. П. Валуа, Н. А. Добролюбовымъ (сотрудникъ „Современника“) и еще однимъ русскимъ гвардейскимъ офицеромъ. Дорога ведетъ въ ущелье между Абенбергомъ и Брейтлау къ Юнгфрау, которая изъ моего окна кажется на разстояніи всего двухъ верстъ—не болѣе. На самомъ-же дѣлѣ къ ней надо ѣхать верстъ тридцать. Ущелье извиается между гигантскими гранитными скалами самыхъ разнообразныхъ и величественныхъ формъ. На днѣ его бѣжитъ, яростно скачетъ, шумитъ и пѣнится небольшой потокъ Лучина. Мы вторглись, такъ сказать, въ самую середину Альпъ и наслаждались видами, которыхъ описать, конечно, нѣтъ никакой возможности. Но вотъ издали вправо показался Штаубахъ, который съ подъоблачной высоты несется внизъ по черному граниту, и разбиваясь о него, обращается въ одну серебряную пыль. За нимъ другой водопадъ, а прямо впереди бѣлая Юнгфрау, которая, не смотря на проѣханное нами разстояніе, кажется все такою-же отдаленною, какъ изъ моего окна.

Мы оставили коляску у гостиницы, а сами пошли къ Штаубаху. По дорогѣ встрѣчный пастухъ затрубилъ въ исполинскій рогъ, звуки котораго подхватило эхо и въ безконечныхъ перекатахъ разсыпало по горамъ. Это была одна изъ самыхъ пріятныхъ прогулокъ, тѣмъ болѣе, что ей благопріятствовалъ теплый и свѣтлый день.

27 іюля (8 августа). Среда. Прелестная прогулка въ ущелье около хребта Гардерберга. Хорошая проѣзжая дорога ведетъ по узкому карнизу хребта, огибая его все выше и выше. Внизу пропасть, а въ ней кипитъ и бьется сѣдой потокъ. На крутизнахъ противоположнаго хребта кое-гдѣ мелькаютъ хижины на такихъ отвѣсныхъ высотахъ, что кажется туда и козамъ не взобраться, не только что людямъ. Хижины эти имѣютъ убогой видъ, какъ и люди, ихъ обитающіе. Мы встрѣтили одного старика, согбеннаго подъ тяжестью огромной охапки свѣжей травы и зеленыхъ вѣтвей: это онъ несъ продовольствіе своимъ козамъ. Мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами; я далъ ему двѣ сигары и широкая улыбка расплылась по его старческому за-грубѣлому лицу.

28 іюля (9 августа). Четвергъ. Совершенно неожиданно съ удовольствіемъ встрѣтилъ (Изм. Ив.) Срезневскаго, ѣхав-
о съ женой въ Лаутербрунень. Онъ возвращается изъ Италіи
Россію и заѣхалъ сюда только на одинъ день.

Прогулка къ Гисбаху. На пароходѣ часъ туда и столько-же
тно. Чудесный день, и потому всё англичане со своими леди
иссъ бросились на прогулку. Пароходъ былъ переполненъ.
бахскій водопадъ принадлежитъ къ тѣмъ чудесамъ природы,
рыя можно описывать только статистически или географи-
и—передать-же ихъ красотъ нечего и стараться. Онъ семью
пами низвергается съ страшной высоты и на каждомъ уступѣ
звуетъ какъ-бы отдѣльный водопадъ. Мы поднялись очень
о на платформу, гдѣ расположена гостинница, и отсюда
пій видъ на Гисбахъ, то есть на его пятый уступъ. Мы
ь отдохнули, позавтракали и направились къ мостику, пере-
пенному черезъ пятый уступъ. Дорожка становилась труднѣе
руднѣе, то есть круче, скалистѣе и болѣе скользкою. Однако,
благополучно добрались до шестаго мостика, но дальше я не
ель. Группа дѣвушекъ на прощанье спѣла намъ нѣсколько
царскихъ мелодій. Въ три часа мы вернулись на пароходъ
ѣхали обратно въ Интерлакенъ.

29 іюля (10 августа). Пятница. Погода устала быть хо-
ей. Проливной дождь. Все тянетъ къ скукѣ и наводитъ
у.

31 іюля (12 августа). Воскресенье. Сегодня утро ясное
ѣдемъ въ Гринденвальдъ къ глетчерамъ. Насъ было довольно
о и мы размѣстились въ трехъ коляскахъ. Но не успѣли
двинуться въ путь, какъ клубы зловѣщихъ тучъ стали на-
аться изъ-за горъ и быстро застилать все небо. Полилъ
дъ и сопровождалъ насъ до самаго Гринденвальда. Тамъ,
ко-же, онъ укротился и далъ намъ время добраться до одного
глетчеровъ. Мы шли къ нему долго по тяжелой и грязной
инкѣ. Насъ сопровождалъ проводникъ. Отъ ледянаго грота
о холодомъ. Здѣсь Альпы принимаютъ какой-то особенно
ный, трагическій характеръ. Два глетчера находятся въ
льяхъ: одинъ между Эгеромъ и Шрекгорномъ, другой между
реггорномъ и Ветергорномъ.

Возвратный путь нашъ совершился тоже подъ проливнымъ

дождемъ. На мгновеніе только проглянуло солнце, вспыхнула радуга и перекинулась черезъ Альпы, какъ орденская лента черезъ плечо кавалера.

Августа 1 (13). Понедѣльникъ. День ясный и пріятный, хотя съ прохладой. Вечеромъ прогулка къ Бриенскому озеру. Мы долго сидѣли на платформѣ, любуясь прекраснымъ видомъ на Интерлакенъ, и слушали швейцарскія мелодіи, доносившіяся сюда откуда-то издалека. Стало смеркаться. Огоньки засверкали въ домахъ, а надъ Юнгфрау зажглась великолѣпная вечерняя звѣзда. Она горитъ прямо надъ господствующею вершиною этой горы, точно вѣнчаетъ ея дѣвственную красоту. Въ травѣ сверкали свѣтящіяся червячки. Милый, уютный Интерлакенъ былъ какъ яркими точками весь усыянъ огоньками. Семьи швейцарцевъ сидѣли у порога своихъ жилищъ, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ. Въ эту минуту все здѣсь было тихо, мирно, отрадно. А вокругъ, въ дремлющемъ нѣмомъ величчіи, стояли грозныя Альпы, какъ-бы оберегая долину отъ тревогъ и бурь всего остальнаго міра.

3 (15). Среда. Грустно, очень грустно разставаться съ Интерлакеномъ! Время, проведенное въ немъ, было для меня истиннымъ отдыхомъ, не смотря на часто суровую погоду, которая многому мѣшала. Все сложилось здѣсь такъ, чтобы сдѣлать пребываніе наше особенно пріятнымъ: спокойное, уютное помѣщеніе, честные хозяева, недорогое, но весьма приличное содержаніе, общество людей образованныхъ и, конецъ концовъ, самое важное—природа дивная, великолѣпная, словомъ—Альпы.

5 (17). Пятница. Сегодня покидаемъ Интерлакенъ. Прощай прелестная, тихая, гостепріимная долина! Въ тебѣ провелъ я лучшіе до сихъ поръ дни моего заграничнаго скитанія. Ёдемъ въ два часа по Тунскому озеру въ Тунъ, а тамъ въ Бернъ.

На Тунскомъ озерѣ насъ преслѣдовалъ проливной дождь со свирѣпымъ холоднымъ вѣтромъ. Мы кое-какъ жались на палубѣ парохода подъ навѣсомъ, прикрываясь сбоку зонтиками. Многіе изъ пассажировъ удалились въ каюту. Но мы храбро выдерживали борьбу со стихіей и прибыли благополучно въ Тунъ, гдѣ сѣли въ поѣздъ, отправляющійся въ Бернъ.

Съ Интерлакеномъ мы простились, какъ нельзя дружелюбнѣе.

Отель Обера сдѣлался мнѣ какъ своимъ домою. Въ оба мои путешествія за границей, я не находилъ убѣжища честнѣе, удобнѣе и пріятнѣе. Самъ Оберъ отличный хозяинъ; всѣ люди отъ него зависящіе благославляютъ его, и съ своей стороны исполняютъ свои обязанности усердно, добросовѣстно. Вниманіе ихъ къ путешественникамъ рѣдкое. Я простился съ Оберомъ, какъ со старымъ пріятелемъ. Потомъ мы подъ проливнымъ дождемъ заѣхали проститься съ нѣкоторыми изъ нашихъ здѣшнихъ добрыхъ знакомцевъ. Я съ грустью еще взглянулъ на Юнгфрау, на Рюгенъ, на крутизны котораго я еще вчера съ такимъ удовольствіемъ взбирался; на домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку; на свой чистенькій и миловидный шале; посмотрѣлъ еще разъ на долину, которую въ мрачномъ величіи окружали исполинскія Альпы, въ этотъ день закутавшіяся въ облака—и потомъ, сѣвъ въ коляску, сложилъ въ сердцѣ моемъ всѣ воспоминанія объ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, чтобы питаться ими въ скучные дни на нашемъ уныломъ и безотрадномъ сѣверѣ.

Около пяти мы были въ Бернѣ и остановились въ отелѣ „Корона“.

Послѣ обѣда мы пошли въ соборъ слушать органъ, который считается наравнѣ съ фрейбургскимъ. Дѣйствительно, этотъ органъ чудо искусства. Между прочимъ, была сыграна ораторія: „Страшный судъ“ съ такою силою и выразительностью, что невольный трепеть пробѣгалъ по членамъ. Я въ первую минуту былъ убѣжденъ, что слышу человѣческіе голоса великихъ артистовъ. Ничего не бывало: все это не иное что, какъ дудки, трубы, валы и валики, сдѣланные руками человѣческими.

За обѣдомъ въ Бернѣ радъ былъ неожиданно встрѣтить (П. Г.) Рѣдкина съ семействомъ. Онъ ѣдетъ въ Интерлакенъ дня на три, побывавъ уже въ Люцернѣ и на Риги.

6 (18). Суббота. Въ Бернѣ. Поѣхали осматривать городъ. Отдали визитъ представителямъ Бернскаго кантона—медвѣдямъ, которыхъ четыре. Республика содержитъ ихъ на свой счетъ, и очень хорошо.

Зашли на эспланаду возлѣ собора. Удивительный видъ на снѣжныя Альпы, которыя полукругомъ раскидываются на огромное пространство. Между ними красуется наша старая знакомка Юнгфрау. Вообще, съ этого пункта весь Бернъ и окрестности

его видны отлично и онѣ прекрасны. Внизу эспланады въ живописныхъ берегахъ кипить рѣчка.

Выѣхали изъ Берна около полудня, взявъ билеты до Біеля. Въ Гердогенбушѣ перемѣнили вагоны и миновали Золотурнъ. Слѣва тянутся фрейбургскія Альпы.

Въ Біелѣ насъ пересадили на пароходъ, и мы по Невшательскому озеру плыли до Ланскроны, а оттуда опять въ вагонахъ до Невшателя. Съ нами ѣхалъ премилый и препочтенный старикъ, полковникъ швейцарской арміи. Онъ намъ сообщалъ разныя свѣдѣнія о мѣстахъ, которыя мы проѣзжали. Его имя Бонтонъ.

Съ озера чудесный видъ на фрейбургскія Альпы слѣва, а направо, на юрскія, обращенныя къ Франціи.

Богатые виноградники по берегу Невшательскаго озера и по горнымъ скатамъ.

Недалеко отъ Грансона знаменитое мѣсто, гдѣ Карлъ Смѣлый былъ разбитъ и убитъ швейцарцами въ сраженіи, которое и названо Грансонскимъ. Я очень хорошо замѣтилъ неровную покатость на берегу озера, гдѣ происходило сраженіе.

По приѣздѣ въ Невшатель оказалось, что по милости безтолковыхъ распоряженій на швейцарскихъ дорогахъ нашъ чемоданъ и саквояжъ остались въ Біелѣ. Мы объявили объ этомъ начальнику бюро и теперь ѣдемъ совершенно налегкѣ въ Лозанну. Однимъ словомъ, съ нами повторилась та-же исторія, что въ Интерлакенѣ съ Шульманами. Миновавъ Ивердонъ и достигнувъ Лозанны, мы немедленно телеграфировали въ Біель о высылкѣ намъ сюда нашихъ вещей. Остановились здѣсь въ отелѣ Гиббонъ: очень хорошій и честный отель.

7 (19). Воскресенье. Вещей нашихъ все еще нѣтъ. Боюсь, чтобы намъ не пришлось изъ-за нихъ пробыть здѣсь лишній день, другой, а надо спѣшить къ морю. Утромъ посѣтили соборъ, побродили по городу, который богатъ очаровательными видами.

8 (20). Понедѣльникъ. Сегодня мы цѣлый день провели въ плаваніи по Женевскому озеру на пароходѣ: „Орель“. Отъ самаго Вильнёва и до Женевы чудныя, восхитительныя мѣста. Справа—цѣпь горъ, за которыми выглядываютъ громадныя снѣжныя Альпы, и между ними всѣхъ выше сѣдоголовый Монбланъ.

Слѣва—отлогіе берега, слегка холмистые, усѣянные прелестными домиками и виноградниками, а позади опять-таки горы, обращенныя къ Франціи, но уже гораздо ниже. День былъ прекрасный, и голубое Женевское озеро покоилось въ невозмутимой тишинѣ.

Мимо безпрестанно мелькали прелестные городки, изъ которыхъ иные точно выходятъ прямо изъ водъ озера. Вотъ Моржъ: противъ него снѣжныя Альпы и между ними особенно Монбланъ. Далѣе—Ролль, противъ котораго, на небольшомъ островѣ, воздвигнуть нашимъ императоромъ Александромъ Первымъ памятникъ Лагарпу. Нюнъ, потомъ Коппетъ съ замкомъ почти на берегу озера, гдѣ жила Сталь. Замокъ старый, съ круглыми башнями по угламъ, обветшалый, закоптѣлый. Онъ вѣжется не обитаемъ.

Немного за Коппетомъ, на противоположномъ берегу озера, видна колокольня: отсюда, отъ Женевы налѣво, уже Савойя.

Въ Женеву мы приѣхали около восьми часовъ вечера. Было уже темно. Мы остановились въ „Отель де-Постъ“.

9 (21). Вторникъ. День прегнусный, холодъ и дождь. Мы взяли фіакръ, чтобы поѣздить по городу. Заѣхали въ церковь, гдѣ памятникъ Рогану; побывали въ музеѣ, не стоящемъ впрочемъ того, чтобы въ немъ быть. Хорошаго тамъ только бюсты Руссо и Боннета. Посмотрѣли еще памятникъ Руссо на островѣ у моста и панораму Шамуни. Потомъ поѣхали за городъ къ тому мѣсту, гдѣ Рона сливается съ другою рѣкою и обѣ нѣкоторое время текутъ далѣе въ одномъ руслѣ, но не сливая своихъ водъ. День скучный. Женева мнѣ не нравится. Въ ней что-то сухое и холодное.

10 (22). Среда. Переѣздъ изъ Женевы во Францію. Не доѣзжая Бельгарда, гдѣ таможня, три туннеля. Третій передъ самымъ Бельгардомъ; ѣдутъ семь минутъ.

На таможнѣ съ нами обошлись очень любезно. Насъ почти не осматривали; едва открыли сундукъ и мѣшокъ и не обратили никакого вниманія на мои сорокъ сигаръ.

За Бельгардомъ идутъ юрскія Альпы. Отъ Кюлоза и особенно у Россильена онѣ становятся страшно угрюмы и дикы, принимаютъ самыя разнообразныя, фантастическія формы. Передъ вами вдругъ выростають, точно замки, цѣлыя города со стѣнами и башнями. Глазъ до того обмануть, что даже видитъ

ворота и окна и готовъ принять всѣ эти то безпорядочно награжденные, то правильно сложенные громады за настоящія зданія или за развалины ихъ. Юры, въ своемъ родѣ, тоже чудесныя явленія природы. Проѣхавъ мимо Буржа, мы, наконецъ, достигли Макона, гдѣ ночуемъ.

11 (23). Четвергъ. Отъ Макона до Парижа еще далеко— часовъ шестнадцать ѣзды. Но мы рѣшились все это разстояніе сразу проѣхать.

Передъ Дижономъ насъ встрѣтилъ настоящій содомъ. Толпы народа валили туда навстрѣчу Наполеону, который ѣдетъ обозрѣвать Савойю и Алжиръ. На пути его повсюду, особенно въ Дижонѣ, дѣлались великолѣпныя приготовленія къ его приему. Вагоны, слѣдующіе къ Дижону, гдѣ готовилось главное торжество, были набиты людьми, какъ боченки сельдями. Въ нашъ вагонъ, никого не спросясь и безъ билета, сверхъ комплекта, ворвался какой-то блузникъ съ женой и шести-недѣльнымъ ребенкомъ, и безцеремонно расположился у окна, чуть не на колѣнахъ у молодой и хорошенькой француженки. Было невыносимо тѣсно и душно. Пытка наша, однако, мгновенно прекратилась, лишь только мы миновали Дижонъ. Кромѣ насъ, въ нашемъ вагонѣ остались еще только двое: чрезвычайно приличный, благообразный итальянецъ и миловидная француженка, все время безъ умолку болтавшая. На разстояніи двухъ часовъ отъ Дижона мимо насъ промчался, какъ вихрь, вагонъ, несшій въ себѣ цезаря и его счастье. Разумѣется, мы не могли его увидѣть. Около полуночи приѣхали въ Парижъ и остановились въ улицѣ Vivienne, въ „Hôtel des Etrangers“.

13 (25). Суббота. Вчера мы только промелькнули въ Парижѣ и сегодня уже прибыли въ Булонь, то есть къ цѣли моихъ настоящихъ стремленій.

Въ Булонь мы прибыли въ пять часовъ. На станціи желѣзной дороги насъ очень радушно встрѣтили И. А. Г. и Я. Б. Г. Они вмѣстѣ съ нами отправились въ отель, гдѣ квартируютъ; мы тоже тамъ помѣстились въ двухъ небольшихъ комнаткахъ.

14 (26). Воскресенье. Дождь. Тѣмъ не менѣе мы и оба Г. отправились къ океану. Это достойное дополненіе къ Альпамъ. Я, такимъ образомъ, видѣлъ два могущественнѣйшія созданія природы. Прекрасно, величественно, грозно-прекрасно!

направо чуть, чуть бѣлѣютъ мѣловые берега Англїи, а
е — путь въ другую часть свѣта. Право, хорошо побы-
здѣсь!

И. А. Г. взялъ на себя въ Булонѣ, которая ему уже издавна
ома, роль церемоніймейстера по отношенію ко мнѣ. Онъ свель
и, какъ самъ выражается, представилъ и океану. Онъ-же
водилъ мною въ устройствѣ дѣлъ моего купанья и рекомен-
лъ мнѣ своего собственнаго купальщика: это бравый, силь-
молодецъ, по имени Паранти.

Послѣ мы все съ тѣмъ-же Г. бродили по городу — старин-
и, съ узкими улицами и высокими домами; были въ крѣпости
крѣпостныхъ бульварахъ, откуда широкій видъ на зарѣч-
часть города и на океанъ.

8 (30). Четвергъ. Ходилъ утромъ на jetée любоваться мо-
и, которое великолѣпно послѣ прошедшей ночи. Въ эту
оно сильно бушевало. Гулъ и ревъ его тревожили нашъ
и. Теперь оно сильно волновалось и волны его, грозно взды-
и, преслѣдовали одна другую, сталкивались и разсыпались
рега серебристой пѣной, а подальше ударялись объ утесъ и
инымъ столпомъ, точно фонтаномъ, поднимались вверхъ. Не
оя на бурную погоду, множество миссъ и леди (большая
здѣшнихъ посѣтителей — англичане), въ черныхъ костю-
и, полоскались въ волнахъ, какъ морскія птицы. Весело было
ѣтъ на ихъ рѣзвыя, смѣлыя движенія, а океанъ все шу-
и стоналъ.

9 (31). Пятница. Въ полдень отправился на jetée. Есть
орскомъ воздухѣ что-то особенно легкое и живительное.
и вѣтеръ, какъ-бы силенъ онъ ни былъ, охватываетъ
со всѣхъ сторонъ, какъ вода въ морѣ, но не проникаетъ
наши жилы и кости, не остужаетъ крови и не леденитъ
да. И странно, что при этомъ обилии воды, вы, даже скоро
в дождя, не ощущаете сырости. Цѣлое лѣто почти я не
цилъ изъ теплаго пальто, а здѣсь, не смотря на сильные вѣтры
ке при отсутствїи солнца, я хожу въ лѣтнемъ легкомъ пальто
дѣваю свое любимое ватное только въ девять часовъ ве-
когда иду съ Г. бродить по городу. Почти совсѣмъ отвыкъ
отъ калошъ, за которыя мнѣ всегда такъ много достается
и моихъ домашнихъ и прїятелей.

20 августа (1 сентября). Суббота. Опять на jetée поздно вечеромъ. Ночь прекрасна въ лунномъ сіяніи, океанъ великолѣпенъ въ совершенномъ спокойствіи. Было много гуляющихъ леди и миссъ, которыя, очевидно, отличаются большимъ пристрастіемъ къ морю. Вдали блеститъ маякъ; передъ нами безпредѣльное пространство, волна за волной, дальше, все дальше, до самой Америки. Вотъ изъ гавани выходитъ пароходъ—не туда ли ужъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, въ Англію, куда черезъ два часа и прибудеть.

Я ставлю гораздо выше честнаго и знающаго свое дѣло ремесленника, который, изготовляя заказанную ему вещь, не думаетъ, что онъ одолжаетъ вселенную, нежели какого-нибудь другаго дѣятеля въ сферѣ будто-бы болѣе высокой, но одержимаго великими претензіями безъ великаго характера. Вѣдь великій характеръ тѣмъ-то и великъ, что не имѣетъ претензій. Надо прежде всего быть человѣкомъ, а потомъ уже чѣмъ угодно, или чѣмъ должно, возможно и нужно для всякаго и всѣхъ.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

елюбопытную полемику подняли противъ меня гг. братья вастовы на страницахъ „Русскаго Архива“, по поводу древнего термина кормленіе, въ отношеніи областныхъ правителей ей. По ихъ толкованію выходитъ, что это слово отнюдь не ло полученія кормовъ или содержанія, а прямо значило теніе, т. е. непосредственно примыкало къ словамъ корма, ило, кормчій. Такимъ образомъ, кормленщикъ у нихъ вы въ буквальномъ смыслѣ (а не въ переносномъ, какъ у меня) ator.

рвому изъ братьевъ, г. Д. Голохвастову, я указалъ (въ томъ Архивѣ“ 1889, № 5) на нѣкоторые источники и пособия, ющюю которыхъ онъ могъ-бы ближе ознакомиться съ симъ омомъ, такъ какъ дотолѣ, по всѣмъ признакамъ, былъ знакомъ мь слишкомъ недостаточно. На его защиту, послѣ того, вы г. П. Голохвастовъ („Русскій Архивъ“ 1890, № 6), и, но отдать ему справедливость, выступилъ съ большою развязаю. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы знаніе дѣла, логика осовѣстность стояли въ уровень съ сею развязаюстью.

ежде всего, мы должны напомнить, что для всякаго лица, дующаго на научную полемику, обязательна точность въ пераргументовъ противника. Г. П. Голохвастовъ не только не тея о такой точности, но иногда прямо и намѣренно искажаетъ мысль въ своей передачѣ. Напримѣръ, очевидно, не взявшему къ, что такое система кормленій, и притомъ незнакому съ трудами г. Д. Голохвастову я указалъ на 363 стран. втораго мой „Исторіи Россіи“, гдѣ говорится о кормленіяхъ слѣдуюо. За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре ть періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ: еніе, вотчины и помѣстья. Первый видъ былъ связанъ

съ должностями намѣстниковъ и волостелей. Назначая намѣстниковъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителей и судей; въ то-же время онъ давалъ своимъ боярамъ возможность кормиться на счетъ жителей, т. е. пользоваться какъ судебными пошлинами, такъ и разными поборами натурою, какъ-то: мясомъ, хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п.⁴. Это краткое опредѣленіе кормленія есть не мое личное мнѣніе, а непререкаемый выводъ, установленный историческою наукою, на основаніи всей совокупности фактовъ. Г. П. Голохвастовъ о семъ опредѣленіи умалчиваетъ, а приводитъ мои слова, слѣдующія далѣе: „Такъ какъ бояръ было гораздо больше, чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай давать сіи послѣднія на небольшое количество времени, напримѣръ, на три года, чтобы почти всѣ бояре могли покормиться и нажить себѣ разное имущество“. Эти слова, тѣсно связанныя съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но вырванныя изъ середины и сопровождаемыя недѣльными восклицаніями г. П. Голохвастова (въ родѣ: „красиво сказано“ или „ново и глубокомысленно!“), стр. 210), разумѣется, читателю его разсужденій, безъ собственной справки съ книгою, не дадутъ надлежащаго и яснаго понятія о кормленіи. А за этими словами далѣе въ моей книгѣ слѣдуетъ: „Съ тою-же цѣлью въ значительные города иногда назначалось по два намѣстника. Кромѣ должностей намѣстниковъ и волостелей, къ разряду кормленій принадлежали и, такъ называемые, „пути“ или (помянутыя выше) разныя отрасли княжескаго хозяйства, съ причисленными къ нимъ селами и деревнями; они раздавались въ завѣдываніе боярамъ съ правомъ пользоваться извѣстною частью доходовъ, которые собирались съ этихъ селъ и деревень въ казну княжескую“.

Или вотъ еще примѣръ:

Сближая слово кормленіе (по смыслу) съ кормиломъ, кормчею книгою и т. п., г. Д. Голохвастовъ ссылается на четыре грамоты изъ своего родоваго архива и приводитъ эти грамоты (умалчивая о томъ, что онѣ давнымъ-давно напечатаны его отцомъ, Д. П. Голохвастовымъ, въ „Чт. О. И. и Др.“). Въ этихъ грамотахъ, между прочимъ, предписывается жителямъ „читать и слушать“ кормленщика, а онъ долженъ „вѣдать и судить жителей“. Изъ статьи г. Голохвастова ясно было, что онъ, будучи незнакомъ съ литературою предмета и множествомъ другихъ подобныхъ актовъ, считаетъ данныя выраженія въ числѣ доказательствъ, будто слово кормленіе буквально значить управленіе. Въ своемъ возраженіи г. Голохвастову я указываю на литературу предмета и особенно на книгу Б. Н. Чичерина („Областныя учрежденія Россіи въ XVII

“), гдѣ во введеніи сжато, но ясно очерчивается система кормленія, со ссылками на правительственные акты. „Кормленщику дана ввозная грамота, въ которой также, какъ при раздачѣ грамотъ жителямъ предписывалось чтить его и слушать“. (Этотъ текстъ Чичерина. Далѣе—мои слова). „Отсюда г. Голохвастовъ увидѣлъ, что приведенныя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній обвинять кормленія въ Кормчей книгѣ или Номоканонѣ“. Т. е. главнымъ образомъ его грамоты, которыми онъ думаетъ что-то доказать, являются обычныя формулы и вообще не представляютъ ничего новаго по сравненію со многими другими подобными актами (да и формулы эти, какъ я сказалъ, давно извѣстны ученому люду). Что-же сказать изъ всего этого г. П. Голохвастовъ? Онъ цитуетъ только приведенныя слова г. Чичерина вмѣстѣ съ помянутымъ моимъ мнѣніемъ, и прибавляетъ къ нимъ свое замѣчаніе: „Должно Номоканонъ велить не чтить никого и не слушать“ (стр. 211). Подобныя полемическія приемы ясно указываютъ, что оппонентъ въ данномъ вопросу относится не серьезно, научнаго значенія его не знаетъ, а спорить, повидимому, преимущественно ради задѣйствіи своего фамильнаго самолюбія. Или, что это за аргументъ противъ повеленнаго наукою опредѣленія системы кормленій: ссылка на какую-то журнальную статью, авторъ которой „обзываетъ бояръ-кормленщиковъ Щедринскимъ прозвищемъ „куроцапы“ (Ibid.). Какое значеніе наукъ русскихъ древностей до подобныхъ статей? Сдѣлавъ замѣчаніе на томъ, что кормъ и кормленіе въ древней Руси относились къ намѣстникамъ и волостелямъ буквально значило вѣдѣніе, г. П. Голохвастовъ пускается во всѣ возможныя нагадки и домыслы; причемъ неизбѣжно впадаетъ въ явныя ошибки логическія и противорѣчія. Напримѣръ, онъ ссылается на Уставныя грамоты, изданныя проф. Загоскинымъ въ Казани, и на основаніи ихъ выводитъ такое заключеніе, что получаемое съ жителей въ пользу намѣстника и тиуна называлось кормомъ, а „что получали вѣдчики и доводчики, то никогда не называлось кормомъ, а да поборомъ“ (стр. 210—220). Но, во-первыхъ, въ тѣхъ-же источникахъ, хотя и рѣдко, все-таки встрѣчаются и кормы доводчиковъ. А во-вторыхъ, и это главное, данныя грамоты, какъ и всякія другія, ясно говорятъ о намѣстничьемъ кормѣ въ смыслѣ взиманія денежныхъ припасовъ или денегъ съ населенія; причемъ точно различаютъ кормы по извѣстнымъ праздникамъ, т. е. рождественскій и петровскій, которые населеніе платитъ намѣстникамъ, а намъ такъ-же, какъ платитъ поборы праветчикамъ и доводчи-камъ. Слѣдовательно, указанныя грамоты прямо утверждаютъ уста-

новленное наукою понятіе о кормленіяхъ, и г. Голохвастовъ, приводя ихъ, самъ свидѣтельствуеъ противъ себя. Ибо послѣдующія его разсужденія о томъ, что кормъ „означалъ подать за кормильство“, т. е. за управленіе — ничего ровно не измѣняютъ въ его буквальномъ значеніи, т. е. въ значеніи поборовъ съѣстными припасами. Хотя возражатель и пытается вообще выставить эту подать денежною, не должно забывать, что первоначально, т. е. когда явилось самое ея названіе, она взималась натурою, а впослѣдствіи перелагалась, и то, отчасти, на деньги. Точно также вновь указанное имъ различіе между кормомъ намѣстника и поборомъ доводчика (223 стр.) ровно никакого довода не представляетъ. Это различіе означаетъ только, что правительство въ своихъ официальныхъ терминахъ, по возможности, не равняло намѣстника съ доводчикомъ.

Или, отрицая кормленіе въ смыслѣ питанія, г. Голохвастовъ приводит слѣдующій оригинальный аргументъ. Въ „Судебникѣ“ говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, „которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда“. Возражатель предлагаетъ вмѣсто кормленія поставить слово питаніе или содержаніе, и тогда получимъ: которые держатъ питаніе (или содержаніе) безъ боярскаго суда. По смыслу, замѣна была-бы возможна, если-бы ее допускалъ русскій языкъ того времени. Вообще съ такимъ играніемъ словами можно Богъ знаетъ куда придти. Напримѣръ, мы говоримъ: держите ухо востро, т. е. слушайте внимательно. Тутъ ухо является тождественно со слухомъ. Попробуйте подставить это слово, и получится: держите слухъ вострый — фраза, не лишенная грамматическаго смысла, но возможная только въ устахъ иностранца, плохо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Можно-ли, однако, вывести то заключеніе, что въ данномъ выраженіи ухо не значитъ слухъ? Приведенные примѣры отнюдь не составляютъ аналогіи съ тою бессмыслицею, на которую я указывалъ въ предыдущемъ своемъ отвѣтѣ г. Д. Голохвастову по поводу словъ лѣтописца, возбудившихъ и самый настоящій споръ: бояре „начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша“. Если кормленіе, по его толкованію, тутъ означало управленіе Казанскимъ краемъ, то выходило-бы, что бояре въ одно и то-же время и занимались вопросомъ объ управленіи Казанскимъ краемъ, и вопросъ сей отлагали въ сторону. Такая замѣна словъ не была-бы тутъ противна русскому языку, но за то производила-бы полную бессмыслицу; хотя г. П. Голохвастовъ и пытается придать ей смыслъ, предполагая въ первомъ случаѣ собственно устройство управленія, а во второмъ — устройство края стратегическаго (213). Но съ такимъ широкимъ словотолкователь-

произволомъ можно всякому получать какіе угодно выводы объясненіи историческихъ свидѣтельствъ.

Герминъ держать кормленіе, по г. П. Голохвастову, роднить ержавствомъ, а не съ кормежкой дѣло кормленщика, и есть роль кормильствовати: „тя, корабль Россійскія Церкви кормильствовавша, молимъ, къ покаянія тишинѣ корьствууй души наша“. Но тутъ-же самъ сознается, что „глазотъ встрѣчается обыкновенно про кормильство кораблемъ церковью, подобно кораблю“ (217). Прибавленное затѣмъ объясненіе, что кормильство областью имѣетъ свой державный терминъ, есть пустая фраза, ничего ровно не объясняющая. Фактъ тотъ, что слово кормильствовати встрѣчается только въ церковномъ употребленіи по уподобленію церкви кораблю, направляемому кормильствомъ; въ примѣненіи-же къ русскимъ намѣстникамъ и волостелямъ встрѣчается. А потому длинныя разглагольствія возраженія о томъ, что кормленщикъ этимологически происходитъ отъ глагола „кормить“ не въ смыслѣ *nutrire*, а въ смыслѣ *gubernare* — всѣ эти разглагольствія не болѣе, какъ плодъ досужей фантазии, не сдерживаемой ни серьезною мыслью, ни сколько-нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ съ русскими древностями, какъ гражданскими, такъ и церковными. Въ сферѣ практическихъ обиходныхъ отношеній церковныя власти въ древней Россіи тоже пользовались кормами. Напримѣръ, когда новгородскій архіепископъ жалъ во Псковъ (совершалъ свой подѣздъ), мѣстное духовенство обязано было (имѣло повинность) доставлять кормъ, т. е. лошадей, для владыки и его многочисленной свиты.

Опытки г. Голохвастова отвергнуть свидѣтельство В. Н. Татищева о челобитныхъ [прошу отпустить покормиться] обнаруживаютъ также малое знакомство съ историческою наукою и ея методами. Что это за ссылка на указатель Строева къ исторіи Карамзина, гдѣ обличаются многія ошибки, противорѣчія и вымыслы Татищева (217)? Во-первыхъ, далеко не всѣ обличенія Карамзина вполнѣ подтвердились, и то, что онъ считалъ вымыслами Татищева, большей части было взято симъ послѣднимъ изъ источниковъ, оставшихся неизвѣстными исторіографу. Во-вторыхъ, можно-ли ставить въ упрекъ неудачное объясненіе слова *огнищане* съ объясненіемъ *огнищанъ*. Въ первомъ случаѣ Татищевъ имѣлъ дѣло съ терминомъ, взятымъ изъ очень отдаленнаго времени и утратившимъ свое первоначальное значеніе къ его вѣку; о второмъ-же явленіи онъ говоритъ какъ современникъ. Это различіе можетъ упустить изъ виду только человѣкъ, незнакомый съ самими основными, такъ

сказать азбучными, приемами исторической критики. Въ-третьихъ, г. Голохвастову, очевидно, остались неизвѣстны тѣ статьи покойнаго Соловьева (помнится, въ „Отеч. Зап.“ 1850-хъ гг.), въ которыхъ онъ приводилъ длинный рядъ, большею частью мелкихъ, а иногда довольно крупныхъ, ошибокъ и промаховъ самого Карамзина. По логикѣ моего возражателя выходитъ, что знаменитый историографъ вообще не заслуживаетъ никакого довѣрія. Задача исторической критики въ томъ и состоитъ, чтобы не отвергать и не принимать огуломъ чьи-либо свидѣтельства, относящіяся къ извѣстному явленію, а провѣрять ихъ всѣми наличными данными. А въ четвертыхъ, изслѣдованія и критическія статьи о самомъ Татищевѣ гг. Попова, Бестужева-Рюмина, Корсакова, Сенигова и др. безъ сомнѣнія остались также неизвѣстны г. П. Голохвастову.

Указаніе Татищева на буквальный смыслъ слова кормленіе вполне подтверждается документальными историческими свидѣтельствами. Въ прошлой своей замѣткѣ по сему поводу я привелъ слѣдующее мѣсто изъ грамоты Ивана III въ 1499 году костромскому намѣстнику Судимонту: „Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарычъ, что вамъ обѣма на Костромѣ сытымъ быти не съчего“. (Акты Ист. I №. 110). Если намѣстникъ и самъ государь понимали кормленіе въ смыслѣ сытости, то возможенъ-ли серьезный споръ противъ сего смысла? И это выраженіе конца XV вѣка вполне гармонируетъ съ приводимую Татищевымъ фразою изъ практики XVII вѣка: „прошу отпустить покормиться“. Любопытно, что г. Голохвастовъ самъ-же подкрѣпляетъ означенное свидѣтельство, приводя другое подобное изъ Важской уставной грамоты 1552 года: „а Важскаго-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь покормити немочно“. (Акты Арх. Эксп. I №. 234). По сему поводу г. Голохвастовъ разсуждаетъ далѣе о какихъ-то забытыхъ терминахъ. „Въ царскія времена, говоритъ онъ,—административные термины отъ кормить — gubernare, очевидно, уже исчезли изъ языка“ (247). Тутъ онъ какъ-бы соглашается, что въ XVI вѣкѣ слово кормленіе означало питаніе. Но тогда противъ чего-же онъ возражаетъ? Вѣдь гг. Голохвастовы подняли споръ по поводу моего упоминанія о кормленіяхъ именно XVI вѣка. Если-же мой возражатель думаетъ, что слово „кормленіе“ приобрѣло такой смыслъ только въ царскія времена, въ Московской Руси, то онъ ошибается. Съ тѣмъ-же смысломъ это слово встрѣчаемъ гораздо ранѣе и даже не въ Московской единойдержавной Руси, а въ Новгородской народоправной. А именно, Новгородская лѣтопись подъ 1383 годомъ говоритъ, что изъ Литвы пріѣхалъ князь Патрикій Нарин-

монтовичъ, и новгородцы „даша ему кормленіе, пригороды Орѣховъ и Корѣльскій, и поль Копорья городка, и Луское село“. Какъ въ XIV вѣкѣ новгородская община давала пригороды и села въ кормленіе выѣзжимъ князьямъ литовскимъ, такъ въ XV вѣкѣ великіе князья московскіе давали въ кормленіе города и волости выѣзжимъ изъ Орды и служилымъ царевичамъ татарскимъ. Поступали они такъ не потому, чтобы русское и православное населеніе нуждалось въ правителяхъ и судьяхъ изъ инородцевъ - мусульманъ, а просто, привлекая сихъ инородцевъ въ свою службу изъ политическихъ расчетовъ, московскіе государи давали этимъ царевичамъ съ ихъ свитою на прокормъ или содержаніе доходы съ назначенныхъ мѣстъ, какъ судебныя пошлины, такъ и поборы съ жителей или кормы натурой. Та-же система продолжалась отчасти и въ XVI вѣкѣ.

Дѣйствительно, много надобно имѣть смѣлости и очень мало научныхъ свѣдѣній, чтобы поднять споръ о значеніи слова кормленіе противъ ученыхъ специалистовъ. Не забудемъ, что г. Голохвостовъ спорить не со мной однимъ, а также съ покойнымъ Соловьевымъ, г. Ключевскимъ, Чичеринымъ и другими историко-юристами, касавшимися этого предмета. Обычный приемъ спорщика такого рода: бросаться въ стороны и приводить факты или свидѣтельства, не относящіеся къ дѣлу, — этотъ приемъ и въ данномъ случаѣ употребленъ въ широкихъ размѣрахъ моимъ возражателемъ. Онъ приводитъ много всякихъ ссылокъ и цитатъ, не представляющихъ логической связи ни съ даннымъ вопросомъ, ни между собою. Тутъ есть Святославовъ кормилецъ Асмудъ и кормилицы изъ „Русской Правды“, поваръ изъ „Нибелунговъ“, библейская доилица и евангельская область, судъ и расправа, путь-дорога и хлѣбъ-соль, царь-дѣвица и родитель-матушка, старинное изгой и былинное гой еси, и пр., и пр. Попадаютъ нѣкоторыя стихотворныя цитаты, въ родѣ ляганья „Геральдическаго льва Демократическимъ копытомъ“, или: „Несовратимый идеалистъ, Впередъ гляжу я безъ боязни“. Разобраться въ этой трескотнѣ фразъ и путаницѣ понятій предоставляю досужему человѣку.

Всѣ разглагольствія и аргументы г. Голохвостова остаются втунѣ уже потому, что нѣтъ самаго главнаго: ни одного указанія, изъ котораго было-бы видно, что кормленія намѣстниковъ и волостелей современниками ихъ понимались въ смыслѣ управленія, а не прокормленія или содержанія. Г. Голохвостовъ утверждаетъ, что кормить значило тогда управлять. Такииъ образомъ, вышло-бы, что намѣстники и волостели кормили населеніе. А между

тѣмъ въ семь смыслѣ не встрѣчаемъ ни одного акта; во всѣхъ актахъ и извѣстіяхъ находимъ наоборотъ: населеніе кормить намѣстниковъ и волостелей, населеніе даетъ имъ кормы. Если-же принять толкованіе г. Голохвастова, то получимъ довольно курьезный выводъ: населеніе управляло своими намѣстниками и волостелями! Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ суетумудрствующихъ и мало-свѣдущихъ диллетантовъ легкомысленное вмѣшательство въ научные вопросы. Г. Голохвастову, повидимому, остался неизвѣстенъ и такой фактъ, что слово „кормить“ въ смыслѣ „питать“, „содержать“ встрѣчается въ тѣ времена не только по отношенію къ намѣстникамъ и воеводамъ, но и къ самому царю Ивану Васильевичу. „Есть у великаго князя новые вѣрники, дѣяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ“ — говорятъ московскіе бѣглецы Тетеринъ и Сарыгозинъ въ своемъ посланіи къ Юрьевскому намѣстнику Морозову (см. Карамзина, къ т. IX прим. 108).

Очевидно, г. Голохвастову остался неизвѣстенъ и любопытный памятникъ, относящійся къ XVI вѣку, именно „Книга боярская“, сообщенная кн. М. А. Оболенскимъ и изданная Н. В. Калачовымъ въ его Архивѣ историко-юрид. свѣд. III. (Она отнесена издателями къ 1556 году, хотя изъ ея содержанія видно, что написана годами двумя позднѣе). Это списокъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, раздѣленныхъ на разныя статьи сообразно съ ихъ денежнымъ окладомъ. При семь постоянно обозначается, какое за кѣмъ кормленіе и сколько земли вотчинной и помѣстной. Только изрѣдка встрѣчается замѣтка: „кормленье за нимъ не сыскано“. Списокъ этотъ наглядно показываетъ, какъ разнообразны были кормленія. Наибольшую ихъ часть составляютъ намѣстничество, волостельство и тунство. Сіе послѣднее иногда прямо обозначается. Напр. „Михайло Тимофѣевъ сынъ Шетневъ — съѣхалъ съ тунства съ Московскаго на Спиридоньевъ день 61-го (1553 г.), держалъ 2 году“. А намѣстничество и волостельство обыкновенно подразумѣваются. Напр.: „Князь Данило князь Ивановъ сынъ Семенова Бабичевъ: съѣхалъ съ Изборска на Николинъ день осенній 62-го, держалъ 2 году“. Или: „Иванъ Кирѣевъ сынъ Олговъ: съѣхалъ съ Троецкого стану въ Иледомѣ на Троицынъ день 62-го, держалъ годъ“. Но кромѣ того, въ числѣ кормленій упоминаются слѣдующія статьи: мѣхъ, т. е. мѣховая пошлина („мѣхъ Коломенскій“, „мѣхъ Тверской“ и т. п.), полавочное („на Костромѣ“), ключъ („Вяземскій“, „Рязанскій“ и др.), поворотное („Дмитровское“, „Московское“ и пр.), мытъ, чашничій путь, стольничій путь („на Костромѣ“, „въ Переяславлѣ“ и пр.), пятно (напр. „Мещерское“),

личнее („Новгородское“), бражное („въ Кашииѣ“), бобровое (Калугѣ“). Вотъ какъ разнообразны были доходныя статьи, даны и пошлыны, обращавшіеся въ кормленіе служилому сословию. Этотъ списокъ весьма наглядно и ясно подтверждаетъ выведенный мною выводъ, сдѣланный историческою наукою (согласно съ Татищевымъ), что въ XV—XVI вв. бояре (вообще военно-служилое сословіе) получали вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. Всѣ эти три вида въ данныхъ спискахъ повторяются почти при каждомъ имени, и всѣ они связаны преимущественно съ военной службой; списокъ, главнымъ образомъ, обозначаетъ, въ какомъ вооруженіи каждый помѣщикъ являлся на военный смотръ и сколько привелъ съ собою вооруженныхъ людей.

Та-же „Боярская книга“ представляетъ наглядный переходъ отъ кормленій, непосредственно связанныхъ съ должностями намѣстниковъ, волостелей, тиуновъ и проч., къ кормленію чисто денежному. Напримѣръ, „Иванъ Назарьевъ, сынъ Хлопова: по окладу данъ Ивану Васильевичу Шереметеву съ товарищи—велѣно давати окладу за кормленье по 15 рублевъ на годъ“ (стр. 45). Или: „Рубенъ Семеновъ сынъ Батюшковъ: ималъ съ Борку съ Желѣзнаго окладу 6 рублевъ—а по новому окладу дати ему 12 рублевъ, да на окладу (выставленныхъ имъ съ вотчинной и помѣстной земли) 7 рублевъ“ (стр. 46). Или: „Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ: по окладу, къ кормленному верстанью данъ былъ ему Кодогорскій станъ, и Кодогорскій станъ данъ въ откупъ, а онъ не наѣзживалъ“ (стр. 47). Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать, этотъ станъ изъятъ изъ кормленнаго средства, а слѣдующіе ему кормленныя поборы откуплены, т. е. переложены на денежный оброкъ). По окладу дати дьяка Степанова, по „окладу“ князя Курлятева съ товарищи—велѣно „въ помѣстномъ верстанѣ велѣно за нимъ учинити по окладу“ (столько-то); „а по кормленному окладу дати на его окладу въ 20 статей 12 рублевъ, да на люди на передаточныя поборы 12 рублевъ“ (стр. 51). Итакъ, мы видимъ, что рядомъ съ „помѣстными верстанемъ“ служилаго сословія шло его „кормленное верстанье“ и вмѣстѣ съ помѣстнымъ окладомъ велся „кормленный оброкъ“.

Относительно отразившейся здѣсь переходной эпохи надо замѣтить, что именно около того времени московское правительство, въ отвѣтъ на жалобу многихъ на неправды и тяжелые поборы, рѣшило прекратить кормленіе намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ, а на мѣсто ихъ ввести выборныхъ, самимъ населеніемъ „излюбленныхъ“ головъ,

старость, сотскихъ и проч., т. е. ввести родъ земскаго самоуправленія. Однако, кормленій оно не уничтожило. Сказавъ о сей пере-мѣнѣ въ областномъ управленіи, подъ 1556 годомъ, лѣтопись прибавляетъ: „А на грады и на волости (государь повелѣлъ) положити оброки по ихъ промысломъ и по землямъ, и тѣ оброки собирать въ царскую казну своимъ дьякамъ; бояръ-же и вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ“ изъ сихъ оброковъ (Никон. VII, 259). Полагаю, что не только интеллигентному человѣку, но и самому простому читателю отсюда будетъ ясно различіе кормленія отъ кормила правленія.

Бояринъ или дворянинъ, переставъ быть намѣстникомъ, все еще оставался кормленщикомъ, т. е. продолжалъ получать кормленіе или извѣстное содержаніе. Та-же лѣтопись, нѣсколько выше, говоритъ: „А по сѣ время бояре и князи и дѣти боярскія сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ для расправы людемъ и всякаго устроенія землямъ и себѣ отъ службъ для покою и прекормленія“. Т. е. дотолѣ кормленія были связаны съ должностями правителей и судей, а симъ послѣднимъ кормленіе давалось для прокормленія. Ясно, что въ древней Руси слово „кормленіе“ понималось въ смыслѣ „прокормленія“. Но г. П. Голохвастовъ это указанное ему г. Ключевскимъ свидѣтельство пытается перетолковать по своему: такъ какъ тутъ говорится о „расправѣ людемъ и устроеньи землямъ“, то кормленіе значитъ gubernatio, а прекормленіе ничего не значитъ. Такимъ образомъ, должность и содержаніе, связанное съ нею, являются у него понятіями тождественными. Впрочемъ, все это въ порядкѣ вещей. Разъ мой возражатель съ такимъ апломбомъ предъявилъ свою губернаторскую теорію, ему не остается ничего иного, какъ отвергать или вкось и вкривь перетолковывать тѣ прямыя историческія свидѣтельства, на которыя указываютъ ему противники.

Напомню то мѣсто лѣтописи, откуда возникъ настоящій споръ. Вскорѣ послѣ взятія Казани, въ 1553 году, Иванъ Васильевичъ, во время своей поѣздки по монастырямъ, поручилъ боярамъ „о казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти; они-же отъ такого великаго подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатества, и начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша“ (Царствен. кн., 337). Лѣтопись не объясняетъ, о какихъ кормленіяхъ тутъ говорится. Я мимоходомъ сдѣлалъ догадку, что рѣчь идетъ о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людемъ за покореніе Казани. Основаніями для сей догадки послужили: во-

ныхъ, хронологическая послѣдовательность; во-вторыхъ, прямое свидѣтельство лѣтописи о томъ, что въ Москвѣ во время трехъ-дневнаго торжества по случаю казанскаго взятія государь щедро далъ всѣхъ участниковъ этого подвига вещами и деньгами, отъ откупа, отъ вотчинъ, помѣстій и кормленій, а кормленій государь покрывалъ всю землю“ (Царств. кн., 330; Никон. VII, 197). Обратимъ опять вниманіе на то, что кормленія являются и здѣсь, какъ и въ Москвѣ, изъ трехъ обычныхъ тогда видовъ награды за военную службу. Понятно, что раздача кормленій на сей разъ производилась въ очень широкихъ размѣрахъ; а потому потребовала предварительнаго обсуждения, приготовленія нужныхъ для того списковъ и еще не малой работы отъ боярской думы и ея канцеляріи. Вспомогательныхъ, въ самомъ помянутомъ извѣстіи порученіе Боярской думѣ касалось устройствомъ вновь завоеваннаго Казанскаго края какъ-бы свѣдѣвается съ порученіемъ о кормленіяхъ. Въ-четвертыхъ, о казанскихъ же обогащеніи возмечтали бояре, если-бы дѣло шло не объ откупѣ, а объ откупѣ ихъ кормленій (а объ откупѣ сихъ послѣднихъ, по той догадкѣ)? Можно прибавить и пятое основаніе: о томъ, что Казань и казанская служба были тогда на первомъ планѣ при назначеніи служилыхъ людей, свидѣтельствуешь и вышеназванная „Боярская книга“. Тамъ довольно часто встрѣчаются выраженія: (такому-то) „7064 году (1556) дано на подмогу для Казанской службы 11 рублевъ и 22 алтына съ деньгою“; или: „дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ“, и т. д. И подмога дается только за казанскую службу.

Проф. Ключевскій, въ своей замѣткѣ по поводу статьи г. Д. Голубцова, не согласенъ съ моею догадкою, и думаетъ, „что дѣло не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ откупѣ кормленій и замѣнѣ ихъ земскими учрежденіями“. „Я имѣю нѣсколько маленькихъ соображеній въ оправданіе этого несогласія,—сказываетъ онъ,—но для изложенія ихъ потребовалось-бы другое место, скучнѣе и пространнѣе настоящаго“ („Русск. Арх.“, 1889, т. 1). Съ своей стороны, я указалъ основанія своей догадки; но не настаиваю на ней, и заранѣе охотно соглашаюсь съ Ключевскимъ, если его основанія болѣе вѣски и убѣдительны. Однако, что-же это за маленькія соображенія, требующія пространнаго изложенія? Хотя-бы краткій ихъ перечень, полагаю, могъ бы найтись мѣсто и въ данномъ письмѣ. И тѣмъ болѣе, что авторъ письма высказалъ это мнѣніе уже въ своей книгѣ о Боярской Думѣ (стр. 312 и 330), а основаній пока еще не представилъ. (Если при- обратить вниманіе указанную выше переходную ступень въ системѣ

кормленій, то возможно, что боярамъ поручено было обсудить вопросъ о кормленіяхъ за казанское взятіе въ связи съ вопросомъ о кормленіяхъ вообще). Обращу вниманіе и на нѣкоторую неточность выраженій: дѣло шло собственно не о „замѣнѣ кормленій земскими учрежденіями“, а о замѣнѣ семи послѣдними царскихъ намѣстниковъ и волостелей. Кормленія не были „отмѣнены“ вообще, а только кормленія непосредственныя были замѣнены денежными оброками, выкуплены населеніемъ, о чемъ самъ-же г. Ключевскій говорить въ своей книгѣ (Бояр. Д., 331). Во всякомъ случаѣ, для объясненія слова кормленіе безразлично о какихъ собственно кормленіяхъ сообщаетъ лѣтопись по поводу казанскаго строенія. Но важно то, что эта оффиціальная лѣтопись XVI вѣка въ данномъ случаѣ прямо высказываетъ матеріальный взглядъ того времени на кормленіе какъ на источникъ наживы.

Для нагляднаго объясненія кормленій проф. Ключевскій въ своемъ письмѣ уподобилъ ихъ профессорскому гонорару, получаемому со студентовъ. Это оригинальное уподобленіе, само собою разумѣется, дало поводъ г. П. Голохвастову поглумиться надъ профессурою, назвать ее кормленіемъ, а русскихъ ученыхъ—кормленщиками. Съ своей стороны, я предложилъ-бы для наглядности другую аналогію съ кормленіемъ, а, пожалуй, и прямой его отгосокъ. Кормленія, не смотря на указанную попытку къ ихъ отмѣнѣ или собственно денежной замѣнѣ въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно продолжали существовать долгое время и послѣ того. Вопросъ объ ихъ постепенномъ уничтоженіи и видоизмѣненіяхъ можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія. Въ позднѣйшее-же время въ суммѣ казеннаго вознагражденія болѣе или менѣе крупныхъ чиновниковъ не мало важную роль стали играть такъ называемыя столовыя. Этотъ придатокъ къ жалованью еще не вышелъ изъ практики и въ наше время. По своему дополнительному и, такъ сказать, кормовому смыслу, столовыя деньги, на мой взглядъ, соотвѣтствуютъ старинному кормовому окладу и, можетъ быть, имѣютъ съ нимъ генетическую связь. Но такъ какъ вопросъ о столовыхъ деньгахъ, насколько мнѣ извѣстно, никѣмъ не изслѣдованъ исторически и документально, то пока предлагаю эту аналогію какъ свою догадку.

Возвращаясь къ губернаторской или кормильствующей теоріи г. П. Голохвастова, уважу на его попытку придать древне-русской системѣ кормленій, какъ она понимается наукою, какой-то циническій, а потому невозможный, противогосударственный характеръ (стр. 238—239). Подобная попытка опять-таки обличаетъ въ немъ недостатокъ исторической подготовки для того, чтобы разсуждать

историческихъ вопросахъ. Ничего не можетъ быть анти-историческимъ, какъ древнимъ бытовымъ формамъ навязывать понятія и формы современныя, и давно прошедшія явленія оцѣнивать по мѣрѣ зрѣнія новейшей культуры. Такъ, нѣкоторое время у насъ жасомъ говорили о Домостроѣ, потому что онъ какъ-бы узаконивалъ побой жены, дѣтей и слугъ; а не замѣчали того, что онъ вѣдетъ противъ безтолковыхъ и безпощадныхъ побоевъ, совѣтуетъ только за дѣло, и притомъ осторожно, чтобы не вредить здолу; слѣдовательно, для своего времени все-таки проповѣдуетъ некоторый прогрессъ или нѣкоторое смягченіе нравовъ. Точно также замѣчанія г. П. Голохвастова о невѣроятности боярской кормежки, распространяемой самими государями, не имѣютъ никакого серьезнаго значенія. Ему, очевидно, неизвѣстно, что государственный дворъ основывался и распространялся силою оружія, путемъ покореній и подчиненія завоеваннаго населенія всякимъ данямъ и повинностямъ. Наши первые князья сами, вмѣстѣ съ своими дружинами, собирали дани въ видѣ денегъ, рабовъ, шкуръ, съѣстныхъ и другихъ продуктовъ съ покоренныхъ племенъ, вооруженною рукою; причемъ повинности, если могли, сопротивлялись тоже съ оружіемъ въ рукахъ (см. замѣтку о Игоре). Только мало по малу, постепенно смягчались отношенія завоевателей къ покореннымъ и переходили въ отношенія господствующаго класса къ подчиненнымъ, правителей собственно государственныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивались понятія и формы государственныя. Не стану напоминать при этомъ о разнообразныхъ осложненіяхъ и разнообразныхъ условіяхъ, при которыхъ развивался и крѣпнулся государственный порядокъ собственно русскій. Не буду говорить о томъ, какъ предводители русскихъ князей или князья-дружинники постепенно обратились въ самодержавныхъ земскихъ царей московскихъ. Людямъ, сколько-нибудь знакомымъ съ исторіею, все это должно быть извѣстно. Но такъ какъ въ замѣткѣ идетъ собственно о XVI вѣкѣ въ русской исторіи, то попытаюсь сказать, что г. П. Голохвастовъ, вооружаясь не изученіемъ предмета и серьезнымъ къ нему отношеніемъ, а однимъ мнимо-критическимъ взглядомъ на наше прошедшее, ужасается системы управления и считаетъ ее невѣроятною; но въ то-же время не видитъ, что само московское правительство въ половинѣ XVI вѣка, изъ-за неудобства сей системы и сдѣлало попытку, если не совсѣмъ изменить, то значительно видоизмѣнить и смягчить. Если-бы изменение значило только управленіе, а не прокормленіе, то съ того-же стати правительство вздумало-бы отказаться отъ сего управленія? Нелѣпость подобнаго взгляда вытекаетъ сама собою.

Что касается до мнѣнія г. Голохвастова о первоначальномъ тождествѣ словъ кормъ и корма и полногласной ихъ формѣ коромъ, съ этимъ не буду спорить. Я тоже предполагаю въ нихъ одинъ общій корень, но отказываюсь слѣдовать за дальнѣйшими этимологическими упражненіями моего возражателя, съ помощью которыхъ онъ приходитъ къ тому выводу, будто-бы въ данный періодъ, т. е. XIV—XVI вв., кормить значило кормить, или управлять, и кормленщикъ въ буквальномъ смыслѣ означалъ [губернатора. Объяснить какими путями образовались въ народномъ языкѣ разнообразныя выраженія, пошедшія отъ одного извѣстнаго корня, или разные отгѣнки одного и того-же слова—это такая задача, которая часто не подъ силу и записнымъ филологамъ. А съ приемами г. Голохвастова и съ его губернаторскою теоріею можно приходитъ къ удивительнымъ заключеніямъ. Напримѣръ, не только кормленіе, но и древне-русскій правезъ, т. е. палочное выколачиваніе денегъ изъ должника, будетъ означать управленіе, и занимавшійся сею операціею праветчикъ окажется правителемъ или губернаторомъ; ибо слова эти происходятъ отъ глагола править. Или, усмотрѣвъ присутствіе слова коромъ въ древне-русскомъ выраженіи коромола, получимъ коромольника въ смыслѣ кормчаго, т. е. того-же губернатора [хотя въ дѣйствительности эти слова произошли вѣроятно отъ разныхъ корней], казначей окажется то-же, что казнодѣй (западно-русское—проповѣдникъ), и оба они могутъ обратиться или въ палача, т. е. исполнителя казни, или въ прикащика—губернатора; ибо казна, казнъ или наказаніе, казанне [проповѣдь] и приказъ—все это пошло отъ одного корня каз. Но какъ образовались отъ сего корня слова со столь разнообразными понятіями, полагаю, мой возражатель этого не объяснитъ при всей его этимологической изобрѣтательности и догадливости.

Чтобы не быть голословнымъ относительно сихъ качествъ г. Голохвастова, приведу слѣдующій наглядный образецъ его искусства въ объясненіи народныхъ выраженій.

Есть слово поднаготная, въ смыслѣ тайнаго, интимнаго и т. п. Доселѣ происхожденіе его удовлетворительно объяснялось поднаготной пыткой: чтобы добиться признанія, пытаемому вонзали спицы подъ ногти. Но такое объясненіе слишкомъ просто. Г. Голохвастовъ придумалъ другое, болѣе хитрое и замысловатое: „По народному поднаготная, что подъ наготой, что въ душѣ человѣка. Гдѣ народъ отчетливо выговариваетъ безъакцентныя *о* и *а*, тамъ, и безъ обычнаго жеста рукой за сердце, понятно, что значить: этой под-

отной подошлека не учуеть. Подошлека (под-о-плече), подкладка въ верхней половинѣ рубахи, она всего ближе къ голой груди, сердцу; но даже ей не учуютъ, что тамъ подъ наготой, за дыщей грудью, за душой, на сердцѣ. Поднаготная, это весь заевный міръ, всё сердечныя тайны челоуѣка. Но литература резгливо облюбовала каламбуръ, продуктъ палачьяго юмора, подготную, и не подьячьаго-ли юмора каламбуръ: кормленіе рское?“ (248).

Можетъ быть это объясненіе само по себѣ геніально. Но, каюсь, его въ немъ не понимаю, и оно представляется мнѣ замѣчательнымъ сумбуромъ. Не даромъ-же мой возражатель такъ небрительно относится къ записнымъ историкамъ вообще и къ въ особенности. „Какъ-же могутъ они („Иловайскіе, Ключевскіе“), изучившіе книгу бытія Руси изначала даже и до се, не спохватиться, въ чемъ вся *raison d'être*, вся причинная этой, будто-бы „достаточно выясненной,“ такъ называемой темы кормленій?“ — спрашиваетъ г. Голохвастовъ (218). Увы, се опять въ своей неспохватчивости [если можно такъ выразиться] и прошу извиненія у моего возражателя: всё его измышленія и разглагольствія о томъ, что кормленіе не есть кормленіе, полученіе кормовъ, а означаетъ кормильствованіе или *gubergo*, что не обыватели кормили своего намѣстника или волюя, а онъ ихъ кормилъ — мнѣ тоже представляются образцомъ сумбуромъ.

Впрочемъ, авторъ кормильствующей или губернаторской теоріи даромъ, въ концѣ своего якобы „критическаго разслѣдованія“, щается къ читателю и (кто бы онъ ни былъ) призываетъ его третейскимъ судьей въ этомъ спорѣ. Одинъ „обозрѣвательтъ и журналовъ“ уже плѣнился сей теоріей и объявилъ, что Голохвастовъ, такъ сказать, за поясъ заткнулъ нашего брата прика-спеціалиста. А нѣкій поэтъ-ветеранъ по сему удобному наю не преминулъ напомнить о своемъ существованіи и обнаить свою малую компетентность въ области русскихъ древностей.

Д. И. Иловайскій.

Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патриарху Адриану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра

1696 г.

Помѣщая на страницахъ «Русской Старины» любопытную жалобную челобитную устюжскихъ земскихъ людей на своего архіерея Александра (1696 г.). Не безъинтересно вспомнить, каковы были первые архіепископы въ Устюгѣ и какъ къ нимъ относилась паства, тѣмъ болѣе, что въ этой челобитной церковно-хозяйственная жизнь прихожанъ является читателю въ чрезвычайно ясномъ изображеніи.

Необходимо при этомъ замѣтить, что въ XII-мъ томѣ «Русской Исторической Вибліотеки», изд. Археографич. Комиссіи, вышедшемъ въ сентябрѣ 1890 года, помѣщены значительныя выдержки изъ суднаго дѣла, возникшаго вслѣдствіе подачи этой челобитной; но самаго этого документа, нами печатаемаго нынѣ въ «Р. Ст.», въ распоряженіи И. К. Зинченко, собраніе Устюжскихъ актовъ котораго вошло въ помянутую книгу, не оказалось ¹⁾.

И. Н. Суворовъ.

Великому господину святѣйшему Кирь-Андреяну архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху бьютъ челомъ государскія и твои сироты, Устюга-Великаго выборные люди: земской староста Федька Бетюковъ съ товарищи съ волостными выборными людьми и всего Устюжскаго уѣзда волостные крестьянишка. Въ прошломъ, государь, во 193 году велѣно быть во

¹⁾ Для удобства чтенія мы не сохранили стариннаго правописанія—подъ титлами.

Ред.

нии ростовской епархіи на Устюгъ-Великомъ преосвященному Александру митрополиту Велико-Устюжскому и Тотемскому и вѣдать на Устюгъ-Великомъ Тотемѣ и у Соли-Вычегодской и въ Яренскомъ, тѣхъ всѣхъ четырехъ уѣздовъ съ уѣзды, и монастыри, и церкви, и церковныхъ причетниковъ въ дуплетѣ противъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и пожаловать отъ церкви данью и десятиною, и подъемсмъ, и кормовыми деньгами, что собирали ростовскіе митрополиты, а онъ, преосвященный Александръ митрополитъ, безъ государскаго и твоего святительскаго указа, въ прошлые и въ нынѣшнемъ годѣхъ, умысла съ своими приказными при ростовскихъ митрополитахъ данью и иными сборами отяготилъ и посылалъ изъ архіепископа разряду на Устюгъ и во весь Устюжскій уѣздъ въ воцѣль къ церквамъ, и у которыхъ церквей есть казенныя деньги и хлѣбъ, и переписывалъ, а у соборныхъ священниковъ искони вѣчные, старинныя, а у государскихъ жалованныя и у иныхъ многихъ церквей и у монастырей новыя, и у нищихъ старицъ и у вдовъ, деревни и полянки и пожни, и въ четырехъ хлѣбъ, и не бивъ челомъ великому государю и тебѣ, великому государю побравъ къ себѣ безденежно, и никому отъ церкви и скуднымъ бѣднотамъ государскимъ крестьянишкамъ на прекормленіе и на сѣмяна прощати и взаимы давать не велѣлъ. А у насъ, государь, во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ, грѣхъ ради нашихъ, въ прошломъ году были великіе лѣтоты и всякой хлѣбъ вызяблъ безъ остатку, и крестьянамъ кормиться не было и купить не у кого, и отъ такихъ многихъ нуждъ и стѣ его къ немилосердію, многіе бѣдные крестьянишка помирають голодною смертію, а на Устюгѣ, и у Соли, и въ уѣздахъ, церкви и церковныя казны и казенныя и искони вѣчно построены и нынѣ строятся мірскимъ подаваніемъ, жалованныя, и въ нужные годы бѣднымъ людямъ ссудами церкви были и прибѣжище. И какъ у церквей и надъ выборными церковными старостами приказалъ вѣдать въ церковныхъ казнахъ попамъ, и они, на мірскихъ людей и на старость, ему, архіепископу, и его приказнымъ по угодяючи, а иное и за страхъ наговаривають, и отъ ихъ поповнаговоровъ старость переменяють и съ книгами расходными приводятъ и держатъ на Устюгѣ, и мучатъ на цѣпяхъ многими временами, и берутъ себѣ великія взятки; и для такихъ ссоръ и корыстей на Устюгѣ и вѣности ставитъ поповъ и дьяконовъ и иныхъ церковниковъ, и старыхъ людей безъ мірскихъ выборовъ и челобитныхъ; и тѣ попы, когда и по вѣности младенцовъ приходятъ къ женамъ съ молитвою, и безъ взятокъ и по вѣности младенцу не сказываютъ, и мучатъ бѣдныхъ людей дней по десяти и больше; или кто мірскіе люди имъ о правдѣ изнесутъ какое слово, и отъ людей они заклинаятъ и къ церкви Божіи не пуцають, и бѣдные люди, отъ святыхъ церквей отстать, дають имъ отъ того многіе посулы; а ис-

кони вѣчно, государь, отъ ростовскихъ архіереевъ такихъ извѣчаевъ и къ мірскимъ людямъ налогъ и волокитъ и обидѣ не бывало; а мірскіе люди въ церковные старосты выбираютъ людей добрыхъ и прямодушныхъ, и въ прошлыхъ годѣхъ, выборные люди, радѣя святыхъ церковей строенію, служили, и многіе годы и всякія церковныя прибыли хранили. а изъяновъ казнамъ при нѣшнихъ старостахъ и никакихъ волокитъ не было, и мірскіе люди ихъ считали съ великимъ радѣніемъ вправду. Да онъ-же, архіепископъ, собираетъ напрасно за убылую бѣлозерскую десятину по 10 алтынъ съ церкви, да на строеніе московской богадѣльной по гривнѣ съ двора на годъ, и полонянникамъ на окупъ многія-жъ деньги, а ему тоя бѣлозерской десятины и въ дачѣ некогда не бывало; а и на строеніе богадѣльной, и на окупъ полонянникамъ только велѣно взять было на одинъ годъ, а онъ и до нынѣ собираетъ къ себѣ-жъ, а въ отписяхъ имянно съ прошлаго 203 года описывать не сталъ, а сталъ отписи давать глухія; да онъ-же, пресвященный Александръ архіепископъ, своимъ-же и приказныхъ людей умысломъ при ростовскихъ митрополитахъ многія лишнія деньги собираетъ по-черевныхъ денегъ съ женска полу по 2 рубля, и для тѣхъ денегъ велитъ тѣмъ женкамъ и дѣвкамъ наговаривать его приказные люди и для своихъ корыстей на прожиточныхъ людей понапрасну, и по такимъ наговоромъ, многихъ людей у себя въ разрядѣ муча, измучиваютъ себѣ рублемъ по 5 и по 10, и больше, и съ кого могутъ взять, и съ тѣхъ и опять велитъ оговаривать, и многія бѣдныя дѣвки и женки, которыми такихъ по-черевныхъ денегъ оплатить нечѣмъ, по рожденіи младенцовъ погубляютъ и въ рѣки мечутъ; да и вѣчныхъ денегъ собираетъ по 8 алтынъ по 2 деньги, а съ двоеженцовъ вдвое и втрое, и для тѣхъ сборовъ ѣздятъ домовые его люди и съ церковныхъ причетниковъ вымучиваютъ и себѣ великія взятки, и у которыхъ церковниковъ окупиться за скудосми бываетъ нечѣмъ, и окупаютъ ихъ изъ казенныхъ денегъ и мірскіе люди. А ростовскіе, государь, митрополиты собирали только по-черевныхъ по 4 алтына по 2 деньги, а вѣчныхъ — съ отрока по 2 алтына по 4 деньги, а съ двоеженцовъ вдвое. А онъ, архіепископъ, къ себѣ никакихъ доходовъ въ челобитьяхъ своихъ не объявляетъ, и пишетъ нужды, а у него, пресвященнаго Александра архіепископа, съ вышенианныхъ четырехъ городовъ и съ уѣздовъ собирается, за всякою домовою издержкою, въ годъ больше трехъ тысячъ рублей и изъ деревень всякаго хлѣба и сѣнъ многое-жъ число, и донныя стоятъ сборнаго и изъ деревень хлѣба великіе амбары, а у которыхъ, государь, монастырей и у церковей, и у нищихъ старицъ и у вдовъ деревни и хлѣбъ побралъ, и тѣ монастыри и церкви пустѣютъ, а старицы и вдовы скитаются промежъ дворы, а строятся, также и питаться стало имъ нечѣмъ. Да онъ-же, архіепископъ, посылаетъ изъ разряда своего къ попамъ памяте, что имъ, попамъ, казенные деньги и хлѣбы печатать, и они, попы, церковнымъ старостамъ и на окупъ государскихъ доходовъ безъ его указу продавать

ба не даютъ, а сами безъ мірскихъ приговоровъ и безъ повелѣнія съ-
 ной и всякой хлѣбъ и деньги изъ церковныхъ казенъ и изъ амбаровъ
 ютъ и безденежно, и въ томъ никакихъ памятей и кабалъ на себя въ-
 ну не даютъ; а по указу великаго государя и по грамотамъ, ему, архіе-
 копу, въ церкви и ни въ какія церковныя казны и въ деревни всту-
 сь и въѣзжать и надъ старостами попомъ вѣдать не велѣно, а его, ар-
 скопа, приказные его люди въ челобитьяхъ, что онъ билъ челомъ, про-
 и, будто онъ ни во что не вступается, а онъ и послѣ государскаго указа
 уаается и попомъ вѣдать велить же, и многіе неискусные и пьяные попы,
 я его къ себѣ неуправленіе и въ дѣлѣхъ слабость, къ болящимъ людямъ
 домы, отъ которыхъ ихъ зовуть, для своихъ приметковъ ко исповѣди не
 ходятъ, и отъ того крестьяне многіе помираютъ безъ причастія, и тѣхъ
 ршихъ безъ взятокъ къ церквамъ не погребаютъ, а съ кого возьмутъ,
 и погребутъ; а многія, государь, волости отъ Устюга въ дальномъ раз-
 нніи, и отъ такихъ намъ и къ Устюгу волокитахъ чинятся многіе на-
 енные убытки и конечное разореніе, и многія онъ, архіепископъ, разными
 гы затѣиваетъ и дѣлаетъ не противъ правилъ святыхъ отецъ, своими
 властіемъ, и къ монастыремъ и къ церквамъ, и къ намъ сиротамъ, къ
 кимъ людямъ, чинять во всякихъ дѣлѣхъ и во взяткахъ и въ деревенскихъ
 бнѣхъ многіе убытки и тѣсноту и обиды; которые съ его деревнями
 ны, и его приказные старцы и люди и крестьяне приметками своими у
 нныхъ крестьянъ, чрезъ писцовыя книги и письменныя крѣпости, земли
 бные покосы и вновь присадныя мѣста, безъ челобитья и розыску, у
 ихъ деревнишекъ своимъ насильствомъ и изъ-за угрозы отнимаютъ, и ско-
 ѣ травятъ, и вновь межи уставливаютъ и отгораживаютъ, а по писцо-
 ѣ книгамъ и по старымъ межамъ и противъ своихъ земель огородовъ не
 дятъ; а у иныхъ крестьянъ изъ-за мученія и притѣсненія поималъ и
 ма, а какія отъ него къ намъ обиды и притѣсненія, и то въ чело-
 бѣхъ писано къ великому государю, а монастыри и церковники и нищія
 ныя старицы и вдовы, за страхъ его, великому государю и тебѣ, великому
 подину, и бить челомъ не смѣютъ.

Милостивый великій господи́нь, святѣйші́й Ки́ръ-Андреа́нь, архіеписко́пъ
 ковскій и всея Россіи и все́хъ сѣверныхъ странъ патріархъ, пожалуй
 ѣ, сиротъ своихъ, при́зри, государь, къ намъ бѣднымъ, молитвенно не
 и ему, преосвященному Александру архіепископу, впредь чрезъ правила
 тыхъ отецъ и противъ государскаго указа и грамотъ, каковы ему и намъ,
 ему вѣдать не велѣно, въ мірское строеніе и въ церковныя казны и
 деревни вступаться и вѣдать и въѣзжать, и церковниковъ безъ мірскихъ
 говоровъ и выборовъ и челобитенъ ставить и переводить, и попомъ надъ
 ростами вѣдать и печатать, потому что отъ нихъ бывають многія ссоры
 казнамъ изьяны, а мірскимъ людямъ убытки и лишнимъ напрасныхъ

сборовъ на церкви и на церковниковъ и на мирскихъ людей при ростовскихъ митрополитахъ въ лишкѣ накладывать и собирать своимъ самовластіемъ, и насъ, сиротъ, своихъ опричь духовныхъ дѣлъ, волочить и обидить и напрасно тѣснить,—и о томъ вели, государь, свой молитво-разсмотрительной указъ учинить. Великій господинъ, смилуйся.

На оборотѣ рукоприкладства: Къ сей челобитной всеуѣздной земской староста Оедька, Иванъ сынъ Ветюковъ. — Товарищъ всеуѣздного старосты Гришка. — Къ сей челобитной Гришка. — Къ сей челобитной по велѣнію Юсипа Пантелѣева Скорюхова, да Матвѣя Павлова, да Михаила Лошкова, Пашко Худышинъ руку приложилъ. — Клишко Ларионовъ руку приложилъ. — По велѣнію Ивана Хабарова, Сысойко Ивановъ Микитиныхъ и за себя руку приложилъ. — Къ сей челобитной Никитка Кожѣвъ Мельниковъ руку приложилъ. — Новосельцовъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто Дмитрия Оедора Гусельникова и за себя, Максимко Оедоровъ Жеркинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной Сенька Карандашевъ. — По велѣнію Ивана Якимова Шилоковски, Васька Ивановъ Безсоновъ руку приложилъ. — Ивашко Павловъ сынъ Праховъ руку приложилъ. — Ивашко Даниловъ Розницынъ руку приложилъ. — Якушко Давыдовъ Ивинъ руку приложилъ. — По велѣнію Осипа Пантелѣева Корюхова, да Михаила Мирнова Сумарокова и за себя, Алешка Васильевъ руку приложилъ. — Сенька Ивановъ сынъ Росохинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію выборныхъ людей: Кирилки Конылова, Ивашки Чебыкина, Гришки Другова, Оедьки Пурышева, Алешки Малининскихъ, — Данилко Аврамовъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію выборныхъ: Максимки Яковлева, Петра Зозонова, Сергія Аврамова, Оедора Лазарева, — Андрюшка Ивановъ Кузнецовъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію челобитчицъ, выборныхъ людей Черевковской волости, Якова Иванова да Василья Евствѣева, да Пушемской волости Матвѣя Терентьева, — Лучка Помашинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто выборныхъ людей: Ивана Степанова, да Моисея Андреева, да Якова Гаврилова, да Семена Павлова, по ихъ велѣнію, устюжанинъ Матюшка Ивановъ Походнинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто выборныхъ: Максима Яковлева, Петра Созонова, Сергія Аврамова, — Андрюшка Кузнецовъ руку приложилъ. — По велѣнію выборновъ: Никифора Махина, Ивана Балакшина, Ивана Митина, Луки Завороткова, Васильяна Волоцкихъ, Елоима Конова, — Гришка Худышинъ руку приложилъ. — Выборной Трешкиъ Росковановъ руку приложилъ.

Примѣчаніе: О велико-устюжскихъ іерархахъ можно читать статью Н. Суворова въ «Вологодскихъ Епарх. Вѣдомост.» 1869 года, въ №№ 13, 14 и 15-мъ, а о вологодскихъ іерархахъ см. книгу, составленную Н. Суворовымъ, подъ заглавіемъ: «Объ іерархахъ древне-Чермской и Вологодской епархіи».

И. С.

ФИЛИППЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ НЕВЛОВЪ,

одинъ изъ служилыхъ людей,

1672—1720.

1720 г. марта въ „ день, архангелогороцкого гварнизона прапорщикъ, Филиппъ Перфильевъ сынъ Невловъ, въ Санктптербургѣ въ военной коллегіи писанъ и сказалъ: отъ роду ему сорокъ осмой годъ; въ 203 (1695) году, по указу великого государя, указу былъ онъ вмѣсто отца своего, Перфилья Ивана сына Невлова, въ полку боярина Бориса Петровича Шереметева,—что онъ былъ фелтмаршалъ,—подъ Кезикерменевъ; въ 205 (1697) году въ полку боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шенна подъ Азовомъ; въ 700 году писанъ въ житье ¹⁾, и того-жъ году былъ подъ Нарвою; въ 702 году—въ прогубужѣ; въ 703 году—на Москвѣ, по осмотру фелтмаршала Бориса Петровича Шереметева, написанъ полковымъ квартирмистромъ и въ Ямбургѣ предѣленъ на время ко артилеріи и былъ въ походѣ подъ Нарвою, подъ Колоболою; того-жъ году съ другими офицеры посланы къ Москвѣ—въ военной приказъ; въ 704 году, по осмотру боярина Тихана Никитича Стрѣшнева, предѣленъ въ Бѣлгородской драгунской полкъ и посланъ въ Бѣлгородъ—въ команду генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Масалеского и служилъ въ полку вмѣсто капитана въ разныхъ походѣхъ: въ 706 году, подъ командою отъ лейбъ-гвардіи маэора князя Долгорукого, въ низовомъ донскомъ походѣ; подъ Маяками былъ на баталіи, и подъ городкомъ Есауловымъ ²⁾, на приступѣ, раненъ; подъ городкомъ Рѣшетовымъ ³⁾—на баталіи-жъ; въ 709 году былъ подъ Полтавою и во взятѣ швецкой арміи у Дибра; въ 710 году, по указу великого государя указу и по приказу ближнего стольника,—что нынѣ Государственной каморъ-каллеги президентъ,—князя Дмитрея Михайловича Липкина, посланъ съ указомъ въ архангелогороцкую губернію капитаномъ; тотъ Бѣлгородской полкъ раскосовали; и по приказу ближнего стольника,—

¹⁾ Т. е. въ отпускъ. Въ старину слово «написанъ» на канцелярскомъ языкѣ значило: назначенъ, уволенъ, опредѣленъ.

²⁾ Мѣстопребываніе атамана Некрасова, которое было взято Долгорукими.

³⁾ У Рѣшетовой станицы Долгорукий догналъ атамана Нивиту Голаго съ аманомъ Колычевымъ, разбилъ ихъ и перевѣшалъ мятежниковъ.

А. М.

что нынѣ губернаторъ,—князя Петра Алексѣевича Голицына, опредѣленъ въ гороцкой полкъ капитаномъ-же. И въ 716 году, противъ доношенія ¹⁾ вологодскаго подьячего Якова Зубкова повелѣно мнѣ явитца въ Санктпитебургѣ на смотрѣ свѣтлѣйшаго князя генерала-фельдмаршала, кавалера, Александра Даниловича Меншикова, и на ономъ смотрѣ написанъ прапорщикомъ и посланъ съ указомъ въ тое-жь Архангелогороцкую губернію къ полку, при которомъ и по нынѣ. А сіе сказалъ самую сущую, истинную правду по совѣсти своей, подъ потерянїемъ чина и имѣнія своего, безъ утайки. Къ сей сказкѣ прапорщикъ Филипъ Нефловъ руку приложилъ“.

Примѣчаніе. Изъ приведеннаго документа ясно видно, какого труда и какого страшнаго напряженія силъ требовала отъ военныхъ людей тревожная эпоха Петрова царствованія. Не смотря на первобытные въ тогдашней Россіи пути сообщенія, служилые люди передвигались съ одного конца государства на другой: изъ-подъ Азова—въ Нарву, въ Дорогобужъ; изъ Москвы—въ Ямбургъ, опять подъ Нарву; затѣмъ въ Бѣлгородъ и на Донъ для усмиренія булавинскаго бунта, а отсюда подъ Полтаву и затѣмъ—въ Архангельскъ.

И при всемъ этомъ, въ военномъ чиновництвѣ царя удивительная строгость: за всѣ перечисленные походы Филипъ Нефловъ получилъ чинъ капитана; но когда вологодскій подьячій Зубковъ донесъ, что Нефловъ не выслужилъ въ арміи установленныхъ лѣтъ, его, по именному государеву указу, вытребовали въ Петербургъ, на смотръ Меншикова, и изъ капитановъ „написали“ въ прапорщики.

Послужной списокъ Ф. Нефлова извлеченъ нами изъ домашняго архива вологодскихъ Нефловыхъ и въ подлинникѣ препровожденъ въ ред. „Русск. Стар.“.

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

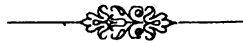
¹⁾ Т. е. по доношенію.

О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ,

СОЧИНЕНІИ

Александра Пушкина

РАЗГОВОРЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, мая 4-го дня 1831 г.

Ценсоръ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ
Левъ Цвѣтаевъ.

Предисловіе ко второму изданію.

На страницахъ уважаемой „Русской Старины“ въ теченіи двадцати одного года помѣщено множество богатаго матеріала, касающагося произведеній геніальнаго Пушкина.

Не лишне сохранить на ея страницахъ одну крайне рѣдкую брошюрку. Для исторіи русской критики 1830-хъ годовъ „Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ“ имѣеть важное значеніе, и поэтому перепечатка его представляется въ высшей степени желательною. Самъ А. С. Пушкинъ упоминаеть о ней въ письмѣ къ П. В. Нащокину (Соч. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 282), но читать ее, кажется, ему не привелось.

Перепечатываемъ эту брошюрку на страницахъ „Русской Старины“ съ буквальною точностью.

Все напечатанное далѣе съ разрядкою напечатано въ первомъ изданіи брошюры курсивомъ. Правописаніе и пунктуациія вполне сохранены.

А. Станкевичъ.

16-го августа 1890 г.
Москва.

О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ,

СОЧИНЕНІИ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА,

Разговоръ помѣщика, проѣжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ ономъ учителя Россійской Словесности

Учитель. Добрый день, Петръ Алексѣевичъ. (Входитъ съ книгою и тетрадью).

Помѣщикъ. Здравствуй, Ермилъ Сергѣичъ! Что? съ Борисомъ и замѣчаніями? Ну, послушаемъ, что сказалъ ты о первокласномъ нашемъ повѣ?

Уч. (Отскакиваетъ и кладетъ тетрадь въ карманъ) Какъ, батюшка, о первокласномъ? Хорошую-же вы сыграли со мною штуку!

Пом. (въ удивленіи) Что такое, братецъ? Что съ тобой сдѣлалось?

Уч. Да если бы зналъ я, что авторъ Бориса Годунова въ первомъ классѣ, ни за что бы не принялся дѣлать на него замѣчаній: ну, Боже упаси, какъ это огласится! Мудрено-ли первому классу задавить двѣнадцатый!

Пом. Вотъ то-то и есть, что вы здѣсь въ глуши ничего не знаете. Въдь это, другъ мой, не чинъ, равный на-прямъ съ Фельдмаршальскимъ. . . . Это названіе даютъ за отличнѣйшія произведенія.

Уч. Кто же это, почтеннѣйшій Петръ Алексѣевичъ?

Пом. Ну, журналисты, издатели газетъ, пріатели, товарищи. (сѣдется) за чашей круговою.

Уч. Вотъ что! Такъ по этому и нашему брату не невозможно.

Пом. Разумѣется. Но приступимъ къ дѣлу. Читай замѣчанія. Съ чего началъ?

Уч. Позвольте доложить: прочитавъ со вниманіемъ неоднократно эту книгу, я самъ себя сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ.

Пом. Читай, читай!

Уч. Вопросъ 1-й. Къ какому роду изящной Словесности принадлежитъ сіе твореніе?

Пом. Ужъ это, кажется мнѣ, сущій вздоръ, любезный Ермилъ Сергѣичъ: это поэма.

Уч. (съ жаромъ) Него, сударь, весьма него. Поэма должна имѣть необходимо связь въ продолженіи всего повѣствованія и сохранять, хотя не-вполнѣ, освященные вѣками правила. Согласенъ: можно уничтожить старинное пою, ибо нынче никто поэтъ не поетъ; можно забыть призываніе какого нибудь языческаго божества, или олицетвореннаго идеальнаго существа для подмоги въ дѣлѣ, ибо видно, что сіи божества и существа не многимъ помогали—да и сущность повѣствованія отъ того ничего не терпите. Но бросаться и туда и сюда, безъ всякой связи, право, не простиительно. А сверхъ всего, смѣю доложить, пишутся-ли поэмы прозою? Въ сочиненіи же г. Пушкина есть много прозы.

Пом. Да вѣдь это должна быть поэма романтическая — понимаешь-ли?

Уч. И понимать не кочу, Петръ Алексѣевичъ! Вамъ извѣстно, что тѣ, которые, по словамъ Вольтера, не умѣли написать ни Трагедіи, ни Комедіи, начали писать Драмы; а къ тому прибавить можно: не умѣвшие и драмы написать, стали сочинять Мелодрамы и тому подобное, такъ по этому я думаю, что и неправильный Романтизмъ; или, сказать по-откровеннѣе, это бессмысленное слово выдуманно тѣми, которые не умѣли написать ничего правительнаго. Всѣ мы, кто хоть немножко поучился, читывали поэмы и древнія и новыя, да кому приходило въ умъ раздѣлять ихъ на Классическія и Романтическія? Знающіе толкъ восхищались хорошимъ и порицали дурное.

Пом. Побывалъ бы ты въ Петербургѣ, или въ Москвѣ. Дали бы тебѣ знать! Да теперь непривзаноушихъ Романтизмъ считаютъ наравнѣ съ Богоотступниками.

Уч. Не тѣ-ли же такъ думаютъ, Петръ Алексѣевичъ, которые въ первой-то классъ друзей своихъ производятъ?

Пом. Вѣдь надобно же, братецъ, дать какое нибудь названіе Борису Годунову. Ну, Трагедія?

Уч. Избави, Господи! А что тутъ есть трагическаго? Не прикажете-ли представить ее на театрѣ? У кулисныхъ-то мастеровъ заболѣли бы руки. Это, сударь, настояція Китайскія тѣни. Дѣйствіе перескакиваетъ изъ Москвы въ Польшу, изъ Польши въ Москву, изъ кельи въ корчму. . . . Есть нѣчто подобное въ драматическихъ произведеніяхъ Шекспира, да все таки посовѣстнѣе. Къ тому же Шекспиръ писалъ тогда еще, когда одноземцы его и понятія не имѣли объ изящномъ вкусѣ.

Пом. Съ тобой не сговоришь. Ну такъ, повѣсть? И то сказать: да что намъ нужды до названья? Положимъ. . . . что Борисъ . . .

Уч. И въ самомъ дѣлѣ! Какое тутъ названіе, когда и самъ родитель никакимъ именемъ не окрестилъ своего дѣтища?—Позвольте, далѣе:

Вопросъ 2-ой: кто герой въ этомъ сочиненіи?

Пом. Вопросъ второй, кто герой?—заговорилъ на виршахъ!—Ты не безъ толку же по толкамъ читаешь; видѣлъ, напечатано крупными литерами: Борисъ Годуновъ.

Уч. Оно такъ-съ; да если-бы типографскій-то наборщикъ ошибся, и на мѣсто Бориса Годунова напечаталъ Гришка Отрепьевъ? Тогда бы что вы изволили сказать?

Пом. Вздоръ какой! не пропустилъ бы корректоръ.

Уч. Пускай и вздоръ, Петръ Алексѣевичъ! Не спорю. Но разберите сами—васъ получше насъ учили—разберите, за какіе подвиги можно назвать Бориса героемъ повѣсти? (да будетъ повѣсть!) Начнемъ съ начала!

Пом. А мы послушаемъ.

Уч. Борисъ является въ первый разъ на страницѣ 10-й, гдѣ избираютъ его Царемъ; тутъ нѣтъ никакихъ отличныхъ подвиговъ; потомъ показывается одинъ (стр. 28, 29, 30) и говорить самъ съ собою вслухъ такой ужасной новологъ, отъ котораго и у самого крѣпкаго актера заболѣло бы горло—а о чемъ говорить? Немножко разкаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, бранить чернь за разныя на него (яко-бы) клеветы; потомъ у него, Бориса,

Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ;

И все тошнить и голова кружится. . . .

Пом. Остановись-ка на минуту. Что ты скажешь объ этомъ тошнить?

Уч. Не хорошо, Петръ Алексѣевичъ, весьма отвратительно.

Пом. А вотъ какъ пехорошо: это прелесть; это значить, что Авторъ подслушалъ голосъ природы; это національность, народность—требованіе нашего вѣка.

Уч. Вѣдь подслушать-то, сударь, съ позволенія сказать, мало-ли что можно, да рассказывать объ этомъ и печатать не должно. Вы слышали, думаю, о разговорѣ двухъ знаменитыхъ нашихъ поэтовъ. У одного изъ нихъ написано было въ стихахъ что-то объ арбузахъ да объ соленныхъ огурцахъ; другой замѣтилъ, что природу надобно искать не въ обжорномъ рынкѣ. Такъ и здѣсь, при словѣ тошнить, не можетъ-ли иному чувствительному читателю представиться послѣдствіе тошноты словомъ сказать весьма отвратительно. Неужели Авторъ Бориса не слыхивалъ объ изящной природѣ?

Далѣе: Борисъ показывается въ палатахъ у дочери и сына (стр. 53). Это явленіе начинается прозою, оканчивается полупрозою. Онъ проситъ дочь чтобъ не плакала о мертвомъ женихѣ; сына хвалить за то, что изобра-

зиял хитро на бумагѣ всѣ области Русскія. Но замѣтить однако: Борисъ не могъ разобрать, гдѣ, на этомъ чертежѣ, Москва, Новгородъ, Астрахань, и не узналъ Волги. И такъ, позвольте спросить, хитро-ли написанъ былъ чертежъ?

Пом. Ну, братецъ, это дѣло постороннее; что привязываться къ пустякамъ? Продолжай!

Уч. Извольте-съ. Въ продолженіи сего явленія Борисъ узнаеть,

Что въ Краковѣ явился Самозванецъ,
И что Король и Папы за него,

.
Такъ, если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Дмитрія воскреснувшее имя,

То есть: онъ узналъ уже, что Самозванецъ принялъ имя убиеннаго Царевича Дмитрія Иоанновича. Шуйскій увѣряетъ его, что царевичъ дѣйствительно скончался.—Довольно, удались, говоритъ Борисъ Шуйскому. . . .

Ухъ, тяжело!

Тяжело, почтеннѣйшій Петръ Алексѣевичъ, какъ этотъ ухъ дѣлаетъ бухъ въ нашъ слухъ!

Пом. Опять за вирши! да говори, любезный, о дѣлѣ—о подвигахъ героя Бориса.

Уч. До 95 страницы, герой нашъ совсѣмъ не показывался. Между тѣмъ побывали мы въ Краковѣ, въ Самборѣ у Мишишки, погуляли въ саду съ Мариною, были на границѣ Литовской. . . .

Пом. Ну, далѣе.

Уч. Съ вышепоказанной-то страницы, правду молвить, Борисъ началъ дѣйствовать: приказалъ послать указы къ Воеводамъ, чтобъ на коня сядились. . . .

Пом. Постой, постой, Ершилъ Сергѣевичъ! какъ? Всѣ воеводы на одного коня?

Уч. Ба! да я этого и не замѣтилъ. Извините.

Пом. Это сказалъ я, такъ, въ скобкахъ. Продолжай.

Уч. И что бы людей высылали на службу, и отобрали бы въ Монастыряхъ служителей причетныхъ; и что онъ Борисъ, видя кипящіе умы, желалъ бы предупредить казни; но чѣмъ и какъ? спрашиваетъ у Патриарха.—Коротко сказать, эта аудіенція кончилась тѣмъ, что Борисъ приказалъ перенести мощи Св. Страдальца младенца въ Кремль, въ Архангельскій Соборъ.

Пом. Да, помнится, и въ этомъ его не послушали.

Уч. А вотъ, сударь, на страницѣ 102-й, патриархъ отговорилъ ему и обѣщалъ самъ выдти на площадь и обнаружить народу злой обманъ бродяги. Тѣмъ и прекратились распоряженія Годунова: всѣ разошлись съ миромъ. Теперь является онъ, съ Васмановымъ на стр. 122-й; какъ вдругъ у него кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей; онъ чувствуетъ приближеніе смерти, постригается, умираетъ. Вотъ вамъ, Петръ Алексѣевичъ, весь герой Поэмы, или повѣсти, какъ угодно.

Пом. Ну, говори о Самозванцѣ.

Уч. Когда въ корчмѣ (стр. 31 и сл.) узнали, что онъ дѣйствительно бѣдный ¹⁾ монахъ, и хотѣли схватить, онъ вынулъ кинжалъ, бросился въ окно — и давай Богъ ноги. Правда, тутъ нѣтъ геройства, однакожъ не станемъ совершенно ссуждать Отрешьева. Продолженіе впередъ. Въ Краковѣ онъ собираетъ дружину, у Мишки соблазняетъ Марину; но мало по малу приближается къ своей цѣли, побѣждаетъ Русскихъ при Новгородѣ Сѣверскомъ — и велитъ ударить отбой. Мы побѣдили, говоритъ онъ; довольно, щадите Русскую кровь. Отбой! Эта черта показываетъ по крайней мѣрѣ, что Отрешевъ умѣетъ управлять войскомъ и умѣетъ заставить думать о привязанности своей къ Русскому народу; онъ не труситъ пятидесяти тысячъ, съ которыми, по словамъ плѣнника, идетъ на него Шуйскій. Другъ, сказалъ онъ своимъ, не станемъ ждать мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: на завтра бой. Здѣсь, должно признаться, Самозванецъ показывается настоящимъ героемъ — и рѣчь его была не пустая: онъ на Престолѣ Московскомъ. И такъ, повторимъ, кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе читателя, Борисъ или Гришка? Кто заслуживаетъ болѣе названіе героя Поэмы?

Пом. Мнѣ, Ермилъ Сергѣевичъ, все равно. А что о другихъ-то лицахъ?

Уч. Былъ у меня заготовленъ вопросъ третій: хорошо-ли выдержаны характеры дѣйствующихъ лицъ? Но подъ этою статью поставилъ я нуль. О другихъ, кромѣ Бориса и Отрешьева, нечего и сказать. Они кое-что поговаривали, а не дѣйствовали.

Пом. Ну, такъ и все?— Пора собираться въ деревню.

Уч. Есть еще небольшая статейка, подъ заглавіемъ: Образъ повѣствованія и о мысляхъ.

Пом. Такъ ужь рассказывай скорѣе.

Уч. Ничего не говорю я о стопосложеніи. Для меня всѣ стихи равны: гекзаметры, пентаметры, александрійскіе, бѣлые, съ римами—это одна оболочка была бы поэзія; вотъ главное! Пушкинъ избралъ Ямбическій пентаметръ безъ рима, съ пресѣченіемъ послѣ первыхъ двухъ стопъ. Почему-жъ и не такъ? Вольному воля. О гладкости въ стихахъ ни слова не скажу: она есть

¹⁾ Повидимому опечатка, вмѣсто, бѣглый“.

неотъемлемая собственность Пушкина. Много жѣсть превосходѣвшихъ! Напримѣръ, разговоръ Пимена съ Григорьемъ. Мнѣ очень полюбилось сдѣланное Григорьемъ сравненіе, когда онъ говоритъ, что во время сочиняемой Пименомъ лѣтописи, не могъ прочесть его сокрытыхъ думъ:

Все тотъ же видъ смиренный, величавый,
 Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Разсказъ о кончинѣ царевича также очень хорошъ.

Прекрасна и молитва, произносимая мальчикомъ за Царя, по приказанію Шуйскаго. Я выписалъ ее:

Царю Небесъ вездѣ и присносущій,
 Своихъ рабовъ моленію внимай:
 Помолимся о нашемъ Государѣ,
 Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
 Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
 Храни Его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
 И на путяхъ, и на одрѣ ночега.
 Подай Ему побѣду на враги,
 Да славится Онъ отъ моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣтетъ Его семья,
 Да осѣнять Ея драгія вѣтви
 Весь міръ земной—а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будетъ Онъ какъ прежде благодатенъ,
 И милостивъ и долготерпѣливъ;
 Да мудрости Его неистощимой
 Пристекутъ источники на насъ;
 И, Царскую на то воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся Тебѣ, Царю Небесъ.

Пом. Эту молитву, Ермилъ Сергѣичъ, прочиталъ я нѣсколько разъ, подраумѣвая нынѣшнее время.

Уч. И прекрасно изволили придумать.—Далѣе: удачно сдѣлано описаніе черни.

. Безмысленная чернь
 Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,

Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.

Съ пріятностью можно прочесть стихъ, сказанный Шуйскимъ Царю:

Не казнь страшна; страшна твоя не милость.

И слѣдующій Бориса:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха.

Разговоръ Самозванца съ Мариною (стр. 78 и сл.) не заключаетъ въ себѣ отличныхъ красотъ; онъ такъ, ни хорошъ, ни дуренъ; въ немъ нѣтъ ни жару, ни большой стужи. Конецъ довольно смѣшонъ. Разсерженный на Марину Отрѣвьевъ, по уходѣ ея, говоритъ:

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чертъ съ ними, мочи нѣтъ,
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользять изъ рукъ, шипитъ, грозить и жалить.
Змѣя! змѣя!

Такія выраженія, Петръ Алексѣевичъ, чертъ съ ними, а особенно мочи нѣтъ, при всякой романтической національности—ни куда не годятся.

За сию, что называется съ оныка, слѣдуетъ прекрасное обращеніе Бурбскаго къ своему отечеству:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой!
Чужбины прагъ съ презрѣньемъ отряхну
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальные возрадуются кости, и проч.

Пом. Да! если бы такъ написана была вся повѣсть. . .

Уч. Тогда бы стали хвалить.

Пом. Ну-ка, доходи скорѣе до Французскаго-то съ Нѣмецкимъ! До этого мѣста, помнится, нѣтъ ничего значительнаго, кромѣ разсказа Патріарха о слѣпцѣ, прозрѣвшемъ у гроба Св. младенца.

Уч. Такъ, это порядочно. А какъ увидѣлъ я смѣсъ Русскаго съ Нѣмецкимъ и Французскимъ—признаюсь, подумалъ, можно-ли было ожидать отъ Пушкина такой Галиматіи? Что за школьническая игра въ словахъ: Quoi, Quoi, ква, ква!

Пом Да помилуй, Ермилъ Сергѣичъ, осердился по пустому: вѣдь Маржереть и Розень не умѣли говорить по Русски: ну, и говорили какъ могли.

Уч. Такъ позвольте-жѣ объясниться: развѣ Самозванецъ съ патеромъ Черниковскимъ, съ Мариною, и съ другими, въ Польшѣ, говорилъ по Русски? Развѣ Вишневецкій и Мнишекъ говорили по Русски? Слѣдовало-бы разговоры ихъ также напечатать по-польски: ужь смѣшить, такъ смѣшить!—Какъ вы думаете, Петръ Алексѣевичъ?

Пом. (смотря въ книгу) Sie haben Recht.

Уч. (поворотя страницу назадъ) По истинѣ: Es ist Schande.

Пом. Не полно-ли? Развѣ есть еще что нибудь?

Уч. Вотъ, надобно замѣтить рѣчь, обращенную Борисомъ при смерти къ сыну его Феодору. Хотя и нѣтъ въ ней отлично хорошихъ мыслей, да есть порядочные стишки. Я не выписалъ ее: слишкомъ длинна, и много между прочимъ пустаго.

Теперь осталось только показать нѣкоторыя рѣзкія мысли, встрѣчаемыя въ продолженіи Повѣсти; на-примѣръ патеръ Черниковскій говоритъ Отреньеву:

Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить.

Эту Езуитскую мораль лучше-бы не выдавать въ оглашенный свѣтъ.
Или въ семь разговорѣ Бориса съ Басмановымъ:

Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?

Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ.

Пом. Вотъ вздоръ какой! Всегда склоненъ. Пустое, съ этимъ я совершенно не согласенъ; какъ бишь-ты давиче сказалъ? да, него, весьма него. И Русскому-ли Боярину такъ отзываться о Православномъ Русскомъ народѣ?

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. . . .
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

Уч. А Борисъ-то? . . . (читаетъ наизусть.)

Пом. Полно, братецъ, полно! Чтобъ не подслушали.

У ч. Да вѣдь это говорить Борисъ въ печатномъ.

Пом. Такъ можно приловчить: и милостиво и премудро! Нѣтъ, не вѣрю, чтобы Борисъ, каковъ ни былъ онъ, сталъ говорить такимъ Макиавельскимъ языкомъ.

У ч. А сыну-то при смерти говорить:

Со временемъ и по немногу, снова
Затягивай державныя бразды.

И вотъ еще извольте взглянуть на страницу 139-ю! Каково мужикъ кричить народу съ какого-то Амвона:

Ступай! Вязать Борисова щенка!

То-есть Феодора, Борисова сына, которому присягнули въ вѣрности! Борисова щенка! Какой изящный вкусъ!—И это національность?

Пом. Ну, пора перестать. Что-жь ты думаешь о первоклассности Сочинителя?

У ч. Не мое дѣло. Мнѣ, сударь, ни жаловать, ни разжаловать невозможно.

Пом. И подлинно: безъ суда никто не наказывается, а судъ даетъ потомство.

У ч. Только надобно желать, Петръ Алексѣевичъ, чтобъ это потомство какъ можно скорѣе показалось, а до поздняго, кажется, не дожидать нынешнему Борису Годунову.

15-го Апрѣля 1831 года.

Изъ Астрахани.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

5-го іюля 1856 г.

Приводимъ интересный документъ, относящійся къ важному моменту въ государственной дѣятельности Николая Николаевича Муравьева. Это всеподданнѣйшее его письмо императору Александру II объ отозваніи съ высокаго поста главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и на мѣстника кавказскаго.

Ред.

Ваше императорское величество. Не въ правилахъ моихъ скрывать отъ васъ ни дѣйствій моихъ, ни помышлений. Вы, государь, тому и другому единый судья мой. И потому не опасаясь выразить откровенно предъ вашимъ величествомъ чувства, тревожація сердце мое. Изъ нѣсколькихъ случаевъ вижу, что поколебалось довѣріе, коимъ вы меня удостоивали, скорблю о сей горестной для меня уtratѣ.

Исполняя высокое призваніе, я не былъ руководимъ видами честолюбія и твердо увѣренъ, что ваше величество не усомнитесь въ благонамѣренности и усердіи моемъ; но не чувствуя себя при настоящихъ обстоятельствахъ болѣе въ силахъ съ пользою нести здѣсь службу вашего величества, я съ благоговѣніемъ прошу васъ, государь, отзовите меня отсюда.

Взысканный благодареніями вашими и покойнаго родителя вашего, я вѣчно сохраню въ памяти милости ваши, и что бы вы ни повелѣли, буду душевно радоваться всякому преуспѣванію въ дѣлѣ вашемъ, кому-бы ни довелось достигъ цѣли, вами ука- зываемой.

Вашего императорскаго величества вѣрноподанный
Николай Муравьевъ.

5-го іюня 1856 года.
Коджоры.

Примѣчаніе. Согласно сему прошенію Н. Н. Муравьевъ былъ всемилостивѣйше уволенъ, приказомъ отъ 22-го іюля 1856 г., отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта и съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта.

А. Л.

ОСТЯТСКІЕ КНЯЗЬЯ

1864—1884.

Отъ людей, никогда не бывавшихъ въ Березовскомъ краѣ, мнѣ приводилось слышать невѣрные отзывы объ остятскихъ князьяхъ. Нѣкоторые думаютъ и говорятъ, что остятскіе князья люди во многомъ отличающіеся отъ другихъ остяковъ, люди богатые, сравнительно развитые и имѣющіе право на титулъ сіятельства. Говорятъ также, что князья заботятся о подчиненныхъ имъ остякахъ и отстаиваютъ ихъ права. Посмотримъ, такъ-ли это. Я хорошо былъ знакомъ съ князьями: обдорскимъ — Тайшинымъ, кунватскимъ—Артанзіевымъ и мало зналъ ляпинскаго князя Шешкина; а потому буду говорить о первыхъ двухъ, а въ особенности о Тайшинѣ, съ которымъ мнѣ приводилось имѣть дѣло во время служенія моего березовскимъ окружнымъ исправникомъ.

Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, князь Иванъ Матвѣевичъ Тайшинъ имѣлъ грамоту государя императора Николая Павловича, которая утверждала его права на управленіе обдорскими остяками. Грамота эта замѣнила собою ранѣ существовавшую у отца Тайшина такую-же грамоту императрицы Екатерины II. Тайшину въ 1882 году было около семидесяти лѣтъ, онъ имѣлъ пожалованный ему въ 1852 году серебряный кортикъ съ такою-же португеею, и въ 1854 году, когда онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ и удостоился лично представляться государю, всемилостивѣйше пожалованы ему золотая медаль съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ, бархатный малиноваго цвѣта кафтанъ съ парчевымъ полукафтаньемъ и бархатною шапкою, также обшитою галуномъ, и серебряный вызолоченный внутри кубокъ съ надписью: „князю Ивану Матвѣевичу Тайшину“.

Тайшинъ былъ совершенно неграмотный; были также неграмотны и всѣ дѣти его, хотя онъ имѣлъ полную возможность учить ихъ. Считааясь православнымъ, Тайшинъ не оставляетъ, однако-жъ,

идолопоклонническихъ обрядовъ своихъ предковъ. Онъ былъ когда-то богатѣе, считалъ оленей своихъ тысячами, но въ 1882 году у него было только нѣсколько десятковъ оленей. Жилъ Тайшинъ постоянно въ такъ называемыхъ князевскихъ юртахъ, въ 25 верстахъ отъ села Обдорскаго на сѣверъ; его изба и вообще семейная обстановка ничѣмъ не отличались отъ жилищъ другихъ остяковъ. Одѣвался Тайшинъ обыкновенно такъ-же, какъ и другіе остяки, т. е. носилъ пимы, малицу или гусь и только тогда надѣвалъ свой кафтанъ и знаки отличія, когда ему нужно было являться къ исправнику или засѣдателю. Словомъ сказать, когда Иванъ Матвѣевичъ былъ безъ кафтана, онъ представлялъ обыкновеннаго остяка и не отличался даже чистотою. Но представьте себѣ, что Иванъ Матвѣевичъ умылся, причесалъ свою голову, надѣлъ кафтанъ и знаки отличія, и тогда онъ глядѣлъ уже княземъ. Замѣчательно, что кафтанъ все сразу мѣнялъ въ Тайшинѣ: походку, осанку и взглядъ. Здороваясь съ нимъ, вы невольно замѣчали, что Тайшина когда-то учили этикету; онъ и ногами расшаркивался и руку подавалъ какъ джентльменъ. Ивана Матвѣевича въ этомъ случаѣ сопровождали переводчикъ и старшина или его помощникъ. По-русски Тайшинъ не говорилъ и даже увѣрялъ, что онъ не понимаетъ русскаго языка, хотя это представляется очень страннымъ, потому что Тайшинъ много вращался въ кругу русскихъ. Мы склонны не вѣрить въ этомъ Тайшину. Пользуясь среди остяковъ большимъ почетомъ, Тайшинъ на каждомъ шагу проявлялъ свою власть. Однако, власть эта держалась не столько на уваженіи къ личности Тайшина, сколько на боязни. Остякъ хорошо зналъ, что все связанное Тайшинымъ должно быть исполнено, иначе его накажутъ, и слѣпо повиновался приказамъ Тайшина.

Я не знаю примѣровъ стремленія Тайшина къ улучшенію быта остяковъ, но мнѣ извѣстны случаи его стремленія къ наживѣ, его неправды, допускаемой въ судебныхъ дѣлахъ, и на основаніи того, что мнѣ извѣстно, я утверждаю, что управленіе Тайшина было вредно. Чтобы не быть голословнымъ, приведу примѣры.

Въ 1864 году, бывшій тобольскій губернаторъ уважаемый А. И. Деспотъ-Зеновичъ, посѣтивъ Березовскій край, писалъ, что „Тайшинъ не отказывался не только отъ приношеній, но употреблялъ и вымогательства. Ни одинъ остякъ не предъявилъ жалобы на Тайшина, а между тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, и остяки подвергались не меньшимъ поборамъ, какъ и самоѣды. Когда губернаторъ предупредилъ какъ князя Тайшина, такъ и всѣхъ вообще бывшихъ на лицо старшинъ, что виновные въ лихоимствѣ будутъ выселены въ

Тобольскъ, то Тайшинъ торжественно поклялся въ присутствіи старшинъ, что онъ начнетъ новую жизнь, такъ какъ уже старъ и не желаетъ оставлять своего роднаго мѣста“. Однако, эту торжественную клятву Тайшинъ вскорѣ-же измѣнилъ.

Осенью въ 1881 году двумъ рыбопромышленникамъ П. и Р. захотѣлось арендовать одно и то-же рыболовное мѣсто, принадлежащее остякамъ. П., съ помощью Тайшина, арендовалъ мѣсто за 350 рублей въ годъ, и этимъ способомъ оттягалъ рыболовное мѣсто у Р., который давалъ за то-же мѣсто 750 рублей въ годъ и обѣщался, въ случаѣ торговъ, дать значительно болѣе. Но Тайшинъ приказалъ остякамъ не соглашаться на это, и остяки, повинуваясь ему, оставили мѣсто за П., отказавшись отъ торговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что П. остался очень благодарнымъ Тайшину, да и было за что, потому что остяки въ каждый годъ теряли 400 рублей, а въ четыре года 1.600 руб.

Другой примѣръ: у двухъ рыбопромышленниковъ М. и П. возникъ споръ о рыболовномъ сорѣ. Тому и другому хотѣлось оттягать соръ; остяки-же, владѣльцы сора, раздѣлились на партіи; одни желали отдать соръ М., а другіе П. Перевѣсъ оказался на сторонѣ П., потому что онъ обратился къ князю Тайшину, а послѣдній одного изъ инородцевъ, болѣе другихъ склонявшагося на сторону М., публично наказалъ розгами во дворѣ у П. Само собою понятно, что П. не остался неблагодарнымъ передъ княземъ Тайшинымъ. По этому дѣлу мѣстныя власти привлекали Тайшина къ отвѣтственности, но дѣло окончилось только внушеніемъ.

Мѣстное начальство не могло, конечно, равнодушно смотрѣть на разныя беззаконія Тайшина, но что оно могло сдѣлать, когда прерогативы были на сторонѣ Тайшина. Тайшинъ хорошо понималъ это и отстаивалъ свои права. По свойственной всѣмъ остякамъ приверженности къ пьянству, Тайшинъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ чарку, и въ пьяномъ видѣ, не смотря на свою старость, буянилъ. Бывали случаи, что Тайшина въ такомъ состояніи по необходимости сажали въ кутузку для вытрезвленія. Вотъ каковъ былъ князь Иванъ Матвѣевичъ Тайшинъ. Таковы-же были и сыновья его, ожидавшіе по наслѣдству княжескій титулъ. Объ одномъ изъ сыновей Тайшина производилось слѣдствіе по обвиненію его въ буйствѣ въ селѣ Обдорскомъ. Сказаннаго о Тайшинѣ, я полагаю, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о немъ.

Умершій куноватскій князь Семень Артанзіевъ былъ чело-вѣкъ еще не старый, ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Онъ имѣлъ пожалованные ему кафтанъ и шапку; другихъ-же знаковъ отличія у него не было. Постоянное его жительство было въ ямскихъ

юртахъ, въ 100 верстахъ отъ Березова на сѣверь, и его изба также ничѣмъ не отличалась отъ жилищъ другихъ остяковъ. Артанзіевъ былъ неграмотный и по вѣншности, когда онъ бывалъ безъ кафтана, ничѣмъ не отличался отъ другихъ остяковъ; кафтанъ-же только измѣнялъ его одежду и ничего болѣе. Онъ былъ флегматическаго темперамента, молчаливъ, видимо ничѣмъ не интересовался и ни на что не обращалъ вниманія. Такъ-же, какъ и Тайшинъ, Артанзіевъ не забывалъ чарку, но въ пьяномъ видѣ обыкновенно спалъ. Артанзіевъ былъ небогатъ; у него было не болѣе ста оленей. Управленіе въ рукахъ такого человѣка, конечно, не могло принести никакой пользы, и наблюдавшимъ было не трудно убѣдиться, что въ Куноватской волости все дѣлалось писаремъ инородной управы, иногда противъ всякаго желанія князя Артанзіева. Однако, и Артанзіевъ не забывалъ своего кармана. Въ Куноватской волости много моховыхъ мѣстъ, которыя арендуютъ зыряне, и за аренду этихъ мѣстъ ежегодно выручалось около 1.000 рублей, а можетъ быть и болѣе. Эти деньги собиралъ самъ Артанзіевъ, и удѣляя изъ нихъ себѣ львиную долю, остальные раздавалъ остякамъ. Мѣстное начальство стремилось къ тому, чтобы эти деньги обращать въ мірской капиталъ, но Артанзіевъ упорно отказался отъ этого. Объ упорствѣ Артанзіева и о захватѣ имъ денегъ производилось слѣдствіе, но чѣмъ это дѣло окончилось—мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ концѣ 1882 года я выѣхалъ изъ Березовскаго округа. Передъ начальствомъ Артанзіевъ обыкновенно давалъ слово на будущее время не употреблять денегъ по своему произволу, но это повторялось каждый годъ. Такимъ образомъ и въ управленіи Артанзіева Куноватскою волостью мы видимъ только вредъ.

Установившійся среди остяковъ взглядъ на своихъ князей, какъ на повелителей, и давно практикующееся присвоеніе князьями не принадлежащаго имъ права судить, наказывать розгами и урывать себѣ львиныя доли, могутъ измѣниться, по моему мнѣнію, только тогда, когда у остяцкихъ князей будетъ отнято право наказанія и остяки въ судебныхъ дѣлахъ будутъ подчинены исключительно выборнымъ старшинамъ. Если исчезнетъ боязнь быть наказанными, то съ нею вмѣстѣ исчезнетъ и слѣпое повиновеніе хищническимъ приказамъ князей. Довольно для князей остяцкихъ и того, если за ними оставятъ только право на почетъ.

Т. Поповъ.

4 мая 1882 г., г. Березовъ.

14 апрѣля 1890 г., г. Омскъ.

Ахметка—башкирскій шутъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., июнь, помѣщены интересные очерки ген. отъ инфант. князя Н. С. Голицына, въ которыхъ, между прочимъ, упоминается о различныхъ карликахъ, карлицахъ, шутахъ и т. п. обиженныхъ природою уродцахъ, забавлявшихъ, въ доброе старое время, нашихъ праздныхъ русскихъ баръ.

Подробно познакомивъ съ оригинальною личностью, прославившагося въ 1830-хъ годахъ юродствомъ, пресловутаго московскаго шута Ивана Савельича, и вскользь сказавъ о другомъ барскомъ шутѣ, „но уже въ другомъ родѣ“ — подвизавшемся въ Петербургѣ въ 1835—1836 годахъ, князь Н. С. Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ заключеніе говоритъ, что съ этими послѣдними кончились подобныя безобразія въ порядочномъ обществѣ первой половины XIX вѣка.

Это не совсѣмъ вѣрно. Безобразія эти не прекращались и во второй половинѣ нашего вѣка. Слѣдующій рассказъ мой, озаглавленный: „Ахметка, башкирскій шутъ“, относится къ 1850-мъ годамъ, слѣдовательно, по времени—къ недавно прошлому.

Въ управленіе графа Василя Алексѣевича Перовскаго Оренбургскимъ краемъ, въ его генераль-губернаторской канцеляріи служилъ его родственникъ г. Жемчужниковъ, прекрасно образованный и очень остроумный господинъ, обладавшій большими денежными средствами, а еще болѣе пользовавшійся покровительствомъ всемогущаго тогда въ Оренбургскомъ краѣ своего дядюшки.

У этого господина Ж. жилъ карликъ-шутъ изъ родовитыхъ башкирцевъ, по имени Ахметка, ростомъ одинъ аршинъ пять вершковъ, за то голова у него была, несоразмѣрно его росту, велика, что совершенно не гармонировало съ его маленькой, уродливой фигуркой. Этотъ Ахметка, кромѣ физическихъ недостатковъ, вопреки запрету Магомета, еще любилъ выпить, и часто напивался до чертиковъ, за что нерѣдко, не смотря на свои уже почтенныя лѣта, подвергался отъ своего властелина сѣкуціи.

Житье Ахметки у Ж. все-таки было привольное: онъ какъ сыръ въ маслѣ катался. Ж., развѣжая по Оренбургу, всегда бралъ его въ экипажъ, сажая рядомъ съ собою. Онъ часто завозилъ его въ знакомые дома, рекомендуя его своимъ ординарцемъ.

Жемчужниковъ наряжалъ Ахметку смотря по тому, какъ онъ велъ себя въ тотъ день: иногда его видѣли въ шутовскомъ разноцвѣтномъ костюмѣ, украшеннаго, по званію шута, символическими знаками, какъ-то: бубенчиками, погремушками и т. п. арлекинскими атрибутами, а иногда онъ былъ одѣтъ въ башкирскій, окаймленный галуномъ, голубой казакинъ, при жирныхъ эполетахъ, сдѣланныхъ изъ блестящей разноцвѣтной фольги. Въ послѣднемъ нарядѣ Ж. нерѣдко привозилъ своего Ахметку въ театръ, гдѣ онъ садился съ нимъ постоянно въ первомъ ряду кресель. Оренбургская интеллигентная публика такъ привыкла къ подобнымъ выходкамъ Ж., что не придавала имъ особаго значенія. Только, развѣ, видя шута Ахметку въ жирныхъ эполетахъ, нѣкоторые знакомые Ж. спрашивали его: за какія заслуги онъ сегодня повисилъ своего ординарца? онъ отвѣчалъ: „Ахметка уже нѣсколько дней не напивался пнянъ: вотъ я его за отличие произвелъ въ майоры“.

Съ назначеніемъ, въ 1856 году, на постъ оренбургскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Александра Андреевича Катенина, шалостямъ Ж. былъ положенъ конецъ, его отчислили отъ генераль-губернаторской канцеляріи и онъ уѣхалъ изъ Оренбурга навсегда.

Взялъ-ли Жемчужниковъ своего шута Ахметку съ собою или отпразднать его въ башкирскую деревню, на родину—неизвѣстно.

Е. Г. Гвоздиковъ.

ФЛОРЫ-ЛАВРЫ,

изъ пензенской старины.

Пензенской губерніи, Городищенскаго уѣзда, предводитель дворянства Павелъ Тимофеевичъ Морозовъ собиралъ нѣкогда статистическія свѣдѣнія по всей Пензенской губерніи, вслѣдствіе предложенія губернатора, правившаго губернію болѣе тридцати лѣтъ, того самаго Александра Алексѣевича Панчулидзева, который за двадцатипяти-лѣтіе получилъ отъ императора Николая Павловича золотую съ брилліантами табакерку.

Распоряженіе было сдѣлано. Гг. исправникамъ разослано предписаніе: доставить точныя и вѣрныя свѣдѣнія о флорѣ въ каждомъ уѣздѣ. Между прочимъ, не помню заподлинно кто, инсарскій или саранскій исправникъ также получилъ, того-же содержанія, какъ и прочіе, предписаніе отъ его пр—ва, съ заключеніемъ доставить въ статистическій комитетъ свѣдѣнія „о флорѣ“ Пензенской губерніи.

Получивши „указъ“, исправникъ призадумался не на шутку, что ему дѣлать? Какой такой отвѣтъ на предписаніе дать и губернатору донести въ непродолжительномъ времени, да еще съ подробнымъ описаніемъ? Какъ быть? Какъ помочь? что написать? что это за флора такая? . .

Посоветовался исправникъ съ протопопомъ отцемъ Васильемъ, а тотъ былъ ему кумь.

Протопопъ внимательно прочелъ повелѣніе губернатора и, прочитавши, говоритъ:

— „А что кумь, есть-ли у тебя календарь?“ — Тогда издавался одинъ лишь календарь, именно академическій.

„Есть“, говоритъ исправникъ.

— „Давай его сюда!“

Деньщикъ слуга приноситъ. Отецъ Василій долго рылся, наконецъ, нашель, что въ августѣ мѣсяцѣ, 18-го числа, бываютъ двое святыхъ Флоръ и Лавръ.

— „Знаешь-ли кумъ, говорить протопопъ,—что здѣсь въ указѣ? не одного Фрола требуютъ!“

„Кого еще?“ поспѣшно спросилъ исправникъ.

— „И Лавра! вотъ тутъ въ календарѣ и сказано: Фрола и Лавра. Видишь! Тебѣ придется собрать всѣхъ Фроловъ и Лавровъ, да и къ его пр—ву представить; труда не мало предстоитъ“.

Ослушаться приказанія нельзя было—указъ губ. правл. на лицо. Порѣшили сообща исправникъ съ отцомъ и кумомъ Василюемъ предписать „строжайше“ приставамъ о немедленномъ собраніи всѣхъ Фроловъ и Лавровъ въ уѣздѣ въ городъ С. или И., для предварительнаго осмотра по списку, и выслать потомъ въ губернію.

Разослали повѣстки. Становые, въ свою очередь, не мало надивились, что г. исправникъ, въ рабочую пору, предписываетъ и требуетъ собрать всѣхъ Фроловъ и Лавровъ и привести въ городъ съ тѣмъ, что, по осмотрѣ ихъ въ городѣ и провѣривъ по списку, вести въ Пензу, для представленія къ его пр—ву.

Пошла работа и потѣха на весь міръ! Было лѣто, разгаръ уборки сѣна, жнитва ржи, косьба овса и прочихъ яровыхъ. Можете судить, представить и вообразить себѣ добрыхъ нашихъ многотрудящихся русскихъ крестьянъ и бабъ, какъ они заволошились, узнавши, что есть „указъ“ отъ исправника: собрать Фроловъ и Лавровъ, и отправить ихъ въ губернію, къ губернатору, за какую-то провинность.

Пошла суматоха небывалая. „Приказъ и указъ“—собирать Фроловъ и Лавровъ. Собраться надо время не малое. Уборка хлѣбовъ пріостановилась; бабы, дѣвки подняли рѣвъ, вой, плачь, что некому убирать сѣно, хлѣбъ; на бабы и дѣвичьи слезы не посмотрѣли; отцевъ, мужей, сыновей, братьевъ собрали, что было на лицо, да и повели въ городъ къ исправнику.

Судь да дѣло, времени-то ушло довольно. Вотъ собрались у исправника на дворѣ Фролы и Лавры до двухсотъ человѣкъ,—шутка-ли! Г. исправникъ назначилъ непремѣннаго члена, для отвода въ губернію (такъ простой народъ называетъ губернской городъ). „Я не поѣду, а ты (въ то патриархальное время начальникъ подчиненныхъ ему называлъ „ты“, какъ старшій младшему—никто не обижался) ступай, да отдѣли Фроловъ отъ Лавровъ: Фроловъ на правую сторону, Лавровъ—на лѣвую“.

Вооружившись отеческимъ наказомъ и заботою немалой, обратившись къ крестьянамъ и указавъ на правую сторону, исправникъ говоритъ: „если его пр—во спросить: кто вы? отвѣчайте: Фролы, ваше пр—во, и поклонитесь. А если, указавъ на лѣво, спросить васъ:

что вы? Лавры, ваше пр—во; помните, и поклонъ сдѣлать“. И внушительнымъ жестомъ внушилъ имъ объ исполненіи.

— „Слушаемъ-ста, ваше благородіе,“ отвѣчали крестьяне. И повели Фроловъ и Лавровъ изъ уѣзднаго города въ губернію. Путь порядочный, на своихъ харчахъ. Пришли. А время золотое идетъ, да идетъ себѣ, уборка хлѣба приостановилась, плачь бабъ продолжается.

Фролы и Лавры, подъ особеннымъ наблюденіемъ и попеченіемъ „непремѣннаго члена“, прибыли въ губернію благополучно. Сколько времени шли, въ лѣтописяхъ того времени ничего не сказано, и въ архивѣ у исправника не отмѣчено. Домъ губернатора въ Пензѣ на горѣ, за домою дворъ довольно обширный, такъ что можетъ и баталіонъ съ полными рядами, трехъ-шеренговаго строя, легко помѣститься, свободно. Вотъ на эту-то площадку выходили фасадомъ домашніе внутренніе апартаменты 2-го этажа начальника губерніи. Супруга его пр—ва, Варвара Николаевна (рожденная Загоскина, родная сестра писателя романовъ „Юрій Милославскій“, „Мирошевъ“ и проч.), проснувшись (пензенскіе аристократы просыпались поздно), видитъ во дворѣ толпу мужиковъ въ различныхъ сермягахъ, расхаживающихъ и галдѣющихъ между собою не стѣсняясь. Представилось ея пр—ву что-то недоброе, въ родѣ бунта. Она спѣшитъ къ супругу, онъ, между прочимъ, ничего не вѣдая, ничего не зная о сборѣ мужиковъ у него во дворѣ, занимался докладами у себя въ кабинетѣ. Съ испуганнымъ видомъ и съ ужасомъ во взорѣ, жена говоритъ:

„Поди, посмотри, Александръ! что это у тебя на дворѣ мужики собрались и много ихъ, не бунтъ-ли?“

— „Что-ты, матушка, успокойся!“

Въ это-то самое время докладываютъ его пр—ству, что изъ Инсарскаго или Саранскаго уѣзда прибыли люди, вслѣдствіе предписанія его пр—ва. „Какіе люди? что за люди? для чего?“

„Непремѣнный членъ“, между прочимъ, команду свою привелъ въ порядокъ, соображаясь съ инструкцію г. исправника, въ двѣ шеренги: Фроловъ по правую, Лавровъ по лѣвую сторону, причемъ напомнилъ имъ наставленіе исправника; самъ-же, въ мундирѣ, при шпагѣ, въ трехъ-угольной пирогомъ поперегъ головы шляпѣ, лѣвая рука у кокарды шляпы, въ правой рапортъ, ждетъ выхода губернатора. Его пр—во явился сумрачно-грозный. Послѣ должнаго „непремѣннымъ членомъ“ рапорта, съ послѣднимъ словомъ:

„Имѣю честь представить Фроловъ и Лавровъ“, членъ, окинувъ взоромъ крестьянъ, поклонился его пр—ву.

Губернаторъ, взглянувъ на прибывшихъ къ нему на смотръ Фроловъ и Лавровъ, не мало былъ удивленъ всей этой толпѣ мужиковъ; спрашиваетъ, обратившись къ правой сторонѣ крестьянъ: „Вы что?“

— „Фролы, ваше пр—во!“ всѣ въ одинъ голосъ возопили.

„А вы что? обратившись къ лѣвой сторонѣ.“

— „Лавры, ваше пр—во!“ всѣ въ одинъ голосъ гаркнули.

„Я не этого требовалъ, какъ не понять!“

— „Такъ приказали г. исправникъ, докладываетъ „непремѣнный членъ“,—и изволили мнѣ подтвердить и приказать: ступай въ губернію и представь его пр—ву Фроловъ и Лавровъ. Сами г. исправникъ были заболѣвши“.

Выслушавъ отвѣтъ „непремѣннаго члена“, его пр—во, всплеснувъ руками, повторилъ: „я не этого требовалъ!“ А ея пр—во со страхомъ и трепетомъ смотрѣла изъ окна своего будуара, боясь за мужа (мнѣ о томъ она лично говорила). Увидавши весь сумбуръ исправника во очію и незнаніе чтò отвѣтить „непремѣнному“, начальство тотчасъ крикнуло:

— „Фролы и Лавры! по домамъ!“

Губернаторъ, изъ военныхъ, служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, какъ гаркнулъ разомъ, то не соблюдая должнаго порядка, быстро, всѣ Фролы и Лавры, отъ радости разбѣжались въ разныя стороны и дали тягу по домамъ. Исправнику указъ: немедленно явиться по дѣламъ службы.

Ну ужъ и задалъ его пр—во тренку исправнику, проманежилъ его! Три мѣсяца сряду, когда исправникъ являлся представиться „по дѣламъ службы“, всякій разъ получалъ онъ успокоительный отвѣтъ: „пожалуйте завтра, его пр—во занять“.

Наконецъ — всему конецъ бываетъ — и этому дѣлу конецъ наступилъ.

Губернаторъ объясняетъ и говоритъ самому исправнику настоятельно, снисходительно, мягко, съ улыбкою на устахъ:

— „Я не этого требовалъ, а описаніе флоры, то есть злаковъ травъ, цвѣтовъ, и не къ спѣху, такъ какъ лѣтняя пора, уборка хлѣба; но собравши не спѣша полныя свѣдѣнія, ко мнѣ представить, чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства Павла Тимошеевича Морозова, такъ какъ я ему препоручилъ этимъ заняться для представленія въ статистическій комитетъ. Какъ не понять! Прощайте!—и впредь не суйтесь въ воду, не спросяся броду“, — заключилъ рѣчь свою начальникъ губерніи.

Сообщ. С. Н. Жеденовъ.

Къ „Губернскимъ очеркамъ“ М. Е. Салтыкова.

ЗАМѢТКА.

Въ статейкѣ моей, относящейся ко времени пребыванія М. Е. Салтыкова въ Вяткѣ (помѣщ. въ юньской книгѣ „Русской Стар.“ 1890 г.) я высказалъ свое мнѣніе, что въ „Губернскихъ очеркахъ“ нѣтъ преувеличенія; картина писана съ натуры. Вотъ еще болѣе разительное доказательство особой смѣлости и изобрѣтательности нѣкоторыхъ дѣятелей изъ чиновнаго міра въ преслѣдованіи своихъ цѣлей—поживиться взяточку. Разумѣю, конечно, весьма памятное мнѣ до-реформенное время.

Во время оно, былъ у насъ городничимъ нѣкто N. N., личность съ виду весьма приличная; любили его и старики купцы, и молодые купеческіе сынки; съ первыми онъ велъ серьезные разговоры, вторыхъ втихомолку, по ночамъ, обыгрывалъ въ карты, а подчасъ служилъ стѣною и защитою; такъ, если, бывало, до отцовъ доводили новость, что сынки дуются въ азартныя игры, да еще напролетъ ночи, то обыкновенно со стороны стариковъ получалось возраженіе: „Можеть-ли быть? Тамъ былъ N.N.!“ Но не въ томъ дѣло.

Вскорѣ волею судьбы (судьба всегда внимательна къ талантливымъ людямъ) N. N. сдѣлалъ шагъ по службѣ, его перевели на должность въ губернской городъ, и, что главное, если вѣрить словамъ N. N. (а мы привыкли вѣрить ему на-слово), онъ вскорѣ успѣлъ приобрѣсти особое благоволеніе своего начальника. И вотъ однажды, весною, когда купчики собирались ѣхать на пристани для отправки барокъ, вдругъ N. N. появился въ Орловѣ, и повѣдалъ онъ своему хорошему знакомому, городскому головѣ, конечно, по секрету, что онъ командированъ съ неприятнымъ порученіемъ, отъ котораго не отказался только потому, что жаль губить добрыхъ ребятъ, „другой, видишь, пожалуй, начнетъ казнить съ плеча“. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія обнаружилось, яко-бы изъ Архангельска получена бумага, что лѣтомъ, въ бытность тамъ молодыхъ орловскихъ купчиковъ, М. и Б. замѣчены были гдѣ-то въ публичномъ мѣстѣ въ неосторожныхъ разговорахъ про-

тивъ правительства и религіи и т. д. Надо добавить, что фамиліи М. и Б., несомнѣнно съ умысломъ, были въ бумагахъ извращены.

Въ предписаніи Н. Н. поручалось сдѣлать дознаніе, есть-ли таковыя М. и Б. въ Орловѣ, и если есть, то обязать ихъ подпискою о невѣздѣ изъ города (это тогда-то, когда тѣмъ до зарѣзу и неотложно пришло время ѣхать по торговымъ дѣламъ). По пути въ бумажкѣ еще упоминалось обратить вниманіе на старушку-старообрядку, тещу купца, спокойно доживающую свой вѣкъ въ Орловѣ. Тутъ рекомендовалось сдѣлать обыскъ.

Для вящаго убѣжденія, въ которомъ, правда, никто и не нуждался, Н. Н. показалъ головѣ и предписаніе, подписанное губернаторомъ. Голова знакомъ былъ съ подписомъ губернатора и высказывалъ впослѣдствіи убѣжденіе, что, вѣроятно, бумага была подсухута для подписи губернатору съ другими, или ужъ очень искусно поддѣлано. То и другое, конечно, возможно.

Какъ-бы то ни было, голова началъ взывать о милости, а Н. Н. согласился на посредничество. „Дѣло, говоритъ, бѣдовое, мнѣ ничего не нужно, но тамъ надо пожаръ тушить, благо есть пока возможность, фамиліи-то перевераны“. И поѣхалъ голова по роднымъ и знакомымъ помогать Н. Н. дѣлать сборы. М. уже былъ въ отъѣздѣ, расплатилась за него матушка-старушка; за старуху-старообрядку, состоятельную тещу, раздѣлался зять, но у братьевъ Б. не могли добиться толку: тѣ другъ друга безконечно исповѣдывали, оказывалось, что ничего подобнаго и быть не могло; впрочемъ, Н. Н. облюбовалъ у нихъ складное американское кресло, которое и получилъ въ презентъ.

Впослѣдствіи оказалось, что поѣздку свою на этотъ разъ Н. Н. не ограничилъ однимъ Орловымъ, у него нашлась еще и другая подобнаго-же рода бумага-кормилица, по которой уже начались переговоры съ купчиками сосѣдняго города Котельнича; тамъ у Н. Н. не было родства, не было добрыхъ знакомыхъ, и милость, какъ оказалось, уже продавалась дороже, чѣмъ орловчанамъ. Замѣчательно, что тамъ, при нападеніи на молодаго купчика З., дядюшка молодца, уплативъ Н. Н. за спасеніе племянничка 300 руб., выставилъ послѣднему въ счетъ 1000. Такая, по крайней мѣрѣ, шла тогда молва, и если правда, то выходитъ, что купецъ оказался „честнымъ маклеромъ“ и перехитрилъ доучиновника.

Въ свое время, въ Архангельскѣ, потревоженные Н. Н. купчики попытались разузнать—откуда, въ самомъ дѣлѣ, загорѣлся „сыръ-боръ“. Оказалось, что Н. Н. былъ просто „магъ и волшебникъ“, создающій ередитки изъ ничего.

Впослѣдствіи N. N. перебрался на службу далеко отъ Вятской губерніи, и я увѣренъ, если ему попались въ руки „Губернскіе очерки“, то съ какою, я думаю, улыбочкою произнесъ онъ: „Стоило-же надворн. совѣтнику Щедрину описывать дѣянія такихъ младенцевъ-дѣятелей, которые нашему брату и въ подметки не годятся“.

И на этотъ разъ, скажу я, N. N., пожалуй, въ самомъ дѣлѣ былъ-бы, разумѣется, съ своей точки зрѣнія, правъ.

А. Кузнецовъ.

Орловъ (Вятской губ.).

Поправки и опечатки.

(Къ „Дневнику“ А. В. Никитенко).

На стр. 615 „Дневника“, въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г., напечатано: профессоръ Таитовъ, а надо читать: Таитави.

Въ апрѣльской книгѣ того-же года, на стр. 32, передъ именемъ Барановскаго (въ столкновении его съ Бибиковымъ), прибавлены въ скобкахъ буквы С. Ив. Это, однако, не Степанъ Ивановичъ Барановскій, изобрѣтатель разныхъ машинъ, а двоюродный братъ его, Викторъ Ивановичъ.

С. А. Никитенко.

Русскіе въ Парижской академіи наукъ.

Къ очерку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., январь.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г., на стр. 245 и 246, въ интересномъ сообщеніи уважаемаго М. И. Венюкова: „Русскіе въ Парижской академіи наукъ“, въ числѣ мемуаровъ русскихъ ученыхъ, напечатанныхъ въ „Comptes rendus“ этой академіи за 1883, 1884 и 1888 гг., встрѣчаются четыре раза мемуары, представленные г. Максимовичемъ, изъ коихъ два по математикѣ и два по химіи.

Два мемуара по математикѣ принадлежатъ моему однофамильцу, если не ошибаюсь—профессору математики въ кievскомъ университетѣ. Что-же касается до двухъ остальныхъ мемуаровъ, напечатанныхъ въ „Comptes rendus“ парижской академіи наукъ за 1888 годъ, то они принадлежатъ мнѣ. Оба мемуара: 1) Des propriétés antiseptiques du naphthol α , и 2) Nouvelles recherches sur les propriétés anticeptiques de naphthols α et β , Tome CVI, стр. 366 и 1441—относятся не къ области химіи, а къ медицинѣ, и въ „Comptes rendus“ значатся принадлежащими къ Pathologie physiologique.

Д-ръ мед. И. Максимовичъ,
консультантъ Варшавскаго Узловскаго воен. госпиталя.

4 октября 1890 г.

Варшава.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ¹⁾.

Старики мои, стародавніе,
 Изъ Тумы, Тумы²⁾ прирожденные,
 Ничего, старики, вы не вѣдаете:
 А у насъ въ Москвѣ не по старому,
 Не по старому, не по прежнему;
 Называютъ-то Москву—деревнею,
 Государевъ дворець—конюшнею.

* *
 *

Не бѣлая заря занималась,
 Не красное солнце выкатилось,
 То ѣдетъ нашъ православный царь
 Со князьями, со боярами
 И со думными сенаторами.
 Сустрѣчаетъ царя князь Меншиковъ,
 Александръ сударь Даниловичъ.
 — „Здравствуй, батюшка нашъ, православный царь!“
 — „Здравствуй, князь ты сударь Даниловичъ.
 Что въ нашей Москвѣ дѣлается?“
 — „Ой ты, батюшка, православный царь,
 Во Москвѣ—Москвѣ не по прежнему,
 Не по прежнему, не по старому;
 Называютъ-то Москву деревнею,
 Государевъ твой дворець—конюшнею.“

Красно солнышко съ свѣтлымъ мѣсяцемъ поразмолвилось,
 Называетъ солнышко свѣтлый мѣсяць назывочкой;
 Назывочка-батюшка, свѣтлый мѣсяць,
 Имянешь ты красному солнышку
 И глядишь ты, назывочка, позднешенько вечеромъ,
 Унимаешь ты у невольничка путь-дороженьку—
 Со полону бѣжать князь Лещинскому.
 У Лещинскаго колясочка словно жаръ горить,
 Во колясочкѣ заложены кони въ 12 парь,
 На коняхъ фалейторы всѣ подкулены.
 Гонить погонь за княземъ Лещинскимъ,
 Гонить погонь въ пятьсотъ жандармъ.
 Прибѣжалъ Лещинскій ко Дунай рѣкѣ,
 На ту пору переправщиковъ не случилось.
 „Ты позволь, Дунай-матушка, переправиться!“
 Попросивъ Дунай, князь Лещинскій въ рѣку бросился.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656.

²⁾ Написано по догадкамъ.

Православный Царь Петръ Алексѣевичъ
 Много силы набиралъ, много силы накопилъ,
 Намъ казаченькамъ въ походъ объявилъ.
 Онъ князей-то, бояръ дарилъ-жаловалъ,
 Дарилъ селами, дарилъ подселками,
 Да еще то онъ дарилъ городомъ Бебердомъ (?).
 Какъ спросилъ православный царь Алексѣевичъ:
 „Вы князья мои, бояре, воеводы Московскіе,
 Да гдѣ-жъ это мой слуга Ганджеринъ ¹⁾ князь?“
 — „Онъ ушелъ-то бѣжалъ королю Литвы служить,
 Служить вѣрой-правдою, безъ намѣнушки“.
 Воскликнулъ православный царь громкимъ голосомъ:
 „Вы подайте-ка мнѣ добраго коня,
 Еще дайте вы мнѣ золоту трубу,
 Я пойду въ чистое поле на высокъ курганъ,
 Посмотрю я воздалече-воздалеченько“.
 Не пылъ, не кура по дорогѣ курить-подымается,
 Не туманъ въ полѣ разстилается:
 По той по дорогѣ бѣжить слуга Ганджеринъ князь.
 Въ поводу онъ ведетъ двухъ предобрыхъ коней,
 Въ торокахъ онъ везетъ двѣ головушки,
 Двѣ головушки, двѣ не простыя—княженецкія.

„Ой батюшка нашъ, батюшка,
 Батюшка князь Волконскій,
 Ты пьешь, гуляешь, ничего не вѣдаешь,
 Что живеть твоя молодая княгиня
 Съ молодымъ ключникомъ,
 Твоимъ разлучникомъ“.
 Тутъ Волконскій князь призадумался,
 Какъ и стать-то князь Волконскій
 Молодаго ключника допрашивать:
 „Ты живешь-ли, молодой ключникъ,
 Со молодой княгиней?“
 Молодой ключникъ повинился:
 — „Во зеленомъ саду много гулялъ,
 За бѣлыя руки много держалъ“.
 Осерчалъ, закричалъ князь Волконскій:
 — „Ей, поставьте два столба точеные,
 На нихъ жордочку крапоную,
 Да повѣсьте петельку шелковую“.
 Виситъ молодой ключникъ, качается,
 Лежитъ молодая княгиня, кончается.

Собр. 31-го декабря 1874 г. г. Морозъ.

¹⁾ Прим. собирателя пѣсенъ. Въ Аугсбургской газетѣ сообщено изъ
 Бона отъ 25 іюня 1857 г.: „Русскій князь Николай Ганджеры, родившійся
 въ 1836 г., въ Константинополѣ, защищалъ диссертацию на степень доктора
 юридическихъ наукъ“.
 Б.

Графъ Дибичъ-Забалканскій

1831 г.

Приказъ его по дѣйствующей арміи.

По странной случайности, во всѣхъ изданныхъ сочиненіяхъ о русско-польской войнѣ 1831 года, нигдѣ не упомянуто о приказѣ графа Дибича-Забалканскаго по русской дѣйствующей арміи. Помѣщаю этотъ историческій документъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“.

Ал. Ив. Савельевъ.

Въ Гродно, генваря 1-го дня 1831 года.

„Милость всеавгустѣйшаго монарха нашего вторично воззвала меня къ начальству надъ дѣйствующею арміею.

„Принимая съ благоговѣніемъ сіе новое лестнѣйшее доказательство довѣренности всемилостивѣйшаго государя, я уповаю на помощь Всевышняго въ справедливѣйшемъ дѣлѣ. Да благословитъ Всемогущая Его десница усилія наши, храбрые воины! Тридцатилѣтніе опыты, въ рядахъ вашихъ, научили меня имѣть къ вамъ полную довѣренность. Я знаю, что начальникъ, любящій васъ, не уроня никогда долга своего и давая вамъ собою примѣръ солдатской строгости, можетъ быть увѣренъ въ любви и довѣренности.

„Мы идемъ на рать для всѣхъ насъ небывалую, въ вѣрныхъ сердцахъ русскихъ никогда неожиданную,—спѣшимъ на покореніе преступниковъ, взбунтовавшихъ Царство Польское противъ государя, нами обожаемаго, который осыпалъ сихъ неблагодарныхъ измѣнниковъ безпримѣрными милостями, и многимъ изъ нихъ недавно даровалъ великодушное прощеніе. Преступныя покушенія сихъ крамольниковъ дерзнули даже помышлять на жизнь августѣйшаго брата нашего монарха, который въ продолженіи 15 лѣтъ оставался имъ благодѣтельнымъ начальникомъ и покровителемъ.

„Да покажетъ имъ штыкъ русской, что умыслы ихъ столь-же ничтожны, какъ и злодѣйски. Да покорить еще разъ благоустройство и храбрость русскихъ легкомысліе и буйное своеволие.

„Но карая бунтовщиковъ мужественною рукою, когда они упорствуютъ въ злодѣйствѣ, вспомнимъ, что раскаяваясь и возвращаясь отъ заблужденія, они становятся вновь братьями нашими, что наказаніе, даже упорныхъ преступниковъ, когда они обезоружены, принадлежитъ закону, а не частно каждому изъ насъ.

„Спокойный житель, встрѣчающій насъ безъ вражды, не только долженъ находить въ насъ друзей, защитниковъ, но и удостовѣряться поступками нашими, что мы дѣти одного великаго отца, преисполненные его благости и милосердія, и назначены имъ для покровительства слабымъ, противъ крамоль, скрывающихъ алчные свои виды и самую необузданность всѣхъ пороковъ, подъ именемъ такъ называемой ими вольности.

„Народы востока восклицаютъ хвалу примѣрной нравственности русскихъ воиновъ: да будетъ благодарность нашихъ собратій ихъ отголоскомъ къ славѣ нашей.

„Недостойный имени русскаго воинъ, который-бы могъ удалиться отъ доброты нравовъ русскихъ, найдетъ во мнѣ судію непоколебимаго, но мнѣ пріятно объявить вамъ твердую мою увѣренность, что я не найду такихъ въ рядахъ вашихъ.

„Итакъ, пойдемъ съ радостнымъ духомъ и твердою вѣрою на брань священную за государя и отечество. Да благословитъ насъ Всемогущій Богъ вновь доказать свѣту, что русскіе воины всегда готовы храбростію и вѣрностію достигъ исполненія священной воли возлюбленнаго монарха: никогда не уступить ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагамъ и самомалѣйшей части того, что приобрѣтено кровію русскою“.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Дивичь-Забалканскій.

Примѣчаніе. Изъ архива генерала А. Б. Дикхуса.

Сообщ. Ал. Ив. Савельевъ.

ПИСЬМО В. К. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА КЪ ГР. ЛАНЖЕРОНУ.

Makoff, le 22 juin (4 juillet) 1831.

Mon cher et excellent Langeron! J'ai à vous remercier mille et mille fois pour vos aimables lettres du 25 avril (7 mai), 25 mai (6 juin) et la dernière sans date. Croyez, mon cher ami, que l'amitié que vous m'y témoignez m'est bien précieuse, de même je sais en plein reconnaître l'intérêt que vous voulez bien me porter. J'ai tâché et je tâcherais toujours de faire mon devoir de mon mieu(x) et si j'ai pu y réussir, je suis on ne peu pas plus heureux. Je suis bien charmé que vous ayez abandonné l'idée d'aller à Odessa, j'ai écrit hier au G. Alédinsky. pour qu'il vous fasse préparer deux appartements au grand château de Pavlofsk; celui des deux qui vous plaira le plus sera à vos ordres. L'idée de vous savoir établi dans mon domaine me fait un plaisir extrême, et j'espère que vous me ferez l'extrême plaisir aussi de vous croire absolument à la maison une fois que vous y serez établi; vous le serez de fait car vous demeurerez sous le toit d'un ami sincère et de coeur que vous avez. Les calembourgs que vous voulez bien me communiquer sont charmants et dignes de l'aimable auteur; j'en ai fait aussi quelques uns depuis le tem(p)s, que nous avons été à nous reposer à Macoff; je ne vous en citerais qu'un seul: le comte Pierre Pahlen assez fatigué de cette campagne me dit: „on pourrait désirer qu'entre la Russie et le reste de l'Europe, aulieu de ce pays-ci (en parlant de la Pologne) il y eut la mer“; j'ai répondu a cela au comte Pahlen, que dans ce cas les polonais y retrouveraient ce qu'il(s) désire(nt) justement, c. à d. leur mère patrie. Mais il faut que je termine ma lettre me mettant en marche tout de suite. Adieu donc, mon cher et excellent Langeron, veuillez présenter mes hom(m)ages à madame la comtesse et dire bien des choses de ma part aux personnes qui veulent bien encore se rappeler de moi. Pensez quelquefois à un ami, qui vous aime de coeur et d'âme. Michel.

P. S. Je ferois ce qui dépendra de moi pour subvenir à la demande du frère du ct. Novossiltsoff, qui avait commandé mon régiment de(s) chasseurs à cheval, et qui à été tué durant cette campagne.

Примѣчаніе. Съ подлиннымъ вѣрно. М. Паризо-де-Ла-Валеттъ.

Маковъ, 22 іюня (4 іюля) 1831 г.

[Переводъ]. Дорогой и любезный Ланжеронъ! Тысячу, тысячу разъ приходится благодарить васъ за ваши любезныя письма отъ 25 апрѣля (7 мая), 25 мая (6 іюня) и за послѣднее письмо, безъ даты. Повѣрьте, любезный другъ, что я весьма дорожу тѣмъ дружескимъ расположеніемъ, какое вы въ нихъ высказываете мнѣ, точно такъ-же, какъ я умѣю вполне цѣнить ваше участіе ко мнѣ. Я старался и всегда буду стараться исполнить свой долгъ какъ можно лучше и чувствую себя какъ нельзя болѣе счастливымъ всякій разъ, какъ это мнѣ удастся. Я очень доволенъ тѣмъ, что вы раздумали ѣхать въ Одессу; я писалъ вчера ген. Алединскому, чтобы онъ приказалъ приготовить для васъ двѣ квартиры въ большомъ Павловскомъ дворцѣ; та изъ нихъ, которая вамъ наиболѣе понравится, будетъ къ вашимъ услугамъ. Мысль, что вы поселитесь въ моемъ имѣніи, доставляетъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе, и я надѣюсь, что вы мнѣ доставите также чрезвычайное удовольствіе тѣмъ, что, поселившись въ немъ, будете чувствовать себя совершенно какъ дома; въ сущности, вы и будете тамъ дома, живя подъ кровомъ искренняго и сердечно вамъ преданнаго друга, какого вы имѣете во мнѣ. Каламбуры, сообщаемыя вами, прелестны и достойны ихъ милаго автора; у меня самого ихъ сорвалось нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся на отдыхѣ, въ Маковѣ; приведу вамъ на образецъ только одинъ изъ нихъ: графъ Паленъ, порядочно утомленный нѣвѣстнымъ походомъ, сказалъ мнѣ: „можно бы пожелать, чтобы между Россіей и Европой, вмѣсто этой страны (говоря о Польшѣ), было бы море“ (mer); я отвѣчалъ на это графу Палену, что въ такомъ случаѣ поляки нашли бы въ немъ именно то, чего они желаютъ, т. е. ихъ мѣре patrie (свое отечество)¹⁾. Пора однако окончить это письмо, такъ какъ я тотчасъ выступаю. Итакъ, прощайте, дорогой мой и любезный Ланжеронъ, соблюдайте засвидѣтельствовавъ мое почтеніе графинѣ и передать мой привѣтъ тѣмъ, которые еще помнятъ меня. Вспоминайте иногда друга, любящаго васъ отъ всей души и отъ всего сердца. Михайлъ.

P. S. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы исполнить просьбу брата графа Новосильцева, командовавшаго моимъ полкомъ конныхъ егерей и убитаго въ эту кампанію.

Перев. В. Т.

¹⁾ Непередаваемая въ переводѣ игра словъ, въ созвучіи, но разномъ значеніи омонимна mer (море) и mère (мать). Mère patrie—отечество, родина.

Къ разсказу Н. Н. Жеденова: „Эпизодъ 1848 г.“

[«Русская Старина» 1890 г., томъ LXVII, вн. 8, стр. 293—316].

Весьма интересный разсказъ подполковника Николая Николаевича Жеденова, помѣщенный въ августовской книгѣ «Русской Старины», очевидно относится до дѣла М. В. Петрашевскаго, когда, во время арестовъ до ста человѣкъ въ одну ночь, ошибки были вполне возможны, и ихъ дѣйствительно оказалось числомъ до четырехъ. Разсказъ этотъ, столь ярко выказывавшій возвышенность души императора Николая Павловича, а также доброту и обходительность цесаревича Александра Николаевича, в. кн. Михаила Павловича и высшихъ начальствующихъ лицъ того времени,—грѣшатъ нѣсколькими маловажными невѣрностями, о которыхъ я упомяну, безъ малѣйшаго опроверженія сущности самаго разсказа.

Фрейлину Нелидову, жившую тогда по коридору Салтыковскаго подъѣзда, звали и зовутъ не Натальей, но Варварой Аркадьевной.

Должности начальника тайной полиціи никогда не существовало официально, и насколько я помню, послѣ 1830 года, никакой Де-Сангленъ не служилъ въ III-мъ отдѣленіи.

Тайной полиціей завѣдывалъ, безъ всякаго титула, управляющій III-мъ отдѣленіемъ, а пожилой человѣкъ, съ двумя звѣздами, въ мундирномъ фракѣ, котораго Жеденовъ видѣлъ совместно съ генераломъ Дубельтомъ у графа А. Ѳ. Орлова, былъ, по всему вѣроятію, тайный совѣтникъ Сахтынский, весьма часто присутствовавшій при докладахъ Дубельта у Орлова, какъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ отдѣленія.

Генераль Витовтовъ не могъ, давая Жеденову адресъ графа Орлова, сказать ему, что графъ живетъ у Краснаго моста, въ «собственномъ» домѣ, потому что графъ нанималъ, за 6 тысячъ рублей въ годъ, квартиру у Краснаго моста, въ домѣ Таля, а его, графа Орлова, собственный домъ, никогда имъ не занимаемый, находился на Литейной, и принадлежить теперь департаменту удѣловъ.

Повторяю, что всѣ эти невѣрности—сущія бездѣлицы, но противъ чего я положительно протестую, это та пощечина, которую, по словамъ Жеденова, генераль Дубельтъ будто-бы далъ негодяю, его оклеветавшему.

Отецъ мой, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, а на службѣ въ особенности, былъ человѣкъ до совершенства благовоспитанный, добрый, мягкій, вѣжливый и терпѣливый. Если-бы Жеденовъ сказалъ, что отецъ мой, возмущенный гнусностью поступка клеветника, сослалъ его административнымъ порядкомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, я не могъ-бы опровергать это съ убѣжденіемъ, но чтобы Леонтій Васильевичъ могъ увлечься до того, чтобы ударить, хотя-бы и злодѣя, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, я объявляю это положительно невозможнымъ.

Мих. Леон. Дубельтъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Спеціальность генерала NN., человѣка уже пожилаго, состояла въ томъ, что онъ никогда не говорилъ ни единого слова правды. Однажды лѣтомъ ожидали въ Петергофѣ выхода императора Николая Павловича къ разводу, на Дворцовой площадкѣ. Государь обыкновенно принималъ разводъ пѣшимъ, и поставленный съ этою цѣлью адъютантъ, завидя издали приближеніе его величества, давалъ условленный знакъ, и все приходило въ надлежащій порядокъ, для встрѣчи монарха. Въ этотъ день, по непонятной причинѣ, адъютантъ не усмотрѣлъ приближенія государя, который и подошелъ совершенно незамѣтно къ самому центру площадки, гдѣ была сосредоточена группа начальствующихъ лицъ, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ во главѣ и съ генераль-адъютантомъ N., бывшимъ въ этотъ день дежурнымъ при государѣ, въ средѣ своей. Императоръ обратился къ его высочеству и недовольнымъ голосомъ сказалъ: „Кажется, меня можно было замѣтить“. Великій князь, не растерявшись нисколько, взялъ руку подъ козырекъ и отвѣтилъ: — „Ваше величество, генераль N. N. говорилъ намъ, что вы идете, но мы ему не повѣрили“.

Николай Павловичъ разсмѣялся, N.N. также, и тѣмъ эпизодъ этотъ ограничился.

Весьма интересный очеркъ генерала-отъ-инфантеріи князя Н. С. Голицына: „Тѣлесныя наказанія въ Россіи и отмѣна ихъ“ („Русск. Старина“ 1890 г., апрѣль) напоминаетъ мнѣ ужасающее злодѣйское происшествіе, совершившееся за два года передъ тѣмъ, а именно въ 1861 году, въ 6-й кавалерійской дивизіи, расположенной въ Чугуевѣ и его окрестностяхъ. Право, вспоминая это кровавое дѣло, можно подумать, что его виновники, какъ-бы предчувствуя

благодѣтельное и гуманное повелѣніе покойнаго государя Александра II объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, торопились натѣшиться напоследѣяхъ грустной эпохи.

Подполковники Курдяевъ и Плехановъ командовали эскадронами въ Нѣжинскомъ драгунскомъ полку, 6-й кавалерійской дивизіи, начальникомъ коей былъ генераль-лейтенантъ М. Обхожденіе ихъ съ подчиненными имъ нижними чинами было звѣрское до непостижимости. Описываемое дѣло началось прошеніемъ крестьянъ, обитателей села, въ коемъ были расположены означенные эскадроны, поданнымъ ими командиру полка, полковнику Есипову, и въ коемъ, между прочимъ, было сказано, что „намъ страшно жить въ селѣ отъ воя солдатъ, которыхъ порять“. Командиръ полка не далъ никакого движенія прошенію, злодѣйства продолжались, и тогда крестьяне подали другое прошеніе, начальнику дивизіи М., который, получивъ его, приказалъ начальнику своего штаба, полковнику N*, произвести строжайшее изслѣдованіе. Полковникъ N* произвелъ возложенное на него порученіе способомъ до крайности оригинальнымъ, а именно, выведя оба эскадрона въ степь, въ пѣшемъ строю и въ полной аммуниціи, съ восходомъ солнца, онъ продержалъ людей до его заката, все время смирно, и заводя ихъ лицомъ къ солнцу такимъ образомъ, чтобы оно все время палило имъ въ лицо. День былъ лѣтній, жаркій, солнечный и, терпѣливый полковникъ все время рассказывалъ вдоль строя, и вооруженный палкою, билъ ею всякаго солдата, въ коемъ онъ замѣчалъ малѣйшее движеніе. На дрѹгой день полковникъ N* донесъ своему начальнику, что жалоба крестьянъ неосновательна, что обхожденіе Курдяева и Плеханова съ нижними чинами вполне гуманно, и что неудовольствіе нижнихъ чиновъ нельзя назвать иначе, какъ нарушеніемъ дисциплины. Генераль-лейтенантъ М. разжаловалъ въ рядовые вахмистровъ и нѣкоторыхъ изъ унтеръ-офицеровъ. Злодѣйства продолжались по прежнему.

Все это происходило въ 1860 году и въ началѣ 1861 года. Когда-же позднимъ лѣтомъ послѣдняго государя, послѣ приобрѣтенія Ливадіи, ѣхалъ въ Крымъ, дѣлая дорогой смотры войскамъ, то на станціи, предшествовавшей Чугуеву, ему было подано прошеніе женами разжалованныхъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ во время перепряжки почтовыхъ лошадей. Императоръ, по прибытіи въ Чугуевъ, передалъ это прошеніе начальнику корпуснаго штаба М. Л. Дубельту, съ приказаніемъ дѣло это тщательно разобрать и поступить по справедливости. По докладу Дубельта, корпусный командиръ баронъ Офенбергъ предписалъ генералу Б. произвести стро-

жайшее слѣдствіе, послѣдствіемъ коего былъ военный судъ, на коемъ выяснились, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства:

Эскадронные командиры, подполковники Курдяевъ и Плехановъ, обучая вѣрныя имъ части пѣшими по конному въ мартѣ мѣсяцѣ, водили ихъ до пятнадцати разъ взадъ и впередъ черезъ рѣчку, глубиною выше пояса, и когда солдаты, окоченѣвшіе отъ студеной воды, неправильно проходили церемоніальнымъ маршемъ тихимъ шагомъ, то виновные тутъ-же получали по 800 палокъ. Обучая солдатъ верховой ѣздѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, для большаго вытягиванія ногъ, привязывалась къ каждой ногѣ пудовая гири, причемъ людей гоняли рысью, и когда однажды подобная гири отвязалась, то дурно привязавшій это орудіе пытки получилъ 800 палокъ. Вообще эти два штабъ-офицера были какъ-бы помѣшаны на цифрѣ 800, отъ коей эскадронный писарь, получившій ихъ, поступилъ въ госпиталь и тамъ умеръ. По показанію крестьянъ, пѣшія ученья, большею частью, состояли въ томъ, что нижніе чины безпрестанно ложились для порки и вставали по ея окончаніи.

По окончаніи военного суда и по разсмотрѣніи дѣла, корпусный командиръ баронъ Офенбергъ положилъ на немъ слѣдующую конфирмацію, которая и была высочайше утверждена безъ всякихъ измѣненій: „Начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту М., объявить высочайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Командира полка, полковника Есипова, отрѣшить отъ командованія полкомъ и уволить отъ службы. Подполковниковъ Курдяева и Плеханова разжаловать въ рядовые. Генеральнаго штаба полковника N* уволить отъ должности начальника дивизіоннаго штаба и впредь не опредѣлять на таковую, гдѣ онъ можетъ имѣть сопрیکосновеніе съ нижними чинами. Разжалованнымъ вахмистрамъ и унтеръ-офицерамъ возвратитъ ихъ званія“.

Курдяевъ и Плехановъ служили солдатами; одинъ изъ нихъ въ 1-й кавалерійской дивизіи, другой въ кавказскихъ войскахъ.

Генеральнаго штаба полковникъ N*, по прошествіи года, былъ назначенъ командиромъ пѣхотнаго полка.

Императрица Марія Θεодоровна.

12-го декабря 1828 г., на торжественномъ актѣ императорскаго дерптскаго университета, профессоръ Карлъ Моргенштернъ произнесъ рѣчь въ память императрицы Маріи Θεодоровны. Напечатавъ потомъ рѣчь свою, Моргенштернъ подарилъ по экземпляру генералъ-адъютанту К. К. Мердери и В. А. Жуковскому, съ которыми онъ хорошо былъ знакомъ. Кроме того, онъ просилъ Мердера, какъ воспитателя великаго князя наследника Александра Николаевича (Александра II), преподнести его высочеству одинъ экземпляръ этой рѣчи. По этому поводу Моргенштернъ получилъ отъ Жуковского сообщаемое здѣсь письмо, которое, сколько мнѣ извѣстно, не издано. Подлинникъ находится въ библіотекѣ Дерптскаго университета.

В. А. Кордтъ.

В. А. Жуковскій—Карлу Моргенштерну.

Recevez mes remerciements, respectable ami, pour votre brochure, que vous avez eu la bonté de m'envoyer. Je l'ai lue avec un vrai intérêt. C'est une course rapide que j'ai faite avec vous par un beau pays. La vie de cette femme vertueuse peut bien être comparée à un jardin cultivé où tout parle d'activité bienfaisante, où tout resplendit des plus belles productions de la nature, où tout réjouit par la beauté et l'utilité. Son souvenir est pur. Il n'y a pas d'exemple d'une telle activité sur le trône. Votre brochure est un excellent sommaire pour sa biographie, et sa biographie, bien faite, servit l'histoire d'un demi-siècle de Russie considéré sous le point de vue le plus intéressant. Merder vous a déjà répondu. Il a remis au Grand-Duc l'exemplaire qui lui a été destiné. Cet enfant est digne d'apprendre la belle vie de sa grand'mère. car il a aussi une belle âme et il s'attendrit toujours à son souvenir. Jâsche l'a vu de près; il peut vous en donner une idée, car il l'a vu dans son intérieur et dans toute sa gaité enfantine.

J'ai reçu une lettre de Tourgueneff, qui me parle aussi de Goethe, avec le quel il a passé une heure délicieuse.

Adieu! Je vous salue de tout mon coeur et je vous prie de saluer de ma part mes bons amis de Dôrpat, particulièrement Ewers, Engelhardt, Blum et Jâsche.

Tout à vous
Joukoffsky.

18 Septembre (1829).

Сообщ. В. А. Кордтъ.

[Переводъ]. Примите мою благодарность, почтеннѣйшій другъ мой, за вашу брошюру, которую вы были столь добры прислать мнѣ. Я прочелъ ее съ истиннымъ любопытствомъ. Читая ее, я какъ бы совершилъ съ вами бѣглую экскурсію въ прелестнѣйшую страну. Жизнь этой добродѣтельной женщины можно сравнить съ воздѣланнымъ садомъ, гдѣ все говоритъ о благотворной дѣятельности, гдѣ все блещетъ самыми чудными произведеніями природы, гдѣ все радуется взоръ красотою и полезностью. Память ея непорочна. Другаго примѣра подобной дѣятельности съ высоты престола мы не имѣемъ. Ваша брошюра представляетъ прекрасный перечень всего сдѣланнаго ею, который пригодится для ея біографіи, а хорошо написанная ея біографія будетъ служить въ то же время исторіей Россіи за полъ-столѣтія, разсматриваемой съ самой любопытной точки зрѣнія. Мердеръ уже отвѣтилъ вамъ. Онъ передалъ великому князю экземпляръ, предназначенный для него. Этотъ ребенокъ достоинъ ознакомиться со славною жизнью своей бабушки, такъ какъ у него душа также прекрасна и онъ всегда бываетъ растроганъ при воспоминаніи о ней. Jâsche видѣлъ его вблизи, онъ можетъ вамъ дать понятіе о немъ, такъ какъ онъ видѣлъ его въ домашней жизни и во всей его дѣтской непринужденности.

Я получилъ письмо отъ (Алекс. Ив.) Тургенева, онъ пишетъ, между прочимъ, о Гете, съ которымъ онъ провелъ часть времени самымъ восхитительнымъ образомъ.

Прощайте! Кланяюсь вамъ отъ всего сердца и прошу васъ передать отъ меня поклонъ моимъ добрымъ дерптскимъ друзьямъ, въ особенности Эверсу Энгельгардту, Блему и Jâsche. Весь вашъ Жуковскій

Перев. В. Т.

ПОЖАРЫ ВЪ СИМБИРСКѢ въ 1864 г.

Къ Запискамъ сенатора В. И. Дена.

„Русская Старина“ 1890 г., кн. VII, стр. 188.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ весьма интересныя Записки В. И. Дена, и въ особенности рассказъ его о симбирскихъ пожарахъ, я, имѣвши честь въ то достопамятное время лично познакомиться съ В. И. Деномъ, причемъ я тогда-же передалъ ему статью мою о симбирскомъ пожарѣ, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—считаю необходимымъ дополнить его рассказъ нѣсколькими замѣтками. Начну съ поправки.

В. И. Денъ относитъ бытность свою въ Симбирскѣ въ должности предсѣдателя особой высочайше утвержденной комиссіи по симбирскимъ пожарамъ къ 1863 году,—это ошибка или описка: извѣстный симбирскій пожаръ, истребившій большую часть города, былъ 19-го августа 1864 года; комиссію-же сенатора Дена надо отнести поэтому къ концу 1864 г., но не 1863 года.

Говоря о сенаторѣ С. Р. Ждановѣ, производившемъ слѣдствіе о пожарахъ, В. И. Денъ признаетъ Жданова (нынѣ покойнаго) не вполне добросовѣстнымъ чиновникомъ и то-же говоритъ о лицахъ, бывшихъ къ нему близкими: приставѣ Розовѣ, чиновникѣ Муравьевѣ (нынѣ покойномъ) и Постельниковѣ. Расскажу по этому поводу случай, бывший тогда со мною и рисующій этихъ чиновниковъ.

Когда слѣдствіе сенатора Жданова было въ самомъ разгарѣ, много лицъ было арестовано, и въ томъ числѣ командиръ Самарскаго полка полковникъ Дудинскій, столь блестяще впоследствии оправданный и обласканный въ Петербургѣ на разводѣ самимъ государемъ,—пріѣзжаетъ ко мнѣ частный приставъ П. С. Розовъ съ предложеніемъ ѣхать съ нимъ къ чиновнику Муравьеву, состоявшему при сенаторѣ Ждановѣ.

Крайне удивленный этимъ приглашеніемъ и видя, что это весьма перепугало мою жену, я спросилъ Розова: зачѣмъ меня зовутъ?

Тотъ отозвался совершеннымъ незнаемъ. Приѣхавши къ Муравьеву, мы его не застали дома; дежурный жандармъ просилъ меня ожидать. Розовъ уѣхалъ. Является Муравьевъ и, вѣжливо предложивъ мнѣ сигару и чаю, сталъ довольно краснорѣчиво развивать передо мною ту мысль, что я, какъ симбирскій старожилъ и какъ писатель, обладающій притомъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, могъ-бы быть очень полезенъ, если-бы принялъ на себя, за хорошее денежное вознагражденіе, не болѣе и не менѣе какъ должность шпиона при сенаторѣ С. Р. Ждановѣ. При этомъ Муравьевъ увѣрилъ меня, что онъ исполняетъ въ этомъ случаѣ негласное порученіе сенатора. Возмутившись до глубины души помянутымъ предложеніемъ, я откланялся Муравьеву и сказалъ, что лично буду у сенатора.

На другой день, надѣвъ дворянскій мундиръ, какъ человѣкъ прослужившій три трехлѣтія депутатомъ и кандидатомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и всѣ мои знаки отличій, я отправился въ домъ удѣльной конторы, гдѣ помѣщался Ждановъ, но не былъ имъ принятъ и только на третій день получилъ приглашеніе явиться въ 6 часовъ вечеромъ.

Являсь въ назначенное время, я вошелъ въ кабинетъ и увидалъ небольшого роста сѣдаго старика въ очкахъ. Сенаторъ очень любезно меня принялъ, и когда я объяснилъ ему все дѣло, онъ замѣтилъ: „О, какая глупость! я просилъ Муравьева пригласить васъ депутатомъ въ особую слѣдственную комиссію, и больше ничего; теперь это мѣсто уже занято г. Ребровскимъ. Но вы тотчасъ получите полное удовлетвореніе!“

Сенаторъ позвонилъ и приказалъ явившемуся дежурному чиновнику тотчасъ-же позвать Муравьева, который немедленно явился въ видъ-мундирѣ и сталъ у притолки. Привожу разговоръ обоихъ:

Сенаторъ. Гдѣ вы вчера были цѣлый день?

М—въ. Ѣздилъ, в. п—ство, въ село Ключица, для производства дознанія о бывшемъ тамъ пожарѣ.

Сенаторъ. Когда вы возвратились?

М—въ. Ночью.

Сенаторъ. Во сколько часовъ?

М—въ. Часу въ первомъ.

Сенаторъ. Неправда. Васъ привезли пьянаго въ 5 часовъ утра. И какъ вы смѣли моимъ именемъ приглашать г. Юрлова на должность, не соотвѣтствующую ни его званію, ни чину, ни общественному положенію? Извольте идти въ канцелярію, видъ и прогоны вамъ готовы, и чтобы въ 24 часа васъ не было въ Симбирскѣ.

Исполнено-ли было все вышесказанное—мнѣ неизвѣстно, но это распоряженіе сенатора Жданова произвело на меня весьма хорошее впечатлѣніе ¹⁾.

Скажу нѣсколько словъ и о частномъ приставѣ Розовѣ. Это былъ старый служака, любимъ былъ жителями за исправное тушеніе пожаровъ и былъ награжденъ, по представленію сенатора Жданова, орденомъ св. Анны 3-й степени. Впослѣдствіи, когда все дѣло о пожарѣ Симбирска (1864 г.) перешло въ руки военной комиссіи, Розовъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, долго сидѣлъ въ ней, потерялъ все свое имущество, но въ концѣ концовъ былъ совершенно оправданъ; здравствуетъ и понынѣ и получаетъ полную пенсію.

Да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь рассказъ покойнаго генераль-адъютанта и бывшаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода Алексѣя Петровича Ахматова, бывшаго во время симбирскихъ пожаровъ полковникомъ и флигель-адъютантомъ ²⁾, и именно рассказъ о томъ, какъ перешло дѣло о симбирскихъ пожарахъ отъ Жданова въ военную комиссію. Когда командиръ Самарскаго полка Дудинскій, русскій православный дворянинъ и помѣщикъ Смоленской губерніи, былъ безвинно оклеветанъ, отрѣшенъ отъ командованія полка и арестованъ въ Симбирскѣ Ждановымъ и когда старушка мать Дудинскаго, написавъ письмо военному министру, умерла съ горя, онъ, военный министръ, лично явился къ государю Александру II и изложилъ все дѣло его величеству. Тогда-то и была назначена уже военная комиссія, съ сенаторомъ Деномъ во главѣ; Розовъ былъ, въ свою очередь, посаженъ въ крѣпость, сенаторъ Ждановъ отозванъ въ С.-Петербургъ и умеръ на пути туда, скоропостижно, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

В. И. Денъ говоритъ, что двое солдатъ были совершенно безвинно разстрѣляны въ Симбирскѣ. Казнь эта послѣдовала, первая, 14-го сентября 1864 года, надъ рядовымъ изъ поляковъ, за произнесеніе дерзкихъ словъ противу священной особы государя императора, а вторая казнь была произведена 21-го сентября того-же года. Относительно второй казни привожу официальное объявленіе, которое было тогда сдѣлано по городу.

¹⁾ Муравьевъ, сколько намъ извѣстно, оставался при сенаторѣ Ждановѣ до самаго окончанія производства имъ въ Симбирскѣ слѣдствія и состоялъ потомъ многіе годы прокуроромъ при одномъ изъ окружныхъ судовъ, въ II—й губерніи. Онъ умеръ въ отставкѣ въ 1889 году. Z.

²⁾ Семейство Ахматовыхъ находится со мною въ родствѣ: родной племянникъ А. П. Ахматова, П. Н. Ахматовъ, и единственный его наследникъ женатъ на родной племянницѣ моей, Е. П. Мещериновой. Ю.

„Рядовой Самарскаго № 147-го пѣхотнаго полка, горнистъ Михаилъ Федоровъ, по произведенному надъ нимъ военному суду, по полевымъ уголовнымъ законамъ, по собственному его сознанию, оказался участникомъ въ пожарѣ, 19-го августа, сарая съ сѣномъ въ домѣ Шлихтейзенъ. Согласно сентенціи военнаго суда, подтвержденной 18-го числа господиномъ генераль-адъютантомъ барономъ Врангелъ ¹⁾, рядовой Федоровъ за означенное преступленіе имѣеть быть подвергнутъ смертной казни разстрѣляніемъ, въ г. Сибирскѣ, 21-го сентября 1864 года, въ 8 часовъ утра, на выѣздѣ изъ города за Александровскимъ садомъ“.

В. И. Денъ говоритъ также и о бывшемъ сибирскомъ губернаторѣ Анисимовѣ; дѣйствительно, Анисимовъ показалъ весьма малую распорядительность въ страшное время сибирскихъ пожаровъ 1864 года. Полиціймейстера Борляева онъ тотчасъ-же смѣнилъ, а самъ во все время пожара 19-го августа оставался на Поповомъ островѣ, на рѣкѣ Волгѣ, вытребовавши для охраны своей особы роту солдатъ. Это было время полной неурядицы, народъ былъ возбужденъ страшно. Одинъ офицеръ Самарскаго полка былъ избитъ до смерти толпою, другой изувѣченъ, а начальника гарнизоннаго батальона, подполковника Бендерскаго, толпа едва не бросила въ огонь.

Сто тридцать одинъ трущъ погорѣвшихъ были найдены на пожарищѣ, и много людей пропало безъ вѣсти. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по поводу записокъ сенатора В. И. Дена.

В. П. Юрловъ.

г. Сибирскъ.

Примѣчаніе. Почтенный составитель этой замѣтки, Владиміръ Петровичъ Юрловъ, извѣстенъ въ приволжскихъ губерніяхъ своими свыше сорокалѣтними трудами по статистикѣ и этнографіи. Свыше 150 статей и замѣтокъ его напечатаны въ „Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, въ изданіяхъ Сибирскаго губернскаго статистическаго комитета, въ изданіяхъ „Императорскаго русскаго географическаго общества“ и въ различныхъ журналахъ и газетахъ. В. П. Юрловъ долго состоялъ членомъ-сотрудникомъ Географическаго общества, Общества естествоиспытателей при императорскомъ казанскомъ университетѣ и въ другихъ ученыхъ обществахъ. Объ его трудахъ напечатано въ № 214 газеты „Русскій Курьеръ“ 1889 г. А. П.

¹⁾ Съ генераломъ Врангелемъ я познакомился у покойнаго отца моего, бывшаго сибирскаго губернскаго предводителя дворянства и извѣстнаго ветерана 1812 года. Отецъ мой говорилъ съ Врангелемъ о помянутыхъ казняхъ: барона былъ вполне убѣжденъ въ виновности казенныхъ, тѣмъ болѣе, что Федоровъ былъ пойманъ на самомъ мѣстѣ преступленія и самъ сознался въ своей винѣ. Ю.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ

1830—1840.

Стихотворенія Н. П. Огарева выдержали, если не ошибаемся, три изданія въ Москвѣ (передъ нами изданіе 1863 г.), затѣмъ шестьдесятъ два стихотворенія, относящіяся къ періоду молодости этого поэта, не вошедшія ни въ заграничныя, ни въ московскія изданія его поэтическихъ произведеній, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888—1890 гг., а передъ тѣмъ въ нашемъ-же журналѣ изданія 1886 г. были помѣщены значительныя отрывки изъ его поэмы „Рядаевъ“¹⁾. Нынѣ А. А. Филипповъ сообщилъ намъ изъ Рязани два стихотворенія Огарева, переданныя ему для „Русской Старины“ одною почтенною дамою. Намъ не удалось встрѣчать въ печати этихъ произведеній музы нашего поэта, а потому помѣщаемъ ихъ въ дополненіе къ обширному собранію стихотвореній Н. П. Огарева, явившихся въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

LXIII.

КЪ

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались.
Съ тѣхъ поръ и молодость моя
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ.
Ну, что-жъ вы дѣлали, какъ жили?

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 465—482; изд. 1888 г., т. LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 524, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 383, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128, 162, 210, 300, 386, 446, 448, 518, 654, и изд. 1890 г., т. LXV, стр. 222, и т. LXVI, стр. 199. Николай Платоновичъ Огаревъ род. 1815 г., † 1877 г.

Не скроется—изъ вашихъ глазъ
 Я узнаю, что вы любили,
 Что съ сердцемъ страсть была дружна,
 И познакомилось страданье,
 И жизнь, быть можетъ, лишена
 Давно для васъ очарованья.
 Не правда-ль—страшно схоронить
 Любовь, которой сердце жило,
 И пошло, холодно забыть
 И страсть, и грусть, и все, что мило.
 Еще страшнѣй сказать себѣ,
 Что все проходитъ непремѣнно,
 Что въ человѣческой судьбѣ
 Такъ надо, такъ обыкновенно.
 Но вы признайтесь, вамъ вѣдь жаль
 Души прошедшую печаль!...

Н. П. Огаревъ.

1837 года.
 Москва.

LXIV.

Много грусти.

Природа зноемъ дня утомлена
 И проситъ вечера скорѣй у Бога,
 И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
 Но въ этой радости какъ грусти много!

* * *

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
 Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
 И смерть ему на радость суждена,
 Но въ этой радости какъ грусти много!

* * *

А я и молодъ, жизнь моя полна,
 На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
 И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
 Но въ этой радости какъ грусти много!

1837 года.

Н. П. Огаревъ.

СТАРИННАЯ ПѢСНЯ О ГОРОДѢ ИРКУТСКѢ.

Иркутской (1) городъ славный!
На рѣкѣ стоитъ большой.
Тамъ живетъ народъ исправный,
Настоящій продувной!

* *

Какъ-бы сумочку отрѣзать (2),
Иль головку оторвать....
Иващички лихіе
Безъ копѣйки довезутъ!—
При послѣднемъ при расчетѣ
Какъ бѣлочку оберутъ!

* *

Намъ сказали про Алёшу (3),
Что отцовскій домъ поджегъ.
Посадили Алёшеньку
Въ новый каменный домокъ!
Посадили на недѣлю,
Просидѣлъ онъ круглый годъ:
Краснымъ дѣвкамъ не доходъ!
Калачамъ (4) большой расходъ.

* *

Требовали Алёшеньку
На парадное крыльцо,
Къ начальнику на лицо.
Не успѣлъ онъ сказать слова....
Тутъ колясочка готова...
Посадили Алёшеньку,
Только задомъ напередъ....
И заплакалъ весь народъ:

* *

„Пропадаетъ нашъ Алёша,
Пропадаетъ голова!
Не за крестнаго отца,

Не за тества подлѣца,
 Не изъ-за маменья родной,—
 Изъ-за женушки молодой!“ (5)

Пѣсня эта записана мною въ 1888 году, близъ города Иркутска, въ с. Малой Еланкѣ, Суховской волости.

(1) Подгородніе крестьяне и многіе городскіе мѣщане не говорятъ Иркутскъ, въ Иркутскѣ, а—Иркутской, въ Иркутскомъ, что, кажется, должно считать остаткомъ отъ древняго названія города—Иркутской острогъ.

(2) Т. е. отрывать и украсть привязанный веревками къ повозкѣ проѣзжающихъ багажъ ихъ; это самый распространенный видъ имущественнаго похищенія въ Восточной Сибири.

(3) Алѣша, вѣроятно, какой-нибудь старинный, популярный въ свое время разбойникъ, выданный своею женою властямъ и казненный.

(4) Калачамъ, которые покупаются для арестантовъ и приносятся имъ въ тюрьму родственниками, знакомыми и сердобольными людьми.

(5) Пѣсня эта кажется мнѣ не полною въ настоящемъ вариантѣ, вѣроятно къ ней есть еще строфы, неизвѣстныя мнѣ.

В. В. Птицынъ.

Къ разсказу „Поѣздка въ Туринскъ, въ 1838 году, къ декабристу Ивашеву“.

[„Русская Старина“ изд. 1890 г., ноябрь, стр. 327—351].

Составитель названнаго здѣсь разсказа—Федоръ Ивановичъ Топорнинъ умеръ 7-го сентября 1881 года, въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Дубровки, близъ села Черновскаго (гдѣ и погребенъ), Сергачскаго уѣзда. Упоминаемый въ запискахъ Григорій Михайловичъ Толстой былъ впоследствии, въ царствованіе Александра II-го, членомъ казанскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и умеръ холостымъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно добрый, самыхъ благородныхъ правилъ. Камердинеръ, съ которымъ совершена была по тому времени весьма опасная поѣздка въ Сибирь къ ссыльному декабристу, была никто другой, какъ передѣтая въ мужское платье родная сестра декабриста Василя Петровича Ивашева, Елизавета Петровна, бывшая въ замужествѣ за Петромъ Михайловичемъ Языковымъ, братомъ поэта Н. М. Языкова.

А. П. Топорнинъ.

Портретъ академика А. Ѳ. Бычкова.

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что приложенный къ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г. прекрасный портретъ академика А. Ѳ. Бычкова, въ гравюрѣ молодого художника А. О. Шеймана, исполненъ съ фотографіи извѣстнаго художника-фотографа С. Л. Левицкаго.

Ред.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

въ запискахъ ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго ¹⁾).

1826 годъ.

Горестное начало 1826 года.

Сей годъ начался для меня самымъ несчастнымъ образомъ; при мысли о семъ времени перо выпадаетъ изъ рукъ. Когда я вступилъ въ военную службу въ 1812 году, то гроза висѣла надъ Россією, но она разразилась надъ врагами нашими; потому четырнадцать лѣтъ къ ряду я видѣлъ Россію, торжествующею подъ скипетромъ Александра, но лишь только его не стало, какъ вспыхнули крамолы, которыя меня тѣмъ болѣе поразили, что нельзя было вообразить, чтобы въ отечествѣ нашемъ тишина и спокойствіе были нарушены.

Къ сему присоединились домашнія огорченія. Тяжкая болѣзнь моего милаго Евгенія, едва начинавшаго лепетать, часть отъ часу увеличивалась; наконецъ, врачи объявили, что нѣтъ спасенія, и три дня послѣ сей ужасной вѣсти, 10-го января, я имѣлъ несчастіе его лишиться. Я предалъ прахъ его на Кременчугскомъ кладбищѣ, недалеко отъ Днѣпра, и, такимъ образомъ, оставилъ на берегахъ рѣки сей залогъ вѣчныхъ горестныхъ воспоминаній. Я вырѣзалъ на гробовомъ камнѣ сіи слова: «увидимся», и, смотря на нихъ ежедневно, какъ будто цѣлительный бальзамъ лился на мое сердце. Теряя дѣтей, кажется, переживаешь самъ себя.

¹⁾ Помѣщаемый здѣсь рассказъ извѣстнаго военнаго историка сохранился въ собственноручныхъ его черновыхъ наброскахъ, въ отрывкахъ.

Предоставляю на судъ каждаго, каково было въ душѣ моей въ началѣ сего года: въ отечествѣ—крамолы, дома—умирающій сынъ!..

Въ самый Новый годъ я извѣстился о петербургскомъ бунтѣ 14-го декабря; слезы помрачили взоръ мой, читая, что кровь русская была проливаема въ междоусобіи. Въ сей день я лишился также друга отца моего и собственного моего друга—графа Милорадовича, героя нашего времени, наперсника Суворова и Кутузова, любимца арміи и народа, представителя нашей славы!

Опасность всегда представляется въ большемъ видѣ, чѣмъ дальше отъ нея находишься; по сей причинѣ, живя почти въ двухъ тысячахъ верстъ отъ столицы и размышляя о заговорѣ, я думалъ иногда, что я стою на вулканѣ.

Бунтъ въ Петербургѣ.—Повсемѣстныя арестованія.

Вслѣдъ по полученіи извѣстія о бунтѣ, повсюду начали брать подъ стражу и отвозить въ Петербургъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ; не только не проходило дня, но даже часа, гдѣ-бы не провозили военныхъ, штатскихъ и отставныхъ съ фельдъегерями, или съ курьерами черезъ Кременчугъ или близъ онаго. Такимъ образомъ были взяты, въ первое время, оба сына знаменитаго Расвскаго, нѣсколько адъютантовъ графа Витгенштейна, множество офицеровъ второй арміи, разные помѣщики въ Малороссіи, полковникъ Граббе, столь-же отличный умомъ, сколько и службою, и, наконецъ, командиръ Вятскаго полка Пестель, оказавшійся въ послѣдствіи главою митежа. Въ то-же время шпіоны наводнили сосѣдственныя губерніи, а особенно армію. Все сіе доказывало о существованіи обширныхъ замысловъ, и нельзя было сомнѣваться, чтобы имъ не служилъ основаніемъ духъ нашего времени, т. е. либеральныя идеи, которыхъ распространенію въ Россіи способствовало царствованіе Александра; я самъ стоялъ подлѣ трона его, когда онъ въ Варшавѣ на сеймѣ публично сказалъ, что «онъ давно уже въ умѣ своемъ приготовляетъ конституціонное правленіе».

Заговорщики принадлежали почти все къ стариннымъ княже-

скимъ и дворянскимъ фамиліямъ и были люди съ состояніемъ, слѣдственно они не для грабежа подняли знамя бунта.

Намъ писали изъ Петербурга, что у заговорщиковъ найдены черныя кольца съ надписью «71», т. е. семьдесятъ перваго дня, считая отъ перваго января; это выходитъ 12 марта, день вступленія на престолъ Александра, котораго всѣ ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ, какъ эпоху, въ которую совершиться должно двадцать пятое лѣто славнаго царствованія. Посему заключить должно, что этотъ день, всѣмъ столь желанный, былъ избранъ мятежниками для приведенія въ дѣйствіе ихъ умысловъ. Вѣроятно, что тогда вспыхнуло-бы вездѣ пламя бунта, что смятеніе сдѣлалось-бы общимъ, и въ семъ предположеніи можно сказать, что величайшее для Россіи несчастіе, т. е. смерть Александра, содѣлалось для нея спасеніемъ тѣмъ, что открыты заблаговременно козни бунтовщиковъ.

Въ народѣ уже за нѣсколько времени носилась молва о какомъ-то угрожавшемъ Россіи несчастіи. Еще осенью 1825 г. кременчугскій полиціймейстеръ говорилъ со мною о высочайшемъ пребываніи въ Таганрогѣ. Зная искреннѣйшую связь, существовавшую между императоромъ и супругою его, я былъ увѣренъ, что цѣль пребыванія ихъ величествъ въ полуденной Россіи была восстановленіе здоровья государыни; но городничій, почтенный воинъ, потерявшій руку подъ Требією, сказывалъ мнѣ, что ходять въ народѣ какіе-то глухіе слухи, что будто въ Петербургѣ не совсѣмъ покойно и что будто кроется что-то тайное, побудившее императора оставить столицу. Я не обратилъ на сіи слова ни малѣйшаго вниманія, но послѣ увидѣлъ, что не должно пренебрегать народною молвою.

О взятіи подъ стражу Пестеля.

..... Адъютантъ Рота не засталъ уже въ живыхъ императора и отдалъ депеши графу Дибичу ¹⁾, который, по содержанію ихъ, отправилъ генерала Чернышева къ главнокомандующему второй арміи графу Витгенштейну, для взятія подъ стражу Пестеля

¹⁾ Генералъ Ротъ препроводилъ въ Таганрогъ письмо капитана Вятскаго полка Майбородъ н.

и для отправления его въ Петербургъ, присовокупя, что могущую пасть на него отвѣтственность онъ пріемлетъ на себя. Чернышеву-же онъ приказалъ бумаги Пестеля запечатать, и сіе исполнено было слѣдующимъ образомъ. Графъ Витгенштейнъ, получивши донесеніе барона Дибича, послалъ приказъ въ ту дивизію, гдѣ находился Пестель, чтобы дивизионный, бригадные и полковые командиры оной немедленно пріѣхали къ нему въ главную квартиру, а такъ какъ повелѣніе сіе было общее для всѣхъ и не относилось до одного лица Пестеля, то сей, ничего не подозрѣвая, отправился въ одномъ экипажѣ со своимъ бригаднымъ начальникомъ въ главную квартиру въ Тульчинъ, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ у заставы его взяли подъ крѣпкій караулъ, а Чернышевъ, между тѣмъ, поскакалъ въ Вятскій полкъ, гдѣ и нашелъ всѣ бумаги, увеличившія Пестеля въ его злодѣйскомъ умыслѣ.

Бунтъ Муравьева.

Пять дней спустя послѣ полученія изъ Петербурга сихъ извѣстій о бунтѣ, т. е. 6 января, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ съ офиціальнымъ отношеніемъ отъ малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпина, что Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, 31 декабря, оказавъ, какъ мнѣ писали, самыя дерзкіе и буйные поступки противъ своего полковаго командира Гебеля, собралъ полкъ и пошелъ того-же числа въ г. Васильковъ, Волынской губерніи; 1-го января онъ перешелъ къ селенію Мотовиловкѣ, а 2-го дневалъ близъ с. Гребенки у Винницкихъ-Ставовъ. Во второй день первая гренадерская и первая мушкетерская роты оставили его и присоединились къ корпусному своему командиру Роту, который, при первомъ извѣстїи о мятежѣ, собралъ близъ стоявшія войска и повелъ ихъ противъ Черниговскаго полка. Муравьевъ, между тѣмъ, послалъ въ находящееся Полтавской губерніи имѣніе отца своего и въ другія мѣста своихъ сообщниковъ, дабы произвести бунты; однако-же, нѣкоторые изъ сихъ лазутчиковъ были схвачены въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ.

Такъ какъ имѣніе Муравьева находилось въ расположеніи

нашей седьмой дивизіи, то я немедленно далъ строжайшія предписанія по моей бригадѣ, чтобы полковые командиры удвоили бдительность свою въ сохраненіи порядка и подчиненности, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ, а батальонные командиры объѣзжали почасту роты. Въ то-же время я приказалъ, чтобы проѣзжающихъ и проходящихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Черниговскаго полка чрезъ кантонирь-квартиры моей бригады арестовали, тоже-бы дѣлали, если узнаютъ, не прокрадывается-ли кто изъ сообщниковъ Муравьева, а равно брали-бы подъ стражу, не смотря ни на какое лицо, военныхъ или во фракахъ, если кто по сему мятежу окажется подозрительнымъ. Съ сими распоряженіями я послалъ моего адъютанта, велѣвъ ему во время проѣзда стараться узнавать, что говорятъ и думаютъ жители и военные, а послѣ его возвращенія, я былъ намѣренъ самъ ѣхать въ Золотоношу, которая отстоитъ не съ большимъ во ста верстахъ отъ мѣстъ, гдѣ происходилъ бунтъ.

Къ счастью, на другой день утромъ я узналъ, что Муравьевъ, свѣдавъ, что за нимъ идутъ въ погоню войска, перемѣнилъ первоначальное направленіе свое черезъ Фастово на Брусиловъ и пошелъ къ Бѣлой-Церкви въ надеждѣ овладѣть тамъ значительными денежными суммами, хранящимися у богатой помѣщицы графини Браницкой.

Между тѣмъ, генералъ Ротъ выступилъ съ конницею и конною артиллеріею къ Фастову, чтобы отрѣзать ему отступление и послалъ генерала Гейсмара съ двумя орудіями и тремя эскадронами гусаръ къ деревнѣ Устиновкѣ, а двѣнадцать ротъ пѣхоты съ четырьмя орудіями отрядилъ съ Большаго-Половецкаго на Бѣлую-Церковь. Такимъ образомъ, окружили Муравьева со всѣхъ сторонъ. Гейсмаръ встрѣтилъ его у деревни Устиновки; мятежники сперва защищались, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по нимъ изъ орудій, когда гусары бросились на нихъ въ атаку, они положили оружіе. Главный зачинщикъ Муравьевъ былъ раненъ, братъ его убитъ, а третій взятъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, начальникъ нашей седьмой дивизіи Ушаковъ, свѣдавъ о семъ бунтѣ, немедленно велѣлъ двумъ ротамъ вступить въ деревни Муравьевыхъ, въ Миргородскомъ уѣздѣ, запечатать и взять ихъ бумаги.

Въ нихъ нашли рѣчь къ народу о вольности, проектъ раздѣленія Россіи на три главныя ложи, на южную, сѣверную и среднюю, имена нѣкоторыхъ заговорщиковъ и разныя распоряженія на счетъ принятія въ общество ихъ новыхъ членовъ и выписки изъ иностранныхъ либеральныхъ сочиненій.

Подробности сего происшествія.—Бестужевъ-Рюминъ.—Черниговскіе солдаты.

Сообщаю нѣкоторыя подробности о семь бунтѣ.

Изъ Петербурга получено было въ Житомирѣ съ фельдъегеремъ приказаніе взять подъ стражу командира одного гусарскаго полка Муравьева и подполковника Черниговскаго пѣхотнаго полка Муравьева-Апостола. На основаніи того корпусный командиръ предписалъ дивизионному генералу Ридигеру арестовать гусарскаго Муравьева, а командовавшему девятою дивизією Тихановскому взять подъ арестъ Муравьева-Апостола. Ридигеръ, какъ умный человекъ, исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе. Онъ пригласилъ къ себѣ полковника пить чай, и послѣ, позвавъ его въ свой кабинетъ, объявилъ о повелѣніи взять его саблю. Что-же касается до Тихановскаго, то сей, по полученіи предписанія отъ корпуснаго командира, передалъ оное по командѣ начальнику черниговскаго полка Гебелю, который поѣхалъ къ Муравьеву-Апостолу на квартиру, но не засталъ его дома; ему сказали, что онъ въ Житомирѣ. Гебель отправился туда, но по прибытіи услышалъ, что онъ и изъ сего города уже уѣхалъ, вѣроятно потому, что былъ предувѣдомленъ, что его велѣно арестовать. Полковой командиръ возвратился въ ту деревню, гдѣ квартировалъ Муравьевъ, и нашелъ его въ одномъ изъ ротныхъ дворовъ его баталіона, попросилъ у него чаю и, не говоря ему о причинѣ своего приѣзда, поджидалъ солдатъ, которымъ онъ велѣлъ къ себѣ явиться. Не видя однако-же сихъ послѣднихъ, онъ объявилъ Муравьеву о повелѣніи взять его подъ стражу; сей отдалъ ему равнодушно шпагу, послѣ чего Гебель вышелъ въ другую комнату, гдѣ увидѣлъ спавшаго брата Муравьева; подлѣ его постели лежали на столѣ два заряженные пистолета, которыхъ Гебель не имѣлъ предусмотрительности взять къ себѣ, но только ссыпалъ порохъ

съ полокъ и потомъ опять положилъ пистолеты на столъ. Послѣ сего онъ вышелъ въ кухню, все еще ожидая солдатъ, но въ это время вступили въ кухню нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка, которые начали говорить своему полковому командиру, что онъ п....., что онъ арестуетъ благодѣтеля ихъ Муравьева, и когда полковой командиръ, изумленный таковыми неслыханными дерзостями, началъ имъ возражать, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его, другіе, бывшіе тутъ офицеры, поваливъ его на полъ, начали колотить шпагами. Въ сіе время вбѣжалъ Муравьевъ, который тоже полковнику нанесъ ударъ рукою, на что сей послѣдній закричалъ: «гдѣ-же ваша филантропія», подразумевая, что за нѣсколько дней Муравьевъ за обѣдомъ у него возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Между тѣмъ вошли солдаты, и Гебелю, въ суматохѣ, удалось уйти изъ избы на улицу; тутъ онъ встрѣтилъ поляка, который, желая его спасти, помогъ ему перелѣзть черезъ заборъ, но Гебель, уже сильно израненный, упалъ и переломилъ себѣ ногу и руку. Потомъ полякъ положилъ его на телегу и повезъ въ Васильковъ, гдѣ расположенъ былъ штабъ его полка. Дорогою онъ отморозилъ себѣ ноги, такъ что въ этотъ день всѣ бѣдствія, казалось, разразились надъ несчастнымъ полковникомъ. Къ довершенію злополучія, по приѣздѣ въ Васильковъ, ему сказали, чтобы онъ туда не вѣзжалъ, ибо тамъ находились тоже взбунтовавшіяся роты, почему его провезли къ той части полка, которая пребыла вѣрна долгу и присягѣ.

Муравьевъ, принявъ начальство надъ Черниговскимъ полкомъ, не умѣлъ сохранить подчиненность между войсками; они предавались грабежу, насильствамъ и пьянству. Ежели-бы онъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе, то онъ могъ-бы прийти въ Бѣлую Церковь, гдѣ находились несмѣтныя сокровища графини Браницкой и гдѣ его ожидали, чтобы съ нимъ соединиться, четыре тысячи человекъ недовольныхъ своимъ положеніемъ. Это были большею частью старинные малороссійскіе казаки, которыхъ Браницкая укрѣпила за собою несправедливымъ образомъ. Испугавшись приближенія мятежниковъ, она посылала къ Муравьеву просить его, сколько онъ хочетъ взять съ нея денегъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы не грабить ея имѣніе. Но онъ не могъ повелѣвать своими движеніями, ибо власть, не основанная на

законѣхъ, не даетъ продолжительной и постоянной силы надъ людьми, а потому, вмѣсто того, чтобы съ быстротою дѣйствовать, отъ чего вѣроятно зараза бунта распространилась-бы и болѣе, ибо онъ вскорѣ могъ-бы соединиться съ артиллерійскими ротами, офицеры коихъ тоже находились въ заговорѣ, онъ вынужденъ былъ уступить настояніямъ солдатъ и сдѣлать дневку, отчего войска, отряженные для уничтоженія его, успѣли его догнать и окружить.

Во время четырехъ-дневнаго командованія своего Муравьевъ имѣлъ вездѣ патрули и авангарды и бралъ всѣ военныя предосторожности; проѣзжавшихъ задерживали и провожали къ нему, и онъ обыкновенно самъ ихъ разспрашивалъ, становясь, въ подражаніе Наполеону, со сложенными на-крестъ на груди руками.

Онъ походилъ лицомъ на бывшаго императора французовъ, котораго онъ чтилъ, какъ кумира, по слѣдующему поводу. Муравьевъ учился въ одномъ парижскомъ лицейѣ въ царствованіе Наполеона, который однажды посѣтилъ сіе училище и, войдя въ тотъ классъ, гдѣ сидѣлъ Муравьевъ, спросилъ: кто этотъ мальчикъ? И когда ему отвѣчали, что онъ русскій, то Наполеонъ сказалъ: «я побился-бы о закладъ, что это мой сынъ, потому что онъ такъ похожъ на меня». Слова сіи, упавшія съ такой высоты, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на душу отрока, который одаренъ былъ довольно щедро отъ природы, и неудивительно, что въ продолженіи кратковременнаго своего командованія бунтовщиками онъ старался подражать Наполеону, находя, можетъ быть, нѣкоторое подобіе въ положеніи своемъ съ тѣмъ, въ которомъ Бонапарте былъ во время побѣга своего съ острова Эльбы.

Когда Черниговскій полкъ увидѣлъ себя въ необходимости пробиваться сквозь гусарь, противъ нихъ стоявшихъ, то, построившись въ каре, онъ пошелъ съ примѣрнымъ мужествомъ на нихъ; офицеры находились впереди. Я это слышалъ отъ того самаго гусарскаго подполковника, который командовалъ эскадронами, посланными противъ Муравьева; онъ присовокупилъ, что онъ удивлялся храбрости черниговскихъ солдатъ и опасался даже въ одно время, чтобы они не отбили орудій, изъ которыхъ по нимъ дѣйствовали, ибо они подошли къ нимъ на самое близкое

разстояніе. Картечные выстрѣлы ихъ не разстроили, но коль скоро только скомандовали гусарамъ въ атаку, то мятежники бросили оружіе. Изъ сего заключаютъ, что они, не бывъ утрачены дѣйствіемъ артиллеріи, не могли испугаться сабельныхъ ударовъ кавалеристовъ, но что, будучи увѣрены или обольщены въ содѣйствіи гусарь, они тотчасъ покорились, коль скоро увидѣли, что въ нихъ не имѣютъ сообщниковъ. Когда въ прошедшемъ смятеніи послѣ кавалерійской атаки подполковникъ гусарскій проскакалъ мимо Муравьева, то сей закричалъ: «спасите моего брата!», а другой, бывший тутъ-же бунтовщикъ, Бестужевъ-Рюминъ закричалъ одному гусарскому офицеру по-французски: «сдѣлайте мнѣ одолженіе, дайте мнѣ лошадь, я очень усталъ».

Этотъ Бестужевъ, въ послѣдствіи повѣщенный, игралъ въ обществахъ роль шута, но не менѣе того былъ много употребляемъ заговорщиками, которые посылали его повсюду въ видѣ миссіонера или вербовщика; для сего онъ разъѣзжалъ по всей Малороссіи и, декламируя противъ правительства, старался умножать число сообщниковъ. Онъ находился въ Семеновскомъ полку во время случившагося тамъ происшествія въ 1820 году, и въ чинѣ юнкера былъ назначенъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Онъ зналъ разные иностранные языки и одаренъ былъ счастливою памятью, но велъ себя такъ вѣтренно, что надъ нимъ смѣялись, особенно-же надъ непомѣрнымъ его политическимъ вольнодумствомъ, которое онъ вездѣ и при всякомъ случаѣ проповѣдывалъ.

Онъ былъ во многихъ почтенныхъ домахъ принятъ на самой дружеской ногѣ, напримѣръ, у генерала Раевского въ Кіевѣ и у бывшаго министра Трощинскаго, жившаго недалеко отъ Лубенъ; имъ сего нельзя приписывать въ вину, потому что въ губерніяхъ, особенно малороссійскихъ, нельзя быть на счетъ общества столько разборчивымъ, какъ въ столицахъ; скука заставляетъ иногда прибѣгать къ людямъ, которыхъ-бы мы въ большихъ городахъ бѣгали. Бестужевъ почти не служилъ въ полку, а разъѣзжалъ по Малороссіи; такимъ образомъ часто бывалъ и въ мѣстахъ расположенія нашей дивизіи, на которую онъ имѣлъ виды, о коихъ я ниже сего буду говорить. Онъ велъ обширѣйшую переписку на французскомъ языкѣ, на

которомъ онъ очень хорошо изъяснялся словесно и письменно; въ семь послѣднемъ я удостовѣрился изъ письма его къ поэту Аркадію Родзянкѣ, который мнѣ оно показывалъ. Бестужевъ представлялъ изъ себя влюбленнаго во всѣхъ женщинъ и до того умѣлъ имъ нравиться, что со многими изъ нихъ тоже велъ переписку. Его принимали всѣ, а особенно прекрасный полъ, какъ веселаго собесѣдника, надъ которымъ можно было забавляться; но никому въ голову не приходило, чтобъ человѣкъ, столь разсѣянный и вѣтренный, могъ быть заговорщикомъ. Будучи исполненъ чтеніемъ французскихъ книгъ, особенно тѣхъ, которыя писаны въ революціонномъ духѣ, онъ казался убѣжденнымъ въ неоспоримой ихъ истинѣ, какъ въ сіяніи солнца, и не могъ представить, чтобы образованные люди не раздѣляли его правилъ; напримѣръ, когда его взяли съ Черниговскимъ полкомъ, то онъ сказалъ: «меня наиболѣе удивляетъ, что гусары рѣшились на насъ ударить: тамъ было столь много офицеровъ, отлично воспитанныхъ».

Черезъ три мѣсяца послѣ сего происшествія я имѣлъ случай видѣть Черниговскій полкъ по слѣдующему случаю. Я получилъ предписаніе, что съ 15 апрѣля полкъ сей, въ числѣ восьмисотъ человѣкъ назначенный въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, долженъ былъ проходить черезъ расположеніе моей бригады. Маршъ ихъ устроенъ былъ слѣдующимъ образомъ: имъ назначено было идти по-ротно, одна рота отъ другой въ двухъ маршахъ, солдаты безъ оружія, а офицеры, унтеръ-офицеры и ефрейторы, ихъ сопровождавшіе, выбраны были изъ другихъ полковъ, и были, какъ водится, въ полномъ вооруженіи и находились въ такомъ числѣ, что на каждые десять человѣкъ Черниговскаго полка приходилось по одному ефрейтору. Мнѣ приказано было на каждомъ ночлегѣ поставить караулъ изъ 25 рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ и одномъ офицерѣ, и чтобы караулы сіи состояли въ вѣдѣніи ротныхъ командировъ, коимъ поручено было вести черниговцевъ на Кавказъ. По ночамъ велѣно было имѣть дозоры и брать всевозможныя предосторожности, какъ съ военной, такъ и съ гражданской стороны. Я ѣздилъ два раза на встрѣчу симъ несчастнымъ; они шли въ совершенномъ спокойствіи, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ зачинщиковъ, вскорѣ послѣ бунта наказанныхъ, всѣ про-

чіе и не думали, что они бунтуютъ, а были увѣрены, что они исполняютъ свой долгъ, повинуваясь императору Константину, объ отреченіи коего имъ ничего не было говорено. Они слѣдовали за Муравьевымъ потому, что имъ объявленъ былъ подложный приказъ, будто-бы Муравьевъ, вмѣсто полковника Гебеля, назначенъ полковымъ ихъ командиромъ.

Въ злополучный день 14 декабря все знатнѣйшее духовенство, государственные чиновники, военные и гражданскіе, равно и дамы, собрались въ Зимній дворецъ для принесенія поздравленія императору со вступленіемъ на престолъ. Можно себѣ вообразить, сколь съѣздъ былъ великъ при случаѣ, толь торжественномъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался, и что вообще духъ гвардіи не надеженъ. Тогда государь одинъ вышелъ изъ дворца, приказалъ караулу зарядить ружья и, ставъ посреди Дворцовой площади, началъ самъ читать манифестъ о воцареніи своемъ съ приложениями къ нему, заключавшими въ себѣ отреченіе цесаревича. Между тѣмъ войска, пребывшія вѣрными, и тѣ, которыя взбунтовались, поспѣшали со всѣхъ концовъ города на Сенатскую площадь, куда поѣхалъ и императоръ, сопровождаемый всѣми военными. При семъ случаѣ не оставили безъ замѣчанія, что изъ всѣхъ военныхъ, бывшихъ во дворцѣ, одинъ графъ Аракчеевъ остался съ дамами во дворцѣ.

Петербургскія происшествія.

Въ ту минуту, когда лейбъ-гренадеры бѣжали во дворецъ, то петербургскій комендантъ кричалъ имъ: въ ногу! въ ногу! Разумѣется, что это происходило отъ невѣдѣнія, да и кому въ голову-бы могло придти, что наши солдаты могли до того забыть, чтобы съ звѣрскими намѣреніями броситься на дворецъ. Подлинно воображеніе цѣпенѣтъ, и естественно, что и Башуцкій, крича—въ ногу! въ ногу!—предполагалъ, что гренадеры бѣгутъ для исполненія своей обязанности; ежели-бы кто другой произнесъ сіи слова, то оставили-бы безъ вниманія, но такъ какъ это случилось съ Башуцкимъ, то и сей анекдотъ умножаетъ число множества другихъ, про него рассказываемыхъ.

Нѣсколько ротъ лейбъ-Гренадерскаго полка должны были овладѣть Зимнимъ дворцомъ, а остальные ворваться въ крѣпость, въ то время, какъ нѣсколько орудій артиллеріи должны были занять Царицынъ дугъ. Но храбрый полковникъ Лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлеръ, который былъ рекомендованъ Александру Лагарпомъ, долго противясь въ казармахъ ужаснымъ намѣреніямъ солдатъ, палъ, наконецъ, подъ ударами мятежниковъ. Отъ сего произошло промедленіе, равно и отъ того.

.....По разсѣяніи бунтовщиковъ, ночью съ 14-го на 15-е декабря, переловили многихъ изъ нихъ; одинъ изъ главныхъ, князь Трубецкой, пошелъ въ домъ къ своему свояку, австрійскому посланнику Лебцельтерну, полагая, вѣроятно, на нѣкоторое время найти тамъ вѣрное убѣжище, хотя не могъ онъ не знать, что продолжительнаго пристанища тамъ ему нельзя было имѣть, потому что вышло изъ понятій нашего времени, чтобы дома посланниковъ служили покровомъ для преступниковъ. Ночью государь послалъ за нимъ графа Нессельроде, которому посланникъ и выдалъ виновнаго. Когда сего послѣдняго привели къ государю, то его величество приказалъ ему объявить всю истину; Трубецкой запирался во всемъ; на вторичное таковое-же повелѣніе послѣдовало равномѣрно молчаніе; наконецъ, государь велѣлъ подать ему листъ бумаги и сказалъ, чтобы онъ написалъ все, что знаетъ о заговорѣ, а между тѣмъ его величество вышелъ въ другую комнату. По прошествіи нѣкотораго времени императоръ, возвратясь, спросилъ преступника кончилъ-ли онъ, и, когда сей отвѣчалъ удовлетворительно, то государь, по прочтеніи написанной имъ бумаги, сказалъ, что она не заключаетъ истины; на что Трубецкой отвѣчалъ, что онъ болѣе ничего не знаетъ; тогда уже государь подалъ ему пакетъ съ бумагами и приказалъ оныя прочесть; преступникъ, увидя изъ оныхъ уличеніе въ своихъ злодѣяніяхъ, ибо въ семь пакетѣ заключались собственноручныя его возмутительныя сочиненія, палъ на колѣни и просилъ пощады.

— «Теперь уже поздно, отвѣчалъ императоръ, — я три раза приказывалъ тебѣ признаваться....»

.....Удивительно мнѣ было найти между бунтовщиками имя полковника князя Трубецкаго, съ которымъ я видѣлся въ

домѣ графини Лаваль, на дочери коей онъ женатъ, и въ домѣ княгини Бѣлосельской, тетки жены его. Я его всегда видѣлъ скромнымъ и молчаливымъ; но званіе его дежурнаго штабъ-офицера четвертаго пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ Кіевѣ, подаетъ, кажется, справедливый поводъ заключить, что онъ былъ за одно съ Муравьевымъ, ибо Черниговскій полкъ расположенъ отъ Кіева верстахъ во ста или ближе...

Императоръ Николай Павловичъ.—Арестованіе полковниковъ 7-й дивизіи.

Вообще государя всѣ превозносили за ...¹⁾ его и благо-разумное поведеніе. Вотъ, между прочимъ, одинъ анекдотъ о немъ. Одинъ изъ бунтовщиковъ, издавна извѣстный своею дерзостью и буйствомъ (Александръ Ив. Якубовичъ), явился къ императору во время мятежа 14-го декабря, и сказалъ ему, указывая на пистолеть, находившійся у него въ рукахъ:

— «Этотъ пистолеть былъ назначенъ для васъ, но я размыслилъ о несчастіяхъ, предстоящихъ Россіи отъ вашей смерти; объявляю о семъ вашему величеству и отказываюсь отъ моего намѣренія».

Государь хладнокровно отвѣчалъ ему, что онъ имѣетъ случай загладить свое преступленіе, уговоривъ мятежниковъ положить оружіе. Якубовичъ пошелъ въ толпу бунтующихъ и сказалъ имъ: «ребята, насъ трусятъ, держитесь», и послѣ сего подлаго поступка возвратился къ императору, который сказалъ ему:

— «Теперь мнѣ все равно, съ мятежниками-ли ты или противъ нихъ; во всякомъ случаѣ ты будешь наказанъ»...

Изъ сихъ обстоятельствъ заключить удобно, что жизнь императора была въ опасности, но оказанная имъ твердость подаетъ сладостную надежду, что онъ будетъ достойнымъ преемникомъ Александра. Я вспоминаю при семъ случаѣ²⁾ минуту, когда въ день вступленія нашего въ Парижъ, я выхватилъ изъ злодѣйскихъ рукъ француза ружье съ штыкомъ, обращенное

1) Часть рукописи оторвана:

2) Тоже.

на императора, и когда въ 1818 году, дорогой въ Брюссель, Александръ узналъ о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью его увезти. Въ обоихъ случаяхъ улыбка презрѣнія явилась на устахъ его краснорѣчивѣйшимъ изображеніемъ души его. Николай началъ идти по стопамъ его.

Мятежники были въ ужасномъ изступленіи; одинъ изъ нихъ, адъютантъ герцога Виртембергскаго Бестужевъ (Александръ Александровичъ) бѣгалъ между ними съ бѣлою повязкою на рукѣ, вооруженный кинжаломъ и пистолетомъ. Офицеры кричали: «ура, конституція!», а солдаты и чернь вопили: «ура, Константинъ!», смѣшивая сіи два однозвучныя слова. Одинъ солдатъ спросилъ, что значить конституція, ему отвѣчали, что это супруга цесаревича!

. что Бестужевъ-Рюминъ, командовавшій Черниговскимъ полкомъ, имѣлъ виды на седьмую дивизію. Онъ познакомился съ двумя командирами полковъ, Муромскаго — Ширманомъ и Низовскаго — Левенталемъ, двумя отличными офицерами, изъ коихъ каждый имѣлъ Георгіевскій крестъ за 25-тилѣтнюю службу. Они смотрѣли на него, какъ на шута, и Левенталь показывалъ за нѣсколько мѣсяцевъ всѣмъ письмо къ нему Бестужева. Въ ономъ, между прочимъ, сказано, «что онъ ему можетъ быть полезенъ даже и тамъ, гдѣ онъ и не думаетъ». Левенталь, ничего не подозрѣвая, смѣялся сему выраженію и говорилъ: «вотъ до чего мы дожили, что подпоручики — ибо Бестужевъ былъ подпоручикомъ — общаются полковникамъ свое покровительство». Однако-же шутка сія и кончилась симъ. Третьяго февраля пріѣхалъ къ намъ жандармскій офицеръ отъ главнокомандующаго съ высочайшимъ повелѣніемъ Ширмана и Левенталя отправить съ нимъ въ Петербургъ, равно и бумаги ихъ, которыя предварительно приказано было запечатать. Извѣстіе насъ крайне опечалило, во-первыхъ, и для чести дивизіи, изъ коей никто не былъ арестованъ, и потому, что сіи два полковника были всѣми любимы и уважаемы. Проведя съ ними два лѣта вмѣстѣ въ лагерѣ, мы никогда о политикѣ и не говорили; мы знали, когда полки были въ сборѣ, только карты и службу. Не прошло однако-же четырехъ недѣль, какъ ихъ возвратили съ наградами изъ Петербурга, гдѣ признана была ихъ невинность. Подозрѣніе-же пало на нихъ по тому поводу,

что въ бумагахъ Бестужева нашли, что онъ извѣщалъ сообщниковъ своихъ, что они могутъ положиться, въ случаѣ бунта, на сихъ двухъ полковниковъ, за коихъ образъ мыслей онъ ручается. Когда имъ объявили въ Петербургѣ сіе обвиненіе, то они просили доказательствъ сей клеветы и наконецъ очной ставки съ обвинителемъ, котораго имъ не трудно было уличить въ неосновательности.

Въ началѣ февраля мѣсяца я получилъ предписаніе явиться въ дивизионную квартиру, Лубны; тамъ я нашелъ обоихъ моихъ товарищей бригадныхъ командировъ и всѣхъ полковыхъ начальниковъ. Когда мы собрались, то я почувствовалъ особенное удовольствіе, что бригада моя была единственная, изъ которой никого не арестовали и не повезли въ Петербургъ по подозрѣнію. Дивизионный начальникъ объявилъ намъ тайное повелѣніе главнокомандующаго наблюдать за всѣмъ, происходящимъ въ мѣстахъ расположенія войскъ, нами командуемыхъ, и доносить, когда узнаемъ что-либо, подающее малѣйшее подозрѣніе; равнымъ образомъ смотрѣть, чтобы полковые командиры почаще обращались съ офицерами, ибо, продолжалъ главнокомандующій, ежели-бы сіе дѣлалось прежде, то начальники знали-бы объ образѣ мыслей своихъ офицеровъ, и не случились-бы тѣ происшествія, которыми мы, къ несчастію нашему, были свидѣтелями.

Корниловичъ.

Въ скоромъ времени получили мы списокъ именъ главныхъ заговорщиковъ; въ числѣ ихъ находились, или литераторы, или молодые люди, занимавшіеся науками и словесностью, какъ-то: Рылѣвъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и Корниловичъ. Первыхъ трехъ я зналъ только по весьма порядочнымъ ихъ произведеніямъ, но лично не имѣлъ съ ними знакомства; послѣдняго-же коротко зналъ, и вотъ по какому случаю.

Я былъ нѣсколько разъ кряду въ числѣ экзаменаторовъ, которые испытывали въ наукахъ молодыхъ людей, поступавшихъ на службу въ квартирмейстерскую часть. Въ числѣ оныхъ, въ 1816 или въ 1817 году, явился и Корниловичъ, обучавшійся

въ Одессѣ въ Ришельевскомъ лицѣѣ, который выдержалъ экзаменъ свой въ наукахъ и въ языкахъ столь блистательнымъ образомъ, что привелъ меня въ удивленіе; я увѣренъ, что не всякій молодой человѣкъ, окончившій курсъ ученія въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, выдержитъ подобнымъ образомъ испытаніе. Разумѣется, что я вмѣнилъ себѣ въ пріятную обязанность его обласкать, пригласить къ себѣ и уговаривать заниматься науками. Черезъ годъ или два извѣстный нашъ военный писатель Бутурлинъ вознамѣрился сочинить исторію походовъ россіянь въ восемнадцатомъ столѣтіи и получилъ отъ государя позволеніе собирать матеріалы въ архивѣ иностранной коллегіи, который, разумѣется, сохраняется въ великой тайнѣ. Бутурлинъ, будучи человѣкъ свѣтскій и не ученый, пренебрегъ сямъ единственнымъ случаемъ узнать драгоцѣнности, хранящіяся въ архивѣ, и поручилъ Корниловичу сію работу, сперва въ петербургскомъ, а послѣ въ московскомъ архивѣ, и сей съ неутомимымъ прилежаніемъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ сихъ занятіяхъ, посредствомъ коихъ онъ пріобрѣлъ необыкновенныя обширныя познанія въ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ сіе время онъ познакомился съ разными литераторами въ Москвѣ и въ Петербургѣ, вступилъ въ ученые общества и печаталъ разныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, которыя всѣ отличались историческими свѣдѣніями, но въ нихъ видно было, что сочинитель еще не зрѣлъ, что онъ зналъ многое, но не умѣлъ еще выражать своихъ мыслей. Въ послѣдніе два года моего пребыванія въ Петербургѣ, т. е. въ 1822 и въ 1823 годахъ, онъ меня оставилъ и предпочелъ моему обществу знакомство съ литераторами, доведшими, вѣроятно, его до ужаснаго поступка, на который онъ нынѣ покусился.

Рылѣвъ, Кюхельбекеръ, Пушкинъ.

Рылѣвъ и Бестужевъ сдѣлались извѣстными, кромѣ разныя мелкиа сочиненій, изданіемъ перваго въ Россіи альманаха, подъ названіемъ «Полярная Звѣзда», который публика въ теченіи двухъ лѣтъ принимала съ особеннымъ одобреніемъ. Кюхельбекеръ есть воспитанникъ Царскосельскаго лицея, извѣстный своими стихотвореніями. Долго-ли будутъ думать, что

изъ однихъ только иностранныхъ университетовъ выходятъ люди, напитанные все вредными правилами, въ то время, какъ въ Кюхельбекерѣ видимъ примѣръ молодаго человѣка, воспитаннаго во дворцѣ Царскаго-Села. Для большаго доказательства я приведу слышанное мною отъ поэта Родзянко о Пушкинѣ, тоже воспитывавшемся въ ономъ лицѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ самъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портретъ убійцы герцога Беррійскаго, Лувеля, съ его надписью: «урокъ царямъ».

Родзянко сказывалъ мнѣ еще, что, будучи лѣтъ шесть тому назадъ въ Петербургѣ, онъ находился въ обществѣ молодыхъ людей, собиравшихся для литературныхъ чтеній въ домѣ Всеволожскаго, гдѣ каждый разъ читали стихи противъ государя и противъ правительства. Между прочимъ, онъ видѣлъ тамъ и князя Трубецкаго. Общество сіе называлось лампистами. Онъ присовокупилъ, что, служа въ гвардіи съ 1816 по 1820 годъ, онъ видѣлъ, что духъ либерализма чрезвычайно усиливался между молодыми людьми, и что слѣдующій стихъ, помѣщенный въ одной изъ его пьесъ:

„Гимнъ западу на устахъ, въ рукахъ портретъ Лувеля“...

не есть вымышленный, но истинно списанъ съ природы.

Графъ Милорадовичъ.

Слѣдующія подробности о послѣднемъ днѣ жизни и о кончинѣ графа Милорадовича сообщены мнѣ адъютантомъ его Башуцкимъ, который 14-го декабря одинъ находился при немъ.

Полутру того дня графъ былъ на завтракѣ у танцовщицы Телешевой, которую онъ любилъ платонически, и сей платонической привязанности къ актрисѣ трудно повѣрить, ежели кто не знавалъ характера его, исполненнаго странностей. Во время сего завтрака онъ узнаетъ, что Московскій полкъ отказался присягать императору Николаю Павловичу; онъ скачетъ на Сенатскую площадь и начинаетъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіи его отталкиваютъ, и даже одинъ изъ нихъ взялъ его за воротникъ. Послѣ сего графъ спѣшитъ къ императору, котораго

застаетъ на Дворцовой площади, окруженнаго народомъ, докладываетъ, что надобно употребить мѣры строгости, и присовокупляетъ: «*voyez dans quel état ils m'ont mis*». На сіе государь ему сказалъ, что онъ, какъ генераль-губернаторъ, долженъ отвѣчать за спокойствіе города, и приказываетъ ему взять Конногвардейскій полкъ и идти съ нимъ противъ московскихъ гренадеръ.

Графъ Милорадовичъ садится на извозничьи сани и спѣшитъ въ Конногвардейскія казармы, гдѣ приказываетъ сѣдлатъ лошадей. Проходитъ четверть часа, полчаса, наконецъ болѣе, но кирасиры не выѣзжаютъ; промедленіе сіе, какъ узнали послѣ, случилось отъ того, что офицеръ Конногвардейскаго полка, Одоевскій (кн. Александръ Ив., поэтъ), участвовавшій въ заговорѣ, бѣгалъ по конюшнямъ, говоря солдатамъ, что это ложная тревога и что сѣдлатъ не должно. Графъ Милорадовичъ теряетъ терпѣніе, требуетъ лошадь, чтобы ѣхать къ бунтовщикамъ и говорить дорогою своему адъютанту: «впрочемъ, я очень радъ, что конногвардейцы не поторопились выѣзжать: я безъ нихъ одинъ уговорю Московскій полкъ; тутъ должны быть одни повѣсы (*polissons*), да и не надобно, чтобы кровь проливалась въ день вступленія на престолъ государя».

Бунтовщики, увидя его, сѣдлали ему на караулъ и закричали ура. Графъ вынулъ свою шпагу и, показывая имъ оную, говорилъ, что шпага сія подарокъ ему цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы, увѣрялъ ихъ, что цесаревичъ отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать. «Неужели, заключилъ онъ,—я измѣню моему другу?» Убѣжденія его остаются тщетными. «Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ, продолжалъ онъ,—которые-бы со мною служили и которые-бы меня знали?» — Происходитъ молчаніе. «Я вижу, говоритъ онъ, что тутъ одни мальчики», приказываетъ и убѣждаетъ ихъ положить оружіе и просить помилованія, увѣряя ихъ, что имъ окажутъ прощеніе. Солдаты въ это время колеблются, но нѣкто изъ среды мятежниковъ закричалъ, что «это вздоръ», что «не надобно вѣрить словамъ его», и въ это время раздался пистолетный выстрѣлъ. Графъ, пронзенный пулею, падаетъ съ лошади на руки Башуцкому, и въ происшедшую отъ сего суматоху Милорадовичу нанесли еще ударъ штыкомъ.

Его хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что онъ чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ, чтобы положили его на солдатскую койку въ находившихся неподалеку конно-гвардейскихъ казармахъ. Между тѣмъ какъ его несли мимо Конно-гвардейскаго полка, который былъ уже выстроенъ, никто изъ генераловъ и офицеровъ не подошелъ къ раненому герою, котораго имя навсегда останется украшеніемъ нашихъ военныхъ лѣтописей; тутъ были нѣкоторые лица, называвшіяся прежде его друзьями и бывавшія ежедневно въ домѣ его, и тѣ даже не изъявили ни малѣйшаго соучастія. Я довершу описаніе подлости современниковъ нашихъ, сказавши, что когда по принесеніи его въ казарму начали его раздѣвать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за нѣсколько дней вдовствующею императрицею.

Въ скоромъ времени съѣхались врачи, и на утѣшенія ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзали изъ раны его пулю, то онъ, посмотрѣвъ на оную, сказалъ: «я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная». Онъ не испустилъ ни одной жалобы и почти во все время сохранялъ молчаніе, но когда боль усиливалась, то онъ закусывалъ себѣ губы и иногда до крови. Государь часто присылалъ навѣдываться объ его здоровьѣ, съ извиненіемъ, что самъ не можетъ отойти ни на минуту отъ матери и отъ супруги, происшествіями того дня весьма испуганныхъ.

Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія; я видѣлъ подлинникъ онаго у сестры графа, госпожи Стороженковой, и съ него списалъ копію.

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознагради тебя Богъ за все¹⁾, что ты для меня сдѣлалъ; уповай на Бога такъ, какъ я на Него уповаю. Онъ не лишитъ меня друга. — Если-бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжело сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ

¹⁾ Слово „все“ подчеркнуто государемъ.

несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ и во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: да дастъ мнѣ Богъ всецѣдный силъ имъ за то воздать; вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній Николай».

Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть сіе письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однако-же силы его того ему сдѣлать не позволили; когда ему оное прочли, то онъ сказалъ, чтобы письмо сіе положили съ нимъ въ гробъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и продиктовалъ свое завѣщаніе или, лучше сказать, просьбу къ государю, заключавшуюся въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

«Первое. Письмо сіе отослать къ его родственникамъ.

«Второе. Крестьянъ его отпустить на волю.

«Третье. Не забыть друга его, Майкова».

Часовъ въ девять онъ исповѣдался, приобщился Святыхъ Таинъ, а въ полночь начался бредъ, предвѣстникъ кончины; бреденіе со смертію продолжалось часа три, и онъ умеръ въ безпамятствѣ, говоря, по своему обыкновенію, попеременно то по-французски, то по-русски.

Воспитаніе.

Счастливыми-бы мы себя должны были почестъ, если-бы съ открытіемъ сихъ бунтовщиковъ и, слѣдственно, съ немедленно долженствующимъ послѣдовать наказаніемъ, уничтожено было зло или язва, наводнившая святую Русь, но она пустила корни свои въ потомство, теперь въ разныхъ училищахъ воспитывающееся или отчасти изъ оныхъ вышедшее. Я не говорю уже о петербургскихъ заведеніяхъ, изъ коихъ, какъ, на примѣръ, изъ Царскосельскаго лицея, вышелъ Кюхельбекеръ, участвовавшій въ бунтѣ, а кто еще хуже — Пушкинъ, мерзкими, развратительными, но вмѣстѣ щегольскими стихами осмѣивающій императора Александра, правительство и основанія, на которыхъ опочіетъ величество Россіи. Стихи сіи въ устахъ, а слѣдственно и въ сердцахъ мальчиковъ, находящихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Меня увѣряли, что воспитанники лицея князя Безбородко, который въ Нѣжинѣ, и гдѣ воспитываются боль-

шею частью малороссіане и дѣти чиновниковъ Донскаго казачьяго войска, будучи нынѣшнимъ лѣтомъ во время каникулъ у своихъ родителей, привезли изъ Нѣжина цѣлая тетради ругательныхъ стиховъ Пушкина, ими наизусть выученныхъ. Что выйдетъ изъ сего поколѣнія, съ младенческихъ лѣтъ приобыкшаго не почитать то, что для насъ есть святаго, издѣваться надъ онымъ и поносить оное?

Я не постигаю, какъ покойный императоръ, которому сіи обстоятельства не могли быть безъизвѣстны, оставлялъ ихъ безъ вниманія, и какъ могло воспитаніе юношества, сія основа будущаго блаженства Россіи, быть поручено руководству извѣстнаго придворнаго шута, князя Александра Николаевича Голицына. Этотъ человекъ, которому потомство, конечно, будетъ дѣлать справедливые упреки, вознамѣрился остановить у насъ развитіе просвѣщенія, учредилъ непомерно строгую цензуру, вручивъ оную людямъ необразованнымъ, которые запрещали сочинителямъ помѣщать самыя обыкновенныя разсужденія и самыя невинныя шутки. Раздраженное самолюбіе и разумъ писателей, искавшихъ на бумагѣ излить свои мысли, побудили ихъ не печатать, а въ рукописяхъ излагать свои мнѣнія и правила, которыя, какъ-бы въ отмщеніе цензурной строгости, начали переступать всѣ границы умѣренности; произведенія ихъ ловили съ жадностію. «Что мнѣ нужды, говоритъ Пушкинъ въ посланіи своемъ къ цензору,—что моихъ стиховъ не печатаютъ, они въ рукописяхъ ходятъ и всѣми читаются». Съ другой стороны, публика, которой въ первыя десять лѣтъ дали направленіе къ наукамъ, желая обогатить себя познаніями и не находя въ отечественныхъ произведеніяхъ удовлетворенія своему любопытству, обратилась къ чтенію иностранныхъ книгъ; не было запрещеннаго сочиненія въ Европѣ, которое-бы до насъ не доходило; рѣчи Фуа, Бенжамена Констана, лордовъ и Грея были читаемы всѣми, и молодые люди, жадные до познаній, видя краснорѣчивѣйшимъ образомъ изложенныя мысли оппозиціонныхъ партій различныхъ народовъ, возымѣли мысль, что правила, въ Англіи и во Франціи удобоисполнительныя, могли быть приведены въ дѣйствіе и въ Россіи.

Мое намѣреніе есть изложить здѣсь вѣроятный ходъ и начало мятежей, нынѣ возникающихъ, а потому нахожу, что ми-

нистръ просвѣщенія Голицынъ споспѣшествовалъ къ тому наиболѣе. Онъ употребилъ строгую цензуру, ввелъ какое-то монашеское воспитаніе, запретилъ преподаваніе народнаго права, миеологии и другихъ предметовъ, слѣдовательно, оказывалъ, очевидно, какое-то подозрѣніе къ російскому народу, въ то время, когда народъ сей не пощадилъ никакихъ жертвованій, чтобы нести оныя на алтарь отечества, когда, и собственность, и жизнь были отдаваемы безусловно на защиту царя и престола, когда потомъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ, совершивъ великій подвигъ избавленія отечества, находились три года въ разныхъ земляхъ Европы и, наконецъ, по возвращеніи своемъ, какъ-бы подпали подъ нѣкоторое подозрѣніе. Множество новыхъ мыслей и понятій, привезенныхъ изъ заграницы русскими офицерами, требовали направленія, которое легко было онымъ дать правительству; но, напротивъ того, цензура наша удвоила свою строгость. Я самъ, отдавая въ печать въ 1816 и 1817 годахъ разные отрывки изъ моихъ журналовъ, неоднократно подвергался капризамъ цензоровъ и, не желая унижить себя въ собственныхъ глазахъ моихъ снисхожденіемъ и терпѣливо сносить прихоти сихъ невѣждъ и подьячихъ, которые въ то время, какъ мы проливали кровь нашу за отечество, пресмыкались въ низкомъ покоѣ,—пересталъ печатать свои сочиненія. Либеральныя идеи, нынѣ превозносимыя въ иностранныхъ земляхъ, не могли быть неизвѣстны въ Россіи, какъ по причинѣ нахождения многихъ русскихъ заграницею, такъ и по безпрестанному упражненію нашему въ чтеніи иностранныхъ книгъ, но со стороны министерства просвѣщенія не сдѣлано было ни шагу, чтобы показать несоотвѣтственность примѣненія сихъ либеральныхъ понятій къ Россіи. Сіе удобно было-бы сдѣлать, пригласивъ нѣсколько опытныхъ людей, которымъ извѣстна была степень просвѣщенія въ Европѣ, заняться сочиненіями, въ которыхъ-бы они излагали какъ начала политическихъ наукъ, равно ходъ дипломатики и, мыслей, и понятій въ Европѣ и въ Америкѣ, и которые-бы благоразумно и умѣренно говорили, что въ нихъ есть вреднаго для Россіи. Я думаю, что для достяженія сей цѣли можно-бы было употребить средство, которое у насъ вовсе было пренебрежено и даже до такой степени, что я не постигаю, какъ мы сами объ ономъ не вздумали, а именно возбудить

въ писателяхъ и въ художникахъ всякаго рода желаніе прославить подвиги отечественной и заграничныхъ войнъ, бывшихъ тогда въ свѣжей памяти. Мнѣ извѣстно, что самохвальство было ненавистно для характера Александра; онъ, какъ истинно великій человекъ, дѣлалъ великія дѣла и пренебрегалъ похвалою, но въ семь случаевъ—мною предполагаемомъ, стихотворцы, прозаики, живописцы, ваятели, зодчіе, воздвигая каждый въ своемъ родѣ памятники народной славы, возбудили-бы гордость россиянъ всѣхъ сословій къ подвигамъ соотечественниковъ ихъ, и до такой степени обратили-бы на себя всеобщее вниманіе и дали-бы пищу умамъ и воображенію всѣхъ, что съ помощію политическихъ писателей, о коихъ выше упомянулъ, устыдились-бы заимствовать что-либо отъ иноземцевъ, между тѣмъ какъ посредствомъ сего Россія наполнилась-бы, вѣроятно, изящными памятниками всякаго рода. Я полагаю, что всѣ были-бы увлечены симъ стремленіемъ, и самъ Пушкинъ, сдѣлавшійся корифеемъ мятежниковъ, употребилъ-бы талантъ свой для прославленія своего царя и своихъ единосемцевъ. Вотъ, по моему мнѣнію, подвигъ, представлявшійся министру просвѣщенія съ 1815 года вмѣсто ханжества и мрака невѣжества, достойнаго среднихъ вѣковъ, которые князь Голицынъ старался ввести.

Благоразумная твердость правительства.

Чѣмъ затруднительнѣе положеніе нашего новаго монарха въ первое время вступленія его на престолъ, тѣмъ болѣе радуется твердость и открытость, съ которою онъ дѣйствуетъ. Не скрывается отъ публики ничего; журналы почти съ каждою почтою приносятъ намъ извѣстія о томъ, что для каждаго изъ насъ близко, то есть о дальнѣйшемъ открытіи отраслей заговора. Вчера помѣщено и описаніе муравьевскаго бунта, точно въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ сообщенъ и намъ отъ нашего начальства по секрету присланъ; присовокуплено только обстоятельство, которое намъ не было извѣстно, а именно, что, по показаніямъ бунтовщиковъ, взятыхъ подъ стражу въ Петербургѣ, Муравьевъ былъ признанъ ими однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ, что для арестованія его былъ посланъ фельдъегерь, котораго онъ посадилъ подъ караулъ, и выпустилъ нахо-

дившихся въ васьльковскомъ острогѣ преступниковъ, и нанесъ нѣсколько ранъ своему полковому командиру. Въ сихъ обнаруженіяхъ со стороны правительства, писанныхъ съ великимъ благоразуміемъ, обѣщаютъ по окончаніи слѣдствія увѣдомить о настоящихъ намѣреніяхъ злоумышленниковъ. Подобныя обнаруженія, дѣлающія честь правительству, показывающія твердость его, были у насъ неизвѣстны и служатъ доказательствомъ, что правительство дорожитъ мнѣніемъ публики и благомыслящихъ мирныхъ гражданъ. Членами въ слѣдственной комиссіи суть великій князь Михаилъ Павловичъ, военный министръ Татищевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ и генераль-адъютантъ Кутузовъ, Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ.

Обнародованіе о заговорѣ.

Правительство обнародовало о существованіи ужаснаго заговора, имѣвшаго цѣлью, какъ оно само говоритъ, убійство императорской фамиліи, и присовокупляетъ расхищеніе собственности и умерщвленіе мирныхъ гражданъ. Въ другомъ обнаруженіи объ возстаніи Черниговскаго пѣхотнаго полка говоритъ, что произведшій оное подполковникъ Муравьевъ имѣлъ цѣлью, вмѣстѣ съ главными зачинщиками, уже за нѣсколько лѣтъ покуситься на жизнь императора Александра. Что молодые люди, коимъ извѣстенъ былъ ходъ европейскаго просвѣщенія, гдѣ отъ малаго до великаго всѣ требуютъ представительства правительства, свободы книгопечатанія, отвѣтственности министровъ и прочаго, съ симъ сопряженнаго, могли возымѣть мысль ввести нѣчто подобное и въ Россіи—это постижимо, но основывать новыя мѣроположенія свои на крови.....

Теперь представляется любопытный вопросъ: неужели покойный императоръ не зналъ о существованіи сего заговора, когда всѣмъ извѣстно, что шпіонство было у насъ очень велико. Напримѣръ, въ Петербургѣ была тройная полиція: одна въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, другая у военнаго генераль-губернатора, а третья у графа Аракчеева; когда даже называли по именамъ тѣхъ изъ шпіоновъ, которые были примѣтны въ

обществахъ, какъ-то: Новосильцова, князя Мещерскаго и другихъ ¹⁾. Къ чему служить шпіонство? Въ арміяхъ было оно также очень велико; говорятъ, что примѣчали за нами, генералами, что знали чѣмъ мы занимаемся, играютъ-ли въ карты и тому подобный вздоръ. Думаю я, что нѣтъ сомнѣнія, чтобы государь покойный не зналъ, хотя отчасти, сего заговора, и я основываю догадки мои на удивительной недовѣрчивости, которая въ послѣдніе годы царствованія его сдѣлалась отличительною чертою его характера. И какъ посему ему было не любить пребыванія въ чужихъ краяхъ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, былъ свободенъ и въ увѣренности, что нѣтъ злоумышленниковъ, покушающихся на жизнь его.....

Новые генераль-адъютанты.

Любопытно было слѣдовать по приказамъ, отдаваемымъ по военному вѣдомству, за дѣйствіями новаго царствованія.

Прежде всего узнали мы о множествѣ вновь пожалованныхъ генераль-адъютантовъ. Изъ новыхъ генераль-адъютантовъ, назначенныхъ приказомъ по арміи 15-го декабря, большая часть людей незначительныхъ и, за исключеніемъ Сукина, Воинова Демидова и Шеншина, пріобрѣтшихъ долготѣнею службою и ранами уваженіе соотечественниковъ, всѣ другіе ни что иное, какъ люди, занимавшіеся фрунтовою частью ²⁾. Не знаю, что

¹⁾ Въ „Журналѣ 1823 года“ Михайловскій-Данилевскій по этому случаю пишетъ: „Карточная игра распространилась въ Петербургѣ до невѣроятной степени; конечно, изъ ста домовъ въ девяносто домахъ играютъ, и хотя въ семь году кругъ моихъ знакомствъ сдѣлался весьма обширенъ, и я часто выѣзжалъ, но не видалъ, чтобы гдѣ-нибудь занимались чѣмъ либо другимъ, кромѣ картъ. Если приглашали на вечеръ, то это значило играть, и едва я успѣвалъ поклониться хозяйкѣ, то карты находились уже въ моей рукѣ... Я думаю, что сіе происходило частію отъ недостатка въ образованіи, примѣтнаго вообще въ Россіи, и частію-же и отъ того, что изъ разговоровъ изгнаны были всѣ политическіе предметы; правительство было подозрительно и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однакоже, большая часть были извѣстны. Иные изъ нихъ принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе мундиры“.

²⁾ Приказомъ 15-го декабря назначены 13 генераль-адъютантовъ: Башуцкій, Воиновъ, Воронановъ, Головинъ, Демидовъ, Фредериксъ, Исленевъ, Мартыновъ, Нейдгардъ, Суевинъ, Сухозанетъ, Чечеринъ, Шеншинъ.

именно происходило въ Петербургѣ во время возмущенія 14-го декабря; можетъ быть, сіи господа имѣли случай показать чрезвычайную храбрость свою и необыкновенную преданность къ нашему новому монарху, и мнѣ пріятно думать, что они оказали опыты своего мужества, но, прочитавъ описаніе несчастнаго мятежа, происходившаго въ Петербургѣ 14-го декабря, я не постигаю, что они могли сдѣлать отличнаго; за исключеніемъ полковъ Кавалергардскаго и Коннаго, ходившихъ на бунтовщиковъ въ атаку, тутъ прочимъ генераламъ не было случая блеснуть; досадовалъ я, что назначенія въ званія, на которыя мы привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ, должно было послѣдовать по той причинѣ, что гвардейскіе полки можетъ быть колебались въ принятіи присяги, и что командиры оныхъ оказали твердость и присутствіе духа. Въ такомъ случаѣ они достойны всякой возможной награды.

Нельзя, однакоже, при семъ не привести на память генераль-адъютантовъ царствованія Александра, который, за нѣкоторыми исключеніями, облакалъ въ это званіе людей, первѣйшія мѣста въ имперіи занимающихъ

Не отнимая заслугъ у вцовъ произведенныхъ генераль-адъютантовъ, но съ прежними ни въ какомъ отношеніи сравнить ихъ невозможно, это сущіе пигмеи, а потому я и полагаю, чтобы возвысить сіе званіе, надобно будетъ назначить въ оное нѣсколько отличныхъ генераловъ. Догадка моя сегодня (12-го января) отчасти оправдалась, увидя изъ высочайшаго приказа, отданнаго 25-го декабря, о назначеніи адмирала Сенявина въ генераль-адъютанты.

Адмиралъ Сенявинъ.

Сенявинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ, который въ полной мѣрѣ приобрѣлъ уваженіе, любовь и преданность общую въ народѣ; о флотѣ не говорю, онъ его идолъ. Походъ его въ Средиземномъ морѣ, подвиги на Соединенныхъ семи островахъ, разбитіе турокъ въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ, поведеніе его съ подчиненными, союзниками и непріятелями, наконецъ, поступки его въ Лиссабонѣ съ французами и англичанами

въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ каковомъ когда-либо адмиралъ находился и, наконецъ, самая капитуляція, съ англичанами заключенная, за которую британскаго адмирала предали суду, и пребываніе съ плѣннымъ уже флотомъ въ Портсмутъ,— поставили его на ряду отличныхъ государственныхъ мужей. По возвращеніи его въ Россію, кажется, въ 1808 году (??), онъ былъ весьма сухо принятъ императоромъ; нельзя, чтобы не было тому важныхъ причинъ, побудившихъ его величество къ такому поступку, и я никакъ не соглашусь съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ причину въ ненависти къ Сенявину тогдашняго морскаго министра и бывшаго въ большой довѣренности у государя Чичагова. Сенявинъ вышелъ изъ службы ¹⁾ и, не имѣя никакого состоянія, онъ, который командовалъ флотомъ и сухопутными войсками и завѣдывалъ обширными областями, принужденъ былъ довольствоваться 1.200 рублями ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Семейныя дѣла его были очень разстроены, и, конечно, душа его отъ стеченія столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ была сильно огорчена; но онъ въ несчастіи пребывалъ непоколебимъ и переносилъ оное съ такимъ равнодушіемъ, каковое оказывалъ нѣкогда, предводительствуя въ сраженіяхъ. Къ сему, конечно, не мало способствовало общее уваженіе, которымъ онъ, не смотря на немилость, въ которой находился при дворѣ, пользовался въ публикѣ. Описаніе походовъ его въ Средиземномъ морѣ было издано, и въ особенныхъ сочиненіяхъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, изъ коихъ, я думаю, не осталось ни одного, въ которомъ-бы не было помѣщено чего либо въ его похвалу. Между тѣмъ, морскіе офицеры превозносили его выше облаковъ, и я не знаю, можно-ли въ подобной мѣрѣ стяжать, какъ онъ, всеобщую привязанность! Въ сіе время Сенявинъ никогда не показывался при дворѣ, жилъ весьма скромно въ отдаленной части города, не былъ въ связяхъ ни съ кѣмъ изъ знатныхъ, не посѣщалъ большаго, такъ называемаго, свѣта, а былъ знакомъ въ домахъ людей самыхъ обыкновенныхъ, гдѣ онъ курилъ трубку и игралъ въ банкъ. Мнѣ однажды только случилось видѣть сего отличнаго мореходца

¹⁾ Сенявинъ вышелъ въ отставку 2-го апрѣля 1813 г., состоявъ съ 1811 года главнымъ командиромъ Ревельскаго порта.

въ подобномъ дому у одного нашего общаго пріятеля; Сенявинъ былъ во фракѣ, безъ орденовъ и съ трубкою въ рукахъ; сидѣлъ за столомъ, гдѣ метали банкъ, и, не говоря ни слова, загибалъ углы картъ отъ пяти и десяти рублей. Вниманіе мое было обращено на него; въ комнатѣ находились люди самые обыкновенные, но Сенявинъ, кажется, довольный увѣреніемъ со-вѣсти и пріобрѣтенной славой, былъ ко всему равнодушенъ. Наружность его величественна и пріятна, и тѣ, которые пользуются его короткимъ знакомствомъ, сказываютъ, что онъ столько-же любезенъ въ кругу пріятелей, сколько и скромнъ. Я истинно порадовался, узнавъ о принятіи его въ службу и о назначеніи его генералъ-адъютантомъ; это одинъ изъ мудрыхъ поступковъ, ознаменовавшихъ новое царствованіе наше; сямъ однимъ приказомъ во многихъ отношеніяхъ императоръ отдалъ должную справедливость общественному мнѣнію, привлекъ довѣренность и любовь всего флота.

Графъ Аракчеевъ.

Въ тѣхъ-же самыхъ газетахъ, гдѣ объявлено о назначеніи Сенявина, помѣщенъ рескриптъ императора къ графу Аракчееву отъ 19-го декабря прошлаго года, въ коемъ императоръ говоритъ, что надѣется, что графъ по прежнему будетъ служить его величеству, какъ служилъ покойному государю. Странно, что къ одному графу Аракчееву пишутъ о продолженіи его службы; въ такомъ случаѣ надлежало бы писать по крайней мѣрѣ и къ обоимъ главнокомандующимъ, графамъ Витгенштейну и Сакену, чтобы и они остались на службѣ, или другимъ особамъ, занимающимъ важныя должности; но такъ какъ нѣтъ указа или приказа объ увольненіи ихъ, равно какъ и Аракчеева отъ службы, то не существуетъ и достаточной причины для написанія къ нимъ подобныхъ рескриптовъ. Но я думаю, что поводомъ къ оному были двѣ причины: во-первыхъ, графъ Аракчеевъ, противъ котораго, по смерти Александра, всё явно вопіяли, и желалъ сямъ рескриптомъ, напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ, общенародно доказать, что онъ остается по прежнему при дворѣ, а во-вторыхъ, другая побудительная причина, которая мнѣ

кажется болѣе основательною, есть та, чтобы объявить волю монаршую объ высочайшемъ намѣреніи оставить по прежнему военныя поселенія. Извѣстно, что сіе учрежденіе вѣка Александра вооружило противу себя Россію, и потому по кончинѣ его думали, что преемникомъ его оное будетъ, или отмѣнено, или не будетъ болѣе распространяться; но симъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Аракчеева, ясно изображается высочайшая воля и въ семъ отношеніи поступать по примѣру Александра.

Приказъ о мундирахъ.

Вслѣдъ за симъ мы получили высочайшій приказъ о разныхъ перемѣнахъ въ мундирахъ всей пѣхоты и нѣкоторой части конницы, начиная отъ генераловъ до солдата. Поторопились, подумалъ я, симъ заняться; впрочемъ, во всей Европѣ, кромѣ Австріи, лишь только новый монархъ вступаетъ на престолъ, какъ дѣлаютъ какія-либо измѣненія въ одеждѣ войскъ. Я нашелъ неосновательнымъ, что въ генеральскихъ мундирахъ сдѣлано различіе между конными и пѣшими, между тѣми, кои находятся въ Литовскомъ корпусѣ, и служатъ въ финскихъ войскахъ, и между нами, русскими. Генеральское платье должно быть общее, ибо генераль, командуя на войнѣ пѣхотою, конницею и артиллеріею, принадлежитъ ко всѣмъ симъ тремъ разнымъ родамъ оружія, а не одному какому-либо изъ нихъ. Различіе въ мундирахъ даже вредно, и пѣхотный генераль, давая приказанія конницѣ, не найдетъ въ ней толь слѣпаго и безпрекословнаго повиновенія, какъ кавалерійскій генераль, равнымъ образомъ и сей послѣдній найдетъ въ таковомъ-же неприятномъ положеніи относительно пѣхоты. Въ первые годы царствованія покойнаго государя сіе различіе существовало, но во время войны, и кажется это было въ Парижѣ, оно уничтожено, — и я полагаю, что сіе было сдѣлано не по одной прихоти, но для того, что польза службы того требовала.

Приказъ о греческихъ именахъ.

Потомъ мы получили высочайшій приказъ, коимъ повелѣно два въ Тавридѣ находящіеся города не называть турецкими именами, но греческими, кои имъ даны были императрицею Екатериною, а именно, чтобы Севастополь не называли Ахтіаромъ, а Евпаторію — Козловымъ. Не означаетъ-ли это пѣкоторой склонности въ пользу грековъ? Догадка сія подтвердилась, по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ, ибо я получилъ немедленно послѣ сего высочайшее повелѣніе къ 20-му апрѣля отправить вторые баталіоны моей бригады во вторую армію на берега Прута. Въ повелѣніи было сказано, что изъ всей нашей 7-й дивизіи вторые баталіоны идутъ во вторую армію не по наличному числу людей, а по списочному состоянію, такимъ образомъ, что въ 13-мъ Егерскомъ полку добавляется ко второму баталіону изъ перваго 150, а изъ 14-го полка 197 человекъ. Взамѣнъ сей убыли къ намъ поступаютъ вторые баталіоны изъ 5-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго около Москвы.

Приказъ объ усиленіи второй арміи.

Такъ какъ отправленіе вторыхъ баталіоновъ возложено было на бригадныхъ начальниковъ, то я и поѣхалъ самъ въ полки и увидѣлъ, что въ 14-мъ Егерскомъ было очень много больныхъ, а именно 57 человекъ. Спрося у полковаго командира, отчего сіе происходитъ, я получилъ въ отвѣтъ, что въ семь чиселъ только трое старыхъ солдатъ, а что прочіе 54 — рекруты, большею частью изъ Вятской губерніи; таково вліяніе климата! Полковой командиръ присовокупилъ, что онъ замѣтилъ между солдатами особенное уныніе, котораго онъ, служа тридцать лѣтъ, никогда прежде не видалъ, и что оно особенно умножилось, когда люди узнали, что вторые баталіоны назначаются идти во вторую армію, до такой степени опасаются молдавскаго климата! Какъ-бы я радъ былъ, чтобы это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ аббату Прадту и другимъ публицистамъ въ Европѣ, которые утверждаютъ, что русскіе угрожаютъ навод-

нить Европу именно по той причинѣ, что будто-бы мы не можемъ ужиться въ холодномъ нашемъ климатѣ.

Сводный гвардейскій полкъ.

Въ сіе-же время объявлено было въ приказахъ, что изъ баталіоновъ Московскаго и Гренадерскаго гвардейскихъ полковъ составленъ сводный гвардейскій полкъ, который отправленъ на Кавказъ. Въ полкъ сей помѣщены тѣ люди, которые бунтовали 14-го декабря; часть гвардіи оказала себя въ сей день подобною преторіанскимъ легіонамъ, располагавшимъ вѣкогда римскимъ престоломъ. Послѣ происшествія, случившагося въ 1820 году въ Семеновскомъ полку, покойный государь почувствовалъ вредъ, могущій произойти отъ многочисленной гвардіи, и дабы непримѣтно искоренить сіе зло, онъ не приказалъ ее болѣе укомплектовывать. Сіе продолжалось два года, по прошествіи коихъ начали по прежнему число убывавшихъ людей пополнять выборомъ изъ армейскихъ полковъ, къ великому вреду сихъ послѣднихъ.

Погребеніе Александра I.

Повѣствованія о заговорѣ отвлекли меня на время отъ великаго праха Александра. Кто болѣе его покровительствовавалъ музамъ, кто изъ монарховъ не только въ Россіи, но даже въ Европѣ, отверзъ для нихъ болѣе храмовъ? Число учебныхъ заведеній всякаго рода, основанныхъ въ его царствованіе, терпящихся въ неизмѣримости Россіи, простирается на нѣсколько тысячъ, духовнымъ, дворянамъ, гражданамъ. Онъ всѣмъ облегчилъ способы ученія. Но что-же для памяти его сдѣлали питомцы музъ? Нѣсколько недѣль послѣ его кончины ничего въ честь его не было написано; это есть лучшій доводъ бѣдности нашей словесности. Съ какимъ нетерпѣніемъ пробѣгалъ я періодическія изданія, старался отыскивать въ нихъ какое-нибудь вдохновеніе, которое-бы послужило отголоскомъ чувствъ народнымъ, но тщетно. Сей предметъ превосходилъ силы нашихъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ любовь, и туманную даль, и утраченную юность.

Первая пьеса, появившаяся въ журналахъ, была написана крестьяниномъ Слѣпушкинымъ и отличается не изяществомъ поэзіи, а истинною чувства. Это сельская идиллія, въ которой крестьяне оплакиваютъ смерть добраго помѣщика. Вотъ нѣкоторые стихи, кто въ нихъ не узнаеть Александра, который былъ единственнымъ монархомъ въ Россіи, обратившимъ попечительность свою на участь крестьянъ:

Когда онъ проѣзжалъ любимыми полками,
 Казался краше всѣхъ, какъ розанъ межъ цвѣтами,
 Привѣтно говорилъ, шутилъ и всѣхъ ласкалъ,
 И взглядомъ радость онъ во всѣ сердца вливалъ.
 Теперь никто его не видитъ, не находитъ.

.....
 Такъ плачьте, дѣтушки, нашъ вѣрно грѣхъ великъ.
 О дѣти, онъ блаженъ, не встрѣтите скорбей слезныхъ
 И добрыхъ радуеть онъ ангеловъ небесныхъ.

Потомъ начали мало по малу проглядывать, такъ сказать, въ журналахъ нашихъ стихи на кончину его; но изъ нихъ врядъ-ли что дойдетъ до потомства. Я приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Слѣдующее мѣсто заимствовано мною изъ элегической пѣсни Глѣбова:

Бьетъ часъ—ужасный, роковой,
 Сверкаетъ смерть губительной косой,
 Сразила! . . . и сама надъ жертвой содрогнулась.

.....
 Въ столицѣ счастливой, подъ сѣнью благотворной,
 На пиршествахъ гремѣлъ царю хвалебный ликъ. . .
 А онъ! виновникъ нашихъ благъ,
 Въ тотъ часъ, на дальнихъ берегахъ
 Боролся съ смертью, подъ бременемъ недуга.

Послѣдніе три стиха произвели во мнѣ истинное потрясеніе; я видѣлъ его торжествовавшего въ Парижѣ, видѣлъ, какъ онъ давалъ законы Европѣ, и долженъ былъ представить себѣ его на одрѣ болѣзни, блѣднаго, изнеможеннаго, какъ мало по малу переставало биться то сердце, которое во всю жизнь его исполнено было любви къ человѣчеству и къ добродѣтели.

Лучшимъ поэтическимъ произведеніемъ на сей горестный случай я признаю слѣдующее посланіе Писарева подъ заглавіемъ:

«Къ порфирородной вдовицѣ, по прочтеніи письма, въ которомъ упомянуто: надѣюсь скоро съ нимъ соединиться».

Иностранные писатели въ семь случаевъ пристыдили нашихъ литераторовъ, ибо европейскіе журналы, тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра, отдали должную дань памяти его. Журналы всѣхъ партій, и революціонные, и монархическіе, при семь несчастномъ событіи отложили на время вражду свою для прославленія того, кто возвратилъ и упрочилъ миръ Европѣ. Я получилъ, живя въ Малороссіи, приказъ короля прусскаго къ арміи его о наложеніи траура по императорѣ Александрѣ прежде, нежели у насъ сдѣланы были какія-либо распоряженія по сему предмету.

Между тѣмъ тѣло Александра повезли изъ Таганрога; всякія газеты, описывая встрѣчу, дѣланную ему въ разныхъ городахъ, по всему пространству отъ Азовскаго моря до Петербурга, возобновляли скорбь души моей. Сколько я въ жизни моей писывалъ маршрутовъ во время путешествій Александра, вотъ послѣдній, по которому везли прахъ того, съ кѣмъ я въ торжествѣ въѣзжалъ въ разныя столицы Европы:

Декабря	26	выѣздъ	изъ	Таганрога.	
»	31	пріѣздъ	въ	Бахмутъ.	
Января	2	»	»	Изюмъ.	
»	6	»	»	Харьковъ.	
»	13	»	»	Курскъ.	
»	20	»	»	Мценскъ.	
»	26	»	»	Тулу.	
»	31	}	»	»	Москву.
Февраля	1				
»	2	}	»	»	Тверь.
»	8				
»	20	»	»	Новгородъ.	
»	25	»	»	Царское-село.	

Повсюду обнаруживалось . . . русскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространились по мѣрѣ приближенія праха къ Москвѣ и къ Петербургу какіе-то нелѣпные слухи, повергшіе народъ въ ужасъ. Говорили, что Александръ не умеръ и что гробъ не вмѣщаетъ

останковъ его; въ другихъ мѣстахъ увѣряли, что въ день прибытія тѣла его въ какой-нибудь городъ должно было въ ономъ вспыхнуть пламя бунта. Достоверно извѣстно, что опасенія сіи въ Москвѣ возрасли до такой степени, что войска имѣли во время печальной церемоніи заряженныя ружья, и что кабаки были заперты и были взяты со стороны полиціи возможные мѣры для прекращенія долженствовавшаго обнаружиться мятежа. Генераль Квитницкій, сопровождавшій со своею бригадою тѣло государя отъ Орла до Серпухова, сказывалъ мнѣ, что, по приближеніи печальнаго шествія процессіи къ Тулѣ, командующій тамъ войсками генераль Храповицкій извѣстилъ его по секрету начальствующаго печальнымъ шествіемъ генерала Орлова-Денисова, что въ Тулѣ и въ Москвѣ открыты злоумышленники, имѣющіе въ предметѣ сжечь тѣло покойнаго императора на какомъ-нибудь вочлегѣ. Перо падаетъ изъ рукъ! Боже мой, до чего мы дожили! Это неслыханное въ исторіи злоумышленіе! Вслѣдствіе того графъ Орловъ-Денисовъ принялъ всѣ возможные предосторожности, и генераль Квитницкій сказывалъ мнѣ, что въ военное время, въ виду непріятеля, нельзя было слѣдовать съ большими осторожностями, какъ они поступали при шествіи тѣла государева: были авангарды и арьергарды, разѣзды, патрули боковые...

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы узнали о похоронахъ императора Александра. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ нельзя было безъ ужаса брать въ руки газетъ, ибо каждый номеръ оныхъ наполненъ былъ описаніемъ того, что происходило при проѣздѣ тѣла августѣйшаго усопшаго отъ Таганрога до Петербурга; подробности усердія, преданности и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обожанія, оказаннаго народомъ, раздирали сердце, хотя и наполняли глаза слезами умиленія.

О, сколь великъ тотъ царь,
Кто россами владѣть умѣетъ.

Когда я прочиталъ въ газетахъ, что гробъ опустили въ землю и отдана была послѣдняя почеть выстрѣлами изъ пушекъ и орудій, то душа моя была столь сильно потрясена, что мнѣ казалось, будто я слышу сіи выстрѣлы, возвѣстившіе, что уже не находится болѣе на землѣ монарха, который былъ украшеніемъ рода человѣческаго...

Со смертію Александра рушились всѣ мои мечты и надежды: тайный голосъ говорилъ мнѣ, что служба моя должна была кончиться, и я ожидалъ, чтобы выйти въ отставку, только прекращенія мятежей, которые волновали на нѣкоторое время мое отечество. Весною сего года дѣла начали приходить въ надлежащій порядокъ; твердость новаго монарха ручалась за спокойную будущность, и какъ ничто не препятствовало моему намѣренію, то я подалъ прошеніе объ отчисленіи меня по арміи. Въ сіе-же время Анна Павловна подарила мнѣ по купчей Нижегородской губерніи село Юрьево. Первая собственность сія меня несказанно обрадовала, ибо съ нею совокуплялась мысль, что, въ случаѣ тревожной жизни, у меня есть пріютъ, котораго я такъ давно и такъ страстно желалъ имѣть.

Въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ высочайшее соизволеніе состоять по арміи, и въ томъ-же мѣсяцѣ выѣхалъ изъ Кременчуга въ деревню, гдѣ пробылъ три года и гдѣ дѣти найдутъ нѣкоторые слѣды моего существованія. Здѣсь оканчиваю я сіи записки, веденныя мною въ теченіи пятнадцати лѣтъ.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ

по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія

1790—1848—1890.

26-го августа 1890 года минуло сто лѣтъ со дня рожденія русскаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, и этотъ день долженъ быть отмѣченъ на страницахъ русскаго историческаго журнала.

Нынѣ, въ память исполнившагося столѣтія со дня рожденія этого неутомимаго труженика по разработкѣ отечественной исторической науки, „Русская Старина“ представила выше читателямъ своимъ нѣкоторые матеріалы изъ богатаго собранія бумагъ, оставшихся послѣ смерти Михайловскаго-Данилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ впервые указано было на значеніе Михайловскаго-Данилевскаго, какъ историческаго писателя, и на несправедливую оцѣнку его дѣятельности современниками и послѣдующими за ними историками. Въ статьѣ „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I-го“¹⁾, относительно Данилевскаго сказано слѣдующее: „никто не знавомъ съ его историческими трудами въ ихъ первоначальномъ, настоящемъ видѣ. Всѣ рукописи его многочисленныхъ историческихъ сочиненій подвергались самой безжалостной ампутаціи. По правильной оцѣнкѣ многихъ политическихъ явленій и многосторонней разработкѣ матеріаловъ онъ

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1889 г., январь, глава II.

стоитъ гораздо выше своего историческаго преемника—генерала Модеста Ив. Богдановича. Такъ, напримѣръ, относительно Тильзитскаго мира, въ „Исторіи войны 1806 и 1807 гг.“ уже въ 1846 г. Данилевскій призналъ (стр. 410) подписанный здѣсь императоромъ Александромъ договоръ: „однимъ изъ самыхъ выгодныхъ, какіе когда-либо заключала Россія: онъ послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ разрыву съ Швеціею и далъ императору Александру возможность употребить большія силы въ веденной имъ тогда войнѣ противъ Турціи... Императоръ Александръ могъ убѣдиться въ выгодахъ Тильзитскаго мира черезъ два года, подписывая договоръ Фридрихсгамскій, а черезъ пять лѣтъ—заключая миръ Буварестскій“.

Между тѣмъ, двадцать лѣтъ спустя, въ исторіи императора Александра I-го М. И. Богдановича относительно Тильзита сказано: „всѣ уступки, надежды, обѣщанія, данныя Наполеономъ императору Александру, клонились къ ослабленію Россіи и къ отторженію отъ нея союзниковъ“. Въ подобномъ отзывѣ уже чувствуется германизация русской исторіи, и дѣлаются понятными нападенія русскихъ и иностранныхъ критиковъ на Данилевскаго за слѣпое поклоненіе всему коренному русскому и за преувеличенный патріотизмъ.

Отзывъ этотъ требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Прежде всего поставимъ вопросъ: потрудились-ли порицатели Данилевскаго изучить съ должнымъ вниманіемъ историческое наслѣдіе, оставленное писателемъ, послужившимъ для нихъ мишенью дешевыхъ насмѣшекъ и глумленія и прозваннымъ съ легкой руки его непримиримаго врага, князя А. С. Меншикова, баснописцемъ? Затѣмъ, обращено-ли было вниманіе читателей на ту тяжелую обстановку, среди которой пришлось работать историку? Къ сожалѣнію, приходится отвѣчать отрицательно на поставленные нами два вопроса: въ этомъ отношеніи русская критика безмолствовала.

Разсмотримъ вкратцѣ въ чемъ заключается историческое наслѣдство, оставленное Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Независимо отъ печатныхъ трудовъ Данилевскаго, онъ оставилъ драгоцѣнное собраніе историческихъ матеріаловъ. Главная

часть этихъ матеріаловъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ царствованія императора Александра I, хранится въ военно-ученомъ архивѣ. Особеннымъ богатствомъ и полнотою отличаются матеріалы для исторіи отечественной войны 1812 года; они состоятъ изъ пятнадцати фоліантовъ и составляютъ незамѣнимое пособіе для каждаго изслѣдователя этого достопамятнаго года.

Кромѣ того, Данилевскій оставилъ еще болѣе 20-ти томовъ рукописныхъ записокъ съ обширными приложеніями ¹⁾. Начало ихъ относится къ 1808 году, когда Данилевскій отправился за границу въ Гёттингенскій университетъ; съ этого времени онъ велъ безъ перерыва до 1827 года дневники или „журналы“, которые обнимаютъ собою почти все Александровское царствованіе и замѣчательны по богатству историческаго содержанія. Изъ позднѣйшихъ журналовъ, относящихся уже къ царствованію императора Николая, сохранились дневники 1829 и 1831 годовъ ²⁾. Замѣтимъ здѣсь, что Данилевскій при многочисленныхъ своихъ занятіяхъ не успѣлъ окончить литературной обработки всѣхъ своихъ записокъ; онъ говорилъ не разъ, что на закатѣ дней своихъ непременно займется приготовленіемъ этихъ рукописей къ печати. Между тѣмъ „закатъ“ настигъ его ранѣе, чѣмъ можно было ожидать по вѣроятностямъ человѣческаго разсчета. Данилевскій скончался 9-го сентября 1848 г. на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія.

Намъ остается теперь еще представить очеркъ той обстановки при которой приходилось работать нашему историографу.

Цензуру всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Данилевскаго принялъ на себя самъ императоръ Николай. Государь прочелъ всѣ 18 рукописныхъ томовъ съ полнымъ вниманіемъ, въ чемъ легко убѣдиться по многимъ собственноручнымъ замѣткамъ его величества, украсившимъ собою труды историка. Малѣйшая описка или неточность разсказа автора не ускользали отъ вниманія императора, причѣмъ тщательно отмѣчалось все то, что, по тогдашнимъ соображеніямъ, не подлежало еще обнаруженію путемъ

¹⁾ Къ числу этихъ приложеній относится также переписка Данилевскаго, тщательно собранная имъ по годамъ и представляющая собою драгоцѣнный историческій матеріалъ.

²⁾ Дневникъ 1831 г. подъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Прагу въ 1831 г.“ былъ напечатанъ мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 года.

печати. Затѣмъ рукописи поступали на просмотръ въ графу Чернышеву, и нѣкоторыя изъ нихъ представлялись еще на окончательное обсужденіе князя Паскевича. Последнее случилось съ описаніемъ отечественной войны 1812 года.

Препровождая фельдмаршалу рукопись этого сочиненія, Данилевскій, въ рапортѣ на его имя, сообщаетъ нижеслѣдующія любопытныя свѣдѣнія о сокращеніяхъ, которымъ подвергся его трудъ:

— „Я имѣю честь представить вашей свѣтлости, пишетъ Данилевскій, тотъ самый экземпляръ, который былъ поднесенъ государю императору и на которомъ находится карандашемъ собственноручныя его императорскаго величества отмѣтки, покрытыя мастикомъ. Согласно съ сими отмѣтками и во исполненіе священнои воли государя императора, которую я изустно удостоился слышать, сдѣланы разныя измѣненія, какъ бытъ сочиненію въ печати. Они означены мною карандашемъ и, какъ усмотрѣтъ изволите, относятся особенно въ первой части. Въ ней уничтожено все, что касается существовавшихъ послѣ тильзитскаго мира видовъ на Турцію и востокъ, переговоры о буварестскомъ мирѣ, сокращены бывшія передъ войною дипломатическія сношенія съ Наполеономъ; о вооруженіи славянскихъ народовъ сказано лишь мимоходомъ, что оно назначалось противъ Франціи такъ, чтобы нельзя было догадаться о первоначальной его цѣли. Словомъ, въ дипломатической части уничтожено все, что могло-бы подать поводъ въ пересудамъ иностранцевъ и до сихъ поръ еще составляетъ государственную тайну. Собственно въ военной части и въ изложеніи происшествій внутри имперіи назначено выпустить мѣста, которыя слишкомъ невыгодны для памяти нѣкоторыхъ генераловъ за ихъ неудачныя дѣйствія, какъ то случилось близъ Смоленска и на Березинѣ, слишкомъ рѣзкія выраженія и тавія частности, которыя хотя живописуютъ тогдашнее время, но еще не подлежатъ огласкѣ. То-же самое слѣдуетъ сдѣлать и съ нѣкоторыми происшествіями внутри имперіи, на примѣръ, умолчать объ убіеніи Верещагина, влятвопреступленіи въ Могилевѣ“.

Руководствуясь подобными соображеніями, вычерчивались цѣлыя страницы, даже главы, вслѣдствіе чего въ повѣствованіи автора нерѣдко утрачивалась логическая послѣдовательность,

являлись чувствительные пробѣлы, и описываемыя событія лишались должнаго освѣщенія. Къ сожалѣнію, никто изъ позднѣйшихъ историковъ не далъ себѣ труда заглянуть въ рукописи Данилевскаго; на него продолжали смотрѣть свысока, какъ на присяжнаго баснописца, руководствуясь при подобныхъ сужденіяхъ твореніями историка, появившимися въ печати въ искалѣченномъ видѣ.

Къ числу сокращеній, которымъ подверглась рукопись исторіи отечественной войны, относятся всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Данилевскимъ о предполагаемой противъ Австріи въ 1812 году диверсіи, о назначенномъ императоромъ Александромъ славянскомъ ополченіи и о намѣреніи адмирала Чичагова двинуться съ Дунайскою арміею къ Константинополю. Замѣтимъ здѣсь, что этотъ любопытный эпизодъ исторіи 1812 года остался совершенно неразработаннымъ даже въ исторіи отечественной войны М. И. Богдановича, изданной въ 1860 году, хотя авторъ ея сравнительно съ Данилевскимъ имѣлъ уже возможность работать при совершенно измѣнившихся цензурныхъ условіяхъ. Между тѣмъ Данилевскій весьма тщательно разработалъ этотъ отдѣлъ своей исторіи, и слѣдовавшему за нимъ исторіографу оставалось только заглянуть въ его рукописи, чтобы обогатить свой трудъ собранными здѣсь драгоценными указаніями; но это было сочтено излишнимъ.

Разсказъ Данилевскаго о славянскомъ ополченіи настолько любопытенъ, что мы приведемъ здѣсь заключительныя строки его по этому предмету. Читая ихъ, можно забыть, что онѣ написаны въ 1836 году и что авторъ имѣлъ смѣлость представить на благовозрѣніе императора Николая разсужденія, столь мало согласныя съ господствовавшею тогда политикою „безкорыстія“ и „высшихъ нравственныхъ началъ“.

.... „Въ тотъ самый день, какъ первая армія входила въ лагерь при Дриссѣ, авангардъ Дунайской арміи трогался изъ Валахій въ Сербію, подъ начальствомъ графа Орурка. Его отрядъ состоялъ изъ полковъ: Волинскаго уланскаго, трехъ пѣхотныхъ, 1-го казачьяго и роты артиллеріи“.

„Вступленіе въ Сербію сдѣлалось подъ предлогомъ, что турки раззорили одну сербскую деревню и собирались съ большими силами напасть на Горгучево, почему Черный Георгій просилъ

помощи. Графу Орурку велѣно было успокоить сербовъ на счетъ ихъ безопасности, отобрать свѣдѣнія касательно ихъ расположенія къ Россіи, ввести между сербами военное устройство, составить изъ нихъ корпусъ, привести въ извѣстность сколько могутъ они вооружить людей, узнать, найдутся-ли желающіе содѣйствовать намъ внѣ своего отечества, и всѣ дѣйствія производить скрытно. Въ заключеніе велѣно было, при встрѣчѣ съ австрійцами, военныхъ дѣйствій не начинать, если сами къ тому не дадутъ повода!¹⁾

„Едва вступилъ графъ Оруръ въ Сербію, какъ у главнокомандующаго возродилось новое отважное намѣреніе, котораго исполненіе почиталъ онъ гораздо легче и важнѣе похода въ Далмацію. По доходившимъ до него изъ Константинополя свѣдѣніямъ, встрѣчали наши полномочные непреодолимые препоны къ заключенію союза, отчего происходила невозвратимая потеря времени. Также извѣщали его, что Диванъ ни подъ какимъ видомъ не согласится на переходъ нашихъ войскъ чрезъ его области. По мнѣнію Чичагова, безъ этого союза и рѣшительнаго содѣйствія турокъ мы лишились отъ заключеннаго съ ними мира всѣхъ средствъ, которыми пользовались, находясь съ Портою въ войнѣ, имѣя тогда въ нашей власти значительную часть ея владѣній. Чтобъ предупредить вредныя, какъ онъ думалъ, слѣдствія такого мира, было одно средство—быстро устремиться къ Константинополю, принудить Порту къ союзу и дать законы полуденной Европѣ. Тамъ, говоритъ онъ, найдемъ мы войска, корабли, деньги, нанесемъ ударъ Наполеону, произведемъ выгоднѣйшее вліяніе на политику всѣхъ державъ, разгромимъ нашихъ непріятелей, исполнимъ удивленія нашихъ союзниковъ. Наполеонъ идетъ на сѣверъ, а мы пойдемъ на югъ; онъ хочетъ овладѣть Петербургомъ, а мы заставимъ его трепетать за Константинополь, который для него важнѣе Петербурга“.

„Предпріятіе противъ Византіи осталось мечтою пылкаго воображенія. Чрезъ двѣ недѣли послѣ отправленнаго о томъ представленія получено въ Бухарестѣ 15-го іюля повелѣніе соединиться Дунайской арміи съ Тормасовымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ рушился и планъ идти къ Адриатическому морю“.

¹⁾ Повелѣніе адмирала Чичагова графу Орурку отъ 23-го іюля 1812 года.

„Разсуждая о слѣдствіяхъ, которыя-бы могли произойти отъ вооруженія славянъ, значило-бы основываться на догадкахъ, блуждать въ области возможностей. Несомнѣнно только, что вопросъ объ ополченіи славянскихъ племенъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ. Подъ какою-бы державою они ни находились, какими-бы законами ни управлялись, какое-бы измѣненіе въ ихъ нравственномъ образованіи и гражданскомъ устройствѣ ни дѣлало въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ попеременно итальянцы, французы, нѣмцы и англичане, но наши единовѣрцы, обитающіе между Чернымъ моремъ и Адриатическимъ, не перестаютъ согрѣвать чувства, что Россія общая ихъ мать, что нашъ монархъ, котораго они называютъ своимъ императоромъ, есть глава ихъ церкви, законный покровитель ихъ, поставленный свыше“.

„Преданность ихъ къ Россіи, ненависть къ чужеплеменнымъ— вотъ уваженія, служившія основаніемъ великой мысли Александра на счетъ славянскаго ополченія. Бывъ подкрѣпленъ русскими войсками и англичанами, могло оно произвести на югѣ рѣшительный переворотъ, который, распространяясь оттуда на подвластныя тогда Наполеону земли, сильно-бы потрясъ его могущество, даже во многихъ отношеніяхъ далъ-бы новый видъ Европѣ ¹⁾“.

„19-го іюля, когда Барклай и князь Багратіонъ подходили къ Смоленску, тронулась Дунайская армія на соединеніе съ Тормасовымъ“.

Послѣ смерти Михайловскаго-Данилевскаго богатое собраніе его рукописей постигла печальная участь: онѣ разсѣялись во всѣ стороны. Въ настоящее время значительная часть ихъ находится въ военно-ученомъ архивѣ, другая приобрѣтена импе-

¹⁾ Въ черновой рукописи послѣдняя мысль высказана Данилевскимъ въ болѣе рѣзкой формѣ, а именно:

„Обстоятельства воспрепятствовали императору Александру воспользоваться ихъ преданностью къ Россіи, ненавистью къ чужеплеменнымъ. Можетъ быть еще долго, очень долго эта богатая руда не будетъ разработана, но придетъ время, и русское потомство вспомнитъ съ признательностію, что Александръ былъ первый изъ нашихъ Монарховъ, возымѣвшій великую мысль о славянскомъ ополченіи, которое въ рукахъ Россіи составляетъ такую пружину, посредствомъ которой она можетъ дать Европѣ новый видъ“.

раторскою публичною бібліотекою; многія-же изъ нихъ составляютъ собственность частныхъ лицъ.

Особенно-же не посчастливилось „Журналу 1826 года“; онъ сохранился, въ сожалѣнію, только въ видѣ отрывочныхъ листовъ и не былъ окончательно обработанъ авторомъ. Начало этой рукописи входило въ составъ нашего собранія рукописей, конецъ-же ея находился въ императорской публичной бібліотекѣ ¹⁾. Выше мы представили читателямъ „Русской Старины“ любопытный дневникъ 1826 года, заключающій въ себѣ главнѣйшимъ образомъ свѣдѣнія, относящіеся къ вступленію на престолъ императора Николая.

Припомнимъ здѣсь, что 1825 годъ засталъ Данилевскаго въ Кременчугѣ въ скромной должности начальника бригады. Въ концѣ ноября распространился въ городѣ слухъ о безнадежной болѣзни императора Александра Павловича; вскорѣ Данилевскій узналъ изъ частнаго письма, что 19-го ноября Александра не стало!

„Горестъ была общая, пишетъ Данилевскій въ дневникѣ 1825 года,—всѣ ко мнѣ приходившіе заливались слезами, но, о страсти человѣчества! черезъ день многіе начали говорить о видахъ честолюбія, отгрывавшихся для нихъ при преемникѣ Александромъ, и помышлять о томъ, какую пользу извлечь можно было изъ старинныхъ связей съ новымъ монархомъ. Я на другой день уже услышалъ, какъ собирались къ новому двору и разсуждали уже о празднествахъ, имѣвшихъ быть при коронаціи. „Дайте-же охладѣть праху усопшаго“, сказалъ я, и честолюбцы, устыдясь, замолкли.

„Въ сіе-же самое время многіе, почитавшіеся за умнѣйшихъ, предлагали мнѣ вопросъ, кто, по моему мнѣнію, будетъ наследовать престолу? Я имъ отвѣчалъ, что цесаревичъ, имѣвшій на то право по первородству и по закону Павла I-го о наследіи. Я заключилъ, что вопросы сіи происходили отъ того, что въ Россіи весьма мало занимаются политическими предметами, и приписывалъ одному невѣжеству нѣкоторое сомнѣніе, видѣнное

¹⁾ Вслѣдствіе этого мною принесена въ даръ публичной бібліотекѣ первая половина рукописи Данилевскаго, и такимъ образомъ удалось возстановить журналъ 1826 года въ его первоначальномъ видѣ. Н. III.

на лицах касательно до наслѣдія престола, сего главнѣйшаго залога народнаго спокойствія. Отвѣтъ мой показался не для всѣхъ удовлетворителенъ; мнѣ сказали за тайну, что слухъ носится, будто цесаревичъ не намѣренъ царствовать, и что императоромъ будетъ великій князь Николай Павловичъ. Мнѣ надобно было, какъ начальствующему войсками, дѣйствовать на общее мнѣніе, а потому я убѣждалъ не вѣрять молвъ тамъ, гдѣ дѣло шло о важнѣйшихъ событіяхъ; опроверженія мои подтвердились вскорѣ повелѣніемъ, полученнымъ мною 8-го декабря, присягнуть императору Константину. Я нарочно помѣстилъ въ семь журналъ сомнѣнія, бывшія на счетъ наслѣдія престола, изъ чего видно, что самыя сокровенныя мѣроположенія правительства дѣлаются гласными въ народѣ. Напримѣръ, я, который находился много лѣтъ при дворѣ и въ связи съ первыми особами нашего времени, я ничего не зналъ объ отреченіи и назначеніи великаго князя Николая Павловича въ то время, какъ молва носилась о семь между людей, никогда не выѣзжавшихъ изъ Кременчуга.

„Почти весь декабрь мѣсяць 1825 года прошелъ въ ожиданіи нами манифеста о восшествіи на престолъ новаго царя; съ какою жадностію ожидали мы почтъ, приходившихъ изъ Петербурга, чтобы узнать о новыхъ назначеніяхъ и о новыхъ лицахъ, имѣвшихъ явиться на политическомъ горизонтѣ. И я былъ очень любопытенъ, но съ равнодушіемъ взиралъ на предстоявшія перемѣны и почти не выходилъ изъ прекраснаго своего кабинета. Часто я смотрѣлъ на теченіе Днѣпра, глаза мои нѣсколько разъ въ день покрывались слезами, вспоминая Александра, и я съ спокойною совѣстію, что служилъ ему вѣрно, ожидалъ въ молчаніи будущаго...

„Вскорѣ послѣ данной нами присяги мы услышали, что сенатъ и министры отправили къ новому монарху депутатовъ въ Варшаву... Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ имени главнокомандующаго донести сему послѣднему, неизвѣстно-ли мнѣ мѣстопробываніе императора Константина, и не пріѣзжалъ-ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего 3-го корпуса...

„Наконецъ, недоумѣніе наше прекратилось; 24-го декабря мы получили извѣстіе, что Константинъ Павловичъ, которому мы за двѣ недѣли присягнули въ вѣрности, не принимаетъ престола, отъ котораго онъ уже въ 1822 году отказался, и передаетъ право старшему по немъ брату Николаю Павловичу. Отречение сіе, сохраняемое въ тайнѣ, хотя, какъ я выше сего упомянулъ, глухая молва о немъ и ходила въ народѣ, есть одно изъ необыкновенныхъ происшествій въ исторіи, которое можно разсматривать съ разныхъ сторонъ... Настало 31-е число декабря, послѣдній день толь бѣдственнаго великою потерю 1825 г.; я съ ужасомъ встрѣчалъ наступавшій годъ, потому что въ Кременчугѣ распространились самыя горестныя вѣсти изъ столицы; это были слухи, а потому не заслуживали еще вѣры, не менѣе того, подтверждаясь ежечасно, они пріобрѣтали нѣкоторое правдоподобіе. Говорили, что гвардейскіе полки произвели буйства, что во время смятенія убитъ графъ Милорадовичъ; рассказывали о еще гнуснѣйшихъ неистовствахъ. Поводомъ къ симъ слухамъ служили показанія двухъ проѣхавшихъ курьеровъ, у одного изъ нихъ дорожная подписана была не графомъ Милорадовичемъ, какъ слѣдовало, а генераломъ Кутузовымъ, и то, что по послѣдней почтѣ не привезено было ни къ кому ни писемъ, ни вѣдомостей, ни журналовъ изъ Петербурга. Происходили еще странности, напримѣръ, въ Кременчугѣ были чиновники военныхъ сообщеній, которые до Новаго года не получали официального извѣстія о кончинѣ императора Александра и, слѣдовательно, никому не присягали; духовное и гражданское вѣдомства присягнули Константину и не имѣли свѣдѣній о восшествіи на престолъ императора Николая; мы одни военные присягнули сему послѣднему, а въ церквахъ молились объ императорѣ Константинѣ. Непростительно было, что въ Петербургѣ высшія начальства не приняли согласныхъ мѣръ къ единовременной всѣхъ присягѣ, отчего бы прекратилось множество нелѣпныхъ слуховъ, распространявшихся въ дальнихъ губерніяхъ. Если сіи вѣсти дошли до меня, жившаго на берегахъ Днѣпра, то онѣ должны были вскорѣ достигнуть до предѣловъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, обитаемыхъ казаками, раскольниками, бродягами, бѣглецами и полудикими, словомъ, людьми безъ вѣры, безъ нравственности, ожесточенными во многихъ отношеніяхъ противъ

Россіи. Кто могъ ручаться, что слухи сіи не произведутъ волненія между сими людьми, а особенно между находящимися посреди ихъ поселенными войсками, коихъ ненависть къ положенію ихъ ни для правительства, ни для частныхъ людей не была тайною? Въ сихъ размышленіяхъ я провелъ послѣдній день года и думалъ: Господи, не предаждь насъ на поруганіе сосѣдямъ нашимъ и сохрани державу Россійскую“.

Н. К. Шильдеръ.

Примѣчаніе. Выше А. И. Михайловскій-Данилевскій упоминаетъ, что онъ въ 1814 году спасъ жизнь императора Александра I. Эти слова Данилевскаго требуютъ поясненія.

Въ собственноручной рукописи нашего историка: „Случай, предшествовавшіе занятію Парижа русскими, вступленіе ихъ въ оный и пребываніе ихъ въ немъ въ 1814 году“, мы находимъ по этому поводу слѣдующія указанія:

„Во время прохода церемоніальнымъ маршемъ войскъ по Елисейскимъ полямъ, одинъ французъ, вида, что я стоялъ близко государя, подошелъ ко мнѣ и просилъ предупредить его величество не останавливаться въ Тюльерійскомъ дворцѣ, потому что въ погребахъ онаго положили порохъ съ намѣреніемъ взорвать дворецъ. Я сообщилъ сіе извѣстіе князю Волконскому, который сказалъ мнѣ что императоръ избралъ для пребыванія своего домъ Талейрана.

. . . . „Когда государь остановился въ Елисейскихъ поляхъ и народъ окружалъ его въ несказанномъ множествѣ, то я увидѣлъ, — а у меня уже воображеніе было воспалено тѣмъ, что будто въ погребахъ Тюльерійскаго дворца положенъ порохъ, — я увидѣлъ одного человѣка, который вдругъ подлѣ самаго императора поднялъ ружье вверхъ. Мгновенно я на него бросился, вырвалъ у него ружье и, схвативъ его, закричалъ жандармамъ, чтобы его взяли. Ужасный шумъ произошелъ въ народной толпѣ; „онъ пьянъ“, говорили французы, столько-же изумленные появленіемъ сего ружья, а государь, передъ глазами коего все сіе происходило, повторялъ нѣсколько разъ съ торопливостію: „оставь его, Данилевскій, оставь его“. Одному Небу извѣстны намѣренія этого человѣка, который скрылся въ толпѣ, но я почту себя во всю жизнь счастливымъ, что я исторгъ оружіе изъ рукъ его. Свидѣтелемъ сего явленія былъ одинъ тогдашній товарищъ мой Шербининъ, потому что всѣ офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ государя, находились въ нѣкоторомъ разстояніи“.

А. Михайловскій-Данилевскій.

Н. Ш.

НАВОДНЕНІЕ 7-го НОЯВРЯ 1824 г. ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

ОЧЕРКЪ.

Въ январѣ 1826 года въ Петербургѣ была издана книга подъ заглавіемъ: *Описаніе наводненія, бывшаго въ Санктпетербургѣ 7 числа ноября 1824 года. Издавъ Самуиль Аллеръ*“. Книга эта нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость, она имѣется, однако, въ библіотекѣ редакціи „Русской Старины“, и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ ней, по официальнымъ даннымъ, заключаются: 1) подробное описаніе сильнѣйшаго изъ всѣхъ петербургскихъ наводненій со времени основанія Петербурга, и 2) распоряженія правительства для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія жителямъ столицы. „Необычайное“ наводненіе, поразившее жителей ея страшнымъ бѣдствіемъ, возбудило и „необычайныя“ мѣры правительства для пособія пострадавшимъ. Мѣры эти были тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что исходили непосредственно отъ императора Александра Павловича, равно и отъ императрицы, его матери, Маріи Феодоровны, примѣромъ своимъ увлекшихъ достаточныхъ лицъ всѣхъ сословій столицы.

Представляемъ извлеченіе изъ интересной книги Самуила Аллера.

Кн. Н. С. Г.

I.

6-го ноября 1824 года, особенно къ вечеру, сильный юго-западный вѣтеръ уже грозилъ столицѣ бѣдствіемъ, но къ ночи началъ было слабѣть; однако, фонари на Адмиралтействѣ оставались зажженными, а пальба изъ крѣпости не прекращалась во всю ночь. 7-го, рано утромъ, вѣтеръ сталъ усиливаться, а въ 10-мъ часу превратился въ сильнѣйшую бурю. Въ это время было + 6 град. по Реомюру, барометръ опустился почти до 27 д., а воздухъ сталъ весьма

густымъ. Въ 10 часовъ вода стала выступать изъ береговъ, а въ началѣ 12-го наводнила уже двѣ трети города, кромѣ большей половины Литейной, Московской, Каретной и Рождественской частей и нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ. Вода возвышалась съ чрезвычайною скоростью до 3-го часа, вездѣ производя страшныя разрушенія и разнося повсюду всякаго рода обломки, барки, крыши домовъ, дрова, всякій хламъ, трупы животныхъ и проч. По улицамъ, превратившимся въ бурныя рѣки, люди стали ѣздить на лодкахъ, плотахъ и т. п., для спасенія утопавшихъ, но бурный вѣтеръ грозилъ утопить ихъ самихъ. Исаакіевскій мостъ (на судахъ) былъ разорванъ на части, которыя понесло противъ теченія рѣки въ разныя стороны. Прочіе мосты также не устояли противъ страшной бури. Разъяренная Нева представляла страшную картину, неся отъ Васильевского острова къ Охтѣ барки, плоты, обломки судовъ, строеній и т. п., съ погибавшими на нихъ людьми. Самое ужасное зрѣлище разрушенія было въ Галерной гавани и на казенномъ чугунномъ заводѣ. Вода все прибывала до 2-хъ часовъ, какъ вдругъ барометръ поднялся до 30 д. и прибыль воды приостановилась на четверть часа, а въ четверть 3-го часа вдругъ начала убывать скорѣе, чѣмъ до того прибывала. Несмотря на наступившія вскорѣ сумерки и затѣмъ темноту, возникло, хотя съ трудомъ, сообщеніе по улицамъ, заваленнымъ всякимъ хламомъ и которыхъ невозможно было освѣтить фонарями. Не прежде, какъ послѣ полуночи, вода стекла съ улицъ, да и то не со всѣхъ. А къ утру насталъ морозъ, усугубившій бѣдствія спасавшихся людей. 8-го ноября, рано утромъ, народъ уже толпился по улицамъ, затопленнымъ водою и заваленнымъ всевозможными обломками. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что всего болѣе потерпѣли: бѣольшая часть Васильевского острова, особенно Галерная гавань, гдѣ вода поднималась на 16 футовъ, а также Коломна, Екатерингофъ, съ близлежащими островами, особенно Канонерскимъ, Петербургская сторона и Выборгская (западная часть). Въ Адмиралтейскихъ частяхъ, гдѣ были каменные дома, разрушенія было меньше, но всѣ нижніе этажи, магазины, лавки, подвалы, погреба и проч. были залиты водою.

Тщательныя изслѣдованія вскорѣ представили общій итогъ всѣхъ бѣдъ, разрушенія и убытковъ, нанесенныхъ Петербургу наводненіемъ въ теченіе самаго короткаго времени (собственно 5 часовъ—отъ 10 до 3-хъ), а именно: погибло людей 480 челов., домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, мелкаго скота и проч.—3,609 головъ; разрушено и снесено 324 дома, повреждено наружно или и вну-

тренно 3,581 домовъ, повреждены или и разрушены мостовыя, тротуары, набережныя, мосты и проч., на окраинахъ огороды, на ближайшихъ поляхъ скирды сѣна и проч. Въ поврежденныхъ домахъ разрушены печи, которыхъ нельзя было ни топить, ни скоро исправить. На какую сумму простирались вещественные убытки—въ точности не извѣстно, но несомнѣнно на огромную.

Значительному разрушенію и убыткамъ подверглись и окрестныя мѣста Петербурга: по Петергофской дорогѣ, въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ, Ораниенбаумѣ, Кронштадтѣ и на сѣверной сторонѣ взморья отъ Систербекской дороги до Выборгской стороны. Въ этихъ мѣстахъ людей погибло 224 чел., а строеній разрушено 114 и повреждено 187.

Любопытны наблюденія возвышенія и пониженія воды въ день наводненія.

7-го ноября, въ 7^{1/2} час. утра, вода въ Невѣ пришла въ „совершенную прибыль“, 3 фута 6 дюйм. (высота-же воды въ 3 фута равно—считалась и считается „совершенною убылью“; при первой производится, а при второй не производится сигналы):

въ 8 ч. утра	высота воды была	4 ф. 1 д.	при вѣтрѣ отъ ЮЗ.
„ 9 „	„ „ „	5 „ 4	„ „ „ „ „
„ 10 „	„ „ „	6 „ 6	„ „ „ „ „
„ 11 „	„ „ „	8 „ 7	„ при вѣтрѣ отъ ЗЮЗ.
„ 12 „	„ „ „	10 „ —	„ „ „ „ „
„ 1 „	„ „ „	10 „ 6	„ „ „ „ „
„ 2 „	наивысшая	11 „ 10 ^{1/4}	„ при вѣтрѣ съ шква-
„ 3 „	„ „ „	10 „ 8	лами отъ З.
„ 4 „	„ „ „	8 „ —	„ при среднемъ вѣтрѣ съ
			порывами отъ СЗ.
„ 6 „	„ „ „	6 „ 7	„ при крѣпк. в. отъ СЗС.
„ 7 „	„ „ „	6 „ 6	„ „ „ „ „
„ 8 „	„ „ „	5 „ 9	„ „ „ „ „
„ 9 „	„ „ „	4 „ 9	„ „ „ „ „
„ 10 „	„ „ „	3 „ 9	„ при вѣтрѣ отъ СЗ.
„ 10 ^{1/2}	(совершенная убыль)	3 „ —	„ „ „ „ „
„ 11 ^{1/2}	„ „ „	3 „ —	„ при умѣренномъ вѣтрѣ.

Примѣчаніе. Послѣ наводненія 7-го ноября вода въ Невѣ почти безпрерывно поднималась болѣе или менѣе до 21-го декабря того-же 1824 года, при очень сильныхъ вѣтрахъ отъ ЮЗ., отъ 3 ф. 6 д. до 4,5 и даже 6 ф. 2^{1/2} д.

II.

8-го, 9-го и 10-го ноября 1824 г. императоръ Александръ самъ лично осматривалъ (большею частію пѣшкомъ) всѣ части города и мѣста въ нихъ и за городомъ, наиболѣе пострадавшія отъ наводненія. 9-го ноября онъ назначилъ, подъ главнымъ начальствомъ с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора графа Милорадовича, 3-хъ временныхъ военныхъ губернаторовъ зарѣчныхъ частей города, генераль-адъютантовъ: Бенкендорфа—Васильевскаго острова, графа Комаровскаго—Петербургской стороны, и Депрерадовича—Выборгской, снабдивъ каждого полномочіями и по 100 тыс. р. асс. каждому. 11-го-же ноября 1824 года государь, собственноручнымъ рескриптомъ на имя дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Борисовича Куракина, назначилъ въ раздачу наиболѣе разореннымъ и немущимъ жителямъ, безъ возврата, одинъ миллионъ рублей изъ суммъ, составленныхъ отъ сбереженія хозяйственнымъ устройствомъ военныхъ поселеній. Исполнителями-же сего государь назначилъ: его, князя Куракина, генераловъ: графа Аракчеева, графа Милорадовича и Сукина (коменданта крѣпости), министра финансовъ, начальника главнаго морскаго штаба, с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера и одного духовнаго лица по назначенію с.-петербургскаго митрополита Серафима, образовавъ изъ нихъ „Центральный или главный комитетъ о пособіи разореннымъ наводненіемъ“, съ избраніемъ имъ двухъ членовъ изъ петербургскаго русскаго купечества. Главнымъ основаніемъ дѣйствій комитета послужили начертанныя самимъ государемъ правила. Въ самый день послѣдованія рескрипта государя, 11-го ноября, комитетъ получилъ назначенный ему 1 миллионъ рублей и открылъ свои дѣйствія. Въ первомъ-же засѣданіи графъ Милорадовичъ прочиталъ данное ему государемъ, въ руководство, наставленіе въ 18-ти пунктахъ, о собраніи подробныхъ свѣдѣній о погибшихъ и пострадавшихъ отъ наводненія, о разрушенныхъ и поврежденныхъ зданіяхъ и проч. Принявъ эти правила въ руководство и основаніе своихъ дѣйствій, комитетъ положилъ учредить въ наиболѣе пострадавшихъ частяхъ города частные вспомогательные комитеты, подъ предсѣдательствомъ высшихъ служебныхъ лицъ (всего 7 комитетовъ), съ отпускомъ каждому, на первый случай, по 25 тыс. руб., а всего 805 тыс. руб., которые предоставилъ предсѣдателямъ комитетовъ немедленно расходовать на точномъ основаніи правилъ, самимъ государемъ начертанныхъ.

III.

Императрица Марія Теодоровна повелѣла: 1) чтобы заложенная въ ломбардѣ теплая одежда была возвращаема дѣйствительно потерпѣвшимъ отъ наводненія лицамъ, безъ всякаго платежа денегъ и процентовъ; 2) для бывшихъ воспитанницъ подвѣдомственныхъ императрицѣ заведеній, которыя, съ дѣтьми ихъ, лишились пристанища и пропитанія, открывать временное пристанище въ зданіи Вдовьяго дома, съ содержаніемъ, на иждивеніи императрицы, пищею, отопленіемъ, освѣщеніемъ, а въ случаѣ надобности и нужнѣйшими одеждою и мебелью, пока онѣ сами не прищутъ себѣ пристанища или оно не будетъ доставлено имъ отъ частныхъ комитетовъ; 3) подъ вѣдомствомъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома открыть временное убѣжище для малолѣтнихъ дѣтей, лишившихся отъ наводненія пристанища, по свидѣтельствамъ частныхъ комитетовъ, съ содержаніемъ этихъ дѣтей пищею и, по мѣрѣ надобности, бѣльемъ, обувью, одеждою и, въ болѣзни, врачебною помощію, и съ призрѣніемъ вмѣстѣ съ ними и матерей ихъ, если-бы послѣднія оказались безъ пристанища и согласились принять на себя надзоръ и надъ другими дѣтьми; 4) круглыя сироты изъ числа этихъ дѣтей должны были быть помѣщены въ Воспитательный домъ и причислены къ питомцамъ его, а на содержаніе ихъ, сверхъ иждивенія Воспитательнаго дома, принимать всякія частныя добровольныя подаванія.

Всѣ эти благотворительныя мѣры императрицы Маріи Теодоровны были утверждены государемъ.

Вслѣдствіе того, въ пользу временнаго призрѣнія означенныхъ выше лицъ, пострадавшихъ отъ наводненія, поступило: отъ Воспитательнаго дома 60 тыс. руб. и отъ благотворителей—121,926 руб., а всего 181,926 руб.; дѣтей принято 152, матерей при нихъ 18, бывшихъ воспитанницъ Воспитательнаго дома—3 и 1 пансіонерка, всего 174; денегъ издержано 181,107 руб.

Общій отчетъ о пособіи пострадавшимъ отъ наводненія 7 ноября 1824 года былъ представленъ главнымъ комитетомъ уже императору Николаю Павловичу 23-го января 1826 г. По этому отчету, въ помощь пострадавшимъ отъ наводненія, поступило всего 4.066,486 р. 62 к. ассигн. и 103 р. 55 к. сер., изъ которыхъ помощь оказана 53,529 лицамъ. При этомъ, 9-го ноября 1824 года была устроена временная больница; 10-го ноября больные размѣщены по обывательскимъ квартирамъ и въ военныхъ госпиталяхъ; 10-го-же ноября

размѣщены по квартирамъ оставшіеся безъ крова, и назначены, сколько можно было найти, печники для исправленія печей, а 24-го ноября поставлено 150 печниковъ изъ военныхъ поселеній. 12-го ноября были приняты мѣры о невозвышеніи цѣнъ на хлѣбъ. Главный комитетъ съ 11-го ноября принялъ всѣ мѣры для пособія пострадавшимъ отъ наводненія, особенно: 1) раззореннымъ бѣднымъ жителямъ, 2) безпомощнымъ старымъ людямъ, и 3) безпомощнымъ сиротамъ. Въ отношеніи пособій были установлены строго обсужденные размѣры. Для престарѣлыхъ и больныхъ учреждена временная богадѣльня, а для сиротъ приняты мѣры призрѣнія ихъ. По примѣрному исчисленію раззоренія жителей, наиболѣе пострадавшаго Васильевскаго острова, главный комитетъ назначилъ на удовлетвореніе ихъ 238,275 руб. На пособіе фабрикантамъ и заводчикамъ (кромя отказавшихся отъ пособій), пострадавшимъ отъ наводненія, выдано на счетъ городскихъ суммъ 185,550 руб.

Общій перечень:

Приходъ суммъ Главнаго комитета .	4.066,486	р. 62	к. асс.
		и 103	" 55 " сер.
Расходъ " " " . .	3.954,542	" 29	" асс.
Остатокъ " " " . .	111,944	" 33	" "
		и 103	" 55 " сер.

Кв. Н. С. Голицынъ.

15-го октября 1890 г.
С.-Петербургъ.

АЛЕКСАНДРЪ КЛЕОНИКОВИЧЪ УШАКОВЪ,

генераль-отъ-инфантеріи.

Въ „Русской Старинѣ“, за августъ мѣсяць 1890 года, помѣщена статья В. А. фонъ-Роткирха (Теобальда ¹⁾) (изъ Вильны), опровергающая отзывъ В. И. Дена о генералѣ Ушаковѣ, помѣщенный въ майской книгѣ означеннаго журнала.

В. И. Денъ, характеризуя генерала Ушакова, своего бывшаго начальника дивизіи по командованію имъ, въ 1856 г., Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ, между прочимъ, обвиняетъ его за дѣйствія при переходѣ черезъ Дунай въ 1853 г., за сраженіе при р. Черной 4-го августа 1855 г. и за нераспорядительность во время польскаго мятежа въ 1863 и 1864 годахъ ²⁾. В. А. фонъ-Роткирхъ (Теобальдъ), служившій въ Галицкомъ пѣхотномъ полку, во время командованія онымъ Александромъ Клеониковичемъ Ушаковымъ, и бывшій во время мятежа 1863 г. вице-директоромъ канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія и, слѣдовательно, имѣвшій въ рукахъ отчеты о дѣйствіяхъ всѣхъ начальниковъ отдѣловъ, выступилъ въ защиту своего бывшаго начальника. Статья фонъ-Роткирха составляетъ преимущественно характеристику личности генерала Ушакова; вполне сочувствуя правдивости отзыва фонъ-Роткирха о достойномъ и безукоризненномъ генералѣ Ушаковѣ, мы, съ своей стороны, какъ бывшіе сослуживцы его по главному военному суду, въ которомъ генералъ Ушаковъ предсѣдательствовалъ, считаемъ долгомъ дополнить статью фонъ-Роткирха въ отношеніи военной дѣятельности генерала Ушакова.

В. И. Денъ говоритъ, что ген. Ушаковъ, командуя 7-ю пѣхотрою дивизіею, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная; отряду было предписано переправиться черезъ Дунай и взять

¹⁾ Вскрываетъ псевдонимъ съ разрѣшенія г. фонъ-Роткирха. Ред.

²⁾ „Русская Старина“, изд. 1890 г., май, стр. 318, 319.

слабо укрѣпленную крѣпостцу Тульчу; распоряженія ген. Ушакова были, по рассказамъ очевидцевъ ¹⁾, несообразны, поспѣшны и не обдуманны; атака Тульчи была произведена безъ предварительной рекогносцировки, вслѣдствіе чего отрядъ потерялъ до 700 человекъ; весь отрядъ находился на правомъ берегу, на лѣвомъ остался лишь 1-й баталіонъ Смоленскаго полка, всѣ знамена 7-й дивизіи и, о ужась! кто-бы повѣрилъ? самъ храбрый и распорядительный командиръ ея—Александръ Клеониковичъ.

Обвиненіе въ томъ, что до переправы не было произведено рекогносцировки, опровергается фактической невозможностію произвести таковую, имѣя предъ собою рѣку въ 120 сажень ширины, противоположный берегъ которой занять сильною непріятельскою артиллеріею. Для опредѣленія количества выставленныхъ на берегу орудій, былъ открытъ съ разсвѣтомъ съ нашей стороны артиллерійскій огонь, продолжавшійся до 10 часовъ утра; а численность турецкихъ войскъ въ Тульчѣ, ретраншементахъ и редутѣ могла быть опредѣлена только по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками.

Потеря въ людяхъ объясняется просто тѣмъ, что переправа была совершена подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, что пришлось брать штурмомъ редутъ и ретраншементы, устроенные по дорогѣ къ Исакчѣ, откуда турки ожидали подкрѣпленій, и, наконецъ, что бой продолжался отъ 10-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, т. е. въ теченіи 11 часовъ.

Относительно нахождения командовавшаго отрядомъ на лѣвомъ берегу рѣки, надо замѣтить, что Сулинскій рукавъ Дуная, гдѣ совершена была переправа, имѣетъ 120 сажень ширины, а бой происходилъ въ двухъ мѣстахъ, поэтому ген. Ушаковъ, руководившій боемъ, былъ, какъ и слѣдуетъ быть, при резервѣ, но подъ постояннымъ огнемъ непріятеля.

Что-же касается того, что ген. Ушаковъ, по словамъ В. И. Дена, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная, то отъ командовавшаго 3, 4 и 5 корпусами ген.-адъютанта князя Горчакова зависѣло подчинить отрядъ, въ томъ числѣ и ген. Ушакова съ 7-ю дивизіею, кому-либо изъ старшихъ генераловъ; но онъ поручилъ переправу чрезъ Дунай именно ген. Ушакову, имѣвшему

¹⁾ Вѣроятно, офицеровъ Смоленскаго полка, которымъ В. И. Денъ командовалъ въ 1856 году и изъ котораго онъ долженъ былъ заставить выйти 28 офицеровъ за пьянство, буйство и неспособность (стр. 314) — хороши виды!

боевую опытность еще въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ, съ Польской войны 1831 г. и съ Венгерскаго похода 1849 года. Князь Горчаковъ не ошибся въ распорядительности Александра Клеониковича, что видно изъ официальной бумаги къ нему князя Горчакова (отъ 14-го марта 1853 г. за № 771), три дня послѣ переправы, въ которой князь выразился въ слѣдующихъ словахъ:

„Съ удовольствіемъ усмотрѣвъ объ отличныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ вами при переправѣ ввѣреннаго вамъ отряда на правый берегъ Дуная, и о блестящемъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ это предпріятіе, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить вамъ за сіе искреннюю признательность“. (Дѣло архива главнаго штаба).

Императоръ Николай Павловичъ, по полученіи донесенія о семъ князя Горчакова, наградилъ ген. Ушакова за отличное мужество и примѣрную храбрость орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Дѣйствія ген. Ушакова въ сраженіи при р. Черной ясно и положительно описаны графомъ Тотлебенемъ, въ авторитетности и правдивости коего сомнѣваться нельзя; онъ говоритъ:

„Генераль Ушаковъ съ 7-ю дивизіею входилъ въ составъ праваго крыла подъ начальствомъ ген.-адъютанта Реада. Дивизія эта, совмѣстно съ 12 дивизіею, пошла въ атаку противъ Федухиныхъ высотъ; ген. Ушаковъ, съ тремя полками, двинулся въ бродъ чрезъ Черную рѣчку и атаковалъ западный скатъ средней Федухиной горы у караульнаго дома и овладѣлъ нѣсколькими ложементами и караульнымъ домомъ; но прибытіе къ французамъ подкрѣпленій и убійственный огонь почти въ упоръ подоспѣвшей къ нимъ артиллеріи вынудили ген. Ушакова отступить на правый берегъ рѣки Черной, при чемъ дивизія потеряла въ этой атакѣ до 2,000 человекъ и затѣмъ отошла къ подножію Мекензіевой горы. Точно также была отгѣснена и 12-я дивизія, отступившая также, какъ и 7-я дивизія, къ Мекензіевой горѣ. За 12 и 7-ю дивизіями пошли послѣдовательно въ атаку противъ Федухиныхъ горъ три полка 5-й дивизіи, но были тоже опрокинуты съ большою потерею подоспѣвшими свѣжими французскими войсками на правый берегъ р. Черной.

Потеря 7-й пѣхотной дивизіи, составлявшая 2,000 человекъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ всего состава (6,272 человекъ), доказываетъ, что 7-я дивизія, вопреки словамъ В. И. Дена, удостовѣряющаго, что дивизія эта почти не была въ дѣлѣ, была, напротивъ, въ жаркомъ дѣлѣ. Что-же касается лично ген. Ушакова, то свидѣтельство о немъ графа Тотлебена не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Александръ Клеониковичъ лично велъ въ атаку ввѣренныя ему войска.

Императоръ Александръ II, получивъ донесеніе князя Горчакова, наградилъ ген. Ушакова золотою шпагою, брилліантами украшенною, съ надписью: „за храбрость“ — за отличное мужество и примѣрную распорядительность, оказанныя въ дѣлѣ 4-го августа 1855 года у Черной рѣчки, гдѣ со вѣренною ему дивизіею перешелъ черезъ Черную и, сбивъ противника, овладѣлъ первымъ уступомъ Оедюхиной горы. (Дѣло архива главнаго штаба).

Кому за симъ вѣрить? Фантазіи-ли В. И. Дена или свидѣтельству главнокомандовавшаго князя Горчакова и графа Тотлебена? Повидимому, измышленія Дена основаны на личномъ его нерасположеніи къ своему бывшему (въ 1856 г.) начальнику дивизіи, а не на достовѣрныхъ фактахъ, но при этомъ нельзя не замѣтить, что В. И. Денъ, порицая дѣйствія ген. Ушакова, самъ не участвовалъ въ дѣлахъ, о которыхъ судить, такъ какъ, во время взятія Тульчи, онъ распоряжался перевозкою муки изъ Одессы въ Бендеры и Тирасполь (стр. 553 „Русской Старины“ 1890 г., февраль), а во время кровопролитнаго сраженія при р. Черной, 4-го августа 1855 года, находился въ Петербургѣ (стр. 300 „Русской Старины“ 1890 г., май).

Перехода къ польскому возстанію 1863 и 1864 гг., В. И. Денъ утверждаетъ, что распоряженія и дѣятельность ген. Ушакова, по завѣдыванію военнымъ отдѣломъ г. Радома, были настолько неудовлетворительны, что послѣдили произвести его въ генералы отъ инфантеріи и дать его дивизію ген. Бельгарду.

Это обвиненіе настолько голословно, что не требовало-бы возраженія, если-бы не было на лицо официальныхъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что вѣренныя ген. Ушакову войска 7-й пѣхотной дивизіи участвовали, по его распоряженію, въ 1863 году, съ января по декабрь включительно, въ 125 дѣлахъ и стычкахъ съ мятежниками, а въ 1864 году, съ января по мартъ, въ 34 дѣлахъ и стычкахъ. (Дѣло архива главнаго военно-суднаго управления).

Избраніе Александра Клеониковича Ушакова, въ 1867 г., бывшимъ военнымъ министромъ графомъ Д. А. Милютинымъ, въ предсѣдатели вновь учрежденнаго главнаго военнаго суда достаточно свидѣтельствуется о полномъ довѣрїи къ ген. Ушакову высшаго военнаго начальства и императора Александра II.

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, для отстраненія даже тѣни сомнѣнія въ храбрости ген. Ушакова, что независимо ордена св. Георгія 3-й степени и золотой медали съ брилліантами за храбрость, онъ былъ награжденъ, еще въ чинѣ капитана, орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, за храбрость, оказанную въ

сраженіи при Кулевчи въ 1829 году; за отличное мужество и храбрость при взятіи штурмомъ Варшавы въ 1831 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени; за мужество и храбрость и отличное исполненіе распоряженій по войскамъ 2-го пѣхотнаго корпуса подъ Дебrecинимъ, въ 1849 г., по должности начальника штаба сего корпуса, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Боевая и видная служба ген. Ушакова въ теченіи четырехъ войнъ краснорѣчиво опровергаетъ всякое голословное порицаніе военной его доблести и доказываетъ, что увѣренія В. И. Дена о недостаткѣ въ немъ храбрости болѣе, чѣмъ неосторожны; а потому мы сочли долгомъ возстановить истину, дабы будущія поколѣнія достославной нашей арміи могли оцѣнить по достоинству одного изъ боевыхъ нашихъ генераловъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Владиміръ Философовъ.

Генераль-отъ-инфантеріи графъ Евгенийъ Сиверсъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Прворовъ.

Г. М. Толстой и Ѳ. И. Топорнинъ.

Необходимо точно подтвердить, во избѣжаніе недоразумѣнія, могущаго произойти отъ обмолвки, вкравшейся на стр. 488, то, что сказано выше на стр. 327, именно, что „Поѣздка въ Туринскъ“ есть воспоминаніе Григорія Михайловича Толстого—имъ самимъ написанное, что, впрочемъ, видно и изъ текста записокъ. Рукопись была подарена имъ своему другу и сопутнику въ его дальней поѣздкѣ, Ѳодору Ивановичу Топорнину, моему дядѣ, а симъ послѣднимъ передана мнѣ.

А. П. Топорнинъ.

ПЕТРОВСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1865 $\frac{\text{ноября}}{21}$ 1890 гг.

Въ девяти верстахъ отъ Москвы, недалеко отъ дороги на г. Дмитровъ, находилось въ концѣ VII столѣтія сельцо Петровское, принадлежавшее роду Нарышкиныхъ. Преданіе гласить, что въ 1700 году сельцо это перешло во владѣніе Петра Великаго и что будто-бы Петръ хотѣлъ устроить здѣсь образцовую ферму, чтобы всякими мѣрами и радѣніемъ хлѣба завести больше, „чтобы пахали и жали въ подобное время, а не испоздавъ, и худыми-бы сѣмены не сѣяли“... Старожилы указываютъ и теперь еще то мѣсто, гдѣ должна была быть „Амстердамская ферма“, а на планахъ сельца Петровскаго, относящихся къ 1763 году, то мѣсто названо сельцомъ „Астрадамовымъ“.

Но лишь Царю-Освободителю пришлось осуществить идею Царя-Преобразователя. Черезъ три мѣсяца послѣ реформы 1861 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ селѣ Петровскомъ земледѣльческой и лѣсной академіи, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ по этому поводу государю, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, писалъ: „Вызываемая перемѣнами въ бытѣ сельскихъ сословій необходимость приложенія къ земледѣлію усовершенствованныхъ машинъ, орудій и способовъ обработки, порождаетъ въ классѣ землевладѣльцевъ потребность въ дѣятеляхъ, которые, при помощи научныхъ свѣдѣній, могли-бы съ успѣхомъ предпринять и совершить преобразованіе въ сельской промышленности...

„...Развитіе агрономическихъ заведеній и административныхъ дѣйствій правительства по сельскому хозяйству увеличивать нужду въ специалистахъ по разнымъ отраслямъ техническихъ производствъ

Т. е. какъ въ различныхъ сословіяхъ народа, такъ и въ сферѣ администраціи является ошутительная надобность въ людяхъ, основательно изучившихъ сельское хозяйство. Такая настоятельная потребность въ разнаго рода дѣятеляхъ по сельской промышленности, съ одной стороны указываетъ на нужду въ заведеніи, гдѣ-бы можно было получать основательныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, съ другой—на то, чтобы въ заведеніе это былъ открытъ доступъ всѣмъ и каждому изъ желающихъ посвятить себя агрономическимъ занятіямъ, дабы предоставить всѣ средства къ распространенію техническихъ наукъ во всѣхъ классахъ общества“ ...

21-го ноября 1865 года состоялось распоряженіе министра государственныхъ имуществъ объ открытіи академіи и, такимъ образомъ, 21-го ноября 1890 года исполняется 25 лѣтъ ея существованія.

За этотъ краткій промежутокъ времени, академія была преобразована три раза. Первый уставъ ея, утвержденный 27-го ноября 1865 года, можетъ быть характеризованъ приведенными выше словами М. Н. Муравьева. Академія была не учебнымъ заведеніемъ, а учебнымъ учрежденіемъ. Въ ней не было студентовъ и инспекціи, а были лишь слушатели и профессора, читавшіе лекціи. Слушателемъ могъ быть всякій желающій, безъ различія возраста и образованія, уплативъ лишь незначительную сумму за право слушанія лекцій и записавшись на любое число ихъ. „Главная задача академіи, говорилъ при открытіи лекцій первый директоръ академіи Н. И. Желѣзновъ,—состоитъ въ распространеніи знаній“ ... „Академія должна разсматривать слушателей не какъ юношей, еще не знающихъ къ чему они способны, а какъ людей, сознательно избирающихъ для себя кругъ дѣятельности и вполне знакомыхъ съ гражданскими обязанностями“.

Новое учрежденіе быстро наполнилось слушателями. Ко дню открытія лекцій было уже подано 260 прошеній и къ концу 1866 года число слушателей достигло 420. Въ періодъ времени отъ основанія академіи до ея преобразованія въ ней перебивало 1,111 слушателей.

Въ 1872 году Петровская академія была преобразована въ высшее учебное заведеніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова. По уставу, утвержденному въ 1873 г. (16-го іюня), въ число студентовъ академіи принимались лишь молодые люди, окончившіе предварительно среднія или высшія учебныя заведенія. Институтъ вольныхъ слушателей былъ сохраненъ, но поступленіе въ слушатели было поставлено въ зависимость отъ согласія директора и уплаты довольно

значительной суммы денегъ за право слушанія лекцій (150 р.). Въ отношеніи порядка управленія и внутренней дисциплины академіи была устроена точно такъ, какъ тогдашніе факультеты университетовъ, съ тою лишь разницею, что во главѣ академіи стоялъ директоръ, назначаемый высочайшею властью не по избранію совѣта, а по представленію министра государственныхъ имуществъ, причеиъ ученый цензъ директора, требуемый уставомъ академіи 1865 года, не былъ признанъ необходимымъ уставомъ 1873 года ¹⁾. Академіи было предоставлено право давать званіе дѣйствительнаго студента и степени кандидата и магистра сельскаго хозяйства; учебный курсъ, съ обязательными ежегодными экзаменами, былъ сдѣланъ четырех-лѣтнимъ (вмѣсто бывшаго трех-лѣтняго), и надзоръ за нравственностью и поведеніемъ студентовъ и слушателей былъ возложенъ на инспектора и его помощниковъ.

Въ 1883 году послѣдовало прекращеніе приѣма студентовъ въ лѣсное отдѣленіе академіи. Въ предписаніи г. министра государственныхъ имуществъ, отъ 11-го іюня 1883 года, объ этомъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что существующій въ Петербургѣ лѣсной институтъ, по числу оканчивающихся въ немъ курсъ, удовлетворяетъ спросу на специалистовъ по лѣсной части, по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ, что между тѣмъ лѣсной отдѣлъ при Петровской академіи стѣняется въ постановкѣ сельско-хозяйственнаго отдѣла этого заведенія въ надлежащія условія и, признавая, съ своей стороны, существованіе при сельско-хозяйственномъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ какое предполагается преобразовать Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію, лѣснаго отдѣла нецѣлесообразнымъ“, г. министръ испросилъ высочайшее соизволеніе на приостановленіе съ 1883—1884 учебнаго года приѣма студентовъ на лѣсной отдѣлъ академіи, „дабы облегчить и ускорить означенное преобразование“.

Въ 1886 году изъ академіи были выпущены послѣдніе лѣсоводы, а 30-го мая 1889 г. Петровская земледѣльческая и лѣсная академія была преобразована въ „Сельско-хозяйственную“.

¹⁾ Вотъ имена бывшихъ директоровъ академіи за все время ея существованія: первымъ директоромъ былъ докторъ ботаники, академикъ Н. И. Желѣзновъ (до 1869 г.). Вторымъ былъ (въ 1870—1876 гг.) магистръ математическихъ наукъ Ф. Н. Королевъ; третьимъ—извѣстный лѣсоводъ Ф. К. Арнольдъ (1876—1883 гг.) и, наконецъ, въ настоящее время состоитъ директоромъ академіи (съ 1883 г.) бывший профессоръ глазныхъ болѣзней медицинской академіи докторъ медицины Э. А. Юнге. И. М.

Новый уставъ академіи во многомъ сходенъ съ новымъ университетскимъ уставомъ. Характерною чертою новаго устава академіи является его двойственность, если такъ можно выразиться. По уставамъ 1865 и 1873 годовъ академія была высшимъ сельско-хозяйственнымъ учебнымъ заведеніемъ, преподающимъ научное изученіе агрономіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. По уставу 1889 г.—Петровская сельско-хозяйственная академія есть высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью подготовить научно и практически образованныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству. Прежде предполагалось, что практическими сельскими хозяевами молодые люди могутъ сдѣлаться лишь по окончаніи курса наукъ, подобно тому, какъ практическимъ юристомъ, адвокатомъ, судьей и т. д. дѣлается получившій научное образованіе юристъ; уставъ 1889 г. стремится выпускать изъ академіи молодыхъ людей, уже знакомыхъ съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ. Для этой цѣли начало лекцій и занятія студентовъ 1-го курса перенесены съ августа на январь, время-же отъ окончанія ими курса въ среднемъ учебномъ заведеніи и до середины декабря, молодые люди, желающіе поступить въ академію, должны провести на практикѣ въ частныхъ хозяйствахъ, „для ознакомленія съ общимъ ходомъ сельско-хозяйственныхъ работъ и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ“. Кроме того, преподаваніе основныхъ (естественно-историческихъ) наукъ должно быть окончено въ два года (что, между прочимъ, было и ранѣе) и установленъ особый гонораръ лицамъ преподавательскаго персонала за лѣтнія практическія занятія со студентами.

Институтъ вольныхъ слушателей сохраненъ также уставомъ 1889 года, причемъ права слушателей значительно расширены. Вольный слушатель, пробывшій въ академіи два года, хотя и не окончивъ предварительно средняго учебнаго заведенія, приобретаетъ право подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ академическаго курса и удостоивается званія агронома 1-го или 2-го разряда (установленныхъ вмѣсто званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата), по представленіи аттестата средняго учебнаго заведенія. Кроме того, порядокъ и послѣдовательность въ слушаніи лекцій и практическихъ занятій вольныхъ слушателей поставленъ въ зависимость отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія. Нельзя не отмѣтить еще одной особенности устава 1889 года: ученая карьера отнынѣ закрыта питомцамъ академіи. Экзамену на степень магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ могутъ подвергаться лишь окончившіе курсъ физико-математическаго факультета университетовъ, а профессоромъ академіи не можетъ быть лицо, не имѣющее этой степени.

Сообщимъ въ заключеніе нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности бывшихъ питомцевъ академіи. Свѣдѣнія эти собраны профессоромъ академіи Э. Б. Шёне, который любезно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе.

Въ академіи училось и ею выпущено 2097 лицъ. Изъ этого числа свѣдѣнія имѣются о 1512 лицахъ, бывшихъ питомцахъ академіи; о 585 остальныхъ лицахъ, учившихся въ академіи, свѣдѣній нѣтъ. Изъ числа 1512 лицъ состоятъ на службѣ по лѣсной части въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ—375 чел., въ удѣльномъ вѣдомствѣ—18 и на частной службѣ—18. Одно лицо продолжаетъ заниматься лѣсными науками еще и въ настоящее время за границею. Итого, слѣдовательно, 430 человекъ или 30,8%, занимается лѣснымъ хозяйствомъ. 715 человекъ или 51,2% избрали себѣ дѣятельность или въ области непосредственнаго сельскаго хозяйства (управляющіе имѣніями своими или арендуемыми, преподаватели сельскаго хозяйства въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ) или нашли приложеніе своихъ знаній въ земствѣ, министерствѣ государственныхъ имуществъ и т. д. Только 218 человекъ или 18⁰/₁₀₀ избрали себѣ дѣятельность, ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ не имѣющую.

Приведенныя цифры, повидимому, явственно доказываютъ, что Петровская академія вполне исполняетъ свое назначеніе въ отношеніи подготовки дѣятелей на нивѣ нашего народнаго хозяйства. Что касается до ея научной дѣятельности, то мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что имена многихъ изъ лицъ преподавательскаго персонала академіи пользуются заслуженною извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей.

И. Миклашевскій.

ГУБЕРНСКІЯ
УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

ВЪ 1889 г.

РЯЗАНСКАЯ
ТАМБОВСКАЯ
ТВЕРСКАЯ
ОРЛОВСКАЯ
КОСТРОМСКАЯ

САРАТОВСКАЯ
НИЖЕГОРОДСКАЯ
ТАВРИЧЕСКАЯ
ОРЕНБУРГСКАЯ
ПЕРМСКАЯ

„РУССКАЯ СТАРИНА“,
Т. LXVIII, кн. XI, 1890 г.

ГУБЕРНСКІЯ УЧЕНІЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

въ 1889 г.

Отчетъ за 1889 г. имѣеть въ виду дѣятельность уже 10 ученыхъ архивныхъ комиссій: къ прежнимъ девяти комиссіямъ—Рязанской, Тамбовской, Тверской, Орловской, Костромской, Саратовской, Нижегородской, Таврической и Оренбургской — присоединилась еще Пермская. Въ отчетномъ году устроилась еще 11-я комиссія, въ Ярославлѣ, но ея дѣятельность въ 1889 г. была только подготовительная, а настоящая началась только въ нынѣшнемъ 1890 г. Въ нынѣшнемъ-же году устроилась и 12-я комиссія, въ Калугѣ. Дѣятельность ярославской и калужской комиссій могутъ войти только въ будущій отчетъ за нынѣшній 1890-й годъ.

Десять указанныхъ комиссій, работавшихъ въ 1889 г., дѣйствовали съ различными, не одинаковыми силами и при не одинаковыхъ условіяхъ, почему и удачи, ими достигнутыя, не одинаковы. Но, не смотря на нѣкоторую разницу полученныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, можно вывести и много общаго, именно—въ приѣмахъ ихъ дѣятельности и въ стремленіяхъ встать на одинаковую, научную почву.

I.

Всѣ десять комиссій, совершенно одинаково признавая свой главный призывъ въ созданіи основаній для губернскихъ историческихъ архивовъ, держались и въ отчетномъ году тѣхъ приемовъ, которые созданы старѣйшими комиссіями и оказались вполне цѣлесообразными. Именно:

1) Всѣ комиссіи получили не мало цѣнныхъ приобрѣтеній выборкою изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ документовъ, признанныхъ подлежащими уничтоженію, но оказавшихся, по рѣшенію архивныхъ комиссій, заслуживающими храненія въ историческомъ архивѣ.

Въ Рязанской комиссіи этимъ дѣломъ занимались 5 членовъ (В. И. Лашевскій, С. Д. Яхонтовъ, В. А. Шефферлингъ, А. П. Мансуровъ и А. В. Селивановъ). В. И. Лашевскій, продолжая рассмотрѣніе дѣлъ канцеляріи рязанскаго губернатора, разобралъ въ отчетномъ году 1529 дѣлъ, всѣмъ составилъ опись и 135 дѣлъ выдѣлилъ въ исторической архивъ. Служащими въ рязанскомъ окружномъ судѣ, подъ руководствомъ члена комиссіи А. В. Селиванова, продолжался разборъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, пересмотрѣно 9592 дѣла и отдѣлено для храненія 885 дѣлъ. Г. Шефферлингъ перебиралъ дѣла ряжскаго полицейскаго управленія. Всего пересмотрѣно 11,200 дѣлъ и отобрано для описанія и храненія 1,020 дѣлъ. Кромѣ того, изъ рязанской казенной палаты передано при особой описи 38 копій геометрическихъ спеціальныхъ плановъ и старинныхъ межевыхъ книгъ городовъ, уѣздныхъ границъ и монастырей. Въ числѣ этихъ плановъ имѣется и интересный планъ Переяславля рязанскаго 1772 г., на которомъ показаны уже не существующіе въ настоящее время или перенесенные въ другія мѣста церкви и монастыри.

Въ Тамбовской комиссіи этимъ дѣломъ занимались П. И. Пискаревъ, И. В. Староградскій, И. В. Знаменскій и правитель дѣлъ П. А. Дьяконовъ. Гг. Пискаревъ и Староградскій занимались описаніемъ архивныхъ дѣлъ бывшей шацкой провинціальной канцеляріи, г. Знаменскій разбиралъ бумаги разсказовскаго благочинія, г. Пискаревъ—архивъ дворянскаго собранія.

Въ общей сложности въ отчетномъ году пересмотрѣно около 2500, изъ нихъ отобрано и описано 455 (всѣхъ отобранныхъ со дня основанія комиссіи 2952).

Тверская комиссія получила изъ разсмотрѣнныхъ 623 дѣлъ бѣжецкаго сѣзда мировыхъ судей 619 дѣлъ для историческаго архива, причѣмъ съ нѣкоторыхъ бумагъ, еще нужныхъ сѣзду, пришлось снять копіи (работы эти произвели члены комиссіи К. В. Андронниковъ, А. М. Безобразовъ, В. И. Болотовъ, П. М. Вознесенскій, И. А. Ивановъ и В. И. Плетневъ). Кромѣ того, изъ назначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ тверскихъ присутственныхъ мѣстъ комиссія отобрала для разсмотрѣнія 18 дѣлъ (И. А. Ивановъ). Въ тверскомъ историческомъ архивѣ сложено такимъ образомъ теперь 7907 дѣлъ, но они еще не приведены въ надлежащій порядокъ и не описаны, и почтенный предсѣдатель комиссіи (въ засѣданіи 19 декабря 1889 г.) предложилъ заняться описаніемъ по формѣ, предложенной археологическимъ институтомъ.

Въ Орловской комиссіи правитель дѣлъ С. А. Блохинъ продолжалъ заниматься разборомъ архива орловской духовной консисторіи.

Костромская комиссія продолжала пользоваться трудами своего сочлена И. В. Миловидова по пересмотру и изложенію дѣлъ архива востромскаго губернскаго правленія. Членъ комиссіи И. К. Херсонскій сообщилъ 37 копій съ рукописей изъ архива Макарьевскаго унженскаго монастыря (часть ихъ напечатана въ 1-мъ вып. „Костромской Старины“).

Въ Саратовской комиссіи съ большимъ успѣхомъ потрудились ея члены: священникъ В. Г. Еланскій составилъ опись дѣлъ архива вольскаго нижняго земскаго суда за 1818—49 гг., разсмотрѣлъ въ отчетномъ году болѣе 8000 дѣлъ, изъ которыхъ описалъ около 600 и часть ихъ передана въ историческій архивъ. Н. Ѳ. Ивановъ разсмотрѣлъ 6049 дѣлъ архива петровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и 135 описалъ. К. Г. Рыбинъ приступилъ къ описанію архива саратовской духовной консисторіи: описалъ дѣла 1760—1780 гг. о вновь построенныхъ церквахъ въ Саратовской губерніи. Священникъ А. В. Смирновъ описалъ архивъ вольскаго нижняго земскаго суда, всего разсмотрѣлъ около 5000 дѣлъ. В. П. Соколовъ разсмотрѣлъ

опись дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія и отобралъ изъ нихъ заслуживающія сохраненія. Эти отдѣльныя работы вполне убѣдили комиссію какъ въ важности, такъ и возможности разобрать мѣстные архивы, и 30 ноября она сдѣлала постановленіе: „направить свои силы на разборъ саратовскихъ архивовъ и привлечь къ этому дѣлу возможно большее число работниковъ“.

Нижегородская комиссія, выказавъ особую энергію въ сношеніяхъ съ различными присутственными мѣстами о передачѣ въ историческій архивъ ненужныхъ для этихъ учрежденій дѣлъ, успѣла и совершить не мало въ дѣлѣ описанія. Такъ, правителемъ ея дѣлъ, В. И. Снѣжневскимъ составлена опись дѣлъ васьскаго и арзамасскаго уѣзднаго суда, 1780—1807 (напечатано въ „Дѣйствіяхъ комиссіи“), и нижегородскаго полицейскаго управленія.

Таврическая комиссія съ большимъ усердіемъ продолжала трудиться по ознакомленію съ мѣстными архивами и въ особенности съ архивомъ губернскаго правленія и канцеляріи губернатора. Членъ ея, А. И. Маркевичъ просмотрѣлъ дѣла съ 1784 по 1810 г., А. В. Ивановъ рассмотрѣлъ болѣе 400 „раскольничьихъ“ дѣлъ. Въ архивѣ губернаторской канцеляріи трудились: Н. А. Сахаровъ, Д. К. Якимовичъ, И. С. Журьяри и Ѳ. Ѳ. Лашковъ. Послѣдній занимался тоже въ архивѣ дворянскаго собранія. А. И. Сѣницкій просмотрѣлъ опись архива Симферопольскаго уѣзднаго воинскаго начальника, причемъ намѣтилъ дѣла, которыя могутъ быть хранимы при окончательномъ разборѣ этого архива (въ 1894 г.). Кромѣ того, рассмотрѣно 8389 дѣлъ архива упраздненныхъ судебныхъ учреждений при окружномъ судѣ и изъ нихъ отобрано для историческаго архива 170 дѣлъ и 66 документовъ.

Оренбургская комиссія, имѣющая свою спеціальную задачу привести въ порядокъ предоставленный ей вѣднію обширный архивъ бывшаго генераль-губернаторскаго управленія, начала въ отчетномъ году свою дѣятельность. Н. Г. Ивановъ и П. С. Словохотовъ представили уже составленные ими алфавитные указатели частицы архива, имъ порученной, а прежде уже изготовленную покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ опись дѣламъ обще-

гражданскаго отдѣла, начинающуюся 1789-мъ годомъ, положено напечатать.

Вновь создаваемая Пермская комиссія, на первыхъ порахъ встрѣтившая много затрудненій (кончина предсѣдателя Шишонко, а затѣмъ и оставленіе предсѣдательскаго поста г. Дмитриевымъ), успѣла въ этой области сдѣлать очень немного: членъ ея, г. Головинъ (за небольшое вознагражденіе—15 руб. въ мѣсяць), пересмотрѣлъ въ архивѣ губернскаго правленія 3,000 дѣлъ, намѣтилъ изъ нихъ 823 дѣла для передачи въ историческій архивъ, когда для таковаго будетъ найдено помѣщеніе, и составилъ этимъ дѣламъ коротенькую опись.

2) Другое средство для созданія историческихъ архивовъ, къ которому съ успѣхомъ прибѣгали комиссіи въ предыдущіе годы, это—выборка данныхъ изъ центральныхъ и другихъ губернскихъ городовъ, послужило и въ отчетномъ году къ значительному обогащенію нѣкоторыхъ историческихъ архивовъ.

Такъ, въ рязанскій историческій архивъ поступило изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива, по межевому департаменту, 49 дѣлъ нынѣшняго столѣтія. Изъ этого-же сенатскаго архива присланы дѣла и въ тамбовскій историческій архивъ и опись имъ составлена г. Дьяконовымъ.

Особенно много получила Тверская комиссія: изъ московскаго архива министерства юстиціи доставленъ списокъ съ писцовой и межевой книги Зубцовскаго уѣзда 1628—1629 гг. и переписной книги Ржева и Зубцова 1646 г., причемъ поступило увѣдомленіе, что вслѣдствіе ходатайства комиссіи, получено разрѣшеніе г. товарища министра о высылкѣ и остальныхъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ Зубцовскаго, Ржевскаго и Старицкаго уѣздовъ. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ комиссія положила сдѣлать надлежащія извлеченія. Изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива препровождены печатныя вѣдомости дѣламъ, производившимся въ тверской уголовной палатѣ въ 1840 и 1841 гг. объ убійствахъ, и въ 1842 г. о важнѣйшихъ преступленіяхъ, вѣдомость о сосланныхъ въ каторжную работу въ Сибирь и отданныхъ въ арестантскія работы и въ военную службу въ 1841 и 1842 гг., и табель о сосланныхъ въ Сибирь съ 1823 по 1841 гг.

Орловскій историческій архивъ получилъ изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива, по межевому департаменту, 29 дѣлъ начала нынѣшняго столѣтія.

Саратовская комиссія получила отъ своего сочлена А. А. Голомбѣвскаго составленную имъ опись дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, касающихся колонизаціи сѣверной половины Саратовской губерніи, и изданные имъ „Росписной списокъ города Петровска 1751 г.“ и „Эпизодъ изъ прошлаго города Саратова“, изъ хранящихся въ московскомъ архивѣ матеріаловъ по дѣлу саратовскаго воеводы полковника Казаринова. Членъ комиссіи Н. Н. Нееловъ доставилъ изъ того-же московскаго архива „Свѣдѣнія о количествѣ поселившихся въ 1769 г. колонистовъ въ Саратовской губ.“. Имъ-же собраны „Матеріалы для исторіи крестьянскихъ волненій въ 1825—1826 гг. въ губерніяхъ Саратовской, Симбирской и Пензенской“. Изъ сенатскаго архива вновь поступили дѣла по межевому департаменту, и комиссія изъ этихъ дѣлъ нашла удобнымъ образовать въ историческомъ архивѣ особый отдѣлъ матеріаловъ по исторіи землевладѣнія въ Саратовской губ., что, впрочемъ, несогласно съ надлежащими принципами историческаго архива.

Нижегородская комиссія получила отъ своего члена И. И. Василева документы, найденные имъ при разборѣ пензенскихъ архивовъ, касающіеся подъячаго нижегородской приказной канцеляріи Оомы Лазарева, начала XVIII столѣтія. Изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива доставлено 16 дѣлъ межеваго департамента и двѣ вѣдомости нижегородской палаты уголовного суда въ 1841 и 1842 гг.

Въ Таврическую комиссію доставлено изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива 7 дѣлъ.

3) Третій источникъ — получение дѣлъ и документовъ изъ частныхъ архивовъ и отъ частныхъ лицъ — и въ отчетномъ году значительно обогатилъ губернскіе историческіе архивы.

Рязанской комиссіи пожертвовали: А. И. Рикманъ, А. А. Маринъ и М. К. Золотовъ — связки различныхъ бумагъ, А. П. Станкевичъ — документы преимущественно XVII в., касающіеся рязанскаго края, Д. Д. Дашковъ — связку фамиліальныхъ бумагъ.

и дѣль, Н. А. Дивовъ — связку бумагъ и документовъ (между которыми письма графа Сумарокова, бумаги князя Румянцева).

Въ Орловской комиссіи (Н. А. Евдокимовъ) разобранъ фамильный архивъ гг. Кривцовыхъ, описано нѣсколько юридическихъ актовъ этого архива, заключающихъ въ себѣ кабалныя, заемныя и рядныя записи, грамоты и челобитныя XVII столѣтія. Членъ комиссіи А. Г. Пупаревъ описалъ нѣсколько документовъ XVII столѣтія, переданныхъ ему землевладѣльцемъ Пигоревымъ.

Въ Костромскую комиссію, членъ ея, І. Д. Преображенскій, доставилъ значительное количество рукописныхъ свитковъ XVII и начала XVIII стол. Имъ-же доставлены изъ усадьбы гг. Ермоловыхъ два календаря за 1755 и 1756 гг., съ важными довольно замѣтками о событіяхъ того времени, и два собственно-ручныхъ письма Алексѣя Петровича Ермолова.

Саратовская комиссіа получила отъ частныхъ лицъ немаловажные вклады вслѣдствіе опубликованнаго въ газетахъ воззванія предсѣдателя комиссіи князя Л. Л. Голицына о присылкѣ въ комиссію документовъ, относящихся къ исторіи саратовскаго края. Между таковыми приношеніями особую важность представляютъ присланный изъ Одессы Надеждою Михайловною Фадѣевою частный архивъ ея покойнаго брата, бывшаго саратовскаго губернатора, Андрея Михайловича Фадѣева. Преосвященный Евгений, епископъ астраханскій и енотаевскій, передалъ въ комиссію драгоцѣнныя дѣла, относящіяся къ исторіи пугачевскаго бунта. По этому-же вопросу важные матеріалы получены и отъ Д. Я. Мордовцева.

Въ историческій архивъ Нижегородской комиссіи внесено также отъ частныхъ лицъ много вкладовъ: архіепископъ Макарій доставилъ 21 грамотъ и писемъ XVII, XVIII и начала XIX вв. Н. П. Никифоровъ — одну челобитную крестьянина Костерина Алексѣю Михайловичу и выписки изъ житія нѣкоторыхъ святыхъ. С. И. Серебренниковъ доставилъ „Писцовую книгу г. Мурашкина и его уѣзда, составленную въ 1681 году Соймоновымъ“. И. И. Василевъ — „Меморію отъ нижегородскаго намѣстническаго правленія правящему должностъ генераль-губернатора нижегородскаго и пензенскаго князю Андрею Ивановичу Вяземскому 1796 года, съ вѣдомостью о посѣвѣ и урожаѣ

хлѣбовъ по Нижегородской губерніи“. Отъ С. П. Рѣшьева поступило нѣсколько документовъ XVIII ст. Отъ Ф. А. Желтова—рукописная книга, заключающая въ себѣ „Копію съ дѣла о недвижимомъ нижегородскомъ имѣніи Саллѣевыхъ, данная изъ государственной вотчинной коллегіи въ 1756 г. мая 7 дня“. Отъ А. В. Олигера — „Обвинительный актъ по слѣдственному производству о 72 лицахъ, принимавшихъ участіе въ беспорядкахъ, бывшихъ 7 іюня 1884 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ“. Отъ предсѣдателя комиссіи А. С. Гацискаго поступило: 13 отказныхъ грамотъ 7173 года, „Вѣдомость селеніямъ и о числѣ во оныхъ душъ, составляющихъ нижегородскаго намѣстничества нижегородскую округу“, 1779 года. Отъ И. С. Зыбина доставлено нѣсколько столбцевъ фамилныхъ документовъ конца XVII и начала XVIII ст. Архимандритъ Симонова монастыря о. Андрей препроводилъ для храненія въ архивѣ часть своихъ мемуаровъ.

Въ исторической архивъ Таврической комиссіи отъ частныхъ лицъ поступило: три ханскихъ ярлыка, одиннадцать юридическихъ документовъ (купчихъ, раздѣльныхъ актовъ и т. д.) и одинъ караимскій брачный актъ,—всѣ XVIII ст.

II.

Забываясь о выполненіи главной своей обязанности—составленія историческихъ архивовъ, комиссіи и въ отчетномъ году не пренебрегали дѣломъ разработки и сохраненія памятниковъ отечественныхъ древностей, почему рядомъ съ архивами пополнялись и создавшіеся при комиссіяхъ музеи.

1. Разъясненіе и изученіе всякаго рода древностей особенно занимало въ отчетномъ году Рязанскую комиссію. При содѣйствіи Императорской археологической комиссіи, правитель дѣлъ комиссіи А. В. Селивановъ продолжалъ начатія въ прошедшемъ году раскопки въ Старой Рязани и ея окрестностяхъ. Внутри городка, извѣстнаго въ Воскресенской лѣтописи подъ названіемъ, „новый городокъ Ольговъ, на усть Прони рѣки“, было открыто основаніе древней каменной церкви XI или XII в. Кромѣ того, А. В. Селивановымъ, Н. В. Протасевымъ и Н. Н. Баженовымъ были произведены раскопки курганнаго

кладбища въ деревнѣ Рубцовой, близъ древняго города Ольгова, или Льгова, а также и въ самомъ Ольговѣ. Въ деревнѣ Рубцовой было раскопано 13 кургановъ и найдены различные предметы, относящіеся къ женскимъ украшеніямъ. Членами комиссіи (А. П. Галаховымъ, Н. Н. Баженовымъ, Н. К. Иковымъ и А. В. Селивановымъ) были сдѣланы раскопки въ с. Кузьминскѣ и близъ д. Федякиной, Рязанскаго уѣзда. Въ с. Кузьминскомъ разрыто было древнее кладбище и добыто значительное количество череповъ и нѣкоторыя предметы. Вся добыча внесена въ музей. Но кромѣ того, для музея было приобрѣтено, частью за деньги, частью въ видѣ пожертвованій отъ членовъ и др. лицъ, множество предметовъ (до 300 №№), между прочимъ (пожертвованная членомъ комиссіи Л. М. Муромцевымъ), древняя желѣзная кольчуга, найденная въ Данковскомъ уѣздѣ, и подобная-же кольчуга, найденная въ Зарайскомъ уѣздѣ (пожертв. сыномъ покойнаго члена Н. Н. Дурасова). Изъ монетныхъ приобрѣтеній весьма интересенъ кладъ восточныхъ золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ въ с. Устрани Спасскаго уѣзда. Эти монеты были препровождены въ Императорскую археолог. комиссію и описаны ея членомъ В. Г. Тизенгаузенемъ. Изъ числа монетъ этого клада оказалось 56 различныхъ чекановъ, относ. къ 1310—1367 гг. послѣ Рождества Христова. Наконецъ музей обогатился пожертвованіемъ В. А. Городцовымъ значительной коллекціи орудій каменнаго вѣка, найденныхъ имъ лично и частью приобрѣтенныхъ отъ мѣстныхъ жителей въ селахъ Дубровичи и Шумошь, Рязанскаго уѣзда. Такое увеличеніе музея весьма заботило комиссію о присваніи помѣщенія, удобнаго для музея: порѣшили помѣстить его въ помѣщеніи истор. архива, а для послѣдняго испросить особую комнату перваго этажа губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Тамбовскій музей, поставленный комиссіею въ вѣдѣніе ея членовъ П. И. Пискарева и С. К. Платонова, въ отчетномъ году обогатился многими предметами древности, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: кремневое долото, большой каменный молотокъ, скопческій, серебряный образокъ-тѣльникъ и мѣдный панагіиный крестъ. Въ отчетномъ году музей описанъ правителемъ дѣлъ, П. А. Дьяконовымъ; опись раздѣлена на 7 отдѣловъ.

Тверской, уже весьма богатый музей, продолжает пополняться. Въ отчетномъ году въ него доставлена масса предметовъ древности изъ открытаго вблизи посада Погорѣлаго-Городища Зубцовскаго уѣзда каменнаго склепа въ землѣ на берегу р. Держи.

По собраннымъ предсѣдателемъ комиссіи, А. К. Жизневскимъ, свидѣніямъ, въ 100 саженьяхъ отъ склепа находится древнее кладбище, на которомъ, по преданію, до литовскаго нашествія была церковь, а на другой сторонѣ рѣки, на „Игуновой горѣ“, стоялъ монастырь. Н. Д. Квашнинъ-Сахаринъ выразилъ догадку, не принадлежалъ-ли этотъ склепъ посадскому Погорѣлова-Городища „торговому мужику“ и кожевнику „Фетѣ“ Андронову, который своимъ колдовствомъ и чернокужьствомъ сдѣлался извѣстнымъ царю Борису Годунову и „ради вѣдовства и еретичества“ взятъ былъ имъ на Москву; въ смутное время, усердно служа самозванцамъ и полякамъ, Андроновъ достигъ званія думнаго дворянина и казначея, но затѣмъ скоро послѣдовало и его паденіе: онъ былъ повѣшенъ за воровство. Затѣмъ, въ августѣ 1889 г. въ Твери, на Косой Новгородской улицѣ, при осмотрѣ лежащихъ въ землѣ газовыхъ трубъ, рабочими были вырыты 7 мѣдныхъ шведскихъ талеровъ, изъ коихъ 5 поступили въ музей. Отъ А. Е. Берсенева поступила въ даръ музею найденная въ 1850 г., при устройствѣ спуска къ Волгѣ, печать изъ яшмы въ видѣ кружка, въ діаметрѣ $\frac{5}{8}$ вершка, съ ушкомъ; на печати изображено имянословное благословеніе и кругомъ надпись: „печать Варсонофія“. Это несомнѣнно печать епископа Варсонофія, дѣятельность котораго связана съ грустными моментами тверской исторіи: этому епископу пришлось встрѣчать и хоронить тѣло благовѣрнаго князя—страстотерпца Михаила Ярославича (въ 1320), а черезъ 6 лѣтъ и сына его Дмитрія Михайловича „Грозныя Очи,“ замученнаго въ Ордѣ. Богатый Тверской музей былъ уже въ минувшемъ году описанъ, а въ отчетномъ году членомъ комиссіи М. Н. Сперанскимъ описаны его рукописи, и это описаніе печатается въ приложеніи къ Трудамъ Моск. Общества исторіи и древностей 1890 г.

Въ Орловскій музей поступили изъ Императорской Археологической комиссіи монетный слитокъ, найденный близъ деревни

Ташбирмень Лаишевскаго уѣзда Казанской губ. и отъ г. орловскаго губернатора пожертвованные карачевскими купцами Боевымъ и Мартыновымъ два клыка мамонта, каждый до 3-хъ арш., найденные въ Карачевскомъ уѣздѣ.

Въ Саратовскій музей переданы различные предметы древности—С. А. Панчулидзевымъ, добытые изъ произведенныхъ имъ раскопокъ Старо-Бурасскаго городка, Н. Л. Постремовымъ—коллекція животныхъ плеоценовой эпохи, С. С. Краснодубровскимъ, по предложенію Император. Археологической комиссіи была произведена раскопка близъ деревни Сафоновки, Барьовской волости Сердобскаго уѣзда; открытый при раскопкѣ черепъ препровожденъ въ Археолог. комиссію. Кромѣ того музей получилъ въ даръ отъ статистическаго комитета богатую археологическую коллекцію, а отъ Саратовской гимназіи обширную коллекцію золотоордынскихъ монетъ XIV ст.

Въ Нижегородскій музей пожертвованія текутъ весьма усердно. Императорская Археологическая комиссія доставила серебряный монетный слитокъ и 8 серебряныхъ русскихъ старинныхъ копеекъ. Н. П. Никифоровъ—двадцатипяти-рублевую ассигнацію 1818 г. Н. А. Демидовъ—четыре старинныхъ израсца, мѣдную корчагу, выпаханную изъ земли у села Покровскаго майдана Васильскаго уѣзда, два старинныхъ полотенца, коновальскую бляху, старинный замокъ отъ конскихъ путъ, топорикъ, обнизъ съ повязки и черемисскую одежду. И. И. Вишнеvскій—два старинныхъ (одно съ печатью 1797 г.) серебряныхъ кольца и тѣльный вѣрстѣ. С. Ф. Богдановъ—фотографическій видъ остатковъ землянаго вала въ селѣ Городцѣ. Н. Г. Первухинъ—серебряную монету сассанидскаго царя Хозроя II Пурвиза (590—622), 6 серебряныхъ копеечекъ Мих. Ѳед. и Алексѣя Михайловича, пятьдесятъ штукъ поддѣловъ подъ греческія монеты и тридцать двѣ разноцвѣтныхъ бусты изъ смальты. М. В. Овчинниковъ—4 серебр. монеты XVII ст. и одну мордовку. В. О. Эйнгорнъ и П. Д. Дружининъ—нѣсколько серебр. и мѣдныхъ монетъ. А. С. Гацискій—фотографическій видъ Печерскаго монастыря и фотографическій снимокъ съ карты нижегородскаго намѣстничества, раздѣл. на 12 уѣздовъ. А. И. Звѣздичъ—девять старинныхъ складныхъ ножей. А. А. Савельевъ—17 старинныхъ серебряныхъ монетъ. А. М. Корватовскій—

2 мѣдныхъ монеты. И. И. Вишневскій—портретъ нижегородскаго епископа Іакова, писанный масляными красками. Увеличеніе богатства музея вызвало заботы непремѣннаго попечителя комиссіи, нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова, о приобрѣтеніи въ собственность комиссіи стариннаго дома на Почайнѣ, съ цѣлью устройства въ этомъ домѣ музея комиссіи; но вопросъ этотъ въ отчетномъ году не получилъ разрѣшенія.

Таврическій музей обогатился 223 монетами и 403 предметами разныхъ древностей, найденныхъ въ предѣлахъ Таврической губерніи (съ 1 января 1890 г. въ музей находилось всего 1591 предметъ, считая и монеты). Въ числѣ пожертвованій въ музей, какъ по значенію, такъ и по количеству, обращаютъ на себя вниманіе вещи, найденныя въ лощинѣ, отдѣляющей Симферополь отъ Керменчика, на мѣстѣ котораго указываютъ мѣстоположеніе древняго Неаполиса, составляющія пожертвованіе предсѣдателя комиссіи А. Х. Стевена. Далѣе, произведенная 17-го января раскопка въ той-же лощинѣ открыла могилу, изъ которой было извлечено пятнадцать разныхъ вещей, кромѣ костяковъ. На свои собственные средства таврическая комиссіа приобрѣла пять большихъ древнихъ остродонныхъ амфоръ, отъ 25-ти ведерной до 5-ти ведерной величины, найденныхъ на горѣ Багла, подлѣ Мангуша. Отъ императорской археологической комиссіи поступилъ одинъ слитокъ серебра, найденный въ Казанской губерніи.

Таврическій музей самостоятельнаго помѣщенія еще не имѣетъ, а въ зданіи губернской земской управы для него отведена специально приспособленная комната, довольно просторная, вмѣщающая въ себѣ какъ музей, такъ и шкафъ для историческаго архива.

И Пермской комиссіи удалось положить основаніе музею. Черезъ исправниковъ получено: 14 мелкихъ серебряныхъ монетъ московскихъ XVI и XVII ст., древній ножъ въ мѣдной оправѣ, мѣдный топорикъ и кольчуга. Для музея-же г. Голубцевымъ предназначенъ альбомъ пермскихъ дѣятелей, но еще хранящійся у него, за неимѣніемъ помѣщенія для музея.

2) Кромѣ такихъ непосредственныхъ изысканій предметовъ древности, всѣ комиссіи путемъ публикацій, приглашеній, обра-

щаемыхъ къ настоятелямъ церквей и другимъ просвѣщеннымъ обывателямъ стремились получить свѣдѣнія о существующихъ въ губерніи предметахъ древности.

По поводу предстоявшаго VIII археологическаго съѣзда многія изъ комиссій пожелали снять фотографическіе снимки съ имѣющихся въ ихъ музеяхъ предметовъ древностей и украсили ими бывшую въ Москвѣ при съѣздѣ археологическую выставку (въ январѣ 1890 г.), а нѣкоторыя доставили туда и самыя предметы изъ музея.

На предложеніе же московскаго археологическаго общества, задумавшаго составить археологическую карту, многія изъ комиссій были озабочены доставленіемъ обществу свѣдѣній объ имѣющихся въ губерніи курганахъ, городищахъ, древнихъ могильникахъ, валахъ и засѣкахъ, о мѣстонахожденіяхъ кладовъ древнихъ монетъ, каменныхъ и мѣдныхъ издѣлій и т. п. Особую энергію въ этомъ отношеніи выказала саратовская комиссія, считающая, что самая инициатива составленія такой карты принадлежитъ ей, или, лучше сказать, ея непремѣнному попечителю, губернатору А. И. Косичу, который еще ранѣе возбужденія московскимъ обществомъ этого вопроса представилъ въ распоряженіе комиссії, для составленія археологической карты, рѣдкій экземпляръ неизданной трехверстной въ дюймѣ карты Саратовской губерніи, составленной Шредерсомъ. Въ отчетномъ году для этой цѣли они составили подкомиссію, которая разослала въ количествѣ 1,200 экземпляровъ списокъ вопросовъ, присланныхъ московскимъ обществомъ.

3) Охраненіе памятниковъ древности въ отчетномъ году особенно заботило комиссію Рязанскую и Таврическую.

Рязанская комиссія, вслѣдствіе особаго порядка, установившагося благодаря просвѣщенному содѣйствію высокопреосвященнаго архіепископа Теофиста, даетъ строительному отдѣленію свое заключеніе по предполагаемымъ перестройкамъ старинныхъ церквей, часовенъ и т. п. Въ отчетномъ году было одиннадцать случаевъ обсужденія комиссіею вопросовъ о передѣлкахъ и исправленіяхъ церквей, а равно и о возобновленіи внутри ихъ живописи,—причемъ лишь въ одномъ случаѣ комиссія высказалась въ отрицательномъ смыслѣ. Это, именно, по вопросу о перестройкѣ каменной церкви въ с. Храповѣ, время построенія

которой относится ко второй половинѣ XVII в. Церковь эта, прекрасно сохранившая свой древній видъ и принадлежащая къ наиболѣе замѣчательнымъ памятникамъ рязанской древности, заслуживаетъ сохраненія безъ всякихъ измѣненій.

Таврическая комиссія относительно этого вопроса, по прежнему, пользовалась содѣйствіемъ мѣстныхъ членовъ, наблюдающихъ въ мѣстахъ своего жительства за сохранностью древностей, а также содѣйствіемъ губернской администраціи. По ходатайству комиссіи, губернаторъ предписалъ строительному отдѣленію собрать свѣдѣнія о древнихъ историческихъ памятникахъ и составить списокъ для облегченія надзора полиціи за сохранностью древностей.

III.

Устроившіяся при историческихъ архивахъ бібліотеки значительно развиваются, причемъ однѣ комиссіи поставили себѣ задачею сдѣлать эти бібліотеки спеціально-историческими, имѣющими собрать все, касающееся даннаго края и могущими доставить всѣ необходимыя справки занимающимся въ архивѣ; другія комиссіи прямо еще этой цѣли не преслѣдуютъ.

Въ особенности держатся этихъ стремленій рязанская комиссія. Въ отчетномъ году въ рязанскую бібліотеку поступило 178 названій, состоящихъ изъ 362 отдѣльныхъ книгъ. Всего эта бібліотека заключаетъ въ себѣ 1701 названіе и 4853 книги.

Въ Тамбовскую бібліотеку поступило, кромѣ книгъ, при-
сылаемыхъ въ обмѣнъ на Извѣстія, нѣсколько рукописей.

Тверская комиссія совершила въ отчетномъ году существенную реформу относительно своей бібліотеки. По особому соглашенію съ попечительнымъ комитетомъ городской публичной бібліотеки, утвержденному городскою думою—бібліотека тверской ученой архивной комиссіи передана на храненіе въ городскую публичную бібліотеку на слѣдующихъ основаніяхъ: она хранится отдѣльно и ей ведется отдѣльный каталогъ (ее составляютъ 794 тома), вновь получаемыя комиссіею книги передаются каждый разъ при особыхъ описяхъ; книги эти, составляя собственность комиссіи, могутъ быть взяты ею обратно, но въ такомъ случаѣ

должны быть возвращены библиотекѣ деньги, израсходованныя ею на переплетъ книгъ; вообще-же переплеты дѣлаются на половинныхъ издержкахъ; книгами архивной комиссіи посѣтители библиотеки могутъ пользоваться только въ ея помѣщеніи, а члены комиссіи, съ разрѣшенія предсѣдателя, могутъ получать эти книги и на домъ; предсѣдатель архивной комиссіи или его замѣститель участвуетъ въ засѣданіяхъ попечительнаго комитета публичной библиотеки.

Библиотека нижегородской комиссіи, кромѣ обыкновенныхъ поступленій, обогатилась въ текущемъ году, хотя временнымъ, но весьма цѣннымъ вкладомъ. Членъ комиссіи А. П. Мельниковъ предложилъ комиссіи принять отъ него во временное пользованіе на такихъ-же условіяхъ, на какихъ предоставилъ комиссіи нижегородскій отдѣлъ своей библиотеки А. С. Гацискій, доставшюся ему, А. П. Мельникову, послѣ отца его, Павла Ивановича Мельникова (Печерскаго), библиотеку, заключающую въ себѣ много библиографическихъ рѣдкостей.

Библиотека Таврической комиссіи увеличилась въ отчетномъ году на 63 названія, составляющія 119 томовъ.

Въ Оренбургской и Пермской комиссіяхъ кладутся еще въ получаемыхъ ими изданіяхъ первыя основы для будущихъ библиотекъ.

IV.

Въ отчетномъ году весьма расширилась научная дѣятельность комиссій—Рязанской, Тамбовской, Тверской, Саратовской, Нижегородской, Таврической. Но и во всѣхъ комиссіяхъ число членовъ прибываетъ, засѣданія посѣщаются публикою, рефераты являются весьма интересные; издаваемые (подъ различными названіями) труды комиссій представляютъ цѣлыя сборники, безъ которыхъ не могутъ обходиться занимающіеся русскою исторіею и исторіею русскаго права.

Рязанская комиссія, имѣющая 179 членовъ (въ отчетномъ году новыхъ членовъ поступило 34, выбыло 8) продолжала изданіе своихъ „Трудовъ“ на прежнихъ основаніяхъ, подъ редакцію А. В. Селиванова; за отчетный годъ издано 7 выпусковъ, въ

которыхъ напечатано 77 различныхъ статей, сообщеній и замѣтокъ. Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ статей представляютъ самостоятельныя изслѣдованія на основаніи архивнаго матеріала. Въ сообщеніи рефератовъ и различныхъ историческихъ матеріаловъ принимали участіе слѣдующія лица: В. П. Титовъ, Н. А. Дешевой, Л. Б. Вейнбергъ, А. А. Полторацкая, И. В. Добролюбовъ, С. Е. Звѣревъ, С. Д. Яхонтовъ, А. Д. Повалишинъ, В. А. Самаряновъ, А. П. Мансуровъ, В. Д. Корсакова, И. О. Токмаковъ, А. В. Селивановъ, М. И. Семевскій, И. Н. Суворовъ, А. А. Маринъ и др. Кромѣ „Трудовъ“ комиссіею были изданы: „Краткій каталогъ Рязанскаго музея, 1 вып., отдѣлъ историческій“, „Описаніе дѣлъ Рязанскаго историческаго архива, вып. 1-й и 2-й“, „Рязанскія достопамятности, собранныя архимандритомъ Героимомъ, съ примѣчаніями І. Добролюбова“. Это изданіе начато было еще въ 1886 г. Кромѣ этихъ работъ, отдѣльные члены совершили слѣдующія: И. В. Добролюбовъ оканчивалъ обработку послѣдняго тома своего большаго труда „Историко-статистическое описаніе цервей и монастырей Рязанскаго края“. Д. П. Агнцевъ издалъ „Исторію Рязанской духовной семинаріи“, И. О. Микулинъ составлялъ алфавитный списокъ дѣятелей и замѣчательныхъ уроженцевъ рязанскаго края.

Тамбовская комиссія, въ издаваемыхъ ею „Извѣстіяхъ“ (въ отчетномъ году 3 выпуска — XXIII — XXV) по прежнему помѣстила опись разобранныхъ документовъ. Изъ читавшихся въ засѣданіяхъ рефератовъ, многіе весьма интересные принадлежатъ самому почтенному предсѣдателю И. И. Дубасову („О шацкомъ провинціальномъ архивѣ во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія“, „Объ участіи тамбовскаго края во всенародномъ избраніи дома Романовыхъ на царство“, „О рукописномъ лечебникѣ конца XVII вѣка“, „Объ естественныхъ богатствахъ тамбовскаго края въ прошломъ столѣтіи“ и пр.); г. Дьяконовымъ (нынѣ правитель дѣлъ) были сдѣланы рефераты: „Объ участіи Тамбовскаго края въ строеніи Азовскаго порта“, „Бытовые картинки прошлаго“, „О книжкѣ г. Ливгина. Письмо, содержащее нѣкоторыя разсужденія о поэмѣ г. Вольтера „На разрушеніе Лиссабона“, изд. 1786 г.

Тверская комиссія, помѣстивъ въ напечатанныхъ ею 4-хъ журналахъ своихъ засѣданій, нѣкоторые рефераты и сообщенія

(напр. Д. И. Скворцова, „Очеркъ жизни и дѣятельности преп. Діонисія“ (напеч. въ „Епарх. Вѣдом.“); В. И. Колосова, „Тверской археологъ прошлаго столѣтія Діомидъ Ивановичъ Кармазовъ“ и „О Стерженскомъ и Лопастецкомъ крестахъ, въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ“; М. Н. Сперанскаго, „Къ вопросу о палеографіи“, положенія котораго члены комиссіи признали важнымъ для себя пособіемъ къ чтенію старинныхъ рукописей; П. П. Соболева, „Дѣло о сооруженіи серебряной раки св. благовѣрному великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому“ и „Выборъ поповскаго старосты въ г. Твери въ 1747 г.“; А. К. Жизневскаго „Федоръ Николаевичъ Глинка, † 1880 г. 11 февраля“; Н. Д. Квашнина-Самарина, „Замѣтка о набѣгѣ вице-канцлера литовскаго Радзивилла на Россію“) — содѣйствовала и изданію отдѣльныхъ трудовъ своихъ членовъ. Кромѣ соч. Жизневскаго, „Глинка“, отдѣльно появились: М. Н. Сперанскаго, „Златоустъ, рукопись XVI в. Тверскаго музея. Замѣтка по русской палеографіи“; Д. И. Скворцова, „Діонисій Зобинновскій“; Вл. Успенскаго, „Краткій очеркъ жизни преосв. Аарона Еропкина“.

Орловская комиссія, послѣ устранившихся недоразумѣній относительно права ея печатать „Труды“, издала въ отчетномъ году три выпуска, въ которыхъ помѣщены, какъ довольно важныя историческія матеріалы, такъ и нѣкоторыя интересныя замѣтки и сообщенія: архимандрита Патермуфія и Г. М. Пясецкаго, „О служебникѣ“, С. А. Блохина, „О владѣ съ заклѣтымъ золотомъ и серебромъ“, Пупарева „Расправный судья Роскашово“ и др.

Костромская комиссія издала первый выпускъ „Костромской Старины“, въ которомъ, кромѣ актовъ, преимущественно извлеченныхъ изъ монастырскихъ библіотекъ, помѣщено изслѣдованіе И. В. Миловидова, о двухъ дѣлахъ, служившихъ А. Ѳ. Писемскому основнымъ мотивомъ къ созданію бытовой драмы „Горькая Судьбина“.

Саратовская комиссія въ изданныхъ ею 2-хъ томахъ „Трудовъ“, вышедшихъ подъ редакцію С. С. Краснодубровскаго кромѣ помѣщенія многихъ совершенно новыхъ документовъ включила цѣлый рядъ изслѣдованій, каковы: князя Л. Л. Голицына (предсѣдателя комиссіи) и С. С. Краснодубровскаго „проектъ задуманнаго комиссіею „Саратовскаго Историческаго

Сборника“, Краснодарскаго, „Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта“, „Годъ основанія Саратова“; Л. Н. Минха— „Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго уѣзда“, Ѳ. Ѳ. Чекалина— „Саратовское поволжье“ и др.

Нижегородская комиссія, излагающая всѣ свои работы въ издаваемыхъ ею „Дѣйствіяхъ“, въ отчетномъ году издала ихъ 3 выпуска (4-й, 5-й и 6-й), и въ нихъ записаны научно-праздничныя работы комиссіи, много посвятившей въ отчетномъ году труда по случаю чествованія 700-лѣтней годовщины в. к. Георгія Всеволодовича. Тутъ и обширныя историческія справки предсѣдателя комиссіи А. С. Гацискаго, и обсужденія способовъ празднованія въ 1912 г. трехсотлѣтія эпохи 1612 г., и его-же рефератъ о видѣніи Минина, и разсужденія объ историческихъ нижегородскихъ дняхъ. Въ приложеніяхъ помѣщены весьма важныя историческіе документы: выписи изъ старыхъ юридическихъ документовъ и писцовыхъ книгъ, метеорологическій дневникъ архим. Петра Каменскаго (1840 г.), описи архивныхъ дѣлъ и т. п.

Таврическая комиссія издаетъ свои „Извѣстія“, и въ отчетномъ году вышли два выпуска (№№ 7 и 8). Въ нихъ продолжается печатаніе матеріаловъ — Ордера кн. Потемкина и „Камеральное описаніе Крыма“. Кромѣ того, помѣщены и читанные въ засѣданіяхъ комиссіи рефераты, каковы: Ѳ. Лашкова, — „Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787 — 1791 гг.“; В. Смирнова, Джаміѳу-т-тѣварихъ, Х. Ящуржинскаго — „Развѣдки о древнемъ скискомъ укрѣпленіи Неаполисѣ и др. Притомъ нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, кромѣ участія въ этихъ работахъ, издали и независимо отъ этого отдѣльные труды. Такъ, И. И. Казасъ издалъ на древне-еврейскомъ языкѣ „Торать Гаадамъ“, А. Н. Дьяконовъ напечаталъ „Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1888 г.“, И. С. Журьяри печаталъ очерки „Крымской Старины“ въ мѣстной газетѣ, А. И. Маркевичъ приготовилъ для печати „Указатель по библиографіи Крыма“.

Оренбургская комиссія издала 1-й выпускъ „Архива бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторскаго управленія“, помѣстивъ въ немъ высочайшіе указы 1764 и 1797 — 1800 гг., которыхъ не имѣется въ П. С. З. Въ приложеніи помѣщены двѣ

коротенькія замѣтки покойнаго члена комиссіи Р. Г. Игнатьева: о населеніи Оренбурга 1797 г. и о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Кромѣ того, въ напечатанномъ протоколѣ комиссіи помѣщенъ рефератъ С. Н. Севастьянова, „Къ вопросу объ образованіи оренбургскаго казачьяго войска“.

Пермская комиссія не нашла еще возможности обзавестись собственнымъ изданіемъ, почему члены ея, занимающіеся изслѣдованіемъ мѣстной старины, печатаютъ свои труды или въ журналахъ, или отдѣльными изданіями. Такъ, бывшій предсѣдатель, покойный В. Н. Шишонко, передъ кончиной выпустилъ въ свѣтъ VII томъ „Пермской Лѣтописи“ (на счетъ губернскаго земства). Занявшій временно его мѣсто, и съ сожалѣнію оставившій теперь предсѣдательство, за переводомъ по службѣ въ другую губернію, А. А. Дмитріевъ предпринялъ изданіе сборника, „Пермская Старина“, первый выпускъ котораго (исторія Перми Великой съ древнѣйшихъ временъ до начала XVII в.) вышелъ въ Перми въ 1889 году. (Теперь трудъ этотъ продолженъ). Н. Н. Новокрещенныхъ напечаталъ историческую монографію „О Чермоозскомъ заводѣ гг. Лазаревыхъ“, и составилъ прекрасную карту сѣверо-западной части Пермской губерніи. Д. Н. Маминъ (сибирякъ) написалъ историческій очеркъ Екатеринбурга въ екатеринб. календарѣ и ст. „Старая Пермь“, напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюль 1889 г.).

V.

Денежныя средства, которыми располагали въ отчетномъ году комиссіи, весьма неодинаковы. Нѣкоторыя продолжаютъ пребывать въ положеніи болѣе, чѣмъ скромномъ, другія имѣютъ достаточный бюджетъ.

Рязанская комиссія, получающая ежегодно отъ губернскаго земства пособія 300 р. и получившая членскихъ взносовъ 285 р., имѣла въ отчетномъ году прихода 626 р. 90 к.; израсходовала 597 р. 81 к., причемъ главнѣйшія статьи расхода были: на печатаніе трудовъ 210 р. 50 к., на покупку книгъ 124 р., на

покупку предметовъ древностей 151 р. 28 к.; остатокъ образовался въ 29 р. 9 к.

Средства Тамбовской комиссіи нѣсколько менѣе. Не считая, какъ и относительно предъидущей комиссіи 200 р., ассигнуемыхъ министерствомъ юстиціи каждой комиссіи для разбора архивовъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, Тамбовская комиссія имѣла приходу 535 р. 35 к. (куда входятъ собранные по подпискѣ 315 р., членскихъ взносовъ 208 р. и вырученныхъ за 2 экземпляра XXV выпуска извѣстій—60 коп.); расходъ 221 р. 65 к., остатокъ 334 р. 70 к. Сюда въ расчетъ не входитъ капиталъ, которымъ обзавелась комиссія и который лежитъ на храненіи въ отдѣленіи государств. банка; это капиталъ, въ количествѣ 2499 р. 85 к., пожертвованный комиссіи В. В. Никитинымъ.

Бюджетъ Орловской комиссіи побѣднѣе. Приходу было съ остаткомъ отъ 1888 г. (148 р. 89 к.) 302 р. 66 к. (членскихъ взносовъ 11 р., а за изданія комиссіи 142 р. 77 к.); израсходовано 174 р. 75 к., осталось 127 р. 91 к.

Костромская комиссія собственнаго бюджета не имѣла, а изъ полученныхъ отъ министерства юстиціи авансомъ 100 р. издержала 97 р. 75 к.

Нижегородская комиссія относительно въ отличныхъ денежныхъ условіяхъ: общій приходъ, съ остаткомъ отъ предъидущаго года (2439 р. 22 к.) 3594 р. 37 к. (въ томъ числѣ и 200 р. отъ министерства юстиціи, отъ губернскаго земства 500 р., отъ города 300 р.), а съ особою суммою, собранною для чествованія памяти св. вел. князя Георгія Всеволодовича 1825 р.,—5419 р. 37 к. Расходоу общихъ было 1437 р. 29 к., а съ издержанными на празднество 1895 р. 6 к. (передержку въ 70 р. 6 к. приняла на свои средства комиссія), 3332 р. 35 к., остатокъ—2087 р. 2 к.

Таврическая комиссія, съ остаткомъ отъ предъидущаго года (223 р. 22 к.) и 200 р. отъ министерства юстиціи, имѣла въ приходѣ 567 р. 55 к. Расходы простирались до 445 р. 95 к., въ остаткѣ 121 р. 60 коп.

Оренбургская комиссія располагаетъ еще небольшими суммами: челябинская дума ассигновала ей 100 р. и верхнеуральская 50 р.

Пермская комиссія имѣла въ отчетномъ году приходу

500 р.—отъ Пермской городск. думы 300 р. и отъ Пермскаго уѣзднаго земства 200 р. Издержано 238 р., въ остаткѣ 232 р.

Въ общемъ итогѣ немаловажною оказывается дѣятельность 10 архивныхъ комиссій. Особенно широко разростается ихъ научная дѣятельность какъ мѣстныхъ историческихъ обществъ, уже создавшихъ единеніе мѣстныхъ труженниковъ и напечатавшихъ въ своихъ трудахъ много цѣннаго и новаго.

Горячо привѣтствуя эту сторону дѣятельности архивныхъ комиссій, не можемъ не замѣтить, что главнѣйшая и существеннѣйшая задача ихъ дѣятельности, это — созданіе губернскихъ историческихъ архивовъ. А эта ихъ дѣятельность, если можно такъ выразиться, является только подготовительною для будущей, весьма важной и весьма трудной работы. Нынѣшняя дѣятельность ихъ является неполною, только подготовительною по множеству причинъ и условій, изъ коихъ важнѣйшія суть слѣдующія: 1. Создаваемые ими историческіе архивы не стоятъ въ надлежащей связи съ текущими архивами присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ архивнымъ комиссіямъ предоставляется въ ихъ хранилища выбирать годное изъ тѣхъ только дѣлъ, которыя признаны подлежащими уничтоженію, а все историческое, подлежащее храненію, остается, за немногими исключеніями, въ текущихъ архивахъ и не передается въ архивъ комиссіи. 2) Помѣщенія, въ которыхъ хранятся историческіе архивы комиссій, за исключеніемъ, можетъ быть, Нижегородскаго, для котораго въ отчетномъ году городъ уступилъ Бѣлую кремлевскую башню, assigned сумму на передѣлки и приспособленія,—весьма далеки отъ желаемыхъ помѣщеній для историческихъ архивовъ. 3) Управленіе своими историческими архивами комиссіи не могутъ ввѣрить архивисту отвѣтственному и состоящему на государственной службѣ. При всѣхъ этихъ условіяхъ архивы, заводимые комиссіями не могутъ получить еще значенія настоящихъ историческихъ архивовъ. Но ихъ почтенная работа въ этой области создаетъ важную подготовительную школу для образованія настоящихъ историческихъ архивовъ, особенно теперь, когда слышатся живыя стремленія привести наши губернскіе архивы въ порядокъ. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ январѣ нынѣшняго 1890 г., состоялось постановленіе—просить Археологическій институтъ представить правительству ходатайство съѣзда

о приведеніи губернскихъ архивовъ въ порядокъ посредствомъ проведенія одинаковыхъ правилъ ихъ управленія. И Археологическимъ институтомъ представлено г. министру народнаго просвѣщенія это ходатайство, мотивированное необходимостью пересмотрѣть существующіе законы о губернскихъ архивахъ и возможностью провести положеніе, что во всѣхъ текущихъ архивахъ достаточно содержать дѣла и акты за послѣднія 50 лѣтъ, а дѣла старѣйшія выдѣлять въ историческій отдѣлъ архива или создать для такихъ отдѣловъ одинъ общій губернской исторической архивъ. Такимъ образомъ, уже слово объ историческихъ архивахъ сказано, и если Императорская Академія Наукъ, которой представляется этотъ отчетъ, найдетъ возможнымъ присоединить свой компетентный голосъ къ ходатайству Археологическаго съѣзда, то Историческіе губернскіе архивы, о первыхъ [зачаткахъ] которыхъ усердно трудятся наши губернскіе архивныя комиссіи, могутъ возникнуть, какъ важныя государственныя учрежденія, необходимость и значеніе которыхъ для государства и науки можетъ какъ въ принципѣ, такъ и въ подробностяхъ мотивировать Археологической институтъ.

И. Е. Андреевскій.

25-го октября 1890 г.

ПРОДАЖА УПРАЗДНЕННЫХЪ ЦЕРКВЕЙ ВО ПСКОВѢ

въ 1793—1798 г.

I.

Дѣло по сообщенію здѣшней казенной палаты о вызовѣ въ г. Псковѣ и его округѣ желающихъ въ покупкѣ упраздненныхъ церквей.

11 декабря 1797 года, № 15572.

Въ Псковское губернское правленіе оной-же губерніи изъ казенной палаты. Въ прошломъ 1793-мъ году здѣшняя духовная консисторія сообщеніемъ знать дала, что по силѣ повелѣнія его преосвященства упразднено девятнадцать, каменнаго зданія церквей, и именно: Воскресенская и Димитріевская съ Кремля, Власіевская съ площади, Казанская съ больницы, Богоявленская съ бродовъ, Зачатейская отъ торгу, Архангельская съ Песокъ, Григорія Богословская съ Путятина, Спасская отъ Старога Востра, Козьмо-Демьянская съ Утокъ, Ильинская съ Завеличья, Мирносицкая, Іоанна-Милостивская, Георгіевская съ болота, Похвальская съ Романихи, Желѣзнодорожная, Духовская со Усохи, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ, Варваринская, гдѣ было Святогорское подворье; изъ конхъ Воскресенская и Димитріевская съ Кремля, также и Мирносицкая оставлены по надобности церковной въ епархіальномъ его преосвященства вѣдѣніи; Спасо-Старокостерская и Григорія Богословская отданы на сооружеііе лютеранскаго въ городѣ Псковѣ общества молитвенности дома; Георгіевской-же, Іоанно-Милостивской и отъ Богоявленской плита употреблена для поправленія другихъ церквей; протчія-жъ церкви сообщила принять въ вѣдомство казенное на какое-нибудь употребленіе.

Вслѣдствіе чего, по предписанію палаты, тѣ церкви правившимъ здѣсь городническую должность майоромъ Перкинусомъ и приняты, и послѣ изъ нихъ, по опредѣленію палаты, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ продана за 50 рублей; почему къ таковой-же покупкѣ многократно чинимы были

вызовы желающихъ. Вслѣдствіе чего, хотя желаніе и объявили псковскіе мѣщане Николай Каменевъ на Зачатейскую церковь, Василій Завѣтной и Тарасъ Ивановъ на Власіевскую церковь, и псковоградскія Козьмо-Демьянскія церкви священникъ Симоонъ Федоровъ на Казанскую церковь, точю къ означеннымъ торгамъ не явились, и для того казенная палата опредѣлила:

Во оное губернское правленіе сообщить и требовать, дабы оное благоволило предписать отъ себя здѣшнему городничему, равно и магистрату, чтобъ они вызовъ къ покункѣ означенныхъ церквей желающихъ учинили, и буде таковыя окажутся, то-бъ оныя явились, равно и прежде объявившіе желаніе псковскіе мѣщане Каменевъ, Завѣтной, Тарасъ Ивановъ и священникъ Симоонъ Федоровъ въ палату сами или повѣренныхъ прислали къ торгу будущаго 1798-го года, генваря 20-го. Буде-же и вовсе никого не явится, то велѣтъ имъ палатѣ репортовать и что онымъ учинено будетъ, палату безъ увѣдомленія не оставить. Декабря 11 дня 1797 года. № 209. Осипъ Харковъ. Подканцеляристъ Петръ Митяевъ.

II 1).

1797 г. декабря 11-го дня. Подписанъ (Журналъ губ. правл.) 18 декабря. «Сообщеніе здѣшней (псковской) казенной палаты, коимъ, прописывая: Въ прошломъ 1793 г. здѣшняя духовная консисторія сообщеніемъ знать дала, что по силѣ повелѣнія его преосвященства упразднено (во Псковѣ) девятнадцать каменнаго зданія церквей и именно: Воскресенская и Дмитріевская съ Кремля, Власіевская съ площади, Казанская съ больницы, Богоявленская съ Бродовъ, Зачатейская отъ торгу, Архангельская съ Песокъ, Григорія Богослова съ Путятина, Спасская отъ Старога Костра, Козьмо-Демьянская съ Утокъ, Ильинская съ Завеличья, Мироносицкая, Иоанно-Милостивская, Георгіевская съ болота, Похвальская съ Романихи, Желѣзнодорожская, Духовская со Усохи, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ, Варваринская, гдѣ было Святогорское подворье, изъ коихъ Воскресенская и Дмитровская съ Кремля, также и Мироносицкая оставлены по надобности церковной въ епархіальномъ его преосвященства вѣдѣніи; Спасо-Старокостерская и Григорія-Богословская отданы на сооружеііе лютеранскаго въ городѣ Псковѣ общества молитвенности дома. Георгіевской-же, Иоанно-Милостивской и отъ Бого-

1) Это постановленіе губернскаго правленія дословно повторяетъ то, что прописано выше въ сообщеніи псковской казенной палаты—губернскому правленію. Въ видахъ, однако, полнаго воспроизведенія любопытнаго для исторіи города Пскова дѣла о разрушеніи и распродажѣ его святынь и достопамятностей, повторяемъ и этотъ документъ.

явленской плита употреблена для поправленія другихъ церквей. Протчія-же церкви сообщила (консисторія) принять въ вѣдомство казенное на какое-нибудь употребленіе, вслѣдствіе чего по предписанію палаты тѣ церкви правившіи здѣсь городническую должность Макарошъ Перкинусомъ и приняты. И послѣ изъ нихъ, по опредѣленію палаты, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ продана за 50 руб., почему къ таковой-же покупкѣ многократно чинимы были вызовы желающихъ. Вслѣдствіе чего, хотя желаніе и объявили псковскіе мѣщане: Николай Каменевъ на—Зачатейскую (церковь), Василей Забѣтновъ и Тарасъ Ивановъ на Власіевскую (церковь), и псковоградскія Козьмо-Демьянскія церкви, священникъ Симоонъ Федоровъ на Казанскую (церковь) точію къ назначеннымъ торгамъ не явились, почему, сообщая о семъ правленію, требуетъ предписать отъ себя здѣшнему городничему, равно и магистрату, чтобъ они вызовъ къ покупкѣ означенныхъ церквей желающихъ учинили и, буде таковыя окажутся, то-бъ оныя явились, равно и прежде объявившіе желаніе псковскіе мѣщане Каменевъ, Забѣтновъ, Тарасовъ и Ивановъ, и священникъ Симоонъ Федоровъ въ палату сами, или повѣренныхъ прислали къ торгу будущаго 1798 г. генваря 20-го. Буде-же и вовсе никого не явится, то велѣтъ имъ палатѣ репортовать и что онымъ учинено будетъ по сему безъ увѣдомленія не оставить.

Приказали: къ здѣшнему кѣмѣнданту г-ну полковнику Ханыкову отнестись, а городовому магистрату предписать указомъ, чтобъ они требованія казенной палаты выполнили, о чемъ къ вѣдѣнію и оной сообщить.

Исполнено 27-го декабря (1797 г.).

III.

№ 774. 21 генваря (1798 г.).

Во Псковское губернское правленіе.

Отъ Псковскаго городского магистрата рапортъ. № 55.

Во исполненіе полученнаго изъ онаго губернскаго правленія полученнаго въ сей магистратъ прошлаго 1797-го года декабря 28-го числа подъ № 30114 относительно вызова желающихъ къ покупкѣ уничтоженныхъ испраздненныхъ девятнадцати церквей уваза, оному губернскому правленію городской магистратъ доноситъ, что по сдѣланному отъ сего магистрата къ псковскимъ городovýmъ старшинскимъ дѣламъ предписанію на оное, отъ оныхъ дѣлъ рапортѣмъ сему магистрату донесено, что псковскому градскому обществу объ ономъ объявлено было, но таковыхъ желающихъ никого не оказалось.

Бургомистръ Дмитрій Навянской. Ратманъ Авраамій Сидоровъ. Ратманъ Михайла Рушениновъ. Канцеляристъ Пантелей Богдановъ.

Января 20-го дня 1798 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ КНЯЗЕВЪ

(род. 26-го февраля 1814 года)

въ 1839—1889 гг.

Напечатанный въ этой книгѣ „Русской Старины“ очеркъ Пскова и его достопримѣчательностей принадлежитъ маститому археологу, педагогу и писателю изъ города Пскова—д. с. с. Александру Сергѣвичу Князеву. 16-го октября минувшаго 1889 года псковичи отпраздновали полулѣтней юбилей его дѣятельности.

Сынъ дьякона погоста Славя, Великолуцкаго уѣзда ¹⁾, А. С. Князевъ опредѣленъ былъ преподавателемъ въ родную для него псковскую семинарію. Опредѣленіе это состоялось 16-го октября 1839 года и онъ вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ оной. Съ 1862 года мы видимъ Князева сначала инспекторомъ Рижской духовной семинаріи, а затѣмъ директоромъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи; въ 1885 году А. С. Князевъ возвратился на родину въ Псковъ. Большая часть служебной дѣятельности Александра Сергѣевича всецѣло принадлежитъ Пскову и его учебнымъ заведеніямъ; здѣсь его умъ, познанія въ исторіи, гуманное обращеніе съ учащимися и отзывчивость на все доброе приобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь, каковыя горячо сказались при празднованіи его юбилея во Псковѣ 16-го октября 1889 года (см. „Церковный Вѣстникъ“ 1889 г., № 40).

А. С. Князевъ издавна принадлежитъ къ лучшимъ современнымъ знатокамъ исторіи и древностей города Пскова. Всѣ ученые и любители отечественной старины, при посѣщеніи этого славнаго города неминуемо обращались и обращаются къ А. С. Князеву и всегда встрѣчаютъ въ немъ полнѣйшую готовность подѣлиться своими свѣдѣніями.

¹⁾ Ученикъ великолуцкаго духовнаго училища, псковской духовной семинаріи и петербургской духовной академіи.

Перечень трудовъ Александра Сергѣевича Князева.

1. Историческо-статистическое описаніи Псковскаго кафедральнаго собора, съ рисунками настоящаго и прежнихъ храмовъ его. Москва, 1858 г.

2. Указатель древностей Псковскихъ, съ видомъ Пскова. Москва, 1858 г.

3. Вѣра великой матери, управлен-ная благочестіемъ великаго праправнука. Описаніе креста св. Ольги, находящагося въ Псковскомъ кафедральномъ соборѣ, и торжественнаго установленія предъ нимъ золотой лампы, пожертвованной его императорскимъ высочествомъ Константиномъ Николаевичемъ, по случаю рожденія королевы эллиновъ Ольги Константиновны. Псковъ, 1857 г. При этомъ описаніи есть и видъ самаго креста.

4. Проповѣдническіе подвиги святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія и ихъ вліяніе на образованіе какъ всего славянскаго міра вообще, такъ и Россіи въ частности. Изданіе изящно иллюстрированное. Спб., 1866 г.

5. Альбомъ, въ память 1000 лѣтія со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго. Одесса, 1885 г.

6. Изданіе „Словъ и Рѣчей архіепископа Кишиневскаго Антонія“. Спб., 1861 г.

7. Описаніе торжественнаго освященія храма въ с. Подоклинѣ, Порховскаго уѣзда, 1861 г. (журн. „Странникъ“).

8. Исторія страствованія и общественной дѣятельности слѣпца Григорія Ивановича Ширлева. 1888 г. (въ журн. „Странникъ“).

9. Исторія служенія высокопреосвященнаго Платона, митрополита Киевскаго, въ Псковѣ и Ригѣ. 1878 г. (въ „Христ. Чтеніи“).

10. Его-же служеніе въ Одессѣ (въ „Христ. Чт.“).

11. Переводъ съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и еврейскаго языковъ писемъ разныхъ лицъ въ знаменитому

ученостю псковскому архіепископу Симону Тодорскому, законоучителю Екатерины II, и его письма съ греческаго языка, какъ матеріалъ для будущей исторіи сего святителя („Духовная Бесѣда“).

12. Биографическій очеркъ того-же архіепископа, составленный на основаніи означенныхъ бумагъ („Дух. Бес.“).

13. Серафимовичи, — исторія новыхъ религиозныхъ сектантовъ въ Псковской губерніи, извѣстныхъ подъ именемъ Серафимовичей, и ихъ ученіе („Духовн. Бесѣда“).

14. Мардарій, псковской пустынножительъ, его жизнь, подвиги и послѣдующая судьба („Дух. Бес.“).

15. Св. Ольга, ея высокія душевныя качества и заслуги для церкви и государства, по случаю открытія крестнаго хода изъ Пскова въ с. Выбуты, ея родину. 1868 г. („Дух. Бесѣда“).

16. Торжественное открытіе во Псковѣ общины сестеръ милосердія, совершившееся по волѣ покойной Императрицы Маріи Александровны („Дух. Бес.“).

17. Исторія Михайловскаго погоста, Псковской губ., и его 500-лѣтняго храма, на мѣстѣ явленія чудотворной иконы Божіей Матери („Дух. Бесѣда“).

18. Освященіе храма въ погостѣ Зряковичахъ, Псковскаго уѣзда.

19. Некрологъ псковскаго архіепископа Евгенія III („Дух. Бес.“).

20. Некрологъ псковскаго архіепископа Θεогноста („Дух. Бес.“).

21. Некрологъ псковскаго священника Василя Суворова, замѣчательнаго по своимъ лѣтамъ и заслугамъ („Духовная Бесѣда“).

Въ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“:

22. Посѣщеніе г. Пскова Императоромъ Александромъ II въ 1859 г.

23. Первая годовщина псковской женской Маріинской гимназіи. 1861 г.

24. Приемъ псковскимъ дворянствомъ гвардейскихъ войскъ при проходѣ ихъ въ Крымъ на войну.

25. Освященіе знаменъ псковскаго ополченія въ крымскую войну.

26. Первый крестный ходъ изъ Пскова на родину св. Ольги. 1868 г.

27. Празднованіе годовщины псковской общины сестеръ милосердія 1888 г.

28. Освященіе храма въ имѣніи псковскаго женскаго Вознесенскаго монастыря, носящемъ названіе „Ведрилово“, въ Порховскомъ уѣздѣ. 1889 г.

29. Освященіе храма въ Никаноровой пустыни, Порховскаго уѣзда, въ 1890 г.

Въ „Одесскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“:

30. Описаніе освященія крестовой церкви въ присутствіи англійскаго и брагалтарскаго епископа.

31. Рѣчь, сказанная при открытіи 2-хъ-класснаго министерскаго училища въ болгарскомъ сел. Кубанкахъ.

32. Исторія псковской духовной семинаріи, напечатанная въ „Трудахъ“ псковскаго общества исторіи и древностей.

33. Рѣчи въ юбилейные праздники высокопреосвященнаго Платона, напечатанныя въ юбилейныхъ описаніяхъ.

Мы лично съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаемъ о частыхъ и всегда интересныхъ для насъ бесѣдахъ о псковской старинѣ, которыми дарилъ насъ А. С. Князевъ въ бытность нашу въ 1862—1863 гг. во Псковѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ дали нынѣ мѣсто на стран. „Русской Старины“ очерку этого маститаго археолога: „Псковъ и его достопримѣчательности“ (см. выше, стр. 311—326).

А. С. Князевъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ императорскихъ обществъ древней письменности въ С.-Петербургѣ, исторіи и древностей въ Одессѣ, Археологическаго общества и статистическаго комитета во Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ обществъ.

Ред.

Математическіе и литературныя труды С. В. Ковалевской,

рожд. Корвинъ-Круковской.

въ 1874—1890 гг.

Въ числѣ русскихъ женщинъ, въ послѣднія шестнадцать лѣтъ, 1874—1890 гг., выдвинувшихся на ученомъ поприщѣ и блистательно доказавшихъ какъ много онѣ могутъ сдѣлать въ области науки, будучи озарены свѣтомъ высшаго образованія, стоитъ, какъ извѣстно, Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская — нынѣ членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ и профессоръ высшей математики въ Стокгольмѣ.

„Русская Старина“ постоянно внося на свои страницы матеріалы для жизнеописанія и обзора дѣятельности лицъ, особенно потрудившихся, а также и нынѣ трудящихся во славу нашего дорогаго отечества, озаботилась собрать данныя къ біографіи нашей знаменитой ученой С. В. Ковалевской. Въ архивѣ „Русской Старины“ давно уже находятся Записки перваго, по времени наставника-учителя С. В. Ковалевской — Юсифа Игнатьевича Малевича о его занятіяхъ съ его необыкновенно даровитою ученицею. Записки эти будутъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ въ ближайшей книгѣ, а въ настоящемъ выпускѣ нашего изданія помѣщаемъ перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ С. В. Ковалевской и ея портретъ, исполненный съ натуры, въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года, въ фототипіи В. І. Класена, фотографа высочайшаго двора и императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ.

Ред.

I.

I. Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen.
Inaugural-Dissertation, 1874.

Journal für die reine und angewandte Mathematik, Bd. 80,
1875.

II. Ueber die Reduction einer bestimmten Klasse Abelscher
Integrale 3-ten Ranges auf elliptische Integrale.

Acta mathematica, Bd. 4, 1884.

III. Sur la propagation de la lumière dans un milieu cristallisé.
Comptes rendus des séances de l'académie des sciences de Paris,
1884, séance du 11 février.

III a. Om ljusets fortplantning uti etc kristallinskt medium.
Opsigt af kongl. vetenskapsakademiens förhandlingar, Stock-
holm, 1884.

III b. Ueber die Brechung des Lichtes in cristallinischen
Mitteln.

Acta mathematica, Bd. 6, 1885.

IV. Zusätze und Bemerkungen zu Laplace's Untersuchung
über die Gestalt der Saturnsringe.

Astronomische Nachrichten. Bd. 111.

V. Sur le problème de la rotation d'un corps solide autour
d'un point fixe.

Acta mathematica, Bd. 12, 1889.

VI. Sur une propriété du système d'équations différentielles
qui définit la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe.

Acta mathematica, Bd. 14, 1890.

VII. Sur un théorème de M. Bruns.

Notes et mémoires présentés à la conférence de mathéma-
tiques de l'université de Stockholm, I, 1890 (Separataftryck in
Acta mathematica, Bd. 15).

VIII. Mémoire sur un cas particulier du problème de la
rotation d'un corps pesant autour d'un point fixe, où l'intégration
s'effectue à l'aide de fonctions ultraelliptiques du temps.

(Mémoire couronné par l'Académie des sciences de l'Institut
national de France (à Paris) et publié dans les „Mémoires présentés
par divers Savants, Savants étrangers“, tome XXX, N° 1, p. p. 1—66).

II.

Изъ литературныхъ работъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей въ разныхъ газетахъ, Софѣя Васильевнѣ Ковалевской принадлежать слѣдующія:

1. „Воспоминанія о Джорджѣ Эллиотѣ“, въ „Русской Мысли“, июль 1885 или 1886 г.
2. „Воспоминанія дѣтства“, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 г., №№ 7 и 8.
3. „Systrarna Rajevska“ (Сестры Раевскія), рассказъ, напечатанный отдѣльною книгою по-шведски и по-датски. Сущность этого рассказа основана на личныхъ воспоминаніяхъ автора.
4. Рассказъ „Vae Victis“, напечатанный въ шведскомъ журналѣ „Jul almanack“ 1889 г.

Отъ ученыхъ обществъ С. В. Ковалевская получила двѣ преміи: одну—въ 5,000 франковъ—отъ Парижской академіи наукъ за трудъ, означенный выше подъ № VIII, въ 1888 г., а другую—въ 1,500 кронъ—за труды, названныя выше подъ №№ V и VI, отъ Стокгольмской академіи, въ 1889 г.

Портретъ Софіи Васильевны былъ напечатанъ въ шведскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Nordstjernen“, 1886 г., № 35, стр. 273—274, съ небольшою о ней статьей, шведская гравюра выполнена на деревѣ Evald Hansen.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ¹⁾.

11.

Поле мое, поле, поле чистое,
 Ты раздолье мое, раздолье широкое,
 Тамъ растеть кустъ ракитовый,
 Подъ кустомъ лежитъ добрый молодець,
 Не убить онъ—крѣпко ранень.
 Въ головахъ у него—быль горячь-камень,
 А въ рукахъ у него—сабля вострая,
 А въ ногахъ у него—его добрый конь.
 Сталь казакъ умирать, сталь приказывать:
 „Конь ты мой, конь, товарищъ ты мой,
 Побѣги ты, мой конь, въ землю русскую,
 Не давайся ты, конь, королю прудкому.
 Понеси ты поклонъ моей матушкѣ,
 Да скажи ты ей, что жевать твой сынъ,
 Что женила его—пуля быстрая,
 Обвѣнчала его—сабля вострая“.

12.

Какъ во середу, славный праздничекъ,
 Турки пьяны напивались,
 Межъ собою похвалялися.
 Закричалъ казакамъ Мурханъ-паша:
 „Мы Рассѣю всю наскрозь пройдемъ,
 Мы Румянцева въ полонъ возьмемъ“.
 Возговорилъ Румянцевъ-князь:
 „Вы не бойтесь, ребятушки,
 Мои храбрые казаченьки,
 Мы всѣхъ турокъ перебьемъ,
 А Мухрана съ янычарами во полонъ возьмемъ“.

Сообщ. въ 1874 г. Д. К. Морозъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656; т. LXVIII, стр. 136, 278, 469.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1860 г. ¹⁾.

26 августа (7 сентября). Пятница. День свѣтлый и мягкій. Море тихо въ своихъ берегахъ, какъ младенецъ въ колыбели; по лону его пробѣгаютъ едва замѣтныя струйки: это оно дышетъ.

Ѣздили осматривать Наполеоновскую колонну, воздвигнутую верстахъ въ четырехъ отъ города, на томъ мѣстѣ, гдѣ Наполеонъ I, снаряжая свою булонскую экспедицію въ Англiю, раздавалъ войску почетные легiоны. Окруженный блескомъ императорскаго величiя и озаренный славой недавнихъ побѣдъ, онъ хотѣлъ поразить умы французовъ и воспламенить въ нихъ энтузиазмъ такъ, чтобы они, какъ потокъ раскаленной лавы, ринулись на ненавистныхъ ему островитянъ. Колонна красива. Она возвышается на 150 футовъ. Императоръ изображенъ на ней въ порфирѣ со скипетромъ въ одной рукѣ, съ короною въ другой, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Вокругъ колонны посажены

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186.

кедры и разведенъ садъ, содержимый въ большомъ порядкѣ и чистотѣ. Путь туда по холмамъ, съ которыхъ открывается видъ на чуть-чуть бѣлѣющіе вдали берега Англій.

Одна изъ невыгодъ короткихъ отношеній съ людьми въ томъ, что они порождаютъ необходимость или потворствовать ихъ слабостямъ, недостаткамъ и страстямъ, или, противясь этому, навлекать на себя ихъ неприязнь. Лучше всего избѣгать этой короткости. Но не всегда можно успѣть въ этомъ. Часто обстоятельства ставятъ людей другъ къ другу такъ, что сближеніе между ними дѣлается неизбѣжнымъ, и вотъ между ними устанавливаются отношенія повидимому дружескія. Но тутъ-то и зацѣпка. Близость производитъ то, что они трутся взаимно о шероховатости одинъ другаго, которыя на дальнемъ разстояніи незамѣтны—и не только трутся, но натираютъ одинъ другому мозоли.

29 августа (10 сентября). Понедѣльникъ. Каждое утро ходимъ мы на станцію желѣзной дороги и запасаемся тамъ въ книжномъ ларѣ свѣжей газетой—то „Constitutionnel"омъ“, то „Patrie“. Сегодня тоже мы взяли послѣдній номеръ перваго. Меня сильно занимаютъ дѣла Италіи. Народъ тамъ, очевидно, готовъ къ новому устройству, къ единству. Вездѣ возстаніе въ пользу этого единства, и съ каждымъ днемъ все умалывается значеніе жалкаго остатка Бурбонской династіи Неаполитанскаго короля. Онъ не умѣлъ понять важной и простой политической истины, что народами нельзя управлять только по своимъ желаніямъ, а надо нѣсколько уважать и ихъ желанія. Каковы-бы ни были потребности времени, имъ необходимо въ извѣстныхъ предѣлахъ уступать. И потому нѣтъ ничего несообразнѣе того консерватизма, который хочетъ не сдерживать только и умѣрять излишества въ порывахъ новыхъ идей, а уничтожать ихъ и поворачивать вещи назадъ, или удерживать ихъ въ одномъ и томъ-же положеніи. Не нелѣпо-ли думать, что можно навсегда установить такой-то порядокъ вещей, когда навсегда, кромѣ смерти, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Гарибальди—славный человѣкъ! Это не геній, это нѣчто больше и выше того—это человѣкъ добра, герой человѣчества въ самомъ разумномъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Пребываніе мое въ Булонѣ приходитъ къ концу. Что при-

несло оно мнѣ для моего здоровья? Подвожу итоги: они мало утѣшительны. Я все время чувствовалъ себя здѣсь гораздо хуже, чѣмъ въ Интерлакенѣ. Говорятъ, благотворное дѣйствіе морскихъ купаній послѣ отзовется. Будемъ надѣяться, а пока по прежнему одно остается—мужаться.

Останавливать бѣгъ собственныхъ мыслей, давать имъ должное направленіе—требуетъ такой-же силы воли, если не больше еще, чѣмъ управлять ходомъ общественныхъ дѣлъ. Вообще, имѣть дѣло съ самимъ собою, безъ эгоизма, малодушія и оболыщенія разными приманками жизни—чуть-ли не гораздо труднѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ другими. Всего труднѣе прямо смотрѣть въ глаза истинѣ, когда она приходитъ разрушать наши иллюзіи или противорѣчить нашимъ наклонностямъ, принятымъ понятіямъ и самолюбію. А между тѣмъ, какъ не увертывайся отъ истины, какъ не усиливайся заглушить ея голосъ или обмануть софизмами, она, вытѣсненная изъ твоихъ убѣжденій и умствованій, возьметъ свое на дѣлѣ. Она сдѣлаетъ такъ, что дѣйствительность устроится совсѣмъ иначе, чѣмъ ты воображалъ или хотѣлъ—и вотъ, ты останешься пораженнымъ въ самомъ существенномъ, чего ты добивался и чего должно добиваться—въ результатѣ.

30 августа (11 сентября). Вторникъ. День моихъ именинъ. Это первый разъ, что я провожу его не въ кругу моихъ дѣтей. Бѣдныя! Они тоскуютъ безъ меня въ этотъ день, а я посылаю имъ мой привѣтъ однѣми грустными мыслями.

Завтра ѣдемъ въ Парижъ. А тамъ—къ дѣтямъ: пора, пора! Обнять ихъ становится вопіющею потребностью моего сердца. Грустно только, что возвратъ мой мало порадуетъ ихъ: я принесу имъ больное тѣло и тревожный духъ.

Прощай Boulogne sur mer.

Сентябрь 1 (13). Четвергъ. Вчера утромъ уѣхали изъ Булони. Насъ провожали на желѣзную дорогу хозяинъ нашего пансіона и двѣ милыя англичанки, съ которыми мы въ послѣднее время близко сошлись. Въ Парижъ пріѣхали подъ вечеръ и остановились въ улицѣ Рипелье, въ отелѣ „Альпы“.

Сегодня я долго сидѣлъ въ Пале-Роялѣ, любуясь дѣтьми, которыхъ нянюшки приводятъ туда играть. Премилыя дѣти эти французята: рѣзвыя, живыя, какъ котята, исполненныя дѣтской граціи, и такія свѣженькія, какъ будто они растутъ гдѣ-нибудь

въ деревнѣ, а не въ тѣсномъ и душномъ Парижѣ. И игры ихъ совершенно приличны, безъ натяжки и буйства, хотя это дѣти, судя по ихъ платью, большею частью небогатыхъ родителей.

Вообще во французахъ есть что-то привлекательное. Въ нихъ нѣтъ той угловатости и аляповатости, какую видишь въ массѣ нѣмцевъ, ни той демократической грубости, кака я замѣтна въ швейцарцахъ. Ихъ живость имѣетъ какую-то свою грацію, доказывающую эстетическое превосходство этой расы.

Я прожилъ въ Булони около трехъ недѣль. Тамъ въ небольшомъ городѣ тѣснится много людей, не могущихъ похвастаться особеннымъ образованіемъ: это торговцы, рабочіе, матросы, рыбаки. Можетъ быть, то была случайность, но во все время моего пребыванія тамъ не произошло ни одной суматохи въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, ссоры, шума и т. п. Все дѣлается у нихъ живо, быстро и никакой толкотни или замѣшательства. Я заходилъ часто въ таверну Мартена или, какъ мы его прозвали съ Г***, — Мартыныча. Тамъ, между прочимъ, собираются и люди простаго званія. Они тамъ пьютъ, ѣдятъ, курятъ, читаютъ газеты, но все это совершенно прилично. Пьяныхъ я видѣлъ всего только разъ—двухъ мастеровыхъ. Солдаты—люди молодые, бравые, развязные, но тоже показались мнѣ скромными для своего званія. Смотри на нихъ такъ, со стороны и въ спокойное время, трудно себѣ представить, что французы—это люди, надѣлавшіе столько революцій.

3 (15). Суббота. Маленькая неприятность по части житейскихъ дѣлъ. По рекомендаціи одной французенки, въ свою очередь рекомендованной намъ однимъ русскимъ, мы заказали портному пальто для меня за 150 франковъ (35 рублей). Сегодня онъ принесъ его. Не разсмотрѣвъ хорошенько, мы заплатили за него деньги, но тутъ-же замѣтили на немъ пятна, какъ будто оно было чѣмъ-то облито или запачкано. Показали портному. Онъ очень развязно объявилъ, что такъ всегда бываетъ отъ смочки сукна, и что стоитъ мнѣ только надѣть сегодня пальто и поносить его часа два, какъ всѣ пятна исчезнутъ. Вотъ я ходилъ въ моей обновкѣ съ десяти часовъ утра до вечера, а пятна и не думаютъ исчезать. Очевидно, что портной насъ надулъ, поставивъ залежалый матеріалъ. Теперь дѣла не поправишь: деньги заплачены. Надо помириться съ потерей 35-ти рублей.

Но у меня могли-бы украсть и гораздо больше, всего меня обокрасть. Этимъ и надо утѣшиться. Видно моему попорченному тѣлу прилично и платью носить испорченное.

Три дѣйствія моей лечебной драмы исполнены: киссингенскія воды, швейцарскій отдыхъ и морское купанье; остается четвертое и послѣднее: совѣщаніе съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ. Кажется, и съ тѣломъ моимъ происходитъ такое-же надувательство, какъ и съ пальто, долженствующимъ его прикрывать. Медицина не отстаетъ отъ портняжнаго искусства въ способности обманывать.

А конецъ концевъ тотъ, что я возвращаюсь домой все-таки больнымъ. Нечѣмъ мнѣ порадовать мою семью. Выходитъ, что жизнь моя парализована, на долго-ли—Богу одному извѣстно. А изъ всего этого слѣдуетъ, что я крѣпче, чѣмъ когда-либо долженъ держаться своего девиза: терпѣніе и мужество.

5 (17). Понедѣльникъ. Бродилъ по Итальянскому бульвару. Все то-же: толпа и магазины. Побылъ немножко въ Пале-Рояль. И тамъ все то-же: подъ арками торгуютъ, подъ деревьями рѣзвятся дѣти и сплетничаютъ няньки. Днемъ Пале-Рояль вообще бѣденъ посѣтителями; онъ, кажется, тогда поступаетъ почти въ исключительное владѣніе дѣтей и нянекъ. Лишь изрѣдка попадаетъ какой-нибудь праздный человѣкъ, который бродитъ подъ арками и заглядываетъ въ окна магазиновъ, или въ небрежной позѣ сидитъ на скамьѣ и читаетъ, или дремлетъ надъ газетой.

6 (18). Вторникъ. Бродилъ по набережной Сены, оставившись передъ выставками гравюръ и старыхъ книгъ. Осматривали церковь св. Клотильды за Сенъ-Жерменскимъ предместьемъ; ѣздили въ Pèze Lachaise, но все это довольно вяло, чему, можетъ быть, способствовалъ и сумрачный день.

Наполеонъ царствуетъ съ полнымъ авторитетомъ самодержавнаго государя: на уста французовъ онъ наложилъ печать молчанія; мысли ихъ предписалъ границы; дѣятельности ихъ указалъ матеріальныя цѣли, а изъ всѣхъ атрибутовъ свободы оставилъ имъ только одно трехцвѣтное знамя.

Французскій народъ едва-ли способенъ возвыситься до истиннаго нравственнаго достоинства. Онъ мало уважаетъ то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ его интересамъ и страстямъ. Онъ любитъ шумъ, блескъ, гоняется за отличіями

честь и славы, но, кажется, лишень чутья къ тому доброму и доблестному, которое хорошо само по себѣ и которое за это именно должно быть уважаемо человекомъ.

Французы приобрѣли всемірную извѣстность своею любезностью и вѣжливостью. Но они могутъ быть ужасно невежливы и грубы, какъ скоро не чувствуютъ необходимости или расположенія быть вѣжливыми и любезными. Говоря извѣстныя учтивыя слова, рачая улыбки, они гораздо болѣе слѣдуютъ привычкѣ, чѣмъ благородному гуманному стремленію не дѣлать и не говорить ничего такого другимъ, что могло-бы быть имъ неприятно или огорчить ихъ. Французъ по природѣ своей сухъ и фальшивъ. Онъ искренень только въ своихъ усиліяхъ выказать свое превосходство и когда бросается въ наружный блескъ.

Но надо отдать справедливость французскому народу: онъ одаренъ удивительно привлекательною вѣшностью. Французы очень хороши въ извѣстномъ разстояніи—издали. Но очарованіе исчезаетъ, какъ скоро вы подходите къ нимъ ближе и начинаете всматриваться въ ихъ фізіономію. Съ удивленіемъ и нѣкоторымъ ужасомъ вы видите тогда, вмѣсто яркихъ пріятныхъ чертъ, плѣнявшихъ васъ издали—маску, жалкую поддѣлку подъ жизнь.

8 (20). Четвергъ. Въ семь часовъ утра, выѣхали мы изъ Парижа на Кельнъ. До Компьена все лѣса и самъ Компьенъ тоже тонетъ въ нихъ. Почва ровная, лишъ мѣстами слегка волнистая. Населеніе довольно жидкое; деревень встрѣчается мало. Вотъ и Намюръ. Здѣсь разносчикъ газетъ прокричалъ о разбитіи пьомонцами генерала Ламорисьера. Я вострепнулся и поспѣшилъ купить номеръ „Indépendance Belge“, въ которомъ помѣщено это извѣстіе.

Все пространство отъ Намюра до Вервье очень красиво. Съ переѣздомъ въ Бельгію мѣстность немедленно дѣлается гористою. Но обѣимъ сторонамъ тянется цѣпь невысокихъ, но чрезвычайно живописныхъ горъ. Мы ѣхали очаровательною долиною, которая причудливо извиается по берегу рѣки. Мимо мелькаютъ рощи, рощицы, группы деревъ, аллеи,—это одинъ нескончаемый паркъ. Но у этого парка своя поразительная особенность: онъ до такой степени заселенъ, что все пространство отъ Намюра до Вервье представляетъ какъ-бы одну непрерывную улицу фабрикъ и жилищъ—улицу оригинальную, извилистую, не правильную, а рас-

видывающуюся въ разныхъ направлєніяхъ, то группами зданій, то цѣлыми селєніями и городами. Вездѣ кипитъ промышленная и фабричная дѣятельность, которая какимъ-то чудеснымъ образомъ сливается здѣсь съ нетронутыми искусствомъ красотами природы и производитъ на путешественника очень пріятное впечатлѣніе. Это Бельгія. Вездѣ довольство и трудъ. Деревни и города смотрятъ весело, точно улыбаются и говорятъ: „въ насъ дружно обитаютъ свобода и благосостояніе“. Какая разница съ наполеоновскою Франціею! По крайней мѣрѣ, все это мнѣ такъ показалось изъ окна моего вагона.

Промелькнулъ мимо Льежъ; перемѣна вагоновъ въ Вербье; Ахенъ. Послѣдній—большой городъ, какъ-то неправильно раскинувшійся среди весьма живописнаго мѣстоположенія.

Наконецъ, вотъ и Кельнъ. Здѣсь прусская таможня. Но мы раздѣлались съ ней очень просто. Одинъ изъ таможенныхъ служителей объявилъ намъ безъ церемоніи, что если мы дадимъ хорошій тринкгельдъ, то дѣло у насъ сладится въ минуту безъ всякихъ хлопотъ. У насъ не случилось монеты меньше десяти франковъ и, чтобы не терять времени и избѣжать всякой суматохи, мы рѣшились ими пожертвовать. Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, было кончено въ минуту. У насъ только спросили: не имѣемъ ли мы чего запрещеннаго въ сундукѣ? И даже не открыли его. Сверхъ того, таможенные уже взяли на себя и всѣ распоряженія относительно перемѣщенія нашего багажа изъ таможни въ вагоны на завтрашній поѣздъ, такъ что мы уже не имѣли никакихъ заботъ и немедленно отправились въ гостинницу Голландеръ, на берегу Рейна. Мы рѣшились въ Кельнѣ переночевать; намъ хотѣлось осмотрѣть городъ, особенно знаменитый соборъ, и мы положили остаться тутъ до слѣдующаго вечерняго поѣзда. Намъ отвели хорошо убранную, но очень низенькую комнату, окнами на Рейнъ.

9 (21). Пятница. Утромъ, взявъ комиссіонера (за 2½ франка на четыре часа), мы сѣли въ фіакръ и отправились обозрѣвать городъ. Разумѣется, мы прежде всего поѣхали къ собору. Онъ дѣйствительно одно изъ чудесъ искусства и по справедливости считается великолѣпнѣйшимъ памятникомъ готической архитектуры. Его грандіозные размѣры, легкость, съ какою онъ стремится вверхъ, и неподражаемая отдѣлка во всѣхъ мель-

чайшихъ подробностяхъ, точно кружевныхъ орнаментовъ — все это изумительно изящно, величественно, тонко. Внутренность церкви вполнѣ соответствуетъ ея внѣшности. Мы обошли ее во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчательны гробницы архіепископовъ и перваго изъ нихъ, основателя собора. Любопытны по своей древности барельефы (XI и XII вѣковъ) съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сорваны французами, и гробницы эти такъ и остаются обнаженными. Въ готическихъ окнахъ разноцвѣтныя стекла, украшенныя старинною живописью: на лѣвой сторонѣ церкви она вся принадлежитъ знаменитому Альбрехту Дюреру.

Церковь еще не достроена. Ее продолжаютъ воздвигать или вѣрнѣе, отдѣлывать по первоначальнымъ рисункамъ, но намъ говорили, что она вполнѣ будетъ окончена еще не прежде, какъ черезъ восемнадцать лѣтъ. Мы видѣли около наваленныя громады камней; изъ нихъ нѣкоторые уже обдѣланы для орнаментовъ и превосходно выполированы.

Изъ собора мы поѣхали въ церковь Св. Петра взглянуть на картину Рубенса, изображающую пригвожденіе къ кресту Св. Петра. Картина эта одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса. Предсмертныя муки на лицѣ Петра, движеніе мускуловъ и выраженіе на лицахъ палачей изумительны по живости и вѣрности природѣ. Картина эта тоже была взята французами, но, по заключеніи мира, возвращена. Тутъ-же копія съ нея, какъ-бы въ доказательство того, какъ подражанія геніальнымъ произведеніямъ могутъ быть ниже своихъ образцовъ.

Далѣе, мы поѣхали по городу, къ Рейну и т. д. Но кромѣ собора и этой картины Рубенса, въ Кельнѣ рѣшительно нѣтъ ничего замѣчательнаго. Это одинъ изъ скучнѣйшихъ, да пожалуй и грязнѣйшихъ городовъ въ Европѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Въ немъ даже нѣтъ тротуаровъ и ни одной порядочной улицы; нѣтъ мѣста для прогуловъ, ни сада публичнаго, ни театра. Театръ когда-то былъ, да сгорѣлъ, и теперь никто не думаетъ объ его, возобновленіи. Словомъ, это ультра-нѣмецкій городъ, крайность безвкусія и равнодушія ко всему, кромѣ денегъ и торговыхъ расчетовъ. Даже благородный, величественный Рейнъ, добѣжавъ до Кельна, принимаетъ какой-то пошло дѣловитый видъ и лежитъ въ плоскихъ неопрятныхъ берегахъ. Его ярко изумрудный цвѣтъ превращается здѣсь въ какой-то мутный, грязный.

Возвратясь въ гостинницу, мы не знали какъ убить остальное время до семи часовъ вечера, когда отходить поѣздъ въ Дрезденъ; у насъ оставалось на рукахъ еще часовъ пять. Я радъ былъ даже обѣду въ часъ: все-таки хоть какое-нибудь занятіе; впрочемъ, обѣдъ былъ очень хорошъ и недорогъ. Наконецъ, мы дождались шести часовъ и бросились на желѣзную дорогу. Въ 20 минутъ восьмага мы, наконецъ, пустились въ путь, очень довольные, что разстались съ непріютнымъ Кёльномъ, и приятно волнуемые ожиданіемъ предстоящаго соединенія съ дѣтьми. Мы взяли, однако, съ Кёльна дань—разумѣется, за свои деньги—купили видъ собора, да склянку знаменитаго одеколона.

10 (22). Суббота. Ночью проѣхали и Дюссельдорфъ и Ганноверъ, не выдавъ ихъ. Въ пять часовъ утра въ Магдебургѣ мѣняли вагоны. Отсюда до Лейпцига гладкая, безпредѣльная равнина. Отъ Лейпцига до Дрездена уже рукой подать. И дѣйствительно, вотъ онъ, Дрезденъ! На станціи насъ ожидали мои милыя дѣти и И. А. Г. также. Радость и восторги неописанные. Мы были въ разлукѣ три мѣсяца и десять дней. Такой продолжительной разлуки ни я, ни дѣти мои еще никогда не испытывали. Благодаря Бога, я нашелъ ихъ здоровыми и веселыми. Мы уже всѣ вмѣстѣ примчались въ Прагерштрассе.

14 (26). Среда. Въ Дрезденѣ я стараюсь жить по возможности беззаботно, и еще хоть въ теченіи нѣсколькихъ дней не думать объ ожидающихъ меня въ Петербургѣ всяческихъ заботахъ и трудахъ. Да и погода сильно къ тому располагаетъ. Дни свѣтлые, теплые, казихъ вообще не много въ нынѣшній годъ выпало на нашу долю заграничей. Усердно гуляемъ то въ Гростартенѣ, то на Брюлевской террасѣ; то я безцѣльно брожу по городу съ И. А. Г., который продолжаетъ неистово заниматься покупками—въ настоящее время особенно сигаръ и стереоскопныхъ картинокъ съ видами. Сегодня были, между прочимъ, въ звѣринцѣ, который, впрочемъ, очень малъ. Оттуда, по мосту, перешли черезъ Эльбу, обогнули Японскій садъ и вернулись по другому мосту. Уже смеркалось. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ и видъ съ мостовъ на Дрезденъ былъ прекрасенъ.

15 (27). Четвергъ. Писалъ въ Варшаву къ тамошнему начальнику мальпостнаго движенія между Варшавой и Петербургомъ Ѳ. Ѳ. Кобержскому о заготовленія намъ мѣстъ.

Въ каталогъ чловѣческихъ бѣдствій, который, какъ извѣстно, толстъ не меньше нашего академическаго словаря, право не послѣднее мѣсто должно быть отведено толчкамъ въ голову, продолжающимъ меня преслѣдовать по ночамъ. А въ самомъ дѣлѣ, любопытно-бы составить словарь чловѣческихъ бѣдствій. Вѣдь сюда, чего добраго, пожалуй вошли-бы такія слова, какъ, на примѣръ: другъ, проекты, то есть проекты о доставленіи чловѣческому роду всевозможныхъ благъ, и т. д.

16 (28). Пятница. Теперь, когда я приближаюсь къ аренѣ моей дѣятельности, къ отечеству, въ душѣ моей возстаютъ вопросы, одинъ другаго важнѣе, о характерѣ и способахъ этой дѣятельности. По настроенію моихъ нравственныхъ силъ, по основнымъ принципамъ моимъ, по тому, чѣмъ я обязанъ обществу и самому себѣ—я не могу дѣйствовать иначе, какъ съ достоинствомъ и энергіей. Наша эпоха, какъ и всякая другая, впрочемъ, возлагаетъ на каждаго честнаго чловѣка, на дѣятеля, и долгъ и отвѣтственность. Кто не чувствуетъ себя существомъ совсѣмъ ничтожнымъ, тотъ долженъ стараться выполнить ея требованія. Но не измѣнять-ли мнѣ мои физическія силы? Сомнѣнія терзаютъ меня.

Университетскія лекціи, публичныя лекціи о Пушкинѣ, работы по главному управленію цензуры. Надо также что-нибудь бросить и въ академическую кошницу, пустота которой давно уже поднимаетъ на насъ справедливыя жалобы.

Вечеромъ Гончаровъ читалъ мнѣ новую, написанную имъ въ Дрезденѣ, главу своего романа. Онъ передъ тѣмъ уже читалъ мнѣ кое-что изъ него. Мѣста, мнѣ прочитанныя до сихъ поръ, очень хороши. Главная черта его таланта—это искусная тушевка, умѣнье оттѣнять вѣрно каждую подробность, давать ей значеніе, соотвѣтственное характеру всей картины. Притомъ, у него особенная мягкость кисти и языкъ легкій, гибкій. Въ новой, сегодня читанной главѣ, начинается развертываться характеръ Вѣры. На этотъ разъ я остался не безусловно доволенъ. Мнѣ показалось, что характеръ этотъ созданъ на воздухѣ, гдѣ-то въ другой атмосферѣ, и принесенъ на свѣтъ сюда къ намъ, а не выдвинутъ здѣсь-же изъ нашей почвы, на которой мы живемъ и движемся. Между тѣмъ, на него потрачено много изящнаго. Онъ блестящъ и ярокъ. Я тутъ-же подѣлился съ авторомъ моимъ мнѣніемъ и сомнѣніемъ.

17 (29). Суббота. Странное противорѣчіе въ вещахъ чело-
вѣческихъ! Счастіемъ мы рѣдко обязаны самимъ себѣ, но несча-
стіи нашихъ мы всегда строители сами. Что ни дѣлай для пер-
ваго, рѣдко удается намъ достигнуть цѣли, но второе полу-
чается легко, часто вовсе незамѣтными ошибками, крайностями,
увлеченіями.

Располагаться въ жизни и на землѣ слишкомъ широко и
осѣдо, съ различными предосторожностями и заботами объ
упроченіи своего положенія и доли, право, нелѣпно и смѣшно.

Разбирая строго, но правдиво свою жизнь, я нахожу, что
наслаждался очень мало и также мало сдѣлалъ хорошаго. Пер-
вому препятствовали обстоятельства, собственное неблагоприятіе
и необузданное стремленіе къ какому-то недостижаемому идеалу,
препятствовавшее мнѣ всегда сознавать цѣну настоящаго и пара-
лизовавшее во мнѣ самую способность наслаждаться, а второму—
несовершенства и недостатки моей воли.

Во мнѣ, однако, есть какая-то упругость, благодаря которой во
мнѣ крѣпко держатся одинъ разъ укоренившіеся во мнѣ вѣро-
ванія, убѣжденія, взгляды на вещи, не смотря на скептическія
колебанія моего ума и недостатки моей воли.

Познай самого себя—какая это безконечная наука! Равная
ей по своей нескончаемости — наука усовершенствованія са-
мого себя.

Постоянный контроль надъ самимъ собой имѣетъ свою выгоду
и невыгоду—выгоду ту, что мѣшаетъ укорененію и осуществле-
нію многого дурнаго; невыгоду ту, что держитъ волю въ по-
стоянномъ колебаніи и нерѣшительности, дѣлаетъ насъ мнитель-
ными и ослабляетъ способность быстрыхъ, энергическихъ рѣше-
ній и дѣлъ.

Всѣ люди, изъ какихъ-бы расъ они ни происходили, подъ ка-
кими-бы законами жизни, какою-бы исторіею ни были воспитаны,
одинаково расположены къ эгоизму; различаются-же они спо-
собностью страстей. Отъ того происходитъ, что эгоизмъ однихъ
умѣряется расчетливостью и благоразуміемъ, другихъ—пряме
и открытѣе идетъ къ цѣли. Тамъ хладнокровіе и умѣренность,
здѣсь пылкость и крайности...

Неохотно я расстаюсь съ Дрезденомъ. Мнѣ хотѣлось-бы въ
въ немъ провести еще нѣсколько дней въ беззаботномъ отдыхѣ,

котораго я не много имѣлъ въ моихъ безпрестанныхъ переѣздахъ въ погонѣ за здоровьемъ, постоянно отъ меня убѣгавшимъ. Слокомъ, мнѣ хотѣлось-бы допить послѣднія капли немногихъ ясныхъ и петревожныхъ минутъ — ну, да надо ѣхать! А вѣдь въ Варшавѣ, пожалуй, придется проскучать недѣлю, можетъ быть и больше, вслѣдствіе трудности, съ какою получаютъ мѣста въ мальпостѣ.

18 (30). Воскресенье. Пришло письмо отъ Кобержскаго, начальника мальпостовъ варшавскихъ. Онъ увѣдомляетъ меня, что мѣста въ экипажахъ до Острова могутъ быть для насъ готовы не прежде пятаго октября. Итакъ, пришлось-бы недѣли двѣ сидѣть въ Варшавѣ. Мы рѣшаемся лучше провести это время въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь дешевле и пріятнѣе. Пришелъ Г. Онъ сегодня ѣдетъ и общается еще переговорить съ Кобержскимъ, а о послѣдствіяхъ меня увѣдомить.

21 сентября (3 октября). Среда. Истинно благородное сердце, ясный, высокій умъ, истинная честность, истинное просвѣщеніе, чуждое предразсудковъ, но не чуждающееся благихъ, возвышающихъ душу, вѣрованій, — вездѣ составляютъ исключеніе.

Погода мѣняется. Холодный вѣтеръ, сумрачно. Но видъ полей, по которымъ я сегодня много бродилъ, еще сохраняетъ слѣды роскошнаго плодоноснаго лѣта.

Однако, меня начинаетъ сильно позывать къ работѣ. Да и совѣстно уже становится, что я такъ долго ничѣмъ не занимался. Заботы о здоровьѣ поглощали исключительно мое время. Теперь хотѣлось-бы вознаграждать потерянное, но благоразуміе и медицина велятъ трудиться осторожно.

Обдумываю публичныя лекціи о Пушкинѣ и бросаю на бумагу разныя замѣтки и главныя черты плана.

О великихъ дѣятеляхъ въ обществѣ, какъ о великихъ явленіяхъ природы, никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно, и что, разъ описавъ, объяснивъ ихъ, уже возвращаться къ нимъ не для чего. Богатство въ нихъ жизни таково, что понять, объяснить, опредѣлить ихъ сразу нѣтъ никакой возможности; значеніе и дѣйствіе ихъ къ тому-же никогда не раскрываются вдругъ. Они, какъ все живое, одарены способностью развиваться и развивать заключающееся въ нихъ содержаніе, такъ

что то, что вы узнали въ нихъ сегодня, часто служить только предисловіемъ или указаніемъ того, что узнаете завтра или позднѣе.

24 (6) суббота. Какихъ послѣдствій отъ жизни хочешь ты серьезнѣе тѣхъ, какія есть? Цѣль жизни не есть-ли самая жизнь? Какое дѣло природѣ до того, живешь-ли ты, живутъ-ли или будутъ жить Иванъ и Сидоръ, жукъ или слонъ—лишь-бы потокъ жизни не изсякалъ и не прерывался.

28 сентября (10 октября). Среда. Дождь, холодъ. Вѣтеръ сегодня, вооруженный ножами, такъ и ходитъ по улицамъ и рѣжетъ людей. Въ комнатахъ страшно холодно, а топить—боимся угара. Печи у нѣмцевъ устроены не по нашему: онѣ не способны ни дать, ни удержать тепла. Это нѣчто въ родѣ чортъ знаетъ чего. Безтолковые нѣмцы, написавшіе тысячи умныхъ и глупыхъ книгъ, не постигли премудрости, какъ зимой согрѣвать свои жилища. У нихъ нѣтъ вьюшекъ въ печахъ, да и самыя печи устроены, кажется, такъ, чтобы служить только пугаломъ холоду, а не серьезно съ нимъ бороться и его изгонять. Безтолковые нѣмцы!

Я читаю переводъ Библии, издаваемый въ Лондонѣ, и котораго до сихъ поръ вышло еще только одно Пятикнижіе. Подъ переводомъ подписано имя Вадима, и онъ печатается въ Герценовской типографіи. Переводъ дѣлается съ еврейскаго подлинника, при пособіи перевода на англійскій языкъ еврея, доктора Бениша. Буквальная точность—главная задача переводчика. Поэтому переводъ является освобожденнымъ отъ всякой славянской высокопарности и темноты. Онъ читается, какъ Гомерова Илиада. Не знаю, какое дѣйствіе произвелъ-бы онъ въ Россіи своей патріархальной простотой и разговорнымъ житейскимъ тономъ. Думаю, однако, что идея о Божественности и классическомъ величій Библии сильно поколебалась-бы. Въ сущности, это есть исторія и законодательство народа, управляемаго теократіей, и въ этомъ смыслѣ Библия понятна и естественна. Но божественный характеръ ея плохо вяжется съ нашими христіанскими понятіями. Богъ тутъ является въ слишкомъ человѣческомъ и страстномъ видѣ. Моисей (или Моше), конечно, имѣлъ причины представить его такимъ для евреевъ: они нуждались въ правителѣ строгомъ, всегда готовомъ на казни, не щадившемъ никого и ничего въ порывахъ гнѣва—и Богъ дѣйствительно, по Моисею,

былъ для нихъ такимъ правителемъ. Но мы, христіане, не можемъ понять такого Бога и въ такомъ правителѣ не имѣемъ нужды.

Хотѣлъ было прогуляться по городу, но подлець нѣмецкій вѣтеръ по прежнему ходить по улицамъ съ ножами и пырять ими въ усъ и въ рыло, говоря краснорѣчивой русской поговоркой. Зашелъ къ прелестной кондитершѣ и взялъ у нея для дѣтей разнаго сладкаго хлама. Въ самомъ дѣлѣ, эта кондитерша красавица. Достанься это чудное личико французенкѣ, чтс-бы она съ нимъ надѣлала! А эта нѣмка неподвижно стоитъ себѣ у прилавка и только невозмутимо опускаетъ себѣ въ карманъ ваши зильбергроши.

29 сентября (11 октября). Четвергъ. Сегодня открытіе шматника Веберу на театральной площади. Жаль, что северная погода—холодъ и дождь. Открытіе состоится въ десять часовъ.

Всякій живетъ своей мѣрой мыслей, знаній, вѣрованій, чувствъ и убѣжденій. Кто богаче ими, тотъ живетъ лучше. У каждаго есть свой источникъ, изъ котораго онъ можетъ добывать всѣ эти сокровища.

Литература воспитываетъ поколѣніе, и потому писатели должны помнить, что на нихъ лежитъ отвѣтственность въ томъ, сколько они могутъ внушить ему добрыхъ стремленій и благородныхъ чувствъ, и сколько могутъ ослабить или укрѣпить въ немъ честное, вмѣстѣ съ образованіемъ эстетическаго чувства.

Ошибка литературныхъ критиковъ и историковъ въ томъ, что они смотрятъ на литературу односторонне. Они видятъ въ ней силу или возвышающуюся надъ обществомъ и притягивающую его къ себѣ, или исключительно преданную общественнымъ интересамъ и зависящую отъ нихъ. Поэтому, одни видаютъ въ отвлеченный и мечтательный идеализмъ, другіе въ крайній реализмъ. Между тѣмъ, у литературы двойное призваніе: она въ одно и то-же время служитъ и идеаламъ, и дѣйствительности. Тѣ только произведенія вполне соотвѣтствуютъ истинному назначенію литературы, въ которыхъ идеальное не противно дѣйствительному, и дѣйствительное не уничтожаетъ идеальнаго. Таковы у насъ произведенія Пушкина.

Всякій писатель, сильно дѣйствовавшій на свое общество, пробуждаетъ въ немъ или утверждаетъ и извѣстные нравствен-

ные и социальные принципы, открываетъ новые виды умственной дѣятельности, склоняетъ умъ и сердце къ извѣстнаго рода понятіямъ, убѣжденіямъ. Этимъ отличается писатель-дѣятель отъ писателя съ обыкновеннымъ художественнымъ смысломъ, который изысканными образами и картинами доставляетъ пищу одному только эстетическому чувству.

За Пушкинымъ мы признаемъ два значенія: 1) значеніе какъ художника, образователя эстетическаго чувства въ своемъ обществѣ, и 2) какъ общественнаго дѣятеля, развивавшаго въ обществѣ извѣстные нравственные принципы, склонявшаго общество къ извѣстнымъ задачамъ и вопросамъ жизни, дававшего направленіе мыслямъ и чувствамъ своего поколѣнія.

Прежде у насъ какъ-бы играли въ высшіе интересы жизни. Передъ умами мельбали высшіе идеалы, но они не подвергались анализу и ихъ не сближали съ жизнью. Они и въ литературѣ, и въ дѣйствительности оставались отвлеченными въ области фантазіи. Пушкинъ первый смотритъ на нихъ съ серьезной стороны, первый учитъ сочетать лучшія стремленія духа, идеалы, съ дѣйствительностью на почвѣ нашей общественной и исторической жизни.

Въ послѣднее время Пушкину ставили въ укоръ, что онъ лишенъ социальнаго значенія. Я глубоко уважаю то социальное направленіе, о которомъ такъ много заботится наша современная литература. Я вполне признаю въ ней дѣятеля въ этомъ смыслѣ и слишкомъ далеко отъ того, чтобы навязывать ей исключительно такъ называемый художественный характеръ. Но понятію: социальный — я даю болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ послѣднее время принято ему давать. Я вижу въ немъ не только текущіе общественные интересы, какъ-бы они ни были важны, не только указаніе на текущія нужды, на разные недуги и злоупотребленія, но и все, что заключается въ основныхъ вѣрованіяхъ и стремленіяхъ народнаго духа, все, что входитъ въ цѣли и способности его развитія, словомъ — весь нравственный порядокъ вещей (всю сферу понятій) эпохи. Такимъ образомъ, мы считаемъ писателемъ социальнымъ не только того, который намъ указываетъ на разладицу общественныхъ нравовъ и общественной жизни съ идеаломъ челоуѣчности и народности, но и того, который эти идеалы возвышаетъ, очищая ихъ отъ всѣхъ временныхъ иска-

женій и извращеній. Дѣло только въ томъ, чтобы этотъ послѣдній не выставлялъ намъ идеаловъ, отвлеченныхъ или такихъ, которые чужды нашей народности и общественности. Пусть идеаль его будетъ въ высшей степени человѣченъ, но пусть онъ въ то-же время вращается въ сферѣ нашихъ національных и общественныхъ понятій; пусть между нимъ и этими послѣдними существуетъ связь, хотя-бы то основанная на темныхъ гаданіяхъ только или предчувствіяхъ людей, на стремленіи ихъ къ лучшему или даже не лучшему, а извѣстному, опредѣленному міросозерпанію.

Въ Пушкинѣ мы это находимъ, и потому вполне считаемъ его писателемъ социальнымъ.

Надо только, чтобы писатель такого рода имѣлъ достаточно генія или таланта, чтобы быть въ состояніи предчувствія, гаданія, стремленія общественныя облечь въ образы вѣрные, живые, могущіе неотразимо дѣйствовать на общество. Это послѣднее уже зависитъ, конечно, отъ степени его эстетическаго или художественнаго дарованія. А у Пушкина оно было велико.

30 сентября (12 октября). Пятница. Отправляемся сегодня въ Россію черезъ Бреславль и Варшаву, въ одиннадцать часовъ вечера, то есть съ ночнымъ поѣздомъ.

Въ полдень ходилъ смотрѣть памятникъ Вебера, открытый третьяго дня. Въ этотъ день готовилось большое торжество, но оно сократилось по причинѣ дурной погоды. Памятникъ не грандіозенъ, но очень хорошъ. Это бронзовая статуя Вебера на гранитномъ пьедесталѣ. Онъ стоитъ опершись локтемъ одной руки на ноты, которыя поддерживаетъ муза, а въ другой рукѣ держитъ лавровую вѣтвь. Поза его благородна и проста. На лицѣ выражено вниманіе: онъ какъ будто прислушивается къ какой-то гармоніи. Отдѣлка памятника отчетлива и изящна; пьедесталь отшлифованъ превосходно; драпировка легка. На пьедесталѣ простая надпись: Карль-Марія Веберъ. Мнѣ очень хотѣлось быть на торжествѣ открытія, но въ этотъ день былъ такой холодъ съ пронзительнымъ вѣтромъ и дождемъ, что я побоялся довѣрить ему мое бѣдное тѣло и лишился нѣсколькихъ пріятныхъ впечатлѣній.

Не выходятъ у меня изъ головы французы, какими я ихъ видѣлъ теперь, подъ режимомъ Наполеона III. Они какъ-бы созданы для того, чтобы любить и дѣлать зрѣлища—они созданы

для спектакля. Они играют въ чувства, въ правила, въ честь, въ революціи. И надо отдать имъ справедливость, все, что относится къ представленію, у нихъ превосходно: знаніе ролей, мимика, декламація, декорація, вся обстановка. Въ нихъ, если можно такъ сказать, нѣтъ того, чтобы быть, но природа одарила ихъ богатыми средствами для того, чтобы казаться и производить эффектъ: воинъ, заговорщикъ, любовникъ, фанатикъ, либераль, рабъ — все это является у нихъ на сценѣ, все это роли, выполненные съ блескомъ и искусствомъ. Они обладаютъ такимъ умѣньемъ переселяться въ каждое лицо, усваивать себѣ, по крайней мѣрѣ, наружныя свойства его, что нерѣдко обманываютъ неопытныхъ. Съ перваго взгляда ихъ, пожалуй, и примешь не за актеровъ, а за настоящихъ людей, но пойдите за кулисы, всмотритесь поближе: вы во всемъ увидите румяна, мишуру, гримировку.

Французы своими революціями окончательно достигли того, къ чему влекли ихъ національные инстинкты—они достигли равенства. Далѣе они не пойдутъ. Свобода, о которой мечтали ихъ утописты, не по нимъ и не для нихъ. Они могутъ снести какое угодно угнетеніе, лишь-бы они были угнетены всѣ одинаково и никто не былъ изъятъ изъ общаго порядка вещей, никто не стоялъ выше другаго. Прочная республика врядъ-ли возможна во Франціи уже потому одному, что она даетъ возможность выдвинуться впередъ таланту и уму; что она допускаетъ извѣстныя личности до превосходства, недоступнаго для другихъ. Они не хотѣли-бы никакого олицетворенія власти—не потому, что власть сама по себѣ имъ ненавистна, но потому, что она украшается и возвеличивается ненавистными атрибутами личнаго превосходства. Но какъ совсѣмъ безъ власти жить нельзя, то они охотно съ нею примиряются, лишь-бы она была сосредоточена и поставлена такъ высоко, что уравниаться съ ней ни для кого нѣтъ никакой возможности. Таковы, по крайней мѣрѣ, французы настоящей эпохи. Наполеонъ III постигъ это вполне. Онъ одинъ, и совершенно одинъ, стоитъ на уединенной высотѣ, не какъ французскій гражданинъ, не какъ членъ общества, а какъ ни для кого недоступное могущество, олицетворенное человѣческимъ именемъ. Онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ своей власти, но покажи только, что раздѣляетъ—обаяніе его мгновенно исчезнетъ.

Французы неспособны также никому дать надъ собою власти безъ того, чтобы не пожелать скоро взять ее назадъ. Но кто самъ возьметъ эту власть и сьумѣетъ поддержать ее, бросаая имъ пыль въ глаза, тому они повинуются безпрекословно.

Октябрь 1 (13). Суббота. Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, выѣхали мы изъ Дрездена, а сегодня въ полдень были на таможднѣ въ Сосновицахъ. Тутъ съ нами обошлись учтиво. безъ всякихъ придирокъ. Но когда мы въ десять часовъ вечера прибыли въ Варшаву, тамъ опять хотѣли насъ осматривать. Когда-же я спросилъ у чиновника, занимавшагося приѣмомъ паспортовъ, законно-ли это, онъ приказалъ оставить и насъ и другихъ пассажировъ въ покоѣ. Явился комиссіонеръ изъ отеля „Европа“, куда мы скоро и прибыли въ омнибусъ.

2 (14). Воскресенье. День тихій и свѣтлый. Гулялъ въ Саксонскомъ саду, который невеликъ, но для городского сада хорошъ. Заходилъ справиться о мѣстахъ въ мальпостѣ: они будутъ для меня готовы въ четвергъ.

Каждый городъ, селеніе, мѣстность, какъ человѣкъ, имѣетъ въ общемъ своемъ видѣ свою фізіономію, эту неуволвимую особенность, которая возбуждаетъ въ наблюдателѣ извѣстнаго рода впечатлѣніе. Варшава, по крайней мѣрѣ, на меня, не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Она вообще какъ-то грязна и жества... Площадь противъ Саксонскаго сада могла-бы быть хороша, если-бы ее не портили зданія безобразнаго и мрачнаго вида—съ одной стороны гауптвахта, съ другой—конюшни и казармы. Но всего некрасивѣе памятникъ посреди нея... Между тѣмъ, собственно польская фізіономія города не лишена интереса. Тутъ слѣды исторіи, свидѣтельствующіе о самобытной жизни народа. Народонаселеніе въ массѣ представляетъ черты оригинальности и не лишено граціи своего рода. Въ лицахъ, въ движеніяхъ много жизни: фізіономіи подвижныя и красивыя...

4 (16). Вторникъ. Письмо отъ Г*** уже изъ Петербурга, куда онъ прибылъ 26 сентября. Онъ описываетъ бѣдствія, которыми претерпѣлъ въ дорогѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, происходящихъ изъ нашей всероссійской дикости и неустроенности. Г. предостерегаетъ меня отъ того, чему самъ подвергся.

Человѣчеству въ теченіи вѣковъ удалось сдѣлать много за-

служивающаго удивленія. Но каждый человѣкъ въ отдѣльности чрезвычайно мелокъ и ничтоженъ. Онъ бываетъ даже очень смѣшонъ, когда гордится своими личными преимуществами, своимъ умомъ, своими знаніями, своими доблестями, забывая, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ или случайности природы и судьбы, или наслѣдству, полученному имъ отъ совокупныхъ усилій всего человѣчества.

Заходилъ къ С—вичу и въ разговорѣ съ нимъ узналъ о разныхъ нестроеніяхъ нашей цензуры. Въ „Русскомъ Словѣ“ была напечатана статья о Гоголѣ, въ которой говорится, что тотъ пользовался уваженіемъ публики до тѣхъ поръ, пока не началъ „воскурять оиміама Царю небесному и царю земному“. Государь, говорятъ, призывалъ по этому случаю министра, которому связалъ:

— „Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любиму — одни любятъ, другіе нѣтъ. Цари земные бываютъ съ опибками; но о Царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться“. Хорошія слова и въ самомъ дѣлѣ жаль, что литература наша говорить такія безтактныя вещи. Она не понимаетъ ни своего положенія, ни своей задачи въ настоящую минуту. И ея дѣло не дразнить и не тревожить умы, а руководить ихъ и просвѣщать. Это прекрасная роль и ея нельзя выполнять, неистовымъ образомъ все ругая, какъ это, напримѣръ, теперь дѣлаетъ Герценъ. Герценъ имѣетъ свою неотъемлемую заслугу, но и онъ гораздо лучше сдѣлалъ-бы, еслибъ воздерживался отъ ругательства.

Однако, онъ въ другомъ положеніи, чѣмъ всѣ прочіе наши писатели. Онъ открыто взялъ на себя роль не руководителя, а возбуждителя..... Герценъ не участвуетъ непосредственно въ дѣлахъ нашихъ. Ему можетъ не быть вовсе дѣла до соблюденія разныхъ условій, которыми не долженъ пренебрегать ни одинъ писатель, если онъ желаетъ успѣшно и благотворно дѣйствовать на общество, гдѣ живетъ.

По моей совѣсти и по моему разумнію, надо сдерживать слѣпое стремленіе, вызывающее изъ мрака духа бури, котораго труднѣе остановить въ его разрушительномъ теченіи, чѣмъ вызвать. Я родился, выросъ, возмужалъ и теперь старѣюсь въ отвращеніи и враждѣ ко всякому игу, ко всякому притѣсненію. Личное мое чувство, всѣ привязанности моего сердца на сторонѣ

свободы и права. Но я никогда въ моихъ идеяхъ не игралъ легкомысленно жребіемъ людей для осуществленія какихъ-бы то ни было утопій свободы и права. Я не считалъ и не считаю ихъ возможными безъ опоры закона. Мнѣ извѣстно, какъ и всякому, что блага эти покупаются жертвами, что безъ кризисовъ нельзя обойтись въ переходахъ общества отъ одного порядка вещей къ другому. Но ускорять или возбуждать насильственно эти кризисы—не мое дѣло. Напротивъ, я полагаю, что честный человѣкъ обязанъ смягчать ихъ и содѣйствовать тому, чтобы новый порядокъ вещей состоялся сколь возможно съ меньшими пожертвованіями. Если исторія ничего даромъ не даетъ, то надобно, по крайней мѣрѣ, заплатить за добро, которое она обѣщаетъ, или даетъ, сколь возможно дешевле. Сорить идеями на счетъ человѣческой крови и мира общественнаго есть великое преступленіе. Тѣ, которымъ суждено быть участниками и дѣятелями въ этой сдѣлкѣ, обязаны быть мудрыми, а не рваться слѣпо къ безднѣ вмѣстѣ съ толпой, которая не думаетъ что она оттуда вынесетъ.

Вечеромъ въ театрѣ. Давали маленькую оперетку и балетъ: Два злодѣя. Балетъ шель прекрасно. Вообще эта часть спектакля въ Варшавѣ, кажется, въ цвѣтущемъ состояніи. Но я обманулся, ожидая увидѣть мазурку, настоящую польскую мазурку, полную страсти, бѣшенства и граціи. Мазурку, точно, танцевали, но въ бальныхъ платьяхъ, а не національныхъ костюмахъ, и такъ вяло и безжизненно, какъ бы это было въ петербургскихъ гостинныхъ.

13. Четвергъ. Въ Петербургѣ. Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, шестаго, по-утру, въ девять часовъ, выѣхали мы изъ Варшавы въ экипажѣ съ экстрѣ-почтой, гдѣ мы заняли четыре мѣста внутри и пятое снаружи. Ыхали мы очень скоро, останавливаясь только для перемѣны лошадей и для обѣда не болѣе получаса. Первые два дня погода была сносная. Но потомъ началъ свирѣпствовать сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ, особенно по ночамъ. Однако мы благополучно доѣхали до Острова, куда и прибыли ночью, около двухъ часовъ, среди бури и ливня. Тутъ въ первую минуту мы были сильно озадачены: по причинѣ большаго скопленія народа нигдѣ не оставалось пустаго помѣщенія.

Но насъ вывело изъ бѣды распоряженіе добраго Кобержскаго. Благодаря его заботамъ, для насъ заранѣе была удержана комната на почтовой станціи. Было уже три часа ночи, когда мы ее заняли и расположились на кратковременный отдыхъ. Въ шесть часовъ утра уже надо было спѣшить на станцію желѣзной дороги. Новое затрудненіе. До станціи надо было ѣхать еще версты три по скверной грязной дорогѣ и подъ проливнымъ дождемъ съ вѣтромъ. Экипажей, кромѣ простыхъ телѣгъ, здѣсь нѣтъ. Но опять тотъ-же Кобержскій вывелъ насъ изъ этой новой бѣды. Оказалось, что онъ заранѣе написалъ Островскому почт-мейстеру, чтобы тотъ, въ случаѣ дурной погоды, далъ намъ малость для доставленія насъ на желѣзную дорогу. Здѣсь мы нашли сущій содомъ: неописанную тѣсноту, шумъ, гамъ, толкотню. Но все, наконецъ, уладилось, мы заняли наши мѣста въ вагонахъ и безъ дальнѣйшихъ неудобствъ прибыли въ Петербургъ десятаго числа, въ понедѣльникъ, въ пять часовъ вечера. На другой день, во вторникъ, во мнѣ уже начали являться разныя лица. Въ среду представлялся министру, попечителю; заѣзжалъ въ Римско-Католическую академію; былъ у доктора Вальца и у моего милаго Ребиндера.

15. Суббота. Засѣданіе въ академіи, первое послѣ моего возвращенія въ Петербургъ. Та-же мелочь, пустота и скука.

21. Пятница. Умерла императрица Александра Ѳедоровна. По этому случаю отложено засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры.

29. Суббота. Похороны императрицы Александры Ѳедоровны. Процессія пойдетъ мимо моей квартиры. На улицѣ уже съ половины десятаго началось движеніе: сходятся толпы народа, войска; полиція суетится.

Въ 45 минутъ перваго двинулась по нашей улицѣ процессія похоронъ императрицы Александры Ѳедоровны. Вездѣ соблюдалась чинность и порядокъ. Толпа безмолвствовала. Сама процессія развѣтывалась мѣрно, величественно. Государь шелъ за гробомъ, блѣдный и печальный. Шествіе тянулось мимо насъ цѣлый часъ.

Ноябрь 2. Среда. Вечеромъ была у меня графиня Т. съ женихомъ своимъ просить меня быть ея опекуномъ, или, лучше

сказать, опекуномъ имѣнія, состоящаго въ тяжбѣ. Ея отецъ при смерти. Я общался на время, пока они принцуютъ другаго, болѣе способнаго.

5. Суббота. Въ Главномъ управленіи цензуры я по возвращеніи засталъ еще болѣе раздраженное отношеніе къ литературѣ, чѣмъ прежде. Хотятъ, кажется, слѣдовать системѣ притѣсненія. И все это надѣлала особенно одна статья въ „Русскомъ Словѣ“ или, лучше сказать, одна фраза, что „Гоголь былъ уважаемъ русской публикой до тѣхъ поръ, пока не началъ воскурять рабски оміама Царю земному и Царю небесному“. За эту фразу отрѣшили отъ должности цензора [П. К.] Ярославцева и сдѣлали строжайшій выговоръ издателю, графу [Г. А.] Кушелеву-Безбородко.

9. Среда. Нѣкоторыя чувства требуютъ того, чтобы ихъ превозмогать и покорять какому-нибудь высшему началу. Такого, напримѣръ, отвращеніе мое къ ложному, шаткому, сбивчивому шатанію умовъ нашего времени и къ эгоизму и мелочному самолюбію нѣкоторыхъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Я съ величайшимъ трудомъ принуждаю себя встрѣчаться съ ними — а встрѣчаться съ ними я долженъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ разными отношеніями. Теперь мнѣ претитъ поддерживать эти отношенія. Не хорошо. Но какъ этому помочь? Какъ расположить свое сердце къ болѣе терпимости, не подрывая основаній своего характера и своего достоинства?

Въ судьбѣ человѣческаго разумѣнія заключается судьба всего живущаго. Нѣтъ твердой мысли въ человѣкѣ — и цѣлый міръ превращается въ хаосъ.

10. Четвергъ. Ученіе матерьялистовъ, чувствуя невозможность достигнуть знанія вѣчной и высочайшей истины, обходятъ ее и говорятъ, что она и не нужна; что можно безъ нея обойтись для исполненія не только обыкновенной общественной обязанности, но и высшихъ задачъ человѣческаго существованія. Безъ знанія этой истины можно обойтись; съ этимъ спорить нельзя: родъ человѣческой и до сихъ поръ безъ него обходится. Но безъ вѣрованія въ нее можно-ли обойтись? — это другой вопросъ. До сихъ поръ родъ человѣческой еще не открылъ возможности обойтись безъ этого вѣрованія. На немъ покоятся всѣ наши

нравственныя отношенія, всѣ стремленія къ лучшему, все, чѣмъ человѣкъ укрощаетъ свои страсти и возвышается до самообладанія, самоуправленія, до высшаго пониманія себя и своей жизни.

Философія матерьялизма есть философія отчаянія. Ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ высшее знаніе, истина для человѣка недостижимы, то откажемся отъ нихъ и постараемся убѣдить себя и другихъ, что можно устроить наилучшій нравственный порядокъ вещей на землѣ, ни мало не нуждаясь въ основаніяхъ нравственности, слѣдуя единственно за фізіологическими отправлениями нашего тѣла“.

Дѣло не въ началахъ, а въ силѣ. Нынѣшніе утописты (матерьялисты, социалисты, приверженцы такъ называемой положительной философіи) думаютъ, что они огромную услугу оказываютъ человѣчеству, толкуя о незаконности собственности, о злоупотребленіяхъ власти и пр. и о средствахъ поправить зло, излагая теорію человѣческихъ обществъ, раздѣленіе собственности и труда. Они не видятъ, что всѣ ихъ понятія, начиная съ Платона, очень стары. Но дѣло, очевидно, не въ понятіяхъ, не въ началахъ, а въ силѣ осуществлять понятія, начала....

Нравственный порядокъ вещей невозможенъ, когда въ томъ, что мы о немъ знаемъ и должны знать, не допустимъ связи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и не можемъ знать.

Незнаемое есть верховный двигатель всякаго стремленія къ совершенствованію. Законъ развитія есть не иное что, какъ побужденіе изъ неизвѣстнаго перейти въ извѣстное.

11. Пятница. Это непрерывное колебаніе здоровья, уже годъ продолжающееся, и необходимость слѣдить за нимъ съ вниманіемъ зайца, преслѣдуемаго собаками—все это сильно угнетаетъ меня. Въ этомъ есть что-то жалкое и унижительное. Неужели такъ пойдетъ надолго? Отпустить-ли мнѣ природа еще нѣсколько лѣтъ жизни или она этими тревогами приготовляетъ меня къ окончательной и немедленной развязкѣ. Тяжело ходить между этими пропастями сомнѣній, опасеній, физическихъ заботъ и прочее. Между тѣмъ, хотѣлось-бы еще и дѣйствовать.

.Любовь къ своему я и къ жизни, какъ и всякое чувство,

можетъ доходить до болѣзненной раздражительности, исключаящей всѣ другіе чувства и интересы. Избави Боже до этого дойти!

12. Суббота. Въ полдень засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Исторія Э., по случаю фельетонной статьи: о магазинѣ, въ воскресномъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“. Онъ проситъ защиты противъ печати, чѣмъ и изобличаетъ, что лицо, выставленное въ фельетонѣ, дѣйствительно онъ и жена его. Хороши нравы общества, гдѣ возможны вещи, подобныя тѣмъ, какія описаны въ фельетонѣ!

Отвергнуть идеалы значить уничтожить въ человѣкѣ всякое стремленіе къ прогрессу.

Безконечный анализъ, которымъ вооружилась нынѣшняя наука, разсматривающая природу и человѣка, есть, конечно, также громадный шагъ человѣческаго разума на пути его развитія. Нынѣшніе выводы изъ него неутѣшительны: но таковы-ли будутъ и послѣдующіе? Можетъ быть, именно отсюда возникнуть новыя идеи и принципы, какихъ матерьялистическій анализъ не ожидаетъ—идеи и принципы, укрѣпляющіе высшія вѣрованія. Въ анализомъ всего исчерпать нельзя. Но онъ можетъ привести насъ къ такимъ рубежамъ и точкамъ зрѣнія, откуда взоръ обниметъ пространство, еще безконечнѣе, еще таинственнѣе того, какое нынѣ намъ представляется—и человѣкъ, въ священномъ ужасѣ и великомъ предчувствіи, воскликнетъ: тамъ, въ этомъ глубокомъ безотвѣтномъ неизвѣстномъ лежитъ что-то выше, святѣе, достовѣрнѣе всего, что я до сихъ поръ узналъ и почувствовалъ.

Первое правило нашихъ ультра-либераловъ въ томъ, чтобы воспрещать свободу мнѣній всѣмъ, кромѣ самихъ себя.

26. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Пренія о стихотвореніяхъ Некрасова, которыя авторъ хочетъ печатать новымъ изданіемъ. Изданіе это было запрещено еще Норовымъ. Теперь я подалъ письменно мое мнѣніе о томъ, чтобы пропустить эту книгу, за исключеніемъ развѣ немногихъ строкъ. Прочіе члены возстали противъ этого, находя, что стихотворенія Некрасова носятъ черезъ чуръ демократическій характеръ. Трудно вразумить такихъ господъ, какъ напримѣръ, Пржецлавскій, Берте. Однако положено отправить стихотворенія въ цензурный комитетъ и вновь разсмотрѣть.

Декабрь 1. Четвергъ. Факультетское собраніе въ университетѣ. Толки о конкурсѣ на кафедрѣ философіи. Нѣкоторые прочать на нее Петра Лавровича Лаврова. Я противъ этого: Лавровъ способенъ не просвѣщать, а помрачать умы.

3. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Берте докладываль, что въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ статьѣ о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, слишкомъ распространяются о правѣ народа контролировать злоупотребленія администраціи и измѣнять формы ея. Я защищаль газету тѣмъ, что вѣдь это не ея разсужденія, а выписки изъ сѣверо-американскихъ официальныхъ статей.

— „Это факты“,—прибавиль я,—и факты, то и дѣло совершающіеся въ Европѣ и въ Америкѣ: намъ, значить, ничего не оставалось-бы, какъ воспретить газетамъ упоминать о самыхъ фактахъ этого рода, то есть, мы должны закрыть глаза и уши наши на зрѣлище мірскихъ дѣлъ“.

Министръ согласился съ этимъ. Д—въ и Тройницкій поддержали меня. Положено бросить это дѣло.

6. Вторникъ. Когда тебѣ въ жизни приходится случайно наткнуться на добро, ты въ опасности лишиться его каждую минуту. Но когда постигаетъ тебя зло, оно крѣпко цѣпляется за тебя руками и зубами и нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ него скоро. Однимъ словомъ, добро шатко, неблагонадежно и случайно: зло-же крѣпко, постоянно и неизбѣжно.

Былъ у меня мой благородный Шульманъ! Ему, также какъ и мнѣ, заграничное леченіе принесло немного пользы. Мы говорили съ нимъ о нынѣшнемъ направленіи умовъ и о томъ, какъ на нихъ хотять дѣйствовать сверху. Много печальнаго во всемъ этомъ.

8. Четвергъ. У нашихъ писателей, при началѣ нынѣшняго царствованія, не достало такта, чтобы воспользоваться дарованною печати бѣльшею долею свободы. Они много могли-бы сдѣлать для упроченія нѣкоторыхъ началъ въ обществѣ и для склоненія правительства къ разнымъ либеральнымъ мѣрамъ. Но они ударились въ крайности и испортили дѣло. Возгордившись первыми успѣхами, они потеряли мѣру, сдѣлались черезъ чуръ

требовательными, забывъ, что, годъ или два тому назадъ, имъ едва позволили-бы держать перо въ рукахъ. Имъ захотѣлось вдругъ всего—и они начали сплошь на все нападать, какъ люди рьяные, но неспособные руководить общественнымъ мнѣніемъ. Они употребили во зло печатное слово, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ. Тщетно старался я стать примирительнымъ лицомъ между литературой и правительствомъ: первая такъ далеко занеслась, что вдругъ встала въ открытую и жестокую оппозицію съ послѣднимъ; послѣднее встрепенулось и стало усердиѣ подтягивать возжи. Такіе господа, какъ Чернышевскій, Бовъ (Добролюбовъ) и прочіе, вообразили себѣ, что они могутъ взять силой право, на которое они еще не приобрѣли права. Они взяли на себя задачу несвоевременную и непосильную, и вмѣсто того, чтобы двигать дѣло впередъ, только тормозятъ его.

Считая себя передовыми людьми, руководителями общественнаго мнѣнія, они дѣйствовали какъ зажигатели, какъ демагоги, чѣмъ и доказали свою незрѣлость и неспособность управлять общественнымъ движеніемъ. Передъ ними была роль дѣйствительно прекрасная: быть именно руководителями умовъ тамъ, гдѣ все такъ шатко, незрѣло, неразвито. Но они не поняли ея и, увлекаясь лирическими порывами, упали сами въ толпу тѣхъ, которымъ нужно вразумленіе и руководство. Они какъ будто захотѣли бросить перчатку правительству, вызвать его на бой, вмѣсто того, чтобы соединить свои прогрессивныя стремленія съ лучшими его видами — въ которыхъ нельзя ему отказать — и такимъ образомъ, сдѣлать его, такъ сказать, своимъ помощникомъ, съ своей стороны помогая ему во всемъ благомъ и не стараясь вдругъ, однимъ ударомъ, сломить его ошибки и старыя преданія.

Они, притомъ, смѣшали людей, стоящихъ около центра, съ самимъ центромъ и то, что въ отсталыхъ прежнихъ правителяхъ было дурнаго, они отнесли къ самой идеѣ правительства. Словомъ, это были люди, жаждавшіе отличія, желавшіе, во чтобы то ни стало, сдѣлаться популярными и, по примѣру западныхъ корифеевъ публицистовъ, быть политическими дѣятелями, вмѣсто того, чтобы быть только общественными, предоставивъ времени и постепеннымъ успѣхамъ нашего развитія дѣлать свое дѣло.

10. Суббота. У графа Адлерберга. Разговоръ о литературѣ. Я старался примирить его съ ней и много говорилъ въ этомъ духѣ.

11. Воскресенье. По утру у Ребиндера и у Д—ва. Все по вопросу о кафедрѣ философіи въ университетѣ. Я настоятельно представлялъ тому и другому о необходимости поступить какъ можно осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ. Всего лучше-бы самую программу конкурса отстранить домогательство нѣкоторыхъ господъ искателей, которыхъ суетъ къ намъ въ университетъ партія великихъ ультра-прогрессистовъ, не заботясь о томъ, что эти философы перевернутъ къ верху ногами моѣмъ въ головахъ нашихъ юношей. Таковы, напримѣръ, Лавровъ и Б. Послѣдній обладаетъ весьма небольшими способностями, но большими претензіями на популярность, которую рассчитываетъ приобрести распространеніемъ новѣйшей философіи нѣмецкихъ матерьялистовъ, но конечно въ неперевавленномъ видѣ. Первый человекъ не безъ ума и дарованій, но съ головы до ногъ матерьялистъ, необузданный гонитель всего, что было, есть и даже будетъ завтра. Краснымъ сильно хочется, чтобы онъ занялъ у насъ кафедру философіи, но этого не слѣдуетъ допустить. Я предложилъ Д. мысль, чтобы въ программѣ конкурса было прямо объявлено, ссылаясь на законъ, чтобы, ищущій профессуры имѣлъ степень магистра или доктора. А если никто изъ таковыхъ не явится? Ужъ лучше мы года четыре пробудемъ безъ философіи, пока не приготовимъ кого-нибудь изъ студентовъ заграничнымъ образованіемъ: это зло меньше, чѣмъ то, если преподаваніе столь важнаго предмета попадетъ въ руки ненадежныя или недобросовѣстныя.

17. Суббота. Вечеромъ засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Пришлось долго сидѣть и говорить съ напряженіемъ, отчего у меня жестоко разболѣлась голова. Шли ожесточенныя пренія. Съ великимъ прискорбіемъ слушалъ я мнѣніе графа Адлерберга по поводу одной статьи, доложенной Тройницкимъ. Графъ А. В. обнаружилъ невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни. Неужели многіе такъ думаютъ и столько-же знаютъ? Это невѣроятно, невозможно!

Мысль была слѣдующая: не должно ничего позволять писать о

предметахъ финансовыхъ, полигико-экономическихъ, судебныхъ, административныхъ, потому что все это означаетъ посягательство на права самодержавія и тогда даже, когда въ сочиненіяхъ этого рода вопросы разсматриваются съ общей точки зрѣнія и притомъ заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на желательность какихъ бы-то ни было измѣненій. Если-же у кого зародится мысль объ улучшеніяхъ по разнымъ общественнымъ и государственнымъ предметамъ, тотъ можетъ отъ себя писать въ то вѣдомство, котораго касаются эти улучшенія. Словомъ, въ печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественнаго.

Тройницкій справедливо замѣтилъ, что это значитъ возвращаться къ прошедшему времени. Напрасно онъ, я и Д—въ доказывали невозможность такой системы, и что правительство само, для своей собственной пользы, должно желать гласнаго обсуживанія разныхъ общественныхъ и административныхъ предметовъ.

Я тщетно старался растолковать также разницу между неприкосновенностью политическаго принципа въ государствѣ и неприкосновенностью какой-нибудь мѣстной власти и т. п. г. А. В. Адлербергъ упорно стоялъ на своемъ.

— „Къ чему было поднимать вопросъ о статьѣ Ржевскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, совершенно невинной“, свазалъ я Тройницкому:—„вы видите, куда это ведетъ“.

Н. А. Мухановъ вель себя очень осторожно. Онъ и предсѣдательствовалъ за отсутствіемъ министра. Кончилось однако тѣмъ, что все осталось по прежнему.

19. Понедѣльникъ. Сильная наклонность въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи къ непослушанію и дерзости. Безпрестанно слышишь о какомъ-нибудь скандалѣ то въ такомъ-то университетѣ, то въ другомъ заведеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти печальныя явленія прямое слѣдствіе подавленія въ прошлое время всякой мысли, подчиненія ея дисциплинѣ, простиравшейся до совершеннаго пренебреженія высшими началами нравственности—словомъ, слѣдствіе суроваго, всеподавляющаго деспотизма. Теперь всѣ, особенно юношество, проникнуты какимъ-то озлобленіемъ не только противъ всякаго стѣсненія, но даже и противъ законнаго ограниченія.

23. Пятница. Гоненіе на воскресныя школы. Князь [Василій Андр.] Долгоруковъ подалъ государю записку, направленную противъ нихъ, внушенную ему графомъ [Сергіемъ Григ.] Строгановымъ. За три или четыре дня министръ нашъ дѣлалъ государю представленіе о безвредности этого народнаго дѣла и о необходимости не стѣснять его. Государь согласился съ нимъ. А теперь опять хотятъ начать преслѣдованіе грамотности, которая, конечно, не составляетъ еще образованія, но даетъ народу ключъ къ нему. Развѣ хотятъ осудить народъ на вѣчную законсѣлость, и когда-же? — когда ему дадутъ свободу. Логично-ли это? Но у нашихъ обскурантовъ все рано, и эмансипація рано. Если ихъ слушать, они будутъ повторять это вѣчно. Между тѣмъ, сила вещей и событій требуетъ измѣненій и нововведеній. Министръ [Евграфъ Петровичъ Ковалевскій] имѣлъ жаркое объясненіе съ княземъ [Василіемъ Андр.] Долгорукинымъ.

Передъ тѣмъ гонителемъ воскресныхъ школъ уже былъ генералъ-губернаторъ [Павель Ник.] Игнатъевъ.

Конечно, дѣло не въ воскресныхъ школахъ, а въ народномъ движеніи, которое ими выражается. Такъ что-же? Повторяю: развѣ народъ нашъ осужденъ навсегда пребывать въ стоячемъ болотѣ! И не лучше-ли управлять этимъ движеніемъ, чѣмъ уничтожать его, чтобы, взамѣнъ него, возбудилось движеніе болѣе вредное и опасное. Какъ близоруки наши государственные люди

30. Пятница. Вечеромъ читалъ у меня [Ап. Ник.] Майковъ свое новое произведеніе: Испанская инквизиція. Это, безспорно, одно изъ лучшихъ его стихотвореній. Духъ времени (Изабеллы), католичества и іезуитства переданъ имъ превосходно. Разговоръ Изабеллы съ духовникомъ веденъ мастерски: въ немъ изображеніе и женщины, и государыни, и католички блеститъ первоклассными поэтическими красотоми. При томъ все произведеніе въ сложности своей таково, что въ немъ нельзя ни убавить, ни прибавить ни одного слова: такъ все точно, полно и строго обдуманно.

Еще были у меня въ этотъ вечеръ Ребиндеръ, Г*** и Чевилевъ. Кстати о Чевилевѣ: онъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей на мѣсто Гримма. Въ императрицѣ Маріи

Александровнѣ Чевилевъ нашель прекрасную женщину—съ добрымъ любящимъ сердцемъ и возвышенными понятіями. Чевилевъ совѣтовался со мною насчетъ нѣкоторыхъ преподавателей. Я совѣтоваль ему пригласить для русскаго языка Ореста (Федоровича) Миллера.

Ребиндеръ тоже просиль моего совѣта, кого-бы опредѣлить на мѣсто Пирогова, котораго рѣшительно не хочетъ государь. Я никого не могъ ему указать. Быль призванъ на помощь Чевилевъ и онъ указаль Загорскаго.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ,

докторъ философіи и профессоръ высшей математики,

въ «Воспоминаніяхъ» перваго, по времени, ея учителя І. И. Малевича

1858—1868 гг.

Украшивъ ноябрьскую книгу „Русской Старины“ (изд. 1890 г.) портретомъ славной соотечественницы, корреспондентки Императорской Академіи Наукъ и профессора высшей математики въ стокгольмскомъ университетѣ, Софіи Васильевны Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской,—мы приводимъ нѣскѣ отрывковъ изъ „Воспоминаній І. И. Малевича“, бывшаго первымъ, по времени, учителемъ-наставникомъ этой замѣчательной русской женщины, въ періодъ ея юности, съ восьми-лѣтняго возраста до шестнадцати лѣтъ.

І. И. Малевичъ, весьма обявательно сообщившій намъ обширныя и интересныя воспоминанія о своей сорока-лѣтней педагогической дѣятельности въ скромномъ званіи домашняго учителя (1832 — 1872), принадлежитъ почти къ не существующему у насъ институту домашнихъ наставниковъ-учителей. Мы говоримъ „почти несуществующему“, потому что весьма рѣдко въ обширной семьѣ русскихъ педагоговъ встрѣчаемъ мы лицъ, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу воспитанія юношества не въ школахъ общественной, а въ средѣ семействъ. І. И. Малевичъ принадлежитъ именно къ этой группѣ „домашнихъ наставниковъ-учителей“, и тѣмъ болѣе интереса возбуждаютъ въ насъ воспоминанія этого почтеннаго труженика. Вотъ нѣсколько краткихъ о немъ свѣдѣній.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина западныхъ губерній, Іосифъ Игнатьевичъ Малевичъ родился 7-го января 1813 года, въ мѣстечкѣ Креславкѣ, Витебской губ., и получилъ образованіе въ бывшемъ шести-классномъ училищѣ въ томъ мѣстечкѣ Креславкѣ (1820—1829 гг.)¹⁾ Очень рано полюбилъ онъ педагогическое поприще и, выдержавъ установленный экзаменъ на званіе

¹⁾ Изъ этого училища получавшіе аттестаты поступали безъ экзамена въ Виленскій университетъ.

домашняго учителя, всецѣло посвятилъ себя воспитанію и образованію юношества. Въ ряду семействъ, въ средѣ которыхъ онъ воспиталъ много юношей и дѣвицъ, мы застаемъ его въ 1839—1843 гг. и вновь съ 1845 по 1852 годъ въ семьѣ псковскаго помѣщика Ивана Егоровича Семевскаго († 1860 г.), гдѣ учениками І. И. Малевича были послѣдовательно всѣ шесть сыновей Семевскаго¹⁾ и нѣсколько юношей изъ другихъ семействъ, обучавшихся вмѣстѣ съ ними.

Подготовивъ въ разныя учебныя заведенія всѣхъ братьевъ Семевскихъ и ихъ соучениковъ, І. И. Малевичъ перешелъ въ семью вдовы извѣстнаго генерала, бывшаго директора Дворянскаго полка, Ник. Ив. Пущина—Эмили Антоновны Пущиной, впоследствии, въ теченіи многихъ лѣтъ, до самой кончины, бывшей начальницы Патриотическаго института въ С.-Петербургѣ. Въ ея семьѣ І. И. Малевичъ приготовилъ въ Пажескій корпусъ (въ 1852—1854 гг.) единственнаго ея сына Михаила, впоследствии, въ чинѣ полковника и командира Кіевскаго гренадерскаго полка, умершаго въ бытность въ дѣйствующей арміи въ 1878 г.

Въ 1854 году І. И. Малевичъ перешелъ въ семейство, Псковской губерніи, Торонецкаго уѣзда, помѣщика Семена Васильевича Корвинъ-Круковскаго, гдѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ воспиталъ и подготовилъ въ учебныя заведенія сыновей этого помѣщика, а также дѣтей близкаго родственника Круковскаго—Чирикова; тогда-же (въ 1857—1858 гг.) и въ той-же семьѣ получилъ у І. И. Малевича начальное воспитаніе и подготовку въ учебное заведеніе Василій Ив. Семевскій, о которомъ упомянуто выше.

Въ октябрѣ 1858 года нашъ уважаемый наставникъ получилъ приглашеніе отставнаго генералъ-лейтенанта артиллеріи Василія Васильевича Корвинъ-Круковскаго принять на себя образованіе двухъ его дочерей, изъ которыхъ старшая, Анна, была пятнадцати лѣтъ, а младшая, Софья, около восьми лѣтъ, и впоследствии сына, имѣвшаго тогда всего лишь три года, когда тотъ достигъ восьми-лѣтнаго возраста.

Отставной генералъ съ женою своею Елисаветою Федоровною, правнучкой извѣстнаго астронома Шуберта, и дѣтьми, съ мая мѣсяца 1858 года, водворился въ обширномъ домѣ своего помѣстья Палибино, Невельскаго уѣзда Витебской губерніи.

Здѣсь І. И. Малевичъ оставался въ качествѣ наставника-учителя болѣе девяти лѣтъ (съ окт. 1858 г. по январь 1868 г.) и имѣеть нынѣ счастье видѣть въ своей ученицѣ того времени Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской, славнаго дѣятеля въ области науки, высшей математики.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ, 1890-мъ году, на страницахъ „Вѣстника Европы“ (іюль и августъ) появились въ высокой степени художественно написанныя „Воспоминанія дѣтства“, принадлежащія перу Софьи Васильевны Ковалевской. Эти воспоминанія живо переносятъ читателя въ семью вла-

¹⁾ Таковы были: Семевскіе Владиміръ (въ 1839 — 1843 гг.), впоследствии штабсъ-капитанъ гвардіи († 1863 г.), Михаилъ (въ 1845—1848 гг.), нынѣ издатель-редакторъ «Русской Старины», Александръ—поручикъ гвардейской артиллеріи и затѣмъ видный земскій дѣятель въ Псковской губерніи († 1879 г.), Петръ—управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка въ Перми, Егоръ—стрѣлковый офицеръ († 1866 г.), и Василій Ивановичъ—(въ 1857—1858 гг.), нынѣ докторъ русской исторіи.

дѣла Палибино и воспроизводить передъ нашимъ умственнымъ взоромъ весь ходъ душевнаго развитія двухъ сестеръ, представляя въ то-же время множество бытовыхъ чертъ тогдашней дворянской богатой образованной семьи, подмѣченныхъ съ необыкновенно тонкою, чисто женскою наблюдательностью и облеченныхъ въ форму вполне художественнаго разказа.

Съ благодарностью упомянувъ о прекрасныхъ урокахъ, даваемыхъ ей и сестрѣ ихъ учителемъ (а такимъ былъ И. И. Малевичъ), Софья Васильевна не ведеть, однако, читателя въ классную свою комнату; она остается въ дѣтской, въ сферѣ поэтически воспроизведенной ею жизни своего младенчества подъ крыломъ нянюшки, а затѣмъ подъ суровою ферулою англичанки-губернантки, тщетно напрягавшей усилія создать изъ даровитыхъ, живыхъ, впечатлительныхъ, чисто русскихъ барышень сухихъ и черствыхъ англійскихъ миссъ...

Въ хранящихся въ архивѣ „Русской Старины“ „Воспоминаніяхъ“ И. И. Малевича мы находимъ обстоятельный очеркъ его педагогическихъ трудовъ въ Палибинскомъ домѣ. Очеркъ этотъ не претендуетъ ни на живость изложенія, ни на яркость красокъ, но онъ обстоятеленъ и точенъ, и лицомъ къ лицу ставитъ насъ какъ съ принятыми тогда наставникомъ методами въ образованіи (въ 1858—1867 гг.), такъ и съ успѣхами его замѣчательно даровитыхъ ученицъ.

Сохраняя на страницахъ „Русской Старины“ данныя къ обзорю дѣятельности обоюго пола русскихъ людей, особенно выдавшихся въ сферѣ умственной дѣятельности, мы представляемъ здѣсь выдержки изъ помннутыхъ воспоминаній нашего маститаго наставника, въ предположеніи, что такковыя будутъ прочтены не безъ интереса потому, что напомнимають намъ прошлое въ русской педагогикѣ, такъ въ особенности по отношенію къ столь въ высокой степени замѣчательной русской женщинѣ-ученому, каковою гордится наше общество, въ лицѣ Софьи Васильевны Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской.

Сельцо Федорцево.
9-го августа 1890 г.

Р е д.

I.

... Наступила очередь приступить къ изложенію моихъ занятій съ Софьею Васильевною Корвинъ-Круковскою, ученицею, которая, по истеченіи девяти-лѣтняго моего преподаванія (1858—1867 гг.), возлюбила науки до такой степени, что, работая еще нѣсколько лѣтъ съ громадною для себя пользою и прослушавъ университетскіе курсы математики за границую, получила степень доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ. Ученица эта, гордость не только моя, перваго, по времени, ея учителя, но и всякаго образованнаго гражданина Россіи, Софья Васильевна

Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, призванная, если не ошибаюсь, въ 1886 г., на кафедру высшей математики въ стокгольмскомъ университетѣ и получившая въ декабрѣ мѣсяцѣ 1888 года высшую премію отъ парижской академіи наукъ за рѣшеніе вопроса, на которомъ остановились знаменитые въ ученomъ мѣрѣ Эйлеръ и Лагранжъ: „усовершенствовать въ какомъ-либо существенномъ пунктѣ теорію движенія твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки“.

Софья Васильевна Ковалевская обратила на себя вниманіе не только насъ, русскихъ, ея согражданъ, но и другихъ цивилизованныхъ націй. О торжественномъ ея приѣмѣ въ парижской академіи наукъ и рѣчи президента академіи, воздавшей хвалу учености женщины-математика, говорили много въ газетахъ и обществѣ. Шведы гордятся своимъ профессоромъ, пишутъ въ газетахъ объ ея серьезныхъ лекціяхъ, которыя въ первый годъ читала она на нѣмецкомъ, а потомъ на шведскомъ языкахъ, изучивши послѣдній въ теченіи одного года. Ученыя занятія женщины-профессора, семейная жизнь, привычки, развлеченія, въ свободное отъ трудовъ время, — все это интересующее публику передается газетами, а рѣшеніе вопроса, за который Софья Васильевна получила высшій призъ, возвысило ее до того, что она заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ученomъ мѣрѣ и приобрѣла всесвѣтную извѣстность.

Мелочи, относящіяся къ жизни даже высокопоставленнаго человѣка, не имѣютъ для насъ большаго значенія, но онѣ становятся въ высшей степени интересными, когда относятся къ человѣку, ставшему на высомомъ пьедесталѣ какого-либо поприща и, болѣе всего, ученаго.

Мнѣ-ли, послѣ того, преподавателю Софьи Васильевны въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ, не отозваться, когда бывшая ученица заняла такое высокое мѣсто въ ученomъ мѣрѣ? Мнѣ-ли пройти молчаніемъ о ней, когда всѣ интересуются женщиною-профессоромъ, занявшею кафедру высшихъ человѣческихъ знаній и ставшею на ряду съ гениальными двигателями науки? Нѣтъ, я долженъ, я обязанъ, какъ ея учитель, сказать о женщинофеноменѣ все, что знаю: о первыхъ годахъ ея юности, объ ея воспитаніи и въ особенности образованіи, проложившемъ дорогу къ знаменитости. „Воспоминанія“ мои, воздавая должную честь великому уму, быть можетъ, особенно заинтересуютъ людей, по-

святившихъ себя первоначальному развитію и образованію молодого поколѣнія.

...Рядомъ съ методою развитія способностей имѣеть мѣсто метода изложенія учебнаго матеріала; это именно то, что называютъ методою преподаванія. Послѣдняя, имѣя въ своемъ основаніи общую и свойственную каждому предмету отдѣльную идею, сохраняетъ постоянно свой характеръ и только видоизмѣняется согласно со степенью развитія учащихся. Очертить принятыя мною методы какъ развитія, такъ и преподаванія значить выяснить, прежде всего, мой взглядъ на условія успѣшнаго хода образованія и потомъ показать, насколько та или другая метода принесла существенной пользы моимъ питомцамъ и питомицамъ.

Прежде, однако-жъ, чѣмъ изложить мои труды въ прямомъ отношеніи къ учащимся, я нахожу необходимымъ сказать, хотя и весьма кратко, о тѣхъ моихъ педагогическихъ работахъ, которыя составляютъ насущную потребность человѣка, посвятившаго свою жизнь воспитанію юношества.

Каждое специальное дѣло тогда только можетъ съ успѣхомъ подвигаться впередъ, когда оно, совершаясь безъ значительныхъ перерывовъ, составляетъ любимый предметъ спеціалиста.

Если эта истина должна имѣть мѣсто въ занятіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній, то тѣмъ болѣе она становится самымъ необходимымъ условіемъ въ занятіяхъ учебныхъ. Остановиться на выработанномъ или довольствоваться сдѣланнымъ значить отстать отъ непрерывнаго движенія человѣческой мысли, а потому постоянное развитіе и самосовершенствованіе въ каждомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе учебномъ, есть существенная необходимость. И въ силахъ-ли, въ состояніи-ли развивать питомцевъ своихъ тотъ, кто остановился въ своемъ собственномъ развитіи...

Метода преподаванія, мною принятая, подвергалась хотя незначительнымъ, но прогрессивнымъ перемѣнамъ. Удаляясь всегда отъ рутинны, которая не можетъ имѣть мѣсто при самосовершенствованіи, я не увлекался необдуманно и всѣмъ новымъ, а поставлялъ себѣ непремѣнную обязанностью вникнуть и изучить каждый способъ, каждую новую мысль въ преподаваніи, и только послѣ зрѣлаго обсужденія принималъ тѣ или другія

положенія, тѣ или другія указанія и, такимъ образомъ, дополнялъ или замѣнялъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ принятую мною методу...

..... Наставникъ въ первый-же періодъ своей дѣятельности долженъ раскрыть, долженъ вызвать всѣ тѣ человѣческія способности, которыми природа надѣлила его питомца: задача не маловажная, а иногда и весьма трудная, если обстоятельства не благопріятствовали или помогали естественному развитію ребенка. И вотъ, въ этомъ періодѣ я всегда стремился не учить тому или другому, но развивать постепенно тѣ врожденныя способности, которыя обнаруживаются явственнѣе всего и переходъ отъ которыхъ къ другимъ, болѣе скрытымъ, будетъ возможенъ при благоразумной методѣ...

..... Знакомить съ предметами, вызвать сужденія самыя доступныя возрасту, заставить ученика углубляться, сосредоточивать вниманіе и мысль, дѣлать сравненія, противуположенія, выводы, заключенія, и всегда и во всякомъ случаѣ ясно и просто излагать ихъ,—вотъ что было первыми моими занятіями съ ученикомъ, приступавшимъ къ умственной работѣ.

Въ занятіяхъ моихъ строго соблюдалась постепенность перехода отъ извѣстнаго, доступнаго ученику по объему прочитаннаго и по содержанію, къ менѣе или вовсе неизвѣстному отъ самаго простаго періода къ болѣе сложному, составляющему пословицу, анекдотъ или небольшой рассказъ, и такъ далѣе до возможно большихъ статей.

Замѣченный успѣхъ, въ этихъ вторыхъ въ системѣ развитія занятіяхъ, давалъ мнѣ возможность и поводъ присоединять постепенно и сознательное знакомство съ правилами роднаго языка и такимъ образомъ переходить самымъ незамѣтнымъ, но рациональнымъ способомъ къ одному изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для послѣдующаго образованія предмету—отечественному языку.

..... Всѣ усвоенные мною приемы я примѣнилъ и при развитіи моей восьми-лѣтней еще ученицы, воспользовавшейся больше другихъ моими трудами, съ 1858 по 1867 г. При развитіи способностей моей бывшей ученицы Софьи Васильевны Корвинъ-Круковской, я не имѣлъ надобности спѣшить, но шелъ обдуманно вѣрнымъ шагомъ по рациональному пути, пользуясь и

ея рѣдкими способностями, и другими благоприятными условіями, давшими мнѣ средство приложить къ образованію ея все, что было выработано мною и вполне усвоено въ теченіи многолѣтнихъ трудовъ и постояннаго самосовершенствованія. Не лишнее будетъ сказать теперь о привитіи въ ученицѣ одного изъ важнѣйшихъ качествъ въ человѣкѣ, качество это—любовь къ занятіямъ и вообще трудолюбіе.

.....Святая обязанность привить это качество въ воспитанникѣ или воспитанницѣ лежитъ преимущественно на домашнихъ учителяхъ, которые, по своему назначенію, должны быть первыми по времени сѣятелями всего того, чѣмъ обладаетъ человѣкъ, воспитанный въ духѣ нравственно-религіозномъ.

.....Съ первыхъ моихъ занятій съ ученикомъ или ученицею я вообще постоянно заботился о томъ, чтобы самая незначительная, даже ничтожная работа, была, по возможности, исполнена хорошо, отчетливо и своевременно, а потому всякій самостоятельный трудъ, не превышая ни въ какомъ случаѣ силы питомца, долженъ былъ быть доступнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Перехожу къ очерку успѣховъ моей ученицы С. В. Ковалевской, по каждому научному предмету отдѣльно, и кратко упомяну о методахъ, по которымъ я преподавалъ ей.

Русскій языкъ. Въ концѣ 1850-хъ годовъ, когда былъ поднятъ вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка и появилось много по сему предмету дѣльныхъ сужденій и мыслей, я вслѣдъ затѣмъ выработалъ нѣкоторыя методы, основанныя, большею частью, на зрѣломъ соображеніи и вѣрномъ пониманіи дидактики. Рутинный способъ изученія роднаго слова по руководствамъ, облеченнымъ въ форму грамматики мертвыхъ языковъ, давно уже обнаружилъ полную свою несостоятельность какъ въ преподаваніи, неосмысленномъ здоровою логикою, такъ и жалкимъ и даже, большею частью, самымъ ничтожнымъ успѣхомъ учениковъ. Необходимость реформы въ методѣ преподаванія отечественнаго языка была сознаана преимущественно тѣми изъ учителей, которые видѣли и нелогичность распредѣленія грамматическаго матеріала, и совершенную односторонность ученія и его результатовъ.

Съ первыхъ лѣтъ моей учебной дѣятельности я видѣлъ необходимость оставить рутину и выработать, по указанію лучшихъ

педагоговъ, такую методу преподаванія отечественнаго языка, которая, прежде всего, имѣла-бы въ своемъ основаніи естественный рациональный переходъ отъ легкаго и болѣе или менѣе ученику извѣстнаго къ труднѣйшему, болѣе сложному, или вовсе неизвѣстному, и главное, чтобы она была тѣсно соединена съ методою постояннаго развитія учащихся. Какъ скоро эта послѣдняя производила ожидаемый результатъ, и ученикъ былъ доведенъ до степени перехода въ собственно учебный періодъ, тогда ходъ обученія родному языку служилъ естественнымъ продолженіемъ постоянныхъ, до тѣхъ поръ, занятій съ питомцами.

Выбранную статью, доступную по объему и содержанію, я заставлялъ ученика хорошо и со вниманіемъ прочесть, и вслѣдъ за тѣмъ требовалъ, чтобы онъ рассказалъ ее, придерживаясь порядка въ изложеніи; потомъ предлагалъ вопросы относительно нѣкоторыхъ подробностей происшествія, поводовъ къ нему, характеровъ дѣйствующихъ лицъ и т. п.....

.....Успѣхи въ подобныхъ занятіяхъ позволяли потомъ переходить къ другимъ, состоявшимъ изъ раздѣленія прочитаннаго на отдѣльныя мысли, т. е. предложенія.

.....Изучивъ постепенно и основательно составъ, строеніе, главныя и второстепенныя части предложенія, я переходилъ къ изложенію понятій о каждомъ словѣ отдѣльно,—т. е. къ частямъ рѣчи, но, повамѣсть, въ краткомъ видѣ, касаясь ихъ какъ-бы мимоходомъ. Конечно, съ успѣхомъ въ развитіи, послѣдствіемъ котораго было всегда и увеличеніе объема статей, преподавалась обширнѣе какъ синтаксическая, такъ и этимологическая часть грамматики. Такъ, послѣ логическаго разбора предложенія, я переходилъ къ анализу словъ, излагая уже о корнѣ склоненія и спряженія, о приставкѣ, окончаніяхъ и т. п.; отъ анализа словъ переходилъ къ главнымъ законамъ правописанія, которые, впрочемъ, объяснялись всякій разъ, напримѣръ, при составленіи для уроковъ письменныхъ примѣровъ, при письмѣ подъ диктовку и въ сочиненіяхъ. Изъ этого краткаго очерка преподаванія отечественнаго языка можно видѣть, что метода, принятая мною, имѣла въ виду не только изученіе роднаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно вліяла на развитіе мышленія и дара слова. Не знаю, насколько она могла-бы принести пользы въ общественныхъ заведеніяхъ, но въ частномъ пре-

подаваніи, гдѣ учитель имѣеть дѣло съ двумя-тремя учениками, съ силою способностей вторыхъ и настроеніемъ ихъ имѣеть полную возможность ознакомиться, метода эта не оставяла желать ничего лучшаго.

Ученица моя, С. В. Ковалевская, слѣдуя съ большимъ успѣхомъ изложенной мною методѣ, знала, безъ пособія руководства, грамматическія правила до такой степени хорошо, что когда я далъ ей потомъ учебникъ русскаго языка, съ цѣлью повторить и ближе ознакомиться съ порядкомъ распредѣленія грамматическаго матеріала, то ученица не нашла ничего новаго въ этомъ учебникѣ.

Послѣдовательное изученіе грамматики занимало только часть назначеннаго времени для русскаго языка; другія-же занятія С. В. Ковалевской, соотвѣтствовавшія степени ея развитія, были въ разное время въ теченіи трехъ первыхъ лѣтъ моего преподаванія—слѣдующія:

1) Чтеніе избранныхъ статей съ практическими примѣненіями правилъ языка по мѣрѣ встрѣчаемыхъ случаевъ. Занятія подобнаго рода разнообразились условіями вышеизложенными; въ нихъ возобновлялось все, что въ разное время было усвоено ученицею.

2) Упражненія собственно грамматическія, состоявшія изъ разбора примѣровъ, данныхъ мною или составленныхъ предварительно ученицею, какъ въ отношеніи синтаксическомъ, такъ и этимологическомъ; упражненія съ цѣлью умственно-нравственнаго развитія и заблаговременнаго знакомства съ другими предметами словесности, разборъ внутренней связи между частями сочиненія, разборъ общей мысли или смысла сочиненія и разборъ относительно изящныхъ свойствъ выраженія мысли.

3) Письмо подъ диктовку, которое по истеченіи полутора года было такъ успѣшно, что въ написанной страницѣ оказывалось очень мало ошибокъ, замѣнялось потомъ письменнымъ изложеніемъ прочитанной статьи, съ условіемъ — обратить особенное вниманіе на правописаніе; если-же встрѣчались ошибки противъ орфографіи, то я требовалъ, чтобы ученица сама отыскала ихъ и повторила при этомъ случаѣ то правило, противъ котораго была сдѣлана погрѣшность.

4) Декламация преимущественно басенъ Крылова. Цѣль этого рода занятій была: усовершенствованіе произношеній, соблюденіе естественной интонаціи голоса, согласно мысли автора

и характера дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ на сцену. Кромѣ того, при чтеніи въ первый разъ избранной басни ученица должна была, прежде всего, обратить вниманіе на содержаніе, из котораго, не читая еще нравоученія, помѣщенного въ началѣ или концѣ басни, дѣлала свой собственный выводъ или заключеніе и, сверхъ всего этого, вникала въ указываемые мною идиомы и изучала ихъ.

5) Опытомъ успѣховъ по русскому языку служили сочиненія на разные темы. Для того, чтобы эти занятія соотвѣтствовали вполне сдѣланнымъ успѣхамъ, и больше всего развитію ученицы, я придерживался строго заранѣе обдуманной постепенности въ назначеніи темы для сочиненія....

Всѣ эти занятія съ цѣлью умственнаго развитія 8-лѣтней дѣвочки, а потомъ основательнаго изученія отечественнаго языка, поставили даровитую ученицу на превосходную степень.

По истеченіи трехъ съ половиною лѣтъ моихъ занятій съ С. В. Ковалевскою, наступило время перехода ея къ русской словесности. Прежде, однако-жъ, чѣмъ приступить къ этой послѣдней, я, соблюдая всегда постепенность, сталъ знакомить ученицу въ краткомъ видѣ съ нѣкоторыми родами нашей словесности, а потомъ, приведя ее къ признанію необходимости нѣкоторой системы въ такихъ занятіяхъ, приступилъ къ чтенію „Опыта обзорнія русской словесности“ О. Ѳ. Миллера, такъ какъ сочиненіе это, доведенное только до XV столѣтія, даетъ довольно полное понятіе о нашей словесности съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

Чтеніе „Опыта“ производилось постоянно, по частямъ, такъ что прочитанное мною съ поясненіемъ ученица должна была вносить въ особую для этой цѣли тетрадь, дѣлая экстрактъ изъ того, что было ей преподаано. При чтеніи приводились образцы народной словесности и литературы; читались былины, духовные стихи, говорилось объ устной словесности подъ вліяніемъ духовной литературы, стихи и т. д. Такимъ образомъ, рассмотрѣвъ древніе памятники нашей литературы, мы приблизились къ тому періоду русской словесности, который излагается во многихъ дѣководствахъ отчетливѣе и обширнѣе, чѣмъ древній періодъ.

Словесность. Основаніемъ метода въ преподаваніи русскаго языка служилъ, какъ выше было сказано, выводъ грамматическихъ

законовъ изъ данныхъ примѣровъ; то-же самое положеніе имѣло мѣсто и въ преподаваніи словесности. Я знакомилъ ученицу постепенно съ разными родами и видами, читая предварительно образцы изъ хрестоматіи, къ которымъ присоединялъ, по мѣрѣ надобности, теоретическія, историческія и другія объясненія; потомъ входилъ въ оцѣнку читаннаго произведенія и подкрѣплялъ свое мнѣніе взглядомъ того или другаго ученаго или писателя, помѣщеннымъ нерѣдко въ той-же хрестоматіи, что, въ свою очередь, служило предметомъ чтенія, а часто и разбора.

Къ слѣдующему уроку ученица обязана была составить изъ всего преподааннаго экстрактъ, налегая въ особенности на теоретическія данныя. Этотъ трудъ ея я читалъ вмѣстѣ съ нею, исправлялъ, пополнялъ и требовалъ изустнаго повторенія съ возможными подробностями. Для лучшаго изученія какого-либо рода или вида словесности, я подвергалъ разбору не только образцы, помѣщенные въ хрестоматіи А. Филонова, но и останавливался съ тою-же цѣлью на тѣхъ-же родахъ произведеній, встрѣченныхъ при чтеніи полнаго собранія сочиненій нашихъ авторовъ, и считалъ при этомъ весьма полезнымъ коснуться біографіи писателя съ цѣлью подготовить въ ея сознаніи, мало по малу, матеріалы для исторіи русской литературы.

Преподавая такимъ образомъ, я радовался, что даровитая моя ученица изучила отлично значеніе романа, повѣсти и разсказа; значеніе пьесъ и характеристику ихъ; значеніе духовныхъ стиховъ и художественныхъ пьесъ; характеръ элегіи; оду и происхожденіе ея; сатиру, ея значеніе и происхожденіе; эпиграмму и значеніе ея въ древности. Изложенныя занятія дополнялись по отечественной словесности, сверхъ того, какъ я сказалъ выше, чтеніемъ полнаго собранія сочиненій нашихъ лучшихъ авторовъ съ разборомъ и оцѣнкою того или другаго произведенія и преимущественно тѣхъ твореній, мнѣніе о которыхъ высказано знаменитымъ нашимъ критикомъ В. Г. Бѣлинскимъ, что и составляло дополнительное чтеніе, а съ нимъ основательное знакомство съ русскою литературою.

Сверхъ всѣхъ этихъ занятій, я предлагалъ нерѣдко ученицѣ изложить свой взглядъ и высказать свое мнѣніе въ собственномъ ея сочиненіи о какомъ-либо образцовомъ произведеніи, не только на основаніи критическихъ разборовъ, читанныхъ ею, но и съ

точки своего собственнаго зрѣнія. Такъ какъ это требовало всегда много времени какъ для зрѣлаго обсужденія подготовленныхъ и приведенныхъ въ порядокъ матеріаловъ, такъ и для самаго письма, то чаще всего я довольствовался исполненіемъ данной темы изустно, давая ученицѣ достаточно времени для приготовления требуемаго. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ успѣхъ въ занятіяхъ превосходилъ мое ожиданіе. Основательность сужденій, вѣрность и сила приводимыхъ доказательствъ, порядокъ размѣщенія тѣхъ и другихъ, вѣрное пониманіе, — удивляя меня, убѣждали въ то-же время положительно, что труды мои принесли ей такую пользу, лучше которой ожидать было-бы невозможно. Надо было видѣть блестящіе глаза 15-лѣтней уже дѣвушки, въ которыхъ просвѣчивалъ умъ, устремленные въ какую-то даль и какъ будто прозрѣвающіе оттуда все, что можетъ поддѣрпнуть ея сужденія и вѣрное пониманіе предложеннаго мною вопроса. Удивленный, восхищенный вѣрнымъ, дѣльнымъ и краснорѣчиво высказаннымъ взглядомъ, от котораго не отказался-бы и лучший учитель словесности, возвратившись послѣ занятій въ свою комнату, я думалъ долго не столько о необыкновенныхъ успѣхахъ даровитой ученицы, сколько о дальнѣйшей судьбѣ дѣвушки отличной фамиліи и богатой: что, если-бы свыше ей было назначено идти другимъ путемъ въ жизнь! Что, если-бы судьба лишила ея избыточности въ средствахъ къ жизни и дала-бы лишь средство къ высшему образованію, увы, недоступному для женщинъ въ нашихъ университетахъ! Тогда—тогда, о, я даже былъ увѣренъ въ этомъ,—даровитая ученица моя могла-бы занять высокое мѣсто въ литературномъ мірѣ. Эта мечта моя, казавшаяся въ то давнее время пустою, благодаря Бога, сбылась, и ученица моя, довершивъ свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, взшла на твердую высокую степенъ учености, обратила на себя вниманіе всего ученаго міра, и въ послѣднее время стала на ряду съ первыми двигателями науки, но не по словесности, какъ я мечталъ въ прежнее время¹⁾.

¹⁾ И въ сферѣ словесности, какъ видно изъ „Воспоминаній дѣтства“, помѣщенныхъ С. В. Ковалевскою въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 г., июль и августъ, бывшая ученица І. И. Малевича явила замѣчательное дарованіе; въ воспоминанія, по глубинѣ психическаго анализа, живости и свѣжести красокъ

а по математикѣ, которую она возлюбила больше другихъ предметовъ и которая сдѣлала ее первою женщиною въ мірѣ, достиженіемъ такой высочайшей учености, въ области одного изъ самыхъ трудныхъ человѣческихъ знаній! Въ дополненіе къ занятіямъ моей ученицы по отечественной словесности, я стала преподавать ей исторію русской литературы, давши ей въ руководство литографированныя „Записки исторіи русской литературы“ покойнаго главнаго наставника и наблюдателя по преподаванію русскаго языка и словесности въ в.-уч. зав.—Иринарха Ивановича Введенскаго († около 1856 г. въ Спб.).

Записки эти, при нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ недостаткахъ, имѣютъ однако то преимущество, какъ руководство, что нѣтъ въ нихъ пробѣловъ, иногда значительныхъ въ другихъ курсахъ, и бросаютъ довольно яркій свѣтъ на историческій ходъ отечественной словесности.

Курсъ этого предмета былъ прерванъ въ половинѣ его, когда рѣшено было ѣхать моей ученицѣ, вмѣстѣ съ матушкой и больною старшею сестрою, на зиму, въ южную Швейцарію.

Математика. Въ полемикѣ, возникшей въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ, между приверженцами классическихъ и защитниками реальныхъ гимназій, не безъ основанія было доказано послѣдними, что рациональное преподаваніе математики имѣетъ ту-же образовательную силу, какъ и изученіе древнихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть строго въ результаты успѣшнаго изученія математики, то нельзя не согласиться, что она, какъ наука положительная, развиваетъ быстрое соображеніе, вѣрность взгляда и приучаетъ излагать понятія и сужденія не только кратко, ясно, но и вполне логично; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія она въ полной мѣрѣ способствуетъ развитію въ ученикахъ здраваго сужденія и правильнаго выраженія мыслей. Убѣжденный въ этой истинѣ, я всегда старался положить самое прочное основаніе въ области математическихъ знаній, развивая моихъ учениковъ и ученицъ по методѣ, достоинство которой

очерковъ быта, при блестящемъ изложеніи, займутъ видное мѣсто въ современной русской литературѣ. Воспоминанія С. В. Ковалевской смѣло могутъ стать въ одинъ рядъ съ „Дѣтствомъ“ и „Отрочествомъ“ гр. Л. Н. Толстаго.
Ред.

было дознано опытомъ на всѣхъ прежнихъ моихъ воспитанникахъ, сдѣлавшихъ успѣхи и возлюбившихъ математику больше другихъ научныхъ предметовъ.

Чтобы очертить короче выработанную мною методу для первоначальнаго преподаванія первой математической отрасли—арифметики, я долженъ сказать, что метода эта оказалась вполнѣ почти такою-же, какъ метода А. Грубе. Вся разница состояла въ правильномъ распредѣленіи арифметическихъ задачъ. Метода А. Грубе, которою я дополнилъ прежнее мое преподаваніе, устраняя всѣ приемы механическаго вычисленія, ведетъ ученика съ первыхъ-же уроковъ къ сознательному дѣйствію, основанному на соображеніи и логичности выводовъ.

Я не торопился знакомить ученицу съ первыми арифметическими дѣйствіями, дѣлимостью чиселъ, дробями и т. д., но посвящалъ первое время трудовъ преимущественно на развитіе математическихъ способностей ученицы посредствомъ изустнаго рѣшенія такихъ задачъ, которыя заключали въ себѣ вычисленіе не только надъ цѣлыми числами, но и надъ дробями. Данные состояли въ первое время изъ единичныхъ чиселъ (отъ 1—10 включит.), слѣдовательно, были ей настолько знакомы, что, не зная первыхъ четырехъ правилъ дѣйствія и даже значенія ихъ, она легко могла совладать съ числами и обратить все свое вниманіе на рѣшеніе вопроса посредствомъ комбинаціи и логичнаго вывода. Затѣмъ я переходилъ болѣе и болѣе къ сложнымъ числамъ въ строгой постепенности, преслѣдуя всегда главную цѣль: развитіе соображенія и вѣрность взгляда на данный вопросъ.

Результатъ этихъ трудовъ былъ такъ богатъ, развитіе ученицы шло до того успѣшно, что она, затрудняясь нерѣдко въ вычисленіи надъ числами болѣе сложными, видѣла уже въ одномъ этомъ препятствіи къ быстрому рѣшенію задачи, а потому и просила меня заняться тѣми правилами, безъ которыхъ трудно, а иногда невозможно вѣрное вычисленіе надъ большими числами. Тогда, не оставляя главныхъ занятій, я нашель своевременнымъ приступить къ преподаванію арифметики въ томъ порядкѣ и съ тѣми условіями, съ какими она преподавалась мною въ прежнее время, т. е. ученикъ долженъ былъ усвоить все не иначе, какъ выводами правилъ изъ примѣровъ, съ непремѣнными, при томъ, доказательствами. Но чтобы привить въ ученицѣ постоян-

ное вниманіе ко всему излагаемому за урокомъ, чтобы показать ей на опытѣ значеніе и всю силу преподаванія, безъ котораго всякое затверживаніе изъ руководства вмѣсто пользы принесетъ положительный вредъ, я не давалъ ей въ руки ариѳметической книги до тѣхъ поръ, пока она не изучила основательно первой части ариѳметики. Вслѣдствіе этого ученица смотрѣла на преподаваніе, какъ на главный источникъ знанія, и своимъ постояннымъ вниманіемъ, вопросами, требуя поясненія или повторенія, доказывала ясно, что она въ данномъ ей руководствѣ видитъ только средство къ изученію всего того, что было преподаано ей.

Преподаваніе ариѳметики Софьѣ Васильвнѣ продолжалось не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Къ концу этого времени она такъ превосходно знала всю ариѳметику, такъ отлично рѣшала даже самыя трудныя задачи, нападаая сразу на то скрытое, едва замѣтное данное, по которому раскрывала съ рѣдкою логичностью все рѣшеніе, что я нашелъ далеко не лишнимъ, начиная алгебру, пройти весь курсъ ариѳметики Бурдона (въ 2 томахъ), принятой въ то время въ парижскомъ университетѣ. Курсъ этотъ, заключаая въ себѣ теорію ариѳметики, назначенъ былъ для молодыхъ людей, вступающихъ въ обширную область математики, но онъ такъ подробно и такъ превосходно изложенъ, что я, не колеблясь, сгать проходить его съ даровитою ученицею, которая воспользовавшись имъ съ прежнимъ, всегда превосходнымъ, успѣхомъ, еще съ большею легкостью и съ полнымъ интересомъ изучала алгебру, составленную Бурдономъ, принятую въ то время въ институтѣ путей сообщенія. Быстрое соображеніе ученицы, ясный взглядъ на данныя и легкость въ усвоеніи всего преподаваемаго позволили намъ пройти (по ея просьбѣ) даже гѣ отдѣлы, которые могли-бы служить ей съ пользою только при изученіи высшей математики. Уступая желаніямъ ученицы, я, однако-жъ, упражнялъ ее больше всего въ рѣшеніи алгебраическихъ задачъ съ тѣхъ поръ, когда она, зная хорошо уравненія степеней, перешла къ общему изслѣдованію тѣхъ-же уравненій. Въ половинѣ курса алгебры я приступилъ къ преподаванію геометріи.

Синтетическая метода, принятая мною, какъ соотвѣтствующая въ полной мѣрѣ геометріи, принесла видимую пользу. На 6-мъ году курса, ученица изучила съ тѣмъ-же постояннымъ успѣхомъ

планиметрію и стереометрію. Для полного и прочнаго знанія пройденныхъ отдѣловъ я давалъ постоянно разнообразныя задачи, въ рѣшеніи которыхъ она, при пособіи алгебры, очень мало затруднялась.

Такою-то дорогою шло преподаваніе математики необыкновенно способной, даровитой ученицѣ, но, отдавая самому себѣ отчетъ въ моихъ педагогическихъ трудахъ и замѣчая болѣе и болѣе усиливавшуюся любовь даровитой ученицы къ этому предмету, я не безъ основанія сталъ тревожиться мыслью: не слишкомъ-ли далеко зашли мы по математикѣ и не сдѣлаетъ-ли это ущербъ другимъ, не менѣе необходимымъ, предметамъ общаго образованія.

Чтобы успокоить себя, я, въ бесѣдѣ съ отцемъ ученицы, передалъ ему все, что относилось къ успѣхамъ въ наукахъ его необыкновенно способной дочери, присовокупляя, что такіе быстрые успѣхи и замѣченная мною сильная любовь ученицы къ математикѣ могутъ довести до результата, противоположнаго ожидаемому; что я радуюсь сердечно всему, что могъ сдѣлать для ученицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаю себя въ правѣ продолжать идти такимъ быстрымъ, хотя и вѣрнымъ, шагомъ безъ совѣта и одобренія отца. Отвѣтомъ было пожатіе моей руки и слѣдующія слова, произнесенныя съ чувствомъ: „благодарю, благодарю отъ души за ваши труды съ моею любимою дочерью; а я-такъ не тревожусь, но радуюсь всѣмъ сердцемъ, что Софья такъ сильно полюбила математику, предметъ любимый и отца ея, вѣдь я этого желалъ и, судя по успѣхамъ племянника моего, а вашего ученика Николая, котораго я представлялъ въ морской кадетскій корпусъ, былъ увѣренъ, что вы сдѣлаете еще больше съ моею Софією. Благодарю, благодарю; прошу васъ продолжать полезныя труды съ моею любимою дочерью“.

Я продолжалъ съ прежнимъ успѣхомъ свои занятія, и составилъ планъ преподаванія тригонометріи прямолинейной, а потомъ сферической, когда приблизился къ концу геометріи; но непредвидѣнныя обстоятельства разрушили мои намѣренія.

Болѣзнь старшей сестры моей ученицы заставила, въ началѣ сентября 1866 года, обѣихъ дочерей съ матерью отправиться на зиму въ Швейцарію, въ Монтре.

Хотя въ слѣдующемъ году я и продолжалъ мои занятія съ

С. В. Ковалевскою уже заграницею, но частый переѣздъ изъ одного города въ другой, съ одного мѣста на другое, лишалъ въ теченіи цѣлаго года возможности дѣлать прежніе отличные успѣхи. Въ половинѣ 1867 года, послѣ возвращенія нашего изъ заграницы, наступило время помѣстить въ столичную гимназію младшаго брата моихъ ученицъ, такъ какъ онъ вполне уже былъ приготовленъ мною для поступленія въ 4-й классъ гимназіи ¹⁾. Еще до этого времени ученица моя должна была уѣхать съ старшею сестрою въ Петербургъ, а потому, покончивъ мои учебныя занятія у генерала В. В. Корвинъ-Круковскаго, я принялъ предложеніе невелискаго уѣзднаго предводителя дворянства Евреинова приготовить сына его къ поступленію въ Николаевское кавалерійское училище.

Географія. Одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и любопытныхъ по своему содержанію предметовъ былъ еще недавно во мнѣніи даровитыхъ даже учениковъ скучнымъ и труднымъ, потому, во-первыхъ, что аналитическое преподаваніе его совершенно противоположно духу науки, и во-вторыхъ, что метода сколько-нибудь цѣлесообразнаго изложенія учителя не только не могла быть поддержана принятымъ руководствомъ, но и находилась съ нимъ въ разладѣ. Благодаря, однако-жъ, трудамъ знаменитыхъ педагоговъ Дистервега, Денцеля и въ особенности Риттера, основательное изученіе географіи, занявшей мѣсто между самостоятельными науками, можетъ быть вполне доступнымъ. Метода преподаванія, выработанная этими учеными, совершенно противоположна бывшей до сихъ поръ у насъ въ ходу. Она имѣетъ въ своемъ основаніи не анализъ, а синтезисъ и вполне согласна съ неопровержимымъ положеніемъ Песталоцци: переходить всегда отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ близкихъ окружающаго человѣка предметовъ къ дальнимъ, менѣе или вовсе неизвѣстнымъ. Недостатки въ руководствѣ, вполне соответствующемъ этой методѣ, есть, я полагаю, главная причина непринятія ея въ общественныхъ заведеніяхъ, но въ частномъ преподаваніи она суцій кладъ для учителя, если только онъ, въ виду пользы, которую несомнѣнно можетъ принести, не остано-

¹⁾ Этотъ юноша впоследствии окончилъ курсъ съ званіемъ кандидата по математическому факультету въ с.-петербургскомъ университетѣ.

вится передъ трудомъ репетировать съ учащимися все то, что было имъ преподано и чего или нельзя найти въ руководствѣ, или такъ разбросано въ немъ, что распределеніе матеріала въ условной системѣ не подь силу воспитанникамъ.

Можетъ-ли быть естественнѣе, какъ начинать землевѣдѣніе съ той мѣстности, которая болѣе или менѣе знакома учащимся?

Не цѣлесообразнѣе-ли идти шагъ за шагомъ отъ усвоеннаго, уже извѣстнаго, къ ближайшему, еще не знакомому, и такимъ образомъ расширить кругозоръ ученика до крайнихъ предѣловъ или, лучше сказать, до точки соприкосновенія съ тою мѣстностью, съ которой началось обзорѣніе? Безъ всякихъ предварительныхъ опредѣленій и заучиванія географическихъ терминовъ я начиналъ со многими учениками съ отчизновѣдѣнія, т. е. приступалъ къ обзору той мѣстности, въ которой они живутъ, въ которой все имъ знакомо и при моемъ разсказѣ живо обрисовывается въ воображеніи.

Прежде всего я знакомилъ ученицу со всѣмъ окружающимъ отъ ручейка до большого озера, отъ качества земли въ цвѣтницѣ или саду до разнообразной почвы на пахатныхъ поляхъ; отъ булыжника до драгоценныхъ камней, отъ домашнихъ животныхъ до дикихъ звѣрей, которыхъ встрѣчалось ей иногда видѣть; отъ сельца, въ которомъ она жила, до большихъ селеній, мѣстечекъ и городовъ, однимъ словомъ—я раскрывалъ полную картину всего окружающаго въ вѣрныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ формахъ. Вслѣдъ за этимъ я велъ ее отъ сельца, какъ отъ центра, по дорогамъ въ разныхъ направленіяхъ; ознакомилъ со всѣмъ тѣмъ, что только можно было встрѣтить, но не иначе, какъ чертивши планъ странствованія на бумагѣ или доскѣ и доводилъ такимъ образомъ до уѣзднаго города. Тамъ, рассмотрѣвши все, что только могло заинтересовать пытливый взоръ, мы знакомились съ цѣлымъ городомъ. Черченіе карты становилось болѣе обязательнымъ для ученицы: фізіономія Невельскаго уѣзда, взятая изъ карты большого масштаба, пограничные уѣзды своей, Витебской, и сопредѣльныхъ губерній, замѣчательныя мѣста, нѣкоторыя озера, рѣки, заселенныя земли, лѣса, болота, пустыри или песчаныя мѣста, затѣмъ народонаселеніе городское и сельское, и подраздѣленіе его по вѣрѣ и происхожденію, фабричная и сельская промышленность, степень образованія, нравы, обычаи и т. д., было предметомъ изуче-

нія. Отъ своего уѣзда переходили мы въ другіе, той-же губерніи, изученіе которыхъ, сопровождавшееся непремѣннымъ черченіемъ карты, было уже успѣшнѣе, и мало по малу знакомились со всею губерніею. Потомъ брали ближайшую къ мѣсту жительства губернію и, при такихъ-же условіяхъ (за исключеніемъ отдѣльнаго черченія уѣздовъ), изучали по тѣмъ даннымъ, которыя я до тѣхъ поръ могъ приобрѣсть изъ разныхъ источниковъ. Кончивши одинъ кругъ, коего центромъ была Витебская губернія, мы сдѣлали такимъ-же образомъ другой, потомъ третій, четвертый и т. д. и такими концентрическими кругами изучили всю Европейскую Россію, и изучили въ возможной степени основательно, потому что обзорніе было рационально. Сверхъ того, статистическія данныя, климатическія условія и зависимость отъ нихъ обитателей, нарѣчіе тѣхъ или другихъ жителей, мѣстныя удобства жизни, произведенія земли, зависящія отъ почвы и климата, а вслѣдствіе того ихъ промышленная и торговая дѣятельность, системы рѣкъ и пути сообщенія, однимъ словомъ, все, что только представляетъ намъ наука, было предметомъ изученія и сдѣлалось достояніемъ ученицы.

Вотъ, по возможности, подробный очеркъ синтетической методы въ преподаваніи географіи при естественномъ переходѣ отъ отчизновѣдѣнія къ отечествовѣдѣнію. Само собою разумѣется, что черченіе, какъ необходимое условіе полнаго знанія мѣстности, было непремѣнною принадлежностью каждаго урока.

Въ одно время съ разсказомъ дѣлалось черченіе на доскѣ съ правильнымъ контуромъ губерніи, а потомъ и цѣльнаго государства, съ обозначеніемъ городовъ, озеръ системы рѣвъ главныхъ и побочныхъ, направленіемъ горъ и т. п. Съ успѣхомъ въ черченіи поставлялось въ обязанность наносить на особой бумагѣ, склеенной изъ нѣсколькихъ листовъ, всѣ, по очереди, изученныя губерніи, начиная съ Витебской. При этой работѣ, которая служила доказательствомъ приобрѣтеннаго знанія, ученица старалась удовлетворить всѣмъ условіямъ правильнаго, отчетливаго черченія.

При такой-то методѣ Софья Васильевна, покончивъ Европейскую Россію, изучила Азіатскую, а потомъ пришла къ подобному-же обзорнію государствъ, ближайшихъ къ Россіи и затѣмъ всей Евropy. Отъ этой послѣдней перешли мы къ Азій, потомъ

Африкѣ, наконецъ, къ Америкѣ и Австраліи, не отклоняясь отъ всѣхъ прежнихъ условій. Для лучшаго знакомства съ другими частями свѣта, я посвящалъ небольшую часть урока на чтеніе весьма дѣльныхъ и довольно подробныхъ статей, помѣщенныхъ въ разное время въ нашихъ педагогическихъ журналахъ, или читалъ нѣкоторыя мѣста изъ обширныхъ сочиненій, относящихся болѣею частью къ физическому обозрѣнію разныхъ мѣстъ земнаго шара или государствъ.

Всеобщая исторія. Изъ всѣхъ методъ преподаванія всеобщей исторіи я отдавалъ всегда преимущество, при обозрѣніи событій древняго міра, этнографическому способу, тѣсно соединенному съ синхронистическимъ. Метода эта, сдѣлавшаяся съ давнихъ поръ достояніемъ преподавателей, считается болѣе удобною какъ потому, что другія не совсѣмъ еще разработаны, такъ еще и потому, что руководства наши, безъ которыхъ элементарное преподаваніе немислимо, составлены именно по этой методѣ. Но чтобы основательно изучить древнюю исторію, ученикъ долженъ непременно, по мѣрѣ накопленія хронологическаго матеріала составлять синхронистическія таблицы. Конечно, въ этомъ случаѣ предполагается пособіе со стороны преподавателя: ученику необходимо, по крайней мѣрѣ при первыхъ опытахъ, предложить образцы составленія таблицъ, указать на способъ распредѣленія хронологическаго матеріала, на отдѣленіе необходимаго отъ менѣе важнаго и т. п. Послѣ составленія того или другаго отдѣла, провѣреннаго и исправленнаго преподавателемъ, ученикъ обязанъ усвоить себѣ все, что имъ отмѣчено, такимъ образомъ, чтобы знать не только годъ какого-либо факта, но и рассказать что происходило одновременно въ существовавшихъ тогда государствахъ. Только при такихъ условіяхъ, какъ мнѣ кажется, изученіе исторіи будетъ основательно и можетъ навсегда остаться въ памяти. Въ преподаваніи исторіи я наблюдалъ, чтобы мое повѣствованіе было просто, ясно, понятно и живо. Избѣгая многословія, которое въ изложеніи историческихъ фактовъ можетъ затемнить, а нерѣдко и перепутать ходъ событій, я старался приблизиться къ обыкновенному разсказу или бесѣдѣ, и касался подробностей только въ такомъ случаѣ, когда онѣ становились необходимы для поясненія и рельефнаго изображенія болѣе выдающихся событій.

Въ преподаваніи всеобщей исторіи я видѣлъ не одну только цѣль — знать твердо предметъ въ большей или меньшей рамѣ

обзора, но при всякомъ удобномъ случаѣ я считалъ обязательнымъ для себя извлекать изъ фактовъ то полезное для ученицы, то вѣрное пониманіе жизни разсматриваемаго народа или замѣчательной исторической личности, тѣ поучительные примѣры, обрисовывающіеся рельефно и всегда полезные въ предстоящей жизни новаго поколѣнія, которые, вліяя на умъ и сердце чистаго душою ученика или ученицы, производятъ драгоцѣнные плоды какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, которому они принадлежатъ. Предохранять взглядъ питомцевъ отъ низкаго пониманія жизни и вести въ такое время къ высшимъ интересамъ, указывать на мрачныя картины, съ цѣлью возбудить справедливое отвращеніе отъ всего дурнаго, отъ всего недостойнаго честнаго человѣка и освѣтить, съ другой стороны, идеаль прекраснаго, великаго и достойнаго подражанія,—вотъ нѣкоторыя изъ числа многихъ другихъ условій, строго исполнявшихся мною при преподаваніи исторіи. Соблюдая свято всѣ основы нравственно-религіознаго воспитанія, я дѣйствовалъ на учениковъ при урокахъ исторіи тѣмъ вѣрнѣе и, само собою, благотворнѣе, что указанія мои, безъ всякихъ разглагольствованій, были прямыя, ясныя и неподлежащія никакому сомнѣнію. Такъ понималъ я всегда великое значеніе преподаванія исторіи и всѣми силами старался воздѣйствовать благотворно на умъ бывшей моей ученицы Софьи Васильевны.

Въ предпоследніе два года моего преподаванія я прошелъ съ моею ученицею съ отличнымъ успѣхомъ средневѣковую и новую исторію. Сверхъ яснаго и, по силѣ возможности, полнаго изложенія каждаго урока всеобщей исторіи, я считалъ, какъ и прежде, весьма полезнымъ читать въ оставшееся отъ уроковъ время пространную „Всеобщую Исторію“ К. Ф. Беккера, но читалъ только то, что уже пройдено, слѣдовательно, чтеніе исторіи въ такомъ случаѣ служило и возобновленіемъ въ памяти извѣстныхъ уже фактовъ, и болѣе обширнымъ ихъ пониманіемъ. При этихъ занятіяхъ вносились въ хронологическія замѣтки и такіе факты, на которые или я указывалъ, или ученица сама находила полезнымъ ихъ отмѣтить.

Исторія Россіи. Преподаваніе отечественной исторіи должно быть довершеніемъ тѣхъ непремѣнныхъ и дорогихъ для сердца началъ, которыя, вселяясь въ душу ребенка съ колыбели, усиливаются съ возрастомъ и порождаютъ, наконецъ, святую, неизмѣнную

и горячую любовь къ родинѣ. Въ стремленіи къ этой высокой цѣли преподаватель не довольствуется уже вѣрнымъ изложеніемъ событій: у него другая, высшая цѣль. Онъ указываетъ на событія, какъ на источникъ, изъ котораго воспитанникъ почерпаетъ качества, свойственныя доблестному гражданину; онъ благоговѣетъ передъ великими подвигами сыновъ Россіи и, проникнутый самъ святыми чувствами къ родной землѣ, зажигаетъ мало по малу въ питомцѣ неугасаемый свѣтильникъ высокой любви къ отечеству, любви, готовой всегда жертвовать всѣми своими силами, всѣмъ достояніемъ и самою жизнью. Но для такой великой цѣли необходима извѣстная степень моральной зрѣлости учащагося; необходимо подготовленіе постепенное, обдуманное и далекое отъ преувеличеній и тѣмъ болѣе неправды; здѣсь наблюдается зорко, чтобы наполненный сосудъ до края не переполнить излишнею каплею, и тѣмъ не потерять живительной влаги. Воспитатели и наставники, по мѣрѣ развивающихся способностей питомцевъ, знакомятъ понемногу, или въ разсказахъ, или въ чтеніи, съ великими личностями нашего отечества, съ важнѣйшими событіями и преимущественно съ такими, въ которыхъ живо отражается любовь къ отечеству.....

Нѣтъ страницы, нѣтъ мѣста, взятаго изъ исторіи на выдержку, изъ которыхъ опытный и дальновидный наставникъ не повліялъ бы тѣмъ или другимъ путемъ на свѣжія, воспримчивыя силы своего воспитанника или воспитанницы.....

Преподаваніе русской исторіи моей ученицѣ началось съ обзорѣнія древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ нашего отечества; я читалъ по очереди многія статьи историческаго содержанія, помѣщенныя въ разное время въ повременныхъ изданіяхъ и приведенныя мною въ нѣкоторую систему, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка. Чтеніе это сопровождалось толкованіями, объясненіями и т. п., и продолжалось до тѣхъ поръ, когда систематическое изученіе сдѣлалось уже насущною потребностью.

Если въ трудныхъ научныхъ предметахъ моя ученица дѣлала отличные успѣхи, то въ исторіи Россіи, при своей превосходной памяти и увлекательномъ дарѣ слова, успѣхи ея не оставляли желать ничего лучшаго. Какъ всеобщая исторія, такъ и отечественная дополнялась чтеніемъ статей нашихъ дѣятелей въ области этой науки, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, и затѣмъ, болѣе всего, чтеніемъ значительныхъ отрывковъ изъ „Исторіи

Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина и „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева.

До 1866 года свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ ограничивались популярнымъ изложеніемъ общаго понятія о зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и важнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ въ природѣ. Съ этою цѣлью я читалъ моей ученицѣ многія, избранныя мною, статьи по всѣмъ тремъ царствамъ, дополняя ихъ всѣмъ тѣмъ, что могло болѣе освѣтить и заинтересовать пытливый умъ ученицы; солидное-же изученіе естественныхъ наукъ и въ особенности физики было отложено до послѣднихъ двухъ годовъ моего преподаванія; но предположеніе это было разрушено, какъ я сказалъ выше, поѣздкою за границу, а потомъ въ Петербургъ, по случаю нездоровья старшей сестры моей ученицы.

Многое мнѣ хотѣлось-бы сказать тебѣ еще, дорогой мой другъ Михаилъ Ивановичъ, о моихъ педагогическихъ трудахъ въ 1858—1867 гг., когда въ теченіи почти девяти лѣтъ я далъ общее и, благодаря рѣдкимъ способностямъ моей ученицы Софіи Васильевны, солидное образованіе, открывшее ей дорогу къ достиженію высшихъ знаній и поставившее ее въ ряду свѣтилъ науки, но рѣшительно не въ силахъ писать много ¹⁾, такъ какъ опасаюсь окончательно лишиться зрѣнія: на правомъ глазѣ у меня образовался неизлечимый катарактъ, а лѣвый, вслѣдствіе перекрестныхъ нервовъ до того пострадалъ отъ праваго, что каждый прямолинейный предметъ представляется въ согнутомъ видѣ, а отъ этого печатныя буквы, то искривляясь, то исчезая, то опять появляясь въ точкѣ зрѣнія, насилу позволяютъ разбирать даже крупный шрифтъ: писать-же еще могу, по навыку, наизусть, наблюдая только, чтобы строка не набѣжала на другую.

За всѣмъ тѣмъ, скажу что знаю о трудахъ С. В. Ковалевской для достиженія высшей ученой степени и того положенія въ свѣтѣ, которое занимаетъ эта необыкновенная женщина.

Не лишнимъ, однако-жъ, считаю начать мое повѣствованіе востъ очерка всего того, что можетъ заинтересовать каждаго желающаго имѣть свѣдѣнія о нашей соотечественницѣ, первой, къ славл Россіи, женщинѣ-профессорѣ на кафедрѣ высшей математики.

¹⁾ Уважаемому автору въ 1890 году—семьдесятъ восьмой [78-й] годъ отъ рожденія, онъ родился 7-го января 1813 г. См. наше изданіе „Альбомъ—Знакомые“. Спб. 1888 г., стр. 108.

II.

Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, по документамъ на дворянское происхождение, считаетъ своимъ предкомъ Матвѣя Корвина, короля венгерскаго. Дѣйствительно, развѣтвленіе рода Корвина должно быть значительно, когда въ гербовникѣ мы находимъ: Корвинъ-Круковскихъ, Корвинъ-Красинскихъ и другихъ, происходящихъ отъ Корвина. Кстати сказать здѣсь, что президентъ парижской академіи наукъ, извѣстный астрономъ и физикъ, Жансанъ, при объявленіи премій и наградъ, присужденныхъ академіею за представленныя ей научныя труды, 12 (24) декабря 1888 г., сказалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, слѣдующее:

— „Господа, между вѣнками, которые даемъ мы сегодня, одинъ изъ прекраснѣйшихъ и труднѣйшихъ для достиженія будетъ возложенъ на чело женщины. Г-жа де-Ковалевская получила въ этомъ году большую премію по математическимъ наукамъ. Наши сочлены по отдѣленію геометріи, разсмотрѣвъ мемуаръ, представленный ею на конкурсъ, признали въ трудѣ этомъ не только свидѣтельство глубокаго, широкаго знанія, но и признаки ума великой изобрѣтательности. Г-жа де-Ковалевская—профессоръ въ университетѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ образуетъ изъ слушателей своихъ ученыхъ математиковъ. Она происходитъ отъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина, который былъ не только великій воинъ, но и просвѣщенный покровитель наукъ, литературы и искусствъ. Очевидно, что послѣднее качество наслѣдовала де-Ковалевская отъ своего знаменитаго предка, и мы поздравляемъ ее съ этимъ“.

Итакъ, при высокой научной почести, возданной русской женщинѣ-математику, пріятной для насъ, русскихъ, г. Жансанъ указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на происхождение С. В. Ковалевской отъ Матвѣя Корвина, короля венгерскаго.

С. В. Ковалевская родилась въ Москвѣ. Отецъ ея, генералъ-лейтенантъ артиллеріи, служившій тогда начальникомъ московскаго арсенала, былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, хорошо образованный, любилъ математику, читалъ много, слѣдилъ за успѣхами наукъ и искусствъ и, обладая отличною памятью, выказывалъ недюжинныя способности. Мать Софьи Васильевны,

женщина добрейшей души и отличнаго образованія, была дочерью генерала отъ инфантеріи Федора Федоровича Шуберта, начальника, въ теченіи многихъ лѣтъ, корпуса топографовъ и топографическаго депо, человѣка ученаго и математика, бывшаго въ постоянныхъ научныхъ сношеніяхъ съ членами нашей академіи наукъ и извѣстнаго своими астрономическими статьями, а дѣдъ ея, слѣдовательно прадѣдъ С. В. Ковалевской, былъ въ концѣ прошлаго столѣтія извѣстный у насъ астрономъ, давшій превосходное образованіе своему сыну, впоследствии генералу. Такимъ образомъ, дѣдъ и прадѣдъ были отличные математики, поэтому неудивительно, что она унаслѣдовала отъ отца, дѣда и прадѣда рѣдкія способности въ математикѣ.

При первой встрѣчѣ съ моею даровитою ученицею, въ октябрѣ 1858 года, я видѣлъ въ ней восьмилѣтнюю дѣвочку, довольно крѣпкаго сложенія, милой и привлекательной наружности, въ карихъ глазахъ которой свѣтился воспримчивый умъ и душевная доброта. Въ первыя-же учебныя занятія она обнаружила рѣдкое вниманіе, быстрое усвоеніе преподаваемаго, совершенную, такъ сказать, покладливость, точное исполненіе требуемаго и постоянно хорошее знаніе уроковъ. Развивая ея способности по методу вышеизложенной, я не могъ, однако-жъ, замѣтить при первыхъ урокахъ ариеметики особыхъ способностей къ этому предмету: все шло такъ, какъ съ прежними моими ученицами, и даже я былъ смущенъ по слѣдующему случаю. Однажды, за обѣдомъ, генераль спросилъ свою любимую дочь: „Ну что, Софа, полюбила-ли ты ариеметику?“ — „Нѣтъ, папочка“, былъ ея отвѣтъ. — „Такъ полюбите-же ее и полюбите больше, чѣмъ другіе научные предметы!“ сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ ученица моя, почти на такой-же вопросъ отца, сказала:

„Да, папочка, люблю заниматься ариеметикою, она доставляетъ мнѣ удовольствіе“.

Отецъ улыбнулся и, очевидно, былъ радъ отвѣту своей дочери. Чѣмъ больше ученица моя успѣвала въ начальныхъ наукахъ, тѣмъ больше я приходилъ къ убѣжденію, что съ нею пойду легко и далеко.

Прошли три-четыре года всегда успѣшныхъ занятій безъ всякихъ выдающихся эпизодовъ, но когда дошли мы въ геометріи до отношенія окружности круга къ диаметру, котсрое я преподавалъ со всѣми доказательствами и выводами, ученица моя,

излагая данное при слѣдующемъ урокѣ, въ удивленію моему, пришла совсѣмъ другимъ путемъ и особенными комбинаціями къ тому-же самому выводу. Я потребовалъ повторить и, думая, что она не совсѣмъ поняла мое изложеніе, сказалъ, что хотя выводъ вѣрный, но не слѣдуетъ прибѣгать къ рѣшенію черезчуръ окольнымъ путемъ, а потому потребовалъ изложить такъ, какъ я преподавалъ. Не знаю, была-ли она сконфужена моимъ неожиданнымъ требованіемъ или, быть можетъ, я задѣлъ ея самолюбіе, только она сильно покраснѣла, потупила глаза и заплакала. Я постарался успокоить ее ласковыми словами, ободрить, урезонилъ и, повторивши данное, отложилъ все до слѣдующаго урока. Это были первыя и послѣднія слезы ученицы за урокомъ во все время моего девятилѣтняго ей преподаванія. Въ тотъ-же день я передалъ этотъ случай генералу, и когда пояснилъ все дѣло, то онъ, какъ старый математикъ, похвалилъ изобрѣтательность своей дочери и сказалъ: „Молодецъ Софа! Это не то, что было въ мое время. Бывало радъ-радъ, когда знаешь хоть кое-какъ данный урокъ, а тутъ сама, да еще дѣвочка, нашла себѣ другую дорогу“,—и, очень обрадованный, пожалъ крѣпко мою руку. Какъ-бы то ни было, а нельзя при этомъ случаѣ не сказать съ г. Жансаномъ, что С. В. Ковалевская, даже въ элементарномъ курсѣ, бывши еще 12—13 лѣтъ, обнаруживала признаки ума великой изобрѣтательности.

Въ свободное отъ занятій время, я, какъ и со всѣми моими учениками и ученицами, поступалъ не какъ учитель, а какъ товарищъ: болталъ съ нею о томъ, о другомъ, часто дѣтскимъ наивнымъ образомъ, заставлялъ ученицу увлекаться, и съ удовольствіемъ раздѣлять свой взглядъ или мнѣніе даже о предметахъ, не имѣющихъ особеннаго значенія.

Мнѣ было болѣе 50 лѣтъ, но благодаря моему живому характеру, любя всегда дѣтей, я раздѣлялъ съ ученицею ея дѣтскія забавы, спускалъ при осеннемъ вѣтрѣ огромнаго змѣя, игралъ мячикомъ и т. п. Вспомнивъ игру мячикомъ, расскажу слѣдующее:

Ученицѣ моей могло быть тогда 13—14 лѣтъ, когда сталъ я замѣчать, что она послѣ вечерняго чая, который подавался въ комнатѣ, смежной съ большимъ заломъ, играетъ мячикомъ часъ и болѣе времени. Игра состояла въ томъ, что она, отбивая мячикомъ по полу, шагала съ нимъ вдоль и поперекъ зала. Постоянная эта забава въ осенніе и зимніе вечера навела меня

на мысль, что игра мячикомъ только средство, а цѣль должна быть другая. Послѣ многихъ попытокъ мнѣ удалось вызвать ученицу на откровенность. Она созналась, что хотя игра мячикомъ доставляла ей отличный моціонъ, но это дѣлалось не для моціона; мысли ея уносятся далеко: то научные предметы возбуждаютъ желаніе достигнуть совершенныхъ знаній, то желаніе заглянуть, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, то воображаемыя путешествія по разнымъ мѣстамъ Европы, а потомъ и по разнымъ частямъ свѣта; однимъ словомъ—мысль стремилась въ даль, не къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, которые такъ часто увлекаютъ человѣка въ юности, но къ цѣли осуществимой. Я пользовался откровенностью ученицы и часто предлагалъ ей раздѣлить эти мечты. Предметомъ для нихъ служили сужденія о тѣхъ или другихъ наукахъ и о пути для достиженія лучшихъ свѣдѣній, или, что ей очень нравилось, мы совершали путешествія, начиная съ Палибина и обозрѣвая шагъ за шагомъ все замѣчательное на нашемъ пути. Мы въ нашихъ бесѣдахъ перебивали и во всѣхъ европейскихъ столицахъ; мы обозрѣвали тамъ музеи, библиотеки, посѣщали ученые общества въ ихъ засѣданіяхъ, университетскія лекціи, обозрѣвали по очереди знаменитыя въ свѣтѣ зданія, однимъ словомъ, все, что только я могъ припомнить интереснаго, было предметомъ нашихъ мечтаній, раздѣляемыхъ ею съ большимъ удовольствіемъ. Нынѣ, вспоминая объ этихъ развлеченіяхъ, прихожу къ заключенію, что тѣ или другія мечты далеко были не сооруженіе воздушныхъ замковъ. Наука, и самая серьезная, сдѣлалась конечною цѣлью бывшей моей ученицы; путешествія мы совершали первый разъ вмѣстѣ, а потомъ она въ неоднократныхъ поѣздкахъ своихъ съ сестрою за границу познакомилась со всѣмъ тѣмъ, что прежде составляло одну только мечту.

Необыкновенные успѣхи моей ученицы въ отечественной словесности были поводомъ къ мечтѣ моей о высшемъ ея образованіи, послѣ котораго, благодаря своей талантливости, могла-бы она занять видное мѣсто въ нашей литературѣ.

Весьма рано также проявилось въ ней стремленіе къ стихотворству. Имѣя только пять лѣтъ, она увлекалась поэзіею до такой степени, что сама сочиняла стишки, изъ которыхъ одни, подъ заглавіемъ „Пловецъ“, остались у нея въ памяти. Они начинались такъ: „Бросаюсь въ воду я!..“, а окончивались: „Теряюсь духомъ я... и умираю“. Въ стихахъ этихъ она старалась

выразить ощущение пловца, боровагося съ волнами. Софья Васильевна заплатила дань, присущую юности, восхищенной поэзіею, желающей излить свои чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ испробовать свои силы въ стихотворствѣ. Вскорѣ, однако-жъ, математика взяла верхъ надъ словесностью и стихотворство было оставлено.

Успѣхи дочерей В. В. Корвинъ-Круковскаго въ наукахъ до моего пріѣзда въ Палибино (въ 1858 г.) были въ полной мѣрѣ ничтожны, за исключеніемъ французскаго и англійскаго языковъ, преподаваемыхъ англичанкою-гувернанткою. Успѣхи ученицъ въ этихъ языкахъ были хороши, но литература ихъ, повидимому, была незнакома и самой гувернантѣ, а потому, отказавъ англичанкѣ, позаботились найти гувернантку швейцарку, родомъ изъ невшательскаго кантона, особу, совершенно противоположную въ характерѣ первой ¹⁾, среднихъ лѣтъ, вроткую, тихую и добрую. Съ нею ученица моя ознакомилась вполне, въ теченіи года, съ французскою литературою.

Побывать заграницею было мечтою моею ученицы, и потому генераль, желая доставить удовольствіе любимой своей дочери, согласился на ея поѣздку.

1-го сентября 1866 года жена генерала отправилась съ дочерьми за границу. Въ святки 1866 г. въ Палибинѣ получено было письмо отъ Софьи Васильевны, съ убѣдительною просьбою къ отцу пріѣхать къ нимъ и пригласить непременно меня съ математическими книгами, присовокупляя, что она имѣетъ достаточно времени, чтобы заняться математикою. Черезъ недѣлю генераль спросилъ меня, согласенъ-ли я ѣхать съ нимъ за границу, такъ какъ онъ беретъ и сына, моего ученика. Я согласился, и вотъ мнѣ довелось провести нѣсколько счастливейшихъ мѣсяцевъ въ путешествіи съ моими ученицами и ихъ братомъ, моимъ ученикомъ, въ прелестной Швейцаріи и въ Германіи.

Осуществились мечты, которыя кружили голову моею даровитой ученицы, Софьи Васильевны, еще въ раннемъ возрастѣ, при ея бѣготнѣ и игрѣ въ мячикъ.

Въ Швальбахѣ я началъ свои занятія съ моими милыми ученицею и ученикомъ; сверхъ того, былъ приглашенъ учитель нѣ-

¹⁾ Характеристика первой, именно англичанки, превосходно начертана Е. В. Ковалевскою въ ея „Воспоминаніяхъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1890 г., июль и августъ).

мецкаго языка, которому впервые начала учиться Софья Васильевна.

На возвратномъ нашемъ пути изъ за границы въ Невельскій уѣздъ, въ Вильнѣ я имѣлъ истинное удовольствіе познакомиться съ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, бывшимъ тогда попечителемъ виленскаго учебнаго округа, весьма симпатичнымъ и умнымъ человекомъ; онъ пробылъ цѣлый вечеръ у стараго своего знакомаго Василія Васильевича Корвинъ-Круковскаго, который меня и отрекомендовалъ ему.

Въ дорогѣ къ Палибину зашла рѣчь у меня съ В. В. и Е. Ѳ. Корвинъ-Круковскими о единственномъ ихъ сынѣ, моемъ ученикѣ. Въ виду того, что очень способный мальчикъ былъ вполне приготовленъ для поступленія въ 4-й классъ гимназіи и, принимая во вниманіе, что подъ предлогомъ упражненія въ иностранныхъ языкахъ, онъ постоянно находился въ свободное время у гувернантки или у сестеръ, отъ чего, вмѣсто усвоенія всего, свойственнаго мужчинѣ, на немъ лежитъ сильный, и можетъ быть уже неизгладимый, отпечатокъ женственности, безъ малѣйшаго признака самостоятельнаго характера, я совѣтовалъ помѣстить его непременно въ слѣдующій учебный годъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій.

Добросовѣстный, прямодушный совѣтъ мой, съ указаніемъ на несостоятельность воспитанія мальчика подъ руководствомъ женщинъ, видимо не понравился обоимъ. Генераль заявилъ, что онъ желаетъ еще одинъ годъ продержатъ у себя сына, да и довершеніе образованія младшей дочери требуетъ столько-же времени. Я возразилъ, что относительно ученицы не имѣю ничего сказать, но что касается ученика, то, поступая по совѣсти, какъ честный человекъ, стою твердо на своемъ и ни въ какомъ случаѣ не перемѣню своего мнѣнія.

Категорическое заявленіе мое генералу о необходимости отдать сына его въ гимназію было нѣкоторое время предметомъ семейныхъ совѣщаній, послѣ которыхъ генераль сообщилъ мнѣ о намѣреніи своемъ помѣстить мальчика въ гимназію съ новаго года, такъ какъ надо прежде разузнать, въ какое заведеніе лучше и удобнѣе для нихъ отдать сына. Для этой цѣли жена его съ дочерьми должна на-дняхъ уѣхать въ Петербургъ, а онъ, ожидая положительнаго устройства этого дѣла, остается въ деревнѣ и

просить меня продолжать занятія съ сыномъ его до отъѣзда въ Петербургъ, на что я и согласился.

Съ помѣщеніемъ единственнаго сына въ гимназію вся семья переселилась въ столицу; а потому, съ окончаніемъ занятій моихъ съ ученикомъ, должны были они прекратиться и съ ученицею моею, Софьею Васильевною.

Передъ Крещеніемъ, въ 1868 году, генераль, простившись со мною, уѣхалъ съ сыномъ въ Петербургъ, а я, переговоривши съ невеликимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Николаемъ Ивановичемъ Евреиновымъ, переѣхалъ къ нему.

Скоро узналъ я, что Софья Васильевна брала уроки математики въ Петербургѣ, а потомъ, спустя нѣкоторое время, уроки эти прекратились. Въ каникулы 1868 г. я отдыхалъ отъ занятій у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и, по дорогѣ, заѣхавши въ Палибино, нашелъ тамъ всѣхъ, пріѣхавшихъ на лѣто въ деревню, и познакомился съ Владиміромъ Онуфріевичемъ Ковалевскимъ, искавшимъ руки Софьи Васильевны. Въ половинѣ сентября того же года получено было мною письмо Софьи Васильевны, съ приглашеніемъ меня на ея свадьбу. Я поѣхалъ въ Палибино съ Н. И. Евреиновымъ и дочерью его, а на другой день присутствовалъ при вѣнчаніи въ приходской церкви. Во время роскошнаго обѣда была уже подана варета для новобрачныхъ, которые сейчасъ-же и уѣхали въ Петербургъ.

III.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы своей, въ половинѣ 1869 года, Ковалевскіе поѣхали за границу, согласно плану, давно составленному ими. Цѣль поѣздки Софьи Васильевны была—слушать курсы математики въ тѣхъ университетахъ, двери которыхъ не закрыты для женщинъ. Хотя Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій кончилъ отлично курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, но, любя геологію и слѣдуя примѣру жены своей, пожелалъ слушать лекціи по этому предмету въ разныхъ университетахъ. Послѣ посѣщенія ими Парижа, а потомъ Лондона, гдѣ они познакомились съ нѣкоторыми учеными знаменитостями, Софья Васильевна поѣхала въ Гейдельбергъ и въ теченіи двухъ лѣтъ прилежно посѣщала лекціи по математическому факультету въ тамошнемъ

университетѣ, а мужъ ея отправился въ Іенскій университетъ, откуда, въ каникулярное время, дѣлалъ экскурсіи въ Пиренейскія и другія горы и занимался изслѣдованіемъ всего того, что относится къ геологіи.

Въ сентябрѣ 1872 г. мнѣ довелось повидаться съ Софьею Васильевной въ Палибинѣ, гдѣ она провела все то лѣто. Конечно, послѣ трехъ лѣтъ ея отсутствія было о чемъ поговорить; но при всемъ ею рассказанномъ меня радовало болѣе всего то, что она въ теченіи нѣсколькихъ семестровъ слушала съ большимъ успѣхомъ курсъ математики въ Гейдельбергскомъ университетѣ знаменитаго въ то время профессора въ южной Германіи; но такъ какъ Пруссія послѣ успѣшной войны съ Франціею привлекла въ Берлинъ лучшія ученныя силы Германіи, то Софья Васильевна рѣшилась попытаться получить позволеніе слушать лекціи одного изъ извѣстнѣйшихъ математиковъ въ Берлинѣ. На другой день послѣ нашего свиданія она отправилась въ столицу Пруссіи.

Послѣ моей отставки, по службѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ званіи домашняго наставника-учителя, съ конца 1871 года, я, по приглашенію генерала В. В. Корвинъ-Круковскаго, переѣхалъ жить на повою въ Палибино.

Изъ писемъ, получаемыхъ изрѣдка генераломъ отъ Софьи Васильевны, я зналъ, что хотя Берлинскій университетъ не допускаетъ женщинъ слушать лекціи, но ей удалось познакомиться съ знаменитымъ профессоромъ математики Вейерштрассе. Увлеченный солидными познаніями Софьи Васильевны и желаніемъ довершить полное изученіе математики, профессоръ до такой степени заинтересовался, что, сблизившись съ нею, самъ предложилъ не только всѣ пособія и очень цѣнныя университетскія записки по математикѣ, но, что въ высшей степени обязательно и незамѣнимо, предложилъ приходить къ ней два или три раза въ недѣлю для математическихъ бесѣдъ, которыя, само собою разумѣется, во сто кратъ были полезнѣе, чѣмъ слушать лекціи въ аудиторіяхъ, не имѣя права спросить объясненія или повторенія.

Въ каникулярное время 1873 года Софья Васильевна пріѣзжала на нѣсколько недѣль въ Палибино со своею пріятельницею Лермонтовою, учившеюся въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ химіи, и, отдохнувши, уѣхала опять въ Берлинъ.

Въ началѣ 1874 года, Софья Васильевна, благодаря знаменитому профессору Вейерштрассе, довершила университетскій

курсъ высшей математики и по совѣту того-же профессора написала диссертацию, сколько помнится, о кольцѣ Сатурна, съ цѣлью защищать ее для получения ученой степени въ Гёттингенскомъ университетѣ, который, на основаніи своего устава, признаётъ ученость не только мужчинъ, но и женщинъ.

С. В., трудясь неутомимо, такъ много была занята, что мы не имѣли отъ нея цѣлое полугодіе никакого извѣстія, какъ вдругъ, въ половинѣ августа, возвратилась съ мужемъ въ родительскій домъ послѣ получения ею ученой степени, да мужъ ея защитивъ диссертацию въ Іенскомъ университетѣ, получилъ также ученую степень.

За два мѣсяца раньше возвращенія Софьи Васильевны, пріѣхала въ Палибино старшая ея сестра, Анна Васильевна Жакляръ; съ нею-же пріѣхалъ мой бывшій ученикъ, младшій братъ сестеръ, Федоръ Васильевичъ, уже студентъ Петербургскаго университета по математическому факультету. Мужъ Анны Васильевны остался въ Петербургѣ, такъ какъ онъ слушалъ педагогическіе курсы, безъ которыхъ не могъ получить мѣсто учителя французскаго языка. Такимъ образомъ, бывшіе обитатели Палибина собрались въ немъ снова, чтобы въ родномъ гнѣздѣ отдохнуть отъ большихъ трудовъ и тревожной жизни, которые подъ родительскимъ кровомъ скоро были забыты.

На другой день пріѣзда Софьи Васильевны мы собрались какъ-то въ бывшей моей классной комнатѣ и разсматривали огромную карту всей Россіи, висѣвшую на стѣнѣ, которая была начертана наизусть моею ученицею, когда она изучала отечественную географію. Софья Васильевна удалилась и вскорѣ принесла великолѣпно отдѣланный бархатный футляръ, подаренный знаменитымъ профессоромъ математики для помѣщенія диплома, полученнаго Софьею Васильевною. Мы разсматривали этотъ дипломъ, на латинскомъ языкѣ, по образцу и формѣ дипломовъ средневѣковыхъ временъ. При этомъ случаѣ я получилъ на память отъ Софьи Васильевны совершенную копию съ диплома, напечатанную на большомъ листѣ веленовой бумаги. Читая этотъ документъ, вспомнились мнѣ бывшія мечты о высшемъ образованіи ученицы, и сердечная радость взволновала грудь мою, когда, по волѣ Провидѣнія, мечты мои осуществились.

За десять дней до пріѣзда Ковалевскихъ былъ въ Палибинѣ

любительскій спектакль, составленный изъ лицъ, жившихъ въ сосѣдствѣ.

Спектакль этотъ не совсѣмъ удался, такъ какъ я, въ качествѣ режиссера, ничего не могъ подѣлать съ лицами, выступающими первый разъ на сценѣ съ непобѣдимую застѣнчивостью, теперь-же пришла намъ мысль поставить на сцену какую-нибудь хорошую пьесу безъ участія постороннихъ лицъ. Я отыскивалъ въ репертуарѣ подходящую пьесу, но трудно было найти такую, которая была-бы хороша и интересна и состояла въ то-же время изъ пяти дѣйствующихъ лицъ. Къ общему удовольствію, А. В. Жакляръ нашла, въ числѣ привезенныхъ изъ Петербурга французскихъ книгъ, совершенно подходящую комедію Эдмона Абу, подъ заглавіемъ „Убійца“, въ одномъ большомъ дѣйстви, съ пятью дѣйствующими лицами. Комедія эта, написанная даровитымъ писателемъ, всѣмъ намъ понравилась; она, какъ потомъ читали мы въ газетахъ, давалась на многихъ заграничныхъ театрахъ съ большимъ успѣхомъ и выдержала много представленій. Но чтобы она была доступна для всѣхъ, надо было перевести ее на русскій языкъ, и вотъ, не долго думая, книжку разрѣзали на двѣ части, изъ которыхъ одну взялась перевести м-ше Жакляръ, а другую—братъ ея, Федоръ Васильевичъ. Въ нѣсколько дней прилежной работы комедія была переведена, отдана мнѣ въ корректуру, а потомъ переписана на-бѣло красивымъ и четкимъ почеркомъ генеральши.

На мою долю выпала самая большая роль, именно роль прокурора, но, не смотря на мои тогда 61-нъ годъ, я выучилъ ее въ нѣсколько дней.

Первыя репетиціи были трудны, потому что бывшій ученикъ мой мало зналъ сцену, а Ковалевскій только по общему желанію взялъ незначительную, но всячески трудную для него роль Скоро, однако-жь, при частыхъ репетиціяхъ комедія игралась удовлетворительно.

Представленіе было назначено на 5 сентября, день именинъ генеральши, но А. В. Жакляръ, по какому-то случаю, должна была отправиться почти въ этотъ-же день въ Витебскъ на встрѣчу своего мужа, ѣхавшаго въ Палибино. Маленькое это разстройство помогло какъ нельзя лучше недавно составленному мною плану, который я сообщилъ сейчасъ-же генералу: сдѣлать праздникъ въ честь Софьи Васильвны по случаю полученія ею степени

доктора философіи и назначить этотъ праздникъ на 17 сентября, день ея именинъ; послѣ спектакля открыть балъ, а въ концѣ ужинъ, за которымъ я произнесу прѣдъставленную рѣчь, изложивъ въ ней все, что сдѣлала Софья Васильевна для достиженія высшей степени учености. Генераль очень обрадовался моему плану и далъ мнѣ слово держать въ секретѣ сюрпризъ, который мы задумали сдѣлать для Софьи Васильевны. Съ возвращеніемъ А. В. Жакляръ репетиціи возобновились, и комедія, при твердомъ знаніи ролей, шла превосходно.

17-го сентября, въ 7 часовъ вечера, съѣхались всѣ сосѣди и гости изъ городовъ, а въ восемь часовъ начался спектакль. Комедія была сыграна, къ удовольствію всѣхъ насъ, актеровъ, прекрасно. А. В. Жакляръ въ роли вдовы, какъ опытная и способная къ сценическому искусству, была превосходна; сестра ея, Софья Васильевна, въ роли служанки, жены садовника, не отставала отъ нея, даже садовникъ (В. О. Ковалевскій), въ небольшой своей роли, заставлялъ хохотать зрителей и вызывалъ рукоплесканія.

Послѣ спектакля былъ открытъ генераломъ балъ. Софья Васильевна, увидѣвши меня, пригласила на первую кадрили, увѣряя, что небольшая прогулка по паркету не измучитъ меня. Въ два или три часа по полуночи пригласили ужинать въ большую столовую перваго этажа дома. Я отправился въ столовую раньше и нашелъ генерала, чего никогда не было, распорядившимся сервировкою ужина: онъ построилъ цѣлую батарею изъ бутылокъ шампанскаго на одномъ концѣ стола и иныхъ разныхъ винъ—на другомъ.

Бесѣда за ужиномъ была оживленная, пировали на славу; когда-же стали подавать разнаго рода пирожныя, потомъ десертъ и налиты бокалы шампанскаго, я всталъ со своего мѣста, попросилъ позволенія хозяевъ сказать нѣсколько словъ по случаю праздника, и произнесъ слѣдующую рѣчь, одинъ экземпляръ которой, изъ числа десяти копій, снятыхъ по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, уцѣлѣлъ у меня до сихъ поръ.

— „Милостивые государи и государыни! Мы празднуемъ сегодня день ангела Софьи Васильевны Ковалевской. Каждый изъ насъ приносилъ ей свои пожеланія. Между тѣмъ, по сложившимся обстоятельствамъ, Софья Васильевна намѣрена послѣ-завтра оставить Палибино. Въ виду этого послѣдняго, я считаю своевре-

меннымъ, необходимымъ, справедливымъ и должнымъ предложить вамъ, господа, отпраздновать сегодня торжество женскаго труда, достигшаго лучшихъ результатовъ, труда, увѣнчаннаго высшею ученою степенью.

„Скромность многоуважаемыхъ всѣми почтенныхъ родителей Софьи Васильевны и близкихъ родныхъ ея далека, конечно, отъ мысли высказать ей сегодня при всѣхъ то, чѣмъ преисполнено ихъ сердце; но я, скромный труженикъ на педагогическомъ поприщѣ, первый, приподнявшій завѣсу, отдѣлявшую ее отъ храма науки, позволяю себѣ бросить бѣглый взглядъ на недавнее прошлое, чтобы ярче освѣтить настоящее.

„Женскій вопросъ, поднятый въ прошедшемъ десятилѣтїи, хотя и раздѣлилъ наше общество на два противоположныхъ лагеря, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ сильный толчокъ и направилъ нѣкоторые энергическіе характеры нашихъ женщинъ къ самостоятельному труду и къ достиженію тѣхъ или другихъ результатовъ въ области науки. Россія насчитываетъ уже десятки почтенныхъ труженицъ, полезныхъ своимъ согражданамъ тою или другою спеціальностью. Вникая, однако-жъ, въ результатъ такой дѣятельности, нельзя не замѣтить, что стремленіе это было не совсѣмъ безкорыстно, не совсѣмъ происходило изъ одной только любви къ наукѣ, ради самой науки.

„Но вотъ появилась юная женщина—съ твердою волею и непоколебимою рѣшимостью преслѣдовать цѣль въ высшей степени похвальной, но весьма трудно достигаемую. Она всецѣло посвящаетъ себя одному изъ труднѣйшихъ предметовъ науки и работаетъ неутомимо въ области чистой математики. Вступленіе въ бракъ съ человѣкомъ просвѣщеннымъ и вполне раздѣляющимъ ея взгляды нисколько не препятствуетъ ей стремиться впередъ. Она оставляетъ удовольствія свѣта, она жертвуетъ лучшими годами жизни женщины, она подвергается иногда оцутительнымъ неудобствамъ жизни, не обращаетъ вниманіе на потерю физическихъ силъ, и съ рѣдкою энергіею изучаетъ предметъ свой въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ университетовъ. Но блистательные ея успѣхи, сдѣланные въ Гейдельбергѣ въ теченіи нѣсколькихъ семестровъ, убѣждаютъ ее положительно, что конечная цѣль пытливаго ума не можетъ быть тамъ достигнута. Она переселяется въ центръ германской учености—въ Берлинъ, сбли-

жається съ г. Вейерштрассе, свѣтиломъ науки, однимъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ Европы, удивляетъ его своими познаніями, пользуется его драгоценными бесѣдами, наставленіями и указаніями, и такимъ образомъ, въ теченіи пяти лѣтъ достигаетъ высшей ученой степени, той степени, которая по математическимъ наукамъ дается весьма немногимъ изъ мужчинъ.

„Теперь, конечно, многіе могутъ предложить мнѣ вопросъ, который не разъ уже и предлагали: какая цѣль изучать чистую, а не прикладную математику? Какая польза отъ нея, въ особенности для женщины? На такіе вопросы я отвѣчу категорически. Ньютонъ, Гершель и другія свѣтила ученаго міра, посвящая всю свою жизнь неоцѣнимымъ трудамъ, думали-ли когда-нибудь объ извлеченіи матеріальныхъ выгодъ изъ своей науки, изъ своихъ великихъ открытій?... Нѣтъ, это было-бы недостойно той сферы, въ которой виталь ихъ геній, недостойно науки, которой они были великими жрецами. Они работали безкорыстно, безвозмездно, работали только для одной науки, которая была ихъ альфа и омега (α и ω). Такимъ образомъ работала, надѣюсь и будетъ работать, уважаемая Софья Васильевна... ¹⁾.

„Одинъ изъ извѣстѣйшихъ германскихъ университетовъ, и именно геттингенскій, называемый „Georgia Augusta“, готовый, по своему уставу, признать истинную ученость какъ въ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ, рассмотрѣвъ и строго обсудивъ написанную Софьею Васильевною, а потомъ напечатанную диссертацию, удостоилъ ее единогласно высшею ученою степенью, степенью доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ.

„Со времени основанія этого университета въ 1737 году, королямъ ганноверскимъ Георгомъ II, такую степень, господа, получила только вторая женщина. Первою была дочь историка нашего академика Шлецера, извѣстная ученая Доротея Шлецеръ, въ замужествѣ Роде, вторая — наша согражданка, наша дорогая Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинь-Круковская.

„Привѣтствую васъ, Софья Васильевна, поставленную на высокую пьедесталь градаціи ученыхъ! Привѣтствую васъ и отъ имени небольшого нашего кружка, собравшагося праздновать

¹⁾ Слова эти, сказанныя 16 лѣтъ тому назадъ, нынѣ вполне оправдались.

сегодня день вашего ангела!... Привѣтствую васъ отъ имени отечества, какъ первую русскую женщину, достигшую высшей учебной степени въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ науки.

„Господа, предлагаю тостъ за здоровье первой русской учебной женщины, Софьи Васильевны Ковалевской“.

Дружное, громкое ура раздалось въ залѣ. Всѣ гости съ бокалами въ рукахъ поспѣшили со своими поздравленіями, а я побѣжалъ въ смежную комнату взять приготовленный хорошенькій букетъ, составленный частью изъ разноцвѣтныхъ иммортелей, но не успѣлъ еще подойти съ букетомъ къ Софьѣ Васильевнѣ, какъ она провозгласила:

„Господа, тостъ за здравіе перваго моего учителя!“

Чокаясь съ подошедшими ко мнѣ гостями, я послѣдній подошелъ къ ней съ букетомъ, но неожиданный тостъ этотъ до того меня сконфузилъ и взволновалъ, что, подавая букетъ, я не могъ вымолвить ни одного слова, только пожалъ ей крѣпко руку. Если я сконфузился отъ неожиданнаго провозглашенія тоста, то Софья Васильевна въ началѣ рѣчи моей сконфузилась еще болѣе; она, потушивши глаза, краснѣла, была, повидимому, недовольна, склонялась на грудь матери, сидѣвшей рядомъ и обнявшей ее, но потомъ успокоилась и, видимо, была довольна послѣдними словами моей рѣчи.

Такъ кончился праздникъ, о которомъ въ сосѣдствѣ и двухъ ближайшихъ городахъ нѣкоторое время говорили и толковали не мало.

На другой день Ковалевскіе сдѣлали прощальные визиты сосѣдямъ, а на третій—уѣхали въ Петербургъ.

Остальные мѣсяцы 1874 года и слѣдующій годъ Софья Васильевна работала неутомимо, читая и дѣлая вычисленія по математическимъ статьямъ, вновь появившимся въ журналахъ или отдѣльныхъ книгахъ. Въ 1875 году она, со своею сестрою, приѣхала на лѣтніе мѣсяцы въ Палибино, въ которомъ постигло ее сильное горе, какъ нарочно, въ годовщину прошлогодняго праздника.

По сосѣдству нашему въ каждомъ почти домѣ была имениница 17-го сентября. Условились у однѣхъ завтракать, у другихъ обѣдать, а у третьихъ провести вечеръ. Генераль, по обыкновенію, пошелъ въ этотъ день на прогулку. Проходя черезъ

ферму, онъ увидѣлъ дымъ, выходящій большими клубами изъ риги. Полагая, что внутри загорѣлось, онъ сталъ звать рабочихъ и до того сильно кричалъ, что испугъ, соединенный съ сильнѣйшимъ напряженіемъ голоса, произвелъ, вѣроятно, неизлечимое поврежденіе организма. Когда оказалось, что густой дымъ выходитъ изъ-подъ крыши потому только, что рижникъ, затопивши печь, забылъ открыть трубу, то генераль возвратился домой. Я встрѣтилъ его случайно на балконѣ сильно измѣнившимся въ лицѣ. Онъ жаловался на гнетущую боль съ лѣвой стороны позвоночнаго столба. Лишь только мы вошли въ комнаты, какъ насъ встрѣтили нѣкоторые сосѣди, пріѣхавшіе съ поздравленіями.

Генераль пригласилъ ихъ въ кабинетъ, но черезъ двѣ-три минуты попросилъ ихъ перейти въ гостиную, извиняясь, что чувствуетъ себя весьма нехорошо.

Жена его и дочери въ большой тревогѣ послали сейчасъ-же въ Великіе-Луки за докторомъ; между тѣмъ, больному становилось хуже и хуже. Пріѣхавшій докторъ, приготовляя, послѣ осмотра больного, лекарство, шепнулъ мнѣ, что у генерала параличъ кишекъ, за которымъ послѣдуетъ скоро неминуемая смерть. Ровно черезъ сутки больной уснулъ спокойнымъ, но вѣчнымъ сномъ, 18-го сентября. Печальная годовщина праздника поразила всѣхъ насъ скоротечностью болѣзни генерала. Софья Васильевна до того была убита горемъ, что мы нѣсколько дней сряду боялись оставить ее одну, и по очереди старались ее развлечь и хоть немного успокоить. По телеграфу вызвали изъ Петербурга Федора Васильевича Ковалевскаго и Жакляра и, по пріѣздѣ ихъ, похоронили генерала при большомъ стеченіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, въ могилѣ близъ дома, на которой вдова его построила черезъ годъ хорошенькую часовню. Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ, сдѣлалась прекрасная санная дорога, пользуясь которой, всѣ палибинскіе уѣхали въ Петербургъ.

Въ 1876 г., живя въ Петербургѣ, въ домѣ вдовы генерала Корвинъ-Круковскаго, я не разъ былъ свидѣтелемъ ученыхъ трудовъ Софьи Васильевны, занимавшейся съ любовью своею спеціальностью, и ея мужа, показавшаго мнѣ большую, богатую коллекцію разнородныхъ породъ минераловъ, отысканныхъ имъ на экскурсіяхъ. Кажется, что послѣ моего отъѣзда, Ковалевскій

защитилъ съ большимъ успѣхомъ диссертацию на степень магистра геологіи, и московскій университетъ предложилъ ему занять вакантную кафедрѣ этого предмета. Онъ хотѣлъ было согласиться, но Софья Васильевна, у которой было много родныхъ въ Петербургѣ, не пожелала жить въ Москвѣ и уговорила мужа отказаться отъ предложенной ему должности.

Приближаясь къ окончанію моихъ воспоминаній о дорогой для меня бывшей ученицѣ, Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской, считаю для себя долгомъ сказать нѣсколько словъ о высокоуважаемой мною матери ея, Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ Корвинь-Круковской. Въ 1877 г. она провела лѣто въ Палибинѣ, занимаясь постройкою часовни на могилѣ мужа и дѣлами по имѣнію. Чтобы избавить себя отъ постоянного наблюденія, невозможнаго при жизни въ Петербургѣ, она отдала Палибино, съ тремя другими фольварками, въ арендное содержаніе и уѣхала въ Петербургъ, а я, оставаясь въ деревни, принялъ на себя окончательную постройку и отдѣлку часовни.

Это было послѣднее пребываніе генеральши въ Палибинѣ. Я простился съ нею, не думая, что болѣе не увижу этой достойной женщины, всегда готовой жертвовать всѣмъ не только для блага возлюбленныхъ своихъ дѣтей, но и для удовлетворенія такихъ прихотей, на которыя немногіе родители могли-бы согласиться. Въ повѣствованіи моемъ я говорилъ только вскользь о ней, между тѣмъ, свѣтлая ея личность должна занять лучшее мѣсто въ моихъ „Воспоминаніяхъ“.

Вдова генерала, Елисавета Ѳеодоровна Корвинь-Круковская, съ отличнымъ образованіемъ и нравственно-религіознымъ воспитаніемъ, была женщина преисполненная любви не только къ своимъ дѣтямъ, но и къ человѣчеству.

Она, зная превосходно языки, кромѣ роднаго нѣмецкаго, русскій, французскій и англійскій, изучила сама итальянскій, и читала на этихъ языкахъ все дѣльное и поучительное для каждаго человѣка вообще и для матери семейства въ особенности. Взгляды и принятія ея основы и правила воспитанія и образованія дѣтей были совершенно вѣрны.

Въ февралѣ 1879 г. Е. Ѳ. Корвинь-Круковская внезапно скончалась въ Петербургѣ отъ болѣзни сердца. Тѣло ея погребено подлѣ мужа въ часовнѣ предъ селомъ Палибино, въ живописной рощѣ; вблизи проходитъ почтовая дорога.

.....Послѣднее громадное предпріятіе Владиміра Онуфріевича Ковалевскаго (постройка бань на Васильевскомъ островѣ, съ флигелями при нихъ), на которое было употреблено все его состояніе, жены и часть капитала брата жены Ѳ. В. Корвинъ-Круковскаго, потерпѣло совершенное крушеніе. Въ такомъ положеніи, Ковалевскій принялъ каеэдру геологіи въ московскомъ университетѣ, а Софья Васильевна поѣхала гостить къ брату мужа своего, профессору въ одесскомъ университетѣ. Вскорѣ второй ударъ судьбы поразилъ Софью Васильевну. Смерть мужа, покончившаго съ собою, видимо вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія отъ крайне неудачныхъ дѣлъ, привела ее въ отчаянное положеніе; однако-жъ, эта замѣчательная женщина перенесла съ твердостью оба удара судьбы, хотя и очутилась съ ребенкомъ-дочерью, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но у ней осталось богатство прочное, никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемое, о которомъ она, раздѣляя труды мужа въ его предпріятіяхъ, временно лишь забыла, но которымъ обладая, могла примѣнить къ себѣ слова жившаго въ древнія времена философа Симонида: *mea mesum porto*, дословно: мое со мною ношу.

Повторяю еще разъ сказанное мною: судьба, какъ будто умышленно, панесла одинъ за другимъ два страшныхъ удара на жизнь Софьи Васильевны Ковалевской, чтобы направить ее на иной путь, сохраняя ученому міру дѣятеля, проложившаго недавно своимъ великимъ дарованіемъ ту дорогу, на которой остановились знаменитыя свѣтила математики.

Признанная въ ученомъ мірѣ необыкновеннымъ двигателемъ науки, достигшая всемірной славы своими научными трудами, да подвизается русская женщина-профессоръ, уважаемая Софья Васильевна Ковалевская, на поприщѣ, назначенномъ ей Провидѣніемъ для прогресса науки, пользы человѣчества и славы дорогой нашей родины!

І. И. Малевичъ.

Село Пятницкое,
Торопец. уѣзда, Псков. губ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 гг. ¹⁾.

(Окончаніе).

Калуга, 30-го іюня 1849 г. (1850 ?).

Вотъ что мы рѣшили по своему уму и разуму, любезный Николай Васильевичъ. Толстой ²⁾ написалъ вамъ прилагаемое письмо къ наслѣднику, которому вы можете дать свои выраженія, но à peu-près должно быть такъ. Онъ, соображаясь съ знаніемъ мѣстности, пониманій и времени, совѣтуетъ объемъ какъ можно сократить; даетъ совѣтъ ваше письмо вмѣсто того, чтобы адресовать къ какому-нибудь министру, адресовать къ Олсуфьеву ³⁾. Онъ, т. е. Олсуфьевъ, передастъ ваше письмо великому князю, а самъ прочтетъ съ удовольствіемъ и вниманіемъ ваше письмо, словесно объяснитъ то, что его высочество не можетъ имѣть времени прочесть. Вотъ совѣтъ Толстого; кажется, онъ знаетъ эти всѣ отношенія хорошо. Поспѣшите, потому что изъ Петербурга пишутъ, что великій князь ѣдетъ на Кавказъ. Я вернулась изъ Москвы больная... я устала отъ тре-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LIII, апрѣль, стр. 31—72, іюнь, стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147; изд. 1890 г.; т. LXVI, іюнь, стр. 639—656; т. LXVII, іюль, стр. 195—212, августъ, стр. 279—291; т. LXVIII, ноябрь, стр. 353—364.

²⁾ Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ іюнѣ 1847 г. моя мать поправлялась отъ родовъ, а гр. Ал. К. Толстой пріѣхалъ въ Калугу только въ 1849 г., уѣзжалъ къ дядѣ Перовскому и опять вернулся въ Калугу и прожилъ зиму 1850 г.

³⁾ Графъ Олсуфьевъ былъ при наслѣдникѣ.

О. С.

волненій; вы знаете, что имъ немножко все равно, но меня смущаютъ чужія смущенія. Вообще всякая борьба мнѣ противна, я думаю, по свойственной мнѣ лѣни, но столько-же по убѣжденію, что противъ воли Божіей не пойдешь. Не говорю о борьбѣ съ самимъ собой, но о борьбѣ съ обстоятельствами. Въ Москвѣ я встрѣтила Самарина; онъ пріѣхалъ на 28 дней съ своимъ генераломъ. Графиня Толстая была у меня; Александръ Петровичъ еще не возвратился. Какъ-то все затихло въ Калугѣ—спасибо и за родныхъ. Прощайте, Христось съ вами.

Калуга, 1-го августа 1849 г.

Спасибо за письмо и за „Домострой“¹⁾, вчера обѣихъ получила: у меня Богъ вѣсть что въ желудкѣ, сегодня съ утра ноетъ да и только; я полагаю, что вѣтеръ имѣетъ на это влияніе, потому что вчера ничего не болѣло, спала хорошо, а какъ встала—почувствовала нытье; гадко, что дѣлать! Какъ мнѣ жаль, скажу тоже, старый закадычный, что мы съ вами мало видѣлись, мнѣ какъ-то съ вами ловко, ловчѣе, чѣмъ со всѣми другими; мнѣ кажется, что и вамъ тоже чувствуется. Мои всѣ вамъ кланяются.

....Какъ жаль, что вы такъ мало пишете о Тентетниковѣ; меня они всѣ очень интересуютъ и часто я думаю о Костанжогло и Муразовѣ. Уленьку немного сведите съ идеала и дайте работу женѣ Костанжогло: она уже слишкомъ жалка. А впрочемъ все хорошо. Прощайте,—пріѣзжайте. Христось съ вами!

Калуга, 11-го сентября 1849 г.

Спѣшу съ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо, но едва-ли мое добредеть къ вамъ до 20-го, любезный Николай Васильевичъ. Кажется, вы такъ устроились, что планы ваши едва-ли могутъ осуществиться въ отношеніи къ полученію денежнаго пособія, да и самъ паспортъ придетъ позднеенько. Во всякомъ случаѣ вамъ лучше быть поближе къ западу и послушаться зова Александра Скорлатевича Стурдзы.

Странно, я Стурдзы не знаю, но точно какъ будто мы родные. Мнѣ кажется, что если-бы я встрѣтила его, мы были-бы тотчасъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Я давно уже смотрю на Одессу, какъ

¹⁾ Это письмо служить отвѣтомъ на письмо Гоголя отъ 29-го іюля 1849 г. „Такъ какъ Левъ Ивановичъ (Арнольд) не отыскалъ для васъ „Домострой“, то посылаю вамъ свой экземпляръ“.

на отраднѣйшій островокъ, и единственно отъ того, что живетъ тамъ авторъ драгоцѣнныхъ писемъ объ обязанностяхъ священнаго сана. Во всякомъ случаѣ, осень тамъ лучше провести, чѣмъ въ Васильевкѣ, и когда подѣдетъ паспортъ, то легко придумать, какъ добраться до Аѳона. Пожалуйста, увѣдомьте меня о всѣхъ будущихъ вашихъ перипетіяхъ. У меня-же ничего не имѣется въ виду ни новаго, ни хорошаго; все зависѣть будетъ отъ ревизіи и оборота, который ей дастъ князь Давыдовъ. Кажется, должно-бы идти хорошо, но если намѣрены придратъся, ко всему можно придратъся; губернаторъ уже такъ поставленъ, что долженъ за все отвѣчать. Я устала отъ всѣхъ этихъ непріятностей и пора-бы уже освѣженію прійти; подъ освѣженіемъ разумѣю болѣе отрадныя впечатлѣнія. Но, кажется, этому долго не бывать, по моимъ соображеніямъ

. . . Меня ужасно тянетъ на югъ, а думаю, что это потребность физическая. Вашъ Вяземскій съѣздилъ въ Иерусалимъ; теперь его ждутъ въ Астафьево, его подмосковную. Говорятъ, что это путешествіе его очень успокоило. Вяземскій еще человѣкъ прошлаго столѣтія, и развлеченія, какого-бы они роду ни были, очень могущественны для него. Какія-нибудь иллюзіи были еще у людей прошлаго вѣка, мы не можемъ имѣть никакихъ. Аркадій въ Вильнѣ. Онъ пишетъ, что, по его мнѣнію, тотъ край гнилой и напрасно о немъ хлопочуть. Но польки такого свойства, что гнѣются съ вспышками—и потому рукъ нельзя съ ними опускать; это уже я прибавляю. Ему Бибииковъ предлагалъ быть губернаторомъ, но онъ отказался и говорить, что чувствуетъ, что былъ-бы дрянъ губернаторъ. Въ первый разъ онъ увидѣлъ русскій чиновный людъ вблизи и говорить, что всѣ на одинъ покрой, такъ что если-бы не разныя лица, то можно принять прокурора за предсѣдателя и такъ далѣе. Хорошо, что тамъ можно съ этимъ людомъ не знаться, потому что есть другой людъ въ остаткахъ литовской аристократіи—какъ-бы она гнусна ни была. Да при ген.-губ. чиновный людъ исчезаетъ и совершенно обращается въ машины... Скажу вамъ чудо: К. С. Аксаковъ поѣхалъ съ больными сестрами въ Кіевъ по приказанію Овера; это сообщаетъ мнѣ Иванъ (Аксаковъ) изъ Ярославля. Софья Мих. Сологубъ вернулась изъ Гельсингфорса, все такая-же грустная, но здоровая; я ей писала, но не получила еще отвѣта. Да что и писать въ такомъ положеніи: много надобно времени, чтобы примириться съ такими сиротами. Гдѣ нашъ Жуковский? ровно ничего о немъ не знаю. Императрица уѣхала въ Варшаву 10-го, гдѣ предполагается провести зиму, ради лучшаго климата; государъ уѣхалъ въ Чугуевъ, наслѣдникъ на Кавказъ, молодые великіе князья ѣздятъ по Россіи. Воображаю, какъ милъ Петербургъ! Онъ тѣмъ

только и хорошъ, что тамъ царское семейство, а когда ихъ нѣтъ, скука его еще ощутительнѣе. Все равно, что господская усадьба, въ которой остались одни дворовые.

Пожалуйста, не вините за такое пошлое письмо, въ немъ ничего живаго не слышится, такъ и на душѣ у меня вяло и мертво. Какая дрянь человѣкъ!... Пожалуйста, кончайте второй томъ (Мертвыхъ Душъ), ожиданіе томительно и, наконецъ, дѣлается безнадежно. Христось васъ да укрѣпитъ, а я всегда молюсь, чтобы трудъ окончился, полагая его полезнымъ. Что я ваша отъ души, лишнее и писать.

Калуга, 29-го октября 1849 г.

Письма ваши лежали на почтѣ, любезный Николай Васильевичъ, потому что на адресѣ не сказано было, куда ихъ доставить. Посылаю вамъ ихъ. Ося ¹⁾ вчера прѣѣхалъ и разсказалъ, какъ вы завязли въ знаменитомъ Маломъ-Ярославцѣ; вообразите-же, каково было тогда наполеоновымъ пушкамъ; вѣдь онѣ были фордыбаки, а не такіе шелкопѣры, какъ вы. Я шучу, а у меня голова болитъ и вокругъ насъ вовсе не смѣшно, потому что ждемъ сенатора Давыдова. Аркадій пишетъ намъ: „Ревизіонная штука меня ужасно взбѣсила; поднялась опять эта поганая ершовская исторія; пошли опять толки. Не находя никакой пользы слушать выраженіе всеобщаго удивленія, негодованія и проч., говорю всѣмъ, что все это въ порядкѣ вещей. Развѣ не въ порядкѣ вещей, что клеветникъ, преданный суду, находитъ сильнаго покровителя ²⁾ въ человѣкѣ, который ссылаетъ безъ слѣдствія, ссылаетъ въ Вятку, и оклеветанный, оправданный слѣдствіемъ въ одномъ дѣйствіи, заподозрѣвъ во всѣхъ“. Аркадій большой юмористъ, когда онъ сердится. Мы были должны п—ому нѣмцу барону Оксерпо 50,000 ассигн. Теперь закладываютъ Спасское, чтобы ему заплатить; Аркадій пишетъ, что онъ скажетъ, что Смирновъ взятку взялъ, чтобы ему заплатить. Впрочемъ, одинъ судъ и расправа у насъ—Государь, потому что онъ одинъ безъ лицепріятія. Я пока держусь кое-какъ; стараюсь болѣе быть одна и слушать менѣе говоровъ, читаю и пишу по-гречески. Жаль мнѣ, что вы не могли остаться эту зиму со мною; все-таки нуженъ человѣкъ и живое слово, а вы убѣдились, что у насъ никого нѣтъ. Впрочемъ, Богъ лучше знаетъ, когда

¹⁾ Братъ А. О., Осипъ Осиповичъ Россетъ.

²⁾ Гр. Закревскаго.

и кого пошлеть кому. Однажды, у кельи Серафима, намѣстникъ Троицкій, еще въ молодости, стучался часа два, умоляя его впустить къ себѣ и дать совѣтъ; тотъ немилосердно отказалъ. Антоній бросился домой, и въ горѣ и отчаяніи схватилъ образъ и началъ молиться. Успокоился и заснулъ съ образомъ. Дня черезъ два къ Серафиму пошелъ; тотъ тотчасъ его принялъ и былъ ласковъ съ нимъ. Антоній спросилъ, зачѣмъ онъ его не пустилъ тогда къ себѣ. „Я зналъ, что тебѣ лучше быть одному, что это нужно было тогда“, отвѣтилъ Серафимъ. Пусть-же и я помолчу и помолюсь одна
 Худо, что здоровье Николая Михайловича очень плохо, не знаю, какъ онъ вынесетъ эти всѣ штуки; тѣмъ болѣе, что самъ ужъ никакъ не способенъ на штуки, и всѣ тѣ гадости, которыя не сварятся при ревизіяхъ. Здѣсь-же, какъ нарочно, давали „Ревизора“, но я не была въ театрѣ. Я получила отъ Жуковского второй томъ „Одиссеи“, чего весьма недостойна. Прощайте, поклонитесь отъ меня графу Толстому и графинѣ; Аксаковымъ тоже. Ваша отъ души ¹⁾).

Калуга, 24-го ноября 1849 г.

Нѣкогда праздновали этотъ день съ безпечнымъ увѣреніемъ, что не только Петербургъ—вся Россія, но и весь міръ принималъ участіе въ этомъ великомъ днѣ для Екатерининскаго института. Чтѣ-бы я дала теперь за такое убѣжденіе въ чемъ-бы то ни было! Чтѣ-бы вы сами дали, любезный другъ Николай Васильевичъ, чтобы воскресить въ своей душѣ тѣ убѣжденія, тѣ вѣрованія, которыя еще тому назадъ 20 лѣтъ можно было искренно питать въ себѣ. Что произошло съ 1830-хъ годовъ съ человѣчествомъ? Какъ и почему гражданскіе, политическіе перевороты вдругъ разъяснили бѣдному человѣчеству, что оно не вѣритъ ничему, что нѣтъ печати святыхи ни на чемъ, что оно и хотѣло-бы вѣрить и любить, но уже не способно. Отнялась эта благодать отъ гордаго запада. Осталась-ли она намъ? Да, можно утвердительно сказать, что народъ русскій вѣритъ и любить то, чему вѣритъ. Но народъ русскій и мы, образованный классъ, двѣ разныя вещи. Сколько одинъ хорошъ, столько мы гнусны и проникнуты разными западными элементами Путешествія на западъ, западное воспитаніе, чтеніе мервкой,

¹⁾ Отвѣтъ на это письмо см. VI, 494, начинающееся словами: „Гадостей, какъ видно, около васъ не мало, но какъ-же быть? не будь ихъ, не достигнуть намъ и царствія небеснаго“.

холодной, безнравственной ихъ литературы, сдѣлало изъ насъ какихъ-то правственныхъ метисовъ (métis). Даже лучшіе люди, ищущіе хорошее, полезное и въ немъ и пріятное, и тѣ заблуждаются, идутъ къ добру косвенными путями и доходятъ не до той цѣли, къ которой полагаютъ, что стремятся. Случай привелъ меня въ одно семейство, многочисленное, богатое, гдѣ призрѣли нѣсколькихъ сиротъ племянницъ. Насъ садилось человекъ двадцать за столъ и болѣе, и представьте мое удивленіе: на одномъ концѣ стола царствовалъ Вольтеръ, на другомъ концѣ—англійскіе диссентеры и, что еще хуже, швейцарскіе сектаторы. Эти два разнородныя начала безвѣрія и разрушенія боролись передъ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Настало воскресенье; нѣкоторые члены семейства были у обѣдни, о которой не было и помину. Послѣ завтрака всѣ усялись сложа руки и мать семейства начала вслухъ читать проповѣдь какого-то Monod de Genève (вѣрно, братъ извѣстнаго доктора). Чтеніе продолжалось два часа, всѣ были въ восторгѣ; я одна слушала, повидимому, съ равнодушіемъ, но внутренно съ негодованіемъ; проповѣдь была самая скучная, водяная и вмѣстѣ исполненная разрушительныхъ словъ для насъ, православныхъ. Изображеніе Бога—образа вообще просто называли идолопоклонствомъ, первымъ грѣхомъ противъ заповѣди, и все заключалось какимъ-то намекомъ на апокалипсисъ, гдѣ обѣщано тысячелѣтія. По прочтеніи проповѣди, меня спросили: какъ она мнѣ нравится? Я изъ учтивости хотѣла похвалить, но духу не хватило, и я объявила, что кромѣ русскихъ проповѣдей не люблю никакихъ, даже боюсь читать, не считая себя довольно твердою въ знаніи догматовъ. Мнѣ объявили съ удивленіемъ, что догматы всѣ равны, что и доказываетъ еще какой-то женевскій сектаторъ, а о русскихъ проповѣдяхъ было сказано, что онѣ очень дурны и скучны. Защитника Вольтера и философовъ тутъ, конечно, не было. Всѣ эти люди прекрасные, но могутъ сдѣлать много бѣдъ и не послѣднее горе въ этой разногласицѣ духовной, которая начинается къ намъ проникать. Я имѣла много случаевъ замѣтить, что пропаганда протестантизма очень сильна и едва-ли не вреднѣе, потому что ее менѣе боятся. И пропаганда протестантизма идетъ рука объ руку съ пропагандою политическою. Она подтачиваетъ всѣ начала исподтишка, грызетъ, какъ мышь. Вотъ почему такъ вредно въ домѣ присутствіе иностранцевъ и всѣхъ ихъ менѣе вреденъ англичанинъ, но не диссентеръ. Это странное явленіе навело на мою душу какую-то грусть; и безъ того уже грустно отъ всякихъ дрызгъ, сплетенъ и служебныхъ обстоятельствъ Н. М., а тутъ еще представилась такая странная кри-

тика. Я долго думала; потомъ начала читать путешествіе Шевьева на Бѣло-озеро. Разказы его о церквахъ, монастыряхъ, чудесахъ и святыхъ носятъ на себѣ характеръ неискренности; такъ подогрѣто и разогрѣто воображеніемъ чувство вѣры, что грустно читать. Бѣдный, онъ-бы хотѣлъ писать, какъ писали въ старину, онъ чувствуетъ что-то горячо, чувство было прекрасно, плодотворно, но человѣку нашего времени не дается воскресить старое. Скверное наше время и за рѣдкость тѣ люди, которые могли оторваться отъ общаго соблазна и уединиться. Завидую вамъ, вашему житію въ Одессѣ; достаточно одного Стурдзы, чтобы примириться со многими неудобствами и непріятностями.

Я узнала случайно, что вы были у Трошинскаго и тамъ, вѣрно, вы побывали не даромъ, если только онъ помнитъ дядю своего и сохранилъ его бумаги. Мы все еще *in statu quo*. Тѣ-же сплетни и дразги. Толстой (гр. Алексѣй Константиновичъ) вдругъ уѣхалъ; его вызвалъ Василій Перовскій, который очень боленъ. Греческій языкъ меня очень утѣшаетъ; я кончаю Евангеліе отъ Луки, по моему, самое трудное. Дѣти здоровы, растутъ мало, начинаютъ скучать Калугою, потому что начинаютъ понимать общество. Я себѣ удивляюсь иногда, какъ я не (пропускъ).

Христоръ съ вами. Пишите, что дѣлать будете.

Москва, 18-го января 1851 г.

Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ Николай Васильевичъ; оно пришло нечаянно, какъ будто нарочно подъ Новый годъ. Вотъ еще наверстали мы годъ скорбей на свою голову, потому что рѣшительно кромѣ скорби ничего вокругъ себя не видишь. Скорбѣть о себѣ, о своихъ близкихъ, объ ослѣпленіи общемъ, о болѣзненности душевной и физической, однимъ словомъ, кромѣ скорби ничего не увидишь и ничего не почувешь. Я приѣхала въ Москву по случаю тяжкой и, по словамъ Овера, окончательной болѣзни сестры своей, той, которая такъ недавно была еще полна жизни и силъ. Ей 27 лѣтъ, она совсѣмъ не приготовлена къ такому порядку; малѣйшій намекъ на приготовленіе себя молитвою вселяетъ въ ней ужасъ и дѣлаетъ мрачною на цѣлый день. Такое состояніе души очень тягостно для ея мужа и всѣхъ насъ. А между тѣмъ, я на стезѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ.

Ревизія подходит къ концу, Николай Михайловичъ не хочетъ и не можетъ болѣе оставаться въ Калугѣ, онъ боленъ и замученъ всѣми придирками князя Давыдова — и потому я ѣду впередъ

съ старшими дѣтьми, а когда потеплѣеть, подѣдутъ меньшія; а потомъ что Богъ дастъ. Какъ я рада, что вы бодры и пишете; дай вамъ Богъ окончить трудъ вашъ на пользу многимъ.

У насъ были въ Калугѣ выборы, я увидѣлась съ мещовскимъ судьей Клементьевымъ; онъ всему уѣзду показался такъ горекъ, что его чуть не забаллотировали, однако, онъ удержался на своемъ мѣстѣ. Онъ любитъ свою должность, ею дорожить и говорить, что безъ нея не можетъ жить. Его очень поддерживалъ вашъ знакомецъ Александръ Васильевичъ Оболенскій, у котораго чистая, искренняя, горячая душа. Клементьевъ былъ боленъ нервическимъ разстройствомъ, но ему лучше, онъ очень набоженъ и пишетъ странныя вещи въ религіозномъ отношеніи, не менѣе того очень замѣчательныя. Мнѣ сообщилъ свои мысли о мощахъ, которыя онъ называетъ мощь—сила, храмина, опочивальня духа Божія, намъ дарованнаго. Это цѣлая теорія, и есть связь во всемъ, что онъ говорить и писать. Замѣчательно это одинокое, безотголосное духовное развитіе, совершенно оригинальное, которое не развилось отъ чуждаго вліянія, а вылилось вслѣдствіе страданій и непрестанной молитвы. Что будетъ далѣе съ нимъ, не знаю; но онъ, конечно, очень замѣчательнъ.

Я узнала много интереснаго также о нѣкоемъ Иванѣ Бѣломъ, который живетъ въ мѣловыхъ горахъ въ Острогорскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, объ Иванѣ Ивановѣ, чудесномъ построеніи церкви во имя Пресвятой Богородицы. Всѣ эти явленія утѣшительны и молитвы такихъ отшельниковъ спасительны для насъ. Утѣшительный также нашъ кроткій и мудрый пастырь Филаретъ; вчера я просидѣла у него вечеръ и не могла нарадоваться его рѣчи, всегда простой, тихой и успокоивающей. Онъ мнѣ далъ совѣтъ прибѣгнуть къ соборованію св. елеемъ противъ нервическаго моего разстройства, и я послѣдую его совѣту. Какъ онъ всегда прекрасенъ на службѣ, особенно литургіи, какъ весь въ молитвѣ и въ созерцаніи. Истинно, онъ премудрый пастырь церкви. Особенно я люблю въ немъ искреннюю и разумную любовь къ государю; его лицо просвѣтляется, когда вспоминаетъ послѣдній его пріѣздъ, когда государь изъявилъ желаніе видѣть его у себя, что давно уже не случалось. Что было говорено между двумя высокими лицами, столь важными для нашей церкви, мнѣ неизвѣстно, но, кажется, Филаретъ очень доволенъ и счастливъ.

Сегодня былъ у меня графъ Александръ Петровичъ (Толстой). Графиня въ Нижнемъ. Онъ бодръ и веселъ, читаетъ много, какъ кажется, современнаго. Въ Москвѣ играли драму Константина Сергѣевича

Аксакова; она произвела много толковъ; ей сдѣлали такую обстановку, что она показалась чѣмъ-то похожимъ на протестъ и прогрессъ въ западномъ духѣ; даже многіе кричали, что это коммунизмъ, потому что тутъ народъ на сценѣ. Забыли, что это фактъ, но такъ какъ этотъ фактъ выведенъ на сцену Аксаковымъ, то все и представилось въ видѣ чего-то будто опаснаго.

Напрасно придали важность, потому что драма скучна и самабы шлѣпнулась; ее, однако, запретили. Но это не смутило автора, онъ убѣжденъ, что написалъ русскую драму, потому что на сценѣ Пожарскій смиренный христіанинъ, безстрастный человѣкъ и потому не имѣющій интереса драматическаго въ смыслѣ западномъ. Все, какъ видите, тоже дѣтскость; всякій ѣздитъ верхомъ на своемъ конькѣ и погоняетъ его своими страстишками, своимъ самолюбіемъ или тщеславіемъ. А смиренно идущихъ на пути мало и ихъ умники презираютъ. Я полагаю, что мы столько и столько говоримъ, что когда-нибудь на насъ нападетъ жажда молчанія. Мнѣ кажется, что оправдываются теперь эти слова: „за словеса устенъ твоихъ, азъ сотворихъ тебѣ пути жестоки“, и весь міръ наказуется за свое празднословіе и разглагольствованіе.

Въ Москвѣ теперь театроманія; играютъ въ пользу бѣдныхъ во всѣхъ углахъ, даже въ частныхъ домахъ; у Самариныхъ играютъ въ пользу Сологуба и отца С — на, который почти въ такомъ-же положеніи, какъ его зять; все это называется благодѣяніемъ, т. е. благимъ дѣломъ. Мнѣ кажется, что если-бы понимали вполне слова, то не искажали-бы ихъ значенія на дѣлѣ.

....Мнѣ здѣсь сказали, что будто-бы Владиміръ Сологубъ боленъ и что у него припадки, угрожающіе тѣмъ-же состояніемъ, въ которомъ и его братъ. Бѣдная Софья Михайловна, какой крестъ она несетъ! Впрочемъ, можетъ быть, она вамъ пишетъ. Прощайте, другъ многолюбезный, Христосъ съ вами, пишите въ Питеръ, на Мойку въ мой домъ. Когда-то приведется васъ видѣть? Хочу лѣто провести въ Спасскомъ, въ Бронницкомъ уѣздѣ.

Сельцо Спасское, 7-го іюня 1851 г.

Правда-ли, что васъ ежеминутно ждуть въ Москву? Можетъ быть, вы уже тамъ; мы другъ друга совсѣмъ потеряли изъ виду, только случайно у Дурновой я узнала, что вы бывали у Репниныхъ въ Одессѣ и выѣхали оттуда. Много съ нами было матеріальныхъ перемѣнъ, и хотя конецъ былъ весьма оскорбительный, тяжелый и незаслуженный,—все это лучше и легче, чѣмъ то, что мы терпѣли

послѣдній годъ въ Калугѣ отъ п..... и г..... Давыдова Я уже въ деревнѣ отдыхаю, но бѣдный Николай Михайловичъ отписывается въ сенатъ, и скучаетъ въ Петербургѣ. Лѣтомъ-же отъ Излеровъ-ли, или Конкордіи, не знаю, но дѣла еще медленнѣе идутъ. Напишите ко мнѣ, что вы намѣреваетесь дѣлать лѣтомъ и гдѣ намъ свидѣться, а свидѣться намъ необходимо. Прощайте, Христосъ съ вами. Грудь такъ болитъ, что пишу съ трудомъ; графу Александру Петровичу мой дружескій поклонъ и уваженіе; если графиня тутъ, то и ей также. Аксаковымъ поклонитесь очень дружески. Ваша, какъ всегда и на вѣкъ. Александра Смирнова.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

КОНЕЦЪ.

НА ДУНАѢ И ПОДЪ СИЛИСТРІЕЮ ВЪ 1854 г.

Изъ записокъ бывшаго офицера генеральнаго штаба.

I.

Занятіе княжествъ Валахіи и Молдавіи. — Назначеніе меня начальникомъ главнаго штаба въ Браиловъ.

Въ 1853 году, при первоначальномъ занятіи княжествъ Молдавіи и Валахіи войсками 4-го и частью 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, 3-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ въ губерніяхъ Волинской и Подольской. Состоя дивизионнымъ квартирмейстромъ 8-й пѣхотной дивизіи, и мы съ кантониры своихъ квартиръ, вмѣстѣ съ 9-ю дивизіею, были, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, направлены туда.

Корпусный командиръ генераль-адъютантъ Сакенъ, назначенный къ намъ только три мѣсяца передъ симъ, желая посмотрѣть войска, взялъ меня съ двумя адъютантами съ собою и отправился въ кр. Хотинъ, а впослѣдствіи и въ м. Скуляны, гдѣ на каждомъ мѣстѣ пропустилъ войска мимо себя, и приказомъ по корпусу просилъ поддерживать духъ и дисциплину нашей арміи, какъ равно и при вступленіи въ княжества припомнить, что они вступаютъ въ страну, искони дружественную къ намъ и состоящую подъ высокимъ покровительствомъ нашихъ государей.

Уже съ Хотина я отправленъ былъ имъ въ г. Букарештъ, для сообщенія кн. Горчакову маршрутовъ слѣдованія этихъ дивизій, переданныхъ намъ изъ главнаго штаба дѣйствующей арміи прямо, и спросить, не имѣеть-ли онъ какихъ-нибудь особыхъ приказаній передать. По этимъ маршрутамъ мы слѣдовали форсированнымъ маршемъ (черезъ 4 и 3 дня дневки), но князь Горчаковъ, желая доставить войскамъ облегченіе въ это ненастное осеннее время,

гдѣ въ странѣ не существовало никакихъ шоссе, а дороги представляли бездонныя болота, перемѣнили эти маршруты новыми, такъ что войска должны были слѣдовать обыкновеннымъ маршемъ (черезъ три и два дня дневки) и, сверхъ того, въ праздники Рождества и Новаго года также имѣть дневки. Съ этими новыми маршрутами я ѣхалъ навстрѣчу дивизіи. Его заботливость и попеченіе о благосостояніи вѣранныхъ ему войскъ вездѣ показались: такъ, онъ сообщилъ имъ, что сдѣлано распоряженіе съ гражданскимъ начальствомъ о доставленіи войскамъ на ночлежныхъ пунктахъ дровъ и соломы. А чтобы разлитіе рѣкъ, каковы Рымнень и Бузео, черезъ кои не имѣлось мостиковъ, не представляло-бы значительныхъ преградъ, мнѣ велѣно обратиться къ капитанъ-исправникамъ по дорогѣ, дабы они всевозможными средствами, какъ-то: собраніемъ въ значительномъ числѣ обывательскихъ повозокъ, кои нагружались-бы камнями, а на нихъ положили-бы доски, и такимъ образомъ доставили-бы пѣхотѣ возможность сухо перейти ихъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря и въ началѣ новаго 1854 г. дивизія достигла предназначенныхъ для нея квартиръ въ г. Букарештѣ и въ его окрестностяхъ, и осталась здѣсь до 19-го апрѣля, за исключеніемъ 2-й бригады, которая въ февралѣ придвинута была къ Турну на Дунаѣ, для усиленія тамошняго отряда, но и она присоединилась къ дивизіи при ея выступленіи изъ Букарешта, весной, въ г. Каларашъ.

Во время стоянки здѣсь я получилъ предписаніе начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Коцебу, отправиться въ с. Слободзею, на Яломицѣ, и тамъ расквартировать или, вѣрнѣе, привести въ согласіе спорное дѣло по квартирванію Прагскаго пѣхотнаго и какаго-то уланскаго полковъ, а по окончаніи сего дѣла отправиться въ г. Браиловъ и исполнить секретное порученіе, такъ чтобы ни военные, ни гражданскіе чины не могли проникнуть въ сущность его. Порученіе состояло въ примѣрномъ проектѣ квартирванія въ окрестностяхъ г. Браилова (въ районѣ 90 верстъ) двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, съ ихъ артилеріею, 1 сапернаго и 1 стрѣлковаго баталіона, да 1 артиллерійскаго и 1 понтоннаго парковъ. Чтобы еще болѣе маскировать порученіе, мнѣ велѣно, по окончаніи его, отправиться въ Галацъ, въ штабъ 5-го пѣхотнаго корпуса генерала Лидерса, и передать частное письмо ген. Коцебу къ начальнику штаба ген. Непокойчицкому. Этотъ послѣдній никакъ не могъ постигать, чтобы для передачи частнаго письма могли употреблять офицера генер. штаба и ста-

рался склонить меня къ откровенности. На всѣ вопросы и предположенія его я могъ только опереться на командировку въ с. Слободзею и желанія ген. Коцебу, по недалести Галаца отъ Слободзея, воспользоваться случаемъ доставить ген. Непокойчицеому письмо, содержаніе котораго мнѣ совсѣмъ неизвѣстно.

При исполненіи порученія въ Браиловѣ я воспользовался знакомствомъ съ генер. штаба капитаномъ Михалевичемъ, находившимся у начальника 15-й пѣхотной дивизіи ген. Энгельгардта, и излагая ему желаніе начальника топографическаго отдѣленія главнаго штаба подполковника Эрнота имѣть свѣдѣнія о числительности дворовъ и сараевъ деревень близъ г. Браилова, съ цѣлью соображать, необходимо-ли будетъ послать туда часть топографовъ для нанесенія могущихъ встрѣтиться измѣненій противъ карты 1828 и 1829 годовъ, получилъ я отъ него росписаніе дивизіи по деревнямъ (слѣдовательно и числительность дворовъ и сараевъ), и поэтому ночью могъ дѣлать свой проектъ ¹⁾.

19-го апрѣля 1854 г. 8-я пѣхотная дивизія съ своею артиллерією выступила изъ Букарешта, слѣдовала черезъ д. Мигоешти и с. Слободзею и 22-го апрѣля прибыла въ г. Каларашъ, а 3-го мая выступила въ лагерь на островъ Голый. Во все время стоянія подъ Каларашемъ и на островѣ Голомъ, ежедневно наряжаемы были команды рабочихъ, какъ для устройства дорогъ по островамъ, такъ и для приготовленія необходимыхъ для осады крѣпости Силистріи фашинъ и туровъ.

7-го мая саперы навели послѣдній мостъ черезъ главный рукавъ Дуная, въ пяти верстахъ ниже крѣпости, но турки не могли оказывать значительнаго сопротивленія, такъ какъ генераль Лидерсъ, со стороны Браилова, слѣдовалъ по правому берегу Дуная и гналъ ихъ вездѣ съ позиціи на позицію. Весьма красиво было со стороны острова смотрѣть на это наступленіе нашихъ по другой сторонѣ рѣки, поддержанное огнемъ нашихъ батарей на островѣ. Такимъ образомъ войсками 5-го корпуса (въ томъ числѣ наша 9-я дивизія и часть кавалеріи) было занято пространство по правому берегу рѣки противъ моста, и мы могли безпрепятственно переправиться и занять позицію на другой сторонѣ противъ самой крѣпости, въ двухъ верстахъ отъ оной, войдя въ составъ войскъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса.

¹⁾ Означенный проектъ служилъ впоследствии основаніемъ сосредоточенія войскъ до предстоящей переправы, произведенной главнокомандующимъ княземъ Горчаковымъ раннею весною.

II.

Осада Силистріи.—Генераль Карль Андреевичъ Шильдеръ.—Штурмъ Арабскаго укрѣпленія.—Генераль Сельванъ.—Карль Бельгардъ.—Смерть К. А. Шильдера.—Назначеніе дня штурма и снятіе осады Силистріи.

Въ ночь на 8-е число заложена была первая траншея или вѣрнѣе параллель противъ крѣпости, подъ личнымъ надзоромъ инженеръ-генераль-адъютанта Шильдера. Вмѣстѣ съ тѣмъ возложена на начальника 8-й пѣхотной дивизіи генерала Сельвана обязанность начальника всѣхъ траншейныхъ войскъ, а для производства этихъ осадныхъ работъ также назначены рабочіе первоначально изъ одной нашей дивизіи, но впослѣдствіи, черезъ недѣлю, въ составъ рабочихъ вошли и другія войска, расположенныя въ тылу у главной квартиры. Оказалось также необходимо впослѣдствіи назначать и изъ другихъ частей войскъ для занятія и обороны траншей, потому что эта непрерывная готовность къ бою чрезвычайно утомляла людей. Сначала для охраненія первой параллели вышли только три баталіона, но по мѣрѣ того, какъ подались мы впередъ работами и приблизились къ передовымъ укрѣпленіямъ, вышли 4, 5 и, наконецъ, 7 батал.

Вмѣстѣ съ тѣмъ назначены постоянными начальниками частей траншей, по очереди, на лѣвомъ флангѣ ген.-маіоръ Веселицкій и Юферовъ, а на правомъ—генер.-маіоръ Заливкинъ и полковникъ генер. штаба Герсевановъ. Подъ непосредственнымъ общимъ надзоромъ ген. Шильдера, осадными работами на лѣвомъ флангѣ заведывалъ инженеръ подполковникъ Тотлебенъ, а на правомъ—генераль-маіоръ Бухмейеръ. Сверхъ того, находились инженеры, капитаны Фолькмутъ и Титдебель, кои и принимали дѣятельное участіе въ осадѣ.

Тутъ не излагаю причинъ, почему крѣпость не обложили со всѣхъ сторонъ, ни даже почему сообщеніе ея съ Шумлею, Варною и другими крѣпостями не прекращали, хотъ посредствомъ легкихъ кавалерійскихъ отрядовъ. Что-то подобное, или просто рекогносцировку, кажется, хотѣлъ фельдмаршалъ предпринять 28-го мая. Взявъ съ главнаго лагеря нѣсколько войскъ съ собою, онъ совершилъ движеніе по Шумленской дорогѣ. Наша дивизія, занимавшая траншеи, не участвовала здѣсь, но замѣтили мы, какъ съ цитадели Абдуль-Меджида стрѣляли по отряду его, разумѣется, безъ значительнаго урона. Говорятъ, лошадь фельдмаршала испугалась

при разрывѣ гранаты, и фельдмаршалъ, упавъ съ лошади, ушибся, хотя не опасно.

Генераль К. А. Шильдеръ, человекъ съ обширными познаніями своего дѣла, обладающій значительною опытностью, приобрѣтенною въ предшествующихъ кампаніяхъ, смѣлый въ своихъ проектахъ и съ твердою волею исполнять придуманное имъ, былъ общею душею всѣхъ этихъ осадныхъ работъ. Храбрый до неустрашимости, онъ презиралъ всякую опасность; бесполезно часто подвергаясь ей, онъ, конечно, внушалъ своимъ примѣромъ хладнокровіе и довѣренность у подчиненныхъ, но какъ главный начальникъ и руководитель работъ, не долженъ былъ понапрасну подвергаться рѣшеніямъ судьбы и накликалъ, какъ выражались солдатики наши, на себя несчастіе. Сколько разъ, проходя траншеи и останавливаясь для отдыха гдѣ-нибудь на время, я слышалъ незатѣйливые разговоры ихъ между собою, въ родѣ слѣдующаго: „А старикъ ¹⁾ опять сегодня поутру сѣлъ на брустверъ траншеи, разсматривалъ непріятельскіе окопы и разругался съ турками“ (или, чаще всего, съ некрасовцами). Никогда не забуду перваго моего съ нимъ свиданія. На другой день по открытіи траншеи, ген. Сельванъ говорилъ мнѣ, чтобы въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня провожать его къ генералу Шильдеру, который тогда будетъ находиться на правомъ флангѣ параллели, у самой береговой по Дунаю дороги. Мы выѣхали верхами изъ лагеря, а ген. Сельванъ, по прибытіи на мѣсто, слѣзъ съ лошади, такъ какъ ген. Шильдеръ былъ пѣшкомъ, и я хотѣлъ это дѣлать, но ген. Шильдеръ, которому я тогда представленъ былъ, просилъ меня остаться на конѣ и, обратясь къ генералу Сельвану, просилъ его разрѣшенія немного пользоваться мною для какого-то дѣла, и какъ онъ выразился притомъ: „обстрѣливать меня крѣпостнымъ огнемъ“. Взявъ меня за руку и держась за нее, онъ просилъ меня слѣдовать съ нимъ, и мы отправились по большой дорогѣ, по направленію въ крѣпость, онъ пѣшкомъ, а я верхомъ, въ 300 саженьяхъ впередъ, гдѣ долженъ упереться правый флангъ второй параллели и помѣщена будетъ небольшая батарея. Разумѣется, дорога эта была подъ амфиладнымъ огнемъ съ крѣпостныхъ верковъ, и, дѣйствительно, ядро за ядромъ проѣхало мимо насъ, но, къ счастью, мы остались невредимыми. Всякій разъ, когда ядро просвистало мимо насъ, онъ говорилъ: „Турки не умѣютъ стрѣлять, они меня не убьютъ, я еще разъ буду въ Силистрію“. Достигнувъ желаемаго пункта, онъ отпустилъ меня, прося передать ген. Сель-

¹⁾ Обыкновенное его прозваніе солдатами, вѣроятно, по сѣдинѣ его.

вану, что онъ считаетъ меня достаточно обстрѣленнымъ. На обратномъ пути я, разумѣется, пустилъ лошадь въ карьеръ и хотя еще ядро провожало меня, но также счастливо. Ген. Сельванъ, засмѣясь, сказалъ, что если онъ такимъ образомъ будетъ употреблять меня, то скоро лишится своего квартирмейстра. Впрочемъ, надо сказать, что послѣ этого, такъ сказать, крещенія, ген. Шильдеръ былъ очень внимателенъ и благосклоненъ, когда по дѣламъ службы я являлся къ нему, хотя ген. Сельванъ послѣ этого дѣла избѣгалъ, сколько возможно, посылать меня, а большею частью самъ отправлялся вечеромъ, до открытія ночныхъ работъ, къ нему поговорить о чемъ нужнымъ считалъ.

Другой примѣръ неустрашимости и смѣлости ген. Шильдера. Разъ, увидѣвъ меня въ траншеѣ, просилъ онъ выбрать смѣлаго и ловкаго офицера и человѣкъ 20 или 30 таковыхъ-же рядовыхъ, коимъ прибыть къ 9 часамъ вечера въ инженерное депо. Доложивъ начальнику дивизіи о семъ, онъ назначилъ Полтавскаго полка маіора Э., дозволивъ ему выбрать соответственныхъ рядовыхъ. Въ слѣдующій день я, любопытствуя узнать, чѣмъ кончилась эта ночная попытка, отправился въ палатку маіора Э. Деньщикъ, хотя говорилъ, что только четыре часа какъ вернулся, разбудилъ его. Маіоръ Э. сообщилъ мнѣ, что они съ ген. Шильдеромъ шныряли, (по его собственнымъ словамъ) въ тылу Арабскаго укрѣпленія, что, пользуясь темнотою ночи, они подкрадывались тихонько. Генераль Шильдеръ шелъ впереди, весь согнувшись, приказавъ ему и людямъ сдѣлать также, а потомъ уже на всѣхъ четырехъ. Люди были безъ амуниціи, но съ ружьями, имѣя нѣсколько патроновъ въ карманѣ. Маіоръ Э. говорилъ, что они очутились совсѣмъ въ тылу укрѣпленія и явно слышали разговоры турокъ, хотя и не понимали ихъ. Разъ даже какой-то турокъ часовой кричалъ раза два, вѣроятно, спрашивая кто идетъ. Остановились они, какъ вкопанные, но какъ они совсѣмъ утихли, то могли опять продолжать путь.

Ген. Шильдеръ говорилъ, что „узналъ чего хотѣлъ“.

Между тѣмъ турки ежедневно и преимущественно ночью, открывали пальбу изъ орудій и сдѣлали вылазки; приближаясь къ нашимъ траншеямъ, открыли сильную ружейную пальбу, съ тѣмъ, чтобы, завлекая нашихъ въ таковую пальбу, мѣшать тѣмъ производству ночныхъ работъ. И дѣйствительно, наши, какъ только турки завязали огонь, и они начали отвѣчать, и только послѣ продолжительныхъ повтореній и запрещеній въ этомъ перестали, такъ что черезъ 10 дней усвоили себѣ въ достаточной степени хладнокровіе, чтобы однимъ глухимъ молчаніемъ отвѣчать имъ. Такимъ образомъ, въ первыя

двѣ недѣли мы расходовали до 80 и даже до 100 тысячъ патроновъ въ сутки, а результатъ этого живаго, громкаго огня былъ самый ничтожный, по всей вѣроятности: у насъ вышло изъ строя нѣсколько человекъ. Но когда полки были нѣсколько разъ въ траншеяхъ, они уже нѣкоторымъ образомъ свылились съ порядкомъ и сдѣлались скупыми на свои патроны.

Какъ обязанности по службѣ заставляли меня непрерывно, какъ днемъ, такъ и ночью, быть въ траншеяхъ, какъ-то: при смѣнѣ траншейныхъ войскъ, при проводѣ рабочихъ въ инженерное депо, гдѣ по числительности передалъ ихъ инженерамъ, для снабженія шанцевыми инструментами, то можетъ быть, черезъ нѣкоторое время, имѣлъ видъ усталый, и генералъ Сельванъ, при посѣщеніи траншей начальникомъ главнаго штаба генераломъ Коцебу, доложилъ ему о необходимости назначать въ очередь со мною другаго офицера генеральнаго штаба. Поэтому на 17-е мая назначенъ былъ изъ главнаго штаба причисленный къ генеральному штабу артиллеріи поручикъ Лавровъ¹⁾, а впоследствии и генеральнаго штаба поручикъ Яроцкій.

Приступая къ описанію несчастнаго штурма Арабскаго укрѣпленія, предпринятаго, какъ оказалось по всѣмъ даннымъ, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго намѣренія и плана, я руководствуюсь здѣсь объясненіями, данными на мѣстѣ, участвоваго въ семь бою начальника лѣваго фланга траншей генералъ-маіора Веселицкаго, при посѣщеніи траншей, на другой день поутру, генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ,—объясненіями, которыя я тогда, находясь у генерала Веселицкаго, ясно слышалъ.

Генералъ Веселицкій, перекрестившись, сталъ рассказывать.

„Турки произвели въ эту ночь, по обыкновенію, вылазки, можетъ быть нѣсколько сильнѣе, предшествуемая сильною канонадою съ крѣпости, сначала на одномъ флангѣ, а послѣ на другомъ, и были вездѣ отброшены съ урономъ. Генералъ Сельванъ, находясь случайно въ траншеяхъ, уже считалъ дѣло конченнымъ и велѣлъ войскамъ стать на прежнія мѣста, когда вдругъ прибыли на лѣвый флангъ находившіеся въ главной квартирѣ гвардіи артиллеріи полковникъ Костанда и флигель-адъютантъ графъ Орловъ. Они, какъ объяснили, были посланы для разузнанія результатовъ канонады и схватки и, имѣя при себѣ баталіонъ Замосцкаго Егерскаго полка²⁾, выразили мнѣніе, что теперь весьма выгодно было-бы

¹⁾ Убитый впоследствии какъ траншей-маіоръ въ Севастополѣ.

²⁾ По диспозиціи, всегда одинъ баталіонъ въ полной готовности назначался изъ главнаго лагеря войскъ, для лучшаго обезпеченія лѣваго фланга траншей.

воспользоваться неудачею турокъ и по пятамъ ихъ ворваться въ укрѣпленіе Арабское. На это генераль Сельванъ возразилъ, что онъ не уполномоченъ атаковать открытою силою укрѣпленіе, но что онъ на это соглашается, ежели большинство голосовъ имъ наскоро устроеннаго военнаго совѣта будетъ такового мнѣнія; а какъ большинство оказалось за штурмъ, то Сельванъ просилъ меня построить здѣсь находившіяся войска (2 бат. Алексопольскаго, баталіонъ Полтавскаго и баталіонъ Замосцкаго полковъ), и мы пошли впередъ, пустились въ ровъ, но не могли взобраться на брустверь, такъ какъ бермы не существовало, а эскарпъ, какъ и брустверь, составленные изъ глинисто-известковаго грунта, сдѣлались отъ продолжительныхъ жаровъ столь твердыми, что воткнуть въ нихъ штыки нельзя было, и слѣдовательно невозможно было найти какую-нибудь точку опоры для того, чтобы взобраться на брустверь. Тутъ, на находившихся во рву, турки стрѣляли внизъ изъ-за бруствера, бросали разнаго рода тяжелые снаряды, камни и ручныя гранаты. Старались молодцы солдаты наши влѣзть другъ другу на плечи, съ тѣмъ, чтобы подняться на брустверь, но были опрокидываемы турками. Въ этой общей свалкѣ и рѣзвѣ вдругъ услышалъ я сигналъ: „Къ отступленію.“ Спрашиваю и кричу: „кто подалъ его?“ но, не получивъ отвѣта, спрашиваю, гдѣ генераль Сельванъ; и на это не послѣдовалъ отвѣтъ. Полагая, что генераль Сельванъ убитъ и, признавая себя за старшаго по немъ, а главное, видя безуспѣшность дѣла, я велѣлъ горнисту, при мнѣ находившемуся, повторить этотъ-же сигналъ. Имѣя только одну руку, я не могъ-бы взобраться на контръ-эскарпъ изъ рва, безъ посторонней помощи, но тутъ юнкеръ Алексопольскаго полка помогъ мнѣ.

Фельдмаршалъ Паскевичъ выразилъ глубокое сожалѣніе о случившемся, а главное объ опрометчивости генерала Сельвана, которому трудно было-бы избѣгнуть суда, ежели-бъ остался живымъ.

Желая себѣ разъяснить поступокъ и рѣшимость генер. Сельвана, я, съ своей стороны, собралъ справки гдѣ могъ, а главное у его адъютантовъ: капитановъ Менжинскаго (старшаго) и Ковалевскаго (личнаго), особо имъ любимаго, какъ равно и отъ его ординарца поручика Труссона. Оказалось, что Сельванъ, отивъ чай вечеромъ и зная, что я легъ отдыхать пораньше, вслѣдствіе нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, и что тутъ въ траншеяхъ находится другой офицеръ генеральнаго штаба поручикъ Лавровъ, сказалъ имъ, что онъ отправится къ генералу Шильдеру поговорить о чемъ-то, и такъ какъ намѣренъ скоро возвратиться то не беретъ съ собою никого изъ нихъ, даже ординарца.

Далѣе оказалось, что не найдя Шильдера дома, Сельванъ отправился его искать по траншеямъ. Между тѣмъ, турки сдѣлали вылазку; Сельванъ, конечно, остался въ траншеяхъ.

Поручикъ Лавровъ, бывший при этомъ генералъ, рассказывалъ довольно сходно съ генераломъ Веселицкимъ; на вопросъ-же мой, не упомянулъ-ли кто-нибудь о томъ, что тутъ не имѣется штурмовыхъ лѣстницъ, Лавровъ признался, что совершенно въ суматохѣ забылъ про нихъ. По этому я увѣренъ, что если-бы кто-нибудь своевременно заикнулся о штурмовыхъ лѣстницахъ,—то Сельванъ призадумался-бы вести отрядъ на штурмъ. Генералъ Веселицкій, съ своей стороны, не зналъ о существованіи этихъ лѣстницъ, такъ какъ недавно передъ тѣмъ прибылъ и не былъ въ Букарештѣ, гдѣ люди упражнялись съ ними.

Впослѣдствіи, на вопросъ у меня военно-судной комиссіи по сему предмету о томъ: неизвѣстно-ли мнѣ, не имѣлъ-ли какого-нибудь заранѣе рѣшенія и намѣренія генералъ Сельванъ? я, разумѣется, не могъ иначе отвѣчать, какъ то, что узналъ у адъютантовъ этого генерала. Между тѣмъ, по всему видно, кажется, что покойный Сельванъ, при всей вообще своей осторожности и благоразуміи, увлекся перспективою завладѣть внезапно укрѣпленіемъ и, можетъ быть, не желая пережить свою неудачу, не отрывалъ близъ находившимся, что раненъ, такъ какъ рассказываютъ, что онъ лишь разъ какъ-то закричалъ и застоналъ, но тѣмъ все кончилось въ свалкѣ и въ темнотѣ.

Въ слѣдующій день турки, въ числѣ прочихъ труповъ, передали намъ для погребенія и трупъ генерала Сельвана, но уже обезглавленный. Пріятно, по крайней мѣрѣ, было видѣть общую скорбь, выразившуюся между офицерами и нижними чинами о потерѣ любимаго начальника. Командиръ Алексопольскаго полка полк. фонъ-Буссау, объявляя полку о смерти Сельвана, плакалъ какъ дитя.

Генералъ-лейтенантъ Карлъ Бельгардъ назначенъ временно командовать дивизіею и вмѣстѣ съ тѣмъ быть также начальникомъ траншейныхъ войскъ, такъ какъ онъ уже прежде былъ представленъ въ начальники 6 пѣх. дивизіи, но фельдмаршалъ нашелъ необходимымъ временно передать ему командованіе нашею дивизіею, по важности положенія дивизіи въ настоящее время.

Вступивъ въ командованіе дивизіею въ тотъ-же день, онъ немедленно перенесъ свою палатку непосредственно за 2-ю параллелью, не только подъ артиллерійскими, но и подъ ружейными выстрѣлами съ Арабскаго укрѣпленія, куда и велѣлъ перевести и мою, и своихъ личныхъ адъютантовъ и ординарцевъ (старшаго

адъютанта съ писарями оставилъ на прежнихъ мѣстахъ); но когда стали мы обѣдать въ палаткѣ-столовой и ружейныя пули, пробивая палатку, слишкомъ уже стали просвистывать, то велѣлъ саперамъ приготовить для себя и насъ блиндированныя землянки, въ коихъ мы и пребывали до снятія осады.

Увидя, что все еще нѣкоторыя траншейныя войска (преимущественно изъ чужихъ дивизій) понапрасну ночью, подражая туркамъ, открывали ружейную пальбу, онъ велѣлъ мнѣ повторить опять приказъ по войскамъ, а самъ первыя ночи съ адъютантомъ или съ ординарцемъ обходилъ траншеи и, балагуря съ солдатами, говорилъ, „что лучше и молодцоватѣе будетъ принять непріятеля на штыкъ и посмотрѣть, какъ онъ тамъ вертится“. И дѣйствительно, онъ совсѣмъ прекратилъ эту ненужную пальбу, и турки видя, что это на нашихъ не производитъ дѣйствія, также прекратили ее.

Ночью на 22-е мая инженеры, въ числѣ прочихъ работъ, возвели на половину небольшой редутъ на лѣвомъ флангѣ 2-й параллели, для лучшаго обезпеченія сего фланга, но турки, увидя утромъ эту постройку и рассчитывая, что, по всей вѣроятности, редутъ будетъ вооруженъ артиллеріею (успѣли поставить только одно орудіе, а самая профиль редута была только на половину воздѣлана, а полагалось въ слѣдующую ночь довести его до полной профили), рѣшились вечеромъ вылазкою помѣшать дальнѣйшей постройкѣ и ее скрыть. Посему они въ 6¹/₂ часовъ открыли сильный артиллерійскій огонь изъ Абдуль-Меджида и Арабскаго укрѣпленій, а вслѣдъ затѣмъ двинули 12 колоннъ со значками (вѣроятно, ротъ), а когда колонны заслоняли собою пальбу, то она прекращалась и турки при крикѣ: Аллахъ! бросились впередъ на укрѣпленіе. Здѣсь и въ ближайшихъ траншеяхъ находились только двѣ роты, которыя и встрѣтили ихъ огнемъ и далѣе штыками, но должны были уступить превосходству силъ.

Генераль Бельгардъ находился тогда, къ счастію, въ траншеяхъ и поспѣшилъ туда, но замѣтя, что турки въ значительныхъ силахъ, и не дойдя еще лѣваго фланга, послалъ своего ординарца Труссона ко мнѣ, находившемуся тогда съ командами рабочихъ (въ числѣ двухъ баталіоновъ Елецкаго полка) у инженернаго депо. для передачи ихъ подполковнику Тотлебену, и велѣлъ мнѣ взять два баталіона изъ лагеря и поспѣшить на выручку редута.

Соображая, что исполняя точно приказаніе, то есть взять баталіонъ изъ лагеря, придется мнѣ, по меньшей мѣрѣ, потерять лишнее полчаса времени на ходьбу въ лагерь и поднятіе баталіоновъ, я обра-

тился къ подполковнику Тотлебену, который уже началъ раздавать людямъ шанцевый инструментъ, удивляясь сильной ружейной польбѣ въ это время дня, представляя ему приказаніе Бельгарда о поспѣшной помощи, почему я просилъ взять назначенные для работъ баталіоны. На это сначала онъ не хотѣлъ было согласиться, такъ какъ другихъ рабочихъ, на эту ночь, трудно было успѣть достать, но когда я ему представилъ, что редутъ, можетъ быть, будетъ взять неприятелемъ, а ежели удастся отстоять его, то часть людей этихъ самыхъ баталіоновъ можно будетъ употреблять на работы, стояло только одну часть послать обратно въ депо, для полученія шанцеваго инструмента. Тутъ подполковникъ Тотлебенъ согласился и мы, построивъ одинъ баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ, а другой имѣя въ резервѣ, пустились съ ельцами бѣгомъ, вверхъ по горѣ влѣво. Я просилъ маіора Геннинга, командира баталіона, въ ротныхъ колонахъ находившагося, доказать, что у ельцовъ есть длинныя ноги (такъ какъ люди 1-го полка въ дивизіяхъ составлялись обыкновенно изъ великорослыхъ людей), и они въ нѣсколько минутъ оказались на верху горы. Бывъ самъ небольшого роста, я отсталъ, но все-таки слѣдовалъ между баталіонами. Сначала мы были довольно скрыты отъ неприятельскихъ выступовъ съ укрѣпленій, но когда поднялись на площадку возвышенія, гдѣ редутъ былъ построенъ, то насъ встрѣтили сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ укрѣпленій, но, къ счастью, разстояніе до редута было незначительно и впереди находившійся баталіонъ уже бросился въ штыки въ укрѣпленіе, гдѣ еще продолжался рукопашный бой съ нашими, и въ десять минутъ очистили редутъ отъ турокъ.

Генераль Бельгардъ съ генераломъ Веселицкимъ находились въ траншеяхъ лѣваго фланга, откуда замѣтили и видѣли наше приближеніе. Первый въ одной рубашкѣ, снявши шинель, громко поздоровался съ ельцами и поблагодарилъ ихъ за молодецкое дѣло. Доложивъ Бельгарду, что эти баталіоны были изъ числа назначенныхъ на работу, но взятыхъ мною съ разрѣшенія подполковника Тотлебена, я еще прибавилъ, что поступилъ при этомъ, нѣкоторымъ образомъ, противъ приказаній при проводѣ войскъ въ траншеи, а именно, не ввелъ ихъ по траншеямъ, а просто по полю, для выигрыша времени. На это Бельгардъ подалъ мнѣ руку и поблагодарилъ за исполненіе его приказаній, а въ четвертый день послѣ дѣла я уже имѣлъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ. Тутъ-же онъ велѣлъ сдѣлать представленіе о наградахъ отличившимся.

Дня два послѣ сего дѣла, я увидѣлъ генерала К. А. Шильдера въ траншеяхъ. „Ну, славно отомстили за смерть вашего генерала“,

сказалъ мнѣ Карлъ Андреевичъ. Въ главной квартирѣ, куда я въ первый разъ по прибытіи подь Силистрію явился, товарищи искренно поздравляли меня, хотя я старался имъ объяснить, что тутъ (можетъ быть и нехотя) виновенъ столько-же подполковникъ Тотлебенъ, который разрѣшилъ мнѣ взять его рабочихъ.

Между тѣмъ, инженеры дѣятельно продолжали работы и водступали ближе и ближе къ предназначеннымъ для атакъ укрѣпленіямъ—Арабскаго, Песчанаго и Змѣйнаго. Но, вдругъ, 1-го іюня, мы лишились главнаго руководителя осадныхъ работъ генералъ-адъютанта Шильдера, который съ замѣчательною отвагою и презрѣніемъ смерти продолжалъ себя выставлять врагу; онъ былъ смертельно раненъ¹⁾. Прибывъ нѣкоторое время спустя на мѣсто, я слышалъ отъ солдатъ Прагскаго полка: „старикъ опять хотѣлъ храбриться, да видно дни его были сочтены“.

И тутъ, мнѣ казалось, инженеры какъ-то усиленно судорожно взялись за работы, можетъ быть также желая отомстить за смерть начальника; устроили на самомъ гласисѣ, противъ Арабскаго укрѣпленія, возвышенные кавальеры, съ которыхъ наши стрѣлки и штурперные, обнимая взоромъ всю внутренность укрѣпленія, своими выстрѣлами поражали артиллеристовъ и прочихъ защитниковъ укрѣпленія, такъ что турки должны были устроить траверсы, но не умѣя этого дѣлать или по превосходному устройству нашихъ кавальеровъ ломанными линіями, явно уже перестали упорно защищаться, а теряя непрерывно своихъ артиллеристовъ и поражаемые отвѣсными выстрѣлами изъ небольшого числа маленькихъ мортиръ, уже два-три дня не отвѣчали ни однимъ артиллерійскимъ выстрѣломъ. То-же самое было и съ другими осажденными укрѣпленіями—Песчанымъ и Змѣинымъ.

По этимъ причинамъ главнокомандующій князь Горчаковъ, по отбытіи генералъ-фельдмаршала, рѣшилъ штурмовать эти укрѣпленія съ разсвѣтомъ 12-го іюня 1854 года.

Уже назначенныя для этого войска, кажется 8 полковъ, кромѣ нашей дивизіи, были собраны съ вечера по наступленіи темноты, по указанію генеральнаго штаба полковника Веймарна, за траншеями и между ними. Вдругъ ночью прибылъ курьеръ съ приказаніями отъ фельдмаршала Паскевича: снять осаду и очистить княжество.

¹⁾ Осколокъ гранаты, разорвавшейся въ траншеи, раздробилъ ему ступню правой ноги. Одиннадцатъ дней спустя (11-го іюня 1854 г.), храбрый генералъ К. А. Шильдеръ скончался въ Каларашѣ, въ виду Силистріи.

Итакъ, пяти-недѣльная осада Силистріи, предпринятая противъ трехъ отдѣльныхъ укрѣпленій: Арабскаго, Песчаного и Змѣйнаго, хотя не привела къ полному завладѣнію ими, но успѣла все-таки въ это короткое время привести ихъ въ крайне слабое и беззащитное положеніе, — но все-таки, кажется, приучила нашихъ инженеровъ къ болѣе точному опредѣленію, въ данное время, возможности закладыванія земляныхъ работъ и вообще къ примѣненію на практикѣ теоретическихъ правилъ; войска-же также приучились къ траншейнымъ работамъ, къ службѣ въ нихъ и ихъ защитѣ. Впослѣдствіи генераль Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что осада Силистріи была для него хорошею школою, въ которой онъ видѣлъ, какія смѣлыя предначертанія указывалъ генераль К. А. Шильдеръ и какъ они блистательно выполнялись.

Еще одно обстоятельство, которое не надо упускать изъ виду: большая часть батарей въ траншеяхъ были, значительною частью, вооружены одною полевой артиллеріею, осадною-же вооружены находившіяся только близъ береговъ Дуная и на островахъ. Вѣроятно, фельдмаршалъ Паскевичъ видѣлъ колеблющееся положеніе австрійской политики и давно былъ готовъ на случай внезапнаго снятія осады Силистріи, — что дѣйствительно и случилось.

12 іюня 8-я дивизія, еще до разсвѣта, снялась съ позиціи, и во главѣ прочихъ войскъ переправилась по мосту черезъ рѣку Дунай. По достиженіи Фокшанъ ей приказано повернуть влѣво и по правому берегу рѣки Сереть двинуться на г. Бакеу и Романъ и поступить въ отрядъ начальника 6-й кавалерійской дивизіи генераль-лейтенанта графа Ланскаго, имѣвшаго здѣсь только уланскую бригаду. Цѣль назначенія отряда состояла въ томъ, чтобы обезпечить, со стороны Трансильваніи, движеніе главныхъ силъ арміи, двинувшихся изъ Валахіи на Яссы и Скуляны. Отрядъ этотъ подчиненъ былъ нашему корпусному генералу Сакену, находившемуся въ Яссахъ съ незначительными, впрочемъ, войсками (кажется, части 6-й пѣх. див.). Поэтому дивизионный квартирмейстеръ 6-й кавал. дивизіи, генеральнаго штаба капитанъ Пестовъ, вмѣстѣ со мною ѣздилъ по главнымъ дорогамъ, ведущимъ изъ австрійскихъ владѣній, на коихъ въ удобныхъ мѣстахъ назначили наблюдательные кавалерійскіе посты, коимъ указано было, какіе мосты они, въ случаѣ наступленія австрійцевъ, должны были взорвать. Но всѣмъ этимъ постами, согласно приказа генерала Сакена, вмѣнялось въ обязанность, „въ случаѣ наступленія австрійцевъ, не смѣть, ни подъ какимъ видомъ, дѣлать первый выстрѣлъ, — пускай таковой послѣдуетъ со стороны этихъ неблагодарныхъ нѣмцевъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на генерала Ланскаго возложено было составленіе общаго плана дѣйствія отряда, въ случаѣ наступленія непріятеля, который долженъ быть утвержденъ Сакеномъ. По составленіи совместно съ капитаномъ Пестовымъ этого плана, я былъ отправленъ съ нимъ въ Яссы, гдѣ его прочелъ Сакенъ съ начала до конца и утвердилъ. Перекрестивъ и благословивъ меня, онъ сказалъ, что надѣется, что 8-я дивизія исполнитъ свой долгъ такъ-же хорошо, какъ подѣ Силистрію.

Форпосты наши стояли другъ противъ друга съ австрійцами: столкновеній, однако, не произошло, и мы въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца 1854 года начали обратное слѣдованіе черезъ Яссы, а 1 сентября того-же года перешли рѣку Прутъ у м. Скулякъ.

Генераль-лейтенантъ А. О. Стренгъ.

Сообщ. Н. И. В.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

въ 1858 г.

рошли тяжелые для народа годы восточной войны 1853 — 1855 гг. О тогдашней народной тягости можно судить по слѣдующимъ фактамъ: въ два года, съ осени 1853 по осень 1855 года, произведено было четыре рекрутскихъ набора, каждый по 10-ти или 12-ти человекѣмъ съ тысячи душъ; въ государственное ополченіе 1855 года взято по 23 человекъ съ тысячи и, сверхъ того, изъ удѣльныхъ крестьянъ сформированы были стрѣлковый полкъ и отдѣльный стрѣлковый баталіонъ; всего удѣльные крестьяне сдали въ военную службу, въ два года, до семидесяти пяти человекѣмъ съ тысячи душъ¹⁾. Въ 1854 и 1855 годахъ запрещенъ былъ отпущекъ за границу всѣхъ

¹⁾ Для сравненія числа поступившихъ въ военную службу въ два года 1853—1855 съ числомъ поступающихъ нынѣ въ новобранцы, можно привести слѣдующія цифры: въ завѣдываніи бывшаго Спасскаго удѣльнаго приказа было въ тѣ годы (1853—1855) до 6,000 душъ мужскаго пола (ревизскихъ по 8 ревизіи 5,082), съ которыхъ взято въ военную службу въ два года до 400 человекѣмъ. Нынѣ дѣльный Тотемскій уѣздъ сдаетъ въ новобранцы въ годъ отъ 300 до 350 человекѣмъ. Спасскій приказъ по населенію составлялъ около восьмой части населенія Тотемскаго уѣзда, и если взять въ соображеніе, что въ теченія тридцати пяти лѣтъ (съ 1853 г.) населеніе уѣзда увеличилось не менѣе какъ на 40%, то очевидно, что въ тяжелые годы военнаго времени 1853—1855 гг. требовалось по два года для военной службы лицъ, въ сравненіи съ нынѣшними прывыками ежегодно болѣе почти въ десять разъ. При этомъ надо принять въ соображеніе, что нынѣ поступаютъ въ службу молодые люди, почти все холостые, въ прежніе-же годы въ удѣльномъ вѣдомствѣ существовалъ, при рекрутской повинности, очередной порядокъ, и въ рекруты сдавались люди отъ 20-ти даже до 35-ти лѣтъ отъ роду. Не рѣдки были случаи поступления въ рекруты людей въ возрастѣ старѣе 30-ти лѣтъ, оставлявшихъ жену съ нѣтью и болѣе малолѣтними дѣтьми.

В. П.

товаровъ, и на хлѣбъ и другіе мѣстные продукты, какъ-то: ленъ, смолу и проч., черезъ продажу которыхъ оплачивались подати, не было никакого спросу; цѣны на нихъ упали до крайности. При всемъ этомъ въ народномъ обращеніи было весьма много серебра и золота: въ продолженіи моей службы головой Спасскаго удѣльнаго приказа, съ 1851 по 1861 г., въ особенности въ первые годы, случалось нерѣдко, что денежные сборщики представляли въ приказъ въ оброкъ и подати много серебра и золота, для отправки которыхъ по казенной почтѣ требовались кожаные мѣшки, для устраненія чего случалось искать въ обмѣнъ кредитные билеты, но не всегда ихъ находили: зажиточные крестьяне дорожили кредитными билетами, какъ болѣе удобными для храненія.

По заключеніи Парижскаго мира въ мартѣ 1856 года, послѣдовалъ высочайшій манифестъ отъ 31-го марта того года, объ окончаніи войны. Съ первой-же весны открытъ былъ свободный отпускъ товаровъ за границу, и въ Вологодской губерніи оживилъ народъ: на хлѣбъ, ленъ, смолу и проч. продукты появился большой спросъ и по хорошимъ цѣнамъ. Для примѣра могу привести слѣдующія цифры о цѣнахъ на хлѣбъ: въ 1855 году въ Тотемскомъ уѣздѣ были цѣны на овесъ отъ 15 до 18 коп. и рожь отъ 20 до 25 коп. за пудъ; доставка хлѣба къ Архангельскому порту обходилась до 8 коп. съ пуда; съ открытія - же навигаціи 1856 г. въ Архангельскѣ были цѣны: на овесъ до 3 руб. за четверть, около $5\frac{1}{2}$ пуд., и рожь за четверть, около $8\frac{1}{2}$ пуд., до 6 руб., т. е. овесъ по 55 коп. и рожь по 70 коп. за пудъ, и тѣ крестьяне, которые сплавляли въ Архангельскъ весною 1856 года купленный въ 1854 и 1855 годахъ хлѣбъ, получили чистой пользы болѣе ста процентовъ. Съ осени 1856 г. цѣны на хлѣбъ еще возвысились, и на мѣстахъ у крестьянъ покупали уже овесъ по 40 и рожь по 60 коп. и болѣе за пудъ.

По случаю коронованія Государя Императора 26 августа 1856 г., высочайшимъ манифестомъ отъ того-же числа, оказаны народу многія льготы и милости, такъ, на примѣръ, въ 1856 и въ теченіи трехъ слѣдующихъ лѣтъ постановлено не производить рекрутскихъ наборовъ и проч. Въ концѣ 1857 года послѣдовали высочайшіе рескрипты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вообще можно сказать, что годы 1856 и 1857 были урожайные, самые благопріятные для сельскаго населенія, тягости военнаго времени вскорѣ изгладились, и когда съ ранней весны 1858 года быстро облетѣла повсюду въ Вологодской губерніи вѣсть, что Государь Императоръ изволить лѣтомъ того года проѣзжать черезъ Вологодскую губернію въ Архангельскъ и въ Соловецкій монастырь, то одушевленіе на-

рода было возбуждено въ сильной степени. Никогда еще не проѣзжалъ по грунтовому тракту изъ Вологды въ Архангельскъ не только ни одинъ государь, но и никто изъ особъ царствующаго дома.

По почтовому тракту изъ Вологды въ Архангельскъ находятся сплошныя населенія удѣльныхъ крестьянъ Вельскаго (Вологодской губерніи) и Шенкурскаго (Архангельской губерніи), на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ, и мнѣ почему-то, еще до пріѣзда Государя Императора, казалось, что Его Величество, въ проѣздъ свой на такомъ большомъ протяженіи черезъ удѣльныя имѣнія, въ виду предположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, не оставитъ обратить вниманіе на улучшение быта и удѣльныхъ крестьянъ, которые, по управленію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были близки къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Предчувствіе мое вполне оправдалось.

Въ 1858 году я былъ головою Спасскаго удѣльнаго приказа (въ Кокшенингѣ, Тотемскаго уѣзда), и въ первой половинѣ мая того года, по распоряженію удѣльнаго начальства, командированъ былъ въ Вельскій уѣздъ, для временнаго исправленія должности головы Верховскаго удѣльнаго приказа, въ домѣ котораго предположена была остановка и обѣдъ Императора Александра II со всей свитой, въ проѣздъ Его Величества изъ Вологды въ Архангельскъ, въ іюніѣ мѣсяцѣ. Домъ, въ которомъ помѣщался Верховскій удѣльный приказъ, находился вблизи Никифоровской почтовой станціи, въ 208 верстахъ отъ Вологды и въ 18-ти верстахъ отъ Верховскаго посада, и по расположенію комнатъ былъ достаточенъ для принятія Государя Императора со свитой. Мнѣ было приказано озаботиться ремонтировкой дома и приведеніемъ его въ приличный видъ, что и было исполнено. Я былъ предупрежденъ отъ удѣльнаго начальства, что въ свитѣ Государя будетъ находиться министръ императорскаго двора и удѣловъ графъ В. Ѡ. Адлербергъ, и что во время пребыванія Государя въ домѣ удѣльнаго приказа не будетъ находиться въ немъ, равно и на почтовой станціи, никто ни изъ полицейскихъ, ни изъ удѣльныхъ чиновниковъ, а потому и вся отвѣтственность за порядокъ во время пребыванія Его Величества въ домѣ удѣльнаго приказа остается на мнѣ.

По всему Архангельскому тракту, весной 1858 г., были построены заново всѣ мосты, дороги исправлены какъ возможно лучше; въ селеніяхъ по тракту, на поворотахъ, были сносимы, при пособіи обществъ, даже нѣкоторые дома, сильно выдающіеся къ дорогѣ, на другія мѣста, и усердіе крестьянъ по почтовому тракту доходило

до того, что они по сторонамъ дороги равняли у полей колья у огородовъ, для сохраненія правильности линій.

На каждой почтовой станціи по тракту изъ Вологды въ Архангельскъ было выставлено заблаговременно, за нѣсколько недѣль, по сту и болѣе лошадей, которыя были собраны самыя лучшія не только изъ тѣхъ уѣздовъ, которыми пролегаетъ Архангельскій трактъ, но и изъ смежныхъ уѣздовъ; такъ, на станціи Вельскаго уѣзда собраны были лучшія лошади и изъ Тотемскаго уѣзда. Въ ямщики были выбраны крестьяне надежные, крѣпкіе и видные собою. Недѣли за двѣ до проѣзда Государя, каждодневно приучались ямщики къ управленію лошадьми и запряжкѣ, и сдѣланы были такія приспособленія, что перемѣна лошадей должна была происходить безъ малѣйшаго шума и суетни, въ одну или не болѣе какъ въ двѣ минуты.

По маршруту, прибытіе Государя въ Верховскій приказъ назначено было 16 іюня 1858 г., около 4 часовъ пополудни. Еще наканунѣ собралось множество народа не только изъ Вельскаго, но и изъ другихъ смежныхъ уѣздовъ, чтобы взглянуть на своего Царя и въ день прибытія Его Величества, съ самаго утра, тысячи народа обоего пола и всѣхъ возрастовъ окружали домъ удѣльнаго приказа, который находился на ровномъ мѣстѣ и на обширной площади. Погода была теплая и ясная. Раннимъ утромъ прибылъ завѣдующій царскимъ столомъ съ кухоннымъ фургономъ, и къ четыремъ часамъ пополудни накрыты были столы въ трехъ комнатахъ приказа.

Въ 4 часа 50 минутъ пополудни послѣдовало прибытіе Его Величества со всей свитой.

Я удостоился встрѣтить Его Величество у подъѣзда дома и имѣлъ счастье поднести хлѣбъ и соль отъ удѣльныхъ крестьянъ, на деревянномъ изъ корельской березы съ рѣзбою блюдѣ, съ таковою-же солонкою, и удостоился выслушать царское спасибо. Министру императорскаго двора и удѣловъ, графу В. Ф. Адлербергу, я представилъ подробный рапортъ о состояніи Верховскаго удѣльнаго приказа¹⁾. По принятіи рапорта, графъ Адлербергъ спросилъ меня, нѣтъ-ли для него въ домѣ приказа особой комнаты, которая дѣй-

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, включенныя въ рапортъ, которыя не безинтересны въ настоящее время, черезъ тридцать лѣтъ: а) у крестьянъ Верховскаго приказа, въ завѣдываніи котораго состояло, въ 1858 году, наличныхъ мужскаго пола около семи тысячъ душъ, находилось: лошадей 3964, рогатаго скота 8492 и овецъ 9300, слѣдовательно приходилось на каждую душу: лошадей 0,56; рогатаго скота 1, 21 и овецъ 1,32. Застрахованныхъ отъ огня домовъ было 1745. Съ 1853 по 1858 г., т. е. въ теченіи пяти лѣтъ, не было ни

ствительно для него была приготовлена, и когда я привелъ его въ эту комнату, то онъ, видимо, остался очень доволенъ такою предупредительностью.

У меня сохранился списокъ лицъ, находившихся въ свитѣ Государя Императора, а именно:

Наслѣдный принцъ Виртембергскій.

Генераль-адъютанты:

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ, — князь Василий Андреевичъ Долгоруковъ, — графъ А. В. Адлербергъ; — лейбъ-медикъ Енохинъ, — флигель-адъютантъ полковникъ Сколковъ, — флигель-адъютантъ короля прусскаго баронъ Лоэнъ; — производитель дѣлъ военно-походной канцеляріи дѣйств. статскій сов. Шауфусъ.

При генераль-адъютантѣ графѣ В. Ѳ. Адлербергѣ: секретарь управленія императорской главной квартиры, тит. сов. Поповъ; писарь 1.

При военно-походной канцеляріи — чиновникъ 1, писарей 3.

Управляющій придворнымъ влиросомъ, тит. сов. Чудновскій.

При лейбъ-медикѣ Енохинѣ — лекарскій помощникъ Кононовъ.

Фельдъегерскаго корпуса офицеровъ 5; — камердинеровъ его величества 3, — рейткнехтовъ 2, — метръ д'отель 1, — поваровъ 3, — магазинъ-вахтеровъ 2, — прислуги при лицахъ свиты 8.

Сохранился также списокъ подъ какой экипажъ и сколько требовалось лошадей, именно:

Для передоваго фельдъегеря 3 лошади; подъ коляску Государя 8; для фельдъегерскаго офицера 3; для магазинъ-вахтера 3; подъ коляску генераль-адъютанта графа В. Ѳ. Адлерберга 8; подъ коляску князя Вас. Алекс. Долгорукаго 8; подъ коляску графа А. В. Адлерберга 8; подъ коляску лейбъ-медика Енохина 8; подъ коляску флигель-адъютанта Сколкова и флигель-адъютанта короля прусскаго барона Лоэна 8; подъ гардеробный фургонъ его величества 8; для трехъ бричекъ военно-походной канцеляріи подъ каждую по 4 лошади, всего 12; подъ кухонный фургонъ 8; подъ бричку фельдъегерскаго офицера 4, — всего 89 лошадей.

Сверхъ того, на каждой станціи были заготовлены запасныя лошади, а между большими, по разстоянію, станціями, были заготовлены на половинѣ станцій подставныя лошади въ полномъ комплектѣ.

одного пожара, что весьма замѣчательно. Съ 1853 по 1858 г. было 55 случаевъ кражъ, на сумму 2020 р. Изъ 155 ратниковъ и 41 стрѣлка, поступившихъ въ 1855 г. на службу, возвратилось въ 1856 г. первыхъ 153 и послѣднихъ 20.

В. П.

Его Величество со всей свитой изволилъ пробывать въ домъ Верховскаго приказа 2 часа 20 минутъ и отбылъ въ 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Во все время пребыванія Государя въ домъ массы народа окружали этотъ домъ.

При отбытіи, министръ императорскаго двора и удѣловъ графъ Адлербергъ изволилъ выразить мнѣ лично свое удовольствіе за порядокъ во время пребыванія Его Величества въ домъ приказа, а фельдъегерскій офицеръ передалъ мнѣ пятьдесятъ рублей для раздачи лицамъ, служившимъ при приготовленіи обѣда, равно и при самомъ обѣдѣ, которые и розданы мною 18-ти лицамъ, отъ 1-го до 5-ти рублей каждому.

Отправивъ съ почтою, того-же 16 іюня, донесеніе управляющему Вологодскою удѣльною конторою о благополучномъ отбытіи изъ приказа государя со свитой, я на другой-же день, 17 іюня, отправился къ мѣсту своей службы, въ Кокшеньгу, Тотемскаго уѣзда.

Вскорѣ по прослѣдованіи Государя, опубликованъ былъ по удѣльному вѣдомству и въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующій высочайшій указъ:

Указъ министру императорскаго двора и удѣловъ.

Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, всемілостивѣйше повелѣваемъ:

1) Отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне приобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли не иначе, какъ съ разрѣшенія департамента удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію приобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній, ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя земли свои; совершать своимъ именемъ установленныя для того акты и вообще располагать приобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о приобрѣтеніи и отчужденіи земли предварительно объявлять каждый разъ мѣстному удѣльному приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ, до сего времени, именемъ департамента удѣловъ, актамъ на собственныя земли удѣльныхъ крестьянъ сдѣлать надлежащія, на имена владѣльцевъ, передачи.

2) Въмѣсто дѣйствовавшихъ донинѣ установленій, по коимъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане допускался лишь изъ имѣній малоземельныхъ, а въ купцы только въ случаѣ предъявленія значительнаго капитала, и взималось съ каждой мужской наличной души переходящаго семейства при перечисленіи въ купечество по 1500 р. сер., а въ мѣщанство по 600 руб. серебромъ, распространить на удѣльныхъ крестьянъ законъ, установленный по сему предмету для крестьянъ государственныхъ и, на основаніи утвержденныхъ нами, у сего прилагаемыхъ, правилъ, доволить удѣльнымъ крестья-

намъ, съ разрѣшенія ихъ начальства и по исполненія установленныхъ обязанностей къ мірскому обществу, переходить въ городскія и другія свободныя сельскія сословія съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой-же сборъ, какой взимается съ крестьянъ государственныхъ, а именно: переходящій въ купечество—сорокъ рублей серебромъ, а въ мѣщанство пятнадцать рублей серебромъ; съ прочихъ-же ревизскихъ душъ перечисляющагося семейства половину сего, то есть: при переходѣ въ купечество по двадцати рублей, а въ мѣщанство по семи рублей пятидесяти коп. сереб. съ каждой.

3) Дозволить безвозмездно вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословій.

4) Въ отиѣну постановленій, по коимъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, ходатайствовали и отвѣчали удѣльные страпчіе, а самимъ крестьянамъ ходить по судамъ или имѣть своихъ повѣренныхъ воспрепачалося, разрѣшить впредь удѣльнымъ крестьянамъ, въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные сими обществами, съ разрѣшенія начальства оныхъ. Независимо отъ сего, предоставить удѣльнымъ крестьянамъ, ежели они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ дѣлъ ихъ ходатайству удѣльныхъ страпчихъ, причемъ вмѣнить въ обязанность удѣльнымъ конторамъ и удѣльнымъ страпчимъ, на основаніи нами утвержденныхъ и у сего прилагаемыхъ правилъ, оказывать удѣльнымъ крестьянамъ, по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, защиту и покровительство; а тамъ, гдѣ удѣльныхъ страпчихъ нѣтъ, возложить сію обязанность, согласно статьѣ 2184 тома X Свода законовъ гражданскихъ (изданія 1842 года), на мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ страпчихъ.

5) Предоставить удѣльнымъ крестьянамъ совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія, на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки удѣльныхъ крестьянъ между собою свидѣтельствовать въ удѣльныхъ приказахъ, по приѣзду волостныхъ правленій государственныхъ имуществъ.

6) Всѣ означенныя мѣры распространить въ равной степени на бывшихъ пахотныхъ солдатъ, состоящихъ въ удѣльномъ завѣдываніи.

7) Сообразно съ настоящимъ расширеніемъ правъ удѣльныхъ крестьянъ, измѣнить соотвѣтствующія статьи Свода законовъ гражданскихъ, о чемъ имѣете вы войти въ сношеніе съ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной нашей канцеляріи.

Вы не оставите сдѣлать распоряженіе къ обнародованію сего, въ установленномъ порядкѣ, во всеобщее свѣдѣніе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано «Александръ».

На пароходѣ «Гремящій».

Въ Бѣломъ морѣ.

Іюня 20 го дня 1858 года 1).

1) «Вологодскія Губернскія Вѣдомости», 1858 г., № 35-й.

Осенью того-же 1858 года я получилъ изъ Верховскаго удѣльнаго приказа копію съ слѣдующаго приговора удѣльныхъ крестьянъ этого приказа:

„1858 года сентября 26 дня, мы нижеподписавшіеся крестьяне Вельскаго уѣзда, вѣдомства Верховскаго приказа, въ числѣ 7019 душъ, будучи на полномъ мірскомъ сходѣ, разсуждали о благополучномъ путешествіи въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ августѣйшаго Монарха нашего, всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича съ его высочествомъ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, министрами: двора его императорскаго величества и удѣловъ графомъ Адлербергомъ и военнымъ княземъ Долгоруковымъ и прочими чинами двора его императорскаго величества, отъ границы Кадниковскаго уѣзда нашими удѣльными селеніями, при слѣдованіи въ г. Архангельскъ, и о удостоеніи высочайшимъ посѣщеніемъ со свитою, 16 числа того мѣсяца, дома, занимаемаго нашимъ Верховскимъ приказомъ, въ которомъ Его Императорское Величество со всѣмъ своимъ поѣздомъ, прибывъ въ 4 часа 50 минутъ пополудни, соизволилъ остановиться и кушать хлѣбъ-соль, а въ 7 часовъ и 10 минутъ отправиться въ предпріятое путешествіе далѣе по тракту къ г. Архангельску.

„Во всерадостнѣйшее и драгоцѣннѣйшее для удѣльнаго вѣдомства ознаменованіе высокомонаршей милости, оказанной для насъ и потомства нашего посѣщеніемъ дома, занимаемаго нашимъ Верховскимъ приказомъ, и принятіемъ отъ всѣхъ насъ, черезъ представителя, хлѣба-соли, постановили: 1) деревянное блюдо, на которомъ Его Императорскому Величеству были подносимы хлѣбъ-соль, и солонку—хранить въ приказѣ какъ священные вещи, для коихъ и устроить приличное съ надписью помѣщеніе; 2) стулъ, на которомъ во время стола государь императоръ соизволилъ возсѣдать, тоже хранить при приказѣ и для онаго устроить подобное-жъ помѣщеніе; 3) дабы увѣковѣчить въ памяти и сердцахъ нашихъ и потомковъ нашихъ счастливейшія минуты высочайшаго посѣщенія, устроить бронзовую съ надписью и позолотою доску, которую и повѣсить на стѣну въ приказной залѣ, гдѣ Его Императорское Величество со свитою изволилъ кушать хлѣбъ-соль, и 4) деньги, требующіяся на устройство всего вышесказаннаго, мы покорнѣйше просимъ начальство употребить изъ остатковъ отъ общественныхъ сборовъ по нашему приказу, о которыхъ приказъ обязанъ испросить у господина управляющаго Вологодскою удѣльною конторою разрѣшеніе. Къ сему постановленію съ полнымъ усердіемъ и готовностію единодушно подписуемся“. Послѣ подписи крестьянъ, приго-

воръ записанъ въ книгу приказа 13 октября 1858 года подъ № 242 и подписанъ головою Зензиновымъ и писаремъ Измайловымъ.

Ходатайство крестьянъ, выраженное въ этомъ приговорѣ, удовлетворено, и въ присутственной комнатѣ приказа вывѣшена бронзовая доска съ слѣдующею вырѣзанною на ней надписью:

„Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, во время путешествія своего изъ г. Вологды въ Архангельскъ, 16 іюня 1858 года, изволилъ осчастливить драгоцѣннѣйшимъ своимъ пребываніемъ домъ Верховскаго удѣльнаго приказа, гдѣ и изволилъ имѣть обѣденный столъ, удостоивъ милостивѣйшимъ принятіемъ отъ крестьянъ хлѣбасоли вѣрноподданнически поднесенныхъ ими Его Величеству“.

Въ той-же комнатѣ, въ стеклянномъ футлярѣ положены блюдо и солонка, съ слѣдующею надписью, вырѣзанною также на бронзовой доскѣ:

„Блюдо и солонка, поднесенныя съ хлѣбомъ-солью Его Величеству Государю Императору 16 іюня 1858 г. отъ удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, головою Васильемъ Тимоеевымъ Поповымъ“.

Стулъ (простой деревянный, желтый, верховажской работы), на которомъ во время обѣда изволилъ сидѣть Государь Императоръ, поставленъ въ той-же комнатѣ, за рѣшеткой.

По переходѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ общее управленіе, удѣльный Верховскій приказъ преобразованъ въ Верховское волостное правленіе, которое открыто въ Верховажскомъ посадѣ. Всѣ упомянутые выше предметы, бронзовые доски, блюдо, солонка и стулъ перенесены въ домъ волостнаго правленія и сохраняются и нынѣ въ соотвѣтственномъ помѣщеніи въ томъ правленіи; домъ-же бывшаго Верховскаго приказа, въ которомъ изволилъ останавливаться Государь, проданъ и перевезенъ въ г. Вельскъ.

Истекло болѣе тридцати лѣтъ со времени посѣщенія удѣльнаго приказа незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ Александромъ Николаевичемъ. Память объ этомъ событіи исчезаетъ и современемъ можетъ совсѣмъ исчезнуть; между тѣмъ, посѣщеніе незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ Верховскаго удѣльнаго приказа, не говори уже о такомъ событіи, совпадаетъ весьма близко (16—20 іюня 1858 г.) съ временемъ предоставленія Его Величествомъ удѣльнымъ крестьянамъ гражданскихъ правъ, и поэтому крайне желательно,

если-бы на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ домъ Верховскаго удѣльнаго приказа и въ которомъ изволили останавливаться Государь, былъ поставленъ памятникъ, отвѣчающій общественному значенію событія. Желаніе это тѣмъ болѣе могло-бы быть осуществлено, что если-бы открытъ въ Вельской уѣздной земской управѣ подписку для сбора пожертвованій для устройства такого памятника, то я убѣжденъ, что составила-бы достаточная для того сумма.

Вас. Тимое. Поповъ.

Февраль 1889 г.
Городъ Тотъма.

Примѣчаніе. Цѣль настоящаго разсказа — сохранить воспоминаніе, въ средѣ населенія Вологодскаго края, о посѣщеніи его Царемъ-Освободителемъ — заслуживаетъ глубочайшаго сочувствія. В. Т. Поповъ — бывшій удѣльный крестьянинъ, нынѣ потомственный почетный гражданинъ, предсѣдатель тотемской уѣздной земской управы, занимающій этотъ постъ шестое трехлѣтіе сряду, принадлежитъ къ виднымъ дѣтелямъ, — въ теченіи болѣе сорока лѣтъ онъ посвятилъ себя общественной и земской службѣ и много поработалъ для своихъ единоземцевъ

Ред.

КАКЪ ВСПЛАКАЛАСЯ РОССИЯ О СВОЕМЪ ВЪЛОМЪ ЦАРЬ

1881 г.

Помѣщаемъ здѣсь одинъ изъ „стиховъ“, которые сложены и поются лицами, принадлежащими къ одной изъ сектъ безпоповщинскаго толка, распространенной въ послѣдніе годы въ Землѣ войска Донскаго, напоминающей отчасти духоборцевъ. „Стихъ“ извлеченъ изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла, съ сохраненіемъ правописанія.

Ред.

Подумаемъ мы друзья!
 Все про бѣлаго Царя!
 Милостивый Государь
 Второй Александра Царь!
 Ко всѣмъ любовью горѣлъ,—
 Свободу дать всѣмъ хотѣлъ;—
 Подъ крыломъ Онъ всѣхъ держалъ,
 Всѣхъ отъ казни павлажалъ.
 Исправлялъ Онъ всѣ законы,
 Слышалъ бѣдныхъ людѣй стоны.
 Всѣмъ на помощь поспѣшалъ,—
 А злодѣевъ прикрывалъ.
 Стали злодѣи судить,
 Чтобы Царя истребить:
 Много казни потрибили,
 Отчаянныхъ поддеупили.—
 Дали въ руки имъ гранаты,
 Они отъ Господа прокляты!
 Вѣдѣ мины подводили,—
 Но Батюшку не убили.—
 Караулы скрость стояли,
 Государя сохраняли.—
 Марта перваго числа,—
 Жизни кончина пришла,
 Страшно вадумать и сказать:
 На Царя руки поднять?
 Злобный духъ у нихъ всѣлился
 Второй Иуда явился,
 Между народной толпой,
 Нивидать было отколъ;
 Появился большой варывъ

Государя—поразивъ.—
 Государя жизнь скончали,
 Второй разъ Христа распяли!—
 Пораженный Царь упалъ
 Жалобно слово сказалъ:
 Поднимите меня дѣти?
 Отжилъ я теперь на свѣтѣ!
 Къ нему слуги подбѣжали
 И на руки Его брали.—
 На рукахъ его дѣржали,
 Горькія слезы проливали.
 Велика тутъ страсть была,
 Когда Царская кровь лила!
 Ты за то жизнь положилъ,
 Что добра много творилъ!
 Ты врагамъ добро творилъ
 За то кровь Свою пролилъ!
 Батюшка нашъ земной Богъ
 Ты за то лишился ногъ!
 Нѣсутъ Тебя во дворецъ,—
 Ты нашъ батюшка Отецъ!
 Во всемъ Питерѣ трѣвога
 Государю страдоевъ много.
 Со всѣго Питера збежались
 Стояли въ того дворца
 И на флагъ Царскій смотрѣли
 Ожидали всѣ конца.
 Когда Царскій флагъ спустили,
 Его смерть всѣмъ возвестили,
 Когда черный флагъ подняли
 Тутъ всѣ плакали рыдали.—
 Всѣ покой душѣ сказали
 Трауръ чорный надѣвали
 Во всѣхъ соборахъ звонили.
 Погрѣбѣнья отслужили.
 Какъ вдарили въ тилѣграмъ
 Затмѣніе солнца намъ —
 Въадѣ большое смятѣнье,
 И всѣя землѣ потрясенье.—
 Какъ дошелъ слухъ и до насъ
 Поилися слезы въ насъ
 Солнечные лучи затмились
 Царя бѣлаго лишились,—
 Будемъ братцы поминать
 Душѣ покой воспѣвать!
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ аминь.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯХОНТОВЪ

1820—1890.

† 12-го октября.

12-го октября 1890 года, на семидесятомъ году отъ рожденія, скончался въ Псковской губерніи одинъ изъ даровитыхъ русскихъ поэтовъ и переводчиковъ А. Н. Яхонтовъ. Питомецъ Царскосельскаго лицея, онъ взросъ подъ вліяніемъ литературныхъ его традицій, и вмѣсто того, чтобы по выпускѣ изъ лицея вполне отдаться, подобно большинству своихъ товарищей, составленію себѣ карьеры, А. Н. Яхонтовъ надѣлъ вицмундиръ чиновника, видимо потому, что въ тѣ годы, годы сороковые, русскому дворянину, да еще питомцу лицея, нельзя было его не надѣть, а всѣ симпатіи его были на сторонѣ „изящной словесности“, и А. Н. возлюбилъ ее страстно въ лучшихъ произведеніяхъ, въ особенности нѣмецкой поэзіи. Яхонтову принадлежитъ рядъ отличныхъ переводовъ столь классическихъ вещей, каковы: „Торквато Тассо“ и „Ифигенія въ Тавридѣ“ Гёте, „Фаустъ“ его-же, „Эмилія Галотти“ Лессинга и рядъ мелкихъ стихотвореній изъ Шиллера, Гёте и Гейне. Не мало имъ было переведено и въ прозѣ, и вскорѣ было замѣчено, что „прозаическіе переводы“ Яхонтова отличаются замѣчательною вѣрностью, а „стихотворные“, кромѣ того, и необыкновенною благозвучностью стиха. А. Н. не мало писалъ и оригинальныхъ стихотвореній, нерѣдко шутивно-сатирическихъ, и критика признала его стихи вообще весьма граціозными, а сатирическіе—навѣянными произведеніями Некрасова.

Осенью 1862 года пишущій эти строки прибылъ во Псковъ для обозрѣнія въ этой губерніи, по порученію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, начальныхъ народныхъ училищъ. Во главѣ псковской гимназіи мы нашли А. Н. Яхонтова,

который уже съ 1858 года былъ ея директоромъ. Съ этого времени, т. е. съ 1862 года, мы и познакомились съ Яхонтовымъ и сохраняли съ нимъ самыя пріязненныя отношенія до самой его кончины. Начало 1860-хъ годовъ было переломомъ старыхъ порядковъ въ дѣлѣ воспитанія, подѣ благотворнымъ вліяніемъ реформы Царя-Освободителя. Люди прежняго закала и инаго пошиба, какъ припоминаемъ мы, осуждали во Псковѣ А. Н. Яхонтова, говорили, что „онъ не на мѣстѣ“, и ставили ему въ вину его добродушіе, его гуманность, его дружескія отношенія къ учащимъ и его сердечность въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Эти обвиненія были лучшею похвалою А. Н. Тѣмъ не менѣе, ему довелось пробить директоромъ не болѣе десяти лѣтъ, и затѣмъ онъ является дѣятелемъ на выборной службѣ отъ дворянства, затѣмъ земства и опять дворянства.

Въ теченіе своей общественной службы на пользу родному краю нашъ, по призванію, поэтъ и переводчикъ, сохранялъ то-же добродушіе, ту-же гуманность, которыми, быть можетъ, подчасъ и пользовались нѣкоторые „кулаки“ и любители общественного пирога, а ихъ не мало и въ выборной службѣ, но масса земляковъ искренно уважала этого добраго, этого истинно просвѣщеннаго, и опять-таки скажемъ, вполне гуманнаго человѣка.

Досуги свои онъ продолжалъ, до самой кончины, посвящать литературнымъ трудамъ и еще въ 1884 году выпущенъ имъ сборникъ его поэтическихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній.

Въ А. Н. Яхонтовѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ славной дружины русскихъ людей 1840-хъ годовъ, заслуги которыхъ въ области литературы, въ сферѣ поддержки въ обществѣ всего честнаго и всего добраго, признаны уже давно и всегда съ признательностью поминаются...

Единственный сынъ покойнаго поэта, Николай Александровичъ, весьма обязательно сообщилъ намъ нѣсколько непооявившихся еще въ печати стихотвореній своего, доброй памяти, родителя и маленькую автобіографію, покойнымъ-же его отцомъ написанную.

Приводимъ все это сообщеніе и искренно благодаримъ Н. А. Яхонтова ¹⁾.

Ред.

¹⁾ Укажемъ на содержательную біографическую замѣтку объ А. Н. Яхонтовѣ въ извѣстномъ изданіи „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, состав. Н. В. Гербель. Спб., 1880 г., стр. 558—559 и въ изд. П. Н. Полежава, Спб., 1888 г., стр. 483—484.

Автобіографія, написанная А. Н. Яхонтовымъ въ 1889 году.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1820 г., въ С.-Петербургѣ. Окончилъ курсъ ученія въ императорскомъ Царскосельскомъ лицей въ 1838 году, съ чиномъ 9-го класса (титулярный совѣтникъ). Служилъ въ Петербургѣ по 1851 г. Съ этого года переселился въ г. Псковъ, гдѣ служилъ сначала по министерству государственныхъ имуществъ, потомъ—директоромъ псковской классической гимназій въ продолженіи 10 лѣтъ. Затѣмъ избранъ предводителемъ дворянства Псковскаго уѣзда, а въ 1877 году предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы. Прослуживъ въ этой должности два трехлѣтія, вновь избранъ въ предводители дворянства Псковскаго уѣзда, въ каковой должности состоитъ и понынѣ ¹⁾). Въ началѣ 1889 г. состоялось въ г. Псковѣ празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея его службы.

Списокъ сочиненій и переводовъ А. Н. Яхонтова.

1) Переводъ драмы Гёте Торквато Тассо, въ стихахъ. Напечатанъ въ первый разъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843 г. и позднѣе—въ изданіи П. И. Вейнберга—Сочиненія Гёте.

2) Трагедія Гёте Иогенія въ Тавридѣ, переводъ въ стихахъ. Напечатанъ въ первый разъ въ журналѣ „Свѣточъ“ 1861 года и позднѣе два раза въ изданіи Вейнберга—Сочиненія Гёте и въ его-же изданіи для юношества „Европейскіе классическіе писатели“.

3) Драма Лессинга: Эмилія Галотти, переводъ въ прозѣ, въ изданіи Бакста: „Иностранные классическіе писатели“.

Лирическія стихотворенія и сатирическіе очерки въ стихахъ печатались въ журналѣ „Отечественныя Записки“, подъ редакціей Некрасова и потомъ Салтыкова. Два стихотворенія были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, подъ редакціей Стаскулевича.

Въ 1884 г. вышло отдѣльное изданіе стихотвореній А. Яхонтова. Въ послѣдніе годы А. Яхонтовъ занимался составленіемъ большихъ статей для народнаго чтенія, напечатанныхъ отдѣльными брошюрами: Комитетомъ грамотности—Робинзонъ Крузо (5 изданій) и Путешествіе по сѣверному краю Россіи, и Постоянною комиссіею для народныхъ чтеній (подъ предсѣда-

¹⁾ 10-го августа 1890 года вышла отставка А. Н. Яхонтова, за болѣзнію.

тельствомъ Хрущова), Отечественная война 1812 года (3 изданія), Г. Псковъ и его окрестности. Въ настоящее время (1889 г.) тою-же комиссіею печатаются: Жизнь и дѣянія императора Александра II и Царствованіе императора Александра I. Кроме этого, изъ прозаическихъ статей напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“: Записки о земскихъ начальныхъ школахъ и въ „Русской Старинѣ“: Воспоминанія объ италіанской оперѣ 1840-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ и Воспоминанія царскосельскаго лицеиста. Въ „Русской-же Старинѣ“ напечатаны два стихотворенія.

А. Н. Яхонтовъ.

I.

Тайны ночи.

Даль прозрачная темнѣетъ,
 Стынетъ жаръ дневной,
 На лугахъ роса бѣлѣетъ
 И едва замѣтно вѣетъ
 Вѣтерокъ ночной;
 Звонко пѣсня раздается
 Гдѣ-то вдалекѣ
 И недвижимъ остается
 Парусъ на рѣкѣ.
 Спать земное все: не слышитъ,
 Какъ, въ объятяхъ сна,
 Влажно грудь земная дышитъ,
 Въ мракъ погружена;
 Съ кѣмъ, играя и плескаясь,
 Шепчется ручей,
 Какъ вадыхаетъ, заливаясь,
 Въ рождѣ соловей;
 Что свершается съ цвѣтами
 Въ ароматной мглѣ;
 Какъ, свернувшись листьями,
 Чаши ихъ закрылись сами,
 Наклонясь къ землѣ;
 Какъ, дымяся, дугъ широкій
 Жадно пьетъ росу
 И какъ ходитъ гуль далекій
 Въ дремлющемъ лѣсу.
 Вотъ—скатилась и упала
 Въ облако звѣзда,
 Мигъ—и будто не бывала,
 Нѣтъ ей и слѣда!

Вотъ—высоко надъ землею,
 Гдѣ небесъ просторъ,
 Зрѣеть, весь покрытый мглою,
 Гроаный заговоръ!
 Бродятъ тучи; все темнѣе
 Очертанья ихъ,
 Вотъ—сожнулись тѣснѣе,
 Воздухъ густъ и тихъ—
 Все безмолвно, все готово
 Замысль свершать,
 Только знака ждать и слова
 Громова я рать.
 Что-то грудь томить и душить
 Тягостью сухой....
 Спать земное, не нарушить
 Тайны неземной.

1850 г.

II.

Послѣднее прости!

Прости.... безъ жалобъ, безъ упрека
 И безъ пожатія руки,
 На долго.... на всегда—безъ срока!..
 Судьба влечетъ меня далеко:
 Пути къ разлуцѣ широки!
 Я плачу.... грудь тоскою сжата....
 Нѣтъ! сердцу болѣе не жить!
 Какъ я любилъ тебя! такъ свято
 Два раза въ жизни не любить.
 Да будетъ! я роптать не смѣю;
 Не вызываю я судьбу
 На бесполезную борьбу
 И снова блаженныхъ не лелѣю.
 Пусть Ангелъ твой тебя хранитъ,
 Твои надежды увѣщаетъ,
 Твои мечты благословитъ
 И выборъ сердца оправдаетъ!
 Будь счастлива на много дней
 За то, что ты душѣ моей
 Любовь и слезы возвратила....
 О! если-бъ ты меня любила!!

1851 г.

III.

* *
*

Въ ясный полдень, знойнымъ лѣтомъ,
 По зыбямъ ладья неслась,
 Золотымъ горячимъ свѣтомъ
 Даль залива облилась,
 Стихнулъ вѣтеръ на просторѣ,
 Чуть вдувались паруса,
 Безконечно было море,
 Безконечны—небеса!
 Геній радости носился
 Между небомъ и землей,
 Высоко надъ нами вился
 Дымъ широкой полосой,
 Мѣрно двигались колѣса
 Развервая глубину,
 И ладья, какъ грудь утеса,
 Звучно рѣзала волну.
 Раастилаяся отлого,
 Берегъ къ намъ на встрѣчу плыль...
 А въ душѣ такъ было много
 И надеждъ и юныхъ силъ!
 Озарялась новымъ свѣтомъ
 Мира вѣчная краса
 И сіяли мнѣ привѣтомъ
 Море, даль и небеса:
 Съ неба—радость нисходила,
 Въ море—канула печаль,
 А надежда—торопила
 Въ неизвѣданную даль...
 Я—любилъ! очарованью
 Весь отдавшись, я не зналъ,
 Что къ послѣднему свиданью
 Такъ спѣшилъ я, что къ страданью
 Путь такъ радужно сіялъ!

1852 г.

IV.

Первый снѣгъ.

Всѣ тайны лѣса обнажились
 Отъ дуновенія зимы
 И первымъ снѣгомъ убѣдились
 Поля, дороги и холмы;
 Еще не держитъ легкой ноши

Полупрозрачный тонкій лёдъ,
 Охотникъ, чуть заря, идетъ
 Съ ружьемъ на зайцевъ, по порошѣ;
 Въ селѣ и въ полѣ—тишина!
 Едва, едва дождешься звука:
 Притихла роща, спитъ волна,
 Телѣга катится безъ стука;
 Весь блѣстками сверкаетъ снѣгъ,
 „Зима!“—сказалъ сосѣдъ сосѣду,
 И видно вдоль и поперекъ
 Гдѣ звѣрь ходилъ, или человѣкъ,
 По вновь проложенному слѣду.
 Какъ радо мирное село!
 Въ избѣ пріютно и тепло,
 Съ деревъ скользвить пушистый иней,
 А солнце въ небѣ такъ свѣтло,
 Что міръ не кажется пустыней.

1854 г.

V.

Неудавшаяся попытка.

Нѣтъ, жизнь дѣлится судьба намъ не сулила!
 Свѣтъ облизилъ насъ, и овъ же разлучилъ!
 Не сѣтую, что ты меня забыла:
 Твоей любви я недостоевъ былъ.
 Я предъ тобой, въ минуты увлеченья,
 Произносилъ не ложныя слова,
 Но не было то сердца вдохновенье!
 Я былъ въ чаду—кружилась голова,
 Еще любовь въ груди не встрепенулась,
 Слезы восторга не было во мнѣ,
 И здѣсь, въ невозмутимой глубинѣ,
 Могучее ничто не шевельнулось.
 Ахъ! такъ ли я въ былые дни любилъ?!
 Такъ суетно любимой быть обидно!
 И грустно мнѣ и предъ собою стыдно,
 Что такъ легко и скоро я забылъ!

1855 г.

VI.

О ж и д а н і е .

Цѣлый день въ бесполезной тревогѣ,
 Я тебя, вождѣнная, ждалъ;
 Что-жъ не стелется пыль по дорогѣ?
 Что-же гулъ вдалькѣ замолчалъ?
 Вотъ—толпой облака золотыя,

На тебя поглядѣть собрались,
 Зашумѣли потоки лѣсные
 И навстрѣчу къ тебѣ понеслись;
 Точно горней томимы жаждой,
 Вьются птички въ просторѣ небесъ
 И манятъ тебя вѣткою каждой,
 Наклоняясь вершинами, лѣсъ;
 Съ тихимъ трепетомъ озеро плещеть,
 Тучки тонуть въ его глубинѣ,
 Точно вѣщее сердце во мнѣ,
 Каждый листъ ожиданьемъ трепещеть...
 Слаще, кажется, пахнуть цвѣты,
 Телый вѣтеръ повѣялъ отъ моря,
 Все забылъ я: утраты и горе!...
 Видно близко, желанная, ты!

1855 г.

VII.

Сила.

Мощью-ли разума, волн и слова,
 Силою-ль творчества, вѣры, любви,
 Знаемъ, свободой ее назови—
 Сила—вѣнецъ совершенства земнова.
 Что-то влечетъ бессознательно къ ней;
 Есть что-то въ ней благодушно прямое,
 Схожее съ чистой природой дѣтей,
 Мелкому злу и коварству чужое.
 Сила—начало, ступень божества,
 Въ силѣ—спокойствіе, въ силѣ терпѣнье,
 Духа веселіе, нервъ естества,
 Вѣчно-здоровый родникъ наслажденья.

VIII.

* *
*

Пока въ душѣ, темно и смутно
 Я воскрешалъ твои черты
 И въ ней, по прихоти мечты,
 Ты воцарялася минутно,—
 Я предъ тобой не открывалъ
 Ни мимолетныхъ впечатлѣній,
 Ни легкихъ сердца вдохновеній:

Я самъ себя не понималъ!
 Мнѣ стыдно было даръ мой блѣдный,
 Какъ цвѣтъ безъ запаха и блѣдный,
 Съ мольбой къ ногамъ твоимъ принести!
 Что—пышно цвѣтшее когда-то,—
 Гровою скошено и смято,
 Тому, я думалъ, не разцвѣсть.

Но если, выстрадавъ забвенью,
 Страхнувъ прошедшее, какъ сонъ,
 Почувявъ силы возрожденья,
 Я новымъ чувствомъ обновлёнъ?...
 Но если бьющееся снова
 Тебѣ я сердце принесу,
 И, трепеща, произнесу
 Святой любви, святое слово?...
 Не мучь меня! не опускай
 Стыдливо-дѣвственнаго ввора,
 Не заводи, не начинай
 Со мной пустого разговора!
 Пускай правдивый твой отвѣтъ
 Мнѣ бездну счастья укажетъ,
 Или тоской на сердце ляжетъ,—
 Одно изъ двухъ: середины нѣтъ!

1856 г.

IX.

Классикъ и Реалистъ.

Классикъ—тощій и блѣдный. *Греческій носъ. Худо одѣтъ.* **Реалистъ**—
 румяный и полный. *Некрасивъ. Одѣтъ щеголевато.*

Реалистъ.

Давненько не встрѣчались мы:
 Какъ исхудалъ ты! отъ чумы,
 Отъ Тацита, или Эврипида?

Классикъ.

Отъ нихъ я духомъ здоровѣй,
 Чѣмъ ты, при тучности своей,
 Отъ Дарвина и отъ Эвелида.

Реалистъ.

Здоровье тѣла я цѣню—
 Само придетъ здоровье духа.

Классикъ.

Я жарь души еще храню,
Въ тебѣ—неарѣло все и сухо.

Реалисть.

Не оттого-ль ты поднялъ носъ,
Что зрѣлымъ признанъ слишкомъ рано?
Хоть латинистъ ты и грекось,
Но зрѣлъ-ли ты?—еще вопросъ!
Лишь въ sapo согроре—mens sana.

Классикъ.

Напичкавъ формулами ты:
Биномъ и дифференціалы—
Вотъ типы вѣчной красоты
Твоей приземистой мечты!
Тебѣ вѣдь чужды идеалы!
Отъ обезьяны ты ведешь
Происхожденье человѣка,
Не вѣря, нравственный калѣка,
Что самъ ты на нее похожь.

Реалисть.

А ты, признавъ себя премудрымъ,
Ужели тѣшишься мечтой,
Что схожь съ Нардисомъ свѣтлокудрымъ,
Иль съ Антиномъ красотой?
Вѣдь надо быть, какъ ты, дубиной,
Чтобъ не понять, что каждый стихъ
Отжившихъ классиковъ твоихъ
Отпѣтой вѣетъ мертвечиной.
Пойми, что въ наши времена
Ихъ точка міросозерцанья
Давно иной замѣнена,
Что жизни мощная волна
Влечетъ насъ въ міръ естествознанья.
Наука, обновляя насъ,
Вселенную преобразила:
Парь, электричество и газъ,
Магнить, механика—вотъ сила!
Весь свѣтъ такіе рычаги
Перевернуть! въ томъ нѣтъ и спора,
А въ мглѣ твоихъ humaniога,—
Какъ хочешь—не ведать ни зги!
Что толку намъ въ античной пыли?

Законъ природы—намъ законъ!
 Вѣдь телеграфъ и телефонъ
 Полётъ мечты опередили!
 Намъ Аргонафты—ни почёмъ:
 Барашковъ съ золотымъ руномъ
 Мы въ Калифорніи отыщемъ,
 Твоихъ же грековъ осмѣемъ,
 Локомотивами освещемъ!
 Оставь кичливыя мечты,
 Задуй классическій твой пламень:
 Вѣдь, право, философскій камень
 И порохъ выдумаль—не ты!

Классикъ.

Бранись, бранись, да знай-же мѣру:
 Съ естествознаніемъ своимъ
 Утратилъ ты любовь и вѣру,
 Міръ чувства—сталъ тебѣ чужимъ.
 Ты живни духа безвѣчной
 Убогимъ сердцемъ не поймешь:
 Златой тѣлецъ—твой идолъ вѣчный,
 Ты выше, даѣе—нейдешь.
 Къ всему прекрасному давно ты
 Лишился вѣрнаго чутья,
 Ты изъ природы выжалъ соты,
 Но горекъ плодъ твоей работы,
 Бѣдна дѣйствительность твоя!
 Ты славяшь Круповскія пушки—
 Орудье гибели людей—
 И безобразный трупъ лягушки
 Тебѣ поэзіи милѣй
 Ужъ цѣлый часъ толчемъ мы воду,
 Гдѣ-жъ правда? qui vivat—vegeta!
 Тебя и всю твою породу
 Со свѣту сжить давно пора!
 Исчадья ваши—нигилисты,
 Безбожники и коммунисты
 И всѣхъ-бы—въ вучу васъ одну,
 Да на веревку! Убирайся!
 И не встрѣчать меня старайся:
 Не то—Виргилиемъ швырну!

Реалистъ.

Что толковать? Толочь лишь воду!
 Съ горой не сходится гора!
 Тебя и всю твою породу
 Въ архивъ давно-бы сдать пора!

Исчадя ваши—пѣтвисты,
 Легитимисты и паписты
 И всѣхъ-бы—въ яму васъ одну!
 Езопъ противный. Убрайся!
 И на глаза не попадайся,
 Не то—въ бараний рогъ согну!

(Дѣлаетъ угрожающій жестъ и уходитъ).

1880 г.

Замѣтки и поправки.

Къ Запискамъ Н. А. Огаревой-Тучковой

въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVIII, октябрь.

На 3-й стр. слѣдуетъ читать такъ: „Желая находиться при матерѣ, въ то время уже престарѣлой, дѣдъ мой рѣшился проситься въ отставку“.

Раззореніе дѣда, а не отца. На 12 страницѣ слѣдуетъ: „наружность его была красива“. На 37 страницѣ: „мы остановились у меньшаго брата моего дѣда, Павла Алекс. старшаго“ (для отличія отъ брата моего отца, Павл. Алекс. младшаго. Пав. Алекс. старшій былъ тогда въ госуд. совѣтѣ).

На 49 страницѣ слѣдуетъ: „que vous vous-éloignez du logis“; на 39 страницѣ слѣдуетъ: „его мать (а не ея) Луиза Ивановна Гагъ“.

Дѣдушка Шишкова былъ друженъ съ моимъ дѣдомъ; такъ какъ тогда считали воспитаніе въ Москвѣ безопаснѣе, то Шишковъ воспитывался у моего дѣда, а дѣдъ Шишкова находился въ Петербургѣ на службѣ.

Н. А. Тучкова-Огарева.

Къ статьѣ: „Гр. Левъ Ник. Толстой“

въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVII, сентябрь.

Графа Толстого, о которомъ упоминаетъ авторъ названной статьи на стр. 645, 7 строка сверху, звали не Петръ Андреевичъ, а Петръ Александровичъ

В. Т.

Къ очерку: „Генералъ Ушаковъ“.

На стр. 544 „Русской Старинѣ“, изд. 1890 г., т. LXVIII, книга ноябрь, въ статьѣ моеѣ о генералѣ Ушаковѣ вкралась описка: вмѣсто пожалованной ему золотой шпаги съ брилліантами, напечатано—золотой медали съ брилліантами. Считаю необходимымъ оговорить объ этой погрѣшности.

Графъ Сиверсъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ 1812 — 1814 гг.

I.

Дипломатическій эпизодъ изъ истории Великихъ-Лукъ 1812 года.

I.

Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Козадалова

26-го августа 1812 г.

Государственный канцлеръ ¹⁾ сказывалъ мнѣ, что В. И. В. угодно, чтобъ въ „Сѣверной Почтѣ“ напечатано было, въ статьѣ изъ Великихъ-Лукъ, о заключенномъ дружественномъ трактатѣ съ гишпанскимъ королемъ Фердинандомъ VII, и чтобъ я доложилъ о семъ В. В. Вчера графъ Румянцовъ, повторяя мнѣ о семъ, сказывалъ, что гишпанскій полномочный по сему предмету неотступно его просить, и по сей причинѣ осмѣливаюсь при семъ представить я заготовленную статью на апробацію.

Сверхъ дѣла по московскому почтамту, не терпящихъ времени и требующихъ вашего разрѣшенія, я имѣю дѣла по перлюстраціи, по иностраннымъ газетамъ, по фабрикамъ и другія весьма нужныя бумаги представить в. в.—у, почему и осмѣливаюсь возобновить всеподданнѣйшую мою просьбу о допущеніи меня къ личному докладу.

¹⁾ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

II.

Статья для «Сѣверной Почты».

Изъ Великихъ-Луки.

Во время недавняго пребыванія въ нашемъ городѣ г. государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцова, пріѣхалъ сюда и одинъ знатный гишпанецъ, по имени Зеа Бермудесъ, который жилъ здѣсь также пѣкоторое время. Нынѣ узнали мы, что сіи особы были уполномочены отъ своихъ дворовъ для заключенія дружественнаго трактата между е. в. императоромъ всероссійскимъ и е. в. королемъ гишпанскимъ Фердинандомъ VII. Сей трактатъ дѣйствительно упомянутыми особами заключенъ здѣсь 8-го юлія. По сему можемъ мы теперь славиться, что и нашъ городъ Великіе-Луки будетъ имѣть отнынѣ знаменитое мѣсто въ дипломатической исторіи.

II.

Перлюстрація писемъ въ 1813—1814 гг.

I.

Всеподданнѣйшая записка министра внутр. дѣлъ Нозадавлева отъ 11-го апрѣля 1813 г.

Помѣта графа Аракчеева: „26-го апрѣля“.

Секретно.

Съ представленіемъ отношенія с.-петербургскаго главнокомандующаго ¹⁾ къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отдачѣ писемъ съ почты губерискимъ начальникамъ.

Въ дополненіе къ послѣднему донесенію моему о перлюстраціи, нужнымъ я почитаю представить в. и. в. въ подлинникѣ отношеніе ко мнѣ здѣшняго главнокомандующаго.

Главнокомандующій предписалъ начальникамъ губерній требовать отъ почтовыхъ мѣстъ, чтобы письма, подаваемые плѣнными и подозрительными людьми, были доставляемы къ министерству полиціи; меня-же просить оны сдѣлать по почтовой части распоряженіе. Я, основываясь на прежнихъ по сему объявленныхъ мнѣ

¹⁾ Генерала Вязмитинова.

высочайшихъ повелѣнiяхъ, исполнилъ немедленно его волю; но при томъ долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести в. в. слѣдующее: главнокомандующій также-бы скоро и чрезъ меня получилъ сіи письма отъ почтовыхъ мѣстъ, не обнаруживая сего начальствамъ губернскимъ.

Впрочемъ, ежели министерство полиціи желаетъ симъ средствомъ знать, какія тайны или о какихъ предположеніяхъ пишутъ по почтѣ плѣнные, то оно въ расчетѣ своемъ ошибется: ибо никто, безъ сомнѣнія, ничего тайнаго не напишетъ, зная, что письма отбираетъ губернское начальство.

Прежде всего, письма отъ плѣнныхъ были въ почтовыхъ мѣстахъ принимаемы и отсылаемы секретно въ тѣ мѣста, гдѣ установлена перлюстрація; турецкія-же письма отсылались отъ министра внутреннихъ дѣлъ къ государственному канцлеру, и по переводѣ были представляемы в. в.; а когда содержаніе ихъ оказывалось несомнительнымъ, тогда отсылались для доставленія по адресу. Все сіе оставалось въ совершенномъ секретѣ, и плѣнные и подозрительные люди писали свободно, думая, что ихъ письма не вскрываются. Напротивъ-же, по нынѣшнему положенію, сдѣлалось самое секретнѣйшее дѣло перлюстраціи публичнымъ; а потому теперь и ожидать нельзя, чтобъ кто-либо сталъ писать по почтѣ какія тайны: чрезъ почту не можно уже будетъ открыть ничего тайнаго.

Сверхъ того, люди недовольны губернскимъ начальствомъ, какъ плѣнные, такъ и другіе, по почтѣ не осмѣлятся уже писать жалобъ или неудовольствія своего на тѣхъ, у коихъ, какъ кажется, все во власти находится.

Навѣрное полагать можно, чтобъ и обмана извѣстнаго Соковина не случилось-бы, ежели-бы чуждое почтѣ начальство не имѣло права требовать себѣ съ почты пакетовъ. Дерзкій преступникъ Соковинъ, безъ сомнѣнія, вѣдалъ, что адъютантъ министра полиціи, яко преважная въ губерніи особа, можетъ, а особливо съ помощію коменданта или губернскаго начальника, брать съ почты пакеты, и потому сіе исполнилъ, а простякъ кавказскій почтмейстеръ, основываясь на введенномъ нынѣ постановленіи, вдался въ обманъ.

Я-бы думалъ, что ежели министерство полиціи желаетъ знать вообще, что пишутъ плѣнные и люди, находящіеся подъ надзоромъ, то всего приличнѣе и удобнѣе было-бы постановить, чтобы таковыя люди отдавали письма свои не на почту, но тѣмъ начальникамъ, кои имѣютъ надъ ними надзоръ; и въ такомъ случаѣ почтовымъ мѣстамъ можно запретить принимать отъ нихъ письма. Тогда плѣнные и находящіеся подъ надзоромъ лица, безъ сомнѣнія, не могутъ

имѣть какой-нибудь вредной или подозрительной корреспонденціи, ибо она будетъ открытая, на что правительство имѣетъ право, яко надъ людьми, лишенными свободы, подозрительными и состоящими подъ надзоромъ полиціи.

По такому распоряженію почтовая тайна осталась-бы неприкосновенною. Перлюстрированныя письма въ копіяхъ или, смотря по обстоятельствамъ, и подлинныя отсылались-бы по прежнему къ министру внутреннихъ дѣлъ, который-бы представлялъ оныя в. в. или-же сообщалъ-бы министру полиціи, сказавъ сему послѣднему, токмо, что до него дошли свѣдѣнія и прочее. Ежели-бы министру полиціи нужно было непременно узнать что-либо чрезъ почту, то и тогда онъ можетъ отнестись къ министру внутреннихъ дѣлъ, и дѣло будетъ и лучше и вѣрнѣе исполнено и все останется въ порядкѣ и въ тайнѣ. Даже петербургскій почтъ-директоръ, какъ я стороною слышалъ, отсылаетъ нынѣ перлюстрированныя письма прямо, куда ему приказано, не чрезъ меня и не давая мнѣ объ ономъ знать; однако-жъ, зная его, я увѣренъ, что онъ присылаетъ или письма совсѣмъ не важныя, или посылаетъ ихъ очень мало. Ежели онъ ведетъ перлюстрацію по личнымъ видамъ и уваженіямъ, то ему такое отступленіе отъ порядка очень выгодно и пріятно; ибо изгибовъ сердець почтовыхъ чиновниковъ никто, кромѣ начальствующаго надъ ними министра внутреннихъ дѣлъ, открыть и обратить ихъ на истинный путь не можетъ. Неоднократно я уже представлялъ в. в. на сіе доказательства.

По усердію моему къ службѣ вашего величества и не имѣя никакихъ другихъ видовъ, кромѣ пользы вашей, довожу я все безъ разбора до вашего свѣдѣнія, а потому долгомъ поставилъ и сію бумагу представить высочайшему вашего величества воззрѣнію.

Осипъ Козадавлевъ.

II.

Рукою императора Александра написано карандашемъ: „секретно“.

Записка министра внутреннихъ дѣлъ Козадавлева.

13-го апрѣля 1813 г.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ в. и. в. сію бумагу въ доказательство, что не только подозрительныя письма останавливаются и свидѣтельствуются губернаторами, но что даже цѣлая почта партикулярной корреспонденціи сей участи подвержена. Не смѣю

судить, какія слѣдствія отъ сего произойти могутъ, но опасаясь токмо, чтобъ частные люди въ Россіи по старинѣ не стали посылать писемъ своихъ съ ходоками.

III.

Секретно.

Витебскій губернаторъ Лешернъ—министру внутреннихъ дѣлъ.

Витебскъ. 4-го апрѣля 1813 г. № 2110.

Имѣя предписаніе отъ г. главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ, отъ 17-го сентября истекшаго 1812 года, за № 717, объ освидѣтельствованіи корреспонденціи всякій разъ, когда мѣра сія по обстоятельствамъ найдена будетъ необходимою для открытій истины, я, по обстоятельству, о которомъ имѣлъ честь его высокопр—ву донести, 2-го апрѣля за № 2023, счелъ нужнымъ сіе учинить, и потому предписалъ секретно витебской губернской почтовой конторѣ всякій разъ, когда только получится въ Витебскъ почта, то всѣ письма партикулярной корреспонденціи тотчасъ доставлять мнѣ для освидѣльствованія; то-же самое дѣлать и по принятіи писемъ отходящей изъ Витебска почты, ведя симъ послѣднимъ у себя записку, отъ кого будутъ поданы, которую и доставлять мнѣ обще съ письмами. О чемъ и в. высокопр—ству для свѣдѣнія имѣю честь донести. Губернаторъ Лешернъ.

IV.

Генераль Вазмитиновъ—министру внутреннихъ дѣлъ.

8-го апрѣля 1813 г. № 454.

По дошедшему до меня свѣдѣнію, что нѣкоторые плѣнные и высланные во внутрь Россіи, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, люди находятъ способы постороннимъ образомъ получать письма и отвѣчать на оныя; въ предупрежденіе сего, обративъ на предметъ сей особое вниманіе гг. начальниковъ губерній, я предписалъ имъ, кромѣ секретныхъ за тѣмъ наблюденій, требовать отъ почтовыхъ мѣстъ, чтобы они всѣ письма, таковыми людьми посылаемыя или на ихъ имя приходящія, доставляли-бы къ нимъ, а они представляли-бы оныя разсмотрѣнію министерства полиціи.

Извѣщая о семъ ваше пр—во, покорнѣйше прошу васъ, м. г.

мой, не оставить сдѣлать со стороны вашей по сему предмету почтовымъ начальствамъ предписаній и о послѣдующемъ пожаловать меня увѣдомить. Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ Вязми-тиновъ.

Въ концѣ представляемой у сего выписки ¹⁾ говорится о внутреннемъ въ государствѣ разстройствѣ и о проворствѣ, съ какимъ барышники наживаются. Я полагаю, что къ сему подало случайное новое распоряженіе министерства финансовъ относительно ассигнацій. Фальшивыя ассигнаціи всегда были выплачиваемы отъ ассигнаціоннаго банка наравнѣ съ истинными и отъ того, между другими причинами, ассигнаціи имѣли кредитъ въ обращеніи: никто ихъ брать не боялся. Нынѣ-же фальшивыя ассигнаціи французскаго дѣла отъ банка не выплачиваются и отъ сего кредитъ ассигнацій еще болѣе упалъ: всякій боится брать ихъ, полагая получить фальшивыя. Министръ финансовъ сообщалъ мнѣ, чтобы во всѣхъ и внутри имперіи находящихся конторахъ почтовыхъ подаваемыхъ для пересылки ассигнацій свидѣтельствованы были для открытія, нѣтъ-ли между оными фальшивыхъ, и для того сообщилъ онъ мнѣ тогда даже и признаки фальшивыхъ французскаго дѣла ассигнацій, дабы я отъ себя препроводилъ оныя въ почтовые конторы. Натурально, что я въ сѣмъ важномъ дѣлѣ, которое должно всегда сохраняемо быть въ непроницаемой тайнѣ, не могъ согласиться съ министромъ финансовъ, ибо почтовыхъ мѣстъ находится болѣе шести сотъ и такая огласка лишитъ, безъ сомнѣнія, бумажныя наши деньги и послѣдняго кредита.

Я ему сообщилъ по сему мое мнѣніе. Министръ финансовъ тотчасъ почувствовалъ истину мною сказаннаго и предположеніе свое отмѣня, постановилъ токмо, чтобы въ заемномъ банкѣ отъ должниковъ принимаемъ былъ протесъ (?) процентовъ и капитала, но однако, съ представленіемъ отъ нихъ нумераціи, вносимыя (?) ассигнаціямъ. Всѣ сіи и имъ подобныя движенія министерства финансовъ, а особливо неплатежъ за фальшивыя ассигнаціи, произвели въ публикѣ ропотъ и безпокойство; а между тѣмъ цѣна ассигнацій еще болѣе понизилась.

Безъ сумнѣнія, денежные барышники и такъ называемые мѣняла пользуются симъ случаемъ и набогащаются.

¹⁾ Выписки этой не имѣется въ нашемъ распоряженіи.

V.

Выписка изъ письма отъ купца Петра Попова изъ Бродовъ, отъ 19-го генваря 1814 года къ московскому купцу Захару Крылову въ Москву.

Съ сею почтою посылаю вамъ еще пробы шерсти, ибо мнѣ пришло въ голову, что я слишкомъ мало послалъ! Сіи пробы я вынулъ самъ безпристрастно изъ кипъ и безъ выбору, какъ есть, и самъ лазилъ по кипамъ и осматривалъ шерсть и вся въ добротѣ хороша. Ну, любезнѣйшій Захаръ Денисьевичъ, мы пророки выходимъ съ вами: греки рвутся, мечутся, ищутъ и шнурютъ шерсти, но пусть заговѣются, не только здѣсь, но и въ вѣкѣ (?) едва-ли успѣютъ сыскать, ибо первое, что шерсть вся пробралась и тамъ, по милости англичанъ, да притомъ и цѣны уже 20 гульденовъ на всякій сортъ приросли. О причинахъ дороговизны шерсти неминуемой я вамъ писалъ, но мнѣ въ голову пришло и то вопросъ: что побуждаетъ англичанъ столь бѣшенымъ образомъ скупать шерсть во всей Европѣ и увозить къ себѣ въ Островъ?—Прошу подумать, не кроется-ли тутъ хитрость, дабы лишить фабрикантовъ средствъ продолжать свои работы, ибо не имѣя шерсти нельзя дѣлать сукна. Какъ вы думаете? Эти островитяне видятъ, что политика россійскаго кабинета, запрещая и не выдавая тарифа, печется о благѣ подданныхъ, дѣлая преграду алчности ихъ—и не вздумали-ли они сію спекуляцію для сей цѣли? И по днесь проходитъ повемногу шерсти въ Ригу, а все въ Ригу, но никуда болѣе, а изъ Риги на корабляхъ въ Англію!

VI.

Записка министра внутреннихъ дѣлъ О. Козадылева.

Разсужденія и догадки купца Попова кажутся мнѣ основательными. Единственное средство предупредить оное (?) противу россійскихъ фабрикъ предпріятіе есть, безъ сомнѣнія, запрещеніе вывозить шерсть за-границу. Теперь овчарные заводы весьма и весьма у насъ размножились. Размноженіе сіе, конечно, послѣдовало отъ свободнаго торга шерстію; но теперь запрещеніе вывозить шерсть за-границу вреда овчарнымъ заводчикамъ сдѣлать не можетъ, велику и въ Россіи шерсть будетъ раскупаема дорогою цѣною, при

умноженіи числа тонко-суконныхъ фабрикъ. Умноженіе субонныхъ фабрикъ, конечно, пойдетъ успѣшно, лишь-бы разглашеніе о новомъ тарифѣ и неизвѣстность о семъ предметѣ фабрикантовъ въ распространеніи ихъ фабрикъ не останавливали. На первый случай можно-бы было на вывозъ шерсти положить большую пошлину, ибо здѣсь продается тонкая шерсть, отъ 80-ти до 100 рублей за пудъ, а пошлина положена токмо съѣзда (съ нуда?) по 50 коп. при вывозѣ оной.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ

въ его рѣшеніяхъ военно-судныхъ дѣлъ

1799—1808 гг.

Будущему біографу гр. Аракчеева предстоитъ не мало труда, чтобы разобратъся въ массѣ самыхъ разнообразныхъ и неблагопріятныхъ свѣдѣній объ исторической личности гр. Аракчеева, чтобы справедливо и обстоятельно выразить характеристику этого чело-вѣка, оставившаго по себѣ память, съ одной стороны, не только суроваго, но и жестокаго временщика, съ другой—снискавшаго, въ средѣ мелкихъ людей, участь которыхъ отъ него зависѣла, благодар-ность за благодѣянія, имъ оказанныя. Въ настоящее время благодѣянія гр. Аракчеева являются также сомнительны... Между тѣмъ, намъ удалось, однако-жъ, найти въ архивахъ ¹⁾ два рукопис-ныхъ документа, упоминающихъ о благодѣяніяхъ гр. Аракчеева.

А. С.

Въ 1799 году, по сентенціи военного суда, были приговорены къ различнымъ наказаніямъ слѣдующія лица:

Штабсъ-капитанъ Лопатинъ, за разные противозаконные про-ступки, былъ приговоренъ къ разжалованію „на время“ въ рядовые. Ген. Аракчеевъ, принимая во вниманіе, что шт.-кап. Лопатинъ во время суда десять лѣтъ содержался подъ арестомъ и въ оковахъ, мнѣніемъ положилъ: отъ всякаго дальнѣйшаго взыскапія Лопатина освободить, но отставить отъ службы.

Поручикъ Соколовъ, обвиненный въ пьянствѣ и растратѣ казен-наго имущества, былъ приговоренъ судомъ къ повѣшенію. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: во вниманіе долговременнаго ареста (8 лѣтъ) въ оковахъ, пор. Соколова отъ дальнѣйшаго взыскапія освободить, но отставить отъ службы.

¹⁾ Архивъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, связка 1114, № 1—46.

Маюръ Семеновъ и пор. Вашутинъ, по суду, за разные противозаконныя проступки, приговоренныя къ лишенію чиновъ, дворянскаго званія и къ ссылкѣ въ работу, по рѣшенію ген. Аракчеева, во вниманіе къ 4-хъ-лѣтнему ихъ аресту и прежней ихъ хорошей службѣ, были отставлены отъ службы, безъ дальнѣйшаго взысканія.

Поручикъ Обольяниновъ за разные проступки былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго званія и къ исключенію изъ службы. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: во вниманіе того, что пор. Обольяниновъ три года содержался подъ арестомъ въ оковахъ, выключить его изъ службы.

Шт.-кап. Скрыпкинъ былъ приговоренъ за разные проступки и за слабый надзоръ за казеннымъ имуществомъ (въ артил. цейхгаузѣ) къ написанію „вѣчно“ въ рядовые и секвестрованію его имѣнія; ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: выключить изъ службы, а имущество его продать для пополненія казенныхъ убытковъ.

Фейерверкера Кастрюкова, за растрату казенныхъ денегъ (440 р.), ввѣренныхъ его храненію, судъ приговорилъ: лишить живота и повѣсить, а утраченную сумму взыскать съ подполковника Гаствера и шт.-капит. Капустина, ввѣрившихъ Кастрюкову казенный транспортъ. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: Кастрюкова наказать шпицрутенами и попрежнему опредѣлить на службу, а относительно взысканія растраченныхъ денегъ съ офицеровъ, поручившихъ Кастрюкову транспортъ, то ген. Аракчеевъ полагалъ-бы, если не бѣльшую, то равную часть истраченныхъ денегъ взыскать и съ ихъ начальника артиллеріи въ Казани, ген.-м. Мордвинова.

Гр. Аракчеевъ, будучи военнымъ министромъ, не всегда преслѣдовалъ виновныхъ въ лихоимствѣ, но подвергалъ ихъ общественному суду, отдавая въ приказѣ замѣченныя имъ злоупотребленія. Такъ, въ 1808 году, былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Спб. военно-сухопутный госпиталь, вѣроятно, заботясь о довольствіи больныхъ солдатъ, употребилъ (съ 1-го сентября по 1-е февраля) на ихъ содержаніе 10.451 р. 50 к., изъ коихъ на одно вино израсходовано было 4.041 р. 45 к., а именно: на портвейнъ 2.184 р., мадеру 859 р. 95 к., медокъ 320 р. и бурдовскую (?) водку 677 р. 50 к.

Сообщ. А. И. Савельевъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Повѣдка по Россіи въ 1890 г.

I.

Село Палибино.

12-го августа.

Дорога отъ Великихъ-Лукъ до Невеля чрезвычайно живописна, она тянется почти отъ Лукъ до первой станціи Сеньково грядой холмовъ, по обѣимъ сторонамъ которой лежатъ необозримыя поля, рощицы молодяка-лѣса на мѣстахъ давно вырубленнаго бора и то тамъ, то здѣсь открываются зеркала озеръ... Шестъ верстъ за станціей Сеньково, у самой большой дороги, на холмѣ, въ тѣнистой рощицѣ, подымается каменная часовенька, — здѣсь опочиваютъ останки ген.-лейтенанта В. В. Корвинъ-Круковскаго и его жены Елисаветы Ѳедоровны, внучки нѣкогда извѣстнаго астронома Шуберта. Сухой по внѣшнимъ своимъ формамъ, нѣсколько надутый генеральствомъ, старикъ Корвинъ-Круковскій легъ въ могилу, какъ-бы не являясь съ обыкновенными смертными, не на общемъ кладбищѣ, а, какъ видите, особнякомъ, — это отецъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ — Анны Васильевны Жалярь и Софіи Васильевны Ковалевской.

Живо воскресаютъ предъ нами воспоминанія зимы 1862 ^{декабрь}/_{январь} 1863 годовъ. Мы подѣзжаемъ къ барскому дому, выстроенному во вкусѣ барскихъ домовъ 1830—1840-хъ годовъ, съ башней, широкими крыльями флигелей; домъ этими крыльями какъ-бы принимаетъ гостя въ свои объятія. Входимъ, — множество прислуги, домъ полонъ всего, какъ чаша. Отецъ, мать, бойкій хорошенькій

мальчикъ сынъ, гувернеръ, англичанка гувернантка, прехорошенькая одиннадцати — двѣнадцатилѣтняя дѣвочка — это Софочка, рѣзвушка, знаменитый впоследствии магистръ изящныхъ искусствъ, докторъ философіи, профессоръ высшей математики: старшая ея сестра, въ то время лѣтъ 17-ти или 18-ти, стройная прекрасная блондица, съ синими, иногда какъ-бы зелеными, глазами и дивною волнистою косою... Мамаша этихъ барышень поленькая, самая привѣтливая дамочка, не могущая забыть, что она была когда-то хорошенькая — это хозяйка-генеральша, и, наконецъ, сухой, чопорный генераль... вы его такъ и видите за пасьянсомъ, vis-à-vis съ гувернеромъ его дѣтей... Проходить одинъ лишь день, и оживленная бесѣда въ области литературы съ старшей барышней восхищаетъ насъ: невольно дивисься, какъ подъ сѣнью деревенскаго дома, въ глуши, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ почти безвыѣздной жизни, выросла такая прекрасная дѣвушка: она вся дышетъ возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала, на трехъ, четырехъ языкахъ; какое близкое знакомство съ исторіей, какая бойкость сужденій въ области философіи и исторіи — и все это проявляется въ такихъ простыхъ, очаровательныхъ формахъ, и васъ не гнететъ вся эта начитанность, вся эта вдумчивость въ прочитанное и изученное. А тутъ-же, въ обширномъ залѣ, раздается звонкій смѣхъ Софочки: рѣзвушка, хорошенькая дѣвочка, встряхивая роскошными кудрями каштановыхъ волосъ, бѣгаетъ съ мячикомъ, подбѣгаетъ къ сестрѣ, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, и снова несетъ по комнатамъ.

Прелестные дни, очаровательные дни!.. Я опять ихъ пережилъ, читая еще на-дняхъ „Воспоминанія дѣтства“ С. В. Ковалевской въ „Вѣстникѣ Европы“ (изд. 1890 г., июль и августъ)... Вы читали ихъ? Нѣтъ? — Прочтите, прочтите непременно. Это превосходные очерки быта богатой дворянской помѣщичьей семьи 1850—1860-хъ годовъ, очерки въ высшей степени вѣрные, что мы можемъ засвидѣтельствовать, зная всѣ главнѣйшія подробности, относящіяся именно до обитателей сельца Палибина (такъ именуется мѣсто дѣйствія помянутыхъ „Воспоминаній“), и набросаны мастерскою кистью писательницы-художника... Эти „Воспоминанія“ могутъ быть поставлены съ лучшими въ этомъ родѣ страницами изъ произведеній И. С. Тургенева и гр. Л. Н. Толстаго¹⁾. „Постой, однако, ямщикъ!“ —

¹⁾ С. В. Ковалевская обладаетъ большимъ литературнымъ дарованіемъ, это видно также изъ весьма интереснаго ея очерка: „Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи“. („Сѣверный Вѣстникъ“, 1890 г., кн. XI, стр. 133—161).

вотъ выглянулъ изъ-за кущи деревъ красивый, съ башнями, большой господскій домъ села Палибина. „Подъѣзжай, голубчикъ, обожди у подъязда минутъ двадцать, получишь на чай,—дай, я обѣгу домъ и садъ...“

Но гдѣ-же объятія дома, гдѣ его лѣвое крыло — флигель, нѣ-когда мѣстожителство степеннаго, прекрасно знающаго свое дѣло, вполнѣ образцоваго домашняго наставника-гувернера? Тамъ-же и театръ былъ. Флигель сломанъ! Новая владѣлица сокрушила „лип-нюю“ постройку, нужно-де ее отоплять, надо бѣлить, а это, жаль, расходъ избыточный. Въ лѣвомъ — службы, но, увы, вмѣсто бывшей здѣсь чистоты,—грязь, битыя стекла, вылитыя подъ окнами помои... Вотъ столовая, вотъ лѣстница на террасу, любимое мѣсто быв-шихъ владѣльцевъ Палибина, съ ихъ неизмѣннымъ пасьянсомъ или преферансомъ, съ неизмѣннымъ партнеромъ генерала—домашнимъ наставникомъ І. И. Малевичемъ. А вотъ и гостиная или зало, гро-мадная, свѣтлая комната; къ ней прилегаеть узенькая комнатка— это библиотека; въ ней нынѣ какіе-то жалкіе остатки, разрозненные годы русскихъ и иностранныхъ журналовъ 1860-хъ годовъ; вотъ и башня, гдѣ такъ любила и читать, и мечтать Анна Васильевна, столъ преждевременно сошедшая въ могилу... Все это я быстро обо-шелъ, и при видѣ всего этого, тоской,—мертвящей тоской сжалось мое сердце... Перемерли старики, сошла въ могилу пылкая, даровитая рус-ская женщина-писательница, Анна Васильевна, не болѣе какъ года четыре спустя послѣ моего знакомства съ нею ставшая кумиромъ гениальнаго писателя Ѡ. М. Достоевскаго, горячо, глубоко-искренно ее полюбившаго и безуспѣшно просившаго ея руки. Нѣтъ главнѣй-шихъ лицъ изъ этого дома, и самый домъ, перейдя къ новой владѣ-лицѣ, представляетъ полное запустѣніе. Нѣтъ и слѣда прежняго ком-форта. Владѣлецъ или владѣлица, представители новой генераціи землевладѣльцевъ, замѣнившихъ помѣщиковъ, представители тру-довой наживы, а не прежняго дворянства, въ которомъ, на ряду съ массою неотрадныхъ чертъ, были черты, почти невѣдомыя нынѣ—ра-душіе, гостепрїимство, привѣтливость, а главное—образование...

Чувствуется покойникъ въ этихъ большихъ комнатахъ, съ ихъ покорбившимися паркетными полами, съ ихъ состарившеюся, по-рѣдѣвшею мебелью... Скорѣе въ паркъ! Что это за прелесть въ его запустѣніи: вотъ развалины теплицъ, жалкіе остатки фруктоваго сада; персики, абрикосы, чудныя вишни—все это славилось нѣкогда въ Пали-бинѣ; теперь груды мусора на мѣстѣ теплицъ... Вотъ аллея акацій, то-полей, вотъ весьма длинная аллея прекрасныхъ, какъ стѣна, по шнуру вытанутыхъ липъ; вотъ рощицы дубовъ, кленовъ; вотъ отдѣльные

дубки и тополи, посаженные руками разныхъ лицъ изъ прежнихъ обитателей и обитательницъ Палибина... Подъ сѣнью этихъ чудныхъ аллей мечтали, думали, да передумывали о разныхъ вопросахъ въ сферѣ идеаловъ двѣ головки прекрасныхъ русскихъ дѣвушекъ... Одной изъ нихъ выпала доля всевозможныхъ тревоженій, — доля русской писательницы; другую озаряетъ слава первой по времени русской женщины-ученаго, профессора высшей математики, труды которой вѣдомы ученому міру всей Европы... Какъ уцѣлѣлъ здѣсь до сихъ поръ паркъ и на долго-ли—неповятно и неизвѣстно! Какъ духъ наживы не сокрушилъ этихъ прекрасныхъ аллей ни на лыки липовыя на продажу, ни повалилъ дубки на всякое издѣліе?.. Впрочемъ, вотъ знаменіе времени: поднялась въ самомъ паркѣ, на берегу прелестнаго озера, паровая мельница, вотъ и костры дровъ, нарубленныхъ, увъ, въ паркѣ... Очевидно, мельница-ли, что-либо другое, но вихрь разрушенія пронесется и надъ этимъ паркомъ... А перейди это имѣніе изъ рукъ теперешней владѣлицы къ крестьянамъ, что легко совершится въ близкомъ будущемъ, немедля лягутъ подъ ударами топора Колупаевыхъ эти дорогія насажденія, стоимшія упорныхъ трудовъ, ухода и заботъ нѣсколькихъ поколѣній...

II.

Село Клевники.

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Палибина, на живописномъ берегу извиистой Ловати, раскинулось село Клевники, памятное мнѣ еще по воспоминаніямъ дѣтства, когда кадетомъ Полоцкаго корпуса, каждое лѣто въ 1848—1852 гг., я заѣзжалъ по пути на родину въ Великія Луки, въ деревянный домъ этого селенія. Старѣйшіе представители обладателей этого имѣнія сошли въ могилу: село перешло было въ другія руки куплею и опять вернулось чрезъ новую куплю въ прежнюю семью Гибера-фонъ-Грейффенфельса.

Несмотря на ранній часъ утра, я позволилъ себѣ заѣхать къ владѣльцу имѣнія, полагая, что въ сынѣ стараго знакомаго встрѣчу радушнаго хозяина, и не ошибся. Не прошло и полчаса, какъ мы сидѣли за кипящимъ самоваромъ и бесѣда витала въ области преданій, генеалогическихъ свѣдѣній и въ фамильныхъ воспоминаніяхъ. Хозяинъ ¹⁾ оказался правнукомъ знаменитаго усмирителя Пугачева—Ив. Ив. Михельсона. Живописный портретъ генерала виситъ тутъ—

¹⁾ Александръ Ивановичъ фонъ-Грейффенфельсъ.

же въ залѣ, равно какъ и портретъ жены Михельсона—Шарлотты Ивановны, рожд. Ребиндеръ. По фамилнымъ воспоминаніямъ, Шарлотта Ивановна не жила съ мужемъ, оставила роскошное село Иваново, близъ гор. Невеля, водворилась въ селѣ Палибинѣ и вела жизнь вначалѣ весьма расточительную, многими годами переживъ своего знаменитаго мужа.

Палибино за долги взято было Опекунскимъ совѣтомъ, а вдова Михельсона переѣхала въ сельцо Церковище, Велижскаго уѣзда, и умерла почти въ нищетѣ около 1837 или 1839 г.; она погребена на лютеранскомъ кладбищѣ сельца Дорожкина, бывшее генерала Дуве. Шарлотта Ивановна была кавалерственная дама и пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны († 1828).

Сынъ генерала Ив. Ив. Михельсона—Григорій Ивановичъ Михельсонъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, какъ рассказывалъ намъ, по преданію, владѣлецъ села Клевники, женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ Авдотѣ Калинишнѣ, съ которой жилъ долго внѣ брака и отъ которой имѣлъ двухъ сыновей—Михаила и Григорія, воспитанныхъ впоследствии, заботливостью генерала Воинова, въ Императорской Академіи художествъ, а также одну дочь Екатерину; малолѣтнею была она взята генеральшею Михельсонъ въ село Палибино и росла тамъ до выхода замужъ за отставнаго шт.-ротм. Ивана Матв. Гибера-фонъ-Грейффенфельса († февр. 1866 г.).

Въ роду владѣльца села Клевниковъ значится его дѣдъ Александръ Львовичъ Воиновъ, генераль-отъ-кавалеріи и генераль-адъютантъ (род. около 1770 г.), сдѣлавшій, сначала какъ родной племянникъ Ив. Ив. Михельсона, а потомъ и по личнымъ качествамъ боеваго офицера, блестящую военную карьеру: Воиновъ былъ участникъ всѣхъ кампаній Россіи съ 1787-го по 1829 г., главнымъ образомъ отечественной войны и послѣдующихъ войнъ. Біографія Александра Львовича находится въ военно-энциклопедическомъ лексиконѣ, въ галлерей сподвижниковъ Александра I и въ нѣкоторыхъ другихъ военно-историческихъ изданіяхъ.

Въ 1814 году, при возвращеніи нашихъ войскъ чрезъ Германію, Воиновъ замѣтилъ на отведенной ему квартирѣ въ Теплицѣ дѣвушку замѣчательной красоты; она оказалась дѣвицею хорошей фамиліи Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ. Полуторасуточнаго знакомства было достаточно храброму офицеру, чтобы ближе узнать обворожившую его дѣвицу и просить ея руки у родителей. Согласіе было дано; войска выступили далѣе въ походъ по направленію къ Россіи, а нѣсколько дней спустя выѣхала невѣста съ своимъ племянникомъ Ив. Гиберомъ-фонъ-Грейффенфельсомъ. Это онъ, тогда юноша лѣтъ

15-ти, былъ потомъ владѣльцемъ села Клевниковъ и отцомъ моего собесѣдника. Вывезенный изъ Германіи юноша Гиберь-фонъ-Грейффенфельсъ тогда же былъ опредѣленъ генераломъ Воиновымъ въ военную службу, въ которой оставался до 1830 года, и вышелъ въ отставку шт.-ротмистромъ.

Начало царствованія Николая Павловича застало Воинова генераломъ-отъ-кавалеріи и во главѣ гвардейскаго корпуса, послѣ чего онъ былъ участникомъ русско-турецкой войны. Здѣсь подъ крѣпостью Шумлой, Воиновъ, принявъ личное участіе въ одной кавалерійской атакѣ, провалился съ лошадыю въ прикрытую турками волчью яму и, наткнувшись на рукоятку своей сабли, сломалъ себѣ два ребра. Генераль погибъ-бы непременно подъ ударами налетѣвшихъ турокъ, если-бы бывший при немъ вѣстовой казакъ Харлапъ не выхватилъ-бы его изъ ямы и не ускакалъ-бы съ нимъ обратно. Харлапъ впослѣдствіи былъ отпущенъ на житье въ имѣнье генерала Воинова, село Клевники.

По случаю своей раны уволенный съ театра военныхъ дѣйствій на отдыхъ, въ свое имѣнье, въ 1830 г., Воиновъ ѣхалъ окруженный свитой, но что любопытно—ѣхалъ тройкою, сидя верхомъ въ открытыхъ дрожкахъ. Его спутница-жена сидѣла въ огромной каретѣ, запряженной шестерикомъ, внутри которой были зеркала и разныя приспособленія роскошнаго салона. Затѣмъ въ двухъ каретахъ, четырехъ коляскахъ, разныхъ бричкахъ и рыдванахъ ѣхали: домоправительница, приживалки, двѣнадцать деньщиковъ по штату, швей, горничныя, всякаго рода дворова челядь; за поѣздомъ вели верховыхъ лошадей, а всего, по преданію, окружало генерала Воинова до 150 человекъ прислуги и шло, въ табунѣ да въ упряжкѣ, до 210 лошадей; то было въ 1830 г., на длинномъ пути изъ Бессарабіи до Невельскаго уѣзда. Походъ настолько совершался медленно, что на пути служили молебны, у женатой прислуги рождались дѣти, крестили ихъ въ сельскихъ да городскихъ церквахъ и, такимъ образомъ, тянулись до села Клевниковъ болѣе двухъ мѣсяцовъ.

За порядкомъ въ поѣздѣ, какъ-бы въ роли квартирьера, наблюдалъ племянникъ генерала по его женѣ, Ив. Гиберь-фонъ-Грейффенфельсъ. По прибытіи въ Клевники, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гиберь женился на побочной дочери Григорія Михельсона—Екатерины Григорьевны Эльсонъ, каковой бракъ состоялся по желанію генерала Воинова, щедро одарившаго молодыхъ.

Къ 1832 году относится слѣдующій случай въ жизни генерала Воинова. Разъ, возвращаясь изъ села Церковище къ себѣ въ Клевники, старикъ генераль на одной станціи, пока запрягали лошадей,

пошелъ по дорогѣ впередъ пѣшкомъ. На старика напали собаки и изорвали ему шинель. Случай этотъ надѣлалъ тогда много шуму и послужилъ поводомъ къ легендѣ о томъ, что будто-бы А. Л. Воиновъ умеръ отъ собакъ. Легенда, однако, оказывается невѣрною. Онъ умеръ отъ антонова огня, прикинувшася въ ногѣ, натертой сапогомъ; умеръ онъ въ селѣ Церквище въ 1832 году и погребенъ въ селѣ Клевникахъ, въ склепѣ подъ церковью, которую началъ строить. Вдова его, ослѣпшая отъ слезъ, умерла въ 1845 году.

III ¹⁾.

Село Иваново.

Дорога попрежнему весьма живописна. За станцію Борокъ начинается боръ сосновый, очень хорошо сохраняемый, такъ какъ онъ принадлежитъ казнѣ, и этотъ боръ тянется на пространствѣ 18 верстъ. Это положительно лѣсной оазисъ среди холмовъ и полей этого края, давно уже лишеннаго лѣсовъ; озера то съ правой, то съ лѣвой стороны появляются въ лѣсной чащѣ, и зеркальная поверхность ихъ, въ рамкѣ зеленыхъ береговъ, является очень привлекательною. Ямщикъ рассказываетъ, что это и впрямь настоящій боръ, что въ немъ водятся медвѣди, много волковъ, и еще не далѣе какъ въ эту зиму цѣлая стая преслѣдовала его, когда онъ порожнемъ возвращался на станцію; насилу-де улепетнулъ паренъ на своихъ отошалахъ, но привычныхъ къ скачѣ лошадаыхъ.

Лѣсъ этотъ, какъ-бы чудомъ сохраняющійся, входилъ въ составъ громаднаго имѣнія генерала-отъ-кавалеріи Ив. Ив. Михельсона († 1807 г.). Нѣсколько селъ, въ томъ числѣ оставшееся сзади насъ селцо Палибино, входили въ составъ громаднаго жалованнаго Екатериною II имѣнья—пожалованнаго генералу за великую службу ей и Россіи: это онъ—Михельсонъ, смѣлый сокрушитель полчищъ Пугачева.... Мы выѣзжаемъ изъ лѣсной чащи; передъ нами необозримыя поля и нѣсколько построекъ—остатки нѣкогда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, роскошнаго селенія Иванова, въ честь имени Михельсона такъ названнаго. То была резиденція генерала Михельсона. Отъ большаго вполне барскаго дома, направо отъ дороги, въ семи верстахъ отъ города Невели, не осталось и слѣда. Имѣнье

¹⁾ Извлечение изъ этой и послѣдующей главы читано было нами въ общемъ собраніи Археологическаго Института, въ Спб., 25-го октября 1890 г.

было взято въ казну послѣ смерти единственнаго и притомъ безпутнаго сына генерала, — и домъ-дворецъ не временемъ, а хищностью окрестныхъ обитателей былъ постепенно, но буквально растасканъ по камнямъ; о величїи села напоминаетъ громаднѣйшій паркъ, къ настоящему времени настолько запущенный, что онъ обратился въ лѣсную чащу и пустырь.

Но вотъ на лѣвой сторонѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ большой почтовой дороги, красивая каменная церковь, выстроенная съ явными претензіями на величественность.... На боковомъ фронтонѣ значится надпись, гласящая о томъ, что церковь эта сооружена въ 1805 году. Это храмъ св. Іоанна Предтечи, сооруженный средствами и волею Михельсона во имя его Ангела тезоименника. Церковь подымается среди каменной ограды и толстыхъ вѣковыхъ густолиственныхъ липъ, стройными линіями, какъ солдаты вытянувшихся вдоль всѣхъ четырехъ сторонъ рѣшетчатой въ каменныхъ столбахъ ограды. Въ углу ограды сторожка и мечется у нея съ яростнымъ лаемъ, на привязи, громадный песъ.

„Что онъ у тебя такой лютый?“ спрашиваю я подошедшаго съ ключами церковнаго сторожа.

— „Да вотъ, видишь, двѣнадцать годовъ тому назадъ эту самую церковь на-чисто обокрали ночью. Дѣло-то было въ ночь на 4-е сентября 1878 года; взломали замокъ и все, что было дорогаго на престолѣ, да въ ризницѣ, все повытаскали. Вотъ съ тѣхъ поръ и сторожа перемѣнили,—я, стало быть, назначенъ,—и собаку завели, да въ дверяхъ, какъ видишь, нынѣ три замка“.

И пошелъ онъ щелкать замками, да затворами—насилу вошли во храмъ Божій. У самага входа въ притворѣ, на деревянномъ поставцѣ, небрежно поставленъ алебастровый превосходный бюстъ, это — Ив. Ив. Михельсонъ, съ его открытымъ лбомъ, съ заплетеннымъ въ косу парикомъ, съ большими на выкатѣ глазами, бравый, живой, полный энергіи въ выраженіи всего открытаго лица, превосходно воспроизведенный видимо искуснымъ ваятелемъ. Я тотчасъ узналъ генерала по замѣчательному сходству съ превосходнымъ портретомъ, изданнымъ нами въ 1876 году при „Русской Старинѣ“ (т. XV, кн. янв., стр. 210), въ художественной гравюрѣ на мѣди академика, нынѣ профессора, И. П. Пожалостина. Въ лѣвомъ углу церковнаго притвора, также не особенно бережно, торчитъ на поставцѣ не менѣе артистически выполненный бюстъ жены Михельсона — Шарлоты Ивановны, рожденной Ребиндеръ ¹⁾, живописный портретъ кото-

¹⁾ Вторая жена Михельсона, Шарлота Ивановна, род. въ 1764 г., † около 1839 года.

рой я въ тотъ-же день видѣлъ въ селѣ Клевникахъ, въ имѣніи ея правнука А. И. Гибера-фонъ-Грейффенфельса.

Храмъ свѣтлый, церковный полъ—это паркетъ старинный дубовый, двери дубовыя-же, деревянная колонада въ видѣ ротонды, хоры—все это дѣлаетъ церковь не схожею съ обыденными сельскими храмами, обычной архитектуры XVIII и начала XIX вѣковъ. Въ верху звонницы, съ которой отличный видъ на два озера, называемыхъ Воронины, и ходъ на церковныя хоры, устроенъ небольшой придѣлъ, посвященный Екатеринѣ Великомученицѣ. Нѣтъ надобности говорить, что Ив. Ив. Михельсонъ соорудилъ этотъ придѣлъ въ память своей благодѣтельницы, императрицы Екатерины II. Дарохранительница, крестъ и прочія церковныя вещи были похищены грабителями въ ночь на 4-е сентября 1878 г., отобраны отъ нихъ исковерканными, затѣмъ исправлены и вызолочены въ 1887 г., изживленіемъ е. и. в. великаго князя Владиміра Александровича.

Сзади церкви, съ наружной ея стороны, противъ алтаря, мы нашли входъ, въ видѣ люка, въ подземный склепъ; сюда провелъ насъ сторожъ и мы очутились подъ самымъ алтаремъ, въ подземельѣ сухомъ, чистомъ, хорошо освѣщенномъ и освѣжаемомъ двумя другъ противъ друга окнами, съ выбитыми въ нихъ стеклами. Передъ нами оказались три гробницы: направо лежитъ Михельсонъ, въ срединѣ его дочь и влѣво его единственный сынъ Григорій ¹⁾.

— „Мошенники, что ограбили церковь двѣнадцать годовъ тому назадъ, объяснялъ намъ сторожъ, сунулись и сюда,—они взломали замки на обѣихъ дверяхъ въ этотъ подвалъ и открыли гробъ генерала. На утро мы нашли его тѣло вытянутымъ изъ гроба и онъ оставался торчать торчкомъ, съ головой въ гробу и съ ногами, высунутыми изъ гроба; его опять вторгнули на свое мѣсто, продолжалъ сторожъ, — грабители, надо полагать, искали чего-нибудь дорогаго въ гробу, да не нашли, потому какъ, извольте видѣть, и одѣжу, да и сапоги оставили на покойникѣ, вотъ извольте сами взглянуть“....

Какъ не взглянуть! Я заглянулъ въ гробъ съ величайшимъ, вполнѣ понятнымъ для издателя „Русской Старины“, любопытствомъ. Предо мною лежалъ порядочнаго роста человѣкъ, закрытый шелковою громадною пеленою блѣдно-розоваго цвѣта. Приподнялъ я эту пелену не безъ нѣвѣстолага содроганія, такъ какъ почему-то ждалъ, что подъ нею все еще копошатся черви,—но никакихъ червей не было, имъ и дѣлать нечего вокругъ совершенно высохшей муміи; черепъ съ провалившимися глазами, съ хорошо сохранившимися зубами,—

¹⁾ Род. въ 1791 году, † 1817 г.

что немало удивленія достойно, если вспомнить 67-ми или, по другимъ извѣстіямъ, 72-хъ-лѣтній возрастъ генерала,—поразилъ меня выпуклымъ лбомъ и правильнымъ красивымъ носомъ, какъ показалось мнѣ—еще обтянутымъ высохшею кожею. На покойникѣ уцѣлѣли остатки, кажется, гусарскаго мундира, съ серебряными жгутами, сдвинувшимися въ правую сторону, а, быть можетъ, то аксельбантъ, съ которымъ Михельсонъ изображенъ на гравюрѣ „Русской Старины“;—мундиръ съ металлическими маленькими пуговками, покрытыми отъ времени густою плѣсенью.... Я не могъ удержаться, чтобы не взять одну изъ этихъ пуговокъ на память о храбромъ сокрушителѣ Пугачева, объ этомъ доблестномъ генералѣ, котораго столь неожиданно увидѣлъ лицомъ къ лицу восемьдесятъ три года спустя послѣ его кончины.

Михельсонъ умеръ, какъ извѣстно, въ Бухарестѣ, откуда его тѣло, очевидно бальзамированное, было привезено сюда въ его фамильную усыпальницу; но что хорошо уцѣлѣло отъ браваго воина—это его сапоги, щегольскіе гусарскіе ботфорты; по крайней мѣрѣ, правый сапогъ смотрѣлъ совершенно новымъ, точно его вчера надѣлъ главнокомандующій Россійскою арміею. „Сапоги, впрочемъ, объясняетъ сторожъ,—мошенники порывались стащить, это видно было по всему, да не далъ старикъ-генераль, потому кости грузно заполонили сапогъ, не стащить было; они повозились, повозились, да и бросили... Старикъ такъ и остался торчкомъ-торчать изъ гроба, и, какъ видите, въ сапогахъ“. Сторожъ, однако, торопитъ меня, да и на самого обозрѣвателя нападаетъ нѣкоторый страхъ—такъ и грезится, что вотъ-вотъ старый воинъ приподыметъ въ этомъ гробу и крикнетъ: „что-де вы меня тревожите, чего вамъ отъ меня нужно!?“.

Гробъ, въ которомъ почіетъ Михельсонъ и который не сегодня-завтра, конечно, опять заколотятъ на-глухо (а и для чего заколачивать эту интересную мумію-памятникъ?), обтянуть пунцовымъ бархатомъ съ металлическими бронзовыми украшениями, изображающими головки ангеловъ съ крылышками; гробъ дубовый вставленъ въ большой дубовый-же саркофагъ.

Кто-же такой былъ тотъ, кто теперь потухшими, провалившимися очами смотреть на насъ изъ своей усыпальницы, тотъ знаменитый воинъ, во многихъ битвахъ проліявшій кровь свою за Россію и сослужившій великую службу Екатеринѣ, кто былъ этотъ Иванъ Ивановъ сынъ Михельсонъ?

Прадѣдъ Михельсона, Іосифъ, родомъ изъ англійскихъ дворянъ, черезъ Данію и Норвегію, поступилъ на службу въ Швецію и былъ адъютантомъ Карла XI. Сынъ его, капитанъ Иванъ Михельсонъ, убитъ подъ Полтавою въ рядахъ дружинъ Карла XII. Внукъ, Иванъ

Ивановичъ, полковникъ, поступаетъ въ подданство Россіи, и вотъ сынъ его Иванъ Ивановичъ, въ чинѣ подполковника, наноситъ рядъ рѣшительныхъ ударовъ Пугачеву.

Родившись, по показанію изданной нами „Родословной книги“, — трудъ уважаемаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, — въ 1740 году, а по другимъ свидѣтельствамъ нѣсколько ранѣе, Иванъ Ивановичъ, на 14-мъ году возраста, былъ записанъ въ гвардію, а въ 1755 г. переходитъ поручикомъ въ мушкетерскій полкъ и участвуетъ въ рядахъ полка подъ начальствомъ полковника Бибикова въ семилѣтней войнѣ, гдѣ раненъ въ одномъ бою штыкомъ въ голову, въ другомъ — получилъ двѣ сильныя контузіи и рану пулею на вылетъ въ поясницу, съ перебитіемъ кости. Онъ неминуемо погибъ-бы, если-бы его безчувственнаго, по приказанію полковника Бибикова, не унесли-бы съ поля сраженія. При Екатеринѣ II мы видимъ Михельсона участникомъ войнъ противъ Турціи и польскихъ конфедератовъ. Въ знаменитомъ бою при Ларгѣ онъ, въ рядахъ кавалеріи, несется въ смѣлой атакѣ на непріятельскія пушки. Пуля пробила ему лѣвую руку на вылетъ. Подполковникомъ, офицеромъ распорядительнымъ, полнымъ энергіи и доблести, Иванъ Ивановичъ явился, во главѣ С.-Петербургскаго карабинернаго полка, на театрѣ дѣйствій Пугачева, и здѣсь сталъ наносить ему ударъ за ударомъ... Мы, однако, не послѣдуемъ за нимъ въ его многочисленныхъ стычкахъ и свалкахъ съ толпами мятежниковъ, но напомнимъ, что Екатерина щедро наградила Михельсона и его соратниковъ. За освобожденіе Казани она произвела его въ полковники и высказала, въ письмѣ отъ 23-го іюля 1774 года, генералу Павлу Потемкину намѣреніе.... „наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой другой войнѣ кресты-бы заслужили“.

Михельсону даны, согласно съ симъ, 1,000 душъ крестьянъ въ Витебской губерніи, орденъ св. Георгія III класса, значительная сумма денегъ, а по совершенномъ окончаніи пугачевского бунта онъ пожалованъ чиномъ генераль-маіора и орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1803 году онъ, уже въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, назначенъ бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1806 г. назначенъ главнокомандующимъ Днѣстровскою арміею и умеръ въ Бухарестѣ 19-го августа 1807 года, будучи кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

По справедливому отзыву его біографа И. И. Ореуса — Михельсонъ былъ лихой представитель доблестныхъ служилыхъ людей Россіи. Храбрость его была блистательна и она увлекала его, даже 67-милѣтняго старика, въ личныя схватки съ непріателемъ. Въ то-же

время, благодушный, привѣтливый со всѣми, онъ былъ весьма заботливъ о своихъ подчиненныхъ ¹⁾).

Мы не прежде оставили склепъ, какъ тщательно вымѣривъ ростъ покойника; въ его останкахъ оказалось, отъ темени до каблука на сапогѣ, два аршина семь вершковъ.

Недалеко отъ церкви живетъ священникъ — от. Петръ Серебряниковъ; принялъ онъ насъ весьма привѣтливо и поспѣшилъ познакомить съ толстою рукописью, — то церковная лѣтопись, которую весьма усердно велъ его отецъ, бывший здѣсь священникомъ что-то около 30—35 лѣтъ. Описание грабежа церкви въ 1878 году занимаетъ въ этой лѣтописи нѣсколько страницъ.... Какъ жаль, что эти церковныя лѣтописи, вынѣ обязательныя для священниковъ, не были ведены еще въ прошломъ столѣтїи; сколько-бы интереснаго для народнаго быта, или, по крайней мѣрѣ, для быта духовенства и дворянства, сохранилось-бы на страницахъ этихъ рукописей. От. Петръ Серебряниковъ любезно обѣщаль намъ сообщить на страницы „Русской Старины“ болѣе интересныя выдержки изъ помянутой мѣстной хроники, что отчасти уже и исполнилъ.

Въ церковной оградѣ, близъ входа въ усыпальницу Михельсоновъ, за алтаремъ стоитъ лишь всего одинъ крестъ, подъ нимъ почіеть Авдотья Калинишна, бывшая фаворитка, а потомъ и жена Григорія Ивановича Михельсона, единственнаго сына сподвижника Екатерины II. О безпутствѣ этого наслѣдника сохранилось нѣсколько легендъ. Это онъ, Григорій Ивановичъ, съ своими егерями и прочею дворовою челядью дѣлалъ набѣги, какъ увѣряютъ, на сосѣдніе города Невель и Великіе-Луки...

Въ дополненіе къ нашему очерку о посѣщенїи с. Иваново, привожу небольшую замѣтку, весьма обязательно сообщенную намъ мѣстнымъ священникомъ о. Серебряниковымъ, съ дополненїями изъ статьи, сообщенной намъ въ августѣ 1876-го года покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ изъ Уфы ²⁾).

¹⁾ Отличный портретъ Михельсона, въ гравюрѣ на мѣди академика И. П. Пожалостина, приложенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г., томъ XV, кн. I, стр. 210.

²⁾ Статья сообщена была намъ Игнатьевымъ въ печатномъ оттискѣ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1876 г., № 32, съ рукописными дополненїями. Она оставалась доселѣ въ архивѣ „Русской Старины“; статья озаглавлена: „Еще нѣсколько словъ объ Ив. Ив. Михельсонѣ“; она вызвана трудомъ Ив. Ив. Ореуса („Русская Старина“ 1876 г.) и состоитъ

Помѣщикъ жилъ съ большимъ комфортомъ, содержалъ пѣвчихъ, музыкантовъ и началъ строить большой „музыкальный домъ“, съ круглымъ стекляннымъ куполомъ. Господскій домъ и всѣ остальные постройки были каменные. Имѣлись: винный заводъ, пивоварня, прачешная, далѣе пороховой заводъ (генераль имѣлъ свою артиллерію) и много оранжерей и каменныхъ бесѣдокъ въ большомъ, прекрасномъ саду; не въ дальнемъ разстояніи отъ села, по тракту къ Невелю, стоялъ огромный „биллиардный трактиръ“. Въ гостинницѣ за столъ и прочее ничего не брали. Еще и въ настоящее время находятся старожилы, помнящіе красивое и богатое, болѣе похожее на городъ, село Иваново, будто-бы при Екатеринѣ II называвшееся Воронино. Самый домъ помѣщика выстроенъ былъ на берегу озера, а всѣ постройки, до семидесяти домовъ, раскинуты были между озеромъ и большою почтовою дорогою отъ Невеля въ Великіе-Луки, около десятка верстъ въ окрестности.

Въ селѣ жило болѣе двухъ сотъ человекъ дворовыхъ обоого пола, вывезенныхъ владѣльцемъ либо изъ другихъ его имѣній, либо купленныхъ по одиночкѣ отъ разныхъ помѣщиковъ. Въ числѣ всевозможныхъ мастеровъ-ремесленниковъ изъ дворовыхъ было 35 музыкантовъ и 35 пѣвчихъ... Не довольствуясь однимъ господскимъ домомъ, Ив. Ив. началъ было строить цѣлый дворецъ, но Богъ не далъ жизни, дворецъ остался не достроеннымъ.

Иванъ Ив. былъ лютеранинъ, но подъ старость перешелъ въ православіе, сохранивъ прежнее имя Иванъ.

Въ особенной чистотѣ и исправности содержался большой садъ съ тѣнистыми аллеями, бесѣдками, прудами и искусственными насыпями. По счастливой случайности, теперь находятся еще хозяева, которымъ удалось завести садовыя деревья изъ Михельсоновскаго сада, и по ихъ копіи можно отчасти судить о красотѣ и вкусѣ плодовъ знаменитаго Михельсоновскаго сада. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большаго сада, по другую сторону большой дороги, находился другой садъ, подъ названіемъ „генеральскій“; впрочемъ, ничто не свидѣтельствуетъ, чтобы здѣсь были плодовые деревья, а есть только остатки цвѣтныхъ, да насыпной курганъ, на которомъ, говорятъ, была устроена бесѣдка. Къ западной сторонѣ сада прилегаетъ сохранившійся до сего времени паркъ, представляющій смѣсь всевозможныхъ

главнымъ образомъ, изъ свѣдѣній, собранныхъ Игнатьевымъ въ селѣ Ивановѣ-Уфа чтить память Михельсона, освободившаго ее отъ Пугачева. Въ музеѣ Уфимскаго статистическаго комитета имѣется портретъ генерала Михельсона.

М. С.

деревьевъ, растений и кустарниковъ, ископанный къ озеру прудами и канавами, но въ настоящее время совершенно зарытыми. Между деревьями въ особенности поражаютъ старые толстые кедры и дубы, есть также, кромѣ всѣхъ мѣстныхъ деревьевъ, много лиственницъ, пихтъ. Въ саду и отчасти въ паркѣ попадаются особый родъ улитокъ, разведенный Михельсономъ для борьбы съ червями и насѣкомыми; замѣчательно, что улитки эти не разводятся въ другихъ мѣстахъ, не смотря на нѣсколько надъ этимъ опытовъ.

Село Ивановское находилось въ цвѣтущемъ состояніи только до смерти Ив. Ив. Михельсона, 1807 г. августа 17-го дня. О смерти его имѣется въ метрической книгѣ мѣстнаго храма слѣдующая запись: „Его высокопревосходительство генераль-отъ-кавалеріи, главнокомандующій въ Молдавіи и Валахіи російско-императорскими противъ турокъ войскъ, бѣлорусскій военный губернаторъ и орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, святаго и великомученика Побѣдоносца Георгія, св. Анны и св. Станислава кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, квартируя въ столичномъ Валахіи городѣ Букарестѣ, съ полнымъ по христіанскому долгу приготовленіемъ, 72-хъ лѣтъ (sic) отъ роду преставился, и соборне отъ тамошняго греческаго митрополита погребеніе надъ нимъ отпѣто, а по волѣ его и высоко-монаршему на сіе соизволенію, Витебской губерніи, Невельскаго уѣзда, въ имѣніи его, въ имѣ выстроенной самимъ церкви въ селѣ Иваново, тѣло его погребено“.

Тѣло его и покоится въ погребѣ подъ алтаремъ, рядомъ съ сыномъ его Григоріемъ и дочерью Елисаветою. Гробы дубовые, съ металлическими на нихъ изображеніями херувимчиковъ, помѣщены въ деревянныхъ ящикахъ. Жена строителя храма, Шарлотта Ивановна Ребиндеръ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, погребена Невельскаго уѣзда, въ имѣніи Дорожкинѣ, г. фонъ-Дубе, при лютеранской киркѣ.

По исповѣдной вѣдомости за 1806 г. видно, что въ семействѣ Ив. Ив. Михельсона, кромѣ сына Григорія и дочери Екатерины. была еще дочь старшая Елена ¹⁾. Преданія мѣстныя гласятъ, что Елена Михельсонъ была красавица, отлично образована, но нѣмая; она была сдѣлана фрейлиною; многіе искали ея руки, но медики сказали ей, что если она выйдетъ замужъ, то умереть при первыхъ-же родахъ. До 38 лѣтъ Елена Ивановна была дѣвицей, но

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія о лицахъ фамиліи генерала Михельсона дополняютъ данныя „Русской Родословной книги“ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, наше изданіе, Спб., 1873 г., томъ I, стр. 234—235. Ред.

туть вышла за вдовца, барона Петра Карловича Розена и на другой-же годъ замужества, въ 1819 г., умерла въ Спб., разрѣшившись мертвымъ младенцемъ.

Какъ сказано выше, имѣніе Иваново, со смертью его владѣтеля Ив. Ив., начинаетъ падать и, благодаря особенному умѣнью и безпутной жизни сына Ивана Ивановича Михельсона, Григорія, въ десять лѣтъ все было прожито, и самое имѣніе, съ землями и крестьянами, перешло въ казну. Сынъ Григорій сдѣлалъ все для крушенія благосостоянія, оставленнаго отцомъ. Говорятъ, онъ дѣлалъ формальные набѣги на Великіе-Луки, причеиъ пускалъ въ ходъ даже дарованныя отцу пушки; лѣтомъ усыпалъ путь до Невеля солью, скупая послѣднюю въ городѣ всю, оставляя жителей безъ этой необходимой потребности, и ѣздилъ лѣтомъ по соли на саняхъ, какъ-бы зимою по снѣгу. Преданіе гласитъ, что Григорій Михельсонъ былъ крестникомъ императрицы Екатерины II и тѣмъ будто-бы избѣгалъ отвѣта за свои кутежи; вообще дѣлалъ онъ все, чтобы не оставить послѣ себя ничего отцовскаго. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Григорія Ив. Михельсона, 1817 г. 16 ноября, имѣніе переходитъ въ казну за долги, часть построекъ въ селѣ Ивановѣ продана съ аукціона, часть разрушилась сама собою; сада въ настоящее время не существуетъ ¹⁾. Съ 1859 г. въ с. Ивановѣ образовалось лѣсничество, а земля подъ бывшимъ селомъ отведена въ надѣлъ лѣсничимъ; часть земли продана, часть отведена крестьянамъ, также подъ церковный причтъ, а изъ лѣса составилаь Ивано-Стефановская лѣсная дача; такъ что въ настоящее время здѣсь одинъ лишь живой свидѣтель прежняго богатства помѣстья знаменитаго полководца и помѣщика—храмъ Божій.

Прежде чѣмъ привести выдержку объ этомъ величественномъ памятникѣ изъ записки мѣстнаго священника, приведу дословно не безынтересную записку о смерти Григорія Ивановича Михельсона:

— „1817 г. ноября 16-го дня Ивановскій помѣщикъ двора его императорскаго величества камеръ-юнкеръ, Кавалергардскаго полка въ отставкѣ поручикъ и орденъ Малтійскаго креста и орденъ св. Станислава и бронзовой медали (пожалованной) дворянству за 1812 г. кавалеръ—сынъ ктитора Ивановской церкви, генераль-отъ-кавалеріи и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Ивановича Михельсона, Григорій Ивановичъ Михельсонъ, съ четвертка на пятницу, сего ноября

¹⁾ Въ 1819 году село Иваново, если вѣрить покойному Руфу Игнатьеву, булено было отъ казны генераль-лейтенантомъ А. Л. Воиновымъ или только онъ хотѣлъ купить, но въ 1826 году с. Иваново было уже въ опецѣ и въ 1830 году перешло въ казну.

съ 15 на 16 число въ ночи, въ половинѣ перваго часа пополуночи, съ примѣрнѣйшимъ по христіанской должности приготовленіемъ и Св. Таинъ напутствованіемъ, и съ крайнимъ до послѣдней минуты жизни къ Богу и вѣрѣ усердіемъ и душевнымъ сожалѣніемъ и раскаяніемъ о своихъ противъ Бога проступкахъ, въ Ивановѣ, въ своемъ домѣ, по 14 недѣльной продолжавшейся болѣзни, по прощаніи съ родными и пріятелями, положи знакъ честнаго креста на себя, на моихъ рукахъ скончался (26^{1/2} отъ роду), и 22 числа сего-же мѣсяца, по отпѣваніи соборомъ въ Ивановской церкви литургіи и послѣ оной погребенія по немъ при многочисленномъ духовенствѣ и большой публикѣ, въ погребѣ подъ Ивановскою церковію, вмѣстѣ съ родителемъ его и сестрой, гробъ съ тѣломъ его внесенъ и поставленъ, и потомъ шести-недѣльный по немъ справленъ сорокоусть мною отправленъ. Къ сему даруй Господи Боже Царствіе небесное. Священникъ Іосифъ Сикорскій⁴⁾.

Предполагаютъ, что этотъ Іоанно-Предтеченскій величественный храмъ въ селѣ Ивановѣ сооруженъ Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ по случаю обращенія его, Михельсона, изъ лютеранства въ православіе, причемъ имъ исходатайствовано высочайшее разрѣшеніе устроить и отдѣльный приходъ. Неизвѣстно, съ благословенія какого архіерея приступлено къ постройкѣ храма, но надо полагать, что съ благословенія Анастасія, архіепископа могилевскаго и витебскаго, такъ какъ въ верхней церкви въ настоящее время находится св. антиминосъ, священнодѣйствовавший симъ архіепископомъ въ 1802 году.

Церковь каменная во имя Рождества св. Іоанна Предтечи, съ придѣломъ на верху во имя св. великомученицы Екатерины, длиною 13 саж., шириною 6 саж. 2 арш., съ погребомъ подъ алтаремъ (гдѣ, какъ сказано выше, покоится строитель храма съ сыномъ и дочерью) на гранитномъ цоколѣ; съ передняго входа (западная сторона) и двухъ сторонъ крыльцами изъ путиловской плиты, на крыльцахъ по двѣ іонійскія колонны (всего 18 колоннъ); надъ дверьми, съ сѣвернаго входа, на черной доскѣ золоченая надпись: „1805 года“.

⁴⁾ Священникъ Іосифъ Сикорскій погребенъ въ оградѣ храма. Преемникомъ ему съ 1855 г. былъ священникъ Константинъ Серебрянниковъ, нынѣ также покойный. Въ церковной оградѣ, по сообщенію 1876 г. о. Константина Серебрянникова, погребены также: дворянинъ Матленъ и побочный сынъ Григорія Михельсона—Михаилъ Эльсонъ, художникъ, умершій въ Невелѣ. Мать его Евдокія Калинична, нынѣ также покоящаяся въ церковной оградѣ, въ августѣ 1876 года была еще жива въ Невелѣ.

Храмъ покрытъ восьмиграннымъ куполомъ и четырехугольною колокольнею; оканчивается куполь круглымъ постаментомъ, съ четырехконечнымъ крестомъ и сѣніемъ; колокольня также вѣнчается постаментомъ, яблокомъ и крестомъ; все это изъ отполированной красной мѣди, вызолочено черезъ огонь червоннымъ золотомъ. Кромѣ внѣшняго, весьма благовиднаго фасада, въ церкви замѣчательна внутренняя отдѣлка лѣпною работою, паркетный изъ разноцвѣтнаго фанера полъ и цѣнныя вещи. Планъ церкви крестообразный. Притворъ съ церковью раздѣляются восемью колоннами, съ капиталами дорическаго ордена; отсюда (въ сѣверной сторонѣ) ведетъ круглая лѣстница въ верхнюю церковь. Въ самой церкви передняя и двѣ боковыя арки поддерживаются 12-ю колоннами дорическаго ордена. Въ церкви, надъ дверьми въ алтарѣ и окнами въ притворѣ, лѣнные кронштейны, карнизы, арки и всѣ принадлежности лѣпной работы во фризѣ фамильной росписаны мраморомъ. Иконостасъ, раздѣляющій церковь отъ алтаря, состоитъ всего только изъ нѣсколькихъ иконъ, низкій, и надо думать, сдѣланъ такъ для того, чтобы не закрывать сѣней надъ престоломъ. Иконы италіанской живописи — писаны на доскахъ изъ красной мѣди, изъ коихъ каждая вѣситъ 1 пудъ 29 фунтовъ $78\frac{1}{2}$ золотн. Предъ 4-мя иконостасными иконами: Спасителя, Божьей Матери, св. Іоанна Предтечи и св. Николая Чудотворца, а равно въ алтарѣ предъ запрестольной—лампады чеканной работы, серебряныя, 84-й пробы, вѣсомъ каждая 7 ф. 87 зол. Кромѣ этихъ иконъ, есть еще довольно цѣнныя, какъ напр. образъ, списанный съ чудотворной иконы Знаменія Курскія Богоматери, очень древній образъ Спасителя въ верхней церкви. Есть много иконъ въ серебряныхъ ризахъ и окладахъ.

Изъ утвари весьма цѣнны: Св. Евангеліе большого формата, обложенное чеканной работы серебряными вызолоченными табличками 84 пробы, вѣсомъ 20 ф. 45 зол.; напребстольный крестъ, тоже серебряный вызолоченный, вѣсомъ 2 ф. 65 зол.; весьма также красивъ и цѣненъ ковчегъ на св. престолѣ—вѣсомъ 7 ф. и 75 зол.; два потира съ приборами серебряными, изъ которыхъ бѣльшій вѣсомъ 5 ф. 26 зол. Ризница также хотя немногосложна, но отличается цѣнностію и изяществомъ. Церковь окружена каменною съ деревянными промежутками оградю, мѣрою 105 сажень въ окружности, и въ рядъ съ оградю насажены липы.

Въ 1878 г. этотъ храмъ, памятникъ Михельсону подвергся нападенію воровъ изъ г. Динабурга, въ числѣ пяти человѣкъ, которые, разломавъ трое дверей (замковъ) въ притворѣ, изъ четвертыхъ

вышибивъ стеклянную шибу, пробрались въ церковь и, разломавъ всѣ замки, похитили какъ церковныя деньги, такъ и всѣ цѣнныя вещи, оставивъ только серебряныя лампады передъ образами, захватили также съ св. престола антиминь (воры были раскольники). Благодаря Бога, воры были пойманы въ 50 верстахъ къ городу Полоцку и вещи всѣ, хотя въ исковерканномъ видѣ, у нихъ отобраны.

1887 г. юня 19-ое останется навсегда памятнымъ и незабвеннымъ въ лѣтописи села Иванова. Въ этотъ день посѣтилъ церковь его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ и послѣ посѣщенія приказалъ выслать въ Петербургъ изломанныя ворами вещи для возобновленія, откуда онѣ и были возвращены въ прекрасномъ видѣ по возобновленіи, чѣмъ его высочество принесъ крупную лепту на алтарь храма.

Недалеко отъ церковной ограды находится красивый деревянный домикъ, въ которомъ помѣщается народное училище. Мы его посѣтили; классы еще не начались (12-го августа), но въ немъ мы уже нашли учительницу, питомицу Витебскаго епархіальнаго духовнаго училища, дѣвушку образованную. Училище въ селѣ Ивановѣ находится уже съ 1867-го года.

III.

Невель.

Проѣзжаемъ Невель. Намъ указываютъ на длинный рядъ совершенно новыхъ деревянныхъ домовъ. Въ сотый, быть можетъ, разъ, въ своемъ многолѣтнемъ существованіи, Невель выгорѣлъ не такъ еще давно, но пожаръ не способствовалъ къ его украшенію: онъ также грязенъ и кишитъ евреями, которые, увы, удивительное дѣло, продолжаютъ отличать неряшливостью и въ костюмахъ, и во всемъ своемъ бытѣ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что сотни, тысячи представителей обоего пола юныхъ поколѣній этого народа съ энергіею, заслуживающею полнѣйшей похвалы, проникаютъ сквозь всѣ замки и запоры въ учебныя заведенія и должны были-бы вносить новыя черты въ бытъ своего народа...

IV.

Витебскъ.

13-го августа.

Выпишемъ изъ записной своей книжки лишь нѣсколько замѣтокъ.

Въ Витебскѣ видѣлъ, у чиновника Вас. Серг. Сафонова, превосходное древнее изображеніе св. Димитрія Ростовскаго; этотъ образъ-портретъ воспроизведенъ въ одномъ изъ извѣстныхъ изданій о Бѣлоруссіи—П. Н. Батюшкова. Образъ сохранился въ фамиліи Лопухиныхъ; бабка г. Сафонова была изъ роду Лопухиныхъ. Г. Сафоновъ—ред. „Витебск. губ. Вѣдомостей“; расходятся эти „Вѣдомости“ въ 774 экз. и печатаются въ хорошей казенной типографіи.

Посвѣтилъ губернаторскій домъ—это бывший „дворецъ“; здѣсь въ небольшой, въ одно окно, комнатѣ, выходящей на бульваръ, скончался, въ 1831 году, цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Во всемъ домѣ о покойномъ напоминаетъ только большой березовый столъ, на которомъ, по преданію, стоялъ гробъ съ его останками. За этимъ столомъ собираются разныя комиссіи; за нимъ-же траговалось, въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ, объ освобожденіи бѣлорусскаго крестьянина отъ крѣпостнаго ига. Изъ дома-дворца прекрасный видъ, между прочимъ, на за-Двинье.

У вице-губернатора, дѣйств. ст. сов. Депперадовича, принявшаго насъ весьма любезно, видѣли мы интересныя живописныя портреты его предковъ—Хорватъ и Депперадовичей, съ честью служившихъ своему новому отечеству—Россіи (они были выходцы изъ Сербіи).

Въ Витебскѣ центральный архивъ древне-юридическихъ актовъ (XVII—XVIII вв.) и архивъ губернскаго правленія помѣщаются въ одномъ изъ упраздненныхъ костеловъ. Подъ навѣсомъ, у входа храма-архива, насъ встрѣтила превосходная, весьма породистая, громадная свинья; счастливый обладатель ея—сторожъ архива.

Витебскій центральный архивъ издаетъ свои акты на грубой бумагѣ, сѣро, бѣдно, безъ перевода, съ указателемъ не вполне исправнымъ. Изданіе начато въ 1871 году подъ заглавіемъ: „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Изд. архивариусъ Сазоновъ“. Выпускъ первый выпущенъ въ Витебскѣ въ 1871 г., въ 4 д., Михайломъ Алексѣевичемъ Сазоновымъ. Въ бытность нашу въ

1886 году въ Витебскѣ, мы еще застали въ живыхъ престарѣлаго г. Сазонова; онъ затѣмъ умеръ 80-ти-лѣтнимъ старцемъ.

Основаніе центрального архива въ Витебскѣ положено въ 1852 г., переписка о немъ тянулась до 1862 года, открытіе состоялось въ 1863 году.

Историко-юридическіе акты этого архива въ 1871 г. состояли изъ 1823 книгъ, изъ нихъ 956 — города Витебска и 867 книгъ Могилева. Акты Витебска относятся къ 1592—1784 годамъ, Могилевскіе идутъ съ 1679 до 1780 гг.

Масса архивныхъ дѣлъ погибла въ Витебскѣ въ 1812 году.

Въ 1890 г. вышелъ двадцатый выпускъ актовъ; послѣдніе три выпуска вышли подъ редакціей мѣстнаго чиновника Мих. Лавр. Веревкина.

Начальникомъ губерніи—кн. Долгоруковъ; мы его не застали въ Витебскѣ, онъ былъ въ отпуску, за границею.

Какъ представителю исторической древней фамиліи—кн. Долгорукову подобало-бы озаботиться учрежденіемъ въ Витебскѣ архивной ученой комиссіи. Она послужила-бы хорошимъ оплотомъ русскаго величія и значенія въ краѣ, въ которомъ католичество и еврейство сильны. Но если великорусскія губерніи все еще бѣдны людьми науки, то бѣлорусскія, при ихъ смѣшанномъ населеніи, еще того бѣднѣе; хотя и то надо сказать, что Витебскъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ немъ, въ послѣдніе годы, просвѣщенной энергіею и трудомъ одного изъ учителей мѣстной классической гимназіи — именно статскимъ совѣтн. Алексѣемъ Парѣновъ Сапуновымъ, канд. истор.-филолог. факульт. Спб. универс., — издается, и притомъ даже роскошно издается, очень хорошій историко-археологическій сборникъ „Витебская Старина“... Слѣдовательно, была-бы добрая воля, да ясное сознаніе пользы края — и въ Витебскѣ нашлись-бы элементы для учрежденія ученой архивной комиссіи, а тогда и изданіе актовъ могло-бы получить лучшій видъ и по внѣшности и по его редакціи...

V.

СМОЛЕНСКЪ.

14-го августа.

Вы, конечно, помните, что Смоленскъ принадлежитъ къ семьѣ старѣйшихъ городовъ россійскихъ. Славный Несторъ упоминаетъ о немъ, какъ о городѣ, когда говоритъ объ Изборскѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Муромѣ... Какъ и подобаетъ городу IX столѣтія, Смоленскъ взмостился на высокій, высокій берегъ рѣки, а рѣка та—Днѣпръ, одна изъ главныхъ частей великаго воднаго Греческаго пути. Въ эпоху призванія Рюрика, въ каковомъ дѣлѣ, впрочемъ, Смоленскъ не участвовалъ, Смоленскъ былъ городъ большой, вольный, независимый. Его, впрочемъ, легко занялъ Рюрикъ со своими дружинниками, еще легче покорилъ Олегъ, послѣ того, какъ смольяне попытались было выгнать изъ-за своего частовола, изъ-за земляныхъ насыпей ставленниковъ Рюриковыхъ. Ну, а отчего Смоленскъ сталъ называться такъ—самое вѣрное предположеніе состоитъ въ томъ, что названіе пошло отъ смолы, которую обитатели сего града усердно гнали изъ тьмы тьмущей деревъ, издревле окружавшихъ этотъ городъ, да и всю страну прилежащую густымъ боромъ наполнявшихъ. Смольяне гнали смолу, да продавали ее для осмоленія судовъ, а тѣ во множествѣ рѣяли взадъ и впередъ по великому Греческому пути. Вотъ развѣ теперь желѣзныя дороги, пробѣжавшія чрезъ страну, довершатъ въ конецъ смоленскіе лѣса. А городъ былъ очень великъ. Историки его это доказываютъ ссылкой на древность сооруженія нѣсколькихъ церквей въ слободахъ и посадахъ города Смоленска, относя это время къ XII столѣтію, а тѣ церкви, по ихъ соображеніямъ, не могли не быть во время оно въ чертѣ города, а не внѣ его, какъ то видимъ теперь. Фактъ, впрочемъ, доказанный, что Смоленскъ еще въ IX вѣкѣ былъ такъ богатъ и люденъ, что высылалъ корабли съ товарами въ самую Византію. О величинѣ древняго города даетъ и теперь понятіе замѣчательно обширный Кремль, больше всѣхъ намъ извѣстныхъ Кремлей, какъ-то: московскаго, псковскаго, нижегородскаго и другихъ. До конца XVI вѣка смоленскій Кремль состоялъ изъ земляныхъ валовъ. Царю Θεодору Іоанновичу или, вѣрнѣе, его первому правителю и свойственнику Борису Θεодоровичу Годунову принадлежитъ мысль замѣнить земляную насыпь каменною стѣною. И вотъ,

въ декабрѣ 1595 г., князю Василю Звенигородскому, Семену Безобразову, да двумъ дьякамъ, да городовому мастеру Ѳеодору Савельеву Коню приказъ отправиться въ Смоленскъ и перво на перво всѣ принадлежавшіе монастырямъ и частнымъ лицамъ въ городѣ и уѣздѣ кирпичные заводы отписать въ казну, да отыскать удобныя мѣста для постройки вновь заводовъ и для добыванія извести и бутоваго камня, а потребныя для фундамента стѣны свай вывезти къ веснѣ 1596 г. дворцовымъ селамъ Смоленскаго уѣзда. Наряжены были для всего этого дѣла цѣловальники, да боярскія дѣти, да послана казна отъ царя, и начато то дѣло съ благословенія смоленскаго архіепископа Ѳеодосія, на Рождество Христово 1595 г., а въ 1596 г. на то великое строеніе прибылъ самъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и назначилъ мѣста для рововъ, стѣны и башенъ новой крѣпости. Извѣстно изъ исторіи, какъ Годуновъ, умилился красотой и живописностью Смоленска, повѣдалъ царю Ѳеодору, что Смоленскъ будетъ ожерельемъ Россіи; вѣдомо изъ той-же исторіи и то, какъ князь Трубецкой на тѣ слова Бориса Ѳеодоровича сказалъ:

— „Смотри, какъ-бы не завелись въ томъ ожерельѣ такія наѣкомыя, которыхъ мы не скоро выживемъ“.

Для сооруженія стѣны царь выслалъ каменьщиковъ изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ городовъ. Постройка быстро пошла, и въ 4 года „ожерелье“ на пространствѣ 5-ти верстъ и 80 сажень обтянуло городъ Смоленскъ. Тридцать шесть башенъ, съ бойницами и зубцами, увѣряють, будто мѣстами въ два ряда, укрѣпили это „ожерелье“. Вышина стѣны была отъ 5-ти до 7, толщина въ $2\frac{1}{2}$ сажени. Фундаментъ, глубиною до $4\frac{1}{2}$ и болѣе аршинъ, устроенъ изъ лыжнаго камня по глинѣ и извести—по отзыву техниковъ устроенъ весьма прочно; самая стѣна внутри на высоту до $\frac{1}{3}$ изъ булыжнаго камня на известковомъ растворѣ, а остальная часть изъ кирпича съ обѣихъ сторонъ облицована камнемъ отъ 3 до 20 рядовъ. Камень привозили зачастую болѣе, чѣмъ за 300 верстъ отъ Смоленска, а известъ выжигали верстъ за 200 отъ него. Громадные земляные валы, бывшіе до постройки стѣны, вошли въ составъ крѣпости; въ нее вели 9 воротъ. Постройка стѣны, приведенныхъ въ порядокъ въ концѣ XVII-го вѣка, по указу царей Іоанна и Петра, до того была прочна и хороша, что, не смотря на нѣсколько и весьма продолжительныхъ осадъ города, (напр. поляками съ сент. 1609 г. по юнѣ 1611 г.), на обстрѣлъ стѣны каменными и чугунными снарядами, стѣна стояла такъ прочно, что до 1812 года на всемъ ея протяженіи

совершались крестные ходы, а кирпичъ до того хорошъ, что всѣ попытки дѣлать подобный нынѣ оставались безуспѣшными ¹⁾).

Красивъ, очень красивъ Смоленскъ и понинѣ, съ своими церквами, Аврааміевымъ монастыремъ, съ каменнымъ городомъ, взмостившимся на весьма высокую гору, съ своими холмами и буграми, перерѣзан-ными весьма глубокими балками, а самымъ главнымъ украшеніемъ его все-таки служить его стѣна, а не Днѣпръ, извилистый и чуть-чуть мѣстами не пересохшій.

Стѣна уцѣлѣла не болѣе какъ въ отрывкахъ, съ проломами, да перерывами, не столько непріателемъ, сколько невѣжествомъ и корыстью обывателей, да представителями мѣстной власти стараго времени произведенными. Изъ 36 башенъ, нѣкогда поддерживавшихъ крѣпость и придававшихъ ей грозный и величественный видъ, уцѣлѣло только 17. Вотъ названія уцѣлѣвшихъ башенъ,—беремъ изъ исторіи Смоленска,—южныя: 1) Бублейка, 2) Громовая, 3) Донецъ, 4) Маховая, 5) Брикарева, 6) Никольская, 7) Зимбулка, 8) Шембелка; восточныя: 9) Воронова, 10) Вѣлуха, 11) Авраміевская, 12) Орель, 13) Роговка, 14) Веселуха; сѣверо-восточная: 15) Стрѣла, и западныя: 16) Гуркина и 17) Копытинская ²⁾).

Остальныя башни подверглись слѣдующей участи: Круглая большая башня разрушена въ 1611 году Сигизмундомъ III; Водяная четырехъ-угольная взлетѣла на воздухъ въ 1722 году по неосторожности пушкяра; 11 башенъ взорваны французами въ 1812 г., а 6 башенъ разобраны, какъ гласитъ исторія Смоленска, по случаю совершенной ветхости, а вѣрнѣе сказать — растасканы по камнямъ и кирпичамъ гражданами, духовенствомъ, да по распоряженіямъ мѣстныхъ властей на различныя городскія, церковныя и обывательскія potreбы.

Живо заинтересовала насъ, по приѣздѣ нашемъ въ Смоленскъ, эта стѣна. Мы отправились къ начальнику губерніи, почтенному Василю Осиповичу Сосновскому, за содѣйствіемъ къ ознакомленію

¹⁾ Камень для облицовки доставлялся, между прочимъ, изъ города Старицы, нынѣ Тверской губерніи; кирпичъ имѣетъ размѣръ больше нынѣшняго, именно до 7¹/₄, толщ. 1³/₄ и ширины 3¹/₂ вершка, вида совершенно краснаго; качество и прочность его необыкновенно хороши, такъ что подобнаго кирпича не встрѣчается; растворъ изъ извести кипѣлки и песку крупнаго хрящеватаго тоже необыкновенно крѣпокъ. Стѣна была оштукатурена слоємъ извести; для отведенія воды были лотки изъ камня. (Изъ записки К. Я. Маевского, 1868 г.).

²⁾ См. книгу: „Исторія города Смоленска“, соч. П. Никитина, 1847 г., Москва, изд. 1848 г., стр. 127.

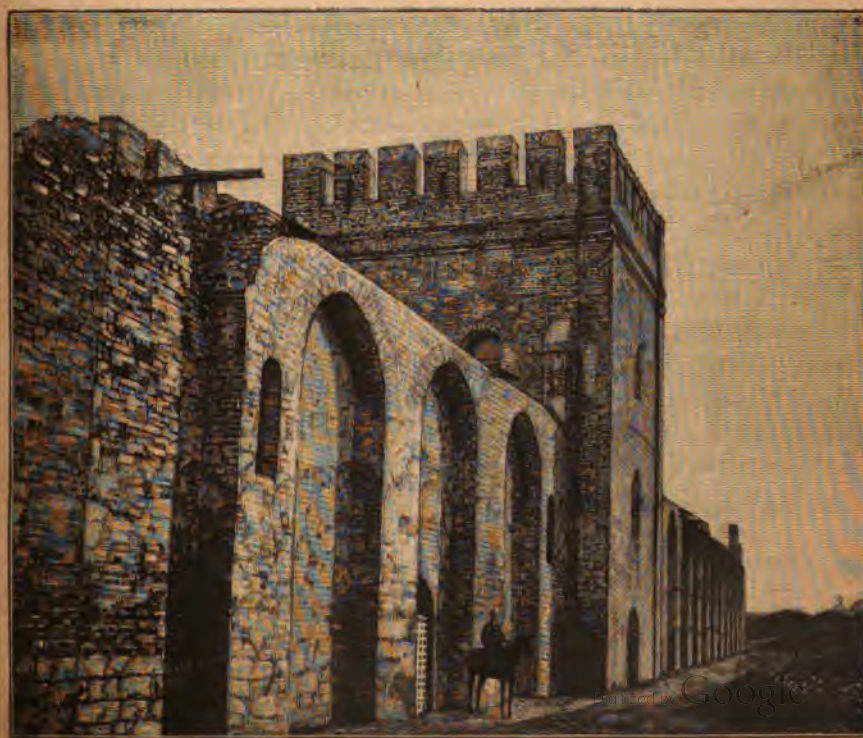
меня съ этою, мало сказать, достопримѣчательностью, но святыней города Смоленска. Василій Осиповичъ — предсѣдатель „комиссіи по сохраненію и приведенію въ безопасное состояніе“ этой святыни. Онъ принялъ насъ весьма любезно и радушно и командировалъ къ намъ архитектора, подъ ближайшимъ руководствомъ котораго производятся означенныя работы. Юліанъ Юльевичъ Коноплянскій оказался молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, сыномъ давняго моего одноклассника генерала Коноплянскаго. Архитекторъ этотъ окончилъ курсъ съ отличіемъ въ 1888 году въ императорской академіи художествъ и въ 1889-мъ году назначенъ сюда отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе помянутой комиссіи для „приведенія въ безопасное состояніе стѣнъ города Смоленска“, подъ высшимъ руководствомъ и для исполненія указаній академика архитектурнаго тайнаго сов. К. Я. Маевского. Коноплянскій — молодой человѣкъ свѣдущъ, энергиченъ и, повидимому, въ немъ вполнѣ еще свѣжи всѣ добрыя традиціи, вынесенныя изъ учебнаго заведенія, традиціи, которыя, какъ извѣстно, у многихъ гг. архитекторовъ и инженеровъ какъ-то особенно скоро выдыхаются. Ему лишь надо поближе ознакомиться и, по возможности, по первоисточникамъ, съ исторіей того города, на стѣнахъ котораго ему выпала такая прекрасная и для многихъ его сверстниковъ по академіи, конечно, завидная работа. Въ сопровожденіи г. Коноплянскаго, мы осмотрѣли главнѣйшія части великолѣпнаго сооруженія Бориса Ѳедоровича Годунова. Что за прелесть! Что за красота! и ни мало не ужалется эта красота отъ того, что толпа рабочихъ на этихъ стѣнахъ и башняхъ суть арестанты. Они бодро, весело и съ безстрашіемъ русскаго крестьянина таскаютъ камни на высоту, висятъ на утлыхъ дощечкахъ и люлькахъ штукатуровъ подъ карнизами башенъ на громадной высотѣ, расплывая пѣсни, льютъ цементъ въ змѣеобразныя расщелины каменныхъ твердынь трехъ-вѣковыхъ...

Но, позвольте, расскажемъ исторію, какъ дошли, наконецъ, до мысли о сохраненіи и поддержкѣ этого историческаго памятника. Исторія эта довольно обыкновенная на Руси, гдѣ все дѣлалось, конечно въ старину, какъ говорится, изъ кулька въ рогожку, больно ужъ неторопливо — шагъ впередъ, два шага назадъ.

Начинается дѣло съ того, что стѣна передается изъ одного вѣдомства въ другое; это дѣлается тѣмъ легче, что на нее, т. е. на ея береженіе, не отпускалось суммъ. О, будь при ней сумма, стѣна крѣпко-бы стояла въ одномъ и томъ-же вѣдомствѣ, а то вотъ, поди-жь, до 1844 г. она въ военномъ вѣдомствѣ, а съ 1844 г. перевалили ея въ гражданское съ тѣмъ, чтобы „башни приспособ-

Стѣна въ Смоленскѣ до возстановленія
[пятницкїй ручей].

бить подь склады и помѣщенія для сторожей, оберегающихъ стѣну¹⁾. Ни то, ни другое вѣдомство не блюдутъ ее, да приговариваютъ, что стѣна ветшаетъ, что по волѣ императора Павла у ея подошвы вырыты глубокіе рвы, стѣна-де во многихъ мѣстахъ наклонилась и въ нѣкоторыхъ башняхъ образовались тѣмъ скорѣ трещины. Стали думать, какъ поддержать стѣну. Начались предположенія и писанія въ 1845 году; предполагали, да писали безъ малаго 20 лѣтъ. Стѣна вышла изъ терпѣнія, и въ маѣ 1862 г., на пространствѣ сажень 10-ти, рухнула. Пишетъ губернаторъ Арсеньевъ: „Позвольте-де разобрать стѣну, а какъ памятникъ древности довольно сохранить 12 башенъ (изъ существовавшихъ еще въ 1864 году 23-хъ башенъ), да частицу стѣны вблизи губернаторскаго дома“. Въ 1865 году уже остается только 20 башенъ. Между тѣмъ продолжается переписка о томъ, что дѣлать со стѣною. Пишутъ два года, строительная комиссія соображаетъ, рѣшаются сберець 16 башенъ, да тѣ части стѣны, которыя не угрожаютъ паденіемъ. Идутъ соображенія въ Петербургъ; тамъ министерство отписываетъ въ главное управление путей сообщенія; главное управленіе направляетъ все дѣло обратно въ Смоленскъ: не возьметъ-ли-де городъ поддержку хотя части своей стѣны? Куда тутъ! Горожане тогда еще не дозрѣли до сознанія важности охраны историческихъ памятниковъ, составляющихъ гордость, славу и украшеніе роднаго города; растаскивать этотъ памятникъ по камушкамъ на свои потребности, о, это другое дѣло! Это можно и не пройдя курсъ отечественной исторіи даже въ уѣздномъ училищѣ, ну, а расходоваться на сбереженіе, да возобновленіе родной старины, нѣтъ, ужь слуга покорный. Ну и завопили: „Это-де не наше дѣло!“ Проходитъ два года, пишутъ изъ Спб. губернатору: „удостоверьтесь, молю, ваше превосходительство, впрямь-ли стѣны ветхи послѣ 300 лѣтъ стоянки, грозятъ-ли совершенно упасть или лишь мѣстами рухнуть, да навѣдайтесь у дворянства или у купечества на поддержать-ли стѣну, вѣдь, памятникъ-то историческій“, — такъ прямо и пишутъ. Проходитъ годъ, обыватель продолжаетъ тащить да тащить кирпичи да камни, и изъ стѣны нѣкогда болѣе пяти-верстной длины остается въ 1867 году лишь 1,820 саж. По осмотрѣ утверждаютъ, что требуется исправить изъ нихъ 907, а ветхи и угрожаютъ паденіемъ 530 саж., да 3 башни сильно ветхи, и вотъ добиваются особаго повелѣнія, отъ 20-го іюля 1867 г., разобрать 530 саж. стѣны, да

¹⁾ Въ 1850 г. три изъ башенъ начальникъ губерніи приспособилъ подь архивъ, при чемъ позволилъ себѣ измѣнить наружный ихъ видъ. Императоръ Николай написалъ противъ этого въ отчетѣ губернатора: „Что такое?“

три башни и продать весь матеріалъ, а что выручится, употребить на поддержку остальныхъ частей. Грустное распоряженіе, вотъ до чего дописались! Но, слава Богу, на этотъ разъ неторопливость, столь обычная у насъ при исполненіи, спасла дѣло. Прошелъ годъ—едва лишь разобрали 30 сажень стѣны, какъ послѣдовало, 11-го іюня 1868 г., высочайшее повелѣніе пріостановиться дальнѣйшимъ уничтоженіемъ этого памятника. Истинно незабвенный государь Александръ Николаевичъ начерталъ по сему дѣлу на докладѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7-го іюня 1868 г., слѣдующія достопамятныя строки:

— „Смоленская городская стѣна, представляющая собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, назначена къ сломкѣ. Было-бы желательнѣе болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе“.

Такое, полное высокаго значенія, указаніе государя Александра II состоялось, какъ надо полагать, вслѣдствіе письма извѣстнаго ревнителя церкви и святой старины Андрея Николаевича Муравьева. Онъ имѣлъ случай посѣтить Смоленскъ и тамъ на мѣстѣ увидѣлъ, съ каковою энергіею, заслуживающею лучшаго дѣла, начальникъ губерніи Бороздна хлопоталъ о разрушеніи и распродажѣ Смоленской стѣны, для potreбы строившейся тогда московско-смоленской желѣзной дороги, для которой и было продано имъ, Бороздной, на 7,000 р. камней и кирпичу изъ обваливающейся (читай: умышленно тогда разрушаемой) исторической стѣны!

По высочайшей волѣ, бывший тогда министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ командировалъ для осмотра стѣны Смоленска академика архитектуры К. Я. Маевского; тотъ осмотрѣлъ стѣны во всей подробности и представилъ самый обстоятельный объ ихъ положеніи рапортъ отъ 16-го іюля 1868 г.

Изъ этого рапорта оказалось, что самыя тяжкія поврежденія стѣны были произведены не непріателемъ, а мирными обывателями Смоленска, объявившими многолѣтнюю и самую безжалостную войну своей нѣкогда оборонительницѣ—стѣнѣ-матушкѣ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., стѣна оказывалась разобранною до цоколя сажени на сто пятьдесятъ въ длину,—и именно на отстройку домовъ, якобы поврежденныхъ еще въ 1812 г.; въ иныхъ мѣстахъ, по распоряженію мѣстной власти, выбранъ даже цоколь съ фундаментомъ. Въ тѣхъ-же частяхъ стѣны, которыя уцѣлѣли отъ хищничества мѣстной власти и обывателей, К. Я. Маевскій находилъ, что по-

врежденіе заключается лишь въ облицованныхъ слояхъ кирпича, главная-же масса совершенно прочна, и что вообще всю эту часть стѣны легко привести въ первоначальное прочное положеніе, дѣлая это исподволь, въ продолженіе 30 лѣтъ, съ ежегоднымъ ассигнованіемъ на эти работы скромной суммы въ 2,500 руб., и „такимъ образомъ, писалъ почтенный зодчій,—возможно будетъ, безъ большихъ затратъ, привести стѣну въ такое положеніе, что этотъ древне-историческій памятникъ и украшеніе города сохранится опять на столѣтія“. К. Я. Маевскій настоятельно утверждалъ, что ни разломки стѣны, ни продажи ея матеріала допускать отнюдь не слѣдуетъ, что въ противномъ случаѣ „исчезнетъ стѣна, служащая украшеніемъ города и памятникомъ древности, да и денегъ не будетъ, такъ какъ при отсутствіи въ городѣ большихъ сооружений — цѣнность строительнаго матеріала невелика“. Предлагая исправлять постепенно стѣну, уважаемый академикъ писалъ, что „исправлять одну часть стѣны на счетъ уничтоженія другой—не рационально, да и предполагаемая мѣстнымъ начальствомъ разломка этихъ частей можетъ быть поводомъ къ поврежденію частей остающихся“.

Предлагая затѣмъ рядъ мѣръ къ сохраненію стѣны и приведенію ихъ въ безопасное состояніе, К. Я. Маевскій тогда-же, въ своемъ рапортѣ, предлагалъ: „воспретить самымъ строгимъ образомъ разборку стѣны и окружающихъ валовъ. Башни приспособлять подъ архивы полезно, но не слѣдуетъ при этомъ измѣнять вида башенъ и первоначальный характеръ, какъ то было сдѣлано въ приспособленныхъ подъ архивы (губернскаго правленія), гдѣ амбразуры съ наружной обдѣлкой выломаны и устроены весьма некрасивыя окна...“

Представленіе съ предположеніями и указаніями академика К. Я. Маевскаго были повергнуты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на высочайшее воззрѣніе и тогда-же высочайше повелѣно министерству войти въ ближайшее соображеніе о средствахъ, на которыя могутъ быть отнесены издержки по исправленію Смоленской стѣны.

Думали да гадали, кому и какъ охранять такой памятникъ? Мы видѣли: военное вѣдомство отпихнуло его отъ себя, гражданское предлагало сохранить лишь лоскутокъ, дабы водить смотрѣть на него губернаторскихъ гостей. Горожане отступились отъ стѣны; дворянство да купечество знать ея не хотятъ, и вотъ комитетъ министровъ, вспомнивъ о земствѣ, 25-го апрѣля 1869 года передаетъ стѣну въ хозяйственное его завѣдываніе. Какъ-бы захозяничали земцы въ области охраны историческаго памятника—сказать трудно, а думается, что если-бы не высочайшее повелѣніе не трогать стѣны, разобрали-бы ее матушку, обгавленную русскою, литовско-польскою

и всѣхъ двенадцати языковъ кровью стѣну по камушкамъ, да выстроили-бы больницу, богадѣльню, домъ для умалишенныхъ, либо домъ для городской управы,—ну, что-жъ, все дѣло, дѣйствительно, доброе, да хорошее, ну, а ужъ богинѣ исторіи пришлось-бы, закрывъ лицо руками, оставить съ грустью городъ Смоленскъ. Тѣмъ не менѣе, въ вѣдѣніи у земства сначала было стѣнѣ какъ бы повезло: 25 февраля 1869 г. губернское земство ассигновало по 2,500 р. къ ежегодному отпуску на исправленіе стѣны, но уже въ 1871 г. то же земство, прежде чѣмъ приступлено было къ работамъ, отказалось отъ ассигнованія какой-либо суммы на этотъ предметъ и вошло съ ходатайствомъ объ открытіи подписки по всей имперіи въ пользу охраны стѣны Смоленской. Это, молъ, гораздо сподручнѣе.

Правительство, однако, на устроеніе всеобщей подписки не согласилось и выразило готовность взять стѣну смоленскую на государственную казну. Тогда же выступаетъ императорское московское археологическое общество. Въ маѣ 1876 года его предсѣдатель, покойный графъ А. А. Уваровъ, призываетъ для осмотра стѣны и привозитъ архитектора-археолога Артлебена. Тотъ выработалъ смѣту до 135-ти тысячъ рублей на возобновленіе стѣны, затянулъ дѣло со смѣтами и планами до 1882 г. и умеръ.

Въ дальнѣйшіе годы мы только и видимъ, что то земство, то бывший тогда губернаторъ, то городское управленіе только и хлопчатъ, чтобы, въ отмѣну бывшаго высочайшаго повелѣнія, было дозволено разобрать, да продать, либо на общественную потребу употребить—то ту, то другую часть стѣны въ виду того, что стѣна якобы рушится; но рушились стѣны потому, что изъ-подъ нихъ такъ-таки умышленно выламывали фундаментъ. Крестьяне одной изъ сосѣднихъ деревень даже составили изъ этого для себя спеціальную и весьма искусную работу и этими работниками многіе пользовались. Прямо воровски подрывались подъ стѣну, выволакивали изъ-подъ амбразуры—камни изъ бута, большею частью въ зимнія ночи 1885—1886 гг.; словомъ, хищникъ-обыватель, при полномъ сочувствіи мѣстной власти, велъ упорную борьбу разрушенія. Мало того, на счетъ останковъ этой исторической стѣны шла тогда-же, въ 1885—1886 гг., упорная борьба между земской и городской управами; каждая изъ нихъ наровила въ свою пользу исхитить куски изъ исторической стѣны...

Въ 1886 году министерство внутр. дѣлъ вновь командировало академика архитектуры К. Я. Маевского для окончательнаго выясненія на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, относящагося до смоленской стѣны... И вотъ въ концѣ концовъ его рапортовъ и подробной

записки ¹⁾ послѣдовало въ 1888 г. высочайшее повелѣніе, въ силу котораго, между прочимъ, „существующія въ городѣ Смоленскѣ древнія крѣпостныя сооружеія изъяты изъ вѣдѣнія мѣстнаго губернскаго земства и переданы въ непосредственное завѣдываніе губернатора, причеъ охрана, надзоръ и приведеніе этихъ сооружеій въ безопасное положеніе“ возложены на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ губернатора, составленную изъ представителей министерствъ, города, земства и двухъ техниковъ. По тому-же высочайшему повелѣнію „императорской археологической комиссіи предоставляется командировать, на свои средства, для участія въ занятіяхъ означенной комиссіи, одного изъ своихъ членовъ, а также, въ случаѣ надобности, и другихъ лицъ по ея усмотрѣнію“. Отпускъ суммъ на необходимыя работы по исправленію стѣны возложенъ на государственное казначейство, а инженеръ-архитекторъ тайный совѣтникъ К. Я. Маевскій введенъ въ составъ помянутой комиссіи. Деньги ассигнованы съ 1-го января 1888 года на 30 лѣтъ, съ отпускомъ по 4 тысячи рублей въ годъ и единовременно 18 тысячъ, причеъ въ распоряженіе комиссіи обращены „имѣющіеся въ наличности и могущіе получиться при производствѣ ремонтныхъ работъ матеріалы, а равно и суммы, вырученныя отъ продажи сихъ матеріаловъ“.

Такъ завершился высочайшимъ повелѣніемъ 10 іюля 1888 года и высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1888 года мнѣніемъ государственнаго совѣта почти полувѣковой періодъ переписокъ и отписокъ по вопросу о сохраненіи одного изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ въ предѣлахъ нашего дорогаго отечества. Сумма издержекъ на этотъ предметъ исчислена въ 141,410 рублей. Періодъ работъ, какъ сказано выше, опредѣленъ въ 30 лѣтъ. Къ маю мѣсяцу 1889 года, когда было приступлено къ работамъ, общая длина уцѣлѣвшихъ частей стѣны, за исключеніемъ земляныхъ бастіоновъ и башенъ, составляла 3 версты 317 сажень.

¹⁾ Мы прочли первую часть этой записки. Это обширный и весьма интересный трудъ: „Описаніе Смоленской стѣны съ башнями въ существующемъ ихъ видѣ, сент. 1886 г.“ (рукопись in folio, 123 полулиста), съ 77-ю рисунками, искусно выполненными тушью и акварелью. Крайне желательно, дабы смоленское земство или городское управленіе издало бы своимъ издѣвіемъ эту замѣчательную работу академика К. Я. Маевскаго и тѣмъ бы нѣсколько искупило предъ обществомъ свое странное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ своей исторической святынѣ—Смоленской стѣнѣ.

Цѣль предпринятыхъ работъ заключается въ приведеніи поврежденныхъ частей стѣны въ моноклитное состояніе, съ сохраненіемъ безъ всякаго измѣненія прежняго вида стѣны, причемъ необходимы для ремонта матеріалы—кирпичъ и камень—получаются отъ разломки нѣкоторой части стѣны, вблизи Шейнинскаго пролома, длиною около 45-ти сажень, пришедшей въ столь разрушенное состояніе, что исправленіе ея представляется совершенно невозможнымъ—это говорятъ техники, — но очень жаль и эту часть стѣны уничтожать; не можетъ быть, чтобы нельзя было ее подержать.

Къ 1-му сентября 1890 года исполнены слѣдующія работы по приведенію Смоленской стѣны въ вполнѣ прочное положеніе: 1) Уничтожена растительность на стѣнѣ со снятіемъ дерна и вывѣтрившагося кирпича, для устраненія разрушительнаго дѣйствія корней, вгѣдряющихся въ кирпичную кладку стѣны часто на глубину болѣе 2-хъ аршинъ. 2) Спланирована мѣстность и устроены стоки для отвода воды отъ стѣны, дабы предупредить подмываніе фундаментовъ стѣны и башень. 3) Поверхность стѣны покрыта бетоннымъ слоемъ отъ Молоховскихъ воротъ (церковь Благовѣщенія) къ Шейнинскому земляному бастиону съ лотками изъ бѣлаго камня для стока воды; нѣкоторые арки и пилястры этой стѣны облицованы заново, а другіе забросаны цементнымъ и известковымъ растворами съ заливкою трещинъ; амбразуры исправлены, фундаментъ во многихъ мѣстахъ подбученъ вновь, а цоколь частью подлицованъ вновь, а частью закиданъ растворомъ; устроенъ выходъ на стѣну изъ Молоховской башни, съ зубцовъ сняты отставшіе кирпичи и затѣмъ приведены въ моноклитное состояніе растворомъ. Исправленъ полуразрушенный проходъ за стѣну чрезъ амбразуру. 4) Покрыта бетономъ поверхность стѣны отъ большого Казанскаго до малаго Пятницкаго пролома, съ устройствомъ лотковъ, и самая стѣна съ зубцами, фундаментомъ и цоколемъ исправлена такъ-же, какъ и у Молоховскихъ воротъ¹⁾; кромѣ того, обдѣланы два тычка этой стѣны и черезъ одинъ изъ нихъ устроенъ входъ на стѣну. Труба въ стѣнѣ, черезъ которую протекаетъ Пятницкій ручей, вслѣдствіе размытаго фундамента и совершенно обрушившихся боковыхъ стѣнъ и свода съ постоянно обваливающимся сверху кирпичемъ и камнемъ, угрожала большою опасностью для рабочихъ при возобновленіи ея²⁾, но, благодаря

¹⁾ См. прилагаемый далѣе большой рисунокъ въ гравюрѣ, исполненный съ фотографіи.

²⁾ См. также прилагаемый далѣе рисунокъ въ гравюрѣ съ фотографіи.

весьма тщательному и правильному устройству опоръ и постоянному руководству за рабочими, возобновленіе трубы обошлось совершенно благополучно; затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ стѣны по руслу ручья забиты сваи, исправлены земляные откосы и вымощены камнемъ точно такъ-же, какъ и русло ручья. 5) Устроенъ бетонъ на поверхности стѣны, идущей отъ землянаго бастиона Королевской крѣпости къ ближайшей башнѣ, съ лотками для стока воды со стѣны. Арки, амбразуры и пилястры нѣкоторые облицованы заново, а другіе, въ мѣстахъ поврежденныхъ закиданы растворомъ и перетерты терками. Зубцы приведены въ моноклитное состояніе. Стѣна эта выступаетъ угломъ, къ лицевой сторонѣ, въ немъ была огромная трещина, почему здѣсь и положены желѣзныя связи, а съ наружныхъ сторонъ стѣны трещина расшита кирпичемъ съ заливкою во внутрь цементнаго раствора. Вообще, всѣ поврежденные части стѣны или подлицованы заново, или-же приведены въ крѣпкое состояніе связывающимъ растворомъ.

Фундаментъ исправленъ и обдѣланъ тычекъ стѣны, выступающій къ Королевской крѣпости съ устройствомъ черезъ него входа на стѣну. 6) Башня четырехъ-угольная, приведена въ безопасное состояніе; она была почти раздѣлена на двѣ части двумя противоположными трещинами во всю толщину стѣны, имѣвшими въ верхней части отверстія до 1 аршина; кромѣ этихъ большихъ трещинъ, стѣны башни испещрены были по всѣмъ направленіямъ разнаго размѣра трещинами, почему башня эта стянута желѣзными связями, большія трещины расшиты кирпичемъ съ заливкою во внутрь цементнаго раствора, а малыя залиты. Фундаментъ, цоколь и стѣны исправлены. На лѣстницахъ большею частію сдѣланы новыя ступени, а старыя исправлены; трещины въ сводахъ надъ лѣстницами залиты цементомъ. Верхній полъ башни покрытъ бетономъ съ поставкою изъ бѣлаго камня лотковъ для стока воды. Зубцы башни приведены въ моноклитное состояніе ¹⁾. 7) Другая башня, круглая, точно такъ-же, какъ и вышеуказанная башня, приведена въ безопасное состояніе тѣмъ-же способомъ производства работъ...

Словомъ, какъ видите, работы, начатыя въ 1889 г., ведутся быстро и успѣшно, подъ высшимъ руководствомъ—К. Я. Маевского—молодымъ зодчимъ Ю. Ю. Коноплянскимъ и подъ ближайшимъ наблюдениемъ начальника губерніи В. О. Сосновскаго. Всѣ эти лица заботливо и видимо съ живымъ сочувствіемъ къ дѣлу, такъ сказать, бальзамируютъ останки священнаго памятника русской доблести,

¹⁾ См. приложенный даже рисунокъ, гравюру съ фотографіи.

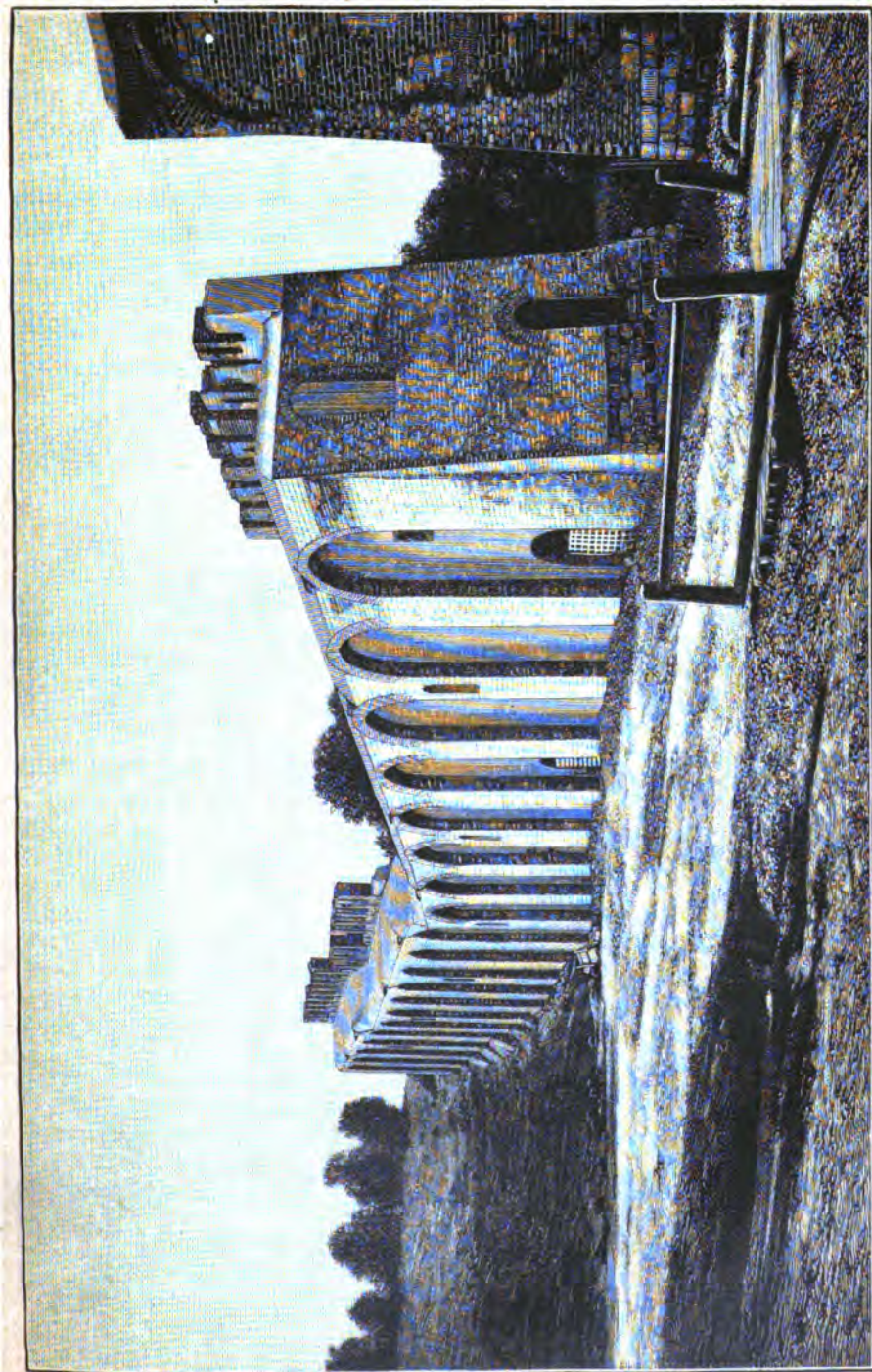
о которую, съ 1609 по 1812 годъ, сокрушены были сотни тысячъ враговъ...

Самая мысль К. Я. Маевского сохранить останки стѣнъ г. Смоленска на цѣлыя столѣтія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ уцѣлѣли къ нашему времени, и совершенно предохранить стѣну и башни отъ дальнѣйшей порчи—заслуживаетъ величайшаго сочувствія.

Мы видѣли изъ очерка археолога А. С. Князева, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1890 г., кн. ноябрь), къ какимъ печальнымъ результатамъ пришла вся исторія о возстановленіи стѣнъ древняго Пскова; К. Я. Маевскій, отстаивая свою мысль о приведеніи смоленской стѣны въ монолитное состояніе — оградилъ казну отъ излишнихъ расходовъ, остановилъ разрушеніе древняго памятника и передать его (онъ-ли или его преемники зодчіе) въ концѣ тридцатилѣтняго періода—грядущимъ поколѣніямъ, но передадутъ набальзамированнымъ.

Интересенъ самый процессъ бальзамированія. Дѣло въ томъ, что поверхность стѣнъ, при ширинѣ до $5\frac{1}{2}$ аршинъ, не имѣла до возобновленія стѣнъ совершенно водоотводовъ; это давало и даетъ возможность проникать сырости въ глубь стѣны; отъ замерзанія воды, количество и размѣры трещинъ годъ отъ году увеличивались и доводили стѣну до разрушенія и обваловъ. Вся стѣна, за малымъ исключеніемъ, покрыта была обильною растительностью; были деревья, доходившіе размѣромъ до 5-ти сажень, при стволѣ до 6-ти вершковъ; корни деревьевъ, разрушая кладку, увеличивали трещины, чрезъ которыя свободно проходила вода, питавшая растительность. И вотъ въ чемъ состоитъ бальзамировка или, какъ выражается строитель, приведеніе стѣнъ въ монолитное состояніе: 1) очищается верхняя часть стѣнъ отъ наносной земли и растительности; возобновляется существующій съ уклономъ полъ, устроенный въ нѣсколько рядовъ кирпича, на известковомъ растворѣ, и на такомъ растворѣ укладываются каменные лотки для отвода воды, по образцу сохранившихся; трещины и другія поврежденія въ башняхъ, болѣе значительныя, раздѣляются кирпичами, а менѣе значительныя, послѣ предварительнаго спринцованія водою, обкладываются по бокамъ досками и въ нихъ, какъ въ извилистыя трубы, вливается цементный растворъ. Я уже не упоминаю о производимыхъ работахъ для отвода воды съ городскихъ участковъ, прилегающихъ къ стѣнѣ, о возобновленіи лѣстницъ, ведущихъ въ этажи башенъ и на стѣны и проч.; насъ именно заинтересовало упомянутое бальзамированіе...

Благодаря бальзамированію останковъ Михельсона въ 1807 г., мы увидѣли лицомъ къ лицу усмирителя Пугачева въ 1890 году. Бла-

Стѣна въ Смоленскѣ по возобновленіи.

[Видъъ пятицѣлаго гучья]

годаря бальзамировкѣ смоленской стѣны, по предназначеніямъ искуснаго, во всеоружіи науки трудящагося, зодчаго К. Я. Маевского, отдаленнѣйшіе потомки наши узрять останки созданія Бориса Годунова, 1596—1603 гг. Надо надѣяться, что въ будущемъ любовь къ археологіи и дорогимъ историческимъ памятникамъ родной старины проникнетъ въ самую глубь русскаго народа; явятся рвеніе и средства у тѣхъ-же въ грядущіе вѣка смольянъ, которые нынѣ съ такимъ пыломъ, якобы ради „благоустройства города“ (!) готовы были разрушить памятникъ доблести своихъ предковъ, въ будущемъ-же явится, быть можетъ, у нихъ рвеніе возстановить свою святыню, свою стѣну-оборонительницу по сохраненнымъ для нихъ въ бальзамировкѣ К. Я. Маевского, ея останкамъ.

М. И. Семевскій.

(Продолженіе путевыхъ замѣтокъ слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Считаемо весьма полезнымъ въ нашемъ изданіи, какъ сборникъ свѣдѣній, между прочимъ, и для справокъ, напомнить главнѣйшія данныя изъ біографіи почтеннаго зодчаго Карла Яковлевича Маевского. Карлъ Яковлевичъ родился въ 1824 году, выпущенъ въ 1846 г. изъ училища, что нынѣ институтъ, гражданскихъ инженеровъ; затѣмъ поступилъ, ученикомъ профессора К. А. Тона, въ императорскую академію художествъ; за программу почтапта и за сооруженіе храма Михаила Архангела (въ Коломенской части, Спб., на мѣстѣ бывшаго „Козьяго болота“) Карлъ Яковлевичъ получилъ аваніе академика въ 1859 году. Главнѣйшія его затѣмъ сооруженія: Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ (1855—1864 гг.), Императорскій дворецъ въ Кіевѣ (1868—1870 гг.), Домъ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ (1871—1875 гг.).

К. Я. Маевскимъ получены первыя преміи за проекты: въ 1860-хъ годахъ—городскихъ скотобоенъ въ С.-Петербургѣ (проектъ сообща съ профессоромъ Э. И. Жиберомъ) и Женской тюрьмы въ С.-Петербургѣ. Первая премія была отъ прежней Спб. думы, вторая—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Напомнимъ также, что многія мысли и указанія К. Я. Маевского, изложенныя имъ въ отчетѣ объ осмотрѣ наиболѣе замѣчательныхъ архивовъ и бібліотекъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, нѣкоторыхъ городахъ Италіи и Ганноверѣ (1875 г.), были съ большимъ успѣхомъ примѣнены при сооруженіи зданія архива министерства юстиціи въ Москвѣ (на Дѣвичьемъ полѣ), а также будутъ примѣнены въ Варшавѣ, при постройкѣ бібліотеки университета, сооруженіе каковаго зданія предстоитъ въ 1891 году.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ¹⁾.

20.

За славною за рѣчкою Низовою,
 За высокою горою сѣвговою,
 Подъ крѣпкимъ городомъ подъ Дербентомъ,
 За высокою каменною стѣною,
 Стояла царя бѣлаго армейшка.
 Какъ восплачется атаманушка,
 Нашъ батюшка Иванъ Матвѣвичъ.
 Его сотнички, полковнички утѣшаютъ,
 И хорунжіе съ есаулами убажуютъ:
 „Ты не плачь, не тужи, Иванъ Матвѣвичъ!“
 Не золотая трубочка вострубила,
 Не серебряная возговорила,
 Говорилъ атаманушка Иванъ Матвѣвичъ:
 — „Глушые, неразумные, мои старшинушки.
 Какъ мнѣ, Ивану Матвѣвичу, не тужить,
 Какъ мнѣ Краснощокову не плакати?
 Какая наша казачья вѣрная служба,
 Что послѣдній солдатъ, казакъ старшина,
 Насъ въ глаза ругаетъ.
 Нанишу я самому царю донесеніе“.

21.

Какъ и мать сына спрашивала
 „Ты дитя мое, дитятко милое,
 Отчего ты, дитя, не бѣль, не румянь?“
 Сынъ матери отвѣтъ держалъ:
 „Какъ я былъ, какъ служилъ въ дальней сторонѣ,
 Въ дальней сторонѣ, что въ греческой землѣ.
 Приобчичилась мнѣ молодая гречаночка,
 Повелѣла мнѣ ввечеру поздно придти.
 Не даждавшись поры времячка,
 Къ гречаночкѣ пошелъ.
 Увидаль меня молодой гречинъ изъ окна,
 Онъ сустрѣтилъ меня среди двора.
 Ухватилъ онъ меня поперегъ живота,
 Приподнялъ онъ меня выше буйной головы,
 Онъ ударилъ меня о сырую землю,
 Оттого я не бѣль, не румянь“.

Сообщ. въ 1874 г. Д. К. Морозъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656; т. LXVIII, стр. 136, 278, 469, 584.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

А. М. Тургеневъ—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Москва 10-го января 1828 г.

Почтеннѣйшій другъ Александръ Ивановичъ! Поздравляю васъ, милостивую государыню Анну Павловну и любезныхъ дѣтей вашихъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Много виновать предъ вами, давно не писалъ къ вамъ; три недѣли былъ боленъ, потомъ недняхъ потерялъ двоюроднаго брата Еропкина, хоронилъ его, онъ былъ лѣтъ 12 старѣе; но все 50 лѣтъ мы были вмѣстѣ, тяжело терять такихъ пріятелей—а мы родня и дружно живали.

Еще нѣсколько терпѣнія, все будетъ кончено, вчера мастеръ былъ у меня.

Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества.

Истинно вамъ преданный весь вашъ А. Тургеневъ.

* *
*

Въ надеждѣ славы и добра
Смотрю впередъ я безъ боязни,
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но озарилъ умы наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ всюду сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Ея предвидѣлъ назначенье.
То академикъ, то герой!
То мореплаватель, то плотникъ!

Онъ всеобъемлющей рукой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
 Наслѣднымъ сходствомъ будь-же гордъ;
 Будь пращуру во всемъ подобенъ:
 Какъ онъ—рѣшителенъ и бодръ,
 И памятью—какъ онъ—не злобенъ.

Примѣчаніе. Въ изданіи сочиненій Пушкина 1882 года стихотвореніе это названо „Стансы“ (т. II-й, стр. 141). Автографъ стиховъ имѣетъ надпись: „22-го декабря 1826 г. у Зуб. 1“.

Текстъ, приведенный А. М. Тургеневымъ въ письмѣ Данилевскому, представляетъ варианты въ сравненіи съ напечатанными стансами. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія указаніе Тургенева, при какихъ обстоятельствахъ Пушкинъ написалъ эти стихи. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Николай принималъ Пушкина въ Чудовомъ дворцѣ въ Москвѣ, 8-го сентября 1826 года

Сообщ. Н. К. Шилъдеръ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

1849 г.

Н. А. Тучкова-Огарева ошибается въ своихъ Запискахъ, утверждая что М. В. Буташевичъ-Петрашевскій былъ арестованъ на страстной недѣлѣ 1849 г.

Я и мои сестры хорошо помнимъ, что братъ нашъ Михайлъ Васильевичъ Петрашевскій былъ арестованъ на Фоминой недѣлѣ, въ ночь съ пятницы на субботу, съ 22-го на 23-е апрѣля 1849 г. въ С.-Петербургѣ.

Я, будучи еще ребенкомъ, въ ту ночь случайно проснулась. (Жили мы съ матушкой въ ея домѣ, за церковью Покрова, близъ Большой Садовой) и пошла поправлять лампаду у кіота съ образами. Необыкновенный стукъ колесъ нѣсколькихъ каретъ, остановившихся предъ сосѣднимъ домомъ, также принадлежавшимъ моей матери и въ которомъ жилъ братъ Михайлъ Васильевичъ, привлекъ меня къ окну; я, конечно, не поняла и не заподозрила, чтобы этотъ сѣздъ экипажей означалъ арестъ моего брата.

А. В. С.

Сельцо Федорцево
 1890 г.

1) Т. е. въ домѣ Зубкова, одного изъ московскихъ знакомцевъ поэта.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

1866 ^{1-го января}_{декабря 1-го} 1890 г.

Перваго декабря текущего года минуло четверть вѣка со дня изданія „Вѣстника Европы, журнала исторіи, политики, литературы“, подъ его нынѣшней редакцію.

„Русская Старина“ привѣтствуетъ старшаго своего собрата по журналистикѣ со вступленіемъ во вторую четверть вѣка его существованія и, вѣрная одной изъ своихъ задачъ — своевременно, по возможности, представлять справку историко-біографическаго содержанія о заслугахъ чествуемыхъ учрежденія или лица, „Русская Старина“ помѣщаетъ таковую вслѣдъ за симъ по отношенію къ „Вѣстнику Европы“.

Да приметъ редакція и участники „Вѣстника Европы“ составленный нашими заботами обзоръ ихъ дѣятельности за XXV лѣтъ, какъ свидѣтельство того чувства искренняго уваженія, каковое редакція „Русской Старины“ всегда раздѣляла, со всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, къ этому старѣйшему и одному изъ достойнѣйшихъ органовъ русской печати.

Честь и хвала издателю-редактору „Вѣстника Европы“, сзумѣвшему соединять вокругъ себя, во весь четверть-вѣковой періодъ, людей, исполненныхъ дарованій и глубоко-искренно желающихъ счастья и преуспѣянія, на пути славы и добра, дорогому нашему отечеству.

Р е д.

22-го ноября
1890 г.

Первая книга издаваемого бывшимъ профессоромъ М. М. Стасюлевичемъ журнала „Вѣстникъ Европы“ вышла 1-го января 1866 года. Журналъ былъ названъ такъ въ память прежняго журнала этого имени, который прекратился въ 1830 году. Новый „Вѣстникъ Европы“ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны русской публики, и съ перваго дня своего появленія въ свѣтъ представлялъ всѣ задатки дальнѣйшаго прочнаго существованія, какъ по личности самого редактора, такъ и именамъ участвовавшихъ въ журналѣ.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, получивъ ученые степени: магистра всеобщей исторіи и доктора историческихъ и политическихъ наукъ, занималъ профессорскую кафедру въ с.-петербургскомъ университетѣ съ 1852 по 1861 г., исключая трехлѣтнюю поѣздку за границу ¹⁾. Изъ трудовъ его за это время и болѣе раннихъ, которые вышли отдѣльными изданіями или помѣщены въ „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.“, извѣстны: „Осада и взятіе Византіи турками“ (1854 г.), „Общій курсъ среднихъ вѣковъ“ (1856 г.), „Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ“ (1857 г.), „Годичные акты средневѣковыхъ университетовъ въ связи съ эпохою возрожденія“ („Соврем.“ 1858 г.), „Публичныя лекціи о провинціальномъ бытѣ Франціи при Лю-

¹⁾ Приводимъ изъ нашего альбома „Знакомые“ (Спб. 1888 г., стр. 124) автобіографическую замѣтку г. Стасюлевича:

„Стасюлевичъ, Мих. Матв., родился въ С.-Петербургѣ, 28-го августа 1826 года, получилъ начальное образованіе въ Лугскомъ уѣздномъ училищѣ, среднее въ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ, откуда поступилъ въ 1843 году на философскій факультетъ с.-петербургскаго университета; кончилъ курсъ въ 1847 году, получилъ степень магистра всеобщей исторіи въ 1849 г., доктора историческихъ и политическихъ наукъ въ 1851 г. Въ 1850 г. поступилъ на службу старшимъ учителемъ исторіи въ Ларинской гимн.; въ 1852 г. доцентомъ исторіи въ слб. университетѣ; въ это-же время преподавалъ исторію въ Патриотическомъ институтѣ до 1855 года; въ 1856 году адъюнктомъ отправился за границу для ознакомленія съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Германіи и Франціи; посѣтилъ Англію, Италію и Австрію. Въ 1859 году возобновилъ чтеніе въ университетѣ — до сентября 1861 г., когда вышелъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ и другими въ отставку. Съ 1860 по 1862 г. преподавалъ исторію покойному цесаревичу. Въ 1863—1865 гг. работалъ надъ изданіемъ трехъ томовъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ 1866 года началъ изданіе „Вѣстника Европы“; въ 1881 году началъ изданіе газеты „Порядокъ“, пріостановленной 9-го января 1882 года—о чемъ подробности см. въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1912 года“.

„10-го февраля 1882 г.“.

довикъ XIV“ („Р. Вѣстн.“ 1859 г. и „Сб. Студ. П. Ун.“ 1860 г.) и проч. Послѣ прекращенія профессорской дѣятельности, М. М. Стасюлевичъ занялся обработкой „Исторіи среднихъ вѣковъ“, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ (1863—65 гг.).

Съ 1866 года началась для М. М. Стасюлевича новая для него журнальная дѣятельность, къ которой онъ былъ вполне подготовленъ, по своему широкому образованію, обусловленному предметомъ его профессорскаго преподаванія. Съ другой стороны, сознательное отношеніе къ принимаемой на себя обязанности редактора общеевропейскаго журнала и чужихъ учено-литературныхъ трудовъ заставило его отказаться отъ собственной дѣятельности въ этомъ направленіи. Еще въ первые два года изданія „Вѣстника Европы“ имя М. М. Стасюлевича встрѣчается въ числѣ участвующихъ въ журналѣ, а затѣмъ онъ выступаетъ въ исключительныхъ случаяхъ съ небольшими, сравнительно, статьями и замѣтками. Только при этомъ условіи М. М. могъ взять на себя веденіе объемистаго учено-литературнаго журнала и остаться единственнымъ представителемъ его редакціи въ теченіи двадцати пяти лѣтъ.

I.

Въ первые два года своего существованія „Вѣстникъ Европы“ состоялъ изъ четырехъ книгъ и имѣлъ характеръ сборника, преимущественно историческаго, какъ видно изъ содержанія статей и именъ лицъ, принявшихъ участіе въ журналѣ. Причина, побудившая редакцію ограничиться четырьмя книгами, заключалась въ новизнѣ дѣла и необходимыхъ въ этомъ случаѣ извѣстныхъ „сроковъ приготовленія“. Новый журналъ, какъ сказано въ программѣ 1866 года, поставилъ себѣ цѣлью „поддержать въ русской публикѣ интересъ къ историческимъ и политическимъ наукамъ, ослабѣвшій въ 60-хъ годахъ“, среди общаго увлеченія естествознаніемъ, объясняемаго отчасти „крайнею слабостью у насъ гуманнаго образованія“. Чтобы достигнуть этой цѣли, редакціи „Вѣстника Европы“ пришлось дѣлать возможно строгій подборъ статей, знакомить публику только съ лучшими произведеніями русской и заграничной печати,—и въ этомъ отношеніи редакція вполне выполнила свою задачу.

Русская исторія была поставлена на первомъ планѣ, и первая книга „Вѣстника Европы“ 1866 года началась „Смутнымъ временемъ московскаго государства“ Н. И. Костомарова. Далѣе слѣдовали статьи: С. М. Соловьева, М. И. Богдановича; И. Е. Забѣлина, Ешевскаго, затѣмъ—„Мысли и замѣтки о русской исторіи“ Кавелина, историко-критическія статьи о масонствѣ А. Н. Пыпина, „Пугачевщина“ Д. Л. Мордовцева, „Матеріалы въ русской исторіи XVIII вѣка“ М. И. Семевского. Обзоръ книгъ по русской исторіи за первые два года изданія „Вѣстника Европы“ составленъ Н. И. Костомаровымъ. По всеобщей исторіи помѣщены статьи М. М. Стасюлевича, по русской литературѣ—О. Э. Миллера, Погодина, А. Д. Галахова, по всеобщей литературѣ—статьи А. Веселовскаго.

Сочувствіе, съ которымъ отнеслась читающая публика въ „Вѣстнику Европы“ въ первые два года его существованія, а также составъ наличныхъ силъ и возможность привлечь другихъ выдающихся представителей ученаго и литературнаго міра, побудили редакцію расширить первоначальную программу и перейти съ 1868 года въ ежемѣсячному изданію. Такимъ образомъ, къ прежнему составу журнала применилъ рядъ другихъ писателей и ученыхъ, принявшихъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, совмѣстно съ вновь выступающими болѣе молодыми силами.

Строгій выборъ статей по различнымъ отраслямъ знанія за все двадцати-пяти-лѣтнее существованіе „Вѣстника Европы“ придавъ ему вполне научный характеръ, равно какъ извѣстный болѣе или менѣе постоянный составъ участвующихъ лицъ далъ ему опредѣленный характеръ и направленіе. Имена многихъ писателей и ученыхъ встрѣчаются въ „Вѣстникѣ Европы“ съ первыхъ его книгъ до послѣднихъ; дѣятельность другихъ прекратилась смертію, которая составила невозвратную потерю не для одного журнала, помѣщавшаго ихъ труды, но и для всей читающей Россіи. Такое постоянство состава писателей и ученыхъ, во всякомъ случаѣ, говоритъ въ пользу ясно сознанныхъ требованій со стороны редактора „Вѣстника Европы“, и принесло ту несомнѣнную пользу журналу, что дало ему рядъ почтенныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ.

II.

Въ ежемѣсячномъ „Вѣстникѣ Европы“, съ 1868—1885 гг., значительное мѣсто отведено отдѣлу общей русской исторіи, благодаря дѣятельному участию Н. И. Костомарова, наиболѣе цѣнимаго русской публикой и самаго популярнаго изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ, труды котораго помѣщались изъ года въ годъ и по своему объему занимали иногда рядъ книгъ журнала. Труды Н. И. Костомарова настолько извѣстны и пережили столько изданій, что мы ограничимся указаніемъ главныхъ изъ его трудовъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

1868. Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.

1869. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

1870. Костюшко и революція 1794 года.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Начало единодержавія въ древней Руси.

1871. Исторія раскола у раскольниковъ.—Личности смутнаго времени — Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.

1873. Преданія первоначальной русской лѣтописи.

1878. Богданъ Хмельницкій, данниѣ Оттоманской Порты.

1884. Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи.

1887. Императрица Елизавета Петровна. (Изъ посмертныхъ бумагъ).

Полный списокъ трудовъ Н. И. Костомарова, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1866—1885 гг., какъ подписанныхъ, такъ и неподписанныхъ, приложенъ въ некрологу Н. И. Костомарова, составленному А. Н. Пыпинымъ („Вѣстн. Европы“ 1885 г., май, стр. 426).

С. М. Соловьевъ принялъ, какъ и Н. И. Костомаровъ, участіе въ журналѣ съ его основанія, и также помѣщалъ свои труды въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ 1868 году появилась статья С. М. Соловьева: „Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ“, и начата работа: „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“, которая печаталась съ перерывами до 1874 года. Другой трудъ: „Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I“, помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1877 г. (май—ноябрь).

Вообще 1868 годъ, положившій начало ежемѣсячному изданію „Вѣстника Европы“, особенно богатъ трудами по общей русской исторіи и, кромѣ упомянутыхъ работъ Н. И. Костомарова и Соловьева, включаетъ статьи:

М. И. Богдановича: „Паденіе Сперанскаго“.

А. Ѳ. Гильфердинга: „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ“.

Н. Ѳ. Дубровина: „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“.— „Книжъ М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши“.

Е. П. Ковалевскаго: „Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ“.

Б. И. Утина: „Свѣтское законодательство и церковь съ XVII вѣка“.

А. Н. Поповъ: „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“.— „Дѣло Новикова и его товарищей“.

А. М. Энгеля: „Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ“. (Перев. съ голл. рукоп.).

Изъ трудовъ по русской исторіи, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1870-хъ годовъ, считаемъ долгомъ упомянуть статьи: М. Я. Морошкина—„Возсоединеніе уніи“ („В. Евр.“ 1872 г., апрѣль—сентябрь), В. И. Герье — „Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго“ (1872 г.), Н. Ядринцова—„Сперанскій и его реформы по Сибири“ (1876 г.), В. Я. Стоюнина—„Александръ Семеновичъ Шишковъ“ (1877 г.). Изъ историческихъ трудовъ 1880-хъ годовъ, не считая подписанныхъ бумагами, мы назовемъ статьи: В. Д. Спасовича—„Маркизь А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ“ (1880 г.), В. В. Стоюнина—„Князь Антиохъ Кантемиръ въ Парижѣ“ (1880 г.), статьи А. Петрушевскаго и А. Г. Брикнера (1882—1890 гг.), историко-публицистическія статьи В. С. Соловьева (1888, 1889 гг.).

Изъ социальнo-бытовыхъ изслѣдованій по русской исторіи, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, особенно видное мѣсто занимаютъ слѣдующія работы: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка“ (1871 г.) Ив. Е. Забѣлина, извѣстнаго историка-археолога, который въ этой статьѣ рисуетъ положеніе нашего стараго вотчиннаго быта XVII вѣка, предметъ мало извѣстный и далеко не разработанный, за исключеніемъ весьма немногихъ трудовъ. Также цѣнны въ этомъ отношеніи статьи В. И. Семевскаго, составившаго себѣ почтенное имя въ ученomъ мѣрѣ своимъ обширнымъ трудомъ по исторіи крестьянскаго вопроса¹⁾, въ связи съ историческимъ развитіемъ

¹⁾ См. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, тт. I и II. Спб., 1888 г. Сочиненіе это, какъ извѣстно, было увѣнчано императорскою академіею наукъ Уваровскою преміею, а вольнымъ экономическимъ обществомъ—большою золотою медалью.

русской общественной жизни и литературы. Въ статьѣ: „Горно-заводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—1764 гг.“ („Вѣстникъ Европы“ 1877 г.) авторъ характеризуетъ рядомъ фактовъ невыносимое положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ частныхъ владѣльцевъ, и описываетъ ихъ волненія въ началѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ статьѣ „Посесіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ“ (1878 г.) мы находимъ объясненіе, какъ сложился этотъ отдѣлъ крестьянъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность заводовъ, и получаемъ свѣдѣнія объ ихъ юридическомъ и экономическомъ бытѣ. Въ статьѣ „Крестьяне дворцоваго вѣдомства“ заключаются данныя о положеніи собственно дворцовыхъ крестьянъ, государевыхъ и конюшенныхъ вотчинъ ¹⁾).

Отъ отдѣла общей и соціально-бытовой русской исторіи мы перейдемъ къ исторіи русской культуры и ея представителю А. Н. Пыпину, который, по количеству, разнообразію и въ особенности большому, въ научномъ отношеніи, значенію работъ, помѣщенныхъ имъ въ „Вѣстникъ Европы“, занимаетъ первое мѣсто въ журналѣ за послѣдніе двадцать три года, и поэтому мы остановимся на его трудахъ долѣе другихъ.

А. Н. Пыпинъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета, извѣстный своими изслѣдованіями 1855—1860 гг., по исторіи старинной русской литературы и этнографіи (помѣщенными въ „Ученыхъ Запискахъ“ II отдѣленія академіи наукъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ), а также „Исторіей славянскихъ литературъ“ и изданіемъ „Памятниковъ старинной русской литературы, сдѣлался постояннымъ участникомъ „Вѣстника Европы“ въ концѣ 1860-хъ годовъ ²⁾. Статьи А. Н. Пыпина,

¹⁾ Статья о „посесіонныхъ крестьянахъ“ вошла въ составъ I тома „Крестьяне при Екатеринѣ II“, издан. въ 1881 г.; статьи же о „крестьянахъ горнозаводскихъ“ и „дворцоваго вѣдомства“ составляютъ продолженіе этого труда, но еще не были изданы отдѣльно.

²⁾ Приводимъ автобиографическую замѣтку г. Пыпина изъ нашего Альбома „Знакомые“ (Спб., изд. 1888 г., стр. 249):

„Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, родился 25-го марта 1833 года въ Саратовѣ; учился въ тамошней гимназіи; университетскій курсъ прошелъ въ 1849—1850 (учебномъ) году въ Казани; 1850—1853 гг. въ Петербургѣ. Въ 1857 г. защищалъ магистерскую диссертацию: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“; 1858—1859 гг. прожилъ за границей, посланный отъ петербургскаго университета; 1860—1861 гг. былъ про-

появляясь изъ года въ годъ, обогатили „Вѣстникъ Европы“ значительнымъ научнымъ матеріаломъ и составили рядъ почтенныхъ трудовъ по исторіи русской культуры, исторіи русской литературы, критики и этнографіи. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Эпоха Александра I обратила на себя особенное вниманіе А. Н. Пыпина по тому значенію, какое она имѣетъ въ исторіи русской культуры. Это было время усиленнаго умственнаго движенія, вызваннаго сближеніемъ съ Европой, время различныхъ вѣяній и ученій, завесенныхъ къ намъ съ запада и самостоятельно переработанныхъ на русской почвѣ, въ связи съ условіями русской жизни и русскаго національнаго характера. Подробное изученіе этой любопытной эпохи А. Н. Пыпинымъ дало въ результатъ общую картину нашей умственной жизни за первую четверть столѣтія въ талантливыхъ „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I“, и кромѣ того рядъ частныхъ, болѣе или менѣе законченныхъ, обзоровъ.

Изъ такихъ обзоровъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья „Русское библейское общество“ („В. Е.“ 1868, 1871 гг.), одно изъ замѣчательныхъ явленій русской жизни эпохи Александра I, почти неизвѣстное нашему нынѣшнему обществу. Между тѣмъ, въ свое время оно имѣло большой успѣхъ, быстро распространилось по всей Россіи и, не смотря на западное происхожденіе, считало множество членовъ, собирало большія пожертвованія,

фессоромъ въ томъ-же университетѣ. Въ 1862 г., около полугода, опять жилъ заграницей, по командировкѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1863—1866 гг. принималъ участіе въ редакціи „Современника“, а по закрытіи этого журнала работалъ съ 1866 года и, особливо повдѣе, въ „Вѣстникѣ Европы“.

„Въ 1865 году первое изданіе „Исторіи славянскихъ литературъ“; второе изданіе въ 1879—1881 гг.

„Въ началѣ 1860-хъ годовъ состоялъ въ археографической комиссіи. Принималъ участіе въ изданіи „Памятниковъ старинной русской литературы“, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ. Въ 1871 году: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“; второе изданіе въ 1883 году. Въ 1873 году: „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Въ 1876 г.: „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“.

„Если интересуется „Русскую Старину“ генеалогія, то отмѣчу здѣсь, что Пыпинъ происходитъ изъ довольно стараго дворянскаго рода. Прапрадѣдъ его служилъ въ Петербургѣ; прадѣдъ упоминается въ біографіи Державина“.

„2-го февраля 1886 г.“

дѣлало массу изданій. Другая значительная работа А. Н. Пыпина въ этомъ направленіи посвящена изслѣдованію болѣе популярнаго, но также мало изслѣдованнаго и крайне запутаннаго вопроса о русскомъ масонствѣ, съ самаго начала его возникновенія до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія („В. Е.“ 1867—1869, 1872 гг.). Этотъ трудъ особенно важенъ, какъ первый опытъ дѣльной, законченной исторіи русскаго масонства и уясненія его общественно-историческаго значенія.

На ряду съ этимъ исторія русской литературы и общій историческій ходъ умственнаго движенія въ Россіи не перестаетъ занимать А. Н. Пыпина и въ послѣдующіе года, какъ видно по содержанію его статей, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“¹⁾. („В. Е.“ 1873, 1874 гг.), „О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы и образованности“ (1875 г.), „Древній періодъ“ и „Средніе вѣка русской литературы и образованности“ (1876, 1877 гг.), и статьи, озаглавленные „Московская Старина“ (1872, 1885 гг.), гдѣ авторъ особенно подробно говоритъ о реформѣ Петра I,—тема, къ которой онъ не разъ возвращается въ своихъ трудахъ, въ виду ея историко-культурнаго значенія.

Въ области историко-литературной критики мы укажемъ на слѣдующіе труды А. Н. Пыпина: „Опытъ біографіи Бѣлинскаго“ (1874, 1875 гг.)²⁾, „Константинъ Аксаковъ“ (1884 г.) и статья „Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова“ (1889 г.), гдѣ авторъ даетъ живую картину дѣятельности талантливаго сатирика за извѣстный періодъ и дѣлаетъ сводъ наименѣе извѣстныхъ его статей, не вошедшихъ въ „Полное собраніе сочиненій Щедрина“.

Въ послѣднее десятилѣтіе А. Н. Пыпинъ занялся своимъ капитальнымъ трудомъ по русской этнографіи, занимавшей его въ началѣ литературно-научной дѣятельности, какъ указано выше. Этнографическія статьи А. Н. Пыпина появлялись въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1882—1888 гг. подъ разными названіями,

¹⁾ Этотъ превосходный трудъ былъ издавъ отдѣльно и потребовалъ втораго изданія.

²⁾ Эта вторая выдающаяся работа А. Н. Пыпина была также издана отдѣльно.

приспособленныя къ неизбѣжнымъ журнальнымъ требованіямъ, и посвящены изученію русской, малорусской и бѣлорусской народности.

На ряду съ А. Н. Пыпинымъ, къ числу первыхъ участниковъ журнала, со времени его основанія, принадлежитъ К. Д. Кавелинъ, бывшій профессоръ исторіи русскаго законодательства въ Москвѣ, а затѣмъ гражданскаго права въ с.-петербургскомъ университетѣ и военно-юридической академіи ¹⁾. К. Д. Кавелинъ еще въ 1850-хъ годахъ пріобрѣлъ извѣстность своими талантливыми лекціями и критическими журнальными статьями по русской исторіи и юриспруденціи. Съ открытіемъ „Вѣстника Европы“, онъ помѣщалъ въ немъ свои важнѣйшіе труды публицическаго и философскаго содержанія въ теченіи двадцати лѣтъ.

Въ трудахъ своихъ К. Д. Кавелинъ касался самыхъ насущныхъ сторонъ русской жизни, какъ: поземельный и крестьянскій вопросъ, и наиболѣе живыхъ психологическихъ и нравственныхъ вопросовъ по отношенію къ современному обществу. Если съ его философскими и этическими взглядами не всегда можно было согласиться, то главное значеніе его трудовъ вообще заключалось въ томъ, что они будили мысль, возбуждали споры по поводу многихъ новыхъ, поднятыхъ имъ, вопросовъ. Изъ трудовъ К. Д. Кавелина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“, наиболѣе извѣстны:

„Поземельная община въ древней и новой Россіи“ (1877 г.) и „Крестьянскій вопросъ“ (1881 г.).

„Задачи психологіи“ (1872 г.), „Психологическая критика“ (1874, 1875 гг.), „О задачахъ искусства“ (1878 г.), „Задачи этики“ (1884 г.).

Полный списокъ трудовъ К. Д. Кавелина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“, приложенъ къ его некрологу („В. Е.“ 1885 г., июнь, стр. 801).

Вопросъ о развитіи русскаго искусства въ его культурно-историческомъ значеніи поднять въ „Вѣстникѣ

¹⁾ Автобіографическую замѣтку покойнаго К. Д. Кавелина см. въ альбомѣ „Знакомые“ (Спб., изд. 1888 г.), на стр. 123. Тамъ-же замѣтки В. В. Стасова, стр. 51, 134—136.

Европы“ В. В. Стасовымъ ¹⁾), въ видѣ общихъ историческихъ обзоровъ и отдѣльныхъ біографій, какъ видно изъ слѣдующихъ статей:

„Живописецъ Ивановъ“ (біогр. очеркъ, „В. Е.“ 1880 г.)—„Модестъ Петровичъ Мусоргскій“ (1881 г.). — По письмамъ и статьямъ И. Н. Крамской (1887 г.).

„Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства“ (1882 г.)—„Наша скульптура за двадцать пять лѣтъ“. — „Наша архитектура за послѣднія двадцать пять лѣтъ“. — „Наша музыка за послѣднія двадцать пять лѣтъ“ (1883 г.).

Въ статьѣ „Тормазы новаго русскаго искусства“ (1885 г.) авторъ указываетъ главныя причины, которыя, по его мнѣнію, препятствуютъ нормальному развитію русской новѣйшей музыки и живописи ¹⁾).

III.

Въ литературномъ отношеніи „Вѣстникъ Европы“ также начался при крайне благопріятныхъ условіяхъ, въ пору дѣятельности нашихъ первоклассныхъ писателей 1850—60 годовъ, и воспользовался, такимъ образомъ, драматическими трудами А. Н. Островскаго и гр. А. Толстаго, очерками единственнаго въ своемъ родѣ и талантливѣйшаго русскаго сатирика Щедрина, романами и повѣстями Гончарова, Тургенева и Крестовскаго (псевдонима).

А. Н. Островскій одинъ изъ наиболѣе самобытныхъ русскихъ драматическихъ писателей, особенно извѣстный рельефнымъ изображеніемъ различныхъ сторонъ русскаго быта, помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1866 года, свою „Драматическую хронику“, а въ 1868-мъ году извѣстную историческую драму „Василиса Мелентьевна“, затѣмъ „Снѣгурочку“ (1873 г.) и комедію „Дикарка“, написанную совмѣстно съ И. Я. Соловьевымъ.

¹⁾ Первая и самая значительная работа В. В. Стасова, помѣщенная въ „Вѣстникъ Европы“ 1868 года (январь—іюль) не имѣетъ ничего общаго съ исторіей искусства и касается русскихъ былинъ, которымъ онъ приписываетъ восточное происхожденіе. Вопросъ этотъ, возбуждвшій въ свое время много споровъ, вновь поднятъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1890 года Г. Н. Потанинымъ, который является продолжателемъ взглядовъ В. В. Стасова, хотя приходитъ къ другимъ заключеніямъ.

Трагедія „Царь Оедоръ Іоанновичъ“ гр. А. Толстаго была помѣщена въ 1868 г., „Царь Борисъ“—въ 1870 г.; кромѣ того, напечатаны были два послѣднія дѣйствія драмы „Посадникъ“ (1876 г.)—посмертное сочиненіе ¹⁾.

Съ 1884 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ выступилъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), великій русскій сатирикъ, и напечаталъ въ журналѣ рядъ своихъ послѣднихъ, едва-ли не лучшихъ, очерковъ, составившихъ заключеніе его литературной дѣятельности: „Пестрыя письма“ („В. Е.“ 1884—1886 гг.), „Мелочи жизни“ (1886—1887 гг.), „Пошехонская Старина“ (1887—1888 гг.). Въ 1889 г. появилась въ „Вѣстникѣ Европы“ и послѣдняя страница, написанная М. Е. Салтыковымъ, „Забытыя слова“, гдѣ ярко выступаетъ предсмертная борьба угасающаго сильнаго таланта, съ невыносимыми нравственными и физическими страданіями. Въ 1890 г. помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ одинъ изъ раннихъ разсказовъ М. Е. Салтыкова 1849 г., „Брусинъ“, найденный въ его посмертныхъ бумагахъ.

Первымъ по времени изъ первоклассныхъ произведеній, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ изъ области русскаго романа, явился „Обрывъ“ И. А. Гончарова (1869 г.). Затѣмъ слѣдуютъ инаго рода статьи того-же автора: „Милліонъ терзаній“, критическій очеркъ, написанный по поводу Грибоѣдовской комедіи „Горе отъ ума“ (1872 г.), „Изъ университетскихъ воспоминаній“ (1887 г.), „Воспоминанія и очерки“ (1888 г.), „Нарушеніе воли“ (1889 г.).

Въ январской книгѣ 1868 года напечатанъ былъ „Бригадиръ“, разсказъ И. С. Тургенева, въ то время уже достигшаго высшей славы, какая выпадала на долю русскихъ романистовъ, такъ что каждое его произведеніе было драгоцѣннымъ приобрѣтеніемъ для журнала. Но собственно дѣятельность Тургенева въ „Вѣстникѣ Европы“ началась въ 1870 г. и прекратилась только съ его смертію въ 1883 году.

¹⁾ Изъ комедій А. А. Потѣхина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 года помѣщена „Выгодное предпріятіе“. Изъ новыхъ драматическихъ писателей появился въ 1877 году В. А. Крыловъ, съ комедій: „Въ духъ времени“, изъ которой слѣдовали его другія комедіи и драмы. Въ 1881 г. напечатана была комедія Пальма: „Господа избиратели“.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны слѣдующія произведенія Тургенева:

1870. „Странная исторія“ (рассказъ).—„Казнь Тропмана“.—„Степной король Лиръ“.
1871. „Стукъ... стукъ... стукъ...“.—„Некрологъ Н. И. Тургенева“.
1872. „Вешнія воды“.—„Конецъ Чертоиханова“.—(Изъ Записокъ охотника).
1874. „Пуницъ и Бабуринъ“.—„Рассказъ Петра Петровича“.
1876. „Часы“ (рассказъ).—Письмо къ редактору по поводу смерти графа А. Толстаго.
1877. „Новъ“ (романъ).—„Рассказъ отца Алексѣя“.—Изъ письма въ редакцію по поводу смерти Брюлловой.
1878. Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина.
1881. „Пѣсьнь торжествующей любви“.
1882. „Отчаянный“.—(Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ).
1883. „Клара Миличъ“.

Послѣ смерти Тургенева, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1884 г. напечатанъ былъ важный документъ для біографіи извѣстнаго романиста, сообщенный А. Д. Галаховымъ, а именно: „Циркулярное письмо И. С. Тургенева 1860 года, съ проектомъ программы общества распространенія грамотности и первоначальнаго обученія въ Россіи“.

Въ 1870—1871 гг. на стр. „Вѣстника Европы“ появился талантливый романъ „Большая Медвѣдица“ В. Крестовскаго (Надежда Дм. Хвоцинская, по мужу Заіончковская). Затѣмъ помѣщены были слѣдующія произведенія даровитой писательницы: „Альбомъ, группы и портреты“ (1875, 1877 гг.), „Жить какъ люди живутъ“ (1888 г.). Изъ извѣстныхъ русскихъ романистовъ, кромѣ И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и В. Крестовскаго (псевдонимъ), принимали участіе въ 1870-хъ годахъ „Вѣстника Европы“: М. Авдѣевъ (1876 г.), П. Д. Боборыкинъ (съ 1873 г.), Г. П. Данилевскій (1874—1880 гг.), А. А. Потѣхинъ (1875—1879 гг.).

1880-ые годы „Вѣстника Европы“ особенно обильны романами и повѣстями. Кромѣ романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Боборыкина, напечатаны произведенія женщинъ писательницъ: О. Шапиро (1881—1889 гг.), Н. Северинъ (1881—1885 гг.), В. Дмитріевой и выступаетъ длинный рядъ новыхъ писателей и писательницъ, заслужившихъ большую или меньшую извѣстность. Значительная часть произведеній этого новаго поколѣнія

писателей посвящена изображенію народнаго быта; преобладающая форма—эскизъ, бытовая картина и небольшой рассказъ, что также представляетъ характерную черту времени.

Въ заключеніе упомянемъ о переводныхъ романахъ, которые съ 1869 года приобрѣли права гражданства въ „Вѣстникѣ Европы“ и занимаютъ въ немъ видное мѣсто, какъ со стороны именъ многихъ изъ переведенныхъ авторовъ, такъ и по достоинству перевода. „Дача на Рейнѣ“ Ауэрбаха ¹⁾ была первымъ переводнымъ романомъ, напечатаннымъ въ журналѣ съ предисловіемъ И. С. Тургенева; затѣмъ слѣдовали переводы многихъ романовъ Шпильгагена и Зола („В. Е.“, 1869—1878 гг.), миссъ Брэддонъ, Бредъ Гарта, Эдгара Поэ, Эрнеста Додэ, Гюи де Монпасана и др. (1879—1890 гг.). Переводы „Вѣстника Европы“ ²⁾ отличаются такимъ изяществомъ и легкостью языка, что пользуются заслуженнымъ расположеніемъ публики, неизбалованной въ этомъ отношеніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ переводы романовъ Зола, въ виду своеобразныхъ выраженій и словъ, принятыхъ этимъ писателемъ, у котораго новый французскій языкъ, болѣе чѣмъ у кого либо изъ французскихъ романистовъ, отступаетъ отъ традиціоннаго академическаго языка прежней образованной Франціи ³⁾.

IV.

Стихотворенія составляютъ въ „Вѣстникѣ Европы“ значительный отдѣлъ. Начиная съ 1868 года, за все время существованія журнала проходитъ длинная вереница самобытныхъ и переводныхъ поэтовъ, число которыхъ доходитъ до пятидесяти пяти, не считая произведеній, подписанныхъ начальными буквами. Употребляя выраженіе критика „Вѣстника Европы“ К. К. Арсеньева, взгляда котораго мы будемъ держаться въ настоящемъ случаѣ, мы видимъ здѣсь „поэтовъ двухъ поколѣній, которые рельефно отличаются другъ отъ друга“. Произведенія поэтовъ ста-

¹⁾ Прекрасный переводъ этого романа принадлежитъ перу С. А. Никитенко.

²⁾ Большинство—принадлежитъ г-жѣ А. Н. Энгельгардтъ, рожд. Макаровой.

³⁾ Въ первое десятилѣтіе отъ 1869—1878 гг. романы переводились въ „Вѣстникѣ Европы“ съ рукописи, что было нововведеніемъ.

раго поколѣнія, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“: гр. А. К. Толстаго, Я. П. Полонскаго, А. Плещеева, А. Фета, А. Жемчужникова и др., выдѣляются по художественности формы, правильности стиха, широкимъ полетомъ гуманистическихъ воззрѣній и большею частью касаются обще-человѣческихъ вопросовъ, не связанныхъ съ русской почвой и современностью. Задача большинства поэтовъ новаго поколѣнія болѣе узкая и субъективная; но ихъ произведенія тѣснѣе связаны съ русскою жизнью, служатъ вѣрнымъ отголоскомъ стремленій чувствъ и нравственныхъ страданій, переживаемыхъ новымъ поколѣніемъ. Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ, высказанный К. К. Арсеньевымъ, въ его характеристикахъ новѣйшей русской поэзіи: „Поэты двухъ поколѣній“ („В. Е.“, 1885, окт.).—„Содержаніе и форма въ новѣйшей русской поэзіи“ — разборъ сборниковъ: А. Апухтина, С. Андреевскаго, С. Надсона и С. Фруга.—„Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ: Минскій и Фофановъ“.—„Посмертныя стихотворенія Надсона“ („В. Е.“, 1887, янв., май, ноябрь).

Въ качествѣ переводчиковъ стихотвореній иностранныхъ авторовъ выдѣляются: Н. В. Гербель, П. И. Вейнбергъ и, въ особенности, В. А. Буренинъ, переводы котораго, помѣщенные въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1868—1874 гг., могутъ быть названы вполне удачными по художественности, изяществу языка и вѣрной передачи впечатлѣнія подлинника. Изъ нихъ мы назовемъ переводы „Ямбовъ“ Барбье, „Грѣшница“—поэма Алфреда де-Виньи, „Греція“ Байрона и „Нищая на мосту“, перев. англійской поэмы „Misery“ Овена-Мередита (1870 г.).

V.

При общемъ обзорѣ литературнаго отдѣла „Вѣстника Европы“ за двадцать пять лѣтъ считаемъ долгомъ упомянуть о литературныхъ „Воспоминаніяхъ“, которыя занимаютъ здѣсь не послѣднее мѣсто. Изъ нихъ особенно замѣчательны „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“ И. С. Тургенева, а затѣмъ П. В. Анненкова, по его близкимъ, личнымъ отношеніямъ ко многимъ знаменитымъ представителямъ русскаго литературнаго и ученаго міра, въ теченіе долгаго періода отъ конца 1830-хъ до начала

1880-хъ гг. Объективная простота и живость разсказа, при сознательномъ отношеніи къ видѣнному и слышанному, правдивая оцѣнка фактовъ составляютъ главное достоинство „Воспоминаній“ П. В. Анненкова. Такъ, въ его статьяхъ: „Замѣчательное десятилѣтіе, литературныя воспоминанія 1838—1848 гг.“ („В. Е.“, 1880 г., январь—май), онъ сообщаетъ, въ качествѣ очевидца, наиболѣе полныя біографическія данныя о Бѣлинскомъ, въ связи съ общей характеристикой литературнаго и умственнаго движенія Россіи сороковыхъ годовъ. Въ такъ называемомъ біографическомъ этюдѣ: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ (1883 г.) описана общественная и литературная дѣятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева, со стороны послѣдовательнаго развитія ихъ взглядовъ и міросозерцанія. Въ статьѣ „Художникъ и простой человѣкъ“ (изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ), напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ 1882 г., авторъ изображаетъ личность романиста и современныхъ ему общественныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Наиболѣе богатый біографическій и литературный матеріалъ заключается въ воспоминаніяхъ П. В. Анненкова о Тургеневѣ, которыя печатались съ перерывами въ „Вѣстникѣ Европы“ отъ 1884—1887 гг.: „Молодость Тургенева“. — „Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“. — „Изъ переписки съ Ив. С. Тургеневымъ“ (Третій и послѣдній періодъ дѣятельности И. С. Тургенева).

Со стороны біографическаго интереса также важное значеніе имѣютъ „Воспоминанія Е. А. Хвостовой“, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго (1869 г.). Это живой эскизъ русскаго великосвѣтскаго общества за время 1826—1840-хъ годовъ. Почти половина „Воспоминаній“ посвящена памяти рано погибшаго поэта Лермонтова и обрисовкѣ его личности.

Изъ литературныхъ воспоминаній болѣе личнаго характера напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“: воспоминанія Е. Юнге „О Шевченкѣ“ (1883 г.), Житовой „О семьѣ П. С. Тургенева“ (1884 г.) и Ѳ. А. Бурдина „Изъ воспоминаній объ Островскомъ“ (1886 г.), „А. А. Котляревскій“ — воспоминанія А. Стороженки (1890 г.). Сюда же мы отнесемъ: „Автобіографію Антокольскаго“ и отрывокъ „Изъ воспоминаній поэта Надсона“, сообщ. С. А. Венгеровымъ (1887 г.).

Изъ новѣйшихъ литературныхъ воспоминаній важное значеніе

ченіе имѣють статьи Д. А. Корсакова: „К. Д. Кавелинъ“ и „Послѣдніе годы жизни К. Д. Кавелина“ („В. Е.“, 1886—1888 гг.). Изъ личныхъ воспоминаній, не считая болѣе раннихъ В. И. Панаева (1867 г.) и М. П. Погодина (1868 г.), живой интересъ представляютъ напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 года: „Мои воспоминанія“, заслуженнаго профессора Ѳ. И. Буслаева, и „Воспоминанія дѣтства“ С. В. Ковалевской, профессора высшей математики въ Стокгольмѣ ¹⁾.

Что касается біографій въ прямомъ значеніи слова, которыя относятся къ новѣйшимъ дѣятелямъ, то въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны только двѣ, и онѣ посвящены памяти двухъ наиболее почтенныхъ русскихъ педагоговъ, извѣстныхъ своей плодотворной воспитательной дѣятельностью: біографія—„Василій Ивановичъ Водовозовъ“, В. И. Семевскаго, которая представляетъ вполне законченный трудъ, и біографія—„В. Я. Стоюнинъ“, В. Сиповскаго.

Изъ статей біографическаго характера считаемъ долгомъ упомянуть статьи П. Анненкова: „А. С. Пушкинъ“, („В. Е.“, 1873 г.).—„А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ (1874 г.).—„Существенные идеалы Пушкина“ (1880 г.).—„Любопытная тяжба“ и „Литературные проекты Пушкина“ (1881 г.). О Пушкинѣ и Гоголѣ напечатаны статьи Е. С. Некрасовой: „Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ“ (1881 г.), „Гоголь и Ивановъ“ (1883 г.).—О Гоголѣ статьи В. И. Шенрока: „Н. В. Гоголь и Вельгорскіе“ (1889 г.).—„Гоголь и Данилевскій“.—„Гоголь въ началѣ литературной карьеры“ (1890 г.).

Литературный матеріалъ, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“, заключается въ неизданныхъ письмахъ, стихахъ и вариантахъ стиховъ А. С. Пушкина и снимка его послѣдняго письма, въ неизданномъ стихотвореніи В. Жуковскаго, и кромѣ того въ 1873 году напечатана „Юношеская повѣсть Лермонтова“ и неизданное стихотвореніе: „На смерть Пушкина“.

По исторіи русской литературы 1820—1860 годовъ въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщенъ рядъ трудовъ, составляющихъ

¹⁾ Списокъ математическихъ и литературныхъ работъ С. В. Ковалевской, кромѣ мелкихъ газетныхъ статей, виѣсть съ ея превосходнымъ портретомъ: фототипія, помѣщена въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 года.

цѣнный научный вкладъ въ данное направленїе. Въ виду краткости нашего очерка, мы ограничимся указанїемъ ихъ:

„Изъ исторїи литературы двадцѣтихъ годовъ“ (Новые матеріалы для біографїи Рылѣева) В. Е. Якушкина. („В. Е.“ 1888).

„Валерїанъ Майковъ“, (талантливый русскїй критикъ, рано умершїй), изъ исторїи сороковыхъ годовъ, К. К. Арсеньева. (1886).

„Забытый поэтъ“ (Полежаевъ). А. Н. Пыпина. (1889).

„Пѣсни о женской неволѣ въ поэзїи Ю. В. Жадовской“ (зачатки женскаго вопроса въ ея произведенїяхъ). А. М. Скабичевскаго. (1886).

„Изъ исторїи русской журналистики: молодая редакція Москвитинна“. С. А. Венгерова. (1886).

„Сатира Крылова и его почта духовъ“. Я. К. Грота. (1868).

„П. Н. Кудрявцевъ въ его учено-литературныхъ трудахъ“. В. Герье (1887).

„П. А. Плетневъ“, очеркъ А. М. Скабичевскаго (по поводу изданїя сочиненїй и переписки П. А. Плетнева Я. К. Гротомъ, въ трехъ томахъ, Сиб. 1885 г.).

„Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“. В. Д. Спасовича, бывшаго профессора уголовного права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. (1884).

„Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“. В. Д. Спасовича ¹⁾. (Публичные лекціи, читанныя въ 1888 году, 15, 19 и 22 января).

Статьи о Пушкинѣ и „П. В. Анненковъ“, А. Н. Пыпина. (1887).—Его же „Грибоѣдовъ“ (истор. замѣтки) 1890 года.

„Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ“, проф. О. Э. Миллера. (1875 г.).

„Западное вліанїе въ русской литературѣ“, моск. проф. А. Н. Веселовскаго. („В. Е.“ 1881, 1882).

По изученїю новѣйшей русской литературы первое мѣсто въ „Вѣстникѣ Европы“ принадлежитъ К. К. Арсеньеву, извѣстному юристу, который еще въ 1860-хъ годахъ, при открытїи новыхъ судебныхныхъ учрежденїй, явился въ числѣ первыхъ выдающихся представителей русской адвокатуры. К. К. Арсеньевъ принялъ участїе въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1868 года и въ теченїи нѣсколькихълѣтъ писалъ исключительно статьи по спеціально юридическимъ вопросамъ, западно-европейской политикѣ, исторїи и всеобщей литературѣ, а съ 1883 занялся изученїемъ новѣйшей русской литературы. Здѣсь дѣятельность его выразилась въ рядѣ статей, посвященныхъ наиболѣе характернымъ явленїямъ русской беллетристики и въ видѣ цѣлыхъ изслѣдованїй, какъ „Русская обще-

¹⁾ Отзывъ о III томѣ „Сочиненїй В. Д. Спасовича. Сиб. 1890 г.“ помѣщенъ въ бібліогр. листкѣ ноябрьской книги „Русской Старинѣ“ 1890 года.

ственная жизнь въ сатиры Салтыкова“ (1883 г.).—„М. Е. Салтыковъ“ (1889 г.).—„Матеріалы для біографіи Салтыкова“ (1890 г.).—„Многострадальный писатель“ Ф. М. Достоевскій (1884 г.).—„Современный русскій романъ въ его главныхъ представителяхъ: В. Крестовскій (псевд.)“ (1885 г.).

Въ своихъ публицистическихъ, а также критико-біографическихъ очеркахъ К. К. Арсеньевъ описываетъ литературныхъ дѣятелей, въ связи съ русскою жизнью и обществомъ, не останавливается исключительно на темныхъ или свѣтлыхъ сторонахъ писателя. Даже въ такихъ статьяхъ, какъ „Романъ, орудіе регресса“ (1886 г.), „Мнимое безпристрастіе“, „За кулисами ретрограднаго романа“ (1888 г.), онъ сохраняетъ чувство мѣры, — качество очень цѣнное и довольно рѣдкое для русскаго критика. Къ новѣйшей литературѣ относятся статьи К. К. Арсеньева о русской поэзій, (о которыхъ мы упоминали выше), и новѣйшей беллетристикѣ: „Лѣсная правда и высшая справедливость“. — „Глѣбъ Успенскій“. — „Власть земли“ (1883 г.). — „Русскіе беллетристы новаго поколѣнія: М. Альбовъ и Баранцевичъ“ (1884 г.). — „Новыя литературныя силы“, „Беллетристы послѣдняго времени“ (1887 г.). — „В. Гаршинъ“. — „Современные беллетристы“ (1888 г.). — „Модная форма беллетристики“ (1889 г.).

Для полноты характеристики русскаго новѣйшаго романа, мы укажемъ на историко-критическій очеркъ „Литература и народники“, посвященный писателямъ народо-бытовой школы, Е. И. Утина („В. Е.“ 1881 г.). Романы и новыя теоріи гр. Л. Н. Толстаго, возбуждившіе много толковъ въ нашемъ обществѣ, нашли отголосокъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ статьѣ проф. Н. Карѣева „Историческая философія въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго „Война и миръ“ (1887 г.) и въ статьяхъ Л. З. Слонимскаго „Философія гр. Л. Н. Толстаго“, „Теоріи графа Толстаго“ (1886 г.).

VI.

Въ заключеніе мы опять вернемся къ русской исторіи, а именно къ отдѣлу воспоминаній и матеріаловъ по русской исторіи, и коснемся отношенія „Вѣстника Европы“ къ спеціальнымъ историч. изданіямъ. Такъ, начиная съ 1870 года, мы встрѣчаемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ рядъ послѣдовательныхъ разборовъ: „Сб. И. Р. Ист. Общ.“ (почти погодный съ 1870—78), а также „Русской Старины“, „Русскаго Архива“, „Архива кн. Воронцова“, „Деятнадцатаго вѣка“ (1870 г.). Въ этихъ разборахъ сдѣлана вполне обстоятельная оцѣнка матеріаловъ, помѣщенныхъ въ названныхъ изданіяхъ. Особенно подробно разобраны въ „Вѣстникѣ Европы“, наиболѣе любопытные мемуары объ Александровской эпохѣ, напечатанные въ „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ въ 1884—87 гг. Равнымъ образомъ, по поводу Записокъ М. Н. Муравьева, помѣщенныхъ въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ 1882 года, тогда-же появилась въ „Вѣстникѣ Европы“ отдѣльная статья: Слѣдствіе и судъ надъ польскими повстанцами въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—1864 гг. и, кромѣ того, „Письмо въ редакцію“, заключавшее поправки и дополненія къ характеристикѣ дѣятельности М. Н. Муравьева.

Что касается историческихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, то мы укажемъ ихъ въ историко-хронологическомъ порядкѣ:

- а) Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II (1873).
- б) Въ статьѣ М. И. Семева „Матеріалы къ русской исторіи“ приведены акты, важные какъ для характеристики Павла I, такъ и для уясненія многихъ узаконеній, обнародованныхъ этимъ государемъ въ теченіи его царствованія (1867).
- в) Извлеченія „Изъ Араѣчевской переписки“ (1805—1863) съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи и различныхъ документовъ (1870).
- г) Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева, письма и сочиненія; при этомъ выбрано все наиболѣе интересное въ историческомъ отношеніи (1871).

Изъ воспоминаній историческихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ первое мѣсто принадлежитъ статьѣ „Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ“.

изъ воспоминаній современника, М. Жихарева (1871 г.). Грибоѣдовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской, которыя наглядно знакомятъ съ жизнью московскаго общества Александровской эпохи, которая служила матеріаломъ для ея изображенія въ комедіи „Горе отъ ума“. („В. Е.“ 1874—1875).

Что касается содержанія статей по всеобщей исторіи и всеобщей литературѣ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а также общихъ политико-экономическихъ, философскихъ, публицистическихъ и др. статей, то мы намѣтимъ здѣсь главнѣйшія изъ нихъ и имена авторовъ.

По всеобщей исторіи помѣстили статьи: К. Арсеньевъ, С. Брюлева, В. Герье, А. Д. Градовскій, Н. Карѣевъ, Ф. Мартенсъ, Л. Слонимскій, В. Д. Спасовичъ, М. М. Стасюлевичъ, М. Ковалевскій, Д. Каченовскій, Л. Полонскій, А. Трачевскій, Е. Утинъ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ статей имѣютъ непосредственное историческое отношеніе къ Россіи; иныя написаны по поводу того или другаго вопроса, занимавшаго или и понынѣ занимающаго въ данный моментъ русское общество, какъ, напримѣръ, статья В. Герье—„Свѣтъ и тѣни“ (въ 1876 г., по поводу университетскаго вопроса), и статья М. М. Стасюлевича—„Высшая реальная школа въ Германіи“ (въ 1871 г., съ цѣлью уясненія вопроса о реальномъ образованіи).

„Общее число статей „Вѣстника Европы“ по всеобщей литературѣ особенно значительно. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: акад. А. Н. Веселовскаго (1871—1888) (см. также его статьи въ „Вѣстн. Европы“ о русскомъ эпосѣ, по отношенію къ западной литературѣ), Н. Стороженка, В. Корша, а также имена постоянныхъ участниковъ „Вѣстника Европы“—К. К. Арсеньева, Л. Слонимскаго, Е. Утина, которые, кромѣ того, помѣстили въ журналѣ рядъ публицистическихъ, политико-экономическихъ и другихъ статей.

К. К. Арсеньевъ и В. Д. Спасовичъ писали также въ „Вѣстникѣ Европы“ по разнымъ юридическимъ вопросамъ, на ряду съ В. Сергѣевичемъ, М. Капустинимъ, А. О. Кони, И. Фойницкимъ и друг.

Послѣдняя война 1877—1878 г. вызвала нѣсколько статей и воспоминаній: Андріянова, Пясецкаго, Е. Утина, В. Ве-

рещагина и др., и выдвинула славянской вопросъ, съ неизбежной въ этомъ случаѣ полемикой.

По спеціальной научной литературѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены статьи: акад. А. Н. Бекетова, проф. И. М. Сѣченова, И. Тарханова, И. П. Доброславина, Н. Вагнера, Н. Мечникова, М. Манасеиновой, статист. статьи Ю. Янсона. Изъ русскихъ путешественниковъ въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны статьи: Н. М. Пржевальскаго: „Уссурийскій край“ („В. Е.“ 1870 г.); о томъ-же ст. Пл. Чихачева: „Калифорнія и Уссурийскій край“ (1890 г.); Г. Потанина: „О народности въ Восточной Азіи“ (1880 г.); проф. И. П. Миннаева: „Изъ путевыхъ записокъ по Индіи“ (1876, 1887 гг.);—М. И. Венюкова: „Очерки крайняго востока“ (1870 г.), „Современная Японія“ (1871 г.); изъ путешествія Всев. Миллера и Макс. Ковалевскаго: „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“;—И. Иванюковъ и М. Ковалевскій: „У подошвы Эльбруса“; „Въ Сванетіи“ (1886 г.); Ц. Равинскій: „Мои странствованія по Монголіи“ (1874 г.), „Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи“ (1875 и 1876 гг.).

Изъ статей по изученію Сибири, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, любопытны также статьи Н. Ядринцова:

„Наши выселенія и колонизаціи“ (1880).—„Положеніе переселенцевъ въ Сибири“ (1881).—„Положеніе ссыльныхъ въ Сибири“.—Ст. Д. Г. Тальберга „Ссылка на Сахалинъ“ (1879 г.). И. Благовѣщенскаго: „Записки о Сибири“. Къ изученію положенія и быта различныхъ народовъ, населяющихъ Россію, относятся статьи: „В. Бехтера: „Вотьяи, ихъ исторія и современное состояніе“ (1880 г.).—„Пермяки“ (бытовой и этнографическій очеркъ 1883 года) Н. Добротворскаго.—„Крымъ и крымскіе татары“ (историческій обзоръ ихъ настоящаго положенія 1883 г.) М. Гольденберга.—„Среди крымскихъ татаръ“ Э. Воропонова.—Переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію“, любопытная статья, по фактамъ и выводамъ, составленная въ началѣ 1860-хъ годовъ, Левитова („Вѣстн. Европы“ 1882 г.).

Изученію быта и положенія раскольниковъ посвященъ рядъ трудовъ и статей, которые составляютъ въ „Вѣстникѣ Европы“ какъ-бы особый отдѣлъ:

1872 и 1873 г. А. Розовъ: „Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ“.

1879. Р. Эшеръ: „Молокане или христіане спиритуалисты вост. Россіи“.

1880. Е. Рацкъ: „Русскій расколъ и законодательство“.

1880. Ю. „Духовные христіане: духоборцы молокане“.

1881. Р. Е. „Русскіе рационалисты и субботники: молокане и штундисты“.
 1881. А. Южный: „На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ“.
 1882. А. Михайловъ: „По вопросу о вѣротерпимости въ расколу“.
 1883. А. Пругавинъ: „Немоляки“.

Изъ статей по этнографіи считаемъ долгомъ упомянуть: ст. Н. И. Костомарова: „Великорусская народная поэзія“, („В. Е.“, май 1872 г.),—акад. А. Н. Веселовскаго: „Отрывокъ византійскаго эпоса въ русскомъ“ (1875 г.),—А. Θ. Гильфердингъ: „Олонецкая губернія и народныя рапсодіи (1872 г.),—И. Рудченко: „Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ“ (1872 г.) и проч.

VII.

Цѣлую литературу составляютъ въ „Вѣстн. Европы“ статьи по изученію внутреннихъ вопросовъ Россіи, которые поставлены на первомъ планѣ въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ журнала, но здѣсь мы ограничимся лишь перечнемъ главныхъ статей, такъ какъ болѣе подробное обозрѣніе этого отдѣла журнала увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Такъ, по крестьянскому вопросу, кромѣ упомянутыхъ трудовъ К. Д. Кавелина и В. И. Семевскаго, мы встрѣчаемъ имя кн. А. И. Васильчикова, земскаго дѣятеля въ лучшемъ значеніи этого слова, который выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ съ статьей, написанной по поводу критикъ и рецензій на его книгу „Землевладѣніе и земледѣліе“. Въ этомъ сочиненіи кн. Васильчиковъ, какъ извѣстно, отстаивалъ неприкосновенность сельской общины, сельское самоуправленіе и мелкое землевладѣніе, какъ болѣе правильное распредѣленіе поземельной собственности.

О землевладѣніи помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи члена соѣта крестьянскаго поземельнаго банка Θ. Воропонова: „По вопросу о вліяніи земельнаго надѣла на благосостояніе крестьянъ“ (1880).—Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ (1882).—„Новѣйшія экономическія условія“. — „Наши статистическія работы по землевладѣнію“ (1883). — А. Исаева „Значеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ“ (1883). — Н. Благовѣщенскаго „Формы землевладѣнія“ (1888). — „Охрана крестьянскаго землевладѣнія“ Л. З. Слонимскаго (1890). — О сельской общинѣ писали въ „Вѣстникѣ Европы“: Е. Безакъ „Сельская община въ Россіи, статья д-ра Мекензи Уоллеса“ (1876).—И. Анисимовъ „Разложеніе нашей земельной общины“ (1885).—В. Пругавинъ „Прогрессъ въ земельной общинѣ“ (1886).—И. Кейслеръ „Сельская община и ея современное положеніе“ (1887) и пр.

По вопросу о народномъ образованіи помѣщенъ рядъ статей барона Н. А. Корфа, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей земской начальной школы.

„Русское народное образованіе и земство“ (статья 1871 г., по поводу книги кн. А. Васильчикова „О самоуправленіи“, т. II). — „Объ обязательномъ обученіи въ Россіи“. — „Итоги общественной дѣятельности въ пользу народнаго образованія въ Россіи“ (1876). — „Сельско-хозяйственное и ремесленное образованіе народа“. — „Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства“ (1881). — „Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ“ (1882). — „Наши учительскія семинаріи“ — историческій очеркъ (1883).

Затѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 года напечатана статья: „Что читать народу“ В. И. Водовозова, извѣстнаго своей почтенной педагогической дѣятельностью и изданіемъ народныхъ учебниковъ, которые расходились сотнями тысячъ.

О среднемъ образованіи въ Россіи писалъ другой извѣстный педагогъ В. Я. Стоюнинъ: „Мысли о нашихъ экзаменахъ“ (1870). — „Педагогическій вопросъ: „гдѣ гнѣздилося наше зло“ (1875). — „Замѣтки о русской школѣ“ (1881, 1882, 1883). — „Цѣль общеобразовательной школы“ (1882). — „Наша семья и ея историческія судьбы“ (1884). — Въ 1882 г. напечатана ст. С. Чекалы „Наши гимназіи какъ общеобразовательная школа“ (извлеч. изъ брошюры, изданной на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Должны-ли наши гимназіи остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ есть.“). — Въ 1883 г. появилась статья В. Острогорскаго о „Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій“.

Изъ статей „Вѣстника Европы“ о русскихъ университетахъ мы укажемъ два историческихъ очерка: „Русскіе университеты, въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“, В. С. Иконникова (1876 г.). — Научная дѣятельность нашихъ университетовъ по естествознанію (1883 г.) И. М. Сѣченова. По школьной гигиенѣ писали: А. П. Доброславинъ — „Переутомленіе учащихся и ихъ послѣдствія“ (1888 г.). — М. М. Манасеина: „Мозговое утомленіе и способы опредѣленія его“ (1884 г.).

По общей гигиенѣ помѣщены статьи: 1876. „Профессіональная и промышленная гигиена“, С. Ловцова.

1882. „Очеркъ борьбы съ дифтеритомъ въ Россіи“, І. В. Бертенсона.

1882. „Эпидеміи и наши медицинскіе порядки“, д-ра Укке.

1884. „Деревенская медицина“, д-ра Я. Симоновича.

Значительное мѣсто отведено въ „Вѣстникѣ Европы“ вопросамъ политико-экономическимъ и финансовымъ; но такъ-какъ мы

считаемъ неудобнымъ приводить заглавіе статей, не касаясь ихъ содержанія, то мы ограничимся указаніемъ именъ авторовъ и годовъ статей.

Изъ статей политико-экономическихъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи: А. Головачева (1876), И. Лохтина (1876), А. Крылова (1877), А. Абрамова (1879), Д. Торохова, И. Червинскаго (1884), И. Янжула (1888), А. Погожева, А. Исаева (1889), гр. Орлова-Давыдова. По вопросу о налогахъ помѣщены статьи: кн. А. Васильчикова (въ 1871 г. „Земская повинность въ Россіи“), Ѳ. Воропонова (1878, 1885 гг.), Л. Черныяева (1878), Ю. Г. Жуковскаго, И. Янжула (1881). По общимъ финансовымъ вопросамъ писали въ „Вѣстникѣ Европы“ Н. Колюпановъ (1873), И. Кауфманъ (1874, 1875), Н. Х. Бунге, Я. Печоринъ (1876), И. С. Блюхъ (1877), Ю. Г. Жуковскій (1881), Ѳ. Воропоновъ (1882, 1884), Д. Тороховъ (1889) и др.

Реформамъ прошлаго царствованія посвящены въ „Вѣстникѣ Европы“ три капитальныхъ работы: „Десять лѣтъ реформъ“ А. Головачева (1871, 1872).—„Итоги судебной реформы“ К. К. Арсеньева (1887).—„Военныя реформы императора Александра II“, статья, написанная не для цѣлей полемическихъ, какъ сказано въ предисловіи, а „для простаго изложенія сущности дѣла, которое окончилось прежде, чѣмъ успѣло выясниться до конца. Безъ такой объяснительной записки возможна была безрезультатная полемика въ данномъ направленіи. Настоящій трудъ пополняетъ этотъ пробѣлъ и послужитъ матеріаломъ для историка военныхъ реформъ прошлаго царствованія“... (1882 г.).

Великія реформы Александра II занимаютъ главное мѣсто и въ Внутреннемъ обзорѣни „Вѣстника Европы“, которое въ историческомъ отношеніи имѣетъ важное значеніе, въ смыслѣ подробной и обстоятельной лѣтописи внутренней жизни русскаго государства и общества, веденной изъ года въ годъ за послѣднюю четверть вѣка.

Общій характеръ „Внутренняго обзорѣни“ тѣсно связанъ съ историческими условіями, при которыхъ началось существованіе журнала. Въ пятилѣтіе 1861—65 гг. совершилось освобожденіе крестьянъ, введены въ дѣйствіе земскія учрежденія, обнародованы новые судебные уставы, отмѣнены тѣлесныя наказанія, дана извѣстная свобода печати и т. д. Редакція „Вѣстника Европы“, наравнѣ съ большею частью русскаго образованнаго общества, радостно привѣтствовала широкія преобразованія, съ которыми связаны были надежды на будущее благосостояніе Россіи и

русскаго народа. Эта исходная точка дала извѣстный характеръ и направленіе „Вѣстнику Европы“, которому онъ остался вѣренъ за всѣ двадцать пять лѣтъ, и за все время съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ и результатомъ реформъ и происходившими измѣненіями въ нихъ. Всѣ новыя законодательныя и правительственныя мѣры и распоряженія „Вѣстникъ Европы“ опять-таки разсматривалъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ реформамъ Александра-Освободителя.

Такимъ образомъ, получилась цѣлая исторія общаго хода крестьянскаго вопроса въ Россіи за четверть столѣтія, земскихъ и судебныхъ учрежденій въ связи съ отношеніемъ къ нимъ общества и печати. Съ 1870-хъ годовъ, съ утвержденіемъ новаго городского положенія, „Вѣстникъ Европы“ посвятилъ рядъ „Внутреннихъ обзорѣній“ объясненію сущности и задачъ реформы, слѣдилъ за ходомъ дѣла и его фактическими результатами и неизмѣнно высказывался за распространеніе ея во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая Сибири, западныхъ и прибалтійскихъ губерній. Съ такимъ же искреннимъ сочувствіемъ встрѣтилъ онъ въ 1874 году манифестъ о всеобщей воинской повинности, въ виду связанной съ нимъ надежды на распространеніе грамотности въ Россіи и поднятіе общаго умственнаго уровня народной массы. Въ 1880-хъ годахъ „Внутренняго обзорѣнія“ на первомъ планѣ поставлены финансовыя и экономическія вопросы, административныя реформы, пересмотръ уголовного и гражданскаго законодательства и мѣры, принятыя правительствомъ къ обезпеченію благосостоянія крестьянъ и улучшенію быта городского и рабочаго люда. При этомъ за всѣ двадцать пять лѣтъ, изъ года въ годъ длинный рядъ „Внутреннихъ обзорѣній“ занятъ вопросомъ о русскомъ образованіи въ видѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ особенности народной школы, такъ какъ поднятіе умственнаго уровня массы и распространенія образованія въ народѣ поставлены „Вѣстникомъ Европы“ какъ самая настоятельная потребность Россіи.

Въ первые два года существованія журнала внутреннее обзорѣніе носитъ болѣе специальный характеръ, а именно „земскаго обзорѣнія“ и „педагогической хроники“.

Въ очеркахъ „Земскаго обзорѣнія“ 1866 года Н. П. Ко-

люпанова выработаны „главные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ земства, и сведены разнообразныя попытки мѣстныхъ земскихъ собраній въ общіе итоги“. Въ слѣдующемъ, 1867 году, авторъ „Земскаго собранія“ приводитъ вопросы, поднятые въ другихъ земствахъ, въ виду новыхъ собранныхъ данныхъ, а затѣмъ приступаетъ къ обсужденію дѣлъ земства.

Въ 1868 году начинается ежемѣсячное „Внутреннее обозрѣніе“ безъ подписи авторовъ, и хотя сохраняетъ характеръ и направленіе первоначальнаго „Земскаго обозрѣнія“, но кругъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ становится все шире, что, вѣроятно, и побудило редакцію „Вѣстника Европы“ сократить „Внутреннее обозрѣніе“ съ 1884 года и выдѣлить изъ него „Хронику общественной жизни“.

Мы представимъ общій обзоръ содержанія Внутренняго обозрѣнія „Вѣстника Европы“, которое имѣетъ особое историческое значеніе, такъ какъ относится къ первому двадцатипятилѣтію послѣ осуществленія реформъ, давшихъ новый поворотъ всей государственной и общественной жизни Россіи. Съ другой стороны „Внутреннее обозрѣніе“ даетъ наглядную картину общаго хода самихъ реформъ и полученныхъ результатовъ.

Такъ, напримѣръ, изъ ежемѣсячныхъ внутреннихъ обозрѣній „Вѣстника Европы“ вполне выясняется роль земства, его экономическое и государственное значеніе, отношеніе къ крестьянскимъ дѣламъ, заботы о благосостояніи народа и участіе въ рѣшеніи насущныхъ экономическихъ потребностей, а равно и значительныя сдѣланныя имъ затраты на народное образованіе. Въ то-же время видно насколько дѣятельность земства находится въ тѣсной зависимости отъ расширенія и ограниченія его правъ и степени самостоятельности, такъ что общіе результаты являются далеко не такими утѣшительными, какими они могли быть. Фактическое объясненіе причинъ этого явленія мы находимъ въ „Внутреннемъ обозрѣніи“, несмотря на многіе пробѣлы, неизбежныя при недостаткѣ и отрывочности получаемыхъ свѣдѣній. Такъ, мы видимъ, съ одной стороны, непреодолимыя препятствія въ мѣстныхъ условіяхъ: общаго обѣдненія крестьянъ въ извѣстныхъ пунктахъ, огромныхъ протяженій нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ, крайней малонаселенности или громадной цифры населенія, сосредоточенной въ рукавахъ одного земства, и т. д.

„Нельзя удивляться, сказано во „Внутреннемъ обзорѣніи“ за іюль 1875 г., что, между прочимъ, уфимское земство сдѣлало мало для замѣтнаго улучшенія быта $\frac{1}{2}$ миллионнаго населенія“... или что „ризанское земство, въ виду общаго обѣдненія, ненормальнаго состоянія всѣхъ отраслей земскаго хозяйства, не могло оказать скорой помощи“, тѣмъ болѣе „что новые источники земскаго дохода еще не изслѣдованы, старые изсякли“...

Съ другой стороны, самый характеръ дѣятельности земствъ находится въ прямой зависимости отъ ихъ наличнаго состава, крайне разнообразнаго по уровню образованія и направленія, какъ это наглядно указано во „Внутреннемъ обзорѣніи“ за мартъ 1881 года.

„Это различіе составляетъ одно изъ существенныхъ нашихъ условій. Наслѣдіе до-реформенныхъ порядковъ еще не прожито и отчасти выражается въ кособоки значительной части общественныхъ силъ. Оживленіе общественной дѣятельности создается не массою, и небольшими группами живыхъ людей, которые у насъ не очень быстро размножаются. Собралась въ губерніи такая группа, приобрѣла нѣкоторое вліяніе и вотъ губернское земство начинаетъ жить, работать, обращать на себя вниманіе. Разсѣялась подобная небольшая группа—и живое нѣкогда земство засыпаетъ, отходитъ на задній планъ“...

Третья и самая существенная причина неутѣшительныхъ результатовъ дѣятельности земствъ, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, заключается въ условіяхъ положенія земствъ, вслѣдствіе котораго они опустились ниже своего первоначальнаго уровня и потеряли ту нравственную поддержку, какой служило для нихъ прежнее сочувствіе значительной части русскаго общества.

Въ тѣсной связи съ земствомъ поставлена въ „Внутреннемъ обзорѣніи“ и крестьянская реформа на ряду съ вызванными ею вопросами о народномъ образованіи, народной школы, экономическаго улучшенія быта крестьянъ, волостнаго самоуправленія, землевладѣнія, крестьянскаго поземельнаго банка и пр. Изъ этихъ вопросовъ въ „Обзорѣніи“ наибольшее вниманіе обращено на народную школу; здѣсь мы можемъ годъ за годъ прослѣдить весь ходъ народнаго образованія въ Россіи за четверть вѣка, во всѣхъ его фазисахъ, такъ что само собою выясняются результаты дѣятельности земствъ въ этомъ направленіи и отношеніе духовенства къ народному образованію. На ряду съ крестьянскимъ землевладѣніемъ подробно разобранъ въ

„Обозрѣніи“ вопросъ о волостномъ самоуправленіи, возбудившій столько толковъ въ земскихъ собраніяхъ и печати, въ особенности по поводу различныхъ проектовъ о „всесословной волости“. Не мало страницъ внутреннихъ обозрѣній посвящены обсужденію мѣръ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и экономическаго быта. Но только съ конца 1870-хъ годовъ вопросы эти получили фактическое значеніе, вслѣдствіе общей признанной необходимости вернуться къ крестьянскому вопросу и обезпечить народную массу болѣе опредѣленными узаконеніями.

По этому поводу возбужденъ былъ вопросъ объ уменьшеніи выкупныхъ платежей и податной тягости, лежащей на крестьянствѣ, и огражденіи его отъ кулачества. Фактическимъ результатомъ этого движенія и признанной необходимости со стороны правительства было: измѣненіе сроковъ взноса крестьянами овладныхъ сборовъ, пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати, перенесеніе части податнаго сбора на болѣе достаточные классы (налогъ съ наслѣдства, на процентныя бумаги и проч.), обращеніе послѣднихъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ собственниковъ. Организациа крестьянскаго кредита, въ видѣ крестьянскаго поземельнаго банка, довершила рядъ правительственныхъ мѣръ въ данномъ направленіи.

Обзоръ судебной реформы въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ „Вѣстника Европы“ является наиболѣе законченнымъ и выработаннымъ, что объясняется гласностью всякаго новаго узаконенія, а также судебного производства и возможностью всесторонняго обсуждения. Судебная реформа разсматривается въ Обозрѣніи съ двухъ сторонъ: чисто научной и фактической. Въ первомъ случаѣ ясно объяснены основныя начала судебно-административной реформы въ рядѣ внутреннихъ обозрѣній, посвященныхъ всѣмъ главнымъ сторонамъ вопроса. При этомъ указаны всѣ видоизмѣненія и отклоненія отъ судебныхъ уставовъ 1864 года, и сдѣланъ отсюда окончательный выводъ въ „Обозрѣніи“ 1889 года: „Судебные уставы 1864 года, если разсматривать ихъ, какъ цѣлое, то они настолько измѣнились къ концу первой четверти вѣка, что новое начинающееся теперь двадцатипятилѣтіе начинаетъ теперь и новый судебный порядокъ, существенно отличный отъ истекшаго періода“...

Другая сторона обзора посвящена фактическому изложенію

судебной реформы, заключаетъ объясненіе новыхъ законодательныхъ мѣръ, вновь изданныхъ законовъ, правилъ и постановленій, въ видѣ слуховъ, проектовъ, предположеній и въ окончательномъ рѣшеніи. Характерной чертой 1880-хъ годовъ въ этомъ обзорѣ является обиліе всякихъ проектовъ и комиссій по поводу административной реформы и пересмотра уголовного и гражданского законодательства. Работы каждой изъ этой комиссій разсматриваются въ отдѣльности, такъ что получается наглядное представленіе объ общемъ ходѣ дѣла. На ряду съ этимъ „Внутреннее Обзорѣніе“ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ законодательныхъ мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе экономическаго быта крестьянъ и быта фабричнаго и заводскаго городского населенія. Мы находимъ здѣсь также объясненіе новыхъ законовъ о раскольникахъ, заключающихъ нѣкоторыя переменны къ лучшему въ ихъ положеніи.

Разбору положенія раскольниковъ и отношенія къ нему русскаго законодательства также отведено видное мѣсто въ „Внутреннемъ Обзорѣніи“ журнала, и вездѣ проведена мысль о необходимости дарованія гражданскихъ правъ этой значительной части населенія, и терпимости относительно догматической стороны раскола. „Отрицательное отношеніе русскихъ законовъ къ раскольникамъ, говорится въ „Обзорѣніи“ (за іюнь 1879 года), можетъ быть основано на томъ, что русскія секты представляютъ отпаденіе отъ господствующей церкви. Но законъ отчасти уже признавалъ необходимость сдѣлать нѣкоторую уступку реальнымъ потребностямъ жизни въ 1874 году, когда регистрація рожденій у раскольниковъ признана была неизбѣжнымъ подспорьемъ для составленія призывныхъ списковъ“.

„Не благоразумнѣ-ли было-бы, сказано въ томъ-же „Внутреннемъ Обзорѣніи“, теперь-же отказаться отъ враждебнаго отношенія къ расколу, чѣмъ прийти къ такому рѣшенію путемъ продолжительной запутанности специальныхъ уступокъ, съ сохраненіемъ общихъ ограниченій?.. Положеніе русскихъ протестантовъ, какими представляются наши старообрядцы, есть одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ нашего государственнаго быта. Вопросъ этотъ необходимо рѣшить мирно и рационально, чтобы со временемъ онъ не принялъ болѣе остраго характера. А рѣшеніе возможно только одно—привести закономъ всѣхъ сектъ, кромѣ противныхъ интересамъ нравственной и т. е. полное уравненіе сектантовъ въ правахъ съ прочими гражданами, т. е. установленіе въ Россіи свободы вѣры, которая существуетъ во всей Европѣ...“

Печальное положеніе раскольниковъ сказывается до сихъ поръ въ приводимыхъ не разъ въ „Обзорѣніяхъ“ судебныхъ

дѣлахъ о раскольникахъ, которые и послѣ манифеста 15-го мая 1883 года, даровавшаго значительныя облегченія раскольникамъ, носятъ тотъ-же характеръ преслѣдованій за вѣру, несомнѣстимыхъ съ гуманными требованіями новаго времени.

Принципъ терпимости проводится въ „Внутреннемъ обзорѣніи“ и относительно не русскихъ элементовъ населенія, и „Вѣстникъ Европы“ не разъ высказывалъ свое несочувствіе къ увлеченіямъ въ данномъ направленіи.

Тотъ-же характеръ подробной хроники русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ сохраняется и въ дальнѣйшихъ „Внутреннихъ обзорѣніяхъ“. Такъ, во время войны 1877—1878 гг., на ряду съ обзорами военныхъ событій, подробно разобраны: финансовое и экономическое положеніе Россіи въ данный моментъ, наше военное устройство, интендантская и санитарная часть, состояніе флота, средства къ дальнѣйшему веденію войны. При этомъ отмѣчены всѣ наиболѣе характерныя фазисы общественнаго настроенія какъ во время войны, такъ и по окончаніи ея, когда неудачный опытъ нашего управленія въ Болгаріи показалъ недостатокъ нашихъ предварительныхъ свѣдѣній и невѣрность расчетовъ.

Наглядную картину общественнаго настроенія этого времени даютъ „Внутреннія обзорѣнія“ 1870-хъ годовъ:

„За свѣтлою порою великихъ реформъ“, говорится въ „Обзорѣніи“ 1875 г. (декабрь, стр. 798), „черезъ русскую жизнь прошла новая пора условій, не совсѣмъ благоприятныхъ для того, чтобы мысль, однажды прояснившаяся, могла соарѣть и окрѣпнуть въ прочное, дѣльное общественное мнѣніе. Пора эта принесла свои разочарованія, доказала однимъ, что многое, о чемъ они мечтали, невозможно; другимъ, что возможно то, о чемъ мечтали не стоятъ; третьимъ, что при такихъ обстоятельствахъ вѣрнѣйшее средство для успѣха во всякой карьерѣ есть фальшивый либерализмъ на языкѣ, служеніе общественному дѣлу на словахъ и подставленіе ему всякихъ тормазовъ въ дѣйствительности, честность въ рѣчахъ, а на дѣлѣ набиваніе своего кармана... Такому настроенію, продолжаетъ составитель „Внутренняго Обзорѣнія“, — соотвѣтствовало развитіе барышничества и спекуляція всякаго рода, вызванныя быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ до 15 тыс. верстъ въ какія-нибудь семь лѣтъ, созданіе многихъ цѣнностей, особенно удобныхъ для спекуляцій, умноженіе бумажныхъ денегъ, которое вызвало къ жизни много промышленныхъ предпріятій, преимущественно спекулятивнаго характера...“

Въ „Внутреннемъ обзорѣніи“ 1877 г. (мартъ, стр. 412 — 413), въ пору появленія Тургеневской „Нови“, мы встрѣчаемъ такое мнѣніе противъ стремленія въ деревню, въ Сербію,

въ народъ, которое охватило тогда болѣе подвижную часть русскаго общества, искавшую примѣненія своихъ силъ въ честной и плодотворной дѣятельности:

„Положеніе о полномъ безсиліи современнаго общества и объ окончательной будто-бы безысходности настоящаго историческаго момента не можетъ быть принято безусловно... Мы убѣждены, что у русскаго общества есть способность для плодотворной дѣятельности и много охоты, хотя не примененной и даже не выступившей наружу. Вотъ почему, по нашему глубокому убѣжденію, оно не должно думать о томъ, чтобы переродиться въ нѣчто другое, непохожее на то, чѣмъ создала его исторія; не должно отрекаться отъ себя и считать себя годнымъ къ упраздненію въ пользу невѣдомыхъ и грядущихъ поколѣній...“

Возможный и естественный исходъ изъ этого положенія видить „Вѣстникъ Европы“ въ расширеніи практической дѣятельности, открытой рядомъ преобразованій; тогда, выражаясь его словами, „явилось-бы прямое дѣло и нездоровыя мечтанія и исканіе какихъ-то новыхъ идеаловъ“ уступили-бы мѣсто болѣе здоровому направленію.

Въ тѣсной связи съ первоначальными реформами и слѣдовавшими за ними „Городоваго положенія“ и „Всеобщей воинской повинности“ разсматриваетъ „Вѣстникъ Европы“ и вопросъ объ образованіи, который вездѣ поставленъ на первомъ планѣ.

На ряду съ сельской начальной школой, такое-же видное мѣсто отведено въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ городской народной школѣ, среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Порядокъ обсуждения того или другаго явленія въ исторіи русскаго образованія соответствуетъ порядку возникновенія вопросовъ за цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Такъ, длинный рядъ „Обозрѣній“ „В. Е.“ посвящаетъ вопросу о реальномъ и классическомъ образованіи, учебнымъ планамъ, способу преподаванія и пр., въ виду крутаго поворота въ пользу классицизма, различныхъ видоизмѣненій среднихъ учебныхъ заведеній въ данномъ направленіи и усиленной полемики по этому поводу. Между прочимъ, „Внутреннему обозрѣнію“ (августъ 1879 г.) пришлось доказывать, по поводу нападокъ московской печати на старую школу, что „для пересозданія русскихъ учебныхъ заведеній въ здоровый могущественный факторъ будущей русской исторіи“ недостаточно лишнихъ греческихъ или латинскихъ уроковъ въ недѣлю, и что на томъ-же основаніи можно прійти къ обратному выводу.

Такою-же полемику выдержалъ „Вѣстникъ Европы“ и по

поводу пересмотра новаго университетскаго устава, государственныхъ экзаменовъ, испытательной комиссіи и пр., особенно въ 1887 году, памятномъ по нововведеніямъ въ университетахъ, гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Не обошлось безъ полемики и для такого учрежденія, какъ учительскія семинаріи, безобиднаго само по себѣ и въ высшей степени важнаго для развитія сельской и городской начальной школы, получившей быстрое развитіе съ утвержденіемъ „Городоваго положенія“ въ 1870 году, такъ что вопросъ объ обязательномъ обученіи, заявленный первымъ предсѣдателемъ училищной комиссіи *Θ. Θ. Эвальдомъ*, въ настоящее время уже не кажется мечтой. Извѣстно, что Петербургъ въ настоящее время имѣетъ до 260 нач. училищъ, учрежденныхъ городскою думою, и въ нихъ обучается до 13 т. дѣтей обоаго пола.

Важное значеніе военной реформы 1874 года для народнаго образованія было вполне оцѣнено „Вѣстникомъ Европы“, который отнесся къ ней съ самымъ живымъ сочувствіемъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ „стремленіе правительства поднять умственный уровень народной и общественной массы“. Поэтому „Вѣстникъ Европы“ въ своемъ внутреннемъ обзорѣни съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за слухами о всеобщей воинской повинности, принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ печати по этому поводу. Наборъ 1871 представилъ для него особый интересъ въ связи съ ожидаемымъ военнымъ преобразованіемъ, равно и отчеты о занятіяхъ комиссіи по преобразованію воинской повинности.

По поводу манифеста 1874 года о всеобщей воинской повинности въ „Внутреннемъ обзорѣни“ было подробно разъяснено ея образовательное значеніе. Также внимательно отнеслось „Внутреннее обзорѣніе“ и къ дальнѣйшему ходу дѣла при осуществленіи реформы и къ послѣдовавшимъ видоизмѣненіямъ первоначальнаго устава.

Что касается финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ, то имъ посвященъ длинный рядъ „Внутреннихъ обзорѣни“, съ первыхъ лѣтъ существованія журнала до послѣднихъ, которыя въ цѣломъ даютъ послѣдовательную исторію финансоваго и экономическаго положенія Россіи за двадцать пять лѣтъ. Но такъ какъ они представляютъ сводъ всего сказаннаго въ этомъ направленіи въ отдѣльныхъ финансовыхъ и экономическихъ статьяхъ, о которыхъ было сказано выше, и служатъ дополненіемъ ихъ, то мы не считаемъ удобнымъ распространяться объ этомъ, тѣмъ

болѣе, что финансовыя и политико-экономическія вопросы не поддаются бѣглымъ обзорамъ.

VIII.

Иностранное обозрѣніе „Вѣстника Европы“ составлено по тому-же общему плану, какъ и „Внутреннее обозрѣніе“, и представляетъ возможно полный обзоръ внутренней и государственной жизни западной Европы.

Кромѣ иностраннаго обозрѣнія, въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1868 года существуетъ отдѣлъ корреспонденцій изъ Берлина, Парижа, Лондона, Флоренціи, Нью-Йорка, въ 1882 году было даже письмо изъ Китая, а въ 1886 изъ Тегерана. Въ числѣ корреспонденціи помѣщены „Парижскія письма“ Зола, письма А. Реньера, „Наука и литература въ современной Англии“ и письма Макъ-Гахана изъ Америки.

По внутренней корреспонденціи напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ письма изъ Москвы, Кіева, Варшавы, Тифлиса, при-Азовскаго края, изъ Саратова, письма изъ деревни А. Н. Энгельгардта, которыя представляютъ собою отдѣльныя сельско-хозяйственныя и статистическія статьи.

Литературное обозрѣніе началось въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1866 года и состояло изъ библиографическихъ замѣтокъ, рецензій и критическихъ разборовъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ по иностранной и, преимущественно, русской литературѣ.

Представленный нами общій обзоръ содержанія трудовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, и содержанія „Внутренняго обозрѣнія“ краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуешь о заслугахъ этого почтеннаго учено-литературнаго и политическаго журнала за первое двадцатипятилѣтіе его существованія (1866—1890 г.). Намъ остается только упомянуть объ его значеніи въ русской журналистикѣ со стороны распространенія многихъ полезныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ знанія, развитія вкуса публики при посредствѣ лучшихъ произведеній русской и иностранной беллетристики. Не меньшее значеніе имѣеть „Вѣстникъ Европы“ въ русскомъ журнальномъ дѣлѣ: своимъ неизмѣнно хорошимъ тономъ, уваженіемъ къ печатному слову, научнымъ трудамъ и личности—онъ не мало способствовалъ поднятію общаго уровня русской печати.

Н. А. В.

О. ІОАННЪ ІЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ ПРОТОІЕРЕИ КРОНШТАДСКІИ

XXXV-лѣтіе его священства

1855—^{12-го}_{декабря}—1890.

12-го декабря сего года минеть тридцать пять лѣтъ со дня поставленія въ священство вѣдомаго всей Россіи о. Іоанна Сергіева Кронштадскаго.

Привѣтствуя отъ всей души съ приближеніемъ этого дня найдостойнѣйшаго пастыря, славнаго своею, въ самомъ широкомъ смыслѣ, благотворительностью,—ред. „Русской Старины“—помѣщаетъ вслѣдъ за симъ небольшой очеркъ, посвящаемый характеристикѣ этого выдающагося русскаго дѣятеля на полѣ добра.

Ред.

Протоіерей Кронштадскаго Андреевскаго собора Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ—сынъ бѣднаго причетника Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, села Сура ¹⁾). Онъ имѣлъ благочестивыхъ родителей и нѣсколько сестеръ. Отца лишился онъ въ своемъ отрочествѣ и остался на попеченіи своей набожной матери. Въ своей семьѣ родной онъ видѣлъ смиреніе, кротость, благоповорность волѣ Божіей и доброту къ другимъ; при боль-

¹⁾ С. Сура наход. въ 50 верстахъ отъ Пинеги и въ 30 верстахъ отъ Верхолагскаго монастыря.

Вотъ данныя, относящіяся къ жизни достойнаго сего пастыря, собственноручно внесенныя имъ въ альбомъ „знакомые“, 14-го января 1889 г.:

„Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ, род. 18-го октября 1829 года, окончилъ курсъ С.-Петербургской духовной академіи въ 1855 г.; опредѣленъ въ Кронштадтъ священникомъ въ томъ-же году, именно посвященъ въ санъ священника 12-го декабря 1855 г.—Первыя его проповѣди и поученія появились въ 1859 году“. [Альбомъ ред. „Русской Старины“ „Знакомые“, рукопись, часть IV, стр. 217].

шой бѣдности въ своемъ дому, въ своемъ отцѣ—строгое отношеніе къ своей скромной должности и благоговѣніе на службѣ. По смерти отца мать была тою высоконравственною силою для о. Іоанна, который слово матери считалъ для себя закономъ во всѣ дни своей жизни. Рассказываютъ, когда однажды, уже въ бытность свою въ священствѣ, о. Іоаннъ тяжело заболѣлъ и доктора уговаривали его нарушить дни поста великаго—бѣсть скоромное, иначе грозили печальнымъ исходомъ болѣзни, о. Іоаннъ, не уступая ихъ желанію, объявилъ имъ, что пока не получитъ изъ Архангельской губерніи отъ матери своей совѣта, до тѣхъ поръ онъ и въ тяжелой болѣзни останется вѣренъ уставу святой церкви. Пришелъ совѣтъ отъ матери: поста ни за что не нарушать,—и о. Іоаннъ, вѣрный своему убѣжденію и благоговѣйный къ слову матери, сверхъ ожиданія лечившихъ, очень скоро избавился отъ тяжелой болѣзни. Сыновняя любовь о. Іоанна къ матери была удивительна. Послѣдніе годы своей жизни она провела у сына въ Кронштадтѣ и здѣсь-же похоронена. О. Іоаннъ каждый почти день, когда онъ въ Кронштадтѣ, посѣщаетъ могилу матери, обновляясь памятью объ ея вліяніи на душу его. Такое-же чувство онъ имѣлъ и къ отцу своему. На его могилѣ въ своемъ погостѣ онъ проводилъ въ молитвѣ цѣлыя ночи. Такъ любилъ о. Іоаннъ богомысліе и такую питальную любовь къ родителямъ. За такую любовь къ нимъ Господь и благословляетъ о. Іоанна. Теперь на своей родинѣ, на мѣстѣ своихъ ночныхъ моленій и созерцаній звѣздъ на небѣ и помышленій о горнемъ мірѣ, устроенъ о. Іоанномъ великолѣпный трехпрестольный храмъ каменный, украшаемый и обогащаемый разнородными жертвами усердствующихъ благодарныхъ, благодѣтельствованныхъ о. Іоанномъ лицъ обоюга пола, испытавшихъ на себѣ силу вѣры и молитвы глубоко и далеко чтимаго пастыря Кронштадтскаго.

Бѣдность родной семьи научила отца Іоанна любить бѣдныхъ.

Молитва, набожность матери и благоговѣніе отца научили душу сына любить Бога всею душою. И вотъ подрастаетъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ. Школьное образованіе сначала дается ему туго, очень туго; онъ, по его словамъ, затруднялся усвоить азбуку, букварь; скорбѣлъ о своей тупости. Но послѣ одной слезной молитвы онъ получаетъ облегченіе въ головѣ, просвѣтленіе, и изъ послѣднихъ учениковъ дѣлается лучшимъ. Но и при

этомъ онъ всегда хранитъ въ сердцѣ своемъ кротость. Въ школѣ, въ семинаріи и въ с.-петербургской духовной академіи онъ былъ всегда сосредоточенъ, не любилъ общихъ веселыхъ разговоровъ или шутокъ и насмѣшекъ товарищескихъ; онъ уже и тогда жилъ въ Богѣ и во благу ближнихъ. Всецѣло преданный святой вѣрѣ, отецъ Іоаннъ помышлялъ отдать себя вѣропроповѣдническому (миссіонерскому) служенію въ отдаленныхъ странахъ Россіи, но Богъ ему указалъ такое-же служеніе близъ столицы.

„Я поставилъ себѣ за правило, говорить самъ отецъ Іоаннъ, сколько возможно искренне относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью“. Дѣйствительно, съ первыхъ дней его служенія въ Кронштадтѣ начались особыя пастырскія отношенія къ паствѣ: къ прихожанамъ быстрая отзывчивость на нужды ихъ, постоянное вниманіе къ ихъ положенію, тайная помощь бѣднымъ, больнымъ, постоянная проповѣдь въ храмѣ. При вступленіи отца Іоанна оживилась паства. Но и молодому такому пастырю, дотолѣ не бывалому въ томъ городѣ, и дѣла было всегда, какъ говорится, по горло; онъ былъ всегда занятъ, всѣ стали обращаться къ отцу Іоанну, зная, что никому ни въ чемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, не откажетъ. Стало его имя, не безъ зависти другихъ, переходить изъ устъ въ уста и за предѣлы острова Кронштадтскаго. Была испытана и сила его молитвы и вѣры. Имя его стало благословенно, посѣщеніе имъ дома—вождедѣнно и радостно.

По слову Христа, не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы, и не вжигаютъ свѣтильника подъ спудомъ, но ставятъ на подсвѣчникъ, да свѣтитъ онъ всѣмъ (Мѡ. 5, 15). Такъ засвѣтилъ въ Россіи и отецъ Іоаннъ. На него указала міру одна благочестивая кронштадтская старица Прасковья Ів. Ковригина, испытывавшая чудодѣйственную силу молитвы отца Іоанна на одномъ своемъ родственникѣ. Она привлекла къ служителю Христову отцу Іоанну всеобщее, всенародное вниманіе.

Къ его молитвѣ стали прибѣгать и за-очно, и приѣзжали изъ далекихъ странъ. По вѣрѣ просящихъ и по молитвѣ кроткаго о. Іоанна, Господь, обѣщавшій взирать и призирать только на кроткаго и трепещущаго словеса Его (Ис. 66, 2) и посылаетъ просимое.

Изъ безчисленнаго множества примѣровъ дивныхъ исцѣленій и знаменій Божіихъ, явленныхъ чрезъ о. Іоанна, и печатныхъ и непечатныхъ укажемъ хотя на нѣкоторые. Вотъ что пишутъ:

На Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, жилъ богатый золотопромышленникъ З—въ, слышій тамъ отцомъ всѣхъ бѣдныхъ. Спустился онъ однажды въ шахту, въ подземелье, гдѣ добываютъ песокъ съ золотомъ, на глубину 30 сажени, и, послѣ распоряженій тамъ, велѣлъ себя поднимать, а въ эту минуту глыба руды оборвалась и засыпала его; сотни рукъ стали спасать зарытаго, отрыли его не скоро и безъ признаковъ жизни. Слезы полились изъ очей рабочихъ. Главный приказчикъ пригласилъ всѣхъ молиться за хозяина; а самъ тотчасъ послалъ срочную телеграмму къ о. Іоанну въ Кронштадтъ. Между тѣмъ врачъ у засыпаннаго объявилъ, что хозяинъ безнадеженъ. Заговорили тихо: „умеръ, умеръ“; прошло не мало тревожнаго времени; часа черезъ три въ домѣ засуетились: „вздохнулъ, вздохнулъ“; послышались возгласы. Взглянули на часы: было безъ четверти три, или по петербургскому времени 2 часа 15 минутъ ¹⁾. Отъ о. Іоанна получается телеграмма: „въ два часа 15 минутъ отслуженъ молебенъ“. Больной выздоровѣлъ и на другой годъ нарочно пріѣхалъ въ Кронштадтъ благодарить о. Іоанна и помолиться вмѣстѣ съ нимъ.

Одинъ татаринъ обращается къ о. Іоанну съ просьбою: „Батюшка! я слышалъ, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха: по твоей молитвѣ у сосѣда поправился ребенокъ; помолись за мою жену“. — „Изволь, помолимся вмѣстѣ“. О. Іоаннъ опустился на колѣни и сталъ молиться; татаринъ повторялъ слова молитвы. Молились около часа. „Ступай съ миромъ“ говоритъ о. Іоаннъ. Татарина жена выздоровѣла и вся его семья приняла православіе.

Одинъ купецъ, очень богатый, но не пользовавшійся доброю молвою за притѣсненіе бѣдныхъ и нуждающихся, нажившій капиталы неправдою, обманами, три раза издалека пріѣзжалъ къ о. Іоанну и два раза не былъ принятъ, и только въ третій разъ, когда купецъ-мавлакъ созналъ всю скверну своей жизни и безчестіе отъ нажитыхъ капиталовъ и далъ въ душѣ слово испра-

¹⁾ О. Іоаннъ. Соч. Животова. Спб. 1890. Стр. 62—63.

виться, тогда только уже, въ третій прїѣздъ, былъ принятъ о. Іоанномъ и получилъ отъ него благословеніе.

Есть въ мірѣ, конечно, и подсмѣивающіеся надъ дѣятельностію о. Іоанна. Вотъ одинъ изъ немногихъ, впрочемъ, примѣровъ: трое шалуновъ, жившіе на Васильевскомъ островѣ, по 12 линіи, близъ Малаго проспекта, въ одномъ домѣ съ купеческой благочестивой семьей, удостоивавшейся нерѣдко посѣщенія о. Іоанна, вздумали посмѣяться надъ прозорливостію и молитвою о. Іоанна. Одинъ изъ нихъ, К—ій, пошелъ пригласить о. Іоанна, а другой, С., притворился тяжело-больнымъ, и третій товарищъ, М—нъ, изображалъ плачущаго по умирающемъ другѣ. Приглашавшему о. Іоаннъ не отказалъ въ молитвѣ. Но предупредительно сказалъ, что „вы шутите съ Богомъ“.

Приходитъ въ комнату. Иконъ нѣтъ; лицемѣры всѣ въ своихъ задуманныхъ положеніяхъ. Мнимо больной лежалъ на постели и стоналъ, а товарищъ всхлипывалъ у кровати. О. Іоаннъ, осмотрѣвъ всѣхъ и все, опустился на колѣни и, перекрестившись, сказалъ: „Господи, пошли имъ по вѣрѣ. Аминь“. О. Іоаннъ быстро вышелъ изъ комнаты. Рѣзвые товарищи приглашаютъ мнимо-больнаго встать, но игравшій роль больного, Иванъ оказался и взаправду больнымъ, — онъ встать не могъ, его поразилъ нервный ударъ. И только послѣ покаянія шалуновъ-насмѣшниковъ и долговременнаго обличенія ихъ о. Іоанномъ въ Кронштадтѣ—больной, наконецъ, оправился.

Благотворительность о. Іоанна безмѣрная. Онъ о себѣ не думаетъ: мимо его рукъ проходятъ тысячи и онъ ихъ раздѣляетъ, раздаетъ и разсылаетъ по почтѣ щедрою рукою. А въ самомъ Кронштадтѣ у него есть каждодневные нищіе, несчастные въ жизни, постоянно питающіеся отъ его подаенія на улицахъ и площадяхъ. Въ Кронштадтѣ о. Іоанномъ устроено шестнадцать благотворительныхъ учрежденій; изъ нихъ особенно замѣчательнъ Домъ трудолюбія, въ которомъ устроена и церковь и три большія зданія для призрѣнія бѣдныхъ.

Вообще-же о. Іоанномъ, въ теченіи тридцати-пяти-лѣтняго его священно-служенія, учреждены, кромѣ Дома трудолюбія, и поддерживаются: ночлежный прїютъ на 300 человѣкъ, народная столовая, кормящая до 600 человѣкъ въ день, богадѣльня, лѣчебница; устроены народныя чтенія, бібліотека даровая,

книжная лавка, дѣтская бібліотека, начальныя училища для 350 дѣтей, рисовальныя классы, дѣтскій пріютъ для 100 брѣглыхъ сиротъ, убѣжище дневное для дѣтей.

Не говоримъ уже о неисчислимой помощи на дому, оказываемой о. Іоанномъ.

Все это и сила молитвы и щедродательность дивная, при изумительныхъ терпѣніи и трудолюбіи о. Іоанна, сдѣлали его въ высокой степени чтимымъ, имя его достославнымъ и вездѣ привлекаетъ къ нему множество народа для благословія. Особенно бываетъ сильное стеченіе въ Кронштадтѣ во дни Великаго поста, для покаянія, и въ день его именинъ, 19-го октября. Въ день ангела глубоко благодарные къ этому служителю Христову готовы всячески достойно выразить свою любовь и свою память.

Въ этотъ день Кронштадтъ принимаетъ видъ праздничный, отъ множества съѣхавшихся и депутацій, привѣтствующихъ именинника...

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что 12-го сего декабря, въ день тридцати-пятилѣтней годовщины высоко благотворнаго служенія достойнѣйшаго о. Іоанна Сергіева, въ священномъ санѣ іерея, очень многіе его почитатели глубоко, искренно пожелаютъ этому пастырю многіе и многіе годы подвизаться въ его великомъ подвигѣ—служенія всѣмъ обращающимся къ нему за нравственною и матеріальною помощью.

Люди, подобные о. Іоанну, суть свѣтила блага и добра, особенно въ средѣ и во времени, когда корысть, себялюбіе и полное равнодушіе къ нищетѣ и страданіямъ суть господствующія явленія во всѣхъ слояхъ общества и народа.

В. Я. М.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Минулъ двадцать первый годъ изданія нашего историческаго сборника „Русская Старина“, и въ виду наступленія втораго года во второмъ десятилѣтїи существованія этого историческаго журнала, мы, по установленному нами обычаю, оглянемся на послѣднія двѣнадцать книгъ изъ 252 хъ, выпущенныхъ нами съ 1-го января 1870 года ¹⁾.

Вотъ краткій обзоръ „Русской Старины“ 1890 года.

I.

„Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ въ области новѣйшихъ литературныхъ мемуаровъ должны быть признаны „Воспоминанія“ профессора с.-петербургскаго университета А. В. Никитенко (1803—1877 гг.)“, — такъ начинается „Вѣстникъ Европы“ большую монографію, посвященную, въ двухъ своихъ книгахъ ²⁾, подробному обзору печатаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ съ 1888 г. „Записовъ и дневника академика-профессора А. В. Никитенко“.

¹⁾ Если считать книги „Русской Старины“ втораго и третьяго изданій, нѣкоторыхъ годовъ, то число таковыхъ значительно превышаетъ число 252.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1890 г., кн. 10, стр. 729, и кн. 11, стр. 300.

Почти всѣ органы нашей печати отвели на своихъ столбцахъ и страницахъ мѣсто многочисленнымъ выпискамъ изъ этого дѣйствительно весьма важнаго историко-литературнаго памятника. На страницахъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года „Дневникъ Никитенко“ объемлетъ событія и характеристики многихъ русскихъ дѣятелей за время съ 1844 по 1860 годъ включительно. Такимъ образомъ, онъ касается и самыхъ тяжелыхъ лѣтъ въ исторіи русскаго общества вообще и исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности, конецъ 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, ставитъ лицомъ къ лицу своихъ читателей съ разцвѣтомъ русскаго самосознанія, съ возрожденіемъ Россіи, съ незабвенною эпохою великихъ реформъ Александра II - Освободителя. Всѣмъ, между прочимъ, памятно, какое благотворное вліяніе произвели мѣропріятія, исходившія отъ высочайшей власти съ 1855-го по начало 1860-хъ годовъ въ области министерства просвѣщенія. Царствованіе Александра II застало на посту министра народнаго просвѣщенія Авраама Сергѣевича Норова; главное достоинство этого почтеннаго русскаго человѣка, достоинство какъ министра, было то, что съ самаго вступленія своего въ министерство онъ поспѣшилъ отыскать „не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка, — продолжаемъ словами академика А. Ѳ. Бычкова:

...„Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоящія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенко. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соизволеніе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета (2-го апрѣля 1848 года), учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ возрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ

опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеній науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его инициативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленные бесѣды и споры. Однимъ словомъ, Никитенко былъ душою министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени¹⁾.

Теперь только, спустя болѣе тридцати лѣтъ, мы узнаемъ изъ печатаемаго „Русской Стариной“ дневника „чего стоило участіе, а въ большинствѣ случаевъ и добрый энергическій починъ А. В. Никитенко“ въ цѣломъ рядѣ самыхъ благотворныхъ мѣръ для освобожденія русскаго образованія и русской печати изъ подъ того мертвеннаго запрета, подъ какимъ гасла русская мысль, вплоть до кровавой искупительной жертвы—паденія Севастополя, которую принесла Россія... Но кромѣ драгоценныхъ фактовъ чисто историческаго значенія, дневникъ Никитенко даетъ цѣлый рядъ весьма тонко очерченныхъ характеристикъ нашихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Почти всѣ они сошли въ могилу и почти всѣ хорошо извѣстны большинству читателей „Русской Старини“, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, и читатели, конечно, согласятся съ нами, что характеристики упоминаемыхъ А. В. Никитенко дѣятелей не только вполне вѣрны, но начертаны вполне художественно, рукою мастера. Что еще намъ дорого въ этомъ дневникѣ, это образцовый слогъ; такъ и виденъ профессоръ словесности, академикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, русскій писатель 1820—1840 годовъ, когда не только выступая въ печать, но и въ частной перепискѣ писали заботливо, черпая всѣ прелести изъ неизсякаемаго источника языка русскаго. Это вниманіе къ слову, это умѣніе пользоваться русскимъ языкомъ,

¹⁾ См. „Записки императ. акад. наукъ“, отчетъ отд. русскаго языка и словесности за 1877 годъ, стр. 17—41.

вполнѣ образцовое, какъ-бы сроднилось со все́мъ существомъ Никитенко, и вотъ, возвращаясь въ свой маленькій рабочій кабинетъ, нерѣдко въ поздній часъ ночной, не смотря на все утомленіе трудового дня, нашъ академикъ-профессоръ вносилъ свои замѣтки въ дневникъ съ видимою любовью и уваженіемъ къ тому, что онъ дѣлаетъ, обращаясь къ отдаленному потомству... Мы много разъ въ послѣднее время видѣли у его дочери, Софьи Александровны, въ подлинникѣ его дневникъ, эти драгоценныя тетрадки въ четвертую долю, писанныя твердымъ и яснымъ почеркомъ, безъ малѣйшей помарки, очевидно, безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній. Человѣкъ правды и проникнутый глубокою любовью къ Россіи и русскому народу, изъ самаго низшаго слоя котораго онъ пробился до наивысшаго положенія въ обществѣ,—А. В. Никитенко говоритъ въ своемъ дневникѣ какъ передъ самимъ собою, какъ передъ своею совѣстью. Онъ сроднился съ своимъ дневникомъ, которымъ до самой своей кончины ни съ кѣмъ не дѣлился, и еще наканунѣ своей смерти долгомъ счелъ ввести въ него нѣсколько строкъ. Да, это дѣйствительно „замѣчательное произведеніе въ области новѣйшихъ мемуаровъ“. Добавимъ, съ своей стороны, что „Русская Старина“, въ добрый часъ сказать, печатая эти записки и дневникъ на пространствѣ почти 28 мѣсяцевъ (съ сентября 1888 г.), оставила изъ нихъ въ рукописи не болѣе двухъ—трехъ страницъ.

Изъ прочихъ мемуаровъ, помѣщенныхъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“, отмѣтимъ большой отрывокъ, сообщенный намъ кн. Ѳ. А. Куракинымъ, изъ „Гисторіи о Петрѣ Великомъ“, составленной его славнымъ пращуромъ, кн. Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ († 1727 г.). Эта „гисторія“ есть не что иное, какъ уцѣлѣвшій обломокъ отъ большаго труда славнаго дипломата эпохи Петра Великаго, свояка его, человѣка по своему времени весьма образованнаго и близко знавшаго современныхъ ему дѣятелей, главнѣйшихъ птенцовъ преобразователя Россіи, къ характеристикѣ которыхъ кн. Б. И. Куракинъ представляетъ новыя и весьма любопытныя данныя.

Отечественная война 1812 года, о которой мы представили вообще въ „Русской Старинѣ“, разновремененно, очень много и смѣемъ думать, весьма важныхъ мемуаровъ, изслѣдованій и ма-

теріаловъ,—въ обзорѣваемомъ 1890 г. оживилась въ разсказѣ кв. Козловскаго: „Москва въ 1812 году“, весьма обязательно сообщенномъ намъ маститымъ воиномъ П. А. Степановымъ, съ самаго начала нашего изданія всегда являвшимъ въ „Русской Старинѣ“ самое доброе и лестное вниманіе.

„Записки дворянки-помѣщицы Золотухиной о 1812 годѣ“, тягости котораго свели ее и въ преждевременную могилу († 1814 г.), были продолжаемы нами и не окончены еще въ нашемъ изданіи. Мы остаемся при мнѣніи, высказанномъ въ предыдущемъ нашемъ обзорѣ „Русской Старины“, что мелочныя подробности чисто бытоваго свойства, передаваемыя Золотухиной на страницахъ ея наивныхъ записокъ, немаловажны для составленія вполне вѣрной картины состоянія русскаго общества и народа, а главное—самаго театра дѣйствій въ эпоху пережитыхъ событій 1812-го года.

Таковаго-же бытоваго значенія—„Записки дворянина Мих. Ник. Кирѣева“ (1789 — 1865 гг.), начертанныя лишь болѣе бойкою и широкою кистью: въ нихъ любопытны и событія изъ семейной хроники о Пугачевщинѣ, разказы о дѣтствѣ и отрочествѣ составителя записокъ, проведенныхъ въ глухой провинціи, въ концѣ XVIII вѣка, а въ особенности драгоценны страницы, посвященныя Дворянскому полку, за время 1808—1811 гг.; этотъ своеобразный полкъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ въ 1807 г. и, такимъ образомъ, записки его питомца М. Н. Кирѣева относятся къ самой зарѣ полувѣковой жизни Дворянскаго полка, который въ 1859 г. преобразился, черезъ посредство Константиновскаго кадетскаго корпуса, въ Константиновское военное училище.

Къ раннему періоду, а именно къ 1820—1826 гг. въ жизни другаго учебно-воспитательнаго заведенія, именно Царскосельскаго лицея, относятся воспоминанія высокопочтеннаго М. А. Бѣлухи-Кохановскаго (воспитывался въ лицей въ 1820—1826 гг.)—въ настоящее время единственнаго представителя этого разсадника весьма многихъ замѣчательныхъ дѣятелей, именно представителя за столь отдаленное время, какъ эпоха Александра I.

„Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго“ сохранились, какъ извѣстно, въ отрывкахъ и въ черновыхъ наброскахъ и замѣткахъ. Одинъ изъ таковыхъ, и притомъ довольно значительный

отрывокъ, сообщенъ нашимъ давнимъ, съ 1874-го года, сотрудникомъ, Н. К. Шильдеромъ, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“. Въ отрывкѣ этомъ повѣствуется о вступленіи на престолъ императора Николая и о событіяхъ, происшедшихъ въ то время въ южной Россіи. По поводу Данилевскаго должно замѣтить, что лишь съ этого года, благодаря вообще изслѣдованію, посвященному нашимъ даровитымъ историкомъ Н. К. Шильдеромъ эпохѣ Александра I, весьма подымается значеніе Михайловскаго-Данилевскаго. Выяснились, наконецъ, всѣ тѣ обстоятельства, крайне стѣснительныя, при которыхъ трудился этотъ талантливый и весьма просвѣщенный историкъ. Отнынѣ сдѣлалась извѣстна та безжалостная цензурная опека, которая вылущивала правду изъ сказаній Михайловскаго-Данилевскаго и обращала его зачастую въ баснописца-историка, надъ которымъ издѣвался остроловецъ генераль-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ, между тѣмъ какъ А. И. Михайловскій-Данилевскій имѣлъ все призваніе историка, талантъ, трудолюбіе, громадную начитанность и вполне стоялъ на высотѣ лѣтописца великой борьбы нашего отечества съ двенадцатью языками, лавиною обрушенныхъ на Россію Наполеономъ. Михайловскій-Данилевскій, какъ оказывается изъ очерка Н. К. Шильдера, посвященнаго въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Данилевскаго, не только имѣлъ злую для себя долю при жизни, но и послѣ смерти его трудъ уже въ рукописяхъ постигла самая печальная участь: они разсыпались по рукамъ торгашей и, конечно, многое не узрѣть свѣта.

„Русская Старина“ всегда стояла за то, что въ интересахъ отечественной исторіи крайне желательно выслушивать и нашихъ недруговъ: исходя изъ этого положенія, мы продолжаемъ, время отъ времени, печатать записки одного изъ видныхъ вожаковъ польскаго возстанія, Мохнацкаго, 1830—1831 гг.

Въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ мы начали печатаніемъ записки генераловъ А. А. Одинцова и А. Ѳ. Лишина. Первый изъ нихъ подробно знакомитъ съ жизнью русскихъ въ Варшавѣ до возстанія, а второй передаетъ весьма любопытный эпизодъ изъ эпохи самаго возстанія.

Какъ картины домашняго и общественнаго быта русскаго дворянства, за время конца 1830—1840 гг., любопытны записки Натальи Алексѣевны Огаревой, рожденной Тучковой. Принадлежа къ старинной, просвѣщенной и истинно благородной фамиліи Тучковыхъ, Н. А. въ безыскусственномъ разсказѣ передаетъ любопытныя черты своего времени и, между прочимъ, отношенія администраціи къ неслужилому россійскому дворянству. Да, тяжелое было время, когда безконтрольно, съ громаднѣйшими полномочіями властвовали Закревскіе, Дубельты, Панчулидзевы, Дьяковы и имъ подобные, а такихъ была цѣлая когорта... Въ этой сферѣ тяжело дышалось даже тѣмъ служилымъ людямъ, которые, подобно губернатору Жиркевичу, при полномъ къ нимъ довѣріи верховной власти, стремились къ правдѣ. Записки Жиркевича являютъ замѣчательное сказаніе рѣдкаго губернатора того времени, строго стоявшаго на почвѣ закона, не вѣдавшаго что такое взятки, сторонившагося отъ всеильнаго тогда откупа и стремившагося лишь къ исполненію своего долга. Въ этихъ усиліяхъ Ив. Степ. Жиркевичъ, какъ видно изъ его записокъ, явившихся, наконецъ, въ „Русской Старинѣ“ изъ залежей архива этого журнала, и сложилъ свою голову, какъ губернаторъ; вынужденный преждевременно оставить свой постъ, Жиркевичъ скончался почти въ нищетѣ, въ предѣлахъ той-же, нѣкогда управляемой имъ, Витебской губерніи, въ 1848 году.

Какъ-бы обломокъ нѣкотораго самоуправства, непризнанія отдѣльныхъ личностей, но въ тоже время энергіи, честно, хотя и крутенько направленной къ достиженію справедливости, являетъ собою В. И. Денъ, послѣдній, по времени назначенія, флигель-адъютантъ императора Николая. Гдѣ-бы ни былъ Влад. Ив. Денъ, во главѣ-ли армейскаго полка, во главѣ-ли губерніи, какъ ея начальникъ, или въ рядахъ сенаторовъ, Денъ всюду не засиживался долго. Желчный и строптивый, онъ жалъ подчиненныхъ и не сдерживалъ своего языка предъ начальствомъ; но никто не откажетъ Дену въ преданности монархамъ и отечеству и въ полнѣйшей честности. Записки его желчны, характеристики выведенныхъ лицъ рѣзки, а иногда и несправедливы, какъ то доказано въ нашемъ-же изданіи В. Д. Философовымъ, гр. Е. Е. Сиверсомъ и А. И. Проворовымъ—относительно памяти въ высокой степени почтеннаго и даровитаго ветерана и военнаго писателя

А. К. Ушакова, но въ намѣренномъ искаженіи истины мы не обвинимъ В. И. Дена; онъ лишь давалъ волю своей раздражительности и своей первности, и въ своихъ запискахъ увлекался подъ давленіемъ того и другаго въ жизни... Мы, впрочемъ, въ виду этого свойства его нрава, не мало строевъ изъ его записокъ оставили въ рукописи. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, его записки, какъ человѣка безспорно умнаго,—живой и интересный матеріалъ для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Николая и первыхъ лѣтъ эпохи Александра II - Освободителя.

Въ этомъ-же, 1890-мъ, году мы имѣли истинное удовольствіе помѣстить на страницахъ нашего изданія автобіографическіе мемуары одного изъ самыхъ добродушныхъ русскихъ дѣятелей въ области науки. Мы говоримъ о запискахъ Н. И. Кокшарова, за время 1817—1859 гг. Славный геологъ, директоръ императорскаго минералогическаго общества, Кокшаровъ, въ теченіи полувѣковаго служенія своего наукѣ, и какъ профессоръ, и какъ изслѣдователь въ избранной имъ области знанія, стяжалъ всеобщее уваженіе. Для насъ записки Н. И. Кокшарова особенно дороги тѣмъ, что онѣ являютъ всему русскому обществу примѣръ того, какъ исключительно однимъ трудолюбіемъ, ровнымъ и твердымъ характеромъ, наконецъ, самую спокойною настойчивостью можно добиться на Руси и прекраснаго положенія, и всеобщаго признанія своихъ заслугъ предъ наукою и отечествомъ. Остается пожелать, дабы Н. И. Кокшаровъ, не кончившійся послѣдняго тридцати-лѣтія въ своей жизни, (въ виду живыхъ еще дѣятелей, которыхъ онъ не желаетъ ни огорчить порицаніемъ, ни смутить похвалой), изложилъ-бы хотя главнѣйшіе ея моменты.

Появленіе записокъ славнаго русскаго геолога было тѣмъ болѣе кстати въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, что оно совпало съ чествованіемъ 25-ти-лѣтняго юбилея (1865 г. ^{мая} _{7-го} 1890 г.) президентства въ императорскомъ минералогическомъ обществѣ е. и. в. Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго. Юбилей этотъ былъ принять съ большимъ сочувствіемъ всего образованнаго русскаго общества и осчастливленъ высокимъ вниманіемъ августѣйшаго монарха: это первый, по времени, юбилей подвижника науки изъ лицъ августѣйшаго дома.

По поводу отдѣла записокъ и воспоминаній въ „Русской

Старипѣ“ 1890 г. намъ остается сказать о первыхъ главахъ посмертнаго труда Н. В. Берга († 1884 г.), обширныя Записки котораго, полныя самаго живаго интереса, явятся въ предстоящемъ году въ нашемъ изданіи,—да о воспоминаніяхъ І. И. Малевича. Послѣднія принадлежатъ маститому старцу, всю жизнь проведенную въ скромной долѣ домашняго учителя-наставника. Въ этой скромной долѣ І. И. Малевичъ имѣлъ, однако, большое счастье: ему довелось быть первымъ, по времени, преподавателемъ С. В. Корвинъ-Круковской, впоследствии въ замужествѣ Ковалевской, прославившейся своими учеными трудами въ области высшей математики.

Относительно сказаній иностранцевъ о Россіи, „Русская Старина“ въ 1890 г. привела любопытные документы относительно изданія Флетчера на русскомъ языкѣ и продолжала печатать записки полковника Гагерна, посѣтившаго русскій дворъ въ 1839 г.; окончаніе послѣднихъ записокъ надѣемся представить въ предстоящемъ году въ „Русской Старинѣ“.

II.

„Историко-критическія замѣтки“ Д. И. Иловайскаго по поводу древне-русскаго термина кормленіе, въ отношеніи областныхъ правителей и судей,—конечно, прочитаны читателями „Русской Старины“ съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ обычно встрѣчаются историческіе труды этого ученаго историка, автора превосходнаго труда: „Исторія Россіи“.

Въ области историческихъ изслѣдованій „Русская Старина“ обзорѣяемаго года представила продолженіе обширнаго и многолѣтняго труда Н. К. Шильдера: „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра І“. Эта третья и весьма обширная глава представляетъ цѣлую монографію, въ которой весьма живыми, яркими красками очерчиваетъ нашъ талантливый историкъ отношенія двора и петербургскаго русскаго общества къ министру иностранныхъ дѣлъ графу П. П. Румянцеву и къ представителю Наполеона І-го, генералу Савари; при этомъ мѣтко очерчивается, и совершенно въ новомъ

освѣщеніи, графъ Петръ Александровичъ Толстой, русскій посоль къ Наполеону I-му, указывается на значеніе графа Нессельроде въ русскомъ посольствѣ при французскомъ дворѣ, приводится въ высшей степени любопытная, обширная и весьма содержательная бесѣда французскаго посла Коленкура съ императоромъ Александромъ I, и проч.

Мы уже обращали вниманіе нашихъ читателей на то, что Н. К. Шильдеру принадлежитъ честь первой попытки установить на тильзитское соглашеніе (1807 г.) правильную и вполнѣ самостоятельную русскую точку зрѣнія. При составленіи ряда историческихъ очерковъ, начатыхъ и продолжаемыхъ Н. К. на страницахъ „Русской Старины“, авторъ пользовался неизданными до сихъ поръ матеріалами какъ русскихъ, такъ и французскихъ архивовъ. Въ третьей главѣ авторъ представилъ, между прочимъ очеркъ того упорнаго противодѣйствія, который императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ при установленіи своей новой политической системы со стороны русскаго посла въ Парижѣ, графа П. А. Толстаго. Оказывается, что русскій посоль употреблялъ, всѣ средства, чтобы разстроить соглашеніе съ Франціею и возбудить недовѣріе государя къ своему новому союзнику ¹⁾.

Мы уже объясняли въ нашемъ обзорѣ 1889 г. ²⁾ причину

¹⁾ Иностранная печать, вслѣдъ за русскою, обратила вниманіе на это замѣчательное историческое изслѣдованіе Н. К. Шильдера: такъ, отзывы объ этой монографіи мы находимъ въ „Revue d'histoire diplomatique“, 1888 г. № 4; также въ „National Zeitung“, 1890 года, № 567, статья: „Napoleon und Alexander in Tilsit“. Любопытно, что нѣмецкій критикъ замѣчаетъ по поводу статьи Н. К. Шильдера, что „она настолько-же тенденціозна, какъ и интересна“. Понятно, что стремленіе автора освободить русскую исторію отъ преднамѣренной ея германизациіи не могло найти себѣ сочувствія въ прусской газетѣ. Не менѣе любопытно также то, что почтенный критикъ въ журналѣ „Русская Мысль“ 1888 и 1889 годовъ усматриваетъ въ статьѣ Н. К. Шильдера парадоксальный взглядъ автора на стремленіе выставить союзъ съ Наполеономъ, какъ соглашеніе, всего лучше соотвѣтствующее интересамъ русской политики. Русскій критикъ уважаемаго журнала становится на точку зрѣнія нѣмецкихъ историковъ и дѣлается, такимъ образомъ, сторонникомъ губительной политики безкорыстія, которая принесла для Россіи столь плачевные плоды до 1881 года.

О трудѣ Н. К. Шильдера см. также въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., въ статьѣ г. Гатищева: „Міровой раздѣлъ“ и въ журналѣ „Nouvelle Revue“ 1890 г., въ статьѣ г. Ціона: „La France et la Russie“. Ред.

²⁾ „Русская Старина“ 1889 г., т. LXIV кн. дек., стр. 856—857.

медленности, съ которою появляется изслѣдованіе Н. К. Шильдера въ печати, изъ котораго „Русская Старина“ вотъ уже три года сряду печатаетъ по одной лишь, хотя и обширной, главѣ: этотъ почтенный трудъ составляется, повторяемъ, по массѣ русскаго и иностраннаго матеріала, извлекаемаго изъ отечественныхъ и иностранныхъ архивовъ, и обставляется весьма внимательно, критически провѣряемыми, свѣдѣніями изъ печатныхъ сказаній современниковъ и участниковъ событій; обширнѣйшая литература всего, что напечатано объ эпохѣ Наполеона I и Александра I, превосходно, всесторонне изучена Н. К. Шильдеромъ. Кто знаетъ, если-бы появленіе таковыхъ историко-критическихъ изслѣдованій было-бы возможно благовременно въ русской печати, какъ, напримѣръ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, то, быть можетъ, прежняя политика русская не углубилась-бы столь въ пучину нѣмецкихъ симпатій, не впуталась-бы затѣмъ въ неблагодарное дѣло спасенія Австріи и не получила-бы столь ужаснаго возмездія, каковое свершилось на развалинахъ Севастополя! Дѣло въ томъ, что исторія имѣетъ цѣлью не одинъ отчетъ о свершившемся, она, и это каждый знаетъ, имѣетъ громадное значеніе—поученія, назиданія, самаго существеннаго руководительства, тѣмъ болѣе сильнаго, что таковое, почти всегда, на крови и на костяхъ основано... Но она дѣйствительно поучаетъ только тамъ, гдѣ хотять учиться, гдѣ склоняють взоръ и ухо къ ней и къ ея голосу... Ну, а въ старину въ нашемъ отечествѣ ей, т. е. богинѣ исторіи, не отводили, надо полагать, за смертью Карамзина, подобающаго мѣста.

Изъ прочихъ историческихъ очерковъ въ „Русской Старинѣ“ 1890 г. укажемъ на принадлежащія перу маститаго военнаго историка, генерала-отъ-инфантеріи генеральнаго штаба князя Николая Сергѣевича Голицына. Достойный профессоръ бывшей военной академіи, нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба, потрудившійся въ ней къ самымъ первымъ годамъ по ея основаніи, продолжаетъ трудиться съ перомъ въ рукахъ, не смотря на свой преклонный возрастъ (род. въ 1809 году). Въ ряду нѣсколькихъ очерковъ, воспоминаній и замѣтокъ, весьма обязательно сообщенныхъ намъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, особенно любопытны: „Бой при Иденсальми, въ Финляндіи, 15-го октября 1808 года“, а также весьма живой, отъ сердца

написанный, очеркъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“, обратившій на себя сочувственное вниманіе многихъ органовъ нашей печати. Вполнѣ своевременно было появленіе также историческихъ замѣтокъ высокоуважаемаго князя Н. С. Голицына о наводненіяхъ въ Петербургѣ.

Время императора Александра II, какъ вообще въ послѣдніе десять лѣтъ, служить для насъ постояннымъ источникомъ новыхъ свѣдѣній о незабвенной эпохѣ возрожденія и освобожденія русскаго народа. И въ обозрѣваемомъ году предъ умственнымъ взоромъ многочисленныхъ читателей „Русской Старины“ прошли Царь-Освободитель въ очеркахъ и замѣткахъ, памяти его посвященныхъ, а также нѣкоторые изъ его сподвижниковъ, каковы: доблестный графъ Н. И. Евдокимовъ въ оконченномъ нынѣ и смѣемъ думать, безупречномъ трудѣ Ив. Ив. Ореуса; графъ Н. П. Игнатьевъ, С. И. Зарудный, графъ А. В. Адлербергъ, графъ П. А. Валуевъ и другіе дѣятели минувшей славной эпохи.

Историко-археологическимъ замѣткамъ, именно по предмету возобновленія стѣнъ въ городахъ Псковѣ и Смоленскѣ, этихъ историческихъ памятниковъ и святынь, мы посвятили очеркъ маститаго археолога и историка Пскова, А. С. Князева, и путевыя замѣтки изъ нашего путешествія по Россіи.

Отдѣлъ небольшихъ рассказовъ, замѣтокъ, переписки и прочихъ матеріаловъ былъ довольно разнообразенъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ и настолько обилень сообщеніями, что перечень таковыхъ занялъ-бы много мѣста въ нашемъ обзорѣ, а потому ограничимся напоминаніемъ лишь болѣе выдающихся матеріаловъ; таковы письма и записочки императрицы Екатерины II, нравственный образъ каковой монархини подымается все выше и выше, въ особенности въ послѣднее время, благодаря въ высокой степени замѣчательному изслѣдованію, ей и исторіи ея царствованія посвященному В. А. Бильбасовымъ; первую книгу его многолѣтняго и самаго усидчиваго труда мы уже привѣтствовали на страницахъ „Русской Старины“: — „Пугачевъ и пугачевцы въ степи у Биргизъ-Кайсаковъ“ — новый любопытный матеріалъ 1774 года; „Валдайская старина“; „Князь Павелъ Дмитріевичъ Цициновъ — герой Кавказа и писатель конца XVIII и началъ XIX вѣковъ“: „Императрица Марія Ѳеодоровна“, обширная характерная переписка которой, въ сообщеніи барона Ѳ. А.

Бюлера, столь благовременно появляется въ „Русской Старинѣ“, въ виду близкаго сооружеія памятника этой государынѣ-благотворительницѣ († 1828 г.); но особенно много рассказовъ и документовъ посвящено въ „Русской Старинѣ“ обзорѣяемаго года—характеристикѣ императора Николая Павловича и его времени, а также нѣкоторымъ изъ лицъ, у власти стоявшихъ въ Николаевское время. Въ этой обширной группѣ особенно характерны—рассказъ покойнаго Н. Н. Жеденова о весьма своеобразномъ, по отношенію къ той эпохѣ, событіи, имѣвшемъ мѣсто во время службы покойнаго Жеденова въ гвардіи въ 1848 году, и довольно обширныя воспоминанія изъ 1830-хъ годовъ генераль-лейтенанта М. А. Маркова, простодушныя и весьма яркія по подробностямъ: что за бытъ, что за складъ всей жизни въ гвардіи за то время! какъ далеко отстояли порядки и все умственное и нравственное развитіе людей того времени отъ нашихъ дней! Кстати, одинъ читатель „Русской Старины“ прислалъ намъ укоризну за сохраненіе стили, слога такихъ сказателей о старинѣ и бывальщинѣ, каковымъ является покойный Н. Н. Жеденовъ. Хороша была-бы редакція „Русской Старины“, еслибъ позволяла себѣ исправлять стиль и всю манеру изложенія людей минувшей эпохи и, такимъ образомъ, стирала-бы краски, которыя потому и живы, что нѣ являются въ томъ видѣ, какъ накладываются людямъ своего времени. Рассказы К. Маньковскаго, Г. И. Студенкина (Николай I въ присутственныхъ мѣстахъ Спб.), Теобальда (В. А. фонъ - Роткирха), Н. А. Дмитріева-Мамонова, М. Л. Дубельта, А. А. Кардиналовскаго, А. О. Стренга, И. И. Красовскаго (переписка съ нимъ разныхъ военныхъ дѣятелей 1850-хъ годовъ, занимавшихъ высокіе посты), князя П. Ѳ. Паскевича (его письмо и послѣдніе дни его жизни), Г. М. Толстаго (поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Ивашеву, 1838 г.), А. И. Михайлова (рассказы служащихъ лицъ объ императорѣ Николаѣ), О. А. Пржецлавскаго (очеркъ о митрополитѣ Головинскомъ, † 1855 г.), освѣщаютъ императора Николая, его время и историческихъ дѣятелей пережитой Россіей эпохи; письма А. Комстадіуса, смертью своею, отъ ранъ полученныхъ на валахъ Севастополя, запечатлѣвшаго свою любовь къ отечеству, и проч.

III.

Исторія отечественной литературы, какъ то было постоянно въ нашемъ журналѣ съ 1870-го года, вызываетъ полнѣйшее вниманіе „Русской Старины“. Благодаря сообщеніямъ уважаемаго академика Л. Н. Майкова, мы имѣли возможность дать нынѣ три басни изъ раннихъ годовъ литературной дѣятельности славнаго баснописца Крылова; по блескамъ таланта, свѣтащимся въ этихъ басняхъ, ихъ, кажется, безошибочно можно приписать перу Ивана Андреевича; а также представили рассказъ очевидца и слушателя Н. М. Карамзина въ гостяхъ у графа Н. П. Румянцева въ 1824 г., также сообщенный намъ академикомъ Л. Н. Майковымъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ, юбилей учено-труженической дѣятельности котораго въ настоящемъ году съ столь сердечнымъ сочувствіемъ отпразднованъ людьми науки, — напомнилъ о Н. И. Новиковѣ, сообщивъ намъ переписку съ княземъ Н. Н. Трубецкимъ, 1816 г.

Н. А. Бѣлозерская продолжала и въ 1890 г. въ „Русской Старинѣ“ свою обширную и обстоятельную монографію о В. Т. Нарѣжномъ, извѣстномъ по таланту своему предшественникѣ Гоголя; трудъ г-жи Бѣлозерской имѣетъ неоспоримое значеніе, въ виду весьма скудныхъ свѣдѣній до сихъ поръ въ исторіи отечественной словесности объ авторѣ „Бурсака“, „Россійскаго Жильблэза“ и прочихъ романовъ и повѣстей Нарѣжнаго—этого несомнѣннаго родоначальника натуральной школы писателей-романистовъ въ Россіи. Мы окончили въ обзорѣваемомъ году большую переписку О. И. Сенковского, и не жалѣемъ, что дали много мѣста этой перепискѣ, такъ какъ она во многомъ характеризуетъ этого плодовитаго и остроумнаго журналиста Николаевского времени, значеніе каковаго писателя, хотя-бы и отрицательное, было немало важно. Рядъ замѣтокъ и матеріаловъ біографическихъ, бібліографическихъ, писемъ и стихотвореній данъ нами въ „Русской Старинѣ“ сего года. О Херасковѣ, Туманскомъ, Измайловѣ, о цѣломъ кружкѣ лицъ, окружавшихъ доброй памяти старца А. Н. Оленина, о Жуковскомъ, Денисѣ Давыдовѣ, а также Пушкинѣ и Гоголѣ,—безъ послѣднихъ двухъ именъ „Русская Старина“ не обходится вотъ уже 21 годъ ни въ одномъ изъ томовъ своего изданія,—обо всѣхъ этихъ подвижникахъ просвѣщенія русскаго

народа, во всѣхъ сферахъ русской словесности, мы представили не мало данныхъ и въ 1890-мъ году; кромѣ того, мы подѣлились съ читателями многими прекрасными стихотвореніями Н. П. Огарева, А. Н. Яхонтова и современнаго намъ, столь симпатичнаго русскому обществу, талантливаго поэта К. К. Ром—ва, и имѣли удовольствіе, благодаря воспоминаніямъ знаменитаго американца Скайлера, встрѣтиться въ „Русской Старинѣ“ съ гр. Л. Н. Толстымъ, имя котораго принадлежитъ въ настоящее время едва-ли не къ самымъ популярнымъ изъ русскихъ людей именамъ во всей читающей не только Россіи, но и западной Европѣ.

Памяти недавно сошедшаго въ могилу публициста и писателя Н. Г. Чернышевскаго посвященъ очеркъ—изслѣдованіе Фл. Вас. Духовникова и библиографическій обзоръ А. В. Смирнова.

Учебныя заведенія вообще и наши университеты въ особенности, какъ и всегда, вызвали въ „Русской Старинѣ“ обзорѣваемаго года очерки и воспоминанія, таковы статьи о Дерптскомъ университетѣ, о Петровской сельско-хозяйственной академіи, Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и проч.

А изъ откликовъ „Русской Старины“ на юбилейныя торжества учреждений и труженической жизни отдѣльныхъ лицъ, которыя были чествуемы въ 1890 г., упомянемъ о полувѣковой плодотворной для отечественной науки вообще и русской археографіи и исторіи въ особенности дѣятельности высоко-уважаемаго академика А. Ѳ. Бычкова. Двадцатипятилѣтняя годовщина существованія „Вѣстника Европы“, одного изъ достойнѣйшихъ представителей современной русской періодической печати, встрѣчена также „Русской Стариной“ съ глубочайшимъ сочувствіемъ.

Истекшій годъ унесъ нѣсколько славныхъ русскихъ людей въ ряду ихъ яркою звѣздой пребудеть Сергій Петровичъ Боткинъ. Памяти его посвященъ въ „Русской Старинѣ“ горячій, отъ сердца написанный, очеркъ одного изъ его учениковъ—доктора Е. И. Головина.

IV.

По поводу исторіи искусствъ „Русская Старина“ за 1890 г. можетъ лишь указать на весьма обстоятельный очеркъ молодаго изслѣдователя въ исторіи музыки А. А. Неустроева: „Александръ Ивановичъ Виллуанъ и первокопцертное путешествіе по Европѣ А. Г. Рубинштейна. 1840—1842 гг.“.

V.

Художественныя приложенія къ нашему изданію за 1890 г. состояли въ гравюрахъ на мѣди — портреты А. Н. Оленина († 1872 г.), графа Н. П. Игнатъева, 1878 г., и А. Θ. Бычкова, исполненные проф. И. П. Пожалостинымъ, худож. Θ. А. Мѣркинымъ и А. О. Шейманомъ. Портреты, исполненные на деревѣ художниками: И. И. Матюшинымъ, В. В. Матѣ и Г. И. Грачевымъ, — всѣ три ученика славнаго ксилографа покойнаго академика Л. А. Сѣрякова, а именно портреты: историкъ кн. М. М. Щербатовъ († 1790 г.), Е. А. Аракчеева — († 1820 г.) мать временщика; Емельянъ Пугачевъ, съ современнаго ему портрета; Е. А. Пальменбахъ, начальница „Общества благор. дѣвицъ“ (Смольнаго монастыря), поэтъ В. К. Кюхельбекеръ († 1841 г.), В. И. Денъ († 1888 г.); гелиографурный снимокъ Г. Н. Скамони — съ портрета рисунка Брюлова — акварелистъ П. Θ. Соколовъ, и, наконецъ, фототипія художника В. І. Класена — портретъ профессора высшей математики С. В. Ковалевской, рожденной Корвинъ-Бруковской.

VI.

Библиографическій отдѣлъ состоялъ въ отзывахъ о 75 новыхъ книгахъ и изданіяхъ въ области литературы отечественной исторіи и словесности.

Мих. Ив. Семевскій,

издатель-редакторъ „Русской Старинѣ“.

25-го ноября 1890 г.
С.-Петербургъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» истори-
ческіе или историко-литературные статьи и матеріалы

въ 1870—1890 гг.

[по 24-ое ноября 1890 г.].

Н. В. Аароновъ,—Абаза,—Ф. И. Абакумовъ,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Ав-
дѣевъ,—В. П. Авенариусъ,—Н. П. Авенариусъ,—Д. В. Аверкиевъ,—И. П. Авра-
мовъ,—Ага-бекъ Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Агафоновъ,—Н. Агафоновъ,—
Агентовъ,—О. Х. Агренева-Славянская,—Д. А. Агреневъ-Славянскій,—А.
Агрономовъ,—Адасова,—А. А. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К.
Айвазовскій,—Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—
М. А. Албычевъ,—М. Александровъ,—А. Е. Алекторовъ,—К. Алмазовъ,—А. А.
Алферовъ,—А. Н. Альмедингевъ,—В. А. Альфонскій,—игумень Амвросій,—
И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—
И. Андозкій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій,—
А. Н. Андреевъ,—В. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ,—Л. Ф.
Андреянова,—Андрузская,—В. И. Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—Ш. А. Анто-
новъ,—А. А. Ануфѣевъ,—Д. Анучивъ,—Д. Г. Анучинъ,—А. Апраксинъ,—графъ
С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргилландеръ,—И. А. Аренсъ,—
С. Аренсъ,—Аркадѣевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—епископъ Ар-
сеній,—Ф. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—профес. Н. А. Астафѣевъ,—Ари-
ничъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Арше-
невскій,—Т. В. Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астракова,—Г. Афанасьевъ,—
Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ,—фонъ-Ашебергъ.

Н. Важеновъ,—Г. И. Віахаровъ,—Байхаровъ,—В. И. Бакунина,—Бала-
новичъ,—В. С. Балашевъ,—Н. Н. Балкашинъ,—О. С. Балкъ,—К. Баль-
монтъ,—Е. Д. Бантышъ-Каменская,—Н. П. Бараниусъ,—профес. С. И. Бара-
новскій,—А. Е. Барановъ,—А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И.
Барсоцовскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—
Н. И. Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,—З. А. Варшъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П.
Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—И. Баскаковъ,—Д. Д. Баскаловъ,—

А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсонъ вл.—В. Безсоновъ,—А. Безукладинъ,—П. В. Бекъ,—Ст. Ф. Бекъ, рожд. Гейфельдъ,—И. Е. Бельцманъ,—Н. Л. Бенуа,—С. Бердлаевъ,—В. Березинъ,—П. В. Березинъ,—Я. О. Березинъ-Шпряевъ,—С. Н. Берже,—Г. Берманъ,—М. А. Берманъ,—Г. Беръ,—Беръ,—профес. Г. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—Г. Берхинъ,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Библиковъ,—Н. Билибинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Бильдерлингъ,—бар. Вистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій.—Вларамбергъ,—Н. И. Бобриковъ,—гр. Александръ А. и Алексѣй А. Бобринскіе,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—профес. живописи А. П. Боголюбовъ,—В. А. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—Л. А. Богуславскій,—баронъ Н. К. Богусевскій,—г. Бодеманъ (въ Гановѣрѣ),—профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Боевъ,—И. Н. Божерновъ,—И. В. Болдыревъ,—А. В. Болотовъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—С. Т. Большаковъ,—П. О. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзцовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бородинъ.—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. О. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—В. О. Боцяповскій,—И. Бочаровъ,—А. Б. Бошнякъ,—Н. Н. Браинко,—С. Брайловскій,—П. О. Брандтъ,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—В. А. Будзько,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н. Булгакова—Б. О. и В. О. Булгарины,—профес. Н. Н. Булячъ,—С. Буличъ,—А. Бунгинъ,—Н. Х. Бунге,—Е. О. Буринскій,—Н. О. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—іерей Г. Бугковъ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ—М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—академикъ А. О. Бычковъ,—И. А. Бычковъ,—О. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣленниковъ,—д-ръ медик. Н. А. Бѣлоголовый,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣляевъ,—М. А. Бѣлуха-Кохановскій,—баронъ О. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—П. Ваксель,—Н. Н. Вакуловскій.—М. С. Валевскій,—А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,—гр. Н. П. Валуевъ,—А. Г. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ Секретъ,—И. И. Василѣвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—проф. В. Г. Васильевскій,—А. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—А. О. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—Г. Васъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденянинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—художникъ-граверъ О. П. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас. Верещагинъ,—Т. И. Вержблцкій,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—О. О. Веселого,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—О. О. Вил-

бергъ, — А. Н. Виноградовъ, — Н. Виноградовъ, — П. А. Виноградовъ, — С. Виноградскій, — Випроревъ, — К. А. Висковатовъ, — профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый), — О. А. Витбергъ, — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — Н. П. Вишняковъ, — Н. Н. Владимірова, — А. Владиміровъ, — А. П. Владиміровъ, — И. Владзимірскаго, — В. В. Водовозовъ, — В. П. Водопьяновъ, — А. А. Воейкова, — А. Н. Воейковъ, — Военскій, — П. П. Возницынъ, — А. М. Войновъ, — М. Владыкинъ, — Г. П. Власовъ, — Д. И. Всеяковъ, — Г. А. Волжевъ, — князь М. С. Волконскій, — И. В. Вологдинъ, — И. И. Вологдинъ, — С. Волосатова, — Ф. И. Волгатисъ, — П. П. Волковской, — Вольдемаръ, — Волярярская, — Н. А. Волярярскаго, — Г. А. Воробьевъ, — Е. З. Воронина, — Н. А. Воронихинъ, — А. П. Вороновъ, — П. А. Вороновъ, — Павелъ Никол. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — И. М. Воропай, — Н. Я. Воскобойниковъ, — А. А. Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронесса Вревская, — П. И. Вриони, — М. А. Вроченскій, — Вудъ, — А. Г. Вышеславцевъ, — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — княгиня Е. А. Гагарина, рожденная Иванова, — князь Ив. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гакъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — А. С. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. И. Гамаринъ, — А. О. Гамбургеръ, — П. Г. Ганзенъ, — Е. А. Ганъ, — Я. Гарелинъ, — К. А. фонъ-Гартъ, — А. А. Гатцукъ, — А. С. Гацнскій, — И. М. Гвоздевъ, — Е. Г. Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, — К. К. Гелингъ, — И. С. Генбачевъ, — г. Геничъ, — Ав. Ант. Герке, — Германъ, вдова профессора (въ Марбургѣ), — В. Ц. Герцкъ, — профес. А. А. Герценъ, — П. А. Гильтебрандтъ, — Гилюсъ, — Д. И. Гиппиусъ, — Л. О. Гиргасъ, — А. А. Гирсъ, — К. К. Гирсъ, — В. М. Гиршфельдъ, — В. О. Гладкій, — К. В. Гладковская, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — О. С. Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — А. А. Глѣбова, — Д. Е. Гвусинъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — г. Голидынскій, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — д-ръ Е. А. Головинъ, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — К. Д. Головщиковъ, — К. М. Голодниковъ, — А. А. Голомбевскій, — П. Д. Голохвастовъ, — И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубцовъ, — М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ, — протоіерей І. Голяховскій, — Гомановскій, — Гондатти, — А. Н. Гончаровъ, — И. А. Гончаровъ, — М. Гончаровъ, — артистъ И. О. Горбуновъ, — А. Гордонъ, — Н. Д. Горемыкинъ, — М. Горилецкій, — М. П. Горловъ, — Городецкая, — М. И. Городецкій, — С. В. Городецкій, — профес. от. М. И. Горчаковъ, — Г. К. Гофертъ, — Г. К. Градовскій, — художникъ Г. И. Грачевъ, — О. А. Гребенщиковъ, — А. К. Грегоріади, — А. Е. Гревъ, — А. В. фонъ-Грибнеръ, — Н. И. Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — И. И. Григорьевъ, — И. Я. Гриниъ, — А. Громачевскій, — академикъ Я. К. Гротъ, — К. К. Гротъ, — Н. П. Груаъ, — Н. В. Губерти, — Н. И. Гулакъ, — П. Гулакъ-Артемевскій, — С. И. Гуляевъ, — Гулевичъ, — свящ. В. Гурьевъ, — М. П. Гусаковскій, — А. Н. Гусевъ, — А. Гусевъ, — А. Я. Гюббенетъ, — А. И. Гюберъ-фонъ-Грейфенфельсъ.

Кн. В. Д. Дабижа, — кн. Давлель-Гирей-Бибердовъ, — М. П. Давыдова — В. Н. Давыдовъ, — Д. Давыдовъ, — К. И. Давыдовъ, — Н. Т. Давыдовъ, — Т. М. Дагаевъ, — Н. Данилевская, — Г. П. Давилевскій, — Г. Г. Даниловичъ, — А. С. Даниловъ, — художн. А. И. Даугель, — Г. Е. Лахновичъ, — Н. Я. Дашковъ, — П. П. Деви, — Н. Д. Делафлизъ, — А. К. Де-Ливронъ, — С. Дельпесъ, — графъ И. Д. Деляновъ, — А. П. Демидовъ, — П. А. Деммертъ, — А. Демиинъ. — В. П. Демеръ, — Г. Д. Демяновскій, — художн. Денъеръ, — Е. Депрейсъ. — баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ, — фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспотъ-Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — Г. А. Джавишевъ, — А. И. Дидриксъ, — Диатроптовъ, — Дмитриевъ, — А. С. Дмитриевъ, — Н. А. Дмитриевъ-Мамоновъ, — Н. Г. Дмоховскій, — Л. Я. Добровъ, — Θεοοωανъ Л. Доброленскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Я. И. Довголевскій, — В. А. Дойлидовичъ, — В. Док-ий, — К. А. Докучаевъ-Басковъ, — Н. А. Докучаевъ, — кн. В. А. Долгоруковъ, — кн. В. П. Долгоруковъ, — Л. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ, — В. В. Домелунксель, — И. И. Домонтовичъ, — А. Г. Достоевская, — Е. И. Дошанская, — Живко-Драговичъ, — Марко-Драговичъ, — А. М. Дренякинъ, — С. Д. Дрожжинъ, — кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — Е. И. Дубельтъ, — М. И. Дубельтъ, — А. Дубицкій, — академикъ Н. Ф. Дубровинъ, — А. В. Дурново, — Л. А. Дуровъ, — Н. В. Дуровъ, — Ф. В. Духовниковъ, — М. Л. Духонинъ, — Е. Дьяковъ, — Я. Дюжиловъ.

Графиня А. А. Евдокимова, — К. Евлентьевъ, — Евреиновъ, — А. Е. Егоровъ, — Егорьевскій, — Ф. Езюранскій, — от. I. Еланскій, — от. П. П. Еланскій, — Ю. Л. Елець, — кн. Енгальчевъ, — князь Н. Н. Енигъевъ, — Еланчинъ, — А. Елифановъ, — Еранцовъ, — П. В. Еремьевъ, — В. Ермаковъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — К. И. Ермолинъ, — В. М. Еропкинъ, — В. В. Еропкина, — А. Ерошкинъ, — А. Есаковъ, — Г. В. Есиповъ, — Я. И. Есьманъ, — И. Ефимовъ, — П. А. Ефремовъ.

А. Ф. Жадовскій, — А. П. Жакмонъ, — А. Н. Ждановъ, — С. Н. Жеденовъ, — В. Желиховскій, — В. П. Желнховская, — И. Желтовъ, — Н. Ф. Желтовъ, — И. П. Жемоченинъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — А. Б. Жизневскій, — В. И. Жиркевичъ, — А. В. Жиркевичъ, — от. В. И. Жмакинъ, — А. Жуковъ, — В. Жуковъ, — Д. Жуковъ, — М. М. Жуковскій, — художн. Пав. Вас. Жуковскій, — П. В. Жуковский, — Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій, — А. Заборовскій, — Д. Заборовской, — акад. П. П. Забѣло, — Л. А. Загоскинъ, — С. М. Загоскинъ, — С. А. Загряжская, — В. Заенчиковскій, — В. Д. Занка, — Т. М. Заишкевичъ, — И. К. Зайцевъ, — Ф. Д. Зайцевъ, — А. И. Загѣскій, — П. Т. Загѣскій, — Замысловъ, — А. Заицрокъ, — Заржецкій, — Я. И. Заринъ, — А. С. Зарудный — Е. И. Зарина, — А. Г. Затеръ, — Н. В. Затѣйщиковъ-Второй — И. Н. Захаринъ, — И. Захаревичъ, — Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — К. Зашукъ, — С. Звѣревъ, — К. С. Звягинъ,

профес. Н. О. Здекауеръ,—В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренсбергъ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зюровъ,—М. Злотковскій,—И. Э. Змунчила, рожд. Стогова,—А. Змѣевъ,—Л. О. Змѣевъ,—Золотовъ,—В. А. Зотиковъ,—А. И. Зотова,—В. Р. Зотовъ,—А. О. Зубковскій,—Е. Б. Зубова, рожден. баронесса Вревская,—В. А. Змбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анненкова,—М. Г. Ивановъ,—Н. И. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—И. С. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. О. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенкоъ,—Ю. В. Иверсень,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—А. П. Игнатьевъ,—А. С. Игнатьевъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Извольскій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—от. П. Ильинскій,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Л. В. Ильшевичъ,—М. А. Имбергъ,—арх. Ипполитъ,—П. П. Исаевичъ,—А. Д. Исаковъ,—П. Н. Исаковъ,—Д. С. Исардовъ,—Н. О. Истинской,—О. А. Исуповъ,—Г. О. Исѣевъ.

В. Каверзневъ,—Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—С. П. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—С. Д. Казина, рожд. Бантышъ-Каменская,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—М. М. Калининская,—Калиновская,—В. В. Калашъ,—Д. И. Калугинъ,—графиня Л. М. Каменская,—О. А. Каменскій,—И. Т. Камчатовъ,—А. Н. Канаевъ,—А. Канаринъ,—княгиня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнисть,—Н. Я. Капустина,—П. А. Карабинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—И. Каргопольцевъ,—М. А. Бардиналовскій,—М. А. Карлинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнаузовъ,—Баррикъ,—Л. В. Картавецъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—Г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катоневъ,—В. Катенинъ,—В. М. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—А. В. Квятка,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ.—П. Д. Кедровъ,—профессоръ живописи И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—О. О. Кенигъ,—А. П. Кеппевъ,—П. Е. Кеппевъ,—Т. Кибальчичъ,—Кильдюшевскій,—К. Д. Кипиани,—Кирилловъ,—С. И. Кирѣевскій,—А. Александр. Кирѣевъ,—Л. В. Киселева,—А. С. Киселевъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—О. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—В. I. Класень,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Кюге-фонъ-Кюгенау,—Княжевичъ,—М. Д. Княжевичъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. О. Кобеко,—Я. Кобыланскій,—Д. А. Кобыковъ,—профессоръ С. В. Ковалевская, рожд. Корвинъ-Кружовская,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадаевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—

З. Койданскій, — А. Кокосовъ, — академикъ Н. И. Кокшаровъ, — Колачевскій, — А. Коленковскій, — К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ, — А. А. Колокольцовъ, — Д. Г. Колокольцевъ, — Е. Колокольцевъ, — В. И. Колосовъ, — М. А. Колчинъ, — А. Колынинъ, — бар. М. Колычевъ, — А. Д. Колянковскій, — В. А. Комаровъ, — А. Ф. Кони, — Е. Θ. Кони, — гр-ня Н. М. Коновницына, — Ю. Ю. Коноплянскій, — А. О. Константинова, — Д. А. Копьева, — В. А. Бордъ, — И. П. и Θ. П. Корниловы, — П. С. Коробка, — А. Коробовъ, — П. А. Коробинъ, — Г. А. Корозо, — Я. И. Коростовцевъ, — А. Корсаковъ, — профес. Д. А. Корсаковъ, — бар. Корфъ, — Г. Θ. Корчевскій, — А. И. Косичъ, — Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ, — М. Костылевъ, — Θ. Н. Костюковъ, — Н. П. Косяровскій, — инж. П. Н. Котларевскій, — Всеволодъ П. Коховской, — Иванъ А. Кравцовъ, — И. С. Кравцовъ, — Е. А. Краснопѣвцева, — И. В. Краснопѣвцевъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — баронъ Криденеръ, — Криницкій, — Н. Θ. Круза, — М. Круновичъ, — С. Крутиковъ, — Н. К. Крыжановскій, — Крыжовъ, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ, — П. И. Крюковъ, — А. И. Ксензенко, — В. Ф. Кудрявцевъ, — М. П. Кудрявцевъ, — вдовъ ген.-лейт. Кузмина, — Н. А. Кузминскій, — А. Θ. Кузминъ, — В. В. Кузминъ, — Г. Кузминъ, — И. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, — В. Кувель, — А. Кулешовъ, — В. В. Кулжинскій, — Н. И. Куликовъ, — Н. Н. Куликовъ, — В. П. Кулинъ, — М. И. Кулишеръ, — П. А. Кулшъ, — акад. А. А. Куникъ, — М. А. Кулетскій, — И. К. Куприяновъ, — кн. Θ. А. и С. В. Куракины, — В. Бурдановскій, — В. В. Курдюмовъ, — Курнаръ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — П. А. и А. А. Кусковы, — Н. Кутейниковъ, — Куць, — М. Н. Кучаевъ, — Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева, — Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — Я. Ларовъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Е. Лазо, — Г. А. Лазовъ, — М. А. Лавомте, — Е. И. Ламанскій, — И. Ланинъ, — г. Лаугенау, — графъ Н. С. Ланской, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларионова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова, — проф. Герм. Авг. Ларошъ, — А. Ласкѣвъ, — Н. В. Латкинъ, — А. С. Ладинскій, — С. Лашкаревъ, — А. С. Лашкевичъ, — Θ. Θ. Лашмановъ, — А. Лебедева, — А. С. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — К. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — Г. С. Лебединецъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — П. Я. Левенсовъ, — М. А. Левенцовъ, — М. Ю. Левестамя, — Н. Левигскій, — Г. П. Левицкій, — О. И. Левицкій, — художн. С. Л. Левицкій, — А. А. Левшинъ, — П. И. Лего, — архимадр. Леонидъ (Кавелинъ), — М. М. Лемпицкій, — профес. Ленцъ (въ Марбургѣ), — Леоновъ, — Леопольдовъ, — Н. В. Лепешинской, — В. Н. Лермонтовъ, — И. В. Лермонтовъ, — В. В. Лещинскій, — Е. Ф. Де-Ливронъ, — графъ Лидерсъ-Веймарнъ, — М. И. Лилеевъ, — А. Либбергъ, — И. А. Линнеченко, — Н. О. Линовскій, — И. Ливскій, — Липовицкій, — В. Лисенко, — Д. Д. Лисенко, — М. М. Лисицынъ, — Н. М. Лисовскій, — П. Литвиновъ, — В. И. Личачевъ, — А. Θ. Лишинъ, — А. В. и А. Н. Лишины, — А. О. Лишина, — кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — Г. И. Лобовниковъ, — А. Ломачевскій, — М. К. Ломизе, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лу-

гивовъ,—Л. Г. Лопатинскій,—С. П. Лопатская,—П. В. Лопухина,—Н. Лопухинъ,—Е. А. Лопушинскій,—Л. Я. Лосинскій,—Лоссовская,—Ю. С. Лосъ-Ротковскій,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—А. Луганинъ,—Я. И. Лудмеръ,—П. О. Лузановъ,—Лукинскій,—свщ. А. А. Луинъ,—В. К. Луцкій,—А. М. Лушанковъ,—М. Львова,—А. Львовъ,—Анатолий Ник. Львовъ,—Л. О. Львовъ,—О. О. Львовъ,—А. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лѣсковъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—И. Людмиловъ,—М. И. Лядовъ,—А. Я. Лядуновъ,—Г. Г. Лядуновъ,—А. І. Лященко.

К. Я. Маевскій,—Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Я. Майборода,—А. Н. Майковъ,—академикъ Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—епископъ Макарій,—К. Н. Макаровъ,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—А. О. Маккавѣевъ,—ген.-лейт. Маклаковъ,—д-ръ Максимовичъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—В. Н. Макшѣевъ,—Н. Н. Макшеевъ,—И. П. Малаховскій,—І. И. Малевичъ,—Л. В. Малининъ,—П. О. Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—Д. Н. Маминъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—К. Д. Маразуевъ,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Марграфской,—О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—А. О. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—Н. В. Масловичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масловъ,—О. П. Матафтана,—А. А. Матвѣевъ,—А. Н. Матвѣевъ,—А. П. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. В. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. И. И. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Мауровъ,—Р. Т. фонъ-Мевесъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Эм. Меллеръ,—И. В. Мельниковъ,—Н. Мельницкій,—бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—И. И. Мечниковъ,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій,—И. Миклашевскій,—профессоръ М. О. Микѣшинъ,—К. К. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—И. Миловидовъ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Н. С. Милошевичъ,—А. П. Милуковъ,—М. А. Милутина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стилъ,—графъ Д. А. Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. О. Мирковичъ,—І. Мирновичъ,—П. Мирносицкій,—С. Миропольскій,—А. И. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. О. Михайловъ,—прот. В. Я. Михайловскій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ,—Н. В. Млхно,—І. О. Мишинъ,—В. А. Модерахъ,—А. О. Можаровскій,—Е. Моллеръ, рожд. Муравьева,—Н. С. Моллеръ,—Мее. Мирон. Молчановъ,—Ф. Мошь,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ,—П. О. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—Я. Морошкинъ,—И. Московскій,—Мравинскій,—П. Музыкантовъ,—А. П. Муликовскій,—Г. А. Муравьевъ

(внукъ декабриста), — гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго), — о. П. И. Мурзаевичъ, — Н. С. Мусинъ-Пушкинъ, — М. А. Мусницкій, — Е. Ф. Муяки, — Авг. Ив. Мясковскій, — художн. Ф. А. Мъркинъ, — А. К. Мѣтлина, — Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій, — М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — А. Н. Надеждинъ, — В. Надпорожнй, — К. В. Назарьева, — М. В. Назимова, — контръ-адм. Назимовъ, — от. А. Накропинъ, — А. П. Налимовъ, — В. Напорожскій, — Н. П. Наравовичъ, — П. Ф. Нарбутъ, — Н. Нарохиницкій, — Е. А. Нарышкина, рожд. кн. Куракина, — П. И. Небоксинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невѣровъ, — П. Н. Нейловъ, — Ю. Ф. Нейманъ, — С. Неклюдовъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Н. В. Некрасовъ, — Нелидовъ, — Несвѣтаевъ, — графъ Д. К. Нессельроде, — Н. Я. Нестеровъ — А. А. Неустроевъ, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ, — С. А. Невитенко, — В. Н. Никитинъ, — Д. Николаевъ, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николай, — О. Ф. Николай, — А. Никольскій, — А. А. Никольскій, — д-ръ Н. А. Никольскій, — С. Никольскій, — Р. Н. Никулинъ, — М. Д. Ниловъ, — Д. Ниловъ, — графъ Ниродъ, — Л. Л. Ничпаевскій, — Н. М. Новицкій, — М. Д. Нововъ, — А. Г. Новоселовъ, — А. Е. Носъ, — С. Д. Носъ.

Обезерскій, — Облеуховъ, — кн. А. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. А. М. Оболенскій, — Н. А. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — А. Д. Оболонскій, — Н. А. Огарева-Тучкова, — К. И. Огаревъ, — П. Огивскій, — Н. Оглобинъ, — П. И. Огородниковъ, — С. Ф. Огородниковъ, — А. К. Одницовъ, — Н. А. Одницовъ, — Н. Ф. Оже-де-Ранкуръ, — Н. П. Озеровъ, — Ю. А. Ознобишинъ, — Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омеляненко, — Ольхинъ, — В. И. Онуприенко, — А. Онѣгинъ, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. В. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ, — П. А. Орловъ, — Ф. Ф. Орловъ, — А. В. Орѣшниковъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — бар. А. А. Остенъ-Сакенъ, — А. Острогорскій, — свѣщ. С. Остроумовъ, — В. А. Остряковъ, — П. Осѣпкій, — М. Очкинъ.

Л. Н. Павлицевъ, — А. Ф. Павловскій, — Павловскій, — И. Ф. Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. Ф. Павловъ, — Н. А. Падарчинъ, — П. П. Падучевъ, — архим. Паисій (изъ Абисиніи), — Н. Х. Палаузовъ, — Н. А. Паленовъ, — Н. И. Палибинъ, — С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — художн. Паннамакеръ, — Н. И. Пановъ, — Вс. Панютинъ, — С. Ф. Панютинъ, — П. А. Панчулидзевъ-Вигель, — С. А. Панчулидзевъ, — С. Ф. Папроцкій, — Ф. Ф. Пардалоцкій, — П. Д. Паренсовъ, — Паризо-де-ла-Валетъ, — Парландъ, архитекторъ, — М. Д. Пархомовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ, — М. А. Паткуль, рожд. маркиза де-Траверсе, — Пафнугтевъ, — А. Пахолковъ — В. Б. Пашковъ, — В. Пащенко, — И. Пеньковскій, — проф. І. Первольфъ, — П. М. Пер-

вущинъ,—Г. Г. Перетцъ,—П. Перуневъ,—Э. П. Перцовъ,—Перфильева,—
Н. А. Перфильевъ,—генер.-лейт. Пестичъ,—проф. Петерсонъ,—Г. П. Петер-
сонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—Андр. Ник. Петровъ,—проф.
Н. И. Петровъ,—П. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—Н. Г. Петро-
ковъ,—от. Пирлингъ,—А. А. Пирогова,—В. Н. Пироговъ,—Н. В. Пирожковъ,—
Анна Ник. Писарева,—С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—
А. С. Платовъ,—Ю. О. Платонова.—Н. Н. Платуновъ,—А. В. Плетнева, рожд.
княжна Щетинина,—А. Повалишнъ,—А. А. Повало-Швейковскій,—А. Д.
Погодинъ,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—О. Подтягинъ,—Подуш-
кинъ,—Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поз-
дѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. И. Покровскій,—В. О.
Покровскій,—протоіер. Г. Покровскій,—Н. В. Покровскій,—П. Н. Полевой,—
И. Полежаевъ,—А. П. Полетаевъ,—Н. И. Полетаевъ,—В. Н. Поливановъ,—
Л. И. Поливановъ,—Н. А. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—
Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—
А. Пономаревъ,—Н. К. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—О. Пономаревъ,—А. Е.
Поповъ,—Андр. Н. Поповъ,—В. Т. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ Ив. По-
повъ,—Николай Поповъ,—Ниль А. Поповъ,—Т. П. Поповъ,—П. И. Порай-Ко-
шицъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—
Н. В. Потовской,—полков. Потто,—П. А. Потѣхинъ,—Н. Н. Правиковъ,—
П. Я. Прейсъ,—А. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржец-
лавскій,—Ф. И. Приходкинъ,—А. И. Прворовъ,—Д. И. Прозоровскій,—
Прворъ,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Пронина,—
Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. С. Пругавинъ,—С. Л. Пташиц-
кій,—В. В. Птицынъ,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пу-
зыревскій,—А. П. Пулло,—А. Пульхеровъ,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пусто-
валовъ,—протоіерей М. Путинцевъ,—князь П. А. Путятинъ,—Е. П. Пуден-
ко,—П. А. Пушкаревъ,—А. А. Пущинъ,—А. И. Пущинъ,—А. Н. Пыпинъ,—
Д. М. Пѣтуховъ,—М. О. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равизъ,—І. Радзиковскій,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—
Разлеришинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раипъ,—А. Распо-
повъ,—П. Н. Распоповъ,—П. С. Ревакинъ,—Р. А. Регменскій,—К. Я. Рей-
меръ,—О. О. Рейнбогъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—Н. Ржавская,—
Н. О. Ржевская,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. Ридингеръ,—Н. В. Ринкъ,—
А. О. Риттихъ,—В. И. Роборовскій,—Д. А. Ровинскій,—Н. А. Роговъ,—
А. И. Роджеръ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. прото-
іерей А. И. Розановъ,—М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—докт. М. В. Ро-
зенбергъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—І. Рол-
ке,—Г. О. Романенко-Щирмъ,—П. П. Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—
протоіерей А. Романовъ,—К. К. Романовъ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Рома-
новъ,—П. Рословъ,—П. К. Ротастъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ,—графъ И. Н. де-
Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—О. Рубановскій,—проф. Антоизъ

Гр. Рубинштейнъ,—И. Я. Рубинштейнъ,—проф. М. И. Рубецъ,—С. А. Рудакова,—И. Г. Рудневъ,—К. И. Рудницкій,—К. К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Руммель,—Л. Е. Руммель,—Е. Д. Руничъ,—А. О. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—художв.-професс. И. Е. Рѣпинъ,—Г. К. Рѣшинскій,—Д. Д. Рабининъ.

Сабуровъ,—акад. П. И. Саввантовъ,—Л. М. Савеловъ,—А. А. Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—О. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. О. Сазоновъ,—В. Сантовъ,—А. П. Саламонъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Салиасъ, рожд. Сухово-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—В. Самаринъ,—Н. О. Самаринъ,—Н. А. Самойлова,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—Д. А. Саранчовъ,—М. Е. Саранчовъ.—А. Д. Сатинъ,—В. С. Саховъ,—Свамочкинъ,—артистъ П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчина,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. О. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—докторъ русск. исторіи В. И. Семеновскій,—Е. Н. Семевская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская,—П. И. Семеновскій,—Н. А. Семеновскій,—Д. Д. Семеновъ,—И. С. Семеновъ,—Н. П. Семеновъ,—Павель А. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Л. М. Семеновскій,—А. Семеновскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—от. П. Серебренниковъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержпутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—И. М. Сибиряковъ,—графы Е. Е. и Н. Е. Сиверсы,—І. Сидорскій,—В. В. Сикорскій,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Сивельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—И. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—К. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ.—А. И. Скиноеръ,—В. Скипскій,—В. Скоробогатый,—О. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—Ж. Слѣпцова,—Арк. Слѣпцовъ,—О. Н. Смирнова,—свящ. А. Смирновъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—И. К. Смирновъ,—Смпъ,—В. Н. Смолянниковъ,—Смѣдаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—В. П. Снѣженскій,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Н. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,—М. В. Соймоновъ,—Н. М. Соковнинъ,—В. Соколовскій,—А. И. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—А. П. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—профес. О. Г. Солпцевъ,—г. Соловейчикъ,—Л. Ф. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—Солтавъ,—А. Е. Сомовъ,—А. И. Сомовъ,—С. Н. Сомовъ,—В. М. Сорокинъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—В. О. Сосновскій,—П. Т. Софѣенко-Сумлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—М. И. Ставраки,—Ставевичъ,—А. И. Ставквичъ,—С. А. Ставквичъ,—Е. П. Старидкій,—А. И. Старъ,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебникая,—Б. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—М. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—

П. А. Стенановъ,—П. Ѳ. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—А. М. Стессель,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—М. Страховскій,—А. Страховъ,—Н. Н. Страховъ,—А. И. Стригоцкій,—П. Р. Строгановъ,—В. Стромиловъ,—Н. С. Стромиловъ,—Строевъ,—Стронинъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Д. П. Струковъ,—М. Д. Струковъ,—И. А. Стрѣльбицкій,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступинивъ,—М. М. Субботинъ,—И. Н. Суворовъ,—Н. И. Суворовъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судѣнко,—С. Н. Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—Н. Ѳ. Сумцовъ,—Ш. Суходольскій,—М. В. Сухотина,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. А. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тидъ.

А. О. Таборовскій,—Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татаринновъ,—графъ Н. И. Татищевъ,—бар. А. Ф. Таубе,—А. В. Телесницкій,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—Н. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—В. А. Тепловоъ,—Ѳ. А. Теплоуховъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—А. И. Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимошукъ, рожденная Кузнецова,—Тимченко-Рубанъ,—Н. Титова,—А. А. Титовъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—Т. Тихменевъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—Д. А. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Т. А. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня С. А. Толстая,—Вас. Толстой,—В. М. Толстой,—гр. И. И. Толстой,—графъ Л. Н. Толстой,—гр. М. В. Толстой,—П. С. Толстой,—В. Н. Толстопятовъ,—Томашевъ,—А. М. Томилаина,—А. П. Топорнинъ,—Н. Е. Топчѣвъ,—П. Травинъ,—г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Н. А. Трохимовскій,—Д. А. Трошинскій,—А. Н. Труворовъ,—А. Тулова,—А. Д. Тумановъ,—внзязъ Ъ. М. Тумановъ,—В. В. Тунашевскій,—В. В. Туноменскій,—Турау,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—И. Н. Турчаниновъ,—В. А. Туръ,—В. Тухомлицкій,—С. А. Тучкова рожд. Веригина,—Н. П. Тучковъ,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ,—И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—А. М. Унковскій,—В. А. Успенскій,—М. П. Успенскій,—П. М. Устиновичъ.

Н. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,—А. А. Филипповъ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—профес. Н. А. Фирсовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ Флитъ,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фриккенъ,—Фролковъ,—А. Е. Фролова,—Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—Харламовъ,—И. К. Херсонскій,—Хижняковъ,—С. А. Хморова,—Хмільницкій,—Н. Ф. Хованскій,—А. А. Ходневъ,—В. И. Холмогоровъ,—Д. О. Хомутовъ,—П. Ф. Хомутовъ,—от. А. Хорошунновъ,—Г. Р. Хорули,—И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—И. Христофоровъ,—Н. Христофоровъ,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Профессоръ А. А. Цагарели,—Цвилленевъ,—С. О. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ,—А. Цитовъ—Цыбышевъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—графъ Э. Б. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. С. Чеважевскій,—В. Р. Чевскій,—О. О. Чекалинъ,—Н. М. Челищевъ,—Н. Т. Черевинъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,—В. Ф. Чернышевъ,—М. Г. Чернаевъ,—К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—В. Е. Чешихинъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ,—М. М. Чичаговъ,—А. Чичеринъ,—И. Чичеринъ,—Н. О. Чудовъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ,—I. Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ,—Г. Эйнышъ,—А. Экземпларскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ,—Э. К. Энгманъ,—К. Г. Эрнротъ.

Н. Л. Шабельская,—А. С. Шагубатовъ,—Е. А. Шакѣевъ,—П. П. Шафѣевъ,—И. И. Шамшевъ,—проф. живоп. А. I. Шарлеманъ,—Ф. А. Шатовъ,—В. И. Шаховской,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—П. Шванебахъ,—Е. Г. Швардъ,—К. Н. Шварцъ,—И. А. Шамаковъ,—П. В. Шейнъ,—Шелехова,—Л. Шемлинскій,—В. И. Шенрокъ,—Н. Шеншинъ,—А. Н. Шереметевскій,—А. В. Шереметевъ,—М. М. Шемшуръ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—И. I. Шетаковъ,—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—О. О. Шиманъ,—И. И. Шимко,—Н. Ширяевъ,—Н. И. Шишкинъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкларевскій,—Я. Шлегель,—А. О. Шлейсверъ,—И. А. Шляковъ,—Шлякнинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шамаковъ,—М. О. Шогуровъ,—профес. Штейнгель (въ Марбургъ),—Н. К. Штрандманъ—г-жа Штукенбергъ,—А. И. Шубертъ,—С. Н. Шубинской,—Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ,—В. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ,—Е. С. Шумгорскій,—Д. Шумиловъ,—Шумлянскій,—А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—Н. П. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ,—Н. Щеховскій,—В. Р. Щиглевъ.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Я. Юргенсонъ,—К. А. Юргенсъ,—П. И. Юркевичъ,—И. Н. Юркинъ,—В. П. Юрловъ,—П. О. Юрченко,—Юшковъ.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якиммахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—П. Н. Якоби,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—В. Якунчиковъ,—Вач. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—Л. И. Янушъ,—А. И. Янъ,—М. А. Ярославскій,—С. А. Ярошъ,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ,—Н. А. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орлова.

Н. Н. Ѳедоткинъ.

Изд.-редакторъ «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Семевскій**, членъ Археографической комиссіи при Министерствѣ Народнаго просвѣщенія;—почетный членъ археологическаго института,—почетный членъ общества археологій, исторій и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ,—почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей,—почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края;—членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (чл.-сотрудн., въ Спб.),—исторій и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетахъ,—русскаго археологическаго общества (въ Спб.), русскаго географическаго и русскаго минералогическаго;—членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій: Нижегородской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской и Тверской;—русскаго антропологическаго общества (въ Спб.);—русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербургѣ);—общества любителей Россійской словесности (въ Москвѣ);—Псковскаго статистическаго комитета,—и членъ королевскаго общества исторій въ Лондонѣ.

[1870—1890 гг.].

24-го ноября 1890 г.

Всгдъ за списокомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ, — С. А. Амировъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — В. И. Асташевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Θ. Багговуть, — К. Θ. Багговуть, — Я. П. Балановъ, — А. Д. Вантышъ-Каменская, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — профес. Н. В. Бергъ, — Ад. П. Берже, — Авдр. П. Берже, — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ (декабристъ), — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Болотовъ, — Боричевскій, — художн. Н. К. Брезе, — адм. Бутаковъ, — баронъ Бутлеръ, — Н. Д. Быковъ, — А. П. Бѣляевъ (декабристъ), — профес. И. Д. Бѣляевъ, — В. Н. Ваксель, — гр. П. А. Валуевъ, — И. П. Варпаховскій, — П. П. Васильевъ, — кн. А. И. Васильчиковъ, — Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ), — К. Н. Вельяминовъ, — Н. В. Веригинъ, — А. Θ. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — баронъ В. А. Вревскій, — И. В. Вуничъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ (іезуитъ), — В. П. Гаевскій, — О. Ф. Гейфельдеръ, — Г. Н. Геннади, — Н. В. Гербель, — профес. Эрнестъ Германъ (въ Марбургѣ), — П. П. фонъ-Гецъ, — А. Θ. Гильфердингъ, — Θ. Н. Глинка, — К. П. Голенко, — Я. Θ. Головацкій, — А. В. Головинъ, — свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — профес. А. Д. Градовскій, — Я. И. Григорьевъ, — С. И. Гуляевъ, — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато, — М. Θ. Де-Пуле, — Н. П. Де-Прерадовичъ, — В. А. Дажбенко, — К. И. Домонтовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — Н. Н. Жеденовъ, — Н. Н. Жукowski, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятинъ, — С. И. Зарудный, — К. И. Званцовъ, — К. К. Злобинъ, — И. Θ. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — П. Д. Золотовъ, — П. Д. Зотовъ, — К. А. Зыбинъ, — Руфъ Игнатьевъ, — В. А. Инсарскій, — А. Г. Казначеевъ, — Н. В. Калачовъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ, — Г. Θ. Карповъ, — С. Д. Карповъ, —

бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Кипіани,—А. Н. Кирилинъ,—А. М. Княже-
внъ,—О. А. Кобеко, рожд. Шакѣва,—М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константи-
новъ,—графъ М. А. Корфъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—Я. Н. Костенецкій,—про-
фессоръ Н. И. Костомаровъ,—графъ П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Ку-
сильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—И. И. Красовскій,—А. Н. Креницкнъ,—
генер.-лейтен. Кузминъ,—Г. И. Бузминскій,—С. Е. Кулѣша,—вн. А. Б.
Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—
профессоръ П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Л. Л. Леонидовъ,—А. Ф.
Леопольдовъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—графъ М. Т. Лорисъ-
Меликовъ,—М. Н. Любоцинскій,—княгиня С. А. Мадатова,—В. Н. Май-
новъ,—С. М. Макарова,—Л. С. Маковъ,—Б. М. Маркевичъ,—М. А. Марковъ,—
от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ),—вн. Н. Масальскій,—П. И. Мельниковъ,—
П. К. Менъковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—проф. О. Э. Миллеръ,—
Милюковъ,—М. П. Митковъ,—И. Я. Морошкинъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—
М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ),—Э. Н. Муратовъ,—Н. Н. Мурзак-
евичъ,—П. А. Мухановъ,—М. А. Назимовъ (декабристъ),—А. С. Наставинъ,—
проф. и акад. А. В. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—профес. В. В. Ни-
кольскій,—вн. Д. А. Оболенскій,—А. Одинцовъ,—Э. К. Опочининъ,—Г. А. Ор-
ловъ,—Н. М. Орловъ (сынъ декабриста),—И. Т. Освинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-
Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—Т. П. Пассекъ,—И. А. Паш-
ковъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Г. Петровъ,—В. П. Петровъ,—профес.
Н. И. Пироговъ,—С. И. Погодина,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—
А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. М. Пржевальскій,—О. А. Пржедав-
скій,—М. М. Рангъ,—В. Э. Ратчъ,—Н. А. Ратнскій,—А. В. Рачинскій,—
М. Х. Рейтернъ,—Людмила Ив. Рикордъ,—Н. П. Розановъ,—М. П. Розен-
геймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген.-лейт. Д. И. Романовскій,—
Н. И. Ростиславовъ,—Д. И. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовни-
ковъ,—М. Е. Салтыковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—проф. И. И. Свнзевъ,—
П. Н. Свистуновъ (декабристъ),—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—
И. Е. Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—Татьяна Мих. Се-
мевская,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина,
рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и профес. С. М. Соловьевъ,—
И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спаскій,—Е. Э. Старковъ,—
Н. И. Стародубскій,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—В. Я. Стоюннъ,—
кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—от. А. П. Сулоцкій,—
акад.-грав. Л. А. Свряковъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—К. Н. Ти-
хонравовъ,—Токарева,—графиня А. И. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—графъ

Ө. П. Толстой, — А. В. Толоровъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — С. И. Турбинъ, — И. С. Тургеневъ, — М. П. Тучковъ, — кн. С. Н. Урусовъ, — В. И. Фелькнеръ, — баронъ А. Фредериксъ, — бар. Н. П. Фредериксъ, — А. В. Фрейгангъ, — М. Д. Хмировъ, — И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — Н. Р. Цебриковъ (декабристъ), — А. Цимбалистовъ, — Мих. Чайковскій (Садыкъ-паша), — В. И. Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ, — ген.-адъют. К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — Е. В. Чешакинъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — П. А. Чумяковъ, — Н. К. Чупинъ, — Б. С. Шевыревъ, — П. Д. Шестаковъ, — Ө. А. Шидловскій, — Г. И. Шишкинъ, — Т. И. Шишкинъ, — баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ), — А. И. Штукенбергъ, — В. К. Шульдъ, — П. К. Щебальскій, — М. П. Щербининъ, — Н. Н. Щукинъ, — А. И. Языковъ, — Ястржемскій, — А. Н. Яхонтовъ, — Б. М. Өеодоровъ, — сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлыя фамильные архивы, напр. братьевъ Бестужевыхъ, К. В. Чевкина и др., — находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1890 гг.].

24-го ноября 1890 г.

„Русская Старина“ и ея подписчики въ 1890 году.

Въ 1890 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	23	24. Иркутской губ.	44
2. Амурской обл.	16	25. Казанской	81
3. Архангельской губ.	13	26. Калининской	13
4. Астраханской	33	27. Калужской	34
5. Бакинской	20	28. Карской обл.	9
6. Бессарабской	59	29. Кіевской губ.	132
7. Варшавской	77	30. Ковенской	30
8. Виленской	48	31. Костромской	42
9. Витебской	29	32. Кубанской обл.	52
10. Владимірской	62	33. Курляндской губ.	13
11. Вологодской	26	34. Курской	61
12. Волынской	57	35. Кутаисской	26
13. Воронежской	72	36. Кѣлецкой	12
14. Выборгской	11	37. Лифляндской	59
15. Вятской	55	38. Ломжинской	21
16. Гродненской	35	39. Люблинской	23
17. Дагестанской обл.	13	40. Минской	30
18. Донской обл.	59	41. Могилевской	25
19. Екатеринославской губ.	97	42. Московской	46
20. Елисаветпольской	13	43. Нижегородской	51
21. Енисейской	19	44. Новгородской	47
22. Забайкальской обл.	52	45. Нюландской	10
23. Закаспійской обл.	28	46. Олонеквой	18

47. Оренбургской	33	75. Терской обл.	77
48. Орловской	61	76. Тифлисской губ	8
49. Пензенской	45	77. Тобольской	11
50. Пермской	98	78. Томской	22
51. Петроковской	17	79. Тульской	17
52. Плоцкой	21	80. Тургайской обл.	1
53. Подольской	56	81. Уральской обл.	7
54. Подтавской	107	82. Уфимской губ	29
55. Приморской обл.	50	83. Ферганской обл.	12
56. Псковской губ.	42	84. Харьковской губ.	108
57. Радомской	13	85. Херсонской.	183
58. Рязанской	59	86. Черниговской	73
59. Самаркандской обл.	8	87. Эриванской	12
60. Самарской губ.	52	88. Эстляндской	8
61. С.-Петербургской.	67	89. Якутской обл	11
62. Саратовской	84	90. Ярославской губ.	51
63. Семипалатинской обл	5		
64. Семирѣченской	14		Итого 3775
65. Сибирской губ.	40	II. Въ Москвѣ:	
66. Смоленской.	51	<i>съ доставкой, и безъ доставки</i> —	
67. Ставропольской	23	III. Въ С.-Петербурѣ:	
68. Сувальской	16	<i>съ доставкой, и безъ доставки</i> —	
69. Сѣдлецкой	10	IV. За границу	
70. Сыръ-Дарьинской обл.	27		
71. Тавастгусской губ.	2		
72. Таврической	112		
73. Тамбовской	72		
74. Тверской.	53		
			Всего разошлось въ 1890 г. . 5324

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ Анна Ник. Писарева.

24 ноября 1890 г.
С.-Петербургъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LXV, LXVI, LXVII и LXVIII томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1890 г.

- Абаза, Александра Алексѣевна**, см. Золотарева.
- Абаза, А. М.**, т. LXV, 563, 566.
- Абаза, Михаилъ Аггеев.**, т. LXVI, 224.
- Абрамовъ, А.**, писатель. 1879 г., томъ LXVIII, 773.
- Абрамовъ, ген.-лейт.**, т. LXVI, 665—669.
- Абрамовичъ, варшав. об.-полицѣймейст.**, т. XLV, 76.
- Авдѣевъ, горн. инж.**, т. LXVI, 253, 258, 259.
- Авдѣевъ, М.**, писатель, томъ LXVI, 45, т. LXVIII, 761.
- Аврамій Палицынъ**, т. LXVIII, 301.
- Авраамъ Степановичъ, новгород. тысяцкій**, т. LXVIII, 301.
- Агатовъ, полковн.** 1837 г., т. LXVII, 248—274, 680—684.
- Агидевъ, Д. И.**, чл. рязан. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Адамовичъ, генер.**, т. LXVI, 484.
- Адамовичъ, бывш. восп. Конст. учил.**, т. LXVI, 247.
- Аделунгъ**, т. LXVI, 572, т. LXVII, 456.
- Адлербергъ, Юлія Фед.**, рожд. Багговутъ, статсъ-дама, начальница Смольн. инст. 1798 г., т. LXV, 832, т. LXVII, 434.
- Адлербергъ, гр., Александръ Влад.**, м-ръ двора, род. 1818 г., † 1888 г., т. LXV, 222, 497—513, 742, 832, т. LXVI, 304, т. LXVIII, 156, 157, 168, 176, 178, 181—186, 396, 611, 612, 683.
- Адлербергъ, гр., Влад. Фед.**, ген.-ад.-м-ръ двора и удѣловъ 1860 г., т. LXV, 500, 832, т. LXVI, 66, 304, т. LXVII, 54, 113, 120—131, 152, 230, 361, 369, 371, 376, 585, 604, т. LXVIII, 389, 391, 681—686.
- Адлербергъ, графъ**, т. LXVI, 541, 542.
- Адрианъ, патриархъ** 1696 г., т. LXVIII, 438—442.
- Аверманъ, дерптск. бургомнстръ** 1820 г., т. LXV, 353.
- Аксамова, Віра Сергѣевна**, т. LXV, 853, 855.
- Аксамова, Марья Никол.**, 1812 г., т. LXV, 10.
- Аксамова, Ольга Семен.**, т. LXV, 853—854, т. LXVII, 285.
- Аксамовъ, Изв. С.**, р. 1823 г., † 1886 г., т. LXV, 403, 420, 421, 426, 427, 648, т. LXVI, 640, 641, 645, 648, 649, 654, 689, т. LXVII, 282, 283, 236, 578, 631, т. LXVIII, 141, 353, 354, 356, 657, 659.
- Аксамовъ, Конст. Сергѣев.**, т. LXV, 407, 408, 409—411, 418, 419, 420, 421, 426, 853, т. LXVI, 652, 689, т. LXVII, 196, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 291, 657, 662, 663, т. LXVIII, 757.
- Аксамовъ, Никол. Ив.**, офиц. 1812 г., т. LXV, 9—19.

- Аксаковъ, Серг. Тимсо.**, т. LXV, 407, 408, 410, 416, 417, 853, т. LXVI, 646, 652, т. LXVII, 196, 201, 210, 212, 281, 284.
- Аксаковы**, т. LXV, 3, 416, 855, т. LXVII, 285, т. XVIII, 664.
- Алабинъ, Петръ Владим.**, самарск. гор-голова, т. LXV, 678, 679, т. LXVI, 426, 435, т. LXVII, 216.
- Алейниковъ, купецъ**, т. LXVIII, 320.
- Александра Иосифовна**, вел. княгиня, т. LXV, 875, 879, 880, т. LXVI, 308.
- Александра Николаевна**, вел. княж., † 1844 г., т. LXV, 37, 41, т. LXVI, 361.
- Александра Феодоровна**, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. LXV, 31, 71, 88, 569, 625, т. LXVI, 21, 22, 46, 64, 130, 307, 308, 310, 479, 642, т. LXVII, 179, 183, 309, 316, 393, 605.
- Александрова, пѣвица**, т. LXVII, 633.
- Александровскій, пензенск. губ.** 1863 г., т. LXVII, 187.
- Александръ I**, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., т. LXV, 21—25, 48, 86, 88, 102, 103, 114, 119, 120, 143—221, 282, 321—327, 333, 335, 341, 347, 351—355, 375, 607, 612—617, 685, 714, 715, 831, 832, 833, 839, 842, т. LXVI, 76 — 80, 130, 131, 160, 164, 178, 328, 330, 469, 485—490, 500, 674, 687, 708, 711, 727, 737, 739, т. LXVII, 14, 24, 50, 53, 63, 179, 222, 228, 239, 242, 373, 494, 498, 503, 504, 577, 645, 657, 664, т. LXVIII, 4, 25, 125, 209, 212, 215, 219, 230 — 236, 303, 307, 361, 419, 489, 490, 491, 500, 508, 511—535, 694, 706, 717, 756.
- Александръ II**, императоръ, р. 1818 г., † 1881 г., т. LXV, 27, 58, 227, 228, 271, 282, 285, 291, 292, 464, 481—513, 646, 832, 857, 873, 874, т. LXVI, 42, 70, 73, 76, 83, 155, 298, 301, 355—340, 414, 476—479, 489—495, 534, 569, 572, 658, 709, т. LXVII, 66, 134, 184, 192, 194, 216, 305, 308, 309, 314, 648, 698, 706, т. LXVIII, 53, 79, 111, 135, 230, 287, 288, 307, 308, 321, 362, 363, 379, 456, 457, 477—480, 483, 488, 544, 579, 679—688, 692—694, 738, 773, 774.
- Александръ III**, императоръ, т. LXVI, 335, 478, 490, 493, 709.
- Александръ Невскій**, великій князь, т. LXVII, 487.
- Александръ, принцъ Оранскій**, † 1849 г., т. LXV, 321—339.
- Александръ, Петровичъ, царевичъ**, род. 1691 г., † 1692 г., т. LXVIII, 251.
- Александръ, архіеп. Велько-Устюжскій** 1696 г., т. LXVIII, 438—442.
- Александръ, гр. Черногорскій, султанъ-Яхя**, т. LXV, 797—808.
- Алексѣевъ, заводчикъ** 1841 г., т. LXV, 541.
- Алексѣй Михайловичъ, царь**, т. LXVI, 78, 343, 345, т. LXVII, 454, т. LXVIII, 238, 239, 252, 298, 559, 563.
- Алексѣй Петровичъ, царев.**, р. 1690 г., † 1718 г., т. XLVII, 644, т. LXVIII, 233, 236, 251.
- Аллеръ, Самуилъ**, т. LXVIII, 535—540.
- Алошинскій, Петръ Степ.**, т. LXVII, 285.
- Алопеусъ, г-жа, см. Фредериксъ, баронеса.**
- Алопеусъ, гр., Θ. Д., фл.-ад.**, т. LXVI, 477, 478, т. LXVII, 180, 401.
- Альбединскій, П. П., фл.-ад.** 1850 г., т. LXV, 569, 657, 663, 675, т. LXVI, 53, 54, 65, 315, т. LXVII, 182.
- Альбовъ, М., писатель**, 1880 г., томъ LXVIII, 767.
- Альбрантъ, г-жа, въ зам. Комстадиусъ**, т. LXVI, 85.
- Альбрантъ, генер.**, т. LXVI, 85.
- Альбрехтъ, Александр. Ив., ком. улвскаго полка** 1830 г., т. LXV, 26.
- Альбрехтъ, П. X., чиновн.**, † 1886 г., т. LXVI, 170.
- Альфонскій, Аргад. Алексѣев., проф.** т. LXVI, 293, 692.
- Алябьева, г-жа**, т. XLVII, 387.
- Амальевъ, священ.**, т. LXVII, 542.
- Амвросій, пензенск. архіерей** 1836 г., т. LXVIII, 20.
- Амосовъ, А. Н.**, т. LXVI, 324.

Анастасій, архіеп. Могилевск. и Витебскій, 1802 г., т. LXVIII, 728.
Анастасьевъ, Александръ Конст. черниговскій губ. 1890 г., т. LXV, 884.
Анасташевичъ, т. LXV, 363.
Анастолія, игуменья Воскресенск. монастыря 1800 г., т. LXV, 813.
Ангальтъ, гр. директ. 1-го кад. корп. 1800 г., т. LXVII, 64.
Андреевская, Анастасія, въ зам. Нарѣжная, т. LXVII, 473, 474, 523.
Андреевскій, Иванъ Ефимов., профес., тайн. сов., директ. Археол. инст. сообщ. Губернскія ученія архивныя комиссіи въ 1889 г., т. LXVIII, 551—574, удом. т. LXVI, 481,
Андреевскій, С., писат. 1885 г., томъ LXVIII, 763.
Андреевскій, офиц. 1856 г., т. LXVI, 323.
Андреевскій-Нарѣжный, т. LXVII, 473.
Андреевъ, А., сообщ. «Къ воспоминаніямъ Н. И. Кокшарова», т. LXVI, 466.
Андрей, архимандр. Симонова монаст., Нижегород. губ., 1889 г., т. LXVIII, 560.
Андрей Боголюбскій, вел. князь, т. LXV, 881.
Андріановъ, 1878 г., т. LXVIII, 769.
Андро, Александра Фед., въ зам. Гарбинская, по втор. мужу Малковская, т. LXVII, 393.
Андро, Анна Алексѣевна, рожд. Оленина, † 1888 г., т. LXVII, 387—412, т. LXVIII, 310.
Андро, Антонина Фед., въ зам. Уварова, т. LXVII, 393, 394, 412.
Андро, Софья Фед., въ зам. баронесс. Стадъ-Голштейнъ, т. LXVII, 393.
Андро-де-Ланжеронъ, Фед. Александр., офиц., † 1885 г., т. LXVII, 391, 401.
Андро, Фед. Фед., полковн. 1889 г., т. LXVII, 391, 393.
Андронниковъ, К. В., чл. твер. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Андроновъ, Ф., думн. дворян., т. LXVIII, 562.
Андрусовскій, полковн. 1856 г., т. LXVI, 173, 174.

Анисимовъ, И., писат., 1876 г., томъ LXVIII, 771.
Анисимовъ, д. ст. сов., симбирск. губернат., т. LXVII, 192, 193, т. LXVIII, 484.
Аничковъ, Фаддей, надв. сов. 1786 г., т. LXV, 783.
Аничковъ, бригадиръ 1784 г., т. LXV, 781.
Анкудовичъ, педагогъ, т. LXV, 622.
Анна Іоанновна, импер.-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LXV, 115, 811, т. LXVI, 74, 127, 304, 351, 711, 727, т. LXVIII, 230, 305.
Анна Михайловна, царевна, т. LXVIII, 243.
Анна Павловна, вел. княг., въ супруж. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. LXV, 321, т. LXVIII, 523.
Анненцова, т. LXV, 638.
Анненковъ, Ив. Вас., спб. об.-подлицем. 1863 г., т. LXVII, 186.
Анненковъ, Ник. Никол., генер. 1855 г., т. LXV, 555, 558, 562, 563, 631, 673, т. LXVI, 59, т. LXVII, 154, 181.
Анненковъ, Пав. Васил., писатель, т. LXV, 643, 644, т. LXVII, 379, 381, 577, 578, т. LXVIII, 47, 51, 79, 80, 137, 763—766.
Антипа, г-жи, т. LXVI, 100.
Автовольскій, скульпт., т. LXVIII, 764.
Антонія, архимандритъ, т. LXVIII, 289.
Антоній, архіеп. Кишеневск., т. LXVIII, 579.
Антоній, намѣстн. Троицкой Лавры, 1851 г., т. LXVIII, 659.
Антоновскій, о. Стефанъ, протоіерей 1830 г., т. LXVI, 208.
Антоновскій-Прокоповичъ, Антонъ Антонов., рект. московск. унив., † 1848 г., т. LXVII, 481, 482.
Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, т. LXV, 59, 72.
Анурий, студ. 1846 г., т. LXV, 234.
Анфорова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8.
Анфоровъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 7.
Анучинъ, Дм. Гавр., т. LXV, 874, т. LXVI, 428.

- Апраксина, Елена Степ., см. Куракина.
- Апраксина, Софья Петровна, т. LXVII, 195.
- Апраксина, т. LXV, 328.
- Апраксина, Елена Степ., см. Куракина.
- Апраксинъ, Гр. Ст., т. LXVI, 647.
- Апраксинъ, гр., Степ. Фод., т. LXV, 88, т. LXVI, 578.
- Апраксинъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
- Апуктинъ, А., писатель, 1885 г., томъ LXVIII, 763.
- Апуктинъ, подполков., 1890 г., т. LXVI, 246.
- Апушкинъ, Никол., подпрап. 1800 г., LXVI, 138.
- Арачьева, Елисавет. Андреевн., рожд. Ветлицкая, р. 1750 г., † 1820 г., т. LXV, 600.
- Арачьевъ, гр., Алексѣй Андр., генер. артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXV, 22, 99, 600, т. LXVI, 79, 80, 177, 301, 327, 328, 484, 501, т. LXVIII, 4, 361, 499, 512, 516, 517, 538, 704, 711, 712.
- Арачьевъ, Андрей Андреев., поруч., † 1797 г., т. LXV, 600.
- Арачьевъ, ген.-маіоръ, 1737 г., т. LXV, 117.
- Арапетовъ, Ив. Павлов., чл. редакціон. ком., † 1887 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 58—60.
- Арбузовъ, Алексѣй Фод., ген.-ад., командиръ л.-гв. Павлов. полка 1828 г., † 1861 г., т. LXVI, 489, т. LXVII, 22, LXVIII, 84, 85, 88, 89, 90, 92, 94, 96, 98, 101, 112, 115, 117, 118, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 134.
- Аргутинскій-Долгорукой, кн., т. LXV, 495.
- Аристовъ, Ник. Яковл., профес., т. LXV, 344, 345, 622.
- Аркасъ, Н. А., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
- Армфельдъ, А. О., докторъ, т. LXVII, 630.
- Армфельдъ, гр., Густавъ-Маврикій, т. LXVIII, 305.
- Ардтъ, Никол. Фод., лейбъ-мед., т. LXVI, 478, т. LXVII, 122, 130.
- Арнольди, Ольга Ив., т. LXVII, 202.
- Арнольди, Александръ Ив., т. LXVII, 202.
- Арнольди, Левъ Ив., т. LXVI, 654, т. LXVII, 202, 283, 286, т. LXVIII, 359, 656.
- Арнольдъ, Ф. К., директ. Петровск. акад. въ 1876—1883 г., т. LXVIII, 548.
- Арсеній Мацѣевичъ, митроп. Ростовскій 1741, т. LXVI, 438.
- Арсеній, свщ. 1859 г., т. LXV, 135.
- Арсеній, іеромонахъ Троицк. лавр., т. LXVIII, 289.
- Арсеньева, Елена Мих., жена офи. 1812 г., т. LXV, 12.
- Арсеньевъ, Дм. Александр., т. LXVIII, 337 — 351.
- Арсеньевъ, Смоленской губ., 1863 г., т. LXVIII, 737.
- Арсеньевъ, К. К., писатель, т. LXVIII, 398, 762—773.
- Арсеньевъ, поруч. 1855 г., т. LXV, 757.
- Артанзиевъ, кн., Семенъ, останцій князь 1864 г., т. LXVIII, 457—460.
- Артемьевъ, А. И., археологъ, т. LXVIII, 290.
- Артлебенъ, архитект.-археологъ 1876 г., т. LXVIII, 740.
- Архангельскій, В. М., адъюнктъ-проф. 1820 г., т. LXV, 841.
- Арцимовичъ, Викт. Ант., д. тайн. сов., первоприсутств. въ I-мъ деп. сената, т. LXV, 874.
- Арцыбашевъ, т. LXVIII, 251, 298.
- Асенцова, актриса, т. LXVI, 20.
- Астафьева, Марья Петров., въ зам. Бергъ, т. LXV, 294.
- Астафьевъ, Н. А., профес., т. LXVI, 481.
- Астафьевъ, помѣщ. 1834 г., т. LXV, 12, 13.
- Астафьевъ, фл.-ад. 1838 г., т. LXVIII, 336.
- Асташевы, т. XLVI, 474.
- Астрахова, Татьяна Ал., т. LXVIII, 56.
- Астраховъ, Никол. Ив., т. LXVIII, 56.
- Астраховъ, Сергѣй Ив., т. LXVIII, 56, 57, 71, 72.
- Астраховы, т. LXVIII, 56, 57.

- Аурбахъ, И. Б., проф., т. LXVI, 472.
 Афанасьевъ, ученикъ 1884 г., т. LXV, 245.
 Афросимова, г-жа, т. LXVIII, 36.
 Ахматова, Елисавет. Ник., писательница, сообщ. «Осипъ Ивановичъ Сенковский», т. LXVII, 317—360, 569, упом. т. LXVI, 185—191.
 Ахматовъ, Алексѣй Петров., ген.-ад., об.-прокур. синода, т. LXVI, 70, 584, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 483.
 Ахматовъ, П. Н., т. LXVIII, 483.
 Ахматовъ, Фед. Никол., † 1848 г., т. LXVII, 345.
 Ахматовъ, ценз. 1853 г., т. LXVI, 31.
 Ахматовъ, т. LXVIII, 483.
 Ахметова — башкирскій шутъ 1850 г., т. LXVIII, 461—462.
 Ахтъ, докторъ 1797 г., т. LXV, 826, т. LXVII, 424.
 Афанасій, архіеп. Могил. и Витебск. 1802 г., т. LXVIII, 728.
 Афанасій, еписк., рект. спб. дух. акад. 1844 г., т. LXV, 42, 44.
 Афанасій, архіер. сарат., археологъ, т. LXVII, 561.
- Бабинскій**, физиологъ 1884 года, томъ LXV, 245.
 Бабтъ, профес., т. LXVII, 371, 590.
 Бабушинъ, полковн., ковенск. коменд. 1846 г., т. LXVI, 695.
 Баграціонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., род. 1756 г., † 1812 г., т. LXVI, 733, т. LXVIII, 530.
 Баграціонъ, кн., П. Р., флаг.-адъют. 1845 г., вполн. рижск. ген.-губернат., т. LXVI, 531, 567, т. LXVII, 181, 186.
 Ваевъ, Мих., ген.-маіоръ 1890 г., томъ LXVI, 240.
 Важанова, г-жа, т. LXV, 735.
 Важановъ, протоіерей, т. LXVI, 480, т. LXVII, 603.
 Важенковъ, Н. Н., чл. рязанск. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 560, 561.
 Важицъ, капит. 1830 г., т. LXV, 25.
 Вавилевскій, баталіон. команд. Полоде. кад. корп. 1836 г., т. LXVII, 248.
- Вавилевскій, полковникъ 1890 г., томъ LXVI, 246.
 Вайковъ, ген.-м. 1824 г., т. LXV, 122.
 Вакунина, В. И., т. LXV, 148.
 Вакуничъ, Мих. Александр., т. LXVIII, 51, 52.
 Валабинъ, В. В., русскій посоль при австр. дворѣ, т. LXVI, 261.
 Валажиревъ, шутъ, т. LXVI, 711.
 Валашева, Александра Ивановна, рожд. Пасковичъ, т. LXV, 68.
 Валлашинъ, т. LXV, 779.
 Валугьянскій, нач. II отд. собствен. е. и. в. канц., т. LXVI, 166.
 Вальдауфъ, писат., т. LXV, 321.
 Вальмонъ, К. Д., его стихотвореніе „Сотни лѣтъ назадъ звучало“, томъ LXVI, 360.
 Ванко, т. LXV, 30.
 Ванниковъ, офиц. 1834 г., т. LXVI, 4, 5.
 Вайтышъ-Каменскій, Дм. Никол., тайн. сов., писат., р. 1788 г., † 1850 г., томъ LXV, 819.
 Баранова, гр-ня, Анна, т. LXVI, 67.
 Баранова, Варвара Григорьевна, томъ LXVIII, 3.
 Баранова, Наталья Ив., рожд. Зоричъ, т. LXVIII, 3.
 Барановъ, Григ., офиц., т. LXVIII, 3.
 Барановъ, Н. М., нижегор. губернат., т. LXVIII, 564.
 Барановъ, гр., Никол. Трофим., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 180.
 Барановъ, гр., П. Т., тверск. губернат., т. LXVI, 716.
 Барановскій, Викт. Ив., т. LXVII, 598, т. LXVIII, 390, 468.
 Барановскій, Е. И., т. LXV, 874.
 Барановскій, т. LXVIII, 360.
 Баранцевичъ, писатель, 1880 г., томъ LXVIII, 767.
 Баратаевъ, кн., ген. 1835 г., т. LXVII, 81, 99, 107, 108, 115.
 Баратовъ, бывш. воспит. Конст. учил., т. LXVI, 247.
 Баратынскій, Евгеній Абрам., поэтъ, † 1814 г., т. LXVIII, 303.
 Бардовскій, бывш. восп. Дворян. полка, т. LXVI, 247.

- Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан,** воен. м-рь 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. LXVI, 141, 487, 736, т. LXVIII, 530.
- Барклай-де-Толли, кн., 1827 г., томъ LXV, 359.**
- Барковъ, т. LXV, 652.**
- Барсковъ, профес., 1790 г., т. LXVII, 482, 488.**
- Барсуковъ, Ал-дръ Пл., чл. археограф. комис., сообщ. „Юрій Александровичъ Головкинъ, 1834 г.“, т. LXVII, 222, 223, упом. т. LXVIII, 309.**
- Барсуковъ, Никол. Платонов., писат., т. LXVI, 683, 685, 686, 692, т. LXVIII, 284, 304.**
- Бартенева, Марія, т. LXV, 331.**
- Бартековъ, Ив. Осиповичъ, полковн., † 1834 г., т. LXVII, 222, 223.**
- Бартековъ, Ипатъ, т. LXVI, 63.**
- Бартековъ, Мих. Ив., предвод. дворян. Лицея. уезда, т. LXVII, 222, 223.**
- Бартековъ, Петръ Ив., издат. „Русск. Архива“, томъ LXV, 147, т. LXVII, 379, 632.**
- Бартековъ, Юрій Никитичъ, т. LXVII, 629, 630.**
- Бартоломей, ген.-м., псковск. губернат. 1837 г., т. LXVIII, 318.**
- Баршевъ, т. LXVI, 293.**
- Барыкова, Варв. Павл., рожд. Каблукова, т. LXVI, 477.**
- Барыковъ, В., сообщ.: „Княгиня Екатерина Романовна Дашкова“, т. LXV, 98, „Денисъ Васильевичъ Давыдовъ“, 130.**
- Барятинская, княг., Елисав. Дмитр., т. LXV, 488.**
- Барятинскій, кн., Александръ Ив., ген.-фельдмарш., намѣстн. Кавказа 1856—1861 гг., р. 1814 г., † 1879 г., т. LXV, 472, 479, 486, 488, 489, 495, 740, томъ LXVI, 605, 606.**
- Барятинскій, кн., Анатолий Ив., офиц. 1854 г., т. LXVI, 53, 60, 61.**
- Барятинскій, кн., Влѣт. Иванов., томъ LXVI, 51.**
- Барятинскій, кн., бригадиръ 1737 г., т. LXV, 117.**
- Басаргинъ, Николай Вас., декабрист., т. LXVIII, 344, 350.**
- Баскакова, Елис. Нв., т. LXVIII, 23.**
- Баскакова, жена офицера 1812 г., томъ LXV, 6, 7.**
- Батуричъ, подковникъ 1771 г., томъ LXVI, 121.**
- Батяновъ, подполковн. 1864 г., т. LXV, 477, 478.**
- Батюшкова, С. А., рожд. Зубова, томъ LXV, 811.**
- Батюшкова, Софья Евстаф., см. Памелобахъ.**
- Батюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 г., † 1855 г., т. LXV, 48, 822, т. LXVII, 388, 400.**
- Батюшковъ, Л. П., генер.-лейт., томъ LXVII, 436.**
- Батюшковъ, Помпей Никол., д. тайн. сов., поч. опекунъ, т. LXVIII, 309, 731.**
- Батюшковъ, П. Л., сенат., т. LXV, 822.**
- Бауеръ, Амалия Христиан., въ зам. Каченовская, т. LXVI, 688.**
- Бауеръ, В. В., проф., т. LXVI, 480.**
- Бауеръ, X. Б., штабъ-лекарь 1800 г., т. LXVI, 638.**
- Бахметевъ, генер.-майоръ 1737 г., томъ LXV, 116.**
- Бахметевы, г.-жн., т. LXVII, 280.**
- Вашуцкій, А. П., ген.-адъют. 1826 г., т. LXVI, 707, т. LXVIII, 379, 499, 505, 506, 513.**
- Веберъ, ген.-м. 1810 г., т. LXVII, 27.**
- Вебудовъ, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-вѣд., † 1858 г., т. LXV, 712, т. LXVI, 703.**
- Веважъ, Е., писат. 1888 г., т. LXVIII, 771.**
- Веважъ, ген. 1855 г., т. LXVI, 318.**
- Веабородко, кн., Александръ Андреев., вице-банда. 1763 г., † 1799 г., томъ LXVIII, 233, 236, 305.**
- Везкоровайный, прокуроръ въ Витебскѣ 1836 г., т. LXVII, 228.**
- Везобразовъ, Анд. Ильичъ, стольникъ 1684 г., т. LXV, 575—580.**
- Везобразовъ, А. М., чл. тверск. учед.-архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.**
- Везобразовъ, офиц. 1811 г., т. LXVII, 35.**
- Везобразовъ, офицеръ 1852 г., т. LXV, 639, т. LXVII, 617, 618, 622.**

Вароборовъ, Сементъ, 1896 г., т. XVIII, 734.
 Везнадовъ, Н. А., проф., т. LXV, 741.
 Векетова, Анна Петр., т. LXVII, 316.
 Векетова, Нат. Львовъ, т. LXVII, 316.
 Векетовъ, А. Н., проф., т. LXVIII, 770.
 Векетовъ, врачъ, т. LXV, 54.
 Векетовъ, цензоръ 1868 г., т. LXVII, 576.
 Вель, В. В., т. LXVI, 530, 533.
 Вельгардъ, Карлъ, ген. 1861 г., т. LXV, 745, томъ LXVI, 319, т. LXVII, 438, томъ LXVIII, 544, 678, 637—673.
 Велюстиахъ, Иоаннъ Степанъ, священ., † 1890 г., т. LXVII, 603.
 Вель, Елисаб. Меркурьевна, художница: т. LXV, 445, 458, 459.
 Венардажъ, т. LXVI, 42.
 Венардажъ, т. LXVII, 99, 120.
 Вендерскій, подполковн. 1864 г., томъ LXVIII, 484.
 Венедиктовъ, В., писат., т. LXVI, 46.
 Вениславскій, помѣщикъ 1836 г., томъ LXVII, 250.
 Венюковскій, Авг., т. LXVI, 120—122.
 Венкендорфъ, Анна, рожд. баронесса Шиллингъ-фонъ-Банштадтъ, томъ LXV, 827, 828, 831.
 Венкендорфъ, Дарья Христоф., въ зам. дивелъ, статья-дама, т. LXV, 827.
 Венкендорфъ, Марья Христоф., въ зам. Шеничъ, т. LXV, 827.
 Венкендорфъ, гр. Александръ Христоф., ген.-ад., шефъ-жандармъ, род. 1789 г., † 1844 г., т. LXV, 362, 365, 627, томъ LXVII, 115—132, 155, 696, 697, томъ LXVIII, 361, 612, 598.
 Венкендорфъ, Христоф. Ив., ген.-отъ-наф., т. LXV, 827.
 Вейнгоненъ, генл 1806 г., т. LXVI, 486, 729, 730, 737, томъ LXVII, 645, томъ LXVIII, 211.
 Вергеръ, поруч. 1890 г., т. LXVI, 247.
 Бергъ, Марья Петр., см. Астафьева.
 Бергъ, Вас. Владим., т. LXV, 294.
 Бергъ, Владим. (Валтеръ), офиц., артилл., т. LXV, 293.
 Бергъ, Никол. Васильев., писат., проф., кр. 1823 г., † 1884 г., носившая его записки 1796—1834 гг., т. LXV, 293—

319, упом. 712, 754, т. LXVI, 72, томъ LXVII, 182.
 Бергъ, гр., Оед.-Оед., ген.-фельдмарш., наместн. Царства Польскаго, т. LXV, 69—71, 283, т. LXVI, 595, 717.
 Берендиковъ, Я. И., т. LXVIII, 301.
 Березинъ, проф., т. LXVII, 371.
 Берже, Адольфъ Петров., председатель кавказск. археографич. комиссiи, род. 1828 г., † 1886 г., т. LXV, 475, томъ LXVII, 496, 523.
 Берингъ, москов. об.-полицiим. 1864 г., т. LXVI, 293.
 Верманъ, М. А., сообщ.: «Владимиръ Федоровичъ Лугвинъ, ученый русскiй химикъ», т. LXVI, 298.
 Вермарковскiй, т. LXV, 29.
 Версъ, Софья Андреев., см. Толстая, гр.-на.
 Версъ, докторъ, т. LXVII, 635.
 Версенева, А. Е., т. LXVIII, 562.
 Верте, правит. канц. гл. правл. цензуры 1859 г., томъ LXVI, 280, 612, томъ LXVIII, 174, 608, 609.
 Вертенсонъ, I. В., докт., т. LXVIII, 772.
 Верхманъ, Оед., генераль 1790 г., томъ LXVI, 144.
 Верхъ, г.-жа, т. LXV, 307.
 Верхъ, М. В., адмираль 1855 г., томъ LXV, 564.
 Веръ, генер.-шт.-докторъ 1855 г., томъ LXVI, 104.
 Веръ, т. LXV, 387, т. LXVII, 377.
 Вестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскiй), писат., декабристъ, род. 1797 г., † 1837 г., т. LXV, 591, томъ LXVII, 378, 379, 382, томъ LXVIII, 8, 502, 503.
 Вестужевъ, Григ. Васильев., симбирск. предвод. дворян. 1835 г., т. LXVII, 90, 99, 111, 120.
 Вестужевъ, Григ. Петр., т. LXVIII, 323.
 Вестужевъ-Рюминъ, гр., Алексiй Петровичъ, канцлеръ, т. LXV, 597, 598.
 Вестужевъ-Рюминъ, Б. П., профес., т. LXVIII, 284, 309, 311, 428.
 Вестужевъ-Рюминъ, декабр., т. LXVIII, 494—499, 502, 508.
 Вестужевъ, т. LXVII, 118.
 Ветаки, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.

- Ветини, архит. 1837 г., т. LXVII, 697.
 Вехтеръ, В., писат. 1880 г., т. LXVIII, 770.
 Вецкій, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., род. 1704 г., † 1795 г., т. LXV, 814, 817, 818, т. LXVIII, 302, 305.
 Вибиковъ, Дм. Гавр., кievскій генер.-губернат., вполн. мн-ръ внутр. дѣл 1853 г., томъ LXV, 36, томъ LXVI, 26, 629, 632.
 Вибиковъ, Николай Петров., симбирск., вполн. курск. губернат. (1860 г.), томъ LXVII, 173—175, 177, 178.
 Вибиковъ, полковн., команд. Охотскаго егер. полка 1854 г., т. LXV, 674.
 Вибиковъ, полковн. 1755 г., т. LXVIII, 723.
 Вибиковъ, помѣщикъ 1835 г., т. LXVII, 82, 83.
 Вибиковъ, сенат. 1837 г., т. LXVII, 693.
 Вибиковы, т. LXVII, 638.
 Виллиногаузенъ, капит., т. LXVI, 277.
 Вильбасовъ, Вас. Алексѣев., дѣйств. ст. сов., проф., соредакт. газ. «Голось», писатель, род. 1837 г., т. LXV, 595—599, 771.
 Вильдерлингъ, Александръ Александр., нач. Николаевск. кавалер. учил. въ Спб. 1886 г., сообщ.: «Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ, основанъ 18-го декабря 1883 г.», т. LXV, 589—594.
 Вишневъ, Ник. Никол., сенаторъ, томъ LXV, 874.
 Виронъ, принцесса, Бенigna Карловна, т. LXV, 830.
 Виронъ, принцесса, Екат. Карл., въ зам. гр-ня Вильгорская, томъ LXV, 820, 830, 831.
 Виронъ, принцесса, Каролина Карлов., т. LXV, 830.
 Виронъ, принц., Луиза Карл., въ зам. гр-ня Вильгорская, т. LXV, 820, 830, 831, т. LXVIII, 419, 420.
 Виронъ, принцесса, т. LXVII, 433.
 Виронъ, принцессы, т. LXV, 828, 831.
 Виронъ, Юганъ-Эрнестъ, герц. курл., р. 1690 г., † 1772 г., т. LXV, 812, 819, 820, 830, т. LXVI, 75.
 Виронъ, Карлъ, ген.-лейт. 1737 г., томъ LXV, 116.
 Виронъ, Карлъ-Магнусъ, генер.-майоръ 1737 г., т. LXV, 116.
 Виронъ, принцъ, Карлъ-Эрнестъ, томъ LXV, 830.
 Виронъ, Л. К., полковн. 1890 г., томъ LXVI, 240.
 Виронъ, принцъ, Петръ, т. LXV, 831.
 Вироны, т. LXV, 820.
 Вистромъ, Адамъ Ив., ген.-м. 1815 г., т. LXVI, 489.
 Вистромъ, Карлъ Ив., ген.-ад. 1828 г., т. LXVIII, 85, 119, 120, 123, 124.
 Влаговъщепенскій, Ник. Михайл., проф., т. LXVI, 293, т. LXVIII, 770, 771.
 Влюкъ, И. С., 1877 г., т. LXVIII, 773.
 Влохинъ, С. А., чл. орловск. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555, 569.
 Влудова, гр-ня, Анна, т. LXVII, 400.
 Влудова, гр-ня, Антонина Дм., камер-фрейлина, т. LXVII, 390, 401, 611, 614.
 Влудова, гр-ня, Лидія, фрейлина, томъ LXVII, 401.
 Влудова, гр-ня, т. LXVI, 572.
 Влудовъ, Дм. Никол., мн-ръ вв. дѣл, т. LXV, 48, 626, 630, 633, т. LXVI, 37—47, 83, 166, 623, 630—636, т. LXVII, 64, 69, 72, 74, 75, 86—88, 95, 96, 110, 137, 146, 147, 150—158, 190—192, 367, 369, 373, 376, 377, 382, 576—595, 609—625, 685, 692—695, т. LXVIII, 159, 164—166, 286, 287, 301, 398.
 Влюменфельдъ, докторъ 1876 г., томъ LXVI, 435.
 Влюкъ, проф. 1827 г., т. LXV, 361.
 Фонъ-Влюкъ, генер.-майоръ, т. LXVIII, 113—115.
 Влюкъ, т. LXVIII, 480.
 Влюхеръ, генераль 1814 г., т. LXVI, 736, 737.
 Воборывинъ, П. Д., писат. 1880 г., томъ LXVIII, 761.
 Воборывинъ, т. LXV, 830.
 Вобринская, гр-ня, Алексд. Алекс., см. Золотарева.
 Вобринская, гр-ня, Алексд. Петровна см. Ушакова.
 Вобринская, гр-ня, Анна Владим., см. Унгеръ-Штернбергъ.

- Вобринская, гр-ня, Дюна Алексѣевна, род. 1886 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Екат. Алексѣевна, въ зам. княг. Святополкъ-Мирская, фрейл., р. 1864 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Екат. Алексѣевна, род. 1883 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Елена Андр., род. 1884 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Елена Павл., въ зам. графиня Эмбрехтъ-Дюрштеймъ-Монмартенъ, фрейлина 1881 г., р. 1857 г., т. LXVI, 226.
- Вобринская, гр-ня, Елена Петр., см. Шувалова.
- Вобринская, гр-ня, Лидія Алексѣв., см. Горчакова.
- Вобринская, гр-ня, Лидія Павл., въ зам. маркиза Пуччи, род. 1827 г., т. LXVI, 225.
- Вобринская, гр-ня, Людм. Павл., фрейлина, въ зам. Вутурлина, р. 1856 г., т. LXVI, 226.
- Вобринская, гр-ня, Людм. Степ., см. Колпашикова.
- Вобринская, гр-ня, Марія Алексѣевна, въ замуж. княг. Гагарина, † 1835 г., т. LXVI, 222.
- Вобринская, гр-ня, Над. Алексѣевна, род. 1884 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Ольга Георг., род. 1888 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Ольга Ив., см. Трубецкая, княжна.
- Вобринская, гр-ня, Ольга Павл., въ зам. гр-ня Энгестромъ, р. 1825 г., † 1888 г., т. LXVI, 224.
- Вобринская, гр-ня, Софія Алексѣевна, род. 1866 г., т. LXVI, 226.
- Вобринская, гр-ня, Софія Алексѣевна, род. 1887 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Софія Андреевна, род. 1882 г., т. LXVI, 227.
- Вобринская, гр-ня, Софія Васил., въ замуж. гр-ня Келлеръ, род. 1837 г., т. LXVI, 225.
- Вобринская, гр-ня, Софья Прокоф. см. Соковина.
- Вобринская, гр-ня, Юлія Алексѣевна, род. 1867 г., т. LXVI, 226.
- Вобринская, гр-ня, Юлія Павл., въ зам. гр-ня Шверская, во второмъ бракѣ гр-ня Платеръ, въ третьемъ—виконтесса де-Жюльманъ, фрейлина, род. 1823 г., т. LXVI, 224.
- Вобринская, гр-ня, Юл. Ст., см. Сабаккина.
- Вобринской, гр., Александръ Александровичъ, кам.-юнкеръ, род. 1855 г., т. LXVI, 226.
- Вобринской, гр., Александръ Алексѣевичъ, спб. губернат. 1861 г., р. 1823 г., т. LXVI, 223, т. LXVII, 186.
- Вобринской, гр., Александръ Андреев., род. 1887 г., т. LXVI, 227.
- Вобринской, гр., Алексѣй Александров. вице-презид. акад. худож., р. 1852 г., т. LXVI, 225.
- Вобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1796 г., † 1797 г., т. LXVI, 222.
- Вобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., дѣйств. ст. сов., штабмейстеръ, род. 1800 г., † 1868 г., т. LXVI, 222.
- Вобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1861 г., † 1862 г., т. LXVI, 226.
- Вобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1861 г., т. LXVI, 227.
- Вобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1864 г., т. LXVI, 226.
- Вобринской, гр., Алексѣй Васильев., егермейст., чл. госуд. сов., р. 1831 г., † 1888 г., т. LXVI, 225.
- Вобринской, гр., Алексѣй Григ., ген.-м., род. 1762 г., † 1813 г., т. LXVI, 221.
- Вобринской, гр., Алексѣй Павл., мн-ръ пут. сообщ., р. 1826 г., т. LXVI, 224.
- Вобринской, гр., Андрей Александров., кам.-юнк., р. 1859 г., т. LXVI, 226.
- Вобринской, гр., Василій Алексѣевичъ, род. 1860 г., † 1861 г., т. LXVI, 227.
- Вобринской, гр., Василій Алексѣевичъ, тульск. предвод. дворян., род. 1804 г., † 1874 г., т. LXVI, 223.
- Вобринской, гр., Владим. Александр., поручикъ, род. 1853 г., † 1877 г., томъ LXVI, 225, 226.
- Вобринской, гр., Владим. Алексѣев., род. 1863 г., т. LXVI, 227.

- Вобриной, гр., Владим. Алексѣев., офиц., р. 1867 г., т. LXVI, 226.
- Вобриной, гр., Владим. Алексѣев., тов. м-ра пут. сообщ., ген.-лейт., род. 1824 г., т. LXVI, 223, 224.
- Вобриной, гр., Влад. Георгиев., род. 1886 г., т. LXVI, 227.
- Вобриной, гр., Георгій Александров., шт.-ротм., р. 1863 г., т. LXVI, 226.
- Вобриной, гр., Левъ Алексѣев., род. 1878 г., т. LXVI, 226.
- Вобриной, гр., Левъ Алексѣев., шт. ротм., р. 1831 г., т. LXVI, 224.
- Вобриной, гр., Пав. Алексѣев., шт.-ротм., род. 1801 г., † 1830 г., томъ LXVI, 222.
- Вобриной, гр., Пав. Алексѣев., род. 1869 г., т. LXVI, 226.
- Вобриной, гр., Пав. Павл., р. 1829 г., † 1860 г., т. LXVI, 225.
- Вобриной, гр., Петръ Алексѣев., род. 1869 г., т. LXVI, 226.
- Вобриной, гр., 1857 г., томъ LXVI, 552, 553.
- Вобриной, гр., гл. директ. Царскос. ж. д. 1839 г., т. LXV, 322, 323.
- Вобриные, графы, родословіе, томъ LXVI, 221—227.
- Вогавскій, Мих. Ильичъ, полковникъ, батал. команд. Констант. учил., род. 1846 г., † 1889 г., т. LXVI, 241, 248.
- Вогданова, Надежда Конст., батерина, т. LXV, 279.
- Вогдановъ, Александръ Иван., офиц. 1812 г., т. LXV, 4—6.
- Вогдановъ, А. К., артистъ, томъ LXV, 250, 279.
- Вогдановъ, Владиміръ, полковн., томъ LXVI, 247.
- Вогдановъ, К. К., т. LXV, 279.
- Вогдановъ, К. О., гл. режис. московск. балетн. труппы, т. LXV, 279.
- Вогдановъ, С. Ф., т. LXVIII, 563.
- Вогдановъ, купецъ, т. LXVIII, 320.
- Вогдановы, т. LXV, 278.
- Вогдановичъ, Викт., офиц., † 1855 г., т. LXVI, 92, 96.
- Вогдановичъ, Влад., офицеръ 1854 г., т. LXVI, 92, 96, 103.
- Вогдановичъ, Модестъ Ил., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LXV, 90, 166, т. LXVIII, 525—523, 762, 764.
- Вогдановичъ, Орестъ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 92.
- Воголюбовъ, студ. спб. ун-в. 1858 г., т. LXVII, 608.
- Вогуславскій, докторъ, † 1853 г., томъ LXVI, 38.
- Вогуславскій, драматич. арт. 1830 г., т. LXV, 25.
- Вогушевскій, полковн., т. LXVI, 96.
- Воденштедтъ, Фридрихъ, поэтъ и проф., переводч. на нѣмеч. яз. стихотвореній Лермонтова, Пушкина и др., т. LXV, 593, 594.
- Водяной, Осипъ Максимовичъ, проф. моск. ун-в., р. 1808 г., † 1877 г., т. LXV, 54, 387, 396, 428, т. LXVI, 134, т. LXVIII, 200—203.
- Водяной, инспект. Петр. полт. кад. корп., т. LXVI, 394, 398, 406, 407.
- Воевъ, купецъ 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Вожериновъ, Ив. Ник., сообщ. Петръ Фодоровичъ Соколовъ 1787—1848 г., т. LXVI, 657—660.
- Воконъ, докт., т. LXV, 239.
- Вокъ, г-жа, т. LXV, 829, т. LXVII, 429.
- Вокъ, И. С., т. LXVI, 472.
- Волотниковъ, т. LXV, 399.
- Волотова, Евал. Алексѣев., т. LXV, 399.
- Волотовъ, Андр. Тим., р. 1738 г., † 1833 г., т. LXV, 8, т. LXVI, 231.
- Волотовъ, В. И., чл. гвар., учен. арт. ком-е. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Вонтоячъ, полк. 1861 г., т. LXV, 745.
- Воравскій, докт. 1881 г., т. LXV, 24.
- Воревскій, куп., т. LXVIII, 320.
- Ворещкій (Пустошкинъ), П. П., артист., т. LXV, 621.
- Ворисовъ, полк. 1890 г., т. LXVI, 339.
- Ворисъ Годуновъ, царь, т. LXVI, 78, т. LXVII, 454, томъ LXVIII, 562, 733, 734, 736.
- Ворновскій, т. LXV, 308.
- Ворляевъ, смбир. полиціймейст. 1861 г., т. LXVIII, 484.
- Воровиковскій, худож., т. LXVIII, 230.

- Воровиковскій, еписк., т. LXV, 390, LXVI, 382.
- Вородинъ, капит. 1808 г., т. LXVII, 18, 19.
- Вородинъ, полк. 1828 г., т. LXVIII, 84.
- Вородинъ, т. LXV, 329.
- Вородинъ, Конст. Матвѣевъ, почетн. слб. учебн. окр. 1826 г., т. LXV, 644.
- Вородинъ, откупц. 1838 г., т. LXVIII, 337, 338, 339.
- Вородина, смоленск. губернат. 1868 г., т. LXVIII, 738.
- Вортняновскій, сѣч. дух. муз., т. LXVI, 166.
- Воронъ, гр., витебск. предвод. двор. 1837 г., т. LXVII, 231, 694, 695.
- Воткинъ, Вас. Петр., писат., т. LXVIII, 137.
- Воткинъ, Серг. Петр., † 12 дек. 1889 г., т. LXVI, 229—238.
- Вотышевъ, Магарь Петр., горн. исправн. 1829 г., т. LXV, 223.
- Вочкаревъ, бывш. восп. Конст. учил. т. LXVI, 247.
- Воаршиновъ, А. Г., горн. инж., т. LXV, 615, 617, т. LXVI, 259.
- Фонъ-Брадье, ген.-майор. 1737 г., т. LXV, 117.
- Брадье, попоч. кievск., вноск. дерптск. уч. окр., т. LXV, 368, 369, т. LXVI, 278.
- Брайловскій, С., сообщ. «Васил. Иван-Туманскій. Изъ его бумагъ», т. LXVII, 378—386.
- Браведъ, прапорц. 1849 г., т. LXVI, 356.
- Брандтъ, двѣица, въ зам. Денъ, т. LXV, 60.
- Брандтъ, Яковъ, почтмейст. 1712 г., т. LXVI, 350.
- Браницкая, гр.-ни, рожд. Голыинова, т. LXV, 552, т. LXVIII, 493, 495.
- Браницкій, гр., Алексан., т. LXV, 552.
- Браницкій, гр., Владисл., т. LXV, 652.
- Брантъ, Христоф., купецъ, 1695 г., т. LXVIII, 253.
- Брантъ, Львовъ, кадетъ 1734 г., т. LXV, 352.
- Вревертъ, г.-жа, рожд. Глѣбова-Стрѣшневъ, т. LXV, 75.
- Вревортъ, фл.-адм., т. LXVII, 181.
- Врезовскій, подполк. 1890 г., т. LXVI, 246.
- Врей, гр., баварскій послан. 1824 г., т. LXVII, 450.
- Брейтшнга, пѣвецъ 1834 г., т. LXVI, 19.
- Брикнеръ, подполк., 1836 г., т. LXVII, 248, 274—277.
- Брикнеръ, А. Г., профес., т. LXVIII, 751.
- Брилинцовъ, чл. конекстор. 1847 г., т. LXVII, 233.
- Де-Бридинъ, инжен., ген.-м. 1737 г., т. LXV, 117.
- Де-Бридинъ, ген.-м., квартирм. 1737 г., т. LXV, 117.
- Брисморъ, подпор. 1830 г., т. LXVIII, 123.
- Брисморъ, дир. канцел. воен. мин., 1857 г., т. LXVII, 363.
- Бровцынъ, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.
- Брокъ, мин. фин. 1855 г., т. LXVI, 206, 536, 575, 619, т. LXVII, 361, 369, 580, 586.
- Броновскій, ген.-губ. в. Сибири 1859 г., т. LXVI, 47, т. LXVIII, 168.
- Брониковскій, Ксаверій, т. LXV, 632, 634, 692, 694, 704.
- Броньяръ, А., ученый, т. LXVI, 508.
- Броссе, акад., т. LXVII, 587, т. LXVIII, 300.
- Броходцкій, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Брунновъ, бар., русск. посоль въ Лондонѣ 1856 г., т. LXV, 281, 285, т. LXVI, 11, 512.
- Брунъ, Ф. К., т. LXVIII, 306.
- Брыловъ, секундъ-майор. 1791 г., т. LXV, 768.
- Брюллова, С., т. LXVIII, 761, 769.
- Брюлловъ, Алексан. Павл., архитект., т. LXVIII, 328.
- Брюлловъ, Карлъ Павл., художникъ, т. LXVI, 660, т. LXVII, 410, 411.
- Брюлловъ, Фед. Пав., профес. художн., р. 1793 г., † 1869 г., т. LXVI, 660.
- Брюмеръ, ген. 1830 г., т. LXV, 718.

- Врюсъ, Александръ Роман., т. LXVI, 348.
- Врюсъ, Романъ Виллим., т. LXVI, 347—350.
- Врюсъ, гр., Яв. Виллим., нижев.-астрон. 1712 г., т. LXVI, 347—349, т. LXVII, 546, 547.
- Врюсъ, ген. 1784 г., т. LXVI, 133.
- Врянская, Авд. Як., см. Панаева.
- Врянскій, актеръ 1834 г., т. LXVI, 19, 33.
- Врянцовъ, профес., т. LXVII, 482.
- Вубликъ, офиц. 1828 г., т. LXVIII, 88.
- Вугаевъ, математ. 1885 г., т. LXV, 245.
- Вудбергъ, баронесса, см. Убри.
- Вудбергъ, бар., Андр. Яковл., ген.-отъ-инф., мин. ин. дѣлъ 1806 г., т. LXV, 144, 145, 155, 335, т. LXVIII, 308.
- Вудбергъ, Г. А., русск. посолъ въ Вѣнѣ 1857 г., т. LXVI, 70, т. LXVII, 164—170, 610.
- Вудно, г., т. LXVII, 274, 275.
- Вудиловичъ, А., профес., т. LXVI, 725.
- Вужениновъ, Моисей Степан., сержантъ Преображ. полка 1694 г., т. LXVIII, 252.
- Вукосвѣденъ, гр., лифляндск. ген.-губерн. 1804 г., т. LXV, 345, 346, 347, 349.
- Вукосвѣденъ, гр., генер. 1808 г., т. LXV, 99, 100.
- Вулатовъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.
- Вулашевичъ, поруч. 1890 г., т. LXVI, 247.
- Вулгазова, Елисавет. Ник., сообщ.: «Епископъ Кириллъ Мелитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Вулгазову 1857—1865 гг.», т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211—220, т. LXVIII, 187—208.
- Вулгазовъ-Голиця, кн., Мих. Иванов., московск. бояринъ, родонач. князей Голицыныхъ, † 1558 г., т. LXVIII, 236.
- Вулгазовъ-Журама, кн. Андрей Ив., р. одонач. князей Журакиныхъ, т. LXVIII, 236.
- Вулгазовъ, симбир. губернат. 1845 г., т. LXVI, 653.
- Вулгазовъ, т. LXVII, 580, 581, 598.
- Вулгарина, т. LXV, 359.
- Булгаринъ, Оад. Венедикт., р. 1789 г., † 1860 г., писатель, т. LXV, 42, 46, 53, 359, 371, 373, 381—384, 637, 647, т. LXVI, 47, 287, 675, 676, т. LXVII, 155, 333, 340, 364.
- Будичъ, Ник. Никит., т. LXVI, 273.
- Бунге, Николай Христіанов., предст. комит. мн-въ, чл. госуд. сов., т. LXV, 874, 875, 877, 879, т. LXVIII, 773.
- Бунаковский, профес. 1882 г., т. LXV, 244, т. LXVI, 282, 616, 617.
- Бурачковъ, П. О., т. LXVIII, 306.
- Бурачковъ, С. О., т. LXV, 135, т. LXVIII, 379, 380.
- Бурдинъ, О. А., артистъ, т. LXVIII, 764.
- Буренинъ, В. А., писат., т. LXVIII, 763.
- Бурнашовъ, бригадиръ 1790 г., т. LXVI, 144.
- Вуслаевъ, О. И., профес., т. LXVIII, 765.
- Вуссау, полковн. 1854 г., т. LXVIII, 673.
- Вуссе, т. LXVII, 449.
- Вутаковъ, флотск.-офиц., впоследствии адмиралъ, 1855—1858 гг., т. LXV, 236, т. LXVI, 100, 102, 104.
- Вуташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас. см. Петрашевскій.
- Вутенантъ фонъ-Розенбушъ, Андрей Ив., комиссаръ датск. короля 1695 г., т. LXVIII, 253.
- Вутеневъ, лейтенантъ 1788 г., т. LXV, 784.
- Вутеневъ, послан. въ Константинополь, т. LXVIII, 404.
- Вутера, княгиня, рожд. Шаховская, по перв. мужу Шувалова, т. LXVI, 647.
- Вутера-Радаи, кн., т. LXVI, 647.
- Вутковский, т. LXVIII, 80.
- Вутковъ, Видм. Петр., государств. секрет. 1857 г., впоследствии членъ госуд. совѣта, т. LXV, 638, т. LXVII, 374.
- Вутковъ, П. Г., сенат., чл. акад. наукъ † 1857 г., т. LXVII, 374.
- Вутовскій, А. И., сенаторъ, т. LXVI, 261, 507, 508.
- Вутовскій, В. Д., шт.-кап., т. LXVI, 494.
- Вутурлина, Людм. Павл., см. Бобринская, гр-ня.
- Вутурлинъ, Д. П., директ. спб. публич. библиот., т. LXVIII, 285.

- Вутурлинъ, Дм.**, воен. писатель, предсѣд. комит. 1848 г., т. LXV, 385, 386, 399—401, т. LXVIII, 504.
- Вутурлинъ, Дм. Сергѣев.**, т. LXVI, 226.
- Вутурлинъ, Иванъ**, т. LXVIII, 249, 250, 251.
- Вутурлинъ, Никол. Александр.**, т. LXV, 234, 630.
- Вутурлинъ, С. П.**, ген.-лейт. 1857 г., т. LXVII, 164.
- Вутурлины**, т. LXV, 233.
- Вутагинъ**, при посольствѣ во Франціи 1806 г., т. LXV, 156.
- Вухмейеръ, ген.-м.** 1854 г., т. LXVIII, 668.
- Фонъ-Бухъ, Леопольдъ**, геологъ, т. LXVI, 10, 11, 254—256, 259, 261.
- Вушь, бригадиръ** 1712 г., т. LXVI, 349.
- Вылинъ, поруч.** 1783 г., т. LXV, 780.
- Выстроглазова, Марья Ант.**, см. Корсиня.
- Вълявовъ, Аванас. Ѳед.**, академикъ, чл. госуд. совѣта, д. тайн. сов., р. 1818 г., т. LXVII, 443, т. LXVIII, 279—297, 488.
- Вѣгичевъ, сенат.** 1847 г., т. LXVII, 289.
- Вѣлевичъ, профессоръ**, т. LXVIII, 357.
- Вѣлевичъ**, т. LXVIII, 357.
- Вѣлковичъ, воспит. учил. правовѣд.** 1848 г., т. LXVIII, 377—379.
- Вѣлковичъ, полков. предв. двор.** 1836 г., т. LXVII, 261, 262.
- Вѣльнъ, П. Г.**, полковн. 1857 г., ген.-м. 1888 г., т. LXV, 491, 492.
- Вѣлинскій, Виссаріонъ Григ.**, р. 1810 г., † 1848 г., т. LXVI, 191, т. LXVII, 203, 210, 285, т. LXVIII, 54, 55, 625, 756, 757, 764.
- Вѣловерская, Надежда Александр.**, сообщ.: «Василій Трофимовичъ Нарѣжнѣй», т. LXVII, 469—527; «Двадцати-пятилѣтіе „Вѣстника Европы“, 1866—1890 г.», т. LXVIII, 749—782.
- Вѣлосельская, княгиня**, т. LXVIII, 501.
- Вѣлосельская-Вѣловерская, княжна, Е. М.**, въ замуж. барон. Черкасова, т. LXV, 819.
- Вѣлосельскій-Вѣловерскій, кн., А. М.**, презид. акад. худож. 1807 г., т. LXVIII, 217.
- Вѣлохъ, П. Н.**, педагогъ, т. LXVI, 478.
- Вѣлуха-Жохановскій, М. А.**, сообщ.: «Воспоминанія парксосельск. лицейста IV выпуска 1820—1826 г.», т. LXV, 833—849, упом. т. LXVI, 238, 397.
- Вѣльгъ, Ив.**, 1851 г., т. LXVIII, 663.
- Вюлеръ, баронес., Александра Евстаф.**, см. Пальменбахъ.
- Вюлеръ, бар., А. Я.**, д. т. с., сенаторъ, т. LXV, 822, т. LXVII, 435.
- Вѣлявскій, поруч.** 1857 г., т. LXVI, 409.
- Вюлеръ, бар., В. А.**, т. LXV, 822.
- Вюлеръ, баронесса, Е. А.**, т. LXV, 822.
- Вюлеръ, бар., Ѳед. Анд.**, сообщ.: «Императрица Екатерина II; рескриптъ ея княгинѣ Дашковой», т. LXV, 98. «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ, 1797—1802 гг.», 809—832. «Александръ Васильевичъ Суворовъ. Письмо къ князю Григ. Александр. Потемкину», т. LXVI, 132—133. «Императрица Екатерина II», 672. «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея письмахъ къ Лафонъ и Пальменбахъ, рожд. баронессѣ Черкасовой, 1797—1802 гг.», 823—832, и т. LXVII, 413—436; «Императрица Марія Ѳеодоровна въ 1807 г.», т. LXVIII, 215—219.
- Вядльгъ, Г. М.**, ген. 1855 г., т. LXVI, 321, 585, 601, т. LXVII, 442.
- Вагановъ, Мирзасекъ, майоръ** 1774 г. т. LXV, 790, т. LXVI, 107—119.
- Вагнеръ, профес.**, т. LXV, 430, томъ LXVIII, 770.
- Вадковская, Софья Ѳед.**, см. Тимирязева.
- Вадковскій, Ив. Ѳед.**, полковн., команд. Семен. полка 1820 г., т. LXVIII, 304.
- Вадковскій, Ѳед. Ѳед.**, ген.-поруч., камергеръ 1796 г., т. LXV, 830, томъ LXVI, 484.
- Вавселя, Платонъ**, сообщ.: «Антонъ Рубинштейнъ; къ литературѣ о немъ и его дѣятельности», т. LXV, 242.
- Валицкій, химикъ**, 1881 г., т. LXV, 244—246.
- Валуа, В. П.**, т. LXVIII, 414.
- Валуевъ, гр. Петръ Александръ**, чл. госуд.

- совета, † 1890 г., т. LXV, 857—863; упом. т. LXVI, 689, т. LXVII, 186, 187, 188, 584.
- Вальбергъ, шт.-кап. 1890 г., т. LXVI, 494, 495.
- Вальбрехтъ, Валерьянъ Никит., томъ LXVII, 579, 581.
- Вальцъ, докторъ 1860 г., т. LXVIII, 384, 400, 605.
- Вановичъ, прапорщ. 1855 г., т. LXVI, 316.
- Варвинскій, О. В., докт., т. LXVII, 630.
- Варенцовъ, инж.-поруч. 1835 г., томъ LXVII, 127, 128, 129.
- Варнандеръ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Варнекъ, профес. 1858 г., т. LXV, 389, 390, т. LXVIII, 618, 619.
- Варпаковский, чиновн. 1856 г., т. LXVI, 584.
- Варсонофій, еписк. тверск. 1320 г., т. LXVIII, 562.
- Василевскій, кап. 1890 г., т. LXVI, 246.
- Василевъ, И. И., чл. Нижегород. учен. архивн. Комис. 1889 г., т. LXVIII, 558, 559.
- Василій I, вел. князь Московскій, томъ LXVII, 486.
- Василій Ивановичъ Шуфскій, царь, † 1612 г., т. LXV, 91, 92.
- Василій, кн. Звенигородскій. 1595 г., т. LXVIII, 734.
- Василій Дужинскій, архіерей 1847 г., т. LXVII, 240, 246, 700, т. LXVIII, 380.
- Васильевъ, бар., вполн. гр., Алексій, мин. финан., т. LXV, 617, 831, т. LXVII, 433.
- Васильевъ, П., сообщн. Архансіей Прокофьевичъ Шаповъ 1863 г., т. LXVII, 217—218. «Надиробная курьезная выдпись»—218.
- Васильевъ, Петръ, т. LXV, 721, 722.
- Васильевъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Васильевъ, свидц. 1857 г., т. LXV, 132.
- Васильчикова, княжна, т. LXVI, 212.
- Васильчиковъ, А., кн., земскій дѣят., писат. 1885 г., т. LXVIII, 771—773.
- Васильчиковъ, кн., Александръ Илларионовичъ, т. LXV, 751—753.
- Васильчиковъ, еписк. Викт. Илларионовичъ, ген.-адъют. 1855 г., т. LXV, 226, 326, 331, 744, 748, 750, 751, 752, т. LXVI, 57, 58, 302, 303, 313, 626, т. LXVII, 181, 581, 586, 598.
- Васильчиковъ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 121, т. LXVI, 729.
- Васильчиковы, т. LXVI, 265.
- Васюгинскій, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Вахрамѣевъ, Яв. Александр., т. LXVI, 692.
- Вашутинъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 712.
- Введенскій, Ир. Ив., педагогъ и писатель, т. LXV, 687, 688, т. LXVI, 244, 246, 450, 627.
- Ведмежеръ, Н. А., полковн., команд. резервн. п.-гв. Павлов. пол. 1854 г., т. LXVI, 490, 491.
- Вейденбахъ, А. П., т. LXV, 609, 610, 613.
- Вейденбахъ, Шарлота Ил., т. LXV, 610.
- Веймаръ, А. П., фл.-кап. 1850 г., т. LXV, 80, т. LXVII, 182, т. LXVIII, 676.
- Веймаръ, Петръ Фредр. ген.-м. 1890 г., т. LXV, 739.
- Вейсбергъ, Д. Ф., чл. рязан. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Вейсбергъ, Подръ Исаевъ, писат., т. LXVIII, 693, 763.
- Вейссъ, Андр. Андреевъ, офиц., т. LXVIII, 229.
- Вейссъ, Екат. Андр., см. Дьяковъ.
- Вейссъ, С., профес., т. LXV, 604, томъ LXVI, 513, 514, 519, 520.
- Вейссъ, Софья Андреевн., въ зам. ин.-Трубецкая, т. LXVII, 228, 229.
- Вейссъ, чл.ст. приставъ въ Вильнѣ 1612 г., т. LXVII, 228.
- Вейссъ, т.-жа, см. Фридрихсъ.
- Вейценбрейеръ, ген.-м., дир. горн. корп., т. LXVI, 1.
- Велижковскій, кадетъ Петров. Полтав. корп. 1857 г., т. LXVI, 403, 405.
- Вельбрехтъ, т. LXVII, 586.
- Вельбуловыча-Паллоненая, Иозефина Ад., см. Сайцова.
- Вельяшева, г.-жа, т. LXVII, 387.

- Ведерговъ, С. А., 1890 г., т. LXVIII, 764, 766.
- Венгратскій, презд. Варшавы 1831 г., т. LXV, 633, 684, 691.
- Веневидновъ, А., писат., т. LXVII, 399.
- Веневитиновы, т. LXVIII, 355.
- Веніаминъ, еписк. Черниговск., т. LXV, 883, т. LXVII, 476.
- Венюковъ, Мих. Из., ген.-майор., ученый и писатель, сообщ.: „Русскіе въ Парижской академіи наукъ въ 1881—1888 гг.“, томъ LXV, 243—246; учен. т. LXVI, 243, 244, 247, томъ LXVIII, 468, 770.
- Венюковъ, П., ученый, т. LXV, 246.
- Веревкинъ, генер. 1878 г., т. LXV, 749.
- Веревкинъ, Мих. Лавр., чинов. 1890 г., т. LXVIII, 732.
- Веревкинъ, д. LXVIII, 412.
- Верещагина, Ал., т. LXV, 593.
- Верещагинъ, Вас. Васильев., художн., т. LXV, 654, т. LXVIII, 770.
- Верещагинъ, Д. Н., москов. об.-полицій-мейстеръ, т. LXVI, 576.
- Верещагинъ, т. LXVIII, 527.
- Веригинъ, Конст. Мих., кап. 2 ранга 1854 г., т. LXV, 659, 678, 680.
- Веригинъ, Никол. Вят., подпоручикъ 1830 г., т. LXV, 713.
- Верманъ, баронесса, см. Жуковская.
- Вернадскій, Ив. Вас., изд. газеты, томъ LXVIII, 174.
- де-Вернелъ, Эдуардъ, геологъ, т. LXV, 601, 603, 606, т. LXVI, 11, 12, 15, 20, 28, 251, 252, 254, 261, 261, 268, 266.
- Вернеръ; т. LXV, 346.
- Веровскій, драм. арт. 1830 г., т. LXV, 25.
- Верпаховскій, флотск. офиц. 1850 г., т. LXVI, 85.
- Верховскій, П. И., т. LXVIII, 307.
- Веселицкій, ген.-м. 1854 г., т. LXVIII, 668, 671, 673, 675.
- Веселовскій, А. Н., профес., XLVIII, 752, 766—771.
- Веселовскій, Кон. Ив., д. т. сов., непрем. секрет. акад. наукъ 1857 г., т. LXVII, 377, 589.
- Вессель, шт.-кап. 1855 г., т. LXVI, 581,
- Вестфаленъ, бригадиръ 1790 г., т. LXVI 144.
- Ветлицкая, Елис. Андр., см. Аракчеева.
- Вигель, Ф. Ф., т. LXV, 144, 155, 212, т. LXVII, 222.
- Виллуанъ, Екат. Ив., см. Гардеръ.
- Визапурскій, кн., прапорщ. 1830 г., т. LXVIII, 121, 122.
- Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель т. LXVI, 28.
- Фонъ-Визинъ, Ив. Сергѣев., т. LXVI, 175—183.
- Визинскій, Ник. Ив., т. LXVI, 702.
- Викторовъ, Алексѣй Егоров., археографъ, т. LXVIII, 294, 305, 308.
- Вигулина, т. LXV, 3, 4, 6, 7, 8, 9.
- Вигулинъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 1.
- Вилеринскій, помѣщ. 1826 г., томъ LXV, 251.
- Вилламова, А. В., т. LXVIII, 399, 400.
- Вилламовъ, ст.-секретарь, т. LXV, 810.
- Виллибрантъ, бар., команд. Азовск. пѣх. пол. 1855 г., т. LXV, 659, 664, 665, 670, т. LXVI, 305.
- Виллуанъ, Александръ Ивановичъ, педагогъ-музыкантъ. † 1878 г., т. LXV, 247—280.
- Виллуанъ, Васил. Юльев., скрипачъ директ. Нижегород. отд. рус. муз. общ. т. LXV, 250, 276, 278.
- Вильбоа, помѣщ. 1827 г., т. LXV, 360.
- Вильбоа, Александръ Никит., генераль-фальдцеймейстеръ, т. LXV, 822.
- Вилькенъ, ген.-м., команд. Дворян. пол. 1828 г., т. LXVIII, 82, 84.
- Вильскій, т. LXV, 694.
- Винюсъ, Андрей, дьякъ посольск. приказа 1695 г., т. LXVIII, 253.
- Винне, флотск. офиц. 1849 г., т. LXVI, 85.
- Виноградовъ, Ив. Васильев., педагогъ, т. LXVII, 531, 544.
- Виноградовъ, учитель 1830 г., т. LXV, 310.
- Винтергальтеръ, час. маст. т. LXVI, 165.
- Виске, Н., писат., т. LXVII, 196.
- Висковатовъ, А. В., воен. историкъ, т. LXVI, 732.
- Висковатовъ, Констант. Александр., сообщ.: „Князь Иванъ Θεодоровичъ Паскевичъ“, т. LXVI, 702—705.

Висковатовъ, Пав. А., профес. дерптск. унив., т. LXV, 590.

Висковатовъ, ген. 1854 г. т. LXVI, 282.

Витали, И. П., скульпт., т. LXVI, 660.

Витбергъ, Фед. Лаврентьевъ, архитект., т. LXV, 302, 303.

Витгенштейнъ, вн., Эмиль, фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.

Витгенштейнъ, гр., фельдмарш. 1828 г., т. LXV, 119, т. LXVI, 727, 729, 731, 735, 738, т. LXVII, 45, 386, т. LXVIII, 490—492, 516.

Витовтовъ, Пав. Александр., генералъ 1848 г., т. LXV, 69, 659, т. LXVII, 294, 314, 315, т. LXVIII, 475.

Витте, Екат. Андр., рожд. Фадѣева, т. LXVI, 189.

Витте, Фед. Фед., попочит. варшавск. учебн. окр., т. LXVI, 717, 718, 720, 721, 722.

Виттъ, гр., варшав. ген.-губ. 1830 г., т. LXV, 329, 739.

Вихаревъ, Мих. А., подполковн. 1889 г., т. LXVI, 239.

Вишневскій, И. И., чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563, 564.

Виельгорская, гр-ня, Екат. Карл., см. Биронъ, принцесса.

Виельгорская, гр-ня, Луиза Карловна. см. Биронъ, принцесса.

Виельгорская, гр-ня, Софья Мих., см. Соллогубъ.

Виельгорская, гр-ня, т. LXVI, 641, томъ LXVII, 209.

Виельгорскій, гр., Мих. Юр., об.-шенкъ, т. LXV, 820, 880, т. LXVI, 645, 647.

Виельгорскій, гр., М. Ю., т. LXV, 71

Виельгорскій, гр., т. LXVI, 523, 524.

Виельгорскіе, графы, т. LXV, 830, томъ LXVI, 639, 643, 648, т. LXVII, 195, т. LXVIII, 355.

Владиміръ, св., вел. князь 992 г., томъ т. LXV, 881, т. LXVII, 485, т. LXVIII, 236.

Владиміръ Александровичъ, великій князь, т. LXVI, 478, т. LXVIII, 721, 730.

Владиміръ, Давидовичъ, князь, томъ LXVIII, 293, 299.

Владиміръ, Мономахъ, великій князь, т. LXV, 883.

Владиславлевъ, жандарм. офицеръ, изд. альманаха „Утренняя заря“, т. LXV, 41.

Власовъ, Георг. Петр., ген.-лейт., томъ LXVI, 239, 240, 248.

Де-Вогюэ, виконтъ, т. LXVII, 650.

Водовозовъ, Вас. Ив., педагогъ, писатель, р. 1825 г., † 1886 г., т. LXV, 235, т. LXVIII, 765, 772.

Водовскій, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.

Воейкова, А. А., т. LXVI, 572.

Воейковъ, Александръ Фед., профес., писатель, т. LXV, 244.

Воейковъ, Платонъ Александр., фл.-ад. 1853 г., т. LXV, 79, 80, т. LXVII, 182.

Воейковъ, майоръ 1737 г., т. LXV, 118.

Военскій, К., сообщ.: „Побѣгъ Бениюскаго изъ Камчатки 1771 г.“, т. LXVI, 120—122.

Вознесенскій, П. М., чл. тверск. уч. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.

Вознесенскій, полковн., команд. Могилевскаго полка 1855 г., т. LXVI, 315, 599, 600, т. LXVII, 164, 442.

Вознесенскій, ученый 1884 г., т. LXV, 245.

Возницкій, мн-ръ юстиц. Ц Польскаго, т. LXV, 32.

Война-Куринской, кол. сов. 1836 г., т. LXVII, 251, 253.

Войнова, рожд. Гиберъ-ф.-Грейффенфельсъ, † 1845 г., LXVIII, 717—719.

Войновъ, Алексд. Львов., ген.-отъ-кав. и ген.-ад. 1826 г., р. около 1770 г. † 1832 г., т. LXVIII, 513, 717, 719, 727.

Войткевичъ, еписк., т. LXVI, 382.

Войцеховичъ, Алексѣй Ив., директ. канцел. об.-прокур. синода 1844 г., впоследствии членъ госуд. совѣта, т. LXV, 42, т. LXVII, 157, 600.

Войцеховскій, поруч. 1890 г., т. LXVI, 246.

Войчинскій, т. LXV, 723, 724.

Волкова, М. А., т. LXVIII, 769.

Волковскій, т. LXVII, 555.

Вольковъ, фл.-ад. 1854 г., т. LXV, 745, т. LXVI, 62.

Вольковъ, камеръ-пажъ, т. LXV, 846.

- Волковъ, чиновн. 1854 г. т. LXVI, 280.
- Волконовая, княжна, Марія, въ зам. гр-ня Толстая, т. LXVII, 646, т. LXVIII, 274.
- Волконская, свѣтлѣйшая княг., супруга мн-ра двора, т. LXVI, 257.
- Волконовая, княгиня, т. LXVI, 704.
- Волконскій, кн. А., совѣтн. посольства въ Вѣнѣ 1857 г., т. LXVII, 170.
- Волконскій, кн. Григ. Петр., попеч. слб. уч. окр. 1844 г., т. LXV, 38, 42, 45, 46, 52.
- Волконскій, кн., М. Д., фл.-ад. 1840 г., т. LXVII, 181.
- Волконскій, кн., Мих., кадетъ 1737 г., т. LXVI, 352.
- Волконскій, кн., М. Н., ген.-аншефъ 1771 г., т. LXVIII, 301.
- Волконскій, кн., Мих., фл.-ад. 1856 г., т. LXVI, 306.
- Волконскій, свѣтлѣйшій кн., Петръ М., мн. двора и удѣловъ, фельдм., р. 1776 г., † 1853 г., т. LXV, 87, 88, 114, 843, т. LXVI, 257, 331, 569, 578, 659, 729, т. LXVII, 91—117, 130, 229, 308, томъ LXVIII, 11, 233, 303, 534.
- Волконскій, кн., ген.-интенд., т. LXV, 210.
- Волконскій, кн., т. LXV, 132.
- Волконскіе, князья, т. LXVII, 388.
- Воловскій, т. LXV, 732.
- Волончевскій, еписк., т. LXVI, 382.
- Волоховъ, т. LXVI, 87.
- Вольдемаръ, королевичъ Датскій, томъ LXVI, 343—345.
- Волховская, Марья Васильевна, рожд. Малиновская, т. LXV, 104.
- Волховскій, Вл. Дм., нач. штаба на Кавказѣ 1833 г., т. LXV, 104.
- Волавагъ, Дм., т. LXVII, 525.
- Вонлярская, Анна Александр., въ зам. Денъ, т. LXV, 574, томъ LXVII, 161, 162.
- Вонлярская, Вѣра Дм., т. LXVII, 161.
- Вонлярская, Елисавета Алекс., см. Храповицкая.
- Вонлярсковій, Александръ Александр., т. LXVI, 301, 592, т. LXVII, 161, 162.
- Вонлярсковскій, писатель, т. LXV, 592,
- Воронихинъ, архитект. 1800 г., т. LXV, 617.
- Вороновъ, П. Н., полковн. 1890 г., томъ LXVI, 494.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., Мих. Семен., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXV, 44, 45, 375, 560, т. LXVI, 512, т. LXVII, 409, т. LXVIII, 26 27, 233.
- Воронцовъ, гр. Сем. Мих., т. LXVII, 193.
- Воронцовъ, гр., Семенъ Роман., рус. посолъ въ Англій, т. LXV, 146, 147, 153.
- Воронцовъ-Дашковъ, кн., т. LXV, 71.
- Воронцовы, графы, т. LXVI, 177.
- Воропановъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
- Воропоновъ, Ѳ., писат., т. LXVIII, 770—773.
- Воскресенскій, педагогъ 1854 г., томъ LXVI, 293, т. LXVII, 556—558.
- Востокъ, Авдій (Антоній Могилевскій), писатель, т. LXVI, 715.
- Востокъ, А. А., сообщ.: „Помѣщикъ XVII-го в.—стольникъ А. П. Безобразовъ“, т. LXV, 575—580.
- Востокъ, Александръ Христоф., анал., т. LXVI, 291, т. LXVII, 611, т. LXVIII, 285, 293, 298, 299.
- Врангель, г-жа, см. Шафнагель.
- Врангель, Карлъ Егор., ген. 1856 г., т. LXVI, 586, 587, 606, 607.
- Врангель, ген.-лейт., директоръ Петров. полтав. кад. корп. 1852 г., т. LXVI, 394, 395.
- Врангель, бар., ген.-ад. 1864 г., томъ LXVIII, 484.
- Врангель, профес. 1821 г., т. LXV, 841, т. LXVI, 238.
- Вранкенъ, майоръ 1845 г., т. LXVI, 518, 519.
- Вревскій, баронъ, т. LXVII, 642.
- Вредъ, фл.-ад. 1839 г., т. LXV, 326.
- Вронченко, Ѳед. Павл., мн-ръ финанс., † 1852 г., т. LXV, 645, т. LXVI, 575.
- Вронченко, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 278.
- Врончскій, Мих. Антонов., подпоруч. 1855 г., вполн. ген.-м., т. LXV, 757.
- Всеволожская, т. LXV, 329.
- Всеволожскій, т. LXVIII, 505.

Воегенрихъ, бар., т. LXVII, 401.
 Вувотичъ, флотск. офиц., т. LXVI, 87.
 Вульфъертъ, ген.-м. 1865 г., т. LXVI, 665.
 Вуншъ, полковн. 1854 г., т. LXV, 659,
 т. LXVI, 50.
 Высокый, Никол. Петров., ген. 1796 г.,
 т. LXVI, 682.
 Высоцкая, Марія Петровна, т. LXVI, 682.
 Высоцкий, офиц. 1830 г., т. LXV, 29, 690.
 Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ,
 ннѣ мнѣ. финансовъ, д. тайн. совѣтн.,
 т. LXV, 650, т. LXVI, 481, 615.
 Вюртембергскій, герцогъ, Александръ,
 попочит. инстят. пуг. сообщ., т. LXV, 331.
 Вяземская, княгиня, т. LXVII, 380.
 Вяземскій, кн., Андрей Ив., нижегород.
 в пензенск. ген.-губ. 1796 г., т. LXVIII,
 559.
 Вяземскій, кн. Л. Д., нач. бригады болгарскаго ополч. 1877 г., т. LXV, 654.
 Вяземскій, кн., Петръ Андреев. тов.,
 мнѣ. нр. просв. 1855 г., т. LXVI, 627,
 629, 633, 634, 636, т. LXVII, 136, 150,
 156, 158, 365, 397, 470, 580, 582, 583,
 586, 596, т. LXVIII, 150, 354, 356, 393,
 657.
 Вязмитиновъ, Ив., премьеръ-маіоръ,
 † 1818 г., т. LXVI, 124.
 Вязмитиновъ, ген., Сиб. главноком.
 1813 г., т. LXVIII, 704, 707, 708.
 Вязвскій, О. С., священ., т. LXVII,
 533, 540.

Гаагъ, гр-ня, т. LXVI, 541, 544.
 Гавриловъ, Н. Н., ген.-лейт. 1890 г.,
 т. LXVI, 240, 243.
 Гагарина, княг., Марья Алексѣевна, см.
 Бобринская, гр-ня.
 Гагаринъ, кн., Гр. Гр., фл.-ад. 1845 г.,
 т. LXVII, 181.
 Гагаринъ, кн., И. С., іезуитъ, т. LXV,
 132.
 Гагаринъ, кн., Никол. Серг., гофмейст.,
 † 1842 г., т. LXVI, 222.
 Гагаринъ, кн., П. П., т. LXVII, 361.
 Гагаринъ, кн., при посольствѣ въ Франц.
 1806 г., т. LXV, 156.

Гагаринъ, кн., ученый 1881 г., т. LXV,
 244.
 Гагаринъ, кн., воспит. учил., правовѣд.
 1848 г., вносл. ген.-маіоръ, т. LXVIII,
 377, 379.
 Гагаринъ, кн., т. LXV, 401.
 Гагаринъ, кн., керченск. градовав.
 1854 г., т. LXV, 668.
 Гагарины, князья, т. LXVIII, 378.
 Галемейстеръ, писат., т. LXVIII, 298.
 Галернъ, полковн., его записки, 1839 г.,
 т. LXV, 321—339.
 Галъ, Луиза Ив., т. LXVIII, 39, 41, 702.
 Галевскій, Викт. Павл., юристъ, писатель,
 † 1889 г., т. LXV, 652, т. LXVI, 45,
 т. LXVII, 334, 356.
 Галевскій, Пав. Ив., т. LXVI, 278, 612, 637.
 Галбовъ, бывш. восп. Конст. учил., т.
 LXVI, 247.
 Галаганъ, Григ. Павл., бывш. чл. редакц.
 комм., вносл. чл. госуд. сов., † 1888 г.,
 т. LXV, 873, 875, 877, т. LXVIII, 164.
 Галаховъ, Алексѣй Дмитр., писатель-
 педагогъ, род. 1807 г., т. LXVII, 470,
 473, 476, 522, 577, томъ LXVIII, 183,
 752, 761.
 Галаховъ, А. П., чл. рязанск. архива во-
 мис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
 Галаховъ, Ив. Павлов., т. LXVIII, 39.
 Галаховъ, сиб. об.-полиціймейст. 1849 г.,
 LXVI, 541, 543, 545.
 Галичъ, профес. 1828 г., т. LXVI, 276.
 Галенинъ-Враскій, Мих. Никол., тайн.
 совѣтникъ, т. LXVII, 633.
 Фавъ-Гальтенъ, Антонъ, биографъ А. Г.
 Рубяштейна, т. LXV, 242.
 Гамалѣй, С. И., 461.
 Гамалѣй, предсѣд. одесск. коммерц. суд.
 1852 г., т. LXV, 640.
 Гамалѣй, полковн. 1827 г., т. LXV, 363.
 Гаммалея, тамбовск. губерват. 1837 г.,
 т. LXVII, 691, 692.
 Гампфъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
 Ганджера, кн., Николай, докт. юриди-
 наукъ, р. 1836 г., т. LXVIII, 470.
 Гангардтъ, полковн. 1854 г., т. LXVI,
 58, 59.
 Ганковская, помѣщица 1812 г., т. LXV,
 16, 17.

е-Ганонъ, инженеръ, майоръ 1734 г., т. LXVI, 351.
 Ганъ, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат.-романистка, † 1842 г., т. LXVI, 185—191.
 Ганъ, Зинаида Ив., рожд. Жиркевичъ, т. LXVII, 705.
 Ганъ, бар., т. LXVI, 173.
 Гарбинская, Алекс. Фөр., см. Андро.
 Гарбинскій, т. LXVII, 393.
 Гардеръ, Екат. Ив., въ зам. Видлуанъ, т. LXV, 265, 276, 279.
 Гардеръ, Марія, т. LXV, 265, 269.
 Гардеръ, Надежда, т. LXV, 265, 269.
 Гардеръ, собѣзскій городнич. 1837 г., т. LXVIII, 678.
 Гартунгъ, чиновн. 1853 г., т. LXV, 84.
 Гастверъ, подполк. 1799 г., т. LXVIII, 712.
 Гассенъ, писатель, т. LXV, 797—799.
 Гатцукъ, Алексій Алексѣевичъ, писат., т. LXVI, 134.
 Гаузе, графиня, т. LXV, 331.
 Гаузе, воен. мн-ръ Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32, 718.
 Гацкскій, Александръ Серафимовичъ, т. LXVIII, предсѣд. нижегор. ученой арх. комис. 1889 г., 560, 563, 567, 570.
 Гашиинскій, т. LXV, 694.
 Гвоздиновъ, Е. Гр., сообщ.: „Николай Ивановичъ Костомаровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ“, т. LXVI, 207—209.
 Гебгардъ, Иванъ Карловичъ, студ. слб. унив. 1820 г., т. LXV, 374, т. LXVIII, 394.
 Гебель, полковникъ, команд. Чернигов. пѣх. пол. 1825 г., т. LXVIII, 492, 494, 495, 499.
 Геденштромъ, Матв. Матвѣев., т. LXV, 307, 308.
 Гедине, профес., т. LXV, 741.
 Гедиминъ, вел. кн. литовскій, т. LXVIII, 236.
 Гедлеръ, Егоръ Ив., т. LXVIII, 336.
 Гедронъ, кн., прапорщ. 1800 г., т. LXVI, 139.
 Гедройцъ, кн., т. LXV, 75.

Гежелинскій, Ф. Ф., правит. дѣлъ комит. мн-въ 1830 г., т. LXVI, 169.
 Гейденъ, гр., Ф. А., нач. штаба 1-го пѣх. корп. 1845 г., т. LXVII, 181.
 Гейзингъ, баронесса, рожд. Лафонъ, т. LXV, 821, 830, т. LXVII, 420.
 Гейзингъ, баронессы, т. LXV, 820.
 Гейзингъ, бар., презид. юстицъ-коллеж., т. LXV, 820, 821.
 Гейманъ, ген.-м. 1864 г., т. LXV, 473, 475, 476, 478.
 Геймаръ, генер. 1825 г., т. LXVIII, 493.
 Гелгудъ, ген. 1831 г., т. LXV, 701.
 Гельвихъ, ген.-м., динаб. коменд. 1837 г., т. LXVII, 266, 267.
 Гельмерсенъ, А., офиц. 1833 г., т. LXV, 594.
 Гельмерсенъ, Л. А., т. LXV, 594.
 Гельмерсенъ, Г. П. геологъ, т. LXV, 602, т. LXVI, 9, 10, 11, 12, 15, 16.
 Гендримова, Екат. Сергѣевна, т. LXV, 761.
 Гендриновъ, Андрей, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
 Гендельтъ, арт., т. LXV, 254, 256, 260, 261.
 Геннади, Г. Н., т. LXV, 764, 774.
 Геннингъ, майоръ, 1854 г., т. LXVIII, 675.
 Георгиевскій, профес., т. LXV, 649.
 Георгій Александровичъ, вел. князь, т. LXV, 812.
 Георгій Всеволодовичъ, вел. князь, т. LXVIII, 570, 572.
 Георгій XII, царь грузинскій, 1801 г., т. LXVII, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 502.
 Герасимовъ, поруч. 1830 г., т. LXVIII, 119, 120.
 Герасимъ, епископъ 1865 г., т. LXVIII, 379, 380.
 Гербаневскій, Левъ, секундъ-майоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
 Гебель, Никол. Васил., писат., т. LXVII, 378, т. LXVIII, 692, 762.
 Гебель, Дан. Карл., фл.-ад., полковн. 1857 г., т. LXVI, 52—54, т. LXVII, 164, 167, 182.
 Герве, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 26.
 Гервеги, т. LXVIII, 51.
 Гергардъ, подпоруч. 1831 г., т. LXV, 700.

- Германъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
 Гернетъ, Рудольфъ, гласн. гапсальск. думы 1889 г., т. LXVII, 529.
 Гернетъ, архитект. 1868 г., т. LXVIII, 323.
 Герсеновъ, полковн. 1854 г., т. LXVIII, 668.
 Герстенцвейгъ, А. Д., ген.-ад. 1857 г., т. LXV, 226, 565, 686, 705, т. LXVI 62, 607, 608, т. LXVII, 178, 181.
 Геруа, ген.-ад., директ. вѣж. департ. 1849 г., т. LXVI, 354.
 Герценъ, Александр. Александр., професс., т. LXV, 231, 449, т. LXVIII, 40, 42, т. LXVIII, 603.
 Герценъ, Александр. Ив., писат. и публицистъ, род. 1812 г., † 1870 г., т. LXV, 53, 229, 230, 231, 232, 302, т. LXVII, 583, 587, 612, 614, 615, 616, 618, т. LXVIII, 22, 33, 34, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 51, 55, 56, 57, 58, 62, 76, 138, 764.
 Герценъ, Наталья Александр., т. LXVIII, 37, 39, 40, 41, 42, 49, 50, 51, 56, 65, 79.
 Герцены, т. LXVIII, 47, 51.
 Герье, В. И., писат. 1872 г., т. LXVIII, 754, 766, 769.
 Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, генер.-фельдцейхмейст. 1737 г., т. LXV, 115.
 Гессъ, Г. И., акад., 1834 г., т. LXVI, 2, 3.
 Гечевичъ, Л. В., т. LXVI, 594.
 Гешвендъ, А. Р., инж., т. LXV, 741.
 Гжелинскій, витебек. вице-губернаторъ 1837 г., т. LXVII, 668, 674.
 Гиберь-фонъ-Грейффенфельсъ, Александръ Ив., землевладѣлецъ, 1890 г., томъ LXVIII, 716, 721.
 Гиберь-фонъ-Грейффенфельсъ, Ив. Матв., шт.-ротм., † 1866 г., т. LXVIII, 717, 718.
 Гилленшмидтъ, ген.-инспект. артилл., † 1856 г., т. LXVI, 582, 583.
 Гильдебрантъ, ген. 1863 г., т. LXV, 858.
 Гильднеръ, т. LXVI, 657.
 Гильфердингъ, Александръ Фед., ученый и писатель, род. 1831 г., † 1872 г., т. LXVI, 453, т. LXVIII, 300, 754, 771.
 Гиляровъ, цензоръ, т. LXVII, 576.
 Гиппиусъ, докт. 1860 г., т. LXVI, 180, 181, 182.
 Гирсъ, А. А., сообщ.: «Графъ Александръ Черногорскій—султанъ Яхія въ 1885—1625 гг.», т. LXV, 797—808.
 Гирсъ, Александръ Карлов., чл. редак. комм., род. 1815, † 1880 г., т. LXV, 878.
 Глаголевъ, Александръ Алексѣев., учил. т. LXV, 310.
 Гладкій, Василій Осипов., подполковн., т. LXVI, 35.
 Гладкій, Осипъ Ив., кошев. атаманъ Запорожск. Сѣчи, р. 1789 г., † 1866 г., т. LXVI, 35.
 Гладковъ, купецъ, т. LXVI, 207.
 Глазенацъ, фл.-ад. 1839 г., т. LXV, 329.
 Глазуновъ, книгопродавецъ, т. LXVIII, 114.
 Глинка, Мих. Ив., композит., род. 1804 г., † 1857 г., т. LXVII, 389, 632.
 Глинка, Серг. Никол., писатель, т. LXVI, 687.
 Глинка, Фед. Никол., писатель-роман., † 1880 г., т. LXV, 855, т. LXVI, 707, т. LXVII, 285, 652, т. LXVIII, 560.
 Глинка, витебек. полиціймейст. 1837 г., т. LXVII, 676.
 Глинка, капит. 1855 г., т. LXV, 561.
 Глинка-Мавринъ, Борисъ Григорьев.-ген.-ад., т. LXVI, 261.
 Глинская, помѣщица 1790 г., т. LXV, 75.
 Глушкова, Н. Ив., рожд. Жирневъ, т. LXVII, 705.
 Глушковъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 232, 242, 263, 265, 272, 676.
 Глѣбова-Стрѣшнева, см. Бревнеръ.
 Глѣбовъ-Стрѣшневъ, т. LXV, 75.
 Глѣбовъ, Ив. Тимоѣев., профес., вице-презид. слѣб. мецц. акад. 1860 г., т. LXVI, 231, т. LXVIII, 405, 407.
 Глѣбовъ, стихотворецъ, т. LXVIII, 530.
 Глѣбичъ, Никол. Ив., писат., † 1833 г., т. LXVII, 388, 389, 393, 394, 395, 396.
 Гоголь, Г. Г., т. LXVIII, 305.
 Гоголь, Фед. Григорьев., генер. 1822 г., т. LXV, 715.
 Гоголь, камеръ-пажъ, т. LXV, 816.
 Гоголь, Елис. Васильевна, т. LXV, 554.
 Гоголь, Никол. Васильев., писат., рожд. 1809 г., † 1852 г., т. LXV, 48, 49, 50, 387, 407—427, 587, 641, 642, 644, 645, 647, 648, 649, 850—856, т. LXVI, 2

30, 31, 47, 287, 639—656, т. LXVII, 157, 195—212, 279—291, 332, 473, 648, т. LXVIII, 12, 274, 302, 306, 353—364, 603, 606, 655—664, 765.

Голенищевъ-Кутузовъ, Мих. Илар., см. Кутузовъ.

Голенищевъ-Кутузовъ, спб. ген.-губ., т. LXVI, 707.

Голицына, княг., Евдокія Мих., рожд., Нарышкина, т. LXVIII, 26.

Голицына, княгиня, т. LXVII, 207.

Голицынъ, кн., Александръ Мих., вице-канцл., р. 1723 г., † 1807 г., т. LXVIII, 304.

Голицынъ, кн., Александръ Никол., мн-ръ духовн. дѣлъ и просвѣщ., р. 1773 г., † 1814 г., т. LXV, 351, 353, 843, т. LXVI, 162, т. LXVII, 264, 265, т. LXVIII, 509—512.

Голицынъ, кн., Борисъ Алексѣев., т. LXVIII, 240, 241, 242, 245, 246, 247, 257, 258.

Голицынъ, кн., Вас. Васильев., † 1713 г., т. LXV, 575, т. LXVIII, 239, 240, 242, 245, 247.

Голицынъ, кн., В. Д., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.

Голицынъ, кн., Дм. Владим., моск. ген.-губ., р. 1771 г., † 1843 г., т. LXVI, 180.

Голицынъ, кн., Дм. Мих., стольникъ 1710 г., т. LXVIII, 443.

Голицынъ, кн., Ив. Александр., т. LXV, 714.

Голицынъ, кн., Л. Л., губ. предвод. дворянства, предсѣд. сарат. губернска. ученой архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559, 569.

Голицынъ, кн., М. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 181.

Голицынъ, кн., Николай Серг., ген.-отъ-инф., р. 1809 г., іюня 16-го, профес. воен. исторіи въ воен. акад. съ 1834 по 1848 г., сообщ.: „Вой при Иденсальми въ Финляндіи 15-го окт. 1808 г.“, т. LXV, 99—103; „Тѣлесныя наказанія въ Россіи и ихъ отиѣна“, томъ LXVI, 73—83; „Русскіе солдаты въ прусской службѣ 1713—1817 г.“, 125—132; „Замѣтки възъ воспоминаній кн. Н. С. Голи-

цына“, 706—712; „Къ исторіи С.-Петербургa и его наводненій 1703—1890 г.“, т. LXVIII, 221—227; „Очерки и воспоминанія: 1. Янтарная комната больш. Царскосельскаго дворца; 2. Необыкновенный исправникъ 1820-хъ гг.; 3. Два событія възъ моеи жизни, 1848—1849 и 1865—1869 гг.“, 365—381; „Наводненіе 7-го ноября 1824 г. въ Петербургъ“, 535—540; упом. 461, 476.

Голицынъ, кн., Петръ Алексѣевичъ, т. LXVIII, 444.

Голицынъ, кн., Сергѣй, авторъ стихотворенія въ г-жѣ Андро, томъ LXVII, 388, 396.

Голицынъ, кн., Серг. Мих., предсѣд. московск. опеке сов., вполн. попеч. моск. учебн. окр. съ 1830—1835 гг., т. LXV, 810, т. LXVII, 290, 291, 413.

Голицынъ, кн., Серг. Павл., чл. редакц. комм., † 1888 г., т. LXV, 873.

Голицынъ, кн., генер. 1774 г., т. LXVI, 113.

Голицынъ, князь, ротмистръ 1810 г., т. LXVII, 26.

Голицынъ, кн., прапорщикъ † 1855 г., т. LXV, 757.

Голицынъ, кн., русск. послан. въ Берлинѣ 1733 г., т. LXVI, 127.

Голицынъ, кн., Мих. Алексѣев., шуть, обѣнч. въ лед. домѣ, т. LXVI, 711.

Голицынъ, кн., Фирсъ, т. LXV, 66.

Голицыны, князья, т. LXVIII, 236.

Голландъ, пѣвецъ, т. LXVI, 19.

Головачева, А., т. LXVIII, 773.

Головачева, Авд. Як., см. Панаева.

Головачевъ, А., писат. 1876 г., томъ LXVIII, 773.

Головинскій, Игнатій, архіеп. могилевскій 1853 г., писатель, т. LXV, 390, 630, т. LXVI, 27, 164, 381—391, 631.

Головинъ, Е. А., докт., его очерки: „Сергѣй Петровичъ Боткинъ, † 12-го декабря 1889 г.“, т. LXVI, 229—238.

Головинъ, Евг. Александр., ген., главноком. кавказск. армію 1831 г., т. LXVI, 333, 358, т. LXVIII, 513.

Головинъ, Фед. Алексѣев., т. LXVIII, 258.

Головинъ, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.

- Головинскій, Н. А., доцентъ казанск. унив., т. LXVI, 472.
- Головинъ, об.-камерг. 1839 г., т. LXV, 327.
- Головинъ, гр., Александръ, послан. при прусск. дворѣ 1717 г., т. LXVIII, 366.
- Головинъ, гр., Гавр. Ив.; канцлеръ, т. LXVII, 223, т. LXVIII, 8.
- Головинъ, Гавр., постельничій 1682 г., т. LXVIII, 242, 247, 248.
- Головинъ, графъ, Юрій Александръ, † 1846 г., т. LXVII, 222, 223.
- Головинъ, Александръ Вас., ст.-секрет., р. 1821 г., † 1886 г., т. LXV, 281, 428, т. LXVIII, 691.
- Головинъ, чл. пермск. архивн. комис. 1890 г., т. LXVIII, 557.
- Голомбѣвскій, А. А., архивистъ, чл. сарат. губернска. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
- Голохвастовъ, Д. П., т. LXVIII, 423—437.
- Голохвастовъ, П. П., т. LXVIII, 423—437.
- Голохвастовы, т. LXVIII, 423—437.
- Голубева, Александра Егоровна, въ зам. Ботларевская, т. LXVII, 533, 548.
- Голубевъ, протоіерей, † въ 1820-хъ гг., т. LXVII, 532.
- Голубевы, т. LXVII, 533.
- Голубинскій, т. LXVI, 652.
- Голубцевъ, т. LXVIII, 564.
- Голый, Никита, атаманъ 1710 г., т. LXVIII, 443.
- Голынская, см. Браницкая, гр-ня.
- Гольдгоеръ, ген.-м., команд. Павловск. полка 1852 г., т. LXVI, 490.
- Гольдгоеръ, Фед. Григ., ген., директ. Царскосельск. линей 1825 г., т. LXV, 839, 840, 842, 846, 847, т. LXVI, 238.
- Гольденбергъ, М., писат., т. LXVIII, 770.
- Гольдъ, Е. Р., офиц. 1811 г., т. LXVII, 37.
- Гольмдорфъ, Мих. Густавов, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240, 243, 246, 248, т. LXVII, 14—16.
- Гольштинскій, принцъ, полковн. 1737 г., т. LXV, 118.
- Фонъ-Гольштейнбекъ, герцогъ, генер.-лейт., т. LXVI, 484.
- Гонарогуло, бѣлостокскій губернаторъ 1837 г., т. LXVII, 691.
- Гонгардтъ, атаманъ новороссійск. каз. войска 1869 г., т. LXV, 556.
- Гончарова, Наталья Николаевна, въ зам. Пушкина, † 1863 г., т. LXVII, 387.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писател., р. 1811 г., т. LXVI, 589, 635, т. LXVII, 607, 643, т. LXVIII, 167, 171, 274, 534, 759—761.*
- Гончаровъ, Михаилъ, сообщ.: „Полковникъ Сабошинскій 1854 г.“, т. LXVI, 609.
- Горбуновъ, Ив. Федор., артистъ, томъ LXVIII, 66, 138.
- Гордонъ, Петръ, генер. 1695 г., т. LXVIII, 246.
- Гордѣевъ, полковн. 1854 г., т. LXV, 677.
- Горловъ, профес. 1858 г., т. LXVII, 614, 616, т. LXVIII, 141.
- Горностаевъ, академикъ, архитекторъ, т. LXVIII, 323.
- Городецкій, Сем. Васильев., т. LXV, 600.
- Городиновъ, В. А., т. LXVIII, 561.
- Горюхинъ, Ив. Никол., т. LXVIII, 73.
- Горюкій, профессоръ, т. LXVIII, 304.
- Горчакова, княжна, Лидія Алексѣевна, въ зам. князя Вобринская, † 1820 г., т. LXVI, 223.
- Горчаковъ, кн., Александръ Мих., генер.-маіоръ, р. 1798 г., † 1883 г., т. LXV, 291, 498, 861, томъ LXVII, 610, 624, т. LXVIII, 180, 397.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., ген.-ал., р. 1792 г., † 1861 г., т. LXV, 89, 570, 572, 573, 574, 675, 676, 744, 745, 750, 751, 752, 754, 861, т. LXVI, 95, 97, 156, 157, 172, 594, 698, т. LXVII, 40, 181, 182, 183, 194, 642, т. LXVIII, 152, 154, 542—544, 665, 667, 676.
- Горчаковъ, М. И., протоіерей, профес., т. LXVII, 529, 530.
- Горчаковы, князья, т. LXVII, 646.
- Готовскій, ген.-маіоръ, 1824 г., т. LXV, 122.
- Гофманъ, Э. К., профессоръ, 1846 г., т. LXVI, 532.
- Гофманъ, пѣвецъ, т. LXVI, 19.
- Гохъ, Андрей Ив., т. LXVIII, 5.

- Грабе, † 1843 г. (убить на Кавказѣ), т. LXVI, 647.
- Граббе, полковн. 1825 г., т. LXVIII, 490.
- Граббе, ген.-ад. 1862, † 1863 г. въ Польшѣ, т. LXVI, 300, 501.
- Грабовская, гр-ня, т. LXV, 31.
- Грабовскій, гр., ин-ръ духов. дѣлъ и нар. просв. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32.
- Грабовскій, гр., воевода 1830 г., т. LXV, 23.
- Градовскій, А. Д., профес., т. LVIII, 769.
- Граевъ, ученый 1881 г., т. LXV, 244.
- Граевскій, Тимое. Никол., профес., † 1855 г., т. LXV, 246, 637, 641, т. LXVI, 295, 631, т. LXVII, 364, т. LXVIII, 56, 72, 281.
- Грачевъ, Георг. Ив., художн.-граверъ, т. LXVI, 466, 685, 694.
- Гребенщиковъ, бывший восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Гревингъ, К. И., профес., т. LXVI, 531.
- Грейберъ, офиц. 1856 г., т. LXVI, 589, 590, 596, 601.
- Грейгъ, адъют. 1854 г., вполнѣд. министр-фин., чл. госуд. совѣта, т. LXV, 656, 657, 659, 660, 667, т. LXVI, 54, 65, 66, 595.
- Греффе, окулистъ, т. LXVIII, 172.
- Грефъ, Богданъ Христіанов., т. LXVII, 562, 563.
- Гречъ, Николай Ив., писат., р. 1787 г., † 1867 г., т. LXV, 53, т. LXVI, 186, 287, 291, 706, 707, т. LXVII, 155, 412, т. LXVIII, 147, 305.
- Гржимайло, Францъ, каштелянъ Ц. Польскаго 1820 г., т. LXV, 24, 684, 694.
- Грибоѣдовъ, Александръ Серг., писатель, р. 1795 г., † 1829 г., т. LXVI, 712, т. LXVII, 157, т. LXVIII, 760, 766.
- Грибоѣдовъ, офиц. 1814 г., т. LXVII, 23.
- Григорій Комянъ, т. LXV, 797.
- Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. LXVII, 643, т. LXVIII, 274.
- Григоровичъ, Николай Ив., чл. архес-граф. комм., † 1888 г., т. LXVIII, 304, 307.
- Григорьевъ, Вас. Вас., профес., ориенталистъ, нач. главн. управл. по дѣламъ печати, т. LXV, 344, 345.
- Гриммъ, бар., Фридр. Мельхиоръ, кор-респонд. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. LXV, 772, т. LXVIII, 217.
- Гриммъ, воспитат. цесаревича Николая Александровича, 1858 г., т. LXVII, 601, 618, т. LXVIII, 613.
- Гриммъ, профес., т. LXV, 741.
- Гриммъ, камерд. имп. Николая I, т. LXVI, 70.
- Гринвальдъ, Г. А., т. LXVI, 70.
- Гринъ, прапорщ. 1830 г., LXVIII, 123.
- Громека, С. С., писатель-публицистъ, потомъ губернат. Сѣдлецк. губ. 1864 г., т. LXVI, 721, т. LXVII, 622.
- Громмъ, юнкеръ, † 1855 г., т. LXV, 758.
- Гротгусъ, офиц. 1854 г., т. LXVI, 56, 57, 58.
- Гротъ, Конст. Карлов., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., д. тайн. сов., т. LXV, 874, 879, 880.
- Гротъ, Яковъ Карлов., д. тайн. сов., вице-презид. императ. акад. наукъ, сообщ. «Александръ Сергѣевъ. Пушкинъ. Письмо его къ лицейскому товарищу Вл. Дм. Вольховскому», т. LXV, 104, упом. 652, т. LXVI, 135, т. LXVII, 373, т. LXVIII, 303, 766.
- Гротъ, секр. констант. миссиі, т. LXV, 665.
- Грубе, А., педаг.-математикъ, 1868 г., т. LXVIII, 628.
- Грудвиноная, гр — ня, см. Ловичъ, княгиня.
- Грушецкій, подпоруч. 1830 г., т. LXV, 716.
- Грюнбергъ, Варвара Богдан., † 1869 г., т. LXV, 252.
- Грюнбергъ, Изабелла Львов., т. LXV, 626.
- Грюнбергъ, Юлія Львов., въ зам. Тю-рина, пьянистка, т. LXV, 626, т. LXVI, 628.
- Грюнбергъ, пѣвица, т. LXVII, 596, 620.
- Грюнбергъ, докт., т. LXV, 626.
- Губаревы, т. LXVIII, 412.
- Губе, т. LXV, 644.
- Губеръ, писатель-поэтъ, † 1847 г., т. LXV, 376.

- Гудимъ - Левковичъ, помѣщ. 1837 г., т. LXVII, 696.
- Гудовичъ, гр., т. LXVI, 265.
- Гудавъ, профес., т. LXV, 377.
- Гумбольдъ, бар. Александръ, ученый, т. LXV, 31, 223—225, т. LXVI, 21, 22, 254, 258, 507, 508, 513, 514, 536—561.
- Гурбантъ, капит. 1828 г., т. LXVIII, 104, 105, 106.
- Гурьо, Владим. Александр., генер.-ад., варшавск. ген.-губ., т. LXV, 654, томъ LXVI, 414, 422, 436.
- Гурьо, Юсифъ Александр., т. LXV, 63, 241.
- Гуровскій, офиц. 1830 г., т. LXV, 29.
- Гурьевъ, Ив. Тихонов., † 1771 г., томъ LXV, 582.
- Гурьевъ, С. В., горн. инж. 1845 г., томъ LXVI, 260, 261, 507.
- Гурьевъ, при посольствѣ во Франціи. 1806 г., т. LXV, 156.
- Гурьевъ, помѣщикъ 1858 г., т. LXVII, 603.
- Гусева, актриса, † 1854 г., т. LXVI, 33.
- Гусевъ, прапорщ. 1783 г., т. LXV, 780.
- Гусятникова, Марья Петровна, въ зам. Майкова, т. LXV, 304.
- Гусятникова, купчиха, т. LXV, 303.
- Гюбенталь, ст. сов. 1836 г., т. LXVII, 227, 228, 240, 242, 260, 264, 265.
- Д**абижа, кн., Вас. Дмитр., сообщ. «О сооруженіи памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ», т. LXV, 123—124, т. LXVIII, 382.
- Давидъ, царь грузинскій, т. LXVII, 496, 498.
- Давидъ Святославичъ, кн. Черниговскій, † 1105 г., т. LXV, 882.
- Давыдова, Ольга Дм., въ зам. княгини Долгорукова, т. LXV, 102.
- Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт., писат.-поэтъ, род. 1784 г., † 1839 г., т. LXV, 130, 681, т. LXVI, 486, т. LXVIII, 302, 305.
- Давыдовъ, Ив. Ив., директ. педаг. инст. 1847 г., академикъ, т. LXV, 54, 379, 399, 405, 634, 635, 638, 649, т. LXVI, 45, 275, 284, 288, 289, 615, 616, 617, 618, 685, 686, 687, 689, 691, т. LXVII, 147, 151, 153, 158, 372, 373, 377, 587, 589, 596.
- Давыдовъ, Ѳ. Н., чиновн. 1825 г., т. LXVI, 168, 169.
- Давыдовъ, ген. 1835 г., т. LXVII, 115.
- Давыдовъ, ген.-маіоръ 1890 г., т. LXVI, 240.
- Давыдовъ, кн., 1851 г., т. LXVIII, 657, 658, 651.
- Давыдовъ, помѣщ. 1808 г., т. LXVII, 16.
- Давыдовъ, сенат. 1849 г., т. LXVIII, 361, 362.
- Дадьянъ, кн., т. LXVII, 107, 108.
- Даль, Владим. Ив., писатель, т. LXV, 386, т. LXVII, 375, 584.
- Даль, профес. 1850 г., т. LXV, 235, 374.
- Дандре, Левъ, бывш. воспит. Конст. воен. училища, вып. 1880 г., т. LXVI, 239.
- Даненбергъ, генер. 1858 г., т. LXVII, 580, 594.
- Данасъ, ген.-маіоръ 1800 г., т. LXVI, 139.
- Данасъ, К. К., тамбовск. губ. 1863 г., т. LXVII, 186.
- Данилевскій, А. С., т. LXVII, 289.
- Данилевскій, Г. П., писатель-романистъ, т. LXVII, 356, LXVIII, 261, 273, 276, 761, 765.
- Данилевскій, физиологъ 1888 г., т. LXV, 245.
- Даниловичъ, Григ. Григ., ген.-ад., бывш. директ. 2-го кад. корп., съ марта мѣсяца 1877 г. воспит. Е. Н. В. Государя наследника цесаревича, т. LXVI, 243, 247, 248.
- Даниловъ, Ив. Дан., сенат., т. LXVIII, 304.
- Данненбергъ, генер. 1854 г., т. LXV, 672, 673, 674, т. LXVI, 53.
- Дашкова, княг., Екат. Романовна, розн. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LXV, 98.
- Дашковъ, В. А., т. LXVI, 694.
- Дашковъ, Д. В., мн-ръ юстиц. 1835 г., т. LXV, 48, т. LXVII, 75, 86, 156.
- Дашковъ, Д. Д., чл. рязан. учен. архив. комисс. 1889 г., т. LXVIII, 558.

Дашковъ, студ. слб. унив. 1858 г., т. LXVII, 592.
 Двигубскій, Ив. Алекс., профес. и рект. московск. унив. 1825 г., т. LXVI, 689.
 Дебольскій, писатель, т. LXVIII, 357.
 Девиць, генер., 1737 г., т. LXV, 118.
 Деятинна, Е. Н., т. LXVI, 326.
 Дегай, т. LXV, 385, 400, 401.
 Деденевъ, Мик., кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
 Дейжунъ, И. Л., т. LXVII, 378.
 Демлаво, ученый, т. LXVI, 270.
 Демонскій, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 122.
 Делахрова, майоръ 1865 г., т. LXVI, 666, 667, 668.
 Деларю, воспит. царскос. музея, 1820 г., т. LXV, 837.
 Деллинггаузенъ, бар., поруч. 1857 г., т. LXVII, 164.
 Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат., род. 1789 г., † 1831 г., т. LXVI, 678.
 Дельвигъ, бар., прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87, 112, 123.
 Делановъ, графъ Иванъ Давидовичъ, т. LXVII, 596, 607, т. LXVIII, 285, 286, 287.
 Дембежъ, каноникъ 1830 г., т. LXV, 24.
 Демедемъ, генер. 1774 г., т. LXVI, 113.
 Демидовъ, Н. А., т. LXVIII, 563.
 Демидовъ, Никол. Ив., генер. 1828 г., т. LXVIII, 86, 101, 108, 109, 513.
 Демидовы, т. LXV, 610.
 Демьяновичъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 239.
 Денисьевъ, ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 69.
 Денъ, Александръ Ив., т. LXV, 60.
 Денъ, Анна Александр., рожд. Волларскал, т. LXVII, 193, 194.
 Денъ, Влад. Ив., флиг.-адъют., потомъ ген.-лейт. сенат., р. 1823 г. † 1888 г., его Записки 1823—1868 гг., т. LXV, 55—90, 551—574, 655—680, т. LXVI, 49—71; 299—324, 577—608, т. LXVII, 161—194, упом. т. LXV, 242, 496, 541—545, 744, 754, т. LXVI, 184, т. LXVII, 439—442, т. LXVIII, 481—484.

Денъ, Ив. Ив., т. LXVI, 303.
 Денъ, Ив. Ив., кап. 1812 г., впоследствіи генер., инженеръ, т. LXV, 61.
 Денъ, Ив. Самойлов., поруч. 1770 г., т. LXV, 60.
 Денъ, К. Н., шт.-кап. 1835 г., т. LXVI, 318.
 Денъ, Марья Влад., т. LXV, 59.
 Денъ, Никол. Ив., инжен.-ген., т. LXV, 658, т. LXVI, 578.
 Денъ, Ольга Владим., т. LXV, 59.
 Денъ, Самойлъ, тайн. сов., през. юстицъ-коллегіи, т. LXV, 59, 60.
 Денъ, Фед. Ив., т. LXV, 658.
 Денъ, педагогъ 1830 г., т. LXVI, 207.
 Депрерадовичи, т. LXVIII, 731
 Депрерадовичъ, генер.-ад. 1820 г., т. LXV, 843, т. LXVIII, 538.
 Депрерадовичъ, д. ст. сов., витебск. вице-губерн. 1890 г., т. LXVIII, 731.
 Фонъ-Дервизъ, т. LXVII, 693.
 Фонъ-Дервизъ, т. LXVII, 229.
 Державинъ, Гавр. Романов., писатель-поэтъ, р. 1743 г., † 1816 г., т. LXV, 309, 310, т. LXVI, 135, 289, т. LXVII, 388, 485, 616, т. LXVIII, 139, 304, 756.
 Дерфельденъ, генер., т. LXVI, 732.
 Дерфельденъ, Отто, генер. 1790 г., т. LXVI, 144.
 Деспоть-Зеновичъ, Алексѣй Иванов., тобольск. губернат. 1864 г., тайн. сов., вышъ сенаторъ, т. LXVIII, 7, 458.
 Дестунисъ, Гавр. Спирид., т. LXVIII, 289.
 Дешевой, Н. А., чл. рязан. учен. комисс. 1889 г., т. LXVIII, 568.
 Дзидлыскій, т. LXV, 29.
 Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Иван., фельдм., р. 1785 г., † 1831 г., т. LXV, 681, 843, т. LXVII, 53, т. LXVIII, 123, 471, 472, 491, 492.
 Дивовъ, Н. А., чл. рязан. учен. архив. комисс. 1839 г., т. LXVIII, 559.
 Дивъ (Голстой), т. LXVII, 644.
 Дмитревскій, восп. саратовск. сенин. 1842 г., т. LXVII, 556, 557.
 Дмитрій, царевичъ, т. LXVIII, 302.
 Дидрихсъ, Ф. К., директ. паж. корпуса 1890 г., т. LXVI, 480.

- Джеусъ, А. Б., ген., т. LXVIII, 472.
- Дмитріева, Анна Карл., рожд. Комстадіусъ, т. LXVI, 85.
- Дмитріева, В., писательн. 1885 г., томъ LXVIII, 761.
- Дмитріева-Мамонова, графиня, Марія Александр., т. LXVI, 178.
- Дмитріевъ, А. А., предсѣд. пермск. учен. архивн. комисс. 1890 г., т. LXVIII, 557, 571.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., министр юстиціи, баснописецъ, род. 1760 г., † 1837 г. т. LXV, 309, т. LXVII, 75, 88, LXVIII, 302, 303.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. LXVI, 678—680, т. LXVII, 450.
- Дмитріевъ, Н. А., горн. инж. 1845 г., т. LXVI, 525.
- Дмитріевъ, офиц. 1812 г., т. LXVII, 47.
- Дмитріевъ, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 96.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. А., сообщ.: «Графъ Матвѣй Александров. Дмитріевъ-Мамоновъ», т. LXVI, 175—184.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матв., ген.-ад. 1789 г., т. LXVI, 177, 184.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Матвѣй Александр., т. LXVI, 175—184.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ Ив., т. LXVI, 182.
- Дмитріевскій, Ив. Ив., кол. сов. 1821 г., т. LXVI, 681.
- Дмитріевскій, Ив. Аванасьевъ, писатель, р. 1736 г., † 1821 г., т. LXVI, 680, 681.
- Дмитрій Михайловичъ «Грозныя Очи», кн. Тверской, † 1326 г., т. LXVIII, 562.
- Дмитрій, св., кн. Ростовскій, т. LXVIII, 731.
- Доброгайскій, Домазій, т. LXV, 694.
- Доброгайскій, капит. 1831 г., т. LXV, 696.
- Добролюбовъ, И. В., чл. рязанск. учен. архивн. ком., т. LXVIII, 568.
- Добролюбовъ, Н. А., писат., т. LXV, 240, т. LXVI, 452, т. LXVIII, 414, 610.
- Доброславянъ, А. П., профес., т. LXVIII, 770, 772.
- Добротворскій, Н., писат. 1885 г., т. LXVIII, 770.
- Добрынинъ, Ив. Ив., свящ., т. LXVIII, 29, 30.
- Докучаевъ, профес., т. LXV, 246.
- Долбня, матем. 1888 г., т. LXV, 245.
- Долгорукая, княжна, Елена Павл., см. Фадѣева.
- Долгорукай, кн., В. А., т. LXVII, 361, 376.
- Долгорукай, кн., Николай, гофмарш. 1839 г., т. LXV, 329, 334, 335, 336.
- Долгорукай, ген., 1805 г., т. LXVIII, 212.
- Долгорукова, княжна, Анна Сергѣевна, перн. начальница Смольнаго монаст., † 1778 г., т. LXV, 814.
- Долгорукова, княг., А. С., см. Лавтеева.
- Долгорукова, княг., Варвара Ив., см. Пашкова.
- Долгорукова, княг., Ольга Дм., см. Давыдова.
- Долгоруковъ, кн., Васил. Андреев., воен. мн.—ръ, т. LXV, 71, 85, 86, 585, 657, 859 — 861, т. LXVI, 53, 74, т. LXVII, 591, 610, т. LXVIII, 152, 154, 613, 683, 686.
- Долгоруковъ, кн., Владим. Петр., ген.-майоръ, † 1817 г., т. LXV, 102.
- Долгоруковъ, кн., Мих. Петров., ген.-майоръ и ген.-ад., † 1808 г., т. LXV, 100—103.
- Долгоруковъ, кн., Петръ, кадет. 1731 г., т. LXVI, 352.
- Долгоруковъ, кн., Петръ Владим., составит. родослов., писатель, р. 1816 г., † 1860 г., т. LXV, 101, 102, 814, 830, т. LXVI, 222, т. LXVII, 645.
- Долгоруковъ, кн., Петръ Петров., ген.-майоръ, ген.-ад., р. 1777 г., † 1806 г., т. LXV, 102.
- Долгоруковъ, кн., Петръ Петров., ген.-отъ-инф., р. 1747 г., † 1815 г., т. LXV, 102.
- Долгоруковъ, кн., Яков. Фед., сподвижникъ Петра Великаго, т. LXVIII, 305.
- Долгоруковъ, кн., витебек губернат. 1890 г., т. LXVIII, 732.

- Долгоруковъ, кн., капит. 1824 г., т. LXVII, 213—215.
- Долгорукой, Давидаъ Тимое., шутъ, т. LXVIII, 255.
- Долгорукой, кн., маіоръ 1704 г., т. LXVIII, 443.
- Долгорукой, кн., спб. коменд. 1798 г., т. LXVIII, 4.
- Долгоруковы, князья, т. LXV, 101, 814.
- Доликовъ, полковн. 1837 г., т. LXVII, 680.
- Домбровская, танцовщица 1830 г., т. LXV, 25.
- Домбровский, витебск. вице-губернат. 1836 г., т. LXVII, 232, 242, 250, 251, 253.
- Домбровский, маіоръ 1816 г., т. LXVI, 695.
- Домонтовичъ, г-жа, т. LXV, 850.
- Домонтовичъ, Ив. Ив., тайн. совѣтн., гласный спб. думы, т. LXVI, 26, т. LXVII, 601.
- Домонтовичъ, Конст. Ив., чл. редакц. комис. 1860 г., сенаторъ, т. LXV, 281, 873, 875, 876, 877, 880.
- Домонтовичъ, Мих. Алексѣев., ген.-м. 1876 г., т. LXVI, 421.
- Дондузовъ, кн., 1774 г., т. LXVI, 118.
- Дондузовъ - Корсаковъ, кн., А. М., т. LXVI, 307.
- Дондузовъ - Корсаковъ, кн., Алекс. Мих., генер.-адъют., комисс. въ Болгаріи 1879 г., внивъ членъ госуд. сов., т. LXVI, 421.
- Дондузовъ - Корсаковъ, князь, Мих. Александр., почеч. спб. учебн. окр., т. LXV, 38, 405.
- Донская, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8.
- Донской, подпор. 1812 г., т. LXVII, 42.
- Дороговъ, художн., т. LXV, 621.
- Достоевскій, Федоръ Мих., писатель † 1881 г., т. LXV, 408, 543, т. LXVII, 648, т. LXVIII, 715, 767.
- Дохтуровъ, Д. С., т. LXVIII, 305.
- Дошанская, Елис. Нв., сообщ.: «Владиміръ Федостѣвичъ Раевскій въ 1822—1846 гг.», т. LXVI, 365—380.
- Драве, еунецъ, т. LXVIII, 314, 315.
- Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., всен. писатель, т. LXVI, 246, 247, 248, 481, Драшусовъ, цензоръ 1860 г., т. LXVI, 276, т. LXVIII, 391.
- Дренягинъ, А. М., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
- Дриновъ, М. С., профес. 1876 г., т. LXVI, 426, 428.
- Дровецкій, флотск. офицеръ 1854 г., т. LXVI, 93, 96.
- Дружининъ, Александръ Вас., писат., † 1864 г., т. LXV, 652, т. LXVI, 634, т. LXVII, 329—359, 577, 615, 616, 643, т. LXVIII, 137, 146, 155, 171.
- Дружининъ, П. Д., т. LXVIII, 563.
- Друцкой - Любецкой, кн., Ксаверій, мн—ръ финанс. Царст. Польск. 1831 г., т. LXVI, 381.
- Друцкой-Соголинскій, кн., т. LXVII, 386.
- Дубасовъ, И. И., предсѣд. тамб. учен. архивн. комисс. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Дубельтъ, Леонтіи Васильев., ген.-лейт., нач. штаба корп. жандарм., т. LXV, 40, 53, 226 — 228, 379, 383, 385, 392, т. LXVI, 4, 46, 172—174, 623, т. LXVII, 106, 107, 293, 295, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 316, т. LXVIII, 147, 361, 376, 377, 378, 475.
- Дубельтъ, Мих. Леонт., флиг.-адъют., внивъ ген.-лейт., сообщ.: «Къ разсказу Н. Н. Жеденова, эпизодъ 1848 г.», т. LXVIII, 475, 477, 479.
- Дубенскій, протоіерей, т. LXV, 812.
- Дубовицкій, П. А., дир. мед.-хир. акад. 1856 г., т. LXVI, 231, 232.
- Дубровинъ, А. А., т. LXVII, 552.
- Дубровинъ, полковн. 1862 г., т. LXVI, 395, 400, 402, 406, 407.
- Дубровинъ, Ник. Федор., академикъ, писатель, генер.-лейт., род. 1836 г., т. LXVI, 240, 243, т. LXVII, 511, 523, т. LXVIII, 754.
- Дубровскій, т. LXVIII, 145.
- Дуве, генер., 1850 г., т. LXVIII, 717.
- Дудинскій, полковн., команд. Самарск. полка 1864 г., т. LXVIII, 481, 483.
- Дудышвинъ, Степ. Степанов., писат., т. LXVII, 577, 607.
- Думбовъ, художн., т. LXVIII, 230.

- Думновъ, В. В., т. LXVII, 559.
 Дунинъ, Анастасій, т. LXV, 682, 694.
 Дунинъ-Борковский, т. LXV, 883.
 Дурасовъ, флотск. офицеръ 1848 г., т. LXVI, 85.
 Дурасовъ, Мих., т. LXV, 548.
 Дурасовъ, Н. Н., чл. рязанск. учен. архивн. комм. 1889 г., т. LXVIII, 561.
 Дурнова, А. П., т. LXVI, 656.
 Дурова (Александровъ), Надежда Андреевна, кавалеристъ-дѣвица, писательница, р. 1790 г., † 1863 г., т. LXVII, 47, 657—666.
 Дуровъ, Василій Андреевъ, т. LXVII, 665, 666.
 Духовниковъ, Флегонтъ Васильевичъ, бывший преподаватель, вымѣ книгопродавецъ, сообщ.: «Николай Гаврилов. Чернышевскій. Его жизнь въ Саратовѣ», т. LXVII, 531—568.
 Дышлевскій, прапорщикъ 1828 г., LXVIII, 87.
 Дьякова, Екат. Андреевна, рожд. Вейссъ, т. LXVII, 228.
 Дьяковъ, Петръ Никол., витебск. генгуб. 1835 г., т. LXVII, 122, 225—276, 670—701.
 Дьяконовъ, А. Н., чл. таврич. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
 Дьяконовъ, П. А., чл. тамбовск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554, 557, 561, 568.
 Дьяченко, профес., т. LXVI, 207.
 Дзевъ, т. LXV, 312.
 Дюгамель, О. О., сенаторъ, т. LXV, 820, 821.
 Дюгамель, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 278.
 Дюквертъ, т. LXV, 30.
 Дюпре, пѣвецъ, т. LXVI, 266, 267, 270.
 Дюшенъ, офиц. 1808 г., т. LXVII, 18.
- Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ кievскій, т. LXV, 362, 363, т. LXVI, 438, т. LXVIII, 303, 304, 316.**
 Евгений, архіепископъ псковскій, томъ LXVIII, 579.

- Евгеній, еписк. астрах. и енотаевск. 1889 г., т. LXVIII, 559.
 Евдокимова, гр-ня, Александра Александровна, т. LXV, 489, 490.
 Евдокимовъ, Викторъ Иван., капитанъ 1857 г., т. LXVI, 404.
 Евдокимовъ, гр., Николай Иван., ген-адъют., род. 1804 г., † 1873 г., т. LXV, 461—496.
 Евдокимовъ, Н. А., чл. орловск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
 Евреинновъ, А., т. LXVI, 201.
 Евреинновъ, Никол. Ив., невѣльск. уѣзд. предв. двор. 1867 г., т. LXVIII, 631, 644.
 Евсевій, еписк. иркутскій 1848 г., томъ LXV, 126, 127.
 Евфимій, епископъ саратовскій, томъ LXVII, 543.
 Егоровъ, ученый 1881 г., томъ LXV, 244—246.
 Егунновъ, майоръ 1840 г., т. LXV, 320.
 Еверская, гр-ня, Олія Павл., см. Бобринская, гр-ня.
 Евескій, гр., Владим. Иван., † 1856 г., т. LXVI, 224.
 Екатерина I, т. LXVI, 126, т. LXVII, 644, т. LXVIII, 230, 307, 365—367.
 Екатерина II, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. LXV, 98, 149, 179, 206, 293, 295, 322, 331, 332, 337, 389, 543, 581, 595—599, 761—764, 771—776, 789, 809, 813, 814—820, 883, т. LXVI, 75, 76, 121, 135, 140, 144, 158, 160, 177, 184, 672, 674, 688, 710, т. LXVII, 3, 4, 8, 64, 524, 612, 613, 622, 645, 650, 692, т. LXVIII, 1, 2, 8, 18, 218, 236, 286, 295, 301—306, 457, 518, 579, 719, 721, 723, 725, 727, 768.
 Екатерина Алексѣевна, царевна, род. 1658 г., † 1718 г., т. LXVIII, 240.
 Екатерина Павловна, великая княгиня, т. LXV, 103.
 Елагина, Авд. Петр., т. LXVI, 652, т. LXVIII, 282.
 Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, томъ LXVIII, 302.
 Елагинъ, цевзоръ 1853 г., т. LXV, 650, т. LXVI, 32, 624.
 Елагинъ, т. LXV, 2, 8, 14.

- Еланскій, В. Г., свящ., чл. саратовск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Елена Комнень, т. LXV, 797, 798.
- Елена Павловна, вел. княг., супруга вел. кн. Михаила Павловича, р. 1806 г., † 1873 г., т. LXV, 267, 328, 404, 626, т. LXVI, 47, 61, 275, 295, т. LXVII, 632.
- Еленевъ, студ. московск. унив. 1847 г., т. LXVII, 283.
- Елизаровъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
- Елисавета Алексѣевна, императрица, род. 1709 г., † 1761 г., т. LXV, 147, 153, 167, т. LXVI, 658, 684, т. LXVII, 24, 25, 389, т. LXVIII, 216.
- Елисавета Михайловна, вел. княгиня, въ зам. герцогиня Нассауская, томъ LXVI, 155.
- Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXV, 598, 811—819, т. LXVI, 75, 128—130, 682, 711, т. LXVII, 613, 614.
- Елисеѣвъ, Г. З., писат., т. LXV, 235.
- Ельць, Ю. Л., шт.-ротмистръ 1890 г., т. LXVI, 500, 502.
- Ельчаниновъ, прапорщ. 1830 г., томъ LXVIII, 123.
- Ельчаниновы, т. LXVIII, 87.
- Елычевъ, казацкій атаманъ, т. LXVIII, 299.
- Емельяновъ, Ермолай, священ. 1781 г., т. LXV, 779.
- Енохинъ, лейбъ-мед. 1858 г., т. LXVIII, 683.
- Ергомъшевъ, флотскій офиц. 1853 г., т. LXVI, 86, 87, 90, 92, 101.
- Еремѣевъ, П. В., проф. 1869 г., томъ LXV, 605, т. LXVI, 472.
- Ерличъ, Эдуардъ Осипов., елабужскій городничій 1840 г., томъ LXVII, 658, 659, 663—665.
- Ермолаевъ, А. И., т. LXVIII, 304.
- Ермолаевъ, Г. И., ген.-маіоръ 1890 г., т. LXVI, 240, т. LXVII, 22.
- Ермоловъ, Александръ Иванов., томъ LXVIII, 336.
- Ермоловъ, Алексѣй Петров., ген.-отъ-инфант., род. 1777 г., † 1861 г., томъ LXVI, 177, 358, 486, 501, т. LXVII, 107, 108, 383, т. LXVIII, 559.
- Ермоловы, т. LXVIII, 559.
- Еропкинъ, Ааронъ, епископъ, томъ LXVIII, 569.
- Еропкинъ, Петръ Дмитр., ген.-аишефъ 1771 г., т. LXVIII, 304.
- Еропкинъ, † 1828 г., т. LXVIII, 747.
- Еропкинъ, подполковникъ 1834 г., томъ LXV, 665, 666.
- Ерофеевъ, минералогъ 1888 г., томъ LXV, 245.
- Ершовъ, т. LXVIII, 360, 362.
- Ершovy, т. LXVIII, 357.
- Есяповъ, полковн. т. LXVIII, 477, 478.
- Ефимовскій, Андрей, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Ефимовскій, Иванъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Ефимовъ, полковн. 1810 г., т. LXVII, 27.
- Ефремовъ, Петръ Андр., т. LXV, 593, т. LXVIII, 311.
- Ешевскій, профес. 1858 г., т. LXVII, 618, 148, 151, 152, т. LXVIII, 752.
- Ж**адовская, Юлія Валеріан., поэтесса, ея стихотв. «Героямъ Севастополя», т. LXVIII, 220, упом. 766.
- Жакляръ, Анна Вас., рожд. Корвиннъ-Круковская, т. LXVIII, 616, 646—648, 652, 713, 715.
- Жандръ, генералъ 1825 г., томъ LXV, 22, 29.
- Ждановичъ, драматич. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
- Ждановъ, Семень Романов., сенаторъ, † 1864 г., т. LXVII, 188—192, 194, т. LXVIII, 481.
- Жегулина, воспит.-да Смольваго инст. 1797 г., т. LXVII, 420.
- Жеденова, Елисавета Акимовна, томъ LXVII, 313.
- Жеденовъ, Николай Львовичъ, † 1836 г., т. LXVII, 443.
- Жеденовъ, Николай Николаевичъ, подполковникъ, † 1889 г., сообщ.: «Случай въ Петербургѣ въ 1848 году. Разсказъ бывшаго гвардейскаго офицера», томъ

- LXVII, 293—316, упом. 443, 444, томъ LXVIII, 228, 475.
- Жеденовъ, Петръ Николаевичъ, томъ LXVII, 296.**
- Жеденовъ, С. Н., сообщ.: «Флоры-Лавры. Изъ пензенской старины», т. LXVIII, 462—465.**
- Желиховская, В. П., т. LXVI, 188.**
- Желтовъ, Ф. А., т. LXVIII, 560.**
- Желтухина, Елисавета Николаевна, т. LXVIII, 34.**
- Желтухинъ, Алексѣй Дмитр., помѣщ. 1846 г., т. LXVIII, 34.**
- Желтухинъ, Алексѣй Дм., чл. редакц. комм., род. 1820 г., † 1865 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 34.**
- Желтухинъ, Дмитрій Алексѣев., томъ LXVIII, 34.**
- Желтухинъ, ген.-майоръ, команд. л.-гв. Гренад. полка 1813 г., т. LXVI, 80.**
- Желтухинъ, ген.-майоръ 1824 г., томъ LXV, 120, 398.**
- Желъзновъ, Ив. Григорьев., слб. вице-губернаторъ съ 1827—1834 гг., томъ LXVI, 168.**
- Желъзновъ, Ник. Иван., чл. редакц. комм., род. 1815 г., докт. ботан., акад., перв. директ. петровск. акад. съ 1865—1869 гг., † 1877 г., т. LXV, 873, томъ LXVIII, 547, 548.**
- Жемчужникова, Анна Ив., см. Ги-польдь.**
- Жемчужникова, Наталія Аполлоновна, т. LXVIII, 7, 8.**
- Жемчужниковъ, Аполлонъ Степанов., ген.-лейт. 1823 г., т. LXVIII, 7, 35.**
- Жемчужниковъ, А., писатель, 1885 г., т. LXVIII, 763.**
- Жемчужниковъ, подполковн. 1865 г., т. LXVI, 665, 667—669.**
- Жемчужниковъ, слб. губернат. 1837 г., т. LXVII, 88, 691.**
- Жемчужниковъ, чиновн. 1850 г., томъ LXVIII, 461—462.**
- Жемчужниковъ, П., т. LXV, 428.**
- Жераръ, художн., т. LXVIII, 230.**
- Жеребцова, Прасковья Андреевна, т. LXV, 88.**
- Жеребцова, въ зам. баронесса Черкасова, т. LXV, 819.**
- Жеребцовъ, писатель, т. LXVII, 617.**
- Жиберъ, Э. Н., проф. архитект. 1863 г., т. LXV, 741, LXVIII, 745.**
- Животовъ, 1890 г., т. LXVIII, 786.**
- Жизневскій, Авг. Казимировичъ, тайн. сов., предсѣд. тверск. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 562, 569.**
- Жидлинскій, Венцеславъ, еписк. пилемскій, т. LXVI, 391.**
- Жирневичъ, Александра Иван., рожд. Лаптева, т. LXVII, 705.**
- Жирневичъ, Александръ Владимиров., юристъ, т. LXVII, 706.**
- Жирневичъ, Н. Ив., см. Глушкова.**
- Жирневичъ, Влад. Ив., т. LXVII, 705.**
- Жирневичъ, Зинаида Ив., см. Ганъ.**
- Жирневичъ, Иванъ Степ., симбирскій, впол. витебск. губернат., записки его 1835 г., † 1848 г., т. LXVII, 63—132, 225—277, 667—706.**
- Жирневичъ, Н. Ив., см. Глушкова.**
- Житова, 1884 г., т. LXVIII, 764.**
- Жихаревъ, предсѣд. драматич. комитета 1858 г., т. LXVII, 615, т. LXVIII, 143, 147, 389.**
- Жихаревъ, М., т. LXVIII, 769.**
- Жмакинъ, директоръ департ. полици исполнит. 1836 г., т. LXVII, 85—88, 190—192.**
- Жобаръ, т. LXV, 598.**
- Жуковская, въ замуж. баронесса Верманъ, т. LXVI, 573.**
- Жуковская, т. LXVII, 197.**
- Жуковский, Вас. Андреев., писатель, род. 1788 г., † 1852 г., т. LXV, 43, 309, 310, 425, 619, 650, т. LXVI, 26, 29, 287, 633, 634, 648—650, 690, т. LXVII, 146, 150, 158, 204, 207, 285, 367, 376, 388, т. LXVIII, 204, 205, 287, 301, 303, 305, 308, 351, 363, 479, 480, 657, 659, 765.**
- Жуковский, Людвигъ, т. LXV, 682, 693.**
- Жуковский, Степ. Мих., чл. редакц. комис., статья-секрет., тайн. совѣтъ, р. 1818 г., † 1877 г., т. LXV, 873, 877.**
- Жуковский, Ю. П., писат. 1878 г., томъ LXVIII, 773.**

- Жулдовскій, драмат. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
- Журавлевъ, Ив. Фед., директ. департ. мин-ства юстиціи 1824 г., т. LXVII, 214, 215.
- Журъари, И. С., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556, 570.
- Жучковская, драм. артистка 1830 г., т. LXV, 25.
- Де-Жюльянъ, виконтесса, Юлія Пав., см. Бобринская, гр-ня.
- Де-Жюльянъ, виконтъ, бар. де-Виньоль, т. LXVI, 224.
- Заблоцкій - Десятковскій, Андр. Пареевичъ, ст.-секрет., чл. госуд. сов., тайн. сов., р. 1808 г., † 1881 г., т. LXV, 281, 383, 873, 877, т. LXVI, 728.
- Заборинскій, А. И., т. LXV, 125.
- Забудскій, генер., т. LXV, 494
- Забѣла, графъ, т. LXV, 104.
- Забѣлинъ, Ив. Егоров., археологъ и историкъ, т. LXVIII, 308, 752, 754.
- Забѣлло, П. П., скульпт., т. LXVII, 663.
- Забѣлло, подпор. 1830 г., т. LXV, 716.
- Заватовскій, гр., Н. П., дѣйств. тайн. с., ст.-секретарь, мин. нар. проsv. 1805 г., р. 1738 г., † 1812 г., т. LXV, 349.
- Завойко, контр-адм. 1848 г., т. LXV, 126.
- Завѣтной, Василій, псковск. мѣщ. 1798 г., т. LXVIII, 576, 577.
- Загорскій, врачъ, 1860 г., т. LXVIII, 614.
- Загоскина, Варв. Ник., см. Панчулидзева.
- Загоскинъ, Мих. Никол., писат., дир. московск. театровъ, р. 1789 г. † 1852 г., т. LXVII, 292, т. LXVIII, 302, 305.
- Загоскинъ, профессоръ, т. LXVIII, 425.
- Загряжская, т. LXV, 135.
- Загряжскій, сибирск. губери. 1830 г., т. LXVII, 75, 76, 107.
- Заликинъ, книгопродавецъ, т. LXVIII, 114.
- Зайцевъ, И. К., т. LXVI, 393, 403, 405, 407.
- Закревскій, гр., Арсеній Андреевичъ, † 1865 г., т. LXV, 71, 305, 387, т. LXVI, 41, 295, 595, 728, 729, 730, 731, 733, т. LXVII, 370, 582, 629, 692, т. LXVIII, 73, 165, 166, 167, 168, 303, 357, 358, 359, 361, 362, 658.
- Закревскіе, т. LXVIII, 361.
- Заливкинъ, ген.-м. 1854 г., т. L, LXVIII, 668.
- Зальцъ, бар., Никол. Антонов., команд. Литовск. полка, вполн. сб. коменд., 1856 г., т. LXVI, 583, т. LXVIII, 134.
- Замойская, княг., 1830 г., т. LXV, 28.
- Замойскій, гр., Владиславъ, адъют. цесар. Конст. Павлов. 1831 г., т. LXV, 684—709.
- Замойскій, К., т. LXV, 66.
- Замойскій, гр., предвд. сената Царства Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32.
- Замятнинъ, Дм. Никол., мин. юстиц. 1864 г., † 1881 г., т. LXVII, 620.
- Замятнинъ, Пав. Н., т. LXVII, 629.
- Зарудный, Серг. Нв., ст.-секр., сенат., тайн. сов., род. 1820 г., † 1887 г., т. LXV, 281, 587, 873, т. LXVIII, 173.
- Зарудный, флотск. офиц., т. LXVI, 87.
- Зассергагенъ, г-жа, А. П., т. LXV, 455.
- Зассъ, баронесса, рожд. гр-ня Штакельбергъ, т. LXV, 662.
- Зассъ, Корнелій Корнелъев., ген.-ад., 1853 г., т. LXV, 85.
- Засядко, ген.-м. 1824 г., т. LXV, 122.
- Затлеръ, ген.-интенд. 1856 г., т. LXV, 752, т. LXVI, 319.
- Звегинцевъ, т. LXVI, 297.
- Звегинцевы, т. LXVIII, 137.
- Зверковский, т. LXV, 29.
- Звонниковъ, т. LXVIII, 281.
- Звѣздичъ, чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Звѣревъ, С. Е., чл. рязанск. учен. архивн. ком. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Здекауеръ, Никол. Фед., докт., д. тайн. сов., т. LXVIII, 182, 184, 384.
- Зедлеръ, генераль, † 1852 г., т. LXV, 642, 645.
- Зеебахъ, баронесса, рожд. гр-ня Нессельроде, т. LXV, 71.
- Зейдлицъ, докторъ 1846 г., т. LXVII, 343, 344.
- Зеленцовъ, Ф. И., т. LXV, 610.

- Зеленый, Алексѣй Серг., мин. государ. имущ., т. LXV, 859, 860.
- Зембницкій, Я. Г., профессоръ 1830 г., т. LXV, 622.
- Земенцкая, писательв., т. LXVI, 384.
- Зенгбушъ, прап. 1828 г., т. LXVIII, 87.
- Зензиновъ, купецъ 1858 г., т. LXVIII, 687.
- Зерновъ, Н., ценз. 1846 г., т. LXVI, 201.
- Зике, профессоръ, т. LXV, 274.
- Зиминъ, Иоаннъ, профес. богословія 1830 г., т. LXVI, 208.
- Зиминъ, Н. Н., академикъ, т. LXVI, 232, 481.
- Зиновьевъ, ген.-ад., т. LXV, 812.
- Зиновьевъ, кам.-юнк. 1845 г., т. LXVI, 523, 524, 526.
- Зинченко, И. К., т. LXVIII, 438.
- Зисерманъ, полковн. 1865 г., т. LXV, 485.
- Знаменскій, И. В., чл. тамб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554.
- Знаменскій, П., профессоръ императ. казанск. универс., т. LXVII, 522.
- Золотарева, Александра Алексѣевна, въ первомъ бракѣ Абаза, во 2-мъ гр-ня Вобринская, т. LXVI, 224.
- Золотовъ, М. К., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
- Золотухина, Анна Ильинишна, сообщ. «Записки о 1812 г.», т. LXV, 1—20.
- Золотухина, Анна Матв., т. LXV, 3, 8.
- Золотухина, Лидія Матв., т. LXV, 2.
- Золотухина, Марья Матв., т. LXV, 3, 8.
- Золотухина, Зинаида Матв., т. LXV, 2.
- Золотухинъ, Афанас. Ив., т. LXV, 14.
- Золотухинъ, Матв. Ив., офиц. 1812 г., т. LXV, 1—20.
- Зонтагъ, пѣвица, т. LXV, 26.
- Зоринъ, офиц. 1853 г., т. LXVI, 87, 88, 101.
- Зоричъ, Нат. Ив., см. Баранова.
- Зоричъ, т. LXVIII, 3.
- Зотовъ, Владим. Рафанлов., т. LXV, 593, т. LXVII, 152, 157.
- Зотовъ, Никита, думный дьякъ 1695 г., LXVIII, 260.
- Зотовъ, Рафаилъ, писатель, т. LXVIII, 309.
- Зотовъ, Титъ Поликарп., золотопромышлен. 1857 г., т. LXVI, 537.
- Зубаревъ, актеръ, т. LXVII, 579.
- Зубковъ, Яковъ, т. LXVIII, 444.
- Зубова, С. А., см. Батюшкова.
- Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., т. LXVIII, 305.
- Зубовъ, кн., Платонъ Александр., ген.-ад. 1796 г., † 1827 г., т. LXVI, 140, LXVIII, 304, 305.
- Зуровъ, тульскій губернаторъ 1836 г., т. LXVII, 230.
- Зыбинъ, И. С., т. LXVIII, 560.
- И**брагимовъ, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Иванова, Каролина Ив., въ зам. Тучкова, т. LXVIII, 2, 8.
- Ивановъ, Автамонъ, думной дьякъ, т. LXVIII, 244.
- Ивановъ, Александръ Андреевъ, худож., т. LXVI, 656, т. LXVII, 201, 206, 211, 599, т. LXVIII, 759, 765.
- Ивановъ, А. В., горн. инж., т. LXV, 615, 620, 621.
- Ивановъ, А. В., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
- Ивановъ, И. А., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Ивановъ, Ив. Степ., сообщ.: „Болгарское ополченіе въ 1876—1878 гг.“, т. LXVI, 413—437, „Князь Владиміръ Александров. Черкасскій“, т. LXVIII, 382.
- Ивановъ, Н. Г., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
- Ивановъ, Н. Ѳ., чл. сарат. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Ивановъ, Поликарпъ, священ. 1783 г., т. LXV, 780.
- Ивановъ, Тарасъ, псковск. мѣщан. 1797 г., т. LXVIII, 576, 577.
- Ивановъ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120.
- Ивановскій, ценз. 1847 г., т. LXV, 577, 380.
- Иванюковъ, И., путеш. 1880 г., т. LXVIII, 770.

- Иванъ Савельичъ**, московск. шутъ, томъ LXVII, 711, 712, т. LXVIII, 461.
- Ивашева**, Вѣра Александр., см. грна-Толстая.
- Ивашева**, Екатер. Петровна, въ зам. княг. Хованская, т. LXVIII, 328.
- Ивашева**, Елисавета Петровна, въ зам. Языкова, т. LXVIII, 488.
- Ивашева**, жена генер. 1836 г., т. LXVII, 124, 125.
- Ивашевъ**, Вас. Петр., декабр., т. LXVIII, 327—351, 488.
- Ивашевъ**, Петръ Никифоров., т. LXVIII, 327—334.
- Ивашевъ**, ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 81, 99, 113, 115.
- Ивашевы**, т. LXVII, 118.
- Ивашевичъ**, еписк., т. LXVI, 382.
- Иверсенъ**, Юлій Богдановичъ, изслѣдователь-историкъ медальернаго искусства въ Россіи, чл. археолог. и друг. ученыхъ обществъ, г. LXVIII, 288.
- Игельстромъ**, баронесса, т. LXV, 233.
- Игнатъевъ**, гр., Николай Павловичъ ген.-ад., русскій посолъ въ Константинополь 1871 г., мн-ръ внутр. дѣлъ 1882 г., чл. госуд. сов., т. LXV, 281—292, т. LXVI, 418.
- Игнатъевъ**, Пав. Никол., ген.-ад., слб. ген.-губ. 1858 г., † 1879 г., т. LXVII, 617, 618, т. LXVIII, 155, 613.
- Игнатъевъ**, Р. Г., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 556, 571, 724—727.
- Игнатъевъ**, ген. 1839 г., т. LXV, 323.
- Игнатъевъ**, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
- Игорь**, князь, † 1147 г., т. LXV, 882, т. LXVIII, 435.
- Ивергинъ**, А. В., вудецъ 1850 г., т. LXVI, 713.
- Измайловъ**, Александръ Ефим., баснопис., р. 1779 г., † 1831 г., т. LXVI, 674—678.
- Измайловъ**, штурманъ 1771 г., т. LXVI, 122.
- Изюжкова**, Варвара Андреевна, т. LXVII, 297.
- Изюжковъ**, Петръ Степ., т. LXVII, 297.
- Изяславъ**, вел. князь, т. LXVIII, 236.
- Иковъ**, Н. К., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
- Иконниковъ**, В. С., т. LXVIII, 772.
- Илимовъ**, Ив. Петров., горн. инж., томъ LXVI, 529.
- Идовойскій**, Дмитрій Иванов., сообщ.: „Историко-критическія замѣтки“, томъ LXVIII, 423—437.
- Ильенко**, М. И., педагогъ 1830 г., т. LXVI, 207.
- Ильинскій**, профес., т. LXVI, 233.
- Ильинъ**, лейтен. 1855 г., т. LXVI, 100.
- Ильинъ**, капитанъ 1875 г., т. LXV, 512.
- Индригъ**, родонач. фамиліи гр. Толстыхъ, т. LXVII, 644.
- Иннокентій** (Ив. Алексѣев. Борисовъ), архіепископъ херсонск. и таврич., род. 1800 г., † 1857 г., т. LXV, 397, 562, т. LXVII, 27, 284, т. LXVIII, 208.
- Иновемцевъ**, докт., т. LXVI, 229, томъ LXVII, 630.
- Иностранцевъ**, профес., геологъ 1883 г., т. LXV 245, 246.
- Иринархъ**, митр. ростовскій, т. LXVIII, 301.
- Исаевъ**, А., писат. 1833 г., т. LXVIII, 771, 773.
- Исаевъ**, Никол. Вас., ген.-ад., чл. госуд. сов., т. LXV, 428, т. LXVI, 65, т. LXVIII 141.
- Исидоръ**, митрон. новгородск. и слб., т. LXVII, 700.
- Исленевъ**, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
- Истомянъ**, Владим. Ив., контръ-адмиралъ, † 1855 г., т. LXV, 664, 671.
- Истомянъ**, Конст. Ив., т. LXVI, 56.
- Истомянъ**, Коріонъ, т. LXVIII, 302.
- Исуповъ**, подполковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Ишимова**, изд.-ца „Звѣздочки“ 1847 г., т. LXV, 376.
- Іахимъ**, патріархъ 1695 г., т. LXVIII, 246.
- Іаковъ**, архіеп. нижегород. т. LXVII, 543, 549—561, 563, 564, т. LXVIII, 564.

- Юзь Борѣскій**, митроп. кіевскій, 1620 г., т. LXV, 800.
Іоанникій, митроп. московскій, т. LXVII, 540.
Іоаннъ Калита, т. LXV, 882.
Іоаннъ III, вел. князь московскій, т. LXVIII, 428.
Іоаннъ IV Грозный царь, р. 1530 г., †1584 г., т. LXV, 387, 882, т. LXVI, 78, т. LXVIII, 236, 300, 430, 432.
Іоаннъ V, Алексѣевичъ, царь, т. LXVIII, 239, 243, 244, 245, 246, 248, 251, 257, 734.
Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей Кронштадтскій, р. 1829 г., т. LXVIII, 783—788.
Іоаннъ Максимовичъ, архіеп. черниг., т. LXVII, 474.
Іосафатъ Булгакъ, еписк. брестскій 1822 г., т. LXVI, 161, 165, 166.
Іосифъ Сѣмашко, митропол. литовскій, † 1868 г., т. LXVIII, 380.
Іосса, Григ. Андр., профес. металлург., † 1874 г., т. LXV, 602, т. LXVI, 8, 9, 527, 528, 529.
- Каблукова, Вѣра Павл.**, см. Барыкова.
Кавелина, т. LXV, 329.
Кавелинъ, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г., † 1885 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 296, т. LXVII, 148, 212, 371, 577, 578, 590, 591, 601, т. LXVIII, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 74, 80, 170, 183, 389, 393, 750, 752, 758, 765, 771.
Каверскій, Эдуардъ Авреліановичъ, ген.-м. генер. штаба 1890 г., т. LXVI, 240.
Кавось, капельмейст. русск. оперы 1834 г., т. LXVI, 19.
Кадъ, офицеръ, т. LXVII, 52, 53.
Казаковъ, архитект. 1776 г., т. LXV, 827.
Казанскій, Пав., священ. 1875 г., т. LXVI, 683.
Казанцевъ, горн. ниж., т. LXV, 615.
Казанцовъ, инженер., подполковн. 1853 г., т. LXV, 553, 556.
Казариновъ, полковн., саратовск. воевода, т. LXVIII, 558.
- Казасъ, Н. И.**, чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Казембекъ, профес. 1858 г., т. LXVI, 627, т. LXVII, 615.
Казиміръ Дмоховскій, митроп. католич. церквей 1848 г., т. LXVI, 387, 388.
Казначеевъ, Александръ Ив., правит. канц. нам. Новороссійск. края 1824 г., т. LXVII, 381.
Кайдановъ, И. К., профес. 1824 г., т. LXV, 841.
Калайдовичъ, Конст. Ѳеодоров., ученый писатель, т. LXVI, 276, т. LXVIII, 302, 303.
Калайдовичъ, Петръ, сообщ.: „На погребеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны“, г. LXV, 130.
Калачовъ, Ник. Вас., археологъ, основат. и перв. директ. археол. инст., тайн. сов., сенаторъ, р. 1819 г., † 1885 г., т. LXV, 873, т. LXVI, 281, т. LXVIII, 282, 300, 301, 309, 430.
Калашниковъ, писат., т. LXV, 383, 384.
Калиничъ, Фотій Петров., педагог., т. LXV, 840.
Калиновскій, Дм. Ив., редакц. „Свѣточа“ 1860 г., т. LXVIII, 391.
Калитина, Авдотья, въ зам. Михельсонъ.
Калитинъ, подполковн., † 1876 г., т. LXVI, 424.
Калиостро, т. LXV, 764, 771—774.
Калошинъ, Никол. Никол., тайн. сов. членъ сов. мн-ра внутр. дѣлъ, т. LXV, 874.
Калмыковъ, профес., † 1860 г., т. LXVIII, 391.
Каменевъ, Николай, псковск. мѣщан. 1707 г., т. LXVIII, 576, 577.
Каменскій, гр., Мих. Ѳеодот., фельдм. р. 1738 г., † 1809 г. т. LXV, 60, 99, 100, т. LXVI, 142, 147, 733.
Каменскій, подпоруч. 1830 г., т. LXV, 716.
Канарскій, польск. эмиссаръ, т. LXVII, 696, 697.
Кандиба, офиц. 1812 г., т. LXVII, 49.
Канкринъ, гр.-ня, т. LXV, 572.
Канкринъ, гр., Валеріанъ Егор., фл-

- ад., команд. Кинбурнск. полка 1845 г., т. LXVII, 181.
- Банкринъ**, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финанс. съ 1823 по 1844 г., † 1845 г., т. LXV, 223, 622, 825, т. LXVI, 8, 12, 22, 206, 206, т. LXVII, 577.
- Банскій**, нач. конно-егерск. дивизіи 1831 г., т. LXV, 698.
- Банталузинъ**, кн., полковн. 1737 г., т. LXV, 118.
- Бантоміръ**, кн., Антохъ Дм., писатель, р. 1663 г., † 1723 г., т. LXV, 645, т. LXVIII, 305.
- Башкинъ**, Василій, кievск. предвод. дворян. 1785 г., т. LXVII, 525.
- Балоджестрiя**, гр., Ив. Антонов., м-ръ иностр. дѣль, р. 1776 г., † 1831 г., т. LXV, 23.
- Балустинь**, шт-кап. 1799 г., т. LXVIII, 712.
- Балустинь**, М., проф. 1856 г., т. LXVII, 148, т. LXVIII, 769.
- Барабановъ**, Пав. Ѳеодоров., собиратель историч. и биографич. матеріаловъ, т. LXV, 829, т. LXVIII, 299.
- Бараваевъ**, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 101.
- Баразововъ**, т. LXVI, 236.
- Барамина**, т. LXV, 332.
- Баразинъ**, Андрей Никол., т. LXVI, 29, 35, 36 650, 652.
- Баразинъ**, Николай Мих., исторіогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LXV, 48, 91, 92, 647, 842, т. LXVI, 650, 651, 683, 684, 688, т. LXVII, 74, 88, 373, 449—456, 488, 593, т. LXVIII, 2, 204, 205, 223, 302, 303, 428, 637.
- Баратаевъ**, И. П., т. LXVIII, 301.
- Баратыгина**, Александра Михайловна, рожден. Колосова, актриса 1834 г., т. LXVI, 19.
- Баратыгинъ**, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXV, 621, т. LXVI, 19, 33.
- Барауловъ**, чиновн. 1850 г., т. LXVIII, 67, 70.
- Барацай**, бар., генералъ 1799 г., т. LXVI, 732.
- Кардиналовскій**, Адрианъ Алексѣев., полковн., † 1884 г., сообщ.: „Изъ жизни императора Николая I-го“, т. LXVI, 695—698, упом. 157.
- Кареповъ**, поруч. 1890 г., т. LXVI, 494, 495.
- Карлейль**, гр., англ. посолъ, т. LXVIII, 300.
- Карльбломъ**, педагогъ 1827 г. т., LXV, 362.
- Кармазовъ**, Діомидъ Ив., т. LXVIII, 569.
- Карновичъ**, Евг. Петр., писатель, т. LXV, 22, 687.
- Карнѣевъ**, Е. В., директ. горн. инст. 1834 г., т. LXV, 621, 622, 626.
- Карповъ**, Геннадій Ѳеодоровичъ, профес., членъ археограф. комисси и разныхъ ученыхъ обществъ, † 1890 г., т. LXVIII, 311.
- Карповичъ**, поруч. 1811 г., т. LXVII, 24, 29.
- Картацовъ**, Л. В., сообщ.: „Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ 1852—1859 г.“, т. LXVI, 393—409.
- Картацци**, одесск. городск. голова 1855 г., т. LXV, 565.
- Карцевъ**, Петръ С., нач. учебн. баталіона 1810 г., т. LXVII, 36.
- Карцовъ**, Александръ Петров., ген.-лейт. 1864 г., т. LXV, 472, 473, 476, 477, 479.
- Каръевъ**, Н., проф. 1885 г., т. LXVIII, 767, 769.
- Кассіандеръ**, инженеръ 1868 г., т. LXVIII, 323.
- Касгорскій**, Мих. Иван., профес., т. LXV, 638, т. LXVII, 141.
- Катенинъ**, Александръ Андр., ген.-адъют. 1853 г., т. LXV, 81, 85, 87, т. LXVI, 607.
- Катенинъ**, Г. А., т. LXV, 287.
- Катковъ**, Мих. Никиф., бывш. профес., писатель и публицистъ, род. 1818 г., † 1887 г., т. LXV, 54, 455, 637, т. LXVI, 276, 295, 632, т. LXVII, 618, 622, 631, т. LXVIII, 142, 172.
- Кауфманъ**, Н., писатель 1875 г., томъ LXVIII, 773.

- Каченовская, Амалия Христ., см. Бауеръ.
- Каченовская, Анна Мих., т. LXVI, 688.
- Каченовскій, Вл. Мих., сообщ.: „Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Къ очерку Н. П. Барсукова“, т. LXVI, 685—694; „Къ статьѣ М. Т. Каченовскій“, поправка, т. LXVIII, 310.
- Каченовскій, Д., т. LXVIII, 769.
- Каченовскій, Егоръ Мих., † 1885 г., т. LXVI, 688, 690.
- Каченовскій, Мих. Мих., т. LXVI, 688.
- Каченовскій, Мих. Трофим., профес., рект. московск. унив., р. 1775 г., † 1842 г., т. LXVI, 685—694, т. LXVIII, 310.
- Качко, горн. вж., т. LXV, 610.
- Кашперовъ, композиторъ, т. LXVIII, 79.
- Квашинъ-Самаринъ, Н. Д., членъ тверской ученой арх. ком., т. LXVIII, 562, 569.
- Квятицкій, генер. 1825 г., т. LXVIII, 522.
- Кедровъ, Сергій Ив., педагогъ, археографъ, т. LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
- Кейзерлингъ, гр., ученый, т. LXV, 601, 603, т. LXVI, 11, 12, 251.
- Кейзерлингъ, гр., почеч. дерптск. уч. окр. 1862 г., т. LXV, 369.
- Кейслеръ, И., писат. 1887 г., т. LXVIII, 771.
- Кейтъ, ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
- Келлеръ, гр. Вьет. Оед., т. LXVI, 225.
- Келлеръ, гр-ня, Софья Вас., см. Бобринская, гр-ня.
- Келлеръ, графъ, т. LXVI, 541, 543.
- Келлеръ, капельмейст. 1834 г., т. LXVI, 19.
- Кеммереръ, А. В., т. LXVI, 7.
- Кемецкій-Маланымъ, А. Н., капит. 1777 г., т. LXV, 776.
- Кемецкій, С. М., подполковн. 1777 г., т. LXV, 776, 780.
- Кенновъ, т. LXVII, 633.
- Кеплеръ, астрономъ, т. LXV, 335.
- Кернъ, Анна Петровна, рожд. Полтарацкая, т. LXVII, 387, 390, 391.
- Керсновскій, Ив. В., бывш. воспит. Двор. полка, вып. 1861 г., т. LXVI, 239.
- Кетчеръ, Никол. Христофор., т. LXVIII, 22, 55, 56, 72.
- Кивинъ, П. А., ст.-секрет. 1825 г., т. LXVI, 469.
- Киндлеръ, майоръ 1830 г., т. LXV, 718.
- Кирлинь, Андр. Никол., тайн. сов., т. LXV, 506.
- Кирилль, св., первоучит. славянскій, т. LXVIII, 579.
- Кирилль (Василій Наумовъ), еписк. мелитоп., его переписка 1857—1865 г., т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211—220, т. LXVIII, 187—208.
- Кириченко, Остромовъ, Антонъ, секунд-майоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
- Кирьяевъ, т. LXV, 825, 828.
- Кирѣевскій, Ив. Вас., помѣщ. 1850 г., т. LXV, 856.
- Кирѣевскіе, т. LXVI, 645.
- Кирѣева, Софія Алед., см. Эллисъ.
- Кирѣевъ, Алекс. Александр., сообщ. «Записки Михаила Николаевича Кирѣева», т. LXVII, 1—62.
- Кирѣевъ, Дм. Мих., т. LXVII, 48.
- Кирѣевъ, Кипріянь Мих., т. LXVII, 5, 11.
- Кирѣевъ, Мих. Мих., помѣщ. 1776 г., т. LXVII, 2—4, 11.
- Кирѣевъ, Мих. Никол., предвод. дворян. Ставроп. уѣзда, Симб. губ., 1865 г., Записки его 1789—1835 г., т. LXVII, 1—62.
- Кирѣевъ (Кирѣевскій), писат., т. LXV, 648.
- Кирѣевъ, т. LXV, 52.
- Киселевъ, графъ, Пав. Дм., генер. 1824 г., т. LXV, 115, 119—122, 284, 285, т. LXVI, 594, 727, 728—739, т. LXVII, 241, 691, 692, т. LXVIII, 53, 54.
- Киселевъ, чиновн. 1817 г., т. LXVII, 664.
- Кисимова, Евгения, т. LXVI, 415.
- Кисловскій, вице-директ. деп. мин. нар. просв. 1855 г., т. LXVI, 294, 634, т. LXVII, 142, 143, 146, 151, 152, 153, 155, 362, 370, 576, 587.
- Кистеръ, бар., ген.-контролеръ мин.-двора 1831 г., т. LXV, 505, 506.
- Кистеръ, бар., полковн. 1854 г., т. LXVI, 54, 55.
- Китара, профес., т. LXV, 235.
- Китнеръ, I. С., инженер., т. LXV, 741.

Кичиѣй, полковн. 1831 г., т. LXV, 700.
 Кншельскій, подпоруч. 1856 г., т. LXV, 758.
 Класенъ, В. I., фотографъ, т. LXVII, 448, т. LXVIII, 581.
 Класовскій, В. И., профес., т. LXVI, 477, 480.
 Клевецкій, предсѣд. сб. управы благо-
 чинія 1847 г., т. LXV, 374.
 Клейнмихель, графиня, т. LXVI, 42.
 Клейнмихель, Андрей Андреев., дир.
 2-го кад. корп. 1808 г., т. LXVII, 15,
 17, 28.
 Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., ген-
 ад., † 1869 г., т. LXV, 36, 37, 38, 49,
 382, 395, 397, т. LXVI, 301, 302, 629,
 632, 633, т. LXVII, 41, 42, 692, т.
 LXVIII, 174, 319.
 Клеменъ, шт.-кап. 1839 г., т. LXV, 67.
 Клементьевъ, витебск. губернат. 1814 г.,
 т. LXVII, 701.
 Клементьевъ, судья 1846 г., т. LXVII,
 204, 205, 283, т. LXVIII, 662.
 Клепоцкій помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 245.
 Клеронъ, ротм. 1833 г., т. LXV, 594.
 Клименко, шт.-кап. 1856 г., т. LXVI,
 320, 322.
 Клингеръ, ген.-м., дир. 1-го кад. кор.
 1819 г., т. LXVII, 15.
 Клингеръ, генералъ, писат. 1824 г.,
 т. LXVII, 449, 451, 452, 455.
 Клингеръ, ген.-м., попечит. дерптск.
 уч. окр. 1804 г., т. LXV, 349.
 Кляца, Ив. Ив., инж. пут. сообщ.
 1848 г., т. LXVII, 300, 311.
 Клобуцкій, М. П., педагогъ, т. LXVI,
 207.
 Клодтъ, бар., скульпт., т. LXV, 330,
 т. LXVII, 150.
 Клонгевичъ, всендъзъ, т. LXVI, 164.
 Клугенъ, студ. дерптск. унив. 1804 г., т.
 LXV, 346.
 Ключевскій, писатель, т. LXVIII, 429,
 432—437.
 Ключеревъ, дирек. деп. мин. финанс.,
 1858 г., т. LXVII, 590.
 Клячко, Францъ Никол., ген.-м., правит.
 Новгородск. намѣстничества 1777 г.,
 т. LXV, 776.

Кноррингъ, генер. 1808 г., т. LXV, 100,
 346, т. LXVI, 140, т. LXVII, 497—515.
 Кнорингъ, шт.-ротм. 1833 г., т. LXV, 592.
 Князевичъ, Александръ Максимовичъ,
 мн-ръ финанс., т. LXVI, 33, 564, томъ
 LXVII, 586, 590, 604, 610, 620, томъ
 LXVIII, 398.
 Князенинъ, Яковъ Борис., писатель,
 т. LXVI, 28, 94, т. LXVII, 613.
 Князевъ, Александръ Сергѣев., археол.,
 педаг., писатель, р. 1814 г., сообщ.
 „Псковъ и его достопримѣчательности“,
 т. LXVIII, 311—326, 578—580, упом. 744.
 Кобоко, Дмитр. Омичъ, тайн. сов., чл.
 имп. русск. ист. общ. и др. учен. общ.
 т. LXVI, 445.
 Кобержскій, Ф. Ф. нач. мальпоста между
 Варшав. и Спб. 1860 г., т. LXVIII
 593, 596.
 Кобургскій, принцъ, т. LXVI, 143.
 Ковалевская, Софья Васильевна, рожд.
 Корвинъ-Круковская, профес. мате-
 матики, т. LXV, 245, т. LXVIII, 581—
 583, 615—654, 713—715, 765.
 Ковалевскіе, т. LXVIII, 644, 651.
 Ковалевскій, Евгр. Петров., мн-ръ нар.
 проsv., т. LXVI, 314, 571, 617, 621,
 т. LXVII, 152, 153, 576—578, 586, 596,
 608, 609, 625, 626, 630, т. LXVIII, 144,
 148, 154—174, 185, 390, 613.
 Ковалевскій, Егоръ Петров., т. LXVII,
 614, т. LXVIII, 146, 150, 159, 183, 397, 754,
 Ковалевскій, Максимъ, 1871 г., томъ
 LXVIII, 769, 770.
 Ковалевскій, офиц. 1854 г., т. LXVIII,
 672.
 Ковалевскій, зоологъ 1882 г., т. LXV,
 244, 245, 246.
 Ковалевскій, Влад. Онуфрѣев., геологъ,
 1877 г., т. LXVIII, 644, 948, 653, 654.
 Коваленскій, правит. Грузіи, 1798 г.,
 т. LXVII, 493, 496, 497, 498, 499, 501,
 501, 502, 503, 504, 506, 507, 508, 511,
 512, 515, 518, 520, 521.
 Ковалько, т. LXV, 614.
 Ковригина, Прасковья Ив., т. LXVIII,
 785.
 Кодиновецъ, Алексѣй, т. LXVII, 525.

- Кожина, въ зам. баронесса Черкасова, т. LXV, 819.
- Козадавлевъ, О., мин. вв. дѣль 1812 г., т. LXVIII, 703—709.
- Козачова, т. LXV, 135.
- Козачова, т. LXVI, 295.
- Козачковскій, ген.-лейт. 1825 г., томъ LXV, 119, 121, т. LXVI, 731.
- Козловскій, Г. Я., помѣщ. 1840 г., т. LXV, 105—114.
- Козловскій, Осипъ, адвокатъ 1831 г., т. LXV, 682, 693.
- Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, т. LXV, 850—852, т. LXVII, 393, 397, т. LXVIII, 310.
- Козловъ, Никита Петров., т. LXVIII, 331.
- Козловъ, Пав. Мих., об.-полицеймейст. 1796 г., т. LXVI, 682.
- Козляниновъ, Никол. Фед., ген. 1855 г., т. LXVI, 312.
- Козляниновъ, П. Ф., команд. Ольвип. уланск. полка 1854 г., т. LXVI, 312.
- Козляниновъ, ген.-маюръ 1824 г., томъ LXV, 121.
- Коконцевъ, К. К., профес., т. LXV, 741.
- Кокоревъ, Александръ Никит., инж.-ген.-м. 1849 г., т. LXVI, 353, 354.
- Кокоревъ, Вас. Александр., † 1889 г., т. LXVII, 582, 590.
- Кожшарова, Глафира Степ., см. Эрстова.
- Кожшарова, Наталья Андр., т. LXV, 625.
- Кожшарова, Марья Ив., т. LXV, 610.
- Кожшаровъ, Александръ Ив., т. LXV, 610.
- Кожшаровъ, Ив. Конст., т. LXV, 606.
- Кожшаровъ, Дм. Ив., т. LXV, 610, 611.
- Кожшаровъ, Д. К., т. LXV, 616, 625.
- Кожшаровъ, Никол. Ив., акад., кристаллографъ, его Воспоминанія 1818—1859 г., т. LXV, 601—628, т. LXVI, 1—23, 249—270, 505—575, упом. т. LXV, 225, томъ LXVI, 466, 468, 470, 471, 481.
- Коленкуръ, франц. посолъ при русск. дворѣ 1806 г., т. LXV, 163—219.
- Колваковъ, Конст. Павл., генер., томъ LXV, 681.
- Колваковъ, Пав. Андр., адмир. 1826 г., т. LXV, 23, 681.
- Колкуновъ, бывш. восп. Двор. полка т. LXVI, 246.
- Коллертъ, Мих., поруч. 1857 г., томъ LXVI, 403, 405.
- Кологривовъ, В., т. LXV, 266.
- Колоколовъ, Ив. Анисимов., т. LXVIII, 70.
- Колоколовъ, воспит. горн. корп. 1831 г., т. LXVI, 2.
- Колоколовъ, бригадиръ 1737 г., томъ LXV, 117.
- Колосова, Александр. Мих., см. Картыгина.
- Колосовъ, В. П., чл. тверск. учев. архив комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
- Колотовъ, т. LXV, 30.
- Колпашникова, Людм. Степ., въ жен.-на Вобринская, во втор. бракъ графиня Крейцъ, т. LXVI, 225.
- Колтовскій, флотск. оф., т. LXVI, 8.
- Колычевъ, атаманъ, т. LXVIII, 443.
- Кольцовъ-Масальскій, вн., Ив. Мл. генераль 1704 г., т. LXVIII, 443.
- Колупановъ, Н. П., писат. 1873 г., т. LXVIII, 773, 775.
- Комаровскій, гр., Евграфъ Федотовъ ген.-ад., сенаторъ, † 1843 г., т. LXVIII 538.
- Комаровскій, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 280.
- Комаровскій, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 102.
- Комовскій, дир. канц. мин. нар. просв. 1850 г., т. LXV, 41, 49, 380, 632.
- Комовскій, д. ст. сов., въ вѣд. морск. минист. 1854 г., т. LXV, 659, 663.
- Кометадиусъ, Анна Карл., см. Дмитриева.
- Кометадиусъ, Августъ Карл., лейтенантъ род. 1826 г., † 1855 г., т. LXVI, 85—105.
- Кондратьевъ, секундъ-маюръ 1786 г., т. LXV, 782.
- Кони, Анат. Фед., т. LXVIII, 769.
- Коноваловъ, химикъ 1882 г., т. LXV, 244, 245, 246.
- Кононовичъ, Казиміръ Осип., офицеръ 1848 г., т. LXVII, 312.
- Кононовичъ, генер. 1890 г., т. LXVI, 246.

- Кононовъ, вратъ, т. LXVIII, 683.
 Конопляной, прап. 1848 г., т. LXVII, 303.
 Конопляной, Юлианъ Юлиев., архитект. 1890 г., т. LXVIII, 736, 743.
 Константиновскій, Матвѣй, протоіерей, т. LXV, 856.
 Константинъ Николаевичъ, вел. кн., т. LXV, 257, 327, 569, 629, 874, 880, т. LXVI, 25, 28, 35, 614, 617, 636, т. LXVII, 135, 147, 579, 596, т. LXVIII, 290, 291, 323, 396, 579.
 Константинъ Павловичъ, вел. князь цесарев., р. 1779 г., † 1834 г., т. LXV, 21, 22, 23, 27, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 692, 698, 699, 706, 707, 708, 709, 714, 715, 716, 739, т. LXVI, 500, 501, 502, т. LXVII, 15, 16, 24, 25, 26, 64, 229, 308, т. LXVIII, 113, 210, 304, 499, 506, 532, 533, 731.
 Конталузена, гр-ня, т. LXVI, 674.
 Кошкинъ, Н. М., т. LXVIII, 305.
 Коперникъ, астрономъ, т. LXV, 32, 33.
 Коптевъ, бывш. восп. Констант. учил., т. LXVI, 246.
 Корватовскій, А. М., чл. нижегор. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
 Корвинъ, Матвѣй, король венгерскій, предокъ Корвинъ - Круковскихъ, т. LXVIII, 638.
 Корвинъ-Брасинскіе, т. LXVIII, 638.
 Корвинъ-Круковскіе, т. LXVIII, 638.
 Корвинъ-Круковская, Анна Васильев., см. Жакляръ.
 Корвинъ - Круковская, Елисов. Оед., рожд. Шубертъ, † 1879 г., т. LXVIII, 616, 643, 652, 653, 713.
 Корвинъ-Круковская, Софья Вас., см. Ковалевская.
 Корвинъ-Круковскій, Васил. Вас. ген.-лейт. 1853 г., т. LXVIII, 616—654, 713.
 Корвинъ-Круковскій, Семенъ Васил., помѣщ., т. LXVIII, 616.
 Корвинъ-Круковскій, Оед. Васил., 1868 г., т. LXVIII, 631, 646, 647, 652, 654.
 Кордтъ, В. А., сообщ.: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Письмо къ Мих. Никол. Загоскину», т. LXVII, 292; «Императрица Марія Θεодоровна» т. LXVIII, 479—480.
 Корженевскій, І. В., педагогъ, т. LXVI, 207.
 Корблиновъ, педагогъ 1849 г., т. LXV, 398.
 Корвинъ, математ. 1883, т. LXV, 245.
 Корнуновъ, академикъ, † 1858 г., т. LXVII, 578.
 Корниловичъ, Александръ Осиповичъ, писат. и историкъ, издат. сборника исторія «Русская Старина» 1825 г., декабристъ, † 1835 г., т. LXVIII, 503—504.
 Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-адм., адмир., † 1853 г., т. LXV, 660, 661, 663, 664, т. LXVI, 51, 88, 89.
 Корниловъ, Ив. Петров., сообщ.: «Двѣ характеристики русскихъ генерал. XVIII и XIX вв. Замѣтка», томъ LXVI, 727—739; упом. т. LXVIII, 643.
 Корниловъ, Петръ Яковл. ген.-л. 1824 г., т. LXV, 119, 121, т. LXV, 731—739.
 Корниловъ, Оед. Петров., чл. госуд. сов., сообщ.: «Двѣ характеристики русскихъ генераловъ XVIII и XIX вв. Замѣтка», т. LXVI, 727—739, упом. т. LXV, 874, т. LXVI, 179.
 Корниловъ, сенаторъ, 1849 г., т. LXVIII, 358, 361, 362.
 Королевъ, Ф. Н., магистръ матем., директоръ Петровск. акад. съ 1870—1876 гг., т. LXVIII, 548.
 Коротневъ, физиологъ 1887 г., т. LXV, 245.
 Корсаковъ, В. Д., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
 Корсаковъ, Д. А., 1888 г., т. LXVIII, 765.
 Корсаковъ, Мих. Семен., ген.-губ. въ Сибири 1861 г., т. LXV, 128, 129.
 Корсаковъ, писат., т. LXVIII, 428.
 Корсаковъ, ценз. 1843 г., т. LXV, 36.
 Корсини, Марья Антоновна, рожд. Быстроглазова, т. LXVIII, 147.
 Корсини, г-жа, т. LXV, 373, 374.
 Корфъ, бар., вполн. гр., Модестъ Андр. чл. госуд. сов., т. LXV, 35, 384, 385, 400, 401, 631, т. LXVI, 278, 633, 634

- т. LXVII, 154, 157, 376, 587, 622,
т. LXVIII, 184, 185, 186, 285, 287, 306.
- Корфъ**, бар., Н. А., т. LXVIII, 772.
- Коршъ**, Валентинъ Фед., т. LXVIII, 39, 769.
- Коршъ**, Евг. Фед., т. LXVIII, 22, 39,
54, 56.
- Коршъ**, Марья Фед., т. LXVIII, 39, 40,
54, 56.
- Косецкая**, см. Фокицына.
- Косичъ**, Андрей Ив., саратовск. губер-
наторъ, ген.-лейт. 1890 г., т. LXVIII,
235, 565.
- Косовичъ**, Багг. Андреев., библиот.
сб. публ. библиот., т. LXVI, 478.
- Косиновскій**, Валентинъ Андреев.,
т. LXVI, 622.
- Косиновскій**, Всеволодъ Андреевичъ,
† 1855 г., т. LXVI, 621, 622.
- Косиновскій**, офиц. 1856 г., т. LXVII,
143.
- Коссовскій**, гр., т. LXV, 30.
- Костанда**, полков. 1854 г., т. LXVIII,
671.
- Костанжогло**, 1850 г., т. LXVIII, 656.
- Костеневскіе**, т. LXV, 233.
- Костенно**, гев.-майоръ 1890 г., томъ
LXVI, 240.
- Костеринъ**, крестьян., т. LXVIII, 559.
- Костомаровъ**, Николай Иванов., род.
1817 г., † 1885 г., т. LXV, 33, 377,
т. LXVI, 207—209, т. LXVII, 541, 544,
546, 567, 617, т. LXVIII, 311, 315,
392, 430, 752, 753, 756, 771.
- Костюшко**, Фадей, ген. польск. служб.,
т. LXV, 67, 296, 322, 822.
- Котелениъ**, дядька герцога Н. М. Лейх-
тенбергскаго, т. LXVI, 477.
- Котляревская**, Алексд. Егор., см. Го-
лубева.
- Котляревская**, Любовь Никол., томъ
LXVII, 533, 534.
- Котляревскій**, ученый 1888 г., томъ
LXV, 245, т. LXVIII, 764.
- Котляревскій**, офиц., т. LXVII, 533.
- Котошикинъ**, подъячій, составит. опи-
санія Московскаго государства, томъ
LXVIII, 298, 301.
- Кожановскій**, Францъ, т. LXV, 547.
- Кожановскій**, т. LXV, 694, 695.
- Коховскій**, Всеволодъ Порфирьевичъ
ген.-лейт., директ. сб. педагогич. уч.
воен.-учебн. завед., род. 1835 г., томъ
LXVI, 246, 247.
- Коцебу**, Августъ, т. LXV, 351—353.
- Коцебу**, гр., Пав. Евстафьев., ген.-ал.
т. LXV, 744, 745, 750—754, т. LXVI,
313, т. LXVIII, 666, 667, 671.
- Кочетова**, пѣвица, т. LXVII, 596.
- Кочетовъ**, Іакинфъ, священ., настоят.
Петро-Павловск. соб. въ Спб. 1820 г.,
т. LXV, 842.
- Кочубей**, В. А., рожд. гр-ня Куше-
лева-Везбородно, т. LXVI, 603.
- Кочубей**, кн., Викт. Павлов., министр
вн. дѣлъ 1807 г., вполн. госуд. канд.,
предсѣд. госуд. совѣта, род. 1768 г.,
† 1834 г., т. LXV, 144, 211, 347, 348,
351, т. LXVII, 14, 411.
- Кочубей**, кн., Серг. Виктор., т. LXVI,
312, 323.
- Кочубей**, т. LXVI, 123.
- Кочубей**, т. LXVI, 177.
- Копанскій**, Н. Ф., профес., т. LXV,
841, 842.
- Кошевичъ**, чиновникъ 1789 г., т. LXV,
786.
- Кошкина**, г-жа, т. LXVII, 125.
- Кошкинъ**, полковн. 1835 г., т. LXVII,
125, 126.
- Кравцовъ**, И. С., т. LXV, 485.
- Краевскій**, Андрей Александров., издат.
«Голоса», предсѣд. комис. по народн.
образов., род. 1810 г., † 1889 г., томъ
LXV, 41, 53, 380, 382, 383, 593, 650,
т. LXVI, 43, 187, т. LXVII, 355, 356,
360, 577, 607, т. LXVIII, 141, 142, 183.
- Краевскій**, полковн. 1865 г., т. LXVI,
666—668, 670.
- Краль**, ротмистръ 1839 г., т. LXV, 332.
- Краморенко**, поручикъ 1890 г., томъ
LXVI, 246.
- Крамской**, Ив. Никол., художн., томъ
LXVI, 694, 723, т. LXVIII, 759.
- Кралотвинъ**, кн., А. Н., флиг.-адъют.
1850 г., т. LXVII, 182.
- Красицкая**, т. LXV, 31.
- Красиновскій**, подпоручикъ 1830 г., томъ
LXV, 710, 716.

Ерасинскій, гр., Юзефъ, т. LXV, 720.
 Ераснодубровскій, С. С., чл. саратов.
 архива. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563,
 569, 570.
 Краснокутскій, офицеръ 1854 г., томъ
 LXVI, 49.
 Красноумовъ, директ. витебск. учебн.
 завед. 1855 г., т. LXVI, 625.
 Красовскій, А. К., инспект. строительн.
 учил., т. LXV, 741.
 Красовскій, А. И., тайн. сов., предсѣд.
 ин. цenz. комит., † 1857 г., т. LXVII,
 372, 373.
 Красовскій, Ив. Иванов., томскій гу-
 бернаторъ, † 1885 г., т. LXV, 743—754.
 Красовскій, ген. 1830 г., т. LXV, 733.
 Краузе, проф. 1803 г., т. LXV, 346.
 Крафтстремъ, генер., попечит. дерптск.
 учебн. округа, † 1854 г., т. LXV, 368,
 т. LXVI, 278.
 Крейцъ, гр., Генрихъ Кипріянов., флиг-
 адъют. 1855 г., т. LXV, 572, т. LXVI,
 53, 60, 65, 225, т. LXVII, 181.
 Кречетниковъ, генералъ 1792 г., томъ
 LXVI, 732.
 Крѣжановскій, подполковн. 1830 г.,
 т. LXV, 24, 702.
 Кривскій, Петръ Васильевичъ, офицеръ
 1848 г., т. LXVII, 304.
 Кривцовъ, ген.-м. 1826 г., т. LXV, 23.
 Кривцовы, т. LXVIII, 559.
 Криднеръ, бар., при пос. во Франціи
 1856 г., т. LXV, 156.
 Кротовъ, помѣщ. 1835 г., т. LXVII, 130.
 Кротовъ, т. LXV, 311, 312.
 ф.-Брохъ, г-жа, см. Пестель.
 Кругъ, т. LXVII, 456.
 Крузе, Николай Ѳед., профес., т. LXV,
 356, т. LXVII, 622, т. LXVIII, 298.
 Крузенштернъ, Ив. Ѳед., адм., директ.
 морск. учил., т. LXV, 44.
 Крузенштернъ, Никл. Ив., т. LXV, 565.
 Крузенштернъ, т. LXV, 399.
 Кружевецкій, гр., начальн. 2-й пѣхотн.
 дивизіи 1831 г., т. LXV, 698, 701, 727,
 728, 736.
 Крутиковъ, бывш. восп. Конст. учил.,
 т. LXVI, 247.

Крутовъ, Мих. Ив., офицеръ 1830 г.,
 т. LXVIII, 119, 121.
 Ершовошевскій, адвокатъ 1831 г., томъ
 LXV, 702.
 Ерыжановскій, Ефимъ Мих., нач. учебн.
 дирекціи въ Ц. Польск. 1865 г., т. LXVI,
 717—726.
 Ерыжановскій, генер. артлл. 1853 г.,
 т. LXVII, 652.
 Ерыжановскій, ген.-м. 1825 г., т. LXVI,
 178.
 Ерыжинъ, А. П., т. LXVIII, 304, 306.
 Ерыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 г.,
 † 1844 г., т. LXV, 43, 93—97, 309,
 т. LXVI, 287, 680, т. LXVII, 388, 389,
 397, т. LXVIII, 304, 623.
 Ерыловъ, А., моск. профес. и цензоръ
 1844 г., т. LXV, 40, 41, 52, 382, т. LXVIII,
 773.
 Ерыловъ, Вит. А., др. писат., т. LXVIII,
 760.
 Ерыловъ, Захаръ Денис., купецъ 1814 г.
 т. LXVIII, 709.
 Ерюковъ, П. И., сообщ.: „Иванъ Ва-
 сильевичъ Турчаниновъ 1848 г.“, томъ
 LXVI, 699.
 Ерюковъ, профес., 1838 г., т. LXVIII,
 281.
 Ерюковъ, чиновн. 1859 г., т. LXV, 129.
 Еубасовъ, физиологъ 1835 г., т. LXV,
 245, 246.
 Еублицкій-Шютухъ, Андрей Потапов.,
 т. LXV, 66.
 Еудравцевъ, П. Н., ученый 1880 г.,
 т. LXVIII, 766.
 Еудравцевъ, 1854 г., т. LXVI, 276.
 Еузнецовъ, А., сообщ.: „Михаилъ Ев-
 графовичъ Салтыковъ. Эпизодъ изъ пре-
 быванія его въ Вяткѣ“, т. LXVI, 713—
 714; „Къ губернскимъ очеркамъ М. Е.
 Салтыкова. Замѣтка“, т. LXVIII, 466—
 468.
 Еужольникъ, Несгоръ Вас., писатель,
 т. LXV, 49, 373, 647, т. LXVI, 26.
 Еулебякинъ, майоръ 1812 г., т. LXV, 19.
 Еуликовъ, Ник. Ив., писатель, т. LXVIII,
 625.
 Еулишъ, Пантелеймонъ Александров.,

- писатель, т. LXV, 376, 377, 380, 417, 418, 426, т. LXVI, 641, т. LXVII, 212, т. LXVIII, 363.
- Кульманъ**, двѣца, т. LXVI, 37.
- Кульманъ**, т. LXVII, 467.
- Кульневъ**, Яковъ Петров., ген.-маіоръ, шефъ Гродн. гусарск. полка, р. 1763 г., † 1812 г., т. LXVI, 733.
- Кульневъ**, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 231, 687, 688, 690.
- Куницынъ**, профес. 1849 г., т. LXV, 398.
- Курдяновъ**, ген. 1855 г., т. LXVI, 317, 318.
- Купферъ**, А. Я., директ. физич. обсерватор. 1849 г., т. LXVI, 533.
- Купферъ**, ученый, т. LXVI, 468.
- Купчинскій**, Петръ, т. LXVII, 525.
- Куракина**, княгиня, Елена Степановна, рожд. Апраксина, р. 1735 г., † 1768 г., т. LXVIII, 233.
- Куракина**, княгиня, Софія Владим., рожд. Можиевская, чл. Саратов. ученой архивн. комис., землевлад. Полтавск. губ., т. LXVIII, 235, 237.
- Куракинъ**, кн., Александръ Борисов., д. тайн. сов., вице-канцл., р. 1752 г., † 1818 г., т. LXV, 201, 203, т. LXVIII, 229—237.
- Куракинъ**, кн., Алексѣй Борисов., дѣйств. тайн. сов., ген.-прокур. 1796 г., р. 1759 г., † 1829 г., т. LXV, 870, т. LXVIII, 231, 232, 237, 538.
- Куракинъ**, кн., Алексѣй Борисов., тайн. сов., гофмейст., род. 1809 г., † 1872 г., т. LXVII, 180, т. LXVIII, 230, 233.
- Куракинъ**, кн., Борисъ-Леонтіи Александров., ген.-лейт., гофмейст., сенат., † 1764 г., т. LXVIII, 233.
- Куракинъ**, кн., Борисъ Ив., полномочн. посолъ при разн. европ. дворахъ, род. 1676 г., † 1727 г., т. LXVII, 447, томъ LXVIII, 229—260.
- Куракинъ**, кн., Ив. Григорьев., бояринъ, намѣстн. смоленскій, † 1682 г., т. LXVIII, 236.
- Куракинъ**, кн., Фед. Алексѣев., подполковн., землевлад. Саратовск. губ., чл. Саратовской ученой архивн. комис., издат. историч. сборн. „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина“, р. 1842 г., т. LXVII, 447, 448, т. LXVIII, 229—260.
- Куравинъ**, кн., Ѳеодоръ Ѳеодоров., бояринъ, воспитат. царя Ѳеодора Алексѣевича, т. LXVIII, 236.
- Куракины**, князья, томъ LXVII, 448, т. LXVIII, 233, 236.
- Кургановъ**, Ѳ., писатель, т. LXVII, 552.
- Курдяевъ**, подполковн. 1860 г., т. LXVIII, 477—478.
- Курловъ**, флотск. офицеръ 1842 г., томъ LXVI, 85.
- Курлятевъ**, князь, т. LXVIII, 431.
- Курнатовскій**, генер. 1830 г., т. LXV, 710.
- Курочкинъ**, Василій Степ., писатель, р. 1831 г., † 1875 г., т. LXVI, 241, 246.
- Курофодовъ**, инженер., т. LXV, 741.
- Куртель**, художникъ, т. LXVIII, 7.
- Курута**, гр., Дм. Дмитр., ген.-отъ-инф., † 1838 г., т. LXV, 23, 715, 716, 723.
- Курута**, К. Р., ген.-ад., нач. 2-го кад. корп. и Дворян. пол. 1815 г., т. LXVII, 28.
- Курьяръ**, Б., педагогъ, т. LXVI, 478.
- Куторга**, Мих. Семенов., профес. 1862 г., т. LXVI, 481, т. LXVIII, 164.
- Куторга**, Степанъ Семен., профес. 1845 г., т. LXV, 44, 47, 51, 377, 390, 401, 640, т. LXVI, 254, 255, т. LXVII, 592.
- Куторга**, капит. 1890 г., т. LXVI, 247.
- Кутузовъ**, гр., Вас. Павлов., ген.-маіоръ, бывш. команд. Киевск. гусарск. полка, т. LXVI, 309.
- Кутузовъ**-Смоленскій, кн., Мих. Илар. р. 1745 г., † 1813 г., т. LXV, 4, 97, т. LXVI, 488, 735, 736, т. LXVII, 45, 651, т. LXVIII, 233, 490, 533.
- Кутузовъ**, гр., ген.-ад., † 1859 г., томъ LXVIII, 172, 512.
- Кушелева**-Везбородко, гр.—ня, В. А., см. Кочубей.
- Кушелевъ**, С. Е., фл.-ад. 1845 г., томъ LXVII, 181.
- Кушелевъ**-Везбородко, гр., Г. А., издан. «Русск. Слова» 1860 г., т. LXVIII, 606.
- Кушелевъ**-Везбородко, т. LXV, 71.
- Кушель**, т. LXV, 703.
- Кюхельбежеръ**, Вильгельмъ Барлов., писат., декабр., р. 1797 г., † 1846 г.

- т. LXVII, 378, 380, 383, 569, т. LXVIII, 503—509.
- Лаблашъ**, пѣвецъ 1834 г., т. LXVI, 19.
- Лаваль**, графиня, т. LXVIII, 501.
- Лаврентьева**, Софья Ив., сообщила: „Татьяна Петровна Пассекъ въ 1879—1889 г., т. LXV, 429—460, упом. томъ LXVI, 205.
- Лавровский**, П. А., профес., писатель, † 1886 г., т. LXVIII, 309.
- Лавровъ**, 1849 г., т. LXV, 392.
- Лавровъ**, поруч. 1864 г., томъ LXVIII, 671—673.
- Лавровъ**, Петръ Лавров., 1860 г., т. LXVIII, 609, 611.
- Лагаръ**, воспитат. имп. Александра I, т. LXVIII, 500.
- Ладыгинъ**, купецъ, т. LXVIII, 315.
- Лазаревскій**, А., т. LXVII, 522.
- Лазаревъ**, Оома, подьячій, т. LXVIII, 558.
- Лазаревъ**, Мих. Петров., адмир., род. 1788 г., † 1851 г., томъ LXVI, 86, 96, 102, 104.
- Лазаревъ**, Х. Я., тайн. сов., т. LXVIII, 302.
- Лазаревъ**, ген., предсѣд. времен. управл. на Кавказѣ 1801 г., т. LXVII, 493—511.
- Лавъ**, Антонъ Ив., ген.-м., томскій губернаг., † 1888 г., т. LXV, 583—586.
- Ламанскій**, Влад. Ив., профессоръ, томъ LXVII, 575.
- Ламанскій**, Евген. Ив., тайн. сов., бывш. чл. редакціон. комм. т. LXV, 874, 877.
- Ламбертъ**, гр., I. К., полковн. 1851 г., т. LXVI, 534.
- Ламбертъ**, гр., генер. 1812 г., т. LXVI, 734.
- Ламбьянъ**, Николай Петров., т. LXVIII, 306.
- Ламадорфъ**, графъ, т. LXVIII, 305.
- Ламорсиеръ**, генер., франц. посл. въ Спб., т. LXV, 570.
- Ландышевъ**, протоіерей 1865 г., томъ LXVIII, 379.
- Лажеронъ**, гр., генер. 1814 г., 1831 г., т. LXVI, 736, т. LXVIII, 473, 474, 677, 678.
- Ланской**, В. И., т. LXVIII, 769.
- Ланской**, гр., Никол. Степанов., преподаватель въ археолог. институтѣ, сообщ.: „Архивы въ Давіи. Законъ 30 марта (н. ст.) 1889 г.“, г. LXVII, 448, 573—574.
- Ланской**, Никол., генер. 1790 г., томъ LXVI, 144.
- Ланской**, Серг. Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. LXVI, 391, т. LXVIII, 177, 178, 374, 633.
- Ланской**, фл.-ад. 1805 г., т. LXVIII, 213.
- Лаптева**, Алексд. Ив., см. Жиркевичъ.
- Лаптева**, Анастасія Сем., въ зам. княг. Долгорукова, † 1827 г., т. LXV, 102.
- Лапшинъ**, профес. 1830 г., т. LXVI, 207.
- Ласковский**, докт. меднц. 1854 г., томъ LXVI, 280, 281.
- Латкинъ**, Николай Васильев., сообщ.: „Къ первымъ главамъ записокъ Н. В. Берга“, т. LXV, 712, упом., т. LXVI, 72.
- Фонъ-дерь-Лауницъ**, бар., Васил. Фед., ген.-ад., † 1863 г., т. LXVI, 171—174.
- Зеге-фонъ-Лауренбергъ**, т. LXVI, 171.
- Лафонъ**, Софія, статсъ-дама, начальница Смольн. вѣст., † 1797 г., т. LXV, 815—832, т. LXVII, 413—436.
- Лафонъ**, баронесса, см. Гейкинъ.
- Лачиновъ**, минералогъ, 1888 г., т. LXV, 245.
- Лашевскій**, В. И., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554.
- Лашковъ**, О. О., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556, 570.
- Лашмановъ**, О. О., сообщ.: „Надежда Андреевна Дурова. Род. 1790 г., † 1863 г.“, т. LXVII, 657—666.
- Лебедевъ**, А. О.; педагогъ, археографъ, чл. саратовск. учен. архивн. комис., томъ LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
- Лебедевъ**, В. Н., т. LXV, 811.
- Лебедевъ**, Касторъ Никлф., сенаторъ, т. LXVI, 445.
- Лебедевъ**, Петръ Сем.н., ген.-лейт., профес., сообщ.: „Князь Павелъ Дмитриевичъ Циціановъ“, т. LXVI, 140—143, упом. т. LXV, 637, т. LXVI, 296.
- Лебединцевъ**, Д. Г., изд. „Кіевской Старина“, †, т. LXVII, 476.

- Лебцельтернъ, австрійск. посланникъ
 1825 г., т. LXVIII, 500.
- Левашевъ, гр., Василий, ген.-ад. 1826 г.,
 т. LXVIII, 512.
- Левашевъ, гр., Никол. Васильев., шт-
 ротм., фл.-ад. 1854 г., т. LXV, 71, 462,
 659—680, 843, т. LXVII, 182, 186.
- Левенвальдъ, гр., об.-гофмарш., томъ
 LXV, 812.
- Левендаль, бар., ген.-лейт. 1737 г.,
 т. LXV, 116.
- Левенеръ, ген.-м. 1790 г., т. LXVI, 146.
- Левенталь, команд. Нязовскаго полка
 1825 г., т. LXVIII, 502.
- Левенштернъ, бар., ген.-лейт. 1824 г.,
 т. LXV, 119.
- Левенштернъ, полковн. 1836 г., т. LXVI,
 248.
- Левинсонъ, ученый, т. LXV, 246.
- Левинсонъ, т. LXVIII, 193.
- Левитовъ, пис. 1882 г., т. LXVIII, 770.
- Левинцкій, М., т. LXVII, 553, 554, 555,
 560.
- Левинцкій, С. Л., художникъ-фотографъ,
 т. LXV, 811, 829, т. LXVII, 643, т.
 LXVIII, 230, 488.
- Левшина, Е. Ѳ., т. LXVI, 672.
- Левшинъ, Дм. Сергѣев., генер. 1852 г.,
 т. LXV, 645, т. LXVIII, 139.
- Ледурнеръ, художн., т. LXV, 330, 331.
- Лейманъ, священ. 1890 г., т. LXVIII,
 530.
- Лейхтъ, С., ген.-лейт., 1890 г., т. LXVI,
 240, 246.
- Лейхтенбергскій, герцогъ, Николай
 Максиміановичъ, автобіографія, т.
 LXVI, 476—481, упом. т. LXV, 605, т.
 LXVI, 423, 424, 467—475.
- Лейхтенбергскій, герцогъ, Макси-
 мианъ Евгениевичъ, управл. горн. инст.,
 вполн. рижск. губернат., т. LXVI, 6,
 25, 255, 531, 566, 567, 573, 647, 651.
- Дежскъ, Мих. Ив., т. LXVII, 190, 191.
- Делевель, Іоаннъ, польскій историкъ,
 проф. вил. унив., р. 1785 г., † 1861 г.,
 томъ LXV, 24, 684—705, т. LXVIII,
 152.
- Ленцъ, акад., т. LXVI, 530, 615.
- Леонидъ (Краснопѣвковъ), еписк. Дмит-
 ровскій, т. LXV, 621.
- Леонтьевъ, ген.-лейт. 1737 г., т. LXV,
 115.
- Леонтьевъ, профес., издат. «Проплей»,
 т. LXV, 637, т. LXVI, 45, 276, 294,
 т. LXVII, 618, 631.
- Леопольдовъ, Андрей Филипп., т. LXVII,
 550.
- Лепарскій, Станисл. Ром., комед.
 Перч. рудн. съ 1826—1837 гг., р. 1754 г.,
 † 1837 г., т. LXVIII, 351.
- Лермонтова, г-жа, 1873 г., т. LXVIII,
 645.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель,
 р. 1814 г., † 1841 г., т. LXV, 589—
 594, 740, 741, т. LXVI, 30, 501, т.
 LXVII, 204, 387, т. LXVIII, 302, 764, 765.
- Лерхе, врачъ-окулистъ 1845 г., т.
 LXVII, 329.
- Лесонинъ, ученый 1889 г., т. LXV, 246.
- Лестокиъ, гр., Іоаннъ Германъ, аб-
 дикъ им-цы Елиасв. Петровны, т. LXV,
 812, т. LXVIII, 305.
- Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, адми-
 раль 1700 г., т. LXVIII, 246, 249, 253,
 258, 259.
- Лехнеръ, ген.-лейт. 1855 г., т. LXV,
 557, 564.
- Лешернъ, витебск. губернат. 1813 г.,
 т. LXVIII, 707.
- Ливень, Дарья Христ. см. Бенкендорфа.
- Ливень, бар., В. К., т. LXV, 658.
- Ливень, кн., Христоф. Андр., ген.-отъ-
 инф., русск. посолъ въ Лондонѣ 1816 г.,
 т. LXV, 827.
- Ливень, майоръ 1737 г., т. LXV, 118.
- Ливень, кн., почеч. слб. уч. окр. 1849 г.,
 вполн. мн-ръ народн. просв., т. LXV,
 351, 353, 363, 399.
- Ливень, бар., об.-егермейст. 1878 г., т.
 LXV, 513.
- Лидерсъ-Веймарнъ, гр., Ан., сообщ.:
 „Осажденный Севастополь въ письмахъ
 убитаго офицера 1853—1855 гг.“, т.
 LXVI, 85—105, упом. 313, 586, 596, 609.
- Лидерсъ, генер. 1854 г., т. LXVIII,
 666, 667.
- Лидиенфельдъ, П. Ѳ., т. LXV, 874.

Лингвистъ, профес., † 1845 г., т. LXV, 49.
 Линевицъ, подполк. 1852 г., т. LXVI, 395.
 Линевицъ, бывш. воспит. Двор. пол. выш. 1855 г., ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
 Линоная, актриса, т. LXVII, 579.
 Липранди, Яв, Петров., д. ст. сов. 1849 г., т. LXVIII, 14.
 Липранди, генер. 1854 г., т. LXV, 657, 669—676.
 Липскій, еписк., т. LXVI, 382.
 Лисенко, книгопродав. 1845 г., т. LXV, 46.
 Лисовскій, Никол. Мих., издатель-ред. журн. „Библиографъ“, т. LXV, 242.
 Листъ, Францъ, композит., т. LXV, 254, 255, 256, 257, 260, 262, 263.
 Литве, Фёд. Петр., адмир., т. LXV, 630, 660.
 Литте, гр. Юлій Помпеев., т. LXVI, 159.
 Лихачевъ, В. Б., посолъ 1659 г., т. LXVII, 454.
 Лихачевъ, писат. 1854 г., т. LXVI, 279.
 Лишина, рожд. княжна Голицына, т. LXV, 728.
 Лишинъ, Андрей Фёд., ген.-лейт., его воспоминанія 1830—1831 г. т. LXV, 713—741, уп. 711.
 Лишинъ, Никол. Фёд., т. LXV, 714.
 Люрнъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 260.
 Лобановъ, кн., Д. А., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив., ген.-отъ-инф., мн.-ръюстиціи 1824 г., р. 1753 г., † 1838 г., т. LXV, 211, т. LXVI, 178, т. LXVII, 213.
 Лобановъ, кн., Мих. Борисов, фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., т. LXV, 600, 830, т. LXVI, 222, т. LXVIII, 723, 726.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., ген.-ад. 1836 г., т. LXVII, 96, 98, 100—108, 122, 130, 231, 261.
 Лобановъ, т. LXV, 93.
 Ловицъ, прапорщ. 1808 г., т. LXVII, 19, 20.
 Ловичъ, княг. Иоанна (Жанета) Антоновна, супруга цесарев. Константина

Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., т. LXV, 21, 29, 708, 709.
 Ловцовъ, С., писат.-гигиенистъ 1876 г., т. LXVIII, 772.
 Логиновъ, т. LXVII, 174.
 Ломивъ, М., сообщ.: „Князь Василій Осиповичъ Вебутовъ“, т. LXV, 712.
 Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. LXV, 309, 638, т. LXVI, 675, т. LXVIII, 303, 306.
 Ломтвъ, Евлампій Ив., т. LXVII, 540.
 Лонгиновъ, Мих. Николаев., писатель, † 1875 г., т. LXV, 652, 764, 771—774, т. LXVI, 35, 62, т. LXVII, 650.
 Лонгиновъ, Н. М., секретарь им-цы Елисаветы Алексѣевны, вполн. статсъ-секрет., чл. госуд. сов., † 1853 г., т. LXV, 147, 148, т. LXVI, 684, т. LXVII, 108, 109, 113, 117, 121, 122.
 Лоневская-Вольск., Екатерина Владим., въ зам. Денъ, † 1846 г., т. LXV, 57, 62.
 Лоневскій-Вольск., майоръ 1822 г., т. 62, 66.
 Лончинскій, Адольфъ, чл. администрац. сов. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 694.
 Лопатинъ, шт.-кап. 1799 г., т. LXVIII, 711.
 Лопухина, Аксиныя Фёд., въ зам. княгиня Куракина, т. LXVIII, 237.
 Лопухина, Евдокія Фёдоровна, царица, т. LXVIII, 237, 241, 252.
 Лопухина, Натал. Фёд., статсъ-дама, т. LXVI, 75.
 Лопухинъ, Васил., кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
 Лопухинъ, Ив. Владим., сенат. 1813 г., т. LXVI, 438, т. LXVIII, 5, 303, 305.
 Лопухинъ, Петръ Аврамов., т. LXVIII, 246.
 Лопухинъ, Фёдоръ, т. LXVIII, 241.
 Лопухины, т. LXVI, 75, т. LXVIII, 731.
 Лореръ, Николай Иван. декабристъ, т. LXVIII, 363.
 Лореры, т. LXVIII, 362.
 Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріелов., ген.-адъют., чл. госуд. сов., р. 1825 г., † 1888 г., т. LXV, 281, т. LXVI, 501.
 Лоріонцевичъ, свящ. 1837 г., т. LXVII, 676.

Лосъ-Рошмовскій, Юлій, бывш. восп. Двор. пол., вып. 1847 г., т. LXVI, 240.
 Лотги, пѣвца, т. LXIV, 137.
 Лохтинъ, И., писат. 1876 г., т. LXVIII, 773.
 Лошваревъ, т. LXVII, 498.
 Лубенскій, гр., Генрихъ, генер. 1831 г., т. LXV, 684, 691.
 Лубяновскій, пензенск. губернаторъ, т. LXVII, 51, 52.
 Лугининъ, Владим. Федор., ученый 1881 г., т. LXV, 244—246, т. LXVI, 298.
 Лужинъ, И. Д., моск. об.-полицейм. 1846 г., т. LXVI, 576, т. LXVII, 212, т. LXVIII, 361.
 Лумашевичъ, вижен., т. LXV, 741.
 Луминъ, Григорій, солдатъ Преображ. полка, † 1695 г., т. LXVIII, 252.
 Луминъ, подпоруч. 1855 г., т. LXV, 758.
 Лушошвовъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
 Луминъ, Мих. Серг., подполк., декабр., † 1845 г., т. LXVI, 500.
 Лупандинъ, капитанъ 1786 г., т. LXV, 782.
 Лучичъ, т. LXVII, 380.
 Львова, княжна, Екат. Александр., въ зам. гр-ня Вобрянская, † 1855 г., т. LXVI, 225.
 Львова, классн. дама въ Смольн. инст. 1800 г., т. LXV, 831, т. LXVII, 421, 425, 427, 433.
 Львовъ, Н., дерптск. полицеймейстеръ 1855 г., т. LXV, 368.
 Львовъ, Пав. Юрьев., академ., † 1825 г., т. LXVII, 469.
 Львовъ, кн., цензоръ 1852 г., т. LXV, 649.
 Львовъ, писат., т. LXVII, 365, 579.
 Львовъ, кн., писат., т. LXVI, 636.
 Львовъ, офиц. 1855 г., т. LXVI, 96.
 Любецкій, князь, министр. финансовъ въ Царствѣ Польскомъ 1831 г., т. LXV, 32, 683—707.
 Любимовъ, профес., т. LXVII, 631.
 Любовидаскій, т. LXV, 29.
 Любожицкая, г-жа, т. LXV, 880.

Любощинскій, Маркъ Никол., чл. ред. ком., 1860 г., чл. госуд. сов., † 1889 г., т. LXV, 873, 875, 876, 877, 880, т. LXVI, 44, 621, 622, т. LXVII, 597, 601, LXVIII, 151, 173, 387.
 Лупанзинъ, А. Н., подпоруч. 1777 г., т. LXV, 776.
 Любсь, Иванъ, голландск. купецъ 1695 г., т. LXVIII, 253.
 Лядуховская, драм. артистка 1830 г., т. LXV, 25.
 Ляпуновъ, В. И., подполковн., сообщ.: «Григорій Максимовичъ Ляпуновъ, бывший воспитанникъ Дворянскаго полка, † 25 марта 1890 г.», т. LXVII, 444, упом. т. LXVI, 240, 248.
 Ляпуновъ, Григ. Максим., ген.-майоръ, † 1890 г., т. LXVII, 444.
 Лярскій, Александръ, т. LXVII, 182.

Магницкій, Мих. Леонт., попеч. каз. унив. съ 1819—1826 гг., р. 1787 г., † 1844 г., т. LXV, 42, 398, 399.
 Магнушевскій, полк. 1846 г., т. LXVI, 150, 152, 153.
 Маевскій, Карлъ Яковл., тайн. совѣтн., профес. архитект., род. 1824 г., т. LXV, 741, т. LXVIII, 735—745.
 Мазепа, Ив. Степановичъ, гетманъ, т. LXV, 575, т. LXVIII, 248.
 Мазовскій, Никол. Никол., ген.-м., команд. л.-гвард. Павловскаго полка 1803 г., т. LXVI, 485.
 Мазуркевичъ, генер., т. LXVI, 172, 173.
 Майборода, капит. 1825 г., т. LXVIII, 491.
 Майкова, Марія Петр., см. Гусятникова.
 Майковъ, Апол. Александр., директоръ слб. театровъ съ 1821—1825 гг., т. LXVI, 680.
 Майковъ, Апол. Никол., директ. московск. театр., т. LXV, 303, 304, т. LXVIII, 508.
 Майковъ, Апол. Никол., тайн. сов., писатель, т. LXV, 303, 304, 514, 636, т. LXVI, 292, 635, т. LXVII, 596, т. LXVIII, 613.

- Майковъ, Валеріанъ Никол., писатель, † 1847 г., т. LXVII, 607, т. LXVIII, 766.
- Майковъ, Леонидъ Никол., академ., писатель, помощн. директ. спб. публ. библиот., сообщ.: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ», — три басни изъ изданія «Утренніе Часы», въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 гг., т. LXV, 93—97, «Николай Михайловичъ Барамзинъ у гр. Николая Петровича Румянцева, въ 1824 г.», 449—456, упом. т. LXVII, 440.
- Майковъ, Никол. Аполлонов., художн., т. LXV, 303, 304.
- Макаріи (Михаилъ) Булгаковъ, митроп. московск. и коломенск., р. 18 16 г., † 1882 г., т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211—220, т. LXVIII, 187—208.
- Макаріи Боровскій, т. LXV, 856.
- Макаріи, архіеп. Нижегородск. 1889 г., т. LXVIII, 559.
- Макарова, Анна Яковл., т. LXV, 581.
- Макаровъ, Андрей Ѳед., т. LXV, 582.
- Макаровъ, Никол. Ив., т. LXVII, 634.
- Макаровъ, Никол. Ѳед., т. LXV, 582.
- Макаровъ, Пав. Пав., ген.-лейт., сообщ.: «Пугачевъ и пугачевцы 1774 г.», т. LXV, 581—582.
- Макаровъ, Степ. Ѳед., т. LXV, 581.
- Макаровъ, Ѳед. Андреев., т. LXV, 581.
- Макаровъ, ген.-м., † 1815 г., т. LXVI, 488.
- Макаровъ, т. LXV, 774.
- Макаровъ, полковн. 1836 г., т. LXVII, 248, 251, 679.
- Маклавиѳовъ, Алекс. Ѳед., ген.-м., сообщ.: «Михаилъ Ильичъ Богаевскій, † 24 ноября 1889 г.», т. LXVI, 248, упом. 240.
- Макловскій, Влад. Егор., художн., т. LXVI, 659.
- Макловскій, Егоръ И., т. LXVI, 659.
- Макловскій, Конст. Егор., профес. художн., т. LXVI, 659.
- Максимовичъ, И., д-ръ медиц., сообщ.: «Русскіе въ парижской академіи наукъ. Къ очерку въ «Рус. Ст.» 1890 г., январь», т. LXVIII, 468.
- Максимовичъ, математ. 1883 г., т. LXV, 245, 246, т. LXVIII, 468.
- Максимовъ, Серг. Васильев., писат., т. LXV, 288, т. LXVII, 355.
- Максимовъ, актеръ, т. LXVII, 579.
- Малама, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 409.
- Малаховскій, Густавъ, сенаторъ Ц. Польскаго 1830 г., т. LXV, 24, 29, 32, 695, 697.
- Малевичъ, Іосифъ Игнатьев., педаг. домашн. наставн., р. 1813 г., сообщ.: «Софія Васильевна Ковалевская, докторъ философіи и профессоръ высшей математики, въ воспоминаніяхъ перваго, по времени, ея учителя І. И. Малевича, 1858—1868 г. г.», т. LXVIII, 615—654, упом., т. LXVIII, 715.
- Малевскій, художн., т. LXVI, 206.
- Малиновская, Марья Вас., см. Вольковская.
- Малюковская, Алекс. Ѳед., см. Андре. Малюковскій, т. LXVII, 393.
- Маловъ, протоіерей, т. LXVI, 665.
- Мальцовъ, Аванасій Григ., купецъ 1865 г., т. LXVIII, 380.
- Мальцовъ, Серг. Ив., полковн. 1848 г., т. LXVIII, 377.
- Маминъ, Д. Н. (Сибирякъ), сообщ.: «Варнаки. Забѣтки», т. LXV, 541—550, упом. т. LXVIII, 571.
- Мамонтовъ, бывш. восп. Двор. пол., т. LXVI, 247.
- Мамышевъ, горн. инж. 1834 г., томъ LXVI, 4, 5.
- Манасевичъ, купецъ 1866 г., томъ LXVIII, 321.
- Манасенинова, М., пис.—ца, т. LXVIII, 770, 772.
- Манвеловъ, кн., Никол. Николаев., ген.-лейт., т. LXV, 590, 591, 593.
- Мандерштернъ, Авг. Егоров., полковн. 1828 г., т. LXVIII, 101—112.
- Мандтъ, лейбъ-мед. 1855 г., т. LXVI, 66, 68, 184, 645.
- Мансѳетовъ, т. LXVII, 566.
- Мансурова, см. Трубецкая, княжна.
- Мансуровъ, А. П., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., сообщ.: «Охрана рекрута 1790 г.», т. LXVIII, 352, упом. т. LXVIII, 554, 568.

- Мансуровъ, Пав. Дм.,** генер. 1774 г., т. LXVI, 117, 118.
- Мансуровъ, ген.-ад.** 1835 г., т. LXVI, 518, т. LXVII, 120.
- Мансуровъ, Борисъ Павл.,** нынѣ чл. госуд. сов., т. LXVI, 102.
- Маньковский, К.,** ген.-м., сообщ.: Императоръ Николай Павловичъ 16-го ноября 1846 г., т. LXVI, 149—157, улом. 695, 697.
- Маралевскій, поруч.** 1857 г., т. LXVI, 405, 406, 407.
- Маренгеймъ,** 1830 г., т. LXV, 23.
- Марина Мнишекъ,** т. LXVIII, 315, 316.
- Маринъ, А. А.,** чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 558, 568.
- Марія, царица Грузинская,** т. LXVII, 500, 503.
- Марія Александровна, императрица,** т. LXV, 861, т. LXVI, 310, 337, 478, 490, т. LXVIII, 379, 579, 614.
- Марія Николаевна, вел. княгиня, въ супруж. герцог. Лейхтенбергская,** род. 1819 г., † 1876 г., т. LXV, 37, 304, 325, т. LXVI, 25, 67, 355, 477, 573, 658, т. LXVII, 136.
- Марія Павловна, вел. княг., въ супруж. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская,** род. 1786 г., † 1859 г., т. LXV, 31, 167, 843.
- Марія Феодоровна, императрица,** род. 1759 г., † 1828 г., т. LXV, 103, 123, 124, 130, 323, 809—832, 843, 846, томъ LXVI, 570, т. LXVII, 389, 413—436, 651, т. LXVIII, 215—219, 230, 232, 479, 480, 535, 539, 717.
- Маревичъ, Андрей Иванов, ген.-лейт.** 1828 г., т. LXVIII, 82—84.
- Маревичъ, А. И.,** чл. таврич. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 556, 570.
- Маревичъ, писатель,** т. LXV, 36.
- Марковский, бывш. студ. слб унив.,** т. LXVII, 601.
- Марковъ, А. Т., проф. акад. худож.,** т. LXV, 252.
- Марковъ, Мих. Александров, ген.-лейт.,** сообщ.: «Воспомяванія стараго нива-
лида о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку 1828—1835 гг.», томъ LXVIII, 81—135.
- Марковъ, ген.-лейт.** 1810 г., т. LXVI, 733, 734.
- Маркусъ, В. М.,** т. LXV, 874.
- Маркусъ, лейбъ-медикъ** 1844 г., томъ LXV, 38.
- Мартенсъ, Ф., профес.,** т. LXVIII, 769.
- Мартиніанъ, еписк. Вѣлозерскій, томъ LXVIII, 302.**
- Мартосъ, Ив. Петров., скульпторъ, род.** 1753 г., † 1835 г., т. LXVI, 675.
- Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ, артистъ, † 1860 г.,** т. LXVI, 20, томъ LXVII, 579, т. LXVIII, 154, 155.
- Мартыновъ, Ив. Ив., правитель дѣлъ правл. училищъ** 1849 г., т. LXV, 399.
- Мартыновъ, Савва Мих.,** т. LXV, 43.
- Мартыновъ, ген.-адъют., слб. коменд.** 1825 г., т. LXVI, 331, т. LXVIII, 85, 124, 513.
- Мартыновъ, купецъ** 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Мартыновъ, хмивъ** 1887 г., т. LXV, 245.
- Мартыновъ, судья** 1786 г., томъ LXV 783.
- Мартошевъ, т. LXV, 30.**
- Марѳа Алексѣевна, царица, р. 1652 г., † 1707 г.,** т. LXVIII, 240.
- Марѳа Боретская, посадница, т. LXVIII, 316.**
- Масальскій, кн., т. LXV, 800, 801.**
- Масальскій, Конст. Федор., писатель, изд. «Сына Отецъ»,** т. LXVI, 43.
- Матвѣевъ, Андрей Артамонов., посолъ при иностран. дворахъ** 1682 г., томъ LXVIII, 239.
- Матленъ, дворянинъ, т. LXVIII, 728.**
- Матюшинъ, Ив. Ив., художн.-граверъ, т. LXV, 600, 714, т. LXVI, 466, томъ LXVII, 663.**
- Махницкій, маіоръ** 1809 г., томъ LXV, 704.
- Мацневъ, т. LXVIII, 357.**
- Фовъ-Мевесъ, Ричардъ Троянов., ген.-м., команд. Павловск. полка** 1890 г., томъ LXVI, 240, 497.

- Медвѣдевъ, И. П., полковникъ 1890 г., т. LXVI, 239.
- Медемъ, баронесса, т. LXV, 63.
- Медемъ, гр., шт.-ротмистръ 1855 г., томъ LXV, 565.
- Медемъ, гр., русск. послан. въ Вѣнѣ 1848 г., т. LXV, 74.
- Медемъ, бар., ген.-лейт., членъ совѣта военно-учебн. завед. 1835 г., онъ-же предсѣдат. спб. цѣнз. комит. 1860 г., т. LXV, 352, т. LXVIII, 384, 390.
- Медовниковъ, заводчикъ 1830 г., томъ LXV, 541.
- Медунецкій, предв. двор. Себѣжскаго уѣзда, Витебск. губ., 1836 г., т. LXVII, 257.
- Мей, Левъ Александровичъ, писатель, т. LXVI 43.
- Мейендорфъ, баронесса, т. LXVI, 518.
- Мейендорфъ, Александръ, т. LXV, 89.
- Мейендорфъ, бар., А. К., агентъ мин. финанс. по мануфакт. части 1860 г., т. LXVI, 11, 12, 261, 507, 508.
- Мейендорфъ, бар., П. К., русск. посл. въ Берлинѣ 1842 г., т. LXVI, 253, 269, 270, 513, 521, 523.
- Мейендорфъ, Казимиръ Казимировичъ, † 1854 г., т. LXV, 88, 89.
- Мейендорфъ, Петръ Казимировичъ, томъ LXV, 88.
- Мейеръ, Александръ Мартынов., спб. губернска. прокур. 1825 г., т. LXVI, 168, 169.
- Мейеръ, врачъ, 1837 г., т. LXVII, 275, 276
- Мейнеръ, Осипъ, т. LXV, 682.
- Мекаровский, ученый 1882 г., т. LXV, 244.
- Ф.-Мель, шт.-кап. 1856 г., томъ LXVI, 601, 602.
- Меласъ, пѣвица, т. LXV, 844.
- Мелиссино, курат. московскаго унив., † 1795 г., т. LXVII, 480.
- Меллеръ-Закомельскій, Егоръ Ив., т. LXVIII, 211.
- Меллеръ, Н. К., сообщ.: „Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Письмо къ Г. Р. Державину 1794 г.“, т. LXVI, 135—136.
- Меллеръ, Эмануилъ, сообщ.: „Къ очерку графъ Г. Тотлебенъ“, т. LXV, 241.
- Мельгуновъ, Алексѣй, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Мельниковъ, А. П., чл. нижегородской ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 567.
- Мельниковъ, Никол. Конст., шт.-кап. 1848 г., т. LXVII, 306.
- Мельниковъ, (Печерскій), Пав. Ив., писат. , т. LXVIII, 145, 567.
- Мельниковъ, Пав. Петр. профес. механ., мн-ръ пут. сообщ., т. LXVI, 301, томъ LXVII, 374.
- Мельницкій, засѣдатель 1786 г., томъ LXV, 783.
- Менгденъ, бар., В. М., т. LXV, 874.
- Мендельсонъ, ред. „Славянскаго архива биологич.“, т. LXV, 244, т. LXVI, 453.
- Менделѣевъ, профес., т. LXV, 245.
- Менжинскій, капит. 1854 г., т. LXVIII, 672.
- Меншиковъ, вв., Александръ Данилов., генералиссимусъ, р. 1674 г., † 1729 г., т. LXVIII, 259, 305, 444.
- Меншиковъ, вв. Александръ Сергѣев., морск. мн-ръ, р. 1787 г., † 1869 г., т. LXV, 89, 283, 384, 554, 564, 655—680, т. LXVI, 49—95, 729, 730, томъ LXVII, 181, 621, 622, т. LXVIII, 525.
- Меншиковъ, Владиміръ, т. LXVI, 53.
- Меншяковъ, вв., генералъ, т. LXVI, 155.
- Меншуткинъ, профес. хим., т. LXV, 245, 246.
- Меньцави, флотск. офиц. 1855 г., томъ LXVI, 96.
- Меньшининъ, Никол. Степ., горный инжен. 1829 г., т. LXV, 223.
- Мердеръ, Карлъ Карл., ген.-ад., воспитатель цесаревича Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., т. LXVIII, 479—480.
- Мердеръ, ген.-м. корп. жандарм. 1836 г., т. LXVII, 226.
- Мережковскій, зоологъ 1881 г., т. LXV, 244, 245, 246.
- Мержикова, танцовщица 1830 г., томъ LXV, 25.
- Мерзляковъ, Алексѣй Фед., проф., писатель, т. LXV, 714, т. LXVIII, 305.
- Мерзель, историкъ, т. LXV, 343.

- Мержуловъ**, бывш. востромск. предвод. двор., т. LXVII, 693, 694.
- Мержуловъ**, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Мержуловъ**, офиц. 1812 г., т. LXVII, 42.
- Мертваго**, Н. Д., воспит. царскос. лицея 1825 г., т. LXV, 848.
- Мерцаловъ**, А. Е., сообщ.: „Филиппъ Перфильевъ Нефловъ, одинъ изъ служилыхъ людей 1672—1720 г.“, т. LXVIII, 443—444.
- Месновъ**, офиц. 1812 г., т. LXV, 5, 6, 7.
- Мессеръ**, мичманъ, † 1855 г., т. LXVI, 94.
- Метлерманпфъ**, педагогъ 1830 г., томъ LXVI, 207.
- Метлинскій**, А. Л. (Амвросій Могила), писатель, т. LXVI, 207.
- Мехелинъ**, ценз. 1849 г., т. LXV, 400.
- Мечниковъ**, географъ 1832 г., т. LXV, 245, т. LXVIII, 770.
- Мещеринова**, Е. П., въ зам. Ахматова, т. LXVIII, 483.
- Мещерскіе**, т. LXVI, 652.
- Мещеревскій**, кн., А. В., т. LXVI, 282.
- Мещерскій**, полковн. 1855 г., т. LXV, 563.
- Мещерскій**, кн., т. LXVIII, 513.
- Мещерскій**, т. LXVII, 206.
- Мееодій**, св., архіеп. моравск., славян. первоучит., т. LXVIII, 579.
- Миддендорфъ**, акад. 1855 г., т. LXVI, 616, 617.
- Мивлашевскій**, А. М., бывш. восп. Двор. полка, т. LXVI, 246.
- Мивлашевскій**, И., сообщ.: «Петровская сельско-хозяйствен. академія въ 1865 — 1890 годахъ.», томъ LXVIII, 546—550.
- Мизулинъ**, И. О., чл. рязан. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Милбергъ**, генер. 1830 г., т. LXV, 30.
- Миллеръ**, Всеволодъ, путеш. 1870 г., т. LXVIII, 770.
- Миллеръ**, Орестъ Фед., профес., писатель, † 1889 г., т. LXVI, 28, 346, т. LXVII, 529—530, 592, 598, т. LXVIII, 387, 614, 624, 752, 766.
- Миллеръ**, Фед. Фед., нач. севастоп. гарниз. 1853 г., т. LXVI, 56.
- Миллеръ**, офиц. 1812 г., т. LXV, 6, 18, 20.
- Миллеръ**, историографъ, т. LXV, 98.
- Милловидовъ**, И. В., чл. костр. учен. архивн. комис., 1889 г., т. LXVIII, 555, 569.
- Милородовичъ**, гр., Григорій Александровичъ, ген.-лейт., предвод. дворянства Черняговск. губ., томъ LXVII, 378.
- Милорадовичъ**, графъ, Мих. Авр. † 14 дек. 1825 г., т. LXV, 304, т. LXVI, 707, 735, т. LXVII, 64, т. LXVIII, 490, 505—508, 537, 538.
- Милорадовичъ**, т. LXVI, 397.
- Мильневичъ**, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 227, 236, 242.
- Мильновскій**, поруч. 1830 г., т. LXV, 737.
- Милютинъ**, графъ, Дмитр. Алексѣев, ген.-ад., чл. госуд. сов., т. LXV, 281, 481, 482, 483, 860, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 148, т. LXVIII, 381, 544.
- Милютинъ**, Влад. Алексѣев., профес., род. 1826 г., † 1855 г., т. LXVI, 34.
- Милютинъ**, Ник. Ал., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXV, 281, 873, 874, 877, т. LXVI, 245, 717, 718, LXVII, 631.
- Милютинъ**, Юрій Никол., т. LXV, 874.
- Милютинны**, т. LXVIII, 77.
- Минаевъ**, Дм. Дм., писат., т. LXVI, 241, 242.
- Минаевъ**, И. П., профес., т. LXVIII, 770.
- Минихъ**, гр. Бурхардъ-Христофъ, ген.-фельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. LXV, 115—118, 600, т. LXVI, 143, 483, 727, 728, т. LXVIII, 305, 570.
- Минкина** (Шумская), Настасья Фед., домоправительница гр. Аракчеева, т. LXV, 783, т. LXVI, 328.
- Минскій**, писат. 1875 г., т. LXVIII, 763.
- Минхъ**, Л. Н., чл. саратовск. ученой архивной комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
- Мирбахъ**, бар., Э. Н., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
- Мирзалиевъ**, К., гапсальск. город. голова 1890 г., т. LXVI, 346.
- Мирновичъ**, О., виленск. ген.-губерн., т. LXVII, 248.

Миротлавскій, польск. агитаторъ 1830 г., т. LXV, 746, 747, т. LXVIII, 375, 377.

Митрошій, кн., см. Святополкъ-Мирскій.

Митювъ, Мих. Платон., тайш. сов., гласный спб. городск. думы, † 6 нояб. 1889 г., т. LXV, 875, 878, 879.

Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, т. LXV, 462, 472, 485, 489, 672, т. LXVI, 90, 308.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. LXV, 21, 27, 52, 67—69, 78, 81, 282, 323, 328, 333, 334, 382, 509, 739, 835, т. LXVI, 155, 156, 335, 512, 601, 645, 649, 650, т. LXVII, 25, 305, 309—315, 410, т. LXVIII, 81, 113, 118, 121, 135, 473—475, 512.

Михаилъ Рогоза, митропол., т. LXVIII, 301.

Михаилъ, князь Черниговскій, † 1246 г., т. LXV, 882, т. LXVII, 646.

Михаилъ Ярославичъ, князь тверской, † 1320 г., т. LXVIII, 562, 569.

Михаилъ Федоровичъ, царь, т. LXV, 92, т. LXVI, 78, т. LXVIII, 563.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген.-лейт., военный историкъ, † 1848 г.: «Вступленіе на престолъ императора Николая I въ запискахъ ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго, 1826 г.», т. LXVIII, 489—534, упом. т. LXV, 89, 99, 100, 143, 145, 175, т. LXVII, 652, т. LXVIII, 209—214, 747, 748.

Михайловскій, М., протоіерей 1872 г., т. LXV, 788.

Михайловъ, Алекс. Иванов., сообщ.: «Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ», т. LXV, 497—513; «Императоръ Николай Павловичъ, въ разсказахъ его служащихъ», т. LXVI, 361—364.

Михайловъ, А., писатель 1882 г., томъ LXVIII, 771.

Михалевичъ, шт.-кап. 1854 г., т. LXVIII, 667.

Михаловскій, поруч. 1836 г., т. LXVII, 250—253.

Михельсонъ, Авдотья Калинична, томъ LXVIII, 717, 723, 728.

Михельсонъ, Елисавет. Ив., т. LXVIII, 726.

Михельсонъ, Елена Иван., въ замуж. баронесса Розенъ, т. LXVIII, 726, 727.

Михельсонъ, Григ. Ив., камеръ-юнк., р. 1791 † 1817 г., т. LXVIII, 717—730.

Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-отъ-кав., род. 1740 г., † 1807 г., т. LXVIII, 305, 716—730, 744.

Михельсонъ, Ив. Юсиф., т. LXVIII, 722.

Михельсонъ, Юсифъ, т. LXVIII, 722.

Михельсонъ, Мих. Ив., т. LXVIII, 717.

Михельсонъ, Шарлотта Ив., рожд. Ребиндеръ, кавалерств. дама, р. 1764 г., † около 1839 г., т. LXVIII, 717, 720, 726.

Михельсоны, т. LXVIII, 724.

Михина, Елисавет. Васильев., рожд. Вергъ, т. LXV, 304.

Михельскій, адъют. цесарев. Констант. Павловича 1830 г., т. LXV, 24.

Мицкевичъ, Адамъ, польск. писатель, т. LXV, 710, 852, т. LXVII, 387, томъ LXVIII, 766.

Мицуринна, Вѣра Вас., см. Самойлова.

Мишгольдъ, докт. 1855 г., т. LXVI, 103.

Модерахъ, Карлъ Фед., инженер., пермск. губер., сенат., поч. оек., † 1819 г., т. LXV, 375.

Можаровскій, Александръ, сообщ.: «Табачникъ и порицатель. Изъ народныхъ сатирическихъ произведеній», т. LXVI, 447—448.

Мозовскій, засѣдатель 1786 г., т. LXV, 782.

Моисей, архим., игумень Оптив. пустыни 1850 г., т. LXV, 856.

Моиѣвская, Софья Вас., см. Куракина, княг.

Монржицкій, бывш. восп. Дворянскаго полка, т. LXVI, 246.

Моллеръ, Е. Н., рожд. Муравьева, сообщ.: «Памятныя замѣтки 1820—1872 гг.», т. LXVI, 325—342.

Моллеръ, въ зам. Муравьева, т. LXVI, 327.

- Моллеръ, Александръ Александровичъ, т. LXVI, 337, 338.
- Моллеръ, Антонъ Васильев., адм., морск. мин. 1823, т. LXVI, 329, 330.
- Моллеръ, Александръ Фед., генералъ 1831 г., т. LXVI, 331, 332, 333.
- Моллеръ, Ник. Александр., т. LXVI, 336, 337.
- Моллеръ, Ф. Ф., ген.-лейт., нач. сева-стоп. гарниз. 1854 г., т. LXV, 663, 664.
- Моллеръ, ген.-м., команд. Павловск. пол. 1835 г., т. LXVI, 490.
- Мондидье, горный инж., т. LXV, 615.
- Мокъ, Анна Ивановна, т. LXVIII, 249, 253.
- Моргенштернъ, Карлъ, профес. 1828 г., т. LXVIII, 479.
- Мордвиновъ, Александръ Никол., сенаторъ, д. тайн. сов., т. LXVI, 326.
- Мордвиновъ, Никол. Михайл., т. LXVI, 325.
- Мордвиновъ, Сем. Ал., адмир., т. LXV, 874.
- Мордвиновъ, ген.-майоръ, † 1823 г., т. LXV, 121, т. LXVI, 730.
- Мордвиновъ, ген.-м. 1799 г., т. LXVIII, 712.
- Мордвиновъ, 1858 г., т. LXVII, 589.
- Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, писат., томъ LXVIII, 752.
- Мордовцевъ, Д. Я., т. LXVIII, 559.
- Морицъ, пасторъ, † 1857 г., т. LXVII, 372.
- Морзовъ, гр., Аркад. Ив., посолъ въ Швец., † 1827 г., т. LXV, 154.
- Морни, графиня, т. LXVI, 597.
- Морни, графъ, т. LXVII, 183.
- Морововъ, Александръ Ив., педагогъ, т. LXVIII, 165.
- Морововъ, Павелъ Осипов., доцентъ слб. унив., писатель, т. LXVI, 681.
- Морововъ, Пав. Тимоеев., предводит. двор. Городищ. уѣзда Пензенск. губ., т. LXVIII, 462—465.
- Морововъ, намѣстн. юрьевск., т. LXVIII, 430.
- Моровъ, Даниилъ Константинов., сообщ. «Историческія пѣсни», т. LXVII, 468, 570—572, 656, т. LXVIII, 136, 278, 469, 470, 584, 746.
- Морошкинъ, Мих. Яковл., священ., писатель, † 1870 г., т. LXVIII, 287, 754.
- Мосоловъ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 121.
- Мостовская, графиня, т. LXV, 31.
- Мостовскій, графъ, т. LXV, 696, 705.
- Моторицынъ, Михаилъ, новгородскій посадникъ, т. LXVIII, 298.
- Мохнадцкій, его Записки: «Польское возстаніе въ 1830—1831 гг.», т. LXV, 681—711.
- Мошинскій, гр., т. LXV, 715.
- Моэръ, докторъ 1824 г., т. LXVII, 361.
- Мстиславъ Удалой, князь, томъ LXV 882, 883.
- Мудровъ, Матвѣй Яковлев., докторъ, профессоръ 1816 г., т. LXVII, 463.
- Музыкантовъ, Пав., врачъ, сообщ.; «Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій», т. LXVI, 210.
- Мунъ, бар., Ив. Ив., команд. 1-го Преображ. полка, т. LXVIII, 134.
- Муравьева, Екат. Захаровна, въ мл. Канкриня, т. LXV, 825, 830.
- Муравьева, Александръ Никол., † 1885 г., т. LXVI, 330, 340, 341.
- Муравьевъ, Андрей Никол., д. ст. сов., камергеръ, писат. духовн. соч., роу. 1805 г., † 1874 г., т. LXVIII, 166, 194, 738.
- Муравьевъ, Валеріанъ Никол., искова губернат., сенат., т. LXVI, 329, 333, 339, 340.
- Муравьевъ, Захаръ Матв., ст. сов., зномомъ Смольн. мон., т. LXV, 825, т. LXVII, 418, 430—432.
- Муравьевъ, гр., Мих. Никол., чл. госуд. сов., р. 1796 г., † 1866 г., т. LXV, 666, 630, 857—863, т. LXVII, 600, 621, 691, 692, т. LXVIII, 546, 547, 768.
- Муравьевъ, Никол. Никол., ген.-м., основ. учил. колонновожат., † 1840 г., т. LXVIII, 6, 8.
- Муравьевъ-Амурскій, гр., Никол. Никол., ген.-ад., чл. госуд. сов., † 1861 г., т. LXV, 125—129, 288, т. LXVI, 327, 329, 330, 332, 333, 334, 338, 339, 340.

Муравьевъ (Карскій), Никол. Никол., ген.-ад., р. 1793 г., † 1866 г., т. LXVI, 97, 301, т. LXVII, 651, томъ LXVIII, 456.

Муравьевъ, Никол. Назарьев., новгород. губернат. 1820 г., т. LXVI, 325, 328.

Муравьевъ, команд. гусар. полка, декабр., т. LXVIII, 494—499, 501.

Муравьевъ, прокуроръ, † 1889 г., томъ LXVIII, 481—484.

Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., подполковн. Черниг. пѣх. полка, декабр., † 1826 г., т. LXVIII, 492—494, 511, 512.

Муравьевъ-Апостоль, чл. гл. управл. училищъ 1849 г., т. LXV, 399.

Муравьевы-Апостолы, т. LXVIII, 8.

Муравовъ, 1850 г., т. LXVIII, 656.

Муромцевъ, Л. М., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.

Мурчисонъ, Р., ученый, геологъ, томъ LXV, 601—606, т. LXVI, 3—23, 250—269, 470—575.

Муслинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., почеч. сб. уч. окр. 1846 г., т. LXV, 49, 51, 52, 379, 381, 382, 400, 629, 630, 647, т. LXVI, 42, 615, 629, т. LXVII, 144, 145, 148, 350, 365, 640.

Мусоргскій, Модестъ Петров., композиторъ, т. LXVIII, 759.

Мухановъ, Николай Алексѣев., почечн. опекувъ, т. LXV, 810, т. LXVI, 641, т. LXVII, 413, 590, т. LXVIII, 145, 148—150, 162, 173, 174, 178, 180, 181, 391, 398, 612.

Мышецкій, вн., Ефимъ, т. LXVI, 347.

Мышкинъ, т. LXVI, 452.

Мѣрвинъ, Ф. А., художн., граверъ на мѣди, т. LXV, 282.

Мѣсяцевъ, подпоруч. 1865 г., т. LXVI, 665.

Мюгге, бывш. восп. Ковст. учил., томъ LXVI, 247.

Мюнстеръ, Александръ Эрнстовичъ, литографъ-художникъ, т. LXVI, 535.

Мюнцлеръ, Т., педагогъ, т. LXVI, 480.

Мягкая, Марья Петровна, т. LXVII, 312.

Мягкая, Надежда Мих., т. LXVII, 312.

Мяновскій, докт., т. LXVI, 382, 390, 391.

Мясной, думный дворянинъ 1695 г., т. LXVIII, 257.

Мятлевъ, т. LXV, 71.

Набаловъ, полковн., т. LXVII, 315.

Набонова, О., Наз., т. LXVI, 327, 329.

Набововъ, Ив. Ив., т. LXVI, 307.

Набововъ, Н. Н., т. LXVI, 59.

Набляевъ, Людвигъ, т. LXV, 682, 693.

Навицкой, Дм., псковск. бургомистръ 1797 г., т. LXVIII, 577.

Надеждинъ, Никол. Ив., профес. и писатель, т. LXV, 41, 403.

Надсонъ, С., поэтъ, т. LXVIII, 763.

Надѣинъ, шт.-кап., т. LXVI, 240.

Нееловъ, Н. Н., чл. сарат. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.

Навикова, т. LXVI, 295.

Навикомъ, Влад. Ив., ген.-ад., попеч. моск. унив., ген. губерн. С.-З. края 1860 г., чл. госуд. сов., род. 1802 г., † 1874 г., т. LXV, 846, 859, 860, т. LXVI, 293, 295, 619, т. LXVII, 375, т. LXVIII, 360.

Найдень-Геровъ, болгаринъ, т. LXVI, 416.

Наваскій, т. LXV, 702.

Нарышкина, Евд. Мих., см. Голицына, княжна.

Нарышкина, М. Я., т. LXVI, 265.

Нарышкина, Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская, род. 1779 г., † 1854 г., т. LXV, 153, 323.

Нарышкинъ, Алекс. Александр., т. LXV, 762.

Нарышкинъ, Алекс. Львов., об.-гофм., об.-камерг., дир. театр., р. 1760 г., † 1826 г., т. LXVI, 680.

Нарышкинъ, Левъ Кириллов., нач. по-сольск. приказа т. LXVIII, 242, 246, 257, 258.

Нарышкинъ, Матвѣй Филимоновичъ, обольничій 1695 г., т. LXIII, 254.

Нарышкинъ, Михаилъ, 1849 г., т. LXVIII, 356.

Нарышкинъ, Мих. Мих., полковн., декабр., † 1863 г., т. LXVIII, 8, 26.

- Нарышкины, бояре, т. LXVIII, 241, 248.
- Наръжная, Анна Тихоновна, т. LXVII, 476.
- Наръжная, Прасковья Трофимовна, т. LXVII, 528.
- Наръжная, Анастасія, см. Андріевская, т. LXVII, 474.
- Наръжный, Василій Трофимов, писатель-романистъ, р. 1780 г., † 1825 г., т. LXVII, 469—527.
- Наръжный, Владим. Васил., капит. 1852 г., т. LXVI, 394.
- Наръжный, Трофимъ Ив., т. LXVII, 471, 523.
- Наръжный, Феофанъ Трофимов., т. LXVII, 523.
- Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица, р. 1651 г., † 1694 г., т. LXVIII, 240, 241, 243, 244, 246, 247, 248, 251, 252, 257, 258.
- Нать, полковн. 1854 г., т. LXV, 668.
- Наумовъ, Александръ Петров., т. LXVIII, 193.
- Наумовъ, Ив. Мих., т. LXVII, 198.
- Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р. 1803 г., † 1853 г., LXV, 663, 664, 751, 865, т. LXVI, 86, 87, 92.
- Нащонинъ, П. В., т. LXVIII, 305, 446.
- Небольсинъ, московск. губернат. 1837 г., LXVII, 690.
- Небольсинъ, т. LXV, 396.
- Неволинъ, профес., † 1855 г., т. LXV, 403, т. LXVI, 631.
- Невъровский, Дм. Петров., ген. 1812 г., т. LXVI, 487.
- Негребецкій, Феликсъ Fortunатовичъ, офиц., † 1865 г., т. LXV, 755, 757, 758.
- Недавцкій, докт., т. LXV, 239.
- Ней, профес. 1849 г., т. LXV, 401.
- Нейдгардъ, Александръ Ив., ген.-ад., об.-квартирм. арміи 1831 г., т. LXVI, 358, т. LXVIII, 6, 85, 513.
- Нейдгардъ, почетн. опекунъ, т. LXVII, 413.
- Нейрейтеръ, пѣвица, т. LXVI, 19.
- Некрасова, Е. С., т. LXVIII, 765.
- Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писатель р. 1821 г., † 1877 г., т. LXV, 285, 495, 652, т. LXVII, 348, 356, 599, т. LXVIII, 58, 137, 138, 155, 165, 167, 608, 691, 693.
- Некрасовъ, атаманъ 1709 г., т. LXVIII, 443.
- Нелединскій-Мелецкій, почетн. опекунъ, т. LXV, 810, т. LXVII, 413.
- Нелединскій, Юрій Александр., т. LXVI, 654, т. LXVII, 283.
- Нелединскій, т. LXVII, 283.
- Нелидова, Варвара Аркадьевна, фрейлина 1848 г., LXV, 656, т. LXVI, 647, т. LXVII, 307, 417, 429, т. LXVIII, 475.
- Нелидова, Екат. Ив., камеръ-фрейлина, т. LXV, 829.
- Немировичъ-Данченко, В. И., писатель, т. LXVIII, 382.
- Немоисовскіе, т. LXVI, 164.
- Непокойчицкая, М. Д., т. LXV, 565.
- Непокойчицкій, А. А., ген.-ад. 1876 г., т. LXVI, 413, 419, 423, т. LXVIII, 666, 667.
- Неронова, Елис. Вас., см. Хераскова.
- Несмѣловъ, чинов. 1837 г., т. LXVII, 683.
- Нессельроде, гр-ня, см. Зеебахъ, баронесса.
- Нессельроде, гр-ня, т. LXVI, 640, 650, т. LXVII, 206.
- Нессельроде, Дмитрій, д. ст. сов. 1855 г., т. LXVI, 70.
- Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канцл., р. 1780 г., † 1862 г., т. LXV, 71, 155, 156, 167, 194, 195, 198, 199, 200, 324, 328, т. LXVIII, 500.
- Несторъ, гѣтописецъ, т. LXVIII, 221.
- Неустроевъ, Александръ Александров., сообщ.: „Александръ Ивановичъ Вылуанъ и первое концертное путешествие по Европѣ А. Г. Рубинштейна, 1848—1842 гг.“, т. LXV, 247—280.
- Неустроевъ, Александръ Николаев., библиографъ, т. LXVIII, 304, 307.
- Нечаева, Нина Никол., см. Юрлова.
- Нечаевъ-Малыцевъ, Юрій, т. LXV, 456.
- Нейдевъ, Александръ Дм., ген.-майоръ 1828 г., т. LXVIII, 101.
- Нейловъ, Перфилийъ Ив., т. LXVIII, 443.
- Нейловъ, Филиппъ Перфильевъ, прапорщ. 1720 г., т. LXVIII, 443.

Никаноръ, митроп. 1849 г., т. LXV, 897.

Никитенко, Александръ Вас., проф.-акад., р. 1804 г., † 1878 г., его дневникъ 1844—1860 гг., т. LXV, 35—53, 371—406, 629—653, т. LXVI, 25—48, 271—297, 611—638, т. LXVII, 133—160, 361—377, 575—626, т. LXVIII, 133—160, 361—377, 575—626, т. LXVIII, 137—186, 383—422, 585—614. упом. т. LXV, 228, т. LXVI, 648, т. LXVII, 356, 627, т. LXVIII, 294, 307, 468.

Никитенко, Софья Александровна, общ.: «Поправки къ „Дневнику“ А. В. Никитенко», т. LXVIII, 468, упом. 762.

Никитинъ, ст.-секрет. 1850 г., т. LXV, 630.

Никитинъ, графъ, нач. воен. посел. въ Южной Россіи, въ 1840—1850 гг., т. LXVI, 171, 172.

Никитинъ, В. В., т. LXVIII, 572.

Никитинъ, П., авт. кн. „Исторія города Смоленска“ 1847 г., т. LXVIII, 735.

Никитский, Александръ Ив., профес., т. LXVIII, 311.

Никифоровъ, Н. П., т. LXVIII, 559, 563.

Никола (святой), кн. Черниговскій, т. LXV, 882.

Николаева, Ольга Конст., рожд. Комшарова, т. LXV, 625.

Николай, Фридрихъ, издат. соч. Екатерины II, на нѣм. яз. 1787 г., т. LXV, 153, 772.

Николай, баронъ, Л. П., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.

Николай, бар., совѣтн. посольства въ Лондонѣ 1857 г., т. LXVI, 552.

Николай I, императоръ, р. 1796 г., † 1855 г., т. LXV, 21—81, 134, 225—228, 282, 283, 321, 322, 332—368, 489, 513, 551, 568—570, 601, 614, 615, 622, 627, 628, 656, 661, 681, 685, 689, 698, 700, 715, 717, 742, 812, 832, 844, т. LXVI, 1—14, 21, 59, 63—76, 130, 149—157, 164—175, 184, 201, 257, 297—310, 330, 332, 334, 337, 353—359, 361—364, 382, 411, 469, 476—479, 489, 490, 500, 506, 510, 523, 569, 583, 586, 589, 611, 612, 623, 658, 659, 694—698, 708—711, т. LXVII, 25, 55, 63, 64, 109, 116—131, 134, 165, 168, 170,

179, 180, 182, 184, 190—194, 293, 313, 376, 434, 443, 589, 591, 642, 648, 699, 705, 706, т. LXVIII, 3, 8, 11, 25, 33, 84, 111, 112, 145, 152, 190, 219, 282, 286, 287, 315, 318, 321, 331, 336, 351, 375—377, 457, 462, 477, 489—534, 539, 543, 718, 737, 748.

Николай Александровичъ, вел. князь цесаревичъ, † 1865 г., т. LXV, 304, 499, т. LXVI, 335, 336, 478, 502, т. LXVII, 590.

Николай Александровичъ, наследникъ цесаревичъ 1890 г., т. LXVI, 492.

Николай Константиновичъ, вел. кн., т. LXV, 134.

Николай Николаевичъ старшій, вел. князь, т. LXV, 665, 672, 673, 860, т. LXVI, 49, 90, 308, 578.

Никольскій, Владиміръ Васильев., преподаватель, писатель, т. LXVIII, 307.

Николь, капит. 1771 г., т. LXVI, 121, 122.

Нимейеръ, Феликсъ, профес., т. LXVI, 232.

Новиковскій, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.

Новикова, Вѣра Николаевна, т. LXVII, 463.

Новиковъ, И. А., т. LXV, 874.

Новиковъ, Никол. Ив., писатель и издатель, р. 1744 г., † 1818 г., т. LXV, 764, 771, т. LXVII, 457—467, 655, т. LXVIII, 303.

Новиковъ, П. А., т. LXVIII, 305.

Новицкая, Марья Дм., въ зам. Дюръ, актриса, т. LXVI, 19, 466.

Новицкій, бывш. воспит. Двор. полка, т. LXVI, 246.

Новопрещенныхъ, Н. Н., чл. ученой пермск. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 571.

Новосильскій, Фед. Мих., адмир. 1856 г., т. LXVII, 135.

Новосильцева, г-жа, т. LXVII, 285.

Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., ст.-секрет., р. 1761 г., † 1838 г., т. LXV, 23, 144, т. LXVIII, 213, 304, 513.

Новосильцовъ, Петръ Александров. т. LXV, 98.

Новотроицкій, педагогъ, т. LXV, 310.

- Ножиковъ, тайн. сов., ген. об.-аудиторъ 1852 г., т. LXV, 639, 641.
- Нольде, бывш. воспитан. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Норденшильдъ, бар., Адольфъ, путешествен., т. LXV, 603, т. LXVI, 9.
- Норденшильдъ, Ниль, минералогъ, т. LXV, 602, т. LXVI, 9, 468, 532.
- Норовъ, Авраамъ Сергѣев., мн-ръ нар. просв., чл. госуд. совѣта, т. LXV, 629, 634, 638, 650, т. LXVI, 34—47, 271—296, 451, 546, 613—638, т. LXVII, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 361, 362, 365, 367, 368, 370, 580, 584, 586, 587, 609, т. LXVIII, 140, 190, 305, 608.
- Норовъ, декабристъ, т. LXVIII, 25.
- Носовичъ, писат., т. LXVIII, 294.
- Нотбемъ, художн. 1862 г., т. LXVI, 205.
- Ноцоно, Николай, майоръ 1786 г., томъ LXVII, 524.
- Нумерсъ, инспект. Царскосельск. лицея 1824 г., т. LXV, 842.
- Нуралн-ханъ 1774 г., т. LXV, 790, 791, 794, т. LXVI, 107.
- Нѣмцевичъ, Юліанъ, т. LXV, 32, 682, 695, 697, 704.
- Ободовскій**, инспект. Екатерин. инст. 1844 г., т. LXV, 40.
- Ободенская, княгиня, рожд. Нелединская, т. LXVII, 197.
- Ободенскій, кн., Алсд. Вас., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181, т. LXIII, 662.
- Ободенскій, кн. Дм. Александр., статсъ-секретарь, членъ государствен. совѣта, т. LXVI, 30.
- Ободенскій, Евгений Петров., декабр., т. LXVIII, 8.
- Ободенскій, кн., Мих. Андреев., нач. арх. мн-ра иностр. дѣлъ 1841 г., т. LXV, 396, 397, т. LXVIII, 430.
- Ободенскій, профессоръ, бывш. инспект. Царскосельск. лицея, т. LXV, 840.
- Обольянинновъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 712.
- Обольянинновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур. 1800 г., т. LXVI, 137, 138.
- Образцова, помѣщица 1785 г., т. LXV, 781.
- Обручевъ, офиц. 1830 г., т. LXV, 30.
- Обръсковъ, Алексѣй, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Оверъ, А. И., докт., т. LXVII, 630.
- Овчинниковъ, М. В., чл. нижегородск. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 563.
- Огарева, Елисавет. Ив., т. LXVIII, 75.
- Огарева, Марья Львовна, рожд. Рославлева, т. LXVIII, 22, 58, 66, 67, 79.
- Огарева, Наталья Алексѣевна, рожд. Тучкова, сообщ.: „Замѣтки къ Запискамъ Т. П. Пассека“, т. LXV, 229—232 „Записки 1828—1878 гг.“, т. LXVIII, 1—80, „Поправки къ Запискамъ“, 702, упом. т. LXVII, 224, т. LXVIII, 748.
- Огаревъ, Никол. Платонов., писатель, р. 1815 г., † 1877 г., его стихотворенія т. LXV, 222, т. LXVI, 199—200, т. LXVII, 224, т. LXVIII, 485, 486, упом. т. LXV, 230—232, 449, т. LXVIII, 22, 23, 34—40, 53, 55—79, 764.
- Оглобинъ, Н., сообщ.: „Датскій королевичъ Вольдемаръ въ Москвѣ въ 1644—1645 гг.“, т. LXVI, 343—345.
- Ограновичъ, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 400, 401.
- Огрызко, польск. писатель, т. LXVIII, 152, 154, 157, 158.
- Одинцовъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-отъ-инф., род. 1803 г., † 1886 г., Записки его, т. LXV, 21—34, упом. 713, т. LXVII, 312.
- Одоевская, княгиня, Ольга, рожд. гр-ви Ланская, т. LXVII, 632, 650.
- Одоевскій, кн., Алекс. Ив., декабр. писатель, р. 1801 г., † 1839 г., т. LXVIII, 506.
- Одоевскій, кн., Владим. Фед., писатель, сенаторъ, † 1875 г., т. LXV, 42, т. LXVI, 25, 29, 35, 40, 634, т. LXVII, 632.
- Одоевскій, кн., Никита Ив., бояринъ 1644 г., т. LXVI, 343—345.
- Одоевскіе, князья, т. LXVI, 557, т. LXVII, 631.

- Ожаровскій, гр., при посольствѣ во Франціи 1806 г., т. LXV, 156.
- Ожаровскій, гр., начальникъ корпуса 1830 г., т. LXV, 715.
- Ожаровскій, Яковъ, т. LXV, 548.
- Озеровъ, Алекс. Петров., русск. повѣрен. въ Константинополѣ, т. LXV, 558, 559, 565, т. LXVI, 323, 585.
- Озеровъ, Никол. Петров., юнкеръ 1859 г., т. LXVI, 609.
- Озеровъ, т. LXVII, 226.
- Озюбишина, т. LXV, 649.
- Оксерпо, бар., 1851 г., т. LXVIII, 658.
- Окудова, фрейлина 1845 г., т. LXVI, 647.
- Одегъ, князь, т. LXVIII, 302.
- Олекина, Александра Андреевна, рожд. Долгорукая, т. LXVII, 401.
- Олекина, Варвара Алексѣевна, † 1877 г., т. LXVII, 387, 388.
- Олекина, Елис. Марковна, рожд. Полторацкая, † 1838 г., т. LXVII, 387, 388, 389, 390, 391, 400, 409, 410.
- Олеинъ, Алексѣй Алексѣев., т. LXVII, 387, 401, 409.
- Олеинъ, Алексѣй Никол., дир. публ. библ., презид. акад. худож., † 1843 г., т. LXVII, 387, 388, 389, 391, 400, 409, 410.
- Олеинъ, Григ. Никандров., д. ст. сов., т. LXVII, 388.
- Олеинъ, Никол. Алексѣев., т. LXVII, 387.
- Олеинъ, Петръ Алексѣев., т. LXVII, 387, 409.
- Олеинъ, полковн. 1805 г., т. LXVIII, 210.
- Олеинны, т. LXVII, 387, 388.
- Олеичъ, команд. Витебск. полка 1855 г., т. LXVI, 315, т. LXVII, 442.
- Олигеръ, А. В., т. LXVIII, 560.
- Олсуфьевъ, Адамъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Олсуфьевъ, гр., Николай Дм., адъют. вел. кн. Ковст. Павлов. 1811 г., т. LXVII, 16, 17, 33—39, т. LXVI, 595.
- Олсуфьевъ, генер. 1814 г., т. LXVI, 737.
- Олсуфьевъ, гр., 1850 г., т. LXVIII, 655.
- Ольга, св., вел. княгиня, т. LXVIII, 316, 579, 580.
- Ольга Константиновна, вел. княгиня, королева эллиновъ, т. LXVIII, 579.
- Ольга Николаевна, вел. княг., королева Виртембергская, род. 1822 г., т. LXV, 54, 71, 324, 336, т. LXVI, 408, 572, 573, 647, 658, т. LXVIII, 356.
- Ольденбургская, принцесса, т. LXVIII, 377.
- Ольденбургскій, принцъ, Георгій, томъ LXV, 103.
- Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгіевичъ, т. LXV, 40, 649, т. LXVI, 512, т. LXVIII, 375, 377, 379.
- Ольриджъ, актеръ 1858 г., т. LXVII, 617.
- Ольшевскій, Мелетій Яковл., ген.-отъ-инф., т. LXV, 557.
- Онопrienko, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Оомъ, Анна Фед., см. Фурманъ.
- Опочинкина, Вѣра Ив., рожд. Свободина, т. LXV, 636.
- Опочинкинъ, Фед. Петр., чл. государств. совѣта, д. тайн. сов., т. LXV, 22, 23, 29.
- Ореусъ, Авдотья Максим., см. Сутгофъ.
- Ореусъ, Ив. Ив., генер.-маіоръ генер. штаба, военный писатель, сообщ. историко-біограф. очеркъ: „Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ“, т. LXV, 147, 461—495, 496, упом. т. LXVIII, 723, 724.
- Ореусъ, Ив. Максимов., генеральт., т. LXV, 68, 496.
- Орлова, гр-ня, т. LXV, 329.
- Орловъ-Давыдовъ, гр., т. LXVIII, 773.
- Орлова-Денисова, графиня, т. LXVI, 660.
- Орловъ-Денисовъ, гр., Фед. Васильев., генер. 1848 г., т. LXVI, 699, 700, томъ LXVIII, 522.
- Орловы-Денисовы, т. LXV, 332.
- Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-анш., р. 1737 г., † 1808 г., т. LXV, 332, т. LXVIII, 303, 305.
- Орловъ, гр., внослѣдств. кн., Алексѣй Фед., шефъ жанд., † 1861 г., т. LXV, 328, 373, 377, 379, 401, т. LXVI, 27, 151—157, 301, 355, 362, 576, 586, 587, 623, 696, 697, 728—730, т. LXVII, 145, 155, 184, 294—378, 591, 625, 701, томъ LXVIII, 76, 77, 179, 228, 475.

- Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельдм., р. 1734 г., † 1783 г., т. LXV, 322, 323.
- Орловъ (Капыловъ), И. В., артистъ, т. LXV, 621.
- Орловъ, Мих. Ѳеодоровичъ, ген. 1822 г., т. LXVI, 365, 368.
- Орловъ, гр., Николай Алексѣев., ген.-ад. 1861 г., т. LXVI, 83, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 671.
- Орловъ, заводчикъ 1840 г., т. LXV, 541.
- Орловъ, 1840 г., т. LXVII, 555.
- Орловы, графы, т. LXV, 328, 332.
- Ортенбергъ, генералъ 1849 г., т. LXV, 395, 397.
- Оруръ, гр., генер. 1812 г., т. LXVIII, 528, 529.
- Осиновъ, художн. 1855 г., т. LXVI, 812.
- Остенъ-Савенъ, Анна Ив., т. LXVI, 58.
- Остенъ-Савенъ, гр-ня, т. LXVII, 639.
- Остенъ-Савенъ, Дмитрій Ерофѣевичъ, бар., вполнѣдств. гр., ген.-ад. 1855 г., т. LXV, 554, 555, 558, 559, 560, 562, 563, 564, 565, 566, 572, 744, 751, томъ LXVI, 56, 57, 58, 93, 95, 737, т. LXVII, 50, 51, 52, 75, 160, 170, т. LXVIII, 105, 516, 665, 677, 678.
- Остерманъ-Толстой, гр., А. И., генер. 1806 г., т. LXV, 211, т. LXVI, 485, 489.
- Остерманъ, Ѳеодоръ, т. LXVII, 645.
- Остерманъ, Иванъ, т. LXVII, 645.
- Остерманъ-Толстой, графъ, т. LXVI, 672, т. LXVII, 645.
- Остермейеръ, Григ. Богд., маршейдеръ горн. корп. 1830 г., т. LXV, 617, 619, 620, 621, 624, 627, т. LXVI, 1.
- Островскій, Александръ Никол., писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXVIII, 136, 137, 643, т. LXVIII, 155, 759.
- Островскій, Владиславъ, т. LXV, 685—705.
- Острогорскій, Викторъ Петр., писатель, т. LXVI, 453, т. LXVIII, 772.
- Остроградскій, академикъ, профессоръ, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 585, 587.
- Офенбергъ, бар., нач. кавалерійск. корп. 1867 г., т. LXV, 226, т. LXVI, 174, т. LXVIII, 477, 478.
- Офросимовъ, М. А., т. LXVIII, 125.

- Охотниковъ, В. П., т. LXV, 594.
- Оченинъ, издат. „Спб. Вѣдом.“ 1846 г., т. LXV, 49, 640, т. LXVII, 349.

- Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXV, 323, 330, 334, 600, 664, 813, 821, 829, т. LXVI, 75, 76, 79, 80, 137, 138, 158—160, 483, 484, 490, 549, 570, 674, 708, т. LXVII, 15, 64, 477, 493, 495, 498, 645, т. LXVIII, 2, 4, 230, 531, 768.

- Павелъ Александровичъ, вел. князь, т. LXVI, 493, 500, 502.

- Павлова, Каролина Карловна, писат-ца 1854 г., т. LXV, 420, т. LXVI, 283, 284.

- Павловъ, Никол. Филипповичъ, писатель, т. LXVIII, 138, 353, 354, 396.

- Павловъ, ген. 1854 г., т. LXV, 674, 677.

- Павловъ, поруч., † 1855 г., LXV, 756.

- Павловъ, хмизъ 1833 г., т. LXV, 245.

- Павловскій, Иванъ Фр., т. LXVI, 393.

- Паганини, арт.-музыкантъ, т. LXV, 26.

- Паго, бывш. восп. Констант. воен. учил., т. LXVI, 247.

- Падалко, Васил. Кирил., енисейск. губернат. 1848 г., т. LXV, 125.

- Палаузовъ, Спиридонъ Николаевичъ, цензоръ, писатель, т. LXVIII, 182.

- Паленъ, гр., Констант. Иванов., псковск. губернат. 1855 г., м-ръ юстиции, чл. госуд. сов., т. LXVIII, 321.

- Паленъ, гр., Никол. Петров., т. LXV, 75.

- Паленъ, бар., Матв. Ив., прибавл. ген.-губ., † 1863 г., т. LXV, 353, 355, 363, 365, 366.

- Паленъ, гр., Ѳед. Петров., LXV, 75.

- Паленъ, Петръ Петров., посолъ во Франціи 1820 г., т. LXV, 63.

- Палибинъ, подпоруч. 1828 г., т. LXVIII, 101.

- Палимсестовъ, И. У., педагогъ, т. LXVII, 564—568.

- Палимсестовъ, Ѳед. Ив., т. LXVII, 566.

- Пальменбахъ, Александра Евстафьевна, въ зам. баронесса Вюлеръ, т. LXV, 822, т. LXVII, 435.

- Пальменбахъ, Екат. Евстафьев., въ зам. Шулепова, т. LXV, 822.

- Пальменбахъ, Елис. Александр., рожд. баронесса Черкасова, нач.-ца смолен. монаст. 1797—1802 гг., † 1832 г., т. LXV, 811, 819—832, т. LXVII, 413—436.
- Пальменбахъ, Софья Евстафьевна, въ зам. Ватюшкова, т. LXV, 822.
- Пальменбахъ, г-жа, † 1797 г., т. LXVII, 426.
- Пальменбахъ, Евстафій Ив., полковн., † 1794 г., т. LXV, 822.
- Пальменбахъ, Ив. Ив., ген.-поруч. 1760г., т. LXV, 821.
- Пальмъ, др. писат., т. LXVIII, 760.
- Пальчевскій, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 251.
- Панаева, Авдотья Яковл., рожден. Брянская, по второму мужу Головачева, т. LXVIII, 61.
- Панаевъ, Влад. Ив., тайн. сов., писатель, правит. канц. мн. двора 1858 г., т. LXV, 52, т. LXVII, 584, 591, томъ LXVIII, 765.
- Панаевъ, Ив. Ив., писат., т. LXV, 53, 611, 652, т. LXVII, 144, 356, 575, 590, 599, т. LXVIII, 58, 137, 138, 142, 165, 167.
- Панаевъ, офиц. 1854 г., т. LXV, 659.
- Пандеръ, геологъ, т. LXVI, 15, 468.
- Панинъ, гр., Вит. Никит., мл-ръ юстиціи, чл. госуд. совѣта, р. 1801 г., † 1874 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 69, 283, 284, т. LXVII, 290, 576, 580, 582, 591, 597, 618, 624, т. LXVIII, 159, 360, 384, 387, 396.
- Панинъ, гр., Никита Ив., канцлеръ, бывший воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. LXVIII, 290, 233.
- Панинъ, гр., Никита Петров., вице-канц., † 1837 г., т. LXVIII, 233.
- Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1720 г., † 1789 г., т. LXV, 556, т. LXVIII, 233.
- Панквичъ, профес., т. LXVII, 482.
- Пановъ, Никол. Ив., д. тайн. сов., сообщ.: „Степанъ Петровичъ Шевыревъ,“ томъ LXVII, 627—630.
- Пановъ, д. ст. сов. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Пановъ, т. LXVII, 212.
- Пансон еръ, Лаврент. Ив., докт. фило соф., т. LXVI, 468, 469.
- Пантениусъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
- Панчиковскій, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
- Панчулидзева, Варвара Никол., рожд. Загоскина, т. LXVIII, 461.
- Панчулидзевъ, Алексій Давыдов., саратовск. губернат. 1823 г., т. LXVII, 532.
- Панчулидзевъ, Александръ Алексѣев., пензенск. губернат., т. LXVIII, 22, 31, 66, 462—465.
- Панчулидзевъ, С. А., чл. сарат. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Паншинъ, помѣщ. 1830 г., т. LXV, 251.
- Панютинъ, полковн. 1876 г., т. LXVI, 435.
- Пардалоцкій, Ф. Ф., археологъ, сообщ.: «Валдайская старина 1777—1797 гг.», т. LXV, 775—789, упом. т. LXVI, 210.
- Паризо-де-Ла-Валеттъ, М., сообщ. „Письмо в. к. Михаила Павловича къ гр. Ланжерону, 1831 г.“, т. LXVIII, 473, 474.
- Парротъ, рект. дерптск. ун-в. 1827 г., т. LXV, 365.
- Парчевскій, ген. 1890 г., томъ LXVI, 246, 247.
- Паскевичъ, княг., Елисавета Алексѣевна, т. LXV, 62, 570.
- Паскевичъ, Алексд. Ив., см. Балашева.
- Паскевичъ, Ив. Фед., гр. Эриванскій, вл. Варшавскій, г.-н.-фельдм., † 1856 г., т. LXV, 62, 77, 819, т. LXVI, 155, 156, 363, 578, 583, 697, 702—705, томъ LXVII, 181, 182, 184, 391, 401, томъ LXVIII, 123, 233, 339, 527, 671, 672, 676, 677.
- Паскевичъ, вл., Фед. Ив., фл.-ад. 1845 г., т. LXVI, 51, 70, т. LXVII, 181.
- Пассежъ, Алексд. Вадимов., томъ LXV, 443, 456.
- Пассежъ, Вадимъ Васильев., писатель, † 1843 г., т. LXV, 453.
- Пассежъ, Влад. Вадимов., т. LXV, 430, 443, 454.

- Пассежъ, Елена Ефимовна, т. LXV, 449, 454.
- Пассежъ, Ольга, т. LXV, 430, 440, 460.
- Пассежъ, Сергѣй Влад., т. LXV, 430—460.
- Пассежъ, Татьяна Петров., рожд. Кучина, писат.—ца, р. 1810 г., † 1889 г., т. LXV, 229, 420, 429—460, т. LXVI, 279, т. LXVII, 224, т. LXVIII, 24, 49.
- Пастовскій, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
- Патермуфій, архим., чл. орловск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
- Паткуль, Марія Александр., рожд. маркиза де-Траверсе, сообщ. стихотвореніе: „Павловцу“, 1890 г., т. LXVII, 216, упом., 492.
- Паткуль, Александръ Владим., ген.-ад., команд. л.-гв. Павловск. полка 1856 г., т. LXVI, 491, 492.
- Патрикій Наримонтовичъ, князь 1383г., т. LXVIII, 428.
- Паулучи, маркизъ, прибалтійск. ген.-губ., т. LXV, 350, 352, 353—355, 357, 363.
- Пафнутъевъ, сообщ.: „Камергеръ Яковлевъ“, т. LXVI, 701.
- Пацъ, т. LXV, 682, 704, 726.
- Пашкова, Барвара Ив, въ зам. княг. Долгорукова, р. 1793 г., † 1816 т., т. LXV, 102, 336.
- Пашковъ, Иполитъ Александр., стат. совѣтн., издат. „Игрушечка“ 1882 г., † 1889 г., т. LXV, 442, 447, 457.
- Пейверъ, ценз. 1853 г., т. LXVI, 32.
- Пеликанъ, тайн. сов. 1856 г., т. LXVI, 705.
- Пенарскій, Петръ Петров., академ., † 1872 г., т. LXVIII, 300, 303.
- Пеленелицынъ, т. LXVIII, 431.
- Перваго, г.-жа, т. LXVIII, 33.
- Первухинъ, Н. Г., т. LXVIII, 563.
- Переверевъ, кievск. губернат. 1837 г., т. LXVI, 41, т. LXVII, 691, 692.
- Перемыгинъ, заводчикъ, т. LXV, 610.
- Перепелицынъ, издат. „Музыкальнаго Словаря“, т. LXV, 250.
- Перепелицынъ, полковн. 1890 г., томъ LXVI, 239.
- Переpletчиковъ, Яковъ, † 1771 г., т. LXV, 582.
- Перовскій, Борисъ Алексѣев., графъ, ген.-ад., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. LXVII, 182.
- Перовскій, Васил. Алексѣев., графъ, оренб. ген.-губернат., т. LXVI, 23, 249, 250, 251, 266, 651, т. LXVIII, 461, 661.
- Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мнръ внутрен. дѣлъ, † 1856 г., т. LXV, 36, 41, 125, 224, 386, 402, т. LXVI, 340, 390, т. LXVII, 67—77, 82, 89, 91—95, 117, 123, т. LXVIII, 53, 54, 361, 363, 376, 378.
- Перро, балетмейстеръ 1834 г., т. LXVI, 3.
- Перфильевъ, т. LXVIII, 357.
- Перхимусъ, маіоръ 1797 г., т. LXVIII, 575, 577.
- Пестель, г.-жа, рожд. фонъ Крокъ, т. LXVII, 386.
- Пестель, Ив. Борисов., почтъ-директ. 1790 г., вполн. сибирск. ген.-губ., томъ LXV, 297.
- Пестель, Пав. Ив., полковн., декабр., † 13-го іюля 1826 г., т. LXV, 333, т. LXVII, 378, 380, 385, 386, т. LXVIII, 490, 491, 492.
- Пестель, ген.-лейт., таврич. губернат. 1854 г., т. LXV, 667.
- Пестичъ, капитанъ 1855 г., т. LXV, 564.
- Пестова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8, 9.
- Пестовъ, капит. 1854 г., т. LXVIII, 677, 678.
- Петель, докт. 1820 г., т. LXV, 842.
- Петрашевскій (Бутаповичъ-Петрашевскій), Мих. Вас., † 7 декабря 1866 г., т. LXVIII, 59—65, 376, 378, 475, 748.
- Петриковъ, т. LXV, 777.
- Петрини, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 399.
- Петрова, Марія, т. LXVII, 412.
- Петровъ, А. П., т. LXV, 681.
- Петровъ, Ив., казацк. атаманъ 1567 г., т. LXVIII, 299.
- Петровъ, В. В., д. ст. сов., Иркутскій вполнѣд. виленскій вице-губернаторъ † 1889 г., т. LXVI, 241, 702—705.
- Петровъ, Осипъ Аванас., арт.-инжен., р. 1805 г., † 1877 г., т. LXVI, 18.
- Петровъ, Серг. Петров., т. LXVII, 412.

- Петровъ, Николай Павловичъ**, ген.-лейт., воен.-инж. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Петровъ**, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
- Петровский, Алексѣй Тимоѣевъ**, священникъ, т. LXVII, 553.
- Петрушевскій, А.**, профес., т. LXVIII, 754.
- Петръ I**, императоръ, р. 1672 г., † 1725 г., т. LXV, 322, 379, 389, 392, 403, 599, 811, 817, т. LXVI, 74, 76, 78, 125—132, 347, 484, 674, 710, 711, т. LXVII, 448, 471, 525, 617, 644, 705, т. LXVIII, 1, 221—260, 286, 287, 295—309, 365—367, 546, 734, 757.
- Петръ II**, императоръ, р. 1715 г., † 1730 г., т. LXVIII, 230.
- Петръ III**, Оеодоровичъ, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. LXV, 597, 812, т. LXVII, 4, т. LXVIII, 233, 236.
- Петръ, Камесскій**, архим. 1840 г., томъ LXVIII, 570.
- Педольдъ**, нижен., т. LXV, 741.
- Печоринъ, Я.**, писат. 1876 г., т. LXVIII, 773.
- Пещуровъ**, псковск. губернат. 1837 г., т. LXVII, 690, 692.
- Пигоревъ**, чл. орлов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
- Пильбахъ**, ген. 1853 г., т. LXVI, 42.
- Пирогова, Екат. Дм.**, рожд. Верезина, т. LXVII, 340, 341, 343, 345.
- Пироговъ, Николай Ивановичъ**, хирургъ, профес., р. 1810 г., † 1881 г., т. LXV, 239, т. LXVI, 95, 104, 229, 277, 478, 518, 519, т. LXVII, 327, 333, 341, 343, 344, 345, 357, т. LXVIII, 614.
- Писарева, Александра Алексѣевна**, въ зам. гр-ня Вобринская, т. LXVI, 224.
- Писаревъ**, т. LXVIII, 520.
- Писемскій, Алексѣй Теофилактовичъ**, писат., т. LXVI, 635, т. LXVIII, 182, 396, 569, 764.
- Писаревъ, П. И.**, чл. тамбовск. губерни. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 554, 561.
- Пичугинъ, Петръ**, † 1771 г., т. LXV, 582.
- Плаксинъ, Васил. Тимоѣевъ**, педагогъ, т. LXV, 592, 593.
- Платеръ**, гр-ня, Юлія Пав., см. Бобринская, гр-ня.
- Платеръ**, графиня, т. LXVII, 262, 671.
- Платеръ**, гр., помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 250, 693.
- Платеръ**, гр., Цезарь, т. LXVI, 224.
- Платонъ**, гр. Матв. Ив., наказн. атам. Войска донск. 1799 г., т. LXVI, 735, т. LXVIII, 305.
- Платоновъ, С. К.**, чл. тамбовск. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 561.
- Платонъ**, митроп. кіевск., т. LXVIII, 579, 580.
- Плаутинъ**, ген. 1855 г., т. LXVI, 304.
- Плаутины**, 77.
- Племанниковъ, Петръ Григ.**, † 1773 г., т. LXVI, 124.
- Пленистеръ**, полковн. 1771 г., т. LXVI, 121.
- Плетневъ, В. И.**, чл. тверск. губ. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Плетневъ, Петръ Александр.**, тайный совѣтникъ, акад., ректоръ слб. университета, писат., † 1864 г., т. LXV, 46, 47, 48, 376, 396, 404, 640, т. LXVI, 26, 284, 291, 292, 633, 634, 641, 642, 643, 649, 655, т. LXVII, 136, 143, 152, 195, 196, 280, 281, 282, 373, 623, т. LXVIII, 150, 204—207, 766.
- Плекановъ**, подполковн. 1860 г., томъ LXVIII, 477—478.
- Плещеевъ, А.**, писат., т. LXVIII, 763.
- Плещеевъ**, т. LXVIII, 363.
- Плещеевы**, т. LXVIII, 362.
- Плихта**, секретарь канцелар. госуд. сов. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 24.
- Побыванецъ**, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Побѣдоносцевъ, Константинъ Петров.**, об.-прокур. св. синода, чл. госуд. совѣта, дѣйств. тайн. совѣт., т. LXVI, 724, 725, 726.
- Побѣдоносцевъ, Петръ Вас.**, профес., т. LXVI, 689.
- Повалишинъ, А. Д.**, чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Погодинъ, Мих. Петров.**, акад., тайн. сов., р. 1800 г., † 1875 г., т. LXV,

- 396, 407, 411—418, 617—619, 855, томъ LXVI, 282, 629, 636, 645—651, 679, 694, т. LXVII, 211, 348, 379, 381, 577, 591, т. LXVIII, 281, 282, 286, 290, 300, 311, 392, 752, 765.
- Погожевъ, А., писат. 1889 г., т. LXVIII, 778.
- Подвинскій, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 235.
- Подушевичъ, кап.-лейт. 1840 г., томъ LXV, 868, 869.
- Подшиваловъ, профес., т. LXVII, 484.
- Пожалятинъ, Ив. П., граверъ акад., профес., т. LXVIII, 720, 723.
- Повднеевъ, Ив. Ив., священ., т. LXVII, 568.
- Повень, ст.-секрет. 1835 г., т. LXV, 44, 633, т. LXVI, 340, т. LXVII, 120, 121, 129, 156, 159, 361—363, 587, 600, томъ LXVIII, 179.
- Повняковъ, ген.-м. 1790 г., т. LXVI, 144.
- Покитеновичъ, Василій, кол. ассесоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
- Полдевскій, заводчикъ 1850 г., т. LXV, 541, 542.
- Полевой, Никол. Алексѣев., писатель, р. 1796 г., † 1846 г., т. LXV, 52, 246, т. LXVI, 37, 706, т. LXVIII, 303, 305.
- Полевой, П. Н., т. LXVII, 692.
- Полежаевъ, Александръ, писатель, томъ LXVIII, 19.
- Полетаевъ, А. П., сообщ.: „Героямъ Севастополя“, стихотвореніе Ю. В. Жадовской, т. LXVIII, 220.
- Полетаевъ, Н. И., сообщ.: „Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ“, т. LXVI, 438.
- Поливановъ, Влад. Никол., т. LXV, 761, 762.
- Поливановъ, Н., офиц. 1834 г., т. LXV, 592, 594.
- Поливановъ, сенат. 1835 г., т. LXVII, 114, 115.
- Политковскій, Александръ, тайн. сов., директ. капц. комит. о ран. 1853 г., т. LXVI, 32, 36, 701.
- Политковскій, воспит. учил. правовѣд. 1848 г., т. LXVIII, 376, 378.
- Политковскій, ген. 1857 г., LXVI, 407.
- Поллье, гр-ня, см. Шаховская, княжна. Поллье, гр., т. LXVI, 21, 22, 647.
- Половцова, Надежда Александр., в. зам. графиня Вобриконая, т. LXVI, 225.
- Половскій, Ив. Ив., майоръ 1857 г., т. LXVI, 409.
- Половскій, шт.-кап. 1857 г., т. LXVI, 399.
- Половскій, Л., писат., т. LXVIII, 769.
- Половскій, Яковъ Петров., писатель, т. LXVIII, 137, 138, 763.
- Полтавцева, т. LXV, 636.
- Полторацкая, А. А., т. LXVIII, 568.
- Полторацкая, Анна Петр., см. Берн.
- Полторацкая, Елис. Маркова, см. Оленина.
- Полторацкій, бывш. воспит. Дворянскаго полка, вып. 1853 г., т. LXVI, 240.
- Полторацкій, Сергій Дмитріев., библиоф., т. LXV, 764, 771, т. LXVII, 367.
- Полторацкіе, т. LXVII, 388.
- Полуденскій, П., ученый, т. LXVII, 482.
- Поляковъ, † 1771 г., т. LXV, 582.
- Поль, А. И., докт. 1857 г., т. LXVII, 630.
- Полъновъ, Дмитрій Вас., писат., академикъ, т. LXVIII, 138.
- Помяловскій, Ив. Васильев., профес. 1880 г., ректоръ слб. унив., т. LXVIII, 288, 290.
- Помяловскій, Никол. Герасимов., писатель, р. 1835 г., † 1863 г., т. LXVII, 476.
- Понафидимъ, т. LXVII, 213.
- Понинская, княж., вѣ зам. принцесса Виронъ, т. LXV, 830.
- Пономаревъ, Д. Д., т. LXV, 625.
- Пономаревъ, Петръ Алексѣев., членъ вазанск. археологическ. общ. 1879 г., т. LXVII, 551.
- Пономаревъ, офицеръ 1811 г., т. LXVII, 38, 42, 43.
- Попандоупо, воспитан. Екатеринин. инстит. 1853 г., т. LXVI, 47, 48.
- Поповичъ, Никол., чиновн. 1789 г., т. LXVII, 525.
- Попелло-Давыдовъ, поручикъ 1857 г., т. LXVI, 397.

- Попова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 7.
 Поповъ, А., чиновн. 1835 г., т. LXVII, 221.
 Поповъ, Александръ Никол., чл. редакціонной комис., тайн. сов., писатель, † 1877 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 282, 299, 428, 754.
 Поповъ, Алексѣй Кузьмичъ, надв. сов. 1796 г., т. LXVI, 682.
 Поповъ, Александръ Ефимов., полковн. 1854 г., т. LXV, 663, 664, 672.
 Поповъ, Авдр. Петров., шт.-капитанъ 1855 г., † 1860 г., т. LXV, 756.
 Поповъ, Василій Никитичъ, чиновн. 1828 г., т. LXVIII, 94, 95, 96, 101, 110.
 Поповъ, Васил. Степанов., кабинетъ-секрет. Императрицы Екатерины II, впоследст. дѣйст. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXV, 295, 296.
 Поповъ, Василій Тимое., потомств. поч. гражд., сообщ.: „Императоръ Александръ II въ Вологодской губ., въ 1858 г.“, т. LXVIII, 679—688.
 Поповъ, Гавр. Степ., камерг., ст.-секр. 1852 г., т. LXV, 641.
 Поповъ, И. И., т. LXV, 241.
 Поповъ, Мих. Максимов. д. ст. сов. 1848 г., т. LXVII, 299, 300, 303.
 Поповъ, Павлинъ Алексѣев., учитель, т. LXV, 310, 313, 314.
 Поповъ, Петръ, купецъ 1814 г. LXVIII, 709.
 Поповъ, Т., сообщ.: «Остятскіе князья 1864—1884 гг.», т. LXVIII, 457—460.
 Поповъ, художн., т. LXVIII, 230.
 Поповъ, профессоръ 1855 г., т. LXVI, 627.
 Поповъ, тит. сов., 1858 г., т. LXVIII, 683.
 Поповъ, золотопромышл. 1860 г., т. LXV, 318, 541, 543.
 Поприцкій, поруч. 1831 г., т. LXV, 697, 698.
 Порововъ, П. И., горн. офицер., т. LXV, 615, 616.
 Порошкинскій, протоіерей 1837 г., т. LXVII, 271, 671, 672.
 Порошинъ, профес. 1849 г., т. LXV, 396.
 Постельниковъ, чиновникъ 1864 г., т. LXVII, 188, 192, т. LXVIII, 481.
 Постельскъ, педагогъ, т. LXVI, 615.
 Постниковы, купцы, т. LXVIII, 314, 315.
 Постовскій, бывш. воспит. Двор. полка, т. LXVI, 247.
 Постремовъ, Н., Л., чл. саратов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
 Потанинъ, Г. Н., путешеств., т. LXVIII, 759, 770.
 Потанинъ, Александръ Львов., ген.-ад., влѣнск. ген.-губ. 1869 г., шефъ жанд. 1875 г., т. LXVII, 183, 184, 696, т. LXVIII, 512.
 Потемкина, Татьяна Борис., рожд. княжна Голицына, † 1869 г., томъ LXV, 137, 138, т. LXVIII, 188, 379.
 Потемкинъ-Тавричскій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXV, 296, 556, 819, т. LXVI, 133—134, 143, 144, т. LXVII, 64, 174, т. LVIII, 5, 302, 304, 305, 570.
 Потемкинъ, Пав., ген. 1774 г., т. LXVIII, 723.
 Потоцкая, графиня, Александр., т. LXVI, 165.
 Потоцкая, графиня, въ зам. Спада, т. LXVI, 3.
 Потоцкій, гр., т. LXV, 29, 733.
 Потѣкинъ, А. А., писат., т. LXVIII, 760, 761.
 Похвалинскій, Фед. Семен., докторъ 1830 г., т. LXVIII, 122.
 Похвистневъ, цenz. 1854 г., т. LXVI, 279, 283, 284.
 Походяшинъ, Максимъ, заводчикъ 1770 г., т. LXV, 541.
 Пошманъ, Семенъ Антон., директоръ учин. правовѣд., † 1848 г., т. LXVIII, 375.
 Преображенскій, І. Д., чл. костромск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
 Пржевальскій, Никол. Мих., ген.-м. путешеств.-ислѣдоват. Азии, р. 1839 г., † 1888 г., т. LXV, 245, т. LXVIII, 770.
 Пржецлавскій, Осипъ Антон., тайн. сов., р. 1799 г., † 1879 г., сообщ.: «Стани-

- славъ Сестренцевичъ Богущъ», т. LXVI, 158—166; его Воспоминанія, 381—391, упом. 27, т. LXVIII, 386, 387, 390, 608.
- Приклонскій, Василій, кол. сов., директоръ народн. школъ Новгор. губ. 1790 г., т. LXV, 787.
- Приморской, помѣщ. 1812 г., т. LXV, 13.
- Присвоваъ, стрѣлецъ 1695 г., т. LXVIII, 253.
- Проворовъ, Александръ, д. тайн. сов., сообщ.: «Александръ Клеониковичъ Ушаковъ, генераль - отъ - инфантерія», т. LXVIII, 541—545.
- Проворовскій, кн., Александръ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Проворовскій, Дмитрій Иванов., археологъ, т. LXVIII, 289, 303, 311.
- Проворовскій, кн., Ив. Ив., ген.-м., 1790 г., т. LXVI, 146.
- Проворовскій, кн., Петръ Ив., бояринъ 1695 г., т. LXVIII, 244, 245, 246, 248.
- Проворовъ, купецъ, т. LXVIII, 314, 315.
- Прокоповичъ - Антоновскій, Антонъ Антонов., профес., ректоръ моск. унив. 1825 г., т. LXV, 714.
- Прокоповичи-Антоновіе, т. LXV, 233.
- Прокофьевъ, кад. Петровск. полт. корп. 1857 г. т. LXVI, 403.
- Протасьевъ, гр., Никол. Александров., об.-прокур. св. синода, т. LXV, 71, 131, т. LXVII, 154, 263, 265, 673—677, т. LXVIII, 194.
- Протасьевъ, Н.В., чл. рязанск. губ. учен. архивн. ком. 1889 г., т. LXVIII, 560.
- Протопоповъ, маіоръ 1842 г., т. LXVII, 562.
- Проворовъ, Василій Александр., археологъ, т. LXVIII, 311.
- Пругавинъ, А., писат. 1883 г., т. LXVIII, 771.
- Пругавинъ, В., т. LXVIII, 771.
- Праншинковъ, т. LXVI, 651.
- Птицынъ, Влад. Вас., сообщ.: «А. С. Пушкинъ въ Малоярхангельскѣ въ 1830-хъ гг.», т. LXVI, 410—412; «Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ», т. LXVIII, 487—488.
- Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LXV, 298, 581—582, 790—796, т. LXVI, 109—119, 466, т. LXVII, 3—11, 614, т. LXVIII, 19, 20, 716, 722, 723, 725, 744.
- Пузаковъ, Никол. Николаев., камиш. 1848 г., т. LXVII, 293, 296
- Пузыревскій, генер., т. LXV, 681.
- Пузыревъ, купецъ, т. LXVIII, 314.
- Пуни, А. Ц., артистъ, т. LXV, 279.
- Пупаревъ, Аркадій Гаврилов., чл. орловской губернска. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559, 569.
- Пустошинъ, А., волковы 1890 г., т. LXVI, 240.
- Путырскій, подполковн. 1890 г., т. LXVI, 247.
- Путята, А., дѣйств. ст. сов. 1890 г., т. LXVI, 240, 243.
- Пущило, М., писат., т. LXVI, 125, т. LXVIII, 365.
- Пуччи, маркиза, Людія Пав., см. Вобренская, гр-ня.
- Пуччи, маркизъ, Робертъ, т. LXVI, 225.
- Пушиловъ, арт., т. LXV, 271.
- Пушваренко-Овсѣенко, кадетъ 1867 г. LXVI, 403.
- Пушенина, жена офиц., т. LXV, 3, 4, 5, 11.
- Пушенина, Нат. Ник., см. Гончарова.
- Пушкинъ, Александръ Сергѣев., писатель, р. 1798 г., † 1837 г., т. LXV, 104, 309, 643, 794, 841, 852, т. LXVI, 30, 110, 287, 365, 410—412, 650, т. LXVII, 2, 11, 190, 285, 292, 378, 379, 380, 381, 387, 390, 391, 393, 397, 398, 569, 648, 665, 666, т. LXVIII, 12, 305, 309, 445—455, 504, 505, 508, 511, 594—600, 747, 748, 765, 766.
- Пушенинъ, Василій Львов., писат., т. LXVII, 388.
- Пушенинъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 18, 20.
- Пушенины, т. LXV, 3, 9.
- Пуцкина, Эмилія Ант., нач-ца патриот. инст. въ Сиб., т. LXIII, 616.
- Пуцкинъ, Ив. Ив., декабр., т. LXVIII, 3.
- Пуцкинъ, Михаилъ, полковн., † 1878 г., т. LXVIII, 616.
- Пуцинъ, Никол. Никол., директ. Двор. полка 1846 г., т. LXVI, 529. т. LXVIII, 616.

- Пушкинъ, гев.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 122.
- Пушкинъ, офиц. 1830 г., т. LXV, 25, 30.
- Пфейферъ, домовлад. въ Гапсагѣ 1890 г., т. LXVII, 530.
- Пыпинъ, Александръ Никол., профессоръ, писатель и ученый, т. LXVI, 28, 449, т. LXVII, 368, 531, 533, 542, 547, 548, 555, 568, т. LXVIII, 752—766.
- Пыпинъ, Н. Д., т. LXVI, 449.
- Пыпины, т. LXVII, 533, 534, 548.
- Пѣвцова, нач.-ца московск. Еватерин. вѣст. 1798 г., т. LXV, 810, т. LXVII, 413.
- Пѣвцовъ, подполковн. 1837 г., т. LXVII, 681.
- Пѣтуховъ, Мих. Овсифоров., сообщ.: «Протоіерей Д. В. Разумовскій», LXVII, 437—438.
- Пясецкій, Г. М., чл. губ. орлов. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
- Пясецкій, 1878 г., т. LXVIII, 769.
- Пяткинъ, полковн. 1819 г., т. LXV, 714.
- Пятницкій, Иркутск. губернат. 1848 г., т. LXV, 125.
- Ром—въ, К. К.,** стихотв. его, т. LXV, 340, 514, т. LXVI, 24, 84, 106, 192, 228, 392, 482, 610, 740, т. LXVII, 278.
- Рабцевичъ, поручикъ 1890 г., т. LXVI, 247.
- Равинскій, П., путеш. 1880 г., т. LXVIII, 770.
- Раевская, Евдокія Васильевна, томъ LXVI, 375.
- Раевская, г-жа, т. LXVII, 387.
- Раевскій, Владиміръ Федосѣевичъ, его стихотв., т. LXVI, 365—380.
- Раевскій, Григорій Федосѣев., корнетъ 1822 г., т. LXVI, 365.
- Раевскій, К. И., горн. инж. 1842 г., томъ LXVI, 252, 253, 259, 261, 507.
- Раевскій, Ник. Ник., генералъ 1813 г., т. LXVIII, 490, 496.
- Раевъ, чиновн. 1835 г., т. LXVII, 75, 76.
- Радецкій, гр., фельдмарш., † 1857 г., т. LXVII, 164—167.
- Радець, бар., нач. Бугск. уланск. полка 1856 г., т. LXVI, 173, 174.
- Радищевъ, Александръ Никол., писат., т. LXVII, 613.
- Радзивиллъ, вк., вице-канцл. литовск. 1830 г., т. LXV, 682, 695, 697, 726, 799, т. LXVIII, 569.
- Радзивиллъ, гр., Леонъ, 1855 г., томъ LXVI, 309.
- Развильдеевъ, бывш. воспит. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.
- Развильдеевъ, инж. подполковн. 1848 г., т. LXV, 128.
- Разумовская, гр-ня, т. LXV, 626, томъ LXVI, 265.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Григорьев., ген.-фельдм., род. 1709 г., † 1771 г., т. LXVI, 682, т. LXVIII, 69.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Кириллов., дѣйств. тайн. сов., мин. народн. проsv., род. 1748 г., † 1822 г., т. LXVI, 687.
- Разумовскій, Дмитрій Васильев., протоіерей, род. 1823 г., † 1889 г., т. LXVII, 437—438.
- Райковскій, свящ. 1844 г., т. LXV, 42.
- Райскій, бар., помѣщикъ 1830 г., томъ LXV, 722.
- Раль, Аделъ Алексд., см. Сенювская.
- Раль, бар., банкиръ, т. LXVII, 335, 336.
- Рамазановъ, Николай Александровичъ, художн.-скульпт., р. 1815 г., † 1867 г., т. LXVII, 627.
- Рамбахъ, рект. дерптск. унив. 1808 г., т. LXV, 350.
- Рамзай, сенаторъ 1884 г., т. LXVI, 9.
- Ранвидъ, архитект. 1868 г., т. LXVIII, 323.
- Ранве, писатель, т. LXV, 42.
- Распоповъ, П., сообщ.: „Мнѣніе маіора о клубахъ и дворянскихъ собраніяхъ 1840-хъ годовъ“, т. LXV, 320.
- Раппъ, Е., писат. 1880 т. т. LXVIII, 770.
- Раппъ, генералъ 1805 г., томъ LXVIII, 210, 211.
- Растрелли, гр., Вареоломей Вареолом., архитект. 1760 г., т. LXV, 812, томъ LXVI, 176, т. LXVIII, 367.
- Рататовъ, докт. 1844 г., т. LXV, 245.

- Ратчевъ, скрипачъ, т. LXVII, 601.
- Ратчъ, Ф. И., морякъ 1840 г., томъ LXVI, 85.
- Рагевскій, Пав., флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 102.
- Рагелъ, актриса, т. LXVI, 47.
- Рауъ, ученый, составит. космографіи, т. LXVIII, 303.
- Раутенштраухъ, гр., т. LXV, 23.
- Раухъ, Елисавет., въ зам. гр-ня Ферзенъ, т. LXV, 656, т. LXVI, 308.
- Раухъ, Е. И., докторъ 1849 г., томъ LXVI, 534.
- Рахмановъ, Ник., генералъ 1783 г., томъ LXVI, 133.
- Рахманиновъ, издат. „Утренніе часы“ 1788 г., т. LXV, 93.
- Реадъ, ген.-адъют. 1828 г., т. LXV, 745, 750, т. LXVIII, 543.
- Ребровскій, т. LXVIII, 482.
- Ребиндеръ, Николай Романов., полсч. К'евск. учебн. окр. 1856 г., т. LXVII, 148, 589—592.
- Ребиндеръ, В. Г., воспитатель герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, т. LXVI, 480.
- Ребиндеръ, дирскт. департ. мин. народн. просв. 1859 г., т. LXV, 374, т. LXVI, 614, 633, 634, т. LXVII, 365, т. LXVIII, 161, 167—169, 174, 396, 605, 613, 614.
- Ребиндеръ, Шарлотта Ив., см. Михельсонъ.
- Ревельоти, помѣщикъ 1854 г., томъ LXVI, 89.
- Регенкамфъ, генералъ, томъ LXVIII, 123, 134.
- Резановъ, Н. П. камергеръ 1803 г., томъ LXVI, 120.
- Рейсигъ, маіоръ 1844 г., т. LXV, 35.
- Рейсигъ, художн., основат. рисовальн. школы въ Спб., т. LXVI, 205—206.
- Рейтеръ, Магнусъ, ген.-маіоръ, команд. Павловск. полка 1844 г., т. LXVI, 490.
- Рейтеръ, Мих. Христофор., министръ финансовъ 1866 г., статск. секрет., чл. госуд. сов. 1889 г., р. 1820 г., † 1890 г., т. LXV, 281.
- Рейхель, художникъ, т. LXVIII, 6.
- Рембелиновичъ, т. LXV, 233.
- Ремезовъ, протоіерей 1836 г., т. LXVII, 259, 670, 675—677, 684.
- Ремн, полковникъ 1856 г., т. LXVI, 601, 602, 608.
- Рененкамфъ, русскій агентъ по мануфактурной части въ Берлинѣ 1845 г., т. LXVI, 518, 519.
- Ренкевичъ, прокуроръ 1835 г., томъ LXVIII, 111, 123.
- Репнинъ, кн., Николай Васильев., ген.-аншефъ, фельдмаршалъ, род. 1734 г., † 1801 г., т. LXVI, 133, томъ LXVIII, 209—214.
- Репнинъ, кн., инженеръ, генер.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 117.
- Репнинъ, кн., Петръ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Репнины, т. LXVIII, 663.
- Ржевской, Алексѣй, т. LXVIII, 242, 245.
- Ржевской, цевз. 1854 г., т. LXVI, 279, 283, 284, т. LXVIII, 612.
- Ржевусскій, гр., Генрихъ, т. LXVI, 382.
- Рибасъ, О. М., адмиралъ, т. LXVIII, 302.
- Рибольеръ, гр., А. И., об.-камергеръ, т. LXV, 817.
- Ридигеръ, гр., генералъ 1830 г., т. LXV, 283, 735, т. LXVI, 578, т. LXVIII, 494.
- Риemanъ, чл. строит. комит. въ Витебскѣ 1837 г., т. LXVII, 675.
- Риemanъ, А. И., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
- Рижордъ, Петръ Ив., адмиралъ, т. LXV, 44, т. LXVI, 36, 287.
- Римскій-Корсаковъ, Григорій Александровичъ, полковн. 1820 г., т. LXVIII, 10—14, 16, 72, 73.
- Римскій-Корсаковъ, Сергій Александровичъ, т. LXVIII, 12.
- Риттеръ, Александръ Павловичъ, поруч. 1857 г., т. LXVI, 398, 407.
- Риттеръ, инж., † 1853 г., т. LXV, 615, 617.
- Ритчеръ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Рихтеръ, генер. 1830 г., т. LXV, 725.
- Рихтеръ, Фридрихъ, офиц. 1830 г., томъ LXV, 25.
- Рихтеръ, полковн. 1812 г., т. LXVI, 487.
- Де-Роберти, Роза Ив., т. LXVI, 207.

- Де-Роберте, Адольфъ Иванов., т. LXVI, 207, 208.
- Ровенской, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Ровинский, Дмитрій Александр., севат., т. LXVII, 448.
- Роговичъ, профес. 1820 г., т. LXVI, 518.
- Роговской, ген. 1853 г., т. LXVI, 42, 45.
- Родзянко, Еват. Владим., нач.-па Ека-терин. вѣст. 1844 г., т. LXV, 40.
- Родзянко, Аркадій, писатель, т. LXVIII, 498, 505.
- Родионовъ, помѣщ. 1835 г., т. LXVII, 108.
- Родштейнъ, поруч. 1810 г., т. LXVII, 27.
- Рождественскій, Ив. Вас., протоіерей т. LXVI, 244, 245, 246, 477, 478.
- Роженецкій, т. LXV, 29.
- Розановъ, Александръ Ив., протоіерей, т. LXVII, 531, 542.
- Розановъ, Николай Петровичъ, сообщ.: „Павелъ Михайловичъ Строевъ“, томъ LXVI, 683.
- Розановъ, Александръ Ив., протоіерей, благочинный, т. LXVI, 450.
- Розе, Густавъ, химикъ и геологъ, т. LXV, 223, 224, 225, 604, 606, т. LXVI, 258, 513, 514, 532, 536—540, 546, 561, 564.
- Розенбергъ, генер. 1799 г., т. LXVI, 732.
- Розенбергъ, М. Б., докт. 1889 г., т. LXV, 252.
- Розень, Петръ Карлов., бар., 1819 г., т. LXVIII, 727.
- Розень, бар., ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 729.
- Розень, бар., главномом. кавказск ар-міи, т. LXV, 331, т. LXVI, 358.
- Розень, бар., кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
- Розовъ, А., писат. 1873 г., т. LXVIII, 770.
- Розовъ, П. С., приставъ 1861 г., т. LXVIII, 481—483.
- Розасовскій, ген.-майоръ 1840 г., т. LXV, 320, 395.
- Роллеръ, декораторъ, т. LXVI, 3.
- Рольбецкій, подполковн. 1831 г., т. LXV, 699.
- Ромадина, Анна Ефремовна, въ зам. Бергъ, т. LXV, 302.
- Ромадина, Екатерина Ив., томъ LXV, 302, 306.
- Ромадина, Ирина Рол., см. Сынбоар-свая.
- Ромадинъ, Василій Ефремов., т. LXV, 302.
- Ромадинъ, Ефремъ Ѳед., чпповн. 1796 г., т. LXV, 296, 299, 300, 301, 302.
- Ромадинъ, Пав. Ефремов., т. LXV, 302, 307, 312.
- Романовъ, Е., т. LXVIII, 309.
- Романовскій, Г. Д., профес., т. LXVI, 21.
- Романовскій, великій князь, Николай Максимилиановичъ, см. герцогъ Лейх-тенбергскій.
- Ромашевичъ, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 405.
- Роменскій, Павелъ, чпновн. 1786 г., т. LXVII, 525.
- Ромишовскій, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Ромодановской, вн., Ѳед. Юрьевичъ, т. LXVIII, 249, 250, 251, 259, 260.
- Де-Ронъ, профес. гимнастики 1849 г., т. LXVI, 478.
- Росетти, педагогъ 1797 г., т. LXVII, 418.
- Рославскій, офиц. 1812 г., т. LXV, 13.
- Россетъ, Александръ Осипов., т. LXVI, 656.
- Россетъ, Аркадій Осиповичъ, т. LXVI, 642, 644, т. LXVII, 196, 280, 282, томъ LXVIII, 356, 657, 658.
- Россетъ, Клементій Осип., т. LXVI, 653, 654, 656, т. LXVIII, 354.
- Россетъ, Осипъ Осипов., т. LXVIII, 360, 362, 658.
- Россетъ, Софья Ив., т. LXVIII, 362.
- Росси, гр.-ня, т. LXVI, 537.
- Ростиславовъ, Дм. Ив., профес. спб. духовн. акад., т. LXVIII, 192, 193, 203—204.
- Ростовцевъ, графъ, Іаковъ Ивановичъ, ген.-ад., перв. предсѣд. ред. комм., р. 1803 г., † 1860 г., т. LXV, 382, 394, 395, 401, 406, 633, 644, 873, 877, т. LXVI, 39, 45, 276, 287, 293—296, 405, 619, 620, 622, т. LXVII, 142, 143, 144, 148,

- 151, 154, 157, 159, 160, 310, 311, 312, 361, 362, 367, 587, 617, 622, т. LXVIII, 81, 83, 87, 92, 93, 99, 112, 121, 124, 134, 147, 158, 165, 385.
- Ростовцевъ, гр., Николай Яковлевичъ, т. LXV, 874.
- Ростоцкина, гр-ня, Евдокія Петровна, рожд. Сущцова, писательница, † 1858 г., т. LXV, 371—373, 636, т. LXVI, 634, т. LXVII, 201, 206, 336, 577.
- Ростоцкинъ, графъ, Фед. Васильевичъ, об.-камерг., ген.-отъ-инф., моск. главноком. 1812 г., род. 1765 г., † 1826 г., т. LXV, 146, 147, т. LXVII, 651, 653, т. LXVIII, 4, 233.
- Ротъ, генер. 1828 г., т. LXVII, 53, томъ LXVIII, 491—493.
- фонъ-Ротширхъ (Теобальдъ), В. А., сообщ.: свои Воспоминанія, т. LXVI, 353—359; „Генералы Ушаковъ и Сабашинскій. Къ Запискамъ В. И. Дена“, т. LXVII, 439—442, упом. т. LXVIII, 541.
- Рошфоръ, чл. археолог. общ., т. LXVIII, 289.
- Рубанъ, Ив. Романов., капитанъ 1857 г., т. LXVI, 399, 400—402, 405.
- Рубанъ, Василій Григорьев., писатель, т. LXVIII, 305.
- Рубинштейнъ, Калерія Христоф., рожд. Левенштейнъ, т. LXV, 253.
- Рубинштейнъ, Антонъ Григ., директ. слб. консерваторіи, піанистъ и композиторъ, т. LXV, 242, 247—280, т. LXVI, 628.
- Рубинштейнъ, Григ. Романов., купецъ 2-й гильдіи, † 1846 г., т. LXV, 253.
- Рубинштейны, т. LXV, 250, 251, 267.
- Рудановскій, Константинъ, бывш. восп. Двор. полка вып. 1869 г., ген., т. LXVI, 239.
- Рудзевичъ, ген.-лейт. 1824 г., т. LXV, 119, т. LXVI, 731.
- Рудневъ, И. Г., вице-адмиралъ, сообщ.: „Историческая справка къ вопросу: Севастополь или Феодосія?“, т. LXV, 864—869.
- Рудневъ, капит. 1854 г., т. LXV, 680.
- Рудницкій, Карлъ Ивановичъ, тайн. сов., т. LXVII, 584, 601.
- Рудченко, И., писат. 1872 г., т. LXVIII, 771.
- Румянцевъ, Александръ Ив., графъ, ген.-аншефъ 1737 г., т. LXV, 115.
- Румянцовъ, В. Е., т. LXVIII, 306.
- Румянцевъ, графъ, Николай Петровичъ, государств. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LXV, 144—219, т. LXVII, 449—456, т. LXVIII, 703, 704.
- Румянцевъ-Задунайскій, графъ, Петръ Александр., фельдмарш., род. 1725 г., † 1796 г., т. LXV, 145, 146, т. LXVI, 143, 352, 483, 732, т. LXVII, 471, 524—526, т. LXVIII, 305, 559.
- Руничъ, Дм. Павл., помеч. слб. уч. окр., д. ст. сов., т. LXVIII, 303.
- Рушениновъ, Мих., т. LXVIII, 577.
- Рыбиной, полковн. 1831 г., т. LXV, 698.
- Рыбинъ, К. Г., чл. саратовск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Рыжовичъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 237.
- Рыжовичъ, т. LXVII, 562.
- Рылѣвъ, Кондратій Федоров., декабр., писат., род. 1795 г., † 13 іюля 1826 г., т. LXVIII, 33, 503—505, 766.
- Рылѣвъ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120.
- Рѣдкинъ, Петръ Г., профес., чл. госуд. совѣта, т. LXVII, 591, т. LXVIII, 471.
- Рѣпинскій, Григ. Косм., тайн. сов., сенаторъ, сообщ.: „Михаилъ Иларионовичъ Голенищевъ-Бутузовъ 1800 г.“, т. LXV, 97; „Вѣглемъ въ царствованіе императора Павла въ 1800 г.“, т. LXVI, 136—139, упом. т. LXV, 241, т. LXVI, 72.
- Рѣпинъ, кн., Николай Григор., малорос. воен. губернат. 1825 г., т. LXVIII, 492.
- Рѣпьевъ, С. П., т. LXVIII, 560.
- Рюминъ, Н. Г., т. LXVII, 627, 629.
- Рюривъ, т. LXVII, 646.
- Рябининъ, Мих. Андреев., т. LXVII, 206, 207.
- Сабашинскій, Адамъ Осипов., ген.-

- лейт., коменд. керч. крѣп., † 1870 г., т. LXV, 678, т. LXVI, 609, т. LXVII, 439—442.
- Саблуковъ, Гордѣй Семен.**, археологъ, т. LXVII, 550—552, 560, 561.
- Сабурова**, въ зам. княг. Гагарина, т. LXVIII, 377.
- Сабуровы**, 77.
- Саввантовъ, Пав. Ив.**, д. ст. сов. 1868 г., чл. археограф. комис., т. LXVIII, 323.
- Савеловъ**, т. LXVII, 380.
- Савельевъ, А. А.**, чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Савельевъ, Ал. Ив.**, ген.-лейт. сообщ.: „Первые кадетскіе смотры 1734—1737 гг.“, т. LXVI, 351—352; „Графъ Дибичъ-Забалканскій, 1831 г. Приказъ его по дѣйствующей арміи“, т. LXVIII, 471—472; „Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ его рѣшеніяхъ военносудныхъ дѣлъ 1799—1808 гг.“, 711—712.
- Савельевъ, Валеріанъ**, т. LXVII, 401, 404.
- Савельевъ, П.**, археологъ, т. LXVIII, 299.
- Савинская, Александра Ив.**, т. LXVII, 296.
- Савинскій, Аван. Степ.**, нач. гл. управл. Восточн. Сибири 1848 г., т. LXV, 128.
- Савинскій, Егоръ Мих.**, т. LXVII, 296.
- Савинскіе**, т. LXVII, 295, 296, 312.
- Савинъзова**, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8, 9.
- Савицкій, чиновн.** 1855 г., т. LXVI, 625.
- Савицкій, астрономъ** 1881 г., т. LXV, 244.
- Савичъ, Алексѣй Никол.**, акад.-профес., т. LXV, 760.
- Савичъ, Валеріанъ Ив.**, ученый, т. LXV, 760.
- Савичъ, Н. Ф.**, ред.-изд. журн. «Русск. Богатство», т. LXV, 760.
- Савичъ**, т. LXV, 760.
- Савостьяновъ, бывш. воспит.** Конст. учл., т. LXVI, 246.
- Сагалаиновъ, Андрианъ**, т. LXV, 547.
- Садоновъ, полков. полицеймейст.** 1837 г., т. LXVII, 678, 690.
- Савоновъ, Мих. Алексѣев.**, архивариусъ витеб. архива 1871 г., т. LXVIII, 731, 732.
- Савоновъ, Никол. Ив.**, т. LXVIII, 48, 51.
- Савонъ, гр.-на.**, т. LXV, 572.
- Савонъ, бар., Дм. Ерошеев.**, см. Остенъ-Савенъ.
- Саллиасъ, гр.-ня, Елисаб. Васильевна** (Евгенія Туръ), т. LXV, 235, т. LXVII, 336.
- Саллиасъ, гр.**, издат. „Полярн. Звѣзды“ 1881 г., т. LXVII, 488.
- Салюсъ, генер.** 1848 г., т. LXVII, 294, 303, 307, 315, т. LXVIII, 228.
- Салпуновъ, Алексѣй Пареев.**, ст. сов., педагогъ 1890 г., издат. «Витебск. Старины», т. LXVIII, 732.
- Сарыговичъ**, т. LXVIII, 430.
- Салтыковъ, гр., Александръ Никол.**, тов. мн-ра ин. дѣлъ 1808 г., т. LXV, 207.
- Салтыковъ, гр., Ив. Петров.**, фельдмарш. 1800 г., т. LXVI, 146.
- Салтыковъ, Никол. Ив.**, фельдмарш., воспит. имп. Александра I, т. LXV, 207.
- Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф.**, р. 1826 г., † 1889 г., т. LXVI, 713, 714, т. LXVIII, 466—468, 693, 757, 760, 767.
- Салтыковъ, Серг. Васильев.**, т. LXVI, 707.
- Салтыковъ, Фодоръ**, т. LXVIII, 239.
- Салтыковы**, т. LXVI, 707.
- Салтыкъ, гр.**, т. LXV, 24, 25.
- Сальморанъ, К. Д.**, помощн. инспект. горн. инст. 1830 г., т. LXV, 622.
- Самаринъ, Юрій Фод.**, писатель, р. 1819 г., † 1876 г., т. LXV, 402, 403, 411, 420—426, 873, 877, т. LXVI, 640, 642, 649, 651, 653, 689, т. LXVII, 196, 201, 205, 207, 211, т. LXVIII, 656.
- Самаринъ, Дмитр. Фод.**, т. LXV, 852.
- Самаринъ, корнетъ** 1855 г., т. LXV, 757.
- Самаринъ, Фод. Вас.**, т. LXVI, 689, т. LXVII, 283.
- Самаринны**, т. LXVIII, 663.
- Самарскій-Выховецъ, подполковникъ** 1840 г., т. LXVI, 270.
- Самарскій-Выховецъ, В. Е.**, горн. инж. 1859 г., т. LXVI, 533, 571—574.

- Самаряновъ, В. А., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
- Самойлова, Вѣра Вас., въ замуж. Ми-
чурина, актриса, т. LXVI, 20.
- Самойлова, Над. Вас., въ замуж. Мах-
шеева, актриса, т. LXVI, 20.
- Самойлова, гр-ня, Софія Александр., въ
зам. гр-ня Вобрянская, † 1866 г.,
т. LXVI, 222.
- Самойловъ, гр., Александръ Никол., т.
LXVI, 167.
- Самойловъ, Василій Васильев., артистъ,
† 1887 г., т. LXV, 621, т. LXVI, 20,
т. LXVII, 157.
- Самойловичъ, писательница, т. LXV,
455.
- Самсоновъ, А. П., офиц. 1855 г., т.
LXVI, 67.
- Де-Санглентъ, Яковъ Ив., нач. тайн.
полиц. въ Спб. 1840 г., т. LXVII, 296,
298, т. LXVIII, 475.
- Сандъ, студ. 1819 г., т. LXV, 351.
- Сансонъ, актеръ, т. LXVI, 466.
- Сатинъ, Никол. Мих., т. LXVIII, 57—
59, 63, 64, 71, 72, 75—77, 80.
- Сафоновъ, Вас. Серг., ред. «Витеб. губ.
Вѣд.» 1890 г., т. LXVIII, 731.
- Сахарова, А. Г., т. LXV, 430.
- Сахаровъ, И. П., профес. 1859 г., т.
LXVIII, 146, 299, 300.
- Сахаровъ, Н. А., чл. гаврическ. учен.
архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
- Сахтынский, тн. сов., 1848 г., т. LXVIII,
475.
- Свербеева, т. LXVI, 652, т. LXVII,
207, 209.
- Свѣтлицкій, прапорщ. 1828 г., томъ
LXVIII, 87.
- Свѣтловъ, подполковн. 1828 г., томъ
LXVIII, 109.
- Свѣчина, г-ж., т. LXVI, 263.
- Святенковъ, полковн. 1890 г., т. LXVI,
247.
- Святополкъ, князь, т. LXVII, 485.
- Святополкъ-Мирская, кн., Ек. Алекс.,
см. Вобрянская, гр-ня.
- Святополкъ Мирскій, кн., Петръ Дм.,
р. 1857 г. т. LXVI, 227.
- Святополкъ-Мирскій, кн., генер. 1864 г.,
т. LXV, 473.
- Севастьяновъ, С. Н., чл. оренб. учен.
архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 571.
- Северинъ, Н., пис-ца, т. LXVIII, 761.
- Северинъ, русск. послан. въ Мюнхенъ
1859 г., т. LXVI, 564, 567, 570.
- Селивановскій, книгопродав., т. LXVII,
613.
- Селивановъ, Алек. Васильев., чл. рязан.
ученой архив. комис. 1889 г., т. LXVIII,
554, 560, 561, 577, 568.
- Селивановъ, Александръ Фед., сообщ.:
„Сергій Ивановичъ Зарудный,“ т.
LXV, 587.
- Селивановъ, Илья Васильев., т. LXVIII,
31, 48, 80.
- Селинь, А. И., адъюнкты-профес. 1850 г.,
т. LXV, 634.
- Селифонтовъ, Никол. Никол., статья-
секр., д. тайн. сов., первоприсутств. IV
деп. правит. сената, т. LXVI, 446.
- Сельванъ, генер. 1854 г., т. LXVIII,
668—673.
- Семевскій, Алексд. Ив., поруч. гвард.
артил., земск. дѣят. Псков. губ., † 1879 г.,
т. LXIII, 616.
- Семевскій, Василій Ив., докт. рус. истор.,
т. LXVIII, 616, XX 754, 755, 765, 771.
- Семевскій, Влад. Ив., шт.-кан. гвардіи,
† 1863 г., т. LXVIII, 616.
- Семевскій, Егоръ Ив., стрѣлков. офиц.,
† 1865 г., т. LXVIII, 616.
- Семевскій, Ив. Егор., помѣщ. Псков.
губ., † 1860 г., т. LXVIII, 616.
- Семевскій, Мих. Ив., ред.-издат. „Руск.
Старины“, сообщ.: „В. А. Бильбасовъ.
Исторія Екатерины II“, т. LXV, 595—
569; „Орестъ Федоровичъ Миллеръ. Мра-
морная доска въ память его рожденія“,
т. LXVI, 346; „Лейбъ-гвардіи Павлов-
скій полкъ 1790 (мая 15-го) 1890 г.“,
483—499; „Путевые очерки, замѣтки и
наброски. Поѣздка по Россіи въ 1890 г.“,
т. LXVIII, 713—745, упом. т. LXV,
460, 590, 744, 874, 878, т. LXVI, 75,
240—248, 693, т. LXVII, 529, т. LXVIII,
255, 311, 568, 616, 637, 749, 752, 764,
768. Кромѣ того всѣ статьи и замѣтки,

- подписанныя „Ред.“, какъ въ 1890-мъ году, такъ и въ предъидущіе годы изданія «Русской Старины» (1870—1890), принадлежатъ М. И. Семеvскому.
- Семевскій**, Петръ Ив., управл. отд. го-суд. банка въ Перми, т. LXVIII, 616.
- Семеза**, Владим. Саввичъ, нач. штаба 3-го пѣх. корп. 1856 г., т. LXV, 749, томъ, LXVI, 587, 606.
- Семеновъ**, Ник. Петр., сенаторъ 1890 г., т. LXV, 874, 879.
- Семеновъ**, Петръ Петров., сенаторъ, предсѣд. статистич. совѣта мн-ва внутр. дѣлъ, вице-предсѣд. геогр. общ., т. LXV, 874 — 876.
- Семеновъ**, майоръ 1799 г., т. LXVIII, 712.
- Семякинъ**, ген.-м. 1854 г., т. LXVI, 50, 56.
- Сениговъ**, писатель. т. LXVIII, 428.
- Сенковская**, Аделя Алексан., рожд. Раль, т. LXVII, 334—359.
- Сенковский**, Осипъ Ив. (бар. Брамбеусъ), профес. слб. унив., писатель, † 1858 г., т. LXV, 380, 592, т. LXVI, 46, 185—191, т. LXVII, 317—360, 569, 585.
- Сентъ-Илеръ**, Баргельми, писатель, т. LXVI, 687, т. LXVIII, 310.
- Де-Сентъ-Шьеръ**, Бернарденъ, писатель, т. LXVIII, 310.
- Сенявинъ**, адмир., ген-ад. 1826 г., т. LXV, 173, т. LXVIII, 514—516.
- Сенявинъ**, тов. мин. вн. дѣлъ 1844 г., т. LXVII, 701.
- Серафимъ**, митроп. слб. и новгородск. 1824 г., т. LXVIII, 538.
- Сербиновичъ**, Конст. Степ., директоръ канц. об.-прокур. св. синода 1837 г., тайн. сов., т. LXV, 132, т. LXVI, 211, 285, 619, т. LXVII, 134.
- Сергѣевичъ**, Вас. Ив., профес., т. LXVII, 529, т. LXVIII, 304, 769.
- Серебrenниковъ**, С. И., т. LXVIII, 559.
- Серебrenниковъ**, Конст., священ., т. LXVIII, 728.
- Серебrenниковъ**, Петръ, священ. 1890 г., т. LXVIII, 724.
- Сергія Александровичъ**, вел. князь, т. LXV, 593, т. LXV, 217.
- Де-Серра-Каприоли**, герцог., т. LXVI, 660.
- Сестренцевичъ** Богушъ, Станиславъ, архиеп. могилевск., р. 1731 г., † 1826 г., т. LXVI, 158—166.
- Сибирскій**, кн., ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120.
- Сиверсъ**, гр., Евгений Егоров., ген.-отъ-инф., сообщ.: „Александръ Клеониковичъ Ушаковъ. Генераль-отъ-инфантеріи“, т. LXVIII, 541—545. Записка къ очерку «генер. Ушаковъ», 702.
- Сиверсъ**, Яковъ Ефимов., намѣстникъ тверск., новгород. и псковск. 1777 г., т. LXV, 775.
- Сиверсъ**, воспит. Никол. кавалерійск. учил., † 1833 г., т. LXV, 592.
- Сиверсъ**, генер., 1855 г., т. LXV, 283.
- Сидоръвъ**, Авраамъ, т. LXVIII, 577.
- Сидорскій**, Іосифъ, сообщ.: „Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій въ 1865—1888 гг.“, т. LXVI, 717—726.
- Сидорскій**, Іосифъ, священ. 1817 г., т. LXVIII, 728.
- Сиворскій**, Васил. Викентьев., офиц. 1855 г., † 1876 г., т. LXV, 755.
- Сиворскій**, Конст. Викентьев., подпор. 1855 г., т. LXV, 757.
- Силванскій**, Степ., чиновн. 1786 г., т. LXVII, 524.
- Силверстова**, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 11.
- Симантовскій**, прап. 1828 г., т. LXVIII, 87.
- Симантовскій**, ген. 1830 г., т. LXV, 718.
- Симборскій**, Андр. Мих., комед. дивизионскаго крѣп. 1849 г., т. LXVI, 353, 354.
- Симонъ** Тодорскій, архиеп. псковскій, законоучит. Екатерины II, т. LXV, 597, LXVIII, 579.
- Симоновичъ**, Я., д-ръ 1884 г., т. LXVIII, 772.
- Симоновъ**, рект. казанск. унив. 1854 г., т. LXVI, 277.
- Симоновъ**, ученый 1883 г., т. LXV, 245.
- Синайскій**, педагогъ, т. LXVII, 559, 560.

Синельниковъ, Никол. Петров., полковникъ 1848 г., нинѣ генер.-отъ-инфантеріи, т. LXVII, 303.

Синицынъ, нач. спб. сыскн. полиціи 1848 г., т. LXVIII, 376, 378.

Синицынъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 263.

Синявинъ, новгор. губернат. 1839 г., т. LXV, 338.

Синявинъ, управл. минист. иностр. дѣлъ 1854 г., т. LXVI, 277.

Сипайло, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 242.

Сиповскій, В., т. LXVIII, 765.

Сирнуръ, графиня, рожд. Хлюстина, т. LXVI, 263, 265, 505, 515, 547, 558.

Ситниевъ, Алексѣй Семен., шт.-кап., т. LXVII, 48—54.

Свабичевскій, А. М., писатель, т. LXV, 236—238, т. LXVIII, 766.

Свавронскій, гр., Мартынъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.

Свайлеръ, Евгеній, воспоминавія о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, томъ LXVII, 631—655, т. LXVIII, 261—277, упом. 310.

Скалонъ, т. LXVII, 206.

Свандербекъ-Бастриотъ, княж., Вѣра Григ., въ зам. Ушакова, т. LXVII, 439.

Свворцовъ, Д. И., чл. тверск. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.

Свдиренко, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 673, 685.

Свобелевъ, Дмитр. Ив., генер., т. LXVII, 181.

Свобелевъ, Ив. Никит., ген.-отъ-инфантер., коменд. спб. крѣп. 1846 г., † 1849 г., т. LXVI, 356, т. LXVII, 40, 41, 444.

Свобелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., р. 1843 г. † 1882 г., т. LXV, 654, LXVI, 356, 424, 431, 434, 435, 501.

Сволковъ, Н. Г., флиг.-ад. 1845 г., т. LXV, 659, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 683.

Скопинъ, Н. Г., священ., т. LXVII, 533.

Скрипицынъ, Валерій Валеріев., директ. департ. иностр. исповѣд. 1853 г., т. LXVI, 27, 387, 388, т. LXVII, 600, 699.

Скрывнинъ, шт.-кап. 1766 г., т. LXVIII, 712.

Скюдери, полковн. 1855 г., т. LXVI, 98.

Слатвинскій, офиц. 1855 г., т. LXV, 621.

Сленинъ, книгопродавецъ 1830 г., т. LXVIII, 114.

Словохотовъ, П. С., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.

Слонецкій - Михайловскій, докторъ 1830 г., т. LXVIII, 119.

Слонимскій, Л. З., писат. 1887 г., т. LXVIII, 767, 769, 771.

Слубицкій, Евг., 1830 г., т. LXV, 694.

Случевскій, Конст. Ковст., д. ст. сов., камергеръ, писатель, т. LXV, 363.

Слѣпушкинъ, крестьян.-писат. 1825 г., т. LXVIII, 520.

Слѣпцова, Жозефина Адамовна, рожд. Вельбутовичъ-Паллонская, сообщ. „Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ“, т. LXV, 233—241.

Слѣпцовъ, А., сообщ.: „Къ разсказу: Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“, т. LXVIII, 228.

Слѣпцовъ, Алексѣй Васильев., помѣщ., т. LXV, 233.

Слѣпцовъ, Васил. Алексѣев., писатель, т. LXV, 233—241, 496, 740.

Слѣпцовъ, офиц. (на Кавказѣ), т. LXV, 592, 621.

Слѣпцовы, т. LXV, 233.

Смарагдъ, еписк. витебск. 1836 г., т. LXVII, 231, 235, 245 — 247, 262—275, 671—676, 681, 693, 700.

Смарагдовъ, писатель, т. LXVI, 288.

Смирдинъ, А. Ѳ., книгопродав.-изд. 1830 г., т. LXV, 764, 771, т. LXVIII, 114.

Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, род. 1810 г., † 1882 г., т. LXVI, 639 — 656, т. LXVII, 195—212, 279 — 291, 387, т. LXVIII, 353—364, 655—664.

- Смирнова, Ольга, Ник. т. LXV, 856, т. LXVIII, 353—364.
- Смирновъ, А. В., врачъ, сообщ.: „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“, т. LXVI, 449—465.
- Смирновъ, А. В., священ., чл. саратов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
- Смирновъ, В., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
- Смирновъ, Ив. Васильев., † 1774 г., т. LXV, 582.
- Смирновъ, М. И., педагогъ, 1845 г., т. LXVII, 558, 559, 560, 562.
- Смирновъ, Мих. Николаев., 1849 г., т. LXVIII, 354.
- Смирновъ, Н. В., воен. инженер. 1890 г., т. LXV, 497.
- Смирновъ, Никол. Мих., калужск., вполн. слоб. губернаторъ, 1846—1849 гг., томъ LXVI, 640, 641, 642, 644, 648, 654, т. LXVII, 200, 204, 208, 290, т. LXVIII, 355, 357, 359.
- Смирновъ, Павелъ Никит., педагогъ, 1845 г., т. LXVII, 559.
- Смирновъ, П. П., 1840 г., т. LXVIII, 361.
- Смирновъ, подпоруч. 1857 г., т. LXVI, 397.
- Смирновъ-Платоновъ, профес. казанск. духовн. акад. 1845 г., т. LXVII, 559.
- Смоленскій, чиновн. 1835 г., т. LXVII, 67, 68, 69.
- Смольяниновъ, Владим. Николаев., педагог., археографъ 1890 г., согрудн. сборн. «Арх. кн. Ф. А. Куракина», т. LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
- Снегиревъ, Иванъ Мих., профес. 1825 г., цензоръ, т. LXVI, 689, 692.
- Снедль, проф. 1819 г., т. LXV, 353.
- Снегосорева, Софья Ив., писат-ца, томъ LXVII, 336, 358.
- Снѣшевскій, В. И., чл. нижегородск. учен. архивн. комис. 1889 г., сообщ.: «Къ исторіи Пугачевскаго бунта. Въ степи у киргизъ-кайсаковъ 1774 г.», т. LXV, 790—796, т. LXVI, 107—119, упом. т. LXVIII, 556.
- Снѣзницкій, священ. 1845 г., томъ LXVII, 565.
- Снѣткова, актриса 1860 г., т. LXVII, 534.
- Снядецкий, Янъ, польскій писат., томъ LXV, 33.
- Собакина, Юлія Станисл., рожд. гр-ня Юноша - Вѣлинская, во второмъ бракѣ гр-ня Вобринская, т. LXVI, 223.
- Собакинъ, чл. коллег. ин. дѣлъ, тайн. сов., т. LXVIII, 236.
- Собо, Никол. Петров., секретарь Импер. общ. поощренія художествъ, сообщ.: „Рейссигъ — основатель рисовальной школы въ С.-Петербургѣ“, т. LXVI, 205—206.
- Соболевскій, гр., Валентинъ, мн-ръ юстиц. Ц. Польскаго 1830 г., т. LXV, 23, 31, 698.
- Соболевскій, Сергій Алекс., библиофилъ, т. LXVII, 663, т. LXVIII, 300.
- Соболевскій, кад. 1857 г., т. LXVI, 403.
- Соболевскій, Фѣдоръ, т. LXVII, 539.
- Соболевъ, Леонидъ Никол., ген.-майоръ генер. штаба, воен. писатель, т. LXVI, 421, 431, 432.
- Соболевъ, ген.-м., витебск. коменд. 1836 г., т. LXVII, 230.
- Соймоновъ, 1681 г., т. LXVIII, 559.
- Соймоновъ, Михаилъ 1802 г., т. LXVII, 416, 435.
- Соймоновъ, генер.-лейт., † 1855 г., т. LXV, 673.
- Созальскій, профес. 1830 г., т. LXVI, 207.
- Созовнина, Софья Прокоф., въ зам. гр-ня Вобринская, † 1868 г., т. LXVI, 223.
- Созовникъ, Василій Алексѣев., спальникъ 1682 г., т. LXVIII, 256.
- Созовникъ, т. LXVIII, 704.
- Созоловской, эстанд.-юнкеръ 1800 г., т. LXVI, 137.
- Созоловъ, Александр. Ив. 1840 г., т. LXVIII, 65.
- Созоловъ, А. П., 1882 г., т. LXVI, 658, 659, 660.
- Созоловъ, В. П., чл. саратовск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.

- Созоловъ, Д. Д., профес., директоръ учил. гражд. инж. въ Спб., т. LXV, 741.
- Созоловъ, Петръ Ѳед., художн.-январельскъ, † 1848 г., т. LXVI, 657—660.
- Созоловъ, П. П., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
- Созоловъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 711.
- Созоловъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 9, 12.
- Созоловъ, чиновникъ 1836 г., т. LXVII, 236, 251.
- Созоловъ, арендат. казенныхъ имѣній Витебской губ. 1836 г., томъ LXVII, 274—276.
- Созоловъ, ученый 1881 г., т. LXV, 246.
- Созуровъ, Ѳ. Г., т. LXVIII, 300.
- Солдцезъ, Ѳед. Григ., проф. археологической живописи, дѣйств. ст. совѣтн. археологъ, род. 1801 г., томъ LXVII, 388, 390.
- Соловьевъ, В. С., т. LXVIII, 754.
- Соловьевъ, И. Я., др. писат., т. LXVIII, 759.
- Соловьевъ, Серг. Мих., академ., проф., историографъ, род. 1820 г., † 1879 г., т. LXV, 166, 399, т. LXVI, 276, 281, т. LXVII, 618, т. LXVIII, 294, 306, 307, 428, 429, 637, 752, 753.
- Соловьевъ, Яковъ Александров., членъ редакц. комис. по составл. Положенія о крестьянахъ, сенаторъ, † 1876 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 717, 718, т. LXVII, 186, 187.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, писатель, томъ LXV, 431.
- Соловцовъ, Игнатій Ивановичъ, томъ LXVII, 345.
- Соловцовъ, Николай Петров., ген.-лейт., † 1887 г., т. LXVII, 345.
- Соллогубъ, гр-ня, Софья Мих., рожд. гр-ня Вильгорская, т. LXVI, 648, 653, т. LXVIII, 657, 663.
- Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ, писатель, т. LXV, 53, т. LXVI, 641, 648, т. LXVII, 136, 152, т. LXVIII, 663.
- Соломирскій, т. LXVII, 395.
- Соляниковъ, слушат. лекцій въ берлинскомъ унив. 1824 г., т. LXVI, 518.
- Сомовъ, педагогъ 1855 г., т. LXVI, 615.
- Сошниковъ, В. С., библиографъ, томъ LXVIII, 302.
- Соповъ, купецъ 1846 г., т. LXVI, 576.
- Соеницкій, Ив. Ив., актеръ, т. LXVI, 19, т. LXVII, 41, 157.
- Сосновскій, Васил. Осипов., смоленск. губернат. 1890 г., т. LXVIII, 735, 736, 743.
- Софія Алексѣевна, царевна-правительница, род. 1657 г., † 1704 г., т. LXVIII, 238—245, 250, 352, 258, 260.
- Софроновъ, Николай, священ. 1863 г., т. LXVIII, 193.
- Соханскій, Г. Д., ген.-лейт. 1890 г., т. LXVI, 240, 248.
- Сохадскій, П. А., проф., инспект. моск. универс. гимназій 1790 г., т. LXVII, 482, 484.
- Соцъ, Яв. Иванов., чиновникъ 1824 г., т. LXVI, 683.
- Спада (Медичи Спада), т. LXVI, 3.
- Спасовичъ, В. Д., юристъ, т. LXVIII, 754, 766, 769.
- Спасскій, докт. 1847 г., т. LXV, 376.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., первый статсъ-секрет. Финляндіи, род. 1772 г., † 1839 г., т. LXVI, 166, 177, т. LXVII, 373, 376, т. LXVIII, 286, 303—308.
- Сперанскій, М. Н., чл. тверск. ученой архивн. комиссій 1889 г., т. LXVIII, 562, 569.
- Спирidonовъ, инж.-подполковн. 1857 г., т. LXVII, 164.
- Спѣшневъ, 1849 г., т. LXVIII, 60, 61.
- Срезневская, Ольга Измайловна, томъ LXVIII, 294.
- Срезневскій, Измаилъ Иванов., акад.-проф., т. LXV, 396, т. LXVI, 207, 208, 450, т. LXVII, 153, 368, т. LXVIII, 291, 293, 294, 307, 308, 415.
- Стааль, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 121.
- Ставровская, Олимпіада Петровна, въ зам. Строева, т. LXVI, 682.
- Ставровскій, Петръ Дмитр., тип. сов., т. LXVI, 682.
- Сталь, г-жа, писательница, т. LXV, 451.
- Сталь-Гольштейнъ, баронъ, т. LXVII, 393.
- Сталь-Гольштейнъ, баронес., Софья Ѳед., см. Андро.

- Стандершилдь, Эдуардъ Карловичъ, преподават. Дворянск. полка 1850 г., ген.-майоръ, т. LXVI, 244, 245.
- Станкевичъ, А. И., библіотекаръ моск. историч. музея 1888 г., сообщ.: «Турусы на колесахъ 1846 г.», т. LXVI, 576, упом. т. LXV, 246, т. LXVIII, 446.
- Станкевичъ, А. П., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
- Станкевичъ, астрономъ 1886 г., т. LXV, 245.
- Станцани, г-жа, т. LXVI, 382, 391.
- Станчева, дѣвица, т. LXVI, 416.
- Старицкій, Е. П., предсѣд. тифлисск. комерч. суда, нынѣ чл. госуд. совѣта, дѣйств. тайн. сов., т. LXV, 874.
- Старнальскій, предсѣд. подляск. воеводской комис. 1830 г., т. LXV, 703.
- Староградскій, И. В., чл. тамбовской ученой архивн. комисси 1889 г., томъ LXVIII, 554.
- Старчевскій, Адальбертъ Викентьевичъ, писатель-издатель, т. LXVIII, 299.
- Старченковы, т. LXVI, 93.
- Старынкевичъ, докторъ 1855 г., томъ LXVI, 703.
- Стасова, Надежда Васильевна, т. LXV, 625.
- Стасова, Софья Васил., т. LXV, 625.
- Стасовъ, Владиміръ Васильев., тайн. совѣтъ., писатель, ученый, т. LXVIII, 287, 758, 759.
- Стасовъ, Вас. П., архитекторъ 1834 г., т. LXV, 625, 812.
- Стасюлевичъ, Мих. Матв., проф., нынѣ изд.-ред. «Вѣстн. Европы», р. 1826 г., т. LXVI, 480, т. LXVII, 614, 616, 625, т. LXVIII, 141, 693, 749—782.
- Стаховъ, Александръ Александровичъ, шт.-капит. 1828 г., т. LXVIII, 90—101, 117, 126, 128, 131—134.
- Сташицъ, Станиславъ, предсѣдат. общ. «Друзей наукъ» въ Варшавѣ 1830 г., т. LXV, 32.
- Стебницкій, І., ген.-лейт. генеральн. штаба, началн. топографич. отд. главн. штаба, 1889 г., т. LXV, 246.
- Стевенъ, А. Х., предсѣд. тарич. архивн. учен. комис. 1889 г., т. LXVIII, 564.
- Стельсъ, Андрей, купецъ 1695 г., томъ LXVIII, 253.
- Степанова, дѣвица, т. LXVI, 18.
- Степановъ, Мих. Васильевичъ, офицеръ 1830 г., т. LXVIII, 119, 120.
- Степановъ, Ник. Ал., издат. «Искры» 1858 г., т. LXVII, 618.
- Степановъ, П. А., ген.-отъ-инфант., сообщ.: «Москва въ 1812 году, занятая французами. Воспоминаніе очевидца», т. LXV, 105—114.
- Степановъ, Семень Петров., полковн. 1830 г., т. LXVIII, 124, 125.
- Степановъ, проф. 1830 г., т. LXVI, 207.
- Степановъ, технич. инспект. казен. ж. дорогъ, † 1876 г., т. LXV, 759.
- Стефанъ, Баторій, король польскій 1581 г., т. LXV, 322, т. LXVIII, 312.
- Стефановичъ, т. LXVII, 675.
- Стоговъ, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.
- Стоговъ, Эразмъ Ив., † 1880 г., томъ LXVII, 66, 92, 93, 94, 119, 120.
- Столыпина, Екат. Ареадьевна, томъ LXVIII, 23.
- Столыпинъ, Аван. Алексѣевичъ, томъ LXVI, 592.
- Столыпинъ, попеч. симбирской гимназій 1835 г., т. LXVII, 99.
- Столѣтовъ, Н. Г., ген. генеральн. штаба 1876 г., т. LXVI, 413.
- Столѣтовъ, ученый 1888 г., томъ LXV, 245, 246.
- Стороженко, А., т. LXVIII, 764.
- Стороженко, Н., писат. 1880 г., т. LXVIII, 769.
- Стороженкова, рожд. Милорадовичъ, т. LXVIII, 507.
- Стожанинъ, В. Я., педагогъ, т. LXVIII, 754, 765, 772.
- Стояновскій, Никол. Ив., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXV, 874, 877.
- Страбургъ, Родіонъ, т. LXVIII, 246.
- Страховъ, П. П., профес., т. LXVII, 479, 481, 482, 522.
- Стремоуховъ, Всеволодъ, офиц. 1855 г., т. LXVI, 307.
- Стренгъ, А. О., ген.-лейт., изъ записокъ его: «На Дунаѣ и подъ Силестрією въ 1854 г.», т. LXVIII, 665—678.

- Стрешневъ, Тихонъ Никитичъ, бояринъ 1704 г., т. LXVIII, 241, 242, 246, 247, 257, 258, 443.
- Стрешневъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
- Стрешневъ-Глѣбовъ, т. LXVIII, 33.
- Стрешневы, т. LXVIII, 248.
- Строгановъ, гр., Александръ Григ., ген.-ад., мин.ви.дѣлъ 1839 г., т. LXV, 385, т. LXVI, 265, 469, т. LXVII, 69, 74, 122.
- Строгановъ, гр., А. С., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
- Строгановъ, гр., Григ. Александровичъ, 1855 г., т. LXVI, 310, 573.
- Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попечит. моск. учебн. окр. 1835—1847 г., вполн. чл. госуд. совѣта, р. 1794 г., † 1832 г., т. LXV, 54, 384, 386, 387, 396, т. LXVI, 175, 691, 692, т. LXVIII, 186, 282, 360, 613.
- Строгоновъ, т. LXV, 144.
- Строгоновы, именитые люди, т. LXV, 812, т. LXVI, 177, т. LXVIII, 298.
- Строева, Варвара Никол., т. LXVI, 682.
- Строева, Екат. Мих., т. LXVI, 683.
- Строева, Елис. Фед., т. LXVI, 682, 683.
- Строева, Марія Мих., т. LXVI, 682.
- Строева, О. П., см. Ставровская.
- Строевъ, Александръ Мих., р. 1798 г., т. LXVI, 682.
- Строевъ, Мих. Александр., тит. сов. 1796 г., т. LXVI, 682.
- Строевъ, Никол. Мих., р. 1803 г., томъ LXVI, 682.
- Строевъ, Пав. Мих., археологъ, писатель-археологъ, р. 1796 г., † 1876 г., т. LXVI, 682—683, т. LXVIII, 294, 308, 427.
- Стромбергъ, баронесса, Генриетта, томъ LXVI, 534.
- Стромбергъ, баронесса, Елисавета, томъ LXVI, 534.
- Стромбергъ, баронъ 1851 г., т. LXVI, 534.
- Стромилловъ, Никифоръ, секундъ-маіоръ 1781 г., т. LXV, 779.
- Стронгвейсъ, ученый, 1839 г., томъ LXVI, 15.
- Струве, Бернгардъ Васильев., д. ст. сов., писатель, † 1838 г., т. LXV, 125.
- Струве, янжен., 1880 г., т. LXV, 556.
- Струве, акад.-астрономъ 1839 г., томъ LXV, 334, 335.
- Струговщиковъ, Александръ, писатель, 1855 г., т. LXVI, 614, т. LXVII, 590, т. LXVIII, 161, 164.
- Струковъ, Д. П., сообщ.: „Штуденты—домашніе наставники въ 1712 г.“, т. LXVI, 347—350.
- Стрюбингъ, Германъ, т. LXVIII, 38.
- Студенкинъ, Гавр. Ильичъ, стат. сов., сообщ.: „Населеніе С.-Петербурга въ 1808 г.“, т. LXV, 870—872; „Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга“, т. LXVI, 167—170; „Графы Бобринскіе“, родословіе, 221—227.
- Студинскій, Викентій Семен., томъ LXVII, 174.
- Стунеевъ, полковн. 1833 г., т. LXV, 592.
- Стурдза, Алекса. Скарлат., писатель духов. нравств. соч., 1849 г., т. LXVI, 655, т. LXVIII, 656, 661.
- Стюрлеръ, полковн., † 1825 г., томъ LXVIII, 500.
- Стюрлеръ, А. Н., фл.-ад. 1850 г., томъ LXVII, 182.
- Суворовъ, кн., Александръ Аркад., ген.-ад., остзейск. ген.-губ. 1861 г., слѣб. воен.-губ., † 1882 г., т. LXV, 368, 402, 513, 742.
- Суворовъ-Рымнинскій, кн. Италійскій, Александръ Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXV, 60, 102, 293, 296, 828, т. LXVI, 133—136, 140, 141, 143, 144, 732, т. LXVII, 412, 645, т. LXVIII, 233, 302, 490.
- Суворовъ, Василій, священ., т. LXVIII, 579.
- Суворовъ, И. Н., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1890 г., сообщ.: „Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патриарху Адриану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра 1696 г.“ т. LXVIII, 438—442, упом. 568.
- Суворовъ, Н., археологъ, писатель 1869 г., т. LXVIII, 442.
- Судейкинъ, прапорщ. 1828 г., томъ LXVIII, 87.

- Судимонъ, намѣстникъ костромской 1499 г., т. LXVIII, 428.
- Судіенко, М., т. LXVII, 522.
- Сушинъ, ген., командиръ спб. крѣп. 1824 г., т. LXVIII, 538.
- Сужикъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
- Султановъ, инженер., архитект. 1890 г., т. LXV, 741.
- Сумарокова, Марья Павловна, т. LXVII, 601.
- Сумароковъ, Александръ Петров., писат., директ. имп. театр. 1760 г., р. 1717 г., † 1777 г., т. LXVI, 28.
- Сумароковъ, гр., Сергій Павл., нач. гвард. корп. 1856 г., т. LXV, 86, томъ LXVI, 336, 355, 595.
- Сумароковъ, графъ 1798 г., т. LXVIII, 559.
- Сумароковъ-Эльстонъ, гр., ген.-маіоръ 1864 г., т. LXV, 473.
- Суминская, т. LXV, 31.
- Суминовъ, гр., ст. сов. 1831 г., т. LXV, 693.
- Сутгофъ, Авдотья Максимовна, рожд. Ореусъ, т. LXV, 68, 496.
- Сухованецъ, Николай Онуфріев., воен. мин-ръ 1861 г., вполн. намѣстн. Царства Польскаго, т. LXV, 226—228, 285, 358, 752, т. LXVI, 314, 596.
- Сухованецъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
- Сухомлиновъ, Мих. Ив., акад.-профес., писатель, т. LXV, 587, 637, 638, томъ LXVII, 141, т. LXVIII, 308, 311.
- Сухотинъ, офиц. 1812 г., т. LXVII, 43.
- Сухтелевъ, воспит.-да Смольнаго инст. 1797 г., т. LXVII, 416.
- Сухтелевъ, гр., ген.-ад. 1839 г., т. LXV, 323, 327, 329, 332, 333, 337, 339, т. LXVIII, 211.
- Сухтелевъ, гр., Петръ Корнильев., инж. ген.-м. 1890 г., т. LXVIII, 305.
- Сценуро, священникъ, археографъ, т. LXVIII, 308.
- Сыбоярская, Ирина Родионовна, въ зам. Ромадина, т. LXV, 299.
- Сыро, чл. археол. общ., т. LXVIII, 289.
- Сыняцкій, А. И., чл. таврич. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
- Сърабовскій (Доленго), Сигизмундъ, капит. генер. штаба, предвод. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. LXV, 862.
- Съровъ, Александръ Николаевичъ, композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. LXVII, 633.
- Сърабовъ, Лаврентій Авксентьев., акад., граверъ, р. 1824 г., † 1881 г., т. LXV, 506, т. LXVI, 438.
- Съченковъ, Иванъ Мих., профес., т. LXV, 231, т. LXVIII, 770, 772.
- Таборовскій, А., сообщ.: „Антонъ Ивановичъ Лаксъ“, т. LXV, 583—585.
- Тавастъ, капит. 1830 г., т. LXVIII, 126, 127.
- Тайшинъ, кн., Ив. Матвѣев., обдорскій князь, нач. острьковъ 1864 г., т. LXVIII, 457—459.
- Талызинъ, писатель, т. LXVIII, 390, 393.
- Тальбергъ, Д. Г., писат. 1880 г., томъ LXVIII, 770.
- Тамара, княжна, фрейлина 1835 г., т. LXVII, 108, 109, 113.
- Тамара, грузинская царица, т. LXVIII, 300.
- Таносій, Василій, чиновникъ 1786 г., т. LXVII, 525.
- Тантави, профес. 1858 г., т. LXVII, 615, т. LXVIII, 468.
- Танъевъ, ст.-секретарь 1835 г., т. LXVII, 86, 140.
- Тараканова, княжна, Елисавета, томъ LXVII, 613.
- Таракановъ, ген.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 116.
- Тарновскій, Степанъ, кievск. предвод. дворян. 1786 г., т. LXVII, 524.
- Тархановъ, И., профес. 1890 г., томъ LXVIII, 770.
- Тарчевскій, А., писатель 1880 г., томъ LXVIII, 769.
- Таскинъ, А. Н., писатель, т. LXV, 621.
- Татариновъ, химикъ 1883 г., т. LXV, 245.
- Татариновъ, полковн. 1803 г., т. LXVIII, 5.
- Татарниковъ, Павелъ Егоровичъ, тайн.

- совѣтн., бывш. помощн. управл. дѣлами главн. ком. объ устр. сельскаго состоянія, ст. секр. государственн. совѣта, т. LXV, 874.
- Татариновъ, Петръ Петровъ**, † 1858 г., т. LXVII, 139, 154, 586, 605.
- Татищевъ, А. И.**, воен. мин. 1825 г., т. LXVIII, 512.
- Татищевъ, Василій Никитичъ**, писатель, историкъ 1790 г., т. LXVIII, 427, 428.
- Татищевъ, С.**, историкъ 1889 г., т. LXV, 489, т. LXVIII, 431.
- Татьяна Михайловна**, царевна, томъ LXVIII, 243, 244.
- Твердовскій, Демьянъ**, тит. сов. 1786 г., т. LXVII, 524.
- Твердовскій, Демьянъ**, тит. сов. 1786 г., т. LXVII, 524.
- Телесницкій, А. В.**, тайн. сов., сообщ.: „Пѣсня ѣвктораго мореходца, изъясняющаго любовь свою гѣми словами и мыслями, какими по привычѣ къ морешлаванію воображеніе его наполнено“, 1809 г., т. LXVII, 445.
- Телешева, тавдовщица** 1825 г., т. LXVIII, 505.
- Темерязевъ, бывшій астрах. ген.-губ.**, 1847 г., т. LXVII, 283.
- Тентетниковъ**, 1850 г., т. LXVIII, 656.
- Теобальдъ, см. фнѣ-Ротширхъ.**
- Тернеръ, Ѡ. Г.**, профессоръ, тайн. сов., тов. мн-ра финанс., т. LXVI, 481.
- Терсинскій, П. Г.**, управл. контрол. при св. синодѣ, т. LXVII, 533.
- Тетенборнъ, бар.**, фл.-ад. 1845 г., томъ LXVII, 181.
- Тетериянъ**, т. LXVIII, 430.
- Тетуревъ, офиц.** 1812 г., т. LXV, 8.
- Тизенгаузенъ, В. Г.**, чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
- Тизенгаузенъ, гр.-ня, Екатерина Ѡедор.**, т. LXVI, 309, 647.
- Тило, Александръ Александр.**, геодезистъ, военн. инж., профес., ген.-лейт. генер. штаба 1890 г., т. LXV, 243, 245, 246, 841, т. LXVI, 238, 240.
- Тимаевъ, помощн. инсп. Екатерин. инст.**, † 1858 г., т. LXV, 633, т. LXVI, 36, т. LXVII, 584.
- Тимашева, Екатерина Александровна**, рожд. Пашкова, т. LXV, 572.
- Тимашевъ, Александръ Егоров.**, генер.-адъют., чл. госуд. сов., т. LXVI, 322, 323, т. LXVII, 181.
- Тимирязева, Софья Ѡед.**, рожд. Вадковская, т. LXVII, 342.
- Тимирязевъ, Ив. Семен.**, астраханск. воен. губернат. 1846 г., т. LXVII, 342.
- Тимирязевъ, Ѡед. Ив.**, т. LXVI, 179.
- Тимирязевъ, ботаникъ** 1886 г., т. LXV, 245, 246.
- Тимковскій, Ив. Осповичъ**, писатель, археографъ, т. LXVII, 475, 482, 522.
- Тиммерманъ, Францъ Ѡед.**, математикъ, инжен. 1680—1690 гг., т. LXVIII, 253.
- Тимиротъ, ген.-майоръ** 1824 г., т. LXV, 121, 122.
- Тимошукъ, Вѣра Васильевна**, сообщ.: «Обзоръ писемъ императрицы Маріи Ѡеодоровны къ начальникамъ Смольнаго: Лафонъ и Пальенбахъ», т. LXV, 823—832; подготовила къ печати зав. Вл. Ив. Дена, т. LXV, 55—90, 551—574, 655—680, т. LXVI, 49—71, 299—324, 577—608, т. LXVII, 161—194, и памятн. замѣтки Е. Н. Моллеръ, т. LXVI, 325—342, упом. т. LXV, 246, т. LXVIII, 473, 479, она-же составила указатель именъ къ «Русской Стар.» 1890 г.
- Тимофѣевъ, Алексѣй Алексѣев.**, ген.-лейт., † 1889 г., т. LXV, 675, т. LXVI, 241.
- Тимофѣевъ, адъюнкты-профес.** 1860 г., т. LXV, 638, т. LXVIII, 146.
- Тиньковъ, офиц.** 1830 г., т. LXV, 25, 30.
- Типольдъ, Анна Ив.**, въ зам. Жемчужникова, т. LXVIII, 7.
- Типольдъ**, 1850 г., т. LXVIII, 77.
- Титовъ, Андрей Ал.**, археографъ, чл.-сотр. Археограф. комис., сообщ. «Къ дѣлу объ изданіи исторіи Флетчера», т. LXV, 428.
- Титовъ, Влад. Павлов.**, русск. посланъ въ Штутгартъ 1859 г., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., предсѣд. археограф. ком.

- т. LXVI, 572, 573, т. LXVII, 156—160, 585, 590, 591, 596, 601, т. LXVIII, 568.
- Титдебель, нач. инж. акад., т. LXVIII, 668.
- Тифенбахъ, профес.-хирургъ, 1843 г., т. LXVI, 477.
- Тихановскій, генер. 1825 г., т. LXVIII, 494.
- Тихменевъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 5.
- Тихменевъ, бывш. восп. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.
- Тихомировъ, воспит. саратовск. учит. семинаріи 1843 г., т. LXVII, 555.
- Тихонравовъ, Констан. Никит., томъ LXVIII, 290.
- Тихонравовъ, Никита Савичъ, профес. академикъ сообщ.: „Николай Ивановичъ Новиковъ въ его перепискѣ съ зн. Н. Н. Трубецкимъ“, т. LXVII, 457—467.
- Тихонъ, архиманд., инспект. саратовск. семинаріи 1842 г., т. LXVII, 549, 562.
- Тихоцеій, ген.-м., директ. Петровск. полтавск. кадет. корп. 1860 г., т. LXVI, 408—409.
- Тищенко, чиновникъ 1844 г., т. LXVII, 547.
- Тищенко 1830 г., т. LXVII, 536.
- Тюмазовъ, Ив. Фед., завѣд. библиот. московск. гл. архива 1869 г., т. LXVIII, 568.
- Толстая, гр-ня, Анна Георгиевна, томъ LXVIII, 359.
- Толстая, Вѣра Александровна, въ зам. Ивашева, т. LXVIII, 327, 330, 331, 332.
- Толстая, гр-ня, Марья Львовна, томъ LXVII, 639.
- Толстая гр-ня, Софья Андреевна, рожд. Вересъ, т. LXVII, 635, т. LXVIII, 276, 310.
- Толстая, гр-ня 1850 г., т. LXVIII, 656.
- Толстая, гр-ня, Татьяна Львовна, томъ LXVII, 635.
- Толстой, Александръ Васильев., помѣщ. 1838 г. т. LXVIII, 327.
- Толстой, гр., Алекс. Петров., об.-прокур. синода 1857, г., т. LXV, 131, 138, т. LXVI, 30, 647, т. LXVIII, 356, 359—361, 656, 659, 662, 664.
- Толстой, гр., Алексѣй Константинов., писатель, р. 1834 г., † 1875 г., т. LXVII, 644, т. LXVIII, 362, 363, 364, 655, 661, 759—766.
- Толстой, Андрей, родонач. Толстыхъ, первый получившій прозваніе Толстаго, вслѣдств. своей фигуры, т. LXVII, 614.
- Толстой, В., сообщ.: Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1861 гг.“, т. LXV, 125—129.
- Толстой, Григорій Мих., его рассказъ: „Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе“, т. LXVIII, 327—351, уиом. 488, 545.
- Толстой, гр., Дм. Андреев., президентъ императорск. акад. наукъ, д. тайн. сов., ми.-ръ вн. дѣлъ, чл. госуд. сов., писатель, † 1889 г., т. LXV, 636, т. LXVI, 721, т. LXVII, 565, 644, т. LXVIII, 295.
- Толстой, гр. Дмитрій Николаев., 1840 г., т. LXVII, 639, 640.
- Толстой, гр., Илья Львовичъ, т. LXVII, 635.
- Толстой, гр., Левъ Никол., писатель, р. 1828 г., т. LXVI, 635, т. LXVII, 136, 323, 631—655, т. LXVIII, 261—277, 310, 627, 702, 714, 767.
- Толстой, гр., Мих. В., археологъ, писатель, т. LXVIII, 311.
- Толстой, гр., Николай Ильичъ, т. LXVII, 645.
- Толстой, гр. Н. М., 1844 г., т. LXV, 71.
- Толстой, гр., Николай Николаевичъ, 1840 г., т. LXVII, 639.
- Толстой, гр. Петръ Александровичъ (ошибочно названный Скайлеромъ Андреевичъ), посолъ въ Парижъ 1807 г., ген.-от.-инф., предсѣд. ден. воен. дѣлъ госуд. сов., р. 1769 г., † 1844 г., томъ LXV, 143—217, т. LXVII, 645, томъ LXVIII, 702.
- Толстой, гр., Сергій Львов., 1868 г., т. LXVII, 635.
- Толстой, Юрій Васильев., тов. об.-прокурора синода. археографъ, писатель 1878 г., т. LXVIII, 307.

- Толстой, гр., Фед. Андреев, сенат., тайн. сов., библиофилъ, † 1849 г., томъ LXVII, 645, 646.
- Толстой, гр., Фед. Петров., скульпт., медальеръ, вице-презд. имп. академіи художествъ, р. 1783 г., † 1873 г., томъ LXVII, 646.
- Толстой, гр., ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 107, 108.
- Толстыя, т. LXVII, 195.
- Толъ, гр., 1835 г., т. LXVII, 697.
- Толгиловъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Толмачевъ, офиц. 1814 г., т. LXVII, 22, 23.
- Толочановъ, Семень 1682 г., т. LXVIII, 242, 245.
- Толубьевъ, Никита Ив., дворянинъ 1780 г., т. LXVI, 486.
- Тонкачевъ, чиновн. 1774 г., т. LXVI, 107.
- Тонъ, Конст. Андреев., профес., архитекторъ, т. LXVI, 651, т. LXVIII, 745.
- Тоньшевъ, капит. 1804 г., т. LXV, 346.
- Топильскій, Мих. Ив., директ. деп. мя-ва юстиціи, вполн. сенаторъ, тайн. сов., † 1873 г., т. LXVIII, 360.
- Топорнинъ, А. П. сообщ.: „Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе Г. М. Толстого“, т. LXVIII, 327—351; «Къ разсказу поѣздка въ Туринскъ, въ 1838 г., къ декабристу Ивашеву“, томъ LXVIII, 488; „Г. М. Толстой и Ф. И. Топорнинъ“, 545.
- Топорнинъ, Фед. Ив., 1836 г. т. LXVIII, 329—351, 488, 545.
- Топчиевъ, Ефимъ Ив., р. 1801 г., † 1869 г., т. LXVII, 1.
- Торваль, ген.-м., † 1839 г., т. LXVIII, 6, 17.
- Тормасовъ, Александръ Петров., кievск. воен. губернат. 1807 г., т. LXVIII, 304
- Тормасовъ, гр., ген.-отъ-инф., москов. воен. ген.-губ. 1818 г., т. LXV, 303, 820, т. LXVI, 734, т. LXVIII, 529, 530.
- Торнау, Фед. Фед., русск. воен. агентъ, въ Вѣнѣ 1857 г., т. LXVII, 162, 170.
- Тороховъ, Д., писат. 1884 г., т. LXVIII, 773.
- Тотлебенъ, гр., Готлобъ-Куртъ-Генрихъ, ген.-м. 1763 г., т. LXV, 241.
- Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Ив., нажен., ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXV, 655, 680, 664, 750, 751, 756, т. LXVI, 93, 300, т. LXVIII, 543, 544, 668, 674—677.
- де-Траверсе, Марья Алсд., см. Патгуль.
- Трамбедій, Мих., офиц. 1848 г., томъ LXVII, 300, 306.
- Траутшольдъ, Г. А., докт. 1866 г., т. LXVI, 472.
- Трачевскій, А. С. профес., писатель 1877 г., т. LXV, 150, т. LXVIII, 769.
- Трегубовъ, Николай Яковлев., сенат., † 1845 г., т. LXVII, 445.
- Трембицкій, ген. 1830 г., т. LXV, 718.
- Треповъ, Фед. Федоров., ген.-адъют., ген.-отъ-инфант., слб. градонач., томъ LXV, 502.
- Трескинъ, тобольск. губернат. 1812 г., т. LXV, 297.
- Третьяковскій, Василій Кириллович., писатель, † 1769 г., т. LXVII, 528, 546, 547.
- Трехлѣтовъ, собир. рукописей, томъ LXVIII, 300.
- Тришатиный, ген. 1847 г., т. LXV, 375, 742.
- Троеуровъ, кн., Ив. Борисов., болар. 1695 г., т. LXVIII, 242.
- Троеуровы, князя, т. LXVII, 646.
- Тройницкій, Александръ Григорьев., тов. мин. вн. дѣлъ 1861 г., тайн. сов., чл. гл. управл. цензуры 1860—1861 г., т. LXVII, 186, т. LXVIII, 186, 391, 609—612.
- Троцкискій, Дм. Прокоф., директоръ почтъ, министръ удѣловъ, дѣйстви. тайн. сов., чл. госуд. совѣта, † 1829 г., т. LXVI, 688, т. LXVIII, 497, 661.
- Трубецкая, княг., Варвара Александр., 1816 г., т. LXVII, 457, 459, 460, 461.
- Трубецкая, княж., Ольга 1839 г., т. LXV, 329, 332.
- Трубецкая, княж., Ольга Ив., въ зам.

- графиня Вобринская, род. 1863 г., т. LXVI, 226.
- Трубецкая, княг., Софья Андр., см. Вейссъ.
- Трубецкая, княжна, 1689 г., т. LXVIII, 240.
- Трубецкая, княж., въ зам. Мансурова, т. LXVI, 518.
- Трубецкой, кн., Н. Н., 1816 г., т. LXVII, 457—467.
- Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и ген.-фельдм., р. 1700 г., † 1768 г., т. LXV, 762.
- Трубецкой, кн., Серг. Петр., полковн. л.-гв. Преобр. полка, декабр., † 1860 г., т. LXV, 333 т. LXVIII, 500, 505.
- Трубецкой, кн., 1596 г., т. LXVIII, 734.
- Трубецкой, кн., харьков. губернат. 1836 г., т. LXVII, 230.
- Трубецкой, кн., ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
- Трубецкой, кн., ген. 1810 г., т. LXVI, 733.
- Трубецкой, кн., ген.-ат. 1812 г., 1820 г., т. LXV, 843, т. LXVII, 228.
- Трубецкой, кн., офиц. 1864 г., т. LXV, 478.
- Трубецкіе, князья, т. LXVII, 646.
- Трубанскіе, купцы, т. LXVIII, 314.
- Труссоъ, поруч. 1854 г., LXVIII, 672, 674.
- Тухалевскій, арханг. вице-губернат. съ 1835—1837 гг., т. LXV, 169, 170.
- Тулубъевъ, Алексій Александр., генер. 1875 г., т. LXVIII, 184.
- Туманскій, Васил. Иван., писатель, т. LXVII, 378—386.
- Туманскій, Влад. Ив. (1890 г.), т. LXVII, 378.
- Туманскій, Ив., чиновникъ 1786 г., т. LXVII, 525.
- Турау, Эр. Фод., сообщ. „Надпись на могилѣ царя Васил. Ив. Шуйскаго“, т. LXV, 91.
- Тургеневъ, Александръ Ив., писатель, † 1845 г., т. LXVI, 652, 656, т. LXVII, 449, т. LXVIII, 480.
- Тургеневъ, Александръ Мих., р. 1772 г., † 1863 г., т. LXVIII, 233, 747, 748.
- Тургеневъ, Ив., чиновникъ 1801 г., т. LXVII, 527.
- Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., † 1888 г., т. LXV, 438, 641, 646 — 649, т. LXVI, 191, 417, 635, т. LXVII, 136, 356, 599, 625, 633, 639, 643, 644, 655, т. LXVIII, 47, 51, 80, 137, 138, 146, 167, 261, 363, 714, 759—764, 779.
- Тургеневъ, Никол. Ив., декабр., † 1872 г., т. LXVI, 652, т. LXVII, 449.
- Тургеневъ, Яковъ, т. LXVIII, 255.
- Тургеневъ, ген. 1835 г., т. LXVII, 115.
- Туркуль, Игнат. Лаврент., мин., ст.-секрет. Ц. Польскаго 1839 г., т. LXV, 328, т. LXVI, 381, 389, 702—705.
- Тургеневъ, Мих. Никол., тайн. сов., сенат., † 1889 г., т. LXVI, 694.
- Турчаниновъ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 121.
- Турчаниновъ, Ив. Васильев., поруч. 1848 г., т. LXVI, 699—701.
- Турчаниновъ, владѣт. заводовъ на Уралѣ 1820 г., т. LXV, 223.
- Тутолминъ, ген.-отъ-инф. московск. глав.-нокоманд. 1806 г., т. LXVIII, 303.
- Тухачевская, воспитанница Смольнаго института 1797 г., т. LXVII, 416, 423.
- Тухолва, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 122.
- Тучкова-Огарева, см. Огарева.
- Тучкова, Анна Алексѣевна, т. LXVIII, 7, 10.
- Тучкова, Анна Алексѣевна, т. LXVIII, 9, 21.
- Тучкова, Ел. Алексѣев., т. LXVIII, 35.
- Тучкова, Елисавет. Алекс., т. LXVIII, 7.
- Тучкова, Карол. Ив., см. Иванова.
- Тучкова, Маргарита Мих., игуменья, т. LXVIII, 8, 26.
- Тучкова, Марія Алексѣев., т. LXVIII, 2, 7, 9, 17, 21, 32, 57.
- Тучкова, Марья Павлов., т. LXVIII, 37.
- Тучковъ, Алексій Алексѣев., ген.-м 1800 г., т. LXVIII, 1, 2, 5, 6.
- Тучковъ, Алексій Алексѣев., (сынъ), помѣщикъ 1830 г., т. LXVIII, 13, 28, 31, 47—80.
- Тучковъ, Алекс. Васильев., т. LXVIII, 8.
- Тучковъ, Мих. Павл., т. LXVIII, 3.

- Тучковъ,** Никол. Алексѣев., генералъ, † 1812 г., т. LXV, 99, 100, 101, 102, т. LXVI, 487, т. LXVIII, 2.
- Тучковъ,** Пав. Алексѣев., ген.-ад., московск. воен. губерн., † 1864 г., т. LXV, 103, т. LXVI, 175, т. LXVIII, 702.
- Тучковъ,** Пав. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов. 1848 г. т. LXV, 103, т. LXVIII, 3, 7, 37, 38, 73, 75, 77.
- Тучковъ,** Сергій Алексѣев., т. LXVIII, 2, 3.
- Тучковы,** т. LXVIII, 6, 7, 77.
- Тхоржевскій,** 1861 г., т. LXV, 231.
- Тыртовъ,** Никол., бывш. госп. Дворянск. поля, т. LXVI, 247.
- Тюриня,** Юлія Львов., см. Грюнбергъ.
- Тюринъ,** А. Ѳ., сенаторъ, т. LXV, 626.
- Тютчевъ,** Фед. Ив., писатель, † 1873 г., т. LXVI, 631, 634, т. LXVII, 150, 369, 374, 596, 599, 609, 610, 623, 624, 631. т. LXVIII, 144, 150, 151, 159.
- Тюфяева,** А. Н., издательница „Игрушечки“ 1889 г., т. LXV, 451, 452, 460.
- Убри,** въ зам. баронесса Вудбергъ, т. LXVII, 170.
- Уварова,** г-жа, см. Андро.
- Уваровъ,** гр., А. А., предсѣд. моск. арх. общ. 1876 г., т. LXVIII, 740.
- Уваровъ,** гр., Алексѣй Сергѣев., археологъ, † 1884 г., т. LXVIII, 306, 309.
- Уваровъ,** гр., Серг. Семен., мин. нар. просв., въ 1812 г., попеч. слб. учебн. окр., † 1855 г., т. LXV, 38, 45, 48—50, 53, 363, 364, 367, 384, 386, 387, 396, 405, 637, т. LXVI, 38, 39, 43, т. LXVII, 363, т. LXVIII, 282.
- Уваровъ,** генералъ 1810 г., т. LXVI, 733, 734.
- Уваровы,** графы, т. LXVII, 586.
- Угрюмовъ,** помѣщ. 1842 г., т. LXVII, 563.
- Удомъ,** ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 737.
- Унее,** док-ръ 1882 г., т. LXVIII, 772.
- Украинцевъ,** Емельянъ, думный дьякъ 1695 г., т. LXVIII, 247.
- Ульманъ,** проф. 1830 г., т. LXV, 364, 365, 367.
- Ульяновскій,** предвод. двор. Городецк. уѣзда, Витеб. губ. 1836 г., т. LXVII, 249, 261, 262, 674.
- Унгерль-Штернбергъ,** баронесса, Анна Владим., въ зам. графиня Вобрицкая † 1846 г., т. LXVI, 221.
- Ундольскій,** Вукъ Мих., славяно-русск. библиографъ, т. LXVIII, 305.
- Унковскій,** Н. С., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 181.
- Унковскій,** т. LXVII, 203.
- Урусова,** княжна, 1830 г., т. LXV, 31.
- Урусовъ,** Сергій Никол., ст.-секр. д. тайн. сов., членъ госуд. совѣта т. LXVIII, 169, 287.
- Урусовъ,** кн., Фед. Семен., т. LXVIII, 246.
- Урусовъ,** кн., генер. 1835 г., т. LXVII, 115.
- Усовъ,** шт.-кап. 1876 г., т. LXVI, 424.
- Успенскій,** Вл., чл. тверск. ученой архивной комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
- Успенскій,** Глѣбъ, писат. 1889 г., томъ LXVIII, 767.
- Устимовичъ,** П. М., сообщ.: „Анна Алексѣевна Андро, рожденная Оленина“, томъ LXVII, 387 — 412; „Поправка къ ст. А. А. Андро“, т. LXVIII, 310.
- Устряловъ,** Никол. Герас., академикъ-проф., † 1870 г., т. LXV, 634, т. LXVI, 44, т. LXVII, 141, 593, 594, т. LXVIII, 144, 298.
- Утинъ,** Борисъ Исак., профессоръ, † 1872 г., т. LXVIII, 170, 754.
- Утинъ,** Евгеній Исаков., писатель, прясн. повѣр., т. LXVIII, 382, 767, 769.
- Ушакова,** Александра Петров., въ зам. графиня Вобрицкая, † 1880 г., т. LXVI, 223.
- Ушакова,** Вѣра Григ., см. Скандербекъ-Кастриотъ, княжна.
- Ушаковъ,** Александръ Клеоников., ген. 1855 г., т. LXVI, 314—319, 579, 580,

- 581, т. LXVII, 439 — 442, т. LXVIII, 118, 493, 541—545, 702.
- Гшаковъ, Алексѣй Павл., т. LXVII, 411.
- Гшинскій, Конст. Дм., педагогъ-писатель, т. LXVI, 210.
- Гшвовъ, Петръ Капитонов., гражд. г. Елабуги 1839 г., т. LXVII, 663.
- Давуръ, педагогъ 1830 г., т. LXV, 25.
- Дадѣва, Еват. Андр., см. Витте.
- Дадѣва, Елена Андр., см. Ганъ.
- Дадѣва, Елена Павл., рожд. княж. Долгорукая, т. LXVI, 186, 188.
- Дадѣва, Н. А., сообщ.: «Елена Андр. Ганъ и Осипъ Ив. Сенковский», томъ LXVI, 185—191.
- Дадѣва, Надежда Мих., т. LXVIII, 559.
- Дадѣвъ, Андрей Мих., саратовск. губернат., т. LXVIII, 559.
- Дадѣвъ, Ростиславъ Андр., генер., воен. писатель, 1868 г., т. LXV, 487, 488, т. LXVI, 101.
- Дадоровскій, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 405.
- Дадяевъ, подполковн. 1830 г., т. LXVIII, 123.
- Дайгинъ, откупщикъ 1820 г., т. LXV, 625, 626.
- Дальнеръ, Вл. Ив., ген.-лейт., 1855 г., т. LXVI, 304.
- Даншъ, чиновн. 1830 г., т. LXV, 785.
- Даревскъ, гр-ня, Елис., см. Раухъ.
- Дарманъ, генер. 1774 г., т. LXVI, 113.
- Д-Фернемонъ, графиня, т. LXVI, 515.
- Деретеръ, ген.-майоръ 1824 г., т. LXV, 120.
- Деть (Шеншинъ), Аванасій Аванасьев., писатель, р. 1820 г., т. LXVI, 47, 763.
- Дегнеръ, Александръ Самойл., партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXVIII, 302, 305.
- Деларетъ (Амфитеатровъ), митропол. кіевскій, р. 1779 г., † 1857 г., томъ LXV, 630, т. LXVII, 281.
- Деларетъ (Василій Дроздовъ), митроп. московск., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXV, 630, 642, т. LXVI, 180, 293,
- 294, т. LXVII, 284, 291, т. LXVIII, 199, 356.
- Филиппченко, П. П., тов. предсѣд. нов-тавск. окружн. суда 1890 г., т. LXVII, 470.
- Филиповъ, Тихонъ, староста въ имѣніи Аракчеевой, т. LXV, 600.
- Филипповъ, А. А., т. LXVIII, 485.
- Филоновъ, А., состав. хрестом., томъ LXVIII, 625.
- Философовъ, А. А., воспит. в. кн. Николая Максимиліановича Дейхтенбергскаго 1851 г., вполн. директ. Пажеск. корп., т. LXVI, 478.
- Философовъ, Алексѣй Илар., т. LXVI, 50, 51.
- Философовъ, Владим., д. тайн. сов., сообщ.: «Александръ Клеонниковичъ Ушаковъ, генералъ-отъ-инфантерій», т. LXVIII, 541—545.
- Философовъ, ген., 1737 г., т. LXV, 118.
- Фильдъ, артистъ, т. LXVIII, 7.
- Фишбахъ, ген. 1856 г., т. LXVI, 173.
- Фишеръ, профес. 1844 г., т. LXV, 36, 631, 638, т. LXVI, 282, 288, 289, 439—445, т. LXVII, 156.
- Флетчеръ, историкъ, т. LXV, 54, 387, 396, 397, 428.
- Флинге, ланд. офиц. 1835 г., т. LXVII, 70—72, 90.
- Фовицкій 1-й, чиновн. 1830 г., т. LXV, 717, 723.
- Фовицкій, т. LXV, 724, 728.
- Фоевыѣ, Ив., 1830 г., т. LXV, 722.
- Фойницкій, И., пф. профес., т. LXVIII, 769.
- Фомичина, рожд. Юсецкая, т. LXV, 732.
- Фомичинъ, полковн. 1830 г., т. LXV, 732.
- Фольбортъ, минералогъ 1840 г., томъ LXVI, 521.
- Фольмутъ, капит. 1856 г., т. LXVIII, 668.
- Фонтонъ, совѣтн. посольства въ Вѣнѣ 1848 г., т. LXV, 74.
- Форсманъ, Ив. Яковл., офиц. 1830 г., т. LXV, 25, 34.
- Фортинскій, 1863 г., т. LXVIII, 193.

Фофановъ, писат. 1880 г., т. LXVIII, 763.
де-Фонъ, педагогъ, 1830 г., т. LXV, 25.
Франковской, полковн. 1830 г., т. LXV, 25.
Фребелиусъ, Васи. Ив., окулистъ 1845 г., т. LXVII, 340.
Фредериксъ, г-жа, т. LXV, 332.
Фредериксъ, баронесса, въ зам. Алопеусъ, т. LXVI, 477.
Фредериксъ, баронесса, въ зам. Вейссъ, т. LXVII, 229.
Фридериксъ, бар., Н. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVI, 70, т. LXVII, 182.
Фредериксъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Фредериксъ, бар., т. LXVIII, 168.
Фреде, Н. Х., колл. сов. 1890 г., томъ LXVI, 240.
Фрейгангъ, цензоръ 1852 г., т. LXV, 36, 650, 652, 653, т. LXVI, 615, томъ LXVII, 366.
Френъ, 1824 г., т. LXVII, 456.
Фонъ-Фризенъ, Анна Григорьевна, томъ LXV, 761, 762.
Фробенъ, Л. Ф., докт. 1846 г., т. LXVI, 528.
Фроловъ, математикъ 1888 г., т. LXV, 245.
Фругъ, С., поэтъ 1880 г., т. LXVIII, 763.
Фурманъ, Анна Фед., въ зам. Оомъ, т. LXVII, 400.
Фуссъ, секрет. акад. наукъ, † 1855 г., т. LXVI, 616.
Халубинскій, докт. 1855 г., т. LXVI, 703.
Ханьковъ, полковн. 1798 г., т. LXVIII, 577.
Ханьковъ, 1845 г., т. LXVI, 651, томъ LXVIII, 201.
Хатунцовъ, ген. 1804 г., т. LXV, 345, 346.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., род. 1753 г., † 1835 г., т. LXVI, 673—677, 681, т. LXVIII, 302.
Хвоцинская, Надежда Дм., въ зам.

Заюнчевская, (исевд. Крестовскій), пис-ца, т. LXVIII, 739, 761, 764, 767.
Хвоциноскій, Пав. Кесаревичъ, ген.-м., директ. полоцк. кад. корп. 1836 г., т. LXVII, 248, 680, 684.
Хемницеръ, Ив. Ив., баснопис., род. 1745 г., † 1784 г., т. LXV, 313, 314, 621, 645, т. LXVII, 623.
Хераскова, Елис. Вас., рожд. Неронова, † 1809 г., т. LXVI, 673—674.
Херасковъ, Матв. Андр., 1808 г., томъ LXVI, 674.
Херасковъ, Мих. Матвѣев., писател., р. 1733 г., † 1807 г., т. LXVI, 673—674, т. LXVII, 486, 522.
Херсонскій, И. К., чл. костромск. ученой арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Хилькевичъ, И. А., чиновн. 1855 г., т. LXVI, 625.
Хилковы, т. LXVII, 207.
Хитрово, т. LXV, 71.
Хлопицкій, Осипъ, польск. генер. 1831 г., т. LXV, 682, 692—692, 700, 706—710, 718, 723, 725, 726, 740.
Хлоповъ, Ив. Назарьев., 1553 г., томъ LXVIII, 431.
Хлюстина, гр-ня, т. LXVI, 505, 547.
Хлюстина, см. Саркуръ.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ имп.-россійск. 1654 г., т. LXVII, 473.
Хованская, княг., Екат. Петр., см. Ивашева.
Хованскій, Н. Ф., писатель, т. LXVI, 450, т. LXVII, 555.
Хованскій, кн., Серг. Сергѣев., томъ LXVIII, 328, 329.
Хованскій, кн., Юрій Сергѣев., томъ LXVIII, 328.
Хованскій, кн., ген.-отъ-инф. 1836 г., т. LXVII, 226—270, 670—672, 691, 699, 700.
Ховрина, Марья Дм., т. LXV, 420.
Ходявичъ, полевод. 1612 г., т. LXV, 799.
Холодиловъ, купецъ 1771 г., т. LXVI, 121.
Холодковский, анатомъ 1884 г., томъ LXV, 245.

Хоменко, ст. сов., 1890 г., томъ LXVI, 240.

Хоментовскій, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.

Хомутовъ, Леонидъ Никол., воспит. школы гвард. подпрап. 1833 г., т. LXV, 591, 592.

Хомутовъ, Никол. Филипов., ген.-маіоръ 1853 г., т. LXV, 84, 570, 658, 668.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., † 1860 г., т. LXV, 641, 648, т. LXVI, 641, 645, 646, 648, 652, 653, т. LXVII, 134, 207, 209, 211, т. LXVIII, 356.

Хорватъ, предки Депрерадовичей, томъ LXVIII, 731.

Храповицкая, Елиса. Александр., рожд. Воллардларова, т. LXVI, 592.

Храповицкая, Марья Влад., т. LXVI, 592.

Храповицкій, Александръ, 1800 г., т. LXVII, 435.

Храповицкій, Ив. Сем., слб. губернат. съ 1829 по 1835 г., т. LXVI, 167, 168.

Храповицкій, Матвѣй Егоров., ген.-ад. 1828 г., т. LXVIII, 101, 103, 106, 522.

Храповицкій, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 242.

Хрептовичъ, гр., русск. послан. въ Лондонъ 1857 г., т. LXVI, 551, 552.

Хржановскій, подполковн. генеральн. штаба 1830 г., т. LXV, 34.

Хржановскій, маіоръ 1830 г., т. LXV, 34.

Хржановскіе, т. LXV, 34.

Хрестичъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.

Хрулевъ, Степ. Алекс., ген.-лейтен., 1855 г., т. LXV, 755—759.

Хрущевъ, Пав. Дмитр., 1859 г., томъ LXVI, 35, т. LXVII, 137, т. LXVIII, 168.

Хрущевъ, тен.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 117.

Хрущевъ, 1855 г., севастополецъ, т. LXVI, 51, 98.

Хрущевъ, ученый 1882 г., т. LXV, 245, 246.

Худяковъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.

Цахъ, бар., ученый 1830 г., т. LXV, 32.

Цвилевъ, генераль 1812 г., т. LXVI, 487.

Цвѣтневъ, Левъ, профес., цензоръ 1831 г., т. LXVIII, 446.

Цвѣтковъ, члновн. 1849 г., т. LXVIII, 63, 64.

Ценковский, профес. 1858 г., т. LXVII, 614, 616, 625.

Цесарскій, подпрапорш. 1800 г., томъ LXVI, 138.

Цехановецкій, помѣщ. 1836 г., томъ LXVII, 242.

Циммерманъ, А., генер. 1878 г., т. LXV, 744, 748—749.

Циммерманъ, Іоганнь - Георгъ, докт., корреспонд. Екатерины II, † 1795 г., т. LXV, 772.

Циммерманъ, докторъ 1848 г., томъ LXVIII, 41, 42.

Циціанова, княжна, † 1885 г., т. LXVI, 640, 645, 652, 654, т. LXVII, 197, 205.

Циціановъ, кн., Егоръ Дм., т. LXVI, 141.

Циціановъ, кн., Пав. Дм., генер. 1793 г., т. LXVI, 140—148, 732, т. LXVII, 504.

Цюнь, профес. 1890 г., LXVI, 234.

Цуръ-Мюленъ, Андрей Андреев., инже-неръ 1855 г., т. LXV, 569.

Цыпановскій, ученый 1884 г., томъ LXV, 245.

Цыхановецкій, помѣщ. 1837 г., томъ LXVII, 697.

Цыловъ, даркосельск. полицеймейст. 1859 г., т. LXVIII, 169.

Цыпскій, московск. об.-поллицеймейстеръ 1840 г., т. LXVII, 212.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., т. LXVIII, 768.

Чалый, писатель, 1889 г., т. LXVI, 210.

Чамберсъ, Иванъ, 1632 г., LXVIII, 246.

Чаплицъ, генер. 1812 г., томъ LXVI, 734, 735.

- Чарторыйскій, кн.,** Адамъ, ин-ръ иностранныхъ дѣлъ 1806 г., попечитель виленск. унив., 1819 г., т. LXV, 29, 144, 146, 682, 685, 686, 688, 694, 695—697, 704, 706, 707, 726, т. LXVIII, 213.
- Чарторыйскіе,** т. LXV, 220.
- Чеботаревъ,** профес. 1801 г., т. LXVII, 482, 488.
- Чебышевъ, Н. Д.,** фл.-ад. 1845 г., томъ LXVIII, 181.
- Чебышевъ,** профес. 1854 г., т. LXVI, 282.
- Чевилевъ,** воспитан. вел. кн. Александра Александровича, 1860 г., т. LXVIII, 613, 614.
- Чевкинъ,** Конст. Владим., ген.-ад., чл. госуд. сов., р. 1803 г., † 1875 г., томъ LXV, 601—603, 615, 628, т. LXVI, 5—17, 251—253, 258—261, 266, 270, 301, 513, 514, 523, 574, т. LXVII, 575, 580, 624, т. LXVIII, 159, 384.
- Чезала, С.,** 1882 г., LXVIII, 772.
- Чекалинъ, Ф. Ф.,** чл. саратовск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
- Чезаревскій, докт.** 1847 г., т. LXVII, 300.
- Чемаревъ, Ив. Гаврилов.,** капитанъ 1848 г., т. LXVII, 311, 312, 314, 315.
- Чезотовскій,** бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Чельцовъ,** ученый 1885 г., т. LXV, 245.
- Черникскій, П.,** писат., 1884 г., томъ LXVIII, 773.
- Черевинъ, А. Д.,** ген.-ад., т. LXV, 66.
- Чераской, кн., Мих. Алегуювичъ,** бояринъ 1695 г., т. LXVIII, 242.
- Черасова, баронесса, Елис. Алекс.,** см. Пальменбахъ.
- Черасова, баронесс. Е. М.,** см. Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна.
- Черасовъ, бар. Александръ Ив.,** дѣйстви. тайн. сов., презид. медик. коллегіи въ ц. Екатерины II, т. LXV, 819.
- Черасовъ, бар., Ив. Ант.,** кабинетъ-мин., † 1752 г., т. LXV, 819, 820.
- Черасовъ, бар., Ив. Иванов.,** адмиралъ при Екатеринѣ II, LXV, 819.
- Черасовъ, бар., Петръ Ив.,** офицеръ конной гвард. 1769 г., т. LXV, 819.
- Черасовы, бароны,** т. LXV, 819, 820.
- Черкасскій, кн., Владим. Александр.,** чл. редакціон. комис., † 1878 г., томъ LXV, 873, 877, т. LXVI, 417, 421, 422, 425—437, 717—721, т. LXVII, 631, томъ LXVIII, 382.
- Черкашеновъ,** офицеръ 1814 г., томъ LXVII, 22.
- Черногорскія, княжны,** т. LXV, 828.
- Чернышева-Кругликова, А. И.,** томъ LXVI, 592.
- Чернышевская, Евгения Егоровна,** томъ LXVII, 544, 545, 548, 552, 562, 563.
- Чернышевскій, Гавр. Ив.,** протоіерей, † 1861 г., т. LXVI, 449, т. LXVII, 532—534, 540—546, 554, 562—568.
- Чернышевскій, Никол. Гаврилов.,** писатель, публицистъ, р. 1828 г., † 1889 г., т. LXV, 235, т. LXVI, 449—465, томъ LXVII, 531—568, 599, томъ LXVIII, 138, 389, 610.
- Чернышевскіе,** т. LXVII, 533, 537, 538, 548, 552, 564, 566, 567.
- Чернышевъ, А. А.,** ген.-ад. 1855 г., т. LXVI, 98, т. LXVII, 182.
- Чернышевъ, князь, Александръ Ив.,** ген.-ад., воен. ин-ръ, † 1852 г., томъ LXV, 89, 251, 324, 327, т. LXVI, 205, 356, т. LXVII, 313—315, т. LXVIII, 228, 491, 492, 527.
- Чернышевъ, гр., Петръ Григ.,** полном. ин-ръ при дат., прус. и англ. двор., † 1773 г., т. LXVI, 128, 129.
- Черняевъ, Л.,** писат. 1879 г., томъ LXVIII, 773.
- Черняевъ, Мих. Григ.,** генералъ-лейт. генер. штаба, т. LXV, 756, 757, томъ LXVI, 247, 661—671, т. LXVIII, 282.
- Черткова, Елис. Ив.,** т. LXVI, 592.
- Чертковъ, А. Д.,** предсѣд. московск. худож. общ. 1857 г., т. LXVII, 627, 629.
- Чертковъ, Гр. Н.,** фл.-ад. 1850 г., томъ LXVII, 182.
- Чесноковъ, В. Д.,** 1835 г., т. LXVII, 536, 539, 547.
- Четыркинъ, д. статск. сов.,** гл. инспекторъ медик. части Ц. Польскаго 1856 г., т. LXVI, 704—705.
- Чеховъ, А.,** писатель, т. LXVIII, 309.
- Чечеринъ, ген.-ад.** 1826 г., т. LXVIII, 513.

Чешихинъ, Е., писатель, LXV, 346.
Чижовъ, Фед. Васильев., профес.-экономистъ, писатель, томъ LXV, 378, 379, т. LXVII, 211.
Чижируль-Кушъ, юнкеръ, ордин. ген. Хрулева 1835 г., т. LXV, 758.
Чириковъ, помѣщ. 1847 г., т. LXVII, 283, т. LXVIII, 616.
Чихачевъ, Петръ Александр., путешественникъ, чл. парижск. акад. наукъ 1850 г., т. LXVI, 265, 558.
Чихачевъ, Плат. Александр., писат., т. LXVI, 265, 266, т. LXVIII, 770.
Чихачевъ, географъ 1832 г., т. LXV, 245.
Чихачевы, т. LXV, 233.
Чичаговъ, Василій Яковлев., адмиралъ, р. 1725 г., † 1809 г., т. LXVIII, 305.
Чичаговъ, Пав. Васил., адм., морск. мн-ръ 1825 г., р. 1765 г., † 1849 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 734, 735, томъ LXVIII, 2, 515, 528, 529.
Чичеринъ, Борисъ Никол., историкъ-юристъ, писатель, т. LXVIII, 133, 424, 425, 429.
Човановичъ, Петръ, секундъ-майоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
Чоргузскій, кн., Петръ Дмитріевичъ, т. LXVI, 594.
Ф.-Чуди, полковн. 1853 г., томъ LXV, 554, 555.
Чудновскій, тит. сов. 1858 г., т. LXVIII, 683.
Чуминовъ, Александръ Александровичъ, сообщ.: „Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ 1803—1862 г., т. LXV, 341—370.
Чуринъ, офиц. 1771 г., т. LXVI, 121.

Шадурскій, предвод. двор. Витебск. губ. 1836 г., т. LXVII, 233, 234, 668, 669, 689, 690.
Шаевскій, капит. 1830 г., т. LXV, 723.
Шаловитый, Фед. Леонтьев., см. Щеголовитый.
Шалъевъ, А., преподаватель, письмо къ нему Грановскаго, т. LXV, 246.
Шалъевъ, Евл. Алексѣевичъ, мировой судья, земскій дѣятель, сообщ.: „Про-

фессоръ Т. Н. Грановскій къ А. Шалъеву», т. LXV, 246.
Шаликовъ, кн. Петръ Ив., писатель, 1797 г., т. LXVI, 689.
Шамиль, имаѣмъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. LXV, 488, 493, т. LXVI, 358, 646, т. LXVIII, 179.
Шаминъ, полковн. 1827 г., т. LXV, 362.
Шамова, Анна Евграф., т. LXV, 68.
Шановой, Филать, царскій шутъ 1690 г., т. LXVIII, 255.
Шапиро, Ольга, пис-ца, т. LXVIII, 761.
Шапошниковъ, 1840 г., т. LXVII, 538.
Шарвинъ, Ив., купецъ 1791 г., т. LXV, 788.
Шарлеманъ, А. I., профес. акад. худож., т. LXVI, 495.
Шарскій, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Шау, В., педагогъ 1856 г., т. LXVI, 480.
Шауфусъ, д. ст. сов. 1858 г., т. LXVIII, 683.
Шафнагель, г-жа, въ зам. Врангель, т. LXVI, 587.
Шафонскій, А., писатель, т. LXVII, 471, 474, 475, 522.
Шаховская, княг., см. Бутера, княг.
Шаховская, княжна, въ зам. Шувалова, во 2-мъ бракѣ гр-ня Поляе, въ 3-мъ княг. Бутера Радаца, т. LXV, 225.
Шаховской, кн., Александръ Александровичъ, писатель-драматургъ, р. 1777 г., † 1846 г., т. LXVI, 28.
Шаховской, Ал. Ив., фл.-ад. 1856 г., т. LXVI, 593, 595.
Шаховской, кн., Н. Л., т. LXV, 71.
Шаховской, кн. Сергій Владим., эстляндскій губернаторъ 1889 г., т. LXVI, 346.
Шаховской, кн., 1695 г., т. LXVIII, 256.
Шаховской, кн., генералъ 1789 г., т. LXVI, 144.
Шаховской, кн., корп. команд. 1830 г., т. LXV, 727.
Шаховской, кн., воспит. школы гвард. подпрап. 1832 г., т. LXV, 592.
Шаховской, кн., офиц. 1830 г., томъ LXVIII, 124, 125.

- Шаховской - Глѣбовъ-Стрѣшевъ - Бревнеръ, князь, т. LXV, 75.
- Шаховской-Стрѣшевъ, кн., почетн. опекувъ, т. LXVII, 413.
- Шаховъ, Н. А., об.-секрет. сената, т. LXV, 625.
- Шванебахъ, Борисъ Антонов., морск. офиц. 1853 г., т. LXV, 570.
- Шварцъ, И. Г., профес. 1800 г., томъ LXVII, 463.
- Шварцъ, Наталья Ильиншна, томъ LXVII, 463.
- Шварцъ, полковн., команд. л.-гв. Семен. полка, 1820 г., т. LXVI, 79.
- Шварцъ, ген.-ад. 1856 г., т. LXVI, 174, 300.
- Шварцъ 1830 г., т. LXV, 694.
- Шведовъ, астрономъ 1881 г., т. LXV, 244, 245, 246.
- Шевандинъ, ген.-маіоръ 1824 г., томъ LXV, 121.
- Шевичъ, Ив. Евг., ген.-лейт., т. LXV, 827.
- Шевичъ, Марья Христ., см. Бенкендорфъ.
- Шевыревъ, Степанъ Петров., профес. московск. унив. 1842 г., т. LXV, 54, 387, 396, 416, 417, 421—423, 426, 637, томъ LXVI, 293, 294, 295, 296, т. LXVII, 211, 478, 522, 627—630.
- Шевченко, писатель 1847 г., т. LXV, 377, т. LXVIII, 155.
- Шениъ, Алексѣй Семеновичъ, воевода 1697 г., т. LXVIII, 443-
- Шейманъ, А. О., художн. 1890 г., томъ LXVIII, 488.
- Шейнъ, П. В., сообщ.: «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ», т. LXVI, 193 — 198; «Къ исторіи цензуры», 715—716, упом. т. LXVI, 201, 576, т. LXVIII, 294.
- Шелейховскій, педагогъ 1820 г., томъ LXV, 622.
- Шембежъ, генер. 1831 г., т. LXV, 697—726.
- Шене, Э. Б., профес. 1890 г., т. LXVIII, 550.
- Шеншинъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 85, 513.
- Шенрогъ, Влад. Ив., преподав., писатель, сообщ.: „Николай Василевичъ Гоголь въ невзданныхъ его письмахъ, а также въ письмахъ его друзей, 1841—1851 г.“, т. LXV, 407—427, 850—856, т. LXVI, 639—656, т. LXVII, 195—212, 279—291 т. LXVIII, 655 — 664, упом. т. LXVIII, 363, 765.
- Шереметева, Надежда Никол., т. LXVII, 283, т. LXVI, 541, т. LXVIII, 354.
- Шереметева, Софія Алексѣевна, въ зам. гр-ва Вобринкова, † 1871 г., т. LXVI, 225.
- Шереметевъ, Борисъ Петров., фельд-маршалъ 1695 г., т. LXVIII, 248, 443.
- Шереметевъ, Василій, т. LXVI, 323.
- Шереметевъ, Ив. Васильев., бояринъ, т. LXVIII, 431.
- Шереметевъ, гр., 1800 г., т. LXV, 812, т. LXVI, 591.
- Шернваль, полковн. путей сообщ. 1854 г., т. LXVI, 62.
- Шернваль-Валенъ, бар., ст.-секрет., тайн. сов., 1875 г., т. LXVIII, 134.
- Шерцель, подполков. 1830 г., т. LXV, 729, 730.
- Шестаковъ, Ив. Алексѣев., флотскій офиц. 1855 г., т. LXVI, 51, 97.
- Шестаковъ, Петръ Дмитріевичъ, род. 1826 г., † 1890 г., попечит. казанск. учебн. округа 1882 г., т. LXV, 344.
- Шестовъ, москвск. гор. голова 1846 г., т. LXVI, 576.
- Ла-Шетарди, маркизь, французск. посолъ при русск. дворѣ, 1754 г., т. LXV, 597, 820.
- Шетневъ, Мих. Тимофѣев., 1553 г., т. LXVIII, 430.
- Шешениъ, кн., остатскій князь 1864 г., т. LXVIII, 457—459.
- Шешковскій, Степ. Ив., нач. тайной канц., † 1794 г., т. LXVI, 75.
- Шефферлингъ, В. А., чл. разан. учен. архивн. комис. 1883 г., т. LXVIII, 554.
- Шиллингъ Ф. Камштедтъ, баронес., Анна, см. Бенкендорфъ.
- Шидловскій, протоіерей 1842 г., томъ LXVII, 550, 561.
- Шильдеръ, Карлъ Андр., нижн. генер.

- 1853 г., † 1854 г., т. LXV, 86, 242, т. LXVIII, 668—677.
- Шильдеръ, Никол. Карлов.,** ген.-маіоръ свиты, началн. инжен. акад. и училища, воен. писатель-историкъ, сообщ.: „Двѣ характеристики русскихъ генераловъ въ XVIII и XIX вв., сдѣланныя гр. Минихомъ и ген. Киселевымъ“, т. LXV, 115—122; «Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I, 1806—1815 г.», 143—221; «Россія и русскій дворъ въ 1839 г., записки Гагерна», 321—339; «Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя 1805 г. Письмо кн. Репнина къ А. И. Михайловскому-Данилевскому», т. LXVIII, 209—214; Вступленіе на престолъ императора Николая I, въ запискахъ ген.-лейт. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, 1826 г., 489—523; «Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій; по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія 1790—1848—1890 г.», 524—534; „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, А. М. Тургеневъ — А. М. Михайловскому-Данилевскому, 1828 г.“, томъ LXVIII, 747, 748, упом. т. LXVI, 727.
- Шипова, Анна Евграф.,** т. LXVI, 305.
- Шипулинскій, профес., докторъ** 1856 г., т. LXVI, 43, 231, 232.
- Ширинскій-Шихматовъ, кн.,** Платонъ Александр., мн-ръ народн. просв., р. 1790 г., † 1853 г., т. LXV, 629, томъ LXVI, 26, 27, 36, 38, 39, 40, 279, 285, 286, 292, 615, т. LXVII, 150, томъ LXVIII, 364.
- Ширинскій-Шихматовъ, т. LXV, 399.**
- Ширманъ, команд. Муромск. полка.** 1825 г., т. LXVIII, 502.
- Ширшевъ, художн.** 1825 г., т. LXV, 609.
- Шираевъ, Григорій Ив., писатель, т. LXVIII, 579.**
- Шиховской, профес.** 1848 г., т. LXV, 390.
- Шиховъ, Александръ Семенов., адм., мн-ръ народн. просв., р. 1763 г., † 1841 г., т. LXVI, 381, 688, томъ LXVII, 445—447, т. LXVIII, 32, 702.**
- Шиховъ, т. LXVIII, 32, 702.**
- Шихонко, Вас. Никиф., д. ст. сов., археографъ, предсѣд. пермск. архивн. комис., р. 1834 г., † 1890 г., т. LXVIII, 557, 571.**
- Шкуринъ, Васил. Григ., камердинеръ им-цы Екатерины II, т. LXV, 761—762.**
- Шкуринъ, ген.** 1783 г., т. LXV, 781.
- Шлейферъ, Никол. Ив., бывш. воспит. Дворянск. полка, вып. 1845 г., томъ LXVI, 240.**
- Шленевъ, Никол. Алексѣев., дир. горн. корп. 1833 г., т. LXV, 626, 627, томъ LXVI, 1.**
- Шлецеръ, акад., исторіогр., т. LXVIII, 650.**
- Шлецеръ, Доротея, въ зам. Роде, докт. философ., т. LXVIII, 650.**
- Шлипенбахъ, генер.** 1857 г., т. LXVI, 407.
- Шмаковъ, Алексѣй Ив., управл. сн-сертск. завод. на Уралѣ 1829 г., томъ LXV, 223.**
- Шмаковъ, И. А., сообщ.: „Гумбольдтъ на Уралѣ въ 1829 г.“, т. LXV, 223—225.**
- Шмидтъ, полицейск. чиновн.** 1827 г., т. LXV, 360.
- Шмидтъ, профес.** 1857 г., т. LXVI, 557.
- Шнеуръ, заводчикъ** 1840 г., т. LXV, 541.
- Шоберлекхнеръ, пѣвица** 1824 г., томъ LXV, 844.
- Шоръ** 1859 г., т. LXVIII, 177.
- Шороховъ, полковн.** 1890 г., т. LXVI, 665.
- Шостафъ, подполковн., бахчисарайскій полицеймейст.** 1854 г., т. LXVI, 52.
- Шперейтеръ, ген.-маіоръ** 1737 г., томъ LXV, 117.
- Шпилевскій, М., писатель** 1872 г., т. LXVIII, 306.
- Шпицбергъ, Р. В., ген.-м.** 1890 г., т. LXVI, 240, 243.
- Шредеръ, состав. карт. Саратовск. губ., т. LXVIII, 565.**

- Шрейдеръ, ген.-м. 1846 г., т. LXVI, 533.
- Шрейдеръ, тайн. сов., витебск. губернаторъ 1834 г., т. LXVII, 227, 231, 232, 239, 240, 241, 261, 262, 270, 670, 671, 675, 699.
- Шрейдеръ, П. П., полковн., помощн. директ. горн. корп. 1834 г., т. LXVI, 1.
- Штакельбергъ, гр-ня, см. Засосъ, баронесса.
- Штевенъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Штелинъ, академикъ, воспитат. вел. кн. Петра Фёдоровича 1750 г., т. LXV, 597.
- Штеръ 1849 г., т. LXV, 399.
- Шторжъ, Андрей, 1824 г., т. LXVII, 456.
- Штрайдманъ, г-жа, т. LXV, 31.
- Штрайдманъ, ген., команд. Гродненск. гусарск. полка 1832 г., т. LXVI, 501.
- Штрайдманъ, писатель, 1847 г., томъ LXV, 874.
- Штейнгель, бар., Владимиръ Ив., декабристъ, 1825 г. т. LXV, 303.
- Штовманъ, бригадиръ 1737 г., т. LXV, 117.
- Штофель, ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
- Штуцгеръ, бывш. восп. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.
- Штюрмеръ, ген. 1842 г., т. LXVI, 382.
- Шубертъ, 1824 г., т. LXVII, 456.
- Шубертъ, Фёд., астрономъ 1796 г., т. LXVIII, 616, 713.
- Шубертъ, Фёд. Фёд., нач. карт. топогр., ген.-отъ-инф. 1380 г., т. LXVIII, 639.
- Шубинъ-Повдѣевъ, Дм. Павлов, тайн. сов., т. LXV, 587, т. LXVIII, 173.
- Шувалова, гр-ня, Елена Петр., фрейлина, въ зам. гр-ня Вобриносая, род. 1864 г., т. LXVI, 226.
- Шувалова, гр-ня, Софія Андреевна, въ зам. гр-ня Вобриносая, т. LXVI, 223.
- Шувалова, княгиня, см. Шаховская, княжна.
- Шувалова, княг., см. Бутера, княг.
- Шуваловъ, гр., Андрей Павл., 1845 г., т. LXVI, 647.
- Шуваловъ, гр., А. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVI, 595, т. LXVII, 182.
- Шуваловъ, Ив. Ив., основат. и курат. москов. унив., т. LXVII, 478, т. LXVIII, 303.
- Шуваловъ, Павелъ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 49, 62, 63.
- Шуваловъ, графъ, Петръ Андреевичъ, прибл. ген.-губ., вполн. шефъ жандарм., т. LXV, 859.
- Шуваловъ, гр., Петръ Андреевичъ, дир. деп. общ. дѣлъ мн. вн. дѣлъ 1860 г., т. LXVII, 177, 178, 180, 189.
- Шуваловъ, Петръ Павловичъ, 1845 г., т. LXVI, 647.
- Шуваловъ, гр., Петръ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 50.
- Шуваловъ, гр. 1814 г., т. LXVI, 647.
- Шуваловы, т. LXVI, 177.
- Шуйскій, князь, Василій, см. Василій Ивановичъ, царь.
- Шуйскій, кн., Дм. Ив., 1600 г., т. LXV, 91, 92.
- Шуйское, князья, т. LXV, 92.
- Шулепова, Екат. Евст., см. Пальмовы-бахъ.
- Шулеповъ, т. LXV, 822.
- Шулицъ, нач. симбирск. комиссаріатъ 1835 г., т. LXVII, 99.
- Шульгинъ, Ив. Петров., профес. 1825 г., т. LXV, 36, 841, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 622, т. LXVIII, 147.
- Шульгинъ, бывшій восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
- Шульманъ, ген.-майоръ 1824 г., томъ LXV, 122.
- Шульманъ, Ф. Г., генералъ 1860 г., т. LXVIII, 399, 400.
- Шульцъ, Пав. Ант., сенаторъ, бывшій совѣщат. членъ редакц. комм. (1859—1860 г.), тайн. сов., т. LXV, 874.
- Шульцъ, княж. 1855 г., т. LXVI, 99.
- Шуляченко, воспит. Дворянск. полка, ген.-майоръ, хиникъ, воен. инж. 1890 г., т. LXVI, 240.
- Шумахеръ, Александръ Даниловичъ, д. тайн. сов., сенаторъ 1890 г., т. LXV, 874.

- Шумиловъ**, золотопромшлен. 1830 г., т. LXV, 312.
- Шумокая**, см. Минина.
- Щаповъ**, Аѳанасій Прокофьев., профес., писатель, стихогвор. его, т. LXVII, 217—218.
- Щебальскій**, Петръ Карлов., писатель, т. LXV, 764, т. LXVII, 596, т. LXVIII, 140, 145.
- Щегловитой**, Ѳеодоръ Леонтьев. (Шакловитый), окольничій 1682 г., томъ LXVIII, 240, 242, 243, 244, 245, 246.
- Щеголевъ**, прапорщ. 1855 г., т. LXV, 560, 561.
- Щелгуновъ**, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
- Щепкинъ**, Мих. Семен., артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., т. LXV, 426, 853, т. LXVI, 635, 648, т. LXVII, 207, т. LXVIII, 22.
- Щепинъ**, Николай Павл., чиновн. въ редакц. комисс. 1864 г., д. ст. совѣтн., р. 1825 г., т. LXV, 874.
- Щербатова**, княгиня, Софья, т. LXVII, 207.
- Щербатовъ**, кн., Григ. Алексѣев., почеч. слѣб. уч. окр., предсѣд. цензурн. комит. 1857 г., т. LXV, 638, т. LXVI, 292, т. LXVII, 156, 158, 365, 367, 370, 372, 374, 576, 579, 584, 590, 596, 600, 612.
- Щербатовъ**, кн., Мих. Мих., историогр., сенаторъ, р. 1733 г., † 1790 г., т. LXVIII, 233.
- Щербатовъ**, генералъ, нач. 18-й дивизіи 1812 г., т. LXVI, 734.
- Щербатовъ**, кн., Александръ Петров., т. LXVI, 175.
- Щербачевъ**, помѣщ. 1812 г. LXV, 14.
- Щербининъ**, Михаилъ Павл., предсѣд. московск. ценз. комит., почетн. опекунъ, д. тайн. сов., т. LXVIII, 396.
- Щербининъ**, офиц. 1814 г., т. LXVIII, 534.
- Щербинскій**, ст. сов., тырновск. губернат. 1876 г., т. LXVI, 435.
- Щетинины**, князья, т. LXVII, 646.
- Щировскій**, Кузьма Алексѣев., докт. 1830 г., т. LXVI, 689.
- Щученко**, К., писатель 1877 г., т. LXVIII, 365, 366.
- Эвальдъ**, Ѳед. Ѳед., д. ст. сов., педагогъ 1879 г., т. LXVI, 478, 480, т. LXVIII, 781.
- Эвальдъ**, Э. И., т. LXV, 741.
- Эверсъ**, профес., рект. дерптск. унив. 1817 г., т. LXV, 351, 352, 353, 361, т. LXVIII, 480.
- Эгерштромъ**, Н. Ѳ., профес. 1860 г., т. LXVI, 481.
- Эйлеръ**, фрейлина 1854 г., т. LXVI, 295.
- Эйгорнъ**, В. О., чл. нижегородск. учен. архив. комисс. 1889 г., т. LXVIII, 563.
- Эйхвальдъ**, профес. мед. - хир. акад., † 1889 г., т. LXVI, 540.
- Эйхвальдъ**, Э. И., учен. 1830 г., т. LXVI, 10, 11, 255.
- Экаревъ**, чиновн. 1847 г., т. LXVII, 283.
- Эмбрехтъ**, гр-ня, Елена Пав., см. Бобринская, гр-ня.
- Эмбрехтъ-Дюркегеймъ-Монмартенъ**, гр., Альфредъ, т. LXVI, 226.
- Эллисъ**, Софья Александровна, рожд. Кирьева, т. LXV, 590, 593.
- Эльснеръ**, профес. 1804 г., т. LXV, 346.
- Эльсонъ**, Ек. Ив., въ зам. Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ, т. LXVIII, 728.
- Эльсонъ**, Мих. Ив., художн., т. LXVIII, 728.
- Эмме**, генералъ 1818 г., т. LXVI, 484, т. LXVII, 50—52.
- Энгель**, А. М., писатель, т. LXVIII, 754.
- Энгельгардъ**, А. Н., переводчица 1890 г., т. LXVIII, 762, 782.
- Энгельгардтъ**, т. LXVIII, 480.
- Энгельгардтъ**, Егоръ Автон., директоръ Царскосельск. лицея, р. 1775 г., †

- 1862 г., т. LXV, 837, 838, 839, 842, 849.
- Энгельгардтъ, В. Л., т. LXVI, 143.
- Энгельгардтъ, батальон. команд. Дворянскаго полка 1811 г., т. LXVII, 37.
- нге льгардтъ, ген. 1854 г., т. LXVIII, 667.
- Энгельманъ, ген., команд. л.-гв. Литов. полка 1830 г., т. LXV, 718.
- Энгестромъ, графиня, Ольга Павловна, рожд. графиня Вобринская, т. LXVI, 224.
- Энгестромъ, гр., Эдмундъ, т. LXVI, 224.
- Эндаурова, Е. М., т. LXV, 445.
- Эндаурова, Любовь Меркурьев., художница, т. LXV, 445.
- Эргардтъ, К. В., педагогъ 1852 г., т. LXVI, 478.
- Эристова, княж., Варвара Степановна, т. LXV, 606.
- Эристова, княж., Глафира Степ. въ зам. Кокшарова, т. LXV, 606.
- Эристова, княж., Елена Степ. т. LXV, 606.
- Эристова, княж., М. Г., т. LXV, 610.
- Эристовъ, кн., Степ. Давыд., ген.-лейт. 1817 г., т. LXV, 606.
- Эристовъ, кн., команд. Смоленскаго полка 1855 г., т. LXVI, 314, т. LXVII, 441.
- Эрнъ, Марья Каспаровна, т. LXVIII, 39.
- Эрнротъ, подполков. 1854 г., т. LXVIII, 667.
- Эссенъ, слб. ген.-губ. 1830 г., т. LXVI, 707, т. LXVIII, 113.
- Эстергази, кн., Пав. 1856 г., т. LXVI, 597.
- Эстергази, графъ, 1811 г., т. LXVII, 25.
- Эшеръ, писат. 1879 г., т. LXVIII, 770.
- Юдинъ**, заводчикъ 1830 г., т. LXV, 541.
- Южановъ, Ю. Д., 1881 г., т. LXVI, 662.
- Юзефовичъ, В. М., т. LXV, 764, 771.
- Юнге, Е., 1883 г., т. LXVIII, 764.
- Юнге, Э. А., тайн. соч., докт.-медик., директ. Петровск. сельско-хоз. академ. съ 1883 г. по 1890 г., т. LXVIII, 548.
- Южный, А., писат. 1881 г., т. XLVIII, 771.
- Юноша-Вѣдинская, графиня, см. Собакина.
- Юрковский, флотск. офиц. 1855 г. т. LXVI, 97.
- Юрлова, Нина Николаевна, рожд. Нечаева, т. LXVIII, 35.
- Юрловъ, Владим. Петров., сообщ.: „Пожары въ Симбирскѣ въ 1864 г. Къ зап. сенат. В. И. Дена“, т. LXVIII, 481—484.
- Юрьева, Людм. Никанор., т. LXVI, 403, 406.
- Юрьевъ, Никан. Ив., ген.-м., директ. Петровск. Полтавск. кад. корп. 1856 г., т. LXVI, 394—409.
- Юрьевъ, воспитан. школы гвадейск. подпрап. 1833 г., т. LXV, 592.
- Юрьевъ, адмир. 1844 г., т. LXV, 869.
- Юсуповъ, князь, 1849 г., т. LXV, 71, 631.
- Юсуповъ, кн., директ. театровъ 1802 г. т. LXVI, 680.
- Ютшенко, подполковн. 1831 г., т. LXV, 699.
- Юферовъ, 1854 г., т. LXVIII, 168.
- Юшкова, г-жа, т. LXVII, 635, 639, т. LXVIII, 272.
- Юшковъ, генералъ 1812 г., т. LXVIII, 271.
- Яблочновскій**, кн., 1830 г., т. LXV, 23.
- Яблочковъ, изслѣд. электрич. свѣта, 1885 г., т. LXV, 245.
- Ядринцевъ, Н., писат. 1876 г., т. LXVIII, 754, 770.
- Языкова, Елисавет., см. Иванова.
- Языковъ, Дм. Ив., д. ст. сов., директ. деп. народн. просв., археографъ,

- т. LXV, 395, 646, т. LXVII, 591, 592, 599, г. LXVIII, 302.
- Языковъ, Мих. Александр.,** т. LXVIII, 58, 59, 61.
- Языковъ, Никол. Мих.,** писатель, род. 1803 г., † 1846 г., т. LXV, 417, т. LXVI, 652, т. LXVII, 286, т. LXVIII, 155, 341, 488.
- Языковъ, Петръ Мих.,** т. LXVIII, 488.
- Языковъ, директ. деп. вѣщн. торговли** 1849 г., т. LXV, 402.
- Языковъ, помѣщ.** 1835 г., т. LXVII, 75.
- Языковы, т. LXV, 846.**
- Язовлеъ, Савва, сфидеръ Кавалергад.** полка 1844 г., т. LXV, 228 т. LXVI, 34, 700.
- Якимовичъ, Д. К.,** чл. таврич. ученой архивн. ком. 1889 г., т. LXVIII, 556.
- Язовлеъ, Ив. Алексѣев.,** т. LXVIII, 34.
- Язовлеъ, капит.** 1849 г., т. LXVI, 362, 363.
- Язовлеъ, лихвенскій предвод. двор.** 1847 г., т. LXVII, 283.
- Якубильскій, рект. римско-католическ. акад.** 1857 г., т. LXVII, 365, т. LXVIII, 153.
- Якубовичъ, Александръ Ив., декабр.,** т. LXVII, 383, 384, т. LXVIII, 501.
- Якубовичъ, Н. М., профес.** 1855 г., т. LXVI, 281, 232.
- Якушвинъ, В. Е., писат.** 1888, т. LXVIII, 766.
- Якушвицъ, Евг. Ив., д. ст. сов., бывш. предсѣд. каз. палаты въ Ярославлѣ, изслѣдователь-юристъ,** т. LXVI, 365.
- Якушинъ, Павелъ Иванов., этнографъ,** т. LXV, 235.
- Янжуль, И., писат.** 1888 г., т. LXVIII, 773.
- Янковскій, корнетъ** 1855 г., т. LXV, 758.
- Яновскій, ген. польск. войскъ,** † 1831 г., т. LXV, 758.
- Яновскій, польск. агитаторъ** 1861 г., т. LXV, 747.
- Янышевъ, Ив. Леонтьев., протоіерей** 1858 г., т. LXVII, 592.
- Яновскій, поруч.** 1890 г., т. LXVI, 246.
- Янонъ, Ю., профес., т. LXVIII, 770.**
- Ярославъ, Мудрый, вел. князь, т. LXV, 881, 882.**
- Ярошевскій, Петръ Нестеров.,** 1831 г., т. LXV, 729.
- Яродскій, поруч.** 1854 г., т. LXVIII, 671.
- Яенновскій, капит.** 1836 г., т. LXVII, 261.
- Ястржембскій, Фр. Людв., преподав. Дворянск. полка** 1848 г., т. LXVI, 244, 245.
- Яхонтовъ, Александръ Никол., д. ст. сов., писатель, рох.** 1820 г., † 1890 г., томъ LXV, 833, т. LXVIII, 691—702.
- Яхонтовъ, Ник. Алед., т. LXVIII, 692.**
- Яхонтовъ, С. Д., чл. рязанск. уч. архивн. комис.** 1889 г., т. LXVIII, 554, 568.
- Яшвилъ, кн. генералъ, нач. артел.** 1835 г., т. LXVII, 107.
- Ящуржинскій, Х., чл. таврич. учен. архивн. комис.** 1889 г., т. LXVIII, 570.
- Оедоренко, астрономъ** 1854 г., томъ LXVI, 281.
- Оедоровъ, Борис. Мих., писат., томъ** LXV, 52, 53, 383, 384, т. LXVI, 678, т. LXVIII, 300.
- Оедоровъ, Е. С., т. LXVI, 473.**
- Оедоровъ, Симеонъ, священ.** 1798 г., т. LXVIII, 576, 577.
- Оедоровъ, Ѳ., секундъ-майоръ** 1778 г., т. LXV, 777.
- Оедоровъ, вѣж., полковн.** 1849 г., т. LXVI, 353.
- Оедоровъ, ген.-лейт., одесск. воен. губернат.** 1853 г., т. LXV, 553, 868.
- Оедоровъ, капитанъ, †** 1876 г., томъ LXVI, 424.
- Оедоровы, т. LXVIII, 208.**
- Оедоръ Алексѣевичъ, царь, р.** 1661 г., † 1662 г., т. LXVIII, 236, 239.
- Оеодоръ Иоанновичъ, царь, т. LXV, 387, т. LXVIII, 733, 734.**
- Оеодосій, архіеп. Смоленск.** 1595 г., т. LXVIII, 734.

Федотовъ, Пав. Андреев., писатель-юмористъ и художн. жанристъ, его басни, т. LXVI, 193—198.

Феофанъ, архіеп. псковск., т. LXVIII, 579.

Феодосій, архіеп. смоленскій, 1596 г., т. LXVIII, 734.

Феофилактовъ, К. М., профес., рект. кіевск. учив., т. LXVI, 518.

Фирсовъ, Никол. Алексѣев., засл. профес., предс. общ. археологін, исторін, этнографін при имп. казанск. унив. 1863 г., т. LXV, 344, 345.

Сост. указатель Вѣра Вас. Тимошукъ.

Примѣчаніе. Вѣръ Васильевнѣ Тимошукъ принадлежить и въ настоящемъ году, обширный трудъ по составленію «Указателя» къ «Русской Старинѣ»; таковыя «Указатели» составляются ею для сего журнала ежегодно съ 1883 г. Ред.

О п е ч а т к а :

На стр. 761 настоящей книги „Русской Старинѣ“ и на стр. 174 „Указателя личныѣхъ именъ“, при этой-же книгѣ, напечатано: О. Шапиро, слѣдуетъ читать: О. Шапиръ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1890 Г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

- СТР.
- I. Воспоминанія стараго инвалида о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку 1828—1835 гг. Сообщ. ген.-лейт. Михайль Александровичъ Марковъ 81—135
- II. Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе Г. М. Толстого. Сообщ. А. П. Топорнинъ. 327—351, 488 и 545
- III. Очерки и воспоминанія кн. Н. С. Голицына:
1. Янтарная комната Большаго Царскосельскаго дворца.—2. Необыкновенный исправникъ 1820-хъ годовъ.—3. Два событія изъ моей жизни 1848—1849 и 1865—1869 гг. 365—381
- IV. Записки Наталіи Алексѣевны Огаревой-Тучковой, 1828—1878 гг. 1 — 80
- Замѣтки и поправки А. В. Семеновской 702 и 748

- V. Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1859—1860 гг.
137—186; 383—422; 585—614
- VI. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, 1867—1870 гг. Воспоминанія Евгенія Скайлера. (Eugene Schuyler, въ „Scribner's Magazine“). Окончаніе. Сообщ. и перев. съ англ.
А. Ѳ. Гамбургеръ 261—277 и 310

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, рассказы, матеріалы и замѣтки.

- I. Историко - критическія замѣтки профес. Д. И. Иловайскаго. 423—437
- II. Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патріарху Адриану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра, 1696 г. Сообщ. И. Н. Суворовъ. . . 438—442
- III. Филиппъ Перфильевичъ Неѣловъ, одинъ изъ служилыхъ людей 1672—1720 гг. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. 443—444
- IV. Охрана рекрута 1790 г. Сообщ. членъ рязанской ученой архивной комиссіи А. Е. Мансуровъ . . 352
- V. Продажа упраздненныхъ церквей во Псковѣ въ 1793—1798 гг. 575—577
- VI. Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя, 1805 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 209—214
- VII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ его рѣшеніяхъ военно-судныхъ дѣлъ, 1799—1808 гг. Сообщ. А. И. Савельевъ 711—712
- VIII. Императрица Марія Ѳеодоровна 1807 г. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеръ 215—219
- IX. Къ матеріаламъ 1812—1814 гг.: 1. Дипломатическій эпизодъ изъ исторіи Великихъ-Луки 1812 г.—2. Перлюстрація писемъ въ 1813—1814 гг. . . . 703—710
- X. Наводненіе 7-го ноября 1824 г. въ Петербургѣ. Извлеченіе изъ книги Самуила Аллера. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ 335—540

СТР.

- XI. Вступленіе на престоль императора Николая I, въ Запискахъ ген.-лейт. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. 1826 годъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 489—534
- XII. Императрица Марія Ѳеодоровна. Письмо В. А. Жуковскаго, 1829 г., Карлу Моргенштерну. Франц. оригин. сообщ. В. А. Кордтъ, перев. В. В. Тимошукъ 479—480
- XIII. Письмо вел. кн. Михаила Павловича къ гр. Ланжерону, 1831 г. Французскій оригин. сообщ. М. Паризоде-Ла-Валеттъ, переводъ В. В. Тимошукъ 473—474
- XIV. Графъ Дибичъ-Забалканскій, 1831 г. Приказъ его по дѣйств. арміи. Сообщ. Ал. Ив. Савельевъ. 471—472
- XV. Изъ далекаго прошлаго. Разсказъ изъ воспоминаній. Сообщ. М. Л. Дубельтъ. 476—475
- XVI. Къ „Губернскимъ очеркамъ“ М. Е. Салтыкова. Замѣтки изъ прошлаго. Сообщ. А. Кузнецовъ. 466—468
- XVII. Флоры-Лавры, изъ пензенской старины. Сообщ. С. Н. Жеденовъ 462—468
- XVIII. Ахметка—башкирскій шутъ. Сообщ. Е. Г. Гвозди-ковъ 461—462
- XIX. Къ разсказу: „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“. Сообщ. А. Слѣпцовъ 228
- XX. Къ разсказу Н. Н. Жеденова: „Эпизодъ 1848 года“. Сообщ. Мих. Леон. Дубельтъ 475
- XXI. На Дунаѣ и подъ Силистріею въ 1854 г. Изъ записокъ ген.-лейт. А. О. Стренга. Сообщ. Н. И. Бобриковъ 665—678
- XXII. Николай Николаевичъ Муравьевъ, 5-го іюля 1856 г. Сообщ. М. Ѳ. Мирновъ 456
- XXIII. Александръ Клеониковичъ Ушаковъ, генераль-отъ-инфантеріи. Сообщ. В. Д. Философовъ, Е. Е. Сиверсъ и А. И. Проворовъ 541—545 и 702
- XXIV. Императоръ Александръ II въ Вологодской губерніи въ 1858 г. Сообщ. В. Т. Поповъ 679
- XXV. Пожары въ Симбирскѣ въ 1864 г. Къ Запискамъ сенатора В. И. Дена. Сообщ. В. П. Юрловъ . 481—484

- XXVI. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій. Письма въ високопреосвященному Макарію Булгакову, 1857 — 1865 гг. Сообщ. Е. Н. Булгакова . . . 187—208
- XXVII. Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій. (Къ очерку о немъ въ „Русск. Стар.“ изд. 1889 г., кн. IV, и 1890 г., кн. V). Сообщ. И. С. Ивановъ . . 382
- XXVIII. Остятскіе князья, 1864 — 1884 гг. Сообщ. Тих. Михайл. Поповъ 457—460
- XXIX. Петровская сельско-хозяйственная академія въ 1865 ^{ноября}₂₁ 1890 гг. Сообщ. И. Миклашевскій. . 546—550
- XXX. Русскіе въ парижской академіи наукъ. Къ очерку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., январь. Сообщ. д-ръ мед. И. Максимовичъ 468
- XXXI. Губернскія ученые архивныя комиссіи въ 1889 г. Сообщ. директоръ археологич. инст. профес. И. Е. Андреевскій 551—574
- XXXII. Псковъ и его достопримѣчательности. Очеркъ. Сообщ. А. С. Князева. 311—326
- XXXIII. Къ исторіи С.-Петербурга и его наводненій, 1703—1890 гг. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ . . . 221—227
- XXXIV. Село Надеждино и архивъ кн. Ѳ. А. Куракина въ 1888 и 1890 гг. Отрывокъ изъ „Гисторіи о Петрѣ I и ближнихъ къ нему людяхъ 1682—1695 гг.“. Сообщ. Ред. и кн. Ѳ. А. Куракинъ. . . 229—260
- XXXV. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка М. И. Семевскаго по Россіи въ 1890 г.: 1. Село Палибино.—2. Село Клѣвники—3. Село Иваново.—4. Невель.—5. Витебскъ.—6. Смоленскъ . . . 713—745
- XXXVI. О. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей Кронштадтскій, XXXV-лѣтіе его священства, 1855—1890 гг. Сообщ. о. В. Я. Михайловскій. . . . 783—788
-
- XXXVII. Замѣтка о портретѣ академика Ае. Ѳ. Бычкова . 488
- XXXVIII. Замѣтки и поправки къ статьямъ: „М. Т. Каченовскій“ (см. „Русск. Стар.“ изд. 1890 г., іюнь), „А. А. Андро“ („Русск. Стар.“ 1890 г., августъ) и „Гр. Л. Н. Толстой“ (Русск. Ст.“ 1890 г., сентябрь) . . 310 и 702

Исторія русской литературы.

- I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:
 1. Обращеніе къ императору Николаю Павловичу, стихотвореніе 1826 г.
 2. Письмо А. М. Тургенева объ этихъ стихахъ Пушкина къ А. И. Михайловскому-Данилевскому, 1828 г.
 Сообщ. Н. К. Шильдеръ 747—748
- II. О „Борисѣ Годуновѣ“, сочиненіи Александра Пушкина, разговоръ, 1831 г. Сообщ. А. Станкевичъ. 445—455
- III. Николай Платоновичъ Огаревъ. Стихотворенія его, 1837 г. Сообщ. А. А. Филипповъ . 485—486
- IV. Николай Васильевичъ Гоголь:
 Письма къ нему А. О. Смирновой, 1844—1851 гг.
 Сообщ. В. И. Шенрокъ 353—364; 655—664
- V. Александръ Сергѣевичъ Князевъ въ 1839—1889 гг. (См. выше очеркъ его: „Псковъ и его достопримѣчательности“ Сообщ. Ред. 578—580)
- VI. Софья Васильевна Ковалевская, рожд. Корвинъ-Круковская, докторъ философіи и профессоръ высшей математики:
 1. Воспоминанія о ней перваго по времени ея учителя Г. И. Малевича, 1858—1868 гг. . 615—654
 2. Математическіе и литературные труды С. В. Ковалевской въ 1874—1890 гг. Сообщ. Ред. 581—583
- VII. Академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.
 Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность 1840 октября 1890 гг.: Очеркъ его трудовой жизни. Списокъ ученыхъ его трудовъ и изданій. Сообщ. Ред. 279—309
- VIII. Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, 1820—1890 гг.: его автобіографія и неизданныя стихотворенія Сообщ. Н. А. Яхонтовъ 691—702
- IX. Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“ 1866—1890 гг. Обзоръ сост. Н. А. Вѣлосерская . . 749—782
- X. Историческія пѣсни. Сообщ. 31-го декабря 1874 г.
 Дан. Кон. Морозъ . . . 136, 278, 469, 470, 584, 746

- XI. Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ. Сообщ. В. В. Птицынъ 487—486
- XII. „Героямъ Севастополя“. Стихотвореніе Юлія Жадовской. Сообщ. А. П. Полетаевъ 220
- XIII. Какъ всплакалась Россія о своемъ Бѣломъ Царѣ. Стихъ, сложенный одною изъ сектъ безпоповщинскаго толка, 1881 г. 68—6909

Портреты.

- I. Портретъ академика Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова, гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Алексѣй Оскар. Шейманъ.

(При стр. 1).

- II. Портретъ Софьи Васильевны Ковалевской, рожд. Корвинъ-Круковской, фототипія, исполнилъ В. I. Классенъ.

(При стр. 311).

Рисунки и планы.

Планъ и три рисунка древнихъ стѣнъ города Смоленска, 1596—1603 гг. Сообщ. Ю. Ю. Коноплянскій и В. О. Сосновскій. Снимокъ съ плана исполненъ въ Главномъ Штабѣ; рисунки гравировалъ съ фотографіи художн. В. Бергъ.

(При стр. 736 и 744).

- I. „Русская Старина“ въ изд. 1890 г., двадцать первый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья Ред.

- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и пр. статьи и матеріалы въ 1870—1890 гг.

- III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1890 г. Сообщила завѣдующая экспедиціею журнала А. Н. Писарева.
- IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LXV, LXVI, LXVII и LXVIII томовъ „Русской Старины“ изд. 1890 года. Сост. Вѣра Вас. Тимошукъ.
- V. Систематическое оглавленіе LXVIII т. „Русской Старины“ изд. 1890 г.
- VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1891 г., двадцать второй годъ изданія.

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Русская историческая бібліотека, издаваемая Археографическою комиссіею. Томъ двѣнадцатый. Спб. 1890 г., въ 6. 8 д., стр. XIII+1480+126 (въ два столбца). (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).
2. Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адриану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 г. Напечатано подъ редакціею сотрудника археографической комиссіи А. А. Титова. Изданіе корреспондента комиссіи И. А. Вахрамѣева. Спб. 1890 г., въ 6. 8 д., стр. XVII+335, съ указателемъ именъ личныхъ, названій географ. и предметовъ и перечнемъ кушаньевъ. (Тамъ-же).
3. Сочиненія Ю. О. Самарина. Томъ восьмой. Окраины Россіи. Изданіе Д. Самарина. Москва. 1890 г., въ 6. 8 д., стр. 624. (Тамъ-же).
4. А. Е. Викторовъ. — Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. II+378. (Тамъ-же).
5. Несчастные. В. Н. Никитина. Спб. 1890 г., въ 8 д., 56 стр. (Тамъ-же).
6. Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва. 1890 г., 8 д., стран. 189. Съ портретомъ автора. (Тамъ-же).
7. Изданіе Ф. Павленкова. — Исторія книги на Руси, составилъ А. А. Бахтиаровъ, со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1890 г., 8 д., стр. II+280. (Тамъ-же).
8. Полное собраніе гравюръ Рембранта со всѣми разнидами въ отпечаткахъ, 1000 фототипій безъ ретуши. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. Спб. 1890 г. 4 д. LXXXVIII+184. (Тамъ-же).
9. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III-й. Спб. 1890 г. (На оберткѣ XI-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).

10. Обновленіе въ городѣ Самарѣ часовни во имя Алексія, митрополита Московскаго. Самара, 1890 г. (Тамъ-же).
11. Живая Старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи императорскаго русскаго географическаго общества подъ ред. предсѣдательствующаго въ отд. этнографіи В. И. Ламаускаго. Вып. I. Спб., 1890, б. 8 д. (Тамъ-же).
12. Баронъ П. К. Усларъ, ген. штаба ген.-м., членъ-корресп. Спб. И. Акад. Наукъ. Этнографія Кавказа. Языковѣдѣніе. IV. Лакскій языкъ. Изд. управленія Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ, 1890 г., 8 д. На оберткѣ XI книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.
13. В. Вахтинъ. Русскіе труженники моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется-ли Азія съ Америкою? Спб., 1890, 8 д., стр. 124. (Тамъ-же).
14. Литовско-языческіе очерки. Историческія изслѣдованія Теобальда. Вильна. 1890 г., 8 д., стр. 201. (Тамъ-же).
15. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Сост. К. К. Абаза. Спб. 1890 г. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).
16. Краткій очеркъ жизни преосвященнаго Аарона Еропкина, епископа корельскаго и ладожскаго. Сост. свящ. Вл. Успенскій. Тверь. 1890 г., 8 д., стр. 165. Съ портретомъ епископа Аарона Еропкина (Тамъ-же).
17. Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженные тѣни. Томъ второй. Спб. 1890 г., 16 д., стр. 315. (Тамъ-же).
18. В. Л. Величко. Восточные мотивы (стихотворенія). — I. Восточные мотивы. — II. Лирическія стихотворенія, фантазіи, эскизы и т. д. — III. Шутки. Спб. 1890 г., 8 д., стр. 245. (Тамъ-же).
19. Прежняя служба и настоящая. (Очеркъ развитія солдатской школы). Соч. Н. Д. Бутовскаго. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. 44. Складъ изданія у В. А. Березовскаго. (Тамъ-же).
20. Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патриархъ Іовъ (1889 г.). По поводу „бесѣды о перстосложеніи“ преосв. Ниванора. Соч. Н. И. Барсова. Спб. 1890. (Тамъ-же).
21. Литературное наследіе. — Автобіографія. — Стихотворенія. — Сцены. — Историческіе отрывки. — Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа Н. И. Костомарова. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1890 г., 8 д. стр. 521. (Тамъ-же).
22. Діонисій Зобинцевскій, архимандритъ Троицкаго-Сергіевскаго монастыря (нынѣ лавра). Историческое изслѣдованіе преподавателя Тверской духовной семинаріи Дмитрія Скворцова. Тверь. 1890 г., 8 д., стр. 444. (Тамъ-же).
23. Исторія Россіи. Соч. Д. И. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ, первая половина или XVI вѣкъ, Москва, 1890 г., б. 8 д., стр. VIII+717. (Тамъ-же).